

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

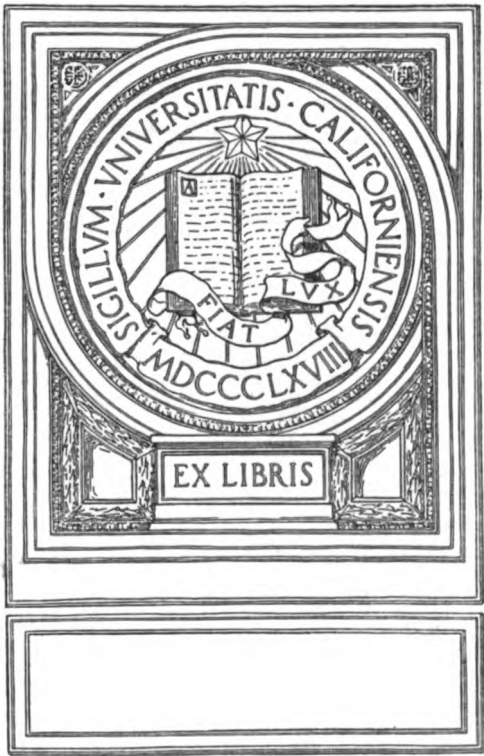
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

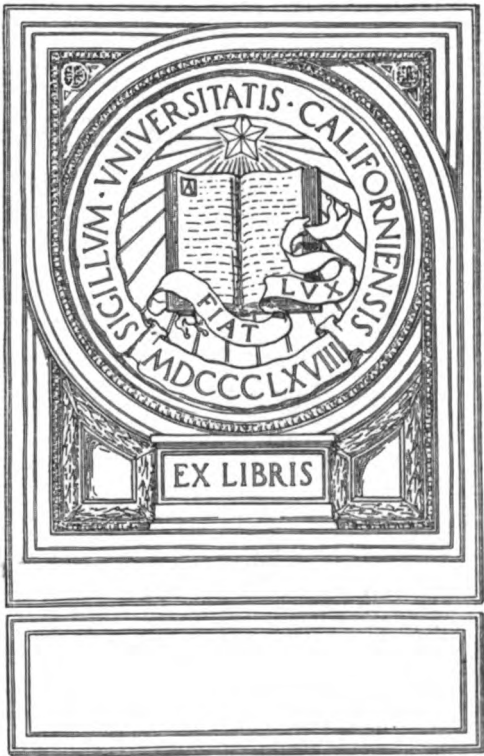

B 3 027 632

Calif. Univ.

Calif. Univ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція имѣетъ честь покорнѣйше просить гг. иногородныхъ подписчиковъ, унлатившихъ менѣе 15 рублей за экземпляръ журнала на 1869 годъ, немедленно выслать всю не досланную ими сумму, адресуя ее въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Объ увеличеніи съ 1869 года подписной платы съ 13 руб. 50 коп. на 15 руб., вслѣдствіе увеличенія платы за почтовую пересылку, сообщено было всѣмъ подписчикамъ объявленіями, особо имъ разосланными, а равно напечатанными въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ журнала за 1868 годъ.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СХЛІ

1 - 21 мая 1869
Владивірская

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Печатня В. Головина, Владивірская, № 15
1869

L451
A4
v.141

TO THE
LIBRARY

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (30-го ноября 1868 года). *О порядкѣ подчиненія Варшавскихъ мужской и женской гимназій.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣтъ соизволил: Въ измѣненіе подлежащихъ статей Высочайшихъ указовъ 30-го августа 1864 и 29-го іюля 1866 г. о Варшавской русской мужской гимназій и состоящихъ при ней женской гимназій и начальныхъ училищахъ, отмѣнить званіе почетнаго попечителя сихъ заведеній, и за симъ подчинить оныя, на общемъ основаніи, попечителю Варшавскаго учебнаго округа, съ наименованіемъ Варшавскихъ русскихъ гимназій Варшавскою *первою* мужскою и Варшавскою *первою* женскою гимназіями, и съ соотвѣтственнымъ сему измѣненіемъ нумераціи другихъ существующихъ въ Варшавѣ гимназій.

2. (4-го декабря 1868 года). *О присвоеніи Саратовскому высшему нѣмецкому училищу наименованія Александро-Мариинскаго.*

Государю Императору благоугодно было, — по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, согласно съ представленіемъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, о пользѣ приносимой Саратовскимъ высшимъ нѣмецкимъ училищемъ, со-
часть склц, отд. 1.

стоящимъ въ распоряженіи мѣстнаго евангелическо-лютеранскаго совѣта, и о томъ, что въ этомъ училищѣ, съ двумя отдѣленіями для мальчиковъ и дѣвочекъ, обучаются на счетъ капитала, пожертвованнаго обществомъ въ память спасенія драгоцѣнной жизни Его Императорскаго Величества, восемь стипендіатовъ, носящихъ названіе «Александро-Маріинскихъ», — Высочайше соизволить на присвоеніе означенному выше училищу, съ двумя при немъ отдѣленіями, наименованія «Александро-Маріинскаго».

3. (4-го декабря 1868 года). *Объ учрежденіи въ городѣ Скопинѣ, Рязанской губерніи, втораго двухкласснаго приходскаго училища съ наименованіемъ «Николаевскимъ».*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, согласно съ представленіемъ попечителя Московскаго учебнаго округа, о предположеніи Скопинскаго городского общества (Рязанской губерніи) учредить, на основаніи приговоровъ сего общества, въ городѣ Скопинѣ второе двухклассное приходское училище, въ ознаменованіе счастливаго для всей Россіи событія рожденія Великаго Князя Николая Александровича, съ наименованіемъ сего училища, въ честь Новорожденнаго Великаго Князя, «Николаевскимъ», и съ отнесеніемъ ежегоднаго на означенное училище расхода по тысячѣ пятидесяти рублей на счетъ прибылей Скопинскаго городского банка, — Высочайше соизволилъ на приведеніе въ исполненіе ходатайства, возбужденнаго вслѣдствіе вышеизложеннаго предположенія Скопинскаго городского общества.

4. (10-го и 19-го декабря 1868 года). *О новой формѣ одежды учениковъ гимназій и прогимназій.*

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: вмѣсто одежды, установленной для учениковъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія § 58 Высочайше утвержденнаго, 19-го ноября 1864 года, устава сихъ заведеній, принять для названныхъ учениковъ нижеслѣдующую.

форму одежды, описаніе которой удостоилось Высочайшаго утверждения.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоудно было Всемилостивѣйше соизволить на предоставленіе ученикамъ гимназій и прогимназій права донашивать нынѣшнее ихъ форменное платье.

О П И С А Н І Е

ФОРМЫ ОДЕЖДЫ УЧЕНИКОВЪ ГИМНАЗІЙ И ПРОГИМНАЗІЙ.

Полукафтанъ: темносиняго сукна, однобортный, не доходящій до колѣнъ, застегивающійся на девять посеребренныхъ гладкихъ выпуклыхъ пуговицъ съ четырьмя такими же пуговицами сзади по концамъ карманныхъ вѣлановъ, воротникъ (свошенный) и обшлага (прямые) одного сукна съ мундиромъ, по верху воротника нашить узкій серебряный галунь, а у обшлаговъ, гдѣ разрѣзъ, по двѣ малыя пуговицы.

Шаровары: темносѣраго сукна.

Пальто: сѣраго сукна, двубортное, офицерскаго образца, пуговицы такія же, какъ на мундирѣ, петлицы на воротникѣ одинаковаго съ полукафтаномъ сукна съ бѣлою выпушкою и съ пуговицею.

Шапка: одинаковаго съ полукафтаномъ сукна, по образцу военныхъ кепи, съ бѣлыми выпушками воеругъ тульи и верхняго края околыша. На околышѣ, надъ возырькомъ, жестяной посеребренный знакъ, состоящій изъ двухъ лавровыхъ листьевъ, перекрещивающихся стеблями, между коими помѣщены прописныя заглавныя буквы названія города и гимназіи или прогимназіи съ ихъ номеромъ, гдѣ таковой есть, напримѣръ: С. П. Б. 1 Г. (С.-Петербургская Первая Гимназія) или Р. Г. (Ришельевская Гимназія) или О. 2 Г. (Одесская Вторая Гимназія) или Б. Л. П. (Брестъ-Литовская Прогимназія).

Сверхъ сего дозволяется носить:

Башлыкъ изъ верблюжьяго сукна безъ галуна и *шинель* сѣраго сукна, по образцу военныхъ, съ воротникомъ того же сукна, но безъ вѣлановъ (петличекъ).

5. (26-го декабря 1868 года). *О присвоеніи Одесской женской гимназій именованія «Маріинской».*

По всеподданнѣйшему докладу министромъ народнаго просвѣщенія ходатайства попечителя Одесскаго учебнаго округа о присвоеніи существующей въ городѣ Одессѣ частной женской гимназій, содержавшейся г-жею фонъ-Огліо и преобразованной 9-го января сего года въ общественную городскую, Августѣйшаго Имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, въ память посѣщенія въ 1867 году города Одессы,—Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на дарованіе сей гимназій именованія «Маріинской».

6. (26-го декабря 1868 года). *О наименованіи женскаго второразряднаго въ г. Лугѣ училища «Маріинскимъ, учрежденнымъ въ память 13-го сентября 1868 года».*

По всеподданнѣйшему докладу министромъ народнаго просвѣщенія ходатайства гражданъ города Луги о дарованіи предполагаемому къ открытію въ семъ городѣ женскому второразрядному училищу именованія въ честь Августѣйшаго Имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы «Маріинскаго, учрежденнаго въ память 13-го сентября 1868 года», съ принятіемъ сего училища подъ Августѣйшее покровительство Ея Величества, Государь Императоръ, Высочайше на сіе соизволилъ.

7. (26-го декабря 1868 года). *Относительно приѣма въ гимназій инородцевъ не-христіанъ губерній Европейской Россіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилоствѣйше повелѣтъ соизволилъ: въ видахъ поощренія инородцевъ не-христіанъ губерній Европейской Россіи къ поступленію въ гимназій, принимать ихъ въ первый классъ сихъ заведеній до пятнадцатилѣтняго возраста включительно, подобно тому, какъ таковая льгота по Вы-

сочайшему повелѣнію 13-го марта 1868 года уже предоставлена Сибирскимъ инородцамъ.

8. (26-го декабря 1868 года). *О дозволеніи поставить въ церкви Симбирской гимназіи образъ св. Алексія въ память спасенія жизни Великаго Князя Алексія Александровича.*

По полученіи извѣстія объ избавленіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича отъ угрожавшей опасности при крушеніи фрегата «Александръ Невскій», члены педагогическаго совѣта и воспитанники Симбирской гимназіи, по принесеніи благодарственной Богу молитвы, выразили желаніе совершать это молебствіе ежегодно въ день 13-го сентября и ходатайствовать о дозволеніи имъ пріобрѣсть на собственныя средства и поставить въ гимназической церкви образъ св. Алексія митрополита Московскаго, какъ знакъ ихъ молитвенной благодарности за спасеніе драгоцѣнной жизни Его Императорскаго Высочества, осчастливившаго Симбирскую гимназію своимъ милостивымъ вниманіемъ при посѣщеніи 21-го мая 1868 года.

Вслѣдствіе донесенія объ этомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилоствивѣйше соизволилъ на приведеніе въ исполненіе изъясненнаго желанія педагогическаго совѣта и учениковъ Симбирской гимназіи.

9. (26-го декабря 1868 года). *О дозволеніи поставить въ актовомъ залѣ Керченской гимназіи портретовъ министра народнаго просвѣщенія и попечителя Одесскаго учебнаго округа.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилоствивѣйше соизволилъ на дозволеніе педагогическому совѣту Керченской Александровской гимназіи поставить въ актовомъ залѣ гимназіи портреты министра народнаго просвѣщенія и попечителя Одесскаго учебнаго округа.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

30-го декабря 1868 года (№ 25). *Производится за отличие:* доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, состоящій при канцеляріи Кавказскаго комитета, коллежскій совѣтникъ Керопэ *Паткановъ* — въ статскіе совѣтники.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по удостоенію комитета гг. министровъ, въ 17-й день сего января, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, за отлично усердную службу и особые труды, знаки ордена св. Станислава 2-й степени, украшенные Императорскою короною, ординарному профессору Варшавской главной школы и завѣдывающему Варшавскою астрономическою обсерваторіею титулярному совѣтнику Ивану *Барановскому*; орденъ св. Станислава 2-й степени инспектору Сувальскихъ мужской классической и женской гимназій, коллежскому совѣтнику Евгению *Степанову*; надворнымъ совѣтникамъ: экстраординарному профессору Варшавской главной школы и ординатору Варшавской больницы Младенца Исуса Исполиту *Корженевскому*, инспектору Пултусской мужской смѣшанной классической прогимназіи Федору *Должанскому*, инспектору-руководителю Вымыслинскихъ педагогическихъ курсовъ Антону *Юрковскому* и инспектору Ченстоховской мужской смѣшанной классической прогимназіи Петру *Стронину*; коллежскимъ ассесорамъ: инспектору Пинчовской мужской классической гимназіи Семену *Солнцеву* и инспектору-руководителю Вейверскихъ педагогическихъ курсовъ Иосифу *Шарловскому*, не имѣющимъ чиновъ: ординарному профессору Варшавской главной школы Антону *Мържинскому*, инспектору Кѣлецкой мужской классической гимназіи Василию *Маркіановичу*, помощнику инспектора и учителю Холмской русской греко-уніатской мужской классической гимназіи Валеріану *Леушинскому*,

секретарю канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Феликсу *Вендорфу* и инспектору Замостьской русской греко-уніатской мужской классической прогимназіи Петру *Михайловскому*; св. Анны 3-й степени: учителю 3-й Варшавской мужской классической гимназіи, коллежскому совѣтнику Платону *Шмакову*; коллежскимъ ассесорамъ: помощнику инспектора и учителю Варшавской мужской смѣшанной классической гимназіи Осипу *Холоды*, учителю Маріампольской мужской классической гимназіи Егору *Пороменскому*, учителю Солецкихъ педагогическихъ курсовъ Осипу *Боручкому* и инспектору Ловичскихъ смѣшанныхъ мужской реальной и женской трехклассной прогимназіи Василию *Лебедеву*, учителю Ломжинской мужской смѣшанной классической гимназіи титулярному совѣтнику Василию *Царевскому*, учителю Радомской мужской классической гимназіи коллежскому секретарю Александру *Савицкому*; не имѣющимъ чиновъ: экстраординарному профессору Варшавской главной школы и бібліотекарю Варшавской главной бібліотеки Іосифу *Пржиборовскому*, помощнику инспектора и учителю Бѣльской русской греко-уніатской мужской классической гимназіи Ивану *Левитскому*, помощнику инспектора и учителю 1-й Варшавской мужской классической гимназіи Владиславу *Складовскому*, учителю Люблинской мужской смѣшанной классической гимназіи Николаю *Сивину*, учителю Холмской русской греко-уніатской мужской классической гимназіи Григорію *Аристову*, учителю Влоцлавской реальной гимназіи Андрею *Барановскому*, учителю Сѣдлецкой русской греко-уніатской мужской классической гимназіи Виктору *Думанскому*, учителю Сѣдлецкой русской греко-уніатской женской прогимназіи Ивану *Левитскому*, учителю Ченстоховской мужской смѣшанной классической прогимназіи Алексѣю *Юркевичу-Пузановскому*, учителю Калишской мужской классической гимназіи Францу *Фуку* и дѣлопроизводителю канцеляріи Калишской учебной дирекціи Ивану *Соломоновскому*; св. Станислава 3-й степени не имѣющимъ чиновъ: учителю Солецкихъ педагогическихъ курсовъ Станиславу-Виктору *Шперлю*, учителю Варшавскаго главнаго нѣмецкаго евангеличе-

скаго училища Рихарду *Шумбаху*, бухгалтеру канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Францу *Маковскому*, первому учителю предметовъ въ Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Филиппу *Шиманскому* и третьему учителю предметовъ въ томъ же институтѣ Казиміру *Михальскому*.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

11-го января 1869 года (№ 1). *Назначается:* докторъ философіи и древней филологіи дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гогоцкій* — ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ философіи въ Императорскій университетъ св. Владимира. *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Швабе* — деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета на три года, съ 1-го января 1869 года; доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ государственнаго права *Градовскій* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ государственнаго права, съ 18-го ноября 1868 года; доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ римской словесности *Модестовъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ римской словесности, съ 5-го декабря 1868 года; доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ астрономіи *Беркевичъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ астрономіи, съ 7-го декабря 1868 года. *Перемѣщаются:* начальникъ Радомской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кристюкъ* — начальникомъ Кѣлецкой учебной дирекціи; начальникъ Кѣлецкой учебной дирекціи, коллежскій совѣтникъ *Редчицъ* — начальникомъ Радомской учебной дирекціи; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ специальной патологіи и клиники, статскій совѣтникъ *Вейрихъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ государственнаго

врачебновѣдѣнія, съ 1-го января 1869 года. *Оставляется на службу*: директоръ Перновской гимназіи, статскій совѣтникъ *Бюринъ* съ 1-го января 1869 года на пять лѣтъ. *Переводится на службу по министерству народнаго просвѣщенія*: прозекторъ Императорской медико-хирургической академіи, сверхкомплектный ординаторъ при глазномъ отдѣленіи втораго военносухопутнаго С.-Петербургскаго госпиталя, докторъ медицины, коллежскій ассесоръ *Лесгафтъ* — съ утвержденіемъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по кафедрѣ физиологической анатоміи, съ 27-го сентября 1868 года. *Увольняются въ отпускъ за границу*: директоръ шестой С.-Петербургской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Сидонскій* — на двадцать шесть дней; доцентъ Варшавской главной школы *Страсбургеръ* — на два мѣсяца; почетный смотритель Сорокскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Горе* — на три мѣсяца. *Отчисляется отъ службы по министерству народнаго просвѣщенія*: причисленный къ сему министерству, коллежскій совѣтникъ *Наркевичъ*, съ 17-го декабря 1868 года, по болѣзни. *Увольняются отъ службы*: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, деканъ историко-филологическаго факультета сего университета, статскій совѣтникъ *Селинъ* — за выслугою двадцати-пятилѣтняго срока, съ 25-го ноября 1868 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полубафтанъ, послѣдней должности присвоенный. *Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія*: за *отлично-усердную службу*: *По Московскому учебному округу*: учителямъ гимназій: Московскихъ — первой — состоящимъ въ VIII классѣ *Тверскому* и *Перетятковичу*, пятой — коллежскому совѣтнику *Томсону* и состоящему въ VIII классѣ *Басову*; Калужской — надворному совѣтнику *Данилову*, Смоленской — состоящему въ VIII классѣ *Козлову*; врачамъ при пансіонахъ гимназій: Калужской — коллежскому совѣтнику *Герхенъ*, и Московской 4-й, — состоящему въ VIII классѣ *Полякову*; комнатному надзирателю при той же гимназіи, титулярному совѣтнику *Гаусману*; штат-

нимъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ, коллежскимъ ассесорамъ: Серпуховскаго — *Борисову*, Рузскаго — *Давыдову*, Рыбинскаго — *Островскому*, Ржевскаго — *Носкову*, Можайскаго — титулярному совѣтнику *Каверзневу*, и учителю Клинскаго уѣзднаго училища, состоящему въ XII классѣ *Иванову*. По Харьковскому учебному округу: учителямъ гимназій: 2-й Харьковской — надворному совѣтнику *Пароенову*, 3-й Харьковской — титулярному совѣтнику *Безперцю*, коллежскому секретарю *Дмитріеву* и состоящему въ VIII классѣ *Геевскому*; Орловской — состоящему въ VIII классѣ *Вараксвичу*; врачу 3-й Харьковской гимназій и Харьковскаго Маріинскаго женскаго училища 1-го разряда, коллежскому совѣтнику *Ковальчукову*; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Елецкаго — коллежскому ассесору *Мурзину* и Карачевскаго — коллежскому ассесору *Лебедеву*; учителямъ Купянскаго уѣзднаго училища: титулярному совѣтнику *фонъ-Сизингу* и коллежскому секретарю *Иванову*; законоучителямъ: Орловской гимназій, протоіерею *Попову*, уѣздныхъ училищъ: Карачевскаго — протоіерею *Любомирскому*, Брянскаго — протоіерею *Лаврову*, Сѣвскаго — протоіерею *Струкову*, и Ахтырскаго приходскаго училища, священнику *Доброславскому*. За пожертвованія и усердіе къ пользамъ народнаго образованія: предсѣдателю Елатомскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, въ званіи камеръ-юнкера *Граве* и членамъ сего совѣта, а также членамъ Моршанскаго уѣзднаго училищнаго совѣта.

V. ПОСТАНОВЛЕНІЯ СОВѢТА МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Засѣданіе 13-го декабря 1868 года (Журналъ № 36).

Слушали (ст. I): Выписку изъ журнала ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 1-го августа 1868 года (№ 212) по дѣлу о возбужденныхъ въ совѣтъ Московскаго университета

вопросахъ: 1) относительно примѣненія разрядовъ ученыхъ степеней магистра и доктора къ университетскимъ кафедамъ, 2) относительно числа ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ въ каждомъ изъ факультетовъ и 3) объ отношеніи доцентовъ къ кафедрамъ и повышеніи штатныхъ преподавателей, занимающихъ доцентуры, въ званіе профессора.

Соображенія и заключенія совѣта Московскаго университета по означеннымъ выше вопросамъ, представленныя на разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія, по приказанію министра, предложены были на обсужденіе совѣтовъ прочихъ университетовъ (кромя Дерптскаго), и по полученіи отзывовъ ихъ, все дѣло передано было на разсмотрѣніе ученаго комитета. Сущность означенныхъ вопросовъ заключается въ слѣдующемъ:

1) На основаніи § 68 общ. уст. унив., никто не можетъ быть ординарнымъ или экстраординарнымъ профессоромъ, не имѣя степени доктора по разряду наукъ, соотвѣтствующихъ его кафедрѣ, для полученія же званія доцента надлежитъ имѣть по крайней мѣрѣ степень магистра; а въ положеніи объ испытаніяхъ на ученые степени, утвержденномъ 4-го февраля 1864 года, подъ именемъ *разряда* наукъ разумѣется опредѣленное число главныхъ и вспомогательныхъ предметовъ, по которымъ ищущій степени желаетъ получить оную (§ 20). Изъ сопоставленія § 68 общ. уст. унив. съ § 20-мъ положенія объ испытаніяхъ, повидимому, слѣдуетъ, что магистръ и докторъ по тому или другому разряду наукъ могутъ быть кандидатами на доцентуры и кафедры по тѣмъ лишь предметамъ, которые входятъ въ составъ испытанія для полученія данной магистерской степени. Между тѣмъ буквальное исполненіе таковаго условія оказывается невозможнымъ, потому что предметы нѣкоторыхъ кафедръ въ росписаніи разрядовъ магистровъ не упоминаются, и потому ищущіе степени магистра изъ сихъ послѣднихъ вовсе не подвергаются испытанію. Поэтому совѣтъ Московскаго университета полагаетъ, что надлежитъ предоставить факультетамъ, при предложеніи кандидатовъ на кафедры, опредѣлять, соотвѣтствуютъ ли ученые степени и достоинства кан-

дидатовъ тѣмъ кафедамъ, на которыя они предлагаются. Такое мнѣніе совѣтъ основываетъ на слѣдующемъ соображеніи. Въ положеніи объ испытаніяхъ на ученые степени разряды магистровъ и докторовъ по возможности специализированы, очевидно, для того чтобы облегчить пріобрѣтеніе ученыхъ степеней, необходимыхъ для занятія доцентуръ и кафедръ, а не съ тою цѣлю, чтобы затруднить путь къ тѣмъ и другимъ достойнымъ кандидатамъ, имѣющимъ высшія ученые степени. Если отъ доктора извѣстнаго факультета, признаннаго имъ вполне способнымъ для занятія факультетскою кафедрой, будутъ требовать, чтобы онъ подвергнулся еще испытанію на степень магистра по другому разряду и представилъ еще двѣ диссертации для полученія степени магистра и доктора по этому разряду, то кафедры въ факультетахъ нерѣдко будутъ вакантными даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ могли бы быть заняты вполне достойными учеными. Поэтому, когда представляется вполне достойный кандидатъ для занятія кафедры, имѣющей степень доктора даннаго факультета, не совсѣмъ соответствующую предмету кафедры, то, по мнѣнію совѣта Московскаго университета, не нужно подвергать его новому испытанію и требовать отъ него еще двухъ диссертаций, а слѣдуетъ ходатайствовать объ утвержденіи его въ званіи профессора, какъ объ исключительной мѣрѣ, излагая уважительныя обстоятельства, побудившія къ такому ходатайству.

2) Въ §§ 13 — 17 общ. уст. унив. опредѣлено, сколько можетъ быть профессоровъ въ каждомъ факультетѣ, но не означено, сколько именно въ числѣ ихъ можетъ быть профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ, въ штатахъ же университетовъ показано только общее число тѣхъ и другихъ профессоровъ въ каждомъ университетѣ, безъ распредѣленія ихъ по факультетамъ. Такъ какъ избраніе въ ординарные профессора обусловливается, между прочимъ, имѣющимъ на лицо свободнымъ штатнымъ обладомъ ординарнаго профессора, и затѣмъ имѣющимъ на лицо преподавателями, пріобрѣтшими степень доктора, то, при неозначеніи, сколько должно быть таковыхъ профессоровъ въ каждомъ

факультетѣ и при рѣшеніи баллотированіемъ вопроса о томъ, кому предоставить вакантную ординатуру, легко можетъ случиться, что въ однихъ факультетахъ число ординарныхъ профессоровъ сдѣлается преобладающимъ въ ущербъ другимъ факультетамъ, вслѣдствіе чего сіи послѣдніе будутъ лишены возможности на болѣе или менѣе продолжительное время ходатайствовать о повышеніи достойныхъ членовъ своихъ въ званіе ординарнаго профессора. Для устраненія этого неудобства совѣтъ Московскаго университета признаетъ необходимымъ, чтобы число ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ распредѣлено было между факультетами пропорціонально числу профессоровъ вообще, назначенному уставомъ, и полагаетъ распредѣлить ихъ такимъ образомъ: по историко-филологическому факультету — ординарныхъ 8, экстраординарныхъ 4; по физико-математическому — ординарныхъ 11, экстраординарныхъ 5; по юридическому — ординарныхъ 9, экстраординарныхъ 4, и по медицинскому — ординарныхъ 11, экстраординарныхъ 5.

3) Въ уставѣ показано число доцентовъ при каждомъ факультетѣ, но не опредѣлено, по какимъ предметамъ они должны быть избираемы; выборъ доцентовъ по тѣмъ или инымъ каедамъ предоставляется факультетамъ, которые при этомъ должны имѣть въ виду обширность каедръ. Новымъ уставомъ увеличено число штатныхъ преподавателей съ тою цѣлю, чтобы дать средства для специальной разработки отдѣльныхъ предметовъ. Поэтому было бы несправедливо специалиста по той или другой наукѣ оставлять постоянно доцентомъ, заграждая ему путь къ профессурѣ; равно несправедливо — доцента, раздѣляющаго предметы обширной каедры съ профессоромъ, оказавшаго существенныя услуги наукѣ и удовлетворившаго всѣмъ требованіямъ для занятія профессорской каедры, удерживать въ званіи доцента до тѣхъ поръ, пока не оставитъ каедры профессоръ, ее занимающій. Во избѣжаніе этихъ несправедливостей совѣтъ Московскаго университета предлагаетъ слѣдующую мѣру: повышать такихъ доцентовъ въ званіе профессора въ томъ случаѣ, если въ факультетѣ

отерываются профессорскія вакансіи, но нѣтъ кандидатовъ для ихъ замѣщенія; или же, даже въ случаѣ, если нѣтъ вакансій, не останавливая повышенія доцентовъ, производить имъ при такомъ повышеніи добавочное содержаніе изъ специальныхъ средствъ университета.

Совѣтъ министра, по обсужденіи вышеизложенныхъ вопросовъ, возбужденныхъ совѣтомъ Московскаго университета, и мнѣній, высказаннымъ по поводу сихъ вопросовъ совѣтами прочихъ университетовъ, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

По первому вопросу. Такъ какъ въ положеніи объ испытаніяхъ на ученія степени установлены разряды магистровъ и докторовъ не по всѣмъ университетскимъ кафедрамъ, то требованіе § 68 общ. уст. унив. относительно соотвѣтствія степени добѣора наименованію кафедры должно быть понимаемо не въ тѣсномъ смыслѣ отдѣльныхъ *разрядовъ* наукъ, которые установлены собственно для ученыхъ степеней, а въ обширномъ смыслѣ *разряда* наукъ цѣлаго факультета, и посему достаточно, если кандидатъ, предлагаемый въ преподаватели, будетъ имѣть ученую степень по одной изъ наукъ факультета, къ которому относится предметъ его преподаванія. Притомъ ученая степень составляетъ для обладающаго ею не право на то, чтобы быть преподавателемъ, а лишь необходимое для того условіе, право же на преподаваніе того или другаго предмета пріобрѣтается специальною подготовкою по избранному предмету, о которой свидѣлствуютъ ученые по оному труду, что и должно быть главнымъ образомъ принимаемо во вниманіе при избраніи преподавателей какъ въ факультетахъ, такъ и въ совѣтѣ.

По второму вопросу. Справедливость требуетъ уравнивать виды на повышеніе всѣхъ достойныхъ экстраординарныхъ профессоровъ по всѣмъ факультетамъ въ званіе профессоровъ ординарныхъ. А дабы доставить каждому факультету равномѣрную возможность ходатайствовать о такомъ повышеніи своихъ членовъ, необходимо установить по факультетамъ одинаковое отношеніе числа ординарныхъ профессоровъ къ числу профессоровъ экстраординарныхъ,

принявъ въ основаніе число профессорскихъ званій по каждому факультету, назначенное уставомъ, при чемъ общее число профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ по всѣмъ факультетамъ вмѣстѣ должно соотвѣтствовать числу тѣхъ и другихъ, положенному штатами университетовъ. Вслѣдствіе этого число ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ по факультетамъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковского, Казанскаго и св. Владиміра надлежитъ распредѣлить такимъ образомъ:

Факультеты:	Ординарныхъ профессоровъ.	Экстраординарн. профессоровъ.
Историко-филологическій . . .	8	4
Физико-математическій	11	5
Юридическій	9	4
Медицинскій	11	5
Восточныхъ языковъ	6	3

Что же касается Новороссійскаго университета, то такъ какъ по дѣйствующему нынѣ временному штату онаго экстраординарныхъ профессоровъ положено тремя менѣе (то-есть, 10 вмѣсто 13-ти) противъ штата постояннаго, одинаковаго со штатами прочихъ университетовъ, посему до введенія постояннаго штата отношеніе числа ординарныхъ профессоровъ къ числу экстраординарныхъ по тремъ факультетамъ этого университета распредѣлится такимъ образомъ:

Факультеты:	Ординарныхъ профессоровъ.	Экстраординарн. профессоровъ.
Историко-филологическій . . .	8	3
Физико-математическій	11	4
Юридическій	9	3

Само собою разумѣется, что означенное распредѣленіе профессорскихъ званій по факультетамъ не устраняетъ предоставленнаго университетамъ права повышать достойныхъ преподавателей въ званіе ординарныхъ или экстраординарныхъ профессоровъ, на основаніи § 21 общ. уст. унив., съ производствомъ имъ содер-

жанія, на основаніи § 109, пункта ж. того же устава, изъ спеціальныхъ средствъ.

По третьему вопросу. Совѣтъ министра полагалъ вполнѣ согласиться относительно этого вопроса съ соображеніями, высказанными совѣтомъ Московскаго университета.

Опредѣлено: Вышеизложенныя заключенія совѣта министра народнаго просвѣщенія сообщить: а) г. попечителю Московскаго учебнаго округа — для предложенія совѣту Московскаго университета въ разрѣшеніе возбужденныхъ имъ вопросовъ, и б) гг. попечителямъ С.-Петербургскаго, Харьковского, Казанскаго, Киевскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ — для предложенія совѣтамъ подвѣдомыхъ имъ университетовъ къ исполненію и руководству.

Слушали (ст. II): Дѣло департамента народнаго просвѣщенія о спеціализаціи преподаванія въ физико-математическихъ факультетахъ университетовъ.

Дѣло это возникло по нижеслѣдующимъ обстоятельствамъ. Управлявшій С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, отъ 7-го мая 1866 года за № 1718, представилъ на благоусмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія предположеніе С.-Петербургскаго университета о распредѣленіи преподаванія въ отдѣленіи естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета, съ установленіемъ общихъ и спеціальныхъ курсовъ, а г. попечитель Казанскаго учебнаго округа, отъ 17-го августа того же года за № 261, вошелъ въ министерство съ представленіемъ о раздѣленіи физико-математическаго факультета Казанскаго университета на спеціальныя отдѣленія. Предположеніе С.-Петербургскаго университета признано было нужнымъ подвергнуть предварительно обсужденію совѣтовъ прочихъ университетовъ, съ мнѣніями которыхъ дѣло это было передано на разсмотрѣніе ученаго комитета, а передъ тѣмъ было препровождено на разсмотрѣніе онаго и помянутое представленіе г. попечителя Казанскаго учебнаго округа. Ученый комитетъ, изложивъ замѣчанія на предположенія С.-Петербургскаго и Казанскаго университетовъ, между прочимъ полагалъ,

что, при одинаковомъ значеніи университетскаго курса преподаванія, при однихъ и тѣхъ же предметахъ, преподаваемыхъ въ физико-математическихъ факультетахъ, не должно быть слишкомъ рѣзкаго различія между нашими университетами въ отношеніи подраздѣленія означенныхъ факультетовъ, и что при этомъ не должно быть допускаемо преждевременной крайней спеціализаціи занятій студентовъ. При этомъ ученый комитетъ выразилъ мысль, что было бы полезно, если бы подраздѣленіе факультетовъ на отдѣленія послѣдовало на основаніи общихъ по сему предмету соображеній, и по возможности, соглашеній совѣтовъ всѣхъ университетовъ въ особой комиссіи, чрезъ вызовъ депутатовъ или другимъ способомъ. Вслѣдствіе сего вопросъ о спеціализаціи преподаванія въ физико-математическихъ факультетахъ, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, былъ обсужденъ въ особой комиссіи изъ университетскихъ профессоровъ, прибывшихъ въ декабрѣ 1867 года въ С.-Петербургъ на съѣздъ естествоиспытателей. Комиссія, признавъ нужнымъ разрѣшить предложенный ей вопросъ сперва въ принципѣ, а потомъ уже въ подробностяхъ, постановила сперва рѣшить вопросъ о томъ, 1) *нужна ли большая спеціализація занятій студентовъ противъ той, какая можетъ быть достигнута при современномъ раздѣленіи физико-математическихъ факультетовъ на два отдѣленія — на отдѣленіе математическихъ и на отдѣленіе естественныхъ наукъ?* Комиссія разрѣшила этотъ вопросъ положительно, основываясь на слѣдующихъ соображеніяхъ. Требованіе отъ студентовъ подробныхъ знаній въ одинаковомъ объемѣ по всѣмъ отраслямъ, входящимъ въ то или другое отдѣленіе физико-математическаго факультета, не дозволяетъ имъ сосредоточивать свои силы надъ изученіемъ болѣе ограниченнаго круга предметовъ; вслѣдствіе чего, сравнительно съ числомъ учащихся, университеты доставляютъ довольно незначительное число спеціалистовъ. Соединеніе большаго количества разнородныхъ спеціальныхъ лекцій, обязательныхъ для каждаго студента отдѣленія, особенно препятствуетъ практическимъ занятіямъ студентовъ, а только одни эти занятія

и могутъ повести къ отчетливому уразумѣнію предмета и къ полному ознакомленію съ научными методами. При большей спеціализаціи занятій студентовъ наукою можно было бы требовать отъ нихъ *обязательныхъ* практическихъ занятій наукою, что въ настоящее время почти невозможно. При переводныхъ испытаніяхъ, равно какъ и при окончательномъ испытаніи на степень кандидата и на званіе дѣйствительнаго студента, могли бы оцѣниваться одинаково съ устными отвѣтами и практическія работы студентовъ. Такимъ образомъ окончательный экзаменъ необходимо сдѣлался бы болѣе обстоятельнымъ и строгимъ. Задавъ себѣ потомъ 2-й вопросъ — *о томъ, до какой степени можетъ быть доведена спеціализація предметовъ и было ли бы полезно подраздѣлить существующія два отдѣленія физико-математическаго факультета на болѣе спеціальныя отдѣлы съ 1-го курса*, комиссія пришла къ единогласному рѣшенію, что дальнѣйшее подраздѣленіе двухъ существующихъ отдѣленій означеннаго факультета можетъ съ пользою для студентовъ начинаться только съ 3-го курса. При этомъ комиссія постановила, что было бы желательно, чтобы въ первыхъ двухъ курсахъ обоихъ разрядовъ были читаемы предметы общіе и основныя, необходимыя для каждаго изъ обоихъ отдѣленій. Не говоря уже о такихъ предметахъ, какъ на примѣръ опытная физика, которая необходима какъ для астронома, такъ и для ботаника или зоолога, по мнѣнію комиссіи, было бы желательно, чтобы студентъ, посвятившій себя спеціальнымъ занятіямъ, на примѣръ, ботаникою, имѣлъ основательныя, если не спеціальныя, знанія въ зоологіи, минералогіи, химіи и другихъ основныхъ предметахъ отдѣленія. Выслушавъ въ двухъ первыхъ курсахъ общіе и основныя предметы того или другаго отдѣленія, студентъ испытываетъ свои силы и сознательно избирать для себя спеціальныя занятія, теоретическія или практическія, что почти невозможно для студента, только-что вступившаго изъ гимназіи въ университетъ. Признавъ такимъ образомъ, во-первыхъ, пользу большей спеціализаціи занятій студентовъ, и во-вторыхъ, пользу такой спеціализаціи только съ 3-го курса, ком-

комиссія разсмотрѣла 3-й вопросъ: *необходимо ли однообразіе въ раздѣленіи предметовъ во всѣхъ физико-математическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ?* По этому вопросу комиссія пришла къ отрицательному рѣшенію, по слѣдующимъ соображеніямъ. Спеціализація занятій студентовъ можно достигнуть различными способами: раздѣленіемъ факультета на большее число отдѣленій, распредѣленіемъ обязательныхъ практическихъ занятій студентовъ, группированіемъ предметовъ на испытаніяхъ, распредѣляя ихъ на главные и вспомогательныя, и т. д. Хотя всѣ эти способы ведутъ къ одной и той же цѣли, трудно однако рѣшить а priori, который изъ сихъ способовъ лучше. Изъ мнѣній, высказанныхъ физико-математическими факультетами разныхъ университетовъ, видно, что то или другое подраздѣленіе, принятое факультетомъ, вытекало изъ мѣстныхъ потребностей и научныхъ средствъ факультета. Однообразіе распредѣленія предметовъ могло бы разрушить уже существующій порядокъ занятій профессоровъ и студентовъ, установившійся не вслѣдствіе предвзятыхъ мнѣній, но вытекшій изъ историческаго развитія факультета. Дальнѣйшее развитіе факультетовъ, выражающееся въ спеціализаціи предметовъ, по мнѣнію большинства членовъ комиссіи, только тогда будетъ удовлетворено, когда оно будетъ или дальнѣйшимъ развитіемъ того порядка занятій, который уже установился въ физико-математическомъ факультетѣ того или другаго университета, или когда оно будетъ вызвано особыми условіями. Однообразіе было бы, во всякомъ случаѣ, болѣе видимымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. Неизбѣжное разнообразіе будетъ тѣмъ чаще повторяться, чѣмъ болѣе будетъ въ факультетѣ профессоровъ, самостоятельно разрабатывающихъ науку. Самостоятельныя занятія профессора имѣютъ обыкновенно сильное вліяніе на его чтенія, на занятія его слушателей, и профессоръ, самостоятельно занимающійся своимъ предметомъ, всегда придастъ своимъ лекціямъ особый характеръ, по большей части отличный отъ характера лекцій того же предмета въ другомъ университетѣ. Посему комиссія, дорожа самостоятельнымъ научнымъ развитіемъ физико-математическихъ факуль-

тетовъ, полагала, что самимъ факультетамъ должно быть предоставлено право, или удерживать существующій порядокъ раздѣленія физико-математическихъ факультетовъ на два отдѣленія, или идти въ дальнѣйшему раздѣленію факультета съ цѣлію специализаціи занятій студентовъ въ томъ или другомъ видѣ. Такое рѣшеніе предложеннаго вопроса, по мнѣнію большинства членовъ комиссіи, совершенно согласно съ нынѣ дѣйствующимъ уставомъ университетовъ, который предоставляетъ инициативу раздѣленія факультетовъ самимъ университетамъ.

По обсужденіи вышеизложенныхъ соображеній и заключеній комиссіи, совѣтъ министра, принявъ во вниманіе, что устройство общихъ и специальныхъ курсовъ въ физико-математическихъ факультетахъ по сущности своей относится къ числу предметовъ занятій университетскаго совѣта, означенныхъ въ § 42, л. А, п. 1-мъ общ. уст. унив. и притомъ предоставленныхъ утверженію совѣта, полагалъ: 1) Окончательное рѣшеніе предположеній по устройству таковыхъ курсовъ съ цѣлію специализаціи занятій студентовъ предоставитъ усмотрѣнію совѣтовъ, но съ тѣмъ, чтобы специализація профессорскихъ лекцій и занятій студентовъ отнюдь не имѣла характера раздѣленія факультета на отдѣленія, чтобъ она начиналась не прежде, какъ съ 3-го курса, и чтобы въ двухъ первыхъ курсахъ были читаемы въ нынѣ существующихъ отдѣленіяхъ факультета предметы общіе и основныя, необходимыя для каждаго изъ сихъ отдѣленій. 2) Предоставитъ совѣтамъ С.-Петербургскаго и Казанскаго университетовъ утвердить, на изложенныхъ основаніяхъ, предположенія сихъ университетовъ относительно распредѣленія преподаванія въ физико-математическихъ факультетахъ, и при этомъ: а) предложить совѣтамъ сихъ двухъ университетовъ принять въ соображеніе замѣчанія ученаго комитета о помянутыхъ предположеніяхъ, и сверхъ того, б) совѣту С.-Петербургскаго университета предложить къ исполненію измѣненіе 3-го пункта предположенія, по нижеслѣдующему соображенію.

Въ означенномъ пунктѣ сказано: «Сверхъ того (то-есть, сверхъ

обязательнаго испытанія изъ общихъ курсовъ для всѣхъ студентовъ при окончаніи курса), отъ каждаго ищущаго степени кандидата по этому отдѣленію требуется испытаніе изъ двухъ специальныхъ курсовъ, согласно распредѣленію». Изъ этого можно заключить, что для студентовъ, желающихъ ограничиться при окончаніи курса званіемъ дѣйствительнаго студента, специальные курсы не обязательны, или что выдержавшіе окончательный экзаменъ изъ общихъ курсовъ съ отличными отмѣтками не могутъ быть удостоены степени кандидата, и такимъ образомъ студенты естественнаго разряда физико-математическаго факультета подраздѣляются на двѣ категоріи по роду требованій отъ нихъ при окончательномъ испытаніи. Такъ какъ эта мѣра не можетъ быть допущена по сущности университетскаго образованія, то специальные курсы должны быть обязательны для всѣхъ студентовъ, и потому означенный 3-й пунктъ надлежитъ изложить такъ: «Сверхъ того, отъ каждаго оканчивающаго курсъ требуется испытаніе изъ двухъ специальныхъ курсовъ, согласно распредѣленію».

Опредѣлено: Заключение совѣта министра привести въ исполненіе.

Слушали (ст. III): Выписку изъ журнала ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 25-го ноября 1868 года (№ 223) по предмету предложенныхъ на разсмотрѣніе комитета вопросовъ о томъ: 1) могутъ ли быть принимаемы въ студенты университета безъ предварительнаго испытанія въ знаніи полнаго гимназическаго курса воспитанники Императорскаго Александровскаго лица, съ успѣхомъ прошедшіе общій курсъ двухъ (IV и III) классовъ онаго, и воспитанники Императорскаго училища правовѣдѣнія, съ успѣхомъ прошедшіе таковой же общій курсъ четырехъ (VII, VI, V и IV-го) классовъ его, и 2) если общіе курсы означенныхъ классовъ Александровскаго лица и Училища правовѣдѣнія не могутъ быть признаны соответствующими курсу гимназическому, то изъ какихъ именно предметовъ надлежитъ подвергать дополнительному испытанію для допущенія въ студенты воспитанниковъ Александровскаго лица, удостоенныхъ перевода

во II-й классъ онаго, и воспитанниковъ училища правовѣдѣнія, удостоенныхъ перевода въ III-й классъ.

Изъ означенной выписки изъ журнала ученаго комитета видно, что, по разсмотрѣніи программъ преподаванія предметовъ гимназическаго курса въ Александровскомъ лицѣѣ и въ Училищѣ правовѣдѣнія, ученый комитетъ пришелъ къ слѣдующему заключенію:

1) Общіе курсы какъ Александровскаго лица, такъ и Училища правовѣдѣнія, хотя большею частію и соотвѣтствуютъ курсу гимназическому, но по нѣкоторымъ предметамъ отступаютъ отъ онаго частію по составу, частію по объему преподаванія.

2) Посему, для допущенія оныхъ въ студенты университетовъ, на основаніи § 86 общ. устава, надлежитъ подвергать дополнительному испытанію въ гимназіяхъ: а) воспитанниковъ Александровскаго лица, съ успѣхомъ прошедшихъ курсъ III класса, — изъ латинскаго языка, географіи, всеобщей и русской исторіи и физики, и б) воспитанниковъ Училища правовѣдѣнія, съ успѣхомъ прошедшихъ курсъ IV класса, — изъ исторіи православной церкви и изъ географіи, независимо отъ повѣрочнаго испытанія изъ другихъ предметовъ въ университетахъ, по усмотрѣнію совѣтовъ оныхъ, на основаніи § 85 общ. уст. унив.

3) Затѣмъ воспитанники Александровскаго лица, не достигнушіе III-го класса, и воспитанники Училища правовѣдѣнія, не достигнушіе IV-го класса, должны, для поступленія въ студенты университетовъ, на основаніи § 85 общ. уст. унив., подвергаться въ одной изъ гимназій испытанію въ знаніи полнаго гимназическаго курса.

Совѣтъ министра полагалъ согласиться съ вышеизложеннымъ заключеніемъ ученаго комитета, и съ своей стороны призналъ нужнымъ присовокупить, что молодые люди, окончившіе полный курсъ ученья въ Александровскомъ лицѣѣ или въ Училищѣ правовѣдѣнія, могутъ быть допускаемы въ испытанію прямо на степень кандидата по избранному испытваемымъ факультету, не подвергаясь испытанію изъ предметовъ гимназическаго курса.

Опредѣлено: Заключение совѣта министра сообщить гг. попечителямъ учебныхъ округовъ для предложенія совѣтамъ университетовъ къ исполненію и руководству.

Журналь подписали г. министръ народнаго просвѣщенія, г. товарищъ министра народнаго просвѣщенія и гг. члены совѣта министра.

VI. РАСПОРЯЖЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіемъ ученаго комитета, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, постановлено: составленную Н. Зобовымъ книгу для чтенія въ селахъ и деревняхъ: *Бесѣды о природѣ* (С.-Петербур., 1868 г.) признать полезною для употребленія въ видѣ книги для чтенія, сопровождаемаго объясненіями учителя, въ двухъклассныхъ сельскихъ училищахъ и вообще для чтенія учениками низшихъ училищъ, а также для библіотекъ уѣздныхъ училищъ.

Официальныя извѣщенія.

Пожертвовано на покупку въ г. Бѣлевѣ дома, въ которомъ жилъ поэтъ В. А. Жуковский:

- 1) Отъ щедротъ Государыни Императрицы Маріи Александровны 250 рублей.
- 2) Жителями г. Мологи 13 руб. 50 коп.
- 3) Служащими и учащимися въ Усть-Медвѣдицкой гимназій и чиновниками Усть-Медвѣдицкихъ приходскихъ училищъ 34 руб. 74 коп.
- 4) Служащими въ Бугульминскихъ училищахъ 4 руб. 80 коп.
- 5) Служащими въ Керченской Александровской гимназій и Кушиневоваго дѣвичьяго институтѣ 37 руб. 50 коп.

- 6) Служащими въ Горбатовскомъ уѣздномъ училищѣ 8 руб. 41¹/₂ коп.
- 7) Служащими во 2-й Казанской гимназіи 14 руб. 85 коп.
- 8) Жителями г. Новгородсѣверска 6 руб. 8 коп.
- 9) Служащими и учащимися въ Бѣльскихъ учебныхъ заведеніяхъ 11 руб. 31¹/₂ коп.
- 10) Служащими въ Ришельевской гимназіи 13 руб. 84 коп.
- 11) Жителями г. Гапсаля 6 руб. 15 коп.
- 12) Служащими въ Козельскихъ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ 6 руб.
- 13) Почетнымъ смотрителемъ Елатомскаго уѣзнаго училища, камеръ-юнкеромъ А. И. Граве, 25 руб., и учителями и учениками сего училища 3 руб. 51¹/₄ коп.
- 14) Служащими въ Императорскомъ университетѣ св. Владимира 35 руб 60 коп.
- 15) Служащими въ Правоторовскомъ и Арженовскомъ приходскихъ училищахъ 2 руб. 40¹/₂ коп.
- 16) Жителями Сѣдлецкаго и Бѣльскаго уѣздовъ 11 рублей 82¹/₂ коп.
- 17) Жителями г. Полоцка 24 руб.
- 18) Служащими въ Валдайскомъ уѣздномъ училищѣ 1 рубль 55 коп.
- 19) Гражданами г. Валдая 2 руб. 85.
- 20) Крестьянами 3-го стана Валдайскаго уѣзда 49 коп.
- 21) Служащими въ Русскихъ уѣздномъ и приходскомъ (мужскихъ и женскомъ) училищахъ 3 руб. 75 коп.
- 22) Служащими въ Солигаличскихъ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ 3 руб. 25 коп.
- 23) Жителями г. Царевовокшайска 6 руб. 75 коп.
- 24) Жителями г. Торонца 6 руб. 25 коп.
- 25) Служащими въ Задонскихъ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ 2 рубля.
- 26) Служащими въ Борзенскихъ уѣздномъ и приходскомъ и въ Иченскомъ двухклассномъ народномъ училищахъ 3 руб. 50 коп.

27) Служащими и учащимися въ Дмитровскихъ училищахъ: уѣздномъ и приходскомъ 3 руб. 76 коп.

28) Служащими и учащимися въ Дмитровскомъ женскомъ училищахъ 2-го разряда 4 руб. 35 коп.

29) Служащими и учащимися въ Сергіево-посадскихъ училищахъ Дмитровскаго уѣзда, женскомъ 2-го разряда и приходскомъ, 5 руб. 92 коп.

30) Крестьянами 3-го участка Дисненскаго уѣзда 15 руб.

31) Служащими въ Дисненскомъ уѣздномъ училищѣ 5 руб.

32) Жителями г. Саратова 13 руб. 50 коп.

33) Служащими въ Кременчугскихъ учебныхъ заведеніяхъ 3 руб. 75 коп.

34) Жителями г. Валуйки 20 руб.

35) Служащими въ Нѣжинскихъ училищахъ, уѣздномъ и приходскомъ, 1 руб. 8 коп.

36) Чиновниками и преподавателями Чембарскаго уѣзднаго и приходскаго училищъ 5 руб.

37) Разными лицами г. Опочки 11 руб. 74 коп.

38) Разными лицами г. Мосальска 5 руб. 25 коп.

39) Жителями г. Челябинска 4 руб.

40) Жителями г. Сызрани 77¹/₂ коп.

41) Преподавателями Чистопольскаго уѣзднаго училища 5 руб. 25 коп.

42) Калмыцкимъ окружнымъ училищемъ 2 руб. 75 коп.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГАЛИЧЪ, БЫВШІЙ ПРОФЕССОРЪ ФИЛОСОФІИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Предлагаемая читателямъ монографія содержитъ въ себѣ жизне-описаніе одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей нашихъ въ области науки. Мы охотно посвятили на составленіе ея достаточно времени и труда, и разумѣется, желали бы, чтобы хотя немногіе употребили часть того и другаго на ея прочтеніе. Если внѣшняя исторія не упускаетъ выдвигать на показъ людей всякой другой среды, чѣмъ-нибудь отличившихся въ ней, то въ свою очередь, исторія внутренней, интеллектуальной жизни обществъ не должна оставлять въ забвеніи тѣхъ, которые съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ подвизались на трудномъ поприщѣ мысли и знанія. Нѣкоторые изъ модныхъ писателей, желая, вѣроятно, доказать, что они не чужды извѣстныхъ современныхъ теорій смѣлаго и рѣшительнаго закала, какъ извѣстно, не допускаютъ вообще права отдѣльныхъ личностей на историческое значеніе и признаютъ его только за массами. Однако какъ не случилось еще, чтобы массы огуломъ выдумали порохъ, открыли Америку, изобрѣли книгопечатаніе и пр., а сдѣлали это гениальныя личности, массы же только воспользовались результатами ихъ идей и творчества, то пока этотъ порядокъ дѣлъ будетъ продолжаться на землѣ, все-таки о лицахъ, сколько-нибудь выдающихся изъ общаго уровня людей, потомки будутъ вспоминать съ уваженіемъ и многому отъ нихъ поучаться. Но собираясь говорить объ одномъ изъ такихъ лицъ, мы встрѣчаемся съ обстоятельствомъ щекотливаго свойства. Лице это было — философъ, профессоръ философіи. А философія, могутъ намъ замѣтить, такая наука, что занимавшіеся ею даже добросовѣстно и успѣшно едва-ли не ошибались, думая, что они дѣлаютъ дѣло. Подобное мнѣніе не чуждо многимъ въ наше время, когда авторитетъ философіи, повидимому, сильно пошатнулся отъ наиска но-

выхъ идей, и когда само научное благоразуміе требуетъ не стѣсняться вопросами, какіе она привыкла себѣ задавать о человѣкѣ, о мірѣ и т. п., а совѣтуетъ просто выбросить ихъ изъ программы ученій и заняться исключительно тѣмъ, что къ намъ ближе, то-есть, тѣмъ, что даетъ намъ способы устроиться какъ возможно уютнѣе и комфортабельнѣе въ этомъ неудачно изучаемомъ философіями мірѣ. Все это было бы хорошо, если бы по несчастію вопросы тѣ не вросли такъ глубоко въ умъ и сердце человѣческое, что вырвать ихъ оттуда нѣтъ никакой возможности, не повредивъ въ нихъ самыхъ чувствительныхъ нервовъ. Философія, какъ извѣстно, занимается общими идеями; она ставитъ ихъ во главѣ всякаго знанія и высшей умственной дѣятельности. Положимъ, что намъ нѣтъ до нея никакого дѣла, какъ до науки. Но вотъ вопросъ: можетъ ли система человѣческаго образованія обойтись безъ этихъ общихъ идей, какимъ бы процессомъ онѣ въ насъ ни возникали? Вѣдь ни одно явленіе, входящее въ кругъ нашего мышленія и изученія, само по себѣ не представляетъ никакого удовлетворительнаго результата для нашего познанія. Міръ не есть собраніе агрегатовъ, механически сплоченныхъ другъ съ другомъ; напротивъ того, онъ есть живое органическое цѣлое, въ которомъ соотношенія и взаимная связь вещей безпрестанно указываютъ намъ на *нѣчто* общее, ихъ оживотворяющее и связующее, и неотразимая потребность истины понуждаетъ насъ въ семь послѣднемъ искать опоры и точекъ зрѣнія, съ помощію коихъ самыя эти отношенія и связь дѣлаются понятными, — безъ чего вещи не имѣли бы для насъ ни смысла, ни значенія. Еслибъ идея возвышеннаго міровоззрѣнія, такимъ образомъ намъ внушаемая, была не больше, какъ требованіе, какъ принципъ нашего разумѣнія, то она все же законъ для насъ, и умъ нашъ не можетъ ни измѣнить, ни нарушить его, не подвергаясь опасности исчезнуть въ хаосъ и разложиться, такъ-сказать, на мельчайшія и ничтожнѣйшія представленія и приспособленія. Какъ же тутъ обойтись безъ науки, объемлющей вещи въ духѣ всеобщихъ законовъ и въ духѣ началъ, далеко уходящихъ внутрь міродержавныхъ силъ и элементовъ, какъ обойтись безъ философіи? Понятно, что безъ нея образованію не достаетъ ни глубины, ни величія. Все становится мелкимъ и бессмысленнымъ, или получаетъ смыслъ ограниченный и тѣсный тамъ, гдѣ мысль, подъ предлогомъ избѣжанія бесполезныхъ тонкостей и вопросовъ неразрѣшимыхъ, оставляетъ безъ вниманія задачи, непримѣтно, но глубоко совпадающія со всѣми драгоцѣнными интересами человѣческаго разума и сердца.

Вотъ почему намъ кажется, что потрудившіеся на нашей еще далеко несовершенной воздѣланной почвѣ знанія зачинатели, пионеры философіи заслуживаютъ такъ же, какъ и дѣятели другихъ наукъ, того, чтобы память о нихъ перешла за предѣлы ихъ жизни.

Источниками для жизнеописанія Галича служили:

1. Сочиненія его.
2. Записка о немъ одного изъ семинарскихъ товарищей его, *Хорошлова*, въ рукописи.
3. Записка, составленная бывшимъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета *Плисовымъ* по дѣлу о профессорахъ Германѣ, Раупахѣ, Арсеневѣ и Галичѣ; напечатана въ Читеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ.
4. Дѣла, хранящіяся въ архивахъ С.-Петербургскаго университета и министерства народнаго просвѣщенія, особенно дѣло о ревизіи Казанскаго университета за время управленія имъ Магницкаго, произведенной по Высочайшему повелѣнію генераль-адъютантомъ Желтухинымъ.
5. Біографія Магницкаго, написанная *Е. М. Феоктистовымъ*, изд. 1865 года.
6. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I, собранные и изданные профессоромъ С.-Петербургскаго университета *М. И. Сухомятинымъ*, 1866 года.
7. Исторія Московской Славяно-греко-латинской академіи, г. *Смирнова*, изд. 1855 года.
8. Исторія С.-Петербургской духовной академіи, г. *Чистовича*, изд. 1857 года.
9. Записка, полученная авторомъ жизнеописанія отъ покойнаго *Н. И. Надеждина* о философскихъ лекціяхъ, слушанныхъ имъ во время его студенчества.
10. Показанія нѣкоторыхъ особъ, лично знавшихъ Галича.
11. Свѣдѣнія, почерпнутыя авторомъ изъ личнаго весьма продолжительнаго и близкаго знакомства съ Галичемъ.
12. Значительною долею свѣдѣній мы также обязаны бывшему почтенному профессору С.-Петербургскаго университета *Н. О. Рождественскому*, который дозволилъ намъ пользоваться тетрадями своими, заключающими въ себѣ какъ извлеченія изъ нѣкоторыхъ чтеній Галича, такъ и черновые отрывки собственныхъ рукописей послѣдняго.

Александръ Ивановичъ Галичъ родился въ 1783 г. въ городѣ Трубчевскѣ Орловской губерніи. Настоящая фамилія его была Говоровъ. По господствовавшему тогда въ духовныхъ нашихъ заведеніяхъ обычаю, онъ во время ученія своего въ семинаріи перемѣнилъ свою фамилію, назвавшись сперва, въ честь своего дѣда Никифора, Никифоровымъ, а потомъ, поступивъ въ педагогическій институтъ, переименовалъ себя въ Галича. Поводомъ къ принятію этой новой фамиліи было хранившееся въ семействѣ его преданіе, что предки его назывались Галичами. Дѣдъ А. И. Галича былъ приходскимъ священникомъ при одной изъ Трубчевскихъ церквей, а отецъ дьячкомъ. И тотъ, и другой были люди неученые, но добродушные и честные. Дѣдъ его, не смотря однако на свою необразованность, былъ человѣкъ умный, умѣлъ понять въ своемъ маленькомъ внукѣ замѣчательныя способности и полюбилъ его не только со всею родственною горячностью, но и съ сознаниемъ, что изъ мальчика выйдетъ что-нибудь очень хорошее. Онъ самъ занялся его воспитаніемъ, обучилъ его чтенію, письму и церковному пѣнію, приготовивъ такимъ образомъ къ поступленію въ семинарію, и позаботился о помѣщеніи его туда. Заведеніе это находилось тогда въ Сѣвскѣ, и Галичъ былъ принятъ въ него въ 1793 году, когда ему исполнилось 11 лѣтъ. Онъ проходилъ курсъ семинарскаго ученія съ большимъ усиліемъ, особенно же курсъ латинскаго и греческаго языковъ. Достигнувъ класса философіи, онъ почувствовалъ неодолимую склонность къ наукамъ умозрительнымъ и сталъ усердно заниматься философіей. Отъ философіи, какъ она преподавалась тогда въ семинаріяхъ, конечно, нельзя было ожидать многого. Это было не иное что, какъ догматическое, болѣе или менѣе неловкое и тяжелое формулированіе началъ, признанныхъ за неопровержимыя въ руководствахъ Винклера и Баумейстера, безъ малѣйшаго покушенія къ свободному изслѣдованію. Однако и такая демонстративная философія преподавалась не безъ пользы. Силлогистическою своею дисциплиною, по словамъ Галича, она значительно содѣйствовала учащимся къ приобрѣтенію навыка въ отчетливомъ и правильномъ мышленіи. Такъ вѣрно то, что наука и въ несовершенномъ своемъ видѣ, при счастливыхъ способностяхъ и любви къ ней, всегда служитъ опорой и руководствомъ для высшей дѣятельности духа. Въ нашихъ духовныхъ училищахъ наука излагалась, конечно, весьма неудовлетворительно; тѣмъ не менѣе эти заведенія приготовили не мало людей, оказавшихъ въ послѣдствіи важныя услуги государству, обществу и самой наукѣ.

Послѣ десятилѣтняго ученія въ Сѣвской семинаріи, Галичъ, въ числѣ нѣсколькихъ способнѣйшихъ студентовъ, былъ по требованію правительства отправленъ въ 1803 году въ Петербургъ для поступленія въ учительскую гимназію, которая вскорѣ была переименована въ педагогическій институтъ. Заведеніе это, какъ сказано въ Высочайше утвержденномъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія 16-го апрѣля 1804 года, должно было готовить учителей для гимназій и составить отдѣленіе будущаго университета. Курсъ ученія въ немъ полагался въ три года. Итакъ, вступленіемъ Галича въ педагогическій институтъ его назначеніе въ жизни уже было опредѣлено: онъ долженъ былъ сдѣлаться гимназическимъ учителемъ. Но какъ послѣ, такъ и теперь, Галичъ немного заботился о томъ, чѣмъ придется ему быть на свѣтѣ. Онъ хотѣлъ только учиться, потому что отъ природы былъ одаренъ умомъ дѣятельнымъ, который, разъ придетъ въ соприкосновеніе съ предметами, сильно возбуждавшими его мыслительныя инстинкты, не могъ уже не простираться далѣе на пути знанія. Галичъ и въ институтѣ продолжалъ усердно заниматься древними языками и литературами; но главнымъ предметомъ его была все-таки философія. Инструкція, данная институту въ руководство, предписывала профессору преподавать логику по сочиненію Клизиветтера, а метафизику и нравственную философію по Баумейстеру, котораго дозволялось дополнять собственными замѣчаніями и изысканіями, разумѣется, въ духъ этого руководителя. Объ исторіи философіи не было и помину. Вольфъ былъ альфою и омегою этой институтской философіи. Преподавателемъ ея былъ человѣкъ испытанной честности и благородства сердца; знавшіе его лично не могутъ, конечно, вспомнить его въ этомъ отношеніи безъ особеннаго уваженія. Но преподаватель онъ былъ весьма посредственный. Познанія его въ философіи едва-ли простирались далѣе того, что онъ самъ заучилъ въ школѣ. Онъ простодушно вѣрилъ, что вложивъ въ раму силлогизма какое-нибудь изъ принятыхъ философскихъ положеній, онъ тѣмъ самымъ выполнялъ задачу науки и сообщалъ слушателямъ истину, далѣе которой уже искать нечего, и сомнѣваться въ ней было бы непросительнымъ вольнодумствомъ. Онъ читалъ лекціи свои обыкновенно по тетради, говоримъ: читалъ, принимая слово это въ буквальный смыслъ. Такое въ высшей степени монотонное чтеніе, продолжавшееся, по тогдашнему учебному порядку, два часа и прерываемое изрѣдка только шелестомъ переворачиваемыхъ листовъ въ тетради огромнаго формата, наводило невыразимую тоску на слушателей, а сидѣвшихъ на заднихъ

сеамьяхъ невольно погружало въ тихій, благодатный сонъ, избавлявшій ихъ, по крайней мѣрѣ, отъ двухчасовой скуки. Тутъ не было и тѣни того, на чтѣ философія, по природѣ своей, наводитъ учащихся, не было и тѣни чего-нибудь, вызывавшаго дѣятельность мысли и изощрявшаго умственные силы. Да профессоръ вовсе о томъ и не заботился. Онъ требовалъ отъ своихъ слушателей одного, чтобъ они заучивали его тетради слово въ слово. Студента, который вздумалъ бы уклониться хоть на одну линію отъ песчаной и пустынной дороги, по которой онъ былъ ведомъ, или лучше сказать, влачимъ ко храму мудрости, профессоръ немедленно поворачивалъ вспять и заставлялъ, держась, такъ-сказать, за его поясъ, отми́ривать тѣ же шаги, какіе дѣлалъ самъ. Не смотря на господствовавшую у насъ въ то время строгую умственную дисциплину, Галичъ, созрѣвшій умственно уже на столько, чтобы понимать тщету подобнаго содержанія и подобнаго метода науки, позволялъ себѣ, хотя неявно, съ помощію книгъ и собственнаго размышленія, отыскивать другіе пути къ истинѣ. Онъ чувствовалъ, что вещи не безполезны въ семинаріи, въ текущемъ періодѣ его развитія были уже неумѣстны и крайне недостаточны.

Впрочемъ не всѣ науки преподавались въ институтѣ такъ, какъ философія. Тамъ были профессора съ замѣчательными учеными достоинствами, вполне способные готовить будущихъ наставниковъ юношества. Балугіанскій, напримѣръ, преподавалъ естественное право и политическую экономію, какъ ученый, основательно знакомый съ историческимъ ходомъ и современными требованіями науки. Притомъ это былъ человекъ, съ обширными знаніями соединявшій способность одушевлять своихъ слушателей и ихъ природное расположеніе и склонность къ знанію возводить на степень живой вѣры въ науку и любви къ истинѣ. Кукольникъ, не столь даровитый, какъ Балугіанскій, былъ очень хорошимъ преподавателемъ римскаго права. Зябловскій, профессоръ статистики, не смотря на внѣшнюю непривлекательность своихъ чтеній, былъ первый изъ Русскихъ, положившій основаніе отечественной статистикѣ. Только такому терпѣнію, настойчивости и любви къ своему дѣлу, какими отличался Зябловскій, можно было одолѣть трудности, сопрягавшіяся у насъ съ пріобрѣтеніемъ статистическихъ матеріаловъ въ тогдашнее время. И онъ честно и по возможности удовлетворительно совершилъ свой трудъ. Первое составленное имъ руководство по части отечественной статистики появилось въ печати въ 1807 году. Исправленное и дополненное оно издано было въ 1815 и потомъ въ 1832 году. Въ 1830 и 1831 годахъ онъ

напечаталъ также статистику европейскихъ государствъ (См. приложение I).

Въ 1808 году правительство, имѣя въ виду учрежденіе въ С.-Петербургѣ университета, рѣшилось избрать лучшихъ изъ студентовъ педагогическаго института и отправить ихъ за границу для приготовленія къ профессорскимъ кафедрамъ. Выбрано было двѣнадцать чело- вѣкъ, и изъ нихъ въ послѣдствіи дѣйствительно вышли люди, съ че- стію занимавшіе мѣста профессоровъ, какъ напримѣръ, *Плисовъ* по части политической экономіи, *Бутырскій* по части словесности, *Чи- жовъ* — математики, *Соловьевъ* — химіи, *Карцовъ* — физики, и другіе. Въ числѣ ихъ былъ и Галичъ, избравшій для себя философію. За грани- цю курсъ ихъ ученія долженъ былъ продолжаться три года. Каждый изъ нихъ былъ ввѣренъ особенному наблюденію или корреспондента академіи наукъ, или одного изъ профессоровъ того университета, гдѣ преимущественно онъ долженъ былъ заниматься изученіемъ своего предмета. Въ четыре мѣсяца разъ студентъ обязанъ былъ подробно извѣщать конференцію института о своихъ занятіяхъ. Будущему про- фессору философіи дана была особая инструкція :

„Въ нынѣшнемъ состояніи философскихъ наукъ — сказано въ ней — послѣ различныхъ перемѣнъ, правилами ея претерпѣнныхъ въ послѣднемъ вѣкѣ, ученіе оной подвержено особливимъ затрудненіямъ, и молодой чело- вѣкъ имѣетъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нужду въ удобномъ введеніи къ благо- разумному плану ученія и въ хорошемъ наставленіи, чтобы сдѣлаться пря- мымъ философомъ, полезнымъ гражданиномъ и не быть подвержену опасно- сти быть разказникомъ пустыхъ умствованій или бессмысленнымъ распро- странителемъ мистическихъ заблужденій. Итакъ, онъ долженъ всѣми силами стараться имѣть понятіе о вещахъ; онъ долженъ обозрѣвать и научиться природѣ, не приступая еще къ сужденію о ея законахъ; онъ долженъ изы- скивать чело- вѣка, какъ разумное существо, какъ жителя земнаго, прежде чѣмъ начнетъ писать о свойствахъ людей; долженъ прывыкать мыслить чрезъ математическія науки, умѣть взирать на все направленіе наукъ и наконецъ знать языкъ, который есть величайшее пособіе для мысли, прежде нежели начнетъ дѣлать проэкты, которые безъ того будутъ тою скопище бессмы- сленныхъ словъ. Слѣдовательно, должно ему знать естественную исторію, физику, медицинскую антропологию, всемірную исторію, энциклопедію наукъ и всеобщую грамматику до вступленія въ такъ-называемую философію. Всего удобнѣе начать оную элементарною психологіей, эстетикой и логикой, а по- томъ перейти къ метафизикѣ. Но какъ сія послѣдняя издавна служитъ игра- лицемъ различныхъ сектъ и имѣетъ великое вліяніе на направленіе мыслей, то молодой чело- вѣкъ имѣетъ еще болѣе нужду въ хорошемъ наставленіи оной, чтобы избѣжать ему угрожающихъ въ нашемъ вѣкѣ опасностей. При такомъ направленіи можно надѣяться, что онъ не бросится на первую си- стему, которая ему представится, и не захочетъ самъ почерпать свѣдѣнія изъ

философовъ разныхъ древнихъ и новѣйшихъ училищъ, чрезъ что потеряетъ только свое время и силы, — но вѣрить себя руководителю, соединяющему познаніе важнѣйшихъ метафизическихъ мѣтнй во всѣхъ временахъ съ опытностію для испытанія и сужденія о нихъ“.

Въ этихъ наставленіяхъ нельзя не видѣть благаго намѣренія дать у насъ изученію философіи характеръ серьезный и прочный, основанный на наблюденіи и познаніи природы и человѣка. Весьма разумно также желаніе предохранить занимающихся философіей отъ той праздной и бесплодной игры въ понятія, которая въ видѣ ли схоластическаго догматизма, или въ видѣ щегольства новыми ученіями, принятыми безъ всякихъ предосторожностей и самостоятельнаго глубокаго изученія вещей, приводитъ въ одномъ случаѣ къ отупленію умовъ, а въ другомъ къ ихъ разжиженію, распушенности и всевозможнымъ отрицаніямъ. Но странно то, что составители инструкцій, совѣтуя такъ благоразумно не довѣрять современнымъ метафизическимъ теоріямъ, не поощряли историческаго изученія философіи. Они забыли, что самое надежное предостереженіе противъ опасныхъ увлеченій извѣстнымъ образомъ мыслей есть исторія, которая, расширяя горизонтъ нашихъ воззрѣній и знакомя насъ съ разнообразными покушеніями и движеніемъ мысли человѣческой, тѣмъ самымъ противодѣйствуетъ всякой односторонности въ понятіяхъ и отстраняетъ скорыя и необдуманныя рѣшенія.

Галичу предписано было прежде всего ѣхать въ Гельмштедтъ къ тамошнему извѣстному въ то время профессору Шульде, руководству коего и былъ вѣренъ нашъ молодой ученый. Галичъ слушалъ у него философію два года, занимаясь также и другими предметами, особенно усовершенствованіемъ себя въ новѣйшихъ языкахъ. Нѣмецкій онъ зналъ уже довольно хорошо и до отправления за границу; но въ Германіи, кромѣ основательныхъ литературныхъ свѣдѣній, онъ приобрѣлъ навыкъ изъясняться на немъ свободно и легко. Часть свободнаго своего времени онъ также съ успѣхомъ употреблялъ на изученіе языковъ французскаго, англійскаго, италіанскаго и даже испанскаго. Въ послѣдствіи онъ выучился по польски такъ, что могъ занять мѣсто переводчика съ этого языка при министерствѣ государственныхъ имуществъ. Философія Шульде однако не удовлетворила Галича. Съ юношескимъ стремленіемъ къ истинѣ, онъ воображалъ себѣ такую философію, которая была бы въ состояніи рѣшить важнѣйшіе вопросы, лежавшіе у него на душѣ и на душѣ человѣчества. Разумѣется, что при незнакомствѣ съ дѣйствительнымъ міромъ и историческимъ опытомъ, онъ легко поддавался искушенію добратъ до истины скорѣе путемъ

одного умозрѣнія, безъ точныхъ наблюденій и строгаго анализа. Между тѣмъ Шульце именно отъ этихъ умозрѣній и старался уберечь своихъ слушателей. Онъ овладѣлъ преимущественно тою стороною Кантова ученія, которая признавала одну достовѣрность опыта и ставила знаніе въ предѣлы явленій, изъ чего естественно само собою вытекало скептическое воззрѣніе на всѣ діалектическія эволюціи чистаго умозрѣнія. Такое направленіе было не по сердцу нашему философу. Это понятно. Галичъ былъ настоящій сынъ своей страны, и не смотря на свои счастливыя способности, не могъ вдругъ отрѣшиться отъ той степени развитія и образованія, на которой находился русскій умъ его времени. Извѣстно, что самонадѣянность, високомѣріе и заносчивость составляютъ отличительныя свойства умовъ незрѣлыхъ, которыми мудрая осторожность и умѣренность въ выводахъ и рѣшеніяхъ всегда принимается за отсталость и недостатокъ дарованія. Извѣстно также, что чѣмъ бѣднѣе мы опытомъ и знаніемъ, тѣмъ болѣе становимся великими въ собственныхъ нашихъ глазахъ, и тѣмъ легче кажется намъ побѣда надъ такими затрудненіями, предъ которыми настоящая мудрость и высокой умъ останавливаются не безъ крайняго смущенія. Понятно, что люди серіозные въ дѣлѣ науки, почувствовавъ себя неудовлетворенными даже въ своихъ скромныхъ покушеніяхъ, могутъ утѣшать себя мыслию, что все же трудомъ честнымъ и разумнымъ они исполнили, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, свой долгъ передъ истиною; но другіе лишены и этого права: предвкусивъ всю сладость мнимой побѣды, они исчезаютъ бесплодно и безвозвратно въ пустотѣ своихъ фантастическихъ надеждъ и претенвій. Намъ не трудно представить себѣ печальную несостоятельность многихъ умственныхъ притязаній въ эпоху, когда Галичъ выступалъ на свое поприще, по тѣмъ примѣрамъ въ этомъ родѣ, какіе видимъ въ наше время. Поэтому неудивительно, что осмотрительность Шульце въ философскихъ выводахъ и рѣшеніяхъ показалаъ Галичу на нѣкоторое время малодушіемъ, а недоувѣрчивость Шульце вообще къ умственнымъ априорическимъ комбинаціямъ недостаткомъ дарованій. Къ счастью, Галичъ былъ не только человѣкъ даровитый, но что всего важнѣе, человѣкъ съ умомъ здравымъ и крѣпкимъ, не всегда свободнымъ отъ ошибокъ и увлеченій фантазіи, но способнымъ и исправлять ихъ. Въ послѣдствіи, когда онъ самъ глубже началъ вникать въ тѣ вопросы, которые для пылаго его духа, при неполнотѣ основательнаго изученія, казались столь удоборѣшимыми, понятія его о непреложности и достоинствѣ извѣстныхъ ученій очень измѣнились, и

скептицизмъ его стараго наставника Шульце не остался для него вовсе бесплоднымъ. Но какъ бы то ни было, во время своего двухлѣтняго пребыванія въ Гельмштедтѣ онъ не выработалъ еще себѣ опредѣленнаго философскаго образа мыслей, и ему захотѣлось отвѣдать плодовъ мудрости съ другаго древа знаній и въ другомъ мѣстѣ. Онъ испросилъ у правительства дозволеніе отправиться на годъ въ Геттингенъ, гдѣ надѣялся удовлетворить своимъ ожиданіямъ. Здѣсь, какъ онъ говорилъ потомъ не безъ свойственной ему ироніи, ему отверзлась бездна премудрости. Бездна эта была не иное что, какъ Шеллингово ученіе, которое тогда сильно занимало германскіе умы. Неизвѣстно, кто былъ здѣсь непосредственнымъ руководителемъ Галича. Онъ уважалъ Бутервека, бывшаго въ то время профессоромъ въ Геттингенѣ; но Бутервекъ не былъ шеллингистомъ; собственное же его ученіе, состоявшее большею частію изъ сплава нѣсколькихъ заимствованныхъ у другихъ идей, было не такого свойства, чтобы направить умъ, уже довольно искусившійся въ разработкѣ философскихъ матеріаловъ, и сообщить ему опредѣленный образъ мыслей, хотя съ другой стороны, оно не было лишено ни глубокомыслія, ни возвышеннаго эстетическаго оживленія, свойственнаго личности философа. Однако можно сказать, что собственно въ Геттингенѣ Галичъ установился въ извѣстныхъ началахъ философіи. Несомнѣнно то, что здѣсь образовались у него убѣжденія, во первыхъ, что исторія философіи составляетъ необходимую и важнѣйшую часть изученія философіи, и во вторыхъ, что наиболѣе удовлетворительные результаты философскаго мышленія заключаются въ школѣ Шеллинга. Галичу показалось, какъ и многимъ тогда, что послѣ Кантовскаго разгрома близорукой метафизической догматики и послѣ отчаянныхъ идеализаций Фихте; одинъ Шеллингъ въ состояніи былъ повести философію новымъ путемъ къ рѣшенію задачъ, искони обременявшихъ умъ человѣческой, и главное, примирить субъективныя и объективныя начала истины, что не удалось ни Канту, ни Фихте, — одному потому, что онъ то слишкомъ мало, то слишкомъ много довѣрялъ уму, а другому потому, что онъ довѣрялъ одному уму. Шеллингъ, отождествляя идею и бытіе въ верховномъ или абсолютномъ разумѣ и дѣлая человѣка отраженіемъ божественной сущности, повидимому, устранилъ всякое противорѣчіе между знаніемъ и дѣйствительностью. Что Галичъ скоро отдался, хотя и не всею душой, однако лучшими ея стремленіями, Шеллингу, это неудивительно. Онъ былъ молодъ, пылокъ и притомъ въ избыткѣ надѣленъ тою молодецкою русскою от-

вагой, которая готова перескакивать через преграды вмѣсто того, чтобы преодолевать ихъ, и не слишкомъ заботясь о правильныхъ изслѣдованіяхъ, готова пускаться въ ходъ фантазію, а умъ оставлять позади, какъ вспомогательную силу, для оправданія того, что она надѣлаетъ страннаго и неудобнаго. Наконецъ, онъ находился тамъ, гдѣ Шеллингово ученіе увлекало умы, и болѣе приготовленные къ серіозному и строгому изученію. Къ этому нельзя не прибавить, что въ Шеллинговой философіи была своя сторона умственнаго превосходства надъ другими современными ученіями и такъ много возвышеннаго въ эстетическомъ смыслѣ и обаятельнаго для людей съ благороднымъ сердцемъ и поэтическимъ настроеніемъ духа, что было бы въ самомъ дѣлѣ удивительно, еслибъ одинъ изъ людей, обладающихъ подобными качествами, не сталъ, хотя на время, въ ряды ея жаркихъ поклонниковъ. Гораздо позже, какъ мы увидимъ, Галичъ, не переставая быть шеллингистомъ для своихъ учениковъ, такъ-сказать, по ихъ востребованію, для самого себя усвоилъ образъ мыслей, гораздо болѣе независимый отъ всякихъ авторитетовъ. Главное, онъ вовсе не былъ такимъ безусловнымъ приверженцемъ принятой имъ въ Германіи системы, чтобы не усомниться въ метафизическихъ основаніяхъ какъ ея, такъ и разныхъ другихъ ученій, — и уже совершенно не былъ способенъ сдѣлаться такимъ одностороннимъ ихъ приверженцемъ, какимъ, на примѣръ, былъ, впрочемъ весьма почтенный собратья его по Шеллингу, Велланскій. Можно было бы, повидимому, упрекнуть Галича за этотъ индифферентизмъ или за это колебаніе и нѣкотораго рода двойственность въ его взглядахъ и убѣжденіяхъ. Но во первыхъ, не могъ же онъ не знакомить своихъ учениковъ съ тою системой, которая господствовала въ наукѣ его времени, и съ которою онъ самъ до нѣкоторой степени сроднился. Это тѣмъ болѣе могла допустить его профессорская совѣсть, что ученіе Шеллинга какъ нельзя благотворнѣе дѣйствовало на нравственное и эстетическое чувство его учениковъ. Вотъ почему, Галичъ обладалъ особенною гибкостью и особеннымъ складомъ ума, по которымъ, бывъ единожды твердо убѣжденъ въ нравственномъ достоинствѣ и назначеніи чело-вѣка и въ чистѣйшихъ нравственныхъ принципахъ, онъ во всемъ прочемъ не считалъ своихъ стремленій и своего разумнѣя отвѣтственными передъ судомъ истины и верховнаго разума. Онъ былъ достаточно уменъ для того, чтобы съ безотчетною увѣренностію склоняться передъ тѣмъ, за неопровержимую истину чего не въ состояніи поручиться никакое ученіе, никакая система, хотя въ то же время

очень хорошо зналъ, что человекъ вполне вырабатывается, только постоянно и разумно преслѣдуя эту истину, какъ свой высочайшій идеаль.

Послѣ годичныхъ занятій въ Геттингенѣ истекло трехлѣтіе, назначенное для ученія будущимъ нашимъ профессорамъ за границею. Галичу однако хотѣлось изъ школы выйти на свѣтъ Божій, если не для того, чтобъ изучать его, то для того, чтобы насладиться его зрѣлищемъ. По просьбѣ нашего ученаго, ему дозволено было продлить еще на годъ свое заграничное пребываніе. Въ продолженіе этого времени онъ обозрѣлъ почти всѣ замѣчательныя мѣста южной Германіи, посѣтилъ Англію, Парижъ, и помышляя уже о возвращеніи въ отечество, направился въ Вѣну. Это было въ 1811 году. Кажется, его немного занимали тогдашнее напряженное политическое состояніе Европы и направленіе умовъ въ посѣщенныхъ имъ странахъ. Онъ предавался съ полною беззаботностью русскаго человекъ и туриста удовольствію видѣть новыя предметы и наслажденію никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемой свободой. Ему приходилось заботиться развѣ объ одномъ, чтобъ источникъ небольшихъ назначенныхъ ему отъ казны матеріальныхъ средствъ не изсякъ на чужбинѣ. Галичъ не чуждъ былъ искушенія погулять, хотя не роскошнымъ образомъ, потому что привычки его, какъ и желанія, были очень недорогія, однако все-таки не безъ опасности для его тощаго кармана. Случалось не разъ, что послѣ нѣкотораго угощенія себя, ему приходилось въ слѣдующіе за тѣмъ дни вести уже весьма скромный и умѣренный образъ жизни и на собственныхъ ногахъ совершать путешествіе, не прибѣгая къ пособію дилижансовъ, такъ какъ желѣзныя дороги были тогда еще неизвѣстны. Разказывали, что въ Лондонѣ онъ встрѣтился съ другимъ русскимъ путешественникомъ, товарищемъ по заграничному ученію, тоже вознаграждавшимъ себя полною свободой и нѣкоторыми удовольствіями за трехлѣтніе умственные труды. На одномъ изъ нихъ верхняя одежда достигла такого плачевнаго состоянія, что носящему ее, будь онъ даже невзыскательнымъ русскимъ ученымъ, трудно уже было показаться въ люди. Оба, помѣщаясь въ одной квартирѣ, умудрились довольствоваться однимъ экземпляромъ платья, которое было покрѣпче и попристойнѣе, и когда одному предстояло выйти со двора, тогда другой совсѣмъ раздѣвался въ пользу своего собрата и прятался подъ одѣяло на постели до его возвращенія. Къ счастью, ростомъ они довольно близко подходили другъ къ другу. Такъ прошло нѣсколько дней, но продолжаться это не могло тѣмъ болѣе, что хозяинъ квар-

тиры началъ замѣчать, съ какими безсребренниками онъ имѣеть дѣло. Галичъ отправился въ русское посольство, гдѣ принужденъ былъ вытерпѣть разныя нотаци, однако получилъ деньги, нужныя для возвращенія въ отечество, и тутъ же братски раздѣлилъ ихъ со своимъ товарищемъ. По выѣздѣ изъ Англіи они разстались, потому что Галичъ непремѣнно рѣшился побывать въ Вѣнѣ, а товарищъ его избралъ другой путь. Не помнимъ гдѣ, въ Боннѣ или Гейдельбергѣ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько недѣль, поэтическое простосердечіе и совершенная неопытность въ житейской практикѣ натолкнули было его на нелѣпое приключеніе. Онъ помѣстился на квартирѣ у какого-то бѣдняги ремесленника, съ которымъ за кружкой пива очень подружился. У Нѣмца была дочь, дѣвочка лѣтъ 15 или 16. Своимъ милымъ виднымъ личикомъ и живостію она сильно пригласулась нашему философу, и онъ, недолго думая, рѣшился предложить ей свою руку и сердце. Здѣсь видѣнъ тотъ же самый Галичъ, какимъ онъ былъ во всю свою жизнь, то-есть, человѣкомъ, живущимъ въ мірѣ идей, чуждымъ условіямъ дѣйствительности. Онъ не подумалъ о томъ, что дѣвочка очень молода и вовсе не способна еще раздѣлить его чувствованій, что онъ самъ вовсе не приготовленъ для семейнаго быта, и что главное, у него нѣтъ для того никакихъ средствъ. Было бы, конечно, странно, еслибъ являсь изъ-за границы въ Петербургъ, онъ, вмѣсто всякихъ другихъ правъ на казенное содержаніе, на примѣръ, вмѣсто какой-нибудь диссертаци, представилъ конференціи института свою молоденькую жену. Но все это ничего не значило для Галича, и молодость невѣсты не пугала его. Онъ даже находилъ это особенно благопріятнымъ для себя, надѣясь воспитать и настроить ее по своему вкусу; о средствахъ же содержанія какъ тогда, такъ и послѣ онъ помышлялъ мало. Какъ человѣкъ, совершенно незнакомый съ такъ-называемымъ комфортомъ, этой болѣзнью и превосходствомъ вѣка, онъ вполне довѣрялъ евангельскому изреченію, что птицы небесныя не сѣютъ и не жнутъ, а бываютъ сыты, и что дастъ Богъ день, дастъ и пищу. Отецъ дѣвочки, очень полюбившій молодого человѣка, былъ не прочь согласиться отпустить дочь свою въ далекую и холодную Россію; но мать благоразумно и рѣшительно воспротивилась этому безразсудному намѣренію, на принятіе коего, вѣроятно, имѣло вліаніе и пиво. И видно, уже судьбѣ угодно было, чтобы Галичъ, изучая исторію философіи и жизнь философовъ, а слѣдовательно, и Сократа, на собственномъ опытѣ узналъ, что значить имѣть жену Ксантипу, какъ то случилось въ послѣдствіи. Онъ удовольствовался теперъ тѣмъ, что

удѣлилъ дѣвочкѣ частицу изъ своего убогаго капитала на подвѣчное платье въ будущемъ и простился съ нею на вѣки.

Но вотъ наконецъ Галичъ въ Вѣнѣ. Употребивъ нѣсколько дней на обзорѣніе города, онъ почувствовалъ не безъ ужаса, что у него въ карманѣ остается только нѣсколько крейцеровъ, а за квартиру ничего не заплачено. Для вящаго удостовѣренія въ этомъ неприятномъ обстоятельстве хозяинъ его, вѣроятно, не большой философъ, но большой скептикъ относительно задолжавшихъ ему постояльцевъ, началъ бросать на него какіе-то подозрительныя, зловѣщія взгляды. До Россіи было далеко, а до тюрьмы очень близко. Галичъ, при видѣ угрожавшаго ему печальнаго крушенія, бросился къ единственному спасительному снаряду для подобныхъ ему утопающихъ въ безднежи путешественниковъ, къ нашему посольству. Онъ добился аудіенціи у самого посланника и представилъ ему свои нужды и бумаги. Посланнику, безъ сомнѣнія, было извѣстно, какъ часто и дома, и за границею главнымъ источникомъ нашего разоренія служить извѣстная молодецкая привычка наша тратить деньги на все, кромѣ существенныхъ надобностей. На этомъ основаніи онъ сперва наотрѣзъ объявилъ Галичу, что казна не отпускаетъ ему ничего на пособія нашимъ промотавшимся ученымъ и неученымъ путешественникамъ. Но потомъ, всмотрѣвшись внимательнѣе въ предстоявшаго ему бѣднягу, посланникъ убѣдился, что это самое простодушное и искреннее существо, что онъ вовсе не какой-нибудь записной гуляка, а напротивъ того чѣловѣкъ съ очевидными признаками знаній и таланта, и что если и случалось ему по молодости промахнуться и бросить какой-нибудь талеръ не туда, куда слѣдовало, то кто же Богу не грѣшенъ, а царю не виноватъ. Послѣ довольно серіозно и непривѣтливо сказанныхъ первыхъ словъ, посланникъ сдѣлалъ ему еще нѣсколько вопросовъ, и выслушавъ объясненія Галича, наконецъ сказалъ: „Повторяю, казенныхъ денегъ у меня для васъ нѣтъ; но я дамъ вамъ своихъ столько, чтобы вы были въ состояніи уплатить здѣсь вашъ долгъ и возвратиться въ Петербургъ, а чтобы вы могли еще что-нибудь и сберечь, я прикажу курьеру, который отправляется мною въ Галицію до границъ Россіи, взять васъ съ собою. Значить, не малая часть пути вамъ ничего не будетъ стоить. Прощайте“. Галичъ тотчасъ получилъ достаточную сумму денегъ, и съ нею всѣ его опасенія и страхи разсѣялись. Но какъ выздоравливающій больной, въ которомъ съ восстановленіемъ силъ возникаютъ снова и прежнія желанія, привычки и расположенія даже къ предметамъ, не приносившимъ особен-

ной пользы его здоровью, Галичъ съ небольшими своими деньгами почувствовалъ себя чуть не Крезомъ, и мысль о сбереженіи, столь благосклонно внушенная ему добрымъ вельможею, тотчасъ ускользнула изъ его памяти. Вообще Галичъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ деньгами. Ни въ молодости, ни въ зрѣломъ возрастѣ онъ не былъ мотомъ. У него не было такихъ страстей и пристрастій, удовлетвореніе коихъ требовало бы значительной траты времени, силъ и денегъ, до послѣдняго горестнаго періода его жизни, о чемъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ. Онъ не предавался съ излишествомъ даже тѣмъ удовольствіямъ, которыя приходились ему по вкусу и средствамъ, и которыя онъ имѣлъ право считать законными. Тѣмъ не менѣе деньги, попавшія въ его руки, никакимъ образомъ не могли оставаться тамъ долго. То онъ купитъ вещь, которая ему ни на что не годится, единственно потому что продавецъ усердно ее предлагаетъ; то у него выманитъ деньги какой-нибудь плутъ подъ предлогомъ займа безъ возврата, о чемъ впрочемъ Галичъ никогда и не напомнитъ; то при покупке или какой-нибудь уплатѣ его немилосердно обсчитаютъ, или явится необходимость угостить и поподчивать пріятеля на свой счетъ. Случалось, что онъ рѣшительно послѣднюю копѣйку отдавалъ бѣдному, который умѣлъ показаться ему или былъ дѣйствительно особенно жалкимъ. Отправившись, какъ сказано выше, съ курьеромъ до границъ Россіи, онъ не преминулъ свести съ нимъ дружбу и на каждой станціи, гдѣ приходилось имъ останавливаться нѣсколько подолѣе, свидѣтельствовать эту дружбу угощеніемъ. Когда Галичъ былъ уже въ предѣлахъ отечества въ началѣ 1812 года, ему снова стало угрожать безденежье. Кое-какъ однако, съ горемъ пополамъ, онъ добрался до Кіева и здѣсь уже окончательно сѣлъ на мель. Оставалось одно, опять прибѣгнуть къ помощи правительства или правительственныхъ лицъ. Въ Кіевѣ былъ тогда военнымъ губернаторомъ знаменитый графъ Милорадовичъ, и Галичъ рѣшился обратиться къ нему съ просьбою дать ему средства достигнуть Петербурга. Генеральъ подвергнувъ его предварительному изслѣдованію; онъ долго разспрашивалъ о томъ, какія страны Европы онъ посѣщалъ, гдѣ, чему и какъ учился и пр. Наконецъ, вѣроятно, удовлетворенный отвѣтами и объясненіями молодого человѣка, онъ съ обычнымъ своимъ добродушіемъ снабдилъ его сотнею рублей серебромъ и посовѣтовалъ ему, не теряя болѣе времени, спѣшить въ Петербургъ. Галичъ всегда съ благодарностію вспоминалъ о пріемѣ, сдѣланномъ ему Милорадовичемъ, кото-

рый хотя нѣсколько озадачилъ его сперва чѣмъ-то въ родѣ вопроса, однако кончилъ тѣмъ, что весьма ласково съ нимъ обошелся и радушно ему помочь.

Наконецъ, послѣ четырехлѣтняго отсутствія, Галичъ прибылъ въ Петербургъ въ 1813 году. Тогда не было необходимостію пріобрѣтать степень магистра или доктора для занятія профессорской каѳедры. Въ замѣнъ этого онъ подвергся строгому испытанію изъ философіи въ конференціи педагогическаго института. Сверхъ того отъ него потребовали диссертациі, которая должна была служить и нѣкотораго рода программю будущихъ его институтскихъ лекцій или вступленіемъ къ нимъ. Экзаменъ былъ выдержанъ Галичемъ блистательно, а диссертацию его поручено рассмотреть профессорамъ Кайданову, Орлаю, Герману и профессору медико-хирургической академіи Велланскому, который, какъ извѣстно, свои фізіологическія лекціи подчинялъ философскимъ умозрѣніямъ, исключительно въ духѣ Шеллинговой школы. Первые отозвались о ней съ большими похвалами, особенно былъ доволенъ ею Германъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ по уму, знаніямъ и характеру профессоровъ педагогическаго института, бывшій членомъ академіи наукъ и въ послѣдствіи инспекторомъ въ Екатерининскомъ институтѣ и Смольномъ монастырѣ. Велланскій же представилъ о диссертациі особое мнѣніе, въ которомъ между прочимъ говоритъ:

„Диссертациа г. Галича показываетъ безпристрастному сужденію почти въ равной степени достоинства и недостатки. Для прозаическихъ читателей имѣетъ она непріятный вкусъ, и строгая логика догматиковъ и сенсуалистовъ не сыщеть здѣсь никакого удовлетворенія. Содержаніе сочиненія весьма важное, но способъ представленія не соотвѣтствуетъ достоинству онаго. Кому настоящее понятіе о философіи чуждо, тотъ въ каждомъ почти періодѣ сего сочиненія найдетъ причину къ соблазну и посмѣянію повѣданной тутъ истины. Поэтическій духъ свойственъ философіи по одинаковой сущности поэзіи съ философіей; но ежели сію представить въ комическомъ видѣ, то она покажется всякому смѣшною. Здѣсь смѣшано высокое съ низкимъ, важное съ малозначащимъ, тайное съ открытымъ, трудно понимаемое съ удобопонятнымъ, такъ что для подробной оцѣнки предмета нужно бы очистить его отъ таковой смѣси и представить въ сообразнѣйшемъ видѣ“.

Рецензію свою Велланскій заключаетъ слѣдующими словами:

„Впрочемъ изъ сочиненія Галича явствуетъ, что онъ имѣетъ столько же любви, сколько и способности къ философіи. Историческія познанія его въ оной обширны, а существенное содержаніе какъ прежней, такъ и нынѣшней философіи ему весьма извѣстно“.

Упреки, сдѣланные рецензентомъ автору за его изложеніе, понятны и не лишены основанія; рецензентъ требовалъ отъ философіи догма-

тически опредѣленнаго и выдержаннаго характера, между тѣмъ какъ Галичъ, вообще глубоко и поэтически сочувствуя высокимъ ея задачамъ, но своеобразный по своему характеру, не всегда съ точностію придерживался принятыхъ и условленныхъ приѣмовъ въ сужденіяхъ о ея частностяхъ. Онъ любилъ свободу мысли и слова, и занятый, по видимому, одними серіозными думами, не стѣснялся въ выраженіяхъ, когда что-нибудь вдругъ поражало его или своею рѣзкостію, или несообразностію, или чѣмъ-нибудь, подходящимъ подъ юмористическую точку зрѣнія. Мы увидимъ, что и въ послѣдствіи, въ періодъ уже полной зрѣлости своего философскаго мышленія, онъ также со стороны своихъ официальныхъ судей подвергся порицанію за свой юморъ въ изложеніи философскихъ вопросовъ. Теперь конференція педагогическаго института, признавъ Галича вполне достойнымъ занять катедру философіи, о диссертациіи его отозвалась, „что по множеству содержащихся въ ней новыхъ и либо никѣмъ, либо самымъ малымъ числомъ философовъ принятыхъ умозрѣній, ее печатать не слѣдуетъ“, и притомъ положила внушить Галичу, „чтобы онъ при преподаваніи въ російскихъ училищахъ философскихъ наукъ отнюдь не вводилъ своей системы, а держался бы книгъ, начальствомъ введенныхъ“. Бывшій попечитель Уваровъ, одобрявъ это мнѣніе, исходатайствовалъ у министра народнаго просвѣщенія утвержденіе Галича въ должности адъюнкта-профессора съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ.

Диссертациія Галича дѣйствительно должна была удивить и озадачить ученое сословіе. Уже самою формою своею она совершенно отступала отъ принятыхъ правилъ академическаго изложенія. Галичъ выразилъ свои мысли въ видѣ письма къ нѣкоему Агатону, молодому человѣку, жаждущему мудрости, стараясь укрѣпить въ немъ живое чувство къ истинѣ и показать пути, ведущіе къ ней. Такой способъ авторъ избралъ, вѣроятно, потому что онъ предоставлялъ болѣе простора его взглядамъ и фантазіи. Притомъ онъ служилъ указаніемъ на ту внутреннюю душевную связь, какая, по мнѣнію автора, должна соединять юношество, жаждущее знанія, съ его руководителями и наставниками. Сочиненіе это похоже болѣе на пламенный витиеватый диопрамбъ въ честь истины, нежели на строгую ученую разработку и изложеніе содержанія философіи. Тутъ видѣнъ умъ, пропитанный всѣми возвышенными идеями, какія возникаютъ изъ умозрительныхъ стремленій человѣческаго духа, когда онъ самъ себя ставитъ источникомъ и мѣриломъ всякаго знанія. Возбуждая въ читателѣ ревность

въ изысканію философскихъ истинъ, авторъ при этомъ опирается преимущественно на нравственное чувство и требуетъ отъ занимающихся философіей прежде всего мужественной силы воли и характера. Не смотря на то, что въ настроеніи его мыслей оказывается, очевидно, вліяніе Шеллинга, въ немъ въ то же время видѣнъ мыслитель, почерпающій живое убѣжденіе и живое слово въ собственномъ умѣ и сердцѣ. Серіозный и нерѣдко выпрєнный и патетическій ходъ его мышленія не мѣшаетъ ему однако предаваться особенной, ему свойственной какою-то прихотливой игривости ума, наводившей его на самыя оригинальныя, неожиданныя сближенія и соотношенія въ мысляхъ и языкѣ, на что, какъ мы видѣли уже, такъ жаловался строгій рецензентъ Галича, Велланскій. Вторая половина его диссертациі посвящена вся историческому обзорнѣю философіи отъ древнѣйшихъ временъ, начиная съ Индійцевъ, до позднѣйшаго времени. Это, безъ сомнѣнія, замѣчательнѣйшая часть его труда. Здѣсь уже является передъ нами строгій, изслѣдующій и критическій умъ съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній. Это обзорнѣе, представляющее ходъ философіи въ сжатыхъ чертахъ, превратилось послѣ въ полную исторію ея, которую Галичъ и издалъ въ свѣтъ ¹⁾.

Здѣсь, можетъ-быть, у мѣста провести нѣкоторую параллель между двумя учеными, которые въ одно и то же время считались у насъ представителями Шеллингова ученія, именно между Велланскимъ и Галичемъ. Оба они были дѣйствительно шеллингисты; но отношенія ихъ къ главѣ школы были весьма различны, и многое, почему одинъ изъ нихъ былъ признаваемъ за односторонняго ея приверженца, основывалось единственно на нѣкоторыхъ изданныхъ имъ книгахъ, а не на точномъ и основательномъ знакомствѣ вообще съ его идеями и характеромъ. Велланскій вполне и безусловно былъ послѣдователемъ Шеллинга. Онъ простодушно и искренно вѣровалъ въ начала своего учителя и считалъ возможнымъ объяснить ими всѣ явленія жизни, рѣшить всѣ вопросы и недоумѣнія челоуѣческаго ума, не исключая вопросовъ своей науки, требующей совершенно другаго метода и приемовъ изслѣдованія. Стоитъ только прочесть *Пролюзію къ медицинѣ* и *Біологію* Велланскаго, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Въ нихъ содержится не простое и объективное изложеніе ученія, съ кото-

¹⁾ Читатели найдутъ въ приложеніи нѣсколько отрывковъ изъ диссертациі Галича (см. прилож. II). Въ слѣдующемъ за тѣмъ приложеніи изложены, въ видѣ представленія начальству педагогическаго института, главныя основанія философіи, какъ онъ тогда понималъ ее.

рымъ онъ хотѣлъ бы познакомить любознательные умы, а энергическое провозглашеніе, пропаганда идей, принятыхъ къ сердцу, духъ какого-то сектаторства, исключаящій всякое противоположное мнѣніе. Велланскій не только стремится къ истинѣ съ жаркою любовію и вѣрою въ нее, но по обычаю людей, увлеченныхъ чувствомъ и недоложно проникательныхъ, онъ увѣренъ, что уже нашелъ ее. Мало знакомый съ историческимъ движеніемъ философіи или обращавшій на него мало вниманія, неспособный къ критическому анализу, онъ легко и всецѣло предался системѣ, столь обаятельной на первый взглядъ для людей, которые при самомъ рожденіи истины желали бы видѣть ее облеченною въ пурпуръ царственнаго величія и во всемъ блескѣ поэзіи, для людей, которые желаютъ результатовъ прежде, чѣмъ ознакомились съ путями и средствами къ ихъ достиженію, и которыми наконецъ самая любовь ихъ ко всему прекрасному и возвышенному, при нетвердости анализирующей и контролирующей силы, помогаетъ обольщаться ихъ призраками. Совсѣмъ другое видимъ въ Галичѣ. Раздѣляя со своими соотечественниками наклонность ко всякимъ заимствованіямъ у иностранцевъ, а главное, не находя у себя дома ни матеріаловъ, ни опоры, ни даже традицій философскихъ, сколько-нибудь соотвѣтствовавшихъ требованіямъ мыслящаго челоувѣчества, онъ естественно долженъ былъ применить къ какой-нибудь школѣ въ классической странѣ философіи, откуда мы и поднесъ черпаемъ большую часть нашего научнаго богатства. Подобно Велланскому, и онъ восчувствовалъ на себѣ могучее вліяніе Шеллинговой системы не только потому, что она была новая, но и потому, что она дѣйствительно удовлетворяла въ извѣстной степени и направленіи благороднѣйшимъ требованіямъ его духа. Но у Галича было то, чего недоставало Велланскому: не менѣе его способный сочувствовать всему истинному и высокому въ наукѣ, жизни и челоувѣствѣ, онъ въ то же время понималъ еще, что нѣтъ никакой возможности все это истинное и высокое ни подчинить разумнѣю одной какой-нибудь доктрины, ни направить ихъ исключительно по ея началамъ. Онъ обладалъ не одною способностію воспріятія, по которой люди дѣлаются энтузіастами всего, чего угодно, но умомъ твердымъ, испытующимъ, критическимъ, какимъ немногіе изъ нашихъ ученыхъ обладали въ его время. Въ вопросахъ, затрудняющихъ челоувѣчество искони, онъ, подобно другимъ сильнымъ умамъ, скорѣе могъ остановиться между *да* и *нѣтъ*, чѣмъ произнести то или другое на вѣтеръ съ рьяностію фанатика или недоучившагося школьника. Онъ не былъ энтузіастомъ никакого ученія,

точно также, какъ не уважалъ особенно никакого житейско-практическаго принципа, зная очень хорошо, что одно можетъ избѣниться съ успѣхами науки, а другой потонуть въ водоворотѣ и хаосѣ человѣческихъ страстей, моды и проч. То, чему онъ довѣрялъ вполнѣ, это — законъ нравственнаго достоинства и усовершенствованія человѣка. Въ немъ утвердился духъ истинно философскаго, то-есть, свободнаго мышленія, которое всегда было готово перешагнуть за предѣлы признаннаго имъ самимъ авторитета, и если не пойдти своимъ путемъ далѣе, то по крайней мѣрѣ попытаться заглянуть и въ другія сферы мысли. Нѣтъ сомнѣнія, что историческое изученіе философіи, которому онъ посвятилъ лучшую часть своихъ усилій и времени, много содѣйствовало къ удаленію его отъ упорнаго догматизма. Въ сравненіи, анализѣ и критической оцѣнкѣ различныхъ системъ онъ приобрѣлъ ту умственную опытность и тотъ навыкъ основательнаго и безпристрастнаго сужденія, которыя ставятъ каждое положеніе и каждое начало на приличное имъ мѣсто, видятъ взаимную ихъ связь, отношенія, зависимость и не допускаютъ исключительнаго господства ни одного изъ нихъ. Мы часто слышали отъ него слѣдующія слова: „Умъ человѣческой удивительно способенъ гнуться подъ тяжестью собственныхъ приобретеній, и это ненатуральное положеніе грозитъ ему ежеминутно паденіемъ. Умѣйте найти центръ тяжести и соразмѣрить ее съ вашими силами, чтобы держаться на ногахъ и идти прямо“. Самое существенное, что Галичъ заимствовалъ у Нѣмцевъ и чему неуклонно слѣдовалъ во всѣхъ своихъ ученыхъ трудахъ, это — систематизированіе мыслей. Онъ, по справедливости, считалъ Нѣмцевъ лучшими образцами систематически-научныхъ построеній и примѣромъ ихъ руководствовался не только въ архитектурникѣ цѣлыхъ ученій, но даже въ подробностяхъ, и это подало поводъ критикѣ обвинять его въ излишествѣ дѣленій, подраздѣленій и вообще въ сложности и германизмахъ изложенія.

Сравненіемъ нашимъ двухъ сопоставленныхъ здѣсь лицъ мы вовсе не имѣли въ виду возвысить одно на счетъ другаго. Мы напротивъ того отдаемъ полную справедливость Велланскому за чистоту и твердость его убѣжденій и за послѣдовательность, съ какою онъ проводилъ въ нашу умственную среду принятія имъ начала, даже за его довѣріе къ отвлеченнымъ истинамъ, обеспечивающимъ возрѣніямъ ума нашего необходимую широту горизонта и противодѣйствующимъ конечному опошленію въ насъ эмпирическихъ наклонностей. Мы признаемъ, что увлеченія Велланскаго были плодомъ благороднаго стремленія къ исти-

нѣ, и что самая односторонность его понятій заслуживаетъ уваженія: она была результатомъ научной дѣятельности, а не одной слѣпой и лѣнивой готовности думать, какъ думаютъ другіе. Онъ проявлялъ эту дѣятельность не урывками, не механически составленными компиляціями, а цѣлымъ рядомъ систематически соображенныхъ и сознательно усвоенныхъ себѣ мыслей. Тутъ былъ установившійся и выдержанный характеръ, а этимъ, какъ извѣстно, немногіе изъ нашихъ мыслителей и дѣятелей могутъ похвалиться. Но въ дому истины обитатели многія суть; стремящіеся къ ней могутъ входить въ него съ разныхъ сторонъ въ разныя двери, и каждый устраиваться въ немъ по своему достоинству и роду своихъ заслугъ, не отнимая мѣста у другаго. Противопоставляя другъ другу двухъ нашихъ мыслителей, мы хотѣли этимъ только означить различіе ихъ свойствъ и показать, какими направленіями были движимы дѣятели нашей науки, еще шаткой и не установившейся, а вовсе не съ тѣмъ, чтобы, по обычаю большей части біографовъ, выставить своего героя сколько возможно въ лучшемъ свѣтѣ.

Курсъ философіи, читанный Галичемъ въ педагогическомъ институтѣ и потомъ съ 1819 года въ университетѣ, заключалъ въ себѣ всѣ части ея, то - есть, логику, психологію, этику и метафизику. Но вскорѣ профессоръ пожелалъ къ этому присоединить и исторію философіи въ объемѣ и духѣ, соответствующемъ значенію и достоинству университетскаго преподаванія, на чтѣ и было получено согласіе начальства. Теоретическую часть науки онъ долженъ былъ согласовать съ требованіями послѣдняго; она была не та, какую предполагалъ онъ въ своей диссертациі, и какая была читана имъ послѣ нѣкоторымъ любознательнымъ юношамъ и даже зрѣлымъ любителямъ философіи у себя на дому; здѣсь господствовалъ Шеллингъ, тогда какъ академическое преподаваніе, держась въ рамѣ предписанныхъ руководствъ, имѣло характеръ болѣе эклектическій. Въ метафизикѣ онъ руководствовался сочиненіемъ Карпе, коего текстъ съ латинскаго языка студенты сами переводили на русскій. Въ исторіи философіи онъ держался сперва Теннемана, пока не написалъ и не издалъ своей собственной книги, для которой онъ пользовался уже и другими источниками.

Въ 1814 году, Галичъ, оставаясь адъюнктомъ въ педагогическомъ институтѣ, былъ опредѣленъ преподавателемъ латинскаго языка въ Царскосельскій лицей. Здѣсь онъ обнаружилъ рѣшительно свою неспособность къ той педагогической дѣятельности, которая лишь подготавливаетъ молодыхъ людей къ высшему знанію. Его роль была роль ава-

девическаго преподавателя, излагающаго содержаніе науки во всей ея обширности и полнотѣ, единственно по идеѣ и принципу ея специальныхъ требованій. Ему нужны были аудиторія, а не классъ, и слушатели, которыхъ бы онъ могъ руководить въ самостоятельномъ умственномъ трудѣ, а не ученики, коихъ умъ нуждается въ постоянномъ наблюденіи, искусномъ педагогическомъ пособіи и вмѣшательствѣ въ самыя отправленія развивающейся, но еще не укрѣпившейся ихъ мысли. Поэтому, конечно, было ошибкой со стороны лицейскаго начальства избрать такое лицо, какъ Галичъ, для элементарнаго преподаванія латинскаго языка, какъ со стороны послѣдняго было ошибкой взяться за такое дѣло. Вмѣсто педагогическихъ способностей, которыхъ ему не доставало, онъ развернулъ въ лицей свой характеръ, знакомый болѣе съ поэтической, чѣмъ съ практической стороной жизни, характеръ общительный, кроткій, въ высшей степени беззаботный, съ значительною долей юмора и ироніи и съ полнымъ нерасположеніемъ къ школьной дисциплинарности. Въ лицей онъ увидѣлъ передъ собою толпу юношей, милыхъ, веселыхъ, нѣкоторыхъ съ замѣчательными дарованіями, но вообще не слишкомъ обременявшихъ себя механизмомъ науки, и тотчасъ понялъ, что ему тутъ трудно будетъ насадить древо познанія латыни. Юноши въ свою очередь примѣтили, что ихъ новый наставникъ болѣе философъ, чѣмъ сколько нужно было для того, чтобы настойчиво занимать ихъ супинами и герундіями, и постарались, въ замѣнъ ихъ, извлечь изъ него другое добро, его теплое сочувствіе къ юношескимъ свѣтлымъ интересамъ жизни. Но какъ они были молодые люди благовоспитанные, то въ отношеніяхъ ихъ къ нему не могло быть ничего грубаго, а тѣмъ болѣе оскорбительнаго для человѣка, высшей умъ и неподдѣльная доброта котораго не могла не дѣйствовать укротительно на пылкія, но еще не успѣвшія испортиться молодыя сердца. Какъ бы то ни было, однако Галичъ былъ плохимъ преподавателемъ латинскаго языка въ лицей, а вмѣсто того очень приятнымъ собесѣдникомъ лицейскихъ воспитанниковъ, которые весело проводили съ нимъ время иногда за чтеніемъ своихъ стихотвореній, въ свободные часы, ни мало не пугаясь его профессорской осанки, которую они умѣли шадить, а его также не пугая слишкомъ шумною и игривою бесѣдой ¹⁾). „Ну, господа“, — гово-

¹⁾ Галичъ, живя въ Петербургѣ, для уроковъ пріѣзжалъ въ Царское Село и долженъ былъ, въ промежутокъ времени отъ однихъ классныхъ часовъ до другихъ, оставаться въ лицей, отчего у него была возможность особенно сближаться съ воспитанниками и виѣ классовъ.

риль онъ имъ послѣ оживленной далеко не школьной бесѣды, взявъ въ руки Корнелія Непота, — „теперь потрепемъ старика“. И юноши, по возможности, спѣшили удѣлить старику малую толику своего вниманія и времени. Пушкинъ, кажется, особенно полюбилъ молодаго философа, который не истязалъ ни его, ни товарищей склоненіями и спряженіями и былъ уменъ, веселъ, остроуменъ, какъ самъ будущій поэтъ, и притомъ обладалъ многими знаніями, если и не доступными тогдашнему положенію и возрасту автора „Онѣгина“, то не чуждыми его умственнымъ инстинктамъ. Начальство, кажется, однако скоро убѣдилось, что у такого учителя питомцы не выучатся по латыни, и потому Галичъ только годъ съ небольшимъ пробылъ въ лицѣѣ. Въ замѣнъ этого ему поручено было преподаваніе философіи въ благородномъ пансіонѣ при институтѣ и университетѣ, а потомъ русскаго языка въ Петропавловскомъ нѣмецкомъ училищѣ. Но и здѣсь, какъ въ лицѣѣ, онъ не могъ сладить съ учительскимъ дѣломъ, не смотря на то, что теперь онъ, повидимому, болѣе прилагалъ къ нему старанія, чѣмъ прежде. Ученики Галича не слушались его и до того своевольничали въ классѣ, что онъ принужденъ былъ оставить заведеніе. Нѣсколько времени онъ содержалъ также пансіонъ, преимущественно для дѣтей изъ казаковъ. Но вѣроятно, и тутъ Галичъ, способный весьма здраво и основательно разсуждать о педагогич., не много оказалъ успѣховъ въ ея практикѣ.

Въ 1817 году Галичъ былъ произведенъ въ экстраординарные профессора и въ этомъ званіи перешелъ и въ новооткрытый въ 1819 году С.-Петербургскій университетъ. Судьба, казалось, была благосклонна къ нему. Она дозволила ему жить и дѣйствовать для идеи и науки, а въ этомъ и состояли всѣ его желанія, какъ и призваніе. Ему не приходило на мысль добиваться чего-нибудь большаго; его житейскіе интересы были совершенно поглощены господствовавшими надъ нимъ интересами духа. Трудно было найти человѣка, который бы, подобно ему, былъ до такой степени преданъ своему дѣлу и такъ мало думалъ о вещахъ, не входившихъ непосредственно въ кругъ его ученой дѣятельности. При этомъ онъ имѣлъ великое утѣшеніе чувствовать, что его идеи не только содѣйствуютъ художественной обработкѣ его самого, но что онѣ не остаются безплодными и для его слушателей. Какъ ни недостаточно у насъ распространены философскія знанія, и какъ ни мало умъ нашъ усвоилъ себѣ навыкъ къ размышленію о предметахъ отвлеченныхъ, однако Галичъ нашелъ лица, готовые мужественно бороться съ трудностями философскихъ изысканій.

Наука, имъ преподаваемая, видимо возбуждала сочувствіе, а самъ преподаватель внушалъ уваженіе и довѣренность къ себѣ, что мы положительно знаемъ отъ его слушателей, и чему отчасти сами были свидѣтелями. Ученая репутація Галича возрасла и упрочилась особенно съ изданіемъ его *Исторіи философскихъ системъ* въ 1819 году. Сочиненіе это было рѣдкою новостію въ нашей ученой литературѣ. Это не простой переводъ какого-нибудь иностраннаго руководства, урѣзанный и сокращенный всячески, въ родѣ Брукеровой исторіи философіи 1788 г., не компиляція, механически сплоченная изъ одного или нѣсколькихъ авторовъ, чѣмъ, большею частію, обходились наши творцы ученыхъ и учебныхъ книгъ; это трудъ глубоко свѣдущаго въ своемъ дѣлѣ ученаго, который пользовался не однимъ, а многими источниками и пособиями, но пользовался ими съ критическою разборчивостію и пониманіемъ духа каждаго изъ нихъ, какъ и духа своей науки, и который обсуживалъ и излагалъ великія явленія человѣческой мысли съ безпристрастіемъ честнаго и добросовѣстнаго историка и съ проникательностію даровитаго мыслителя ¹⁾. Оригинальный способъ выраженія его нерѣдко озадачиваетъ читателя; но строгость ученаго метода, отчетливость и точность въ опредѣленіяхъ и поясненіи важнѣйшихъ пунктовъ каждой излагаемой имъ системы, обиліе указаній на источники и пособия, наконецъ, постоянное обращеніе взора на сущность и величіе рѣшаемой хотя и не рѣшимой человѣчествомъ, задачи, — все это отнимаетъ у критика смѣлость строго осуждать автора за индивидуальность, отражающуюся въ нѣкоторыхъ приемахъ его мысли и языка. Мы даже готовы признать эту индивидуальность, при соблюденіи качествъ, сейчасъ нами указанныхъ, за нѣкоторое новое достоинство: она даетъ намъ чувствовать, что мы имѣемъ дѣло

¹⁾ На русскомъ языкѣ есть еще въ позднѣйшее время изданныя двѣ исторіи философіи — архимандрита Гавріила, въ шести частяхъ, 1839 и 1840 года, и очерки исторіи философіи Надеждина, 1837 года. Но эти сочиненія явились въ свѣтъ уже послѣ *Исторіи философскихъ системъ* Галича. Отдавая полную справедливость знаніямъ почтеннаго отца Гавріила, нельзя однако не сказать, что книгъ его не достаетъ выдержанности ученаго характера — единства общей руководящей мысли и критической обработки матеріаловъ. Притомъ въ составленіи ея видна какая-то поспѣшность и небрежность въ изложеніи. Иное въ объясненіи разныхъ ученій, безъ всякой видимой причины, опущено, другое представлено въ слишкомъ поверхностномъ видѣ. Что касается до сочиненія Надеждина, то оно гораздо болѣе подходитъ подъ условія ученаго труда; но слѣдуя во всемъ Рейнгольдту, авторъ не проявилъ въ немъ нѣсколько самостоятельной мысли.

съ писателемъ, на характерѣ коего школа и школьная ученость не успѣли стереть слѣдовъ его выразительной натуральной фізіономіи. Разумѣется, достойной критической оцѣнки такой книги, какъ *Исторія философскихъ системъ* Галича, нельзя было ожидать отъ нашей литературы въ тогдашнее время, когда и теперь большею частію мы не въ состояніи ни одного произведенія ученаго или литературнаго анализировать въ духѣ истины и науки, не виѣшивая сюда своихъ маленькихъ пристрастій и страстей, особенно претензій крохотнаго самолюбія, готоваго оскорбиться всѣмъ, что изобличаетъ желаніе мыслить и писать не по нашему вкусу и видамъ. Какъ бы то ни было, а книга Галича въ свое время нашла себѣ читателей и почитателей въ средѣ лицъ, которыхъ онъ первый посвящалъ въ тайны исторіи человѣческой мысли, а потомъ и въ кругу другихъ любителей просвѣщенія.

Между тѣмъ какъ нашъ ученый съ большимъ трудомъ, но не безъ успѣха, воздѣлывалъ едва тронутую у насъ почву высаго знанія, между тѣмъ какъ онъ простодушно вѣрилъ, что расширеніемъ предѣловъ этого знанія онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изъ своихъ товарищей, честно исполняетъ свой долгъ предъ отечествомъ, — въ это самое время надъ мѣстомъ, гдѣ лелѣялись эти мечты, надъ С.-Петербургскимъ университетомъ, собиралась грозная туча. Она должна была поразить только-что возникшій университетъ неожиданнымъ ударомъ, отъ котораго не скоро ему пришлось оправиться, а бѣднаго Галича отбросить отъ предназначеннаго ему пути далеко въ сторону, даже до архива въ комиссаріатскомъ департаментѣ военнаго министерства, какъ увидимъ далѣе.

Въ половинѣ 1821 года въ ученое сословіи университета и въ кругахъ къ нему близкихъ начали носиться слухи о какихъ-то перемѣнахъ по учебной части, о новыхъ, составленныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, программахъ и т. п. Было что-то зловѣщее въ этихъ слухахъ, какъ въ глухомъ шумѣ начинающейся бури. Тогдашній, недавно опредѣленный послѣ С. С. Уварова исправляющимъ должность попечителя Руничъ былъ видимо и сильно чѣмъ-то озабоченъ. Его подвижная, суетливая натура, впечатлительная, одержимая пылкимъ желаніемъ чѣмъ бы то ни было и во что бы то ни стало отличиться передъ высшимъ начальствомъ, теперь находилась въ особенно тревожномъ состояніи. Частыя сношенія его съ нѣкоторыми двусмысленными университетскими личностями, отбирание у студентовъ тетрадей, кое-какія сказанныя имъ слова о неудовлетворитель-

номъ состояніи, въ какомъ онъ засталъ университетъ по вступленіи своемъ въ должность, все возбуждало въ университетской средѣ опасенія, что новый начальникъ приготовляетъ какіе-то новыя порядки, которые, какъ извѣстно, не всегда бывають лучшіе. Никто однако не питалъ ни малѣйшаго подозрѣнія о возможности того, чему предстояло случиться. И вдругъ, въ неопisanному изумленію и ужасу университета, на него, какъ камень съ воздушной высоты, упало обвиненіе ни болѣе, ни менѣе, какъ въ безбожій и революціонныхъ разрушительныхъ замыслахъ. Исправлявшему должность попечителя было предписано произвести о томъ тщательнѣйшее изслѣдованіе и отыскать виновныхъ для поступленія съ ними по всей строгости законовъ. Такое столь неожиданное, какъ и тяжкое обвиненіе, сдѣланнаея вскорѣ извѣстнымъ публикѣ, не могло не встревожить и не взволновать ея. Всѣ спрашивали съ недоумѣніемъ другъ друга: достоинъ ли это печальное открытіе? И неужели люди солидныхъ свойствъ и лѣтъ, столько времени преподававшіе науку въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, люди съ неукоризненною репутациею, и какъ граждане, и какъ ученые, — неужели они могли пуститься на такое отчаянное дѣло обучать юношество безвѣрью и проповѣдывать революцію? Всѣ съ нетерпѣніемъ желали узнать, на какихъ данныхъ основана подобная рѣшительная увѣренность, выросшая до энергическаго официальнаго преслѣдованія.

Событіе, къ которому мы теперь пришли, было многозначительнаго свойства не для одного С.-Петербургскаго университета; оно составляетъ важный и поучительный эпизодъ въ исторіи всего нашего умственнаго развитія и образованія. Поэтому, конечно, настоящее мѣсто его въ этой исторіи, а не въ монографіи, имѣющей цѣлю сообщить свѣдѣнія о жизни и ученыхъ трудахъ одного лица. Но судьба изображаемой нами личности такъ тѣсно связана съ этимъ событіемъ, что умолчать о немъ мы считаемъ совершенно невозможнымъ. Съ другой стороны, оно имѣетъ такой видъ явленія чрезвычайнаго, что коснувшись его, невольно чувствуешь необходимость вдуматься въ него внимательнѣе и глубже, а слѣдовательно, и остановиться на немъ долѣе. Мы такъ мало еще успѣли уяснить себѣ перемѣны и явленія нашего внутренняго быта, что не должны считать лишнимъ никакихъ покушеній для разъясненія ихъ теряющагося въ догадкахъ и толкахъ смысла. Поэтому мы просимъ читателя не поспѣвать на насъ за отступленіе, не только ведущее въ даль отъ главной нашей задачи, но и начинающееся, повидимому, слишкомъ издалека.

Дѣло С.-Петербургскаго университета, сколько само по себѣ оно ни знаменательно по духу своему и сопровождавшимъ его обстоятельствамъ, было только симптомомъ того потрясенія, которое въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія испытала система нашего образованія, дотолѣ казавшаяся опредѣленно установившеюся, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ своихъ основаніяхъ. Потрясеніе это невольно должно было возбудить сомнѣніе въ достоинствѣ и годности стремленій, руководившихъ нами со времени Петра Великаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ породить вопросъ: на какихъ же началахъ должна опираться интеллектуальная жизнь народа, прожившаго уже столько вѣковъ и носящаго въ себѣ явные признаки будущности долговѣчной и прогрессивной? Не слѣдовало ли уже намъ, опираясь, вмѣстѣ съ крайними славянофилами, на ученіи о національной самобытности, отрѣшиться отъ всего иноземнаго и создать даже свою науку? Но жребій былъ брошенъ: Россія должна быть державой европейскою, или что все равно, одною изъ дѣятельныхъ силъ въ системѣ и историческихъ судьбахъ человѣчества, — вотъ что не подлежало сомнѣнію. Мысль эта, вопреки всѣмъ поборникамъ исключительной національности, не смотря ни на какія особенности нашей общественной и политической организаціи, не смотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, на долговременное отчужденіе наше отъ Европы, инстинктивно пробивалась сквозь всѣ препятствія и заявляла себя въ разныя эпохи нашей исторіи, пока наконецъ не выразилась опредѣлительно и рѣзко въ геніи Петра Великаго и въ его реформѣ. Но что значитъ быть или сдѣлаться европейскою державою? Значитъ ли это — усвоить себѣ за одинъ разъ выработанныя вѣками учрежденія Европы, ея обычаи, формы ея быта? Такъ могло казаться въ началѣ, когда мы еще не въ состояніи были сколько-нибудь сознательно представить себѣ ни того, что такое Европа въ своемъ внутреннемъ обще-человѣческомъ значеніи, ни того, что такое мы сами, какъ нравственная и умственная индивидуальность, ни того, въ какомъ именно смыслѣ и въ какихъ предѣлахъ должно совершиться наше объединеніе съ нею. Намъ поразила и увлекла сценическая, такъ сказать, наружность великолѣпнаго зрѣлища образованности и цивилизаціи, ихъ готовые продукты, и этотъ родъ эстетическаго увлеченія не заключалъ въ себѣ еще ничего предосудительнаго. Онъ на первый разъ все-таки доказывалъ, по крайней мѣрѣ, нашъ изящный вкусъ, наше тайное сочувствіе къ началамъ, коихъ зародыши мы носили въ себѣ. Не вдругъ могло прійти время для разумной оцѣнки и полного пониманія той творческой силы, тѣхъ внутреннихъ пружинъ, ко-

торыя дали бытіе чудному зрѣлищу, столько насъ плѣннвшему. Надобно однако же понять, въ чемъ состоитъ эта сила, и гдѣ настоящій центръ движенія, долженствовавшего увлечь и насъ въ свою сферу и дать намъ характеръ народа европейскаго. Сила эта есть не иное что, какъ присущее Европѣ стремленіе ума человѣческаго къ развитію, коего предѣловъ никто усмотрѣть не можетъ, почему и называютъ его безпредѣльнымъ, къ развитію, коего глубочайшимъ выраженіемъ и непосредственнымъ результатомъ, при напутствующей его неизмѣнно идеѣ истины, служитъ наука. На каждой стадіи пути, который наука проходитъ, она слагаетъ жатву добытыхъ ею идей и началъ, и отдавъ ихъ вѣку на его потребности, идетъ далѣе, куда зоветъ ее всеильное и невѣдомое намъ предназначеніе нашей природы. И Европѣ вѣрено Провидѣніемъ воздѣланіе науки и миссія распространенія ея со всѣмъ, что отъ нея происходитъ, повсюду, даже „до послѣднихъ земли“. Поэтому цивилизація Европы и наука одно и то же. Все, въ чемъ человѣкъ полагаетъ найдти свое благо или чѣмъ упрочить его, всѣ напряженныя усилія его ума и воли, самыя откровенія генія, все имѣетъ цѣну, достоинство и заслугу только тогда, когда во главѣ его стоитъ руководящая идея истины; истина же не дается во власть ни слѣпому чувству, ни случаю, а дѣлается доступною только продолжительнымъ и упорнымъ изысканіямъ, опытамъ и стремленіямъ, поддерживающимъ другъ друга преемственно и послѣдовательно въ теченіе вѣковъ, — и только такимъ образомъ проясненная, доказанная и доведенная до степени возможной очевидности, она проливаетъ свое сіяніе на самыя отдаленныя, какъ и самыя близкія стороны и отношенія человѣческой жизни и дѣятельности. Наука — это міръ въ его законахъ и человѣкъ въ его разумѣ и судьбахъ. Слѣдуетъ ли изъ этого однако, что мы допускаемъ всемогущество науки и въ довершеніи этихъ судебъ? Нѣтъ: всемогущество принадлежитъ одному Провидѣнію. Самая безпредѣльность, въ которую вовлечены и человѣкъ, и наука, полагаетъ неодолимое препятствіе къ удовлетворенію нашихъ личныхъ требованій, нашихъ завѣтныхъ желаній, и не дозволяетъ намъ успокоиться ни на одной стадіи заповѣданнаго намъ шествія. Но для этого отертыи человѣку другіе пути, которые независимо отъ истины объективной, познаваемой, приводятъ его къ истинѣ, укорененной и чувствуемой въ его совѣсти и сердцѣ. Мы только вѣримъ въ абсолютную необходимость науки, выражающуюся въ вѣчныхъ и всеобщихъ требованіяхъ и законахъ нашего духа, нашей разумности, вѣримъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что наука

одна въ состояніи изъ существа, способнаго быть человѣкомъ, сдѣлать человѣка дѣйствительнаго, и злу, которое онъ обреченъ терпѣть на землѣ и поползновенъ дѣлать, способна противопоставлять наибольшія преграды, какъ и надѣлать его возможно большею мѣрою благъ.

Итакъ, вопросъ науки, Европою рѣшаемый, не есть ея мѣстный вопросъ, но всеобщій, существенный и всеобъемлющій вопросъ человечества. Мы называемъ его всеобъемлющимъ не только потому, что онъ относится ко всѣмъ людямъ, но потому, что въ немъ сосредоточены всѣ другіе вопросы — политическіе, соціальные, экономическіе, нравственные, сосредоточено все, чего разумное и удовлетворительное рѣшеніе можетъ обезпечиваться одною истиной. Понятно, что одно участіе въ его рѣшеніи съ какой бы то ни было стороны даетъ народу право быть народомъ европейскимъ, и слѣдовательно, народомъ всемірнымъ. Эта космополитическая идея ни мало однако не посягаетъ на своеобразное бытіе народа, на его національность. Безъ этого своеобразія развѣ можетъ быть мыслимъ народъ? Различіе національностей, какъ снѣгъ, опирающихся на опредѣленные и твердые центры, есть необходимое условіе раскрытія всего содержащаго въ человѣческомъ духѣ. То, что называютъ всемірною образованностію, есть капиталъ, слагающійся изъ многихъ и разнообразныхъ вкладовъ, лишь бы эти вклады были изъ чистаго серебра и золота, а не изъ фальшивой монеты.

Когда Петръ Великій широко распахнулъ передъ нами двери въ Европу, намъ надлежало уже принять за непреложный догматъ главныя послѣдствія этого историческаго шага, а въ числѣ этихъ послѣдствій первое мѣсто занимала наука. Не само русское общество, а государство — и въ этомъ состояла его величайшая заслуга — стоявшее во главѣ новаго движенія, успѣшило признать науку. Но весьма естественно, что сперва оно признало ее преимущественно для себя. Оно смотрѣло на науку, какъ на одно изъ орудій, долженствующихъ по его указанію, и разумѣется, при его пособіи, содѣйствовать его политическому возвышенію и могуществу. Петръ Великій понималъ, конечно, науку иначе, когда основывалъ академію; Екатерина II понимала ее иначе, когда стремилась устроить систему народнаго образованія. Но въ собственномъ, истинномъ и глубокомъ смыслѣ постигалъ значеніе науки для человечества и для своего народа тотъ, кто заложилъ у насъ самое зданіе ея — Ломоносовъ. Этимъ объясняются и его энергическое дѣятельное участіе въ основаніи высшаго ея органа, Московскаго уни-

верситета, и его стремленіе поставить науку во главѣ умственнаго движенія общества, и его патріотическое рвеніе сдѣлать ее достояніемъ русскаго ума, въ силу коего онъ справедливо вѣрилъ, потому что зналъ ихъ и совмѣщалъ въ себѣ, и его упорный антагонизмъ противъ иностранцевъ, желавшихъ присвоить себѣ и закрѣпить за собою монополію науки въ Россіи, и его благородно-горделивое сознание своего достоинства въ кругу людей высшаго званія, преклонявшихся въ лицѣ его передъ могуществомъ великой нравственной силы, и наконецъ, та свобода духа, которую онъ первый у насъ осуществилъ въ себѣ, и безъ которой могутъ употребляться имена и составляться программы наукъ, но не будетъ самой науки. Въ Ломоносовѣ совершился у насъ актъ уже не государственнаго, а національнаго признанія и усвоенія науки, актъ, который долженъ былъ послужить началомъ настоящаго, внутренняго преобразования и обновленія Россіи. Это было только начало, но начало, полное великихъ послѣдствій.

Могло ли однако новое начавшееся движеніе развиваться безпрепятственно? По закону всякой силы, помогающей и достойной успѣха, ей надлежало окрѣпнуть въ борьбѣ; и вотъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ послѣдней мы видимъ въ событіи, относящемся къ исторіи С.-Петербургскаго университета. Это не была борьба съ государственными преградами: государство само, какъ мы сейчасъ сказали, вызвавшее новое движеніе, обязанное ему своими лучшими успѣхами и блескомъ, было напротивъ того его опорой и охранителемъ. То не была борьба и съ обществомъ: общество врожденными ему склонностями и инстинктами вовлекалось неудержимо и быстро въ потокъ новыхъ идей. Это была борьба съ тѣми темными силами, которыя, какъ роковой неизбѣжный продуктъ страстей человѣческихъ и эгоизма, таятся во всякомъ порядкѣ вещей, и коихъ роль задерживать и обращать, по возможности, вспять всякое естественное развитіе жизни, все разумное, чтѣ хочетъ и стремится сдѣлать шагъ впередъ къ лучшему для всѣхъ, на сколько это позволено сомнительнымъ жребіемъ вещей человѣческихъ. Всегда и вездѣ являются люди, готовые стать подъ знамя этихъ силъ, не потому, чтобъ они сознательно хотѣли поддерживать зло—этого не бываетъ въ человѣческой натурѣ—но потому, что они лишены вкуса ко всему свѣтлому и великому и способны только къ грубому и пошлomu пониманію вещей. А между тѣмъ на ихъ долю часто выпадаетъ, по прихоти судьбы, возможность дѣлать много хорошаго и дурнаго, и тутъ-то и не оказывается у нихъ ни столько ума и образованія, чтобы въ сложныхъ вопросахъ, подлежащихъ ихъ рѣ-

шенію, отличить одно отъ другаго, ни столько душевной силы, чтобы признать надъ собою власть другихъ, болѣе разумныхъ руководящихъ началъ, чѣмъ тѣ, которыя тупо и неловко они признали за лучшія и вѣрныя. И въ сожалѣнію, эти люди вовлекаютъ въ свои виды и дѣлаютъ своими пособниками и такія силы, которыя не для того назначены, и которымъ никакъ не приходилось бы быть орудіями чужихъ дурныхъ страстей и нелѣпыхъ замысловъ. Но такъ бывало часто и будетъ и впредь, вѣроятно потому, что иначе быть не можетъ. Обстоятельства въ жизни человѣческой обыкновенно слагаются такимъ образомъ, что въ нихъ всегда можно найдти оружіе и на защиту, и на пораженіе истины; борьба во имя ея можетъ на время принять опасный для нея характеръ, понадобятся даже, и можетъ-быть, падутъ жертвы, и людямъ робкимъ и недалновиднымъ можетъ показаться въ эти зловѣщія минуты, что дѣло истины проиграно, тогда какъ оно только затруднено... Такъ было у насъ съ дѣломъ науки. Враждебныя ей обстоятельства существовали въ самомъ ходѣ вещей, и между прочимъ то, что сроднило насъ съ нею, наше сближеніе съ западною Европой, страннымъ образомъ послужило и точкой опоры для нападений на нее. Въ теченіе прошедшаго столѣтія связи наши съ западною Европой становились тѣснѣе и тѣснѣе. Начало нынѣшняго столѣтія скрѣпило ихъ общими страданіями, которыя разносилъ повсюду одинъ изъ опасныхъ и бѣдственныхъ геніевъ исторіи, слѣдуя за своею кровавою звѣздой; XII-й годъ освятилъ ихъ жертвами, принесенными Россіей для избавленія Европы отъ его славы и тираніи. Увлеченные силой этихъ связей, мы во многихъ случаяхъ смѣшивали необходимое для насъ въ общихъ видахъ Европы съ тѣмъ, отъ чего уклониться намъ слѣдовало и по чувству своего національнаго достоинства, и по внушенію своихъ интересовъ и потребностей. Многія изъ стремленій, тревогъ и опасеній, возникавшихъ въ средѣ европейскихъ народовъ вслѣдствіе ихъ національныхъ и историческихъ особенностей, вызывавшія и соответствовавшую имъ дѣятельность правительствъ, были намъ совершенно чужды. Какъ первая до насъ не касались, такъ и вторая не могла имѣть у насъ мѣста; иначе духъ заимствованія переходилъ бы уже свои законные предѣлы. Западная Европа уже долгое время выдерживаетъ процессъ перерожденія, коего исходъ и послѣдствія принадлежать, можетъ-быть, весьма отдаленному будущему. Германія, близкая намъ по многимъ причинамъ, около двадцатыхъ годовъ сдѣлалась особенно поприщемъ волнений. Для подавленія ихъ прибѣгли къ мѣрамъ репрессивнымъ, и какъ

духъ либеральный проявлялся преимущественно въ образованныхъ классахъ, а центромъ высшаго образованія были университеты, то репрессивныя мѣры, разливавшіяся потокомъ по всей странѣ, должны были, конечно, охватить и эти святилища науки. Все это — и то, что возбуждало умы къ волненію, и усилія, которыми думали его утишить, все это составляло домашніе счеты Нѣмцевъ. Казалось бы, что намъ не было никакого дѣла ни до того, что происходило въ средѣ ихъ, ни до того, какъ дѣйствовали тамъ люди власти. Наша общественность не была на столько развита, чтобы въ ней могли родиться разныя утонченности, дѣлающія умы слишкомъ требовательными и выскательными въ вопросахъ соціальныхъ и политическихъ; да и самыя эти вопросы или мало ей были доступны, или вовсе недоступны, и главное, чужды. Словомъ, въ ней не заключалось ничего такого, что могло бы въ данный моментъ возбуждать опасенія за судьбу ея или быть поводомъ къ какимъ бы то ни было общимъ репрессивнымъ мѣрамъ. Нашимъ юнымъ университетамъ не изъ чего было почерпнуть стихій къ возбужденію общественныхъ страстей; они, какъ могли и какъ умѣли, трудились надъ распространеніемъ въ отечествѣ высшихъ знаній, чистая наука была единственною цѣлью ихъ, и они нуждались скорѣе въ поощреніи, нежели въ угрозахъ и полицейскихъ стѣсненіяхъ. Но духъ подражанія, помимо всѣхъ этихъ реальныхъ данныхъ, совершенно абстрактно захотѣлъ усвоить себѣ и въ отношеніи къ университетамъ мѣры, имѣвшія по крайней мѣрѣ наружный логическій видъ въ другой средѣ. Наши подражатели иноземнымъ правительственнымъ образцамъ, не обращавшіе никакого вниманія на нужды и условія своей страны, сильно однако ошибались въ существенномъ элементѣ самаго вопроса, возбуждавшаго ихъ соревнованіе. Они направили свои удары на науку, чему могли только удивляться образцы ихъ, да развѣ радоваться враги наши, которымъ было тогда, какъ и теперь, не по сердцу утвержденіе нашего могущества на прочныхъ умственныхъ и нравственныхъ основахъ. Хотя университеты въ Германіи претерпѣвали гнетъ принятой въ ней антилиберальной системы, однако вовсе не наука была предметомъ преслѣдованій. Вопросъ, возбуждавшій борьбу, стоялъ тамъ на почвѣ политической; преслѣдуемы были идеи и тенденціи, выходящія изъ самой жизни и отношеній между элементами и силами, давно и не разъ приходившими въ столкновеніе въ своемъ историческомъ ходѣ; идеи эти и тенденціи носились, такъ-сказать, въ воздухѣ, ихъ вдыхали въ себя молодые умы не на школьной скамьѣ, а вездѣ, гдѣ могло оказываться недовольство су-

ществовавшимъ порядкомъ вещей, — и если въ наукѣ находились черты, повидимому, совпадавшія съ ихъ стремленіями, то это происходило вовсе не изъ того, что наука хотѣла стоять за одно съ общимъ броженіемъ умовъ, а изъ ея собственнаго логическаго движенія, направленнаго совсѣмъ въ другую сторону и къ другимъ цѣлямъ, помимо тревожныхъ и измѣнчивыхъ волненій дня. Если высшія административныя лица подстерегали вездѣ и даже въ университетахъ замисли, казавшіеся имъ, по ихъ соображеніямъ, вредными, и старались ихъ уничтожить, то все-таки не думали нападать на науку. Это было бы дѣломъ чудовищнымъ. Какой бы критикѣ ни подлежали ихъ дѣйствія во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но все же, по крайней мѣрѣ, главныя изъ административныхъ лицъ не были до такой степени невѣжды, чтобы можно было обвинять ихъ въ томъ, будто они хотѣли погрузить въ варварство страну, вопреки всѣмъ требованіямъ здраваго смысла, усиліямъ столькихъ поколѣній, нуждамъ общества и законамъ самой необходимости, или что все равно, подорвать въ корнѣ цивилизацію Европы.

Все здѣсь изложенное, мы полагаемъ, достаточно разъясняетъ то, изъ какого источника преимущественно возникло у насъ реакціонное движеніе противъ науки, и какихъ свойствъ оно было. Не опираясь ни на какой мѣстный вызовъ, оно имѣло характеръ раздражительный и вмѣстѣ совершенно отвлеченный и потому было важною ошибкой однихъ виновниковъ его и преступленіемъ другихъ. Замѣчательно, что оно вовсе не было въ согласіи съ видами правительства, и прежде, и тогда, и послѣ, постоянно выражавшаго полное сочувствіе и уваженіе къ наукѣ. Тѣмъ не менѣе движеніе это угрожало съ разу опрокинуть всю нашу послѣпетровскую исторію и какъ будто готовилось изгладить изъ памяти народной всѣ уже совершившіеся факты нашей молодой гражданственности. Казалось, нужно было явиться чрезвычайнымъ силамъ, чтобы задумать такой страшный переворотъ въ цѣлой системѣ нашего образованія. А между тѣмъ тутъ не было ничего похожаго на подобныя силы. Это не было даже дѣломъ какой-нибудь усилившейся организованной партіи, которая бы посредствомъ этого движенія закотѣла утвердить за собою преобладающее вліяніе въ обществѣ. Надъ реакціоннымъ замысломъ трудились нѣсколько лицъ бюрократическаго свойства, одержимыхъ желаніемъ воспользоваться благоприятными обстоятельствами и во что бы то ни стало добиться высокаго положенія въ странѣ, — лицъ, стоявшихъ далеко отъ центра правительственной власти, но посредствомъ разныхъ ухищреній и дер-

часть скл, отд. 2.

который обреченъ, и къ которому обязанъ человекъ, ни мужества, верховнѣйшей изъ добродѣтелей, приличныхъ ему въ обстоятельствахъ, въ какія онъ вовлекается на землѣ. Но тутъ предстоитъ соблазнъ невозмутимаго счастья, и люди забываютъ, что созданію, составляющему едва замѣтную частицу великаго цѣлаго, по милости коего оно только и существуетъ, прежде всего подобаешь, такъ-сказать, узнать волю этого цѣлаго, а затѣмъ разумно подчиниться ей.

Упражненіе въ мистическомъ созерцаніи само по себѣ невиннаго свойства. На него можно смотрѣть, какъ на естественный симптомъ чувства, глубоко уединившагося въ самомъ себѣ и свои пристрастія считающаго за мѣрило истины. Вообще мистицизмъ, какъ субъективное настроеніе духа, стремящагося вознестись надъ превратностями земной доли, не лишень нѣкоторой своего рода возвышенности. Но одно грубое невѣжество или злоумышленіе противъ успѣховъ ума человѣческаго и образованія можетъ сдѣлать изъ него приложеніе подобное тому, какое сдѣлали изъ него реакціонеры. Извлекши изъ него лучший его элементъ, высокій религіозно-христіанскій принципъ, и обставивъ его суемудрыми толкованіями, они усиливались подчинить его вмѣшательству и господству всѣ интересы знанія и умственнаго развитія, вопреки духу божественнаго основателя христіанской церкви, сказавшаго: „Воздадите Кесарева Кесареви, и Божія Богови“. Они не понимали, какъ глубоко сами оскорбляютъ религіозно-христіанскій принципъ, не замѣчали, что отъ ихъ грубаго и неразумнаго прикосновенія онъ терпѣлъ такое же пораженіе, какъ и наука, на мѣсто коей они его ставили, что перенесенный въ сферу умственныхъ опытовъ и знанія, онъ теряетъ свою неземную чистоту, и дѣлаясь орудіемъ чуждыхъ ему цѣлей, становится отвѣтственнымъ за такія дѣла и намѣренія, кои несомнѣстимы ни съ его сущностью, ни съ достоинствомъ: онъ призванъ не производить знаніе, а дополнять его тѣмъ, что не есть знаніе, но что выше всякаго знанія. Подчинивъ ему, такъ-сказать, противъ его воли науку, они предписали ей, если можно такъ выразиться, режимъ и правила поведенія, совершенно извращавшіе ея задачи и методъ. Они захотѣли распорядиться самымъ ея содержаніемъ, то исключая изъ него стихіи существенныя и основныя, то замѣняя ихъ плодами своего собственнаго изобрѣтенія и возрѣній; словомъ, кощунствуя и издѣваясь надъ дѣломъ всего человѣчества, они на мѣсто науки ставили свою выдумку и дѣлали изъ нея нѣчто столь чудовищное, что ея никто не узнавалъ даже изъ тѣхъ, на комъ лежала обязанность знать ее.

Грустное зрѣлище представляется всегда, когда важныя общественныя дѣла попадаютъ въ руки или безсовѣстныхъ, или скудоумныхъ, или малообразованныхъ дѣателей. Конечно, мѣръ управляется не ими, хотя многіе изъ нихъ готовы думать иначе, и послѣдствія ихъ дѣяній вмѣсто того, чтобы доставить имъ радость исполнявшихся надеждъ, обращаются противъ нихъ же самихъ и дѣлаютъ ихъ предметомъ посмѣянія и презрѣнія. Однако для чести человѣческихъ обществъ и даже для блага многихъ, если не всѣхъ, желательно было бы, чтобы эти люди ничего не значили въ обществѣ, такъ какъ они ничего не значатъ въ своихъ способностяхъ и характерѣ. Независимо отъ всякаго существеннаго безпорядка, причиняемаго ими, есть что-то оскорбительное для человѣческаго достоинства видѣть, какъ бессмысленность и суетность распоряжаются вещами тамъ, гдѣ слѣдуетъ дѣйствовать уму и дарованіямъ.

Между подвизавшимися на поприщѣ омраченія и стѣсненія русской мысли и русскихъ умовъ, самое видное, если не главное, мѣсто занимаетъ бывший попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, членъ главнаго правленія училищъ, извѣстный, и даже слишкомъ извѣстный, Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій. О немъ мы будемъ говорить ниже. Такъ какъ вопросы, занимавшіе этихъ людей, вращались въ сферѣ народнаго образованія, то естественно ихъ усилія были устремлены на пріобрѣтеніе вліянія въ управленіи этою частію. Министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія былъ тогда князь А. Н. Голицынъ. Въ послѣдствіи на него пали упреки въ допущеніи зла, свѣршившаго въ Казанскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ. Разумѣется, какъ одинъ изъ государственныхъ органовъ и глава извѣстной части управленія, онъ подлежитъ отвѣтственности предъ общественнымъ мнѣніемъ и потомствомъ за все дурное, что дѣлалось въ сферахъ его власти. Общественное мнѣніе и потомство, соразмѣряя послѣдствія съ важнымъ значеніемъ правительственнаго поста, не спрашиваютъ, какъ текли дѣла по бюрократической рутинѣ, но что существеннаго, жизненнаго занимающій его внесъ въ организмъ государства, такъ какъ постъ его былъ государственный. Это историческая оцѣнка высшихъ общественныхъ дѣателей. Но кромѣ исторической, есть для нихъ еще оцѣнка психологическая и нравственная. Если поступковъ ихъ нельзя приписать однимъ низшимъ побужденіямъ мелкаго честолюбія, желанію достигнуть высшихъ степеней власти, жаждѣ денегъ, и если, не смотря на всѣ обаянія почестей и благъ житейскихъ, въ ихъ сердцахъ теплится живое человѣческое

чувство вѣры въ нравственныя истины, любовь къ людямъ и отечеству, то исторія, не смотря на ихъ ошибки, не произнесетъ надъ ними слишкомъ строгаго приговора, потому что все-таки въ нихъ выражается одна изъ утѣшительныхъ, прекрасныхъ сторонъ человѣческой природы. Исторія назоветъ ихъ дѣятелями честными, хотя и заблуждавшимися, а это не мало для людей, облеченныхъ властію, и которыхъ власть обыкновенно портитъ, очерствляя ихъ душу. Не выносить своего величія — увѣ! — есть жребій многихъ изъ великихъ міра сего. Князь Голицынъ, подобно большей части нашихъ общественныхъ дѣятелей, не получилъ въ юности того строгаго и прочнаго образованія, которое оказывается для нихъ необходимымъ въ послѣдствіи, когда судьба или ихъ дарованія призываютъ ихъ къ высшей государственной дѣятельности. Но начавъ службу свою при Екатеринѣ II и продолжая ее во все царствованіе императора Александра I, вблизи ихъ, среди событій то блестящихъ для Россіи, то потрясавшихъ и измѣнявшихъ міръ, онъ прошелъ школу весьма трудную и назидательную. При его счастливыхъ способностяхъ, при воспримчивомъ, гибкомъ и наблюдательномъ умѣ, она должна была поставить его на высоту обширныхъ государственныхъ видовъ и идей, а также сообщить ему, вмѣстѣ съ знаніемъ важнѣйшихъ общественныхъ дѣлъ, нѣкоторую манеру и тактъ, отличающіе высшихъ правительственныхъ дѣятелей. Онъ любилъ и могъ размышлять много, не чуждаясь даже предметовъ отвлеченныхъ, которыхъ обыкновенно боятся умы ограниченные, способные мыслить только по востребованію наставшаго случая и полагающіе найдти отвѣтъ на всѣ вопросы нужды и жизни человѣческой въ опытѣ дня и привычкахъ рутинѣ. Это была личность, выработавшаяся по нравственнымъ образцамъ стиля тонкаго и мягкаго. Но отличительными свойствами и самымъ виднымъ свойствомъ его была рѣдкая доброта душевная. Это могутъ подтвердить всѣ лично и хорошо его знавшіе, и между прочими и авторъ настоящей монографіи, обязанный его прекрасному сердцу даже возможностью дѣятельности, плодомъ коей служатъ и эти написанныя имъ страницы ¹⁾.

¹⁾ Авторъ, въ началѣ юности своей, имѣлъ счастье небольшимъ своимъ сочиненіемъ обратить на себя вниманіе князя А. Н. Голицына, и по его желанію, былъ вызванъ въ Петербургъ въ 1824 году, въ концѣ министерскаго поприща князя. Не смотря на свою провинціальную неуклюжесть и неразвитость, авторъ былъ принятъ княземъ съ невыразимымъ добродушіемъ, облаканъ имъ, ободренъ, удостоенъ самаго теплаго вниманія къ его вѣшнему и умственному состоянію и наконецъ для довершенія его крайне недостаточнаго образованія помѣщенъ въ

Несмотря на то, что въ особѣ князя Голицына сохранилась нѣкоторая сановитость вельможъ Екатерининской эпохи, не было человѣка, столь общительнаго и доступнаго для всѣхъ, какъ онъ, столь способнаго привести въ забвеніе все, чѣмъ онъ былъ выше другихъ, столь искреннаго въ своемъ благорасположеніи, столь простаго и чуждаго всякой аффектаціи, рассчитанной на извѣстное впечатлѣніе и приобретеніе популярности. Съ перваго слова его, сопровождаемаго обыкновенно тонкою и вмѣстѣ добродушною улыбкой, вы уже чувствовали на себѣ вліяніе той сердечной теплоты, которая заставляетъ всякаго радоваться, когда въ кабинетѣ государственнаго сановника онъ находитъ человѣка. Въ немъ было нравственное настроеніе, которое, очищая сердце отъ грубаго и пошлаго эгоизма, возводитъ человѣка до высокихъ убѣжденій гражданина и патріота. Онъ былъ искренне и глубоко преданъ государю и отечеству; онъ любилъ Россію, какъ истинный Русскій и вмѣстѣ какъ таковой государственный человѣкъ, который на каждой новой ступени своего возвышенія видитъ одно новое обязательство служить отечеству ревностнѣе и лучше. Князь Голицынъ былъ религіозенъ; находились люди, не вѣрившіе въ искренность этой религіозности. Они полагали, что государственному человѣку какъ будто не свойственно быть искреннимъ въ чемъ бы то ни было. Вѣроятно, это происходило отъ той пошлой мысли, усвоенной себѣ маленькими умами и маленькими душами, что міръ не можетъ быть управляемъ иначе, какъ съ помощью различныхъ ухищреній и обаяній, то извращающихъ, то скрывающихъ истину. Въ какой степени Голицынъ былъ мистикомъ, мы не знаемъ. Говорили, между прочимъ, въ доказательство его мистическаго направленія, что онъ пе-

университетъ. Пока не упрочилось нѣсколько его положеніе, князь заботился о его матеріальныхъ нуждахъ, и въ послѣдствіи, при его содѣйствіи, ему назначено было отъ министерства народнаго просвѣщенія, не въ примѣръ другимъ (тогда еще не было стипендій), денежное пособіе для окончанія университетскаго курса, такъ какъ онъ не пожелалъ вступить въ число казеннокоштныхъ студентовъ. До какой степени простиралась, можно сказать, отеческая заботливость князя о молодомъ человѣкѣ, ничѣмъ не заслужившемъ его благорасположенія, между прочимъ видно изъ того, что кромѣ всегдашняго къ нему свободнаго доступа въ случаѣ надобности, ему велѣно было, особенно въ началѣ, разъ въ каждыя двѣ недѣли являться къ князю, чтобы быть, такъ-сказать, постоянно на его глазахъ, и какъ выражался князь, не затеряться въ огромномъ городѣ. Подробности изложеннаго здѣсь, не лишены нѣкоторой своего рода занимательности, сохранены въ воспоминаніяхъ автора, съ которыми онъ намѣренъ, если позволятъ обстоятельства, со временемъ познакомить публику.

ревель съ французскаго языка первыя главы извѣстной въ то время ультра-мистической книги Дютуа, подъ заглавіемъ: *Божественная философія*. Правда ли это, намъ также неизвѣстно. Извѣстно, что онъ былъ главою и покровителемъ библейскихъ обществъ; но заботиться о распространеніи въ обществѣ книгъ Священнаго Писанія, особенно Евангелія, не значило еще вовсе быть мистикомъ. Повторяемъ, основываясь на свидѣтельствѣ лицъ, близко его знавшихъ, и отчасти на собственныхъ напихъ наблюденіяхъ, — князь Голицынъ былъ религіозенъ искренно и притомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова; въ этомъ состояло различіе его отъ тѣхъ лицъ, которыя, къ несчастію, воспользовались его чувствованіями, чтобы на нихъ утвердить свою систему ретрограднаго движенія.

Но какъ же могло случиться, что человѣкъ съ такими свойствами попустилъ нѣсколькимъ личностямъ распоряжаться умственными интересами своего отечества къ явному ихъ вреду? Князю Голицыну было ввѣрено попеченіе о столь же трудныхъ, какъ и важныхъ вопросахъ управленія, о вопросахъ умственныхъ, вопросахъ идей и притомъ въ такой странѣ, гдѣ они не были поставлены въ явномъ свѣтѣ, и гдѣ, такъ-сказать, ошущью надлежало искать на нихъ отвѣта. Единственная сила, могущая направлять дѣйствія администраціи и предохранять ее отъ ошибокъ какъ въ этихъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, это — сила общественнаго мнѣнія, и когда она еще недостаточно зрѣла или лишена вліянія, тогда всякому ловкому и предприимчивому авантюристу не трудно бываетъ овладѣть для своихъ своекорыстныхъ цѣлей тѣми пунктами общественнаго движенія, гдѣ предначертываются и соображаются мѣры хотя бы то съ самыми лучшими общепольными видами. Князь Голицынъ не принадлежалъ къ разряду тѣхъ высокоумѣнныхъ людей, которые думаютъ, что единственно въ ихъ индивидуальномъ умѣ заключается вся устрояющая и распорядительная мудрость; но онъ былъ подготовленъ къ принятію проектовъ и предположеній, которыхъ онъ никакъ не могъ бы допустить по убѣжденію, а допускалъ только какъ *вынужденную необходимость*. Главная его ошибка состояла въ томъ, что онъ обращалъ излишнее вниманіе на ходъ вещей въ западномъ европейскомъ мірѣ и тѣмъ уклонился отъ правильнаго воззрѣнія на ходъ ихъ въ мірѣ русскомъ. Его взгляды и понятія развились и созрѣли подъ вліяніемъ событій, волновавшихъ современную ему Европу, а эти событія приводили въ смущеніе многихъ и легко могли подѣйствовать на государственнаго человѣка, стоявшаго, такъ-сказать, на стражѣ движенія и

умственной безопасности своего народа. Неудивительно, что бывъ лидеръ отвѣтственнымъ предъ государемъ, отечествомъ и своею совѣстію въ важномъ управленіи, на него возложенномъ, и глубоко чувствуя свою отвѣтственность, онъ пришелъ къ мысли о необходимости предохранить свое отечество отъ тѣхъ нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ золъ, казихъ свидѣтелемъ онъ былъ въ западной Европѣ, тѣмъ болѣе, что вообще вопросъ о направленіи, какое должно принять наше образованіе, и безъ того не могъ не занимать наши государственныя власти, такъ какъ имъ оно было обязано почти всѣми своими начатками. Вопросъ этотъ по справедливости долженъ былъ сдѣлаться предметомъ важнѣйшихъ правительственныхъ соображеній и источникомъ самыхъ разнообразныхъ и нерѣдко противорѣчащихъ одна другой системъ и плановъ. Россія извинительно было, чѣмъ какой-либо другой странѣ, впадать здѣсь въ колебанія и недоумѣнія. Исторгнутая изъ тихой пристани, гдѣ, подобно громадному кораблю, она привыкла стоять неподвижно на якорѣ старины, и брошенная внезапно въ непредѣльный океанъ исторического всеобщаго движенія, безъ компаса и вѣрной карты, хотя и послушная рулю, она естественно должна была попадать въ разныя и противоположныя теченія, измѣнять нерѣдко свой курсъ и перевѣрять свои вычисления, и во всемъ этомъ встрѣчались естественно и неизбежно ошибки. Мы не могли, подобно другимъ народамъ, находить опоры ни въ общественномъ мнѣніи, еще не выработавшемся и не пріобрѣтшемъ достаточной силы, ни въ традиціяхъ прошедшаго, гдѣ бы заключались указанія и залогов будущаго.

Во всемъ этомъ однако не было никакого повода ополчаться противъ науки; напротивъ того, и положеніе вещей, и волюція наши потребности совершенно повелѣвали поддерживать ее всѣми возможными способами, какъ силу, въ которой Россія находила опору значенія, пріобрѣтеннаго ею въ системѣ европейскихъ державъ, и какъ источникъ всякаго народнаго преуспѣянія. Никакая ошибка, никакая вредная случайность не были бы для Россіи столь пагубными, какъ ретроградное направленіе съ упадкомъ науки, еслибъ оно установилось и пошло далѣе по пути, указанному реакціонерами. Князь Голицынъ, безъ сомнѣнія, не имѣлъ этого намѣренія; онъ только не оцѣнилъ вполне того участія, которое принимала и принимаетъ наука въ развитіи и возвышеніи всѣй гражданственности вообще, и нашей въ особенности, а не оцѣнилъ его вполне, потому что мало былъ знакомъ съ наукою, а слѣдовательно, и съ условіями ея существованія.

Его образованіе не имѣло строгаго научнаго характера, хотя и заключало въ себѣ тѣ идеи, которыми богаты такъ-называемые по свѣтски образованные люди. Но послѣднее не можетъ замѣнить перваго ни въ какихъ вопросахъ, имѣющихъ всеобщее общественное или государственное значеніе. Тутъ важны не одни правила и предписанія науки, которыя останутся безплодными, если ихъ вздумаютъ примѣнять безразсудно, неумѣстно или несвоевременно; важна внутренняя сила истины, въ наукѣ живущая, отвлекающая умы отъ всякой лжи преднамѣренной и непреднамѣренной; важны сообщаемое ею, и ею одною, здравое, точное и ясное пониманіе вещей и отстраненіе прिवычныхъ, но ни на чемъ не основанныхъ мнѣній; наконецъ, важенъ въ ней тотъ животворный, образующій и преобразующій духъ, который, дѣйствуя неощутительно и незамѣтно на всего человѣка, воздѣлываетъ въ немъ, такъ-сказать, почву для благороднѣйшихъ и общеплезнѣйшихъ стремленій и дѣйствій.

При обстоятельствахъ и недостаткахъ, какіе мы сейчасъ видѣли, прекрасныя качества князя Голицына не предохранили его отъ пагубнаго вліянія лицъ, умѣвшихъ вкраснѣ въ его довѣренность, воспользоваться одними и усыпить по крайней мѣрѣ другія. Главнымъ виновникомъ распоряженій, вредныхъ для университетовъ и науки, исходившихъ въ то время отъ министерства народнаго просвѣщенія, общественное мнѣніе признало М. Л. Магницкаго. Въ архивахъ министерства находятся неопровержимыя доказательства справедливости такого обвиненія. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи дѣло о ревизіи Казанскаго университета, которую Высочайше поручено было произвести генералу Желтухину. Магницкій, хотя посредственно, однако игралъ такую важную роль въ судьбѣ С.-Петербургскаго университета и въ судьбѣ профессора Галича, что мы не можемъ не попытаться обозначить здѣсь его характеръ хоть нѣкоторыми чертами такъ, какъ онѣ представляются намъ въ документахъ и въ воспоминаніяхъ людей, лично его знавшихъ. Магницкій выдвигался замѣтно изъ толпы рядовыхъ людей; онъ принадлежалъ къ тѣмъ даровитымъ личностямъ, которыя надѣлены способностями, недостаточно великими, чтобы предпринимать и совершать дѣла высшаго историческаго значенія, и однако на столько замѣчательными, чтобы не довольствоваться одною ролью простыхъ исполнителей въ средѣ общественной и служебной. Худо, если при этихъ сомнительныхъ правахъ или полуправахъ на чрезвычайный и блестящій жребій, они лишены нравственныхъ вѣрованій и самообладанія. Ихъ судьба — разжигаться вѣчно

желаніями, коихъ ни умѣрить, ни удовлетворить они не въ силахъ. При сознаніи въ себѣ нѣкоторыхъ неоспоримыхъ достоинствъ и силъ, они до того становятся невоздержны въ своихъ требованіяхъ и самообожаніи, что готовы отважиться на все, лишь бы доказать людямъ существованіе въ себѣ высшихъ качествъ и свое право на превосходство предъ ними, а за тѣмъ въ нихъ начинается такое смѣшеніе и путаница стремленій, идей, проектовъ, что тутъ совершенно исчезаютъ уже всякія благія цѣли, которыя они любятъ выставлять на показъ, исчезаютъ всякое правдивое убѣжденіе и ясное пониманіе того, что должно, и что возможно, пока наконецъ они не очутятся лицомъ къ лицу или съ несказанною нелѣпностью, или съ преступленіемъ. Это личности ненормальныя. Конечно, и въ нихъ выполняется извѣстный законъ природы; но при видѣ того, что они производятъ, и того, что они терпятъ нерѣдко сами, невольно входитъ въ голову вопросъ: зачѣмъ они, и хорошо ли дѣлаетъ общество, что иногда попускаетъ ихъ вторгаться въ высшую сферу дѣятельности, гдѣ ничего, кромѣ безпорядка, они произвести не могутъ? Это тѣ печальныя и жалкія честолюбія, которыя желаютъ во что бы то ни стало показать свѣту, что и они способны управлять имъ; но за невозможностію открыть настоящіе и приличныя къ тому способы, они или пишутъ злые памфлеты, обрекающіе на вѣчный позоръ все, что дѣлается не по ихъ идеямъ, или предъявляютъ свои проекты, по которымъ, если бы было сдѣлано то, чего они хотятъ, то и свѣтъ пересталъ бы существовать. Случается однако, и въ сожалѣнію, нерѣдко, что изъ среды тревоженій общественныхъ, гдѣ имъ бы и слѣдовало потонуть, какъ какимъ-то мимолетнымъ, хотя и блестящимъ призракамъ, случается, говоримъ, что счастливая волна выброситъ ихъ на какую-нибудь высоту, гдѣ они располагаются сіять и освѣщать пути другимъ, конечно, не надолго, однако и не безъ вреда для путниковъ, неосторожно ввѣряющихся коварному указанію.

По свидѣтельству людей, знавшихъ лично Магницкаго, онъ отличался многими обаятельными качествами. Съ прекрасною наружностію вообще, съ оживленною и выразительною фізіономіей лица онъ соединялъ даръ живописнаго слова и обращенію своему усвоилъ вполне манеры лучшаго общества. Не мудрено, что обращеніе это, приправленное значительною долей ума смѣтливаго, гибкаго, то поражающаго смѣлостію своею, то верадчиваго и способнаго искусно примѣняться къ лицамъ и обстоятельствамъ, умѣвшаго притомъ легкія

свои знанія или полужнанія выдавать за нѣчто глубокое и важное,— не мудрено, говоримъ, что при этихъ средствахъ онъ скоро снискалъ благорасположеніе не только людей свѣтскихъ, но и людей болѣе серьезныхъ, дѣловыхъ, стоявшихъ на высшихъ ступеняхъ общественныхъ. Значитъ, Магницкій въ цвѣтъ лѣтъ и силъ могъ уже и имѣлъ право думать о всевозможныхъ успѣхахъ въ жизни и блестящей служебной карьерѣ; онъ и думалъ о нихъ. Какое бы мѣсто онъ ни занималъ по службѣ, онъ не могъ остаться не замѣченнымъ, а бывъ разъ замѣченъ, онъ обыкновенное служебное или бюрократическое честолюбіе тотчасъ замѣнялъ честолюбіемъ высшаго рода. Это было естественно. Дарованія его, дѣйствительно, были такого свойства, что съ ними можно было разчитывать не на одно повышеніе чиномъ, но на вліяніе, на власть болѣе могучую и существенную, чѣмъ власть въ чиновной средѣ, и скоро онъ вообразилъ, что и на высшемъ государственномъ посту онъ могъ бы сіять, какъ звѣзда первой величины. Все это не заключало еще въ себѣ большой бѣды. Но достойно сожалѣнія то, что при своихъ покушеніяхъ на обширныя предпріятія онъ имѣлъ весьма грубыя и пошлыя понятія объ обязанностяхъ и отвѣтственности того высокаго положенія, котораго добивался, что подѣ фосфорическимъ блескомъ его ума и знаній скрывались самыя невѣжественныя возрѣнія на существенные вопросы науки, просвѣщенія, народнаго развитія, что онъ думалъ насильственно и произвольно распоряжаться умственными сокровищами своего отечества, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о его потребностяхъ, ни о его исторической роли и стараясь преградить ему пути къ лучшей и высокой будущности. Наконецъ, главное, достойно сожалѣнія то, что человекъ съ такими сомнительными достоинствами и съ такими несомнѣнными пороками нашелъ способъ и возможность свои проекты, достойные дома умалишенныхъ, примѣнять на практикѣ.

Слѣдуетъ ли однако изъ всего этого выводить заключеніе, что дружины, двигавшія дѣйствіями Магницкаго, были однимъ преднамѣреннымъ обманомъ, что всѣ руководившія имъ идеи онъ самъ не признавалъ истинными и считалъ только орудіями для достиженія своихъ личныхъ цѣлей? Подобное заключеніе было бы большою психологическою ошибкою. Магницкій дѣйствовалъ не одними административными способами, а и убѣжденіями, имѣвшими вѣсъ и силу въ глазахъ нѣкоторыхъ людей, не лишенныхъ ни достаточнаго ума, ни добрыхъ чувствованій. Нельзя убѣждать другихъ, не бывъ самъ убѣжден-

нымъ, не бывъ увѣреннымъ тѣмъ или другимъ образомъ въ истинѣ своихъ убѣжденій. Какъ бы ни были эгоистичны побужденія нашихъ дѣяній, но человѣкъ имѣетъ такую непреодолимую потребность, уважая самого себя, уважать истину, что онъ не въ силахъ сознательно отъ нея отречься и способенъ скорѣе, въ ослѣпленіи ли страстей, или нелѣпныхъ ученій, признать заблужденіе за истину, чѣмъ обойтись безъ нея. Нѣтъ сомнѣнія, что Магницкій не вѣрилъ самъ многому изъ того, что онъ предлагалъ; но иному онъ вѣрилъ, и это-то послѣднее, при всей своей несостоятельности, давало видъ искренности приводимымъ имъ причинамъ и силу его вліянію. Такъ, напримеръ, онъ могъ вѣрить, что съ его тайными, честолюбивыми замыслами не несомнѣстна общая польза. Подъ прикрытіемъ этой мысли онъ, по свойству своего пылаго духа, могъ шагъ за шагомъ идти къ самымъ неслышаннымъ и крайнимъ мѣрамъ въ своемъ управленіи и въ своей системѣ и наконецъ вообразить, что даже и то, чему онъ не вѣрилъ, послужить въ послѣдствіи къ общей пользѣ. Такимъ образомъ, смѣшавъ честное съ безчестнымъ и не слишкомъ строго контролируя себя, онъ очутился наконецъ весь на сторонѣ послѣдняго, потому что нельзя служить въ одно время двумъ господамъ; онъ забылъ, что условная честность ничѣмъ не лучше, если не хуже, полной безчестности. Тутъ видѣнь крайній недостатокъ качества, которымъ вообще страдаетъ наше время, недостатокъ характера. На сторону зла онъ не могъ склониться сознательно и безусловно, потому что это несомнѣстно съ человѣческою природой;—на сторону добра, потому что это было противно его интересамъ, и можетъ-быть, потребовало бы отъ него нѣкоторыхъ жертвъ. Надобно было прибѣгнуть къ компромиссу, а извѣстно, чѣмъ оканчиваются подобныя сдѣлки: изъ нихъ-то и выходятъ самые дурные люди и самые дурные администраторы.

Намъ неизвѣстно, какъ Магницкій успѣлъ сблизиться съ княземъ Голицынымъ, подъ начальство коего поступилъ въ качествѣ члена главнаго управленія училищъ и исправляющаго должность попечителя Казанскаго университета. Говорятъ, что онъ ѣздилъ постоянно въ его домовую церковь и тамъ благоговѣнно съ колѣнопреклоненіемъ молился на видномъ мѣстѣ, такъ что не могъ не обратить на себя вниманія князя. Какъ бы то ни было, а онъ успѣлъ овладѣть довѣріемъ министра, вѣроятно, въ тѣ тяжелые моменты, когда этотъ государственный человѣкъ недоумѣвалъ, какими средствами предотвратить въ своемъ отечествѣ разливъ пагубныхъ идей, наводнявшихъ Западъ. Маг-

ниціи съ обыкновенною своею проникательностію понялъ тотчасъ, что онъ можетъ оказать ему важную услугу, приведя занимающіе его вопросы въ опредѣленныя формулы и начертавъ цѣльный планъ административныхъ мѣръ, которыя должны были, по его мнѣнію, установить наше образованіе на твердыхъ началахъ и спасти его отъ вліянія чуждыхъ разрушительныхъ ученій. Затѣмъ ему, какъ творцу этого плана, нетрудно было тѣснѣе сблизиться съ министромъ, захватить часть его власти въ свои руки и управлять, съ ея помощію, ходомъ событій по своей волѣ. Всѣ симпатіи министра влекли его къ принципамъ религіознымъ. Понимая духъ христіанства во всемъ его величіи и чистотѣ, онъ естественно ожидалъ самыхъ благихъ послѣдствій отъ его вліянія на нравственную и умственную сторону человѣка. Онъ думалъ, что мыслительныя силы человѣка, при озареніи его высшимъ свѣтомъ, яснѣе будутъ видѣть пути, ведущіе къ истинѣ. Но онъ не имѣлъ намѣренія извращать логику разума и подчинять его дѣйствія церковной дисциплинѣ и уставамъ, не думалъ, чтобы разуму отъ непосредственнаго откровенія свыше слѣдовало ожидать рѣшенія тѣхъ задачъ, которыя сама божественная премудрость предоставила собственнымъ его усиліямъ и возложила на его отвѣтственность. Еще менѣе было въ характерѣ министра дѣйствовать гоненіемъ: онъ былъ слишкомъ человѣчественъ и просвѣщенъ для этого. Но его можно было встревожить, испугать, представивъ ему, что наука и просвѣщеніе у насъ точно также, какъ на Западѣ, злоупотребляютъ своими правами, что онѣ несомнѣнно находятся въ заговорѣ съ западными расплѣвающимися ученіями, что онѣ готовы посягнуть и уже посягнули на ниспроверженіе существующаго порядка вещей и вѣры. Такъ Магницкій и поступилъ, и на этомъ устрашеніи основавъ свою систему мистическо-религіознаго образованія, началъ дѣйствовать съ энергіей, достойною лучшаго дѣла. Въ одно и то же время однимъ актомъ онъ и отвергивалъ зло, и каралъ его, и противопоставлялъ несокрушимыя преграды дальнѣйшему его распространенію. Онъ не давалъ, такъ сказать, опомниться министерству, не безъ изумленія, и можетъ-быть, не безъ тайнаго страха, смотрѣвшему на этотъ административный ураганъ, несшійся съ такою быстротою и яростію по едва начавшей у насъ воздѣлываться нивѣ науки. Можно съ достовѣрностію сказать, что оно не ожидало такого удивительнаго рвенія и такой поспѣшности, и что на нѣкоторое время оно уступило какъ бы невольному ходу событій. Главные подвиги свои Магницкій совершилъ, какъ извѣстно, въ Казанскомъ университетѣ, куда былъ посланъ съ чрез-

вычайными полномочіями, сперва для обревизованія его, а потомъ для управленія имъ въ качествѣ попечителя. Университетъ этотъ испыталъ всѣ ужасы превращенія изъ учебной корпораціи въ какую-то аскетическую общину, гдѣ, какъ въ трапистскихъ монастыряхъ, можно было примѣнительно къ наукѣ, ко всякой мысли и ко всякому проявленію живой силы человѣческаго духа, произносить только *metemento mori*. „Джеимениный“ разумъ былъ изгнанъ оттуда съ позоромъ, и все, какъ въ преподаваніи, такъ и въ надзорѣ за учащимися, должно было покориться буквѣ Писанія или толкованіямъ, какія давалъ ему Магницкій. Ревизія Желтухина, о которой мы упоминали, заключаетъ въ себѣ изумительныя подробности о тогдашнемъ состояніи и управленіи университета. Мы не пишемъ біографіи Магницкаго и потому не намѣрены излагать эти подробности. Желаящіе могутъ отчасти ознакомиться съ ними въ монографіи г. Феоктистова, гдѣ приведены между прочимъ весьма характеристическія черты Магницкаго изъ инструкции, данной директору Казанскаго университета, инструкция, составленной самимъ исправлявшимъ должность попечителя безъ всякаго участія лицъ компетентныхъ въ дѣлѣ науки и преподаванія. Извѣстно, что произволъ человѣческій, ничѣмъ не сдерживаемый, можетъ простираться далеко за предѣлы права, законности и здраваго смысла; но въ Магницкомъ этотъ ничѣмъ не сдерживаемый произволъ превзошелъ самыя отважныя порывы насилія. На все, что люди считаютъ неприкосновеннымъ и священнымъ для себя, на истину, мысль, чувство долга, на убѣжденіе, на все онъ положилъ оковы инструкцій и предписаній, требовавшихъ одного: безпрекословнаго повиновенія формамъ, обрядамъ, дисциплинѣ. Онъ хотѣлъ создать официальную науку, официальную добродѣтель, официальное благочестіе, не замѣчая, что этимъ истязаніемъ внутреннихъ человѣческихъ силъ онъ устанавливаетъ цѣлую страшную систему лжи и лицемерія. Развратъ не могъ быть глубже и плачевнѣе, и къ нему-то въ состояніи были привести идеи и дѣйствія Магницкаго и подобныхъ ему. Трудно повѣрить, чтобы самъ главный виновникъ такого противоестественнаго извращенія вещей, Магницкій, считалъ возможнымъ превратить его въ систему. Можетъ-быть, подражая французскимъ террористамъ для совершенія какого-то неслыханнаго переворота, онъ хотѣлъ въ кругу своей дѣятельности отмѣнить только на время истину и здравый смыслъ. Честолюбіе его однако простиралось далѣе своего круга. Казанскій университетъ былъ только преддверіемъ поприща, которымъ желалъ онъ овладѣть. Другіе университеты должны были подвер-

гнуться, по его плану, такимъ же радикальнымъ измѣненіямъ, какъ и тотъ, который непосредственно былъ ввѣренъ его управленію. Но надобно было прежде убѣдить правительство въ ихъ злокозненности и преступныхъ замыслахъ, чтобы доказать необходимость исправительныхъ мѣръ и реформы. Находясь въ Петербургѣ по званію члена главнаго правленія училищъ, Магницкій обратилъ свое вниманіе и на здѣшній университетъ. Не бывъ его начальникомъ, онъ не могъ распоряжаться въ немъ лично; но онъ скоро нашелъ гибкое и послушное орудіе своихъ замысловъ въ исправлявшемъ должность попечителя этого университета Руничѣ. Нѣкоторые, судя по тому, какъ Руничъ дѣйствовалъ въ университетѣ, считали его злымъ человѣкомъ; это несправедливо: онъ вовсе не былъ золь. Собственно говоря, самъ по себѣ, въ умственномъ и нравственномъ смыслѣ, онъ былъ ничѣмъ, а могъ сдѣлаться тѣмъ или другимъ, смотря по тому, въ чьи руки или подъ чье вліяніе онъ попадалъ. Это было то, что выражаютъ словомъ „легкій человѣкъ“, то-есть, въ высшей степени поверхностный, шаткій, способный на многое, какъ орудіе, и ни на что, какъ самостоятельный дѣятель. Онъ имѣлъ одну способность — показать на нѣсколько минутъ передъ людьми, не очень взыскательными, что имѣеть способности, и этимъ онъ былъ обязанъ нервической подвижности своего языка. Ему нельзя было ввѣрить никакого серьезнаго дѣла. Такъ, онъ взялъ на себя распоряженія по постройкѣ зданій для университета, помѣщавшагося въ полуразвалинахъ противъ казармъ Семеновскаго полка, и принялъ изъ казны на свою отвѣтственность значительную сумму денегъ. Кончилось тѣмъ, что деньги пропали изъ-подъ его руки, неизвѣстно какъ и неизвѣстно куда, а университетъ остался еще надолго въ тѣхъ же развалинахъ съ единственнымъ памятникомъ экономическихъ распоряжковъ строителя, десятками тремя бочекъ извести, которыя долго загромождали мѣсто, назначавшееся для университетскаго сада, и тоже куда-то въ послѣдствіи исчезли. Маленькій и тощій умъ его былъ въ непрерывномъ движеніи. Онъ былъ похожъ на наѣздника, дѣлающаго разные довольно живописные скачки, размахивающаго по воздуху копьемъ или саблею, готоваго мгновенно броситься въ одну сторону и ускакать въ другую, не подчиняясь никакимъ условіямъ правильного строя. Чего именно Руничъ добивался, неизвѣстно. Вѣроятно, его соблазнялъ примѣръ Магницкаго, и ему хотѣлось также отличиться, играть видную роль на открытой для всѣхъ сценѣ. Онъ былъ надѣленъ значительною долею тщеславія. Въ его небольшой довольно неопрят-

ной прихожей висѣла таблица съ означеніемъ дней и часовъ, когда онъ могъ принимать ректора университета, когда профессоровъ, чиновниковъ своей канцеляріи и постороннихъ посѣтителей, точно какъ будто онъ занималъ постъ, не допускавшій никакого изъятія изъ обыкновеннаго порядка занятій. Между тѣмъ у его министра, князя Голицына, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе его обремененнаго дѣлами, во всякое время можно было получить аудіенцію, кромѣ часовъ, когда онъ готовился ѣхать съ докладомъ къ Государю. Одному молодому человѣку, при вступленіи въ университетъ, онъ совѣтовалъ учиться по гречески, и для удостовѣренія, что это не такъ трудно, онъ привелъ въ примѣръ себя. „Вотъ, сказалъ онъ ему, я, не смотря на множество важныхъ занятій моихъ, въ пять или шесть мѣсяцевъ успѣлъ на столько въ греческомъ языкѣ, что могу свободно читать на немъ какого угодно автора“.

Исслѣдованіе, имѣвшее цѣлю доказать, что С.-Петербургскій университетъ полонъ нечестія, и что науки, въ немъ преподаваемыя, ведутъ къ безбожію и революціи, началось въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1821 года. 3-го числа этого мѣсяца, по предписанію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ чрезвычайное засѣданіе университетской конференціи явился Руничъ въ качествѣ предсѣдателя, въ сопровожденіи ближайшаго сотрудника своего и единомышленника, директора университета и благороднаго университетскаго пансіона, Кавелина. Съ торжествующимъ видомъ, какъ будто дѣло шло о какомъ-нибудь радостномъ событіи, въ напыщенныхъ выраженіяхъ, гдѣ рсточно было не мало общихъ мѣстъ патриотическаго и нравственнаго свойства, Руничъ объявилъ собранію, какъ о дѣлѣ, уже дознанномъ, что въ университетѣ господствуютъ зловредныя разрушительныя ученія съ явнымъ намѣреніемъ преподавателей поколебать алтари и троны, и въ заключеніе назвалъ четырехъ главныхъ виновниковъ, ординарныхъ профессоровъ — исторіи: *Раунага*, статистики *Германа*, экстраординарнаго профессора философіи *Галича* и адъюнкта статистики *Арсеньева*. Основаніемъ для этого обвиненія служили выписки изъ тетрадей, отобранныхъ у студентовъ, рассмотрѣнныя главнымъ правленіемъ училищъ, гдѣ присутствовалъ также и Руничъ. Могли ли студенческія записки, не просмотрѣнныя, не провѣренныя и не исправленныя самими профессорами, не сопровождаемыя наконецъ удостовѣреніемъ, что въ нихъ содержатся точь въ точь ихъ собственныя мысли, могли ли эти записки, да еще не записки вполнѣ, а выхваченныя изъ нихъ отрывки служить достаточнымъ поводомъ къ под-

нятію въ университетской средѣ бури и къ убѣжденію, что тутъ идетъ дѣло о ниспроверженіи религіи и о государственной измѣнѣ? Объ этомъ, кромѣ обвиняемыхъ профессоровъ и нѣкоторыхъ другихъ разсудительныхъ и честныхъ членовъ конференціи, никто не спрашивалъ. И что же существеннаго, главнаго содержалось въ цитируемыхъ бумагахъ, за исключеніемъ какихъ-нибудь фразъ и неточныхъ выраженій, доказывавшихъ спѣшную и вовсе неокончательную работу составителей? Это были общія положенія науки въ томъ видѣ, какъ она успѣла ихъ выработать въ современномъ образованномъ мірѣ, положенія, естественныя и обыкновенныя для всякаго непредубѣжденнаго и просвѣщеннаго ума, знакомаго съ ея духомъ, требованіями и историческимъ движеніемъ¹⁾. Надобно было имѣть крайне ограниченныя понятія о вещахъ или намѣренно закрывать глаза предъ истиною, чтобы находить злоумышленіе тамъ, гдѣ дѣло шло о научныхъ вопросахъ и ихъ рѣшеніи, которое въ дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи науки могло измѣниться, но котораго никто не имѣлъ ни права, ни возможности измѣнить, кромѣ ея самой. Въ этомъ заключается ея природная автономія, ея логическая свобода, и посягать на нихъ значило посягать на ея существованіе и дѣлать невозможными и самыя тѣ блага, какихъ отъ нея домогаются. Понятно, что находясь на извѣстной низшей степени умственнаго развитія, можно считать самую науку ненужною, излишнею, какъ то и бываетъ у народовъ варварскихъ; но разъ признавъ ея необходимость и требуя ея услугъ, надобно уже допустить и ея опыты, признать и необходимость ея способовъ, ея правъ, собственно ей принадлежащихъ, то есть, принявъ извѣстное начало, надобно принять и его неизбѣжныя послѣдствія. Безумно обращаться съ наукою такъ, какъ обращаются дикіе съ своими кумирами, благоговѣющіе передъ ними, когда все совершается по ихъ желаніямъ, и разбивающіе ихъ, когда молитвы ихъ не бываютъ услышаны. Все это, разумѣется, не могло помѣститься въ умѣ нашихъ реакціонеровъ; обвинительные пункты профессорамъ Раупаху, Герману, Арсеньеву и Галичу исключительно были составлены на основаніи выписокъ изъ студенческихъ тетрадей. Желая во что бы то ни стало убѣдить высшее начальство въ существованіи зловредныхъ замысловъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и представить

¹⁾ Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, собранныя профессоромъ М. И. Сухомлиновымъ. См. *Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія* за 1866 годъ. Здѣсь приведены выписки изъ студенческихъ тетрадей.

для этого новыми удостовѣренія, Руничъ не пренебрегъ и другими средствами, употреблявшимися обыкновенно при производствѣ дѣлъ въ темныя времена — обѣщаніями, угрозами и тайными внушеніями лицамъ, болѣе или менѣе отъ него зависѣвшимъ. Изъ нихъ нѣкоторые потомъ и были взысканы опозорившею ихъ навсегда милостію Рунича, давшего имъ мѣста и награды за угодливость ему и предательство. Сцены, происходившія въ засѣданіяхъ конференціи 3-го, 4-го и 7-го ноября, могли бы показаться, особенно въ настоящее время, невѣроятными, если бы не были засвидѣтельствованы очевидцами и официальными документами. Руничъ являлся тутъ не агентомъ правительства, обязаннымъ узнать и довести до свѣдѣнія его истину, а какимъ-то неограниченнымъ властителемъ, для котораго единственною истинною были уже заранѣе составленныя имъ рѣшенія. Онъ съ какимъ-то неистовствомъ предавался удовольствію изливать свою ярость, обвинять и угрожать. Ему хотѣлось, повидимому, одного — навести на всѣхъ присутствовавшихъ страхъ и съ помощію его вынудить у однихъ признаніе въ приписываемыхъ имъ преступленіяхъ, у другихъ безотчетное согласіе на свои мнѣнія. Тутъ были пренебрежены не только закономъ предписанныя при изслѣдованіяхъ правила и условія, но и всякое приличіе, всякое уваженіе къ мѣсту и къ власти, именемъ которой распорядился предсѣдательствовавшій. Не только не окончивъ еще изслѣдованія, но даже не приступивъ къ нему, и между тѣмъ считая уже совершенно доказаннымъ, что обвиняемые профессора суть настоящіе враги религіи и государства, онъ не стѣснялся въ обращеніи съ ними. Людей почтенныхъ, членовъ высшей ученой корпораціи, занимавшихъ въ службѣ почетныя мѣста и носившихъ въ обществѣ почетное имя, людей, оказавшихъ уже наугѣ и образованію значительныя услуги, онъ осыпалъ недостойными укоризнами, требовалъ отъ нихъ немедленнаго признанія въ винѣ, подвергавшей ихъ жестокому уголовному наказанію, и лишалъ ихъ возможности защищаться. На скромныя ихъ требованія дать имъ время придти въ себя отъ такихъ неожиданныхъ моральныхъ истязаній и возможность отвѣчать противъ обвинительныхъ пунктовъ или, по крайней мѣрѣ, сообразить, въ чемъ именно ихъ обвиняютъ, — онъ возражалъ угрозами и не счелъ неприличными словъ директора университета Кавелина, который, въ порывѣ усердія, выразилъ желаніе призвать жандармовъ и заставить обвиняемыхъ отвѣчать между обнаженными палашами. Не смотря на всѣ эти ужасы, Раупахъ, Германъ и Арсеневъ вели себя съ большимъ достоинствомъ, и это въ Руничѣ, требовав-

шемъ немедленнаго и безусловнаго признанія во всемъ, что онъ ни вымышлялъ на нихъ возводить, возбуждало еще большее озлобленіе.

Но что дѣлала конференція? Къ чести ея надобно сказать, что если у однихъ членовъ малодушіе оковало умъ и уста и помѣшало имъ выразить какимъ бы то ни было образомъ свой протестъ противъ такого явнаго насилія, а другіе изъ гнусныхъ своекорыстныхъ разчетовъ раболѣпно и подобострастно предъ нимъ склонялись, то нашлись также лица, которыя съ прискорбіемъ смотрѣли на все происходившее, и на сколько позволяло имъ ихъ положеніе, возвышали честно свой голосъ въ пользу гонимыхъ своихъ собратій и старались противодействовать явному беззаконію. Имена ихъ слѣдуетъ сохранить въ лѣтописяхъ университета, какъ людей мужественныхъ, которые въ обстоятельствахъ трудныхъ умѣли сохранить свое нравственное достоинство и остались вѣрными чести и правотѣ, не смотря на личную угрожающую имъ опасность; это были профессора: математики *Тимковъ*, химіи *Соловьевъ*, астрономіи *Вишневскій*, зоологіи *Ржевскій*, греческой словесности *Грефе*, правъ *Лодій*, политическихъ наукъ *Балуцянскій*, восточныхъ языковъ *Шарму* и *Деманжъ*, адъюнктъ-профессора *Радловъ* и *Плисовъ* и неизвѣстно почему присутствовавшій въ конференціи директоръ С.-Петербургскихъ училищъ *Тимковскій*. Поведеніе этихъ лицъ во время производившихся допросовъ возбуждало величайшее негодованіе Руничя. На дѣланныя ими скромныя и почтительныя замѣчанія по поводу непристойныхъ выходокъ его и на выраженное ими несогласіе подтвердить рѣшительные его приговоры о мнимой преступности обвиняемыхъ, онъ не стѣснялся отвѣчать рѣзкими и обидными словами и кончилъ тѣмъ, что началъ явно подозрѣвать ихъ въ злоумышленія. „Тутъ что-то кроется“, сказалъ онъ въ одномъ изъ засѣданій: „это крючки, уловки, ябедничество, наконецъ заговоръ“. И потомъ: „Что это значитъ, гдѣ я? Такъ ли всегда производится въ конференціи совѣщанія?“ Что эти слова не были минутною вспышкою раздражительности, доказывается тѣмъ, что онъ повторилъ ихъ въ донесеніи своемъ министру. Тамъ, съ необыкновеннымъ самодовольствомъ изображая свои подвиги по поводу изобличенія виновныхъ, онъ говоритъ, что это стояло ему неимоверныхъ усилій, такъ какъ вообще почти вся конференція видимо благопріятствовала преступникамъ.

Наконецъ, на эту бурную сцену вызванъ былъ Галичъ. Главнымъ поводомъ къ обвиненію его служила изданная имъ *Исторія философскихъ системъ*. Обвинительный пунктъ былъ формулированъ вопросомъ:

Излагая разныя системы философовъ, зачѣмъ онъ ихъ не опровергъ? Нѣкоторые изъ членовъ конференціи осмѣлились замѣтить, что онъ не обязанъ былъ дѣлать это, какъ историкъ, что еслибъ онъ это сдѣлалъ, то онъ уже излагалъ бы не науку, не исторію человѣческихъ мыслей, а свои собственныя мнѣнія. Это не подѣйствовало. Руничъ уподобилъ книгу Галича тлетворному яду или заряженнымъ пистолетамъ, положеннымъ среди играющихъ дѣтей, либо дикихъ, не знающихъ употребленія огнестрѣльнаго оружія, забывъ, что тѣ, для которыхъ излагалась исторія философіи, были не дѣти, а взрослые люди, и Русскіе, сколько-нибудь уже образованные, а не дикие. „Я самъ, говорилъ Руничъ, если бы не былъ истиннымъ христіаниномъ, и если бы благодать свыше меня не осѣнила, я самъ не отвѣчаю за свои поположенія при чтеніи книги Галича“. Потомъ обратился онъ къ самому автору и вмѣсто того, чтобы потребовать отъ него объясненія, прямо безъ дальнихъ околичностей, началъ обвинять его въ безбожій, измѣнѣ государю и отечеству и наконецъ, сказалъ: „Вы явно предпочитаете язычество христіанству, распутную философію дѣвственной невѣстѣ Христовой церкви, безбожнаго Канта Христу, а Шеллинга Духу Святому“. Всѣ эти изліянія чувствованій, переполненныя общими правоучительными мѣстами о благодѣаніи, о повинненіи начальству и проч. не были поддержаны ни ссылкой на опасныя и предосудительныя мѣста книги и вообще никакими доводами, изъ коихъ бы слѣдовала необходимость говорить такимъ образомъ съ лицомъ, давно уже оставившемъ пеленки дѣтской морали. Наконецъ, Галичу велѣно было удалиться въ другую комнату и написать тамъ, подъ надзоромъ адъютанта Рогова, свой отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ былъ написанъ скоро и состоялъ изъ слѣдующихъ немногихъ словъ: *Сознавая невозможность опровергнуть предложенные мнѣ вопросныя пункты, прошу не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія*. Когда бумага была прочитана предсѣдателемъ, и Галичъ опять былъ введенъ въ собраніе, произошла сцена, исполненная необычнаго комическаго паѳоса. Руничъ не обратилъ вниманія на ироническую двусмысленность выраженія: *сознавая невозможность* и остановясь только на послѣднихъ словахъ фразы, въ которыхъ онъ видѣлъ желанное признаніе въ винѣ, растворенное, повидимому, раскаяніемъ, обратился къ Галичу и воскликнулъ съ восторгомъ: „Послѣ этого могу ли я бросить въ васъ камень“ и заключилъ его въ свои объятія. Съ обычнымъ своимъ велерѣчіемъ онъ увѣрялъ собраніе, что въ этомъ явно совершилось чудесное дѣйствіе благодати Божіей, что въ эту самую ми-

пугу она коснулась сердца Галича, что только слѣпотствующій умъ того не видитъ, что пастырь овецъ подъялъ и эту блуждающую овцу на рамена свои и несетъ уже въ домъ Израилевъ. На это, говорятъ, Галичъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ возразилъ: „Не овцу, ваше превосходительство, а барана или паче козлище“. Затѣмъ Руничъ началъ требовать отъ Галича, чтобъ онъ издалъ вновь свою исторію философскихъ системъ и въ предисловіи своемъ торжественно описалъ бы свое обращеніе и отреченіе отъ мнимаго просвѣщенія, на жеименномъ разумѣ основаннаго. Галичъ во все время дѣланнаго ему допроса не произнесъ ни одного слова, кромѣ — если вѣрять преданію — сдѣланной имъ поправки въ словахъ Рунича объ овцѣ. Онъ также отвѣчалъ молчаніемъ и на нелѣпное требованіе издать вновь свою книгу съ отреченіемъ отъ самой книги. Вѣроятно, Руничъ счелъ это молчаніе за согласіе, потому что въ донесеніи своемъ министру онъ говоритъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ, обѣщанномъ авторомъ.

Поведеніе Галича въ засѣданіи конференціи, по свидѣтельству лицъ, въ немъ участвовавшихъ, отличалось особеннымъ характеромъ, который былъ совершенно согласенъ съ его свойствами. Онъ не обнаруживалъ ни смущенія, ни желанія отразить наносимые ему удары. Увидѣвъ во всемъ происходившемъ въ университетѣ дѣлѣ какую-то роковую необходимость и чувствуя, что ему не одолѣть враждебныхъ силъ, онъ, кажется, принялъ систему полной покорности судьбѣ и рѣшился ждать спокойно всего, чтѣ случится. Потому онъ ничего и не возражалъ, не покушался объясненіями направить умы присутствовавшихъ въ свою пользу, — словомъ, рѣшился принять положеніе совершенно пассивное. Тѣ, которые были свидѣтелями происходившаго и которымъ былъ извѣстенъ характеръ Галича; считали поведеніе это весьма естественнымъ; но другіе, особенно лица, не принадлежавшія къ университету, не одобряли даннаго имъ отвѣта на обвинительные пункты и думали, что ему, подобно другимъ обвиняемымъ, надлежало настаивать на одномъ, чтѣ, безъ сомнѣнія, сознавала его совѣсть, то-есть, на своей невинности. Трудно однако судить, до какой степени былъ вѣренъ или невѣренъ его взглядъ на свое положеніе, и въ какой мѣрѣ въ эти минуты согласовался онъ съ его господствовавшими наклонностями и практическимъ настроеніемъ его духа. Извѣстно, что онъ былъ врагомъ всякой житейской тревоги, всякихъ внѣшнихъ какихъ бы то ни было помыкательствъ, могшихъ отвлекать его отъ главной и единственной задачи его жизни. Это, въ строжайшемъ смыслѣ, былъ человекъ кабинета и человекъ идей. Потому

весь шумъ, поднятый въ университетѣ, возбуждалъ въ немъ одно желаніе, чтобы все это скорѣе кончилось, чтобы его оставили въ покоѣ и не мѣшали ему думать. Онъ вѣрилъ, что право на мысль принадлежитъ ему неотъемлемо и безспорно, и что никакая сила не можетъ лишить его этого права. Въ этомъ философъ нашъ нѣсколько ошибался. Онъ зналъ людей, но не на столько, чтобы видѣть, какъ многіе изъ нихъ удивительно способны дѣлать зло, не смущая даже своей совѣсти, если оно покажется имъ полезнымъ, нужнымъ или будетъ согласно съ ихъ предрасудками, только бы дана имъ была на то возможность. Онъ забылъ, что въ крайнихъ случаяхъ они могутъ посягнуть даже на его право мыслить, и если не въ силахъ будутъ лишить его этого права, то найдутъ средства сдѣлать его до того безсиленнымъ, что заставятъ самый умъ усомниться въ себѣ. Ему впрочемъ вскорѣ и напомнили объ его ошибкѣ, сообщивъ подъ рукою, что приговоръ о немъ уже готовъ, что въ случаѣ его упорства, онъ будетъ официально признанъ сумасшедшимъ, и какъ въ книгѣ своей и жизни онъ былъ не чуждъ нѣкоторой оригинальности, то такая угроза, судя по тому, что происходило тогда въ университетѣ, легко могла бы осуществиться. Конечно, онъ хотѣлъ не только мыслить, но и хотѣлъ, чтобы его считали существомъ мыслящимъ, и неудивительно, что онъ рѣшился наконецъ заботу о своей судьбѣ предоставить самой судьбѣ.

Мы не излагаемъ исторіи С.-Петербургскаго университета, а потому не находимъ нужнымъ слѣдить далѣе за ходомъ событій, которыхъ мы здѣсь коснулись на столько, сколько требовалось нашимъ предметомъ. Извѣстно, что слѣдствіе, произведенное Руничемъ, поступило на разсмотрѣніе высшихъ властей. Ожидаемыхъ Магницкимъ и Руничемъ результатовъ однако не послѣдовало. Высшія правительственныя власти посмотрѣли на вопросы, возбужденные ими, съ точки зрѣнія болѣе возвышенной, болѣе человѣчественной и государственной. Они, конечно, не могли одобрить ни началъ, ни мѣръ, избрѣтенныхъ отчаянными ретроgrадами и столь явно противорѣчившихъ общимъ видамъ и стремленіямъ правительства, всему, что оно уже сдѣлало для просвѣщенія народа, наконецъ, вопіющимъ и великимъ потребностямъ послѣдняго. Потому они не могли осудить и лицъ, дѣйствовавшихъ въ пользу науки подъ гарантіями правительства и въ духъ системы, обнимавшей новую гражданственность Россіи. Общество, съ своей стороны, выражало, какъ могло, свое изумленіе, негодованіе и ужасъ при видѣ насилій и произвола, допущенныхъ въ С.-Петер-

бургскомъ университетѣ и угрожавшихъ и другимъ. Да и самое министерство народнаго просвѣщенія начало, кажется, тяготиться тѣмъ напряженнымъ состояніемъ, въ которое были поставлены вещи изувѣрною ревностью его агентовъ. Все это повело къ тому, что преслѣдуемые профессора вышли, такъ-сказать, помятыми, но живыми и не изувѣченными изъ рукъ инквизиціоннаго трибунала, и наука, нуждающаяся въ поддержкѣ и охраненіи, особенно тамъ, гдѣ она не успѣла еще пустить глубоко корни, конечно, не могла не потерпѣть на первое время, однако она спасена была въ принципѣ. Фактъ испытанія, которому она подвергалась, доказалъ, что для страны, ее принявшей по вышнему возбужденію, уже наступило время внутренняго и сознательнаго съ нею сочетанія. Конечно, послѣ всего случившагося, профессора Раупахъ, Германъ и другіе не могли уже продолжать свою дѣятельность въ университетѣ, отъ чего послѣдній лишился лучшнхъ силъ своихъ и влачилъ печально свое существованіе до самаго вступленія въ министерство графа Уварова. Но всѣ эти лица опредѣлены были немедленно къ другимъ должностямъ и только выиграли въ служебномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Германъ получилъ мѣсто инспектора въ двухъ женскихъ заведеніяхъ, Смольномъ монастырѣ и Екатерининскомъ институтѣ; Арсеневу дана была каѳедра исторіи и статистики въ инженерномъ училищѣ, и вскорѣ потомъ онъ удостоенъ былъ званія наставника по этимъ предметамъ при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, нынѣ достославно царствующемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ; Плисовъ, поступившій во второе отдѣленіе канцеляріи Его Величества, въ послѣдствіи былъ сдѣланъ сенаторомъ. Куницынъ, бывший профессоромъ въ Царскосельскомъ лицей, хотя и не принадлежалъ къ министерству народнаго просвѣщенія, однако также не избавился отъ гоненій Магницкаго и Рунича за свою книгу: *Естественное право*; въ послѣдствіи онъ получилъ въ управленіе департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Раупахъ не захотѣлъ остаться въ Россіи и выѣхалъ за границу.

Но въ то время, когда опальнымъ профессорамъ такимъ образомъ даны были новыя, достойныя ихъ назначенія, что случилось съ нашимъ профессоромъ философій? Куда было дѣть философа, рѣшительно ни на что болѣе негоднаго, какъ преподавать философію? Каѳедры философій нигдѣ въ кругу министерства не существовало, кромѣ университета. Но конечно, и самъ Галичъ не захотѣлъ бы остаться тамъ преподавателемъ этой науки послѣ всего происшедшаго. Однакожъ за

что было и осудить на голодную смерть человѣка, виноватаго только тѣмъ, что посвятивъ себя избранной имъ наукѣ, онъ исключительно предался ей одной? Итакъ, начальствомъ было рѣшено оставить его при университетѣ, съ тѣмъ чтобъ онъ былъ употребленъ при случаѣ для каковой-нибудь нефилософской службы, сохранивъ за нимъ жалованье по званію экстраординарнаго профессора и казенную квартиру. На основаніи этого рѣшенія онъ былъ помѣщенъ въ домѣ, принадлежавшемъ университету въ 7-й линіи Васильевскаго острова, гдѣ нынѣ находится Ларинская гимназія.

Итакъ, у Галича было жилище съ отопленіемъ, хотя весьма скромное, и содержаніе еще болѣе скромное. Но цѣль, которой были посвящены всѣ труды его и жизнь, и для которой онъ былъ такъ хорошо подготовленъ, университетское преподаваніе филозофіи, оказалась теперь для него недостижимой. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Если философія должна составлять необходимую часть высшаго образованія и у насъ, какъ вездѣ, гдѣ уважаются полнота, всеобъемлемость и логическая свобода науки, то конечно, никто въ свое время столько, какъ Галичъ, не въ состояніи былъ руководить юношество въ строгомъ, послѣдовательномъ, методическомъ ея ученіи и дать мыслямъ его серьезное направленіе. Онъ предполагалъ вовсе отказаться отъ метафизики и вообще отъ всякой философской догматики, которыми никогда искренно не сочувствовалъ, и которыя въ началѣ входили въ его курсъ, потому только что онъ недоволенъ еще укрѣпился на своей каедрѣ, чтобы совершенно измѣнить данную ему программу. Намѣреніе его было, ознакомивъ своихъ слушателей съ логикой и психологіей, развивать ихъ философскую мыслительность историко-критическимъ способомъ. Поэтому главнымъ предметомъ своимъ онъ считалъ исторію философіи, которую намѣренъ былъ закончить обзорѣніемъ современныхъ философскихъ ученій Англіи и Франціи и полнымъ изложеніемъ Шеллингова ученія, какъ послѣдняго акта въ движеніи философской мысли въ Германіи до Гегеля. Всему этому не суждено было совершиться, и Галичъ принужденъ былъ свою ученую дѣятельность сосредоточить въ кабинетѣ. Плодомъ этой дѣятельности были изданныя имъ въ разное время сочиненія, которыя слѣдуетъ раздѣлить на двѣ категоріи, — одни, написанныя или случайно, или ради увеличенія средствъ существованія, и другія, обработанныя вслѣдствіе внутренней потребности автора говорить съ своими современниками, сколько позволяли обстоятельства, о предметѣ, составлявшемъ задачу его жизни. Къ первымъ принадлежатъ: *Теорія красноречія*

для всѣхъ родовъ прозаическихъ сочиненій, 1830 года; *Логика, изложенная по Клейну*, 1831 года; *Лексиконъ философскихъ предметовъ*, 2 выпуска, 1847 года, не конченный, и *Русскіе синонимы*, также не законченные. Къ произведеніямъ втораго рода относятся: *Опытъ науки объ изящномъ*, 1825 года; *Черты умозрительной философіи*, родъ компендіума Шеллингова ученія, 1829 года, и *Картина челоука*, 1834 года. Но самый задушевный трудъ, на который Галичъ употребилъ болѣе четырнадцати лѣтъ, твореніе обширное по объему и глубокомысленное по содержанію, была *Философія исторіи челоучества*, сдѣлавшаяся, какъ увидимъ ниже, по особенной роковой случайности, поводомъ къ бѣдственному перевороту въ духѣ Галича.

Между тѣмъ какъ нашъ философъ въ кабинетныхъ занятіяхъ по возможности старался найти замѣну преподавательской ученой дѣятельности, нѣкоторые изъ прежнихъ его слушателей и другіе любознательные молодые люди упросили его читать имъ у себя на дому курсъ Шеллинговой философіи, на что за умѣренный предложенный ему гонорарій онъ охотно согласился, удовлетворяя тѣмъ своей привычкѣ къ преподаванію, а также необходимости что-нибудь прибавить къ скудному своему содержанію. Такимъ образомъ въ тридцатыхъ годахъ въ квартирѣ у Галича образовалась маленькая аудиторія челоуѣкъ изъ десяти или двѣнадцати. Начальство знало про это, и хотя нѣкоторые ревностные и благонамѣренные оберегатели общественныхъ нравовъ и официальныхъ порядковъ не преминули войти къ нему съ доносомъ, однако, зная образъ мыслей и духъ ученія экспрофессора, оно рѣшилось смотрѣть сквозъ пальцы на его философскія бесѣды. Чтенія Галича то прерывались, то возобновлялись опять, смотря по накоплявшемуся числу желавшихъ. Эти случайныя, прерывистыя занятія весьма немного служили къ улучшенію и обезпеченію матеріальнаго его быта, и онъ, бывъ челоуѣкомъ женатымъ, терпѣлъ часто тяжкія нужды или, какъ онъ выражался, узвленія этихъ малыхъ житейскихъ насѣкомыхъ, скорбей, мѣшавшихъ ему сидѣть въ кабинетѣ за своими учеными работами и отдыхать. Къ этому присоединилась новая невзгода: въ 1837 году, по причинѣ послѣдовавшихъ въ университетѣ преобразованій, онъ былъ вовсе изъ него уволенъ, при чемъ, разумѣется, у него отняли и его жалованье; для полученія же пенсіона онъ не выслужилъ еще узаконеннаго срока. Положеніе Галича по истинѣ было плачевно. Умственные интересы, которымъ онъ призванъ былъ служить, которымъ ввѣрилъ свою жизнь, трудъ, и честь, оказались для него не существующими. Судьба,

въ своей безпощадной ироніи, какъ будто бы захотѣла посмѣяться и надъ его общественнымъ призваніемъ, которое оказалось тщетнымъ, и надъ собственнымъ его легковѣріемъ, и затѣмъ бросила его на жертву обманутымъ надеждамъ и нищетѣ. Если съ первыми онъ могъ еще кое-какъ справляться силами своего духа, то съ другою трудно было бы ему бороться безъ сторонней помощи. Къ счастью, помощь эта была ему оказана. Нѣкоторые изъ его учениковъ, достигшіе видныхъ степеней по службѣ, имѣвшіе значительныя связи, приняли въ судьбѣ его горячее участіе и соединили свои усилія, чтобы пристроить его въ мѣсту, гдѣ пользуясь порядочнымъ содержаніемъ, онъ не былъ бы обремененъ излишнею официальною и массою непривычныхъ ему дѣлъ. Въ 1838 году имъ удалось помѣстить его при одномъ изъ департаментовъ министерства государственныхъ имуществъ переводчикомъ съ языковъ нѣмецкаго, французскаго и польскаго, а спустя годъ потомъ, по ходатайству И. Д. Якобсона, нынѣ члена совѣта военнаго министерства, онъ былъ опредѣленъ начальникомъ архива при провіантскомъ департаментѣ. Это послѣднее назначеніе было великимъ благодѣяніемъ для Галича. Съ нимъ соединялось жалованье, которое даже превышало его нужды, около 5.000 руб. асс.; онъ притомъ имѣлъ возможность посвящать бѣольшую часть своего времени ученымъ занятіямъ. Съ чувствомъ какого-то самодовольства онъ часто повторялъ, что благодаря Бога, своимъ вышнимъ благосостояніемъ онъ обязанъ ученикамъ своимъ. „Отъ нихъ не стыдно принять помощь“, говорилъ онъ: „они мнѣ родные, насъ соединяетъ союзъ идей. И есть же въ идеяхъ этихъ какая-нибудь сила, когда вотъ и такой неукусный ловець, какъ я, уловляю ими сердца моихъ ближнихъ и становлюсь предметомъ ихъ любви и попеченій“.

Не смотря на эти благопріятныя обстоятельства въ жизни нашего философа, все-таки странно какъ-то было видѣть его засѣдавшимъ вмѣсто профессорской аудиторіи въ архивѣ провіантскаго департамента и изучавшимъ не творенія великихъ мыслителей и наставниковъ человѣчества, а заголовки и описи канцелярскихъ дѣлъ о поставкѣ для арміи муки, крупъ и проч. Галичъ самъ очень простодушно посмѣивался надъ своимъ положеніемъ. „Вотъ куда я попалъ, говорилъ онъ, въ пріятельскомъ кругу, — въ общество мышей и крысъ, съ которыми долженъ вести войну ради обезпеченія казенныхъ бумагъ. Но это, я думаю, будетъ легче, нежели вести войну съ гонителями науекъ и просвѣщенія“. Не всегда однакожь такъ равнодушно онъ отзывался о своемъ положеніи. Случалось, хотя рѣдко, что такая нелѣпая игра

судьбы, какой онъ сдѣлался жертвою, исторгала изъ устъ его жалобы, подобныя слѣдующей: „Горька участь человѣка, говорилъ онъ, когда духъ его сознаетъ, что онъ можетъ дѣлать больше, чѣмъ рѣшиться въ канцелярскихъ бумагахъ и пресмыкаться въ архивной пыли, хотя и получаетъ за то жалованье. Горекъ хлѣбъ, когда его даютъ тебѣ изъ страданія, и отказываютъ въ томъ, на какой ты имѣешь право“. Но потомъ, ободрясь, онъ продолжалъ: „Что же впрочемъ? Не все ли равно ѣсть хлѣбъ, спеченный въ одной или въ другой печи, лишь бы совѣсть говорила, что онъ не краденый“.

Галичъ свѣлся наконецъ съ архивною своею участію. Ознакомившись съ порядкомъ храненія дѣлъ, онъ являлся туда въ опредѣленное время для общаго надзора, подробности же оставались на рукахъ его помощниковъ. Начальство было имъ довольно и даже наградило его одинъ разъ чиномъ статскаго совѣтника, а другой разъ единовременною денежною выдачей. Таки періодъ кризисовъ и неожиданныхъ потрясеній въ безмятежномъ пріютѣ архива, повидимому, для него кончился, и дни его должны были течь своею чередою тихо, обозначаясь только зрѣлыми плодами мысли и знанія. Но такое состояніе было непродолжительно; оно было для него только отдыхомъ. Основываясь на опытахъ жизни, можно допустить, что бывають личности, къ которымъ судьба особенно неблагоклонна, личности, къ которымъ горе привязывается, какъ вѣрный другъ, за которыми слѣдуетъ оно неотступно, искушая и дразня ихъ терпѣніе и мужество, пока не одолѣетъ ихъ окончательно. Примѣромъ тому можетъ служить именно Галичъ. Вотъ что опять произошло съ нимъ. Онъ любилъ проводить лѣто за городомъ, между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, въ одномъ изъ существовавшихъ тогда домиковъ, замѣненныхъ нынѣ казармами. Отправляясь туда по обыкновенію на лѣто, онъ оставлялъ свою квартиру подъ охраненіемъ дворника и замка. Въ одно изъ такихъ лѣтнихъ пребываній на дачѣ, если не ошибаемся, въ 1839 или 1840 году, въ домѣ, гдѣ находилась его квартира въ Измайловскомъ полку, случился пожаръ. Нѣсколькихъ часовъ достаточно было, чтобы превратить въ пепель и домъ, и все имущество Галича, а главное, его бібліотеку, состоявшую изъ отборныхъ сочиненій по части философіи, права и исторіи, и его рукописи. Ничего не зная о постигшемъ его несчастіи, онъ пріѣхалъ изъ Царскаго Села, чтобы застать нѣкоторыми книгами, и вдругъ, къ невыразимому своему ужасу, видитъ на мѣстѣ своего жилища обгорѣлыя трубы и кучи золы. Мы видѣли, что жизнь его была надѣлена

достаточнымъ количествомъ скорбей; онъ переносилъ ихъ съ достоинствомъ и великодушіемъ мужа и философа, никогда не теряя веселаго расположенія духа и едва позволяя себѣ на минуту иногда усомниться въ необходимости постигшаго его зла. Но это внезапное бѣдствіе было глубоко и неиспѣлимо. Ему жаль было не имущества своего, его сокрушила потеря библіотеки, а болѣе всего невознагради-мая утрата двухъ совершенно оконченныхъ его сочиненій: *Всеобщая трава* и *Философіи исторіи человечества* ¹⁾. Они были, особенно послѣдняя, любимыми созданіями его ума, окончанію которыхъ онъ радовался, какъ радуется земледѣлецъ при видѣ собранной имъ благоуспѣшной жатвы, которая онъ думалъ передать потомству, какъ первый опытъ обширнаго умственнаго труда въ своемъ отечествѣ, достойный его и себя, наконецъ, какъ удостовѣреніе предъ обществомъ, что одно грубое невѣжество могло считать его идеи и ученіе опасными. Въ пепѣ, который теперь лежалъ передъ нимъ, были погребены драгоценнѣйшіе интересы его мысли и сердца, честь его имени, все богатство знанія, науки, съ такимъ трудомъ и при такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ собранныя имъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Онъ не устоялъ противъ великости этого зла, душевныя силы его до того были потрясены, что онъ не могъ уже остаться прежнимъ Галичемъ и началъ мало по малу превращаться въ другаго человѣка — въ человѣка столь же честнаго, незлобиваго, даже умнаго, какимъ былъ и прежде, но уже безъ гордаго сознанія своего человѣческаго достоинства, безъ величаваго ореола мысли, озарявшей его личность; онъ опустился, палъ нравственно, началъ пить.

Галичъ — пьяница: несомнѣнными понятія для тѣхъ, которые лично его знали! Такая измѣна благороднымъ задачамъ и принципамъ, такой переходъ отъ неукоризненнаго по чистотѣ своей образа жизни, отъ изящества мысли и поступковъ, къ нравственной нечистотѣ и вони трактира, гдѣ онъ началъ часто проводить время, — что это такое? Малодушіе, посмѣяніе надъ вѣрою въ человѣка, оправданіе Мефистофеля, который при видѣ нашей превозносящейся силы нравственной лукаво глумится, говоря: „Подождемъ — такъ или иначе, а ты сунешь носъ свой въ грязь?“ Все это невыразимо грустно. Однако все-таки чѣмъ объяснить эту психологическую метаморфозу? Какъ могъ дойти Галичъ до такого самоуниженія? Зная его очень хорошо, мы,

¹⁾ Мы видѣли у него въ кабинетѣ эти сочиненія, начисто переписанныя его рукою въ нѣсколькихъ огромныхъ тетрадахъ. Они были уже готовы для представленія въ цензуру.

кажется, не ошибемся, если скажемъ, что это былъ смертный приговоръ, произнесенный имъ надъ самимъ собою, самоуничтоженіе, медленное, но твердо предпринятое. Онъ не хотѣлъ или не могъ прибѣгнуть къ насильственному радикальному средству, но прибѣгнувъ, повидимому, сознательно къ медленной отравѣ, какою бессознательно такъ многіе у насъ губяты себя. „Дѣти моей мысли умерли“, говорилъ онъ намъ въ задушевной дружеской бесѣдѣ: „жизнь моя потеряла цѣль и смыслъ. Мнѣ пора также умереть. Я слишкомъ старъ, чтобы снова начинать погибшее дѣло, а только дѣломъ можно жить. Жить безъ дѣла — запрещаютъ разумъ и совѣсть“.

Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы согласиться съ подобною, отчасти софистическою, отчасти сентиментальною, діалектикою. Извѣстно, что привилегія мыслить больше и лучше другихъ сопряжена съ значительною отвѣтственностію, и отвѣтственность эта простирается не на однѣ мысли, но и на дѣла. Чтò можетъ быть допускаемо и извиняемо въ другихъ низшихъ сферахъ жизни, здѣсь не должно имѣть ни мѣста, ни оправданія, какъ скоро оно противно заповѣди, правамъ, достоинству мысли просвѣщенной и расширенной. Должно полагать также, что если роковыя случайности жизни не зависятъ отъ нашей воли и нашей предусмотрительности, то это самое даетъ уже намъ возможность примириться до нѣкоторой степени съ неуспѣхомъ и неудачами нашихъ преднамѣреній. Да наконецъ вообще, кажется, не слѣдуетъ намъ слишкомъ возвеличивать въ собственныхъ глазахъ нашихъ важность того, что мы дѣлаемъ или задумали сдѣлать, по нашему мнѣнію, наилучшаго: вѣдь все на свѣтѣ имѣетъ относительную цѣну. Все это хорошо, и вѣроятно, приходило на умъ нашему философу, которому во всякомъ случаѣ приличнѣе было снести новое горе, какъ онъ сносилъ прежнее, нежели унижать свою разумность и свое человѣческое достоинство предъ самимъ собою и предъ другими мыслящими существами, чтò, безъ сомнѣнія, составляло самое худшее горе. Но не въ оправданіе, а въ объясненіе печальнаго переворота, послѣдовавшаго во внутренней его жизни, мы можемъ сослаться на исключительность его призванія. Эти исключительныя или спеціальныя призванія имѣютъ то свойство, что если, съ одной стороны, сознание какого-либо изъ нихъ составляетъ нашу силу и условіе всякаго важнаго и достославнаго дѣла, то съ другой, оно дѣлаетъ насъ односторонними и ослабляетъ въ насъ тѣ силы, которыя нужны для удовлетворенія другихъ потребностей жизни и долга. Такъ все изобличаетъ и смиряетъ нашу гордость, и если въ одномъ случаѣ мы находимъ ей поощреніе, то

въ другомъ причину къ горькому разочарованію, — и пусть же на падшаго брата бросить камень тотъ; кто не имѣеть на себѣ грѣха!

Вещественныя нужды, обременившія Галича послѣ пожара, уничтожившаго все его убогое достояніе, были немедленно облегчены дѣятельною помощію нѣкоторыхъ изъ его учениковъ. Освѣдомясь о постигшемъ его горѣ, они тотчасъ собрали между собою нѣкоторую сумму (1.400 руб.) и чрезъ одного изъ его почитателей, хотя и не бывшаго его ученикомъ и ему лично вовсе незнакомаго, вручили ему эти деньги такъ, что онъ не зналъ и не узналъ никогда, отъ кого онѣ присланы. Покойный Н. И. Грець далъ ему на время квартиру въ своемъ домѣ. А затѣмъ онъ продолжалъ жить жалованьемъ, получаемымъ на службѣ при архивѣ.

Послѣднія шесть или семь лѣтъ жизни Галича, послѣ поразившей его катастрофы, представляются какимъ-то исключеніемъ изъ того, что его прежде занимало и одушевляло. Матеріальное его положеніе не пострадало. Лицо, доставившее ему мѣсто и съ нимъ безбѣдное содержаніе, продолжало ему покровительствовать. Слабость, которой предавался Галичъ, была не замѣчаема; службѣ она также не вредила, потому что онъ упалъ не до таковой степени, чтобы не могъ исполнять нетрудныхъ своихъ обязанностей или бы компрометировалъ начальство своимъ поведеніемъ. Но кабинетъ его, лишенный своихъ сокровищъ, книгъ и рукописей, не былъ уже для него святилищемъ, гдѣ приносились имъ чистыя жертвы наукѣ. вмѣстѣ съ другимъ такнижъ же отставнымъ ученымъ и горемыкою, какъ самъ, удаляясь куда-нибудь въ уединенный трактиръ, чаще всего на Крестовскій островъ, онъ упражнялся съ нимъ постоянно въ игрѣ на билиардѣ и въ поддержаніи въ себѣ пріятнаго расположенія духа немногими, но частыми возліяніями баснословному богу веселія. Онъ рѣдко уже сталъ являться въ общество тѣхъ людей, съ которыми прежде любилъ бесѣдовать, и которые сами любили его бесѣду, полную оригинальнаго ума и неистощимаго веселаго юмора. Онъ не былъ навязчивъ и не хотѣлъ смущать своихъ друзей видомъ своей скорби и вообще своимъ измѣнившимся видомъ. Однако когда кому-нибудь изъ нихъ случалось съ нимъ встрѣтиться, онъ старался всегда облечься въ остатки своего прежняго скромнаго, но всегда нѣсколько величаваго достоинства. По временамъ онъ возвращался къ прежнимъ своимъ кабинетнымъ занятіямъ, но болѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ желанія продолжать прежнюю свою ученую дѣятельность. Къ этому именно періоду его жизни принадлежатъ *Словарь философскихъ предметовъ* и *Словарь русскихъ синонимовъ*,

составленные имъ по соглашенію со Смирдинымъ и оба не конченныя. Это были остатки когда-то богатаго запаса знаній. Первый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ даже нѣсколько статей, не лишенныхъ философской занимательности. Но словарь синонимовъ не выполняетъ своей задачи: это не объясненіе словъ въ филологическомъ смыслѣ, а психологическое опредѣленіе понятій.

Къ довершенію несчастія Галича, онъ дома не находилъ ничего, что сколько-нибудь могло бы его утѣшать и поддерживать. Онъ былъ женатъ; но женитьба его, еще во время профессорства, только прибавила новую тяжесть къ бремени, положенному на него судьбою. Какого происхожденія была его жена, неизвѣстно. Извѣстно только то, что она была очень дурна собою, очень необразованна и очень зла. Она принадлежала къ разряду тѣхъ грубыхъ, неуклюжихъ существъ человѣческой породы, которыя, повидимому, напрасно носятъ на себѣ имя женщины; природа какъ бы въ противорѣчіе самой себѣ лишила ее всѣхъ женскихъ высокихъ качествъ — кротости, любви, граціи, умственныхъ, вѣрныхъ и тонкихъ инстинктовъ. Что она ни мало не сочувствовала ни идеямъ, ни характеру своего мужа, это еще можно было ей простить по крайней ея необразованности, и это могло и не зависѣть отъ нея. Для человѣка, принужденнаго жить съ нею, это составляло бы только отрицательное зло, которое слѣдовало сносить терпѣливо тому, кто самъ былъ виноватъ, сдѣлавъ подобный неразборчивый выборъ. Но въ ней господствовала положительная сторона дурнаго нрава, желаніе поработить себѣ человѣка, которому она была обязана и своимъ именемъ, положеніемъ въ обществѣ, и хлѣбомъ. Знакомые ставили ей въ заслугу и достоинство то, что она усердно надзирала за бѣльемъ и платьемъ мужа, починала и то, и другое, и даже сама шила ему халаты и сюртуки. Но все это было болѣе слѣдствіемъ скаредной скупости, чѣмъ настоятельной надобности, особенно въ то время, когда жалованья Галича было весьма достаточно для всякихъ домашнихъ нуждъ. Но за всѣ добровольныя лакейскія услуги она требовала платы непомерной, полнаго повиновенія ея деспотизму и капризамъ. Она дѣлала ему почти ежедневно бурныя сцены, такъ что онъ нерѣдко принужденъ былъ бѣжать изъ собственнаго дома и ожидать гдѣ-нибудь на улицѣ или у своихъ пріятелей, пока буря утихнетъ, и онъ будетъ имѣть возможность возвратиться въ свой кабинетъ, къ мирнымъ занятіямъ. Онъ никому не жаловался на свое домашнее горе, но сосѣди и знакомые видѣли и знали, съ какимъ терпѣніемъ онъ несъ на себѣ и этотъ крестъ, пока могъ находить

облегченіе въ обработѣ и совершеніи своихъ завѣтныхъ ученыхъ трудовъ. Дѣтей у него, къ счастью, не было.

Между тѣмъ Галичъ наконецъ успѣлъ своимъ невоздержаніемъ разстроить совершенно свое здоровье. Онъ не обладалъ большими физическими силами, былъ средняго роста, довольно тощъ, безъ признаковъ однако болѣзненной худобы; но его тѣлосложеніе отличалось какою-то особенно счастливою гармоніей органовъ и отправленій, общавшею ему, при умѣренномъ и правильномъ образѣ жизни, маститую и здоровую старость. Въ 1848 году постигла Петербургъ холера, и между тысячами обреченныхъ ей жертвъ въ Галичъ нашла она готовую для себя добычу. Въ началѣ весны, какъ обыкновенно, онъ переѣхалъ въ Царское Село, чтобы провести тамъ лѣто. И не смотря на то, что онъ не принималъ никакихъ предосторожностей противъ опаснаго и безошаднаго врага и продолжалъ свой образъ жизни, холера не вдругъ поразила его. Цѣлое лѣто онъ провелъ съ обычною своею беззаботностію, какъ бы забытый ею, и уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, 9-го числа, когда она, повидимому, начала ослабѣвать, почувствовалъ первые припадки болѣзни и хотя въ жестокихъ, но непродолжительныхъ страданіяхъ скончался того же дня. Ему было около 65 лѣтъ. Посреди всеобщей паники, произведенной эпидеміей, всякій заботился о себѣ; ученики, почитатели и друзья Галича, разбѣянные въ разныхъ частяхъ Петербурга или въ его окрестностяхъ, спустя уже нѣсколько дней узнали о его кончинѣ; никто изъ нихъ не сопровождалъ его до могилы; одна жена своими поздними, и вѣроятно, не очень сердечными воплями нарушала тишину скромной процессіи до кладбища, да одинъ изъ его бывшихъ семинарскихъ товарищей, простой, незначительный человѣкъ, учитель какого-то уѣзднаго училища въ Петербургѣ, но любившій Галича безкорыстною братскою любовію, бросилъ горсть земли на его гробъ, — и вмѣсто надгробной рѣчи, описывая намъ, между прочимъ, кончину философа, заключилъ свое описаніе слѣдующими теплыми словами: „Миръ праху твоему, достойнѣйшій труженикъ науки и любитель просвѣщенія, глубокой мыслитель и искатель истины, вроткій, какъ агнецъ“.....

Что касается до нравственнаго характера Галича, который бы намъ хотѣлось также объяснить читателямъ, то онъ уже проглядываетъ отчасти и въ описаніи его жизни. Тѣмъ не менѣе въ дополненіе къ этому мы считаемъ нужнымъ прибавить еще нѣкоторыя часть скл, отд. 2.

черты, не лишеныя, можетъ-быть, психологическаго интереса. Личность Галича, въ нѣкоторомъ смыслѣ, была личностію типическою. Онъ могъ служить, между прочимъ, примѣромъ того, до какой степени исключительное господство умозрительной способности въ состояніи ослабить въ человѣкѣ другія силы духа и сдѣлать его неспособнымъ къ какой бы то ни было практической дѣятельности. Вѣроятно, этому не мало содѣйствовала и самая возвышенность вопросовъ, рѣшеніемъ коихъ занимались и занимаются люди съ подобнымъ направленіемъ. Все, не входящее въ сферу этихъ вопросовъ, имъ кажется мелочнымъ и не стоящимъ того, чтобы наполнить ими кратковременную жизнь нашу въ подрывъ ея благороднѣйшимъ умственнымъ интересамъ; они забываютъ однако, что то, что они считаютъ мелочнымъ и не заслуживающимъ вниманія, получаетъ совсѣмъ другой характеръ отъ связи съ вопросами, въ какіе погружается ихъ мысль, что оно перестаетъ быть пошлымъ, облагораживается, возвышается, — да и вообще матеріалы, содержаніе жизни не отъ насъ зависятъ, но отъ насъ зависитъ положить на каждой ихъ части печать разумности и человѣческаго достоинства. Въ теоріи они и не отвергаютъ этого; но въ примѣненіи все-таки какая-то внутренняя центробѣжная сила влечетъ ихъ вдаль, и имъ отрадно летать орлинымъ полетомъ въ поднебесье, куда не достигаютъ снизу шумъ и тревоги житейскія, отчего они и разучиваются наконецъ ходить, какъ слѣдуетъ, на твердой почвѣ. Можно бы, повидимому, такое одностороннее настроеніе духа поставить въ упрекъ философскому самовоспитанію и образованію; но подобный упрекъ былъ бы крайне несправедливъ. Умозрительная сторона не есть исключительная или единственная въ философіи; ей свойственны разные виды. Отъ внутренняго расположенія или наклонностей лица зависитъ направить себя къ такой или иной ея сторонѣ, и философія точно также въ этомъ не виновата, какъ и всякая другая наука, въ которой изучающій ее усвоилъ себѣ преимущественно или исключительно одинъ изъ господствующихъ въ ней элементовъ. Въ противномъ случаѣ чистая математика могла бы подлежать такому же упреку. Именно Галичъ былъ ученымъ специалистомъ, устремившимъ всецѣло свои мысли на изученіе и разработку одного изъ такихъ элементовъ философіи, и неудивительно, если его умственные силы, дѣйствовавшія усцѣпно въ одной сферѣ, по мѣрѣ того какъ онъ отдалялся отъ другихъ, оказывались несостоятельными или мало состоятельными въ сихъ послѣднихъ. При всемъ томъ, Галичъ не былъ мечтателемъ-фанатикомъ или педантомъ-специалистомъ, зарывшимся въ свои книги и бу-

маги, чуждымъ понятій и интересовъ, двигавшихъ пружинами событій мірскихъ. Напротивъ, онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ наблюдательности, любилъ общество, вникалъ въ современный ходъ вещей, слѣдилъ за текущею литературой, охотно читая романы, повѣсти и стихотворенія, словомъ, онъ по всему, казалось, былъ человѣкомъ жизни; но все, что являлось въ жизни, онъ переводилъ тотчасъ на идеи, мыслилъ о жизни, но никакъ не могъ извлечь изъ опытовъ ея ни убѣжденій, ни знанія, ни умѣнья пролить свои мысли въ чемъ-нибудь, кромѣ книгъ. Онъ могъ говорить о всякомъ житейскомъ дѣлѣ умно и разсудительно въ общихъ видахъ или съ общей точки зрѣнія, но сдѣлать порядочно ни одного такого дѣла, не смотря на чистыя свои намѣренія, онъ не былъ въ состояніи. Въ размышленіи о дѣлахъ, въ писаніи сочиненій, въ чтеніи лекцій истощался весь запасъ его нравственныхъ силъ, такъ что для всего остальнаго у него не оставалось ни предпримчивости, ни мужества, ни воли. И натиску враждебныхъ обстоятельствъ онъ могъ противопоставлять одно терпѣніе, а не усилія и мѣры защиты. Онъ былъ врагомъ всякой искусственной напряженности поведенія и всякихъ крайностей. Ровное, естественное, спокойное движеніе силъ, какъ въ самомъ себѣ, такъ и внѣ себя, было для него самымъ вождѣльнымъ состояніемъ, хотя и зналъ онъ, какъ оно было трудно достижимо. Его неизмѣнная кротость, добродушіе, мягкосердечіе дѣлали его совершенно неспособнымъ наносить людямъ и малѣйшее огорченіе; но самъ онъ былъ открытъ со всѣхъ сторонъ для нападений, если бы кому вздумалось ихъ дѣлать: не смотря на свой умъ и знаніе людей, ихъ общихъ нравовъ, ихъ отношеній, гдѣ эгоизмъ играетъ такую важную, если не главную роль, въ частности, въ сношеніяхъ своихъ со всякимъ отдѣльнымъ лицомъ онъ былъ довѣрчивъ, какъ настоящее дитя. Не было также человѣка менѣе его способнаго выставять въ благопріятномъ свѣтѣ свои ученныя достоинства, свои заслуги, или упорно отстаивать свое мнѣніе, единственно потому что оно было его. Всякая полемика была ему противна; онъ шелъ своимъ путемъ въ жизни и въ наукѣ, считая его за лучшій и удобнѣйшій для себя и не мѣшалъ никому идти своимъ. Онъ любилъ общество, но являлся только въ кругу людей ему близкихъ, и здѣсь видѣли его всегда веселымъ, оживленнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ не любилъ разговоровъ, отягченныхъ ученостію и сужденіями о предметахъ, о которыхъ можно размышлять только въ тиши кабинета. „Пріятельская бесѣда, говорилъ онъ, не то, что трудъ; это отдыхъ. Пусть собирающіеся

вмѣстѣ для удовольствія играютъ, если угодно, хоть въ мячъ. Но странно было бы, вмѣсто легкаго шара, начиненнаго воздухомъ, перебрасываться камнями, которыми неравно угодишь кому-нибудь и въ лобъ“. „Еще и то надобно помнить, говорилъ онъ также, что кто въ обществѣ ищетъ только разсѣянія своей скуки и потому часто приноситъ ее туда съ собою, тому лучше оставаться дома и скучать одному. Положимъ, что мы въ правѣ ожидать отъ пріятелей нашихъ участія въ нашихъ скорбяхъ; но для изьявленія его есть другое мѣсто, и существуютъ другіе приемы, а собраніе для простой бесѣды, или, какъ говорится, для препровожденія времени, не есть лазаретъ, куда приходятъ больные дурнымъ расположеніемъ духа лѣчиться. Всякій, являющійся туда, есть вкладчикъ, который обязанъ внести свою лепту въ общій капиталъ невинныхъ удовольствій, и никому не слѣдуетъ искать себѣ удобства на чужой счетъ“. Галичъ не былъ краснорѣчивъ; онъ говорилъ тихо, спокойно, безъ увлеченія и аффектацій. Тѣмъ не менѣе рѣчи его были очень занимательны по своей оригинальности, по своему юмору и ироніи, составлявшимъ отличительныя черты его ума. Слушая его, вы убѣждались, что этотъ человекъ, такъ удалявшійся, повидимому, отъ серьезнаго тона, готовый останавливаться на мелочахъ, мѣтитъ гораздо дальше того, что высказываетъ, и если бы не было извѣстно его добродушіе, то можно бы усомниться, не подшучиваетъ ли онъ, подобно древнему мастеру ироніи, Сократу, надъ своими собесѣдниками. Этого однако никто не боялся; всѣ знали, что въ его остроумныхъ, мѣткихъ выходкахъ нѣтъ никакихъ частныхъ примѣненій, и что все въ этихъ выходкахъ относится къ общему его міросозерцанію и къ общимъ взглядамъ на людей и на ихъ страсти и отношенія.

Самое видное, наиболѣе выдающееся качество въ характерѣ Галича была любовь его къ наукѣ. Онъ любилъ ее не потому, что она вмѣнялась ему въ обязанность, вошла ему въ привычку или доставляла ему извѣстное положеніе въ обществѣ, а потому что вполне чувствовалъ себя призваннымъ къ ней, и только къ ней одной, и потому любовь его была безграничная и глубокая. Онъ и обращался съ наукою честно и благоприлично. Имѣя дѣло съ такою изъ ея отраслей, гдѣ мысль находитъ широкій просторъ, и гдѣ, повидимому, допускается такъ много гипотетическаго, онъ не позволялъ себѣ ни легкихъ произвольныхъ гаданій, ни малѣйшаго отступленія отъ условій строгаго научнаго метода. Основательное всестороннее знакомство съ источниками его науки на древнихъ классическихъ языкахъ и почти

на всѣхъ новѣйшихъ языкахъ Европы доставляло ему богатія пособія для тщательной разработки своего предмета, для точныхъ сравненій, повѣрки выводовъ и проч. И даже тогда, когда онъ излагалъ своимъ слушателямъ Шеллингово ученіе съ признаками своей симпатіи къ нему, онъ, какъ мы видѣли уже, слишкомъ былъ далекъ отъ того, чтобы скрѣплять сообщаемыя имъ идеи словами въ такомъ родѣ: „Это не подлежитъ разбору и пересмотру, потому что учитель такъ сказалъ“. Соблюдая строгую связь и отчетливость въ своемъ мышленіи, онъ требовалъ того же и отъ своихъ учениковъ и особенно настаивалъ на томъ, чтобы они привыкали къ постоянству и выдержанности въ трудахъ мысли. „Я предупреждаю васъ, господа, говорилъ онъ часто въ началѣ своихъ чтеній, что предметъ нашъ очень отвлеченнаго свойства и можетъ показаться вамъ сухимъ и непривлекательнымъ, хотя тѣмъ не менѣе онъ составляетъ важную часть въ системѣ человѣческаго образованія. Его нельзя одолѣть иначе, какъ продолжительнымъ, послѣдовательнымъ умственнымъ трудомъ. О насъ, Русскихъ, идетъ молва, что мы большіе мастера присвоивать себѣ результаты чужаго мышленія и чужой ученой разработки и безъ дальнихъ околичностей доводить ихъ даже до крайностей, вовсе не заботясь о томъ, какимъ путемъ трудныхъ изысканій и опытовъ они достигнуты. А вѣдь могло бы случиться что иди сами этимъ путемъ, мы достигли бы совершенно другихъ результатовъ, такъ какъ на немъ безпрестанно попадаютъ повороты то въ ту, то въ другую сторону и разные неожиданныя встрѣчи, и мы, находясь въ необходимости заглядывать въ лицо встрѣчнымъ и поперечнымъ сопутникамъ и противопутникамъ и знакомясь съ ними, могли бы приобрѣтать много такого, чего никакъ не добудешь отъ разказчиковъ или взявшихся быть нашими вожатыми“. Въ юношахъ, прильпившихся къ нему ради науки, онъ никакъ не хотѣлъ видѣть поклонниковъ своей особы, ни приверженцевъ своихъ идей. Облекшись въ скромное достоинство представителя науки, онъ уже не заботился ни о какихъ другихъ атрибутахъ и украшеніяхъ и былъ совершенно чуждъ всякихъ личныхъ притязаній, всякихъ посягательствъ на возбужденіе такихъ чувствованій и идей, какія не изъ науки истекаютъ. Онъ вовсе не годился ни для снисканія шумной популярности, ни для пропаганды.

Обратимся къ характеристикѣ направленія и главныхъ свойствъ, какими отличался Галичъ въ сферѣ своей науки. Философія имѣла у насъ два рода дѣятелей. Одни, бывъ призваны официально къ пре-

подаванію философіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣли въ виду единственно внѣшнюю, техническую ея сторону. Обязанные передавать ее своимъ слушателямъ по данной имъ программѣ и руководствамъ, они не проникались живою мыслью и духомъ своей науки; забота ихъ исключительно обращена была на то, чтобы матеріалы ея и содержаніе, каковы бы они ни были, представить въ рамкахъ установившейся и требуемой научно-философской формы. Другіе, вообще понимавшіе задачу науки глубже и серіознѣе, не довольствовались этимъ безжизненнымъ философскимъ формализмомъ и стремились посредствомъ новыхъ ученій дать ей характеръ, болѣе соотвѣтственный требованіямъ развивающейся мысли, и связать ее съ другими великими интересами духа. Подобныя покушенія начали обнаруживаться въ нашей ученой и умственной средѣ, конечно, въ позднѣйшее время. Но какъ бы то ни было, философія постоянно составляла часть нашего научнаго образованія. Эта философія, какъ наука, начинается у насъ съ возвращеніемъ Россіи Кіева. Въ тамошней академіи, устроенной по образцу западныхъ учебныхъ заведеній, она преподавалась наравнѣ съ другими науками, входившими въ высшій учебный курсъ; она составляла въ немъ особый классъ, непосредственно слѣдовавшій за классами риторики и піитики и предшествовавшій изученію богословія. Тутъ во всей своей силѣ господствовала средневѣковая схоластика, и единственнымъ наставникомъ философіи признаваемъ былъ Аристотель. Въ 1682 въ Москвѣ образовалась по тѣмъ же самымъ началамъ, какъ и въ Кіевѣ, Славяно-Греко-Латинская академія, въ уставѣ коей положено было преподавать философію *разумительную, естественную и нравную*. Въ семинаріяхъ, возникшихъ потомъ, она также составляла необходимую часть учебнаго курса. Такимъ образомъ настоящее начало философіи у насъ положено было въ духовныхъ заведеніяхъ, которыя и въ послѣдствіи оставались главными ея разсадниками. Имъ болѣе всего и обязаны мы внесеніемъ въ нашу мыслительность философскаго элемента, и если тутъ преобладала еще та формальная сторона науки, о которой мы сейчасъ говорили, то все-таки нельзя никакъ отрицать и въ этой недостаточной философіи важной образовательной силы и вмѣстѣ съ тѣмъ услуги, оказанной ею нашему просвѣщенію. Не возбуждая и не развивая новыхъ идей, она помогала лучше управляться съ тѣми, какія уже существовали въ умахъ.

Съ теченіемъ времени въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ положенная въ основаніе Аристотелевская схоластика уступила мѣсто Лейб-

нице - Вольфианской философіи, руководителями коей были у насъ сперва Христіанъ Баумейстеръ, а потомъ Винклеръ, ничѣмъ не уступавшій Баумейстеру и ничѣмъ его не превосходившій. Въ кругъ свѣтскаго образованія философія вошла у насъ съ основаніемъ Московскаго университета. Первыми ея профессорами изъ Русскихъ были Аничковъ и Брянцевъ. Оба они строго держались Вольфа. Но тамъ же послѣ нихъ преподавалъ нѣкоторое время философію (1804 — 1810 года) вызванный изъ-за границы нѣмецкій ученый, пользовавшійся въ своемъ отечествѣ заслуженною извѣстностію, Буле. Онъ старался дать философіи болѣе живое направленіе, знакомя своихъ слушателей съ современными ему ученіями въ Германіи. Не владѣя однако русскимъ языкомъ, онъ истощался въ добросовѣстныхъ, но тщетныхъ усиліяхъ. Слушатели его не понимали туманно выраженныхъ положеній о самыхъ трудныхъ вопросахъ философіи ¹⁾). Вообще этой наукѣ, какъ особому учебному предмету, въ Московскомъ университетѣ не счастливо вышло. Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія И. И. Давыдовъ возбудилъ было къ ней живое сочувствіе не столько сущностію дѣла, сколько своею личностію, такъ какъ онъ пользовался тогда въ Москвѣ репутаціей даровитаго и краснорѣчиваго преподавателя. Но онъ успѣлъ прочесть только одну вступительную лекцію (1826 года), выразивъ въ пышныхъ словахъ высокое значеніе Шеллингова ученія....

Замѣчательно однако, какъ велика наклонность мысли человѣческой простираться далѣе всяческихъ преградъ, противопоставляемыхъ ей извнѣ. Когда ей недостаетъ широкаго открытаго пути, она незамѣтно прокладываетъ себѣ тропинки въ сторонѣ или проселочными дорогами пробирается къ тому, чего ей сильно хочется, и въ чемъ она видитъ свое добро. Гони ее въ дверь, она влетитъ въ окно или даже пролѣзетъ въ щель. Съ закрытіемъ каедры философіи въ университетѣ, умы, жаждущіе ея ученій, лишились средствъ удовлетворить своей потребности; но скоро представился имъ другой къ тому способъ. Между членами университета находился одинъ изъ даровитѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ профессоровъ, Павловъ. Онъ занималъ каедру сельскаго хозяйства; при этомъ онъ обладалъ обширными философскими познаніями. Онъ преподавалъ также физику и

¹⁾ За то же они и отплатили ему слѣдующею эпиграммой:

Господишь профессоръ Буле,
Ты намъ строишь чорта въ стулѣ.

такимъ образомъ могъ переходить, какъ это ни казалось необыкновеннымъ въ одномъ и томъ же лицѣ, отъ Теэра къ Шеллингу и Окену, которыхъ идеи усвоилъ себѣ, бывъ за границую. Читенія его, проникнутыя этими идеями, особенно въ 1823 году возбуждали всеобщій восторгъ въ Московской публикѣ; аудиторія его была всегда переполнена слушателями, между которыми находились не только молодые люди, но и почтенные мужи. Впрочемъ Павлова недолго занимали философскія умозрѣнія; получивъ отъ правительства порученіе заняться устройствомъ земледѣльческаго хутора, онъ обратился исключительно къ практической части своей ученой специальности, сельскаго хозяйства, что продолжалось до самой смерти, постигшей его въ 1840 году. Въ первые годы царствованія императора Александра I возникли, какъ извѣстно, два новые университета, въ Харьковѣ и въ Казани, и философіи открылось новое поприще. Въ Харьковѣ на нѣкоторое время она явилась даже въ неожиданномъ блескѣ съ профессоромъ Шадамъ, но съ нимъ быстро и померкла. Шада былъ отличный ученый и урожденный философъ. Онъ преподавалъ философію на латинскомъ языкѣ, въ духѣ новѣйшихъ нѣмецкихъ ученій, написалъ и издалъ въ 1812 году логику, а въ 1814 году естественное право, но вскорѣ за тѣмъ былъ удаленъ за границу. Не смотря на многозначительное достоинство лекцій Шада, надобно полагать, что онъ не много содѣйствовалъ философскому образованію въ Харьковскомъ юношествѣ. Главнымъ препятствіемъ для Шада, какъ и для профессора Буле, безъ сомнѣнія, было незнаніе русскаго языка, что, при новости самихъ идей, дѣлало чтенія ихъ мало доступными слушателямъ. Преподаваніе философіи въ Казани до двадцатыхъ годовъ ознаменовалось, кажется, только изданіемъ въ свѣтъ въ 1813 году курса одного изъ бездарнѣйшихъ послѣдователей Канта, Снеля, въ переводѣ Лубкина и Кондырева.

Съ двадцатыхъ годовъ вообще въ литературѣ нашей и молодомъ учащемся поколѣніи возбудилось вдругъ стремленіе къ философской мыслительности. Разумѣется, это внезапное движеніе въ началѣ было похоже болѣе на смутное броженіе идей, чѣмъ на стройную дѣятельность мысли; но оно доказывало, что въ нашу умственную среду вторгся новый элементъ, что этотъ элементъ вышелъ изъ нѣдръ философіи, и что такъ или иначе умы взалкали пищи, какой дотолѣ они мало находили въ нашей наукѣ. Явились періодическія изданія съ философскими стремленіями, каковы напримѣръ, *Мисмозина*, позже *Московскій Вѣстникъ*, *Телескопъ*. Все философское, что заключалось

въ этихъ изданіяхъ и что проникло въ молодые умы, конечно, было занесено изъ Германіи. Но не однимъ случайно попавшимъ въ среду нашу идеямъ надобно приписать это новое настроеніе мыслей: преимущественно оно было слѣдствіемъ новаго духа, возникшаго въ преподаваніи философіи въ школахъ. Естественный ходъ умственнаго развитія, не смотря на его недавнее пробужденіе у насъ, на заимствованный и подражательный его характеръ и на разныя другія неудобства, привелъ все-таки лучшіе умы наши къ воззрѣніямъ на науку вообще, и на философію въ особенности, болѣе согласнымъ съ духомъ и внутреннимъ значеніемъ послѣднихъ. На кафедрѣ философской начали появляться лица, которыхъ не могла уже удовлетворить одна систематика и Вольфианскій формализмъ, лица, не только хорошо знакомыя съ новымъ движеніемъ и требованіями науки въ Германіи, но и способныя самостоятельно ихъ обсуживать. И они, конечно, заимствовали главныя положенія, идеи науки и цѣлыя системы изъ чужихъ источниковъ; но это заимствованіе не было уже однимъ простымъ механическимъ копированіемъ извѣстныхъ учебниковъ, а было сознательнымъ, живымъ принятіемъ того, что они считали за важнѣйшее и лучшее. Конечно, это былъ родъ эклектизма; но и разумный эклектизмъ былъ уже важнымъ шагомъ впередъ. Онъ предполагаетъ и критическій взглядъ на философскія ученія, и убѣжденіе въ томъ, что слѣдуетъ или чего не слѣдуетъ допускать въ собственныхъ понятіяхъ. Да эклектизмъ едва-ли и не есть самый приличный способъ философствованія для тѣхъ, которые недавно явились на поприще науки и не на столько еще богаты ея опытами, не на столько еще успѣли развернуть творческія силы своего ума, чтобы, такъ-сказать, отъ своего имени, предъ-явить міру самостоятельно начатое и доконченное зданіе своихъ убѣжденій. Имъ предстоитъ еще осмотрѣться и укрѣпиться въ области, куда они нѣсколько опоздали войти. Впрочемъ и нѣтъ никакой бѣды оставаться на нѣкоторое время эклектиками, лишь бы этотъ путь избранъ былъ свободно и добросовѣстно. Какъ бы ни вѣровали мы въ свои умственныя силы, а все-таки приходится прежде учиться, а потомъ уже учить другихъ.

Мы видѣли, что изученіе философіи началось и преимущественно продолжалось въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ; въ нихъ же возникъ и обновляющій ее духъ, и именно въ академіяхъ С.-Петербургской и Московской. Первымъ реформаторомъ философіи въ Петербургской академіи является *Феслеръ*, вызванный изъ-за границы въ 1809 году первоначально для преподаванія еврейскаго языка. На-

чальство академическое, замѣтивъ изъ представленныхъ имъ трудовъ особенное философское направленіе, поручило ему преподаваніе философіи. Феслеръ былъ человѣкъ съ обширными и разнообразными свѣдѣніями, но въ то же время и съ необыкновенно пылкимъ воображеніемъ, которое слишкомъ далеко увлекало его въ высшія сферы умозрѣній. Онъ принялъ за основаніе своихъ лекцій идеи Шеллинга. Идеи эти сами по себѣ заключали уже возможность мистическаго настроенія, которому, какъ извѣстно, не былъ чуждъ и самъ виновникъ ихъ въ позднѣйшее время. Феслеръ предупредилъ его на этомъ пути. Роковое и соблазнительное положеніе, что высочайшія истины постигаются единственно посредствомъ *умственной созерцанія*, вовлекло Феслера въ лабиринтъ умозаключеній и идеаловъ, для выхода изъ котораго на настоящій дѣйствительный свѣтъ трудно было найти Ариаднину нить. Неудивительно, что его ученіе встрѣтило сильнаго противника въ умномъ, просвѣщенномъ архіепископѣ Рязанскомъ Теофилактѣ ¹⁾. Въ замѣчаніяхъ своихъ, представленныхъ имъ на конспектъ Феслера, онъ энергически возсталъ противъ всякой идеалистической односторонности и доказывалъ, что изъ системы, опирающейся на одни такъ-называемыя врожденныя идеи и отвергающей свидѣтельство чувствъ

¹⁾ Преосвященный Теофилактъ отличался значительнымъ философскимъ образованіемъ, доказательствомъ чему, между прочимъ, служитъ переведенное подъ его руководствомъ студентами Александро-Невской духовной академіи сочиненіе Авсильона: *Эстетическія разсужденія*, изд. 1813 года. Книга эта между разными то схоластическими, то легкими, у Французовъ заимствованными понятіями о предметахъ изящнаго была у насъ свѣтлымъ явленіемъ въ свое время. Переводъ ея отличался прекраснымъ, новымъ, правильнымъ и яснымъ языкомъ. *Эстетическія разсужденія* замѣчательны еще тѣмъ, что послужили поводомъ къ полемикѣ между знаменитымъ Филаретомъ, бывшимъ тогда ректоромъ академіи, и преосвященнымъ Теофилактомъ. Филаретъ слишкомъ строго осуждалъ нѣкоторыя мысли въ этихъ трактатахъ, находя ихъ противорелигіозными. Надобно отдать справедливость Теофилакту, что онъ отражалъ эти нападенія съ большимъ искусствомъ, умомъ и тонкостію, защищая философію отъ возводимыхъ на нее нареканій. Кромѣ переведенныхъ имъ самимъ и изданныхъ: *Утѣшеній философіи* Бовція (Сиб., 1794 года), *Врачества отъ умныя и отчаянія* (Калуга, 1805), и *начала противъ безвѣрія* Камюзе (Калуга, 1806), ему же принадлежитъ еще одинъ переводъ чрезвычайно замѣчательной книги съ англійскаго языка подъ названіемъ *Созерцаніе христіанства*, въ которой божественныя истины христіанства съ необыкновенною силою и убѣдительностію изъясняются и доказываются изъ чистаго разума. Она напечатана въ 1803 году съ дозволенія св. синода и нынѣ составляетъ библиографическую рѣдкость. Авторъ ея, бывшій членомъ англійскаго парламента, — *Жеминсъ*, родившійся въ 1704 и умершій въ 1787 году.

и опыта, нельзя извлечь никакихъ существенныхъ и вѣрныхъ истинъ. Слѣдствіемъ этого протеста было то, что Феслеръ долженъ былъ оставить кафедру философіи. Въ академіи въ преподаваніи философіи настала реакція; положено было возвратиться къ Вольфу и Винклеру. Но какъ всякая реакція, направленная вдругъ и противъ злоупотребленія новой вещи, и противъ ея сущности, сдѣлавшейся потребностію времени, она не могла быть продолжительна и должна была уступить тому, что въ новомъ было справедливаго и полезнаго. Заступившій мѣсто Феслера профессоръ фонъ-Хорнъ объявилъ, что онъ приметъ въ руководители Винклера не иначе, какъ съ правомъ подвергать его строгой критикѣ, такъ какъ вообще Вольфіанская школа, послѣ сдѣланныхъ наукою успѣховъ, оказывается во многомъ несостоятельною ¹⁾).

Не смотря на весьма кратковременное свое пребываніе въ академіи, Феслеръ успѣлъ возбудить въ умахъ академическаго юношества новыя философскія идеи, которыя не пропали даромъ; ими одушевились многіе изъ его слушателей, и когда иные изъ нихъ сами сдѣлались наставниками, то поспѣшили познакомиться съ ними и своихъ учениковъ. Вотъ что говорить одинъ изъ даровитѣйшихъ питомцевъ Московской духовной академіи, покойный Н. И. Надеждинъ, въ одной изъ своихъ неизданныхъ записокъ, которую онъ намъ передалъ при своей жизни:

„Я учился у учениковъ Феслера и знаю, какой энтузіазмъ возбуждало въ нихъ одно воспоминаніе, одно имя великаго учителя. Дѣйствительно, то немногое, что онъ успѣлъ сообщить имъ, было исполнено такой жизни, обито такимъ свѣтомъ, что душа, чувствующая потребность и силу мыслить, естественно должна была покориться непреодолимому магическому очарованію.

„Я самъ испыталъ это, продолжаетъ Надеждинъ; какимъ отраднымъ воздухомъ облетѣлась юношеская грудь моя, когда я услышалъ благодатное изреченіе: *ratio non ratiopatus*, то-есть, умъ не состоитъ въ умозаключеніяхъ, или, другими словами, философія, наука ума, не есть искусство бодаться силогизмами. А это въ первый разъ у насъ было сказано Феслеромъ. Онъ же первый заговорилъ, и заговорилъ языкомъ пламеннаго восторженнаго одушевленія, о блаженномъ ясновидѣніи истины чрезъ внутреннее око ума, о созер-

¹⁾ Фонъ-Хорнъ былъ адъюнктъ-профессоромъ по части богословскихъ наукъ въ Геттингенѣ. Въ 1807 году его вызвали въ Россію для занятія въ Дерптскомъ университетѣ кафедрой богословія и церковной исторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ преподавалъ и философію религіи, а въ 1810 году былъ опредѣленъ профессоромъ философіи въ Александро-Невскую духовную академію (см. Исторію этой академіи г. Чистовича).

цаніи всего въ безусловномъ единствѣ вѣчной и безпредѣльной идеи Божества, о высокомъ достоинствѣ нашей души, нсящей и сознающей въ себѣ образъ этой идеи“.

Въ отзывѣ этомъ слышится живое юношеское увлеченіе. Онъ, конечно, не доказываетъ правильнаго хода философскихъ изученій, гдѣ, повидимому, преобладали болѣе лиризмъ, субъективное начало чувства, чѣмъ трезвое и отчетливое изслѣдованіе истины; но онъ тѣмъ замѣчательнѣе, что свидѣтельствуешь объ усиленномъ рвеніи, съ какимъ молодое учащееся поколѣніе готово было устремиться на новый путь умственной дѣятельности.

Въ Московскои духовной академіи дѣйствительно также совершился важный переворотъ въ преподаваніи философіи. Сперва Баумейстеръ и Винклеръ были смѣнены, и мѣсто ихъ заступилъ Карпе. Потомъ выступили на сцену новые молодые преподаватели, каковы Кутневичъ и Голубинскій. Не столь восторженные и односторонніе, какъ Феслеръ, гораздо умѣреннѣе и отчетливѣе его, они тѣмъ не менѣе возбуждали въ слушателяхъ своихъ горячее сочувствіе къ философіи, особенно Голубинскій, съ необыкновеннымъ искусствомъ, знаніемъ и критическою разборчивостію объяснявшій между прочимъ Канта, Фихте и Шеллинга. По свидѣтельству Надеждина, духъ философскаго мышленія сильно овладѣлъ тогда умами академическихъ юношей.

„Невозможно вообразить, говоритъ онъ, какое одушевленіе, какая, можно сказать, страсть къ философіи господствовала тогда въ уединенныхъ стѣнахъ Сергіевской лавры; когда я поступилъ въ студенты академіи въ 1810 году, тамъ уже находились цѣлыя переводы (въ рукописи) Кантовой „Критики чистаго разума“, „Эстетики“ Буттервека, Шеллинговой „Философіи религіи“, и т. п., — переводы, которые жадно списывались юношами, собранными изъ разныхъ концовъ неизмѣримой Россіи“.

Въ 1833 году появилась книга, которая служила новымъ доказательствомъ, что философская мыслительность не только пробуждалась у насъ, но и начала приобрѣтать болѣе твердости и свособразія. Книга эта была *Введеніе въ философію* отца Теодора Сидонскаго. Цѣль автора какъ нельзя болѣе соответствовала потребностямъ нашей умственной среды, при началѣ въ ней философскаго движенія, — среды, нуждавшейся въ твердой постановкѣ основныхъ началъ философіи, опредѣленіи ея задачъ и указаніи способовъ къ ихъ рѣшенію. Существеннѣйшее достоинство названнаго нами сочиненія состоитъ въ томъ, что авторъ, совѣтуясь съ возрѣніями великихъ учителей прежняго времени и ему современныхъ, подвергаетъ вопросы тѣ всестороннему

изслѣдованію и рѣшаетъ ихъ, какъ мыслитель самостоятельный, глубоко проникающій въ предметы, ясно дающій себѣ отчетъ въ каждой своей мысли и столь же ясно выражающій ее для другихъ. Книга отца Ѡ. Сидонскаго была важнымъ явленіемъ въ нашей философской литературѣ. Академія Наукъ оцѣнила достоинство ея и увѣнчала полною Демидовскою преміей.

Между лицами, содѣйствовавшими у насъ распространенію философскаго образованія, Галичъ безспорно занималъ одно изъ почетныхъ мѣстъ. Мы видѣли, что новое возбужденное движеніе въ области философіи преимущественно направлялось по пути, открытому Шеллингомъ. Цѣну ученія этого обширнаго, выспрежняго ума, совмѣщавшаго въ себѣ Платона, Джордано Бруно, Спинозу, время опредѣлило. Проблемы, которыя онъ старался разрѣшить, остались не разрѣшенными у него, какъ и у его предшественниковъ, равно какъ у наслѣдовавшаго за нимъ первенство въ наукѣ Гегеля; вѣроятно, онѣ останутся такими и навсегда. Да дѣло и не въ этомъ. Не нужно быть ни отчаяннымъ скептикомъ, ни материалистомъ, чтобъ убѣдиться въ несостоятельности метафизическихъ отвѣтовъ на метафизическіе вопросы. Умы сильные и наиболѣе наклонные къ идеализму не пытаются сами увѣренности, что имъ открыты тайны творческой премудрости; но изъ непостижимости этихъ тайнъ они не выводятъ заключеній въ ущербъ ихъ божественно-разумному смыслу, подобно скептикамъ и материалистамъ. Во всякомъ случаѣ для насъ чрезвычайно важенъ рядъ міросозерцаній, которыхъ достигаетъ человѣчество не путемъ одного умственно-поэтическаго инстинкта, а путемъ строгихъ изысканій, путемъ развивающейся зрѣлой мысли, словомъ, путемъ науки. Каждая изъ главныхъ и важнѣйшихъ философскихъ системъ есть не иное что, какъ актъ одного изъ этихъ міросозерцаній, составляющій выводъ или итогъ всей образованности вѣка, всѣхъ его стремленій, надеждъ, колебаній и удостовѣреній, и въ этомъ отношеніи понять, изучить такую систему чрезвычайно поучительно, а изучить ее иначе нельзя, какъ ставъ на ея точку зрѣнія и проникнувшись ея духомъ. Поучительность эта усугубляется, когда система близка къ нашему времени, и когда, по господствующей въ ней міросозерцательной мысли, она наклоняетъ умы и сердца къ отраднымъ возвышеннымъ убѣжденіямъ и нравственнымъ истинамъ. Въ какой степени и въ какомъ смыслѣ Галичъ былъ шеллингистомъ, мы отчасти видѣли, сравнивая его съ Велланскимъ. Здѣсь мы припомнимъ разговоръ, который происходилъ между нимъ и однимъ изъ его учениковъ, спустя довольно долгое

время послѣ того, какъ этотъ слушалъ у него курсъ Шеллинговой философіи. Рѣчь зашла именно объ этой философіи. „Скажите, Александръ Ивановичъ, спросилъ онъ у Галича, можно ли сказать, что она рѣшаетъ удовлетворительно задачи, составляющія ея программу?“ Галичъ улыбнулся своею ироническою улыбкой и спросилъ у своего собесѣдника: „А вы сами какъ думаете? Находите ее удовлетворительною?“ „И такъ и сякъ, отвѣчалъ онъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она меня удовлетворяетъ, въ другихъ нѣтъ.“ „Ну, я поставлю вопросъ иначе: чувствуете ли вы, что вамъ съ нею нѣсколько лучше, и вы сами, съ помощію ея, не сдѣлались ли немного лучшимъ?“ „О, да!“ „Ну такъ и довольствуйтесь этимъ. Тотъ философскій образъ мыслей есть самый для насъ приличный, который наиболѣе содѣйствуетъ намъ къ достиженію мира съ самимъ собою и съ другими. Счастливы тотъ, чьи убѣжденія ближе къ истинѣ, но безъ убѣжденій жить нельзя“.

Изъ сказаннаго здѣсь уже видно, что для нашего философа въ Шеллинговой системѣ была дорогà не метафизическая ея сторона, а та жизненная струя, которая, такъ - сказать, протекала по всѣмъ изгибамъ ея, то одушевленіе ко всему благому и прекрасному, которое исходило изъ міросозерцанія, служившаго основою всѣхъ идей германскаго мыслителя. Но Галичъ зналъ, что эта лучшая сторона ученія не можетъ быть доступна вакому-нибудь случайному или легкому набѣгу любопытствующаго ума, что ее надобно уразумѣть и усвоить путемъ правильнаго изученія не только всей системы, но и соприсносновенныхъ съ ней ученій, и что сила того, что есть въ ней величественнаго и назидательнаго, только тогда сдѣлается ощутительною, когда система будетъ твердо поставлена на свои логическія опоры. Поэтому Галичъ изъяснялъ своимъ слушателямъ Шеллингово ученіе по строгому научному методу, избѣгая всякихъ аффектацій и лирической восторженности, и такимъ же образомъ изложилъ ее по нѣмецкимъ источникамъ и въ небольшомъ своемъ сочиненіи: *Черты умозрительной философіи*, Спб. 1829 года. Въ этой выдержанности и точномъ соблюденіи свойствъ научнаго метода и заключается отличный характеръ философской дѣятельности Галича и важнѣйшая сторона его заслуги передъ философіей у насъ въ его время. На это могутъ однако сдѣлать замѣчаніе: вѣдь это же дѣлали и Вольфіанцы, а къ чему это повело? Но есть различіе между силлогистическимъ методомъ, который употребляли они, и методомъ синтетическаго *построенія*, которому слѣдовали ученики Шеллинга въ его духѣ и слѣдоваль нашъ

философъ. Вольфианцы, отвлекая понятія свои отъ дѣйствительности, выеовывали, такъ-сказать, изъ нихъ, и изъ нихъ однихъ, цѣпь умозаключеній, и заботясь единственно о логическихъ ихъ соотношеніяхъ и правильности, довольствовались симметричностію положеній и строгою соменутостію системы; въ упоеніи ученой техники они забывали о жизни, что немногимъ отличало ихъ школу отъ старой схоластики. Но тѣ, которые употребляли способъ построенія, не выпускали изъ виду природы и жизни; чертежи и планы своей архитектуры они относили къ нимъ и старались прилаживаться къ ихъ требованіямъ и указаніямъ. Правда, они изъясняли ихъ по своему, по предвзятымъ идеямъ; но если у нихъ выходилъ міръ не совсѣмъ такой, какъ есть, то все-таки міръ, въ которомъ двигалась и кипѣла жизнь. Это было зданіе идеальное, напоминающее геній и стиль поэзіи, но не лишенное архитектурнаго величія въ цѣломъ, разнообразія, озаряющихъ свѣтлыхъ проблесковъ и присутствія жизненныхъ стихій въ частностяхъ. Если вы не удовлетворялись, да естественно и не могли удовлетвориться системою, какъ отраженіемъ дѣйствительности, то не могли же отказать ей въ удивленіи вашемъ, какъ высокому созданію творческой мысли человѣка, какъ одному изъ міросозерцаній, наиболѣе достойныхъ его разума.

Въ 1825 году Галичъ издалъ свой *Опытъ науки объ изящномъ*. Слишкомъ сжатое и отвлеченное изложеніе этой книги дѣлало ее доступною для немногихъ. За всѣмъ тѣмъ она составляетъ замѣчательное явленіе въ тогдашней нашей литературѣ, какъ первый опытъ философіи изящнаго и философіи искусства по новѣйшимъ началамъ. То, что въ свое время особенно могло благопріятно дѣйствовать на кругъ лицъ, занимавшихся эстетическими вопросами, это мысли о своеобразномъ и идеальномъ значеніи художественнаго творчества, объ идеалѣ, объ отношеніи искусства къ природѣ и проч. Какъ бы ни была оспариваема мысль, что искусство существуетъ для искусства, и какъ бы она ни казалась въ извѣстную эпоху несвоевременною, но несомнѣнно то, что принципъ эстетическихъ воззрѣній самъ по себѣ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ въ ходѣ развитія и образованія человѣческихъ обществъ. Онъ можетъ выразиться въ многоразличныхъ формахъ, допускать полную свободу творчества гениа, можетъ совпадать съ духомъ и разными требованіями общества и подлежать ихъ вліянію, но его личныя, такъ-сказать, значеніе и сила никогда отъ того не умалятся, а потому онъ всегда будетъ предметомъ обособленнаго наблюденія и изученія, какъ одинъ

изъ могучихъ факторовъ человѣческой жизни и исторіи. Каковы бы ни были методъ и приемы этого изученія, всегда болѣе или менѣе успѣшныя усилія будутъ направлены къ тому, чтобы подойти ближе къ началу и закону явленій, составляющихъ огромный и великолѣпный міръ искусства. Попытка Галича въ этомъ родѣ доказываетъ, что вступивъ на общій путь человѣческой образованности, мы не можемъ уже быть чужды ни многообразныхъ вопросовъ ея, ни покушеній рѣшать ихъ.

Въ своихъ лекціяхъ, въ *Исторіи философскихъ системъ*, въ *Чертахъ умозрительной философіи*, въ *Опытѣ науки измѣнаго* Галичъ строго держался научнаго метода, имѣя въ виду одно — способствовать, по мѣрѣ силъ своихъ, утвержденію въ своемъ отечествѣ, на прочныхъ основаніяхъ, зданія философіи, какъ науки. Но онъ былъ одержимъ еще другимъ желаніемъ, желаніемъ содѣйствовать распространенію между своими соотечественниками вообще философскаго пониманія предметовъ, заключающихъ въ себѣ наибольшую важность для жизни. Онъ слишкомъ былъ далекъ отъ намѣренія популяризировать слегка высшія понятія и полагалъ, что въ обществахъ всегда найдется только небольшое число людей, которые будутъ имѣть достаточно досуга, внутренняго призванія и дарованій, чтобы основательно и серіозно углубляться въ вопросы, не связанные непосредственно съ нуждами и текущими заботами дня. Ему казалось, что во многихъ случаяхъ въ этой популяризаціи участвуетъ болѣе тщеславіе популяризаторовъ, чѣмъ существенная и прямая нужда огромной массы людей, и что если хорошо и полезно знакомить людей съ истинами, коихъ и пониманіе, и примѣненіе для нихъ удобно и возможно въ сферѣ ихъ дѣятельности, то вовсе нѣтъ никакой разумной причины сообщать имъ такіа идея, которыхъ они не могутъ усвоить себѣ иначе, какъ неполно и поверхностно; талантъ же или геній будетъ искать пищи и руководства не въ этихъ популярныхъ и летучихъ изысканіяхъ, а устремится туда, гдѣ великія истины уступаютъ только предъ упорными и непрерывными усиліями умовъ избранныхъ, гдѣ и самымъ этимъ умамъ, какъ Моисею, часто приходится только издали видѣть обѣтованную землю желаемаго знанія. Но съ другой стороны, Галичу было извѣстно, что есть такіа истины, драгоценныя для всякаго мыслящаго человѣка, за которыми не надобно спускаться въ Демокритовъ колодезь, и которыхъ общепонятное, наукою вспомоществуемое уясненіе и распространеніе составляетъ необходимость всякаго образованнаго общества.

Въ этихъ видахъ написана имъ *Картина человека* (изд. 1834 года), сочиненіе, заключающее въ себѣ полное ученіе о человѣкѣ. Вотъ что говоритъ авторъ въ предисловіи о назначеніи своего труда:

„Картина человека, выставляемая симъ въ публику, имѣетъ цѣлю не только способствовать успѣхамъ общей науки или философіи съ той стороны, которая для всѣхъ равно занимательна и по сей причинѣ должна быть каждому образованному равно доступна, но и доставить поучительное *утреннее* чтеніе именно любознательнымъ юношамъ, дѣловымъ людямъ, художникамъ, литераторамъ и наконецъ тому почтенному возрасту, который не можетъ уже находить пищи въ романахъ, драмахъ и періодическихъ листахъ, но который любитъ *приятное* только въ формѣ полезнаго“.

Картина человека принадлежитъ исторіи отечественной науки, а потому на сочиненіе это нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія современной психологіи, успѣхи коей въ нѣкоторомъ отношеніи неоспоримы. Мы однако вовсе не допускаемъ превосходства послѣдней въ томъ, чтобъ она удовлетворительнѣе рѣшала главные вопросы человѣкознанія; этой удовлетворительности она представляетъ не болѣе, чѣмъ прежняя психологіи. Мы не видимъ еще большаго приобрѣтенія въ томъ, что она не признаетъ въ душѣ врожденныхъ способностей, не допускаетъ дуализма и смотритъ на человѣка, какъ на обыкновенный продуктъ естественныхъ процессовъ въ образованіи и измѣненіяхъ нашей планеты. Много еще есть противорѣчащаго этимъ основнымъ понятіямъ, и человѣкъ едва-ли не сдѣлался по новѣйшей психологіи непонятнѣе, чѣмъ былъ прежде. Однакожь, скажутъ намъ, несомнѣнно, что индукція, руководящая современными психологическими изслѣдованіями, уничтожила многія иллюзіи и предразсудки, господствовавшіе въ прежней наукѣ о человѣкѣ. Правда; но это составляетъ только отрицательную заслугу новѣйшихъ ученій. А гдѣ положительная? Пока дѣло касается механическихъ отправленій въ нашемъ организмѣ, все идетъ довольно успѣшно; но лишь только изысканія перешагнутъ черту, отдѣляющую неосязаемую, невидимую сторону нашего существа отъ области, гдѣ по праву предоставлено дѣйствовать скальпелю и микроскопу, тамъ поражаетъ насъ та же тьма, та же роковая неизвѣстность о насъ самихъ, какія угнетаютъ человѣчскій умъ уже цѣлыя тысячелѣтія. Отвергать душу въ человѣкѣ или утверждать, что мысль есть явленіе фосфорической жидкости, что человѣчскія способности возникаютъ, какъ листья на деревѣ, изъ механическаго и химическаго движенія соковъ, и т. п., все это вовсе не значить ссаять что-нибудь ясное и вразумительное. Да такъ ли это? Всегда будетъ рождаться вопросъ, а съ нимъ и сомнѣніе, что, можетъ-быть, часть склѣ, отд. 2.

это и не такъ. Вотъ это утверждаютъ одни, а другіе утверждаютъ иное. Пускай матерія мыслить; но что же она такое, и какъ она можетъ мыслить, не бывъ ничѣмъ другимъ, кромѣ матеріи? Пускай нервы съ ихъ рефлексами, ассоціаціями ощущеній и проч. служатъ причинами начинаній нашей воли, да какъ изъ этого можетъ образоваться нравственный порядокъ вещей? Множество подобныхъ вопросовъ рождается и будетъ рождаться до окончанія вѣковъ, и менѣе всего на нихъ въ состояніи будутъ отвѣчать господа, изучающіе чело-вѣка по аналогіи со всѣми естественными произведеніями, ибо если бы мы и допустили, что въ возникновеніи чело-вѣческихъ умственныхъ и нравственныхъ явленій, съ одной стороны, и явленій физическихъ, съ другой, господствуетъ одинъ и тотъ же законъ, то первые въ настоящемъ своемъ видѣ сдѣлались уже столь противоположны послѣднимъ, столь своеобразны, столь, если можно такъ выразиться, не матеріальны и не физичны, что нѣтъ никакой возможности привести ихъ въ связь съ тѣмъ первоначальнымъ общимъ закономъ, доказать его власть надъ ними и посредствомъ его что-нибудь объяснить въ нихъ. Такимъ образомъ мы поставлены въ необходимость искать для нихъ другаго закона и другихъ объясненій.

Мы слишкомъ однако далеки отъ того, чтобы не желать продолженія изслѣдованій психологическихъ въ такомъ духѣ, какъ они нынѣ производятся. Отъ нихъ можетъ произойти много хорошаго; главное, увеличится запасъ свѣдѣній о разныхъ явленіяхъ нашей внутренней жизни, и наука обогатится болѣе или менѣе точными ихъ описаніями. Важность этого описательнаго способа, этой, такъ-сказать, топографіи или статистикіи нашего внутренняго міра никто отрицать не станетъ. Но тутъ встрѣчается нѣкоторая опасность. Она состоитъ въ томъ, что съ этими описаніями часто соединяють выводы о самой природѣ и основныхъ законахъ силъ, движущихъ явленіями, съ чѣмъ вмѣстѣ затрогиваются и весьма важные интересы жизни. И какъ выводы эти вовсе не представляютъ ручательства въ своей истинности, да едва-ли и въ состояніи ихъ представить, то позволительно, по крайней мѣрѣ, желать, чтобы они не были такъ рѣшительны и безапелляционны, какъ это часто случается, и не посягали на тѣ изъ нашихъ удостовѣреній, которыя опытами вѣковъ доказали свою годность для практическихъ работъ нравственнаго міростроенія. Мы не хотимъ сказать, что пріятное заблужденіе лучше грустной истины, но полагаемъ, что не доказанная, да еще печальная истина ничѣмъ не лучше увѣренности, тоже недоказанной математически, но служащей источ-

никогь многихъ великихъ и благотворныхъ для человѣчества послѣдствій. И нельзя не согласиться, что въ самихъ этихъ послѣдствіяхъ заключается справедливый поводъ къ принятію за истину начала, изъ когю они истекають, ибо ложь не въ состояніи произвести что-нибудь имъ подобное. По плодамъ познается древо.

Само собою разумѣется, что сочиненіе Галича не содержитъ въ себѣ тѣхъ психологическихъ открытій, какими надѣляетъ насъ новѣйшая психологія: онъ не могъ предупредить будущее. Обинная вполне духовную и нравственную сторону человѣка въ связи съ физической, оно есть не иное что, какъ кодификація понятій, выработанныхъ наукою тогдашняго и до-тогдашняго времени. Напрасно однако авторъ думалъ, что сочиненіе его будутъ читать любознательные юноши, дѣловые люди, литераторы и проч. Можетъ-быть, они и читали бы его, еслибъ оно было не книгою, да еще и толстою, а статьею, дѣйствительно годною для утренняго прочтенія за чаемъ и сигарою. Но Галичъ „не могъ преодолѣть своей природы“; случилось то, чему слѣдовало случиться, судя по направленію и характеру автора: изъ подъ пера его вышло сочиненіе, расположенное въ строгомъ систематическомъ порядкѣ, со множествомъ раздѣленій и подраздѣленій, словомъ, въ такой научной формѣ, что для него недостаточно было простаго, хотя и утренняго чтенія, а нужно было изученіе. Но во всякомъ случаѣ оно заслуживало этого изученія. Въ немъ, какъ и въ *Исторіи философскихъ системъ*, авторъ пользовался воззрѣніями, многими мыслями и изысканіями преимущественно нѣмецкихъ ученыхъ; но въ то же время собранными имъ богатыми матеріалами онъ распоряжался совершенно самостоятельно, какъ мастеръ и знатокъ дѣла. Его собственныя размышленія и приемы, его наблюденія и опыты, способъ изложенія, ему исключительно свойственный, все даетъ этому почтенному труду характеръ оригинальности, не совѣмъ обыкновенной въ нашей литературѣ вообще и новой въ нашей литературѣ философской. Подобнымъ образомъ отозвалась о *Картинахъ челоства* и Императорская Академія Наукъ въ отчетѣ своемъ о присужденіи ей Демидовской преміи. „Книга Галича, сказано въ немъ, отнюдь не есть простая компиляція, а безъ сомнѣнія, собственное достояніе автора, плодъ многолѣтнихъ трудовъ и изысканій“¹⁾. Излагая разныя психическія явленія, авторъ не довольствуется изъясненіемъ ихъ ти-

¹⁾ Отчетъ Академіи Наукъ о четвертомъ присужденіи Демидовскихъ премій за 1834 — 1835 годъ, стр. 17.

пическихъ свойствъ: съ особенною проникательностію и знаніемъ онъ ищетъ примѣненія ихъ въ русскомъ обществѣ и правахъ. Многія мѣста его книги содержатъ вѣрныя и живыя характеристики въ этомъ родѣ. Приведемъ еще слова академическаго отчета, съ которыми нельзя не согласиться.

„Въ сочиненіи Галича, говорится тамъ, господствуетъ строгая послѣдовательность мыслей, и авторъ, обдумывая здраво и со всѣхъ сторонъ предметъ, умѣетъ съ вѣрностію убѣдить читателя въ своихъ идеяхъ; оно способно поселить въ образованныхъ сословіяхъ много полезныхъ мыслей, разливая свѣтъ на разностороннія отношенія людей“.

Но отдавая справедливость автору за его прекрасный трудъ въ общемъ его характерѣ и содержаніи, академія осуждаетъ его за его причудливый, мѣстами насмѣшливый юмористическій тонъ въ изложеніи и слогѣ, который, по ея мнѣнію, во многихъ мѣстахъ, и болѣе всего въ тѣхъ, гдѣ дѣло идетъ о практической сторонѣ человѣка, не совмѣстенъ съ цѣлью и достоинствомъ цѣлаго сочиненія. Академія заявляетъ, что „во уваженіе большой общепольности сочиненія Галича и удачно во всѣхъ отношеніяхъ выбранной и обработанной имъ матеріи, она не преминула бы назначить автору полную премию, еслибъ онъ умѣлъ лучше согласовать форму съ достоинствомъ своего предмета“. Вслѣдствіе этого Галичу была присуждена только половина преміи въ 2.500 рублей. Академія была совершенно права въ своемъ приговорѣ. Начертывая картину человѣка, Галичъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, „не могъ преодолѣть своей врожденной наклонности къ ироніи и юмору“. Что онъ способенъ былъ и умѣлъ поставить себя въ приличное и благоговѣйное отношеніе ко всѣмъ великимъ предметамъ и изображать ихъ даже съ одушевленіемъ глубокаго поэтическаго чувства, это доказываютъ уже тѣ мѣста въ *Картинахъ человека*, гдѣ онъ, напримѣръ, говоритъ о нравственной свободѣ, о гениѣ, о характерѣ, объ эстетическомъ и религіозномъ чувствѣ и проч. ¹⁾). Но спускаясь въ низменную сферу текущихъ дѣлъ человеческихъ, онъ не могъ воздержаться отъ насмѣшливой улыбки при видѣ зрѣлища, гдѣ человѣкъ дѣйствительно бываетъ очень забавенъ и впадаетъ истинно въ комическія положенія, то играя въ маленькія страсти, то гоняясь на шумной ловлѣ за житейскими благами ²⁾). Имѣя въ виду только ученую сторону психологическаго сочиненія, Академія не обязана была, подобно біографу, да и не могла изучать психоло-

¹⁾ См. Приложение IV.

²⁾ См. Приложение V.

гическія свойства самого автора, по которымъ *Картина человека*, также какъ и его *Исторія философскихъ системъ*, не могла быть изложена въ другомъ, а не въ томъ тонѣ, въ какомъ она явилась. Академія поступила даже снисходительно, простивъ ему частыя нарушенія строгихъ дидактическихъ обычаевъ и наклонность къ поэтическимъ образамъ, что, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ честь ея духу терпимости и многостороннему ея воззрѣнію на вещи.

Галичъ зналъ превосходно отечественный языкъ, но употребляя его, придавалъ ему нѣкоторыя особенности, то произвольно угождая своему юмористическому капризу, то непроизвольно повинуваясь необходимости вводить новыя слова и словосочетанія для выраженія такихъ философскихъ мыслей, для которыхъ языкъ нашъ еще не разработалъ соответственныхъ формъ. Нерѣдко онъ заимствовалъ нужное ему слово изъ сферы языка быденнаго, разговорнаго, не гнушаясь и давно забытыми словами или такими, которымъ, казалось, не было мѣста въ строго научномъ философскомъ изложеніи. Многія изъ нихъ, не смотря на то, что занимали, повидимому, не принадлежащее имъ по праву мѣсто, облагороживались, такъ-сказать, важностію ввѣряемаго имъ понятія, не вредили его достоинству, а главное, обозначали мѣтко и рельефно выставляемый на видъ его отгѣнокъ. Галичъ болѣе всего заботился о томъ, чтобы у него не было *слошнмъ* выраженій, чтобы понятія не сливались въ его рѣчи, а выходили сколь возможно раздѣльнѣе, сохраняя вполнѣ и за собою, и за дѣлю мыслию ту характеристическую фізіономію и тонъ, какіе имъ свойственны, или какіе авторъ хотѣлъ имъ дать. Но построеніе его рѣчи представляетъ для читателя своего рода неудобства. Постоянное, укоренившееся въ приемахъ его мысли стремленіе къ систематикѣ обнаруживается, какъ мы уже разъ замѣтили, и въ оборотахъ его рѣчи. Причиной этого между прочимъ было, безъ сомнѣнія, долговременное его обращеніе въ кругу нѣмецкой мыслительности, готовой, какъ извѣстно, скорѣе пренебречь очевидностію извѣстныхъ положеній, чѣмъ отказаться отъ желанія обставить ихъ всѣми надобными и ненадобными тонкостями логической архитектуры. Такъ какъ подобное усиліе господствуетъ тамъ въ каждой отдѣльной мысли, то отсюда происходятъ въ выраженіи и накопленіе эпизодическихъ частности и искусственность въ ихъ распредѣленіи, которыя столь затрудняютъ пониманіе читателя. Умъ читателя на каждомъ шагѣ принужденъ останавливаться, преткаясь о какой-нибудь неожиданно высунувшійся уступъ или уголъ абстрактнаго свойства, или уклониться далеко въ

сторону отъ главной идеи, и пока онъ доберется до ея центра, собранные имъ матеріалы уже разсыпались, и ему приходится снова начинать ту же умственную работу. Всего досаднѣе бываетъ, когда трудъ этотъ пропадаетъ даромъ, когда достигнувъ такимъ тяжелымъ путемъ вершины преслѣдуемой вами мысли, вы также мало удовлетворяетесь добытымъ результатомъ относительно самаго вопроса, подавшаго поводъ къ подобнымъ словозвѣтіямъ, какъ и въ началѣ вашего восхожденія. Говорятъ, это хорошо, потому что изощряетъ умственныя способности, содержа ихъ въ постоянномъ движеніи и дѣятельности. Но было бы слишкомъ неразчетливо издерживать на гимнастику силы, какія намъ нужны для существенныхъ и плодотворныхъ работъ. Сокращеніе труда и времени по справедливости считается важнымъ успѣхомъ въ техникѣ человѣческой производительности. Жизнь коротка, дѣла у людей много; притомъ же не только работать, но и жить надобно. Къ чему же произвольно и въ угоду каковой бы то ни было, хотя бы и ученой, суетности налагать на себя тягости, въ ношеніи коихъ состоитъ вся заслуга?

Всего этого, разумѣется, мы не отосимъ къ нашему философу, не расточавшему даромъ словъ и очень хорошо понимавшему различіе между складомъ ума нѣмецкаго и русскаго. При всемъ томъ можно было надѣяться, что Галичъ, при извѣстной отчетливости своихъ философскихъ воззрѣній и опредѣленности своего образа мыслей, при неоспоримомъ его основательномъ знаніи отечественнаго языка, устранить въ своей рѣчи эту нѣкоторую, такъ-сказать, тягучесть и узловатость ея нити, которыя напоминаютъ слишкомъ сложный механизмъ мышленія и мѣшаютъ скорому умственному сближенію читателя съ авторомъ. Можно было бы поэтому требовать, чтобы рѣчь его была подвижнѣе, легче и глаже, точно также какъ и въ другихъ отношеніяхъ можно было бы требовать отъ него еще многого. И не обо всякомъ ли высшемъ дѣятелѣ слѣдуетъ сказать то же? Всякій изъ нихъ, сходя въ могилу, оставляетъ по себѣ свое дѣло не довершеннымъ, какъ бы во свидѣтельство того, что занимавшіе его и другихъ великіе вопросы составляютъ не ихъ исключительную работу, но работу вѣковъ и многихъ грядущихъ поколѣній. Не будемъ же къ нимъ неблагодарны, подобно тѣмъ людямъ, не отличающимся благородствомъ чувствованій, которые думаютъ объ одномъ, какъ бы въ неизбѣжныхъ несовершенствахъ своихъ предшественниковъ и учителей найдти предлогъ не платить имъ ничѣмъ за полученное отъ нихъ добро.

А. Никитенко.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Вотъ всѣ сочиненія, изданныя Зябловскимъ: 1) *Начальныя основанія льсоводства*, 1804 года, принятая въ руководство въ училищѣ корабельной архитектуры. 2) *Новѣйшее землеописаніе Россійской Имперіи*, съ губернскими гербами и мундирами, 2 части, 1807 г. 3) *Землеописаніе Россійской Имперіи, для всѣхъ состояній*, VI томовъ, 1810 г. Сочиненія эти многократно были дополняемы, сокращаемы, обновляемы и вновь издаваемы и служили тогда единственными руководствами по русской географіи въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. 4) *Курсъ всеобщей исторіи*, читанный въ педагогическомъ институтѣ для чиновниковъ гражданской службы, 1811—1812 г. 5) *Географія всеобщая и русская*, въ 3-хъ томахъ, 1831 г. Сверхъ того еще въ 1791 и 1792 годахъ Зябловскій издалъ описаніе своего путешествія по бывшей Колыванской губерніи. Неудивительно, что имя Зябловскаго пользовалось въ свое время огромною извѣстностію въ нашемъ учебномъ мірѣ. Зябловскій вообще былъ такимъ достопримѣчательнымъ лицомъ, что я считаю не лишнимъ прибавить здѣсь для характеристики его нѣсколько моихъ собственныхъ воспоминаній о немъ, заимствуя ихъ изъ моихъ записокъ о времени, когда я самъ былъ студентомъ и профессоромъ С.-Петербургскаго университета. Когда-то, разумеется, давно уже, у насъ было распространено мнѣніе, что учитель и вообще ученый человѣкъ долженъ непременно отличаться странностями и внѣшностію хоть немножко походить на медвѣдя. Зябловскій отчасти служилъ оправданіемъ этого мнѣнія. Всѣ его движенія, манеры, ухватки были какъ-то особенно тяжелы и угловаты. Съ этимъ вполне согласовалась постоянная угрюмость его фizioноміи; глядя на него, можно было смѣло поручиться, что онъ никогда не былъ знакомъ съ улыбкою, и что даже мускулы лица его вовсе не были способны произвести ее, хотя бы душа его и захотѣла этого. Вамъ какъ-то дѣлалось неловко при его появленіи, и все казалось, что вотъ онъ сейчасъ кого-то свирѣпо выбранилъ или бильки выбраненъ самъ. Со студентами онъ обращался рѣшительно какъ съ маленькими школьниками. Однажды, во время его ректорства, нѣсколько новичковъ-студентовъ пришли поздравить его съ новымъ годомъ. Онъ вышелъ къ нимъ въ обыкновенномъ своемъ домашнемъ нарядѣ, въ халатѣ глубокой древности, испещренномъ всевозможными пятнами, и съ обычною своею суровостію спросилъ ихъ: „Зачѣмъ они пришли?“ „Поздравить васъ съ праздникомъ“, отвѣчали юноши. „Поздравить съ праздникомъ“ — сказалъ онъ, махнувъ какъ-то странно рукою, — „лучше бы вы сидѣли дома, да занимались дѣломъ“. Подобнымъ же образомъ онъ отвѣчалъ на поздравленіе другихъ студентовъ съ пожалованіемъ его въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Слово „превосходительство“, которымъ они его привѣтствовали, думая тѣмъ сдѣлать ему удовольствіе, не возымѣло на него ни малѣйшаго дѣйствія. Онъ посовѣтовалъ имъ и тутъ не заниматься пустяками, въ родѣ какихъ-нибудь поздравленій, а сидѣть смирно дома и учиться, да аккуратно ходить на лекціи. Не смотря на это, студенты его любили, потому что въ сущности онъ былъ

очень добрымъ человѣкомъ, и его кротость и незлобіе были совершенною противоположностію съ его суровою наружностію и приемами, и кто, не смущаясь послѣдними, обращался къ его сердцу, тотъ всегда находилъ въ немъ и сочувствіе къ себѣ, и готовность быть полезнымъ. Трудолюбіе Зябловскаго, по истинѣ, было изумительное. Онъ не покидалъ пера до самой болѣзни, приковавшей его надолго къ постели и сведшей его въ могилу; въ качествѣ ректора и декана исполнялъ неопустительно всѣ обязанности этихъ званій, присутствовалъ въ разныхъ комитетахъ и комиссіяхъ, исполнялъ множество разныхъ другихъ порученій начальства, и никто изъ его слушателей не помнитъ, чтобъ онъ пропустилъ хоть одну лекцію. Послѣднія посѣщались охотно, хотя онъ и не блистали ни особеннымъ глубокомысліемъ, ни изяществомъ. Всякій былъ увѣренъ, что если онъ что-нибудь скажетъ, то скажетъ дѣло, и притомъ все имъ передаваемое отличалось ясностію и логическою послѣдовательностію. Въ нравственномъ отношеніи ему ставили въ вину то, что онъ придерживался Рунича во время извѣстной университетской исторіи по поводу обвиненія нѣкоторыхъ профессоровъ въ безбожіи и революціонныхъ замыслахъ. Конечно, въ этомъ оправдать его трудно. Но достоверно, что онъ дѣйствовалъ за одно съ угнетательною силою не по своекорыстнымъ разчетамъ, какъ дѣйствовали тогда многіе другіе, а единственно по слабости характера. Тутъ виднѣтъ отрицательный порокъ, недостатокъ тѣхъ качествъ, которыми человѣкъ мужественный ознаменовываетъ себя во дни превратностей и ударовъ судьбы, а вовсе не желаніе выслужиться передъ начальствомъ во что бы то ни стало и добиться какихъ-либо наградъ. Да онъ ихъ и не получилъ. И сколько есть людей, сколько мы сами знали такихъ, которые, по положенію своему бывъ гораздо независимѣе и сильнѣе Зябловскаго, становились быстро на сторону гонимой неправды, и когда опасная минута проходила, не стыдились принимать на себя видъ чистѣйшей невинности, оправдывая свои нечистые поступки крайнею необходимостію и своими отношеніями. Зябловскій этого не дѣлалъ, хотя могъ бы тоже сослаться на свое щекотливое официальное положеніе: онъ исправлялъ должность ректора, когда свирѣпствовала гроза надъ университетомъ. Товарищи его умѣли понять въ немъ этотъ грустный, безмолвный позоръ жертвы, принесенный самохраненію, и не лишили его своего уваженія.

II.

Отрывки изъ диссертациі Галича.

Галичъ начинаетъ свою диссертацию воззваніемъ къ вымышленному имъ лицу Агатону о важности предлагаемаго ученія, и относясь къ самому себѣ, совѣтуетъ ему въ дѣлѣ истины осторожно довѣряться даже его руководству и избѣгать всячески высокоумѣнной увѣренности, что созннанное нами какимъ бы то ни было образомъ есть вѣнецъ человѣческой мудрости. „Знаніе безъ предѣльно, говоритъ онъ, и если безпредѣльность не имѣетъ ни начала, ни конца и отъ всякой данной точки отстоитъ равномѣрно, то кто скажетъ о себѣ, что онъ къ ней ближе или далѣе? А таково дѣйствительно человѣчество. Всѣ наши занятія въ наукахъ и искусствахъ, на поляхъ и торжищахъ

„суть только неудачныя покушенія изобразить вѣчную дѣятельность, подобно, какъ всѣ частныя существа въ природѣ суть неудачныя покушенія изобразить безконечную бытность. Отъ того усматриваешь ты здѣсь и тамъ „безпрестанное движеніе жизни, которая воздвигаетъ обличія (вещи) и пакы „возвращаетъ оныя въ свои нѣдра“. „Я, продолжаетъ онъ, отдаю должную „справедливость уму; но въ моихъ глазахъ презрительна всякая конечность, „которая силится присвоить себѣ права единовластія тамъ, гдѣ потребна „стройная игра всѣхъ силъ жизненныхъ“. Потомъ онъ увѣщаетъ Агатона „не смущаться зрѣлищемъ той темной среды, въ которой суждено подвизаться философін, и различныхъ силъ, ей противудѣйствующихъ“. „Философія, говоритъ онъ, для однихъ соблазнъ, для другихъ безуміе, для третьихъ „крестъ. Сія чада отриновенія шатаются вокругъ тебя, подобно призракамъ Оссиановскимъ, которые торопливо прображдаются отъ луннаго сіянія во мракъ ущелій, то бродятъ открыто и вопятъ, какъ изступленные, то „жалобно стонутъ, подобно страдалцямъ. Ты перестанешь удивляться, если „припомнишь, что вселенная есть всячество формъ и образованій, гдѣ слѣдовательно буйство смѣетъ стоять возлѣ мудрости, немощь подлѣ здравія, „и ты, который допускаешь въ натурѣ существовать уродамъ и ночнымъ птицамъ, почему не хочешь также терпѣть подлѣ себя невѣждъ и чудаковъ? „Только не спрашивай

Зачѣмъ они на свѣтъ сей созданы;

На что сотворены медвѣдь, сова, лягушка,

На что сотворены, и Ванька, и Петрушка?

„Поэтику нѣтъ возможности безъ дѣйствительности, то все имѣетъ право „рано или поздно вступить въ исторію. Божественная необходимость, безъ „сомнѣнія, увлечетъ оныя съ собою обратно; но до тѣхъ поръ имѣетъ каждая свой опредѣленный періодъ жизни, и какъ ни противны тебѣ

Крикъ врановъ, завыванье псовъ,

Стенанья филиновъ и совъ,

„однакожь ты не Іаковъ, чтобы состязаться съ Богомъ. Оныя твари принадлежать также, какъ и серафимы, къ чину вселенной, дѣлаетъ же всякая „натура то, что дѣлать *долженствуетъ*“. Затѣмъ первая половина диссертациі излагаетъ общія понятія о философін, ея происхожденіи, задачѣ, цѣли и важности ея вообще для образованія человѣческаго, ея принадлежностей какъ науки, и различныхъ ея методахъ. Вотъ какимъ образомъ разсуждаетъ авторъ о качествахъ, составляющихъ, по его мнѣнію, необходимыя условія для истинно философскаго образа мыслей: „Здравая натура твоя „есть уже рѣдкій даръ мыслить и чувствовать человѣчески, содержать всѣ „силы въ естественной ихъ дѣлости и не увлекаться, не попускать себя увлекать другимъ, умѣрять порывы воображенія разсудкомъ, быть яснымъ въ „душѣ и языкѣ, имѣть наипаче практическую цѣль челоѣчества передъ глазами. Вотъ что я называю въ тебѣ здравую натуру, которая, если не дѣлаетъ еще мудрымъ, то ставитъ, по крайней мѣрѣ, на прямой путь къ божественной наукѣ. Ибо она не возможна въ тѣхъ недѣлимыхъ, у коихъ челоѣчество борется съ животностію, у коихъ безпрепятственный ходъ жизни

„прерывается поминутно, подобно лихорадочному пульсу, у коих мрачное „неустройство души мѣшает ей давать себѣ произвольное направленіе и „открывать себѣ достойныя виды. Если ты, вслѣдствіе здравой твоей натуры, „чувствуешь также неудержимое влеченіе къ истинѣ, потому только, что она „достойна человѣка, если ты не боишься напряженія, какого требуетъ иногда „открытие оной, но и вкупѣ имѣешь столько характера, чтобы сказать ее „въ глаза свѣту, хотя бы она или ты самъ отъ того пострадать долженство- „валъ (flat justitia, pereat orbis), если *притмы заблужденія* въ наукѣ столько „же тебя возмущаютъ, сколько малые недостатки въ эстетической оцѣнкѣ, „если ты рѣшаешься вступить въ бой съ владычествующимъ духомъ буйства „или эгоизма твоего времени и мѣста, то подобная любовь къ истинѣ есть „нѣрное знаменіе твоего избравія. Ты отличенъ отъ толпы обыкновенныхъ „душъ и небесныя силы воспитываютъ и руководствуютъ тебя невидимо. Ибо „безъ извѣстнаго *настроенія души* наука наша суетна, исканіе бесполезно. „Міръ протягивается предъ тобою, какъ огромная загадка, которая не рѣ- „шить сама себя, какъ безмолвное лице въ мистической пляскѣ, которое дви- „жется и дѣйствуетъ, но коего движенія ты самъ толковать себѣ долженъ. „Конечно, нельзя быть равнодушнымъ при томъ зрѣлищѣ, гдѣ небо и земля „вступаютъ въ радостное торжество игры; но твоей безконечный духъ не „останавливается на однихъ внѣшнихъ явленіяхъ; ибо внѣшнее вездѣ по- „нятно только изъ внутренняго, и то, что носитъ въ себѣ и содержитъ міръ, „находится внѣ его и столько же мало вмѣщается въ природу, какъ и въ ин- „теллигенцію. Богъ держитъ дѣль въ рукахъ, но ею, Онъ не связанъ. Если „сіе божественное или отрѣшенное значить вѣчное самооставленіе въ ис- „тинномъ бытіи, то и наука наша и жизнь должны необходимо къ сему „бытію прижиться. Ибо черезъ таковую подчиненность умозрѣніе полу- „чаетъ истину и силу, а нравственность характеръ. Атеизмъ же есть ме- „лочный образъ мыслей, подобно какъ эгоизмъ есть мелочный образъ поступ- „ковъ. Оба пресмыкаются въ низкой долѣ, и оба равно презрительны“. Далѣе авторъ объясняетъ разности философскихъ ученій и способъ, какимъ они входятъ въ исторію. „Чтобы происходили разныя философскія системы, говоритъ онъ, перекрещивающія одна другую, и чтобы потому зрѣлище „науки, которая желаетъ впрочемъ руководствовать людей къ истинной му- „дрости, представляло тебѣ зрѣлище безконечныхъ преній — это судьба не- „избѣжная. Ибо вселенная потолку только существуетъ, поколику возни- „каетъ всевозможныя формы конечности въ бытіи и познаніи, подобно какъ „кругъ имѣетъ значеніе потолку токмо, поколику объемлетъ всѣ возмож- „ныя направленія. И хотя одна вселенная дѣйствуетъ на насъ, возбуждая „духъ размысленія, однако не во всѣхъ представляется одинаковою, но пред- „полагаетъ особую въ каждомъ способность, равно какъ и особое образо- „ваніе оной. Дѣятельность здѣсь, равно какъ и вездѣ, въ отношеніи къ силѣ „вмѣстительной. Итакъ весьма естественно, если зрѣлище вселенной пости- „гается совершеннѣе или несовершеннѣе, если одно и то же распоряженіе „въ мірѣ для тебя важнѣе, для другаго менѣе важно, и если потому рѣшаемая „задача у тебя совсѣмъ пная, нежели у другаго. Каждый силится познать „міръ только съ той стороны, съ какой наиболѣе входитъ съ нимъ въ со- „прикосновеніе. Но рѣшеніе задачи міра не дается извнѣ; оно совершается

„во внутреннемъ твоёмъ святилищѣ и притомъ творческииъ актѣмъ; ибо идеи, тобою порожденныя, должны поступить на мѣсто недостаточнаго бытія видимаго міра, способность же составлять идеалы, во первыхъ, зависитъ отъ высоты натуры, а во вторыхъ, входитъ въ союзъ еще съ фантазіей, коей дѣятельность неограниченна. Всякая философія дѣлаетъ притязанія на истину, истина же прорекается въ разумъ и ощущеніи. Такимъ образомъ перевѣсъ того или другаго начала долженъ необходимо наклонять искателя къ той или другой односторонности. Если всѣ сии разности основаны на самомъ существѣ вещей, то онѣ имѣютъ длиться до тѣхъ поръ, пока длиться будетъ настоящее человѣчество. Изъ этого справедливо слѣдуетъ: а) что надежда энтузіастовъ водворить теперь единый, повсемѣстно годный образъ мыслей столько же суетная, какъ и надежда космополитовъ водворить всеобщій, вѣчный миръ между народами; б) что разногласіе въ воззрѣніяхъ есть проклятіе разторженнаго человѣчества; в) что искупленіе отъ сей клятвы законной возможно лишь чрезъ то, что человѣчество пробѣгаетъ всѣ формы истиннаго и ложнаго, то-есть, что оно совершаетъ свою исторію; д) что цѣлостность и совершенство жизни принадлежать одному только первому и послѣднему человѣчеству“.

Такъ какъ, по понятію автора, наука въ своихъ разностяхъ и въ своемъ развитіи согласуется съ общимъ ходомъ вещей, то онъ обращается къ объясненію послѣдняго и говоритъ: „Каждая вещь содержитъ въ первомъ зародышѣ своего существа все то, что время изъ него развитъ можетъ. Всякое же развитіе совершается двойственно и на послѣдокъ возвращается паки въ первоначальную полноту свою. Растеніе начинается съ сѣмени и оканчивается имъ“.

„Двойное развитіе каждой вещи познается изъ той всеобщей противоположности, чрезъ которую разнствуютъ всѣ вещи, а именно: что одна называется дѣятельною, а другая страдательною, одна движется въ причинѣ, другая покоится въ продуктѣ. Мужское и женское, положительное и отрицательное, + и —, всѣ живыя противоположности приводятся къ единому. Какъ противоположности сии съ первымъ и послѣднимъ ихъ единствомъ, постигаемыя пространственно, даютъ четыре полуса, такъ равно и постигаемыя времена даютъ четыре періода каждой вещи. Первый, гдѣ она въ своемъ существѣ еще не развита и цѣльна, послѣдній, гдѣ по всестороннемъ развитіи вступаетъ обратно въ свою первую цѣлость. Впрочемъ, обѣ сии степени, при равенствѣ своего содержанія, различествуютъ замѣтно между собою тѣмъ, что послѣдняя испытала полное развитіе, о каковомъ первая ничего не знаетъ.“

„Обѣ среднія степени развиваютъ по частямъ многообразное существованіе вещи и воспріятіе сего множества въ единство цѣлаго; въ тѣхъ вещахъ, кои чужды самопознанія, познаемъ мы второй періодъ, какъ развитіе третій, какъ образованіе въ форму и обличіе, въ людяхъ же, кои носятъ на себѣ образъ Божій, второй періодъ означенъ юношескимъ обиліемъ жизни, а третій познаніемъ.“

„Если сии четыре періода направляютъ ходъ всѣхъ вещей, то неудивительно, когда они повторяются не только въ исторіи человѣчества, но даже въ исторіи науки его. Ибо власть цѣлаго не терпитъ того, чтобы подлѣ

„него существовало что-нибудь на него не похожее, или дѣйствовало не въ „его духѣ. Единая божественная жизнь ставитъ вещи въ подлежательной „сферѣ, и познанія въ подлежательной; но ни то, ни другое не самостоя- „тельно. Оба равны въ отрѣшенномъ и зависимы другъ отъ друга. Ибо иначе „познаніе наше не имѣло бы предметовъ, и предметы не были бы доступны „для познаваній.

„Въ Богѣ вслѣское живеть и движется безразлично. Потому бытіе и „знание внутренно проникають въ немъ другъ друга и обрѣтаются въ немъ „цѣлство. Ибо бытіе его есть безконечное самопоставленіе, познаніе вѣчное— „самопознаваніе, въ его ничего не находится. Но конечныя существа не „таковы; въ нихъ разлучены бытіе и познаніе, кои развиваются исподоволь „такъ, что для твоей субстанціи дано опредѣленное пространство, въ коемъ „она рождается и умираетъ, для твоего ума дано опредѣленное время, въ „коемъ онъ творится, живеть и исчезаетъ.

„Два пункта опредѣляютъ всегда твое движеніе — *натура* и *духъ*, и ты „носишься необходимо между реализмомъ и идеализмомъ. Всѣ сін *измы* ко- „нечно истинны; потому что каждый содержитъ возможный какой-нибудь спо- „собъ разматриванія міра, но и вмѣстѣ ложны, потому что берутъ одну только „какую-нибудь сторону, тогда какъ въ вселенной всѣ стороны имѣють равное „достоинство и значеніе“.

III.

Представленіе Галича въ конференцію педагогическаго института по поводу предстоящаго ему экзамена изъ философіи съ изложеніемъ способа преподаванія этой науки, февраля 23-го 1812 года.

„Философія и наука, все равно, въ наукахъ же отвѣчивается міръ; по- „сему философія объемлетъ *цѣльность познаваемыхъ вещей вообще*. Въ заглавіи сихъ вещей, всегда конечныхъ, условныхъ стоитъ существо *отрѣшенное*, без- „конечное (Богъ), въ коемъ онъ живуть и движутся. Двѣ формы отрѣшеннаго суть для наукъ *зерканіе* и *бытіе* (*intelligentia et substantia*), *духъ* и *натура*, кои вмѣстѣ образуютъ стройный міръ; философія потому, яко *преобразование вселенной*, начинается отрѣшеннымъ (*absolutum*), сопровождается *двойственнымъ* откровеніемъ онаго въ духѣ и природѣ и замыкается въ *организующей методѣ своей*, подобно какъ духъ и натура замыкаются въ органическомъ мірѣ. Первый моментъ даетъ *философію религіи*, второй *философію духа* или *идеальную* или трансцендентальную, третій философію *естественную* (физику), четвертый наконецъ органъ наукъ (зрѣлую методу), математическую философію, примиряющую обѣ послѣднія между собою. Отсюда происходитъ значительность числа 4 ясно *всеобщей схемы вещей*.

„Такимъ образомъ обработываніе и изображеніе философіи есть *историческое*; ибо жизнь вещей есть ихъ исторія. Философія ни доказываетъ, ни выводитъ, но *построиваетъ*, излагаетъ. Слѣдственно, ея принадлежность не есть достовѣрность, доказательность, но *вразумительность, ясность*: ея судья не разумъ сравнивающий, отвлекающій, раздробляющій, но разумъ, ставящій безусловно; ея орудіе не попятія, но *идеи*, всѣ же главныя идеи изъ

религии. Опытъ играетъ подчиненную роль и можетъ при случаѣ только оправдывать, повѣрять, но не *рѣшить* и судить.

„Оная первая идея, дающая философію религии, и послѣдняя, дающая математическую философію, просты, нераздѣлимы, дѣльны, подобно какъ самый предметъ ихъ — Богъ и міръ, но двѣ среднія, касающіяся духа и природы, попускаютъ двоякое обработываніе — *отвлеченное* и *наглядное*. Ибо идеальная философія, по себѣ отвлеченная, *in concreto* называется *всемирною исторіею* (человѣчества); естественная философія, по себѣ отвлеченная, называется *in concreto* *естественною исторіею*. Философія, яко таковая, предоставляетъ себѣ обыкновенно токмо отвлеченное, то-есть, *внутреннее*; но судьба всего внутреннего есть та, чтобы сдѣлаться напослѣдокъ наружнымъ; потому идеальная философія имѣетъ сближаться со всемирною исторіею человѣчества, естественная философія съ исторіею естественною. Соединеніе оныхъ доставляетъ *живое познаніе*.

„Ежели философія религии (= 1) представляетъ единство еще *не развернутое*, въ самомъ себѣ почюющее, философія же математическая (= 4, или = 0) — единство, одолѣвшее *всякое разнообразіе*, и слѣдственно, возвышенное надъ всѣми членами противоположности; то философія естественная (= 2) и философія идеальная (= 3), происшедшія сами уже на пунктѣ дѣйственности, *воспроизводятъ* себя также въ разнообразіи подчиненныхъ отраслей. Ибо рожденное токмо рождаетъ, и притомъ подобныхъ себѣ. Оныя подчиненныя отрасли *идеальной философіи* суть: *логика, психологія, метафизика, нравоученіе, наука государственная, педагогика*, къ коимъ посредственно примыкается *исторія философіи*; отрасли же *естественной философіи*: *всеобщая физика (анархической природы), физика растительной, животной, и наконецъ, челоѣческой жизни*.

„Полная система философій объемлетъ всѣ сіи науки, однако въ главныхъ токмо ихъ *направляющихъ идеяхъ*, и предоставляетъ дальнѣйшее досугамъ и трудолюбію эмпиризма.

„Симъ образомъ познанія философа не могутъ быть иначе, какъ энциклопедическія, важныя, рѣшительныя въ своемъ *существованіи*, но ограниченныя касательно подробностей.

„Уваженіе сего послѣдняго обстоятельства обѣщаетъ мнѣ со стороны судей моихъ великодушное снисхожденіе какъ при испытаніи, такъ и при оцѣнкѣ моего служенія вообще, если небу угодно будетъ допустить меня до каведры. Ибо данное здѣсь начертаніе имѣетъ направлять всѣ будущіе шаги мои и составляетъ всю методу философій, которую я исновѣдую и которую теперь проповѣдать желаю. — Касательно же экзамена имѣю честь объяснить, что —

1. Обширность предмета, съ одной стороны, и короткое время, съ другой, не позволили *еще* мнѣ обнять всего того, что принадлежитъ наукамъ, что слѣдовательно, недостатки, если какіе оважутся, должно приписать обстоятельствамъ, кои могутъ поправиться, а не ограниченности силъ или рвенія; что —

2. Не всѣ пункты науки имѣютъ одинаковый интересъ; что —

3. Нѣкоторыми частями науки, а именно: педагогикою, новою всемирною исторіею я до сихъ поръ не могъ заниматься; что слѣдственно, —

4. Собственное испытаніе имѣть производиться въ главныхъ пунктахъ по предметамъ слѣдующихъ наукъ:

- a) Изъ философіи и логики.
- b) Психологіи.
- c) Метафизики.
- d) Ученія о религіи.
- e) Эстетики.
- f) Нравоученія.
- g) Государственныхъ наукъ (съ исключеніемъ камеральныхъ и политическихъ).
- h) Исторіи человѣчества.
- i) Исторіи философіи.
- k) Всеобщей физики.
- l) Ученія о несовершенной органической жизни растенія.
- m) Ученія о совершенной органической жизни животнаго.
- n) О человѣческой натурѣ.
- o) Математической.

IV.

Изъ книги: Картина человѣка.

Чувственное хотѣніе. § 242. Гдѣ практическіе порывы духа наружу встрѣчаютъ еще ограниченія со стороны чувственности, тамъ они обнаруживаются въ *побужденіяхъ*, въ *вождѣленіяхъ*, въ *склонностяхъ*, въ трехъ видахъ чувственнаго хотѣнія.

§ 243. А) Пускай вся жизнь, — и скопляющая минеральная масса, и прозябающая въ злакахъ, и образующая солнце и планеты, состоитъ только изъ *побужденій*, — мы въ *тѣсномъ* смыслѣ прилагаемъ сіе рѣченіе къ тварямъ *органическимъ*, преимущественно же къ *животнымъ*, означая тѣмъ порывы ихъ внутренней, въ стихіяхъ и отношеніяхъ разрозненной жизни, означая стремленіе выказывать себя въ дѣйствіяхъ соотвѣтственно идеѣ земнаго назначенія. Посему для всякаго живаго существа есть постоянная, неизмѣняемая внутренняя основа проявленія силъ его, которая на всѣ его стремленія и налагаетъ общую печать. Побужденію предоставлено вырабатывать характеръ рода въ отдѣльной твари и до безконечности усовершенствовать формы ограниченнаго быта.

§ 244. Побужденіе есть первый порывъ духа, стонущаго въ оковахъ; оно не предполагаетъ никакихъ *другихъ* началъ или дѣйствуетъ безусловно, питаясь всегда ближайшимъ предметомъ, безъ котораго замираетъ. Скрыты, глухи, таинственны его начальныя движенія; часто они бываютъ обозначаемы и доходятъ поздно до свѣдѣнія. Побужденіе срастается съ врожденными потребностями и ощущеніями животнаго и находитъ своего представителя въ томъ неопредѣленномъ, безотчетномъ инстинктѣ, которому на низшихъ степеняхъ жизни позволено *играть роль* разума, и который такъ деспотически любитъ распоряжаться въ дѣлахъ временнаго своего служенія. *Пища, нити и сонъ*, съ одной стороны, *плотское совокупленіе*, съ другой, потребность без-

препятственныхъ *движеній*, съ *третьей*, питаніе отрадныхъ, по крайней мѣрѣ нескорбныхъ *чувствованій* бытія, съ *четвертой*, — вотъ органическія *повинности*, вынуждаемыя природою у тѣхъ тварей, которыя она озарила то *самосохраненіемъ*, то поддержаніемъ ихъ *рода* и передачей онаго потомству!

§ 245. В) Вождѣленія относятся *прямо* къ своимъ *опредѣленнымъ* предметамъ, обладаніе коими такъ необходимо твари для пополненія недостатковъ ея бытія. Какое несмѣтное множество сихъ отдѣльныхъ предметовъ въ природѣ и въ общежитіи! Вотъ почему вождѣленія *разнообразны* до *безконечности*, а побужденія, по устройству бережливой природы, крайне просты и немногочисленны! Вотъ почему вождѣленія столько же *скоротечны*, сколько и самыя ихъ предметы, и съ относительнымъ удовлетвореніемъ перестаютъ на извѣстное время заботить человѣка! Вотъ почему они — производныя, а не врожденныя, должны всякій разъ снова возникать или *перемежаться*, тогда какъ побужденія неотлучно сопровождаютъ человѣка на всѣхъ путяхъ его жизни! Этого мало. Какъ инстинктъ непосредственно примыкаетъ къ чувствованію, такъ вождѣленія *состоятъ въ заговорѣ съ воображеніемъ* и по сей причинѣ стремятся не только къ удовлетворенію существеннѣйшихъ или первыхъ потребностей, но и къ удовлетворенію тѣхъ неугомонныхъ *прихотей*, которыя безпрестанно вытѣсняють другъ друга и увлекають человѣка отъ желаній къ наслажденіямъ, а отъ наслажденій опять къ новымъ желаніямъ.

С. Гдѣ душа частію свѣдала о врожденныхъ своихъ побужденіяхъ, частію успѣла до извѣстной степени опредѣлить движеніе и ходъ какъ естественныхъ своихъ желаній, такъ и прихотей, тамъ встрѣчаемся мы съ тѣми *рѣшительными* ея направленіями къ внѣшнему міру, которыя извѣстны подъ именемъ *склонностей*. *Посредственность* сихъ *одностороннихъ* стремленій, *временемъ* приобретаемое, постепенное, болѣе короткое знакомство съ вождѣленными предметами, тѣснѣйшая связь оныхъ съ чувствованіемъ личнаго нашего бытія — вотъ характеръ склонностей! Пускай они порываютъ или *увлекаютъ* насъ, подобно какъ желанія *манятъ*; онѣ, относясь къ своему предмету не иначе, какъ посредствомъ *представленій*, все-таки составляютъ болѣе удѣлъ человѣка вообще, нежели животныхъ, у которыхъ мы, въ замѣнъ того, примѣчаемъ извѣстныя *повадки*.

Воля. § 248. Какъ изъ простыхъ дѣйствій наружныхъ чувствъ и воображенія возникаютъ познанія, движущіяся въ свѣтлыхъ понятіяхъ, — такъ точно изъ хаоса естественныхъ влеченій происходятъ, при вліяніи высшихъ силъ, собственно *начинанія* или *поступки*. Ибо, что для чувственнаго человѣка значать побужденія, желанія и склонности, то на степени жизни высшей, то-есть, *смысленой*, изображается движеніями *воли*, коей первые слѣды мы и усматриваемъ тамъ, гдѣ мало по малу развился разсудокъ, по крайней мѣрѣ, не въ дѣтскомъ возрастѣ и не въ грубомъ состояніи дикарей. Но инстинктъ склоненъ къ положеніямъ страдательнымъ, и насыщенный дарами природы, любить поконить съ дѣломъ своимъ, а неугомонная воля безпрестанно порывается къ дѣятельности, даже тамъ, гдѣ человѣкъ обезпечилъ уже себя со стороны первыхъ потребностей; смутны, слѣпы влеченія чувствъ, а въ хотѣніи человѣкъ ясно *сознаетъ* свое отношеніе къ предметамъ, стараясь, по сей причинѣ, совершенно и укрѣпить оныя за своимъ я, которое въ его глазахъ получило уже особенную цѣну: инстинктъ *увлекаемъ* бываетъ *сторонними* раздраженіями къ дѣйствіямъ

безразсуднымъ; воля, въ противность и вѣшнему принужденію физическихъ силъ, и порывамъ внутреннихъ движеній, *умѣетъ своевластно распоряжаться* въ своихъ начинаніяхъ *отчетливымъ представленіямъ побудительныхъ причинъ*, дѣлая не одно уже то, чего *хочется*, а то, чего она сама *хочетъ*; тотъ доволъствуется всакииъ первымъ предметомъ, общающимъ удовлетвореніе, сія *разчитываетъ*, взвѣшиваетъ; тотъ устремленъ къ *чувственнымъ пріятностямъ*, сему открыто и *полезное*, — открыты виды къ благамъ отдаленнѣйшимъ, къ наслажденіямъ отвлеченнымъ, къ играмъ воображенія и остроумія, къ блеску почестей, къ новости познаній и т. п. Наконецъ, если истиннѣе челоуѣа дѣйствуетъ *рапсодически*, по минутному вдохновенію поэта-юмориста, то воля въ качествѣ *практическаго разсудка* начертываетъ себѣ не только извѣстные *планы*, но и цѣлую *систему правилъ* для учрежденія *порядка* въ стихійныхъ созданіяхъ своихъ и для водворенія онаго во *всякихъ данныхъ* положеніяхъ домашней и общественной жизни.

§ 249. Въ составъ воли входятъ *три* существенныя части, а именно:

1. *Выборъ*: ибо мы тогда только и *хотимъ*, когда, сличая двѣ стороны, присвоиваемъ одной, болѣе сильной или интересной, преимущество предъ другою, а въ этомъ-то и состоитъ выборъ, который можетъ направляться болѣе или менѣе опредѣлительнымъ представленіемъ то однородныхъ, то разнородныхъ выгодъ;

2. *Рѣшимость*, или актъ, которымъ мы, по предварительномъ *совѣщаніи* съ самими собой, собственно и опредѣляемъ требуемый поступокъ. Она есть не иное что, какъ *выводъ* или *смыслъ* выбора, который потому всегда и служитъ ей необходимымъ предположеніемъ;

3. *Дѣяніе*, гдѣ оно *возможно* и состоитъ во власти *хотѣшаго*. Ходъ внутренняго расположенія, обнаружившагося въ выборѣ и рѣшимости, довершается дѣяніемъ точно такъ, какъ развитіе ростка довершается плодомъ.

Свобода. § 251. Выше движеній инстинкта воля, выше воли *свобода*, которая обрабатываетъ сколько мысли наши, столько же и самыя хотѣнія. Пускай свобода не сростается съ душою такъ, чтобы видна уже была въ дѣяти, такъ, чтобы сохранялась въ состояніи упенія, сна, помѣшательства, — на сіе безусловное, божественное начало жизни намекають уже *вообще* или *теоретически* и многоразличныя движенія тѣла, и каждый актъ умышленныхъ соображеній. Чтò, какъ не оно — и направленное къ *нравственной* сторонѣ въ особенности, выказываетъ творческую силу во вѣшнихъ своихъ начинаніяхъ, въ поступкахъ, въ ошутительныхъ своихъ произведеніяхъ? Чтò, какъ не оно, изображаетъ и утверждаетъ на чредѣ временнаго, конечнаго бытія могущество того *безусловнаго* или *существительнаго* разума, которому болѣе мы принадлежимъ, нежели онъ намъ, и который въ *приложеніи* къ жизни слыветъ *дѣловымъ* или *практическимъ*?

§ 252. Сіе единственное положительное, прямое начало творящей дѣятельности почіеть, какъ говорится, само на себѣ, и по идеѣ своей, ничего кромѣ себя не предполагая, *умѣетъ* обезпечить права своего величія отъ всякихъ навожденій, которыя такъ часто смущаютъ волю. Но входя въ сношеніе съ другими силами, болѣе или менѣе стѣсняющими его, то-есть, отрицающими, оно можетъ, принимая въ себя порядокъ ихъ жизни, препобѣждать ихъ ограниченія и устремлять къ безконечнымъ цѣлямъ, напрімѣръ, расширять мысль

до безусловнаго вѣдѣнія, воображеніе до живительныхъ идеаловъ, сердечныя ощущенія до благодатной симпатіи съ цѣлымъ человѣчествомъ, съ природою. Будучи сама по себѣ отнюдь нравственною и *непричастною скверны, потому что рождена отъ Бога* ¹⁾, свобода наитіемъ своимъ освѣщаетъ и волю, возводя оную тѣмъ самымъ въ достоинство свободной, то-есть, благонамѣренной, потому что доброе только и свободно. Человѣкъ, преданный дурной волѣ, томится въ постыдномъ рабствѣ, которое и скрываетъ отъ другихъ, да и самъ въ спокойномъ расположеніи духа осуждаетъ. Ибо кому не хотѣлось бы слыть героемъ, если бы только возможно было достигнуть нравственнаго величія безъ дальнихъ усилій и безъ подрыва любимымъ склонностямъ, и кто не желалъ бы видѣть въ другомъ такихъ доблестныхъ помысловъ, какіе, можетъ-быть, ему самому чужды?

§ 253. Но пробудившаяся свобода не дѣлаетъ уже того, что ей вздумается; она позволяетъ себѣ рѣшаться не на то, что тебѣ или мнѣ угодно, а только на то, чего хочеть отъ насъ первоначальная, общая *божественная* жизнь, коей воля есть священный законъ для тварей, другими словами, она того только и позволяетъ себѣ хотѣть, что ей дѣлать должно, — не потому, однакожь, будто подлежала чуждой власти, и не потому, будто увлекаема была причинами внутренними, а потому, что *сама собою* одолѣла всякое принужденіе, и внутреннее, и вѣншее, потому что избывла вообще стѣсняющихъ оковъ, потому что совершенно исполнила законъ и тѣмъ самымъ поставила себя выше закона, въ которомъ не нуждается; она *модъ благодати*. Какъ природа *должна* дѣлать то, что въ ней совершается, такъ точно долженъ дѣлать и человѣкъ свободный, для котораго нѣтъ уже ни выбора, ни умысла, ни своеобразныхъ затѣй. Разница только та, что сей послѣдній даетъ *самъ себя* законъ для своихъ движеній, *про него знаетъ*, слѣдственно, свободно поступаетъ по необходимости такъ, а не иначе, а уставы природы предписываются ей стороннею властію, не даны ею самой себѣ и дѣйствуютъ безъ ея вѣдома и разумѣнія. Вотъ почему и обязанности нравственныя, купно съ причтеніемъ вины и заслугъ, существуютъ только для воли, да и предписываются ей опять свободою же, которая, по силѣ самодержавнаго своего качества, возносится надъ принужденіями всякаго рода, равно какъ и надъ произволомъ, которая изъимлетъ себя отъ устава и физическаго и умственнаго, предоставляя себѣ власть то давать уставы для всего прочаго, то *добровольно*, съ *полнымъ сознаніемъ* зависимости отъ верховнаго духа жизни и съ *любовію* возлагать на себя *золотыя цѣпи*. Ибо она хотя и возвышена надъ всякимъ даннымъ механизмомъ, связывающимъ бытіе тварей, однакожь отнюдь не состоитъ *отъ* закона, отнюдь не предана въ добычу слѣпой самослучайности. Какъ *создавшій око видитъ*, такъ и животворное начало, которое вноситъ порядокъ въ хаосъ природы и исторіи, есть, по идеѣ уже своей, безусловная стройность, чистѣйшая гармонія.

§ 254. Объяснять происхожденіе нравственной свободы такъ же негѣпно, какъ и объяснять происхожденіе жизни, разума, Бога, — происхожденіе всякаго существеннаго бытія, которое, не предполагая ничего, кромѣ себя, поспѣвается и доказательствамъ: ибо сія послѣднія всегда выводятъ одно —

¹⁾ Посланіе Іоанна I, гл. 3, ст. 9-я.

подчиненное — познаніе изъ другаго, — общаго, высшаго. А этого-то порядка въ свободѣ и нѣтъ. Разрывая ходъ внѣшней вынословности, она сама умѣетъ начать цѣлый рядъ явленій, которые потомъ и сдѣлаются между собою отношеніями зависимости, то-есть, бывають необходимыми дѣйствіями своевластнаго начала. Не ея ли вѣянія внемлемъ мы въ напоминаніяхъ нравственнаго гласа, которому въ поступкахъ мы слѣдовать *можемъ*, потому что онъ сего послушанія *требуетъ* отъ насъ даже тамъ, гдѣ строптивое сердце отказывается платить пріятный долгъ? Не являетъ ли она себя на самомъ дѣлѣ въ порывахъ доблестнаго энтузіазма и въ сознаніи каждаго образованнаго человѣка, который тѣмъ болѣе *старается быть свободнымъ*, чѣмъ крѣпче *впруетъ* въ самостоятельность свою, подобно какъ мыслящій непосредственно убѣждается въ существованіи своей мысли или бѣгущій въ дѣйствительности движенія? Да и самая мысль о возможности своевластно распоряжаться въ кругѣ своихъ дѣйствій не есть ли уже плодъ пробудившейся свободы, которая вообще стремится изъ себя овладѣть цѣлостію своего бытія?

Ощущеніе эстетическое. § 346. Третій главный родъ ощущеній духовныхъ состоитъ изъ *эстетическихъ*, слишкомъ знакомыхъ сердцу человѣка тамъ, гдѣ онъ то врожденнымъ своимъ расположеніемъ къ прекрасному — въ природѣ и въ искусствахъ, то силою собственной своей, свободной зиждательности втекаетъ во внѣшній міръ. Изящному нельзя не нравиться; въ немъ дышетъ *жизнь*, и притомъ *гармоническая*; въ немъ *отсвѣчиваются* первоначальныя *идеи*. Вотъ источникъ, изъ котораго проистекають благодатныя дѣйствія изящнаго! Ибо оно а) освѣжаетъ наше бытіе, одушевляетъ насъ, знакомитъ съ чистыми восторгами и такимъ образомъ *подвигаетъ, трогаетъ*; оно б) искнщаетъ насъ изъ тѣсныхъ границъ пошлаго быта, въ которомъ мы часто осуждены бываемъ довольствоваться карикатурами, и тѣмъ *освобождаетъ* насъ отъ рабства, давая чувствовать не то, что должны, а чего мы хотимъ; оно наконецъ с) примиряетъ насъ съ противоборствующими началами жизни и тѣмъ *успокоиваетъ* душу.

§ 347. Ощущенія эстетическія принадлежатъ къ самымъ естественнымъ, къ самымъ общимъ. Кто не благоговѣетъ предъ выспреннымъ, не поражается трагическимъ, геройскимъ, не любитъ миломъ, не забавляется смѣшнымъ, и притомъ безъ дальняго вниманія и къ назидательности, и къ благосостоянію? Кто и самъ не чувствовалъ въ себѣ порывовъ къ произведенію чего-либо такого, что стоило бы благосклоннаго, лестнаго воззрѣнія другихъ? Наконецъ для чего мы усиливаемся приправлять свои удовольствія и забавы, украшать свои околичности (жилища, одѣяніе, утвари)? Для чего стараемся о пріятномъ выраженіи истинныхъ мыслей на рѣчахъ и на письмѣ, о чинной наружности самыхъ добродѣтелей, какъ не для того, чтобы принести дань тѣмъ *затѣйливымъ идеямъ сердца*, кои требуютъ пищи и жертвъ даже тамъ, гдѣ, повидному, удовлетворены всѣ нужды тѣлесныя и духовныя?

§ 348. Но ощущенія прекраснаго, по причинѣ многообъятности сей идеи и по связи ея съ образованіемъ всѣхъ силъ душевныхъ, развиваются и созрѣвають позже прочіихъ однородныхъ, то-есть, умственныхъ, нравственныхъ. Развитие ихъ предполагаетъ и особенныя, благопріятныя обстоятельства; по крайней мѣрѣ у весьма многихъ народовъ, кои общю людскостію нисколько не отстали отъ сосѣдей, находимъ мы явное безыкусіе, находимъ нечувстви-

тельность именно къ простотѣ высокой и къ красотахъ умильнаго рода. Наконецъ эстетическое чувство отличается отъ прочихъ благородныхъ и много-различіемъ измѣненій или формъ, въ какихъ оно отливается: ибо господствующій вкусъ опредѣляется и впечатлѣніями окружающей насъ природы (іонійской, либо скандинавской), образованіемъ и духомъ народной жизни и понятіями нашими о вещахъ божественныхъ.

§ 349. Рѣшительно вліаніе эстетическихъ чувствованій на облагороженіе человѣка. Ибо а) вкусъ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ нравственнымъ образованіемъ по причинѣ однородности изащнаго съ истиннымъ и благимъ, кои отъ него и получаютъ соотвѣтственное выраженіе; б) прекрасныя картины занимательныхъ и достойныхъ предметовъ плѣняютъ возбужденную душу, закрываютъ для нея пеленою благоприличія все глупое и низкое, знакомая съ наслажденіями чистыми, живительными, неисчерпаемыми, настроиваютъ къ движеніямъ безкорыстнымъ; искусное же с) изображеніе неразумія и зла дѣлаетъ разногласіе оныхъ съ истинною жизнію очевиднымъ и устраняетъ отъ гибельныхъ послѣдствій. Посему люди и народы чувственные, грубые могутъ доводимы быть до людскости, до нравственной свободы содѣйствіемъ искусства, особливо тамъ, гдѣ оно на сей конецъ прибѣгаетъ къ разительному, къ потрясающему.

§ 350. Но эстетическія чувствованія, кои роднятъ насъ съ небожителями, подлежатъ и порчѣ едва-ли не болѣе, чѣмъ другія благородныя движенія сердца. Такъ, любовь къ прекрасному въ природѣ искажена уже тамъ, гдѣ приковываетъ пустой, бездушный глазъ къ *пуртуру заходящаго солнца*, къ *изумрудной зелени луговъ*, къ *серебрянымъ отливамъ луны* и пр., гдѣ питаетъ мечты неопредѣлительныя, бродящія, шаткія, гдѣ отнимаетъ охоту къ трудамъ отчетливымъ. Такъ и удовольствіе, находимое въ красотахъ искусства, можетъ обратиться въ утонченное сладострастіе. Еще же смѣшнѣе и омерзительнѣе бывають здѣсь упоенія произвольныя, вынужденныя, поддѣльныя: ибо какъ лестно для иныхъ слыть людьми чувствительными! Сильно дѣйствуетъ и суетность у знатоковъ художественныхъ произведеній, кои охотно выставляютъ оную на показъ. Но кто самъ имѣетъ творческій талантъ, тому трудно не увлечься своимъ энтузіазмомъ. Посему сколько истинный художникъ будетъ гнушаться тщеславіемъ въ своихъ занятіяхъ и рабскимъ служеніемъ то модѣ, то прихотямъ сибарита, столько же и прямой любитель прекраснаго будетъ избѣгать женоподобной нѣги въ наслажденіяхъ.

Страсти. § 265. Гнусныя исчадія любостязанія суть:

1) *Корыстолюбіе*, слѣпая жадность грабителей. Она захватываетъ вещи единственно для того, чтобы имѣть у себя; она не умѣетъ иначе обогатиться, какъ съ разореніемъ ближнихъ, и тайно, по холодной смѣтливости своей, стремится къ выгодамъ не такимъ, кои получаютъ изъ рукъ счастья или праведнымъ трудомъ, а такимъ, кои приобрѣтаются всѣми средствами, ни тѣлесныхъ, ни душевныхъ напряженій не стоющими, то-есть, *коварствомъ*. Почему промыслы, коими нынѣ обогащаются люди, умѣющіе жить въ снѣгѣ, и притомъ промыслы частныя, о гнусности коихъ *позволяется* знать и говорить наука, суть:

а) *Подлоги* наслѣдниковъ душеприкащиковъ, стряпчихъ, докладчиковъ,

подборныхъ кураторовъ въ дѣлѣ небывалаго займа, по предмету безденежныхъ обязательствъ;

b) *Подлая лестъ голодныхъ лисицъ сытымъ вѣровамъ - глупцамъ, выведенцевъ покровителямъ, ворожей тщеславнымъ и суевѣрнымъ женщинамъ, бродягъ и переметчиковъ великодушному правительству, біографовъ богатому покойнику;*

c) *Ученое шарлатанство натуралистовъ, антикваріевъ, путешественниковъ, врачей и пр.;*

d) *Двусмысленное родство и кумовство со знатію и особенныя отъ нея порученія то преслѣдовать скромныхъ свидѣтелей нескромныхъ сценъ, то сближать интересы партій;*

e) *Женитьба блудныхъ сыновъ на богатенькихъ уродахъ, женитьба безталанныхъ молодыхъ на дюжинныхъ, такъ-называемыхъ, воспитанницъ своего начальника, кои приносятъ въ приданое штатныя мѣста съ отличіемъ и въ добавокъ цѣлую колонію — фокъ однодворцевъ;*

f) *Тонкое воровство, извѣстное тѣмъ, кои управляютъ чужимъ имѣніемъ, именно же казеннымъ, сиротскимъ и имѣніемъ баръ-пустодомовъ;*

g) *Постройки и постройки всякаго рода для публичныхъ заведеній, особливо же заготовленіе припасовъ экономическимъ образомъ;*

h) *Безотчетные сборы, концерты, спектакли, открытыя чтенія въ пользу бѣдныхъ, увѣченныхъ, погорѣвшихъ;*

i) *Исправленіе нѣсколькихъ публичныхъ должностей, съ твердою увѣренностію не успѣвать ни по одной и однакожь получать по каждой то ежегодныя награжденія, то аренды, то пенсій;*

k) *Нищенство салоппницъ, заштатныхъ чиновниковъ, бенефициантовъ, издателей, которыхъ Аполлонъ пустилъ по покормежной, то-есть, на подписку или на сборъ амманачныхъ статей;*

l) *Пошлое шутовство, которое въ силу привилегіи, данной ему чернію, величаетъ и подписываетъ себя юморомъ;*

m) *Продажа прелестей гуртомъ и по мелочи;*

n) *Злоумышленная несостоятельность въ платежѣ навхвачанныхъ долговъ;*

o) *Наконецъ милое милоимство, которое „копачи и рекрутскія кванціи, шоколадъ и сибирскій ремень, старое желѣзо и помаду, аттестаты и невѣсть, просфоры и право на изданіе книги или газеты, гробы и клистирные трубки, все беретъ для перепродажи, все, подобно Миду, превращаетъ въ золото и снабжаетъ оборотливыхъ и экипажемъ, и полнымъ гардеробомъ“.*

ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВІЕ ¹⁾.

Русская земля, раздѣленная на многія княжества, дробилась болѣе и болѣе по мѣрѣ размноженія князей, которые ссорились безпрестанно изъ-за владѣнія, и ослабляли ее своими междоусобіями. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ первой четверти XII столѣтія сдѣлался Мстиславъ Мстиславичъ Удамый, изъ рода Смоленскихъ князей, который призванъ былъ изъ Новгорода въ Галичь, гдѣ, по смерти знаменитаго Романа Волинскаго, сосредоточились дѣйствія всего юга.

Туда, въ 1223 году, явился неожиданно изъ своихъ кочевьевъ, въ нынѣшнихъ степяхъ Новороссійскихъ, тесть Мстиславовъ, старшій Половецкій ханъ Котянъ, въ сопровожденіи своихъ подручниковъ, — всѣ трепещущіе отъ страха. Никогда не видали Половцевъ въ такомъ смятенномъ, странномъ положеніи. И признаковъ нѣтъ прежней дерзости, назойливости, прежняго высокомѣрія! Тихіе, смиренные и униженные, съ поклонами и дарами, приходятъ они къ Мстиславу и просятъ: „Помогите намъ. напали на насъ сильные враги и погубили нашу землю. Если вы теперь намъ не поможете, они придутъ и къ вамъ, и изсѣкутъ васъ, какъ изсѣкли насъ. Помогите намъ!“

Что сдѣлалось съ вами? кто погубилъ васъ? какіе враги? — спрашиваютъ князь и его бояре испуганныхъ бѣглецовъ, и не могутъ получить никакого удовлетворительнаго отвѣта. Половцы сами ничего не знали порядочно, показывали различно, умѣли описать только свое поражение: „Враги ихъ пришли со стороны Каспійскаго моря, числомъ ихъ было очень много, храбрость и силу явили великую, злобы еще больше, лицомъ они смуглые, глаза у нихъ узкіе, врозь, губы толстыя, плечи широкія, скулы выпуклыя, волосы черные. Сначала, по предгорію Кавказскому, побѣдили они Ясовъ, Обезовъ, Касоговъ. Половцы стали — было имъ въ отпоръ съ самымъ сильнымъ

¹⁾ Предлагаемая статья составляетъ послѣднюю главу «Древней русской исторіи», которая выйдеть въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

своимъ княземъ Юрьемъ Кончаковичемъ, и не могли устоять. Многие были побиты, другіе загнаны въ луку моря, за Донъ, за Днѣпръ. Остальные перебрались черезъ валь Половецкій, въ Русскую землю...“

Вотъ все, что можно было понять и разобрать изъ ихъ словъ; впрочемъ въ ихъ голосѣ, на ихъ лицахъ, во всемъ ихъ разстроенномъ видѣ, заключалось самое ясное и убѣдительное свидѣтельство о справедливости жалобъ, объ опасности положенія, о силѣ враговъ.

Но по крайней мѣрѣ какъ ихъ зовутъ? спрашиваютъ Русскіе, удивляясь въ свою очередь смутнымъ разказами.

„Зовутъ ихъ Татарами“ — и вотъ въ первый разъ услышалось на Руси зловѣщее, роковое имя!

Мстиславъ рѣшился созвать Русскихъ князей въ Кіевъ на совѣтъ, для разсужденія объ этихъ новыхъ происшествіяхъ, касающихся до всей Русской земли. Понеслись гонцы съ повѣстками во всѣ стороны.

Повѣщенные князья собрались — Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, съ сыномъ Всеволодомъ и зятемъ, Мстиславъ Святославичъ Черниговскій съ сыномъ, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій (будущій мученикъ), молодой Даніилъ Романовичъ Волинскій, Мстиславъ Нѣмшій Волинскій, Олегъ Курскій, и многіе другіе.

Туда прибыли и набольшіе Половцы. Они обходили князей, отъ одного къ другому, кланялись, просили, дарили коней, верблюдовъ, буйволовъ, дѣвокъ-невольницъ. Одинъ изъ нихъ, Бастѣй, принялъ даже христіанскую вѣру. Всѣ средства употребляли они, чтобы подвинуть Русскихъ къ участію и защитѣ. Котянъ дѣйствовалъ въ особенноти на зятя своего Мстислава Галицкаго, и мудро ли было воспламенить этого неустрашимаго витязя, въ которомъ лѣта не угашали браннаго духа. Его самого уже волновало любопытство, что это за новыя войны, предъ которыми все такъ преклонялось; его самого уже брало нетерпѣніе помѣряться съ ними силою, коей также до сихъ поръ никто не могъ противиться — ни Чудь, ни Угры, ни Ляхи, ни Половцы. А теперь его умоляютъ о помощи, отъ него ожидаютъ спасенія! Землѣ Русской предстоятъ опасности! Надо же предупредить ихъ!

Князья думали долго и толковали между собою. Мстиславъ убѣдилъ ихъ на общемъ совѣтѣ такимъ соображеніемъ: „Если мы теперь не поможемъ Половцамъ, то они передадутся Татарами, и наступятъ вмѣстѣ съ ними на Русскую землю. Тогда силы будетъ у нихъ еще больше“. Определено было помочь Половцамъ, а такъ какъ борьба съ врагами лучше въ чужой землѣ, чѣмъ въ своей, то и рѣшились князья идти имъ на встрѣчу.

Половцы, ждавъ - недождавшисъ этого рѣшенія, возрадовались. Надежда блеснула предъ ними отомстить свое пораженіе. Немедля князья разбѣхались по своимъ волостямъ строить вои, и по всей Русской землѣ, свидѣтельствуеъ Ливонскій лѣтописецъ, пронеслося рѣшеніе — биться съ Татарами. Къ великому князю Суздальскому послано было извѣстіе съ просьбою приходить скорѣе на помощь.

Къ веснѣ снарядились князья. Сборнымъ мѣстомъ назначенъ былъ на Днѣпрѣ, близъ Заруба, островъ Варяжскій, свидѣтельствовавшій своимъ именемъ объ удалыхъ набѣгахъ первыхъ Норманскихъ витазей. Съ апрѣля мѣсяца потянулись туда со всѣхъ сторонъ поляки, кто въ ладьяхъ, кто на коняхъ, кто пѣшіи. Тамъ собрались Кіяне и Черниговцы, Галичане и Воляняне, Смольяне и Переяславцы; весь Днѣпръ покрылся ладьями, изъ-подъ которыхъ не видать было и воды: мы переходили рѣку по ладьямъ, какъ по суху, говоритъ очевидецъ. А жители Курска, Трубчевска и Путивля пришли коньми, всѣ съ своими князьями. Слышался уже изъ Залѣсской стороны и Василько Константиновичъ, племянникъ великаго князя Юрія, шедшій съ вспомогательной дружиной Ростовской и Суздальской. Выгонцы Галиціе, въ тысячѣ ладьяхъ, приплыли Днѣстромъ въ море, поднялись въ Днѣпрѣ до пороговъ, и стали у рѣки Хортицы, на Проголчьемъ броду, подъ начальствомъ Юрія Домамирича и Держикрая Володиславича.

Половцевъ прибывало ежедневно. Послыша новую брань, они какъ будто изъ земли выростали, и стекались со всѣхъ сторонъ, ободренные, испытать еще разъ счастья. Всѣ отправились въ путь.

Лѣто въ тотъ годъ было жаркое. Дождей не перепадало ни капли. Солнце палило жестоко. Отъ необыкновенной засухи земля трескалась, лѣса и болота загорались. Воздухъ наполнялся дымомъ и смрадомъ, и мгла прилегала къ землѣ. Вблизи не видать было человѣка. Птицы не могли летать. По ночамъ являлась необыкновенная звѣзда на западѣ, пуская лучи не въ лице человѣку, а съ боку, какъ бы къ полуденью. Она выходила съ вечера, по закатѣ солнечномъ, и сіяла ярче другихъ звѣздъ семь дней, а потомъ на четыре дня оборотила она лучи къ востоку, и пропала.

Между тѣмъ Татары, разбившіе Половцевъ, подвигались медленно вверхъ по ихъ землѣ. Услышавъ о приближеніи многочисленнаго ополченія Русскаго, вдали отъ главной своей силы, они, кажется, усомнились, и послали пословъ къ князьямъ. „Слышимъ, что вы поднялись противъ насъ, повѣривши Половцамъ, но мы не на васъ пришли, мы вашей земли не занимали, ни сель вашихъ, ни городовъ вашихъ; мы

пришли на холопей своихъ на конюховъ, Половцевъ: возьмите съ нами миръ. Прибѣгутъ они къ вамъ, бейте ихъ, а имѣніе ихъ берите себѣ. Мы знаемъ, что и вамъ они причинили много зла". Такъ говорили послы.

А Половцы шептали Русскимъ князьямъ другое, возбуждая на брань, и стараясь всѣми силами, чтобъ они не соглашались мириться, — и Русскіе князья велѣли избить пословъ, пошли не останавливаясь далѣе, внизъ по Днѣпру, какъ будто судьба ихъ влекла, и достигли Олешья (противъ нынѣшняго Херсона).

Татары прислали другихъ пословъ: „Видимъ, что вы слушаетесь Половцевъ, вы убили нашихъ пословъ, идете противъ насъ — идите, а мы опять говоримъ, что васъ не трогаемъ". Вторыхъ пословъ князья отпустили.

Они все шли далѣе. Вдругъ послышалось въ станѣ, что сторожа завидѣли впереди Татаръ, которые пришли высматривать русскихъ ладей. Молодой князь Данилъ Романовичъ Волинскій вскочилъ на коня и понесся впередъ — увидѣть, что это за люди. Нѣсколько другихъ молодыхъ князей погнались вслѣдъ за нимъ, увлеченные тѣмъ же любопытствомъ „къ невиданной рати".

Соглядатаи, хотя и многочисленные, завидя ихъ приближеніе, съ поспѣшностію скрылись.

Впечатлѣніе произвели они различное. Одни говорили, что это „простые люди", другіе возражали: нѣтъ, это ратники, добрые вои. Юрій Домамирчъ твердилъ, что они стрѣльцы, лучше Половцевъ; но молодые князья переспорили всѣхъ, и пристали къ старшимъ: „Княже Мстиславе и другій Мстиславе, не стойте! поидемъ противу имъ! Мы ихъ побьемъ". Мстиславу самому хотѣлось скорѣе къ дѣлу; столько же пылкій, онъ послушался молодежи, и переправился чрезъ Днѣпръ въ тысячѣ человекъ. Это было во вторникъ. Безстрашный, пошелъ онъ впередъ, по полю Половецкому, встрѣтилъ сторожей татарскихъ, напалъ и разбить ихъ стоило ему одного удара. Его вои угнали множество рогатаго скота, который Татары ввели за собою, такъ что стало его на всю нашу рать, — и пустились въ погоню „сѣвуче". Татары, въ бѣгствѣ, желая спасти начальника своего Гемябека, засыпали его живаго землею, „въ курганѣ Половецкомъ", но Русскіе нашли. Половцы выпросили плѣнника себѣ у Мстислава, и пылая местію, убили. Первый успѣхъ ободрилъ рать.

Всѣ князья переправились черезъ Днѣпръ и поспѣшили вслѣдъ за Мстиславомъ, который въ жару отъ первой удачи шелъ впередъ,

не останавливаясь, и горѣлъ желаніемъ сразиться съ главною ратью. Девять дней шли они и достигли рѣки Калки ¹⁾ — роковая черта: за нею стояла вся сила Татарская.

Мстиславъ, у котораго никто не могъ оспаривать военачальства, велѣлъ Данилу Волынскому съ полкомъ своимъ и нѣкоторыми другими перейти рѣку, потомъ перешелъ самъ, послалъ своего вѣрнаго слугу, храбраго Яруна, съ Половцами, въ сторожахъ, расположился станомъ, но не утерпѣлъ и поскакалъ вслѣдъ за Яруномъ. Окинувъ издали взглядомъ полки татарскіе, — Богъ знаетъ, какъ они ему представились, и что за затмѣніе въ очью его приключилось, — онъ поворотилъ коня, и прискакавъ къ своимъ, велѣлъ немедленно готовиться къ бою.

А Мстиславъ Кіевскій и Мстиславъ Черниговскій стояли одалъ въ своихъ станахъ, ничего не зная о томъ, что битва скоро начнется. Ослѣпленный вѣсть, въ распрѣ съ ними, — старый славянскій порокъ, — не далъ имъ никакой вѣсти, увѣренный въ побѣдѣ, и желая всю ея славу присвоить одному себѣ.

Данилъ ѣхалъ впереди, „бѣ бо дерзъ и храбръ, отъ главы и до ногъ не бѣ въ немъ порока“. Съ боярами своими Василькомъ Гавриловичемъ и Симеономъ Олзевичемъ, — помянемъ здѣсь храбрыхъ, — начали они первые битву. Бояринъ Василько сбоденъ былъ на первомъ ступѣ. Данилъ получилъ ударъ въ грудь, но молодой и сильный, „бѣести ради“, говоритъ очевидецъ, не почувствовалъ онъ раны, и не видалъ, какъ кровь изъ нея лилась. Мстиславъ Нѣмный, увидя его раненаго и бьющагося, поспѣшилъ къ нему на помощь, — онъ друженъ былъ съ его отцемъ и любилъ его, какъ сына. Нечего говорить о Мстиславѣ Удаломъ. Олегъ Курскій подвизался съ нимъ крѣпко. Татары бѣжали отъ мужественныхъ витязей. Казалось дѣло пошло счастливо. Ярунъ съ Половцами началъ тогда биться также на своей сторонѣ, но Половцы, — они погубили нашу рать! Съ робостью-ль приступили они къ дѣлу, или страхъ напалъ на ихъ сердце внезапно, или увидѣли они невозможность и бесполезность спора, — только послѣ перваго ступа, на своемъ крылѣ, они дрогнули, замѣшались. Татары наперли крѣпче съ крикомъ и воплемъ — передніе попятели заднихъ, задніе крайнихъ, — еще напоръ, еще ударъ, — и Половцы побѣжали, побѣжали всѣми своими толпами, прямо на станы нашихъ князей, которые, не зная ничего, не успѣли еще поста-

¹⁾ Нынѣ Калець, Мариупольскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи.

вить всѣхъ полковъ въ порядокъ. Половцы смяли ихъ совершенно. Никто не понималъ, что происходитъ; никто не зналъ, что ему предпринять. Крики отчаянія варваровъ, лишившихся послѣдней надежды, заглушали все. Они разбѣжались во всѣ стороны, пѣшіе, конные, съ телѣгами, и произвели общее замѣшательство. Татары навалились на остальные, державшіеся еще полки, всѣми силами, началась свѣчая и лютая, но духъ упадалъ, сомнѣніе овладѣвало, а враговъ нагонялось больше и больше, они стрѣляли неудержно, и пронзали противниковъ. Князья увидѣли, что стоять имъ больше нельзя. Храброму Даниилу не стало мочи. Огонь снѣдалъ его внутренность. Жажда мучила его, — онъ повернулъ коня къ рѣкѣ, и припалъ напиться воды; тогда только почувствовалъ онъ свои раны, оглянувшись, увидѣлъ, что все бѣжитъ во всѣ стороны, и побѣжалъ съ прочими. Бѣжалъ и Мстиславъ Галиційскій, бѣжалъ въ первый разъ отъ роду, разумѣется, истощивъ всѣ силы въ битвѣ, бѣжалъ вѣрно съ горькимъ чувствомъ своей вины. Татары погнались за ними до Днѣпра и убили шесть князей: Святослава Яневскаго, Изяслава Ингваревича Луцкаго, Святослава Шумскаго, Мстислава Черниговскаго, Юрья Несвижскаго. Изъ бояръ Иванъ Дмитріевичъ палъ еще въ первой схваткѣ, съ двумя своими товарищами. Иныя лѣтописи называютъ Александра Поповича съ его слугою Торопомъ и Добрынею Рязаничемъ, Златымъ поясомъ. До семидесяти витязей русскихъ погибло, и Кіянъ однихъ пало до десяти тысячъ, изъ всѣхъ воевъ спасся едва десятый. „Сія злоба и побѣда надъ князьями Русскими, какой никогда не бывало, отъ начала Русской земли“, говорятъ лѣтописи, „убійство безчисленное сотворися“ мая 31-го, въ пятницу, на память святаго мученика Ермія. Среди общаго бѣгства и Половцы убили многихъ изъ нашихъ, инаго изъ-за коня, инаго изъ-за одежды. Мстиславъ, прибѣжавъ къ Днѣпру, переправился, и велѣлъ истребить лады, — зажечь и изрубить, — чтобы Татарамъ нельзя было гнаться.

Но не всѣ вои, не всѣ князья Русскіе бѣжали. Остался одинъ, Мстиславъ Старый, великій князь Кіевскій. Не предупредоженный о сраженіи, онъ стоялъ съ своимъ полкомъ на каменной горѣ надъ рѣкою Калкой. Увидѣвъ съ высоты бѣгство Русскихъ князей, Мстиславъ не двинулся съ мѣста съ своимъ зятемъ Андреемъ и Александромъ, княземъ Дубровицкимъ; онъ рѣшился, кажется, принять вольную смерть за отечество, и сохранить честь русскаго имени, — старшій изъ князей Русскихъ. Укрѣпивъ свой станъ, онъ три дня съ горы бился съ Татарами, которые напрасно вступали съ нимъ въ переговоры,

общая отпустить его на искупъ. Наконецъ воевода Бродниковъ, племени, намъ подданнаго, повлялся за нихъ въ исполненіи слова. Князь повѣрилъ и былъ преданъ измѣнникомъ, связанный, съ зытемъ, Татарамъ. Они взяли укрѣпленіе и изсѣкли людей. Князей положили подъ доски, а сами сѣли сверху обѣдать, со смѣхомъ слушая, дикіе варвары, какъ подъ досками хрустѣли ихъ кости, — и „такъ ту скончаша князи животъ свой“.

Татары остервенѣлые шли впередъ, предавая все огню и мечу. Нѣкоторые жители по дорогѣ выходили къ нимъ на встрѣчу съ крестами: пощады не было никому. Дошедъ до Новагорода Святополческаго, на Днѣпрѣ, близъ Витичева, верстахъ во ста отъ Кіева, грозные враги вдругъ оборотились назадъ и скрылись столь же быстро, какъ быстро являлись. Никого не осталось, и ничего не стало слышно. Все утихло и успокоилось.

Народъ образумился. Какъ будто свирѣпый вихоръ пронесся по пространству, ломая и разрушая все встрѣчное, помрачая зрѣніе. Онъ пронесся, — и опять возсіяло солнце, открылось небо, ожила природа.

Что это за люди? Откуда они? Куда ушли? Какой языкъ у нихъ? Какая вѣра? Какого они рода? — спрашивали себя русскіе люди въ недоумѣніи, опомнясь послѣ перваго переполоха, и не видя предъ собою никого болѣе. Всѣ спрашивали другъ друга, но никто не умѣлъ отвѣчать никому. Одни толковали, что это прежніе Печенѣги, которые нападали при святомъ Владимірѣ, другіе называли ихъ Таурменами, безбожными Моавитянами. Книжники разсуждали, что это должны быть тѣ люди, которыхъ загналъ Гедеонъ, что они вѣрно пришли изъ пустыни между востокомъ и сѣверомъ, что объ нихъ предсказывалъ и святой Меодій Патрскій: „придти имъ къ скончанію вѣка, и поплѣнить всю землю отъ востока до Евфрата, и отъ Тигра до Понтскаго моря, кромѣ Египта“. „Нѣтъ“, заключали православные, выслушавъ ученія рѣчи, „Богъ одинъ знаетъ, что это за люди, а насылалъ Онъ ихъ на насъ за грѣхи наши; обратилъ же вспять, ожидая нашего покаяніа“.

Прошло пять лѣтъ, — междоусобія возобновились, какъ будто ничего не случилось, и нечего опасаться болѣе, — въ разительное доказательство, что удѣльный порядокъ отжилъ свой вѣкъ и долженъ былъ для спасенія государства, такъ или иначе, быть уничтоженъ. Вдругъ въ 1229 году пронесся опять слухъ о Татарахъ, показавшихся на рубежѣ Азіи, въ окрестностяхъ рѣки Яика, или Урала, — и всѣ сердца

вдрогнули на Руси, почуя новую бѣду. Сторожа болгарскіе, сколько осталось ихъ тамъ отъ избіенія, вмѣстѣ съ Половцами и Саксинями, племени вѣроятно киргизскаго, прибѣжали снизу домой извѣстить о собирающихся на востокѣ тучахъ. Тучи впрочемъ подвигались сначала медленно. Татары только въ 1232 году подошли къ Волгѣ, и не доходя до великаго Города болгарскаго (на лѣвой сторонѣ Волги, Казанской губерніи, въ Спасскомъ уѣздѣ), остановились зимовать. Здѣсь почему-то кочевали они больше трехъ лѣтъ, и уже въ 1236 году взяли древнюю столицу Болгарь, ограбили и сожгли.

На слѣдующую зиму явились они въ предѣлахъ Рязанскихъ, подойдя лѣсами съ восточной стороны, и остановились станомъ на Онузѣ, которую взяли и сожгли. Ихъ было множество, безъ числа, говоритъ современный русскій лѣтописецъ, а арабскій описываетъ такъ ихъ нашествіе: земля стонала, звѣри безумѣли, испуганныя птицы падали мертвыя.

Рязанскій князь Юрій Игоревичъ при первыхъ слухахъ повѣстилъ родныхъ и сосѣднихъ князей. Въ родственныи Черниговъ и ближній Владимиръ отправлены послы за помощію.

Въ стольномъ городѣ Рязани успѣли собраться только ближніе князья, братъ Олегъ Красный, племянники Олегъ и Романъ Ингворовичи, Всеволодъ Михайловичъ Пронскій, одинъ изъ князей Муромскихъ. Татары прислали къ нимъ пословъ, двухъ мужей и жену чародѣйку, требуя себѣ десятины во всемъ: и въ князьяхъ, и въ людяхъ, и въ коняхъ, — десятое въ бѣлыхъ, десятое въ вороныхъ, десятое въ бурыхъ, десятое въ рыжихъ, десятое въ пѣгихъ. Князья отвѣчали смѣло: не будетъ насъ, тогда возьмете все. Послы препровождены были къ великому князю, Георгію Всеволодовичу, во Владимирь.

На предложеніе Татаръ: мирися съ нами, онъ отвѣчалъ: „брань славная лучше мира постыднаго“, и началъ военныя приготовленія, а Рязанской просьбы не уважилъ, воевъ не прислалъ, и самъ не пришелъ, „хотя особъ брань сотворити“.

Изъ Чернигова не было еще слуха, и Рязанскіе князья принуждены были идти одни на встрѣчу Татарамъ къ Воронежу, рѣшась умереть, а не покоряться.

Преданіе дополняетъ лѣтопись извѣстіемъ, что, посовѣтовавшись между собою, они попытались умилостивить татарскаго хана богатыми дарами, съ которыми былъ отряженъ къ нему сынъ старшаго Рязанскаго князя, Θεодоръ. Батый принялъ дары благосклонно и потребовалъ у Θεодора жены его, славной своею красотой, какъ дошла

до него молва. Рязанскій князь отворотился съ негодованіемъ, услышавъ требованіе, и тутъ же былъ умерщвленъ; тѣло брошено звѣрямъ на растерзаніе. Молодая жена, услышавъ объ его гибели, кинулась изъ высокаго терема на берегу Осетра, съ младенцемъ на рукахъ, котораго звали Іоанномъ Постникомъ, и заразилась, то-есть, убилась до смерти, отъ чего ближняя церковь получила названіе Николы Заразскаго или Зарайскаго. (Тѣло убитаго князя послѣ принесено было и погребено вмѣстѣ съ тѣлами его жены и сына. Въ Зарайскѣ показываютъ еще до сихъ поръ три креста, поставленные, говорятъ, первоначально надъ ихъ могилами. Подлѣ построена была церковь во имя св. Іоанна Предтечи).

Татары двинулись впередъ къ Воронежу, гдѣ стояли князья Русскіе, и вступили съ ними въ бой. Сѣча была злая. Кровь потекла по полю, какъ новая рѣка. Отъ стремительнаго натиска безчисленныхъ воевъ татарскихъ наши полки устоять не могли. Разбитые, они принуждены были уступить, и князья спаслись бѣгствомъ, кійждо въ свой градъ. Одинъ изъ нихъ, Феодоръ Красный, изнемогающій отъ ранъ, еле живой, былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ Батю, которому понравился. Батый обѣщалъ ему помилованіе, если онъ обратится „на ихъ прелесть“. Онъ не соглашался. Батый, разсерженный, дохну огнемъ отъ мерзкаго сердца своего, говоритъ лѣтопись, и несчастный былъ изрѣзанъ ножами, впрочемъ не до смерти.

Татары устремились впередъ, опустошая огнемъ и мечемъ землю Рязанскую, „грады разбивающе и жгуце, люди съѣуще и плѣнующе“. Такъ были разорены до основанія: Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславль, Борисоглѣбскъ, и имена ихъ съ тѣхъ поръ исчезаютъ въ лѣтописяхъ, кромѣ Пронска. Арабскіе современные писатели выражаются очень живо о городахъ, опустошенныхъ Татарами, что они пропадали, какъ будто и не красовались вчера.

Декабря 16-го, обступили Татары стольный городъ Рязань. Князья затворились, рѣшась защищаться до послѣдней капли крови. Пять дней продолжалась осада. Граждане оборонялись отчаянно, стояли по стѣнамъ не смѣняясь, между тѣмъ какъ нападавшіе обновлялись безпрестанно свѣжими силами. Каждый день падало множество, но никто не думалъ о сдачѣ. На шестой день подступили Татары съ огнемъ, съ пороками, или стѣнобитными орудіями, и лѣстницами, и декабря 21-го взять былъ городъ копьемъ, и по разграбленіи, запаленъ. Жители всѣ, попадавшіеся подъ руку, были перебиты безъ милости, одни разстрѣляны стрѣлами, другіе посѣчены мечами, потоплены въ рѣкѣ, жен-

щины на улицахъ подвергались поруганіямъ, дѣти бросаемы были въ огонь, и не осталось въ городѣ никого изъ живыхъ, говоритъ лѣтопись: не кому было стонать и плакать, не кому скорбѣть о погибшихъ, родителямъ о дѣтихъ, дѣтямъ о родителяхъ, братьямъ о братьяхъ— всѣ вмѣстѣ лежали мертвые. Изъ князей остался одинъ Романъ Ингваревичъ, который успѣлъ убѣжать и повѣдалъ во Владимирѣ великому князю о погибели Рязани.

Татары пошли впередъ, не останавливаясь, на Владимиръ. Вдругъ сзади, когда они уже выходили изъ предѣловъ Рязанскихъ, говоритъ древнее сказаніе, показались русскіе вои и ворвались въ ихъ становище. Татары всполошились, не понимая, откуда взялись они: не мертвые ли, павшіе въ Рязани, встали, и прискакали мстить за смерть свою. Неизвѣстные воители рубили на право и на лѣво изумленныхъ, оторопѣвшихъ варваровъ. Притупленные мечи они бросали и хватали другіе изъ рукъ поверженныхъ на землю Татаръ. Во всѣхъ станахъ произошло страшное смятеніе. Пятерыхъ изъ воителей удалось наконецъ схватить, и они приведены были въ ставку Батю. Кто вы такіе, спросилъ ихъ удивленный ханъ. Мы слуги великаго князя Ингвара Ингваревича, отъ полка боярина Евпатія Коловрата, посланы тебя великаго царя почтито и честно проводить, да не подиви царю, что не успѣваемъ наливать чашу на великую силу татарскую.

Шуринъ Батыевъ, Таврулъ, вызвался идти на Евпатія, взялъ съ собою сильныя полки и обѣщался привести его живаго. Онъ бросился на витязя, но тотъ, исполнивъ силою, разсѣкъ его на полы до сѣдла. Татары навели на Евпатія, какъ на крѣпость, множество саней съ стѣннобитными орудіями, окружили его и наконецъ одолѣли. Товарищи его избиты. Мертвый принесенъ былъ онъ къ Батю вмѣстѣ съ остальными воями, которые были взяты въ плѣнъ. Батый похвалилъ мужество и отпустилъ ихъ на волю, отдавъ имъ тѣло погибшаго вождя.

Кто же былъ этотъ славный воитель?

Рязанскій бояринъ, Евпатій Коловратъ, былъ посланъ, при слухахъ о татарскомъ нашествіи, въ Черниговъ за помощію. Услышавъ тамъ, что Татары уже явились въ предѣлахъ Рязанскихъ, онъ поспѣшилъ съ княземъ на родину, которую нашель совершенно опустошенною; собралъ, сколько могъ, дружины, тысячу семьсотъ человекъ, которыхъ „Богъ соблюде“, и погнался въ слѣдъ за Татарами, рѣшась испить мертвую чашу за одно съ своими государями, и испилъ ее до дна, совершивъ и исполнивъ со славою великодушное свое намѣреніе.

Поздно понялъ великій князь Суздальскій свое положеніе и уви-

дѣлъ свою ошибку. Онъ отрядилъ старшихъ сыновей, не задолго обвѣнчанныхъ, — Всеволода, съ бывшими на готовѣ войми, къ Коломнѣ, на встрѣчу къ Татарамъ, а другаго Володимера въ Москву.

Подъ Коломною произошло сраженіе. Татары окружили Суздальцевъ со всѣхъ сторонъ, по своему обычаю. Наши бились крѣпко, но напрасны были всѣ усилія. Множество вездѣ одолѣвало. Татары приперли русскіе вой къ надолбамъ. Тутъ палъ воевода Еремей Глѣбовичъ, Рязанскій князь Романъ Ингваревичъ, и много мужей добрыхъ. Враги остались опять побѣдителями. Всеволодъ въ малѣ дружинѣ бѣжалъ во Владимиръ. Татары двинулись къ Москвѣ.

Москва, городокъ, только-что начинавшій возникать среди лѣсовъ, ее окружавшихъ, не могла противиться долго. Ее защищалъ другой сынъ великаго князя, Володимеръ Юрьевичъ. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ. Воевода Филиппъ Нянька былъ убитъ. Жители истреблены. Имущество пограблено. Татары обратились къ Владимиру.

Великій князь уѣхалъ передъ тѣмъ съ племянниками на Волгу собирать вой для сильнѣйшаго отпора врагамъ. Онъ предполагалъ, кажется, что враги не могутъ еще такъ скоро угрожать его столицѣ, и что онъ успѣетъ заблаговременно воротиться съ новыми, свѣжими полками. Онъ могъ думать, по крайней мѣрѣ, что крѣпкій городъ во всякомъ случаѣ продержится до его прибытія. Въмѣсто себя урядилъ онъ двухъ сыновъ, Всеволода и Мстислава, къ которымъ воеводою былъ приставленъ Петръ Ослядюковичъ, — но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ: Татары не шли, а летѣли, какъ птицы, и между тѣмъ какъ Георгій расположился станомъ еще по рѣкѣ Сити, впадающей въ Мологи, ожидая своихъ братьевъ съ полками, февраля 3-го, во вторникъ, прежде мясопуста за недѣлю, явились они предъ Владимиромъ, и тѣми тѣмъ окружили его со всѣхъ сторонъ. Владимирцы затворились на крѣпко въ городѣ съ молодыми князьями. Татары хотѣли уклониться отъ боя и потребовали сдачи. Владимирцы отказались отворить ворота. Епископъ Митрофанъ увѣщевалъ народъ: „Чада, не убоимся смерти, не примемъ себѣ во умъ сего тлѣннаго и скороминующаго житія, но о томъ не скороминующемъ житіѣ попечемся, еже со ангелы жити. Поручникъ я вамъ, аще и градъ нашъ плѣнше копіемъ возмутъ, и смерти насъ предадутъ, получимъ вѣнцы нетлѣнные на томъ свѣтѣ отъ Христа Бога“. „О семъ же словеси слышавше вси“, замѣчаетъ лѣтописатель, „начаша крѣпко боротися“. Татары подѣхали къ Золотымъ воротамъ, имѣя при себѣ плѣннаго въ Москвѣ княжича, Володимера Юрьевича, и спросили о великомъ князѣ, тутъ

ли онъ въ городѣ. Владимирцы вмѣсто отвѣта пустили въ нихъ по стрѣлѣ. Татары отвѣтили тѣмъ же, пустивши также по стрѣлѣ на городъ и на Золотныя ворота, и потомъ закричали: не стрѣляйте! Наши остановились. Тогда Татары подошли ближе къ Золотымъ воротамъ, и выставили передъ ними Володимера. Узнаете ли вы своего княжича, спрашивали они осажденныхъ. На несчастномъ не было лица; блѣдный и худой, онъ едва могъ держаться на ногахъ. Всеволодъ и Мстиславъ, стоявшіе на Золотыхъ вратахъ, узнали брата — и залились слезами, бояре и граждане съ ними, смотря на Володимера, въ рукахъ у лютыхъ враговъ. Ударимъ, воскликнули пылкіе, молодые князья, обращаясь къ дружинѣ и воеводѣ, ударимъ, лучше умереть за святую Богородицу и правую вѣру, неже воли быти поганныхъ. Воевода не согласился. Татары объѣхали городъ, и потомъ расположились станомъ передъ Золотыми воротами, „яко зрѣемо“, то-есть, на виду у жителей, приготовляясь къ приступу.

Одинъ отрядъ ходилъ между тѣмъ къ Суздалю: городъ взятъ и сожженъ, княжій дворъ, монастырь св. Дмитрія, церковь святой Богородицы ограблены, жители перебиты, другіе отведены въ плѣнъ. Оставшіеся въ живыхъ, нагіе и босые, безпокровные, должны были погибать отъ стужи. (Уцѣлѣлъ только, говоритъ преданіе, дѣвичій монастырь, сокрытый чудомъ изъ виду Татаръ, тотъ, гдѣ иноческое бorenіе проходила страдально Евфросинія, дочь будущаго мученика, святаго Михаила Черниговскаго).

Въ субботу мясопустную отрядъ воротился къ Владимиру. Приготовленія къ приступу кончились, и Татары начали ставить лѣса и пороки отъ утра до вечера, а на ночь огородили тыномъ весь городъ. По утру, когда совсѣмъ разсвѣло, князья и граждане увидѣли, что городу спасенія нѣтъ при такихъ средствахъ осады, и что онъ будетъ взятъ непременно. Осталось только приготовляться къ смерти. Супруга великаго князя, съ дочерью, съ молодыми женами своихъ сыновей и внучатами, ушли во храмъ Пресвятой Богородицы, приобщились тамъ святыхъ таинъ, и приняли ангельскій образъ отъ рукъ епископа Митрофана. За нами послѣдовали много бояръ и людей, — старики, женщины и дѣти. Князья Всеволодъ и Мстиславъ отошли къ старому городу.

Всѣ ждали со страхомъ и трепетомъ своей гибели, предаваясь въ волю Божию.

По заутрени, въ недѣлю мясопустную, 7-го февраля, на память святаго мученика Феодора Стратилата, Татары бросились на стѣны,

и по примету ворвались въ городъ, черезъ стѣну отъ Золотыхъ воротъ у святаго Спаса, съ сѣвера отъ Лыбеди къ Орининымъ воротамъ, и къ Мѣдянымъ отъ Клязьмы (къ Волжскимъ). До обѣда весь городъ новый былъ занятъ и запаленъ огнемъ. Татары отбили церковныя двери въ соборъ Божіей Матери. Семейство великокняжеское съ ближними людьми укрылось на палатахъ. Злодѣи ободрали всѣ иконы, захватили всѣ драгоценности, сосуды, кресты, оклады, ризы, порты древнихъ князей, что вѣшали себѣ на память. Узнавъ, что великая княгиня, съ снохами и внучатами, находится на палатахъ, Татары звали ихъ сойдти, общая помиловать. Никто не послушался. Тогда они натаскали лѣсу въ церковь, наклали вороха около церкви и зажгли. Дымъ и смрадъ распространился повсюду. Люди задыхались. Епископъ Митрофанъ, объятый пламенемъ, благословилъ погибающихъ и воскликнулъ: Господи, Боже силъ, сѣдай на херувимѣхъ, прости руку Твою невидимую, и прими съ миромъ души рабъ Твоихъ!

Владимирскій соборъ Успенія, славный памятникъ князя Андрея Боголюбскаго, на крутомъ берегу Клязьмы, сохранился до нашего времени. Тамъ, по внутренней, узкой, темной лѣстницѣ, можно теперь еще взойти на эти приснопамятныя палаты, гдѣ избранные русскіе люди, въ минуту общей гибели, скончали животъ свой, покоряясь безропотно волѣ Божіей съ вѣрою и любовію. Мѣсто свято есть!

Молодые князья, Всеволодъ и Мстиславъ, были настигнуты за городомъ и убиты вмѣстѣ съ прочими, искавшими спасенія въ бѣгствѣ. Тамъ же погибли Пахомій, архимандритъ Рождественскаго монастыря, игумены Успенскій и Спасскій. О плѣнномъ Володимерѣ нѣтъ извѣстій: вѣроятно, онъ подвергся той же участи.

Изъ Владимира Татары разсыпались отрядами къ Ростову, Ярославлю, Городцу, и поплѣнили все по Волгѣ, даже до Галича, другіе пошли на Переяславль, ограбили и разорили Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тверь, — гдѣ былъ убитъ сынъ Ярославовъ, племянникъ великаго князя, — вплоть до Торжка: нѣтъ почти мѣста въ Суздальской землѣ, гдѣ бы они не побывали; городовъ взято 14, кромѣ слободъ и городовъ, въ продолженіе одного мѣсяца февраля. Ростовская область была разорена также.

Единственное убожище для народа были лѣса. Такими дремучими лѣсами была покрыта эта страна. Говорятъ современные арабскіе лѣтописатели, что въ нихъ и змѣѣ не было прохода. Татары должны были въ иныхъ мѣстахъ прорубать себѣ дорогу, и они прорубали такую, чтобы четверемъ телѣгамъ можно было проѣхать рядомъ.

А великій князь Георгій стоялъ еще станомъ на Сити, вмѣстѣ съ своими племянниками, ожидая братьевъ, Ярослава и Святослава, съ ихъ дружинами.

Вдругъ приходитъ къ нему роковая вѣсть: Владимиръ взятъ, церковь соборная разорена, жена твоя, княгиня, съ дѣтьми и снохами, огнемъ скончались, сыновья убиты, люди погибли, — на тебя идутъ!

Господи! возопи несчастный гласомъ велимъ, изъ глубины сердца, обливаясь слезами. Такъ ли судилъ Ты? Буди воля Твоя святая! Готовъ умереть и я: одному чѣмъ дѣлать мнѣ на этомъ свѣтѣ?

И недолго оставалось ему жить. Дорожъ, одинъ изъ воеводъ, посланный развѣдывать съ 3 тысячами человекъ, прибѣжалъ къ нему скоро назадъ съ извѣстіемъ: Княже! обошли насъ Татары.

Едва началъ Юрій рядить полки съ братомъ Святославомъ, только что пришедшимъ, съ воеводою Жириславомъ Михайловичемъ, внукомъ славнаго Андреева воеводы, и племянниками, какъ вдругъ принеслась новая вѣсть, громовая: идутъ, идутъ!

Не успѣвъ распорядиться, князья рѣшились отступить внизъ по Сити. Татары не дали имъ опаматоваться, пересѣкли дорогу и внезапно явились передъ ними: сторожей послѣ Дорожа, видно, не оставлено было впереди, или не успѣли они дать знать о приближеніи враговъ, которые нагрянули на оробѣвшее ополченіе.

Князь Юрій, отложивъ всю печаль, бросился въ бой. Полки его, обрешіе себя на смерть, слѣдовали за нимъ. Началась сѣча, кровь полилась. Сломить малочисленную дружину несмѣтной силъ было не трудно. Она подалась, Татары за ней. Это было уже не сраженіе, а побоище. Князь Юрій былъ убитъ. Голова у него отрублена. Около него повалены снопами его вѣрные вои. Остальные должны были искать спасенія въ бѣгствѣ на всѣ стороны.

Побоище на Сити произошло 4-го марта: вотъ какъ быстро шли Татары, взявшіе Владимиръ 25-го февраля.

Кучи кургановъ, разсыпанныхъ по теченію Сити до ея устья, и по впадающимъ въ нее рѣкамъ, также какъ и по Мологѣ, обозначаютъ путь татарскаго натиска и русскаго жертвоприношенія.

Судя по расположенію этихъ кургановъ, должно заключить, что сраженіе происходило во многихъ мѣстахъ, начиная отъ села Боженокъ, гдѣ настигнуть былъ Дорожъ съ передовымъ отрядомъ, и оканчиваясь при устьѣ Сити и за Мологою. Русскіе вои, видно, отступали, бѣжали, останавливались усталые, гдѣ и настигали ихъ Татары, возобновляя сѣчу.

Многіе изъ открытыхъ въ курганахъ скелетовъ сохранили на костяхъ слѣды ударовъ — проломовъ, разрубовъ, усѣченій.

Нѣкоторыя собственныя имена, до сихъ поръ сохранившіяся въ этой пустынной дикой странѣ, какъ глухіе звуки, донесшіеся изъ древности, напоминаютъ несчастное событіе: Рѣзанино, Станилово, Станово, Сторожево, Губино, Боронишино, Могилицы, Юрьево.

Есть нѣсколько бѣдныхъ церквей, гдѣ даже до послѣднихъ временъ служились панихиды за убиеннаго князя Юрія или Егорія. Есть и придѣлы во имя св. Егорія, а кто былъ этотъ Егорій, какъ онъ былъ убитъ, народъ не имѣетъ никакого понятія.

Ясно, что жителей старыхъ здѣсь не оставалось, и до позднѣйшихъ поселенцевъ дошли уже темныя преданія, дающія поводъ къ разнообразнымъ показаніямъ.

Василько, племянникъ великаго князя, взятъ былъ живой въ плѣнъ, и отведенъ со многою нужею до Шернскаго лѣса, гдѣ Татары оставились станомъ. Тамъ принуждали они его быть съ ними за одно и воевать на своихъ. Василько отвѣчалъ имъ укоризнами: „О глухое царство и скверное! Не отлучите вы меня отъ святой христіанской вѣры. Въ великой бѣдѣ мы, но ее наслалъ на насъ Богъ за грѣхи наши! А васъ онъ накажетъ за души, что губите безъ правды“. Отощавшій, онъ не принималъ ни пищи, ни питія, лицо его было уныло отъ многого томленія. Татары бросились на него. Лѣтописатель влагаетъ въ его уста слѣдующія восклицанія: „Господи Иисусе Христе! Вижу, что младая моя память желѣзомъ погибаетъ и тонкое тѣло увидаеть. Помози христіанамъ, помилуй раба Твоего, спаси жену мою, дѣтей моихъ, епископа Кирилла“. Онъ былъ тутъ же изрубленъ.

Шернскій лѣсъ находится на границѣ между Ярославскимъ и Углицкимъ уѣздами, на рѣбѣ Шернѣ, на половинѣ дороги между Ростовомъ и Ситскимъ побойщемъ. Здѣсь до сихъ поръ одна пустошь пазывается Васили, и жители разказываютъ о какихъ-то всадникахъ и схваткѣ, когда-то бывшей. Говорятъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь найдена была древняя каменная плита, которая куда-то затерялась.

Умерщвленіе Василька видѣла какая-то вѣрная женщина и повѣдала поповичу Андрелну. Они взяли изрубленное тѣло, завернули въ понывицу и спрятали въ сокровенномъ мѣстѣ. Вдова его и епископъ, узнавъ о томъ, въ послѣдствіи пріѣзжали за нимъ и торжественно похоронили въ Ростовскомъ соборѣ.

„Бѣ же Василько лицемъ красенъ, очима свѣтелъ, и грозенъ взоромъ, храбръ паче мѣры, на ловѣхъ вазнивъ, сердцемъ легокъ, а кто ему служилъ, тотъ не можаше забыти и до смерти“.

И Юрьево тѣло было найдено, безъ головы, епископомъ Кирилломъ, возвращавшимся изъ Бѣлоозера, и похоронено тамъ же. Послѣ привезена была и голова и приложена къ тѣлу. Нынѣ оно находится во Владимирѣ.

Другой отрядъ татарскій оступилъ Торжекъ на сборъ по Оедоровѣ недѣлѣ. И здѣсь жители не сдавались тѣмъ болѣе, что надѣялись на Новгородскую помощь. Двѣ недѣли враги били пороками крѣпость. О помощи не было слуха: „Всякій сталъ о себѣ“, замѣчаетъ лѣтописецъ, „въ недоумѣніи и страхѣ“. Средства осажденных истощились, и сопротивляться болѣе не осталось силъ. Городъ взятъ, и люди изсѣчены отъ мужскаго пола и до женскаго, все изобнажено и поругано, и нужною смертію погублено, марта 23-го, въ среду средокрестную, на память св. мученика Никона. Тутъ были убиты Иванко, посадникъ Новоторжскій, Яковъ Влунковичъ, Глѣбъ Борисовичъ, Михайло Моисѣвичъ.

Отъ Торжка окаянныя погнались Серегерскимъ путемъ, „людіе сѣкуще, яко траву“, даже до Игнача креста, верстъ за сто до Новгорода, а Новгородъ заступилъ Богъ, и спасла св. Софія.

Батый вдругъ повернулъ назадъ, опасаясь, вѣроятно, зайти, предъ вскрытіемъ рѣкъ, слишкомъ далеко, въ страны неизвѣстныя, все болѣе и болѣе дикія, болотистыя и гористыя. Возвратный путь его лежалъ по другому направленію, къ западу. О немъ не сохранилось никакихъ извѣстій въ лѣтописяхъ, кромѣ осады города Козельска, (въ нынѣшней Калужской губерніи), гдѣ княжилъ молодой князь Василій, изъ рода Черниговскихъ князей. Жители, „имѣя умъ крѣпкодушевенъ“, не хотѣли сдаваться, какъ и жители большихъ городовъ русскихъ. Нужды нѣтъ, что молодъ нашъ князь, сказали они на вѣчѣ, умремъ за него, и примемъ славу здѣсь, на этомъ свѣтѣ, а тамъ, на томъ свѣтѣ, вѣнцы небесныя получимъ. Семь недѣль бились храбрые. Татары рѣшились наконецъ взять городъ приступомъ, разбили стѣны и вскочили на валъ. Жители приняли ихъ тамъ въ ножи и не пускали дальше. Много времени продолжалась рѣзня, и Татары принуждены были сойти внизъ, но и жителямъ нельзя стало держаться въ городѣ болѣе. И пищи, и питья у нихъ не доставало, они рѣшились выйдти въ поле, бросались на пращи, изсѣкли пращниковъ, — и сами были всѣ побиты, какъ на полѣ, такъ и въ городѣ,

куда путь открылся, „даже до младенцевъ, сосущихъ молоко“. О князѣ Василю пронеся слухъ, что онъ утонулъ въ крови.

Козельскъ получилъ отъ Татаръ славное проименованіе злаго города. Четыре тысячи Татаръ легло подъ деревянными стѣнами его, и три сына Темничихъ нашли себѣ тамъ смерть.

Батый, свершивъ свою губительную, смертоносную прогулку, отошелъ въ землю Половецкую.

Въ слѣдующемъ году Батый прислалъ еще нѣсколько отрядовъ прогуляться по Россіи. Одни пришли къ Переяславлю Русскому, и взяли городъ копьемъ, ограбили церковь св. Михаила, убили епископа Симеона и множество жителей, попавшихся подъ удары.

Другіе напали на Черниговъ, гдѣ князь Михайлъ Глѣбовичъ рѣшился также защищаться. Татары долго не могли взять города, поставили тараны и метали такіе камни, что четверемъ чловѣкамъ они были въ подъѣмъ. Лють бѣ бой у Чернигова, но навонецъ побѣжденъ былъ Мстиславъ, и множество воевъ его погибли, городъ взятъ и запаленъ огнемъ, какъ и прочіе.

Бѣ же пополохъ тогда золь по всей землѣ: люди бѣгали, сами не зная куда отъ страха.

Дошла очередь и до Кіева. Въ 1240 году, Батый велѣлъ Мангуну соглядѣти города. Смотри на Кіевъ изъ ва Днѣпра, отъ города Песочнаго, Татары удивились красотѣ его и величеству. Батый прислалъ пословъ къ князю Михаилу Всеволодовичу, извѣстному у насъ болѣе подъ именемъ Михаила Черниговскаго, и къ гражданамъ, хотя прельстити ихъ. Тѣ не послушались и избилы пословъ. Должно было ожидать нашествія и расправы... Михайлъ вслѣдъ за сыномъ Ростиславомъ удалился въ Угры. Ростиславъ Мстиславовичъ, изъ Смоленска, пришелъ занять его мѣсто и былъ выгнанъ. Кіевъ достался Данилу Галицкому, который взялъ городъ и поручилъ охранять его боярину своему Дмитру.

Батый пришелъ въ силѣ тяжкой: видимо - невидимо полковъ вражихъ окружило городъ, какъ-будто саранча налетѣла. Отъ ржанія коней, мычанія стадъ, рева верблюдовъ, скрипа телѣгъ, не слышно стало въ городѣ людской рѣчи. Одинъ захваченный Татаринъ, именемъ Тавруль, извѣстилъ гражданъ о количествѣ силы Батыевой и объ именахъ его воеводъ: Урдюй, Байдаръ, Бирюй, Кайданъ, Бечанъ, Бедай-богатырь, Бурундай-богатырь, что взялъ землю Болгарскую и Суздальскую. Батый поставилъ пороки къ городу противъ воротъ

Литскихъ. День и ночь безъ перестани били осаждавшіе изъ этихъ пороковъ и выбили часть стѣнъ. Защитники столпились на оставшихся въ цѣлости, „и ту бѣ видѣти ломъ копейный и щитовъ скепаніе, стрѣлы омрачаша свѣтъ“. Мужественный воевода Дмитръ раненъ. Татары взобрались на стѣны и расположились тамъ ночевать. Граждане ночью устроили другой крѣпкій городъ около святой Богородицы. По утру напали на нихъ и здѣсь Татары, и сѣча возобновилась. Множество укрылось на камарахъ церковныхъ съ своимъ имуществомъ, но стѣны обвалились отъ тяжести, и люди погибли подъ развалинами. Нигдѣ не было спасенія. На Николинъ день, декабря 6-го, взятъ былъ Кіевъ и разрушенъ. Камня не осталось на камени, а дерево все сгорѣло.

Дмитра пощадилъ самъ Татары, ради его мужества, и взяли съ собой въ походъ. Узнавъ, что князь Даніилъ въ Уграхъ, пошли искать его, приступили по дорогѣ къ городу Лодяжину (на Бугѣ, въ Подольской губерніи), который также не думалъ сдаваться. Татары поставили двѣнадцать пороковъ и не могли разбить его стѣны. Наконецъ люди обманутые предалися и были перебиты. Также взяли Татары Кременецъ, городъ Изяславовъ, Владимиръ, Галичъ, и множество другихъ городовъ; но Каменца, города Даніилова, не могли взять, и прошли мимо. Дмитръ успѣлъ наконецъ убѣдить Батю, чтобъ онъ оставилъ несчастную Русь, разоренную и опустошенную. Если ты замедлишь здѣсь, сказалъ онъ, то Угры, племя великое, соберутся съ силами и не допустятъ тебя возвратиться во свояси благополучно. Батый принялъ совѣтъ и отошелъ въ Угры. Король Бѣла и Коломанъ были побѣждены Татарами, которые гнали ихъ до Дуная. Провославъ въ западныхъ странахъ три года, до Владиславы, Батый удалился въ свои улусы.

Такъ вслѣдъ за Великороссіей покорена была и другая половина Россіи, нынѣ называемая Малороссіей. Городское сословіе было почти истреблено какъ тамъ, такъ и здѣсь. Вон, какъ тамъ, такъ и здѣсь, дружины, съ боярами и отроками, честно исполнили долгъ свой и положили животъ свой за отечество, за вѣру христіанскую, въ надеждѣ имѣть вѣнцы мученическіе на томъ свѣтѣ. Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Лодяжинъ, Кременецъ, на югѣ, защищались до послѣдней капли крови, какъ на сѣверѣ—Рязань, Коломна, Москва, Владимиръ, Торжекъ, Козельскъ, и увѣренные въ неизбѣжной гибели, не колебались нисколько предпочесть постыдному рабству мучительную смерть.

Умилительное, высокое зрѣлище представила Русская земля въ эту критическую минуту своей исторіи, о которой нельзя вспоминать безъ благоговѣнія.

Терпѣніе, русская добродѣтель по преимуществу, преданность въ волю Божію, проявились здѣсь блистательно, и смиренныя лѣтописатели заключаютъ обыкновенно свои скорбныя описанія слѣдующими словами: „Се же бысть за грѣхи наши... Господь силу отъ насъ отня, а недоумѣніе и грозу и страхъ и трепеть вложи въ насъ за грѣхи наши“.

Татары расположились кочевать въ низовьяхъ Волги, по привольнымъ степямъ, гдѣ въ Астраханской губерніи странствуютъ нынѣ прямыя потомки ихъ Калмыки. Отсюда легко и удобно имъ было посылать летучіе отряды свои во всѣ покоренныя страны, держать ихъ въ повиновеніи и уничтожать всякое покушеніе, если бы гдѣ обнаружилось какое, свергнуть ихъ иго. Отсюда Татары могли какъ бы держать мечъ надъ головами всѣхъ своихъ подданныхъ, чтобы никто изъ нихъ не могъ шевелиться.

Страшныхъ враговъ получила Русь въ лицѣ Татаръ, дикаго, необузданнаго азіатскаго племени.

Но не одни Татары посягали въ это злополучное время на ея цѣлость и независимость, на ея существованіе.

Татары утвердились преимущественно на югѣ и востокѣ.

Поляки и *Венгеры* терзали ея юго-западную окраину и пытались покорить себѣ знаменитое Галицкое княжество, нынѣшнее королевство Галицію.

Далѣе къ сѣверу усиливались *Литовцы*, жившіе въ глубинѣхъ лѣсовъ Подляшья (на предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Гродненской, Виленской, Ковенской) и платившіе нѣкогда дань сосѣднимъ русскимъ князьямъ. Литовцы выдвинулись теперь изъ лѣсовъ и начали тревожить своими набѣгами области Полоцкія, Псковскія и Новгородскія, угрожая близкими завоеваніями.

На сѣверо-западѣ, въ устьѣ западной Двины, явились *Нѣмцы*, построившіе первое укрѣпленіе съ позволенія русскихъ князей; но въ 1201 году они основали Ригу, съ помощію вновь учрежденнаго ордена Меченосцевъ, обнаружили тотчасъ властолюбивыя замыслы, и овладѣли всею странною Ливовъ и Летговъ, нынѣшнею Лифляндіей, подданною прежде Полоцку.

На востокѣ отъ нихъ, въ Эстляндіи, утвердились *Датчане*; они построили въ 1210 году Ревель и угрожали Пскову и Новгороду.

Еще далѣе на востокъ, въ устьѣ Невы, тамъ гдѣ мы теперь лѣта древнія поминаемъ, начали проникать *Шведы*....

Вотъ въ какомъ ужасномъ, отчаянномъ положеніи находилось отечество въ половинѣ XIII столѣтія. Враги сильные, грозные, многочисленныя, одни другихъ лютѣе, съ востока, юга, запада, сѣвера и моря, какъ хищныя звѣри съ зіяющей пастью стали надъ нимъ и грозили порабощеніемъ. Татары, Литовцы, Поляки, Венгерцы, Нѣмцы, Датчане, Шведы окружили святую Русь какъ бы облавою, напирали на нее, грозясь разнять ее по составамъ, готовясь подѣлать ризы ея по себѣ, и объ одеждѣ метати жребій.

Была ли какая человѣческая возможность сладить съ такимъ страшнымъ сборищемъ враговъ странѣ, изнуренной двухсотлѣтними междоусобіями, лишенной теперь почти всего своего военного сословія, опустошенной огнемъ и мечемъ вдоль и поперекъ, отъ одного конца до другаго?

Казалось, погибель ея неизбѣжна, нигдѣ не видать было исхода, надежды никакой не мелькало на пережѣну обстоятельство къ лучшему, пропадетъ святая Русь. Казалось тогда, что на роду написано ей: не быть!

Такую горькую, тяжелую думу думаль, вѣроятно, святой отшельникъ въ глубинѣ пещеръ Кіевскихъ или Черниговскихъ, смиренный лѣтописатель, заносившій не чернилами, а слезами и кровію, въ лѣтопись описаніе страшныхъ событій — думаль, и молился со страхомъ и трепетомъ о спасеніи дорогой отчизны, — Господи помилуй!

Помилуетъ ли Онъ?

Да, Онъ помилуетъ, она спасется, она перенесетъ тяжелое огне-кровавое испытаніе, она превозможетъ всѣхъ своихъ враговъ, она возстанетъ съ новою силою и славою: аще бо паки возможете, и паки побѣждены будете, яко съ нами Богъ!

Кто же спасетъ святую Русь?

Спасетъ ее народъ терпѣливый, смиренный, твердый, толковый, талантливый, носившій во глубинѣ своего сердца сознаніе о государственномъ и земскомъ единствѣ.

Спасетъ ее земля просторная, плодоносная, разнообразная, безпредѣльная, достаточная для безчисленныхъ грядущихъ поколѣній.

Спасетъ ее языкъ, творческій, живой, сильный, многосмысленный, обильный, благозвучный.

Спасеть ее вѣра православная, горячая, безусловная, готовая въ избранныхъ душахъ на всякія жертвы.

Народъ, земля, языкъ, вѣра — вотъ четыре твердыя, крѣпкія столпостѣны, на которыхъ, подѣ державою Мономахова потомства, святая Русь удержалась, удерживается и удержится до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ поколеблены въ своихъ завѣтныхъ, священныхъ основаніяхъ.

М. Погодинъ.

НЕПОРЪШЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

С Т А Т Ъ Я I.

О ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ДРЕВНЯГО СЛАВЯНСКАГО И РУССКАГО
ЯЗЫКА.

(И. И. Срезневскому).

Изъ всѣхъ живыхъ Славянскихъ нарѣчій, познавшихъ письменность если не въ IX—X, то въ XVI вѣкѣ, во время реформации (какъ въ послѣднемъ случаѣ Сербо-Лужицкое), Болгарское нарѣчіе XVI—XVII вѣка отличается поразительною скудостью — чтобы не сказать, полнымъ отсутствіемъ — письменныхъ памятниковъ, изъ коихъ можно было бы ознакомиться съ тогдашнимъ состояніемъ и особенностями этого замѣчательнаго для лингвиста нарѣчія Славянскаго, съ его бѣдными остатками спряженій, лишеннаго склоненій, не могущаго обойтись безъ члена. Въ своемъ внутреннемъ строѣ оно такъ далеко уклонилось отъ своихъ братьевъ, другихъ нарѣчій Славянскихъ, что стоитъ между ними совершеннымъ особнякомъ. Между тѣмъ какъ его братья обиліемъ и разнообразіемъ грамматическихъ формъ, нерѣдко эпическою стариною оборотовъ и поговорочныхъ выраженій, среди XIX столѣтія напоминаютъ развѣ германскія нарѣчія XII—XIII вѣка или Латинскій языкъ временъ завоеванія Галліи, нынѣшнее Болгарское нарѣчіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, быть можетъ, даже опередило инья нарѣчія Романскія и почти всѣ Германскія, за исключеніемъ Англійскаго, къ которому оно по своей безформенности наиболѣе приближается.

Этотъ недостатокъ или даже отсутствіе письменныхъ памятниковъ чисто-Болгарскаго народнаго языка XVI—XVII вѣка, такъ какъ въ грамотахъ Волошско-Молдавскихъ нельзя не примѣчать болѣе или менѣе сильнаго участія стихій Русской (Малорусской), тѣмъ достойнѣе

сожалѣнія, что, имѣя ихъ, можно было бы прослѣдить историческое развитіе этого нарѣчія съ XIV—XV вѣка, съ того періода, къ которому обыкновенно относятъ такъ-называемые Средне-Болгарскіе памятники, до настоящей минуты. Такой ученый опытъ былъ бы тѣмъ желательнѣе и необходимѣе, что онъ могъ бы значительно подвинуть уясненіе и рѣшеніе стариннаго и все еще открытаго вопроса о настоящей родинѣ и народности древне-Славянскаго языка. Въ самомъ дѣлѣ ближайшее знакомство съ генетическимъ развитіемъ Болгарскаго нарѣчія составляетъ, съ одной стороны, непремѣнное требованіе историко-сравнительной грамматики Славянской; съ другой, оно важно и необходимо и для тѣхъ, кто уже убѣжденъ въ чисто-Болгарскомъ происхожденіи древне-Славянскаго церковнаго языка, и для тѣхъ, кто находятъ причины нѣсколько сомнѣваться въ этомъ. Преждевременная увѣренность въ неосновательности такого рода сомнѣній, какъ всякое умалчиваніе спорныхъ вопросовъ, едва ли можетъ благотворно дѣйствовать на успѣхи науки. Есть нѣкоторые соображенія, указывающія на законность такихъ сомнѣній.

Погодинскую Толковую Псалтырь, что нынѣ въ Публичной Библиотекѣ, въ Петербургѣ, по всѣмъ палеографическимъ признакамъ, и Востоковъ, и Срезневскій одинаково относятъ къ памятникамъ XI и никакъ не позже начала XII вѣка. Въ ея правописаніи и языкѣ находятся значительныя уклоненія и особенности сравнительно съ языкомъ Остромирава Евангелія, за выключеніемъ его руссизмовъ. Эти уклоненія и особенности часто таковы, что онѣ прежде были считаемы отличительными признаками такъ-называемыхъ Средне-Болгарскихъ памятниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ попадаются и въ другихъ древне-Славянскихъ рукописяхъ XI вѣка, напримѣръ, въ сборникѣ Супрасльскомъ, изданномъ Миклошичемъ, и пр. Такимъ образомъ оказывается не совсемъ вѣрнымъ и дѣлу мало соответствующимъ названіе Средне-Болгарскаго нарѣчія, ибо его отличительныя признаки восходятъ къ XI вѣку. Тутъ названіе *средній* очень мало умѣстно. Выходитъ, что это признаки не только средняго, но и древняго Болгарскаго нарѣчія. Замѣчая, что эти особенности восходятъ къ XI вѣку, мы останавливаемся на этомъ времени только по недостатку древнѣйшихъ памятниковъ, и есть разумныя причины думать, что въ нынѣшней области Болгарскихъ Славянъ еще въ X и даже въ IX вѣкѣ выдѣлялись болѣе или менѣе различныя поднарѣчія и говоры, съ особенностями въ фонетикѣ, грамматикѣ и словарѣ.

Если справедливо, что завоеваніе Азіатами-Болгарами Славянскихъ

Задунайскихъ племень въ Мезіи и Фракіи было главнѣйшею, если не исключительною причиною крутаго переворота во внутреннемъ строѣ нищаго памятниками искусства и науки языка несчастнѣйшихъ Турецкихъ райевъ, точно также какъ завоеваніе Англіи Норманнами произвело столь же крутой переворотъ во внутреннемъ строѣ богатѣйшаго по своей словесности истинно міроваго языка самаго могучаго и просвѣщеннаго въ наше время племени; если справедливо, что насильственное вторженіе иноплеменныхъ завоевателей, тамъ Норманновъ съ ихъ Французскимъ, здѣсь Болгаръ съ ихъ Турецкимъ языкомъ, по преимуществу произвело быструю утрату грамматической формальности и рѣзкое уклоненіе языка Англійскаго и нарѣчія Болгарскаго отъ родственныхъ имъ Германскихъ и Славянскихъ нарѣчій; если это вѣрно и справедливо — а оно едва ли можетъ быть подвержено сомнѣнію, — то нельзя предполагать, чтобы съ конца VII по XI вѣкъ, съ утвержденія за Дунаемъ орды Аспаруха до тѣхъ неизвѣстныхъ намъ годовъ XI вѣка, когда была написана Погодинская Толковая Псалтырь, въ нарѣчій завоеванныхъ Болгарами Славянъ Задунайскихъ не произошло никакихъ болѣе или менѣе значительныхъ перемѣнъ. Если же эти перемѣны дѣйствительно произошли, то онѣ иначе не могли обозначиться, какъ въ томъ, что въ тѣхъ углахъ и краяхъ этой Славянской земли, гдѣ иноплеменники-завоеватели не поселились плотными массами, цѣлыми родами и семьями, тамъ народъ Славянскій говорилъ чище, долѣе сохранялъ въ своемъ языкѣ древнія формы, чѣмъ въ тѣхъ краяхъ своей родины, гдѣ пришельцы-Болгаре разбили главный свой станъ и вслѣдствіе вѣроятной малочисленности своихъ женщинъ рано начали смѣшиваться съ побѣжденными.

Поэтому и сомнительно, и даже невѣроятно, чтобы нарѣчіе Славянъ Солунской области, Славянъ Македонскихъ, слабо смѣшанныхъ, и то развѣ на окраинахъ, съ Албанцами, Волохами-Цинцарами и Греками, жившихъ почти совершенно свободною общинною жизнью, въ слабой зависимости отъ Византіи или Солуны, чтобы, говорю, это нарѣчіе ничѣмъ важнымъ и особеннымъ не отличалось отъ нарѣчія завоеванныхъ Болгарами Славянскихъ племень, жившихъ отъ своихъ Солунскихъ, Македонскихъ братьевъ по ту сторону Доспата и Балванъ, на сѣверъ къ Дунаю и Черному морю, въ окрестностяхъ Софіи, Тернова, Видина и Варны, гдѣ *ханскій*, потомъ велико-княжескій и царскій дворъ, главные города и крѣпости были переполнены и заняты потомками сподвижниковъ Аспаруха, уже довольно смѣшавшимися съ побѣжденными Славянами. Словомъ, невѣроятно, что нарѣчіе, кото-

рымъ *чисто бесѣдовали* Солуняне, въ совершенствѣ владѣли св. Кирилль, Меѳодій и ихъ дѣятельный ученикъ и продолжатель св. Климентъ, было совершенно тождественно съ нарѣчіемъ, господствовавшимъ при Болгарскомъ дворѣ Бориса и покровителя Славянской письменности царя Симеона.

Смѣемъ думать, что различныя мнѣнія, въ свое время высказанныя о Македонскомъ, Моравскомъ, Болгарскомъ, Паннонско-Словинскомъ и даже искусственномъ происхожденіи древняго нашего церковнаго языка, взятыхъ въ совокупности, взаимно умѣряемья и ограничиваемья, не такъ ложны и бесосновательны, какъ это можетъ казаться тѣмъ, кто держится одного изъ этихъ мнѣній исключительно. Напротивъ того, всѣ эти мнѣнія заслуживаютъ уваженія и всѣ заключаютъ въ себѣ извѣстную долю истины. Какъ нарѣчіе Македонскихъ Славянъ, языкъ св. Кирилла, Меѳодія и Климента въ IX—X вѣкахъ, не могло быть тождественно съ нарѣчіемъ Задунайскихъ, завоеванныхъ Болгарами Славянъ, такъ еще болѣе должно было быть различія между языкомъ Македонскихъ, Моравскихъ и Паннонскихъ Славянъ, къ которымъ, по приглашенію ихъ князей Ростислава и Коцела, перенесли свою учительскую дѣятельность изобрѣтатель Славянской азбуки, его братъ и ихъ ученики, уроженцы Македонскіе. Частью съ намѣреніемъ, дабы быть понятнѣе новой средѣ, отчасти невольно и безсознательно, подъ неизбѣжнымъ и неотразимымъ вліяніемъ новой среды, Македонскіе проповѣдники въ *вышней* и *нижней* Моравіи мало по малу воспринимали въ свою устную и письменную рѣчь новые обороты и выраженія, необычныя въ Македоніи и необходимыя въ жизни Славянъ Моравскихъ. Такъ, въ первые же годы появленія Славянскихъ апостоловъ съ ихъ учениками въ Моравіи значительно видоизмѣнился въ ихъ устахъ и писаніяхъ ихъ отечественный или, по крайности, тотъ Славянскій языкъ, на которомъ они понинѣ проповѣдывали Славянамъ слово Божіе. Оставаясь языкомъ Славянскимъ, онъ переставалъ быть нарѣчіемъ чисто-Македонскимъ и въ то же время не дѣлался чисто-Моравскимъ. Въ создававшійся тогда письменный церковный языкъ Славянъ особенности нарѣчія Моравскаго должны были быть вносимы во множествѣ новыми учениками св. Меѳодія, природными Мораванами. Чтобъ яснѣе себѣ представить совершавшійся тогда процессъ образованія этого письменнаго языка, перенесемъ мысленно въ Моравію Ростислава и Святополка. Подъ благотворнымъ вліяніемъ Славянскихъ апостоловъ, подъ покровительствомъ Ростислава (въ первое время), Святополка и многихъ знатныхъ и богатыхъ Моравянъ,

при сильномъ негодованіи и ропотѣ Нѣмецкаго духовенства Моравіи, въ ней возникаетъ небывалая прежде среда первыхъ Славянскихъ писателей и ученыхъ, сочинителей, переводчиковъ и писцовъ. Въ общихъ рабочихъ кельяхъ этихъ Климентовъ, Паумовъ, Гораздовъ и другихъ неизвѣстныхъ намъ труженниковъ, нерѣдко происходятъ живыя бесѣды и пренія объ употребленіи того или другаго реченія, той или другой формы грамматической, того или другаго способа написанія извѣстнаго звука или слова. Пришлые Македонскіе уроженцы упорно отстаиваютъ и защищаютъ чистоту своихъ Македонскихъ формъ и оборотовъ противъ своихъ учениковъ, уроженцевъ Моравскихъ, которые желаютъ вытѣснить и замѣнить эти *Македонизмы* своими Моравскими формами и выраженіями. Очень правдоподобно, что при этомъ консерватизмъ Македонянь нерѣдко одерживалъ верхъ надъ нововведеніями Моравскими, благодаря не только авторитету общаго наставника Меодія, но и той помощи, которую могли оказывать Македонянамъ нѣкоторые его ученики изъ Паннонскихъ Славянъ, изъ Словинцевъ княжества Коцела. Часто, конечно, бывало, что Македонское выраженіе или форма, не совсѣмъ понятныя Моравянину или Словаку, были ясны и просты для разумѣнія Словинца. Такъ, въ недолговременный, но плодотворный періодъ Славянской образованности, со времени изобрѣтенія Славянскихъ письменъ св. Кирилломъ до кончины св. Меодія и разбѣганія его учениковъ по землямъ Юго-Славянскимъ и на сѣверъ (когда же бы иначе Угорская, Буковинская и Галицкая Русь приняли христіанство?), въ этотъ періодъ уже положено было твердое начало образованію письменнаго церковнаго языка нашего, разговорнаго и книжнаго органа образованныхъ, ученыхъ Славянъ изъ различныхъ племенъ и земель. Это было не одно какое-нибудь извѣстное нарѣчіе, какъ оно употреблялось въ устахъ того или другаго мѣстнаго населенія великой родины Славянской. Это былъ уже языкъ книги, органъ отвлеченной мысли, тѣмъ болѣе удалявшійся отъ бессознательности и непосредственности народнаго говора, что онъ при самомъ рожденіи своемъ началъ быть обрабатываемъ учеными и писателями различныхъ племенъ Славянскихъ. Сверхъ того, всякій письменный языкъ, чѣмъ онъ древнѣе и богаче памятниками словесности, чѣмъ онъ образованнѣе и культурнѣе, тѣмъ болѣе удаляется отъ собственно народнаго языка, который въ свою очередь отличается тѣмъ болѣе большимъ диалектическимъ разнообразіемъ, чѣмъ народъ сильнѣе и богаче исторіей, и слѣдовательно, чѣмъ разнообразнѣе его этнографическій составъ, чѣмъ болѣе онъ поглотилъ или поглощаетъ чуженародныхъ стихій,

чѣмъ обширнѣе его государственная область. Въ этомъ смыслѣ всякій письменный языкъ есть языкъ искусственный и смѣшанный изъ нѣсколькихъ говоровъ, поднарѣчій и нарѣчій. Недостатки такой искусственности исправляются развитіемъ грамотности въ народѣ, быстрыми путями сообщеній, гласностью судовъ, общимъ государственнымъ значеніемъ языка, возрастаніемъ большихъ городовъ, средоточій народной образованности, и національно-политическимъ развитіемъ купечества. Стиралъ такимъ образомъ діалектическія неровности живой народной рѣчи, письменный національный языкъ приближаетъ ее къ себѣ и самъ съ нею сближается, черпая ея богатства и вдохновляясь ея творческою непосредственностью.

Въ этомъ же приблизительно смыслѣ и древне-церковный языкъ Славянскій не есть собственно одно извѣстное народное нарѣчіе, а языкъ искусственный и смѣшанный. Чтобъ этими названіями древне-Славянскаго языка не подавать повода къ ложнымъ толкованіямъ, я позволю себѣ привести нѣкоторые примѣры подобной искусственности языка у племени Славянскаго, въ средѣ котораго въ теченіе всей его тысячелѣтней исторической жизни постоянно чувствовалась и болѣе или менѣе сознательно высказывалась живѣйшая потребность въ языкѣ искусственномъ, смѣшанномъ, въ языкѣ болѣе или менѣе обще-Славянскомъ. Такую искусственность и смѣшанность языка въ нашемъ племени можно подмѣтить въ частныхъ и официальныхъ сношеніяхъ, въ изустныхъ и письменныхъ переговорахъ разныхъ пограничныхъ и смежныхъ Славянскихъ племенъ и на нейтральной почвѣ между представителями отдѣльныхъ Славянскихъ вѣтвей. Вотъ явленіе, которое ежедневно происходитъ уже, быть можетъ, болѣе тысячи лѣтъ, съ тѣхъ поръ по крайней, мѣрѣ какъ существуютъ различныя нарѣчія Славянскія. Сходясь между собою, представители различныхъ племенъ, въ облегченіе взаимнаго пониманія, вольно и невольно, сознательно и безсознательно дѣлаютъ каждый другъ другу взаимныя уступки, принимая въ свою рѣчь чуждые обороты и выраженія, стараясь приблизиться и въ произношеніи, и въ употребленіи отдѣльныхъ словъ къ діалектическимъ особенностямъ рѣчи своего собесѣдника. Такое явленіе можно подмѣтить и у племенъ, уже литературно объединенныхъ, напримѣръ, у Италіанцевъ и Шѣмцевъ, особенно во взаимныхъ сношеніяхъ неграмотныхъ людей изъ различныхъ областей Италіи и Германіи. То же приблизительно происходитъ и у племенъ сродныхъ, но, подобно Славянамъ, не имѣющихъ общаго языка, напримѣръ, между Французами, Италіанцами и Испанцами. Само собою разумѣется, что при измѣнчивости и случайности

этого рода сношеній, въ такомъ искусственномъ языкѣ тѣмъ менѣе успѣваетъ утвердиться непрерывность преданія и условная правильность, чѣмъ менѣе ограничена мѣстность этихъ взаимныхъ сношеній, и чѣмъ они непостояннѣе. Къ указываемой искусственности древне-Славянскаго церковнаго языка всего ближе, надо думать, подходилъ тотъ искусственный Славянскій языкъ, который долженъ былъ господствовать въ теченіе трехъ-сотъ лѣтъ (XI—XIII) при дворѣ Угорскихъ королей Арпадовичей, изъ коихъ почти каждый былъ если не мужемъ, то сыномъ Славянки изъ королевскихъ и княжескихъ родовъ Премисловичей, Пястовичей, Нѣманичей и Рюриковичей. Такъ, въ послѣдствіи Славянки, жены и матери султановъ, научили по Славянски Магометовъ, Солимановъ и Селимовъ. Женщина крѣпче держится преданія, чище сохраняетъ родную рѣчь и всегда и вездѣ имѣла великое образовательное вліяніе на разговорный языкъ окружающей среды. Въ Угріи Арпадовичей мы видимъ, что нѣкоторыя Чешскія, Польскія, Сербскія и Русскія княжны-королевы принимаютъ большое участіе въ дѣлахъ государственныхъ, какъ при жизни мужей, такъ и при малолѣтнихъ сыновьяхъ. При дворѣ Арпадовичей всегда служило множество Славянъ, Словаковъ, Хорватовъ, Сербовъ и Русскихъ, еще болѣе, чѣмъ при Блистательной Портѣ, въ царствованіе Солимана, когда Сербскій языкъ былъ въ ней языкомъ полу-придворнымъ, полу-дипломатическимъ. Совсѣмъ почти не обработанный, никому въ Угріи, кромѣ Мадьяръ, непонятный, Азіатскій языкъ этихъ недавнихъ кочевниковъ рано принялъ въ себя великое множество словъ Славянскихъ, по преимуществу касающихся землѣдѣлія, промысловъ, гражданскаго и государственнаго быта. При Арпадовичахъ онъ не могъ быть языкомъ придворнымъ. Онъ не принимался у Угорскаго двора ни при Анжуйцахъ, ни при Люксамбургахъ, вообще едва ли и знавшихъ по Мадьярски, даже при Корвинѣ, не природномъ Мадьярѣ, а собственно Румунѣ, знавшемъ по Мадьярски, но отлично говорившемъ и по Славянски (по Чешски). Не успѣлъ онъ проникнуть ко двору и при Ягайловичахъ, обыкновенно объяснявшихся по Чешски или Польски. Латинскій языкъ при Арпадовичахъ, по малочисленности школъ, былъ распространенъ по преимуществу въ духовенствѣ, какъ во всѣхъ также католическихъ Славянскихъ земляхъ этого времени и даже позже. Въ обществѣ во всѣхъ классахъ общества употреблялись нарѣчія мѣстныя. И во время наибольшей распространенности въ Угріи языка Латинскаго онъ собственно употреблялся при началѣ разговоровъ или приберегался для торжественныхъ случаевъ, да и то былъ такъ смѣшанъ съ Славян-

скими и Мадьярскими словами, что Западный Европейецъ, хорошо владѣющій варварскою Латынью, на половину не понялъ бы этой Угорской Латыни. Итакъ, при дворѣ и въ высшемъ обществѣ въ Угрии долго, какъ мы видимъ, господствовалъ языкъ Славянскій, и не какое-нибудь одно извѣстное нарѣчiе, а языкъ искусственный, смѣшанный, равно понятный Словаку и Сербу, Хорвату и Русскому, словомъ, нѣчто подобное тому языку, который и теперь можно слышать въ Будинѣ на Славянскихъ сходбищахъ. Только въ послѣднiе годы въ сношенiяхъ Словаковъ и Русскихъ сталъ чаще употребляться нашъ языкъ Русскій. Мадьярскій же языкъ началъ приобрѣтать дипломатическое значенiе впервые только въ XVI—XVII вѣкахъ, и не собственно въ Угрии, а въ Седмиградбѣ, при воеводахъ, когда она находилась подъ зависимостью и покровительствомъ, а часть Угрии и подъ совершеннымъ господствомъ Турокъ¹⁾. Турецкое владычество освѣжило, обновило и подкрѣпило въ Мадьярахъ ихъ народное Азиатское самосознанiе, начавшее было гложуть и вянуть отъ долгаго сожительства и общенiя съ Европейцами, Славянами, Румунами и Нѣмцами. Тонкiе наблюдатели придворной и общественной жизни, старые Венецианцы, на примѣръ, *Соранцо* и др., мало подмѣчали разницы въ образѣ жизни, самой одеждѣ, между тогдашними Мадьярами и Турками въ Угрии: *Poco differenti nella barbarie dalla maniera de Turchi, come lo sono anco negli habiti.* Съ изгнанiемъ Турокъ изъ Угрии, главнѣйше, если не исключительно, силами Славянскими, и съ присоединенiемъ всѣхъ Угорскихъ земель къ прочимъ владѣнiямъ Габсбургско-Лотарингскаго дома, Мадьярскій языкъ вновь утратилъ всякое дипломатическое значенiе, и Нѣмецкiй языкъ сталъ все болѣе проникать, особенно при Марiи-Терезѣ, въ Угорское образованное общество, или по крайней мѣрѣ, въ дома Угорской шляхты, именитѣйшiе представители которой уже успѣли полюбить блескъ и роскошь, забавы и удовольствiя Вѣнской столичной и придворной жизни. Но крутыми попытками къ германизации и недостаточно-рѣшительными мѣрами въ пользу освобожденiя крестьянъ императоръ Иосифъ II возбудилъ въ Угрии всѣ народности противъ Германизма, а испугавшуюся крестьянскою волю Угорскую шляхту объединилъ, сплотилъ и ввергнулъ въ объятiя Мадьярской оппозиции,

¹⁾ Въ продолженiе нѣсколькихъ вѣковъ пограничныя власти Турецкiя: санджакъ Бласскiй, Герцеговинскiй, паша Боснiйскiй, переписывались съ ректорами и капитанами Венецианскими въ Далмацiи по Сербски; въ дипломатическихъ же сношенiяхъ и актахъ Блистательной Порты съ Республикою долгое время употреблялся языкъ Греческiй (въ XV и XVI вѣкахъ).

ибо гордость породю, стремленіе занимать въ странѣ исключительное положеніе, помѣщичье самоуправство и дворянская спѣсь естественно были крѣпче развиты въ Угорской шляхтѣ изъ родовитыхъ Мадьяръ, какъ побѣдителей и еще Азіатовъ, которые не понимаютъ начала гражданской равноправности съ иноплеменниками и умѣютъ быть только повелителями или рабами. И теперь въ Угріи съ конца XVIII вѣка вровень съ развитіемъ самаго отчаяннаго и бѣшенаго Мадьяризма пробуждаются и народности Славянскія. Въ то время, когда Дугоничъ въ своихъ повѣстяхъ съ презрѣніемъ осмѣиваетъ Словаковъ, графъ Сѣчени объявляетъ, что Угрія еще не была и не есть страна Мадьярская, но должна быть и будетъ ею (*Magyország nem volt hanem lesz*, „Мадьярія не была, но будетъ“); когда баронъ Вешеленьи ропщетъ и негодуетъ на неразуміе старыхъ Мадьяръ, не успѣвшихъ до XIX вѣка поглотить и омадьярить два милліона слишкомъ Славянъ, живущихъ силошною массою отъ Русскихъ Карпатъ и верховьевъ Тисы до Пресбурга при Дунаѣ, и представивъ невыгодное положеніе Мадьяръ, на низменной равнинѣ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ иноплеменниками, съ ужасомъ начерчиваетъ картину постепеннаго роста и усиленія Россіи, нависшей, какъ лава, надъ Угріей и грозящей затопить Мадьярскую низменность, если не будутъ приняты самыя рѣшительныя и скорыя мѣры для возвеличенія и укрѣпленія Мадьяризма; въ то время, когда Кошутъ рвался и метался, нерѣдко выставляя самыя смѣшныя предложенія для скорѣйшаго обученія Славянъ языку Мадьярскому, для того чтобы не медля воздвигнуть ошлотъ противъ Славянства изъ великой Мадьяріи отъ Карпатъ по Адриатику, — въ это же самое время трудолюбивый и умный Словакъ *Чанловичъ* въ своихъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ съ любовью раскрывалъ заслуги Словаковъ въ Угріи, ихъ промышленную и торговую дѣятельность; великій ученый нашего времени, Словакъ же *Шафарикъ* обнимаетъ все племя Славянское въ совокупности и критически изслѣдуетъ его древнѣйшую исторію, его нарѣчія и словесности, своими незабвенными трудами производя неизгладимое вліяніе на всѣ народности Славянскія; поэтъ, проповѣдникъ, мечтатель и агитаторъ *Колларъ* въ своей безспорно талантливой, но подъ часъ странной и скучной поэмѣ „Славы Дцера“, не щадя насмѣшекъ и проклятій, порывовъ удивленія и восторга, выставляетъ картины упадка и величія Славянства, его утраты и побѣды въ борьбѣ съ иноплеменниками, и съ неотразимою силою внутренняго убѣжденія пророчить ему полное торжество надъ врагами, прекращеніе племенныхъ недоразумѣній и

окончательное слияніе и единство, тотъ же *Коларъ* въ небольшомъ сочиненіи о литературной взаимности уже начертываетъ практическую программу для такого объединенія, а его землякъ *Кузманъ*, исправляя ее, указываетъ на внутреннюю необходимость имѣть всѣмъ Славянамъ одинъ обще-литературный и дипломатическій языкъ и совѣтуетъ съ этою цѣлью учиться языку Русскому; наконецъ, *Штуръ*, тотъ самый, котораго Угорскій магнатъ графъ *Зай* отговаривалъ читать Славянскимъ студентамъ Пресбургскаго лицея даровые курсы Славянскаго языка и исторіи, страшая его тѣмъ, что съ пробужденіемъ Словаковъ Россія можетъ въ одинъ прекрасный день сказать: *il n'y a plus de Carpathes*, — этотъ самый Штуръ всю свою страдальческую жизнь и всѣ силы своего духа посвятилъ распространенію и утвержденію на своей родинѣ тѣхъ идей, которыя онъ потомъ изложилъ въ своемъ посмертномъ трудѣ — „Славянство и міръ будущаго“. Это завѣщаніе Штура давно стало программой литературной и гражданской дѣятельности всѣхъ мыслящихъ и пробужденныхъ Словаковъ. Нѣмецкій, онъ же правительственный, элементъ Австріи былъ поставленъ такимъ образомъ между двухъ огней, между двухъ возникавшихъ силъ, одинаково ему враждебныхъ — *Мадьяризма* и *Панславизма*. Онъ предпochелъ первый и съ конца 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія употреблялъ всѣ старанія и усилія для распространенія и утвержденія Мадьярскаго языка въ Угріи. Такъ, изъ боязни и страха передъ появленіемъ или возрожденіемъ въ Угріи языка обще-Славянскаго, не только разговорнаго, но и письменнаго, Германскій элементъ вступилъ въ союзъ съ Азіатскимъ-Мадьярскимъ и въ его пользу долженъ былъ отказаться отъ давнишнихъ Германскихъ мечтаній и замысловъ пронести Нѣмецкую культуру на востокъ Славянскій, создать, по выраженію Рошера, новую, могучую Германію въ Угорско-Славянскихъ земляхъ по обоимъ берегамъ Дуная, еще недавно, въ нѣмецкихъ географическихъ учебникахъ, величаемаго рѣкою Нѣмецкою. Къ такимъ страшнымъ уступкамъ могли побудить Германію, наперекоръ всѣмъ ея преданіямъ и ея старинной исторической враждѣ къ Мадьярамъ, не какіе-нибудь пустые поводы и фантастическія мечтанія, а искренняя и дѣйствительная ея увѣренность въ возможности утвержденія въ Угріи языка обще-Славянскаго. Въ подобномъ же союзѣ уже всей Романо-Германской Европы съ другимъ искони противнымъ и враждебнымъ ей Азіатскимъ же элементомъ, Турецкимъ, и въ твердой рѣшимости поддерживать его на Босфорѣ до послѣдней крайности выказывается со стороны Европы такое же признаніе возможности и опасности для

нея подобнаго же распространенія и утвержденія языка обще-Славянскаго и въ Европейской Турціи, гдѣ дѣйствительно между Болгарами и въ настоящее время Русскій языкъ распространенъ болѣе, чѣмъ у какого-либо изъ Славянскихъ племенъ, отдѣленныхъ отъ Россіи Карпатами или Дунаемъ. Природныя богатства неводѣланыхъ и малонаселенныхъ южныхъ земель Греко-Славянскихъ не утратили своей прелести для Романо-Германскаго запада, который, еще не тяготясь избыткомъ населенія и капиталовъ, уже съ начала XIII вѣка постоянно стремился въ нихъ господствовать, и дѣйствительно долго господствовалъ, пока Турокъ не отбросилъ и не выгналъ *Франковъ*, съ которыми не могли совладать разбитыя и слабыя племена Грековъ, Албанцевъ и Славянъ. Эти народности теперь еще слабѣе, чѣмъ въ XIII—XIV вѣкахъ, и конечно, не внушаютъ никакого страха объединенной Италіи, соединяющейся Германіи и двумъ великимъ морскимъ державамъ Франціи и Англии, которыя, при всемъ своемъ взаимномъ соперничествѣ, еще бы легче старыхъ Венеціанцевъ, Генуезцевъ, Пизанцевъ, Каталонцевъ, Французовъ, могли согласиться относительно этихъ племенъ и полюбовно размежевать ихъ земли. Теперь останавливаетъ Европу небывалое прежде явленіе могущественной державы Греко-Славянской. Романо-Германцевъ не пугаетъ мысль о завоеваніи Россіей этихъ земель: это только ослабило бы ее. Ихъ смущаетъ и страшитъ увѣренность, что съ легкимъ принятіемъ Русскаго языка за языкъ дипломатическій и обще-литературный эти распыляющіяся, несплоченные обломки получаютъ возможность кристалizоваться и изъ ингрѣдиентовъ чужихъ племенъ станутъ наконецъ живою, органическою частью новаго историческаго міра съ его особливымъ призваніемъ. Такая увѣренность Европы, принося великую честь ея прозорливости, предлагаетъ замѣчательное объективное доказательство дѣйствительной возможности, внутренней необходимости и громадной важности искусственнаго, смѣшаннаго письменнаго и культурнаго обще-Славянскаго языка.

Нашъ древне-Славянскій церковный языкъ былъ первою попыткою Славянскаго народнаго генія создать самостоятельную образованность съ ея особымъ органомъ. Это былъ одинъ изъ первыхъ видовъ проявленія внутренней потребности Славянскаго міра въ одномъ общемъ или все-Славянскомъ языкѣ; тутъ сказалось стремленіе народнаго духа къ самосознанію, цѣльности и единству, обнаружилось его движеніе если не задержать и не остановить, то ослабить частныя племенные усобицы, разрывавшія великое племя на части, которыя, об-

особляясь, слабѣли внѣшне и внутренне и становились легкою добычею враждебныхъ иноплеменниковъ, особенно Романо-Германцевъ, уже достигшихъ въ то время церковной, государственной и военной организаци. Такимъ образомъ вопросъ о древне-Славянскомъ языкѣ не есть вопросъ чисто-лингвистической или даже филологической. Это одинъ изъ глубокихъ и трудныхъ вопросовъ исторіи Славянской. По великой важности этого предмета нельзя не желать скорѣйшаго обращенія со стороны Русскихъ и всѣхъ вообще Славянскихъ ученыхъ самаго полного къ нему вниманія, котораго несомнѣнно заслуживаетъ вопросъ, занимавшій любознательность Добровскаго, Востокова, Калайдовича, Копитара, Шафарика, Миклошича и не смотря на это все еще не приведенный въ желаемую ясность. Да и со времени послѣднихъ и лучшихъ изслѣдованій этого предмета накопилось много новыхъ данныхъ, расширились взгляды, обозначились новыя положенія и новыя стороны, прежде не замѣтныя или мало замѣчаемыя. Сверхъ уже упомянутой нами ложной увѣренности, что этотъ предметъ принадлежитъ къ вопросамъ законченнымъ и рѣшеннымъ въ наукѣ, успѣху желаемыхъ и необходимыхъ изслѣдованій мѣшаютъ также нѣкоторыя предрасудки или парадоксы, распространенныя въ Россіи и въ Славянскихъ земляхъ, имѣющіе огромное вліяніе на различныя господствующія тамъ литературныя, историческія и политическія теоріи, принимаемыя и повторяемыя, какъ истина, и между тѣмъ основанныя на самыхъ ложныхъ, не выдерживающихъ никакой критики, устарѣлыхъ и негодныхъ филологическо-этнографическихъ выводахъ и наблюденіяхъ. Ложь никогда не является одинокою: одна ложь влечетъ за собою другую. По тѣсной связи древне-Славянскаго церковнаго языка съ письменнымъ Русскимъ языкомъ и по высокой историко-литературной важности вопроса объ языкѣ обще-Славянскомъ, которымъ несомнѣнно было и отчасти остается наше церковное нарѣчіе, по всему этому отъ ложныхъ и неправильныхъ мнѣній, господствующихъ объ этомъ предметѣ, страшно терпитъ, съ одной стороны, исторія Русскаго письменнаго языка и Русской литературы, съ другой—общая исторія Славянскихъ нарѣчій и народностей. Къ тому же исторія Русской литературы по преимуществу у насъ обрабатывается людьми съ весьма малымъ лингвистическимъ и филологическимъ образованіемъ. Не умѣя сами провѣрить разныхъ изслѣдованій о древне-Славянскомъ церковномъ языкѣ, о нарѣчіяхъ Славянскихъ, они принуждены бѣгаютъ, говоря объ этомъ предметѣ, все заимствовать изъ вторыхъ рукъ, принимать на вѣру и некритически. Такъ къ старымъ прома-

хамъ, невѣрностямъ и ошибкамъ прибавляются новыя и всегда преувеличенныя. Все это входитъ въ учебники, заучивается наизусть, повторяется съ новыми варіаціями и искаженіями въ ежедневной литературѣ и въ обществѣ. Положеніе печальное, и про историковъ или псѣлдователей Русской литературы, поставленныхъ между незнаніемъ многого такого, о чемъ знать надлежитъ, и отличнымъ знаніемъ учителя Бѣлинскаго, можно — увы! отчасти повторить старца Гёте:

Was man nicht weiss, das eben brauchte man,
Und was man weiss, kann man nicht brauchen.

Еще, быть можетъ, жалче положеніе исторіи Славянскихъ литературъ и народовъ, которая со временъ Шафарика считается единымъ предметомъ. Чѣмъ же она нынѣ представляется, какъ не неслаженными частными исторіями безъ малѣйшей внутренней связи, какъ-будто одна отрасль Славянская не имѣла ни малѣйшаго вліянія на другую, какъ будто великій 90 милліонный народъ не имѣетъ своего особаго призванія, лишень малѣйшаго сознанія своихъ задачъ и никогда въ теченіе тысячи лѣтъ не обнаруживалъ никакихъ общихъ потребностей. Къ чему же тогда роптать на Западныхъ историковъ, и не правы ли они въ такомъ случаѣ, удѣляя Славянамъ въ своихъ курсахъ всеобщей исторіи меньше мѣста, чѣмъ Арабамъ, Персамъ, Монголамъ, Мадырамъ и Туркамъ? И между тѣмъ Славянская интеллигенція въ своихъ историко-политическихъ теоріяхъ очень любитъ ссылаться на выводы и законы исторіи Славянскихъ народностей и литературъ.

Въ то же время точныя, строгія изысканія этого заброшеннаго и не рѣшеннаго вопроса, пролили бы неожиданный, яркій свѣтъ и на исторію Русскаго литературнаго языка, и на всю исторію Славянства, раскрыли бы внутреннюю связь цѣлыхъ эпохъ, происшествій и явленій его исторической жизни, дали бы нить къ рѣшенію многихъ сложныхъ вопросовъ и толчекъ новымъ плодотворнымъ изысканіямъ. Наконецъ правильное пониманіе и научное изложеніе этого вопроса можетъ имѣть великое образовательное значеніе.

Пояснимъ все это нѣсколькими примѣрами. Говорятъ, что въ IX — X вѣкѣ Славяне въ древне-Славянскомъ языкѣ увидали было зарю объединенія, но она сіяла недолго; исторія своимъ безповоротнымъ ходомъ порѣшила иначе, подѣливъ Славянъ на самостоятельныя, не соединимыя группы, погубивъ слѣды и возможное вліяніе возникавшаго было единства. Въ настоящее время различныя Славянскія на-

родности являются каждая съ своимъ особеннымъ типомъ, какъ національности отдѣльныя и самобытныя. Въ Славянствѣ единство также невозможно, какъ и въ Романскомъ и Германскомъ племени. Тамъ Русскіе, Поляки, Чехи, Сербо-Хорваты и проч. такіе же особые самостоятельные народы, какъ здѣсь Французы, Испанцы, Италіанцы, или у Германцевъ — Англичане, Скандинавы и собственно Нѣмцы. Какъ не предвидится, да и не желательно, чтобъ эти Романцы или Германцы объединились литературно, такъ не мыслимо и не желательно литературное объединеніе Славянъ: Сербо-Хорваты, Чехи, Поляки имѣютъ свои старыя, богатыя литературы. Они имѣютъ великое преимущество передъ Русскими въ томъ особенно, что ихъ литературный языкъ чисто-народный, тогда какъ въ Русскомъ литературномъ языкѣ замѣтна смѣсь двухъ и даже трехъ особенныхъ нарѣчій Великорусскаго, Малорусскаго и древне-Славянскаго.

Эти мысли можно безпрестанно слышать и читать въ различныхъ земляхъ и изданіяхъ Славянскихъ. Онѣ представляются доводами неопровержимыми. Но такъ ли это? Говорятъ: *исторія рѣшила иначе*. Однако, надѣмся, исторія для Славянъ еще не кончилась; чего не было вчера, можетъ быть завтра. Вѣдь иначе Славянамъ пришлось бы покориться всѣмъ такимъ рѣшеніямъ исторіи и помириться съ настоящимъ, ибо исторія рѣшила де, чтобъ одни служили Нѣмцамъ и Италіанцамъ, другіе Азіатамъ, Мадьярамъ и Туркамъ. Какъ ни жестокъ такой выводъ, но онъ неизбѣженъ и вызывается строгою послѣдовательностью. Племенный сепаратизмъ, эта обособленность нарѣчій и литературы, не могли не повести за собою господства иноплеменниковъ.

Что такое значить — свой особый типъ у cadaго нарѣчія и народа Славянскаго? Развѣ Пьемонтецъ, Тосканецъ, Венеціанецъ и Неаполитанецъ и ихъ нарѣчія не имѣютъ своего особаго типа? Шотландецъ и Англичанинъ, Провансалецъ и Бретонецъ, Тверичъ, Курянинъ, Сибирякъ, Украинецъ, Донской, Черноморскій, Уральскій казакъ, Бѣлоруссъ и Бѣломоръ всѣ имѣютъ свои особыя фізіономіи, свои говоры или поднарѣчія. Въ этомъ отношеніи Славяне южныя и западныя не представляютъ ничего особеннаго противъ другихъ племенъ. Впрочемъ, какъ бы ни были различны особенности ихъ діалектовъ и фізіономій, онѣ настоящихъ націй не составляютъ. Прежде всего онѣ слишкомъ малочисленны. Такъ, самая крупная изъ этихъ народностей, Польская, едва насчитываетъ 9 милліоновъ и подѣлена между тремя государствами. Другія не превышаютъ 5½ — 6 милліо-

новъ (Чехи, Сербо-Хорваты, Болгаре) и находятся въ самыхъ неблагопріятныхъ политическихъ и культурныхъ отношеніяхъ. Такъ, Чехи, правда, отличаются своею образованностію и словесностію, но далеко выдвинувшіеся на западъ, имѣютъ передъ собою цѣлый 40 миллионный народъ Нѣмецкій, передъ современною образованностію и литературою котораго нынѣшня Чешская есть величина, надо же признаться, весьма слабая и незначительная. Сербы и Хорваты, которыхъ теперь принято въ Загребѣ и Бѣлградѣ называть однимъ народомъ, хотя нарѣчія и исторія у нихъ разныя и типы особенные, избавлены отъ непріятнаго положенія Чеховъ считать въ средѣ туземнаго населенія до $\frac{1}{2}$ Нѣмцевъ, но имѣютъ за то сходство съ Поляками, ибо ихъ земли подѣлены между четырьмя государствами — если не считать Черногорію государствомъ — Турціей, Австрію-Цислейтанію (Военная Граница и Далмація), Угрію, Транслейтанію (Славонія, Хорватія и нѣсколько юго-восточныхъ комитатовъ собственной Угрии, гдѣ Сербы живутъ смѣшанно съ Румунами, Нѣмцами, Мадьярами и Словаками) и независимымъ княжествомъ Сербскимъ. Въ отношеніи культурномъ и литературномъ Сербо-Хорваты стоятъ ниже и Поляковъ, и Чеховъ. Настоящаго литературнаго языка еще нѣтъ, ибо нѣтъ самыхъ первыхъ для того условій — нѣтъ единства азбуки: католики пишутъ латиницей, православные кириллицей; нѣтъ единства правописанія, даже въ изданіяхъ, печатаемыхъ кириллицею: одни еще не приняли Вуковскихъ нововведеній, другіе придерживаются ихъ съ выборомъ (такъ, не употребляютъ вмѣсто *ъ = ије* Герцеговинскаго, а пишутъ — *е* или *је* и пр.), третьи (немногіе) во всемъ слѣпо слѣдуютъ Вуку. Въ отношеніи языка и слога, въ употребленіи извѣстныхъ словъ, формъ и выраженій господствуетъ величайшее разнообразіе въ изданіяхъ латинскаго и кирилловскаго письма. Главная невыгода Сербо-Хорватовъ состоитъ въ томъ, что не только эти два племени никогда въ теченіе слишкомъ 1.200 лѣтъ не были соединены хотя слабыми государственными узами, но и Сербы даже при сильнѣйшемъ своемъ государѣ Душанѣ († 1355 г.) не жили и въ теченіе двадцати лѣтъ въ одномъ государствѣ. Духъ обособленія, племенной вражды и зависти развитъ въ Сербяхъ въ высшей степени, какъ и въ одномъ изъ племенъ Славянскихъ. Между Сербами православными и Хорватами, которые исключительно католики, живетъ во всѣхъ слояхъ народа глубокая взаимная непріязнь, искусно лишь припрятываемая передъ иностранцами, особенно единовѣрцами Сербовъ, хорошо вышколенныхъ католическимъ духовенствомъ Хорватскимъ, отъ котораго Римъ всегда ожидалъ обращенія южныхъ,

какъ отъ Польскаго — обращенія сѣверныхъ схизматиковъ. Въ такой же взаимной враждѣ живутъ Сербы православные, католики и мусульмане. Вся политическая и литературная жизнь Сербскаго или Сербо-Хорватскаго народа совершается на окраинахъ, которыя находятся подъ сильнымъ, преобладающимъ вліяніемъ Италіанской, Нѣмецкой и Мадьярской стихій. Ядро народа находится еще въ рабствѣ церковномъ, экономическомъ и политическомъ — въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ мусульманство и вліяніе Турецкое сильно попортило нравы, народный бытъ и нарѣчіе. Всего самостоятельнѣе, всего чище сохраняется народность Сербская въ вняжествѣ, отъ котораго большинство Сербо-Хорватскаго народа чаетъ себѣ единства и возрожденія; впрочемъ о будущемъ государственномъ устройствѣ ихъ земель въ Сербо-Хорватской интеллигенціи господствуетъ величайшее разногласіе. Во всякомъ случаѣ, чтобъ этому народу устроиться благопріятно, для этого требуется не болѣе, не менѣе какъ разрушеніе и паденіе Австріи-Цислейтаніи, Угріи, Транслейтаніи и Турціи, то-есть, событія, во всякомъ случаѣ, не принадлежащія къ очень близкому будущему.

Положеніе Болгаръ лучше положенія Сербовъ только тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ такого племеннаго партикуляризма, за то и въ политическомъ, и въ литературномъ отношеніи ихъ пробужденіе такъ недавно, что во многихъ краяхъ Болгарской территоріи масса народа совершенно почти лишена Славянскаго самосознанія и до послѣдняго времени, по крайней мѣрѣ въ Македоніи, не вспоминала даже о Славянскомъ богослуженіи и преспокойно ходила въ церкви съ богослуженіемъ Греческимъ, ни слова въ немъ не понимая. Новая Болгарская словесность считаетъ свое существованіе тридцать лѣтъ съ небольшимъ и не имѣла ни В. Караджича, ни Шевченка, ни Прешерца; поэтому письменный Болгарскій языкъ еще находится въ порѣ младенчества.

Ко второму разряду Славянскихъ племенъ относятся Словаки-Словинцы около 2¹/₂ милліоновъ, наконецъ Сербы въ числѣ 1.200.000 душъ, Лужичане — болѣе 150.000, но менѣе, кажется, 200.000 душъ. Эти маленькія племена и сами не называютъ себя націями, хотя также, какъ Поляки, Чехи, Сербо-Хорваты и Болгаре имѣютъ свои типы, свою отличительную фізіономію, свои нарѣчія и свои словесности. Оставляя въ сторонѣ Сербовъ-Лужичанъ, замѣтимъ, что положеніе Словинцевъ тѣмъ особенно тяжело, что они подѣлены между шестью коронными землями: Угріею, Стиріею, Крайною, Хорутаніею (Каринтіею), графствомъ Горицкимъ (Görz) и Истріею; такимъ обра-

зомъ на всѣхъ тѣхъ сеймахъ ихъ представители находятся въ огромномъ меньшинствѣ (за исключеніемъ Краины) и не имѣютъ возможности провести какія-нибудь полезныя мѣры для своего народа. За то въ отношеніи культурномъ они имѣютъ преимущество передъ нѣкоторыми изъ Славянъ перваго отдѣла. У нихъ есть развитая интеллигенція, которая, не заходя далеко, много успѣваетъ дѣлать въ пользу пробужденія народа и воспитанія въ немъ Славянскаго самосознанія. Простой народъ знаетъ, чего хотятъ его представители — чего, напримѣръ, вовсе нѣтъ у Поляковъ или Хорватовъ — и сочувственно поддерживаетъ литературныя и общественныя предпріятія, увѣренный, что его представители ведутъ свое дѣло ко благу народности. Положеніе Словаковъ тѣмъ тяжело особенно, что масса народа, особенно католиковъ, коихъ два милліона, слѣдовательно, огромное большинство, вслѣдствіе вѣковаго помѣщичьяго произвола, гнета Евреевъ, испорченности духовенства, самоуправства и терроризма Мадьярскихъ властей и дурнаго экономическаго положенія, находится еще на крайне низкой степени развитія и слишкомъ еще мало доступна ученію и пропагандѣ своихъ представителей. Гораздо болѣе развита и пробуждена протестантская часть Словаковъ, изъ которой въ послѣдніе годы вышли замѣчательнѣйшіе поборники Панславизма: Шафарикъ, Коларъ, Кузманъ, Гурбанъ, Штуръ. Благодаря ихъ трудамъ и дѣятельности, особенно трехъ послѣднихъ, въ текущее двадцатилѣтіе Словаки-протестанты сдѣлали большіе успѣхи въ своемъ народномъ развитіи и даже дали сильный толчекъ своимъ католическимъ братьямъ. Если Словакъ уже пробужденъ и народно развитъ, то онъ, смѣло можно сказать, всегда бываетъ самымъ пламеннымъ Панславистомъ, стоитъ за дѣло единства, и считая свой народъ за одно цѣлое съ Русью Угорскою, поставляетъ его судьбу въ зависимость отъ судьбы восточной Галичины, твердо убѣжденный, что вопросъ его родины, сѣверной Угорщины, тѣсно, неразрывно связанъ съ важнѣйшею, быть можетъ, частью, по крайности въ ближайшемъ будущемъ, вопроса все-Славянскаго или Восточнаго, съ вопросомъ о Карпатахъ.

Таковы эти народныя единицы, малочисленныя, слабыя культурою, беспомощныя политически, окруженныя врагами, изъ коихъ два принадлежатъ къ двумъ великимъ Европейскимъ націямъ, а остальные четыре — Турки, Мадьяры, Греки и Румыны, хотя и не составляютъ великихъ силъ ни въ политическомъ, ни въ культурномъ отношеніи, однако все же сильнѣе своихъ непріятелей Славянскихъ. Такъ, до послѣдняго еще времени Греки и Румыны съ успѣхомъ ассимилировали

и поглощали одни Болгарскую въ Македоніи и Фракіи, другіе Сербскую народность въ Банатѣ. Азіаты, Турки и Мадыры сильны сочувствіемъ всего Романо-Германскаго Запада и укоренившюся въ нихъ привычкою повелѣвать Славянами. Мадыръ съ Азіатскою гордостью и важностью говорятъ: Totmenember, Словакъ или вообще Славянинъ не человекъ; дай Богъ, чтобы весь міръ называлъ Мадыра господиномъ, или дай Богъ, чтобы и Славянинъ, и Нѣмецъ вѣчно служили Мадыру. Какъ ни слабы политически и матеріально, какъ ни скудны образованностью Румыны и Греки, однако ни одна изъ названныхъ народностей Славянскихъ, наиболѣе счастливо поставленныхъ, не находится въ такомъ благопріятномъ положеніи относительно условій своего развитія, какъ Румыны, считающіе въ своемъ независимомъ княжествѣ болѣе 5-ти милліоновъ душъ и имѣющіе въ Трансильваніи и Юговосточной Угріи до 2-хъ милліоновъ соплеменниковъ. О Грекахъ, занимающихъ такое выгодное мѣсто въ морскомъ и торговомъ отношеніи, нечего и говорить. Ни одно изъ этихъ племенъ Славянскихъ относительно условій политическаго и культурнаго развитія не можетъ быть поставлено на одну доску даже съ малѣйшими государствами Европы, на примѣръ, Португалією, Бельгією, Данією и Голландією, которыя имѣютъ свои правительства, свою національную образованность, свои военныя силы, свой флотъ и колоніи, свои капиталы, развитую промышленность и торговлю. Эти условія, вмѣстѣ взятыя, не имѣются ни у Поляковъ, ни у Чеховъ, ни у Сербо-Хорватовъ; о другихъ Славянахъ и говорить нечего.

И эти-то слабыя, раздробленныя, подавленныя племена нерѣдко сопоставляются съ Россією, которую сами враги давно признали міровою державою (Weltmacht); но она въ самыя свои тяжелыя историческія времена, на примѣръ, въ пору Татарскаго владычества, въ политическомъ и національномъ отношеніяхъ всегда находилась въ условіяхъ, несравненно болѣе благопріятныхъ, чѣмъ любое изъ этихъ племенъ въ настоящее время. Не смѣшны ли, не ребяческія ли завѣренія нѣкоторыхъ патріотовъ Славянскихъ, и у насъ нѣкоторыми не шута повторяемыя, о томъ, что въ Славянскомъ мірѣ начала единства и разнообразія совершенно такъ же представлены, какъ въ мірѣ Романскомъ (Франція, Испанія, Италия) или Германскомъ (Англія, Германія, Скандинавія). Между тѣмъ на этомъ сопоставленіи построены нѣкоторыя теоріи Славянскія — Польскія, Чешскія, Сербо-Хорватскія. Ложь и тщета Польскихъ нами уже признаны. Чешскія пали большею частью сами собою благодаря развитію самосознанія умнаго народа и вслѣд-

ствіе новѣйшаго объединенія Сѣверной Германіи. Относительно Юго-Славянскихъ нельзя не пожелать, чтобъ у насъ въ Россіи поскорѣ коснулась ихъ критика, для того чтобъ не пришлось губить Русскія вещественныя и нравственныя силы на осуществленіе разныхъ фантастическихъ замысловъ, вмѣсто того чтобъ обращать ихъ къ цѣлямъ положительнымъ, удободостижимымъ и необходимымъ для самихъ же Славянъ, хотя въ лицѣ своихъ патріотовъ и слабо это сознающихъ.

Не болѣе сильны и внутренне крѣпки доводы, столь часто употребляемые въ Славянскихъ литературахъ, въ защиту невозможности и бесполезности литературнаго единства въ племени Славянскомъ. Говорятъ: „Всѣ подобныя попытки заранѣе осуждены исторіей, которая отвергла единство и привела къ современному разнообразію“.

Въ настоящемъ случаѣ ссылки на исторію тѣмъ страннѣе, что она доказываетъ совершенно противное. Относительно древне-Славянскаго церковнаго языка всѣ народности Славянскія могутъ быть по дѣлены на три разряда. Къ первому принадлежали Южные Славяне въ Греціи и Сѣверо-Западные въ нынѣшней Сѣверо-Восточной Германіи, которые погибли, были огречены и онѣмечены прежде, чѣмъ познакомились съ этимъ языкомъ, и слѣдовательно, никогда не имѣли Славянскаго богослуженія. Ко второму принадлежатъ тѣ Западные Славяне, которые, какъ Сербо-Лужичане, Поляки, отчасти Хорваты (не нынѣшніе Глаголиты), Сербы-католики, Чехи (въ Чехіи и Моравіи) и Словаки имѣли нѣкоторое время Славянскую церковь и употребляли языкъ древне-Славянскій, но ранѣе или позже, уступая Римско-Нѣмецкому вліянію, приняли католицизмъ и промѣняли древне-Славянскій языкъ на Латинскій. Къ третьему разряду относятся Хорваты-Глаголиты, православные Сербы, Болгары и Русскіе, сохранившіе понынѣ церковное богослуженіе на Славянскомъ языкѣ. Въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія происходитъ при этомъ замѣчательное явленіе, которое значительно измѣняетъ это дѣленіе и оказываетъ огромное вліяніе на все послѣдующее развитіе Славянскихъ письменныхъ нарѣчій и словесностей. Долгое время древній языкъ Славянскій былъ общимъ достояніемъ Хорватовъ-Глаголитовъ, Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ. Пиша на этомъ языкѣ или переписывая памятники, древне-Славянскіе писатели и писцы Сербскіе, Болгарскіе и Русскіе всегда болѣе или менѣе видоизмѣняли это древнее нарѣчіе согласно съ требованіями своего народнаго произношенія, грамматики и словаря. Такъ продолжалось до конца XV или половины XVI вѣка, пока наконецъ вслѣдствіе Турецкаго завоеванія и водаренія невѣжества

въ Болгаріи и Сербіи, и древне-Славянская письменность не перешла почти исключително въ Россію, гдѣ съ освобожденіемъ отъ Татаръ, съ усиленіемъ единой державы и государства Московскаго, развитіе письменности и образованности получало все болѣе благопріятныя условія. Взаимныя отношенія Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ совершенно измѣнились. Было нѣкогда время, когда мы получали и выписывали книги и рукописи Славянскія отъ Болгаръ и Сербовъ; миновало и то, когда мы за одно обрабатывали церковное нарѣчіе и его письменность. Теперь Сербы и Болгары стали нуждаться въ церковныхъ богослужебныхъ и учительскихъ книгахъ. Такъ мало по малу проникъ въ Болгарскую и Сербскую церковь, въ ихъ школы языкъ Славянскій — церковный — значительно обрусѣлъ. Древне-Славянскій языкъ съ Болгаризмами и Сербизмами (Сербули) вышелъ у Болгаръ и Сербовъ почти совершенно изъ употребленія, вытѣсненный этимъ Церковно-Славянскимъ обрусѣлымъ нарѣчіемъ. Русскія церковныя книги и грамматика Смотрицкаго имѣли, благодаря М. Караману, огромное вліяніе даже на Хорватовъ-католиковъ-Глаголитовъ. Въ то же время у Болгаръ и Сербовъ возникаютъ двѣ литературныя школы: одна строго придерживается этого церковнаго языка, и отдаляясь отъ народнаго нарѣчія, приближаетъ языкъ книги къ литературному языку Русскому, и другая школа, которая особенно у Сербовъ, съ Досіеемъ Обрадовичемъ и Вукомъ Караджичемъ, разорвала всякую связь съ языкомъ древне-Славянскимъ и стремится создать свой письменный языкъ на чисто-народной основѣ, уча писать такъ, какъ говоритъ народъ, держа въ тѣснѣ съ тѣмъ правописаніемъ чисто-фонетическаго. Наше Малорусское нарѣчіе, воздѣланное Котляревскимъ, Гулакомъ и особенно Шевченкомъ, съ своимъ новымъ правописаніемъ, такъ-называемою Кулишовкою, должно быть отнесено къ одному разряду съ этимъ новымъ Сербскимъ нарѣчіемъ.

Вслѣдствіе этихъ новѣйшихъ перемѣнъ въ нарѣчіяхъ Болгарскомъ и Сербскомъ, Русскій письменный языкъ самъ по себѣ образуетъ особый самостоятельный отдѣлъ, ибо и послѣ всѣхъ новѣйшихъ преобразованій, совершенныхъ въ немъ Ломоносовымъ, Карамзинымъ, Пушкинымъ, Грибоѣдовымъ, Крыловымъ и пр., онъ до нашихъ дней остается, и безъ сомнѣнія, навсегда останется въ столь близкой связи и въ столь тѣсномъ сопровивновеніи съ языкомъ древне- или церковно-Славянскимъ, что этой стихіи никогда не удастся изъ него вырвать никакимъ пуристамъ и поборникамъ чистой народности языка, ибо множество церковно-Славянскихъ оборотовъ, словъ и выраженій пѣшликомъ вошло

въ живую обще-Русскую рѣчь. Съ переходомъ Болгарскаго и Сербскаго нарѣчія къ одному разряду съ языками Польскимъ, Чешскимъ, Сербско-Лужицкимъ, Словенскимъ (Словацкимъ) и Словинскимъ, развивающимся на одной народной основѣ, безъ всякаго соотношенія къ древне-Славянскому языку, мы имѣемъ такимъ образомъ собственно два разряда письменныхъ языковъ Славянскихъ, ибо третій составили бы нарѣчія Славянскія, уже вымершія. Такимъ образомъ открываются два явленія, обратно противоположныя. Они совершаются не только въ нарѣчіяхъ и письменности, но и въ жизни политической. Съ одной стороны, исторія сплачиваетъ, объединяетъ, централизуетъ, съ другой, раскалываетъ, дробитъ, разъединяетъ: литературная обработка Малорусскаго нарѣчія не свидѣтельствуетъ о внутренней потребности Малорусскаго племени произвести расколъ въ Русскомъ народѣ, что бы ни думали одинокія личности, воздѣлывающія это нарѣчіе, — не ведетъ и никогда не можетъ привести къ расколу. При самомъ почти началѣ исторической жизни Славянства изъ совокупныхъ усилій лучшихъ его людей возникаетъ письменный языкъ, готовый стать общимъ достояніемъ различныхъ его племенъ, все-Славянскимъ литературнымъ и дипломатическимъ органомъ. Но одні Славянскія вѣтви гибнутъ, никогда его не узнавши и не успѣвши принять христіанства на родномъ языкѣ. Другія мало по малу его утрачиваютъ, бросаютъ и забываютъ, принимаются за литературную обработку своихъ мѣстныхъ, народныхъ нарѣчій, сознательно предпочитаютъ идеѣ общаго, началу единства діалектическое разнообразіе и племенную автономію, или невольно, безсознательно слѣдуя движенію центробѣжному. Наконецъ третья, самыя многочисленныя племена Славянскія, между Бѣлымъ и Чернымъ морями, между Балтивою и отрогами Карпатъ предпочитаютъ идею общаго и начало единства, слѣдуютъ въ своемъ развитіи движенію центростремительному. Вслѣдствіе особыхъ историческихъ обстоятельствъ и географическаго положенія, благопріятнаго государственному и этнографическому единству, эти племена успѣли наконецъ сложиться въ единый великій Русскій народъ и представить единственное въ исторіи Славянства явленіе обширной, могущественной, вѣркой, тысячелѣтней державы. Въ противоположность слабѣйшимъ, малочислѣннѣйшимъ племенамъ Задунайскимъ, Закарпатскимъ и Завислянскимъ (ибо Висла была собственно настоящею границею Русскаго и Ляшскаго племени) ¹⁾, эти сильнѣйшія во-

¹⁾ См. объ этомъ любопытное сочиненіе Русскаго ученаго г. *Петрушевича*: *Исторія Холмской епархіи*. Львовъ. 1867.

сточныя племена, настоящее ядро Славянства или—что то же—народъ Русскій, принявъ въ основу своего письменнаго языка древне-церковный, обще-Славянскій языкъ, одни сохранили и сберегли эту основу по настоящее время. Дѣйствительно, по своимъ историческимъ преданіямъ, по своему внутреннему составу и содержанію, изъ всѣхъ письменныхъ нарѣчій Славянскихъ Русскій языкъ есть наименѣе мѣстное, племенное нарѣчіе, всего менѣе *діалектъ*. Съ его важною составною частью, стихіею древне-или церковно-Славянскою, проникли въ него всѣ ея разнообразныя, составныя элементы Славянскіе—Македонскій, Моравскій, Паннонскій, Болгарскій, Сербо-Хорватскій. Въ позднѣйшее время онъ испыталъ довольно сильное вліяніе Польскаго языка, понинѣ удерживая нѣкоторые слѣды его, на примѣръ, въ словахъ: *земель, кроликъ, Венрія, Венерецъ* и быть можетъ, *завязтый, родовитый*. Въ XVI вѣкѣ онъ подвергался и Чешскому вліянію, о чемъ свидѣлствуютъ разныя сохранившіяся до насъ рукописи со многими Чехизмами (на примѣръ, повѣсть о королевичѣ Брунцвигѣ въ Публичной Библиотекѣ, изъ Толст. собран., Библия Скорины). Такъ, въ образованіи Русскаго литературнаго языка сказался тотъ же хозяйственный, скопидомный и разчетливый смыслъ, тотъ же жидкий, объединяющій умъ, собиратель Русскаго народа, который раскрывается и въ строеніи Русскаго государства. И тамъ, и тутъ одинаково участвовала гибкость и перенчивость народнаго духа, легкая готовность жертвовать частнымъ и мѣстнымъ для общаго и цѣлаго. Напротивъ, та же порывистая, неровная, лихорадочная дѣятельность, пережсжающаяся гениальными вспышками, изумительною энергіею и долгимъ безсиліемъ и утомленіемъ, непомѣрными восторгамъ и крайнимъ отчаяніемъ, тотъ же неугомонный духъ личной и племенной непокорности требованіямъ единства, тотъ же мятежный духъ мѣстной вражды и зависти къ общимъ интересамъ цѣлаго выражаются какъ въ политической жизни южныхъ и западныхъ, меньшихъ вѣтвей Славянскихъ, такъ и въ развитіи ихъ письменныхъ нарѣчій.

Итакъ, вотъ къ чему привела Славянъ тысячелѣтняя исторія: съ одной стороны, восьмидесятимилліонное государство, особый историческій міръ, не Европа и не Азія, особая, шестая часть свѣта, государство съ однимъ главнымъ народомъ и единымъ господствующимъ языкомъ, прямымъ, законнымъ и единственнымъ наслѣдникомъ древне-Славянскаго, перваго все-Славянскаго письменнаго языка; съ другой стороны на югъ и западъ отъ этого громаднѣйшаго государства, за Дунаемъ и Карпатами, живутъ до 25 милліоновъ его соплеменни-

ковъ, изъ коихъ 3 милліона слишкомъ по эту и по ту сторону Карпатъ принадлежать къ той же Русской народности, говорятъ тѣмъ же Русскимъ языкомъ, и не смотря на все искажающее вліяніе Латинства причисляютъ себя къ сынамъ Православной Церкви, остальные же 22 милліона Славянъ подраздѣлены на Поляковъ (сюда принадлежитъ меньшая часть этой народности, ибо бѣольшая ея часть вошла въ составъ Русскаго государства), на Сербо-Лужичанъ, Чеховъ и Словаковъ и на отдѣленныхъ отъ нихъ, словно клинѣями, Нѣмцами, Мадырами и Румунами — Словинцевъ, Хорватовъ, Сербовъ и Болгаръ. Эти семь, если считать Сербовъ и Хорватовъ за одинъ народъ, и шесть, если не считать вовсе Сербо-Лужичанъ по ихъ крайней малочисленности, эти шесть особыхъ племенъ въ 22 милліона душъ, съ шестью особыми нарѣчіями и словесностями, живутъ подъ самыми неблагоприятными условіями политическими и культурными, обреченные на самую тяжелую вѣковую борьбу и соперничество съ шестью, а если считать Албанцевъ, и въ прошломъ, и въ настоящемъ стихію вовсе не такъ маловажную и ничтожную, какъ многіе еще думаютъ, съ семью племенами: Нѣмцами, Италіанцами, Греками, Албанцами, Румунами-Волохами, Мадырами и Турками. Въ самый сильный разгаръ этой борьбы или соперничества съ какимъ бы то ни было изъ этихъ племенъ, Славяне всегда могутъ быть увѣрены, что сочувствіе всей почти Романо-Германской Европы обезпечено за ихъ противниками. Таково положеніе Славянства.

Какое же тутъ сходство или подобіе съ племенами Романскимъ и Германскимъ? Одинаковое ли тутъ и тамъ отношеніе носителей и представителей начала единства и разнообразія, силъ центробѣжной и центростремительной? Романское племя было бы похоже на Славянство въ такомъ лишь случаѣ, если бы, напримѣръ, при современной Франціи, вмѣсто Италіи и Испаніи, было шесть, семь Португалій или Бельгій, съ особыми нарѣчіями и словесностями, съ такими же, какъ и Славяне, чуждыми клинѣями и съ такою же неравною борьбою противъ шести, семи враждебныхъ и соперническихъ племенъ. Точно также, и Германское племя только тогда походило бы въ этомъ отношеніи на Славянское, когда бы, напримѣръ, не было вовсе Англо-Саксовъ, а были бы одни нынѣшніе Нѣмцы, и притомъ уже объединенные въ сильной Германской имперіи, которая была бы окружена шестью Даніями или Голландіями, развивающимися не при нынѣшнихъ своихъ условіяхъ, а при такихъ, которыя походили бы на современные порядки Западныхъ и Южныхъ Славянъ. Или можно было бы приравнивать по-

ложение Германскаго племени къ положенію Славянскаго, если бы существовало въ немъ одно сильное Англо-Саксонское племя, а вмѣсто 35—40 милліоновъ нынѣшнихъ Нѣмцевъ было бы шесть различныхъ племенъ въ родѣ Норвежцевъ, Шведовъ и Датчанъ, раздѣленныхъ сильными иноплеменниками.

Такимъ образомъ начала единства и разнообразія, силы центробѣжная и центростремительная въ мірѣ Романо-Германскомъ находятся совершенно въ иномъ сочетаніи, чѣмъ въ нашемъ мірѣ Греко-Славянскомъ. Вполнѣ справедливо, что литературное единство не возможно для Романцевъ, такъ какъ Французская, Итальянская и Испанская національности представляютъ почти равныя величины, и что оно не мыслимо и для Германцевъ, ибо у нихъ двѣ національности, два племени, Англо-Саксонское и Нѣмецкое, одинаково достигли значенія всемірно-историческаго. Но изъ этой невозможности литературнаго единства у Романцевъ и Германцевъ никакъ не слѣдуетъ невозможность его у Славянъ, ибо у послѣднихъ отношенія совершенно иныя, чѣмъ у первыхъ ¹⁾.

Россія и малыя племена Славянскія всего болѣе имѣютъ еще аналогіи съ древнимъ Римомъ и Греціей. Россія, какъ Римъ, представляетъ сильно выработанное начало единства, Южные и Западные Славяне — непомѣрно развитое начало разнообразія. Но далѣе сходство опять исчезаетъ. Южные и Западные Славяне не являются, какъ Греція въ отношеніи къ Риму, однимъ цѣльнымъ организмомъ, самостоятельнымъ историческимъ типомъ, съ своимъ особымъ языкомъ, съ богатѣйшею, самобытною образованностью, въ иныхъ отношеніяхъ далеко превосходящею образованность Рима. При всемъ неравенствѣ и несходствѣ положенія, Южные и Западные Славяне принадлежатъ къ одному историческому типу съ Русью. Ихъ нарѣчія и народная словесность, семейный и общественный бытъ представляютъ поразительныя черты общаго внутренняго родства, не того, что связывало Эллиновъ съ Италиками, а родства отдѣльно взятыхъ Эллиновъ и Италиковъ между собою. Большая часть Славянъ не Русскихъ, то-есть, изъ 22 милліоновъ болѣе 12, находится во всѣхъ отношеніяхъ

¹⁾ Тутъ имѣли огромное вліяніе и географическія условія Западной, Средней и Восточной Европы, которая всего болѣе разчленена на Западъ, менѣе въ центрѣ, и всего компактнѣе на Востокъ, гдѣ она незамѣтно сливается съ Азіей, такъ что Европа не есть особый материкъ или особая часть свѣта, а лишь величайшій Азіатскій полуостровъ.

на низшей степени развитія, чѣмъ народъ Русскій. У остальныхъ же культура или вовсе чужая, или мало національная. Если же въ народномъ образованіи у Южныхъ и Западныхъ Славянъ и есть нѣкоторыя преимущества передъ Россіей, то они вообще не особенно значительны, легко достижимы для насъ и уравниваются многими благоприятными условіями національнаго развитія, которыя въ мірѣ Славянскомъ присущи одному Русскому народу.

Чтобъ аналогія нашего міра Греко-Славянскаго съ міромъ древнимъ, классическимъ, была нѣсколько ближе, надо будетъ придать къ Славянамъ и тѣ чужія племена, которыя смѣшаны со Славянами или одной цереви съ нами, такъ что, не входя въ сферу міра Романо-Германскаго, они принадлежатъ въ нашему міру, или вклучены въ его предѣлы. Разумѣемъ Грековъ, Албанцевъ, Румуновъ, Армянъ, Грузинъ, различныя Кавказскія племена, Курдовъ, Литовцевъ, Латышей, Мадьяръ, Турокъ, различныя Финскія, Татарскія и Турецкія племена, вошедшія въ составъ Русской имперіи или живущія въ предѣлахъ нынѣшней Австріи и Европейской и Азіатской Турціи. Но и при этомъ въ Греко-Славянскомъ мірѣ начало единства все-таки беретъ перевѣсъ надъ началомъ разнообразія. Первое преобладаетъ, господствуетъ. Въ нашемъ мірѣ нѣтъ и не можетъ явиться той двойственности, которая была въ Римской имперіи и выражалась въ ней господствомъ Греческаго языка и образованности на востокѣ, Латинскаго—на западѣ. Въ нашемъ мірѣ нѣтъ національности и образованности, нѣтъ языка, которые бы могли оспаривать первенство у Русской національности и образованности, у Русскаго языка. Непобѣдимое разнообразіе Романо-Германскаго міра, давнишнее соперничество и стремленія четырехъ главныхъ національностей—Италянскою, Французскою, Нѣмецкою и Англійскою, относительно утвержденія своего господства и преобладающаго вліянія на западныхъ и южныхъ окраинахъ Греко-Славянскаго міра—мѣшаютъ исключительному распространенію въ немъ одного изъ этихъ языковъ, какъ языка общаго, нейтральнаго и культурнаго. Такимъ образомъ въ цѣлой Европѣ, ни въ Романо-Германскомъ, ни въ Греко-Славянскомъ мірѣ нѣтъ иного языка, кромѣ Русскаго, который имѣлъ бы право сдѣлаться обще-культурнымъ и дипломатическимъ органомъ всѣхъ этихъ народностей и племенъ Австріи, Европейской и даже, быть-можетъ, большей части Азіатской Турціи. Такое право по справедливости принадлежитъ языку громаднѣйшаго восьмидесятиmillionнаго государства, языку народа, господствующаго въ большей половинѣ Европы и въ значительной части Азіи. Его этнографическія,

религіозныя и историческія связи съ большинствомъ народностей Австріи и Турціи такъ близки и крѣпки, его географическія и торговныя къ нимъ отношенія такъ тѣсны, что естественному разливу и величественному распространенію Русской рѣчи на югъ и западъ, далеко за предѣлами Русскаго государства, можетъ собственно мѣшать и противоdѣйствовать одно лишь безсознательное равнодушное отношеніе Русскаго общества къ историческому призванію своего народа, своего національнаго языка. Всѣ же внѣшнія преграды, противопологаемыя широкому, неупорядоченному разливу Русской разговорной и книжной рѣчи только взаимно себя ослабляютъ и нейтрализуютъ. вмѣсто того, чтобъ его задержать или отвести, онѣ только разрываютъ почву во всѣхъ направленіяхъ, проводятъ новыя русла и облегчаютъ этотъ разливъ, готовый настать, лишь только съ вѣшними лучами народнаго самознания растаетъ ледяная кора равнодушія и небрежности. Народная раздробленность, мѣстный партикуляризмъ, племенная вражда и зависть, господство различныхъ иноплеменныхъ стихій у нашихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ, — все это вызываетъ и требуетъ распространенія у нихъ языка Русскаго, какъ общаго и дипломатическаго и культурнаго органа, съ усвоеніемъ котораго они только и могутъ выйдти изъ положенія какихъ-то метисовъ, креоловъ Романо-Германскаго Запада или ингредиентов чужихъ племенъ, получаютъ возможность кристаллизироваться и выступить передъ Западомъ, какъ самобытный историческій типъ, вполне ему равноправный. Не бросая литературной обработки своихъ частныхъ нарѣчій для мѣстныхъ нуждъ своихъ отдѣльныхъ родинъ, для цѣлей чисто-племенныхъ, Южныя и Западные Славяне, съ Русскимъ языкомъ, какъ общимъ органомъ могутъ себя избавить наконецъ отъ подчиненнаго и служебнаго отношенія къ Нѣмцамъ, Итальянцамъ, Мадырамъ, Грекамъ. Нечего обольщаться по крайней мѣрѣ намъ, Русскимъ, и вѣрить, за одно съ югославянскими патриотами, будто одно внѣшнее освобожденіе отъ Турокъ выдвинетъ ихъ племена въ рядъ самобытныхъ историческихъ дѣятелей. Безъ внутренняго переворота, безъ пріобрѣтенія новаго, недостающаго имъ нынѣ, органа, необходимаго для успѣшной борьбы за существованіе, Южно-Славянскія племена переживутъ только господъ и изъ раевъ и вассаловъ лѣнивыхъ и невѣжественныхъ Турокъ упадутъ въ ловкія руки энергическихъ, просвѣщенныхъ и еще менѣе Турокъ расположенныхъ къ нимъ *Фряговъ* и *Нѣмцевъ*. Будетъ у мелкихъ Славянскихъ племенъ одинъ общій языкъ Славянскій, тогда явится и

Славянская національность, правда раздѣленная политически, но единая въ общей образованности, наукѣ и высшей литературѣ; и этому Славянскому языку будутъ принуждены и обязаны учиться всѣ эти Франки, которыхъ наплывъ въ Турцію постоянно усиливается, Греки въ Македоніи, Фракіи и Цареградѣ, Итальянцы въ Далмаціи и Истріи. Нѣмцы во всѣхъ Славянскихъ земляхъ Цислейтаніи и Транслейтаніи. наконецъ, Румыны и Мадьяры. Говорить о культурномъ значеніи Русскаго языка съ пренебреженіемъ и съ высока не рѣшаются теперь и умные, добросовѣстные Нѣмцы, Французы, Англичане, а прочимъ иноплеменникамъ даже и думать такъ не пристало. Сравнивая состояніе Русской литературы и науки за нѣсколько послѣднихъ двадцатилѣтій, не трудно подглядѣть ея ростъ и успѣхи. Теперь, имѣя болѣе прочныя залогомъ и благопріятнѣйшія условія для дальнѣйшаго развитія, она легко можетъ въ одинъ или два-три десятка лѣтъ ознаменоваться такими явленіями, которыя бы дали Русскому языку очевидный для всѣхъ характеръ языка міроваго, всемірно-историческаго. Такимъ образомъ нынѣшніе одинокіе голоса, какъ Лежера ¹⁾ во Франціи. Петерманна въ Германіи и др., о необходимости для полноты высшаго научнаго образованія изучать Западнымъ Европейцамъ языкъ Русскій, эти одинокія мнѣнія черезъ какія-нибудь двадцать, тридцать лѣтъ могутъ обратиться въ общее требованіе, и обученіе нашему языку мало по малу начнетъ входить, какъ необходимый предметъ, въ общій кругъ образованія у Американцевъ, Англичанъ, Французовъ, Нѣмцевъ и пр. Между тѣмъ въ эти ближайшія двадцать, тридцать лѣтъ ни у Южныхъ, ни у Западныхъ Славянъ ничего не можетъ произойти такого, что бы изъ малыхъ слабыхъ племенъ создало внезапно одну великую могущественную національность, которая, на примѣръ, сдвинула бы Россію съ ея нынѣшняго мѣста и приобрѣла бы вмѣсто нея преобладающее значеніе въ мірѣ Греко-Славянскомъ. Слѣдовательно южные и западные Славяне, если бы даже и желали, ничего не могутъ подѣлать противъ міроваго характера, всемірно-историческаго значенія Русскаго языка. Отъ ихъ желанія зависитъ только въ изученіи нашего языка или отстать отъ Романо-Германцевъ на нѣсколько лѣтъ, или предупредить ихъ въ этомъ нѣсколькими годами и тѣмъ лишь ускорить и усилить распространеніе нашего языка за предѣлами Россіи. Они много могутъ помочь поскорѣе ему сдѣлаться языкомъ обще-Славянскимъ, но совершенно не въ силахъ помѣшать ему

¹⁾ См. въ этой же книгѣ замѣтку о его сочиненіи, П. Н. Лавровскаго. *Ред.*

въ этомъ. Даже, повторяя извѣстный риторическій оборотъ нѣкоторыхъ пылкихъ патриотовъ Славянскихъ, употребляемый иногда, какъ *ultima ratio*, противъ Русскаго языка: „мы скорѣе всѣ погибнемъ, чѣмъ сдѣлаемся Русскими“, повторяя даже эту фразу (хотя говорить и писать по Русски не одно и то же, что быть Русскимъ), предположимъ эту нецѣльность, что не желая учиться по русски, Южные и Западные Славяне погибають добровольно. Но и этотъ добровольный актъ самоуничтоженія, самое крайнее и рѣшительное средство Славянъ противъ распространенія у нихъ языка Русскаго, не можетъ его лишить значенія все-Славянскаго. По счастью такая угроза не имѣетъ смысла и вѣроятности успѣха, ибо если нѣкоторые говорятъ и думаютъ: „лучше будемъ Греками, Итальянцами, Нѣмцами, Мадырами и Турками, нежели Русскими“, за то другіе — и это огромное большинство — говорятъ и еще болѣе думаютъ совершенно противное, соглашаясь на примѣръ, съ Гавличкомъ, отвѣчавшимъ одному Нѣмцу на упреки его Чехамъ за сочувствіе къ Россіи: „Ja, ja, lieber russische Leibeigene, als freie Deutsche“. Для принятія Славянами Русскаго языка за языкъ обще-Славянскій добровольное желаніе и предварительное о томъ размышленіе и согласіе требуется пока лишь въ извѣстной и ограниченной степени. Можно соглашаться съ мнѣніемъ объ обще-Славянскомъ характерѣ Русскаго языка, даже говорить и писать объ этомъ, какъ о крайней необходимости для Славянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не зная и не учиться по Русски, и можно хорошо знать Русскій языкъ и быть въ то же время упорнымъ противникомъ этого мнѣнія, какъ, на примѣръ, многіе Поляки. Но прежде чѣмъ Славяне окончательно приняли бы Русскій языкъ за языкъ дипломатическій, за органъ высшей образованности, его изученіе и знакомство съ нимъ должно распространиться во всѣхъ земляхъ Славянскихъ въ размѣрахъ, гораздо болѣе значительныхъ, чѣмъ это видимъ въ настоящее время. Когда вмѣсто нынѣшнихъ единицъ и нѣсколькихъ десятковъ людей, свободно владѣющихъ Русскимъ языкомъ, число ихъ въ каждой землѣ Славянской будетъ насчитываться многими десятками и даже сотнями, тогда признаніе нашего языка все-Славянскимъ произойдетъ само собою, безъ всякихъ споровъ и разсужденій. У насъ еще недавно всякое замѣчаніе объ этомъ предметѣ многимъ угодно было называть *пророчествами* и излишними, бесполезными толками. Забавнѣе всего, что это говорилось еще во имя науки, положительности и практичности направленія. Между тѣмъ самыя названія: *пророчества, мечтанія*, которыя давались этимъ мыслямъ о Русскомъ языкѣ, ясно свидѣтель-

ствуютъ, что, облакаясь въ мантию науки, положительности, люди не понимаютъ настоящихъ выводовъ науки, и съ важностью рассуждая о Русскомъ языкѣ и литературѣ, не имѣютъ ясныхъ, точныхъ свѣдѣній объ историческомъ развитіи нашего языка и его отношеніяхъ къ древне-Славянскому и прочимъ Славянскимъ нарѣчіямъ. Этотъ выводъ, что Русскій языкъ, по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ, сдѣлается дипломатическимъ, потомъ обще-научнымъ и наконецъ общимъ письменнымъ языкомъ всѣхъ нынѣшнихъ племенъ Славянскихъ, — этотъ выводъ можетъ казаться смѣлымъ, лишь на сколько смѣло предположеніе, что въ ближайшіе десятки лѣтъ Россія и Русскій народъ не сотрутся съ лица земли, а будутъ преуспѣвать въ развитіи и образованіи. Намъ кажется не только неизлишне и бесполезно, но напротивъ необходимо выяснитъ такое назначеніе Русскаго языка, ибо чѣмъ глубже проникаетъ и шире распространяется въ Россіи это убѣжденіе, тѣмъ значительнѣе и сознательнѣе будетъ подвигаться впередъ изученіе Русскаго языка въ земляхъ Славянскихъ, которое въ послѣднее время принялось довольно успѣшно въ Чехіи, Моравіи и Сѣверной Угріи. Теперь же дѣйствительно мы представляемъ собою единственный примѣръ націи, которую справедливо упрекаютъ иностранцы и еще болѣе соплеменники въ томъ, что она ничего не дѣлаетъ въ пользу распространенія своего языка, въ облегченіе его изученія, котораго они желаютъ и требуютъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ такомъ обществѣ не мало встрѣчается людей, которымъ предлагаемыя мысли о Русскомъ языкѣ кажутся *пророчествами* и по меньшей мѣрѣ излишними и преждевременными. Большинство Славянскихъ ученыхъ писателей, занимаясь преимущественно лингвистическою и филологическою стороною вопроса о древне-Славянскомъ языкѣ, проглядѣло историко-культурную его сторону, и сравнивая живыя Славянскія нарѣчія съ языкомъ Русскимъ, а Россію изучая почти исключительно этнографически, Славянскіе ученые упустили изъ виду громадную историческую и культурную разницу между Россіей и Русскимъ языкомъ, съ одной стороны, и нарѣчіями и землями Южныхъ и Западныхъ Славянъ, съ другой. Такъ они естественно пришли къ одностороннему и невѣрному заключенію, будто Славянская исторія въ теченіе тысячи лѣтъ выработывала лишь одно начало разнообразія. Подаривъ немного болѣе вниманія Россіи, Славянскіе писатели легко бы замѣтили, что Славянская исторія не менѣе поработала и надъ началомъ единства, что сличивая и объединяя одни племена, дробя и разбивая другія на крайнемъ югѣ и западѣ, она употребила это разнообразіе, не какъ

конечную цѣль, а какъ вѣрное средство для лучшаго достиженія прочнаго и болѣе обширнаго единства.

Такова внутренняя связь, съ одной стороны, исторіи нарѣчій и словесностей съ политической исторіей Славянства, съ другой — исторіи Россіи съ исторіей южныхъ и западныхъ земель Славянскихъ. Таковъ внутренній смыслъ исторіи Славянства, какъ одного органическаго цѣлаго.

Впрочемъ, и оставаясь въ тѣсномъ кругу нѣкоторыхъ нарѣчій Славянскихъ, развивающихся не на основѣ древне-Славянскаго языка, Славянскіе ученые могли бы прійти къ другимъ выводамъ, чѣмъ они приходятъ обыкновенно. Впервыхъ, они бы сознали неправильность своихъ упрековъ языку Русскому въ его искусственности, въ его нечистой народности. Вовторыхъ, они замѣтили бы, что и тѣ Славянскія нарѣчія, которыя утратили или отвергли древне-Славянскую стихію, зародышъ и начало языка обще-Славянскаго, стремились или стремятся выйти изъ тѣсныхъ предѣловъ своей родины и сдѣлаться общимъ органомъ если не всѣхъ, то по крайности нѣсколькихъ родственныхъ племенъ. Частные и временные успѣхи, этихъ попытокъ свидѣтельствуютъ о живой внутренней потребности Славянскихъ племенъ освободиться отъ оковъ мѣстной разобщенности и племенной отдѣльности. Окончательная неудача этихъ попытокъ неопровержимо доказываетъ, что Славянское племя не нуждается въ организаціи, разчлененной, какъ у Романскаго племени, на нѣсколько болѣе или менѣе равныхъ группъ или народныхъ величинъ, а требуетъ многосторонняго разнообразія съ крѣпкимъ, сильнымъ единствомъ.

Упрекають Русскій литературный языкъ за его искусственность, за участіе въ немъ стихій древне-Славянской, Малорусской, за его удаленіе отъ чисто-народнаго языка и даже наконецъ за неупотребленіе фонетическаго правописанія. Но при этомъ забываютъ или не хотятъ признать той простой истины, что любой бѣднѣйшій письменный языкъ заключаетъ въ себѣ извѣстную долю искусственности, что писать совершенно такъ, какъ говоритъ народъ, есть, строго говоря, требованіе неисполнимое ни въ одной, самой маленькой словесности. Нѣтъ ни одного, самаго малочисленнаго, народа, у котораго не было бы нѣсколькихъ нарѣчій, или поднарѣчій, или говоровъ. Такъ, въ нашемъ мірѣ Сербо-Лужичане, коихъ около 200.000, имѣютъ три поднарѣчія; Словинцы, коихъ милліонъ съ небольшимъ, считаютъ до двадцати различныхъ поднарѣчій и говоровъ. Для привычнаго уха есть довольно замѣтная разница въ народной рѣчи, употребляемой въ различныхъ частяхъ не-

большаго городка Любляны (до 20-ти тысячъ жителей). Чтобы строго, послѣдовательно держаться Вуковскаго правила, и Сербо-Лужичане, и Словинцы, и даже Люблянцы должны бы были имѣть по нѣскольку письменныхъ нарѣчій. Отказываясь отъ употребленія словъ и выраженій, въ народной рѣчи неупотребительныхъ, а извѣстныхъ прежнимъ писателямъ, современные писатели поступали бы вопреки всѣмъ законамъ и преданіямъ литературнымъ и такъ-сказать сами бы подкапывали основу своего бытія, какъ бы говоря своимъ преемникамъ: „не пишите такъ, какъ мы пишемъ“. Такая народная словесность походила бы на работу Пенелопы: каждое новое поколѣніе или новый рядъ поколѣній начиналъ бы новую словесность. Нѣчто подобное мы и видимъ у нѣкоторыхъ народовъ Славянскихъ, чуждыхъ другъ другу по вѣроисповѣданіямъ, нѣсколько разъ лишавшихся своей независимости и терпящихъ свою исторію, разорванныхъ по кускамъ между разными государствами. Каждое нарѣчіе, дѣлаясь письменнымъ, съ теченіемъ времени непремѣнно уклоняется отъ своего первоначальнаго вида, живетъ своею особою жизнію, принимаетъ особенности другихъ родственныхъ нарѣчій или поднарѣчій и говоровъ, откидываетъ нѣкоторые изъ своихъ прежнихъ основныхъ признаковъ, употребляетъ инне реченія и обороты, въ народной рѣчи или уже устарѣлыя, или имѣющіе не совсѣмъ то же значеніе,—словомъ, всякое литературное нарѣчіе есть въ этомъ отношеніи искусственный и смѣшанный языкъ. И чѣмъ онъ древнѣе и богаче, тѣмъ онъ и искусственнѣе, и смѣшаннѣе. Въ этомъ смыслѣ чисто-народныхъ, литературныхъ нарѣчій не существуетъ нигдѣ на бѣломъ свѣтѣ, нѣтъ и у насъ Славянъ. Изъ всѣхъ нарѣчій Славянскихъ южныхъ и западныхъ, Чешское и Польское принадлежатъ къ самымъ развитымъ и богатымъ, и они наиболѣе искусственныя и смѣшанныя. Каждый простолюдинъ, Чехъ или Полякъ, говоритъ болѣе или менѣе иначе, чѣмъ говорятъ или пишутъ образованные Чехи и Поляки. Надо побывать въ школахъ, научиться грамотѣ, чтобы привыкнуть къ литературной, образованной рѣчи. То же самое явленіе, еще въ большей степени, замѣчается у всѣхъ старыхъ народовъ Запада. У нашихъ Сербскихъ братьевъ зачастую слышишь, какъ они хвалятся чистою народностью своей литературной рѣчи, приводя въ примѣръ сочиненія Вука, его переводъ Новаго Завѣта или Даничичевъ переводъ Ветхаго Завѣта. Но какъ ни почтены и ни дороги всѣмъ Славянамъ, а Сербамъ въ особенности, замѣчательные труды Вука и его ученика Даничича, однако они еще цѣлой литературы не составляютъ, даже Сербской. Въ другихъ новѣйшихъ Сербскихъ кни-

гахъ, Кирилловскихъ и Латинскихъ, мы замѣчаемъ болѣе или менѣе значительныя разности противъ языка Вука и Даничича. Въ произведеніяхъ старыхъ и новыхъ Далматинцевъ, съ начала XVI по конецъ XVIII и начало нынѣшняго столѣтія, мы опять встрѣчаемъ большую разницу противъ языка Вука и противъ языка нынѣшнихъ писателей Бѣлградскихъ, Новосадскихъ, Загребскихъ. И эта разница обусловлена не одною разностью времени, а разностью основныхъ нарѣчій и вліяній, тамъ Итальянскаго, здѣсь Турецкаго, тутъ Нѣмецкаго. Итакъ, и Сербская литературная рѣчь не составляетъ исключенія, и она также искусственна и смѣшанна, съ тою опять разницею, что эта искусственность и смѣшанность выступаетъ въ грубомъ первоначальномъ видѣ, не вылилась въ одну стройную форму, какъ это видимъ въ другихъ литературныхъ языкахъ, болѣе богатыхъ и обработанныхъ. Но это вовсе не превосходство и не отличіе Сербовъ, которымъ можно похвалиться. Это только доказываетъ, что вслѣдствіе своихъ трудныхъ историческихъ обстоятельствъ, Сербы не успѣли еще достигнуть даже того, что имѣютъ ихъ Чешскіе и Польскіе братья.

Вотъ наше возраженіе на обвиненіе Русскаго языка въ искусственности и смѣшанности. Еще недавно отличный ученый Славянской, проф. *Гаттала*, въ своемъ разборѣ Грамматики Буслаева, впалъ въ подобную ошибку.

Теперь обратимъ вниманіе на попытки Чеховъ, Поляковъ и наконецъ Сербовъ или Сербо-Хорватовъ распространить свои литературные языки у сосѣднихъ племенъ Славянскихъ. Вслѣдствіе Гусситскаго движенія, такъ высоко поднявшаго Чехію, въ XV — XVI вѣкѣ Чешскій языкъ распространился у Моравовъ и Словаковъ, возымѣлъ въ Польшѣ такое вліяніе, что современные Польскіе писатели, какъ *Лукашъ Гурницкій*, уже сильно роптали на предпочтеніе, оказываемое Поляками языку Чешскому передъ Польскимъ, наконецъ сталъ проникать въ Литву, къ Русскимъ. Одно время, казалось, что Чешскій языкъ готовъ сдѣлаться обще-Славянскимъ дипломатическимъ языкомъ.

Съ половины XVI вѣка разцвѣтаетъ Польская литература и образованность. Вслѣдствіе ея быстрыхъ успѣховъ и государственнаго, потомъ отчасти и церковнаго соединенія Литвы съ Польшею, Польскій языкъ быстро распространяется въ Малороссіи, Литвѣ и Бѣлороссіи, пока наконецъ съ конца XVIII вѣка и особенно въ новѣйшее время не сталъ вытѣсняться языкомъ Русскимъ, который хотя не съ такою быстротою, какъ нѣкогда языкъ Чешскій и Польскій, за то съ большею прочностью распространяется нынѣ у Болгаръ и Словаковъ, Сло-

винцевъ и Чеховъ, Поляковъ и Сербовъ, словомъ, во всѣхъ земляхъ Славянскихъ, какъ южныхъ, такъ и западныхъ, за Вислою, за Карпатами и за Дунаемъ. Въ этомъ отношеніи Русскій языкъ можетъ быть сравниваемъ только съ языкомъ древне-Славянскимъ. Такимъ образомъ не только по своему образованію и составу, но и по своей распространенности въ мірѣ Славянскомъ онъ есть второй обще-Славянской языкъ.

Мы видимъ, что ни Чешская, ни Польская попытка, какъ литературная, такъ и государственная, собрать или сгруппировать нѣсколько Славянскихъ народностей въ одно цѣлое не увѣнчалась успѣхомъ. Вникая въ причины этой неудачи, мы замѣтимъ, что народность, стремившаяся къ игемоніи, была слишкомъ для того малочисленна и слаба. Задача, за которую въ свое время принимались Чехи и Поляки, была имъ — что называется — не подъ силу, не по плечу. Чешскій языкъ не успѣлъ утвердиться въ Польшѣ, мало по малу утратилъ свое гражданство у Словаковъ и удержался только въ Моравіи. Нынѣ и тамъ, гдѣ Чешскій языкъ совершенно дома, онъ вынужденъ выносить неравную борьбу съ богатымъ и высоко-обработаннымъ языкомъ враждебной всему Славянству сильной Нѣмецкой національности. Польскій языкъ пока еще удерживаетъ за собою одну часть Русской земли, восточную Галичину, но и то противъ воли большинства народа и лишь при сильной помощи государственныхъ мѣръ Австрійскаго правительства. Въ Польскихъ земляхъ Пруссіи и Россіи Польскій языкъ не въ одинаковой конечно степени, но все-таки мало по малу въ извѣстныхъ сферахъ уступаетъ свое мѣсто языкамъ Нѣмецкому и Русскому.

Подобно Чешскому и Польскому языкамъ, въ новѣйшее время Сербскій языкъ обнаружилъ стремленіе къ извѣстной, частной игемоніи. На нашпхъ, можно сказать, глазахъ онъ приобрѣлъ право гражданства у Хорватовъ, а нынѣ Сербо-Хорватскіе патриоты болѣе или менѣе громко заявляютъ сильное желаніе распространить его въ той же мѣрѣ у Болгаръ и Словинцевъ. Сообразивъ культурно-историческія и этнографическія отношенія Южныхъ Славянъ, не трудно замѣтить, что такая задача столь же не по силамъ Сербовъ-Хорватовъ, какъ прежнія попытки въ этомъ родѣ были не по силамъ Чехо-Моравянъ и Поляковъ. Сербамъ въ настоящее время даже трудно разчитывать на тотъ временный успѣхъ, которымъ, на примѣръ, нѣкогда пользовались языки Чешскій и Польскій. Въ самомъ дѣлѣ Сербы и Хорваты, вмѣстѣ взятые, малочисленнѣе Болгаръ и Словинцевъ, какъ Чехо-Мораване и Поляки были слабѣе и малочисленнѣе, первые Словаковъ и Поляковъ, вторые Литов-

ской, Малой и Бѣлой Руси. Въ средѣ одного племени, въ которомъ дарованія распредѣлены равномѣрно, количество душъ каждой особой ея отрасли, отдѣльной народности, есть факторъ весьма важный. Можно еще говорить, что въ трудѣ и работѣ одинъ Англичанинъ стѣитъ пяти Итальянецъ, одинъ Американецъ трехъ Ирландцевъ; но нельзя сказать, что Сербъ или Хорватъ умнѣе, даровитѣе, трудолюбивѣе Болгарина и Словинца. Еще можно принимать въ уваженіе трудолюбіе, качество приобретаемое, и образованность, капиталъ историческій. Но въ отношеніи трудолюбія и образованія Сербы и Хорваты стоятъ не выше, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ ниже Болгаръ и Словинцевъ. Въ XV—XVI вѣкахъ въ эпоху главныхъ завоеваній Чешскаго и Польскаго языковъ, Чехія и Польша имѣли самыя богатяя и цвѣтуція словесности въ мірѣ Славянскомъ и занимали довольно важное политическое положеніе въ Средней Европѣ. Дубровникъ же и нѣкоторые города Далмаціи, въ которыхъ тогда же процвѣтала Латинско-Сербская образованность, были слишкомъ малы, слабы и несамостоятельны, чтобы могли достойнымъ образомъ соперничать съ современною Чехіей и Польшей. Изъ лучшаго памятника тогдашней Сербско-Далматинской образованности, изъ „Османа“, этой романтическо-политической поэмы величайшаго поэта Дубровника и всей Далмаціи, *Гундулица*, изъ „Османа“, говорю, можно видѣть, съ какимъ чувствомъ ученическаго почтенія относились тогда Дубровчане къ Польшѣ Владислава, при которомъ поднялась Малороссія съ Хмельницкимъ и уже во множествѣ раскрылись неизлѣчимыя язвы этой державы. Нынѣшній же Сербо-Хорватскій языкъ и его литература, быть можетъ, еще гораздо бѣднѣе современныхъ Славянскихъ языковъ Чешскаго и Польскаго, изъ коихъ первый весьма распространенъ у образованныхъ представителей Словинцевъ. Нѣкоторые Хорватскіе патріоты, католическіе епископы, патеры, иезуиты, францисканцы и разные другіе монахи, мечтаютъ объ обращеніи Болгаръ въ католичество или но крайней мѣрѣ о приведеніи въ унию. Тогда, предполагаютъ эти патріоты, Болгары скорѣе бы приняли Хорватско-Сербскій языкъ. Но объ окатоличеніи и обращеніи въ унию Болгаръ стараются Римъ, клерикальная партія Австріи и Франціи, и употребляютъ на это дѣло не однихъ Хорватскихъ, но и Польскихъ патріотовъ, патеровъ и монаховъ. Такимъ образомъ Сербо-Хорватскій языкъ въ своемъ распространеніи у Болгаръ и Словинцевъ встрѣчаетъ сильное соперничество въ языкахъ Польскомъ и Чешскомъ. Но у него есть еще соперникъ несравненно могущественнѣйшій: это языкъ Русскій, который уже третій десятокъ лѣтъ, если не болѣе, съ большимъ успѣхомъ распространяется

у Болгарь, а въ недавнее время проникъ и къ Словинцамъ. На увѣщанія Сербо-Хорватовъ принять за языкъ дипломатическій и общелитературный языкъ Сербскій или Сербо-Хорватскій, умные Болгары и Словинцы отвѣчаютъ почти совершенно такъ же, какъ возражаютъ Русскіе Галичане Полякамъ, или еще болѣе, какъ Словаки Чехо-Мораванамъ. На упреки Чеховъ, зачѣмъ де Словаки бросаютъ языкъ Чешскій и принимаются за обработку своего мѣстнаго Словенскаго нарѣчія, на ихъ замѣчаніе, что съ бѣднымъ нарѣчіемъ трехъ-милліоннаго народа нельзя преуспѣвать въ образованіи и наукѣ, что для ихъ малаго, слабаго племени необходимъ богатый Славянскій, развитый и культурный языкъ, на все это Словаки отвѣчали: „Мы не думаемъ о созданіи высшей самобытной образованности на нашемъ нарѣчій; пиша по Славянски, мы хотимъ лишь сильнѣе подѣйствовать на нашъ спящій народъ, пробудить его сознаніе и остановить мадьяризацію; мы не хуже васъ понимаемъ необходимость для Словаковъ, да и для всѣхъ Славянъ, языка богатаго, культурнаго; но такимъ языкомъ не можетъ быть языкъ Чешскій, если бы Словаки и продолжали его употреблять, какъ нарѣчіе письменное“. „Такой языкъ богатый, культурный, настоящій обще-Славянскій, говорили Кузmani, Гурбанъ, Штуръ, уже дала намъ исторія. Его нечего искать или выдумывать, это — языкъ Русскій, по отношенію къ которому литературные языки Чешскій, Польскій, Иллирскій (какъ тогда называли Сербскій) или нынѣшній Сербо-Хорватскій представляются такими же слабыми, незначительными діалектами и нарѣчіями, какими Чехи, Поляки, Иллиры (Сербо-Хорваты тожь) называютъ нарѣчія Словаковъ, Малоруссовъ, Словинцевъ и Болгарь“. Такъ, по вопросу объ обще-Славянскомъ или Русскомъ языкѣ раздѣлилось не-Русское Славянство на два стана. Значительнѣйшая часть интеллигенціи Чешской, Польской и Сербо-Хорватской вооружается противъ игемоніи Русскаго языка, а значительнѣйшая часть интеллигенціи слабѣйшихъ и меньшихъ западныхъ и южныхъ племенъ Славянскихъ предпочитаетъ игемонію Русскую игемоніи Чешской, Польской и Сербо-Хорватской. Причины такого предпочтенія очевидны: съ принятіемъ Русскаго языка, всѣ эти мелкія, слабыя племена приобщаются къ одному великому цѣлому, участвуютъ во всѣхъ интересахъ и выгодахъ литературы и образованности восьмидесятимилліонной, міровой державы, становятся дѣятельными членами особаго историческаго міра, приобрѣтаютъ возможность съ успѣхомъ бороться противъ иноземныхъ вліяній, особенно Нѣмецкаго и Италіанскаго, какъ наиболѣе опасныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ при распространеніи Русскаго языка въ образован-

ныхъ классахъ, для этихъ меньшихъ нарѣчій Славянскихъ сохраняется еще обширное поприще для литературной обработки; тогда какъ Сербо-Лужичане, Словаки, Словинцы, Болгаре, принявъ языки Польскій, Чешскій, Сербо-Хорватскій, не приобретаютъ ни одной изъ этихъ выгодъ, а между тѣмъ, подобно Хорватамъ (Чакавцамъ и Кайгавцамъ), принуждены будутъ бросить литературную обработку своихъ народныхъ нарѣчій. Такъ утверждение прочнаго общаго единства необходимо Славянству для сохраненія его разнообразія. Такъ распространеніе и принятіе Русскаго языка, какъ языка дипломатическаго и обще-литературнаго, между всѣми Славянскими племенами лежитъ въ прямыхъ интересахъ не одной Россіи, но и всѣхъ меньшихъ племенъ Славянскихъ. Съ предположеніемъ Сербо-Хорватскихъ патриотовъ о принятіи Болгарами и Словинцами Сербо-Хорватскаго языка за языкъ дипломатическій и обще-литературный, тѣснѣйше связано ихъ предположеніе о политическомъ объединеніи всѣхъ этихъ четырехъ народностей въ одно такъ-называемое Юго-Славянское государство. Можно сказать, оба эти предположенія составляютъ двѣ формулы одной и той же программы Иллирской или Юго-Славянской. Въ самомъ дѣлѣ безъ присоединенія, наиримѣръ, Болгарь въ Сербіи, Сербскій языкъ едва ли можетъ быть введенъ въ Болгарскія школы, ибо Сербо-Хорватская литература слишкомъ бѣдна и малозначительна, чтобы могла распространяться у Болгарь *progrigio motu*, какъ уже распространяется у нихъ языкъ Русскій, у насъ языкъ Англійскій, Нѣмецкій. Для изученія Русскаго языка Болгаре не нуждаются ни въ какихъ политическихъ переворотахъ, всего менѣе въ присоединеніи къ Россіи. Къ изученію столь близкаго и легкаго имъ языка они побуждаются лишь чисто-человѣческимъ стремленіемъ къ высшему образованію. Такихъ побужденій Болгарамъ и Словинцамъ не способна внушать весьма необъемистая Сербо-Хорватская словесность, почти исключительно ограниченная мелкими провинціальными интересами разныхъ Сербо-Хорватскихъ земель, съ которыми Болгаре и Словинцы никогда не составляли одного государства, мало жили общею жизнью. Какъ литературное единство Болгарь и Словинцевъ не возможно безъ политическаго, такъ и послѣднее не только не возможно, но и не нужно безъ единства литературнаго. Мы не разумѣемъ извѣстныхъ узъ федеративныхъ, а только единство центрального правительства. Какъ языкъ Сербо-Хорватскій, даже еслибъ и былъ принятъ Болгарами и Словинцами, всегда будетъ слишкомъ слабъ для сколько-нибудь достойнаго соперничества съ языками Италіанскимъ и Нѣмецкимъ, такъ и проектируемая Юго-

Славянская держава всегда будетъ безсильна и ничтожна для борьбы съ Италіей и Германіей. Наконецъ, признавъ даже не невозможнымъ утверждение литературнаго и политическаго единства Южныхъ Славянъ, надобно же согласиться, что оно необходимо предполагаетъ совершенный разгромъ и паденіе двухъ имперій — Турецкой и Австрійской и полнѣйшее воздержаніе Германіи и Италіи отъ всякихъ вооруженныхъ помысловъ и притязаній на нѣкоторыя изъ Южно-Славянскихъ земель, въ коихъ онѣ издавна господствовали, какъ на примѣръ, въ Сиріи, Крайнѣ, Каринтіи, Фриулѣ, Истріи и Далмаціи. Признавъ даже вѣроятность и правдоподобность такихъ предположеній, согласимся однако, что для полнаго ихъ осуществленія потребуется довольно продолжительный періодъ времени, во всякомъ случаѣ не меньшій того, который, на примѣръ, нуженъ для полнаго пробужденія Русскаго національнаго самосознанія и для вступленія Русской литературы и образованности въ ея новую, высшую стадію уже чисто-мировой дѣятельности. Всякому непредубѣжденному взгляду, привыкшему вникать въ прошедшее и настоящее, легко примѣтитъ восходы и ростки этой новой Русской жизни и трудно отыскать намеки и указанія на литературное и политическое объединеніе Южныхъ Славянъ посредствомъ Сербо-Хорватскаго языка и государства. „Но отчего бы не могло возникнуть на Славянскомъ Югѣ для этихъ четырехъ народностей одного искусственнаго и смѣшаннаго языка Юго-Славянскаго? Какъ Русскій литературный языкъ на сѣверѣ не есть ни Малорусское, ни исключительно Великорусское нарѣчіе, такъ бы и этотъ Юго-Славянскій языкъ былъ болѣе или менѣе общъ Болгарамъ, Словинцамъ, Сербамъ и Хорватамъ?“ Образованію такого языка на югѣ всего болѣе препятствуетъ то обстоятельство, что Южно-Славянскія литературныя нарѣчія уже совершенно отвергли нѣкогда общую имъ всѣмъ древне-Славянскую или церковную основу, избрали себѣ фонетическое правописание и придерживаются большею частью Вуковскаго правила: „писать такъ, какъ говоритъ народъ“; а эти четыре или три народности — Болгары, Хорваты-Сербы и Словинцы говорятъ на столько различно, что всякому Болгарину, Сербо-Хорвату или Словинцу гораздо легче выучиться понимать и говорить по Русски, нежели понимать и говорить на нарѣчіяхъ другъ друга. Поэтому, если когда-нибудь у Южныхъ Славянъ былъ бы одинъ общій сеймъ изъ представителей трехъ народностей, то конечно, имъ будетъ удобнѣе говорить всѣмъ по Русски, чѣмъ каждому представителю на своемъ родномъ нарѣчій. До созванія же такого сейма Русскій языкъ имѣлъ бы время у нихъ рас-

пространиться. Для образованія такого искусственнаго и смѣшаннаго языка на югѣ опять - таки потребовался бы очень продолжительный періодъ времени, въ который между тѣмъ Русскій языкъ можетъ, и надо думать, будетъ одинаково неудержимо распространяться у Болгаръ, Сербовъ, Словинцевъ и Хорватовъ, какъ онъ распространялся и по настоящее время. Къ чему, напримѣръ, Болгарамъ и Словинцамъ обучаться языку Сербо-Хорватскому, когда немного больше времени имъ потребуется для совершеннаго изученія столь же родственнаго и близкаго имъ языка Русскаго, незнаніе котораго всякому образованному Славянину все болѣе и болѣе становится неизвинительнымъ, и съ изученіемъ котораго сами Сербы и Хорваты все больше и больше будутъ отказываться отъ надежды литературнаго единства Южныхъ Славянъ, помимо языка Русскаго.

Сербо-Хорватская, Юго-Славянская или Иллирская теорія, о которой мы говоримъ, принадлежитъ къ устарѣлому, пережитому и несостоятельному воззрѣнію на міръ Славянскій, по которому представлялось необходимымъ механическое раздѣленіе Славянства на искусственно-сочлененныя группы: Иллирскую или Юго-Славянскую (Болгары, Сербы, Хорваты, Словинцы), Чешско-Словенскую (Чехи, Мораване, Словаки) и проч. При такомъ группированіи являлись необходимыми возстановленная въ старыхъ границахъ Польша и раздробленная на множество областей Россія. При глашая Россію работать въ пользу этой Юго-Славянской теоріи о присоединеніи Болгаръ и Словинцевъ къ Сербо-Хорватской державѣ, еще впрочемъ не существующей, или даже въ пользу искусственнаго образованія изъ Болгаръ и Сербовъ единаго государства, хотять принудить міровую державу и великій историческій народъ, извѣстный своимъ здравымъ смысломъ, браться за невозможное осуществленіе никогда не исполнимыхъ плановъ, не заслуживающихъ названія Донкихотовскихъ, только потому что лишены ихъ чистоты и благородства намѣреній, ибо творцы и поборники этой и ей подобныхъ теорій, постоянно твердящіе о своемъ сочувствіи къ Русской народности (тутъ не исключаются даже Поляки съ ихъ извѣстною фразой „за вольность вашу и нашу“), доказываютъ Западу важность и необходимость исполненія этихъ программъ для образованія оплота противъ Русской игемоніи въ мірѣ Славянскомъ, страшатъ меньшія вѣтви Славянскія Русскою ассимиляціей, а Россію обходятъ и замаливаютъ, чтобъ она помогала Сербо-Хорватамъ ассимилировать Болгаръ и Словинцевъ, Чехамъ — Словаковъ, Полякамъ — Сѣверо- и Юго-Западную Русь. Такимъ образомъ во имя обще-Славянскихъ интересовъ хотять

Россію увлечь въ сумасшедшія, не могуція имѣть и тѣни успѣха предпріятія, которыя притомъ имѣютъ прямою цѣлью остановить законное распространеніе Русскаго языка въ земляхъ Славянскихъ и своимъ необходимымъ послѣдствіемъ — поглощеніе окраинъ Греко-Славянскаго міра иноплеменниками.

Мы видимъ, что безъ яснаго пониманія историческаго образованія древне-Славянскаго и Русскаго языка и ихъ отношеній ко всѣмъ народнымъ и литературнымъ нарѣчіямъ Славянскимъ, нельзя избѣжать часто весьма опасныхъ и вредныхъ ошибокъ въ образѣ воззрѣній и дѣйствій относительно таеъ-называсмаго Восточнаго вопроса. Въ этомъ заключается важная практическая сторона правильнаго ученія о древне-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ; но оно сверхъ того имѣетъ важное образовательное и педагогическое значеніе. Внесенное въ учебники и въ школу, виѣдряемое въ умы юныхъ поколѣній, распространенное въ обществѣ и литературѣ, ученіе это, строго-научно и систематически изложенное (мы представили лишь однѣ указанія и намеки), не можетъ не оказать благодѣтельнаго вліянія на очищеніе и подъемъ гражданскихъ понятій въ Россіи. Нельзя отрицать, что у насъ патріотизмъ понимается еще часто слишкомъ вещественно, и въ мирное время обыкновенно бездѣйственный, онъ воспламеняется въ насъ только во время виѣшнихъ, угрожающихъ Россіи опасностей. Для огромнаго большинства нашего общества какъ-будто виѣ войны не существуетъ иной борьбы и соперничества племенъ и народовъ. Оттого обыкновенный Русскій патріотизмъ легко, напримѣръ, уживается съ самымъ прерзительнымъ и равнодушнымъ отношеніемъ къ достоинству и значенію Русскаго языка, съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ въ Русской литературѣ. Поэтому такъ и часты у насъ одинаково жалкія крайности — грубое самовосхваленіе и самодовольство, съ одной стороны, а съ другой, самоуничженіе, полнѣйшее сомнѣніе въ собственныхъ силахъ и недовѣріе въ Россіи, граничащее съ отчаяніемъ. У насъ еще не выработалась, какъ у Англичанъ, Французовъ, Нѣмцевъ и многихъ другихъ старѣйшихъ народовъ, точно опредѣленная національная программа. Объ историческомъ призваніи нашей народности у насъ существуетъ такое разногласіе, какое невозможно въ другихъ обществахъ.

Это ученіе о Русскомъ языкѣ, которое мы старались обозначить въ нѣсколькихъ чертахъ, имѣетъ пополнить значительный пробѣлъ и недостатокъ нашего общественнаго воспитанія. Основанное на твердомъ изученіи прошедшаго и современныхъ отношеній, оно сообщаетъ не гадательныя предположенія, а строгіе выводы науки о значеніи и

призваніи Русскаго языка въ Славянскомъ, или правильнѣе, въ цѣломъ Греко-Славянскомъ мірѣ. Раскрывая тотъ высочій идеаль, къ которому мы должны стремиться, оно указываетъ намъ, какъ еще мы далеки отъ его достиженія, и вмѣстѣ учитъ насъ, за что прежде всего надлежитъ взяться, чтобъ исправить упущенное и исполнить желанное. Тутъ нѣтъ мѣста ни грубому самовосхваленію, ни дряблему сомнѣнію, ни дикому отчаянію, всѣмъ этимъ печальнымъ выраженіямъ патріотизма, понимаемаго слишкомъ вещественно. Направляя вниманіе общественное къ заботамъ объ отечественномъ языкѣ, о подъемѣ его значенія въ государствѣ и о распространеніи его внѣ предѣловъ Россіи, это ученіе собираетъ и сосредоточиваетъ всѣ мыслящія и нравственныя силы страны, устремляетъ ихъ къ высочайшимъ задачамъ народовъ и государствъ — къ созданію самобытной образованности и къ напряженной дѣятельности въ области науки и искусства, возбуждаетъ въ молодыхъ поколѣніяхъ отвѣгу духа въ исканіи истины, благородную жажду и настойчивость въ завоеваніи своему народу вѣчной славы и міроваго признанія.

Во введеніи этого правильнаго и строго-научнаго ученія о древне-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ и объ ихъ отношеніяхъ къ прочимъ нарѣчіямъ Славянскимъ мы особенно нуждаемся въ нынѣшнее время, когда одни изъ важнѣйшихъ вопросовъ Русской современной внутренней и внѣшней политики, можно сказать, заключаются въ вопросѣ о Русскомъ языкѣ. Свобода мысли и устнаго и печатнаго слова, распространеніе грамотности въ народѣ и знанія Русскаго языка у инородцевъ, утвержденіе его государственнаго значенія во всѣхъ окраинахъ Россіи — все это принадлежитъ къ важнѣйшимъ задачамъ Русской внутренней политики и вмѣстѣ составляетъ различныя стороны одного и того же вопроса о важнѣйшихъ правахъ и задачахъ Русскаго языка. А этотъ грозный, всемірно-историческій вопросъ объ южныхъ и западныхъ окраинахъ Славянскаго міра, въ случаѣ паденія Турціи, и неминуемаго разложенія Австріи (вслѣдствіе объединенія Германіи), этотъ вопросъ Восточный не тѣмъ ли важенъ собственно для Россіи, чтобы не погибли для общей будущности Греко-Славянскаго міра и не достались Чехія и Моравія — Германіи, Фріуль, Истрія и Далмація — Италіи, Царьградъ — Англіи и Франціи? Всѣ вопросы объ устройствѣ взаимныхъ отношеній внутри этихъ границъ имѣютъ уже второстепенную важность, особенно, если не придавать значенія такъ-называемымъ правамъ историческимъ, а обращать вни-

маніе лишь на права народностей, ибо вся сущность Восточнаго вопроса для Россіи и Славянства заключается въ сохраненіи и спасеніи отъ поглощенія или подчиненія Романо-Германцамъ южныхъ и западныхъ окраинъ Славянскихъ. Съ возрастаніемъ политическаго могущества Россіи и съ развитіемъ въ ней Славянскаго самосознанія и образованности все болѣе падаеть благодѣтельная для Славянъ сторона владычества Азіатовъ, Турокъ и Мадьяръ, правда—грубыхъ и жестокихъ стражей, но все же оберегавшихъ слабыя, разбитыя племена Славянскія отъ владычества надъ ними Романо-Германцевъ. Въ той мѣрѣ, какъ Турокъ и Мадьяръ все болѣе или подтачиваютъ Славянскія силы, или служатъ проводниками тяжелаго вліянія и власти надъ ними Романо-Германцевъ, въ той же мѣрѣ растетъ значеніе Россіи, какъ единственной охраны и настоящей опоры слабыхъ и раздѣленныхъ племенъ Славянскихъ, которыя все болѣе нынѣ приходятъ въ прямое столкновеніе съ сильными, высокообразованными національностями Романо-Германскими и принуждены или пасть въ неравной борьбѣ, сдѣлаться ингредиентами этихъ племенъ и обратиться въ совершенныхъ метисовъ или креоловъ, или же, для достиженія равноправности, выступить съ ними на борьбу съ новымъ болѣе приспособленнымъ къ дѣлу оружіемъ, съ единымъ, все-Славянскимъ дипломатическимъ и общенаучнымъ языкомъ. Такъ, одна изъ важнѣйшихъ сторонъ вопроса Восточнаго состоитъ въ вопросѣ о распространеніи Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи, за Карпатами и за Дунаемъ. Такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается несвоевременнымъ всякое ускореніе Восточнаго вопроса, безъ предварительнаго, благоприятнаго рѣшенія главнѣйшихъ вопросовъ внутренней Русской политики. Могутъ ли Чехи, Поляки, Сербо-Хорваты добровольно признать игемонію и первенство Русскаго языка, когда это первенство отрицается въ самой Россіи даже въ трудахъ ученаго общества, созданнаго и поддерживаемаго русскимъ правительствомъ? Можемъ ли мы въ желанной степени распространить Русскій языкъ у Словаковъ, Словинцевъ, Болгаръ, когда мы еще не успѣли съ нимъ ознакомить нашихъ согражданъ, Латышей и Эстовъ? Гдѣ тутъ спасать и сохранять окраины Славянскія, когда еще не вполне обезпечены окраины Россіи?

Такъ справедливо, что признанію всемірно-историческаго значенія за Русскимъ языкомъ и его распространенію внѣ предѣловъ Россіи главнѣйше, даже исключительно, препятствуютъ не какія-нибудь внѣшнія преграды, а бессознательное и равнодушное отношеніе са-

михъ Русскихъ къ историческому призванію своего отечественнаго языка. Поэтому-то нельзя не придавать важнаго образовательнаго значенія возбужденію въ Русской литературѣ нерѣшеннаго вопроса о древне-Славянскомъ языкѣ, его связи съ Русскимъ и ихъ отношенія къ прочимъ нарѣчіямъ Славянскимъ.

Вл. Ламанскій.

Люблина — Венеція, 1868 года.

Поправка. На стр. 137 этой статьи, начиная съ 10-й строки снизу, вырвалась погрѣшность въ перестановкѣ именъ Славянскимъ племенъ и относящихся къ нимъ чиселъ. Мѣсто это надлежитъ исправить слѣдующимъ образомъ: «Во второму разряду Славянскихъ племенъ относятся Словаки около 2 $\frac{1}{2}$ милліоновъ, Словинцы въ числѣ 1.200.000 душъ, наконецъ Сербы-Лужичане — болѣе 150.000, но менѣе, кажется, 200.000 душъ». *Ред.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА И СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ ВЪ ПЕРІОДЪ ЕЯ УПАДКА.

IV. ¹⁾

Миръ Ахэйскаго союза съ Македоніей и его нарушение Аратомъ. Смерть Антигона. Союзъ съ Этоліей и новыя попытки въ освобожденію Аѳинъ и Аргоса. Присоединеніе Мегалополя въ Ахэйскому союзу. Лидіадъ. Присоединеніе аркадскихъ городовъ. Ахаія и Этолія противъ иллирійскихъ пиратовъ. Вмѣшательство Рима. Смерть Димитрія и быстрые успѣхи Ахэйскаго союза: освобожденіе Аѳинъ, присоединеніе Аргоса. Общее положеніе дѣлъ въ Ахэйской федераціи.

Пораженіе Этолянъ при Пеллинѣ имѣло важныя послѣдствія для Ахэйскаго союза. Послѣ взятія Акрокоринѳа и послѣдовавшихъ за тѣмъ успѣховъ союза, Антигонъ не рѣшился на открытую войну съ Ахаіей. Но онъ не заключалъ и формальнаго мира, и при посредствѣ Этолянъ грозилъ даже местию Арату. Теперь, послѣ того какъ его союзники потерпѣли пораженіе, Антигонъ долженъ былъ признать Ахэйскій союзъ въ его новыхъ предѣлахъ. Къ этому времени относится миръ, заключенный между Македоніей и Ахэйскою федераціей ²⁾. Изъ тѣхъ словъ, которыя мимоходомъ сказаны у Плутарха, ничего нельзя узнать объ условіяхъ этого мира; ясно только то, что всѣ приобрѣтенія Арата сохранились за федераціей. Можно догадываться также, что съ своей стороны она должна была отказаться отъ даль-

¹⁾ Первые три главы см. въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за августъ, сентябрь и ноябрь 1868 года.

²⁾ Это видно изъ *Plut., Arat.*, 33. Аратъ возбуждаетъ противъ себя неудовольствіе въ самомъ союзѣ нападеніемъ на Аѳины, потому что съ Македонянами былъ заключенъ миръ: Διεβλήθη ὑπὸ τῶν Ἀχαιῶν ἐπὶ σπονδᾶς πεποιτημένων αὐτῶν πρὸς τοὺς Μακεδόνας и проч. Начало 34 главы (Ἀντιγόνοιο ἀποθανόντος)... показываетъ, что покушеніе было сдѣлано до смерти Антигона, а миръ состоялся, очевидно, въ промежутокъ между первымъ и вторымъ нападеніемъ на Аѳины, между 243 — 240 гг.

нѣйшихъ приобрѣтеній и дать обязательство не тревожить другихъ союзниковъ Македоніи въ Пелопоннискѣ. Недолго послѣ этого мира жилъ престарѣлый Антигонъ; но онъ долженъ былъ убѣдиться, что съ такимъ человѣкомъ, какъ Аратъ, не много помогали переговоры и условія, писанныя въ трактатахъ. Еще при жизни Антигона начались новыя попытки къ расширенію предѣловъ и вліянія Ахэйскаго союза, и главною цѣлю этихъ попытокъ дѣлаются Аргосъ и Аѣны.

Не смотря на то равнодушіе, съ которымъ встрѣчена была Аѣнскимъ народомъ первая попытка Арата къ освобоженію Аѣны, глава Ахэйскаго союза не оставилъ своей мысли. Одинъ изъ его агентовъ, Ергинъ, знакомый намъ по участию въ Акрокоринтскомъ дѣлѣ, снабженный людьми и оружіемъ, по всей вѣроятности, не безъ вѣдома Арата, сдѣлалъ нападеніе на Пирэй, гдѣ стоялъ македонскій гарнизонъ. Попытка захватить неожиданнымъ нападеніемъ такой важный пунктъ была неудачна. Въ самомъ Ахэйскомъ союзѣ раздавались голоса и протесты противъ такого вѣроломства въ отношеніи къ недавно заключенному трактату. Аратъ оправдывался, слагая всю вину на Ергина. Въ мемуарахъ Арата дѣло представлялось въ такомъ видѣ: будто Ергинъ, какъ частный человѣкъ и на свой страхъ, рѣшился на такое опасное дѣло; а потомъ, когда ночное нападеніе не удалось, когда лѣстница, подставленная къ стѣнѣ Пирэя, обломилась, и тѣмъ было возбуждено вниманіе стражи, Ергинъ, спасаясь отъ преслѣдованія, будто бы намѣренно кричалъ и призывалъ Арата, котораго тутъ на самомъ дѣлѣ не было, чтобъ отвлечь отъ себя вниманіе враговъ и заставить ихъ отыскивать болѣе важнаго непріятеля. По-видимому, Аратъ, составляя свои записки во всякомъ случаѣ много позже этого событія, могъ бы быть довольно откровеннымъ и искреннимъ въ отношеніи къ своему прошедшему и не имѣлъ причины скрывать истину. Развѣ только близкія отношенія, въ которыхъ онъ стоялъ къ Македоніи къ концу своей жизни, заставили его оправдывать и свое прошедшее поведеніе въ отношеніи къ ней. Но не щадилъ же онъ въ своихъ мемуарахъ самую личность Антигона Досона ¹⁾. Современники и соотечественники считали отрицанія Арата вовсе не заслуживающими вѣры и не хотѣли допустить, чтобъ Ергинъ, частный человѣкъ и притомъ по происхожденію Сирианинъ, рѣшился самъ на такое предпріятіе. Мы, съ своей стороны, охотно вѣримъ тому, что прямо было сказано въ запискахъ Арата, и допускаемъ, что его не было подъ стѣнами

¹⁾ Κατὰ πόρτα противъ него въ этихъ мемуарахъ, см. Plut., Cleom., 16.

Пирэя. Но повидимому, Аратъ въ своихъ мемуарахъ почему-то не особенно напиралъ на тотъ пунктъ, который здѣсь всего важнѣе. Одинъ Ергинъ управлялъ покушеніемъ, но одинъ ли онъ задумалъ его? Не было ли заранѣе рѣшено, что въ случаѣ неудачи второстепеннаго агента, главный двигатель останется въ сторонѣ и не признаетъ свое орудіе? Въ оправданіи Арата не было прямой лжи, но не было также и всей истины: это была дипломатическая истина или — что часто бываетъ тождественно — дипломатическая ложь ¹⁾.

Репутация Арата вслѣдствіе этой исторіи нѣсколько пострадала даже предъ его согражданами ²⁾; но само собою разумѣется, не долго. Уже на попытки противъ Аргоса, предпринятія самимъ Аратомъ лично, Ахэйцы смотрѣли благосклоннѣе, хотя онѣ были совершенно такого же рода, какъ и Аѳинская. Правда, дѣло шло здѣсь о тираннѣ, который, по греческому воззрѣнію, стоялъ внѣ закона. Притомъ самъ Аратъ находился въ особыхъ отношеніяхъ къ Аргосу. Это былъ для него почти родной городъ: здѣсь онъ выросъ, здѣсь нашелъ себѣ друзей и помощниковъ для своего перваго подвига, для освобожденія Сикіона. Возвратить свободу Аргосцамъ было для него нѣкоторымъ образомъ дѣломъ чести ³⁾. Первая попытка, сдѣланная тотчасъ послѣ освобожденія Коринѳа, была, какъ мы видѣли, неудачна. Но недолго, однакожь, царствовалъ тамъ тираннъ Аристомахъ. Онъ былъ убитъ своими собственными рабами, что впрочемъ не принесло свободы Аргосцамъ. Въ лицѣ Аристиппа явился преемникъ убитому тиранну ⁴⁾. Въ Аргосѣ тираннія сдѣлалась, повидимому, наследственной. Ея новый представитель былъ еще хуже

¹⁾ См. Plut., Agat., 33. Самъ Плутархъ подаетъ поводъ къ такому объясненію. Онъ приводитъ изъ мемуаровъ Арата его показаніе, что Ергинъ одинъ и какъ частный человекъ *сдѣлалъ нападеніе* на Пирэй. Выражая свое недовѣріе къ такому оправданію, Плутархъ говоритъ уже о невѣроятности того, чтобы Ергинъ самъ по себѣ *задумалъ* такое предпріятіе (ἐπί τοῦν βαλέσθαι).

²⁾ Διεβλήθη καὶ καθὼς ἤκουσεν ὑπὸ τῶν Ἀχαιῶν, см. Plut., ibid.

³⁾ Plut., Agat., 25: τῆ πόλει θρακτικῆ τὴν ἐλευθερίαν ἀποδοῦναι φιλοτιμούμενος.

⁴⁾ Имена Аргосскихъ тиранновъ и ихъ послѣдовательность указываютъ на омиальное наследство. Когда Пирръ напалъ на Аргосъ, здѣсь спорили о верховной власти два противника: Аристэй, сторонникъ Пирра, и Аристиппъ, приверженецъ Антигона (Plut., Rugg., 30). Последнему, вѣроятно, Антигонъ и доставилъ власть въ Аргосѣ. Тогда рядъ Аргосскихъ тиранновъ будетъ: Аристиппъ I, Аристомахъ I, Аристиппъ II, и потомъ снова (см. ниже) Аристомахъ II. Кромѣ этой смѣны именъ, къ тому же приводятъ слова Филарха объ Аристомахъ II, что онъ происходилъ отъ тиранновъ. См. Polyb., II, 60.

своего предшественника ¹⁾. Аратъ думалъ воспользоваться смертью Аристомаха и надѣялся въ самихъ Аргосцахъ найдти сочувствіе и помощь къ уничтоженію ненавистой тиранніи. Къ несчастію, Аргосцы уже привыкли къ рабству ²⁾, и появленіе Арата предъ ихъ городомъ не произвело здѣсь никакого движенія. Пришлось отступить, ничего не сдѣлавъ. Бесплодная попытка снова вызвала обвиненія противъ Ахэйскаго союза въ нарушеніи мира ³⁾. Вѣроятно, въ мирныхъ условіяхъ было договорено, чтобы споры между Ахэйскимъ союзомъ и другими государствами Пелопонниса рѣшались третейскимъ судомъ того или другаго города, какъ это было въ обычаѣ у Грековъ ⁴⁾. На этотъ разъ въ посредники былъ призванъ городъ Мантиней, и здѣсь произведено разбирательство дѣла. Оказалось, что Аратъ дѣйствовалъ безъ всякихъ полномочій со стороны Ахэйской федераціи. Обвиненіе было направлено противъ нея ⁵⁾, но приговоръ произнесенъ только противъ Арата, не явившагося на судъ. Онъ долженъ былъ уплатить Аристиппу 30 минъ. Получивъ эту сумму, довольно ничтожную, Аргосскій тираннъ не могъ, конечно, вполне успокоиться и считать себя безопаснымъ. Непріятны были поступки Арата и царю Македоніи Антигону. Къ этому времени относятся тайные проiski противъ жизни Арата со стороны Аристиппа и Антигона ⁶⁾. Послѣдній имѣлъ много

¹⁾ Ἐξωλέστερος ἐκαίνου (Аристомаха I) τύραννος. Plut., Arat., 25.

²⁾ Τῶν πολλῶν ἤδη διὰ συνήθειαν ἐθελοδοῦλως ἐχόντων, ibid.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ См. Schömann, Gr. Alterth., II, стр. 4 и 5. Не совсѣмъ вѣрно думаетъ при этомъ Дройзенъ о πόλις ἐκκλητος. Δίκη ἐκκλητος, πόλις ἐκκλητος — нѣсколько другое, чѣмъ третейскій судъ; см. Schömann, ibid., стр. 23. Совершенно неосновательна догадка Шорна (стр. 94) о македонскомъ верховномъ судилищѣ въ Мантиней.

⁵⁾ Δίχην ἐσχον ἐπὶ τοῦτο (οἱ Αχαιοὶ) παρὰ Μαντινεύσιν... Былъ ли еще въ это время Аратъ стратигомъ или нѣтъ? Повидимому, нѣтъ; иначе Ахэйскому союзу трудно бы было доказать, что вся вина падаетъ на Арата, и заставить его одного заплатить штрафъ. Тогда время, къ которому относится покушеніе на Аргосъ, будетъ лѣто 240 года: весной этого года кончилась стратигія Арата.

⁶⁾ Συνεργούστος Ἀντιγόνου τοῦ βασιλέως. Дройзенъ (II, стр. 399) замѣчаетъ, что въ отношеніи къ Антигону это невѣроятно: «Антигонъ не былъ на столько близорукъ, чтобы ожидать большаго успѣха отъ такихъ мѣръ (?). Нужно признать нравственно невозможнымъ, чтобы извѣстіе это шло изъ записокъ самаго Арата, или это было бы верхомъ наивности, еслибы онъ, никогда не прекращавшій такихъ покушеній противъ тиранновъ, сталъ удивляться тому, что ему платятъ тою же монетою». Но 1) неизвѣстно, удивлился ли этому Аратъ; а 2) дѣлая покушенія и заговоры противъ жизни тиранновъ, которые, по общегреческому убѣжденію, стояли внѣ покровительства законовъ, онъ ни однажды не покушался на жизнь законныхъ царей Македоніи.

причинъ ненавидѣть человѣка, уже болѣе десяти лѣтъ, со времени освобожденія Сиціона, постоянно направлявшаго ходъ событій во вредъ интересамъ Македоніи: взятіемъ Акрокоринѳа, союзомъ съ Египтомъ, борьбою противъ союзныхъ Македоніи тиранновъ Аратъ разрушалъ то, что было создано долговременнымъ трудомъ тридцати-четырёхлѣтняго царствованія Антигона.

Въ 239 году, именно въ первую его половину, умеръ Антигонъ ¹⁾. Наслѣдникомъ его на престолѣ Македоніи былъ его сынъ Димитрій. Личность новаго царя, очень важная для судьбы всей Греціи и Ахэйскаго союза, представляется намъ въ довольно неясныхъ очеркахъ. Но по внимательномъ разсмотрѣніи тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя намъ остались, оказывается возможнымъ, даже необходимымъ измѣнить въ пользу Димитрія слишкомъ низкое мнѣніе о его характерѣ, высказанное нѣкоторыми новыми историками ²⁾. Неудачи Димитріева царствованія и упадокъ значенія Македоніи зависѣли отъ такого рода событій, съ которыми бороться было очень трудно. Тотчасъ по его вступленіи на престолъ, двѣ прежде враждебныя федерации, Ахэйская и Этолійская, заключили миръ между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ оборонительный и наступательный союзъ противъ Македоніи ³⁾. Этотъ

¹⁾ Поливій (II, 42, 2) говоритъ, что послѣдникъ его Димитрій царствовалъ только десять лѣтъ и умеръ около времени первого перехода Римлянъ въ Иллирію, то-есть, около весны 229 года (см. Мошма., R. G., I, стр. 525 втор. изд.); отсюда видно, что смерть Антигона послѣдовала въ теченіе первой половины 239 г. Ср. Clinton, F. Hell.

²⁾ Нибуръ (Kleine Schriften, I, стр. 231) не высокаго мнѣнія о Димитріѣ. Шорнъ (стр. 83, 91 и 411) называетъ Димитрія самымъ незначительнымъ, «безсильнымъ» государемъ (ohnmächtiger) и думаетъ, что только въ насмѣшку могли дать ему прозваніе Этолійскаго. Противнаго мнѣнія держится Дройзенъ, и особенно Van Calcar (Introitus in vitam Philippi III).

³⁾ Polyb., II, 44, 1: «Когда умеръ Антигонъ, и Ахэйцы заключили симмахію съ Этолянами». Выше (43, 9) было сказано, что до тѣхъ поръ, пока былъ живъ Антигонъ (Гоната), Аратъ боролся противъ Этолянъ. Эти слова такъ опредѣлительны, что и начало 33-й главы у Плутарха (въ біографіи Арата) нужно отнести къ началу царствованія Димитрія, хотя только въ началѣ 34-й главы читается: «По смерти Антигона и вступленіи на царство Димитрія...». Ошибка или неточность, которую допускаютъ здѣсь ученые (Шорнъ, стр. 83, примѣч., Van Calcar, Freeman), происходитъ отъ того, что они не обращаютъ вниманія на приемъ Плутарха въ подлежащей біографіи. Отъ главы 25-й до 30-й онъ разказываетъ всѣ покушенія Арата на Аргось, далеко заходя за годъ смерти Антигона (событія, описанныя въ 30-й главѣ, относятся уже къ 235 году). Съ 31-й главы начинается изложеніе отношеній къ Этолійскому союзу, продолжается въ 32-й главѣ и кончается въ началѣ 33-й; подобно предыдущему, и этотъ отдѣлъ,

фактъ скорѣ всего намекаетъ на то, что со стороны Димитрія, уже прежде показавшаго свою энергію ¹⁾, можно было ожидать болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, чѣмъ со стороны восьмидесятилѣтняго Антигона ²⁾, и что нельзя было разчитывать на безнаказанность за нарушение договора и за попытки присоединить къ Ахэйской демократіи городъ Пелопонниса, въ которомъ правила союзные Македоніи тиранны.

Союзъ Ахаіи съ Этоліей имѣетъ очень важное значеніе въ нашей исторіи. Не излишнимъ будетъ нѣсколько остановиться на этомъ событіи. Оно очень рѣзко характеризуетъ вѣкъ политики и дипломатіи, какъ по справедливости можетъ быть названа исторія еллиназма послѣ діадоховъ. Аратъ занимаетъ, очевидно, не послѣднее мѣсто въ этомъ отношеніи. Можно сказать, что Ахэйскій союзъ, не смотря на сходство принциповъ политическаго устройства, не имѣлъ достаточныхъ основаній симпатизировать Этоліи. При выступленіи Ахаіи на болѣе широкое политическое поприще, первымъ дѣломъ ея былъ походъ противъ Этолянъ въ отмщеніе за ихъ разбойническій набѣгъ. Потомъ Этолія заключила союзъ съ Македоніей для уничтоженія и раздѣленія Ахаіи; еще недавно новый набѣгъ Этолянъ грозилъ уничтожить созданіе Арата. Ловкая политика Арата умѣла противопоставить Македоніи Египеть, Этоліи — союзъ со Спартою. Но послѣдній оказался не очень безопаснымъ для политическаго принципа федераціи: Аратъ нашелъ нужнымъ и успѣлъ помириться съ Македоніей и Антигономъ. Въ условіяхъ этого послѣдняго мирнаго договора были статьи, которыя заставляли Ахэйскую федерацію отказаться отъ ея программы расширить свой объемъ на счетъ враждебныхъ тиранній. Аратъ не хотѣлъ отречься отъ того призванія, которое имъ самимъ было указано новому союзу, и вскорѣ по заключеніи мира условія невмѣшательства были нарушены уже два раза. Нужно было ждать мести отъ новаго царя, теперь вступившаго на престолъ Македоніи, и никакъ

начинаясь съ 241 года, заходить за годъ смерти Антигона. Въ той же самой 33-й главѣ, со словъ: τοὺς δὲ Ἀθηναίους и пр., начинается разказъ о покушеніяхъ противъ Аенія: Плутархъ при этомъ возвращается нѣсколько назадъ, и ему приходится сказать въ началѣ 34-й главы о смерти Антигона, но только по отношенію къ хронологіи аенскихъ набѣговъ Арата. Для изъясненія соблазна, лучше бы отнести первый періодъ 33-й главы къ главѣ 32-й, присоединивъ его къ концу ея.

¹⁾ Justin., XXVI, 3. Вопреки Дройзену и Нибуру, мы думаемъ, что здѣсь разумется именно этотъ Димитрій; ср. Van Calcar, стр. 10 — 12.

²⁾ Clinton, F. H. (Krüger), стр. 256.

нельзя было думать, что онъ отдастъ въ добычу Ахэйской федераціи тиранновъ Аргоса, Мегалополя и проч. При этихъ обстоятельствахъ отвлеченіе Этоліи отъ дружбы съ Македоніей и заключеніе оборонительнаго и наступательнаго союза (συνμαχία) съ первою, изъ нихъ, — союза очевидно, направленнаго противъ Македоніи, — было верховъ дипломатическаго искусства со стороны Арата. Здѣсь умѣстно повторить слова Плутарха, что для Арата „границею вражды и дружбы всегда была общественная польза“, что вражда у него смѣнялась дружбой, и наоборотъ, „смотря по тому, въ какую сторону склоняла его въ данное время политика ¹⁾“. Какія побужденія имѣли Этоляне согласиться на союзъ съ Ахаіей, мы не знаемъ. Можетъ-быть, они были оскорблены тѣмъ, что Македонія не задолго предъ тѣмъ одна сошлась съ общимъ врагомъ. Плутархъ, на основаніи мемуаровъ Арата, указываетъ, что главнымъ образомъ помогло всему дѣлу содѣйствіе Панталеонта, одного изъ самыхъ вліятельныхъ людей въ Этолійскомъ союзѣ ²⁾. Есть нѣкоторые признаки, что въ самомъ Ахэйскомъ союзѣ многимъ эта дружба съ не очень покойными Этолійскими горцами казалась довольно странною. На это указываютъ преувеличенныя и непонятныя слова Плутарха, которыми онъ мотивируетъ, конечно, вслѣдъ за Аратомъ, союзъ съ Этолійскими ландскнехтами ³⁾.

Какъ бы то ни было, союзъ двухъ федерацій могъ быть очень выгоднымъ для обѣихъ. Этоляне обратили теперь свою силу и свою страсть къ завоеваніямъ и набѣгамъ въ другую сторону. Уже прежде они простирали свои желанія на Акарнанію: по своему обычаю, они даже заключили договоръ съ Епирскимъ царемъ Александромъ (синомъ Пирра) о раздѣленіи между собою этой страны ⁴⁾. Теперь, по смерти Александра, они возымѣли похвальное желаніе получить и ту часть Акарнаніи, которая досталась прежде Епиру ⁵⁾. Вдова Александра Олимпія, устрешенная нападеніемъ Этолянъ, обратилась съ прось-

¹⁾ Ἐχθρὰς ὄρη καὶ φιλίας ἀεὶ τῷ κοινῷ συμφέροντι χρώμενος... ὑπὸ τῆς πολιτείας ἐπ' ἀμφοτέρω τῷ καίρῳ μεταβαλλόμενος... Plut., Arat., гл. 10.

²⁾ Arat., 33.

³⁾ Οὐ μὲν ἀλλὰ πολλῶν ἔθνων καὶ δυναστῶν ἐπὶ τοὺς Ἀχαιοὺς συνισταμένων (гл. 33, въ началѣ). Уже Дройзенъ (II, 435) замѣтилъ, что противъ Македоніи только тиранны Аргоса могли угрожать Ахэйскому союзу. Это δυνασταί. Гдѣ же πολλὰ ἔθνη? Видно, что Плутархъ поспѣшно и неловко сократилъ то мѣсто въ запискахъ Арата, гдѣ доказывалась необходимость союза съ Этоліей изъ тогдашняго положенія вещей.

⁴⁾ Polyb. II, 45, 1; IX, 34, 4.

⁵⁾ Droysen, G. d. Hellen., II, 430.

бой о помощи къ Димитрію, недавно вступившему на царство. Чтобы заинтересовать его болѣе прямымъ образомъ, она выдавала свою дочь за Димитрія ¹⁾. Димитрій уже отправился изъ Македоніи для празднованія свадьбы и для защиты епирскихъ владѣній, но нападенія на сѣверныя границы Македоніи хищническаго народа Дардалянъ (въ нынѣшней Сербіи) ²⁾ заставило его воротиться ³⁾. Съ этого времени Димитрій, какъ видно, постоянно былъ тревожимъ и отвлекаемъ отъ дѣлъ Греціи борьбою на сѣверныхъ границахъ собственнаго государства. Акарняне обратились съ просьбой о помощи къ Риму, ссылаясь на то, что они одни не участвовали въ разрушеніи Трои. Потомки Енея по этому случаю дѣлаютъ первый опытъ дипломатическаго вмѣшательства въ дѣла Греціи. Но ихъ посольство получило на первый разъ такой отвѣтъ, какого надобно было ожидать отъ Этолянъ, — самый дерзкій. Археологическій интересъ Римскаго сената къ судьбѣ Акарнаніи не простирался еще такъ далеко, чтобы начать изъ-за этого войну. Опустошительный набѣгъ Этолянъ на Акарнанію и Епиръ долженъ былъ доказать, что Греки и сами умѣютъ хорошо распоряжаться своими дѣлами ⁴⁾.

При такомъ положеніи вещей, когда Димитрій былъ занятъ борьбою съ Дардалянами, а Этоляне были въ союзѣ съ Ахаіей, Аратъ было довольно легко „совершенно презирать Македонянъ“. Презрѣніе это выразилось въ возобновленіи покушеній на Аѣины и Аргось. По замѣчанію Плутарха ⁵⁾, Аратъ былъ какъ будто влюбленъ въ Аѣины, но любовь его была несчастная, не раздѣляемая. Впервыхъ, у него были опасные соперники. Въ одномъ сраженіи, происшедшемъ при Филакіи (въ Фѣіотійской Ѳессаліи), куда Аратъ могъ проникнуть

¹⁾ Justin., XXVIII, 1.

²⁾ На Складъ и источникахъ Аксія (Ἄξιος). Мнѣніе о славянствѣ Дардалянъ, народа, отличавшагося между прочимъ любовью къ музыкѣ, не есть, кажется, общепринятое, хотя Вейссенборнъ внесъ его въ свои комментаріи къ Титу Ливію; см. статью г. Гильердинга (въ *Вѣстникѣ Европы* за июль 1868 г.) — Древнѣйшій періодъ исторіи Славянъ, стр. 244.

³⁾ Liv., XXXI, 28. Bellum suo nomine Longavus cum Demetrio Philippi patre gesserat. Ср. Pomp. Trogi, proleg., 20: Ut rex Demetrius sit a Dardanis fusus. Justin., XXVIII, 3.

⁴⁾ Momms., R. G., I, 523 (втор. изд.). Онъ точно также, какъ Нибуръ (Vorträge über die alte Geschichte, III, 371) и Швиглеръ (R. G., I, 305), относятъ эти событія или къ самому 239 году, или какъ можно ближе къ нему. Время опредѣляется изъ Юстана.

⁵⁾ Arat. 33: Πολλάκις ὤσπερ οἱ δυσέρωτες ἐπιχειρήσας τῷ Πεπραίει.

только въ союзѣ съ Этолянами, владѣвшими Віотіей и Оермопильскими проходами, онъ былъ разбитъ полководцемъ Димитрія, Виеисомъ (слѣдовательно, самъ Димитрій еще былъ занятъ на сѣверѣ?). Очевидно, Македонскій царь отправилъ отрядъ Виеиса для сохраненія Аеинъ и отраженія Арата, который на этотъ разъ думалъ дѣйствовать открытою силой и даже вышелъ на встрѣчу македонскому отряду, чтобы не допустить его пробраться въ Аеины (черезъ Еввію ¹⁾).

Пораженіе несчастнаго влюбленнаго было полное, и бѣгство его очень поспѣшное. Аратъ былъ уже въ Коринѣѣ, когда пришли сюда послы отъ начальника македонскаго гарнизона въ Пирѣѣ съ требованіемъ, чтобы Ахейцы очистили городъ: ибо „Аратъ умеръ“. Естественно, что Аратъ не упустилъ случая посмѣяться надъ послами изъ Пирѣя, которые съ такою готовностью повѣрили слухамъ о его смерти и придавали такое высокое и для его самолюбія лестное значеніе его жизни и смерти. Еще болѣе долженъ былъ польстить его гордости цѣлый корабль, присланный Димитріемъ привезти „плѣннаго“ Арата. Неприятно было только то, что неблагодарные Аеиняне торжествовали смерть ахейскаго стратига, надѣвъ даже праздничные вѣнки. Впрочемъ это можно было объяснять не любовію къ Македоніи, а желаніемъ польстить Димитрію. Настоящія чувства Аеиняне обнаружили вскорѣ, когда Аратъ, раздраженный черною неблагодарностію и презрѣніемъ къ его настойчивой и безкорыстной страсти, снова явился предъ Аеиннами и дошелъ до самыхъ садовъ Академіи. Аеиняне об-

¹⁾ Только послѣ большихъ колебаній вносимъ мы такое объясненіе въ текстъ. Плутархъ, мало заботясь о политическихъ отношеніяхъ, ясности и послѣдовательности разказа, самымъ неловкимъ образомъ сократилъ здѣсь свой источникъ. Онъ не объясняетъ, какимъ образомъ Аратъ очутился при Филакіи. При томъ, что это за Филакія? Такого имени совсѣмъ нѣтъ въ греческой географіи. Дройзенъ (II, стр. 439) указываетъ на двѣ Филакіи (Φολάκη, не Φολάκη:1) — одну въ Аркадіи (Рауван., VIII, 54, 1), о которой здѣсь нельзя думать, и на другую въ Фессаліи, при горѣ Оерисѣ, извѣстную еще со времени Омира (II, II, 695; Strab., IX, 433). Очень вѣроятно, что разумѣется именно эта Филака, хотя мы находимъ еще третью въ землѣ Молоссовъ (Liv., XLV, 26; обозначена также и въ атласѣ Шпрувера). Не хотимъ мы думать объ этой послѣдней, потому что Плутархъ, повидимому, ставитъ присутствіе Арата предъ Филакіей въ связь съ желаніемъ освободить Аеины, хотя Аратъ могъ очутиться и здѣсь вѣсть съ Этолянами. Съ другой стороны очевидно, что пораженіе Арата случилось довольно далеко отъ Аеинъ. На это указываетъ уже разность слуховъ, дошедшихъ до Димитрія, находившагося въ Македоніи (о взятіи въ плѣнъ Арата), и той молвы о смерти Арата, которая распространилась въ Аеинахъ.

ратились тогда съ просьбами къ Арату и убѣдили его оставить городъ въ покоѣ, давъ ему, безъ сомнѣнiя, понять, что только македонскiй гарнизонъ и, можетъ-быть, ожидаемое прибытiе Виоиса препятствуютъ имъ пристать къ Ахэйскому союзу ¹⁾.

Не менѣе неутомимъ и настойчивъ былъ Аратъ въ преслѣдованiи другой цѣли. Аристиппъ, тираннъ Аргоса, былъ въ постоянномъ страхѣ предъ явными и тайными происками ахэйскаго стратига. Въ какомъ положенiи были тиранны, благодаря близости свободнаго союза съ его предприимчивымъ предводителемъ, это очень хорошо показываетъ разказъ Плутарха объ образѣ жизни Аргосскаго тиранна ²⁾. Домъ Аристиппа былъ постоянно окруженъ оруженосцами и стражей, которая стояла въ преддверiи дворца. Когда приходила ночь, тираннъ принималъ еще новыя мѣры предосторожности: послѣ ужина онъ выгонялъ всѣхъ слугъ, запиралъ за ними дверь, а самъ съ своею возлюбленною (μετὰ τῆς ἐρωμένης) скрывался на чердакѣ (ὀπερῶον) въ маленькой комнатѣ, которая запиралась подъемною дверью. Поставивъ постель на самую дверь онъ спалъ, какъ можно спать послѣ тавихъ предосторожностей, то-есть, очень безпокойно и боязливо. Лѣстницу, по которой боязливый тираннъ взбирался въ свою комнату, брала мать его возлюбленною и запирала эту лѣстницу въ другую комнату, а утромъ опять ставила на ея мѣсто, и оттуда, „какъ пресмыкающiйся звѣрь изъ своей норы“, выползалъ властитель Аргоса ³⁾.

Аратъ нѣсколько разъ тревожилъ Аристиппа то явными нападенiями, то тайными происками. Дорога отъ Сикiона или Коринфеа къ Аргосу, какъ мы уже знаемъ, была ему хорошо извѣстна. Однажды ночью онъ успѣлъ пробраться къ самымъ стѣнамъ города, подставить лѣстницы, взойти въ сопровожденiи нѣсколькихъ человекъ на стѣну, убить стражей и ворваться въ самый городъ. Съ разсвѣтомъ явился противъ него самъ Аристиппъ съ своими наемниками; началась битва. Аратъ держался твердо, но Аргосцы снова остались спокойны: „какъ будто дѣло шло не объ ихъ свободѣ, а о присужденiи награды бойцамъ на играхъ Немейскихъ, они были безпристрастными и справедливыми зрителями“ борьбы. До самаго вечера Ахэйцы удерживали мѣста, которыя были ими заняты. Еслибъ они остались здѣсь на ночь, то дѣло ихъ было бы вполне выиграно. Тираннъ уже собирался бѣжать, его имѣнiе носили къ морю, на корабль. Къ несчастiю, Арату никто не

¹⁾ Plut., Arat., 34.

²⁾ Arat., 26.

³⁾ Ὀπερ ἐρπετόν ἐκ φύσεω καταρχομένον.

далъ знать объ этомъ, а между тѣмъ положеніе его было очень трудно: онъ самъ былъ раненъ, а спутники его томились жаждой; воды у нихъ не было. Отступленіе сдѣлалось необходимымъ ¹⁾.

Не такой человекъ былъ Аратъ, чтобы послѣ попытки, на столько удачной, отказаться отъ дальнѣйшихъ предпріятій. Черезъ нѣсколько времени, лѣтомъ 237 года ²⁾, онъ дѣлаетъ открытое нападеніе и уже опустошаетъ Арголиду. На рѣкѣ Харитѣ (мѣстоположеніе ея не извѣстно) произошло сильное сраженіе; Ахэйцы уже считали себя побѣдителями, одинъ изъ ихъ отрядовъ разбилъ противопоставленный ему аргосскій и далеко преслѣдовалъ его; совершенно неожиданно Аратъ приказалъ отступать, хотя и та часть войска, которая была подъ его непосредственнымъ начальствомъ, не много терѣла отъ непрітелей. Только мнительность и боязливость Арата считались причиной отступленія въ лагерь. Громя раздавались здѣсь обвиненія противъ полководца, который совершенно напрасно упустилъ изъ рукъ побѣду: онъ виновенъ тому, что Ахэйцы со стыдомъ должны смотрѣть теперь, какъ почти побѣжденный непрітель ставитъ трофей въ знакъ побѣды. Арату стало тяжело отъ этихъ упрековъ; давъ одинъ день отдыху, онъ повелъ своихъ Ахэйцевъ къ аргосскому трофею, но увидѣвъ, что число враговъ стало еще болѣе, не рѣшился вступить въ сраженіе и, выпросивъ перемиріе для уборки труповъ (что было полнымъ признаніемъ побѣды Аристиппа), отступилъ назадъ ³⁾.

Неудача была однако вознаграждена успѣхомъ въ другомъ мѣстѣ. *Клеоны*, небольшой городокъ (*πόλις*) ⁴⁾ на пути отъ Аргоса къ Коринѣу, въ двухъ миляхъ отъ Коринѣа и въ трехъ отъ Аргоса ⁵⁾, благодаря ловкости и умѣнью Арата вести переговоры, съ кѣмъ слѣдуетъ, присоединились къ Ахэйскому союзу. Приобрѣтеніе было очень важное. Черезъ Клеоны шла самая удобная дорога отъ подошвы Акрокоринѣа во внутренность полуострова и къ самому Аргосу ⁶⁾. Возстановленіе древняго, но все-таки очень спорнаго права Клеонянъ распоряжаться играми въ сосѣдней долинѣ Немейской было первою наградой Клеонянъ

¹⁾ Arat., 27.

²⁾ См. ниже, примѣч.

³⁾ Въ этомъ разказѣ есть черты очень неблагоприятныя для Арата; вслѣдствіе того мы думаемъ, что Паутархъ пользовался здѣсь не одними мемуарами Арата, но и сочиненіемъ объ Аргосской исторіи *Дини*.

⁴⁾ Strab., 377.

⁵⁾ Ibid., Leak, Morea, III, 326.

⁶⁾ См. Leak, *ibid.*, стр. 328; Curtius, Peloponn., II, 512.

намъ за переходъ ихъ на сторону Ахэйцевъ. Это право давно присвоили себѣ болѣе могущественный Аргось и теперь, конечно, не хотѣлъ отказать отъ него. Такимъ образомъ въ одно время и Клеоны, и Аргось—но послѣдній не въ долину Немеиской, а въ самомъ городѣ, у себя дома—устроили игры и праздникъ. Это было уже нарушеніемъ древнихъ священнѣйшихъ правилъ; но еще далѣе пошли Ахэйцы, когда они, нарушая святость праздника и неприкосновенность благочестивыхъ пилигримовъ, хватали въ плѣнъ тѣхъ изъ нихъ, которые шли въ Аргось ¹⁾).

Аристиппъ не захотѣлъ оставить въ рукахъ Ахэйцевъ новопріобрѣтенные ими Клеоны: пунеть былъ очень опасный для него самого. Немного времени спустя (ὀλίγῳ ὕστερον), слѣдовательно, лѣтомъ или осенью того же 237 года, онъ задумалъ сдѣлать съ своей стороны нападеніе на Клеоны. Его пугало только то обстоятельство, что Аратъ находился не болѣе какъ въ двадцати верстахъ, въ Коринѣ, и могъ всегда явиться на выручку угрожаемаго города. Чтобы вызвать Аристиппа изъ его убѣжища, Аратъ постарался освободить тирана отъ опасеній, возбуждаемыхъ близостію его пребыванія, и удалился въ Кенхреи, отправивъ туда предварительно провіантъ въ количествѣ, очевидно, разчитанномъ на долгое время. Аристиппъ, дѣйствительно, предполагалъ, что Аратъ отправляется въ какую-нибудь дальнюю экспедицію и явился предъ Клеонами. Здѣсь-то и встрѣтилъ его, сверхъ всякаго ожиданія, самъ Аратъ: вечеромъ оставилъ онъ Кенхреи съ своимъ отрядомъ, и ночью, не замѣченный врагами, пробрался въ Клеоны. Утромъ растворились ворота, затрубили трубы, и на Аристиппа началъ ахэйскій

¹⁾ Agat., 28. О Немеяхъ и различныхъ притязаніяхъ въ отношеніи къ ихъ празднованію см. Hegmann, Gottesdienstliche Alterthümer, § 49; Schömann, Griech. Alterth., II, стр. 64; Curtius, Peloponn., II, стр. 507 и 588. Праздникъ Немеискій даетъ точку опоры для хронологіи ближайшихъ событій. Онъ былъ подвижной и отправлялся въ продолженіе пятилѣтія (πενταετηρίς) дважды, но одинъ разъ лѣтомъ, а другой разъ зимой. О лѣтнихъ Немеяхъ несомнѣнно извѣстно, что они праздновались въ началѣ каждаго четвертаго года олимпиады, а зимніе падали или на первый или на второй годъ олимпиады. См. Schömm., Prolegomena къ біографіямъ Агиса и Клеомена, стр. XXXVIII и слѣд. Здѣсь нужно принять лѣтніе Немеи: на это указываетъ уже опустошеніе страны (χώραν ἐπόρθει, то-есть, Арголиды), о которомъ было упомянуто. Притомъ правильный походъ (ἐμβαλὼν φαερῶς) еще болѣе, чѣмъ другіе набѣги Арата, долженъ относиться къ лѣтней порѣ (походъ къ Сивіону, взятіе Коринѣа — также лѣтомъ или весной). Если такъ, то взятіе Клеонъ и сраженіе при Харитѣ будутъ относиться къ 237 году, который составляетъ четвертый годъ 135 олимпиады. Дройзенъ (II, стр. 443) почему-то пугается этого года и предпочитаетъ зимніе Немеи 235 года.

отрядъ съ Аратомъ во главѣ, обратилъ его въ бѣгство и преслѣдовалъ до Микинъ: 1.500 человекъ пало со стороны Аргосцевъ, и самъ тиранъ былъ убитъ какимъ-то Критяниномъ¹⁾. Аратъ послѣ поражения и смерти Аристиппа продолжалъ идти до самаго Аргоса и вошелъ въ самый городъ, но все-таки не успѣлъ окончательно завладѣть имъ. Младшій Аристоммахъ, вѣроятно, сынъ Аристиппа, подоспѣлъ съ царскимъ, то-есть, македонскимъ войскомъ и проникъ вслѣдъ за Аратомъ внутрь городскихъ стѣнъ; произошла борьба между нимъ и Ахэйцами, въ которой граждане Аргоса опять остались безучастными зрителями; никто не двинулся даже изъ тѣхъ, кто былъ на сторонѣ Арата. Жители Аргоса были жестоко наказаны за свое малодушіе. Аристоммахъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ городѣ были сообщники Ахэйцевъ, удавилъ послѣ жестокой пытки 80 человекъ изъ лучшихъ гражданъ, хотя они ни въ чемъ не были виноваты²⁾.

1) Относительно этого послѣдняго пункта Плутархъ прямо ссылается на Динію: *ὡς Δινίας ἱστορεῖ*.

2) Такъ соглашаемъ мы Поливія съ Плутархомъ (Polyb., II, 59; Plut., Arat., 29). Необходимо однако сдѣлать здѣсь небольшое объясненіе. Въ извѣстіяхъ Плутарха и Поливія новые историки находятъ разногласіе. Только одинъ Поливій прямо говоритъ о вторженіи Арата въ самый Аргосъ, о существованіи партіи въ пользу его между Аргивянами, о борьбѣ въ городѣ и о казни 80-ти гражданъ Аристоммахомъ; у Плутарха объ этомъ нѣтъ, будто бы, никакого указанія. На этомъ основаніи одни заподозриваютъ добросовѣстность Поливія, освобождая Аргосскаго тирана отъ тяжелаго обвиненія; другіе находятъ здѣсь недосмотръ у Поливія, смѣшавшаго, будто бы, Аристоммаха втораго съ первымъ. Мы, съ своей стороны, думаемъ, что упреки Поливію лишены здѣсь всякаго основанія, и что онъ нисколько не противорѣчитъ Плутарху. Намъ кажется, что скорѣе можно пожаловаться на краткость и неотчетливость Плутарха, который однако имѣлъ подъ руками и мемуары Арата, и Динію. Плутархъ говоритъ: «Послѣ,пораженія при Клеонахъ, аргосское войско было преслѣдуемо до Микинъ; во время этого преслѣдованія Аристиппъ былъ схваченъ и убитъ однимъ Критяниномъ Трагискомъ, а изъ войска пало болѣе 1.500 человекъ». Микины находятся на разстояніи 40 или 50 стадій отъ Аргоса, то-есть, 7 или 9 верстъ (см. Curt., Pelop., II, 414). Здѣсь, очевидно, кончилось преслѣдованіе вслѣдствіе полнаго уничтоженія неприятельскихъ силъ, но не было никакой причины останавливаться тутъ послѣ такого счастливаго начала. Плутархъ продолжаетъ: «Достигнувъ такого блестящаго успѣха и не потерявъ ни одного изъ своихъ воиновъ, Аратъ однако не вошелъ Аргоса и не освободилъ его». Ясно, стало-быть, что онъ сдѣлалъ эту попытку, явился предъ Аргосомъ. Но вошелъ ли онъ въ самый Аргосъ? Этотъ пунктъ въ разказѣ Плутарха остается темнымъ, а въ немъ-то и заключается вся сила. Если мы найдемъ указаніе на то, что Аратъ былъ уже въ Аргосѣ, то предположить борьбу, о которой говорится у Поливія, было бы необходимо; молчаніе Плутарха о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ ея, казняхъ Ари-

Попытки Арата освободить Аэины и Аргось были неудачны. Особенно неприятно кончилась послѣдняя изъ нихъ, когда добыча ускользнула изъ самыхъ рукъ. Тиранны торжествовали. При дворѣ Аристо-

стомаха, объяснялось бы тѣмъ, что это не относится прямо къ характеристикѣ Арата. «Аратъ не взялъ Аргоса и не освободилъ его, потому что Агія и младшій Аристомахъ проникли въ городъ съ царскою силой и захватили власть надъ нимъ». Слова и выраженія, которыми пользуется здѣсь Плутархъ, несомнѣнно указываютъ на тайное, неожиданное и неприятельское вступленіе въ городъ, на нечаянное и насильственное присвоеніе власти: τῶν περὶ Ἀγίαν καὶ τὸν νεώτερον Ἀριστόμαχον παρεπλεούτων καὶ κατασχόντων τὰ πράγματα. Глаголь ἀπέπλητο самъ по себѣ заключаетъ въ себѣ идею неприятельскаго, насильственнаго вторженія (см. Herod., I, 63; Thucyd., IV, 68; Xenoph., Hellen., VI, I, 18). Предлогъ περὶ, первоначальное значеніе котораго въ сложныхъ глаголахъ *подля, рядомъ* (παρίστανι, παράκειται), иногда немного утрачивая это значеніе, сообщаетъ глаголу идею неожиданнаго, тайнаго дѣйствія. Такъ въ παρεπλήτω: ср. Plut., Cleom., 14, 21; Diod., XX, 102; ср. также Plut., Alcib., 30, Simon., 1. Κατέχειν τὰ πράγματα значитъ *захватить власть силою*: ср. Herod., III, 143, 10; Thucyd., IV, 2, 3, III, 30, 3 и проч. Но если мы припомнимъ, что Аристомахъ несомнѣнно былъ сынъ предъидущаго тирана, что тираннія держалась въ Аргосѣ наслѣдственно, что Македонія и отрядъ македонскій, которымъ начальствовалъ Агія, были въ союзѣ съ тиранными (Plut., Arat., 26) Аргоса, то спрашивается: чтó могло помѣшать Аристомаху войти въ городъ открыто и явно, если здѣсь не было никого, кромѣ привыкшихъ къ рабству и совершенно равнодушныхъ Аргосцевъ? Если бы да же мы узнали, откуда Аристомахъ привелъ македонскій отрядъ, то дѣло было бы еще яснѣе. Можно, кажется, догадываться, что македонская помощь могла явиться только изъ Аэинъ. Припомнимъ, что Димитрій, занятый у себя дѣла, послалъ для подрывленія аэинскихъ гарнизоновъ Виенса. Та же самая опасность грозила теперь Аргосу, и такой же почти интересъ имѣлъ Димитрій защищать здѣсь своихъ союзниковъ. Зачѣмъ былъ Аратъ именно въ Кеихреяхъ, восточной Коринтской гавани, и почему Аристиппъ находилъ очень естественными его приготовления къ морскому походу? Не естественно ли думать, что Аристиппъ, какъ скоро Аратъ началъ тревожить его открытою и правильною войною, обратился съ просьбами о помощи въ Аэины, послалъ туда своего сына, и Аратъ какъ будто готовился встрѣтить его и македонскій отрядъ на морѣ, чтобы не допустить соединенія неприятелей? Аристиппъ, разчитавъ это и не дожидаясь помощи, самъ бросился на Клеоны и былъ убитъ. Преслѣдуя его войско, Аратъ дошелъ до Микинъ, далъ здѣсь отдыхъ войскамъ, которые сдѣлали послѣдній ночной походъ отъ Кеихрей, пошелъ къ Аргосу и вступилъ въ него. Когда онъ былъ уже въ городѣ, прибыла моремъ Агія и Аристомахъ и съ юга проникли въ Аргось тайно и неожиданно для Арата. Мы находимъ такимъ образомъ у самого Плутарха намеки, заставляющіе предполагать присутствіе Арата въ городѣ. Поливій говоритъ кромѣ того о заговорщикахъ, соучастникахъ Арата (μυθῆνα συζητήσθαι τῶν ἑσθῶν αὐτῷ ταῖς ἀμένοις): ихъ нужно предполагать и на основаніи самого Плутарха, который представляетъ дѣло такимъ образомъ, что Аратъ знаетъ тайные планы и опасенія Аргосскаго тирана (гл. 29, въ началѣ). Ари-

маха, между льстецами и паразитами, окружавшими его ¹⁾, ходили преувеличенные и нелѣпые разказы, будто всякій разъ, какъ дѣло доходило до сраженія, у Арата начиналось оцѣпенѣніе, головокруженіе (χάρος προσπίπτει καὶ ἰλιγγος), рѣзь въ животѣ (ἐκταράσσεται μὲν ἡ κοιλία) и трясеніе всѣхъ членовъ (βεβλήθη τὸς ἀστραγάλους), будто, подавъ знакъ къ сраженію, онъ всегда удалялся назадъ, ожидая, чѣмъ кончится дѣло ²⁾.

Неудача въ одномъ мѣстѣ никогда не ослабляла предприимчивости Арата и другихъ лицъ, занимавшихъ въ промежуточные годы между его стратигіями высшую должность въ Ахэйскомъ союзѣ. Случайно сохранилось намъ имя одного изъ этихъ стратиговъ, отправлявшаго свою должность въ 236 году: это былъ Дінта ³⁾. Полиэнтъ разказываетъ объ одной военной хитрости, при помощи которой ахэйскій стратигъ Дінта овладѣлъ маленькимъ городомъ Аркадіи, на границѣ съ Илидой, именно городомъ Ирэей. Авторъ обнаруживаетъ при этомъ нѣкоторое непониманіе ахэйскаго федеративнаго принципа, заставляя Ирэйцевъ проситься въ „подданные“ Ахэйскаго союза; но сущность его извѣстія не подлежитъ сомнѣнію ⁴⁾. Въ союзѣ съ Это-

стомахъ, догадываясь, что кто-нибудь извѣстилъ Арата о намѣреніи его отца сдѣлать нападеніе на Клеоны, въ отмщеніе за это могъ казнить 80 знатныхъ гражданъ тѣмъ скорѣе, что вслѣдствіе ихъ мнимой измѣны погибъ его отецъ. Послѣ этого мы считаемъ излишнею догадку, которую дѣлаетъ Шорнъ (стр. 118, прим.): «Аристомахъ, вѣроятно, не виновенъ въ преступленіи, которое приписываетъ ему Поливій. Изъ двухъ мѣстъ Плутарха (Agat., 25 и 27), можно догадываться что Поливій смѣшалъ младшаго Аристомаха съ старшимъ или даже, скорѣе, съ Аристиномъ». Но при нападеніи на Аргось при Аристинѣ, которое разумѣетъ Шорнъ, Аратъ, очевидно, не имѣлъ сообщниковъ: никто не далъ ему знать даже о томъ, что тираннъ собирается бѣжать изъ города. При Аристомахѣ I Арату не удалось пробраться въ городъ... Мы остановились на этомъ пунктѣ не столько по важности самаго факта, сколько по его значенію для вопроса о безпристрастіи и достовѣрности Поливіа.

¹⁾ Аэиней (VI, 246) называетъ даже одного изъ нихъ по имени.

²⁾ Agat., 29.

³⁾ Въ предыдущіе годы могъ смѣняться съ Аратомъ Маркъ Керинійскій. О Дінтѣ см. Polyaeu., II, 36.

⁴⁾ Монеты съ надписью: 'Αχιῶν ΗΡΑΕΩΝ (Mionnet, II, стр. 248, Supplem., IV, 278) несомнѣнно доказываютъ принадлежность Ирэйи къ Ахэйскому союзу. Изъ того, что Антигонъ Досонъ завладѣлъ ею въ началѣ своего похода на защиту Ахэйцевъ (Polyb., VI, 44, 2), видно, что Ирэя принадлежала въ это время Этолианамъ. Изъ того, что Филиппъ III возвращаетъ ее потомъ Ахэйцамъ (Liv., XXVIII, 8, 5: reddidit Achæis Negram), и изъ того, что потомъ ведутся въ Римскомъ сенатѣ споры за Ирэю между Этолианами и Ахэйцами (Polyb., XVIII,

лянами, уже утвердившимися въ Фигалии ¹⁾, было очень легко овладѣть Иррѣй.

Если кому могло грозить присутствіе Ахэйцевъ на среднемъ теченіи Алфея, то очевидно, тиранну Мегалополя. Можетъ-быть, сюда относятся глухія слова Плутарха ²⁾: „Тотчасъ по смерти Аристиппа Аратъ сдѣлалъ покушеніе противъ Лидіада“. Арату приписывается здѣсь то, что собственно принадлежитъ другому; но онъ уже давно отождествлялся съ Ахэйскимъ союзомъ самими врагами (посольство изъ Аѳинъ съ требованіемъ оставить Коринѳъ, потому что Аратъ умеръ). Какъ бы то ни было, вскорѣ за этимъ, но трудно сказать, чтобы именно вслѣдствіе этого, послѣдовало одно изъ самыхъ рѣшительныхъ событій въ исторіи Ахэйскаго союза.

Послѣ Аргоса однимъ изъ самыхъ важныхъ городовъ Пелопонниса, не принадлежавшихъ къ Ахэйскому союзу, былъ Мегалополь. По своему значенію этотъ городъ стоялъ теперь если не выше Спарты и Аргоса, то никакъ и не ниже ихъ ³⁾. Хотя Аркадскій союзъ пересталъ существовать, но Мегалополь все еще сохранялъ преданія той политики, которая руководила соображеніями одного изъ великихъ государственныхъ мужей Греціи при его основаніи. Вызванный къ жизни гениемъ Епаминонда съ явнымъ намѣреніемъ дать оплотъ Аркадіи и освобожденной Мессиніи противъ Спарты, сдерживать и обуздывать ея властолюбивые порывы, господствуя надъ дорогами, ведущими въ Лаконику ⁴⁾, Мегалополь въ продолженіе всей своей исторіи вѣрно слу-

25, 7), слѣдуетъ, что городъ Иррѣй принадлежалъ нѣкоторое время Ахэйскому союзу до войны съ Клеоменомъ и до взятія его Этолянами.

¹⁾ Polyb.; IV, 3, 6.

²⁾ Arat., 30. Мы уже имѣли нѣсколько случаевъ замѣтить, что Плутархъ не всегда удачно сокращаетъ, безъ сомнѣнія, очень подробный разказъ Арата. Какъ это Аратъ ἐπέβολεσε Λιδιάδῃ? Чрезвычайно странно, что это обстоятельство, по мнѣнію Плутарха, имѣвшее такія важныя послѣдствія, высказано такъ мимоходомъ, безъ всякихъ объясненій. Сравните эту краткую замѣтку съ подробными извѣстіями о походахъ, набѣгахъ, ночныхъ покушеніяхъ на Аргосъ! Дѣло въ томъ, что не Аратъ самъ, а Діята ἐπέβολεσε. Плутархъ, можетъ-быть, читалъ у Арата: «Ахэйцы, Ахэйскій союзъ сдѣлали или сдѣлалъ то и то», и не обращая на это вниманія или не желая вводить новыя личности въ біографію своего героя, написалъ вмѣсто того «Аратъ». Сколько видно изъ всего хода дѣлъ, Аратъ не обращалъ еще вниманія на Аркадію, и съ его стороны было бы неблагоугодно накликалъ новаго врага, не покончивъ со старымъ, съ тиранномъ Аргоса.

³⁾ См. превосходное описаніе развалинъ его у Фишера (Erinnerungen aus Griechenland, стр. 406 — 413): Nirgend ist mir der Gegensatz zwischen alter Pracht und neuer Aermlichkeit greller entgegengetreten.

⁴⁾ Curtius, Peloponn., I, 282.

жилъ этой идеѣ. Мы видѣли, что въ описываемый періодъ одинъ изъ его тиранновъ боролся противъ Спартанскаго царя Акротата, Лидіадъ — противъ Агиса. Болѣе кровавые и трагическіе эпизоды этой борьбы мы еще встрѣтимъ послѣ. Здѣсь, какъ мы видѣли, началось движеніе въ пользу свободы ранѣе, чѣмъ въ Сикіонѣ. Освободители Мегалополя участвовали вмѣстѣ съ Аратомъ въ освобожденіи Сикіона и потомъ отправились въ Кирину на зовъ тамошнихъ гражданъ. Но въ самомъ Мегалополѣ свобода держалась недолго. Та социальная борьба, которая поддерживала тираннію въ Сикіонѣ, существовала и здѣсь; раздоры между богатыми (κτῆματαχοί) ¹⁾ и бѣдными неизбѣжно вели къ тиранніи. Эта форма правленія имѣла за себя въ Мегалополѣ и хорошія воспоминанія, оставленныя Аристоридомъ ²⁾. При печальныхъ опытахъ съ свободою, которая такъ часто вела къ угнетенію одного класса другимъ, даже благородные и честные люди могли увлекаться ложными, но распространенными теоріями о призваніи тиранніи покровительствовать угнетаемымъ. Человѣкъ, уничтожившій дѣло послѣдователей Аркесилая въ Мегалополѣ, былъ Лидіадъ. Не своекорыстіе и презрѣніе къ людямъ заставили его стремиться къ тиранніи: онъ былъ человѣкъ съ благородною душой и благороднымъ честолюбіемъ; именно любовь къ славѣ и ложныя теоріи о высокомъ и счастливомъ призваніи тиранніи вывели его на эту дорогу ³⁾. Вскорѣ послѣ освобожденія Коринѳа Лидіадъ былъ уже тиранномъ въ своемъ отечествѣ ⁴⁾; но достигнувъ цѣли своего честолюбія, онъ долженъ былъ убѣдиться, что роковые вопросы социального устройства не рѣшаются такъ легко: видно, что онъ успѣлъ возбудить противъ себя общее неудовольствіе ⁵⁾. Въ то же время онъ видѣлъ и хорошо понималъ значеніе новаго политическаго явленія на сѣверѣ Пеллопонниса, слѣдилъ за удачными предпріятіями Арата. „Завидуя счастію Арата и боясь въ то же время его покушеній“, онъ рѣшился „и себя освободить отъ ненависти и страха, отъ оруженосцевъ и стражи, и своему отечеству оказать благодѣяніе. Призвавъ Арата, онъ сложилъ съ себя власть и передалъ городъ Ахэй-

¹⁾ Polyb., V, 93, 6.

²⁾ О немъ было сказано выше.

³⁾ Мы почти буквально передаемъ слова Плутарха, Агат., 30.

⁴⁾ Главнымъ образомъ изъ словъ Павсанія (VIII, 27, 12) мы заключаемъ, что Лидіадъ сдѣлался тиранномъ, будучи молодъ, и сложилъ тираннію, когда его умъ съ лѣтами сталъ болѣе зрѣлымъ; слѣдовательно, долженъ быть значительный промежутокъ между началомъ и концемъ его тиранніи.

⁵⁾ Не даромъ говорится, что онъ ταῦτ' ἐστὶν τῆς ἐκ μοναρχίας βαρύτητος, см. Plut., l. c.

цамъ“. Въ такихъ выраженіяхъ Плутархъ передаетъ мотивы и процессъ присоединенія Лидіада и Мегалополя къ Ахэйскому союзу. Не забудемъ, что онъ пишетъ по мемуарамъ Арата, будущаго соперника и политическаго недруга Лидіада. Поэтому мы имѣемъ право смягчить и тотъ неблагоприятный отгѣнокъ, который бросается на безупречную и благородную личность Лидіада объясненіемъ его поступка изъ внутреннихъ страха: мы при этомъ только отдадимъ справедливое предпочтеніе другимъ, болѣе безпристрастнымъ свидѣтелямъ. „Лидіадъ добровольно оставилъ тираннію, хотя въ это время власть его достигла полной прочности и безопасности ¹⁾... Какъ человѣкъ истинно-государственный и умный, предвидя будущее, онъ сдѣлалъ это по собственной волѣ“ ²⁾. Вотъ выраженія, болѣе соответственныя характеру Лидіада, съ какимъ онъ является во всѣхъ случаяхъ своей жизни, и тому положенію дѣлъ, которое вовсе не дѣлало замыслы Арата столь страшными даже для Аристомаха.

Со времени присоединенія Коринѳа не было еще у Ахэйскаго союза такого важнаго приобрѣтенія, какъ присоединеніе Мегалополя. Политическія послѣдствія этого событія должны были обнаружиться въ разныхъ направленіяхъ. Ахэйскій союзъ проникалъ теперь въ самое сердце полуострова: за присоединеніемъ Мегалополя неизбѣжно должно было слѣдовать присоединеніе всей или большей части Аркадіи. Вражда къ Спартѣ, обнаруженія которой мы уже замѣтили, усиливалась и получала новую пищу отъ стараго соперничества гордой своими воспоминаніями Лаконіи и „великаго города“, принесшаго свои преданія въ союзъ. Нечего говорить о томъ, что присоединеніе Лидіада къ свободной федераціи ослабляло принципъ тиранніи въ Пелопоннесѣ. Гораздо важнѣе было то обстоятельство, что такой человѣкъ, какъ Лидіадъ, дѣлался членомъ союза, гдѣ до сихъ поръ давала направленіе только одна личность, оказавшая, правда, громадныя услуги дѣлу свободы, но уже по своему исключительному положенію и нѣкоторымъ свойствамъ характера требовавшая уравновѣшивающей и отчасти дополняющей силы. Лидіадъ могъ ограничивать вліяніе Арата, могъ восполнять отсутствіе въ Ахэйской федераціи настоящаго смѣлаго и энергическаго полководца. Если бросить взглядъ за предѣлы того періода, которымъ мы занимаемся, то мы встрѣтимъ имена Филопимена, Ликорты, Поливіа, главныхъ дѣятелей въ послѣ-

¹⁾ Pausan., VIII, 27, 12.

²⁾ Polyb., II, 44, 5.

дующей исторіи Ахэйскаго союза. Всѣ они происходили изъ Мегалополя.

Присоединеніе Мегалополя къ Ахэйской федераціи послѣдовало, по всѣмъ признакамъ, въ 235 году¹⁾. Менѣе имѣемъ мы возможности опредѣлить, когда — послѣ или прежде этихъ событій — Ахэйцы участвовали въ борьбѣ Этолянъ противъ Димитрія и Македоніи. О самой войнѣ Димитріевой (Δημητριάδος πόλεμος) имѣемъ мы только нѣсколько скудныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ мимоходомъ у Поливіа. „Послѣ смерти Антигона Ахэйцы заключили союзъ съ Этоліей и участвовали въ войнѣ Этолянъ съ Димитріемъ“²⁾. По смерти Димитрія Этоляне не рѣшаются на открытую вражду съ Ахэйскимъ союзомъ, „потому что очень свѣжи были въ памяти услуги, оказанныя имъ Ахэйцами во время Димитріевой войны“³⁾. Сюда же относится замѣчаніе Поливіа о Віотіи. Мы помнимъ, что около времени первой стратигіи Арата, не смотря на его помощь, Віотійцы были побѣждены и присоединились къ Этолійскому союзу. „Спустя нѣсколько времени, когда Этоляне подняли войну противъ Димитрія, отца Филиппа, Віотійцы опять отстали отъ

¹⁾ Въ 235 году, въ годъ своей стратигіи, Аратъ овладѣлъ Клеонами. Немного спустя послѣ этого (ὀλίγῳ ἔσταιρον) Аристиппъ сдѣлалъ неудачное покушеніе возвратить городъ, при чемъ потерялъ свою жизнь. «Тотчасъ по смерти Аристиппа, Аратъ устроилъ свое покушеніе противъ Лидіада»; см. Plut., Arat., 30. Приходится пожалѣть о неопредѣленности такихъ хронологическихъ выраженій и для болѣе точнаго опредѣленія порядка событій обратиться къ соображеніямъ. Необходимо предположить, что присоединеніе Мегалополя совершилось также въ годъ стратигіи Арата. «Призвавъ Арата, Лидіадъ сложилъ свою власть и передалъ городъ Ахэйцамъ». Само собою разумѣется, что переговоры о присоединеніи къ союзу могли быть ведены только оофициальнымъ представителемъ союза, и для этого-то и былъ приглашенъ Аратъ. Есть, конечно, прииѣръ, что Аратъ, не будучи стратигомъ, устраиваетъ подобное дѣло, но при этомъ и замѣчено: «Хотя другой былъ въ это время стратигомъ... (дѣло шло объ освобожденіи Авинъ, см. Plut., Arat., 34). Въ такомъ случаѣ переходъ Лидіада къ Ахэйскому союзу нужно отнести къ 235 году, такъ какъ въ 236 году Аратъ не былъ стратигомъ. «Немного спустя» и «тотчасъ» Плутарха этому нисколько не препятствуютъ, если даже принимать ихъ въ самомъ тѣсномъ значеніи. Но намъ кажется, что нужно еще взять во вниманіе не отмѣченный Плутархомъ промежутокъ между мнимою попыткой Арата противъ Лидіада и отреченіемъ послѣдняго отъ тиранніи. Если мы не рѣшились признать страхъ предъ происками и покушеніями Ахэйскаго стратига главнымъ мотивомъ благородной рѣшимости Лидіада, то очевидно, вѣсть съ этимъ для насъ исчезаетъ всякій поводъ сблизать между собою то или другое дѣйствіе со стороны Ахэйскаго союза, грозившее Лидіаду, и отреченіе послѣдняго отъ тиранніи.

²⁾ Polyb., II, 44, 1.

³⁾ Polyb., II, 46, 1.

нихъ (Этолянъ), и когда Димитрій пришелъ въ Віотію, не испытавъ какихъ-либо особыхъ дѣйствій, вполнѣ передались Македонянамъ¹⁾. Итакъ, Димитрій явился съ своимъ войскомъ въ Віотію, которая до сихъ поръ принадлежала Этолійскому союзу. Онъ могъ прійти сюда только чрезъ Тессалію; слѣдовательно, это было послѣ пораженія, нанесеннаго здѣсь Арату Вионсомъ. Не могъ также Димитрій на своемъ пути миновать и Фермопилъ; слѣдовательно, нужно думать, что Локры, жившіе около Эты, и Фокэйцы охотно пропустили его, и можетъ-быть, тоже передались ему. Опунтскіе Локры еще при Антигонѣ были недовольны тяжестью налоговъ, которыхъ требовали съ нихъ этолійскія власти²⁾. Фокэйцы также имѣли достаточно причинъ жаловаться на своихъ неугомонныхъ сосѣдей: не говоря уже о потерѣ Дельфійскаго храма³⁾, они страдали отъ набѣговъ Этолянъ на пограничные города⁴⁾. Выгнавъ Этолянъ изъ Віотіи, Димитрій (непосредственно послѣ этого или нѣтъ?) предпринялъ походъ въ сердце самой Этоліи, разрушилъ здѣсь древній Плевронъ, знаменитый еще во время Омира⁵⁾, и получилъ за свои подвиги прозваніе Этолійскаго⁶⁾. Рядъ успѣховъ, имъ одержанныхъ, на столько серіозенъ, что, конечно, не въ насмѣшку дано ему это прозваніе⁷⁾.

Въ какой связи находились эти событія на сѣверѣ Греціи съ ходомъ дѣлъ въ Пелопоннискѣ, мы не можемъ положительно сказать по недостатку точныхъ хронологическихъ данныхъ. Можетъ-быть, отрядъ Вионса былъ только передовымъ отрядомъ, за которымъ слѣдовалъ самъ Димитрій съ своимъ войскомъ. Можетъ-быть, Агія, помѣшавшій Арату овладѣть Аргосомъ, былъ отправленъ Димитріемъ изъ Віотіи до похода въ Этолію, черезъ Аттіку. Очевидно только то, что успѣхи Димитрія не имѣли рѣшительнаго вліянія на ходъ дѣлъ въ Греціи, и особенно въ Пелопоннискѣ⁸⁾. Видно, что онъ не имѣлъ возможности

¹⁾ Polyb., XX, 5, 3.

²⁾ Droys., II, стр. 404.

³⁾ Polyb., IV, 25, 8. Schömann, Gr. Alterth., II, стр. 36.

⁴⁾ Polyb., IV, 25, 2.

⁵⁾ Ibid., II, 639; ср. Thucyd., III, 102.

⁶⁾ Strab., X, 451.

⁷⁾ Какъ предполагаетъ Шоръ, стр. 411.

⁸⁾ Предположеніе о занятіи при этомъ Мантиней, вопреки Дройзену (II, 443), не имѣетъ достаточно сильныхъ основаній. Исправленіе текста у Павсанія (II, 8, 6), *Λακεδαιμονίων*, вмѣсто *Μακεδόνων*, принятое и въ изданіи Дидо (только въ латинскомъ переводѣ удержаны почему-то Македоняне), опирается не только на Cleom., 3, но и на Cleom., 5 и Polyb., II, 46, 2. Судьбы Мантиней, особенно

воспользоваться ими для доставленія окончательнаго торжества македонской политикѣ надъ союзомъ двухъ враждебныхъ федерацій. Безъ сомнѣнія, дѣла на сѣверѣ, новыя вторженія хищныхъ сосѣдей, принудили его воротиться въ Македонію, не пожавъ плодовъ побѣдоноснаго похода.

Къ періоду бездѣйствія Македоніи относятся новыя предпріятія Этолянъ, отличающіяся спеціальнымъ характеромъ разбойническихъ набѣговъ, только въ большемъ размѣрѣ, и новыя успѣхи Ахэйскаго союза на пути присоединеній. Спарта послѣ смерти Агиса находилась почти въ беззащитномъ положеніи. Этоляне не забыли, что та самая партія, которая теперь господствовала въ Спартѣ, отправила Агиса на помощь Ахэйскому союзу (въ 241 году). Съ послѣднимъ они примирились; ихъ миръ даже былъ запечатлѣнъ общею борьбой противъ Македоніи. Но мира со Спартой не послѣдовало. Съ другой стороны, съ присоединеніемъ Мегалополя и Лидіада къ Ахэйской федераціи, и въ ней получали новую силу враждебныя Спартѣ вліянія. Этими обстоятельствами Этоляне воспользовались для огромнаго хищническаго набѣга на Лаконику. Пятьдесятъ тысячъ періиновъ были уведены въ рабство, ограбленъ храмъ Посидона на мысѣ Тенарѣ, и сама Спарта подвергалась опасности. Этоляне хотѣли ввести въ нее изгнанниковъ, безъ сомнѣнія, очень многочисленныхъ послѣ переворота, погубившаго Агиса. Не смотря впрочемъ на громадныя размѣры предпріятія, — Этоляне отправились въ походъ со всею военною силой (*πανδημει*), — оно не имѣло, какъ видно, опредѣленной политической цѣли. Изгнанники, которыхъ они вели съ собою, служили только предлогомъ и прикрытіемъ дѣйствительной, то-есть, разбойнической цѣли похода. Только безсердечною гордостію и исключительностью Спартіата объясняются серьезныя или ироническія, но во всякомъ случаѣ жестокія и безумныя слова одного стараго Спартанца: „Враги принесли пользу, облегчивъ Лаконику отъ излишняго населенія“ (которому недавно хотѣли было открыть доступъ въ среду привилегированнаго гражданства) ¹⁾.

ихъ измѣнчивость и непостоянство, очень странны и подаютъ поводъ къ недоумѣніямъ.

¹⁾ Plut., Cleom., 18; ср. *ibid.*, 10; Polyb., IV, 34, 9 и IX, 34, 9. Не смотря на авторитетъ Шеманна и Дройзена, мы относимъ набѣгъ Этолянъ ко времени, послѣдовавшему за смертью Агиса, а не ранѣе ея (не въ 242-му, какъ у Дройзена, II, 387, прим.). Противъ комбинацій, представляемыхъ Дройзеномъ, довольно будетъ, кажется, замѣтить, что онъ относитъ набѣгъ Этолянъ именно къ тому самому времени, которое, по прямому указанію источниковъ, не представляло никакихъ препятствій дѣлу реформы въ Спартѣ: μηδενὸς ἐνισταμένου μηδὲ διαχωλοῦτος (Plut.,

Иначе пользовался благоприятнымъ положеніемъ дѣль союзъ Ахэйскій. Въ немъ является въ это время новый, свѣжій и энергическій дѣятель. На слѣдующій же годъ послѣ своего присоединенія къ союзу (въ 234 году) Лидіадъ былъ избранъ въ стратиги Ахэйской федераціи. Это было справедливою наградой за его благородный поступокъ¹⁾. Отношенія Лидіада къ Арату сразу обрисовались не совѣзмъ дружескими красками. Самый характеръ обоихъ не обѣщаль сближенія и дружбы между ними. Уже извѣстные намъ факты заставляютъ видѣть въ личности Лидіада характеръ благородный, прямой, рѣшительный, способный къ энтузіазму и увлеченію. Нельзя всѣхъ этихъ эпитетовъ приложить къ человѣку, который одинъ и безъ соперниковъ уже десять лѣтъ (245—235 гг.) управлялъ доселѣ союзною политикою, велъ дѣла съ большою ловкостью, изворотливостью, но съ измѣнчивостью и непостоянствомъ дипломата, съ хитрою расчетливостью и довольно незастрѣчивымъ выборомъ средствъ для достиженія цѣли. Въ одной только ненависти и въ одномъ пристрастіи Аратъ былъ твердъ и постояненъ—въ ненависти къ тиранинн и пристрастіи къ Аргосу и Аѳинамъ. Въ этомъ онъ, можетъ-быть, руководился, дѣйствительно, не однимъ расчетомъ, но и сердечными симпатіями и антипатіями. Сдѣлавшись стратигомъ, Лидіадъ, конечно, не хотѣлъ рабски идти по стопамъ своего предшественника, не думалъ слѣдовать его внушеніямъ. „Имѣя честолюбивую мысль прев-

Ag., 13 въ началѣ). А такое событіе, какъ нашествіе Этолянъ, заставило бы, вѣроятно, забыть о внутреннихъ дѣлахъ. Ужъ одно то, что страшный набѣгъ Этолянъ не играетъ никакой роли ни въ біографіи Агиса, ни въ біографіи Клеомена, заставляютъ отнести его къ промежутку между смертію Агиса и началомъ самостоятельной дѣятельности Клеомена. Кроме того этотъ набѣгъ, разумѣется, не могъ послѣдовать въ періодъ дружбы Спартанцевъ съ Этоліей (съ 228 года), при Клеменѣ, а съ другой стороны, по замѣчанію Плутарха, сдѣланному мимоходомъ, онъ случился въ годы, не слишкомъ отдаленные отъ Клеоменовой реформы, и слѣдовательно, отъ почти одновременнаго сближенія съ Этоліей; см. Plut., Cleom., 18, въ концѣ: ὀλίγου δὲ χρόνου διακλίσις. По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы помѣщаемъ этолійское нашествіе на Лаконику въ промежутокъ времени отъ 236 до 234 г. Мы не видимъ также причины думать, вопреки словамъ Поливія (IV, 34, 9: ἐξυδραποδίσαντο τοὺς περὶολίους), что большая часть взятыхъ въ плѣнъ были илоты, какъ полагаетъ Шеманнъ (Gr. Alterth., II, 201, прим.). Слова Плутарха: πέντε μυριάδας ἀνδραπόδων ἀπύγατον — нисколько не даютъ повода къ этому; они значатъ только: Этоляне увели 50 т. *племенищъ*. Слово ἀνδραπόδων даже по преимуществу означаетъ челоука, обращеннаго въ рабство (не природнаго раба), военноплѣннаго; см. Xenoph., Anab., IV, I, 12; Hellen., I, 6, 15; Thucyd., VIII, 28.

¹⁾ Plut., Arat., 39; Pausan., VIII, 18, 12.

зойдти славой Арата, онъ задумалъ многія дѣла, которыя не казались необходимыми (Арату), и между прочимъ объявлялъ о походѣ противъ Лакедомонянъ¹⁾. Вражда противъ Спарты, желаніе войны съ нею дѣло очень естественное въ бывшемъ тираннѣ Мегалополя. Но въ самомъ дѣлѣ, походъ противъ ослабленной и разстроенной Спарты былъ, кажется, дѣломъ излишнимъ. Какія другія предпріятія имѣлъ въ виду Лидіадъ? Чѣмъ онъ хотѣлъ превзойдти Арата, присоединившаго къ союзу Сикіонъ, Коринѣ, Мегару, Тризину, Епидавръ, Клеоны? Вспомнимъ, что въ исторіи Мегалополя, кромѣ вражды къ Спартѣ, были другія, болѣе положительныя и славныя преданія, способныя одушевлять такихъ людей, какъ Лидіадъ. Федеративныя стремленія, которыя теперь воплощаются въ Ахэйскомъ союзѣ и Аратѣ, стояли также великимъ воспоминаніемъ въ началѣ исторіи Мегалополя. Не имѣли ли эти преданія нѣкоторой доли вліянія на рѣшимость Лидіада пристать къ Ахэйскому союзу, пожертвовавъ самостоятельностью роднаго „великаго города“? Не представлялась ли ему мысль, при помощи Сѣверно-Пелопонниской федераціи привести въ исполненіе еще болѣе въ широкихъ размѣрахъ планъ Ликомеда? Не даетъ ли права думать такъ вся послѣдующая исторія Мегалополя, всегда остававшаяся самымъ искреннимъ, самымъ преданнымъ федераціи городомъ, и направленіе соотечественниковъ Лидіада — Филопимена, Ликорты, Поливія, отличавшихся самою непоколебимою приверженностью къ федеративному устройству? Если предположимъ, что именно съ такими идеями и цѣлями Лидіадъ вошелъ въ союзъ Ахэйскій, то легко угадать, на что и куда должна была прежде всего направиться его дѣятельность. Аркадскій союзъ долженъ былъ возродиться въ новой силѣ; примѣру Мегалополя должна была послѣдовать вся Аркадія, все, что прежде принадлежало къ федераціи, основанной Епаминондомъ и Ликомедомъ. Безъ сомнѣнія, Аратъ былъ не противъ этого, но только, какъ теперь говорится, въ принципѣ. Выборъ времени и случая онъ желалъ бы предоставить себѣ. Не въ эту сторону онъ до сихъ поръ обращалъ главнымъ образомъ свое вниманіе. Аѣины и Аргосъ занимали его прежде всего. Только однажды онъ сдѣлалъ попытку противъ аркадскаго города. Но это была Кинэа, городъ, который и своимъ географическимъ положеніемъ, и своими политическими порядками, или лучше, безпорядками — можно сказать — просился въ Ахэйскій союзъ. Кинэяне одни изъ всѣхъ Аркадянъ жили внѣ естественныхъ,

¹⁾ Plat., Arat., 30: Φιλοτιμούμενος δὲ εὐθὺς δόξῃ ὑπερβαλεῖν τὸν Ἄρατον, ἄλλας τὲ πρᾶξεις οὐκ ἀναγκαίας εἶναι δοκούσας καὶ στρατείαν ἐπὶ Λακεδαιμονίους παρήγγαλλον.

горныхъ границъ своего народа (на сѣверномъ склонѣ Ароанійскихъ горъ, связывающихъ Ериманозъ и Киллену), въ верхней долиніѣ рѣки Ерасина, принадлежавшей своимъ теченіемъ къ Ахаіи ¹⁾). Внутри города сильнѣе и ожесточеннѣе, чѣмъ гдѣ-либо, велась борьба между олигархическою и демократическою партіями, съ обыкновенными ея послѣдствіями: раздѣленіемъ полей, расхищеніемъ чужихъ имуществъ, изгнаніями и убійствами ²⁾). Одна изъ этихъ партій вошла въ сношеніе съ Аратомъ, желая передать ему городъ. Обманувшись насчетъ условнаго знака, Аратъ не успѣлъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, не присоединилъ все-таки города къ союзу ³⁾). Когда это было — невѣдомо; по словамъ Поливіа, — въ то время, когда Аратъ былъ еще очень молодъ ⁴⁾), слѣдовательно, когда еще не вполне образовался планъ его политической дѣятельности. Съ тѣхъ поръ только одна Ирра была захвачена въ Аркадіи, но не Аратомъ, а Діптою. Тайственное и темное покушеніе или заговоръ противъ Лидіада со стороны ахэйской опять скорѣе всего относится къ этому же факту замятніа Ирреей, чѣмъ къ прямой дѣятельности Арата. Могъ ли оставаться въ такой же степени равнодушнымъ къ Аркадіи, своему отечеству, новый стратегъ Ахэйскаго союза, Лидіадъ?

Въ послѣдствіи, по смерти Димитрія, не только Кинэа, но и Стимфалъ, Клиторъ, Феней, Кафій, Телфуса принадлежать къ Ахэйскому союзу ⁵⁾). Когда и кѣмъ они приобрѣтены? Не Аратомъ: иначе объ этомъ было бы что-нибудь сказано въ его биографіи. Въмѣсто того мы читаемъ у Плутарха, при исчисленіи успѣховъ, сдѣланныхъ союзомъ по смерти Димитрія, очень краткую, но тѣмъ болѣе странную фразу, которая говоритъ, что тогда и большая часть Аркадіи принадлежала къ союзу ⁶⁾). Все, присоединенное Аратомъ, упоминается на своемъ мѣстѣ, даже съ утомительно-однообразными подробностями его ночныхъ походовъ; а здѣсь о большей части Аркадіи сказано только неопредѣленная фраза. Для насъ это будетъ понятно. Аратъ разказывалъ въ своихъ мемуарахъ только о своихъ подвигахъ и заслугахъ,

¹⁾ Curtius, Peloponn., I, стр. 382, 399, 404 и проч.

²⁾ Polyb., IV, 17, 4.

³⁾ Polyb., IX, 17.

⁴⁾ Ibid., 17, 9: νεὸν ἀκμῆν ὄντα.

⁵⁾ Polyb., II, 52, 55; IV, 19.

⁶⁾ Plut., Arat., 34: Προσεχώρησαν δ' εὐθὺς Αἰγινῆται καὶ Ἑρμιονεῖς τοῖς Ἀχαείοις, ἣ τε πλεῖσται τῆς Ἀρκαδίας αὐτοῖς συνετέλει. Обращаемъ вниманіе на способъ выраженія Плутарха: тамъ *προσεχώρησαν*, здѣсь *сυνετέλει*, тамъ *приступили*, здѣсь *уже принадлежала* (къ союзу).

а не о заслугахъ Лидіада. Плутархъ пишетъ, съ своей стороны, только біографію Арата, а взглядъ его на этотъ родъ историческихъ сочиненій извѣстенъ. Притомъ онъ вполне слѣдуетъ своему главному источнику и не ищетъ здѣсь другихъ источниковъ, а можетъ-быть, и не имѣетъ ихъ ¹⁾). Итакъ, присоединеніе аркадскихъ городовъ принадлежитъ Лидіаду и послѣдовало за его переходомъ къ Ахэйской федераціи. Какъ бы то ни было, планы Лидіада, требуя, безъ сомнѣнія, военныхъ дѣйствій противъ городовъ Аркадіи, не хотѣвшихъ слѣдовать примѣру Мегалополя и приглашеніямъ Лидіада, встрѣчали оппозицію со стороны Арата. Сдѣлавшись снова стратигомъ (въ 233-мъ году), онъ въ концѣ своего управленія всячески старался о томъ, чтобы власть была передана на слѣдующій годъ кому-нибудь другому, только не Лидіаду. Самъ онъ, согласно съ конституціей, избирался въ стратиги-президенты только чрезъ годъ ²⁾). Но какъ видно, народъ умѣлъ цѣнить достоинства Лидіада, можетъ-быть, даже видѣлъ его услуги союзному дѣлу. Въ 232 году Лидіадъ былъ снова, во второй разъ, избранъ въ президенты федераціи, не смотря на противодѣйствіе Арата.

Но безъ сомнѣнія, были также люди, которые, подобно героямъ Езопова разказа, разсуждали, что Еѳіопъ никогда не можетъ измѣнить черный цвѣтъ своего тѣла на бѣлый, что судьбы свободной федераціи не могутъ быть безопасны въ рукахъ человѣка, нѣкогда имѣвшаго неограниченную власть въ своемъ государствѣ. Каждое слово, каждый поступокъ Лидіада естественно подвергались у такихъ людей болѣе строгой, болѣе внимательной критикѣ, чѣмъ дѣла и поступки Арата, хотя бы послѣдній позволялъ себѣ несравненно больше произвола и самовластия. „Казалось, что искусственный, притворный характеръ борется съ истинною и безпримѣсною добродѣтелью“ ³⁾). Такъ характеризуется у Плутарха дошедшее до открытой вражды соперниче-

¹⁾ Намъ неизвѣстно никакого спеціальнаго историка Аркадіи или Мегалополя. Думаемъ, что наше объясненіе плановъ Лидіада гораздо правдоподобнѣе и согласнѣе съ показаніями источниковъ, чѣмъ предположеніе Дройзена (II, стр. 446, примѣч.), что Плутархъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ имѣетъ въ виду внутреннее устройство союза, именно, что Лидіадъ стремился къ разумнымъ реформамъ конституціи. И само по себѣ не вѣроятно, чтобы человѣкъ, только-что вступившій въ союзъ, конечно, съ убѣжденіемъ въ превосходствѣ его учрежденій, сейчасъ же сталъ предлагать свои уставы, и едва-ли можно разумѣть въ такомъ смыслѣ прѣдѣис Плутарха, притомъ поставленныя въ связь съ *στρατεία*.

²⁾ Arat., 30: 'Αὐτὸς μὲν... παρ' ἑμαυτὸν ἦρχε.

³⁾ Plut., Arat., 30.

ство между Аратомъ и Лидіадоуъ, и біографъ, конечно, слѣдуетъ здѣсь своему авторитету, мемуарамъ Арата, а можетъ-быть, прямо повторять его слова и сравненія. Большинству казалось сначала, что Аратъ только изъ зависти противодействуетъ вліянію Лидіада, его избранію въ стратиги ¹⁾. Но потомъ пылкій и не совсѣмъ осторожный Лидіадъ, хотя именно къ нему относится въ вышеприведенномъ сравненіи „искусственный, притворный характеръ“, позволилъ себѣ зайти слишкомъ далеко въ борьбѣ съ Аратомъ: „Онъ обнаруживалъ явную ненависть (къ Арату) и часто обвинялъ его предъ собраніемъ Ахэйскимъ“ ²⁾. Трудно было уронить авторитетъ Арата; его вѣрность и преданность союзу была доказана всею исторіей его жизни; его добродѣтель въ этомъ отношеніи была, дѣйствительно, безпримѣсна и вполнѣ истинна. Опасно было ставить вопросъ такимъ образомъ: или Лидіадъ, или Аратъ, но не оба вмѣстѣ. На Лидіадѣ все-таки оставалось пятно отъ его прошлой жизни: онъ былъ тиранномъ. „Езопъ разказываетъ, что кукушка однажды спрашивала маленькихъ птичекъ, почему онѣ бѣгаютъ ея. Тѣ отвѣчали, что она потомъ сдѣлается ястребомъ. Точно также казалось, что Лидіада изъ временъ его тиранніи вездѣ сопровождало подозрѣніе, вредившее довѣрію въ искренность его переменъ“ ³⁾. Можетъ-быть, самому Арату принадлежитъ это остроумное сравненіе; можетъ-быть, только съ сожалѣніемъ Ахэйцы жертвовали Лидіадоуъ Арату; но во всякомъ случаѣ, какъ это мы увидимъ послѣ, положеніе Арата въ союзѣ было несравненно прочнѣе, чѣмъ довѣріе Ахэйцевъ къ благородному характеру Лидіада, выразившееся въ троекратномъ избраніи его на высшую должность въ федераціи ⁴⁾.

Димитрій все еще былъ занятъ борьбою на сѣверныхъ границахъ своего царства противъ варваровъ, грозившихъ вторженіемъ. Онъ по необходимости долженъ былъ отказаться отъ прямого вмѣшательства

¹⁾ Plut., Arat., 30.

²⁾ Ibid.

³⁾ Plut., Arat., 30. Здѣсь заключается указаніе на повѣрье о превращеніи кукушки въ ястреба, находящееся, быть-можетъ, въ связи съ нашею пословицей: «промѣнять кукушку на ястреба». Что касается самой мысли, заключающейся въ сравненіи, то едва-ли она принадлежитъ самому Плутарху. Плутархъ назвалъ Лидіада благороднымъ человекомъ и однако съ притворнымъ характеромъ: нѣкоторое противорѣчіе, здѣсь заключающееся, объясняется тѣмъ, что Плутархъ слѣдуетъ мемуарамъ Арата.

⁴⁾ Лидіадъ былъ три раза стратигомъ; когда же онъ несалъ этой должности въ четвертый разъ, его не выбрали; см. Plut., Arat., 30. Слѣдовательно, годы стратигіи Лидіада будутъ 234, 232 и 230, каждый разъ съ весны.

силой оружія въ дѣла Греціи. Чтобы поддержать свое вліяніе и не допустить поглощенія всего Пелопоннуса и прежде всего союзныхъ тиранній, Аргоса, Фліунта и проч., Ахэйскимъ союзомъ, онъ долженъ былъ дѣйствовать другимъ путемъ. Не смотря на благоприятныя условія, мы видимъ, что въ его царствованіе Ахэйскій союзъ и Аратъ немного подвинулись въ эту сторону. Аристомахъ и другіе тиранны держались до самаго конца жизни Димитрія. Откуда они получали силы и средства къ этому? Только субсидіи, получаемыя отъ царя Македоніи, давали имъ возможность содержать наемныя войска въ достаточномъ количествѣ, и не смотря на покушенія Арата, недовольство и заговоры собственныхъ подданныхъ, поддерживать свою власть въ ожиданіи болѣе прямой помощи. Незавидную роль они играли теперь; ихъ число уже уменьшилось, и только благодаря тому, что издержки представленія уплачивались изъ казны Димитрія, тиранны не отказывались отъ своей печальной роли ¹⁾.

Не въ одномъ Пелопоннисѣ царь Македоніи принужденъ былъ дѣйствовать такимъ образомъ. Этоляне снова тревожатъ въ это время Акарнанію (около 231 года). Они хотѣли принудить одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Акарнаніи, Медеонъ, сосѣдній съ Этоліей, войти въ свой союзъ ²⁾. Обратились ли жители Акарнаніи къ Димитрію, или онъ самъ не хотѣлъ терпѣть усиленія Этолійскаго союза въ средней Греціи, какъ противодѣйствовалъ Ахэйскому въ южной, — неизвѣстно. Только, не имѣя возможности помочь прямо, Димитрій деньгами склонилъ Агрона, царя Илирійскаго, оказать защиту жителямъ Медеоиа. Илирійцы, то-есть, жители нынѣшней Далмаціи, Черногоріи и Сѣверной Албаніи, давно занимались грабежами на Адриатическомъ морѣ. Теперь они явились на помощь Акарнаніи и разбили Этолянъ. Но Греція немного выиграла отъ ихъ вмѣшательства въ ея дѣла. Царь Агронъ и потомъ его вдова и наслѣдница, Тевта, получили еще болѣе смѣлости и дерзости вслѣдствіе побѣды надъ самымъ воинственнымъ племенемъ Греціи; Илирійцы начинаютъ послѣ этого пиратствовать въ еще болѣе большихъ размѣрахъ. Легкія „либурнскія“ суда Илирійцевъ дѣлаются ужасомъ всѣхъ береговыхъ странъ западной Греціи; Элида, Мессинія страдали отъ нихъ. Кто могъ унять этихъ разбойниковъ? Македонія съ давняго времени исполняла должность оберегательницы и защитницы Грековъ противъ сѣверныхъ варваровъ; но теперь царь Македонскій не только принужденъ былъ отказаться отъ

¹⁾ Polyb., II, 44, 3. Димитрій здѣсь названъ *χορηγός καὶ μεσιότης* тиранновъ.

²⁾ Polyb., II, 2, 6. Время видно изъ первыхъ словъ этой же главы.

этой роли, а еще самъ нѣкоторымъ образомъ содѣйствовалъ хищническимъ стремленіямъ Иллирійцевъ. Оставались двѣ силы, которыя значили что-нибудь въ это время — Этолійская федерація и Ахэйская, и если онѣ, особенно первая, старались вытѣснить вліяніе Македоніи изъ Греціи, то должны были взять на себя ея роль, ея обязанности въ отношеніи къ незащитнымъ греческимъ областямъ. Дѣло, дѣйствительно, пришло къ этому. Иллирійцы напали на Финику, одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ Епира. Епироты, въ это время тоже принявшіе федеративно-республиканское устройство, обратились къ союзнымъ федераціямъ, Ахаи и Этоліи, съ просьбой о помощи противъ варваровъ. Помощь была послана, но до сраженія съ пиратами дѣло не дошло. Иллирійцы, призываемые домой своею царицей вслѣдствіе возстанія и отпаденія нѣкоторыхъ племенъ Иллиріи, ушли, заключивъ перемиріе съ Епиротами, но опустошивъ предварительно ихъ область. Не смотря на это, Епиръ почему-то вскорѣ пришелъ къ тому убѣжденію, что лучше и выгоднѣе быть въ союзѣ съ Иллиріей, чѣмъ съ двумя греческими федераціями. Акарнанія тоже послѣдовала примѣру Епира, имѣя еще болѣе основаній не радоваться покровительственной роли, которую брала на себя Этолія. При помощи новыхъ союзниковъ Иллирійцы нашли возможнымъ еще болѣе расширить свои операціи. Эпидамнъ, Керкира, Аполлонія дѣлаются цѣлю ихъ набѣговъ. Не имѣя силъ защищаться, всѣ три политіи посылаютъ коллективную просьбу къ обоимъ союзамъ о защитѣ (въ 229 году). Выслушавъ пословъ и принявъ ихъ просьбу, Ахэйцы и Этоляне снарядили десять кораблей, принадлежавшихъ Ахэйцамъ ¹⁾, и отправили ихъ на помощь Керкирѣ, угрожаемой въ это время пиратами. Экспедиція была неудачна. Ахэйская флотилія съ ахэйскимъ и этолійскимъ экипажемъ была разбита соединеннымъ флотомъ Иллиріи и Акарнаніи. Четыре ахэйскія квадриремы были взяты, одна пентирема потоплена. На этой послѣдней находился и погибъ Маркъ Керинійскій, первый стратигъ Ахэйскаго союза послѣ введенія единичной стратигіи, человекъ, оказавшій много услугъ Ахэйскому союзу и вѣрно служившій ему до своей смерти ²⁾. Керкира должна была сдаться корсарамъ Иллиріи.

Мы остановились на этихъ событіяхъ, потому что они печально обнаруживаютъ военное безсиліе не только одной Ахэйской федераціи, но и обоихъ союзовъ, соединенныхъ вмѣстѣ, и еще разъ доказываютъ, какъ необходима была Македонія для безопасности и защиты

¹⁾ Polyb., II, 9, 9.

²⁾ Polyb., II, 43, 2, 10, 5.

чисто-эллинскаго міра. На этотъ разъ уже является на сцену другая сила, неся съ собою рѣшеніе судьбы Ахэйскаго союза и всей Греціи въ близкомъ будущемъ; другая сила берется за рѣшеніе той задачи, которая оказалась не по плечу самимъ Грекамъ. Римъ вмѣшивается въ дѣла Греціи уже не дипломатическимъ, а военнымъ путемъ. Онъ не хотѣлъ болѣе терпѣть на Адриатикѣ морскаго разбоя, вредившаго интересамъ его торговли на этомъ морѣ, и склонился на просьбы жителей Аполлоніи и Иссы, не ждавшихъ ни откуда болѣе помощи. Необыкновенно величественно было первое появленіе Римлянъ въ Греціи. Весной 229 года явился ихъ флотъ, состоявшій изъ 200 линейныхъ кораблей, съ десантнымъ отрядомъ на нихъ: въ пухъ и прахъ были разбиты пиратскія флотиліи; одно за другимъ были взяты укрѣпленныя убѣжища пиратовъ. „Можно спросить, что было сильнѣе въ Греціи, радость или стыдъ, когда вмѣсто десяти кораблей Ахэйскаго союза, самой большой военной силы въ Греціи, двѣсти парусовъ варварскаго флота вошли въ ея гавани и однимъ ударомъ рѣшили задачу, которая досталась Грекамъ, и предъ которой они такъ жалко оказались несостоятельными“¹⁾.

Блистательно окончивъ свое дѣло, утвердившись на греческомъ берегу Адриатики, Римляне почли нужнымъ отдать долгъ и дипломатическимъ приличіямъ. Они отправили пословъ въ Этолянамъ и Ахэйскому союзу. Явившись сюда, послы прежде всего дали оправдательныя объясненія (ἀπελογίσαντο) причинъ войны и своего появленія въ греческихъ водахъ, потомъ сообщили о томъ, что было ими сдѣлано, и наконецъ прочитали трактатъ, заключенный ими съ Иллирійцами²⁾. „Таково было первое явленіе Римлянъ съ *военною силой* въ Иллиріи и въ этихъ частяхъ Европы, и такія причины имѣли ихъ дипломатическія сношенія (ἐπιπλοκή μετὰ πρεσβείας) съ народами Греціи“, — включаетъ свой разказъ Поливій.

Около времени похода Римлянъ въ Иллирію, ранѣе, чѣмъ пришла къ концу третья стратегія Лидіада, начавшаяся въ маѣ 230 года, слѣдовательно, въ первыхъ мѣсяцахъ 229 года, умеръ Димитрій³⁾. Съ его смертію дѣла Ахэйскаго союза принимаютъ самое благо-

¹⁾ Mommsen, R. G., I, стр. 526 (2-го изд.).

²⁾ Polyb., II, 12, 7.

³⁾ Polyb., II, 42, 2. Clinton, F. H., стр. 276 (Křüger). Что Лидіадъ былъ еще стратегомъ, это видно изъ исторіи освобожденія Аеинъ и Аргоса, послѣдовавшаго вскорѣ за смертію Димитрія. Въ такомъ случаѣ смерть Димитрія должна быть отнесена къ марту или февралю мѣсяцу 229 года.

пріятное направленіе къ достиженію первоначальной союзной программы ¹⁾. Тиранны Пелопонниса потеряли послѣднюю надежду и послѣднюю поддержку. Не ожидая ни откуда помощи, они увидѣли себя въ необходимости отказаться отъ выгодъ своего положенія и сложить съ себя тираннію. Аратъ ускорялъ ихъ рѣшимость: въ эту благопріятную минуту онъ сталъ еще болѣе „налегать“ (ἐπιχειρεῖν) на нихъ. Кто отказывался добровольно отъ своей власти и присоединялся къ союзу, тотъ получалъ большіе дары и почести; кто медлил и не рѣшался разстаться съ прелестями самовластиа, тому грозили всѣ силы Ахэйскаго союза ²⁾.

Исторія опять начинается съ Аргоса и Аѳинъ. „По смерти Димитрія Аѳиняне устремились къ свободѣ и признавъ, (наконецъ!) доблесть Арата, пригласили его къ себѣ“ ³⁾. Аратъ въ это время былъ боленъ, какъ кажется, вслѣдствіе одного изъ своихъ походовъ, тоже направленаго противъ Аѳинъ. Плутархъ даетъ понять, что кромѣ разказанныхъ имъ и переданныхъ нами на своемъ мѣстѣ попытокъ Арата къ освобожденію Аѳинъ, были еще и другія. Въ одну изъ такихъ экспедицій Аратъ вывихнулъ себѣ ногу, и такъ какъ въ то время врачи не отличались большимъ искусствомъ, то благодаря ихъ многочисленнымъ операціямъ (τομάς ἔλαβε πολλάς), онъ долго не могъ оправиться и являлся въ походахъ только на носилкахъ ⁴⁾. И теперь, получивъ приглашеніе изъ Аѳинъ, онъ оставилъ свою постель, и больной, въ носилкахъ, явился на зовъ Аѳинянъ. Дѣло освобожденія Аѳинскаго народа не требовало, впрочемъ, большихъ усилій. Нужно было удалить македонскій гарнизонъ, стоявшій въ Пирѣѣ, Муннихіи, на островѣ Саламинѣ и мысѣ Суніи. Главнымъ начальникомъ македонскихъ отрядовъ все еще былъ тотъ самый Діогенъ, который нѣкогда такъ неудачно повѣрилъ смерти Арата. Теперь у него не было прежней самоувѣренности. Вѣсти изъ Македоніи не могли внушить ей. Димитрій умеръ, оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына Филиппа; вопросъ о регентствѣ, о замѣщеніи трона производилъ волненіе и даже безпорядки ⁵⁾. Дарданяне хотѣли воспользоваться междуцарствіемъ и

¹⁾ Polyb., II, 44, 2.

²⁾ Polyb., ibid.

³⁾ Plut., Arat., 34. Нужно ли замѣчать, что эти слова принадлежатъ если не слѣшкомъ большой наивности Плутарха, то нѣкоторому тщеславію Арата?

⁴⁾ Arat., 33 въ концѣ.

⁵⁾ См. Justin., XXVIII, 3, 10.

тотчасъ по смерти Димитрія ворвались въ предѣлы самой Македоніи ¹⁾). Этояне снова грозили Фессалии ²⁾; въ Віотиі волновалась партія, враждебная Македоніи ³⁾). Діогенъ легко могъ быть отрѣзанъ отъ Македоніи. Неудивительно поэтому, что онъ вошелъ въ переговоры объ очищеніи Аѳонской области македонскими войсками и требовалъ въ видѣ вознагражденія за это уплаты 150 талантовъ. Аратъ, должно-быть, изъ собственныхъ средствъ пожертвовалъ 20 талантовъ для составленія требуемой суммы ⁴⁾). Діогенъ удалился, и Аѳоны сдѣлались свободны. Здѣсь оказывается, что Аратъ при своихъ многочисленныхъ стараніяхъ о свободѣ Аѳонскаго народа не имѣлъ въ виду какихъ-нибудь узкихъ, еще менѣе своекорыстныхъ цѣлей. Аѳоны не были присоединены къ Ахэйскому союзу ⁵⁾). Ясно, что и желанія самого Арата не шли такъ далеко — до превращенія Аѳонъ въ ахэйскій городъ. Если бы желанія Арата расходились съ волею Аѳонскаго народа, то безъ сомнѣнія, Аѳоняне не получили бы отъ него столь значительнаго пожертвованія. Почему же Ахэйскій стратигъ не хотѣлъ употребить своего вліянія въ пользу расширенія союза? Потому, говорятъ намъ, что Аратъ боялся того духа, который господствовалъ въ Аѳонахъ. Аѳоны были слишкомъ демократичны для ахэйской союзной демократіи. Около этого же времени обнаруживаются здѣсь такія стремленія, которыя не подъ стать были Арату и ахэйской буржуазіи, — изгнаніе изъ острова Саламина старыхъ жителей и раздѣлъ ихъ полей Аѳонскимъ клирухамъ, колонистамъ ⁶⁾). Но мы знаемъ, что такія стремленія существовали не въ однихъ Аѳонахъ: въ Сикионѣ, Мегалополѣ и Кинэѣ партія, на знамени которой были написаны: *γῆς ἀναδασμός* (раздѣлъ земли) и *ἀρπαγαὶ τῶν ὑπαρχόντων* (расхищеніе чужой собственности), была едва-ли не въ большей силѣ. Была она и въ Аргосѣ, къ которому стремился теперь же Аратъ, и въ Коринѣ, однимъ словомъ, вездѣ, какъ это уже обнаружилось во время похода

¹⁾ Ibid.

²⁾ См. Droys., II, 470.

³⁾ Polyb., XX, 5, 5 — 2.

⁴⁾ Plut., Atrat., 34. Павсанія (II, 8, 6) говоритъ, что Аратъ далъ шестую часть суммы, то-есть, 25 талантовъ.

⁵⁾ Предположеніе Брикнера о присоединеніи Аѳонъ къ союзу, отмѣченное нами выше (въ 1-й главѣ), ни на чемъ не основано. Плутархъ говоритъ только, что Аратъ склонялъ Діогена отдать Пирей и Мунихію Аѳонянамъ; ср. Paus., II, 8 и 9.

⁶⁾ Böckh, C. Inscr., № 108.

Агиса и еще сильнѣе обнаружится черезъ два, три года. Еслибъ этого боялся Аратъ, то ему нельзя было бы и думать о какой бы то ни было федераціи. Отвергая мысль новаго историка, мы вполне полагаемся на то объясненіе всей политики Арата, которое даетъ Поливій. Цѣлю и программой Ахэйскаго союза Поливій вездѣ ставитъ соединеніе, или, какъ онъ выражается съ особенною мягкостію, согласіе Пелопонниса. „За всѣ услуги, которыя Ахэйцы оказывали своимъ союзникамъ, они требовали въ награду только свободы для всѣхъ и общаго согласія Пелопонниса ¹⁾... Первоначальникъ и указатель этой программы былъ Аратъ ²⁾... Съ самаго начала Аратъ имѣлъ въ виду дать одно общее устройство Пелопоннису; это было цѣлю многихъ стратегій и длиннаго ряда политическихъ дѣйствій“ ³⁾ съ его стороны. Преемники Арата вполне усвоили себѣ эти планы. „Одно тѣло и одно собраніе“ должно составиться изъ всего Пелопонниса: таково убѣжденіе и Филопимена, и Ликорты ⁴⁾. Итакъ, свобода для всѣхъ Грековъ, но особенно тѣсное соединеніе Пелопонниса— вотъ политическая задача, которая предстояла Ахэйскому союзу. Нѣтъ ничего проще и естественнѣе подобной программы, и всего легче можно было прійти къ ней Арату. Въ греческой исторіи уже и прежде того обнаруживалось стремленіе къ отдѣльному и самобытному существованію Пелопоннисскаго союза; оно даже приняло однажды вполне осязательную форму, когда образовались двѣ большія симмахіи, Аѳинская и Пелопоннисская, подъ игемоніей Спарты. вполне согласно съ своимъ политическимъ убѣжденіемъ, Аратъ въ одно и то же время искалъ и старался объ отдѣльной свободѣ для Аѳинъ и о присоединеніи Аргоса.

Но какъ же тогда объясняется этотъ особенно-длинный рядъ попытокъ Арата освободить Аѳины, когда самая важная и существенная часть его программы далеко не была достигнута? Безъ сомнѣнія, много значило здѣсь и то обаяніе, которое со времени діадховъ производило одно имя Аѳинъ. Мысль быть освободителемъ Греціи и прежде всего Аѳинъ начинаетъ уже составлять любимую мечту лучшихъ и благороднѣйшихъ дѣятелей исторіи. Знаменитому основателю династіи Антигонидовъ (Антигону I, полководцу Александра) одинъ изъ его друзей совѣтовалъ удержать за собою Аѳины по изгнаніи от-

¹⁾ II, 42, 6.

²⁾ II, 40, 2. Ср. также II, 37, 9. 38, 9. 40; I, 43, 8.

³⁾ Plut., Cleom., 3.

⁴⁾ Рѣчь Ликорты у Тита Ливія (Liv., XXXIX, 37), который, безъ сомнѣнія, заимствовалъ ее у Поливія.

туда вражескаго гарнизона, потому что „это лѣстница, ведущая на верхъ обладанія Греціи“. „Лучшая и непоколебимая лѣстница — это благорасположеніе къ намъ; Аѣины же — это высокій маякъ вселенной: сигнальные огни его разнесутъ славу нашихъ дѣлъ по всему человѣчеству“¹⁾, отвѣчалъ Антигонъ. Единственная любимая идея, почти страстная мечта знаменитаго Димитрія Полиоркета есть освобожденіе Аѣинъ²⁾. Современный намъ историкъ Рима (Моммзенъ) доказываетъ, что потомъ и суровойдушъ Римлянъ не была чужда подобная мысль, и они склонялись къ „немоцной политикѣ чувства“ предъ именами Аѣинъ и Греціи³⁾. Отчего же не признать и въдушъ Арата возможности подобной честолюбивой мечты? Отчего не допустить и въ немъ того чувства, которое отъ времени Полиоркета таянется чрезъ рядъ вѣковъ и дѣлается, можно сказать, общечеловѣческимъ чувствомъ? Это желаніе заслужить названіе освободителя Аѣинъ отчасти даже извиняетъ то легкое нарушеніе ахѣйскаго конституціи, которое допущено Аратомъ для достиженія почетнаго титула. Аратъ былъ въ это время только частнымъ человѣкомъ и не имѣлъ права распоряжаться отъ имени союза. Его призвали Аѣиняне; онъ явился; въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего преступнаго; но не видно, чтобъ онъ обращался потомъ къ законному авторитету союзныхъ властей, дѣйствовалъ съ согласія стратига или сената; не видно даже, чтобъ онъ извѣстилъ ихъ о посольствѣ къ нему Аѣинянъ и его дѣла. Аратъ не хотѣлъ отдать своей славы своему сопернику (Лидіаду), не хотѣлъ подѣлиться ею съ кѣмъ бы то ни было. Онъ могъ, пожалуй, опасаться, что пылкій Лидіадъ найдетъ въ извѣстїи о стремленїи Аѣинянъ къ свободѣ благоприятный случай броситься открытымъ нападениемъ на македонскіе гарнизоны. Аратъ могъ считать это совершенно излишнимъ и опаснымъ: дѣйствовать деньгами и подкупомъ было для него сподручнѣе. Лидіадъ, съ своей стороны, могъ находить неблаговиднымъ, что частный гражданинъ помимо законнаго авторитета рѣшаетъ такія важныя дѣла, какъ освобожденіе Аѣинъ безъ присоединенія къ Ахѣйскому союзу, что было очень легко и возможно; могъ находить унизительнымъ, что вмѣсто желѣза дѣло совершается посредствомъ золота, когда Діогенъ и безъ того находился

¹⁾ Plut., Demetr., 8.

²⁾ Самъ Дройзенъ (Hellen., I, стр. 434) говоритъ объ этомъ очень хорошо и сильно.

³⁾ Römische Gesch., I, стр. 698.

въ очень затруднительномъ положеніи и легко могъ быть принужденъ къ отступленію. Плутархъ говоритъ, что Лидіадъ часто обвинялъ Арата: поведеніе послѣдняго при освобожденіи Аѳинъ было, безъ сомнѣнія, однимъ изъ обвинительныхъ пунктовъ со стороны Лидіада противъ Арата.

Труднѣе оправдать поведеніе Арата при освобожденіи Аргоса, которое послѣдовало этою же весной (229 года). Аратъ вошелъ въ болѣе дружелюбныя сношенія съ тиранномъ Аргосскимъ, чѣмъ они были до сихъ поръ. По смерти Димитрія, указывая, безъ сомнѣнія, на положеніе вещей въ Греціи, онъ самъ сталъ убѣждать Аристомаха добровольно сложить съ себя тираннію, указывая ему на примѣръ Лидіада и въ перспективѣ обѣщавъ ему тѣ же выгоды и почести, которыми послѣдній былъ вознагражденъ за свое отреченіе въ пользу союза. „Лучше быть съ доброю славой и честію стратигомъ цѣлаго народа, чѣмъ ненавистнымъ, постоянно окруженнымъ опасностями тиранномъ одного города“¹⁾, внушалъ тиранну Аргоса его прежній врагъ. Аристомахъ склонялся и требовалъ только пятидесяти талантовъ, чтобы расплатиться съ наемными войсками и распустить ихъ. Деньги уже приготовлялись. Лидіадъ, который былъ еще стратигомъ²⁾, узнавъ по этому о переговорахъ и о результатѣ ихъ. „У него пробудилось честолюбивое желаніе, чтобы присоединеніе Аргоса считалось у Ахэйцевъ дѣломъ его собственной политики“³⁾, говоритъ Плутархъ, безъ сомнѣнія, передавая объясненіе Арата и открывая намъ просвѣтъ на борьбу двухъ честолюбій, которыя наперерывъ старались опередить одно другое:

„Поэтому онъ обвинялъ Арата предъ Аристомахомъ, какъ человѣка съ постоянно враждебнымъ и непримиримымъ расположеніемъ къ тираннамъ, и убѣдивъ его передать дѣло въ его, Лидіада, собственныя руки, рекомендовалъ своего кліента Ахэйцамъ. Здѣсь особенно ясно обнаружилось расположеніе и довѣренность Ахэйскаго собранія къ Арату. Такъ какъ онъ говорилъ противъ принятія Аристомаха, то Ахэйцы съ гнѣвомъ отвергли бывшего тирана. Но когда потомъ, опять склонившись, самъ Аратъ явился и началъ говорить въ пользу того же предложенія, они, не медля и съ большою готовностію, составили опредѣленіе и приняли въ союзъ Аргивяны“.

Въ этихъ словахъ такъ замѣтно трепещеть и бьется личное чувство худо скрытаго тщеславія и самолюбія, что мы ни мало не со-

¹⁾ Plut., Arat., 35.

²⁾ Ο Λυδίαδης ἐστὶ στρατηγῶν, см. *ibid.*

³⁾ Plut., Arat., 35. О присоединеніи Аргоса упоминается также у Полибия (II, 44, 6) и Павсаниа (II, 8, 6), но безъ всякихъ подробностей.

мнѣваемся приписать всю тираду самому Лидіаду. Намъ хотять дать понять, что Аратъ дѣйствительно говорилъ искренно противъ принятія въ союзъ Аристомаха, но потомъ снова измѣнилъ свое убѣжденіе. Такъ скоро! Нужно думать, что дѣло о принятіи Аристомаха производилось предъ весеннимъ собраніемъ 229 года ¹⁾, — и въ продолженіе его кратковременнаго засѣданія Аратъ два раза измѣнилъ свое убѣжденіе! Всмотрѣвшись внимательно, мы найдемъ, что неправъ былъ одинъ Аратъ, по крайней мѣрѣ, съ легальной, конституціонной точки зрѣнія. Какъ глава союза, Лидіадъ естественно и по справедливости могъ оскорбляться тѣмъ, что частный человекъ ведетъ такіе переговоры помимо его. Какъ соперникъ Арата, онъ не заслуживаетъ порицанія за желаніе имѣть за собою честь присоединенія Аргоса, особенно, когда это падало само собою на годъ его предсѣдательства въ союзѣ. Онъ вошелъ въ сношенія съ Аристомахомъ: его обязанностью, какъ главы союза, было взять переговоры въ свои руки. Далѣе, Лидіадъ привелъ переговоры къ концу и предложилъ условія на утвержденіе собранія, согласно конституціоннымъ порядкамъ Ахэйской федераціи. Какое же право имѣлъ Аратъ употреблять во зло свое вліяніе, чтобы заставить отвергнуть то предложеніе, которое въ сущности соотвѣтствовало общему желанію и всей прежней политикѣ самого Арата? Не могъ же онъ оспаривать права Лидіада, ссылаясь на то, что собственно ему лично, какъ человеку, всего болѣе сдѣлавшему для приготовленія этого результата, принадлежитъ честь привести дѣло къ концу. Вѣроятно, никто не сталъ бы отвергать и оспаривать его заслуги, если бы результатъ ихъ совершился при содѣйствіи посторонняго, третьяго лица. Во всякомъ случаѣ его самолюбіе должно было бы принести эту небольшую жертву предъ общими интересами. Общіе интересы, конечно, въ концѣ концовъ не пострадали, но легко могли бы пострадать, еслибъ Аратъ продолжалъ свою оппозицію, или еслибъ Аристомахъ почувствовалъ подозрѣніе и неудовольствіе вслѣдствіе двусмысленнаго поведенія ахэйскихъ властей въ отношеніи къ нему. Ахэйское собраніе показало, конечно, большую довѣренность къ Арату, но въ то же время обнаруживаетъ и не меньшую безхарактерность, принимая и отвергая одну и ту же мѣру, смотря

¹⁾ Изъ словъ Плутарха (ἐπι στρατηγῶν) видно, что стратегія Лидіада приходила къ концу, и слѣдовательно, собраніе (которое разумѣется подъ σύνεδρον, οἱ Ἀχαιοί) есть тотъ весенній сеймъ, на которомъ долженствовалъ быть избранъ новый стратегъ.

по тому, кто ее предлагаетъ. Повидимому, оно дало возможность Арату нѣсколько прикрыть неловкость и неприличіе своего поведенія. Кто убѣждалъ (*συμπλοθεῖς*) его отказаться отъ своей оппозиціи противъ принятія Аристомаха? Кажется, что то же самое собраніе, которое, послушавъ Арата, отвергло предложеніе Лидіада. Можетъ-быть, Арату тѣмъ легче было склониться на его убѣжденія, что уже на этомъ же самомъ собраніи онъ снова былъ избранъ въ стратеги на 229 и 228 годъ, и принятіе Аристомаха должно было послѣдовать въ его стратигію.

Какъ бы то ни было, Аристомахъ, тираннъ Аргоса, на извѣстныхъ условіяхъ сложилъ съ себя тираннію, и Аргосъ вступилъ въ Ахэйскій союзъ. Два такіа событія, какъ очищеніе Афинъ македонскими гарнизонами и присоединеніе Аристомаха къ Ахэйской федераціи, не могли остаться безъ большаго вліанія на ходъ дѣлъ: они ускорили то, что было приготовлено общимъ политическимъ положеніемъ Греціи и настоящимъ безсиліемъ Македоніи. Новый правитель и потомъ царь, Антигонъ Досонъ, долженъ былъ, подобно своему предшественнику, бороться на сѣверныхъ границахъ своего царства съ Дардаанянами и на западныхъ и южныхъ съ Этолянами ¹⁾. Такимъ образомъ вслѣдъ за освобожденіемъ Атики и Арголиды послѣдовало присоединеніе къ Ахэйскому союзу острова Эгины и паденіе тиранніи въ Фліунтѣ и Ермионѣ, что также имѣло своимъ послѣдствіемъ присоединеніе обоихъ городовъ къ федераціи ²⁾. Аркадія большею частью уже принадлежала къ Ахэйскому союзу. Если не всѣ тѣ города, которые оазываются предъ началомъ Клеоменовой войны (227 года) въ составѣ союза (Кинэа, Стимфаль, Алея, Клиторъ, Фенея, Телфуса, и вѣроятно, Алифера и Гуртинъ, извѣстные, какъ члены федераціи, только по монетамъ), присоединены именно Лидіадомъ въ три его стратигіи, то во всякомъ случаѣ теперь они уже всѣ принадлежали къ федераціи. Только небольшой клочекъ страны въ восточной части Аркадіи входилъ въ составъ другаго союза: Тегея, Мантиней, Орхомень принадлежали Этолянамъ ³⁾. Они приобрѣтены Этоліей, безъ сомнѣнія, въ одно время съ расширеніемъ здѣсь Ахэйскаго союза. Мантиней, бывшая долго въ дружбѣ съ послѣднимъ, перешла на сторону Этоліи, вѣроятно, вслѣдствіе присоединенія къ Ахаіи Мегалополя: эти

¹⁾ Plut., Arat., 34, въ концѣ.

²⁾ Polyb., II, 44, 6; Plut., Arat., 34 и 35.

³⁾ Polyb., II, 46, 2.

два города давно соперничали другъ съ другомъ и не могли жить вмѣстѣ.

Присоединеніе Фліунта и Аргоса вмѣстѣ съ ранѣе пріобрѣтенными Клеонами соединило владѣнія аркадскія и далѣе первоначальное и основное ядро союза, то-есть, сѣверо-западъ собственной Ахаіи и потомъ область Сикіонскую, съ восточнымъ полуостровомъ Арголіады, вошедшимъ въ составъ союза тотчасъ послѣ пріобрѣтенія Коринѳа (съ Епидавріей и Тривиніей), и съ Ерміоніей, довершившею окончательное сплоченіе этой части полуострова. Коринѳа и Мегарида съ островомъ Эгной примыкали непосредственно къ Сикіоніи и Арголідѣ и окончательно передавали весь сѣверный Пелопоннись въ руки Ахэйской федераціи. Еще далѣе на востокъ дружественная и свободная Аттика охраняла безопасность этихъ владѣній. Союзъ былъ на верху своей силы и славы; онъ былъ въ это время самою большою, самою могущественною и въ то же время свободною державою въ Греціи. Его обширныя владѣнія представляли непрерывное, сплошное цѣлое и заключали въ себѣ знаменитые въ исторіи города: Аргосъ, Коринѳъ, Сикіонъ, Мегалополисъ, изъ коихъ каждый составлялъ прежде отдѣльное и относительно сильное государство. Его политическое положеніе было очень благопріятно: съ Македоніей, особенно при дружбѣ съ Этоліей, онъ могъ всегда справиться. Союзъ съ Египтомъ, не нарушая внутренней свободы, все еще могъ служить точкой опоры въ случаѣ опасности съ этой стороны. Внутри не обнаруживалось никакихъ враждебныхъ противоположностей, которыя грозили бы существованію союза. Ахэйцы, Доряне и Аркадцы забыли свои мѣстныя и племенные вражды. Наконецъ найдена была, повидному, вполне удовлетворительная форма, примирявшая стремленіе Грековъ къ мѣстной самостоятельности съ необходимымъ, не только для дальнѣйшаго развитія, но и для сохраненія этой самостоятельности, подчиненіемъ частей цѣлому, соединеніемъ и сосредоточеніемъ силъ. Не вводя насильственно никакого новаго политическаго принципа въ греческую жизнь, не нарушая историческаго, исконнаго права, усвоеннаго каждому свободному Греку, — принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, не трогая всеобщей подачи голосовъ, союзъ фактически переносилъ центр тяжести на ту совокупность консервативныхъ силъ, которая составлялась изъ всѣхъ богатыхъ и „среднихъ“ людей въ отдѣльныхъ общинахъ, и такимъ образомъ примирялъ, или по крайней мѣрѣ, сжималъ высшимъ политическимъ единствомъ ту соціальную борьбу, которая тѣмъ легче разыгрывалась до сихъ поръ въ кровавыя сцены, чѣмъ

тѣснѣе, уже и ограниченнѣе было поле, гдѣ сталкивались социальныя противоположности. Тираниія, которая своекорыстно пользовалась враждою социальныхъ элементовъ богатства и бѣдности, нисколько не сглаживая и не примиряя ихъ, или опиралась на чужеземную силу и наемное войско, была вполне устранена. Союзъ умѣлъ даже примирить прежнихъ тиранновъ съ новымъ порядкомъ вещей. Ненавистники тираниіи, тираннициды по принципу и призванію, и Лидіады, Аристомахи, Клеонимы (Фліунтскій), Ксеноны (Ерміонскій) одинаково служили федераціи и занимали часто самое видное мѣсто въ ея администраціи. Матеріальные интересы, которымъ благопріятствовали уничтоженіе преградъ и оковъ, налагаемыхъ политическимъ раздѣленіемъ, присутствіе въ союзѣ богатаго и торговаго Коринѳа и Сикіона и дружественныя сношенія съ Египтомъ, при тогдашней дешевизнѣ и легкости морскихъ путешествій¹⁾, обѣщали еще болѣе скрѣпить связь разнообразныхъ составныхъ частей федераціи. Монеты Сикіона съ своими символами мира были распространены во всемъ Пелопоннискѣ, указывая на обширную внутреннюю торговлю²⁾. Не только родной городъ Арата, но и нѣкогда гордый и все еще богатый и промышленный Коринѳъ чеканили на своихъ монетахъ слова, которыя и жителю Ирэн, и гражданину Аргоса напоминали объ общей связи: Ἀχαῖων Κορινθίων Σικωνίων Ἀχαῖων³⁾ читалъ онъ на монетахъ могущественной родины Кипселидовъ и пышной столицы Ореагоридовъ.

Одно только препятствіе оставалось для полного соединенія Пелопонниса. Спарта не только не имѣла никакой склонности войти въ союзъ, но и относилась къ нему положительно враждебно. Ея новые реформаторы для возрожденія своего отечества избрали путь совершенно противоположный, враждебный принципамъ, на которыхъ основывалась сосѣдняя федерація. Безъ этого роковаго обстоятельства Этолійскія владѣнія съ срединѣ полуострова легко и скоро перешли бы къ Ахаіи. Этоляне, какъ это вскорѣ обнаружилось, не могли долго

¹⁾ Polyb., III, 59. Ἐν τοῖς καθ' ἕμας τῶν μὲν κατὰ Ἀσίαν πλοῦτων καὶ πορευτῶν τετυγῶτων. Уже во времена Платона перевязъ изъ Аеннѣ въ Египеть стоилъ только двѣ драхмы. Plato, Gorgias, 511.

²⁾ Leak, Travels in Morea, III, стр. 379: I have seen some thousands of them (сикіонскихъ драхмъ), since i have been in Greece. Ср. Curtius, Peloponn., II, 489. На монетахъ Сикіона изображался летящій голубь и олива. См. Нумизматику или исторію монетъ А. Бутковскаго. Москва, 1861 года, табл. 2.

³⁾ Miennet, II., стр. 161 и 162.

удерживать ихъ. Элида ¹⁾, теперь союзная съ Этоліей, съ готовностію перемѣнила бы дружбу съ нею на пріязнь болѣе родственной по направленію Ахэйской федераціи. Мессинія, по свидѣтельству Павсаніи ²⁾, только изъ страха передъ Спартой не вступала въ Ахэйскій союзъ.

Здѣсь надлежащее мѣсто для болѣе подробнаго изслѣдованія политическаго устройства Ахэйской федераціи.

В. Васильевскій.

¹⁾ Polyb., IV, 73.

²⁾ Павсан., IV, 29, 6.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

КИРИЛЛЪ И МЕТОДІЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ СОЧИНЕНІИ.

Cyrille et Méthode. Études historiques sur la conversion des Slaves au Christianisme par *Louis Leger*. Paris, 1868, XXXV + 227 стр. въ 8 д. л.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ недавно вышло въ Парижѣ сочиненіе, которое мы прочитали съ тѣмъ напряженнымъ вниманіемъ, какого заслуживаетъ и предметъ сочиненія, и мѣсто его изданія, и личность самаго автора.

Вопросъ о св. первоучителяхъ славянскихъ, о ихъ значеніи и въ литературномъ, и въ церковно-религіозномъ отношеніяхъ у Славянъ, по праву занялъ видное мѣсто въ изслѣдованіяхъ славянскихъ ученыхъ, безъ различія вѣроисповѣданія и племени. На столько успѣлъ онъ уже проясниться, чтобъ отстранить и тѣнь сомнѣнія касательно его глубокой важности. Но послѣдняя до сихъ поръ была понята и уяснена лишь среди Славянъ; западъ, хотя не вполне чуждъ былъ и прежде знакомства съ нашими просвѣтителями, но ограничивалъ его обыкновенно или частными научными вопросами о какой-либо одной сторонѣ ихъ жизни и дѣятельности, больше, впрочемъ, по поводу разработки источниковъ, или вводилъ его мимоходомъ въ свою литературу для подкрѣпленія искусственно составленной теоріи о своемъ политическомъ и церковномъ превосходствѣ надъ востокомъ. Г. Лезеръ положительно первый взялъ на себя трудъ разсмотрѣть предметъ въ полнотѣ, и говоря вообще, выполнилъ свою задачу съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Изложивъ свой трудъ на употребительнѣйшемъ языкѣ запада и издавъ его въ средоточіи послѣдняго, онъ для всей западной Европы открылъ самый удобный и широкій путь къ обстоятельному знакомству съ исторіею Славянства въ довольно разнообразныхъ отношеніяхъ и въ одномъ изъ важнѣйшихъ моментовъ. Личное отношеніе автора къ Славянству таково, что отнимаетъ право смо-

трѣть на его сочиненіе тѣми же глазами, какими, къ сожалѣнію, сирраведливо привыкли мы смотрѣть на литературные толки запада объ исторіи Славянъ вообще, и въ частности объ исторіи ихъ церкви. Г. Лежеръ предварительно освоился съ языкомъ того народа, съ судьбою котораго рѣшился ознакомить своихъ соотечественниковъ, Французовъ, приглядѣться самолично къ жизни этого народа, по крайней мѣрѣ въ лицѣ нѣкоторыхъ его племенъ, и сблизиться съ нѣкоторыми изъ ученыхъ представителей Славянства въ центральныхъ городахъ славянскихъ. Еще въ Парижѣ, подъ руководствомъ г. Ходзька, приобрѣлъ онъ предварительныя свѣдѣнія въ славянскихъ нарѣчіяхъ; эти свѣдѣнія онъ могъ только расширить и упрочить во время продолжительнаго пребыванія своего у Хорватовъ, Чеховъ, Лужичанъ. Знаніе славянскаго языка, независимо отъ разбираемаго нами новѣйшаго сочиненія, г. Лежеръ успѣлъ доказать и прежними своими трудами, въ которыхъ отразилось вниманіе его и къ непосредственно славянскимъ источникамъ исторіи. Я имѣю въ виду его труды: *Chants héroïques et chansons populaires des Slaves de Bohême*, *La Bohême historique, pittoresque et littéraire*, *De Nestore rerum russicarum scriptore*.

Чтобы видѣть, какъ широкъ объемъ, въ которомъ г. Лежеръ разсматриваетъ дѣятельность св. просвѣтителей славянскихъ и ея послѣдствія, какъ разнообразны и важны вопросы, которыми связалъ онъ съ этою дѣятельностью вообще судьбу древняго Славянства, стѣнитъ только коротко взглянуть на содержаніе самаго сочиненія. Раздѣливъ книгу свою на тринадцать главъ, авторъ останавливается въ первыхъ двухъ главахъ на очеркъ первоначальной исторіи Славянъ, на ихъ нравахъ, просвѣщеніи и языческой религіи, предлагаетъ краткій обзоръ этнографіи славянской, говорить о распаденіи Славянъ на отдѣльныя колѣна и заключаетъ разказомъ о распространеніи христіанства до св. Кирилла и Меѳодія. Слѣдующія семь главъ посвящены жизни и подвигамъ св. первоучителей: ихъ воспитанію, посольству св. Кирилла къ Арабамъ и Хозарамъ, путешествію обоихъ братьевъ черезъ Болгарію въ Моравію, пребыванію въ послѣдней и первому путешествію въ столицу западнаго христіанства, въ Римъ. За этимъ, развазавъ о смерти св. Кирилла, авторъ останавливается съ особенною подробностью на дѣятельности св. Меѳодія, на отношеніяхъ его къ Риму и къ нѣмецкой іерархіи. Въ слѣдующихъ трехъ главахъ передаются свѣдѣнія объ ученикахъ св. Кирилла и Меѳодія, о паденіи государства Моравскаго и послѣдствіяхъ этого событія для церкви моравской; о церкви болгарской и о судьбахъ славянскаго богослуженія.

женіи на западѣ, въ Чехіи и Далмаціи. Послѣдняя глава удѣлена обзору письменныхъ трудовъ Кирилла и Меѳодія, при чемъ обстоятельно разбирается вопросъ о славянской азбукѣ. Весь этотъ разнообразный и важный матеріалъ изложенъ г. Лежеромъ фактически, что также составляетъ не малую особенность его труда, сравнительно съ сочиненіями его соотечественниковъ, не выходящихъ обыкновенно изъ границъ общихъ стереотипныхъ фразъ, какъ скоро дѣло касается Славянства. Эта новость приѣма г. Лежера понятна послѣ сказаннаго нами о непосредственномъ знакомствѣ его съ славянской литературой; въ ней нашелъ онъ и неизвѣстные еще на западѣ источники и еще болѣе неизвѣстныя изслѣдованія по всѣмъ затронутымъ имъ вопросамъ. Достаточно, такимъ образомъ, было имѣть автору только не предубѣжденный взглядъ, чтобы при такихъ пособіяхъ взглянуть на дѣло и шире и правильнѣе.

Въ довольно обширномъ предисловіи къ своему сочиненію, г. Лежеръ внимательно останавливается на перечисленіи и характеристикѣ источниковъ и пособій, и трудно удержаться, по непривычкѣ, отъ удовольствія при видѣ славянскихъ именъ и оглавленій среди французскаго текста. Та же пріятная пестрота продолжается и въ частыхъ ссылкахъ внизу страницъ самаго сочиненія. Въ ряду источниковъ являются у автора и Паннонскія житія св. Кирилла и Меѳодія, знакомыя ему по изданію Шафарика въ *Памятникахъ юго-славянской письменности*, и по перепечаткѣ у Миллошича въ его *Старославянской христоматіи* (Вѣна, 1861 г.). Этими житіями г. Лежеръ постоянно пользуется въ изложеніи подвиговъ Солунскихъ братьевъ, признаетъ ихъ и достовѣрнымъ и наиболѣе полнымъ источникомъ и посредствомъ довольно обширныхъ отрывковъ, въ вѣрномъ французскомъ переводѣ, знакомитъ съ ними читателя въ текстѣ самаго сочиненія. Не пропустилъ авторъ и краткаго житія Меѳодіева, по изданію Бѣлградскому, въ *Гласникѣ общества Сербской Словесности*, 1863 года, и по перепечаткѣ въ *Журналѣ Чешскаго музея*, 1864 года. Въ этомъ послѣднемъ отмѣтилъ онъ и два важныхъ извѣстія: одно о путешествіи къ Арабамъ, чего не говоритъ Меѳодіеву Паннонское житіе, и другое — о мѣстѣ погребенія самаго Меѳодія. Близко знакомъ авторъ и съ греческимъ житіемъ св. Климента, епископа Болгарскаго, какъ по пространной его редакціи, такъ и по сокращенной; можно только пожалѣть, что на свѣдѣнія въ этомъ житіи, касающіяся дѣлъ церковныхъ, г. Лежеръ смотритъ не собственными глазами, а глазами духовныхъ римско-католическихъ писателей, какъ извѣстно,

давно признавшихъ въ Климентовомъ біографѣ установившагося схизматика. Несравненно болѣе пищи авторъ нашелъ въ изслѣдованіяхъ по своему вопросу, появившихся въ послѣднее время у Славянъ. Сочиненія Рачкаго, Штульца, Гинцеля, Майяра прочелъ онъ въ подлинникахъ и нерѣдко дѣлаеть на нихъ указанія. Изъ сочиненій Русскихъ онъ прочелъ письма г. Гильфердинга, въ чешскомъ переводѣ г. Езберы, да перелистывалъ сочиненіе г. Кязева, изданное г. Ширьевымъ. Имѣя въ виду сказать послѣ о значеніи пробѣла въ этомъ отношеніи, не можемъ умолчать здѣсь о непосредственномъ знакомствѣ г. Лежера съ славянскими пособиями по другимъ частямъ труда его, напримѣръ, по древнѣйшей исторіи, по этнографіи и по сложному, отчасти запутанному уже вопросу о славянской азбукѣ. Тутъ встрѣтимъ мы ссылки и на Добровскаго, и на Шафарика, и на Карамзина, и на Соловьева, и на Гильфердинга, и на Лелевеля и многихъ другихъ, на Копитара, Миклошича, Гануша, Головацкаго, Коляра и т. д.; мнѣнія о характерѣ и сравнительной древности двухъ славянскихъ азбукъ, кирилловской и глагольской, извѣстны автору не только въ сочиненіяхъ западныхъ Славянъ, но и въ русскихъ: Прейса, Срезневскаго, Бодянскаго. Если присоединить ко всему этому свидѣтельства изъ лѣтописей польскихъ, чешскихъ и русскихъ (послѣднія по полному собранію Археографической Коммиссіи), то едва-ли приговоръ нашъ о сочиненіи г. Лежера, какъ рѣзко выдѣляющемся изъ ряда обыкновенныхъ явленій въ западной литературѣ, особенно французской, можетъ быть названъ поспѣшнымъ или преувеличеннымъ.

Согласно съ такою обстановкою относительно источниковъ и пособій, г. Лежеръ и во взглядахъ на Славянъ далеко отошелъ отъ другихъ своихъ соотечественниковъ, и не только въ историческомъ и этнографическомъ, но и въ политическомъ и церковномъ отношеніяхъ. Съ этой стороны, знаніе славянскихъ языковъ и ихъ литературъ и личное наблюденіе надъ жизнью нѣкоторыхъ Славянъ способны сдѣлать изъ сочиненія г. Лежера весьма надежный органъ въ измѣненію во многомъ извращенныхъ и застарѣлыхъ понятій о Славянахъ. Въ древнѣйшей исторіи Славянъ авторъ преимущественно руководится Шафарикомъ и цѣликомъ внесъ въ свою книгу тѣ истины, которыя со времени выхода въ печати *Славянскихъ Древностей* стали неизбѣмымъ достояніемъ славянской науки. Принадлежность Славянъ къ Арійскому племени, ихъ старобытность въ Европѣ, древніе нравы, обычаи и образъ жизни представлены въ томъ самомъ свѣтѣ, въ какомъ излагаются свѣдѣнія объ этихъ предметахъ и Славянами. Въ этно-

графіи славянской точно также взяты во вниманіе новѣйшія и точнѣйшія данныя. Отношенія между отдѣльными племенами славянскими выдержаны строго и безъ тѣхъ увлеченій, какія нерѣдко допускаются въ сочиненіяхъ самихъ Славянъ, напримѣръ, сербскихъ и хорватскихъ. Авторъ сумѣлъ отнестись критически даже къ польскимъ сочиненіямъ, какъ ни легко было тутъ увлечься ему вслѣдствіе близкихъ его связей съ польскимъ кружкомъ въ Парижѣ, и этнографическое положеніе Польскаго племени изложено г. Лежеромъ замѣчательно трезво и правильно для Француза. Сужденія автора о политическихъ столкновеніяхъ Славянъ съ племенемъ Германскимъ, и о характерѣ той и другой народности, далеки отъ обычной односторонности и еще болѣе отъ обычнаго пристрастія, напоминающихъ сочиненія нѣмцевъ и переходящихъ оттуда къ другимъ западнымъ народамъ. Въ этомъ случаѣ особенно явственно отразилось на сочиненіи г. Лежера вліяніе тѣхъ новыхъ средствъ, которыми овладѣлъ онъ, и тѣхъ источниковъ, которые открылись передъ добытыми имъ средствами. Понятно, что одинъ изъ знаменательнѣйшихъ моментовъ во взаимныхъ столкновеніяхъ Славянъ съ Нѣмцами, именно обращеніе первыхъ въ христіанство послѣдними, изложенъ согласно съ современными той эпохѣ историческими свидѣтельствами, и обѣ стороны изображены вѣрными красками, по мѣрѣ заслугъ каждой. Исключительная заботливость о политическомъ господствѣ нѣмецкихъ правителей, преслѣдованіе мірскихъ цѣлей, направленныхъ на удовлетвореніе корыстолюбія, со стороны западно-нѣмецкаго духовенства, непонятный чужой языкъ его проповѣди — вотъ причины, и по изложенію г. Лежера, неудачи христіанства у народа, имѣвшаго всѣ внутренніе задатки, при иныхъ условіяхъ, для быстрого и безпрепятственнаго перехода отъ своего язычества къ евангельской истинѣ. Вообще, сочиненіе г. Лежера таково, что за весьма немногими исключеніями, оно цѣлкомъ можетъ быть поучительнымъ для каждаго славянскаго племени; еще важнѣе и несомнѣннѣе его польза въ западной Европѣ, не имѣвшей до сихъ поръ книги, которая обнимала бы тотъ же предметъ въ такой же полнотѣ и послѣдовательности, а тѣмъ болѣе съ такимъ же здравымъ и свѣтлымъ взглядомъ, какими отличается авторъ разсматриваемаго здѣсь сочиненія.

Но тѣмъ виднѣе ставимъ мы заслуги разбираемаго сочиненія, и тѣмъ благопріятнѣе были условія его автора, относительно разносторонности источниковъ и пособій, тѣмъ възыскательнѣе должны мы отнестись къ нѣкоторымъ пробѣламъ и неправильностямъ, такъ рѣзко про-

творѣвающимъ общимъ приѣмамъ въ изложеніи и господствующему въ книгѣ направленію мыслей. Дѣло касается двухъ вопросовъ, въ пониманіи и разработкѣ которыхъ авторъ не выдержалъ самостоятельности, и съ первыхъ же страницъ вступилъ на старую, избитую колею, не давъ себѣ труда осмотрѣть ее собственными глазами, тѣмъ менѣе повместилъ набросанный на нее соръ, что такъ было для него легко съ тѣми средствами, какія могли находиться въ рукахъ его. Имѣемъ здѣсь въ виду сужденія г. Лежера о Россіи и православіи. Казалось бы, знакомство съ историческими сочиненіями русскихъ ученыхъ должно было если не уничтожить въ конецъ, то по крайней мѣрѣ, ослабить стереотипныя понятія о томъ и другомъ предметѣ; но предубѣжденіе, воспитанное съ дѣтства, явилось столь сильнымъ и вліятельнымъ, что изгладить его не въ силахъ былъ и г. Лежеръ, такъ удовлетворительно разсуждающій о нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ, касающихся Россіи и православія; предубѣжденіе его въ этомъ случаѣ доходитъ до того, что онъ самъ не замѣчаетъ явныхъ противорѣчій частныхъ своихъ сужденій съ общими отзывами; еще менѣе позволяетъ себѣ останавливаться въ раздумьѣ надъ очевидными доказательствами пристрастія и увлеченія избранныхъ имъ руководителей. Изъ уваженія къ труду г. Лежера и къ несомнѣннымъ его достоинствамъ, еще болѣе — къ пролагаемому имъ новому для запада пути къ изученію Славянства, мы обстоятельнѣе разсмотримъ неудовлетворительную сторону его сочиненія; при этомъ не можемъ не питать надежды, что замѣчанія наши дойдутъ и до автора, быть-можетъ, будутъ прочтены самимъ имъ и хотя кое въ чемъ поколеблѣютъ безусловное довѣріе къ ходячимъ въ католическомъ мірѣ отзывамъ о нашемъ отечествѣ и о нашемъ вѣроисповѣданіи и побудятъ его внимательнѣе отнестись къ дѣйствительности.

Уже въ предисловіи, въ исчисленіи пособій, выказалось неправильное воззрѣніе г. Лежера на Россію. Какъ уже сказано, изъ русскихъ сочиненій о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ ему извѣстны только два: письма г. Гильфердинга, да сочиненіе г. Князева. Но означенныя письма выражаютъ лишь общій взглядъ автора на предметъ и останавливаются съ нѣкоторою подробностью на домыслахъ объ одной сторонѣ, о непосредственномъ отношеніи подвижничества Солунскихъ братьевъ къ Русскому народу. Что касается до втораго сочиненія, то оно издано съ цѣлью популярною и не можетъ представлять чисто научнаго интереса, что понялъ и высказалъ самъ г. Лежеръ (стр. XVIII). Но почему остались неизвѣстными автору сочиненія Горсваго, Филарета,

Макарія, Бодянскаго и многихъ другихъ; почему не воспользовался онъ *Кирилло-Меоодіевскимъ сборникомъ* г. Погодина, въ которомъ могъ бы найти для своего труда много новаго, полезнаго и поучительнаго? Правда, г. Лежеръ слышалъ объ этомъ сборникѣ и съ сожалѣніемъ говорить о невозможности имѣть его подъ рукою, равно какъ и другія русскія сочиненія, „которыя достать въ Парижѣ гораздо труднѣе, чѣмъ брошюры, изданныя въ Бостонѣ или Санъ-Франциско“. Но мы позволимъ себѣ усомниться въ точности такого заявленія именно со стороны г. Лежера, и вотъ почему: проживая въ Парижѣ и занимаясь Славянствомъ, г. Лежеръ легко могъ познакомиться съ тамошними русскими іезуитами, вѣроятно же всего, издавна и свелъ съ ними знакомство, а при посредствѣ ихъ рѣдкая русская книга по предмету религіи, тѣмъ болѣе по вопросу о Кириллѣ и Меоодіѣ, можетъ не сдѣлаться доступною желающему; кромѣ того г. Лежеръ имѣлъ полную возможность воспользоваться русскими сочиненіями въ тѣхъ славянскихъ странахъ, въ которыхъ онъ проживалъ и путешествовалъ какъ разъ въ то время, когда писалъ свой трудъ; это доказываетъ отчасти и самъ авторъ, когда говоритъ (стр. XVII—XVIII) о прочитанномъ имъ во время дороги сочиненіи Лавровскаго; правда, тутъ же высказывается и сожалѣніе, что по недостатку времени нельзя было освоиться съ нимъ вполне; но и на это мы возразимъ съ увѣренностью, что ни одинъ Славянинъ, изъ имѣвшихъ это сочиненіе, не отказалъ бы г. Лежеру въ позволеніи взять его на время въ самый Парижъ. Этого мало: у автора несомнѣнно были особыя, внутреннія побужденія пропустить мимо рукъ, безъ всякаго вниманія, и такое сочиненіе, какъ *Кириллъ и Меоодій* Добровскаго. Ежели и согласится съ авторомъ, что извѣстный ему русскій переводъ г. Погодина не могъ быть приобрѣтенъ, то никакъ нельзя предположить, чтобы нѣмецкій подлинникъ не находился въ Парижѣ, еще болѣе, чтобы было затруднительно приобрѣтеніе его, хотя на срокъ, въ Прагѣ или Загребѣ. А между тѣмъ тотъ же г. Лежеръ не отказался прочесть *Критическія изслѣдованія* Венелина, какъ ни мало способны предложить они матеріала для его сочиненія, и какъ ни слабо значеніе ихъ по вопросу о Кириллѣ и Меоодіѣ въ самой Россіи. Ужъ не потому ли и привался г. Лежеръ въ знакомствѣ съ этими изслѣдованіями, что разчитывалъ на большее право высказать о нихъ, безъ всякихъ впрочемъ доказательствъ, слѣдующій отзывъ: „J'y ai constaté avec douleur à quel dédain de la vérité peuvent mener l'absence de critique et le fanatisme religieux“ (стр. XVIII). Не потому ли, далѣе, авторъ и отрекся отъ

всѣхъ остальныхъ русскихъ пособій по вопросу о Кириллѣ и Меѳодіѣ, чтобъ оправдать безграничное свое довѣріе въ сужденія о вѣроученіи славянскихъ апостоловъ къ исключительно католическимъ авторитетамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить свою совѣсть, вопреки собственному сознанию, несправедливымъ обобщеніемъ недостатковъ и увлеченій Венелина? Только такой выводъ и позволительно сдѣлать изъ слѣдующихъ словъ г. Лежера, сказанныхъ имъ, по поводу незнакомства съ новѣйшими русскими сочиненіями о Кириллѣ и Меѳодіѣ, вслѣдъ за отзывомъ объ изслѣдованіяхъ Венелина: „Du reste, peut être dois je me féliciter de cette disette de livres russes; ils m'auraient trop distrait des sources, et j'aurais sans doute perdu trop de temps à les réfuter“ (стр. XVIII). Не отвергнувъ, однако же, г. Лежеръ изслѣдованій русскихъ ученыхъ по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, даже предпочелъ ихъ мнѣніямъ католиковъ, и притомъ въ такихъ случаяхъ, когда послѣдніе своеобразнымъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ думаютъ подтвердить свои отзывы и о характерѣ религіознаго ученія св. братьевъ; не встрѣтилъ тутъ препятствій г. Лежеръ и въ приобрѣтеніи русскихъ книгъ, часто очень мелкихъ брошюръ, иногда едва замѣтныхъ статей, разсѣянныхъ въ старыхъ русскихъ журналахъ. Какъ же онъ отвергаетъ сужденія и изслѣдованія русскія по главному своему предмету, вовсе не читая ихъ; мало того: даже признаетъ самое чтеніе ихъ за непроизводительную растрату времени, при напередъ составленномъ убѣжденіи, что ему непременно придется отвергнуть ихъ? Вмѣсто того, чтобы выслушать въ основанія другой стороны, авторъ заявляетъ о томъ, что „не дерзаетъ отказаться отъ пособія со стороны лучшихъ богослововъ, которые терпѣливымъ изученіемъ разъяснили предметъ“ (стр. XVIII). Но кто эти авторы? Гг. Гинцель, Рачвій и Штульцъ. Эти лучшіе, однако же, богословы извѣстны и на востокѣ, и ихъ воззрѣнія не разъ подвергались тамъ критическому разбору, между тѣмъ какъ сами они, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, ограничивались одними общими мѣстами и не думали научно опровергать ни одного противнаго имъ положенія въ трудахъ православныхъ ученыхъ. Отсюда понятно, что каждый добывающійся истины, каковымъ признаемъ мы и г. Лежера, обязанъ тѣмъ менѣе держаться исключительно одностороннихъ мнѣній и взглядовъ, и тѣмъ ближе ознакомиться съ голосомъ противной стороны, чѣмъ внимательнѣ послѣдняя относилась къ этой односторонности. Впрочемъ, мы твердо увѣрены, что г. Лежеръ знаетъ мнѣнія русскихъ ученыхъ о характерѣ отношеній св. Кирилла и Меѳодія къ церкви восточной

и западной и умалчалъ о нихъ, скрылъ свое непосредственное знакомство съ ними лишь потому, что не нашель достаточныхъ оснований отвергнуть ихъ, а принять ихъ не рѣшился, чтобы не сдѣлаться опаснымъ обличителемъ преднамѣренной неправды и умышленаго затемнѣнія ясной истины со стороны всѣхъ католическихъ писателей о славянскихъ просвѣтителяхъ. Этимъ только и можно объяснить крайне неловкое въ книгѣ г. Лежера замаскированіе, будто бы, незнакомства съ учеными трудами русскихъ писателей о Кириллѣ и Меѳодіѣ, столь противорѣчащее начитанности его по другимъ вопросамъ, и прямо заявленное имъ безусловное довѣріе въ этомъ отношеніи Гинцелю, Рачкову и Штульцу. Но въ трудахъ послѣднихъ писателей главною, почти исключительною задачею было соткать, какъ возможно тоньше, новую теорію католичества Кирилла и Меѳодія, а потому и противорѣчія ихъ легко ускользаютъ отъ вниманія обыкновеннаго читателя и вскрываются лишь при тщательномъ сличеніи ихъ сужденій съ основными источниками; задача г. Лежера была несравненно общѣе, шире, вопросъ религіозный входилъ въ его трудъ слабою стороною, а потому и неудивительно, что его рѣшенія, по довѣрію къ авторитетамъ, нерѣдко стоятъ въ противорѣчій съ самостоятельными заключеніями по другимъ сопряженнымъ вопросамъ. Это не только не задѣльные швы, но прямо прорѣхи въ прекрасномъ вообще трудѣ, бросающіяся въ глаза при самомъ поверхностномъ вниманіи. Представимъ нѣсколько доказательствъ.

По примѣру католическихъ богослововъ, г. Лежеръ возводитъ (стр. 59) св. Константина въ монашескій санъ еще въ Византіи, вопреки яснымъ свидѣтельствамъ Паннонскаго житія. Такой пріемъ понятенъ со стороны Рачкаго, Штульца, Гинцеля и др., потому что имъ надобно удержать за св. Кирилломъ званіе епископа, будто бы данное ему въ Римѣ; отсюда и дѣйствительное постриженіе Кирилла въ монашество передъ смертію въ Римѣ замѣняется у нихъ посвященіемъ въ епископы. Этому положенію и держатся они твердо, отталкивая отъ себя всякое показаніе, всякій намекъ изъ принимаемыхъ и ими источниковъ, который подрывалъ бы ихъ положенія. Между тѣмъ г. Лежеръ не выдержалъ, и справедливо руководясь Паннонскимъ житіемъ, на стр. 107, говоритъ о Кириллѣ: „*Revêtit l'habit monacal et attendit paisiblement la mort*“. Зачѣмъ же было Кириллу облекаться въ монашеское одѣяніе передъ смертію, ежели оно было надѣто имъ еще въ Византіи? Правда, онъ могъ снова надѣть его передъ смертію, смѣнивъ имъ одежду епископскую; но г. Лежеръ выставляетъ ярко

на видъ (на стр. 104) выраженіе моравской легенды *renuntians episcopatum*, и хотя не прочь напомнить о натянutomъ толкованіи этого извѣстія католическими богословами (будто здѣсь можно разумѣть уклоненіе св. Кирилла отъ исполненія обязанностей епископскихъ), но тутъ же прибавляетъ, что впрочемъ это дѣло второстепенное, такъ какъ смерть воспрепятствовала Константину возвратиться въ свою епархію. А намъ все-таки важно знать, кѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, умеръ Кириллъ, простымъ ли монахомъ, или епископомъ. Не можетъ же, думаемъ мы, г. Лежеръ, при высокомъ понятіи о нравственности Кирилла, допустить, чтобъ онъ согласился принять званіе епископа, отказавшись не только въ душѣ, но и на словахъ отъ исполненія епископскихъ обязанностей.

Объясненіе перемѣны имени, при посвященіи въ епископа, какъ взятое цѣликомъ у Рачкаго и ни мало нейдущее къ нашему первоучителю, опровергнуто нами въ свое время (*Кириллъ и Методій*, стр. 225—226). Намъ какъ-то странно только встрѣчать и въ книгѣ г. Лежера большее довѣріе къ позднѣйшему мартирологію латинскому, называющему обоихъ братьевъ епископами, и предпочтительное вниманіе къ подобному же названію Оломуцкаго епископа Іоанна, 1380 г., чуть ли не впервые приурочившаго званіе это Кириллу, нежели къ современнику послѣдняго, папѣ Іоанну VIII, который, конечно, не позволилъ бы себѣ черезъ десять лѣтъ по смерти Кирилла назвать его *Constantinus quidam philosophus*, если бы дѣйствительно онъ былъ епископомъ. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что этотъ Іоаннъ лично присутствовалъ при погребеніи въ Римѣ Кирилла и собственными глазами могъ убѣдиться въ дѣйствительномъ званіи погребяемаго. Г. Лежеръ придаетъ важное значеніе извѣстію и другаго современника Кириллова, лично и хорошо знакомаго съ нимъ, Анастасія Библиотечаря; но и этотъ, писавшій уже по смерти Кирилла, называетъ его опять только *Constantinus philosophus*. Одной непровѣренности показаній Гинцеля и др. слѣдуетъ приписать и мнѣніе г. Лежера касательно того, будто бы св. Константинъ всегда съ радостью удалялся изъ Константинополя, чтобы не сталкиваться тамъ съ дознанною честолюбивою душею Фотія (стр. 63); будто съ такимъ же чувствомъ удалился онъ и на западъ. Справедливо признаваемая, однако, имъ достовѣрность Паннонскаго источника противорѣчитъ прямо такому мнѣнію, и именно относительно путешествія св. братьевъ въ область западной церкви. Тутъ-то именно встрѣчаемъ мы въ Кириллѣ какую-то отговорчивость, уклончивость и условность, чего вовсе не

видимъ при отправленіи къ Хозарамъ, къ Арабамъ (ср. тамъ же, стр. 198). Еще явственнѣе авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, когда касается вопроса о характерѣ славянской службы въ Моравіи. На стр. 94 своего сочиненія, онъ прямо называетъ ее *римскою*; на стр. 180—182 находитъ болѣе удобнымъ предоставить самому читателю рѣшить, по греческому или по латинскому обряду отправляема была служба св. Кирилломъ, и ограничивается одною выпискою доказательствъ, предлагаемыхъ защитниками той и другой стороны; на стр. же 189 рѣшительно признаетъ, что въ Чехіи славянская служба совершалась по греческому обряду. Между тѣмъ г. Лежеръ самъ же весьма убѣдительно излагаетъ непосредственный переходъ этой службы въ Чехію изъ Моравіи.

Неодинаковость воззрѣнія на нѣкоторые отдѣльные вопросы и среди самихъ католиковъ, сочиненія которыхъ избралъ себѣ г. Лежеръ за образецъ, произвела двойственность, а черезъ то противорѣчіе и въ самой его книгѣ. Такъ, касательно года смерти св. Кирилла, авторъ то держится положенія Гинцеля и выставляетъ 868 годъ (стр. 104), утверждая мнимое посвященіе Кирилла въ епископа, 5-го января этого года, за 40 дней до смерти; то вмѣстѣ съ Рачкимъ, и вполне справедливо, указываетъ на 869, какъ на стр. 56, 108 и 115. Но вѣдь у Гинцеля была специальная цѣль стоять за 868-й годъ, чтобъ указать на готовность папы немедленно же удовлетворить искательству князя и народа моравскаго и тѣмъ отстранить иначе *безцѣльное*, по его мнѣнію, пребываніе въ Римѣ Кирилла слишкомъ цѣлый годъ. Этой цѣли не могло быть у г. Лежера, одинаково довѣряющаго и доводамъ Рачкаго, который сумѣлъ обойти эту безцѣльность.

Еще болѣе сбивчивости, темноты и недоразумѣній возбуждаютъ въ читателѣ тѣ мѣста книги, въ которыхъ авторъ касается отношеній Меѳодія къ церковнымъ вопросамъ, давно уже порѣшеннымъ на западѣ иначе, чѣмъ на востокѣ. Такъ, допуская вмѣстѣ съ Рачкимъ, и вопреки Гинцелю, что Меѳодій прибылъ въ Моравію, по смерти своего брата, съ разрѣшеніемъ и благословеніемъ славянскаго языка въ богослуженіи папою Адріаномъ II, г. Лежеръ никакъ не въ силахъ справиться съ послѣдующими противорѣчивыми распоряженіями преемника Адріанова, папы Іоанна VIII. Какъ извѣстно, этотъ папа еще въ 873—74 годахъ, слѣдовательно, черезъ какіе-нибудь четыре года по отъѣздѣ изъ Рима Меѳодія, уже посылаетъ, черезъ епископа Павла, рѣшительное запрещеніе славянской службы. Такое запрещеніе несомнѣнно было вручено Меѳодію, по отзыву и Гинцеля и Рач-

наго, а за ними и г. Лежера; по прошествіи же новыхъ пяти лѣтъ встрѣчаемъ опять грозное посланіе папы, свидѣтельствующее, во первыхъ, что Меѳодій, не смотря на прежнее посланіе, служилъ во все это время по славянски, восторыхъ — что папа самымъ строгимъ образомъ отнесся къ нему за это ослушаніе и снова укоряетъ его въ неправовѣрїи. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, согласить, при такой обстановкѣ, два противорѣчающія другъ другу положенія: съ одной стороны, безусловную покорность славянскихъ первоучителей папѣ, что ставятъ во главу угла писатели католическіе, и въ то же время явное и рѣзкое ему неповиновеніе; съ другой, признаніе Меѳодія за правовѣрнаго однимъ папою съ разрѣшеніемъ отъ него же службы на языкѣ славянскомъ, послѣ внимательнаго обслѣдованія и объясненія, и потомъ въ самомъ непродолжительномъ времени отъ новаго папы, конечно, весьма обстоятельно знавшаго о недавнемъ рѣшеніи, обвиненіе того же Меѳодія въ неправовѣрїи, порицаніе и угрозы за отступленіе отъ постановленій римскихъ именно по поводу славянскаго языка въ богослуженіи! И вотъ авторъ выбивается изъ силъ (стр. 127 — 128) въ постройкѣ разнообразныхъ предположеній, не замѣчая, что ни одно изъ нихъ въ отдѣльности, ни всѣ они въ совокупности ни мало не способны объяснить упомянутыхъ противорѣчій. Можетъ-быть, говорить г. Лежеръ, Меѳодій усматривалъ въ папскомъ посланіи вѣроломство своихъ враговъ; можетъ-быть, онъ думалъ, что послѣдніе злоупотребили его довѣріемъ. Все можетъ быть; но посланіе передано епископомъ, въ дѣйствительности его не могло быть и тѣни сомнѣнія, и слѣдовало немедленно же исполнить его, какъ скоро въ самомъ дѣлѣ Меѳодій относительно Рима былъ во всемъ *obéissant et dévoué serviteur*. Правда, можно было отправить или возраженіе, или объясненіе папѣ на полученное посланіе, и въ ожиданіи отвѣта, продолжать свое дѣло по прежнему, что и предполагаетъ снова г. Лежеръ, слѣдуя своимъ авторитетамъ. Но объ этомъ, къ ихъ общему сожалѣнію, никто и ничто не говоритъ; новое же посланіе папы, въ 879 году, ясно свидѣлствуетъ, что этого рѣшительно не было, ибо и въ этомъ посланіи находится то же безусловное и рѣзкое обвиненіе за славянскую службу, притомъ съ ссылкой на прежнее неисполненное запрещеніе. „Можетъ-быть, продолжаетъ авторъ, Меѳодій получилъ отсрочку отъ легата, Павла“. Странно, со стороны Меѳодія, придавать большой вѣсъ словамъ легата, чѣмъ категорическому приказанію папы; непослѣдовательно и невѣроятно, со стороны и легата, распорядиться вопреки требованію своего первосвященника.

„Въ свою очередь,—наимываетъ дальше предположеніе г. Лежеръ,—прекращая разомъ службу, продолжавшуюся нѣсколько лѣтъ, Меѳодій жестоко подорвалъ бы интересы, на служеніе которымъ посвятилъ онъ всю свою жизнь; заставить народъ прекратить обрядъ, который принялъ онъ съ такимъ энтузіазмомъ, значило бы отказаться отъ плодовъ долгаго и тяжелаго апостольства, значило бы погубить въ одинъ день дѣло десяти лѣтъ“.

Совершенно согласны; но въ такомъ случаѣ выходитъ, что Меѳодій считалъ личное свое убѣжденіе въ пользѣ своего служенія выше распоряженій папы, другими словами, не признавалъ въ немъ непогрѣшимаго авторитета, и не взирая на его отъѣмы и мнѣнія о славянской службѣ, дѣйствовалъ согласно собственной совѣсти и своему христіанскому убѣжденію, дѣйствовалъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, папа самъ не разрѣшилъ того же.

„Можно предположить и то,—говорить дальше г. Лежеръ, чтобы объяснить неповиновеніе Меѳодія,—что папа, давъ для *формы* нѣкоторое удовлетвореніе нѣмецкому духовенству, но настаивалъ на непосредственномъ выполненіи своихъ приказаній, изложенныхъ въ посланіи“.

Это объясненіе вѣрно относительно общаго характера дѣйствій папы: безпристрастный историкъ найдетъ во многихъ ихъ распоряженіяхъ несогласіе мысли со словомъ и способность нерѣдко высказываться единственно *для вида*; но въ настоящемъ случаѣ и этого допустить нельзя, такъ какъ за первымъ посланіемъ послѣдовало другое, хотя и запоздалое, но такого же содержанія, съ новымъ обвиненіемъ за ослушаніе и съ вызовомъ къ отвѣту въ Римъ. Сколько предположеній, догадокъ, умствованій, и все для того только, чтобы какъ-нибудь приккрыть несостоятельность предвзятой идеи о безусловной покорности Меѳодія Риму! Читатель однако же не въ состояніи извлечь никакого дѣйствительнаго объясненія, а только подмѣтитъ развѣ какую-то двусмысленность и непослѣдовательность Рима. А дѣло между тѣмъ такъ ясно и просто само въ себѣ; оно особенно должно было казаться таинимъ г. Лежеру, признающему славянскую службу съ первыхъ дней прихода въ Моравію Кирилла и Меѳодія и до первой ихъ поѣздки въ Римъ, то-есть, во все то время, когда они не имѣли ни малѣйшей возможности справиться съ мнѣніемъ Рима. Другое дѣло Гинцель; ему необходимы всѣ подобныя извороты, потому что онъ, вопреки самымъ яснымъ свидѣтельствамъ исторіи, отрицаетъ славянское богослуженіе до 870-хъ годовъ. Призванные для проповѣди христіанства княземъ Моравскимъ, съ условіемъ проповѣдывать на славянскомъ языкѣ, Кириллъ и Меѳодій, подъ вліяніемъ византійскихъ понятій о богослуженіи, находили излишнимъ даже и думать о без-

правіи своемъ внести славянскій языкъ въ литургію, какъ потому что это было условіе ихъ прихода, такъ и потому что на востокѣ не возникало и вопроса о недозволеніи какому-либо народному языку быть языкомъ и церкви. Съ понятіемъ о трехъ *священныхъ языкахъ* св. братья могли познакомиться лишь на западѣ, гдѣ видимо укоренялся уже *обычай* исключительнаго латинизма, *обычай*, говоримъ, а не законъ, такъ какъ и Франкфуртскій соборъ 794 года указываетъ еще на право другихъ языковъ. Самъ Кириллъ уже энергически возсталъ противъ западнаго пониманія, въ спорѣ съ латинниками въ Венеціи. Разрѣшеніе и благословеніе Адріана II еще болѣе должны были убѣдить Меѳодія, что и западъ не весь, относительно богослужебнаго языка, зараженъ неправильнымъ взглядомъ, и тѣмъ настойчивѣе продолжалъ дѣло своего брата. Такимъ образомъ посланіе Іоанна VIII могло только дать понять Меѳодію, что неправильное возрѣшеніе дѣластъ успѣхи и въ столицѣ западной церкви, и въ глазахъ его самъ папа долженъ былъ представиться трезычникомъ, пилатникомъ (какъ называлъ Кириллъ прелатовъ Венеціанскихъ), тѣмъ скорѣе, чѣмъ недавнѣе Меѳодій выслушалъ единственно справедливое, по своимъ понятіямъ, рѣшеніе этого вопроса отъ предшественника Іоаннова.

Не меньшую запутанность найдетъ читатель и въ гадательныхъ объясненіяхъ образа дѣйствій того же папы, Іоанна VIII, послѣ пребыванія Меѳодія въ Римѣ и назначенія ему помощникомъ Вихинга, въ 880 году (стр. 146—147). Въ самомъ дѣлѣ, по какимъ основаніямъ папа, переговоривъ лично съ Меѳодіемъ, убѣдился въ его правотѣ и въ справедливости славянскаго языка въ богослуженіи? Чтò заставило его отказаться отъ двукратныхъ обвиненій и запрещеній, въ 873 и 879 годахъ? Меѳодій могъ говорить въ свое оправданіе то же, чтò за 10 лѣтъ говорилъ онъ Адріану, въ присутствіи епископовъ, и за чтò тотъ призналъ его торжественно правотѣрнымъ и дозволилъ ввести славянскій языкъ въ богослуженіе. Не зная этого не могъ Іоаннъ VIII, бывшій тогда архидіакономъ при Адріанѣ. Не болѣе убѣдительно и оправданія г. Лежеромъ папы за посвященіе въ викарные епископы Меѳодію нѣмца Вихинга. Личность эта извѣстна была и нѣмцамъ предосудительнымъ своимъ нравомъ; еще болѣе знакома она была Славянамъ по враждебнымъ къ нимъ чувствамъ Вихинга. Папа не спросилъ однако же Меѳодія, а если и спросилъ, то не могъ услышать отъ него согласія, и однако же посвящаетъ въ епископы челоуѣка, который, по справедливому приговору г. Лежера, долженъ внести *раздоръ и анархію* въ епархію Моравскую. Правда,

авторъ возлагаетъ на Іоанна VIII обязанность удовлетворить желанію князя Святополка, котораго успѣли обойти Нѣмцы; но неужели же такое удовлетвореніе способно оправдать первосвященника, обязаннаго прежде всего и выше всего заботиться о мирѣ, тишинѣ и согласіи въ христіанской своей паствѣ? Притомъ самъ же папа въ посланіи къ Святополку (880) предлагаетъ ему избрать, если угодно, еще двоихъ кандидатовъ для епископствъ, но не иначе, какъ съ согласіемъ и одобреніемъ архіепископа Мееодія: почему же въ настоящемъ случаѣ обошелъ онъ это согласіе? Все это представляетъ нерѣшительныя сомнѣнія и недоразумѣнія въ книгѣ г. Лезера, тогда какъ рѣшеніе ихъ просто и естественно, при правильномъ взглядѣ на дѣло и на положеніе славянскихъ просвѣтителей.

Въ попыткѣ разъяснить подлогъ Вихинга передъ Святополкомъ авторъ разсматриваемаго сочиненія доходитъ до нѣкоторой наивности. Папа отправляетъ съ Мееодіемъ къ Моравскому князю посланіе, въ которомъ одобряетъ Мееодія и рекомендуетъ его князю, какъ праведнаго, между тѣмъ очень скоро по возвращеніи Мееодія въ Моравію съ Вихингомъ, въ рукахъ Святополка оказывается другое посланіе, переданное Вихингомъ; въ немъ, напротивъ, папа продолжаетъ порицать Мееодія, высказывается противъ славянской службы и предлагаетъ руководиться совѣтами Вихинга. Какъ могло совершиться это? Нельзя же допустить, чтобъ Іоаннъ VIII въ одно и то же время одному и тому же лицу объ одномъ и томъ же предметѣ давалъ прямо противоположныя отзывы; очевидно, одно изъ посланій подложное, и конечно, то, которое доставлено Святополку Вихингомъ. Г. Лезеръ разрѣшаетъ возможность подлога такъ: папа передалъ оправдательное и рекомендательное о Мееодіѣ посланіе сему послѣднему, для передачи Святополку; а Мееодій n'ent pas la précaution de la remettre lui-même à Svatopluk и выбралъ посредникомъ Вихинга, который, скрывъ подлинникъ, вручилъ Моравскому князю подложное посланіе. Думать такъ о Мееодіѣ нельзя: онъ слишкомъ хорошо уяснилъ себѣ характеръ людей, съ которыми пришлось ему бороться; споры при Кириллѣ, противодѣйствіе духовенства въ самомъ Римѣ еще при Адрианѣ, чего не отрицаетъ и г. Лезеръ (стр. 106), борьба Мееодія въ качествѣ епископа съ Нѣмцами, его продолжительное заключеніе въ *Швабахъ*, нѣмецкіе допросы и папское преслѣдованіе между 873 и 880 годами, все это должно было сдѣлать Мееодія крайне осторожнымъ и осмотрительнымъ, и прямо противорѣчить предположенію о довѣрчивости его къ извѣстному заклятому врагу Славянъ и славян-

скоѣ службѣ: на Вихинга Мееодій могъ смотрѣть какъ на соглэдатая, шпіона надъ собой, никакъ не иначе.

Но что же далѣе? Подлогъ обнаружился; нана узналъ о немъ, поспѣшилъ подтвердить дѣйствительное свое посланіе и выразилъ нѣкоторую гнѣзность на словахъ Мееодію. А Вихингъ? Какъ былъ енископомъ, такъ и остался во все время Мееодія: ни достойнаго наказанія, ни попытки разслѣдовать дѣло. Этого мало: по смерти Мееодія, ему, преступнику передъ папскимъ престоломъ, даютъ даже архіепископію Моравскую. Не ясно ли, что Римъ далека былъ отъ искренности въ своей политикѣ относительно славянской церкви въ Моравіи и ея славянскихъ просвѣтителей. Что бы стоило г. Лежеру сопоставить энергическую дѣятельность Іоанна VIII въ преслѣдованіи Мееодія, въ 873 — 879 годахъ, по вопросамъ, уже рѣшеннымъ въ Римѣ въ пользу Мееодія, и небрежность, безпечность того же Іоанна по дѣлу о подлогѣ Вихинга, оскорбляющаго достоинство папы, внесшаго раздоръ и анархію въ дѣлу епархію и ниспровергавшаго всѣ постановленія о подчиненіи своему архіепископу? Думаемъ, что онъ уяснилъ бы вполне, до чего искусственна теорія, сотканная его авторитетами въ религиозно-церковномъ вопросѣ о Кириллѣ и Мееодіѣ, и какъ трудно отстаивать ее, не нарушая исторической правды и законовъ здравой логики.

Искусственность, умысленность теоріи духовныхъ римско-католическихъ писателей запада понялъ бы г. Лежеръ и въ судьбѣ учениковъ Кирилло-Мееодіевыхъ, если бы только онъ взглянулъ на нее прямо и собственными глазами. Безъ этого же условія читатель въ его книгѣ становится и по этому предмету съ обычными недомолвками, догадками и противорѣчіями. Посмотримъ ближе. Авторъ новѣйшаго сочиненія о Кириллѣ и Мееодіѣ, отстаивая искреннее сочувствіе Рима къ дѣятельности въ Моравіи Солунцевъ, признавая послѣднихъ правдоверными и съ точки зрѣнія папъ, вступаетъ на самый выскій путь недоумѣній, какъ скоро приходится ему говорить объ изгнаніи учениковъ Мееодія и о насильственномъ истребленіи его завѣщанія. Такъ, ученики эти, по отзыву г. Лежера, и по смерти Мееодія остались «*fidèles à ses enseignements et continuateurs dévoués de son oeuvre*» (стр. 129). Чѣмъ болѣе соглашаемся мы съ этимъ, тѣмъ непостижимѣе становится дѣйствіе Рима: что заставило его попустить немедленное изгнаніе *такихъ* учениковъ изъ Моравіи; зачѣмъ не поддержалъ онъ и завѣщанія Мееодіева, назначившаго себя преемникомъ Горазда?

Какими побужденіями руководствовался онъ, утверждая архіепископомъ моравскимъ, вмѣсто Горазда, преступнаго Вихинга?

„Обстоятельства въ эту пору, отвѣчаетъ г. Лежеръ съ голоса Гинцеля и Рачкаго, были менѣе благопріятны церкви славянской; трое папъ послѣдовательно смѣнились на престолахъ первосвященника: Маринъ I, Адрианъ, Стефанъ IV. Преданія объ Адрианѣ II и о Растицѣ изгладились“ (стр. 160).

Изгладилось преданіе въ Римѣ въ теченіе *пятнадцати лѣтъ*, отъ 870 до 885 года, преданіе по дѣламъ церкви, когда многіе, безъ сомнѣнія, изъ знавшихъ лично Кирилла и Меѳодія и изъ принимавшихъ участіе въ ихъ хлопотахъ передъ папою еще здравствовали въ столицѣ западной церкви! Нѣтъ, исторія неизгладимо отмѣтила живучесть преданій въ Римѣ. Да въ настоящемъ случаѣ не зачѣмъ распространять преданіе и на пятнадцать лѣтъ; довольно и пяти, если припомнить, что и папа Іоаннъ VIII, въ 880 году, заявилъ гласно о правотѣ Меѳодія и снова уполномочилъ его на архіепископство въ церкви Моравской. Неужели на этотъ разъ такъ коротка стала память у Римлянъ, что они забываютъ за пять лѣтъ о важнѣйшихъ церковныхъ дѣлахъ въ обширной епархіи? Впрочемъ, и память-то тутъ излишня, такъ какъ подъ рукою могли быть готовые акты, документы. Видно, не за памятью стало дѣло, а за личными выгодами, которыя обыкновенно поддерживаютъ живучесть преданій въ Римѣ на цѣлую тысячу лѣтъ.

И въ какую сторону бѣжали изъ Моравіи изгнанные послѣ тяжелыхъ преслѣдованій ученики Меѳодія? Радужный пріемъ и полное успокоеніе получили они въ Болгаріи, въ странѣ, уже успѣвшей окончательно отдѣлиться къ этому времени отъ Рима и подчиниться, въ церковномъ отношеніи, Византіи. Опять крайне неловкое положеніе для защитниковъ католичества въ Кириллѣ и Меѳодіѣ и въ вѣрныхъ имъ ученикахъ. Надобно и тутъ, во что бы то ни стало, объясниться и если не уничтожить подозрѣніе на счетъ основательности защиты, то по крайней мѣрѣ, затемнить положеніе дѣлъ въ глазахъ неопытнаго читателя. „Болгарскій князь Борисъ могъ принять учениковъ безъ боязни компрометтировать себя передъ римскимъ дворомъ, ибо Фотій былъ уже низложенъ“, говоритъ (стр. 161) г. Лежеръ. Едва-ли умѣстно толковать о какой-либо боязни относительно Рима со стороны Бориса, который уже давно покончилъ всѣ съ нимъ сношенія; но не легко согласиться и съ разчетомъ времени касательно патріаршества Фотія. При болѣе точномъ взглядѣ на это время, наоборотъ, надобно допустить, что приходъ Климента, Ангеляра, Савы, Наума и Горазда

въ Болгарію относится именно къ той порѣ, когда еще Фотій продолжалъ занимать патриаршій престолъ. Въ самомъ дѣлѣ, со дня кончины Меѳодія, когда тотчасъ же началось гоненіе на учениковъ его, заставившее ихъ искать убѣжища въ странѣ Болгарской, до смерти Фотія, скончавшагося въ самомъ концѣ 886 года, протекло, безъ трехъ съ небольшимъ мѣсяцевъ, два года. Сроку очень большой, чтобы совершить путь изъ сосѣдней Панноніи и Моравіи въ царство Бориса. Притомъ напрасно дѣлать ссылки и вообще на Фотія. Вѣдь и предшественникъ его Игнатій въ послѣднее свое патриаршество уже находился подъ осужденіемъ Рима именно по поводу Болгаріи; еще менѣе могло произойти что-либо особенное въ отношеніяхъ Рима къ Византіи при наслѣдникѣ Фотія, такъ что отчужденіе Рима отъ Византіи продолжалось, а Болгарія оставалась по прежнему въ церковной зависимости отъ послѣдней, и Борисъ-Михаилъ держалъ при себѣ не только архіепископа греческаго, но и духовенство греческое.

Поспѣшно, думаемъ мы, выразился г. Лежеръ безусловно и о вѣрности наукъ Кирилло-Меѳодіевой поименованныхъ выше учениковъ ихъ, *по смерти ихъ наставниковъ*. Они всѣ окончили свою жизнь въ Болгаріи, всѣ причислены тамъ къ лику святыхъ, а Климентъ долгое время былъ и епископомъ. Очевидно, здѣсь они жили, учили и служили въ духѣ и направленіи Византійской церкви; иначе и тутъ постигла бы ихъ та же судьба, какой подверглись ихъ наставники на западѣ. А если это такъ, что не подлежитъ сомнѣнію, то какъ же понимать науку Кирилла и Меѳодія, которой постоянно оставались вѣрны ихъ ученики? Значить, и они вѣрили и учили такъ же, какъ вѣрила и учила церковь греческая. Г. Лежеръ, въ этомъ случаѣ, увлекся собственными соображеніями и высказалъ вѣрную мысль, вопреки своимъ авторитетнымъ руководителямъ, Гинцелю и Рачкому. Послѣдніе не могли такъ проговориться, и если вслѣдствіе скудости извѣстій о жизни въ Болгаріи Наума, Ангеляра, Савы и Горазда, они и не высказываютъ о нихъ опредѣлительнаго отзыва, за то Климента прямо уже считаютъ заразившимся схизмою. Съ точки зрѣнія ихъ такъ и быть должно, чтобы не привести читателя къ тѣмъ выводамъ и заключеніямъ, къ каковымъ приводитъ книга г. Лежера.

Примкнувъ разъ къ искусственному взгляду на св. Солунцевъ, будто они обязаны согласоваться съ новоизобрѣтенными въ западной церкви постановленіями и разграниченіями, и сталеживаясь на каждомъ почти шагу съ противорѣчіями такому взгляду въ дѣятельности и распоряженіяхъ Кирилла и Меѳодія, г. Лежеръ, понятнымъ образомъ,

не могъ больше ничего, какъ измышлять оговорки и объясненія, не имѣющія никакой ни исторической, ни догматической цѣнности. Подобные приемы наглядно отразились и въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ.

Меоодій крестилъ чешскаго князя Боривоя; но языческую Чехію на положеніи *partium infidelium* угодно было западу включить въ епархію Регенсбургскую; по вошедшему же въ силу обычаю въ римскомъ патриархатѣ, посторонній іерархъ не смѣлъ *вносить свою косу въ чужую жатву*, выражаясь языкомъ папы Іоанна VIII къ патриарху Византійскому Игнатію. Какъ же понять и объяснить неслыханную дерзость Меоодія, дозволившаго себѣ крестить въ христіанскую вѣру язычника, который по церковной администраціи запада приуроченъ уже къ другой епархіи? Меоодій и *боялся* переступить предѣлы своей области, замѣчаетъ г. Лежеръ; но въ то же время онъ и могъ это сдѣлать, руководясь тѣмъ, что Боривой былъ вассаломъ великаго князя Моравскаго (стр. 131). Вотъ къ какимъ толкованіямъ приводитъ неправильная постановка вопроса. А Меоодію, разумѣется, и въ голову не приходило справляться съ тѣмъ, куда, къ какой епархіи отнесли языческую страну латинники, и въ какомъ политическомъ отношеніи стоялъ князь этой страны къ государю его области. Какъ вѣрный послѣдователь апостоловъ, онъ готовъ былъ на всякомъ мѣстѣ, во всякое время и всякаго желающаго извлечь изъ тьмы язычества и просвѣтить святымъ крещеніемъ. Не задавали себѣ никогда подобныхъ вопросовъ и апостолы, а крестили всякаго съ вѣрою къ нимъ приходившаго. Административныя перегородки могли имѣть цѣну въ глазахъ Солунцевъ лишь на столько, на сколько онѣ согласовались съ порядками вселенской церкви и на сколько были знакомы имъ по правиламъ византійскимъ; другими словами, Солунцы признавали значеніе административныхъ разграниченій по епархіямъ только въ странахъ, просвѣщенныхъ христіанствомъ, съ установившеюся и окрѣпшею уже іерархіею; въ отчисленіи же къ какой-либо епархіи языческой области, гдѣ христіане могли считаться лишь десятками, гдѣ верховный правитель и всѣ власти служили еще язычеству, Солунцы должны были видѣть одинъ неслыханный на ихъ родинѣ произволь и новизну, противорѣчащую порядкамъ первобытной вселенской церкви. Вотъ почему тотъ же Меоодій считалъ неумѣстнымъ наводить предварительныя справки о томъ, куда задумають нѣмецкіе іерархи приурочить князя на Вислѣхъ, когда пришло благоприятное для Моравскаго архіепископа время обратить и его въ христіанство. Магдебургскій ли

іерархъ или другой какой-либо претендовалъ на область этого князя, для Меодія рѣшительно было все равно, какъ скоро вопросъ сводился къ крещенію язычниковъ.

Столь же необъдительно и наивно объясняетъ г. Лежеръ, какъ и его авторитеты, сообщенное Пражскимъ епископомъ Северомъ (1062 г.) свѣдѣніе, что Константинъ освятилъ въ Оломуцѣ церковь во имя св. Петра. Какъ это можно, восклицаютъ католики: освященіе церкви принадлежитъ епископу, а Константинъ былъ только священникомъ; ежели бы въ самомъ дѣлѣ вопросъ шелъ объ освященіи, вторить имъ и г. Лежеръ, то Константинъ aurait empiété sur les fonctions épiscopales (стр. 95); а между тѣмъ папа Адрианъ далъ обоимъ братьямъ положительное свидѣтельство, въ посланіи къ Ростиславу, что они ничего не совершили противъ правилъ, каноновъ; слѣдовательно; заключаетъ г. Лежеръ (тамъ же), *если не хотѣтъ допустить какое-либо нарушеніе каноническихъ постановленій со стороны Константина, то слѣдуетъ предположить*, что слово consecratio въ грамотѣ епископа Севера стоитъ вмѣсто benedictio, *посвященіе* вмѣсто *благословеніе*. Гинцель и Рачкій выразились опредѣлительнѣе, безусловнѣе, не дозволяя читателю и задаваться какимъ-либо сомнѣніемъ. Г. Лежеръ, напротивъ того, условнымъ выраженіемъ даетъ право заключать, что и самъ онъ не вполне принимаетъ хитро придуманную замѣну, и еще болѣе — возбуждаетъ вопросы, сомнѣнія въ читателѣ. А если и въ самомъ дѣлѣ Константинъ нарушилъ каноны, признаваемые обязательными для него новѣйшими католическими писателями? Ежели онъ лично вовсе не находилъ въ нихъ обязательной силы, и ежели папа Адрианъ высказалъ свое опредѣленіе Ростиславу, понимая обязательность этихъ каноновъ именно такъ же, какъ понималъ ихъ св. Константинъ? При такой шаткости воззрѣнія на это обстоятельство, г. Лежеру было бы очень кстати справиться, на сколько, дѣйствительно, древни каноны, о которыхъ идетъ рѣчь, на сколько общи они въ христіанской церкви, гдѣ и въ чемъ лежитъ основаніе ихъ. Подобная справка неминуемо привела бы его къ заключеніямъ, что ограниченіе права освящать церковь только саномъ епископскимъ составляетъ правило лишь западной церкви, что востокъ предоставлялъ это право и званію священника, что основаніе западному постановленію не имѣетъ корня въ соборахъ вселенскихъ, что сила безусловной обязательности его такимъ образомъ принадлежитъ мѣстнымъ нововведеніямъ, о которыхъ св. Константинъ могъ не знать, которыхъ, и при знаніи, считалъ себя въ правѣ не исполнять, что, наконецъ, и папа Адрианъ,

сообразая мѣстное значеніе этого канона, чуждое вселенской обязательности, могъ точно также не считать освященія церкви Константиномъ въ Оломуцѣ за нарушеніе общецерковныхъ канонѡвъ, какъ въ послѣдствіи преемникъ его, Іоаннъ VIII, удостовѣрялъ и о Меѡдіѣ, что онъ учитъ объ исхожденіи св. Духа согласно съ вселенскою церковью, хотя это ученіе и противорѣчило новому вѣрованію большинства епархій западныхъ ¹⁾).

Мы указали на самыя слабыя стороны сочиненія г. Лежера по поводу взгляда его на Кирилла и Меѡдія. Эти стороны и обнимаютъ собою все, въ чемъ невозможно согласиться съ тою частію сочиненія автора, въ которой излагаются свѣдѣнія объ ученіи и дѣятельности славянскихъ просвѣтителей. Припоминая теперь отношеніе его къ русскимъ сочиненіямъ, нельзя не предположить, что и эти стороны явились бы совершенно въ иномъ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, такъ были бы обойдены, что не наводили бы читателей на ложныя понятія, еслибы авторъ безпристрастно выкинулъ въ то, что говорится о томъ же предметѣ на востокѣ. Мы увѣрены, что тогда писанное о святыхъ братьяхъ въ русской литературѣ не представлялось бы г. Лежеру только вопросомъ *любознѣства, какъ смотрятъ на исторію славянскихъ апостоловъ въ Россіи* (стр. XVIII), а требованіемъ науки съ обязательною задачею разъяснить запутанную доселѣ и въ понятіяхъ г. Лежера истину. Быть можетъ, не одно русское сочиненіе пропу-

¹⁾ Здѣсь было бы умѣстно остановиться на замѣчаніяхъ г. Бильбасова, высказанныхъ въ его первомъ выпускѣ источниковъ, касающихся жизни и дѣятельности Кирилла и Меѡдія. Но какъ замѣчанія г. Бильбасова, равно и понятіе имъ дѣла, а также и самыя научныя приемы свидѣтельствуютъ убѣдительно, что онъ только впервые началъ знакомиться съ предметомъ своего изданія, то мы и подождемъ той поры, когда онъ успеетъ освоиться съ нимъ ближе и черезъ то сообщить самыя мыслямъ своимъ требуемую ясность, прочность и опредѣлительность; при отсутствіи же этихъ качествъ въ его мысляхъ въ настоящее время, нерѣдко трудно бываетъ понять, что собственно авторъ хотѣлъ сказать въ томъ или другомъ своемъ замѣчаніи. Такъ, и въ данномъ случаѣ, вставая противъ моихъ возраженій Рачкому и Гинцелю, по поводу натянутого объясненія ими извѣстія объ освященіи Кирилломъ церкви въ Оломуцѣ, г. Бильбасовъ, какъ бы въ укоризну мнѣ, говоритъ, что съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ. Удивительно, какъ не сообразилъ г. Бильбасовъ, что вѣдь этимъ онъ только подтвердилъ основательность моихъ возраженій. Въ самомъ дѣлѣ, значить, у Кирилла былъ особенный уставъ, сравнительно съ западною церковью, чужой для послѣдней; а онъ могъ быть только Византійскимъ. Слѣдовательно, св. Кириллъ и на западѣ не сообразовался съ постановленіями латинской церкви въ тѣхъ случаяхъ, когда она отступала отъ правилъ восточныхъ.

стило бы и въ его умъ не одинъ свѣтлый лучъ, который побудилъ бы наконецъ автора рѣшиться сказать слово правды. Рано или поздно, а такое слово правды должно же быть произнесено и на западъ для запада, и конечно, чѣмъ раньше, тѣмъ полезнѣе для истины.

Второй взглядъ г. Лежера, изложенный не по требованіямъ науки, а подъ вліяніемъ національныхъ предубѣжденій, касается Россіи. Ходячія сужденія о ней на западѣ, съ утвержденіемъ всепроникающаго вреднаго на нее вліянія византійской цивилизаціи и утраты славянской національности отъ подчиненія монгольскому народу, вошли цѣликомъ въ разбираемое сочиненіе; авторъ принялъ ихъ безъ оговорокъ, не давая себѣ труда провѣрить ихъ хотя бѣглымъ, поверхностнымъ анализомъ народной жизни. Въ этомъ отношеніи весьма мало послужило для него и знакомство съ трудами русскихъ историковъ, на которыхъ г. Лежеръ не прочь дѣлать ссылки въ другихъ случаяхъ. А между тѣмъ одно сравнительное сужденіе его о Русскихъ и Сербяхъ, казалось бы, должно было само собою дать поводъ къ подобному анализу, хотя бы только въ умѣ, безъ изложенія всего процесса въ книгѣ. Такъ, на стр. 12, читаемъ:

„Чехія и Польша подпали вліянію латинства и германизма; Россія получила *возможную* цивилизацію изъ Византіи, которой не улучшило соприкосновеніе съ туранскими народами. Сербы лучше сберегли славянское преданіе, и ихъ нравы не измѣнились особенно отъ соприкосновенія съ Греками и Турками“.

Какъ виденъ тутъ ученикъ Ходзька и Духинскаго! Такъ какъ авторъ понимаетъ иначе, чѣмъ послѣдніе, отношеніе русскаго народа къ такъ-называемымъ инородцамъ, о чемъ не замедлимъ мы упомянуть ниже, то въ приведенномъ извлеченіи подѣ туранскими народами приходится разумѣть только вліяніе татарское; тѣмъ болѣе, что только оно можетъ быть сопоставлено съ господствомъ турецкимъ надъ Сербіями. Чтò же выходитъ? Русскіе находились подѣ владычествомъ Татаръ 250 лѣтъ — и отатарились; Сербы до сихъ поръ, въ теченіе почти пяти сотъ лѣтъ, стоятъ подѣ гнетомъ Турокъ и сохранили въ цѣлости свое славянство. Видно, степень и свойство вліянія были различныя. Справедливо; но едва-ли бы самое бѣглое вниманіе къ нимъ не измѣнило приговора г. Лежера. Русскіе были разсѣяны на огромныхъ пространствахъ; татарское господство не въ силахъ было проникать въ народную массу, да и вообще дѣйствовало посредствомъ туземнаго правительства, черезъ русскихъ князей; владычество же Турокъ надъ Сербіей стало съ первыхъ годовъ общенароднымъ, шло въ самую глубь Сербіи, въ конецъ уничтоживъ верховную власть ту-

земную. То же самое и относительно Византіи. Въ Россіи съ самаго начала христіанства обнаруживается стремленіе къ самостоятельной церковной іерархіи; епископская власть вскорѣ послѣ крещенія переходитъ въ руки русскихъ людей, даже митрополичья кафедра замѣщается русскими уроженцами; русская церковь не замедлила и окончательно освободиться отъ вліянія Византіи. Совсѣмъ иное у Сербовъ: подъ владычествомъ Турціи греческое духовенство стало почти исключительнымъ у нихъ на верху и преобладающимъ внизу; достаточно вспомнить о значеніи фанаріотовъ въ жизни юго-славянскаго народа, чтобъ отбросить всякую мысль о сравненіи съ Россіей. Но мы готовы уступить г. Лежеру и согласиться, что однѣ и тѣ же причины дѣйствовали одинаково на Сербскій и Русскій народъ. Откуда же произошло существенное и неожиданное различіе въ результатахъ современной жизни? Нѣтъ, ужь что-нибудь одно изъ двухъ: или Сербы сберегли свое славянство и не заразились ложною цивилизаціей Византіи; но тогда то же должно сказать и о Русскомъ народѣ; или если послѣдній таковъ, какимъ изображаетъ его г. Лежеръ, то - есть, *le moins slave et le moins civilisé*, тогда не логично выставлять въ иномъ видѣ и Сербовъ.

Впрочемъ, о составѣ Русскаго народа и о мѣстѣ его въ славянскомъ племени г. Лежеръ говоритъ подробнѣе въ этнографическомъ описаніи славянства, которое и начинается онъ съ Русскаго народа. Здѣсь съ небольшимъ на двухъ страницахъ (39 — 41) авторъ очень ярко, хотя, быть можетъ, противъ воли, изобразилъ своими сужденіями борьбу здраваго смысла съ нелѣпою теоріей Духинскаго и польской эмиграціи. По всему видно, что и самъ авторъ былъ въ числѣ ея поклонниковъ, доволъ не пришлось ему взглядѣться въ предметъ ближе и высказаться о немъ письменно. Сосредоточенная мысль, подъ вліяніемъ болѣе правильныхъ историческихъ понятій, при отсутствіи намѣренности въ извращеніи ихъ, вывела и автора далеко за предѣлы искусственно придуманной теоріи. Правда, г. Лежеръ идетъ ощупью, шатко, колеблясь постоянно то въ ту, то въ другую сторону; тѣмъ не менѣе въ послѣднемъ результатѣ онъ не безъ торжественности извиняется въ томъ, что „отрицаетъ новую теорію, усиливавшуюся отнять у Россіи и имя народа славянскаго и значеніе государства европейскаго“. Что къ такому результату пришелъ г. Лежеръ не безъ борьбы, это ясно видно изъ его невольныхъ противорѣчій и неточностей. Такъ, онъ начинается съ аксіомы Духинскаго и Анри Мартена, что славянскій элементъ въ Русскомъ народѣ поглощенъ и задушенъ туранскою на-

часть скл., отд. 2.

ціональною; но тутъ же развивая мысль о постепенномъ этнографическомъ расширеніи Россіи, о нелогичности увѣренія, будто элементъ славянскій былъ достаточенъ для ославленія Туранцевъ, положительно утверждаетъ, что все-таки образовавшійся изъ смѣси народъ *sui generis* долженъ быть относимъ къ славянскому племени. Однажды г. авторъ называетъ Россію прямо не славянскою, а черезъ нѣсколько строкъ спѣшитъ уже ограничить свой приговоръ, и Россія является государствомъ *не чисто* славянскимъ. Въ одномъ случаѣ онъ не прочь допустить, что съ точки зрѣнія антропологической, *быть можетъ*, десятая или пятая часть народонаселенія русскаго— и не славянской крови; но тутъ же строго отвергаетъ право основывать на *теоретическомъ выводѣ* систему исторіи и политики. Слѣдующее за симъ разсужденіе, какъ свидѣтельство побѣды здраваго смысла надъ вымыслами пристрастно разгоряченной фантазіи, мы приводимъ въ переводѣ.

„Справедливо, что Россія не славянская страна; славянскою можно назвать ее только въ той или иной пропорціи: но кто опредѣлитъ эту безпрестанно мѣняющуюся пропорцію? *Да и гдѣ отыскать народъ оставшійся чистымъ отъ всякой примѣси?* Намъ бы пришлось передѣлывать всю географическую терминологию и цѣлую карту Европы“.

Конечно, и эти мысли Француза не образуютъ творцевъ туранской системы; но онѣ способны раскрыть всякому здоровому глазу совершенную бесплодность и безцѣльность подобныхъ системъ. Изъ сказаннаго ясно, что г. Лежеръ, хотя и уклонился отъ теоріи о Русскомъ народѣ, состряпанной въ кухнѣ польской эмиграціи, тѣмъ не менѣе удержался отъ какого-либо рѣшительнаго приговора, справедливѣе — запуталъ его такъ, что только по однимъ намекамъ приходится судить о приуроченіи имъ Русскаго народа къ составу Славянъ. Между тѣмъ сужденія его о сравнительномъ отношеніи Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ къ Польшѣ и Россіи такого свойства, что при болѣе серьезномъ вниманіи къ нимъ, нерѣшительность г. Лежера представляется уже прямо и положительно непослѣдовательною. Въ самомъ дѣлѣ, и Бѣлоруссовъ, и Малоруссовъ онъ смѣло отчисляетъ къ Славянамъ, признавая оба поколѣнія посредствующими звеньями между Поляками и Русскими. При этомъ онъ справедливо опредѣляетъ, что къ первымъ приближаются бѣлорусское и малорусское нарѣчія въ лексикальномъ составѣ, тогда какъ съ послѣдними они имѣютъ общую фонетику (стр. 41—42). Напрасно авторъ не вникнулъ глубже въ свое опредѣленіе; изъ него можетъ быть только такой выводъ: единство фонетическое въ родственныхъ нарѣчіяхъ указываетъ прямо

на единство племенное; сходство нѣкоторыхъ реченій въ языкѣ можетъ вовсе не быть связано съ племеннымъ родствомъ и происходитъ отъ народныхъ связей въ жизни, что дѣйствительно и имѣло мѣсто у Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ, нѣсколько вѣковъ находившихся въ политическомъ объединеніи съ Польшей. Притомъ сходство отдѣльныхъ словъ въ польскомъ, бѣлорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ ни мало не уничтожаетъ и, не ослабляетъ вообще лексическаго единства двухъ послѣднихъ нарѣчій съ великорусскимъ. Отсюда, признанное г. Лежеромъ славянство въ Бѣлоруссахъ и Малоруссахъ само собою обусловливаетъ и славянство Великоруссовъ. Конечно, мы не согласны съ сожалѣніемъ автора, что Бѣлоруссы и Малоруссы, при своей значительной численности, въ 16 милліоновъ, не смогли образовать отдѣльнаго государства, посредствующаго между Польшею и Россіей, что, будто, вполне согласовалось бы съ интересами европейскаго равновѣсія (стр. 42). На сколько способствовало бы такое государство условному понятію о европейскомъ равновѣсіи, колеблющемуся и отъ времени, и отъ политики иногда отдѣльныхъ правительствъ, гадать мы не станемъ; но не можемъ скрыть своего убѣжденія, что при такомъ посредствующемъ государствѣ своеобразныя понятія запада о политическомъ равновѣсіи не замедлили бы окончательно сгубить политическую самостоятельность всѣхъ славянскихъ народовъ. А такой результатъ не согласуется съ нерѣдко высказываемымъ сочувствіемъ автора вообще къ Славянамъ.

Взамѣнъ предубѣжденій, увлеченій и иногда пристрастія, въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся восточной церкви и Русскаго государства и народа, читатель встрѣчаетъ въ разбираемомъ сочиненіи свѣтлый взглядъ и безпристрастное отношеніе къ предметамъ, имѣющимъ только научный интересъ. Съ этой стороны, ни громкіе авторитеты въ наукѣ, ни личное знакомство съ славистами не поколебали самостоятельности автора; за то и сужденія объ этихъ предметахъ отличаются простотою и ясностію; въ нихъ нѣтъ и тѣни натаманности, увлеченій, излишняго вниманія къ мелочамъ въ ущербъ главному, что такъ нерѣдко затемняетъ и запутываетъ дѣло въ изслѣдованіяхъ славянскихъ специалистовъ. Къ числу вопросовъ, разсмотрѣнныхъ въ такомъ видѣ г. Лежеромъ, принадлежитъ вопросъ о происхожденіи церковно-славянскаго языка и о сравнительной древности азбуки славянскихъ, кирилловской и глагольской.

Въ объясненіяхъ о происхожденіи языка переводовъ Св. Писанія, сдѣлавшагося богослужебнымъ языкомъ у всѣхъ Славянъ православ-

ныхъ, а отчасти и католическихъ, ученые славянскіе послѣдовательно переходили отъ одного предположенія къ другому, отъ признанія его искусственнымъ, потомъ общимъ для всѣхъ Славянъ, къ сопоставленію чуть не съ каждымъ живымъ нарѣчіемъ славянскимъ, пока въ большинствѣ не остановились на опредѣленіи его, какъ старо-болгарскаго нарѣчія. Ученныя доказательства, въ полнотѣ предложенныя глубокомысленнымъ Шафарикомъ въ поддержаніе такого опредѣленія церковно-славянскаго нарѣчія, сдѣлали взглядъ этотъ почти всеобщимъ въ позднѣйшее время. Г. Лежеръ, однако же, не увлекся авторитетомъ и Шафарика; имѣя въ виду туранское происхожденіе первобытныхъ Болгаръ, соображая зачатки переводовъ Св. Писанія въ Константинополѣ и отношеніе первыхъ переводчиковъ къ Славянскому народу, онъ не вышелъ изъ границъ дѣйствительности и здравомыслія и весьма просто и убѣдительно, въ самыхъ краткихъ словахъ, очертилъ отношеніе церковно-славянскаго языка какъ къ Болгарамъ, такъ и къ панноно-моравскимъ Славянамъ. Вотъ какъ разсуждаетъ г. Лежеръ:

„Припомнимъ, что въ эпоху, которою мы занимаемся, еще не было Мадьяровъ въ Европѣ (правильнѣе въ нынѣшней Венгріи). Славяне одни занимаютъ великую Моравію и Паннонію. Не должно упускать изъ виду этого главнаго обстоятельства. Не забудемъ, съ другой стороны, и того, что по свидѣтельству большинства источниковъ, Кириллъ началъ переводъ въ Константинополѣ. На какомъ языкѣ славянскомъ? Очевидно, на языкѣ Славянъ полуострова (Балканскаго), на томъ языкѣ, который, *послѣ того какъ мало по малу былъ усвоенъ туранскими Болгарами, получилъ имя языка болгарскаго*, подобно тому, какъ языкъ французскій, происходя отъ латинскаго, получилъ имя отъ германскаго народа. Кто бы ни былъ по происхожденію Кириллъ, но онъ зналъ этотъ языкъ, который былъ почти одинаковъ съ языкомъ, которымъ говорили тогда и въ Моравіи. Провинціальныя, діалектическія отлічія въ народѣ не могли препятствовать пониманію перевода, для него приготовленнаго. Мы видимъ, какъ Кириллъ допускаетъ къ участію въ своихъ трудахъ и Болгарскихъ Славянъ (Климентъ) и Моравскихъ (Гораздъ). Эти послѣдніе могли легко примѣнять нѣкоторые выраженія къ областнымъ требованіямъ, то-есть, діалектизировать ихъ; самъ Кириллъ, при необыкновенномъ талантѣ къ языкамъ, не замедлилъ, конечно, въ непродолжительное время, приспособиться къ особенностямъ языка Славянъ Моравскихъ и Паннонскихъ. Извѣстно, въ свою очередь, что основное свойство языка литературнаго или того, который стремится сдѣлаться литературнымъ, состоитъ въ томъ, чтобы стать выше провинціализмовъ и брать въ грамматикѣ то, что наиболѣе правильно, а въ словарь—что наиболѣе чисто (стр. 202—203)“.

Взглядъ г. Лежера на отдѣльность и разнородность Болгаръ и Славянъ, и въ половинѣ IX вѣка, высказался ясно и въ предположеніи его (стр. 66), что изученію Кирилломъ хозарскаго языка, быть мо-

жетъ, помогло знакомство съ языкомъ Болгаръ, *еще не ославяненныхъ* (la langue des Bulgares, encore non slavisés). Знакомый съ дѣломъ не затруднится легко понять всю громадность различія этого воззрѣнія отъ положенія Шафарика, будто во времени Кирилла и Меѳодія уже произошло сліяніе Болгаръ съ Славянами, и будто языкъ этого смѣшаннаго народа вошелъ въ письменные труды Солунскихъ братьевъ и сдѣлался основою нынѣшняго церковно-славянскаго нарѣчія (*Слав. Древности* Шафарика, русскій переводъ, томъ II, кн. 1, стр. 274 — 275); не затруднится, надѣмся, отдать и полное предпочтеніе взгляду г. Лежера, какъ естественнѣе и правильнѣе объясняющему взаимныя отношенія двухъ совершенно разнородныхъ по происхожденію народностей.

Мы вовсе не думаемъ приписывать это мнѣніе о церковно-славянскомъ нарѣчій самостоятельному изслѣдованію г. Лежера; имѣемъ даже право предположить, что онъ составилъ его на основаніи статьи Пражскаго профессора Гатталы; тѣмъ не менѣе мы придаемъ ему вѣсъ и обращаемъ на него особенное вниманіе, потому что по поводу вопроса о происхожденіи церковно-славянскаго языка существуютъ весьма неопредѣленныя, иногда очень запутанныя понятія въ самихъ славянскихъ литературахъ, не исключая и отечественной. Едва-ли мы ошибемся, если заявимъ, что и въ средѣ образованныхъ людей чрезвычайно немногіе соединяютъ полное и отчетливое понятіе съ употребительными терминами *церковно-славянской* или *старо-славянской*; еще менѣе правильное и точное понятіе о родинѣ и происхожденіи нашего священнаго языка даетъ терминъ *старо-болгарскій*. Отзывъ г. Лежера, отличаясь краткостью и ясностью, въ то же время не лишенъ и требуемой убѣдительности.

Тѣ же качества даютъ себя чувствовать и въ сужденіяхъ автора объ азбукахъ славянскихъ. Ознакомившись съ трудами славистовъ по вопросу о кириллицѣ и глаголицѣ, признаваемому г. Лежеромъ за любопытнѣйшій вопросъ въ новѣйшей славистикѣ, онъ придаетъ справедливое значеніе сказанію Храбра, которое въ значительной части дословно и приводитъ во французскомъ переводѣ: съ одной стороны, подъ влияніемъ этого сказанія, съ другой, по логическимъ соображеніямъ о лицахъ и обстоятельствахъ изобрѣтенія славянской азбуки, авторъ считаетъ крайне натанутымъ и прямо несогласнымъ съ истинною новѣйшее мнѣніе, будто св. Кириллъ изобрѣлъ такъ-называемую глаголицу; западные слависты, виновники этого мнѣнія, неудачно, по словамъ г. Лежера, прикрываютъ своимъ патріотизмомъ его слабость

и собственные увлеченія. Порядокъ мыслей, заключеній и выводовъ таковъ: народъ, начинающій литературу, пользуется буквами, какия у него существуютъ; если нѣтъ своихъ, онъ заимствуетъ ихъ у другаго народа, ему близкаго и знакомаго. Такъ поступили Греки, положившіе въ основу алфавитъ финикійскій, такъ дѣйствовали и другіе народы. Славяне не имѣли своей азбуки, но крайней мѣрѣ, по понятіямъ императора Михаила, отправлявшаго въ миссію къ Славянамъ св. Кирилла, и по понятіямъ послѣдняго, принимавшаго эту миссію. Положительное свидѣтельство объ этомъ Храбра не даетъ права сомнѣваться въ дѣйствительности ихъ незнанія о какой-либо славянской азбукѣ. Но Кириллъ не иначе рѣшается идти на проповѣдь, какъ подъ условіемъ письменности на туземномъ языкѣ; азбука, слѣдовательно, необходима. Что взято для нея за образецъ? Не естественно ли, что въ основаніе онъ положилъ алфавитъ, наиболее ему знакомый и постоянно бывшій у него на глазахъ? Можно ли вообразить, чтобы столь практическій человѣкъ обратился къ составленію совершенно новыхъ буквъ, менѣе удобныхъ уже по неупотребительности ихъ прежде? Притомъ Кириллъ не могъ не знать, что греческій алфавитъ уже былъ въ ходу у сосѣднихъ Славянъ, исповѣдывавшихъ христіанство, какъ ни недостаточно могло быть его примѣненіе къ языку славянскому. Свидѣтельство Храбра и въ этомъ отношеніи неоспоримо. Правда, могутъ возразить, что Славяне имѣли уже свои руны: но онѣ напоминали собою язычество, да притомъ и сомнительно, знали ли о ихъ существованіи Кириллъ. Вотъ почему и текстъ Храброва сказанія представляется г. Лежеру на столько яснымъ и опредѣлительнымъ, что онъ не даетъ и мѣста какому-либо недоразумѣнію. Согласно же съ этимъ сказаніемъ, алфавитъ славянскій не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ греко-славянскимъ, которому въ теченіе многихъ вѣковъ преданіе приписываетъ названіе кириллицы. Это преданіе и Храброво сказаніе вполне согласуются и съ естественнымъ ходомъ развитія, какой только въ правѣ мы допустить (стр. 206—213).

Въ своихъ возраженіяхъ защитникамъ глаголицы, г. Лежеръ не чуждъ нѣкоторой прони, даже рѣзкости. Исходя изъ вѣрнаго положенія, что ни одинъ доселѣ древнѣйшій памятникъ глагольской письменности не имѣетъ въ себѣ точнаго обозначенія времени, онъ считаетъ еще несвоевременнымъ руководиться палеографическими признаками и принимать единственно на ихъ основаніи, безъ возраженій, гипотезы издателей, все равно, кто бы ни были они — Шафарикъ, Рачіе или Бричичи (стр. 215). Одно изъ доказательствъ ревнителей гла-

гольской древности г. Лежеръ прямо называетъ игрою словъ, которою хотѣтъ приписать папамъ и жизнеописателямъ IX—X столѣтій какую-то научную строгость, когда въ настоящемъ случаѣ и въ наше время можно ожидать ея развѣ отъ однихъ филологовъ. И нельзя не сознаться въ полной справедливости такого приговора, если сообразимъ, что онъ относится къ сдѣланному Шафарикомъ и другими объясненію папскаго опредѣленія славянской азбуки словами *noviter repertas slavonicas litteras*, изъ чего будто никакъ нельзя заключать о греческомъ образцѣ Кирилловскаго алфавита.

Также основательно, по нашему мнѣнію, г. Лежеръ высказывается и о поводахъ изобрѣтенія новой глагольской азбуки при существованіи уже у Славянъ кириллицы. Поводомъ, говоритъ онъ, служилъ тотъ же дуализмъ въ религіи, католической и православной, который участвуетъ и въ самомъ спорѣ объ относительной древности обѣихъ азбукъ. Мысль не новая; авторъ разсматриваемаго сочиненія взялъ ее у Добровскаго и только видоизмѣнилъ время, согласно съ выводами русскаго ученаго Прейса и съ новѣйшими открытіями въ области глаголицы. Такъ, г. Лежеръ разсуждаетъ: извѣстно, что славянская литургія преслѣдовалась на западѣ уже со временъ Меоодія. Взрывъ греческаго (?) раскола долженъ былъ сдѣлать ее подозрительною въ Римѣ тѣмъ больше, что составленная Кирилломъ азбука представляла поразительное сходство съ греческою. При такомъ стеченіи обстоятельствъ, кто-либо изъ непосредственныхъ учениковъ славянскихъ апостоловъ, быть можетъ, въ концѣ IX вѣка, изобрѣлъ новый алфавитъ, для чего положилъ въ основу славянскія руны и греко-славянскія буквы Кирилла, скрывъ, на сколько было возможно, свои заимствованія. Этимъ объясняется и характеръ буквъ глагольскихъ, и замаскированное сходство съ алфавитомъ греко-славянскимъ... Едва-ли возможно отнести подобный оригинальный трудъ къ Кириллу. Всего естественнѣе приписать его какому-либо благочестивому поддѣльщику, желавшему спасти національную литургію посредствомъ таинственнаго алфавита, труднаго для чтенія и напоминающаго вычурностью своей формы священные алфавиты востока, коптскій и армянскій. Тутъ лежитъ разгадка и посредничества св. Иеронима (стр. 221—222). Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться безпристрастному читателю, не затемняющему умшленно своего зрѣнія мелочными придирками къ отдѣльнымъ выраженіямъ и натянутыми объясненіями и предположеніями. Но всѣ эти сужденія объ отношеніяхъ двухъ славянскихъ азбукъ давно уже высказаны съ замѣчательною обстоятельностью въ трудахъ русскихъ уче-

ныхъ. Эти послѣдніе извѣстны г. Лежеру; по крайней мѣрѣ, онъ дѣлаетъ ссылки и на покойнаго Прейса, и на г. Срезневскаго, и на г. Бодянскаго; мы рѣшаемся думать, что г. Лежеръ и самъ въ своемъ ясномъ и убѣдительномъ изложеніи этого предмета не ограничивался исключительно указаніями г. Гатталы, а пользовался изслѣдованіями и упомянутыхъ русскихъ ученыхъ. Какъ же позволилъ онъ себѣ называть ихъ доводы *не имѣющими въ себѣ ничего научнаго* (стр. 206)? Тутъ снова встрѣчаемъ мы ослѣпленный пристрастіемъ и безразчетнымъ предубѣжденіемъ взглядъ автора, какъ скоро приходится ему коснуться до чего-либо русскаго, хотя бы и послужившаго ему на пользу. Взглянувъ на дѣло прямѣе и справедливѣе, онъ безъ труда отмѣтилъ бы, что и статья г. Гатталы въ *Научномъ Словникѣ*, бывшая для него главнымъ пособіемъ, въ существенныхъ положеніяхъ о глаголицѣ и кириллицѣ основана на русскихъ изслѣдованіяхъ. Согласію выводовъ западнаго слависта съ заключеніями восточныхъ г. Лежеръ и обязанъ правильнымъ изложеніемъ вопроса о славянскихъ азбукахъ. Кто знаетъ, быть можетъ, такимъ же результатомъ отозвалось бы сочиненіе г. Лежера и относительно христіанскаго ученія Кирилла и Меѳодія, еслибъ и тутъ онъ нашелъ на западѣ такого же проводника для русскихъ сочиненій, какого встрѣтилъ въ г. Гатталѣ по вопросу объ азбукѣ. Быть можетъ, тогда и въ этомъ отношеніи онъ также отвергнулъ бы и Гинцеля, и Рачкаго, такъ неудачно прикрывающихъ своимъ католическимъ пристрастіемъ слабость доказательствъ; какъ уклонился онъ отъ нихъ, подъ вліяніемъ статьи г. Гатталы, въ вопросѣ объ азбукѣ. Но этого проводника не нашлось, а самъ г. Лежеръ оказался не въ силахъ побѣдить свое предубѣжденіе, и рѣшился лучше слѣдовать богословскимъ авторитетамъ католичества и вмѣстѣ съ ними наполнять свою книгу недоразумѣніями, предположеніями, запутанностью и противорѣчіями. И нельзя не пожелать въ интересахъ науки и здравыхъ понятій на западѣ о славянскихъ просвѣтителяхъ, чтобы г. Лежеръ подавилъ предубѣжденіе противъ ученыхъ русскихъ, ограничилъ пристрастіе къ исключительной пользѣ авторовъ католическихъ, воспользовался бы дорогимъ своимъ средствомъ, знаніемъ русскаго языка, вдумался пристальнѣе въ сужденія православныхъ писателей, сравнилъ ихъ съ извѣстными уже ему источниками и измѣнилъ тѣ страницы своего труда, которыя проходятъ въ немъ темною полосой и не гармонируютъ съ неоспоримыми его достоинствами во многихъ другихъ отношеніяхъ. Результатъ изложенія вопроса о кириллицѣ и глаголицѣ при посредствѣ Пражскаго уче-

наго, заимствованный въ своей сущности изъ русскихъ сочиненій, можетъ послужить ему ручательствомъ, что далеко не во всемъ послѣдніе способны удовлетворять только прихотливому любопытству.

II. Лавровскій.

Харьковъ, 22-го октября 1868 года.

Die Lehre vom russischen Accent. Mit Rücksicht auf die Accentuationssysteme verwandter Sprachen bearbeitet von Dr. L. Kayssler. (Ученіе о русскомъ акцентѣ, сравнительно съ системами ударенія родственныхъ языковъ, обработанное докторомъ Л. Кайслеромъ. Берлинъ, 1866 г., мал. 8 д. л., 97 стр.).

Книжечка эта появилась уже болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ; но до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, о ней еще не было рѣчи въ русской печати. Между тѣмъ она во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Прежде всего мы не можемъ не порадоваться, что нашелся ученый, хотя и не единоземецъ нашъ, который, одѣнвивъ всю важность изслѣдованія мало разработанной стороны языка, рѣшился посвятить русскому ударенію особый трудъ. Въ нашемъ филологическомъ мірѣ до сихъ поръ, кажется, еще недостаточно утвердилось убѣжденіе въ многозначительности ударенія при всѣхъ проявленіяхъ законовъ языка. Въ другихъ литературахъ такое положеніе дѣла уже измѣнилось къ лучшему. „Долго“, говоритъ г. Кайслеръ въ своемъ предисловіи, „на удареніе смотрѣли какъ на весьма маловажный въ языкѣ элементъ, хотя уже древній грамматистъ Диомедъ называлъ его душею рѣчи. Только въ новѣйшее время оно стало обращать на себя болѣе вниманія. Бушманъ изслѣдовалъ (1832) англійское удареніе; Гёттлингъ (1835) греческое, Гумбольдтъ—во введеніи къ труду своему о языкѣ кави (1836)—выказалъ остроумныя замѣчанія о сущности акцента; Бётлингъ занялся въ первый разъ (1843) удареніемъ санскрита, а Боппъ, опираясь на его приготовительныя работы, сравнилъ (1853) санскритскій языкъ съ греческимъ, литовскимъ и отчасти русскимъ, при чемъ показалъ удивительное во многихъ случаяхъ сходство. Между тѣмъ Бенлёвъ (1847) изслѣдовалъ относительно ударенія цѣлую область индо-европейскихъ языковъ (за изгнѣтемъ, къ сожалѣнію, славянскихъ нарѣчій) и установилъ теорію, которую въ послѣдствіи онъ вмѣстѣ съ Вейллемъ старался еще болѣе утвердить въ примѣненіи къ

латинскому. Но вопросы, такимъ образомъ возбужденные, еще далеко не рѣшены окончательно". — Г. Кайслеръ надѣется, что трудъ его послужитъ началомъ матеріала, который необходимо собрать, прежде нежели можно будетъ вполне уразумѣть сущность разнообразнаго русскаго ударенія. Но главная цѣль брошюры — практическая. Авторъ желаетъ доставить облегченіе изучающему языкъ на практикѣ — „дать ему путеводную нить въ хаосъ русскаго ударенія и показать, что есть границы трудностямъ“. Онъ имѣлъ въ виду представить особенно подвижность русскаго ударенія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ; книжка его должна составлять дополненіе къ изданнымъ до сихъ поръ русскимъ грамматикамъ, которыя всѣ, какъ онъ замѣчаетъ, съ пренебреженіемъ относятся къ ударенію.

Какими же средствами располагалъ для этого г. Кайслеръ и въ какой мѣрѣ достигъ своей цѣли?

Въ самомъ началѣ своего предисловія онъ жалуется, какъ трудно иностранцу усвоить себѣ въ русскомъ языкѣ правильное удареніе, и сожалѣетъ, что русскія книги давно уже печатаются безъ означенія выговора въ этомъ отношеніи. Мало знакомый съ живымъ русскимъ языкомъ, почтенный авторъ могъ положить въ основаніе своихъ наблюденій только словари и грамматики, да показанія немногихъ лицъ, знающихъ языкъ практически, къ которымъ онъ обращался за справками. Изъ русскихъ грамматистовъ Востоковъ болѣе другихъ останавливается на удареніи, и потому понятно, что г. Кайслеръ преимущественно пользовался его грамматикой. Что касается до нашихъ посильныхъ опытовъ по тому же предмету, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатанныхъ въ изданіяхъ Академіи Наукъ, то они остались неизвѣстны автору разбираемой брошюры ¹⁾.

Брошюра эта состоитъ изъ шести отдѣловъ, которые озаглавлены слѣдующимъ образомъ:

- 1) Общія начала ученія объ акцентѣ.
- 2) Общая характеристика русскаго ударенія.
- 3) Удареніе въ склоненіи существительныхъ.
- 4) Удареніе прилагательныхъ.
- 5) Удареніе глаголовъ.
- 6) Удареніе въ словообразованіи.
- 7) Энглизисъ.
- 8) Списокъ подобозвучныхъ словъ, отличаемыхъ удареніемъ.

¹⁾ Объ этомъ уже было замѣчено въ *Slavisches Centralblatt* 1866, № 50, гдѣ помѣщенъ небольшой разборъ книжки г. Кайслера.

Въ первой главѣ показано, какъ смотрять на удареніе вообще нѣкоторые западные филологи, именно, Бернгарди, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Бенлѣвъ и Боппъ. „Въ слогѣ“, говоритъ Гумбольдтъ, „можно различать три фонетическія свойства: особенный его звукъ, количество и удареніе. Первые два свойства опредѣляются самымъ существомъ слога и составляютъ какъ бы тѣлесный его видъ; удареніе же зависитъ отъ свободы говорящаго, имъ сообщается звуку и составляетъ въ немъ пришлую силу, какъ бы чужой духъ, въ него вдыхаемый. Оно носится надъ составомъ рѣчи, какъ особенное начало, болѣе одушевленное, чѣмъ языкъ въ веществѣ своемъ, и составляетъ непосредственное выраженіе того вѣса, какимъ лицо говорящее хочетъ заковать произносимую рѣчь и каждую часть ея. Самъ по себѣ всякій слогъ способенъ имѣть на себѣ удареніе. Когда же его получаетъ только одинъ изъ нѣсколькихъ, то прочіе, непосредственно его сопровождающіе, остаются безъ ударенія, если только говорящій не захочетъ нарочно придать силу которому-нибудь изъ нихъ. Это повышеніе голоса на одномъ слогѣ и пониженіе на другихъ, первому даетъ перевѣсъ, заставляетъ припымкать къ нему выговоръ остальныхъ и тѣмъ смыкаетъ ихъ въ ритмическое цѣлое. Оба эти явленія — отсутствіе ударенія на однихъ слогахъ и совокупленіе ихъ силою ударенія на другомъ — необходимо условливаютъ другъ друга: за однимъ само собою непосредственно слѣдуетъ другое. Такъ съ удареніемъ происходитъ совокупленіе слова въ единицу. Самостоятельнаго слова нельзя и представить безъ ударенія, и каждое слово можетъ имѣть только одно удареніе. Удареніе больше всякаго другаго свойства языка подлежитъ двойному вліянію: со стороны значенія рѣчи и со стороны метрическаго свойства звуковъ. Первоначально и въ своемъ истинномъ видѣ оно, безспорно, зависитъ отъ перваго“ ¹⁾. Не отвергая этого взгляда, г. Кайслеръ находитъ его однакожь идеалистическимъ и отдаетъ преимущество мнѣнію Бенлѣва ²⁾, который между прочимъ утверждаетъ, „что первоначально мѣстомъ ударенія было послѣднеопредѣляющее“ (das letzt Bestimmende), то-есть, та часть слова, которая сообщала значенію послѣднее видоизмѣненіе. Но противъ этого начала, уже и прежде заявленнаго Бенфеемъ, возстаетъ Боппъ, полагающій законъ санскритскаго ударенія въ томъ, что дальѣйшее

¹⁾ «О различіи организмовъ человѣческаго языка», перев. Вилярскаго, Спб. 1859, стр. 151, 152.

²⁾ Louis Benlœw. De l'accentuation dans les langues indo-européennes. Paris. 1847.

разстояніе акцента отъ конца слова считается благороднѣйшимъ и сильнѣйшимъ удареніемъ, законъ, который онъ призываетъ и въ греческомъ языкѣ, на сколько это возможно при извѣстномъ свойствѣ этого языка, не позволяющемъ ставить акцентъ выше третьяго слога съ конца. Такъ какъ русскій языкъ по свободѣ ударенія подобенъ санскритскому, то, по мнѣнію автора брошюры, сказанный законъ ударенія относится и къ русскому. Въ этомъ взглядѣ г. Кайслеръ какъ нельзя болѣе ошибается, не замѣчая, что только теоріи, извлеченныя изъ самыхъ общихъ свойствъ ударенія, какъ напримѣръ теорія Гумбольдта, примѣнны и къ нашему языку; тѣ, напротивъ, которыя основываются на частныхъ наблюденіяхъ надъ тѣмъ или другимъ языкомъ, большею частью не годятся для русскаго.

Неоспоримо общее положеніе Боппа относительно трехъ системъ ударенія. Первая — логическая, которой слѣдуютъ языки германскіе, гдѣ удареніе падаетъ преимущественно на коренной слогъ слова; вторая — ритмическая, которая постоянно ставитъ акцентъ на слогѣ, занимающемъ опредѣленное въ составѣ слова мѣсто (какъ въ языкахъ финскомъ, мадьярскомъ и чешскомъ, ударяющихъ на первый слогъ, и въ польскомъ, ударяющемъ на предпоследній); третья — свободная или грамматическая система, которою отличаются санскритъ, и съ нѣкоторыми ограниченіями, греческій языкъ. Она свойственна также русскому и родственному съ славянскими нарѣчіями литовскому языку.

Въ русскомъ языкѣ, говоритъ г. Кайслеръ въ началѣ 2-й главы своей книжки, удареніе не связано ни съ какимъ опредѣленнымъ мѣстомъ слова и не зависитъ даже отъ вліянія *долготы* (количества), потому что или эта послѣдняя въ русскомъ вовсе не принимается въ расчетъ, или чутье къ ней до такой степени пропало, что нѣтъ рѣшительно никакого протяженія въ слогахъ и всѣ они имѣютъ совершенно одинаковую долготу. Отъ этого по необходимости происходитъ, что въ русскомъ языкѣ возможенъ только одинъ родъ акцента — острый. Распространяя высказанное здѣсь замѣчаніе объ отсутствіи долготы въ русскомъ на *всѣ* славянскіе языки, авторъ брошюры опять ошибается. Извѣстно, что чешскій составляетъ въ этомъ отношеніи изытіе. Приведемъ здѣсь слова пользующагося уваженіемъ чеха Шумавскаго ¹⁾: „Каждый языкъ представляетъ и количество и удареніе, но въ нѣкоторыхъ то и другое такъ слились, что человекъ, знакомый только съ однимъ такимъ языкомъ, не можетъ и представить себѣ,

¹⁾ «Slovo o řecké mluvnici, od I. F. Šumavského», стр. 3 и 4.

чтобы каждая изъ обѣихъ принадлежностей могла существовать сама по себѣ. Почти у всѣхъ Славянъ долгота (протяженіе) слплась съ удареніемъ; только у Чеховъ одно благозвучно держится рядомъ съ другимъ (не то, что одно въ другомъ). Если я говорю *zdráva*, то произношу удареніе, сростшееся съ долготой; когда же говорю *zdravá*, то уже на первомъ слогѣ акцентъ, на второмъ — долгота. У насъ, Чеховъ, удареніе всегда на первомъ слогѣ, и потому намъ не нужно означать его; напротивъ долгота, которая очень подвижна, должна быть означаема. У Русскихъ удареніе чрезвычайно разнообразно; долгота всегда соединена съ нимъ⁴.

Взглядъ г. Шумавскаго относительно русскаго языка совершенно согласенъ и съ нашимъ, уже прежде выраженнымъ мнѣніемъ¹⁾, что ударяемый слогъ всегда бываетъ и нѣсколько протяжнѣе прочихъ²⁾. Это чувствуется особенно тогда, когда на слово падаетъ логическое удареніе. Возьмемъ для примѣра стихи Пушкина:

„Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты“.

Не ясно ли, что въ первыхъ двухъ стихахъ слова, отмѣченные курсивомъ, должны произноситься протяжнѣе остальныхъ? Но такъ произносится не цѣлое слово *чудное*, а только тотъ слогъ его, на которомъ лежитъ удареніе. Въ остальныхъ же двухъ стихахъ, правда, нѣтъ словъ, требующихъ особенно протяжнаго выговора; тѣмъ не менѣе и тамъ слоги ударяемые произносятся нѣсколько медленнѣе прочихъ. Отъ умѣнья выбирать слово, которое должно быть отмѣчено логическимъ удареніемъ, зависитъ главнымъ образомъ самое искусство чтенія.

Но различіе протяженія слоговъ въ русскомъ языкѣ этимъ не ограничивается: хотя слогъ безъ ударенія и не можетъ быть долгимъ, однакожь не всѣ слоги не ударяемые равны между собою по степени краткости. Это сдѣлается совершенно яснымъ, если мы прищемъ два такія слова, въ которыхъ одному и тому же слогу придется стоять то послѣ, то прежде ударяемаго.

¹⁾ Въ статьѣ «О нѣкоторыхъ законахъ русскаго ударенія». *Извѣстія II Отдѣленія Акад. Наукъ*, т. VII, вып. 3-й.

²⁾ Ломоносовъ не такъ былъ неправъ, какъ нынче думаютъ, когда онъ сказалъ: «Въ Россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила, а прочіе всѣ коротки» (*Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства*).

Таковы, напримѣръ, слова: *мыш-ка* и *ка-мышъ*; для повѣрки, одинаково ли долгъ слогъ *ка* въ обоихъ этихъ словахъ, будемъ произносить каждое изъ нихъ нѣсколько разъ сряду:

Мыш-ка- мыш-ка- мыш-ка- мыш-ка.

Ка-мыш- ка-мыш- ка-мыш- ка-мышъ.

Читая первую строку, мы увидимъ, что слогъ *ка* слишкомъ коротокъ для слова *камышъ*; читая же вторую строку, убѣдимся, что слогъ *ка* слишкомъ долгъ для слова *мышка*.

Тотъ же результатъ получимъ, произведя такой опытъ надъ словами: *ра́но* и *но́ра*. *тѣлка* и *котѣлъ*, *тѣпль* и *пальто́*, или надъ трехсложнымъ словомъ *заслѣнка* и соответствующими ему двумя словами: *коза́*, *слонъ*. Многократное повтореніе ихъ покажетъ, что слогъ *ка* или *ко* безъ ударенія имѣетъ въ обоихъ случаяхъ неравную степень краткости. Изъ всѣхъ подобныхъ примѣровъ оказывается, что когда слогъ съ неударяемымъ *а* или *о* слѣдуетъ за удареніемъ, то онъ въ произношеніи бываетъ короче, нежели когда стоитъ впереди.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что общепринятое мнѣніе о совершенномъ равенствѣ русскихъ слоговъ въ отношеніи къ долготѣ подлежитъ нѣкоторому ограниченію.

Останавливаясь на свободѣ русскаго ударенія по мѣсту его, г. Байслеръ выбираетъ для примѣра древній, распространенный по всѣмъ почти индо-европейскимъ языкамъ, корень *wd* и показываетъ, что удареніе можетъ стоять на всѣхъ составныхъ частяхъ слова:

а) на *корнѣ* :

вѣдать, вѣдомо, увѣдомить, извѣстіе.

б) на *окончаніи* :

увѣдомлять, заповѣднѣй, вѣстовѣй, извѣститъ.

в) на *предлогѣ* :

вѣдѣвать, заповѣдь, повѣсть.

г) на *приставкѣ* :

блѣговѣститъ.

„Этотъ примѣръ“, замѣчаетъ авторъ, „заимствованъ изъ словопроизведенія. Но русское удареніе также свободно въ склоненіи и спряженіи... Очевидно, что эта свобода проистекла изъ того воззрѣнія, что различныя составныя части слова имѣютъ равную дѣйность (einen gleichen Werth) и что удареніе зависитъ отъ другихъ условий, а не отъ идеальной оцѣнки (von der ideellen Werthschätzung) слоговъ. Впрочемъ“, прибавляетъ онъ, „надобно тотчасъ же замѣтить,

что въ настоящемъ состояніи языка большинство русскихъ существительныхъ утратило подвижность ударенія“.

Съ послѣднимъ взглядомъ трудно согласиться. Произношеніе, какъ составляющее самую живую и живучую сторону языка, менѣе всѣхъ прочихъ стихій его подвержено измѣненію. Конечно, у насъ нѣтъ никакихъ средствъ для сравненія нынѣшняго выговора въ отношеніи къ акценту съ тѣмъ, какой господствовалъ въ древнемъ народномъ языкѣ; но судя по тому, какъ еще и въ наше время подвижно удареніе въ коренныхъ и первообразныхъ русскихъ словахъ, мы не имѣемъ основанія думать, чтобы эта подвижность была гораздо значительнѣе въ древности. Что же касается до менѣе отдаленнаго отъ насъ періода, когда началъ развиваться русскій письменный языкъ, то мы не замѣчаемъ съ того времени большихъ перемѣнъ въ удареніи словъ; но и тѣ, которыя замѣчаемъ, ведутъ къ совершенно противоположному заключенію, то-есть, что въ письменномъ языкѣ, по примѣру народнаго, подвижность ударенія усиливается. Нѣкоторыя невѣрные ударенія, которыя допускались нашими старинными стихотворцами, начиная отъ Ломоносова, и которыя осмѣивались ихъ современниками, напримѣръ Сумароковымъ, остаются невѣрными и смѣшными еще и теперь (напримѣръ, *бистрѣ* вм. *быстро*). Правда, что такъ какъ языкъ въ позднѣйшую эпоху своего развитія обогащается по большей части второбразными словами (напримѣръ, именами оканчивающимися на *нѣ*, *ность*, *ство*, *тель*, или предложными глаголами), то значительная часть новыхъ словъ является безъ подвижнаго ударенія. Но съ другой стороны, подвижное удареніе, какъ преимущественная принадлежность народнаго языка, болѣе и болѣе вторгается въ языкъ литературный по мѣрѣ того, какъ этотъ послѣдній обогащается заимствованіями изъ перваго. Такъ, еще Ломоносовъ ввелъ *лѣта* (множ. число) вмѣсто *лѣтъ*, на что несправедливо жаловался Сумароковъ, воображая, что это взято изъ малороссійскаго нарѣчія. Подобно тому и въ наше время стали писать, согласно съ произношеніемъ просторѣчія: *учителя*, *профессора*, вмѣсто: *учители*, *профессоры*, что прежде считалось единственно правильнымъ въ книжномъ языкѣ. Въ XVIII вѣкѣ всѣ писали: *войски*, *вѣки*, а теперь пишутъ: *войскá*, *вѣкá*.

По поводу своего замѣчанія о свободѣ русскаго ударенія, г. Кайслеръ сравниваетъ русскій языкъ съ литовскимъ и приходитъ къ тому выводу, что послѣдній какъ богатствомъ формъ, такъ и разнообразіемъ акцента значительно превосходитъ первый. Предоставляя повѣрку этого мнѣнія знатокамъ литовскаго языка, къ которому авторъ

и далѣе не разъ обращается для сравненія, остановимся только на томъ, что прямо относится къ главному предмету книжки.

Въ отношеніи къ вопросу о ходѣ развитія ударенія авторъ продолжаетъ: „Обстоятельство, что новыя слова, какъ бы искусственно образованныя посредствомъ производственныхъ окончаній и сложений, имѣютъ неподвижное удареніе, заставляетъ предполагать, что въ самомъ отдаленномъ періодѣ языка подвижность акцента была общимъ явленіемъ; но есть многія, несомнѣнно весьма древнія слова, не имѣющія подвижнаго ударенія“. Ясно, что послѣднимъ замѣчаніемъ опрокидывается только-что высказанное предположеніе, составляющее основную мысль всей книжки. Также произвольны заключенія автора о постепенномъ ослабленіи энергіи ударенія, выводимыя изъ того, что въ нѣкоторыхъ именахъ женскаго рода оно переходитъ съ послѣдняго на средній слогъ, а не на первый, какъ въ другихъ словахъ древнѣйшаго образованія; что наприимѣръ говорятъ: *острѣту*, *острѣты*, не такъ какъ въ словѣ *сковорода*, гдѣ удареніе въ извѣстныхъ падежахъ перескакиваетъ на первый слогъ, такъ что произносятся: *скѣвороду*, *скѣвороды*. Мы уже видѣли, что г. Кайслеръ, руководствуясь сужденіемъ Боппа о санскритѣ, приписываетъ такому ударенію и въ русскомъ языкѣ значеніе особеннаго достоинства и энергіи; но при этомъ онъ не обратилъ вниманія на то, что переносъ ударенія съ третьяго или даже съ четвертаго слога на первый бываетъ у насъ только въ немногихъ именахъ женскаго рода, отличающихся особеннымъ образованіемъ, именно когда въ корнѣ буква *л* или *р* стоитъ между двухъ *о* или двухъ *е*, окончаніе же слова образуется голою гласной *а*, приложенной къ корню. Вотъ чуть-ли не всѣ такія слова: *борода*, *борона*, *олова*, *полоса*, *сковорода*, *сторона*; *желѣза*, *середа*; онп, собственно говоря, двусложныя (*брада*, *лава* и проч.) и удлинены только вслѣдствіе свойственнаго русскому языку полногласія, при которомъ удареніе переходитъ нерѣдко на дополнительную гласную. Такъ произносятся въ единственномъ числѣ имена мужскаго рода: *голось*, *водось*, *городъ*, *берегъ*, *вередъ*; у нихъ во множественномъ числѣ происходитъ обратное явленіе: акцентъ переносится съ перваго слога на третій—*олоса*, *волоса*, *гороса*, *береса*, *вереса*. Можно ли же сказать, что тутъ въ удареніи замѣчается менѣе энергіи, чѣмъ при обратномъ его движеніи въ словахъ: *броды*, *оловы* и проч.? Еще большее разстояніе перескакиваетъ удареніе въ словахъ *колоколъ*, *борокѣ*, *тетеревъ*, которыя въ множественномъ числѣ произносятся: *колокола*, *окорока*, *тетерева*.

Что касается до переноса ударенія съ третьяго слога на второй въ словѣ *остротá* (*острѣту*, *острѣты*). то г. Кайслеръ, справедливо признавая въ этомъ явленіе новѣйшаго происхожденія, ошибочно видитъ тутъ ослабленіе энергіи ударенія. Мы уже показали, что здѣсь образованіе слова не даетъ никакого повода къ переносу ударенія на первый слогъ; на второй же оно переносится по логическому началу, которое съ теченіемъ времени все болѣе приобретаетъ силы въ языкѣ: здѣсь ясно намѣреніе отличить именительный падежъ множественнаго числа (*острѣты*) отъ родительнаго единственнаго (*острѣты*) по примѣру многихъ именъ женскаго рода; съ именительнымъ же множеств. сходенъ по ударенію и винительный единств. Въ доказательство новости этого ударенія г. Кайслеръ ссылается на то, что о немъ не упоминаютъ наши грамматисты; но настоящая причина этого умалчиванія заключается скорѣе въ томъ, что вообще грамматисты наши, по крайней мѣрѣ прежніе, мало обращали вниманія на живой языкъ и справлялись съ нимъ гораздо менѣе, чѣмъ съ словарями и съ трудами своихъ предшественниковъ по грамматикѣ. За мѣтимъ мимоходомъ, что при окончаніи *отá* удареніе можетъ переходить на *о* только тогда, когда слова, такъ оканчивающіяся, означаютъ уже не отвлеченное свойство, а осязательный предметъ (получаютъ конкретное значеніе), напримѣръ *красѣты*. По этой же причинѣ и слово *сирѣта* можетъ въ извѣстныхъ падежахъ произноситься съ удареніемъ на среднемъ слогѣ.

Подтвержденіе любимой мысли своей о первобытной свободѣ ударенія г. Кайслеръ находитъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Въ нихъ, по его словамъ, вовсе не нужно, чтобы ритмическій акцентъ совпадалъ съ правильнымъ слоюудареніемъ: каждая пѣсня, говоритъ онъ, представляетъ десятки случаевъ, въ которыхъ этого не бываетъ, и повидимому полагается даже особенная заманчивость въ томъ, чтобъ одно и то же слово произносить то такъ, то иначе. Въ примѣръ особенностей пѣсеннаго ударенія онъ приводитъ отрывокъ изъ одной былины, въ которой слова *бояре*, *богатыри* и *девять*, нѣсколько разъ повторяющіяся, иногда произносятся *бѣяре*, *богáтыри*, *девѣтъ*. Намъ кажется, что такъ какъ языкъ стихотворный и особенно пѣсенный у всѣхъ народовъ пользуется своими исключительными льготами, то и нарушенія акцента, въ немъ допускаемыя, не могутъ служить въ пользу положенія автора. Всякому, кто слышалъ, какъ Русскій народъ поетъ или, по его выраженію, *играетъ* свои пѣсни, извѣстно, что часто въ одномъ и томъ же стихѣ иное слово произносится, при

часть схлї, отд. 2.

повтореніи нагѣва, то съ однимъ, то съ другимъ удареніемъ; но такого разнообразнаго произношенія обыкновенная рѣчь не знаетъ. По нашему мнѣнію, въ пѣсенномъ языкѣ слѣдовало обратить вниманіе на другаго рода отличіе ударенія, именно на то, что въ немъ нѣкоторыя слова, какъ напримѣръ *молодецъ* и *дѣвица*, постоянно выговариваются съ удареніемъ на первомъ слогѣ, а не на послѣднемъ, какъ въ обиходной рѣчи. Сюда относится и тотъ случай, когда неполныя прилагательныя (*красень*, *ясень*), будучи употребляемы въ пѣсняхъ не какъ сказуемыя, а какъ опредѣлительныя, носятъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, такъ что поющій выговариваетъ: *ясень соколъ, добра молодца, чисто поле, синій моря*, при чемъ существительное, когда въ немъ не болѣе двухъ слоговъ съ удареніемъ на первомъ, становится даже энклитическимъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно любопытнымъ явленіемъ, которое, конечно, было общою принадлежностью древняго русскаго языка.

Высказавъ нѣсколько теоретическихъ положеній о русскомъ удареніи на основаніи изслѣдованій западныхъ филологовъ надъ другими языками, авторъ брошюры переходитъ къ разсмотрѣнію акцента во флексіяхъ, и прежде всего въ склоненіи именъ существительныхъ. Нельзя не пожалѣть, что вмѣсто того онъ не поставилъ впереди главу объ удареніи въ словообразованіи, которая у него отброшена къ концу труда. Прежде разсмотрѣнія перехода ударенія въ падежахъ естественнѣе было бы заняться произношеніемъ именъ въ прямомъ падежѣ и потомъ уже обратить вниманіе на измѣненія акцента въ другихъ падежахъ. Тогда, можетъ-быть, г. Кайслеръ пристальнѣе всмотрѣлся бы въ образовательныя окончанія именъ и избѣгъ бы многихъ промаховъ при изъясненіи словъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, вліяніе окончанія на удареніе незамѣтно. Въ списокъ этихъ словъ попало у него довольно большое число такихъ именъ, гдѣ переносъ ударенія въ косвенныхъ падежахъ зависитъ рѣшительно отъ окончанія. Вотъ эти имена:

Кор-абль, гол-авль, жур-авль,

бур-авъ, руе-авъ,

рыч-агъ,

брюх-анъ, пуз-анъ,

боч-аръ, гонч-аръ, ком-аръ, мал-яръ,

вис-ель, коб-ель, кош-ель, щав-ель,

каранд-ашъ, торг-ашъ, шал-ашъ,

кож-ухъ, паст-ухъ,

боб-ыль, горб-ыль, ков-ыль, вост-ыль.

Такимъ же образомъ въ помянутый списокъ именъ, переносящихъ удареніе на падежное окончаніе, вошло и нѣсколько такихъ, кои либо въ нѣкоторыхъ, либо и во всѣхъ косвенныхъ падежахъ удерживаютъ удареніе на корнѣ, напримѣръ слова: *альтъ*, *басъ*, *бантъ*, *лань*, *овощъ*, *часъ*. Всякій Русскій скажетъ: пѣть *басомъ*, *альтомъ*, а не *басомъ*, *альтомъ*. *Бантъ* во всѣхъ падежахъ обонихъ чиселъ удерживаетъ удареніе на первомъ слогѣ. *Лань*, единственное имя женскаго рода, попавшее въ этотъ списокъ, ни въ одномъ падежѣ не переноситъ ударенія на послѣдній слогъ. *Овощъ* во всѣхъ падежахъ единственнаго числа держитъ удареніе на первомъ слогѣ, а во множественномъ числѣ только въ косвенныхъ падежахъ переноситъ его на окончаніе. *Часъ* въ родительномъ единственнаго числа произносится съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ только при количественномъ или дробномъ числительномъ: *два*, *три*, *четверть часа*; въ другихъ же случаяхъ говорятъ *часа*, напримѣръ *до втораго часа*, и *часу*; въ дательномъ и творительномъ единственнаго числа удареніе ставится также на первомъ слогѣ: *къ этому часу*, *цѣлымъ часомъ*.

Подобные замѣченныя недосмотры въ разбираемой брошюрѣ показываютъ, что автору недоставало живаго знакомства съ русскимъ языкомъ; когда же онъ обращался въ своемъ трудѣ къ посторонней помощи, то не всегда получалъ вѣрныя указанія. Такъ и въ спискѣ именъ жен. рода на *а*, переносящихъ въ вин. падежѣ един. числа удареніе на предыдущій слогъ, помѣщены, напримѣръ, слова: *рудъ*, *свинья*, тогда какъ никто не скажетъ *руду*, *свиню*; въ нѣкоторыхъ другихъ именахъ, тутъ же приведенныхъ безъ всякой оговорки, удареніе допускается двойное, напримѣръ, говорятъ: *овцу* и *овцу*, *росу* и *росу*, *щеку* и *щеку*. Такимъ же образомъ, исчисляя неполныя прилагательныя, которыя въ полной формѣ носятъ удареніе на послѣднемъ слогѣ (*воронѣй*, *индѣй*, *голубѣй*), онъ приводитъ между прочимъ такія, по крайней мѣрѣ малоупотребительныя, если не совсѣмъ невозможныя, въ русскомъ языкѣ формы: *воронъ*, *индѣ*, *голубъ*. Въ другомъ спискѣ, при прилагательномъ *солонъ* не пояснено, что вмѣсто неупотребительной полной формы его служитъ причастіе *солонный*. Останавливаться на всѣхъ такого рода пропускахъ и промахахъ книжки г. Кайслера было бы слишкомъ долго и для читателей безплодно. Выписанные нами примѣры достаточно убѣждаютъ, что г. Кайслеръ не располагалъ всѣми нужными для выполненія своей задачи матеріалами.

Представляя по большей части только списки словъ, подходящихъ относительно ударенія подъ одинъ и тотъ же случай, онъ вообще

справедливо жалуется на отсутствіе общихъ примѣтъ, по которымъ можно бы опредѣлять мѣсто ударенія. „Одинъ внѣшній признакъ“, говоритъ онъ, „можно указать только въ томъ, что имена отглагольныя, изъ старославянскаго перешедшія въ книжный языкъ, а равно имена сложныя имѣютъ большею частью неподвижное удареніе, тогда какъ многія иноязычныя слова, особенно же односложныя, имѣютъ также и подвижное удареніе. По большей части, однакожь далеко не всегда, удареніе измѣняютъ слова, носящія его на послѣднемъ слогѣ“. Здѣсь, впрочемъ, не ясно, какія именно отглагольныя имена разумѣетъ авторъ; если это имена дѣйствія, оканчивающіяся на *nie*, то почему онъ считаетъ ихъ вообще заимствованными изъ славянскаго языка? Впрочемъ, односложность иноязычныхъ словъ никакъ не служитъ признакомъ подвижности ихъ ударенія, ибо ежели и есть нѣсколько такихъ именъ, на которыхъ это наблюденіе оправдывается (напримѣръ, руль-я, балъ-й-овъ), то гораздо большее число ихъ никогда не измѣняетъ ударенія (напримѣръ, залъ, бантъ, боть, бригъ, шквалъ, штофъ, блокъ, классъ, рейсъ). Что же касается до замѣчанія, что въ русскомъ языкѣ удареніе чаще переходитъ съ послѣдняго слога на предыдущіе, нежели наоборотъ, то справедливость его неоспорима.

До какой степени законы *свободнаго* ударенія трудно уловить не только въ русскомъ, но и въ другихъ языкахъ, гдѣ оно существуетъ, видно изъ слѣдующихъ словъ г. Кайслера: „Въ трудахъ Боппа и Бенлёва заключается небольшое только число, можетъ-быть, превосходно подобранныхъ примѣровъ, ведущихъ къ заключеніямъ, по которымъ все-таки нельзя вполне удостовѣриться, подтверждаются ли они всѣмъ объемомъ языка. Случается, что доказательствамъ инаго правила можно противопоставить такое множество исключеній, что по неволѣ приходитъ на мысль, не на сторонѣ ли послѣднихъ надо искать правила, если только давать силу численнымъ доказательствамъ, такъ какъ очень часто бываетъ и тотъ случай, что отъ древнѣйшаго состоянія языка остались лишь немногіе слѣды. Но разсматривая богатство ударенія въ русскомъ и литовскомъ языкахъ и въ немъ тѣ крупныя общія черты, которыя встрѣчаются и въ санскритѣ, нельзя сомнѣваться, что въ первобытномъ состояніи эти языки отличались великимъ разнообразіемъ акцентуаціи, которое мало по малу исчезло, но которое прежде раздѣленія языковъ достигло періода полного органическаго развитія и господства. Если Боппъ за преобладающее начало санскритскаго акцента принимаетъ удареніе надъ началомъ слова, и если съ другой стороны мнѣніе Бенлёва о вліяніи

„послѣдняго опредѣляющаго“ на акцентъ подтверждается тѣмъ, что въ четырехъ языкахъ (считая и греческій) удареніе часто падаетъ на надежныя окончанія, то само собою представляется объясненіе, что ни того, ни другаго начала нельзя признавать безусловно, правда же оказывается въ серединѣ, то-есть, что корень и окончаніе флексій равно опредѣляли акцентъ и что все дѣло въ рѣшеніи, по какимъ законамъ то или другое брало перевѣсъ. Бенлѣвъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ „слабость“ санскритскаго акцента, и между ними выдающуюся роль играютъ тѣ случаи, въ которыхъ какая-нибудь форма или отдѣльное слово употребляется съ двоякимъ акцентомъ. Впрочемъ выраженіе „слабость“ выбрано неудачно, потому что здѣсь надо означить конечный полюсъ, которому противоположенъ другой... Случаи, приводимые Бенлѣвомъ, служатъ прямымъ доказательствомъ того мнѣнія, что удареніе опредѣляется не *однимъ* единовластнымъ, но двумя взаимно дѣйствующими началами“.

Замѣчаніе это отчасти справедливо и въ отношеніи къ русскому языку: разница только въ томъ, что у насъ вовсе нѣтъ такъ-называемаго Боппомъ сильнаго ударенія, то-есть, такого, которое предпочтительно падало бы на извѣстное мѣсто словъ и есть не два, а нѣсколько разнообразныхъ началъ, отъ которыхъ оно зависитъ. При другомъ случаѣ нами была уже сдѣлана попытка опредѣлить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ началъ; мы показали на примѣръ, что соединеніе имени съ предлогомъ въ одно слово всегда отнимаетъ у окончанія *окъ* или *екъ* удареніе: *снимокъ*, *списокъ*, *свитокъ*, *проселокъ*, *добавокъ*, тогда какъ при отсутствіи слитнаго предлога имена съ этимъ окончаніемъ, особливо двусложныя, почти всегда передаютъ ему удареніе: *толчокъ*, *комокъ*, *курокъ*, *конекъ*, *порошокъ*, *кошелёкъ*, и проч. Или еще: всякій предлогъ въ началѣ первообразнаго имени, кончающагося на *ь*, будь оно муж. или жен. рода, принимаетъ удареніе (исключеній почти нѣтъ): *пристань*, *пѣщь*, *утварь*, *изгородь*, *бѣчередь*. Въ именахъ первообразныхъ свойство гласной кореннаго слова иногда рѣшаетъ мѣсто ударенія; такъ, буква *е* въ именахъ средняго и женскаго рода обыкновенно отбрасываетъ удареніе на окончаніе: *весло*, *стекло*, *тшено*, *село*, *веретено*, *метла*, *жены*, *пчела*, *сестра*, *весна*. Въ именит. падежѣ мн. ч. эти имена, напротивъ, переносятъ удареніе на гласную *е*: *вѣсла*, *стѣкла*, *сѣла*, *веретѣна*, *мѣтлы*, *жѣны*, *пчѣлы*, *сѣстры* ¹⁾. Такъ и въ глаголахъ, особенно первообразныхъ, глас-

¹⁾ См. статья моя: «О нѣкоторыхъ законахъ русскаго ударенія» въ *Изв.*

ная, предшествующая окончанію, имѣть вліяніе на удареніе: *о* и *у* въ неопредѣленномъ наклоненіи передъ окончаніемъ *ить* обыкновенно передаютъ ему удареніе, а во 2-мъ и слѣд. лицахъ наст. времени сами принимаютъ его: *ходить, водить, городить, просить, носить, ловить, душитъ, сучать, кусать, судить. рубить, тунить, и: ходишь, водишь, душишь, сучишь, и проч.* Привычка переносить въ такихъ случаяхъ удареніе на *о* такъ велика, что и въ тѣхъ глаголахъ, гдѣ слогъ передъ *ить* имѣть букву *а*, эта послѣдняя въ наст. времени превращается въ *о* такъ что народъ во многихъ мѣстностяхъ говоритъ *котишь, плотишь, содишь, дѣришь, вѣришь, волишь, вм. катишь, платишь, садишь* ¹⁾ и проч. Въ глаголахъ любопытно то обстоятельство, что 1-е лицо ед. ч. наст. времени (почти безъ изъятій) имѣетъ общее удареніе съ неопред. наклон., тогда какъ въ слѣдующихъ лицахъ это удареніе часто переходитъ на предпоследній слогъ. Примѣромъ тому могутъ служить приведенные сейчасъ глаголы. Такой переходъ ударенія составляетъ необходимое явленіе въ тѣхъ глаголахъ, кончащихся на *ать*, у которыхъ передъ этимъ окончаніемъ стоитъ измѣняющаяся въ наст. вр. согласная, напримѣръ: *вязать, дремать, писать, плясать, трепетать, хохотать, лепетать, клеветать, щebetать, искать*: *вяжѹ, дремлѹ, пишу* и т. д., и *вяжешь, дремлешь, пишешь* и проч. Между подобными глаголами есть однакожь и такіе, которые уже и въ неопред. наклон. держатъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ; таковы: *плакать, мазать, съпать*. Съ другой стороны, между ними есть два, которые въ неопред. имѣютъ ударенія на окончаніи, но переносятъ его уже и въ 1-мъ лицѣ наст. вр.: *алтѣть, алчу; колебѣть, колеблю*. Отчего же не *алчѹ, колеблю*? Тутъ-то и видно часто неуловимое разнообразіе началъ русскаго ударенія. Хорошимъ примѣромъ этого разнообразія можетъ также служить приведенный г. Кайслеромъ, какъ показано въ началѣ нашей статьи, корень *вѣд*, который, служа къ образованію множества словъ, то самъ принимаетъ удареніе, то уступаетъ его разнымъ другимъ частямъ именъ и глаголовъ. Этотъ же самый примѣръ можетъ быть употребленъ въ доказательство того, какъ мало удареніе въ русскомъ языкѣ зависитъ отъ той долготы, которая, какъ обыкновенно принимаютъ, первоначально была связана съ нѣкоторыми гласными, особенно съ *ь*.

II Отд. А. Н. о т. VII, вып. 3, и «О переходѣ ударенія въ склоненіи именъ сущ.», Изв., т. VII, вып. 5.

¹⁾ См. статью мою: «О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ», въ *Материалахъ для словаря и грамматикъ*, т. III, при *Извѣстіяхъ II Отд. А. Н.*

Соотношеніе долготы съ удареніемъ разсмотрѣно очень остроумно въ изслѣдованіи г. Каткова—*Объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка*: для опредѣленія долгаго слога въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ прибѣгаетъ къ сравненію съ чешскимъ, гдѣ долгота лучше всего сохранилась, но и это не приводитъ его ни къ какому положительному результату, ибо если въ прямой формѣ слога русское удареніе иногда и сходится съ чешской долготой, за то въ флексіяхъ это совпаденіе совершенно исчезаетъ, изъ чего ясно видно, какъ мало значенія въ русскомъ языкѣ первоначальная долгота имѣетъ для ударенія.

При разсмотрѣніи перехода ударенія въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ упущенъ г. Кайслеромъ изъ виду одинъ весьма замѣчательный случай, состоящій въ томъ, что имя, носящее удареніе на послѣднемъ слогѣ, переноситъ его на предыдущій при сложении съ предлогомъ или какимъ-либо другимъ словомъ. Возьмемъ, напримѣръ, имена сущ. *житіе, бытіе* и прилагат. *земной, головной, рѣзной, морской, островской*. Составивъ изъ нихъ предложныя или сложныя имена, получимъ: *прожитіе, сожитіе, событіе, подземный, средиземный, уголовный, золотообрѣзный, приморскій, заморскій, васильеостровскій*. Это одинъ изъ случаевъ, въ которыхъ удлинненіе слова дѣйствуетъ на удареніе.

Въ замѣчаніяхъ г. Кайслера о предложныхъ глаголахъ приведено 18 причастій, передающихъ удареніе предлогу: „взбѣтнутъ, взбранъ¹⁾, вбганъ, збванъ“ и проч. Отъ вниманія автора ускользнуло, что списокъ такихъ причастій можетъ быть значительно удлинненъ. Дѣло въ томъ, что, вообще говоря, причастныя окончанія *аній (анний)* и *утій* не терпятъ на себѣ ударенія: вбпанный, узбанный, разбганный, избанный, избранный, оббранный, пѣреданный, пѣреганный, пѣрѣсланный, смбтанный, чѣсанный, писанный, мѣранный, свѣрнутый, избгнутый, разстѣгнутый, подбѣтнутый. Эти примѣры показываютъ, что не смотря на произношеніе неопред. наклоненія (вкопѣтъ, узнѣтъ, мотѣтъ, писѣтъ, свѣрнѣтъ, изогнѣтъ), удареніе въ причастіи переходитъ на предыдущій слогъ, будетъ ли онъ принадлежать глаголу или предлогу. Въ словѣ *пѣреданный* оно перескакиваетъ черезъ одинъ слогъ. Разность этого слова, по ударенію, съ словами *пѣреганный* и *пѣрѣсланный* знаменательна: соединеніе двухъ согласныхъ *ин* и *сл* даетъ опору второму *е* въ предлогѣ, и эта гласная получаетъ удареніе. Противорѣчатъ общему замѣчанію о выговорѣ причастій на

¹⁾ Въ этихъ двухъ словахъ, впрочемъ, удареніе падаетъ не на самый предлогъ, а на вставную гласную.

анный только слова: *желанный, вѣнчанный, избранный*, и можетъ быть, еще весьма немногія. Причину такого отступленія въ первомъ примѣрѣ составляетъ гласная *e* (см. выше), послѣднія же слова представляютъ въ своемъ произношеніи вліяніе церковнославянскаго элемента: въ чисто-русскомъ говорѣ естественнѣе произносить *вѣнчанный* (какъ и говорятъ: увѣнчанный, развѣнчанный), *избранный*. Слова *неописанный, нескáзанный*, получившія искусственное удареніе, плохо принялись въ языкѣ. Въ словѣ *названный* надобно видѣть скорѣе прилагательное, нежели причастіе.

Несостоятельность долготы, какъ основы русскаго ударенія, подтверждается, 1) многочисленностью случаевъ энклиза и 2) множествомъ словъ, имѣющихъ двоякое удареніе. Хотя г. Кайслеръ и обратилъ вниманіе на оба эти предмета, но каждый изъ нихъ требовалъ бы гораздо большей разработки. На предлогъ переходить въ извѣстныхъ случаяхъ удареніе не только съ существительныхъ и числительныхъ, непосредственно за нимъ стоящихъ, но и съ прилагательныхъ, образующихъ въ соединеніи съ нимъ нарѣчіе, напримѣръ, *зѣживо, зѣмертво, зѣново, сѣзнова, нѣскоро, попусту, почасти, дѣсыта, дѣкрасна*; чтó опять возможно только тогда, когда удареніе въ самомъ прилагательномъ падаетъ на первый слогъ (*живо, мѣртво, нѣво* и пр.). Подобный же случай представляетъ мѣстоименіе *что* въ выраженіи *ни зѣ что, ни прѣ что*. Списокъ словъ, сходныхъ по звукамъ, но отличаемыхъ по ударенію, не только не полонъ, какъ и самъ авторъ брошюры сознается, но представляетъ и невѣрности или неточности. Такъ, слово *стѣшитъ* переведено: *vom Pferde steigen*; надобно было прибавить: *lassen*, такъ какъ *стѣшитъ* — глаголь переходящій, а *steigen* — противоположнаго залога. При словѣ *третьяго* сказано: „*Gen. von третій; третьяго дня, vorgestern*“. Но развѣ *третьяго* не есть также родительный падежъ того же числительнаго, и развѣ не говорятъ равнымъ образомъ: *третьяго дня?* Дѣло въ томъ, что числительное *третій* имѣетъ двоякое удареніе, и не только въ род. падежѣ, но и въ именит., въ выраженіи: *самъ третей*, — замѣчательный, едва-ли не единственный случай, когда окончаніе *ий* обращается въ *ей*, точно такъ же какъ *ий* безпрестанно обращается въ *ой* (первый — первѣй).

Этотъ случай наводитъ насъ на другой разрядъ словъ съ различнымъ удареніемъ, именно на такія слова, которыя, не перемѣняя значенія, произносятся однакожь различно. Такъ одни говорятъ: *кладбище*, другіе *клядбище*, одни: *гражданинъ*, другіе *гражданинъ* и т. д. Сюда же относятся такія слова какъ *высоко* и *высоко́, далеко*

и *далекó*, *сердѣтъся* и *сѣрдиться*, *ворóта* и *воротá*, въ которыхъ перевѣсъ дается то одному, то другому началу ударенія. Всѣ подобныя слова требовали бы особаго разсмотрѣнія и пора было бы заняться рѣшеніемъ вопроса, на чемъ въ нихъ основывается различіе ударенія. Г. Даль въ своей статьѣ о нарѣчіяхъ русскаго языка ¹⁾ выражаетъ убѣжденіе, что это различіе зависитъ первоначально отъ различія мѣстностей, гдѣ оно встрѣчается, и что въ этомъ отношеніи господствуетъ одинъ общій законъ: въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ удареніе ближе къ началу словъ, въ юго-западныхъ къ окончанію. Повѣрка такого рѣшительнаго вывода требовала бы многочисленныхъ наблюденій въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Россіи. Не позволяя себѣ прямо оспаривать его, считаемъ нужнымъ заявить однакожь и о своемъ наблюденіи: намъ случалось замѣчать, что въ двухъ мѣстахъ, отстоящихъ другъ отъ друга только на нѣсколько верстъ, одно и то же слово произносится различно, и наоборотъ, другое выговаривается одинаково въ двухъ губерніяхъ, находящихся на разныхъ концахъ Россіи, тогда какъ это же слово въ центральныхъ мѣстахъ имѣетъ иное произношеніе. Иногда, когда мы на мѣстахъ спрашивали у крестьянъ о произношеніи того или другаго слова, они отвѣчали нерѣшительно, и оказывалось, что слово въ одной и той же деревнѣ произносится то такъ, то иначе.

Возвращаясь къ двойному ударенію такихъ словъ, которыя, при звуковомъ тождествѣ, имѣютъ различное знаменованіе, остановимся на одномъ замѣчаніи г. Кайслера. Не отвергая цѣли такого двойкаго ударенія, онъ однакожь выражаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ логическомъ назначеніи его, такъ какъ есть довольно много словъ, которыя въ нѣкоторыхъ падежахъ отличаются удареніемъ, но за то въ другихъ опять совпадаютъ. „Когда напริมѣръ“, говоритъ онъ, „отличаютъ именит. множ. *вина* отъ именит. ед. *винò*, то это конечно такъ, но родит. ед. отъ слова *винò* (*винà*) совершенно совпадаетъ съ именит. ж. рода *винà*. Такихъ случаевъ множество. Съ другой стороны взглянемъ, напрімѣръ, на слово *полкъ*, которое при склоненіи ударяетъ на послѣдній слогъ и потому въ дател. пад. имѣетъ форму *полкѹ*. Но въ томъ же словѣ и мѣстный падежъ оканчивается на *у*. Еслибъ языкъ вообще стремился избѣгать подобныхъ двусмысліи, то здѣсь было бы очень легко достигнуть того переносомъ ударенія или употребленіемъ правильнаго мѣстнаго падежа на *ъ*; но такое телеологическое

¹⁾ См. 1-й томъ его словаря.

намѣреніе совершенно чуждо языку. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ первоначально отличалъ съ большою точностью тончайшіе оттѣнки и при этомъ не гнушался даже самыхъ тяжелыхъ формъ; но въ позднѣйшее время, когда духовное разумѣніе росло въ той же мѣрѣ, какъ исчезало богатство внѣшняго строя, языкъ очень мало заботился о томъ, исполнилъ ли достаточны формы, въ томъ сознаниі, что всѣ открывающіеся въ этомъ отношеніи пробѣлы вознаграждаются съ другой стороны. Въ отдѣльныхъ случаяхъ русскій языкъ даже очень ясно обнаруживаетъ такую небрежность. Такъ, *рабъ* имѣетъ въ род. пад. *раба́*, въ дат. *рабу́*, въ именн. мн. *рабы́*. Но женское *раба́* имѣетъ въ вин. также *рабу́*, въ род. же ед. и въ им. множ. *рабы́*. Такимъ же образомъ совпадаютъ нѣкоторые падежи мужескаго *внукъ* и женскаго *внука*. Итакъ въ обоихъ случаяхъ произошло явленіе противоположное (вышесамѣченному): удареніе мѣшаетъ различію“.

Это видимое противорѣчіе въ явленіяхъ языка разрѣшается, какъ намъ кажется, очень просто. Двойное удареніе въ подобозвучныхъ словахъ языкъ допускаетъ только тогда, когда это можетъ быть сдѣлано безъ насилія законамъ акцента; иначе пришлось бы принять, что акцентъ не имѣетъ никакого органическаго значенія, и ставится случайно, по произволу говорящаго. Но что удареніе служитъ однимъ изъ орудій мышленія, это также несомнѣнно. Если для отличенія разныхъ отношеній между предметами, для выраженія разныхъ видоизмѣненной мысли явились въ языкахъ флексіи, то почему же не могло быть употреблено для подобной же цѣли удареніе? Неестественно было бы, еслибъ умъ человѣческой пренебрегъ такимъ удобнымъ средствомъ для достиженія въ большей степени той точности и опредѣленности, къ которымъ онъ стремится въ выраженіи. Вотъ чѣмъ объясняется логическое назначеніе акцента, и очевидно, что съ постепеннымъ развитіемъ языка подъ вліяніемъ возрастающей строгости мышленія и анализа, логическое начало усиливается и въ этой области слова.

Не считаемъ нужнымъ останавливаться на частныхъ замѣчаніяхъ г. Кайслера въ послѣднихъ главахъ его книжки. Въмѣсто того, чтобы отмѣчать нѣкоторыя его ошибки и недоразумѣнія, выразимъ ему лучше признательность за то, что онъ задумалъ разработать въ системѣ и полнотѣ предметъ, который до сихъ поръ слишкомъ мало обращалъ на себя вниманіе. Правда, что г. Кайслеръ практическою стороною своихъ познаній не исполнилъ былъ приготовленъ для успѣшнаго выполненія предпринятой имъ задачи; но не забудемъ, что онъ писалъ для

иностранцевъ, а они безъ сомнѣнія могутъ найти въ его трудѣ много новыхъ и полезныхъ для себя указаній.

Я. Гротъ.

Историко-филологическія изслѣдованія К. Люгебиля. Часть 2-я. Архонтство и стратегія въ Аѣнахъ во время Персидскихъ войнъ ¹⁾.

Внутренняя исторія Аѣнскаго государства въ концѣ VI и началѣ V вѣка, то-есть, во время важнѣйшихъ политическихъ преобразованій, послужившихъ зародышемъ позднѣйшаго величія Аѣинъ, до сихъ поръ представляетъ для насъ весьма много не разрѣшенныхъ вопросовъ.

Только со времени Персидскихъ войнъ начинается періодъ собственно аѣнской литературы и только со второй половины V столѣтія начинаетъ развиваться аѣнская проза. Къ тому же блескъ и слава, пріобрѣтенныя Аѣинянами вслѣдствіе побѣдъ при Марафонѣ и Саламинѣ, отвлекали вниманіе позднѣйшихъ греческихъ и самихъ аѣнскихъ писателей отъ исторіи внутреннихъ преобразованій, такъ что мы въ настоящее время поставлены въ необходимость о весьма важныхъ событіяхъ внутренней политики Аѣнскаго государства конца VI и начала V столѣтія довольствоваться немногими извѣстіями, случайно и мимоходомъ приводимыми позднѣйшими писателями.

Начавшаяся съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія усиленная разработка греческихъ надписей поставила ученый міръ въ возможность ближе и подробнѣе познакомиться съ позднѣйшею организаціей Аѣнскаго государства и естественно возбудила желаніе ознакомиться поближе съ началомъ аѣнской демократіи, съ внутренней исторіей Аѣнскаго государства въ періодъ Персидскихъ войнъ, къ которому относятся важнѣйшія учрежденія аѣнской демократіи.

Это изученіе надписей, это близкое знакомство съ позднѣйшею аѣнскою исторіей возбудило относительно древнѣйшаго періода новые вопросы, дозволило сдѣлать болѣе опредѣленную постановку уже существовавшихъ вопросовъ и опредѣлить, на сколько вообще они разрѣшима при существующихъ средствахъ.

Вотъ почему новѣйшіе ученые постоянно возвращаются къ вопросамъ, казавшимся уже разрѣшенными въ предыдущія столѣтія, или

¹⁾ Въ ноябрьской книжкѣ *Журнала Министера. Народ. Просв.* за 1868 годъ помѣщенъ разборъ первой части изслѣдованій г. Люгебиля — объ Аѣнскомъ царѣ Кодрѣ и объ отиѣнѣ царской власти въ Аѣнахъ, г. Дестуниса.

признаннымъ неразрѣшимыми, или наконецъ остававшимся неразрѣшенными.

Къ такимъ вопросамъ относится и вопросъ о перемѣнѣ политическаго значенія архонтства. Архонтство, происшедшее отъ распределенія между девятью лицами элементовъ прежней царской власти, долгое еще время играло весьма важную роль въ Аѳинской республикѣ, но затѣмъ, во время полнаго развитія демократіи, оно утратило свое значеніе; оно въ это время уже не принадлежало къ важнѣйшимъ должностямъ, для занятія которыхъ требуются особенныя способности, специальныя свѣдѣнія или опытность. Между тѣмъ какъ для этихъ важнѣйшихъ должностей остается въ силѣ прежняя система выборовъ, архонтство обращается изъ должности ἀρετή или χειροτονητή въ ἀρχή κληρωτή.

Но какимъ образомъ произошла эта перемѣна, разомъ или постепенно, и когда именно она произошла? Прямыхъ отвѣтовъ на эти вопросы древніе писатели намъ не оставили, и какъ уже замѣчено выше, мы вообще для этого промежутка времени должны довольствоваться весьма скудными извѣстіями.

Г. Люгевиль въ разбираемомъ нами сочиненіи поставилъ себѣ задачею объяснить эту перемѣну въ учрежденіяхъ Аѳинскаго государства, то-есть, разрѣшить, когда перестали выбирать архонтовъ и начали назначать ихъ по жребію.

За подобную задачу могъ въ настоящее время взяться только филологъ. Вопросъ этотъ такъ сложенъ, германскіе ученые такъ запутали его разными предположеніями и разными чтеніями текстовъ, что разрѣшающій его долженъ быть вооруженъ не только знаніемъ греческаго языка, но и пониманіемъ духа, характера, исторіи его. И г. Люгевиль блистательно доказалъ своимъ сочиненіемъ, что вполне владѣеть необходимымъ для того орудіемъ.

Вопросъ этотъ уже занималъ ученыхъ предыдущихъ столѣтій; которые, по находящимся въ ихъ распоряженіи матеріаламъ, разрѣшали его каждый по своимъ соображеніямъ. Его касались: *Сигній* (De republica Atheniensium), *Меурсій* (De archontibus Atheniensium, 1621), *Уб. Эмміи* (Vetus Graecia 1626), наконецъ *Периционій* въ своихъ комментаріяхъ на Эліаново сочиненіе Ποικίλη ἱστορία (Claudii Aeliani Sophistae varia historia, cum perpetuo commentario J. Perizonii, Lug. B. 1701). Сигоній и Меурсій полагали, что архонтство замѣщалось по жребію уже со времени Солона; Уб. Эмміи утверждалъ, что выборы для назначенія архонтовъ замѣнены жеребьемъ — Клизееномъ; Пери-

ционій наконецъ относилъ это преобразование ко времени послѣ Платэйской битвы. Но всѣ эти мнѣнія были недостаточны, такъ какъ основывались на основахъ весьма немногихъ мѣстъ древнихъ писателей. Въ двадцатыхъ (1822) годахъ нынѣшняго столѣтія Титманъ въ своемъ сочиненіи *Darstellung der griechischen Staatsverfassungen* собралъ всѣ показанія древнихъ, которыя могутъ содѣйствовать разъясненію всего дѣла, и выставилъ новое мнѣніе, что жребій введенъ послѣ Клизеена, но до Мараѳонскаго сраженія (490 г. до Р. Х.). Съ тѣхъ поръ ученые принимали то мнѣніе своихъ предшественниковъ, которое имъ казалось болѣе правдоподобнымъ, подкрѣпляя его доводами изъ приведенныхъ Титманомъ показаній древнихъ писателей.

Мнѣніе Периціонія принялъ Нибуръ (въ своихъ лекціяхъ по древней исторіи), Гротъ и наконецъ въ послѣднее время Э. Мюллеръ. Мнѣніе Уб. Эммія приняли Курціусъ и Шёманъ, который въ рецензій исторіи Греціи Грота (*Die Verfassungsgeschichte Athens nach Grote's history of Greece*) старался опровергнуть мнѣніе послѣдняго и тѣмъ вызвалъ возраженія Э. Мюллера, защитника Грота (въ рецензій соч. Шёмана въ *Neue Jahrbücher für classische Phil.* v. Fleckeisen 1857).

Началась полемика, которая болѣе затемняла, чѣмъ разъясняла вопросъ. Спорящія стороны, пользуясь собраніемъ выписокъ изъ древнихъ писателей у Титмана, касающихся этого дѣла, указываютъ на противорѣчія въ нихъ и стараются доказать большую достовѣрность однихъ и отвергнуть таковую въ другихъ. Они указываютъ на противорѣчія Иродота и Павсанія, Дмитрія Фалирскаго и Идоменея Лампсакскаго, Иродота и Исократы и каждый отдаетъ преимущество одному изъ противорѣчащихъ извѣстій.

Среди этой полемики ученые упустили изъ виду главное — провѣрку самихъ текстовъ; споръ такъ ихъ занялъ, что они не могли отрѣшиться отъ однажды принятыхъ мнѣній и съ безпристрастіемъ приступить снова къ изученію вопроса.

Г. Люгебилю предстояла поэтому двоякая задача: во первыхъ, онъ долженъ былъ, оставляя полемику въ сторонѣ, изучить вопросъ съ начала, приняться за разборъ самыхъ текстовъ, и вовторыхъ, онъ долженъ былъ прослѣдить исторію вопроса, начиная съ Сигонія, опредѣлить исходную ошибку, которая чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе росла, отстранить всѣ побочныя и невѣрныя толкованія, которыя вплетены были учеными для подкрѣпленія ихъ ошибочныхъ воззрѣній.

Такъ какъ споръ между учеными главнымъ образомъ основывается на описаніи Мараѳонскаго сраженія у Иродота, то г. Люгебилъ пре-

имуущественно занялся разъясненіемъ Иродотова разказа (VI, 103, 104, 109, 110, 111), и тщательнымъ разборомъ текста доказаль вполне удовлетворительно неосновательность мнѣнія германскихъ ученыхъ.

Шёманъ, Курціусъ и ихъ послѣдователи, такъ горячо защищающіе мнѣніе Уб. Эммія, что выборы замѣнены жеребьемъ уже при Клисеевѣ, видать въ полемархѣ время Персидскихъ войнъ только второстепенное должностное лицо, не имѣвшее ни главнаго начальства, ни предсѣдательства въ военномъ совѣтѣ.

Всѣ доводы этихъ ученыхъ г. Люгевиль опровергъ, раскрывъ истинное значеніе словъ Иродота; онъ доказаль, что выставляемая противорѣчія въ словахъ Иродота, Павсани и Плутарха только мнимая, что извѣстія древнихъ классиковъ могли показаться противорѣчащими только вслѣдствіе невѣрнаго ихъ чтенія и невѣрныхъ отсюда выводовъ, которые повлекли за собою цѣлый рядъ недоразумѣній и ошибокъ.

Г. Люгевиль доказаль, что слова Иродота (VI, 109): τὸ καλὸν γὰρ Ἀθηναῖοι ὁμῶς φησὶν τὸν πολέμαρχον ἐποיעῖν τοῖσι στρατηγῶσι должны быть переводимы: „полемархъ подаваль голосъ *вмѣстѣ съ стратигами* — ὁμοῦ τοῖς στρατηγῶσι“; онъ отвергаеть, какъ невѣрный и невозможный, переводъ этихъ словъ: „полемархъ имѣль въ военномъ совѣтѣ право голоса *наравнѣ съ стратигами*“ (aequum suffragii jus habebat — Беръ), такъ какъ въ немъ слову ὁμῶς φησος дано значеніе ἰσόψηφος.

Далѣе г. Люгевиль доказаль, что полемархъ не только подаваль голосъ *вмѣстѣ съ стратигами*, но что онъ былъ предсѣдателемъ въ военномъ совѣтѣ десяти стратиговъ и какъ ἐνδέχεται ψηφιδοφόρος, то-есть, какъ послѣдній (одиннадцатый) подающій голосъ, рѣшалъ дѣло въ случаѣ несогласія членовъ и равенства голосовъ.

Такимъ образомъ тщательнымъ разборомъ текста и вѣрнымъ объясненіемъ словъ ὁμῶς φησος и ἐνδέχεται ψηφιδοφόρος, г. Люгевиль отстраниль невѣрный доводъ Шёмана, что полемархъ, ничѣмъ не отличаясь отъ стратиговъ, не могъ имѣть предсѣдательство въ военномъ совѣтѣ и главное начальство на полѣ битвы.

Этимъ объясненіемъ текста авторъ окончателно разрушилъ научный предразсудокъ, вкореняемый въ насъ съ юности чтеніемъ Корнелія Непота, что Мильтиадъ, а не Каллимахъ, былъ главнокомандующимъ во время Мараонской битвы.

Слова Иродота (VI, 109): ὁ τῷ καίμῳ Λαχῶν Ἀθηναίων πολέμαρχεῖν, которыя учеными принимались за лучшее доказательство употребленія

въ 490 году жребія для назначенія полемарха, г. Люгемиль объяснилъ совершенно иначе. Онъ говоритъ: „Иродотъ хотѣлъ указать этими словами („назначаемый по жребію Аѳинскій полемархъ“), что членомъ военнаго совѣта былъ и третій изъ девяти, назначаемыхъ въ его время по жребію архонтовъ, именно полемархъ, который въ послѣдствіи не имѣлъ никакого отношенія къ военнымъ дѣламъ. Съ этимъ объясненіемъ нельзя не согласиться, прочитавъ со вниманіемъ всю главу.

Въ разборѣ Мараѳонскаго сраженія и роли, которую въ немъ игралъ полемархъ, авторъ указалъ на совершенно новые факты, до сихъ поръ никѣмъ не замѣченные, или по крайней мѣрѣ, нисколько не разъясненные. Г. Люгемиль доказалъ, что τὸ δεξιὸν κέραс ἔχειν и τὴν ἡγεμονίαν ἔχειν для Иродота и его современниковъ было одно и то же, то-есть, что главнокомандующій всегда стоялъ на правомъ флангѣ и если переходилъ на лѣвый, то это считалось исключеніемъ.

Слова Иродота: ἐξεδέχοντο ὡς ἠριθμέοντο αἱ φυλαὶ ἐχόμεναι ἀλληλέων, представлявшія такъ много затрудненій относительно расположенія и порядка филъ во время Мараѳонскаго сраженія, г. Люгемиль разъяснилъ совершенно просто, переводя: „Какъ филы *перечисляются*“ и опровергнувъ общепринятый нынѣ переводъ Бѣка: „Какъ онѣ *перечислялись* тогда“.

Разбирая этотъ сложный и искусственно усложненный вопросъ, авторъ часто долженъ былъ касаться въ своемъ сочиненіи другихъ вопросовъ весьма важныхъ въ наукѣ, но второстепенныхъ въ его трудѣ; и въ этомъ случаѣ г. Люгемиль съ такимъ же знаніемъ дѣла и тщательностью приступалъ къ ихъ разбору и объяснилъ многое, невѣрно до сихъ поръ понимаемое, какъ, напримѣръ, описаніе пестраго портика въ Аѳинахъ у Павсанія (I. 15).

Слишкомъ долго было бы перечислять всѣ новые выводы г. Люгемилля; скажу коротко, что авторъ, оставаясь постоянно на научной почвѣ, опровергаетъ по порядку всѣ доводы Шемана, Курціуса и др. и отстраняетъ всѣ недоразумѣнія и неясности, вкравшіяся постепенно въ этотъ вопросъ. Точнымъ анализомъ текстовъ онъ доказываетъ, что въ словахъ Иродота, Исократа (Агеорэг. VII. 21 — 23), Павсанія (I, 15), Димитрія Фалирскаго и Идоменея Лампсакскаго (у Плутарха въ жизни Аристиды) нѣтъ противорѣчій, насильственно отыскиваемыхъ Шеманомъ и другими, что по извѣстнымъ намъ до нынѣ даннымъ мы должны признать существованіе системы выборовъ не только

въ 490 году, но и въ 489 году, то-есть, въ годъ архонтства Аристида.

Авторъ говоритъ, что при нынѣшнемъ положеніи науки мы не въ состояніи опредѣлить съ точностью, когда введенъ былъ жребій вмѣсто выборовъ; въ ожиданіи этихъ новыхъ данныхъ мы можемъ только сказать, что преобразование это введено было не ранѣе реформы Ефіалта (465—460), которая обратила архонтство въ должность второстепеннаго значенія, отдѣливъ судебную власть отъ административной.

Таково вкратцѣ содержаніе труда г. Люгебиля; онъ всесторонне разобралъ вопросъ и дошелъ строго-критическимъ путемъ до совершенно новыхъ и самостоятельныхъ выводовъ. Исслѣдованіе г. Люгебиля представляетъ шагъ впередъ въ наукѣ, и до тѣхъ поръ, пока наука не обогатится новыми открытіями, надписями или другими достоверными памятниками, положенія г. Люгебиля останутся неопровержимыми.

Въ заключеніе замѣчу, что по моему мнѣнію, авторъ въ послѣднихъ двухъ главахъ своего труда покинулъ путь строго научный и увлекся гипотезой, весьма смѣлою, находящеюся въ противорѣчій со всѣми нашими свѣдѣніями о политической жизни Греціи.

На стр. 191 авторъ выставляетъ положеніе, что „жребій, замѣнившій систему выборовъ, не былъ вовсе необходимою принадлежностью демократіи, но по случайному совпаденію обстоятельствъ только (такъ какъ жребій введенъ былъ впервые въ демократіи) считался необходимымъ ея свойствомъ. Законодатель ввелъ жребій не для того, чтобы развить далѣе принципъ демократіи, но только, чтобы сдѣлать возможными болѣе правильные и полезные выборы“; для этого онъ воспользовался вѣрою народа, что жребіемъ руководитъ само божество и что выбранный богомъ есть счастливецъ, который не можетъ не осчастливить и своихъ согражданъ.

Уже въ Иліадѣ, говоритъ авторъ, достаточно высказывается взглядъ Грековъ на жребій, какъ на выраженіе воли божества; самыя предвѣщанія оракуловъ пользовались такою вѣрою въ древности, потому что Греки, по своему религіозному чувству, предоставляли самимъ богамъ разрѣшеніе важныхъ вопросовъ; по понятіямъ Грековъ, счастье одного человѣка, любимца боговъ, распространяется и на всѣхъ окружающихъ его, на всѣхъ, кто имѣетъ дѣло съ счастливцемъ.

Всѣ эти объясненія весьма остроумны, факты приводимые вѣрны сами по себѣ; но могутъ ли они служить доказательствомъ положенія

автора? Всѣ древніе писатели противорѣчатъ этому взгляду, въ особенности Аристотель, который оставилъ намъ въ своей Политикѣ полную теорію государственныхъ воззрѣній своихъ соотечественниковъ.

Аристотель ясно и опредѣленно говоритъ (Polit. VII (VI) 1, § 6, 7, 8—11), что основное начало демократіи есть свобода; выраженіе этой свободы состоитъ въ полномъ равенствѣ; отсюда вытекаютъ всѣ постановленія демократическихъ государствъ: всѣ правительственныя лица избираются изъ всѣхъ гражданъ; избранія на всѣ должности или, по крайней мѣрѣ, на тѣ, для которыхъ не нужно особенной опытности и умѣнья, совершаются по жребію и т. д.

Авторъ возразитъ намъ, что приведенная теорія доказываетъ только, что позднѣйшіе Греки, не исключая и Аристотеля, дѣйствительно смотрѣли на жребій какъ на принадлежность демократіи, но что при введеніи жребія эта мысль не существовала и что жребій обуславливался единственно пользою и религіознымъ чувствомъ.

Но если это такъ, то въ чемъ же заключалась борьба сословій въ древней Греціи, что означали тогда постоянныя требованія исономіи и исагоріи, и не обращается ли тогда эта борьба сословій въ простую агитацію доктринеровъ-законодателей, не превращаются ли всѣ преобразованія и усовершенствованія учрежденій, на которыя мы смотримъ до сихъ поръ какъ на выраженіе постоянного развитія аѳинскаго общества, въ одну политическую комбинацію отдѣльныхъ государственныхъ мужей?

Наконецъ, если, по мнѣнію г. Люгебиля, большинство Грековъ придавало жребію религіозное значеніе и въ политическомъ отношеніи, то естественно жеребьеваніе въ должности предшествовало бы системѣ выборовъ, то-есть, жеребьемъ назначались бы должностныя лица въ то время, когда еще сильна была вѣра въ боговъ, въ ихъ заступничество и покровительство, и по мѣрѣ уменьшенія религіознаго чувства выступала бы впередъ система выборовъ. Между тѣмъ, какъ извѣстно, греческія учрежденія развивались совершенно противоположнымъ путемъ.

Въ Греціи боролись за полное равенство и въ этомъ равенствѣ искали свободы; для достиженія этого равенства помогали равнаго участія въ управленіи, общаго доступа къ должностямъ; жеребьеваніе было лучшимъ выраженіемъ этого равенства; только послѣ горькихъ опытовъ лучшіе умы дошли до убѣжденія, что „назначать должностныхъ лицъ по жребію есть безуміе, между тѣмъ какъ никто вѣдь

не прибѣгаетъ къ жребію для назначенія рулеваго, столяра или кларнетиста, отъ которыхъ могущій произойти вредъ незначительнѣе вреда худой администраціи“ (Хеноһрон. Мемораб. I, 2, 9). Повторяемъ: съ мнѣніемъ г. Люгебиля согласиться весьма трудно; оно ново и оригинально и потому-то требуетъ болѣе обстоятельнаго разбора и болѣе убѣдительныхъ доводовъ.

В. Вауеръ.

ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ ПРОФЕССОРА Д. А. ХВОЛЬСОНА. ¹⁾

Факультетъ восточныхъ языковъ, поручая мнѣ представить характеристику ученыхъ трудовъ профессора Хвольсона, поставилъ меня, второй разъ, въ положеніе не совсѣмъ выгодное для референта, хотя оно и не соединено даже съ малѣйшею невыгодой для баллотируемаго профессора. Въ прошлый разъ громадное количество трудовъ профессора, удостоеннаго вашимъ избраніемъ, дало мнѣ возможность ограничиться ихъ перечнемъ, который самъ, безъ личнаго моего участія, говорилъ и говоритъ о себѣ очень убѣдительно; въ этотъ разъ количество ученыхъ трудовъ менше — профессоръ Хвольсонъ едва-ли еще достигъ 40-лѣтняго возраста; но главныя его сочиненія, бывъ написаны и напечатаны предварительно на языкѣ, доступномъ европейской наукѣ, оцѣнены уже первыми ея авторитетами и въ то же время не были пропущены безъ вниманія и у насъ, о чемъ могутъ свидѣтельствовать ученныя рецензіи профессора Березина и академика Кунника. Такимъ образомъ, послѣ обширныхъ статей, написанныхъ о трудахъ нашего товарища такими людьми, какъ напимѣръ, Катрмеръ (Quatremère) или Эвальдъ, послѣ статей и отзывовъ о нихъ Шпигеля, Райта (Wright) и другихъ знаменитыхъ ориенталистовъ Европы, послѣ отзывовъ представителей науки, единогласно выражающихъ самое глубокое почтеніе къ трудамъ нашего товарища, все, что ни скажу я о нихъ, безспорно окажется слабѣе того, что уже было о нихъ сказано.

¹⁾ Въ засѣданіи совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго университета 23-го минувшаго декабря 1868 года происходило, согласно съ уставомъ, баллотированіе экстраординарнаго профессора Хвольсона къ *окладу* ординарнаго профессора. Предварительно прочитана была предлагаемая здѣсь записка о трудахъ баллотируемаго, составленная, по порученію факультета восточныхъ языковъ, профессоромъ Коссовичемъ. Результатомъ баллотированія было *единогласное* избраніе профессора Хвольсона 30-ю наличными голосами членовъ совѣта.

Приобрѣтеніе Хвольсономъ ученой извѣстности такъ же оригинально, какъ и завоеванная имъ возможность стать на дорогу, которая привела его къ этой извѣстности. На 18-мъ году жизни, Хвольсонъ не зналъ ни одного языка, кромѣ своего природнаго; въ слѣдующіе же за спмъ годы онъ не только успѣлъ усвоить себѣ европейское образованіе, для чего, казалось бы, требовалось ему не малое время; но, сверхъ того, въ совершенствѣ изучилъ и всѣ восточные языки семитической отрасли, при чемъ поставилъ для себя задачей, не ограничиваясь знаніемъ печатныхъ источниковъ, изслѣдовать все печатное и непечатное, восточное и западное, все, что могло бросить хотя малѣйшій свѣтъ на бытъ, религію и исторію семитическихъ народовъ, которымъ онъ посвятилъ тогда всего себя и все свое время. Двѣнадцать лѣтъ провелъ такимъ образомъ Хвольсонъ въ неутомимыхъ работахъ, которыхъ результатомъ было монументальное сочиненіе *о Сабеехъ*, появившееся въ 1856 г. Появленіе этого сочиненія оригинально тѣмъ, что оно мгновенно открыло Европѣ въ лицѣ, котораго имя дотолѣ почти не было извѣстно въ печати, первокласснаго знатока по наукѣ, давно воздѣлывавшейся на западѣ, знатока со всестороннею эрудиціей, съ неистощимымъ запасомъ специальныхъ свѣдѣній, съ безукоризненно трезвымъ и зрѣлымъ критическимъ взглядомъ, — однимъ словомъ, со всѣми данными, приобретаемыми обыкновенно, даже при замѣчательнѣйшихъ ученыхъ дарованіяхъ, путемъ продолжительнаго опыта. Этимъ опытомъ нашему Хвольсону служили безмолвныя многолѣтнія работы въ уединенномъ его кабинетѣ и общественныхъ библіотекахъ, не доходящія постепенно до извѣстности, какъ это обыкновенно бываетъ при печатаніи трудовъ менѣе совершенныхъ.

Знаменитый Катрмеръ намѣревался посвятить цѣлый рядъ обширныхъ статей труду г. Хвольсона; но поспѣшившая смерть дозволила ему написать только первую, въ которой, между прочимъ, не имѣя, разумѣется, никакихъ поводовъ говорить комплименты нашему ученому, онъ выражается о немъ слѣдующимъ образомъ:

„.... Voulant remplir consciencieusement la tâche importante qu'il avait volontairement acceptée, il s'est attaché à recueillir et à coordonner, avec un soin et une érudition admirablement méritoires, tout ce qui pouvait jeter quelque jour sur ce sujet intéressant. Dans cette vue il n'a épargné aucune recherche, aucun voyage. Toutes les bibliothèques de l'Europe ont été mises par lui à contribution, et lui ont fourni de nombreux et précieux matériaux. Grâce à un travail infatigable, il a pu recueillir, sur une matière en apparence d'une étendue

bornée, une monographie aussi étendue qu'instructive, qui n'occupe pas moins de deux gros volumes in 8° de huit à neuf cents pages chacun. Et partout une critique judicieuse préside à la disposition des produits de la plus vaste et de la plus solide érudition (*Journal des Savants* Mars 1857 p. 140).“

Ближайшимъ для науки послѣдствіемъ перваго труда г. Хвольсона было то, что ни въ одномъ уже европейскомъ учебникѣ не говорится о *Сабеевѣ*, какъ о древнихъ поклонникахъ небесныхъ свѣтилъ. Сабееми въ дѣйствительности, послѣ розысканій Хвольсона, оказываются: 1) нынѣшніе Мандеи, живущіе на сѣверѣ Месопотаміи близъ Басры, исповѣдывавшіе, съ первыхъ вѣковъ христіанской эры, религію Парсовъ, къ чему присоединили они въ послѣдствіи времени манихейское ученіе, повидимому, у нихъ возникшее; 2) жители Гарана, на югѣ Месопотаміи, всегда остававшіеся политеистами, но прозавшіе себя Сабееми со временъ халифа Аль-Мамуна, съ цѣлью избѣжать преслѣдованій мусульманъ, которымъ они должны бы были подвергнуться въ качествѣ политеистовъ. Послѣдніе, собственно не имѣющіе ничего общаго, ни въ бытовомъ, ни въ религіозномъ отношеніи, съ первыми, кромѣ заимствованнаго у первыхъ названія, которымъ, впрочемъ, сами себя тѣ никогда не называли, очень много послужили, какъ это доказано профессоромъ Хвольсономъ, распространенію въ средніе вѣка между Арабами греческаго просвѣщенія.

Приведеннымъ мною знаменитымъ французскимъ ориенталистомъ Катрмеромъ давно уже (*Journ. des Sav. 1835*) было обращено вниманіе на то, что въ одномъ обширномъ рукописномъ арабскомъ сочиненіи, принадлежащемъ Парижской Императорской бібліотекѣ, говорится очень подробно о Нинивіи и о другихъ городахъ древней Вавилоніи, исчезнувшихъ съ лица земли еще до римскаго владычества, какъ о современныхъ автору сочиненія, въ то время какъ нѣтъ въ немъ помина ни объ одномъ месопотамійскомъ городѣ позднѣйшей, даже греческихъ временъ, постройки. Указаніе Катрмера сильно возбуждало пытлиую любознательность нашего достойнаго профессора. Еще занимаясь Сабееми, онъ изслѣдовалъ рукопись, указанную ему Катрмеромъ, и нашелъ, что она не что иное, какъ переводъ съ древняго вавилонскаго языка на арабскій, сдѣланный въ X вѣкѣ по Р. Х. Месопотамійцемъ Ибнъ-Вахшіей, вавилонскаго сочиненія о *сельскомъ хозяйствѣ*. Послѣдующіе поиски открыли Хвольсону рядъ другихъ сочиненій (12 полныхъ, кромѣ найденныхъ имъ отрывковъ), уцѣлѣвшихъ также на арабскомъ языкѣ, представляющихъ цѣлую ва-

вилонскую литературу. Сдѣлавъ столь неслыханное открытіе, Хвольсонъ прежде всего приступилъ къ исполненной работѣ копированія и провѣрокъ этихъ громадныхъ рукописей (онѣ составляютъ 1.000 цѣльныхъ листовъ), отмѣтилъ варианты всѣхъ ихъ экземпляровъ, имѣющихся въ Лейденской, Лондонской, Парижской и другихъ библиотекахъ, и по окончаніи всего этого далъ отчетъ о своемъ открытіи въ статьѣ, напечатанной на нѣмецкомъ языкѣ въ *Запискахъ Императорской Академіи Наукъ* (1859) и въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1859) подъ названіемъ: *Ново-открытые памятники древней вавилонской письменности*. Вслѣдъ за симъ, на основаніи этихъ же рукописей, онъ напечаталъ при отчетѣ, въ день торжественнаго годоваго акта С.-Петербургскаго университета, за 1860 годъ, сочиненіе подъ названіемъ: *Ueber Tamúz und die Menschenverehrung bei den alten Babyloniern*. Оба эти сочиненія вызвали множество оживленныхъ статей, появившихся въ разныхъ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ журналахъ. Большинству европейскіихъ ориенталистовъ подлинность арабскихъ переводовъ съ вавилонскаго показалась болѣе нежели невѣроятною. Противъ нея особенно вооружились Гутшмидтъ, профессоръ Кильскаго университета, и извѣстный Французъ Ренапъ; съ другой же стороны, и нынѣ стоитъ за открытіе нашего профессора знаменитый гебраистъ Эвальдъ.

Возможно ли допустить, говорятъ противники открытія, сдѣланнаго Хвольсономъ, чтобы памятники литературы столь давно уже отжившаго народа, оставившаго послѣ себя только монументныя надписи, могли у него существовать когда-либо, или, если они и существовали, то возможно ли, чтобы они могли перейти, въ теченіе столькихъ тысячелѣтій, черезъ руины разныхъ другихъ народовъ, его и другъ друга смѣнившихъ, и потомъ быть изучаемы и переводимы въ X вѣкѣ — вѣкъ же? — людьми мусульманскаго вѣроисповѣданія? Возраженіе, не лишенное силы. Но давно ли клинообразныя персидскія надписи, нынѣ понимаемыя почти такъ же, какъ сочиненія Цицерона и Цезаря, имѣли для путешественниковъ значеніе какихъ-то бессмысленныхъ архитектурныхъ украшеній? Если же Персы обладали, какъ знаемъ мы это отъ современныхъ имъ Грековъ, кромѣ монументной, и другою, общественною, письменностью, то въ правѣ ли мы безусловно отрицать послѣднюю и у Вавилонянъ, отъ которыхъ Персы, какъ извѣстно, заимствовали свою монументную письменность? — Споръ остается до нынѣ не конченнымъ; рѣшить же его можетъ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ основаніяхъ, прежде всего непосредственное

и всестороннее ознакомленіе съ внутреннимъ содержаніемъ рукописей, открытыхъ и скопированныхъ профессоромъ Хвольсономъ. Но для этого оказывается необходимымъ условіемъ напечатаніе всѣхъ этихъ памятниковъ, чтò составило бы изданіе, по крайней мѣрѣ, въ 300 печатныхъ листовъ одного арабскаго текста.

Въ 1861 году профессоръ Хвольсонъ напечаталъ въ *Библиотекѣ для Читенія* сочиненіе о нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ Евреевъ. Милліонъ слишкомъ русскихъ Евреевъ обязаны этому труду своего ученаго единоплеменника снятіемъ съ нихъ самаго позорнаго и гнуснаго клейма, какое лишь можетъ тяготѣть на человѣческомъ обществѣ и которое тяготѣло на Евреяхъ въ продолженіе столькихъ столѣтій: Хвольсонъ уничтожилъ впредь даже возможность обвиненія Евреевъ въ подобномъ изувѣрствѣ; сдѣлалъ же онъ это, опровергнувъ самымъ обстоятельнымъ и самымъ категорическимъ образомъ всѣ доводы и доказательства, періодически, но безъ дѣйствительныхъ указаній на догматическія данныя, повторявшіеся въ цѣлой Европѣ, а также и у насъ, будто религіозныя правила Евреевъ требуютъ отъ нихъ, въ видѣ жертвоприношенія въ день пасхи, каннибализма надъ христіанскими мальчиками. Независимо отъ нравственной стороны этого сочиненія, нельзя не удивляться въ немъ сколько познаніямъ его автора въ древней и средневѣковой исторіи еврейскаго племени, выказанныхъ имъ во всемъ блескѣ въ этомъ трудѣ, столько, съ другой стороны, такому же близкому его знакомству и съ средневѣковыми христіанскими писателями, которыхъ сочиненія, въ томъ или другомъ отношеніи, могли касаться обычаевъ и религіи Евреевъ.

Въ 1865 году профессоръ Хвольсонъ издалъ сочиненіе: *18 hebräische Grabschriften aus der Krimm*, вышедшее въ свѣтъ въ 1866 году, съ дополненіями и въ русскомъ переводѣ и послужившее ему диссертацией на степень доктора нашего университета. И въ этомъ своеобразномъ сочиненіи профессора Хвольсона, какъ въ трудѣ о „Сабеевѣхъ“ и „Вавилонской письменности“, наука приобрѣла новыя данныя, не дополняющія только собою — чтò само уже по себѣ принесло бы честь всякому ученому труду — но и совершенно замѣняющія прежнія, казавшіяся дотолѣ непогрѣшимыми. Естественно, что нѣкоторыя изъ таковыхъ данныхъ привели въ изумленіе какъ нашихъ, такъ и заграничныхъ ученыхъ, напримѣръ, доказываемое этими памятниками присутствіе на Таврическомъ полуостровѣ татарскихъ племенъ еще въ I столѣтіи по Р. Х.; другія данныя, какъ, напри-

мѣръ, употребленіе Караимами квадратнаго ассирійскаго письма въ самое отдаленное время, различныя эры на памятникахъ Караимовъ, указывающія на различныя ихъ судьбы въ разныя эпохи ихъ исторіи и т. д., не подлежатъ уже никакому сомнѣнію. Говоря объ этомъ трудѣ профессора Хвольсона, нельзя также не отдать ему полной справедливости и въ томъ, что если, по собственному его сознанію, многими существенными указаніями относительно караимской письменности обязанъ онъ ученому престарѣлому Караиму Абраму Фирковичу, то, съ другой стороны, никто въ такой степени и въ такомъ прекрасномъ изложеніи не познакомилъ Европу съ древностями Караимовъ, имѣющими важное значеніе и для всемірной исторіи, какъ сдѣлалъ это нашъ профессоръ Хвольсонъ: такъ ничтожно, сравнительно, все то, что до того времени выходило изъ печати объ этомъ замѣчательномъ племени. Сочиненіе профессора Хвольсона о надгробныхъ караимскихъ памятникахъ было принято съ самымъ живымъ сочувствіемъ въ Германіи и Англии ¹⁾.

Въ дополненіе къ сказанному о трудахъ профессора Хвольсона, нельзя не упомянуть и о переводѣ на русскій языкъ *библейскихъ историческихъ книгъ*, вышедшихъ въ свѣтъ недавно по благословенію и иждивеніемъ св. синода, которымъ, безъ всякаго сомнѣнія, мы преимущественно обязаны нашему профессору.

Этимъ заключается перечень изданныхъ сочиненій профессора Хвольсона; результаты же трудовъ за его послѣднее время мы вскорѣ увидимъ въ печатаемомъ имъ нынѣ, для предстоящаго университетскаго юбилея, изданіи бывшаго доселѣ неизвѣстнымъ арабскаго писателя, жившаго въ началѣ X столѣтія, Ибнъ-Даста: о *Хозарахъ*,

¹⁾ Вотъ, между прочимъ, что говоритъ въ *Saturday Review* (May 1866, p. 539) о Хвольсонѣ, какъ авторѣ этого труда, одинъ изъ первоклассныхъ современныхъ англійскихъ семитистовъ:

«.... His reasoning is skilful, and his knowledge of the subject full. He has had the best opportunities of examining for himself, and writes in a fair, clear, straightforward style. His conclusions respecting the dates of the inscriptions seem to us to be safe, and the thanks of all scholars are due to him for contributing an interesting chapter to the history of a sect so little known till within a very recent time. If he would set about the collection of the Karaite MSS. in St. Petersburg, he would confer a permanent boon on the literary world. We fear that nothing need be looked for from Neubauer in respect to such examination. His little volume now before us is disappointing, leading us to infer that he is hardly competent to the work of proper collation. Nothing can be expected from him or from Pinner (Pinsker?). Слѣдовательно, всѣ надежды возлагаются англійскими семитистами, въ дѣлѣ караимскихъ древностей, на нашего Хвольсона.

Буртасахъ, Бумарахъ, Мадъярахъ, Славянахъ и Руссахъ. Арабскій подлинникъ этого сочиненія Хвольсонъ сопровождаетъ русскимъ переводомъ и обстоятельнымъ, историческимъ и филологическимъ, комментариемъ, въ который входятъ извѣстiя всѣхъ другихъ арабскихъ писателей, обозначенныхъ въ заглавii издаваемой книги. Въ этомъ комментарий будутъ критически прослѣжены всевозможные источники историческихъ показанiй арабскихъ писателей, будетъ обозначена степень зависимости позднѣйшихъ источниковъ отъ другихъ болѣе древнихъ, и такимъ образомъ всѣ извѣстiя Арабовъ объ упомянутыхъ народахъ явятся тамъ возстановленными, по мѣрѣ возможности, въ первоначальной и неискаженной ихъ формѣ. Кроме того, это сочиненiе дополнитъ наши свѣдѣнiя о торговыхъ отношенiяхъ, которыя въ X и IX вѣкахъ были между тогдашними приволжскими обитателями и племенами, жившими у Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, и можетъ-быть, при неожиданности результатовъ, къ которымъ мы уже приучены трудами профессора Хвольсона, рѣшить окончательно, или, по крайней мѣрѣ, приблизить къ окончательному рѣшенiю, столь интересующiй насъ этнографическiй вопросъ о Варягахъ и Руссахъ. Я позволялъ себѣ высказать подобныя ожиданiя, имѣя довольно ясное понятiе о содержанiи памятника, открытаго нашимъ профессоромъ, и притомъ основываясь на качествѣ прежнихъ историческихъ работъ переводчика и комментатора подобнаго памятника.

Сказанное мною, кажется, достаточно убѣждаетъ, что дорогое время вполне цѣнится нашимъ ученымъ товарищемъ и что оно у него приноситъ должные плоды. Смѣло можно надѣяться, что совѣтъ окажется полное сочувствiе ходатайству факультета, ограждая своимъ избранiемъ эту драгоценнѣйшую для ученаго человѣка собственность (его время), которою столь трудно ему пользоваться и наслаждаться, какъ ни дорога она ему, безъ надлежащаго матеріальнаго обезпеченiя.

Профессоръ **К. Коссовичъ.**

23-го декабря 1868 года.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ И УЧРЕЖДЕНІЙ.

Императорская Академія Наукъ. *Физико-математическое отдѣленіе*. 7-го января 1869 года. Почетный членъ А. О. *Миддендорфъ* сообщилъ нѣсколько наблюденій, сдѣланныхъ имъ въ Барабинской степи во время путешествія нынѣшнимъ лѣтомъ по Сибири въ свѣтъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича.

Вице-президентъ, академикъ В. Я. *Буняковскій* представилъ и предложилъ напечатать въ бюллетенѣ записку члена-корреспондента *Миндита* о законѣ составленія числителя и знаменателя непрерывной дроби, по приведеніи ея въ обыкновенную.

Академикъ Б. С. *Якоби* представилъ и предложилъ напечатать въ Запискахъ Академіи разсужденіе г. Роберта *Ленца* о вліяніи температуры на теплопроводимость нѣкоторыхъ металловъ.

Академикъ Ф. В. *Овсянниковъ* представилъ статью студента здѣшняго университета О. *Гримма* о сѣжахъ насѣкомыхъ.

Академикъ Г. Н. *Вильдъ* читалъ извлеченіе изъ письма г. *Фричиа*, директора Пекинской обсерваторіи, отъ 10/22 ноября 1868 года, изъ Пекина. Въ немъ онъ сообщаетъ о состояніи инструментовъ, которые были ему переданы, и о наблюденіяхъ астрономическихъ и магнитныхъ, произведенныхъ имъ на пути въ Пекинъ и въ самомъ Пекинѣ.

Всѣ вышеисчисленныя статьи будутъ напечатаны въ изданіяхъ Академіи.

Членъ-корреспондентъ А. *Поповъ* доставилъ записку о теоріи отвѣсной жидкой струи. Положено передать на разсмотрѣніе академику П. Л. *Чебышеву*.

Профессоръ здѣшняго университетета М. *Окатовъ* доставилъ записку, напечатанную имъ въ журналѣ Поггендорфа, подъ заглавіемъ:

Anwendung der allgemeinen Theorie der Bewegung eines elastischen Stabes auf die Ableitung der Differentialgleichungen für die St. Petersburger Experimente über den Elasticitätsmodul der Metalle.

Читано отношеніе отъ 21-го минувшаго декабря, которымъ г. министр народнаго просвѣщенія приглашаетъ Академію избрать двухъ членовъ оной въ комиссію, назначаемую для присужденія преміи генерала отъ артиллеріи Дядина, на основаніи § 11 Высочайше утвержденнаго положенія о сей преміи. Вслѣдствіе сего, согласно предложенію г. президента, отдѣленіе назначило гг. академикомъ *Чебышева* и *Зинина* въ члены сказанной комиссіи.

Академикъ *Шренкъ* довелъ до свѣдѣнія отдѣленія, что г. *Гарперъ Пизъ* (Harper Pease) доставилъ изъ Голландіи, для зоологическаго музея Академіи, богатое собраніе раковинъ и другихъ животныхъ съ Сандвичевыхъ острововъ и желалъ бы получить въ обмѣнъ нѣсколько брюхоногихъ Охотскаго и Берингова моря, а также нѣкоторыя малакзоологическія сочиненія, изданныя академіею.

Академикъ *Вилдъ* сообщилъ письмо, полученное имъ изъ Пекина отъ директора тамошней обсерваторіи г. *Фричше*, о томъ, что въ настоящее время, по обоюдному его соглашенію съ Ургинскимъ консуломъ, возможно будетъ устроить двѣ метеорологическія станціи въ Монголіи: одну въ Ургѣ, а другую въ срединѣ степи Гоби. Для устройства этихъ станцій требуются только нѣкоторые метеорологическіе инструменты. Пекинская обсерваторія, имѣющая три ртутныхъ барометра, легко можетъ отправить въ Ургу одинъ изъ нихъ и нѣсколько термометровъ. Постановку инструментовъ и опредѣленіе времени можетъ дѣлать нѣкто г. *Сахаровъ*, находящійся нынѣ въ Пекинѣ и получившій отъ г. *Фричше* нужныя для того наставленія. Въ заключеніе г. *Фричше* проситъ разрѣшенія на высылку изъ Пекинской обсерваторіи въ Ургу одного изъ барометровъ работы Брауера.—Отдѣленіе, вполне одобряя предположеніе г. *Фричше*, положило предоставить г. директору главной физической обсерваторіи дать ему надлежащія разрѣшенія и указанія касательно учрежденія метеорологическихъ станцій въ Монголіи.

Читано отношеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 13-го декабря 1868 года, которымъ онъ выражаетъ, съ своей стороны, живѣйшее сочувствіе и готовность содѣйствовать въ обмѣну бесплатныхъ метеорологическихъ депешъ между станціями Россіи и Турціи, какъ предпріятію вполне общепользному. Къ сему г. министръ присовокуп-

ляетъ, что телеграфы Имперіи и Оттоманской Порты не имѣютъ еще непосредственнаго между собою соединенія, а потому установленіе сказанныхъ сношеній не зависитъ исключительно отъ русскаго телеграфнаго вѣдомства, и сдѣдуетъ предварительно получить согласіе на то отъ дирекціи телеграфовъ Румыніи и Австріи, чрезъ линіи которыхъ должны проходить депеши изъ Россіи въ Турцію, и обратно. Въ этихъ видахъ поручено телеграфному департаменту нынѣ же войти въ сношеніе съ Австрійскою и Румынскою дирекціями. О содержаніи этого отзыва генераль-адъютанта Тимашева г. президентъ сообщилъ г. товарищу министра иностранныхъ дѣлъ.

Академикъ *Вильдъ* читалъ донесеніе, въ которомъ объяснилъ, что главная физическая обсерваторія въ настоящее время не имѣетъ не только необходимыхъ для нея нормальныхъ мѣръ и вѣсовъ, но и нѣкоторыхъ инструментовъ, употребляемыхъ для сравненія мѣръ и вѣсовъ. Но такъ какъ измѣреніе и взвѣшиваніе составляютъ основаніе всѣхъ физическихъ изслѣдованій, и въ обсерваторіи необходимы нормальныя мѣры для абсолютныхъ магнитныхъ наблюденій, для постройки нормальнаго барометра и пр., то г. *Вильдъ* предлагаетъ назначить комиссію для обсуденія вопроса о состояніи нашихъ мѣръ и вѣсовъ, и о снабженіи всѣхъ ученыхъ учреждений вообще и обсерваторіи въ особенности нормальными мѣрами и вѣсами. Отдѣленіе назначило для сего комиссію изъ гг. академиковъ *Якоби*, *Струве* и *Вильда*.

— *Правила о преміи за ученое жизнеописаніе Ломоносова.* § 1. Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 9-й день февраля 1868 года, Высочайше соизволилъ на назначеніе, изъ собранныхъ для образованія Ломоносовскаго капитала суммъ, двухъ тысячъ рублей на премію и изданіе въ пользу автора строго-ученаго жизнеописанія Ломоносова съ оцѣнкою его дѣятельности какъ писателя, ученаго и гражданина, съ тѣмъ чтобы всѣ доходы съ этого изданія принадлежали автору. Премія будетъ состоять изъ означенной суммы 2.000 руб. и изъ процентовъ, которые наростутъ на нее во времени присужденія преміи.

§ 2. Разборъ ученаго жизнеописанія Ломоносова и присужденіе за него преміи предоставлены Императорской Академіи Наукъ, которою, въ мартовскомъ засѣданіи общаго собранія, будетъ назначена комиссія изъ академиковъ для предварительнаго рассмотрѣнія сочиненій, представленныхъ на соисканіе. На основаніи донесенія этой ком-

писіи, присужденіе преміи будетъ произведено общимъ собраніемъ конференціи, въ декабрьскомъ засѣданіи онаго.

§ 3. Въ ученоемъ жизнеописаніи Ломоносова, кромѣ полнаго изображенія всѣхъ сторонъ его дѣятельности, излагается оцѣнка его трудовъ въ области физики, химіи, минералогіи, герлогіи, металлургіи, русской исторіи, филологіи и словесности, съ изъясненіемъ, въ какомъ состояніи находились эти отрасли вѣдѣнія въ его время, и что именно сдѣлано имъ по каждой изъ нихъ. Въ отношеніи къ заслугамъ Ломоносова по словесности должно быть обращено особенное вниманіе на значеніе его въ развитіи русскаго письменнаго языка.

§ 4. На соисканіе преміи принимаются оригинальныя сочиненія, на русскомъ языкѣ, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Послѣднія должны быть четко писаны и съ подписью имени автора или же безъ оной, но съ девизомъ и приложеніемъ запечатаннаго пакета, содержащаго имя автора.

§ 5. Въ случаѣ присужденія преміи за рукописное сочиненіе, она выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи сочиненія.

§ 6. Дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ не имѣютъ права участвовать въ соисканіи этой преміи.

§ 7. Въ случаѣ, если бы по обширности и многосложности предлагаемой задачи былъ представленъ трудъ двухъ или болѣе лицъ, вполне соответствующій изложеннымъ требованіямъ, премія присуждается авторамъ его совокупно.

§ 8. Сочиненія, удостоенныя награды графа Уварова, могутъ участвовать въ соисканіи преміи за біографію Ломоносова.

§ 9. Премія будетъ выдана лишь самому автору или его законнымъ наслѣдникамъ, но не издателю.

§ 10. Срокомъ представленія сочиненій на соисканіе преміи назначается 1-е марта 1874 года. Отчетъ о присужденіи преміи будетъ прочтенъ въ годичномъ публичномъ засѣданіи Академіи и затѣмъ начатанъ во всеобщее свѣдѣніе.

Археологическій съѣздъ въ Москвѣ. Въ отдѣлѣ „Правительственныхъ распоряженій“ декабрьской книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* на 1868 годъ были напечатаны утвержденныя министромъ народнаго просвѣщенія правила этого съѣзда, который откроется 16-го марта и будетъ продолжаться не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Вотъ вопросы, предлагаемые къ обсужденію на съѣздѣ.

I. Вопросы вообще.

1) Въ какомъ состояніи находится нынѣ наука русской археологіи? Средства къ дальнѣйшему, болѣе успѣшному развитію оной. Необходимость введенія преподаванія русской археологіи.

2) Какія должны быть приняты мѣры къ сохраненію и приведенію въ извѣстность памятниковъ какъ языческой, такъ и христіанской древности въ Россіи.

3) Точнѣйшее опредѣленіе метода и приемовъ въ изслѣдованіи памятниковъ. Составленіе подробной инструкціи археологическихъ изысканій. Терминологія русской археологіи.

4) Составленіе археологическихъ картъ, чертежей и т. п., между прочимъ, такой карты, на которой были бы обозначены лишь мѣста битвъ, съ указаніемъ когда и съ кѣмъ онѣ происходили, а также раскопокъ, если такія были произведены.

5) Архивы. Какіе документы должны составлять архивъ? Раздѣленіе архивовъ на частные и общественные или правительственные. Какія должны быть постановлены правила при разборѣ документовъ съ цѣлью признанія однихъ подлежащими храненію, а другихъ уничтоженію? Какіе должны быть приняты способы храненія документовъ въ архивахъ для предохраненія ихъ отъ сырости, огня и порчи? На какіе отдѣлы должны быть распредѣляемы и какъ должны быть размѣщаемы документы для занятія ими въ архивѣ возможно меньшаго пространства и для удобнѣйшаго пользованія ими? Какіе реестры или другаго рода описанія должны быть имъ составляемы? Чтò изъ этихъ описаній подлежитъ изданію въ свѣтъ и чтò должно быть предметомъ *секретныхъ* отдѣловъ архивовъ? Какія лица и въ какомъ составѣ должны быть назначаемы для завѣдыванія архивами, приведенія ихъ въ порядокъ, описанія и повѣрки документовъ, а также какія должны быть правила для повѣрки дѣятельности означенныхъ лицъ и ревизіи самихъ архивовъ высшими правительственными органами? Какія должны быть правила относительно предоставленія архивныхъ документовъ въ пользованіе мѣстамъ и лицамъ, правительственнымъ и частнымъ, какъ для справокъ, такъ и для ученыхъ розысканій?

II. Вопросы частные.

а) *Археологія доисторическая.*

6) Встрѣчаются ли орудія и оружія, каменные и мѣдные (или сдѣланные изъ сплава мѣди съ другими металлами), въ сѣверной поло-

внѣ европейской Россіи вмѣстѣ съ орудіями и оружіями желѣзными, и сходны ли сіи послѣднія по своей формѣ и техническимъ свойствамъ съ подобными желѣзными предметами, находимыми въ могилахъ, которыя, по отысканнымъ въ нихъ монетамъ, могутъ быть относимы къ IX—XII вѣкамъ по Р. Х.?

7) Если орудія и оружія мѣдныя (или сдѣланныя изъ сплава мѣди съ другими металлами) находимы были вмѣстѣ съ желѣзными, то различаются ли отъ послѣднихъ въ своихъ формахъ?

8) Какія замѣчаются черты сходства или различія въ матеріалѣ и формѣ, а поэтому въ дѣли назначенія каменныхъ орудій и оружія, которыя находятся въ Финляндіи, Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерніяхъ, въ прибалтійскомъ и въ сѣверо-западномъ краяхъ?

9) Въ изслѣдованныхъ на пространствѣ между нижними теченіями Днѣпра и Дона могилахъ, какія представляются различія относительно способа ихъ устройства и образа погребенія въ нихъ умершихъ?

10) Въ какихъ могилахъ на томъ же пространствѣ были находимы орудія и оружія каменные или костяныя, при совершенномъ отсутствіи слѣдовъ предметовъ металлическихъ? Какого устройства были эти могилы, и въ какихъ изъ нихъ были найдены умершіе погребенными, и въ какихъ найдены слѣды сожженія труповъ?

11) Формы желѣзныхъ мечей и кинжаловъ, а также мѣдныхъ сосудовъ, находимыхъ въ могилахъ, раскрытыхъ между нижними теченіями Днѣпра и Дона, повторяются ли въ находкахъ, которыя отысканы въ болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ, на примѣръ, въ Кіевской или одной изъ приволжскихъ или приуральскихъ губерній, или наконецъ, въ западной Сибири?

12) Между могилами западной Сибири встрѣчались ли такія, которыя содержали бы въ себѣ орудія и оружія (а не одни украшенія одежды или части лошадиной сбруи), сдѣланныя исключительно изъ мѣди или сплава этого металла съ другими?

13) Въ какихъ мѣстностяхъ Россіи, какъ европейской, такъ и азіатской, въ древнихъ могилахъ были находимы слѣды сожженія труповъ и на сколько отличаются такія могилы отъ тѣхъ, въ которыхъ покойники погребались? Какія данныя представляютъ могилы того и другаго рода для приблизительнаго опредѣленія эпохъ, къ которымъ онѣ относятся?

14) На сколько каменные бабы западной Сибири отличаются, по своимъ общимъ формамъ и по одеждѣ изображаемыхъ ими людей, отъ каменныхъ бабъ, встрѣчающихся въ южной Россіи на пространствѣ отъ Днѣпра до Кавказа и Урала?

15) Подтверждается ли новѣйшими лингвистическими изслѣдованіями указанное впервые покойнымъ Шёгренемъ различіе въ названіяхъ металловъ, въ особенности золота, серебра и желѣза, у западныхъ финскихъ племенъ отъ таковыхъ же названій у восточныхъ Финновъ (чудско-угорскихъ племенъ)? Заимствованы ли названія упомянутыхъ металловъ западно-финскими племенами изъ языковъ славянскихъ и нѣмецкихъ, а восточными Финнами изъ языка одного изъ народовъ иранскаго племени?

б) *Археологія Русская.*

16) Имѣютъ ли курганы славянскихъ племенъ особые отличительные признаки? Какимъ образомъ различаются эти курганы отъ кургановъ норманскихъ? Въ какихъ мѣстностяхъ находимы были норманскія могилы? Курганы какихъ мѣстностей Россіи болѣе всего сходны съ курганами Даніи и Скандинавіи? Какъ опредѣлить хронологію курганныхъ насыпей и по какимъ признакамъ можно узнать время, къ которому эти насыпи принадлежатъ?

17) Имѣются ли опредѣленные доказательства тому, что славянское кирилловское письмо, по рисунку буквъ, должно быть относимо къ IX вѣку, а не ко времени болѣе древнему?

18) Имѣются ли доказательства тому, что глаголическая азбука есть произведеніе болѣе древнее, чѣмъ азбука кирилловская?

19) Въ какомъ соотношеніи находится употребленіе какъ разнаго рода пергамента, такъ чернилъ и красокъ въ букввахъ и заставкахъ, съ мѣстностями, гдѣ писаны древнія славянскія рукописи, и съ особенностями ихъ языка?

20) Существуетъ ли различіе между почеркомъ писанныхъ памятниковъ и почеркомъ вещественныхъ памятниковъ? Если такое различіе существуетъ, то въ чемъ состоятъ его отличительные признаки и какъ измѣнялись эти признаки по столѣтіямъ?

21) Необходимость составленія сборника всѣхъ русскихъ надписей, находящихся на зданіяхъ, надгробныхъ камняхъ, плитахъ, крестахъ, евангеліяхъ, сосудахъ, чашахъ, покрывахъ и пр., съ приложеніемъ фотографическихъ снимковъ съ главнѣйшихъ памятниковъ.

22) Примѣненіе археологическихъ изслѣдованій къ русской исторіи. Какія мѣстности или поля битвъ, упомянутыя въ лѣтописяхъ, опредѣлены были археологическими изслѣдованіями? Какія географическія мѣстности, извѣстныя по лѣтописямъ, остаются доселѣ неопредѣленными?

23) Русскія юридическія древности. Предметы, которые должны быть отнесені въ этой части русскихъ древностей. Раздѣленіе означенныхъ предметовъ на отдѣлы, и различныя системы ихъ изложенія. Соображенія о томъ, какъ должны быть разрабатываемы отдѣльныя части русскихъ юридическихъ древностей: а) съ помощью документовъ, въ которыхъ находятся указанія на символы, межевыя знаки, формы взаимныхъ сношеній между лицами и установленіями, на внѣшнюю и внутреннюю сторону документовъ, юридическія дѣйствія и самый бытъ нашихъ предковъ въ отношеніи юридическомъ; и б) съ помощью остатковъ древнихъ обычаевъ, вѣрованій, формъ и другихъ проявленій въ современныхъ намъ бытѣ, дѣйствіяхъ и обстановкѣ разныхъ классовъ русскаго общества.

24) Засѣки въ древней Россіи. Значеніе засѣкъ и важность ихъ въ археологическомъ отношеніи. Мѣстности въ древней Россіи, въ которыхъ находились засѣки, въ хронологическомъ порядкѣ. Отчетъ объ извѣстныхъ уцѣлѣвшихъ засѣкахъ въ означенныхъ мѣстностяхъ. Правила для обзоренія и описанія засѣкъ: а) на мѣстахъ живущими близь нихъ лицами, и б) комиссиями или лицами, посылаемыми для этой цѣли; выгоды и неудобства того и другаго способа и мѣры къ устраненію послѣднихъ. О составленіи карты засѣкъ, какъ послѣдствіи ихъ описанія; пособіе, представляемое для таковой карты дошедшими до насъ въ большомъ количествѣ *застычными* книгами.

25) Русская архитектура XII вѣка. Не слѣдуетъ ли признать XII столѣтіе началомъ новаго періода въ русской архитектурѣ подъ вліяніемъ романскихъ зодчихъ, пришедшихъ изъ Германіи черезъ Новгородъ и Псковъ и начавшихъ строить церкви не по планамъ романскихъ зданій, а по особому общему плану, совершенно различному отъ плановъ западныхъ церквей? Когда и какимъ образомъ утвердился у насъ этотъ типичный планъ? Своеобразныя особенности какъ плана, такъ и внѣшней формы церквей, состоятъ въ слѣдующемъ: а) прямоугольный четырехугольникъ съ узкими сторонами, обращенными на востокъ и западъ; четыре столба, поддерживающіе главу, раздѣляютъ весь планъ крестообразно; б) алтарная часть (abside) выдается тремя полукруглыми выступами, изъ которыхъ средній болѣе остальныхъ; г) круглый и высокій барабанъ главы завершается весьма плоскимъ куполомъ; д) южный, западный и сѣверный фасады храма раздѣлены на три части пиластрами или полуколоннами, начинающія съ основанія зданія до самой кровли, гдѣ эти части заканчи-

ваются тремя полукружїями; е) четырехсчатная кровля загибалась по числу полукружїй и алтарныхъ выступовъ; ж) на каждомъ фасадѣ, южномъ, западномъ и сѣверномъ, по одному входу; з) на каждомъ фасадѣ три узкихъ высокихъ окна, съ круглою перемычкою; на каждомъ алтарномъ выступѣ, какъ кажется, было по одному окну; и) отсутствіе всякой пристройки для колоколовъ. Типичный планъ этихъ церквей въ Суздальской области образовался ли самостоятельно, или заимствованъ съ греческаго образца? Принятъ ли былъ этотъ планъ только для церквей Суздальской области, или былъ онъ повсемѣстно принятъ въ сѣверной полосѣ Россіи? Строились ли въ южной Россіи церкви по такому же плану или по другому? Такъ какъ въ типичномъ планѣ церквей Суздальской области нѣтъ слѣдовъ колоколенъ, то спрашивается, когда начали строить особыя зданія для колоколовъ и когда начали строить колокольни въ связи съ самимъ храмомъ? Типичный планъ имѣеть только одну главу, а между тѣмъ извѣстно, что Софійскіе соборы въ Кіевѣ и Новѣгородѣ имѣли по тридцати главъ, а каменный Софійскій соборъ въ Новѣгородѣ и Спасскій соборъ въ Черниговѣ по пяти и т. д.; слѣдовательно, до какого времени строили церкви съ одною главою и въ какихъ случаяхъ строили ихъ со многими главами? На Дмитріевскомъ соборѣ стоитъ четырехконечный крестъ; когда начали ставить на церквахъ шестиконечные кресты? По кладкѣ стѣнъ, по толщинѣ слоя извести и по клеймамъ на кирпичахъ можно ли опредѣлить время постройки зданія?

в) *Археологія классическая и византійская.*

26) Топографія греческихъ поселеній на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря.

27) Культы, господствовавшіе въ означенныхъ мѣстностяхъ, по надписямъ, монетамъ и другимъ памятникамъ.

28) Различныя формы гробницъ, открытыхъ въ южной Россіи.

29) Хронологія Босфорскихъ царей.

30) Составленіе сборника греческихъ и латинскихъ надписей, найденныхъ въ Россіи.

31) Древне-христіанскіе памятники Таврическаго полуострова.

32) Обзоръ предметовъ, найденныхъ въ томъ или другомъ изъ главнѣйшихъ кургановъ временъ классическихъ, разрытыхъ въ южной Россіи. Объясненіе той связи, въ которой находятся эти предметы между собою.

33) Какое вліяніе имѣеть греческая письменность, начиная съ

IX вѣка по конецъ XV и начало XVI вѣка на славянскую письменность за то же время, въ палеографическомъ отношеніи?

г) *Археологія восточная.*

34) Топографія восточныхъ кладовъ въ Россіи. Новыя данныя въ доволненіе прежнихъ, изложенныхъ въ разныхъ трудахъ по этому предмету.

35) Всѣ ли памятники, находимые на мѣстности древняго Волгара, относятся къ мусульманской эпохѣ, и не встрѣчаются ли между ними такіе памятники, которые могутъ быть отнесены къ болѣе древней эпохѣ?

III. Вопросы, по которымъ къ съезду желательно получить свидѣнія.

а) *Археологія доисторическая.*

1) Въ какихъ мѣстностяхъ и при какихъ обстоятельствахъ были находимы въ Россіи каменные или костяные орудія и оружія? На какой глубинѣ отъ поверхности, въ какой почвѣ, и съ какими другими предметами, свидѣтельствующими о дѣятельности челоуѣка (какъ то: углями, черепками отъ сосудовъ или цѣльными сосудами, тканями), лежали онѣ? Были ли вблизи ихъ или въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ находимы челоуѣческія кости или кости животныхъ? Не встрѣчались ли въ почвѣ, въ которой лежали орудія, слѣды растений (мохъ, отдѣльные листья, стебельки, куски дерева)? Не было ли находимо вмѣстѣ съ орудіями какихъ-либо камней, большей или меньшей величины, почернѣвшихъ отъ дѣйствія огня или носившихъ слѣды ихъ употребленія, напримѣръ, для молотбы зеренъ, для шлифовки каменныхъ орудій и проч.? Не найдены ли вмѣстѣ съ каменными орудіями, получившими свою форму посредствомъ обтески матеріала, и его осколки? Не замѣчены ли между костями животныхъ такія, которыя носятъ на себѣ слѣды ихъ обрѣзыванія или раскалыванія? Если при подобныхъ находкахъ каменныхъ и костяныхъ орудій не встрѣчено никакихъ металлическихъ предметовъ, то не были ли замѣчены какіе-либо слѣды окиси мѣди или желѣза?

2) Въ какихъ мѣстностяхъ и при какихъ обстоятельствахъ были находимы въ Россіи орудія или оружія мѣдныя или бронзовыя: на какой глубинѣ отъ поверхности, въ какой почвѣ и вмѣстѣ съ какими другими предметами?

Примѣчаніе. Желательно, чтобы при сообщеніи свѣдѣній по изложеннымъ вопросамъ были сообщены, по возможности, и самыя предметы находки.

это представить какія-либо затрудненія, то просятъ доставить точные рисунки съ этихъ предметовъ съ обозначеніемъ ихъ размѣровъ, или гипсовые слѣпки. Если эти послѣдніе будутъ сняты съ каменныхъ орудій, то просятъ указать породу, къ которой принадлежитъ матеріалъ, служившій для изготовленія орудій.

3) Въ Сибири и Уральскихъ горахъ, равно и на берегахъ Онежскаго озера, были сняты изображенія животныхъ, людей и различныхъ фигуръ и знаковъ, выдолбленныя на скалахъ или писанныя на нихъ краскою. Какія могутъ быть сдѣланы сообщенія о не опубликованныхъ до настоящаго времени подобнаго рода надписяхъ, съ точнымъ описаніемъ мѣстностей, въ которыхъ онѣ встрѣчаются? Желательно получить новыя точныя копіи или оттиски на бумагѣ съ обнаруженныхъ уже такихъ надписей. Равнымъ образомъ желательно получить подлинныя деревянные или костяные календари, съ вырѣзанными на нихъ знаками для обозначенія временъ года, мѣсяцевъ и дней, встрѣчающіеся у инородческихъ племенъ. Любопытно было бы доставленіе копій съ тамгъ, тугръ или тавръ, служащихъ знаками собственности какъ на отдѣльныхъ предметахъ хозяйства, такъ и на скотѣ и на вспаханныхъ поляхъ.

4) Не употребляются ли гдѣ-нибудь въ Россіи до сихъ поръ каменные орудія въ родѣ молотовъ и т. п.?

б) *Археологія русская.*

5) Нѣтъ ли въ Сибири такихъ же городищъ (валовъ совершенно округленныхъ со входомъ и безъ входа или полукруглыхъ), какія находятся въ средней европейской Россіи и въ средней Европѣ, и если есть, то гдѣ, какого вида и какой величины? При отвѣтахъ желательно было бы получить рисунки самихъ городищъ.

6) Гдѣ находится теперь Роговолодовъ камень съ записью 6679 — 1171 года? И вѣренъ ли снимокъ съ нея, изданный академикомъ *Кепеномъ* въ 3 томѣ Ученыхъ Записокъ Императорской Академіи Наукъ въ 1855 году?

7) Уцѣлѣли ли Двинскіе камни съ записями и нѣтъ ли вѣрныхъ снимковъ съ этихъ записей?

8) Какіе камни съ записями уцѣлѣли въ юго-западномъ краѣ, особенно на Волыни?

9) Кромѣ иконныхъ изображеній святыхъ Владиміра, Бориса и Глѣба, нѣтъ ли подобныхъ же изображеній и другихъ святыхъ князей въ такомъ же древнемъ одѣяніи (въ короткомъ безъ рукавовъ плащѣ)?

10) Какія изображенія князей древняго времени находятся въ древнихъ рукописяхъ?

11) Сохранились ли остатки древняго вала, уже бывшаго при Владимірѣ Святѣмъ южнѣ Кіева на границѣ земли Печенѣговъ, и въ какомъ видѣ?

Примѣчаніе. Новые вопросы могутъ быть присылаемы въ предварительный комитетъ въ Москву, на имя предсѣдателя комитета графа Алексѣя Сергѣевича Уварова (въ Московское Археологическое Общество, на Малой Дмитровке, домъ Воейковой), и въ Петербургъ, на имя помощника предсѣдателя комитета Владимира Владиміровича Вельяминова-Зернова (въ Императорское Русское Археологическое Общество, на Литейной, домъ № 46). Лица, предложившія вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ на себя обязанность представить по нему къ сѣзду докладъ или сообщеніе.

Предварительный Комитетъ проситъ также всѣ ученыя учрежденія и общества, а также всѣхъ археологовъ и вообще любителей археологическихъ занятій, сообщить къ сѣзду свѣдѣнія объ ихъ трудахъ и предпріятіяхъ по части археологіи, сколь возможно подробныя.

УКАЗАТЕЛЬ Вновь ВЫШЕДШИХЪ КНИГЪ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

I. БОГОСЛОВІЕ.

Гудеръ, Е. Бесѣда о воскресеніи Иисуса Христа. Переводъ съ французскаго перевода, сдѣланнаго съ нѣмецкаго языка, пасторомъ *Руффе*. Сиб. 1869. 8°, 32 стр. (Въ приложеніи къ соч. *Прессансе*: Иисусъ Христосъ и его время).

Гумилевскій, Стефанъ, протоіерей. Краткое изъясненіе литургіи, изложенное въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изданіе 9-е, Кораблева и Сиракова. Сиб. Тип. М. А. Ефимьева. 1868. (на обложкѣ 1869). 8°, 1 стр. оглавл. и 56 стр.

Катихизисъ (краткій) для учащагося въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ юношества римско-католическаго исповѣданія. Составленный по Высочайшему повелѣнію (Переводъ съ польскаго языка, по экземпляру, изданному по распоряженію Виленскаго учебнаго округа, въ Вильнѣ, въ 1855 году). Съ присоединеніемъ молитвъ на русскомъ языкѣ, одобренныхъ къ напечатанію управляющимъ Могилевскою римско-католическою архіепископіею, епископомъ суффраганомъ Станескимъ. Изданіе второе. Вильна. Изданіе и тип. книгопродавца-типографа А. Сыркина. 1869. 12°, 72 стр.

Молитвенникъ (толковій), или нужнѣйшія и важнѣйшія молитвы для православнаго, съ переводомъ на русскій языкъ и съ объясненіемъ ихъ значенія, кратко, ясно и общедоступно изложеннымъ. Сиб. Тип. В. Спиридонова. 1868 (на обложкѣ 1869). 16°, 141 стр., 1 картинка.

Мѣсяцесловъ всѣхъ святыхъ и праздниковъ на 1869 годъ. Съ приложеніемъ алфавита всѣхъ святыхъ и пасхалии съ 1869 по 1888 годъ. Сиб. Тип. В. Спиридонова. 1868 (на обложкѣ 1869). 32°, 138 стр.

Петровъ, Л., священникъ. Восточныя христіанскія общества. Краткій очеркъ ихъ минувшей судьбы и нынѣшняго состоянія. Опытъ историко-статистическій. — Армяно-Грегоріане. — Несторіане. — Яковиты. — Копты. — Абиссинцы. — Римскіе униаты. Сиб. Тип. морск. минист. 1869. 8°, 5 нумеровъ. и 97 стр., 1 карта. Цѣна 1 руб.

Прессансе, Эдмондъ. Иисусъ Христосъ и его время. Переводъ съ французскаго. Сиб. Тип. Головачова. 8°, 1 нумеровъ., VIII и 178 стр. Цѣна 1 руб. (Матеріализмъ, наука и христіанство. Сборникъ сочиненій извѣстныхъ писателей. V). Въ приложеніи къ этому сочиненію брошюра: „Бесѣда о воскресеніи Иисуса Христа“.

Стульцевъ, С. Д. Мѣсяцесловъ-календарь всѣхъ святыхъ и праздниковъ, съ прибавленіемъ пасхалии на 22 года. Сиб. Тип. Е. Куна. 1869. 16°, 115 стр. и 13 нумеровъ. стр. пасхалии. Цѣна 15 коп.

Указатель божественной службы для духовенства доминиканскаго ордена, содственный съ епархіальнымъ на 1869 годъ. Вильна. Тип. А. Сырвина. 1868. 12°, 83 стр. На русскомъ и латинскомъ языкахъ.

Указатель (церковный римско-католическій) святой литургіи и священническихъ молитвъ на 1869 годъ. Составленный по распоряженію его преосвященства господина Тельшевскаго или Самогитскаго епископа Матвѣя Базиліра Волончевскаго. Вильна. 1868. Тип. М. Р. Ромма. 12°, 154 и 68 стр.

II. ФИЛОСОФІЯ И ПЕДАГОГІЯ.

Книги для дѣтскаго чтенія.

Годъ изъ дѣтской жизни. Нравоучительныя повѣсти для дѣтей. Изданіе Я. А. Исакова. Спб. 1869. Тип. Гогенфельдена и К° 8°, 210 стр. и 1 стр. оглавл., 5 картинокъ. (Первое изданіе 1-й части этой книги было издано подъ названіемъ „Полгода“ въ 1860 году).

Искуль, баронесса Юлія фонъ. Одинокій сочельникъ Рождества Христова. Подарокъ на елку, радость и утѣшеніе дарующимъ, изданный баронессою Екате. фонъ-Искуль. Перев. съ нѣмецкаго Спб. Тип. Е. Веллинга. 8°, 16 стр.

Лабуль, Эдуардъ. Новыя сказки. — Бриамъ - дуракъ. — Сѣренкій человѣчекъ. — Зербинъ-бирюкъ. — Паша-пастухъ. — Перлино. Рисунки Жана д'Аржана. Изданіе Н. И. Ламанскаго. Спб. Тип. А. Траншея. 1869. 8°, 118 стр. и 4 картинки.

Мажень, А. Ученое путешествіе по моему кабинету. Переводъ съ французскаго. Чтеніе для юношества. Спб. Тип. Н. Тиблена (Н. Неклюдова). 1869. 8°, 4 нумеров., IV и 223 стр.

Мекинтошъ, миссъ. Американскіе разказы для дѣтей. Переводъ съ англійскаго. Съ 120 рисунками въ текстѣ. Томъ I. Джесси Грегэмъ, Алиса Скоттъ, Елена Лесли. Томъ II. Флора Арноттъ, Грація и Клара, Эмилиа Гербертъ. Изданіе и тип. М. О. Вольфа. Спб. 1869. 8°, т. 1-й: 2 нумеров., 322 и 1 стр. оглавл.; т. 2-й: 2 нумеров., 347 и 1 стр. оглавл.; съ картинками. Цѣна 2 руб.

Навъ-Карпантъе, г-жа. Обо всемъ по немногу. Разказы для малыхъ дѣтей. (Удостоенное награды отъ французской академіи наукъ). Переводъ съ французскаго. Изд. и тип. М. О. Вольфа. Спб. 1869. 8° II и 219 стр., 4 картинки. Цѣна 1 руб.

Повѣсти и разказы для маленькихъ дѣтей. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ картинками. Изданіе Андреева. Москва. Тип. Шюманъ. 1869. 18° 36 стр. и 18 картинокъ. Цѣна 60 коп.

Путешествіе Гулливера въ Ляллипутъ, Бробдиньягъ и въ страну Гуинмовъ. Сочиненіе Свифта. Переводъ съ англійскаго. Сокращено для юношества. Съ 57 рисунками въ текстѣ. Изданіе и тип. М. О. Вольфа. Спб. 1869. 8°, IV и 257 стр. Цѣна 1 руб.

Робинсонъ (швейцарскій). Переводъ съ французскаго. Второе изданіе Я. А. Исакова. Съ 10 полнотипажамъ, гравир. Гогенфельденомъ. Спб. Тип. В. Безобразова. 8°, 191 стр.

Сетюръ, графиня (урожд. Росточина). Сонины проказы. Переводъ съ французскаго, украшенный 48 рисунками. Изданіе и тип. М. О. Вольфа. Спб. 1869. 8°, 255 стр. и 1 стр. оглавл. 12 картинокъ. Цѣна 1 руб.

Соколовскій, А. Подарокъ на елку. Описаніе приготовленія и употребленія весьма интересныхъ различныхъ игръ одиночныхъ, парами и группами. Спб. Тип. Н. Тиблена и К^о (Н. Неклюдова). 1869. 8°, 4 нумеров., 80 и 2 стр. оглавл., 24 листа рисунковъ.

Стихотворенія (поздравительныя) для дѣтей, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. На новый годъ, Свѣтлое Христово Воскресенье, Рождество Христово, день ангела и рожденія родителей, съ присовокупленіемъ двухъ радей. Изданіе 2-е. *О. Антоновича* и *I. Chokin*. Тип. Р. Голике. 1869, 16°, 63 стр.

Чистяковъ, М. Повѣсти и сказки для дѣтей отъ 12 до 15 лѣтъ. Второе изданіе Я. А. Исакова. Спб. Тип. Гогенфельдена и К^о. 1869. 8°, 507 стр. и стр. оглавл., 7 картинокъ.

III. ИСТОРІЯ.

Съ ея вспомогательными науками.

Исторія.

Гонеггеръ, I. Исторія культуры девятнадцатаго вѣка. Томъ первый. Время первой имперіи. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Н. И. Ламанскаго. Спб. Тип. Г. Мюллера. 1869. 8°, XII и 324 стр.

Крачковскій, Ю. Очерки изъ русской исторіи. Выпускъ первый. Вильна. Печатня А. Сыркина. 1869. 8°, V, 240 и 2 стр. печат.

Максимовъ, С. О русскихъ людяхъ. Разказъ второй. Второе изданіе. Спб. Изданіе и тип. Товарищ. „Обществ. Польза“. 1869. 8°, 48 стр. Цѣна 6 коп.

Муравьевъ, Н. Н. (Карскій). Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году. Съ рисункомъ. Изд. Чертковской бібліотеки. Москва. Тип. А. И. Мамонтова. 1869. 8°, 1 стр. предисл., 462, 92, VIII, 1 и 1 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Подвысоцкій, А. Записки очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1861 и 1862 годахъ. Составлено по документамъ. Спб. Въ военн. тип. 1869. 8°, 2 нумеров. и 152 стр.

Тено, Эжень. Парижъ и провинція 2-го декабря 1851. Историческіе этюды и разказъ о переворотѣ 2-го декабря (изъ „Исторіи Крымской войны“) А. В. Книглюка. Изданіе книжнаго магазина Черкесова. Спб. Тип. Н. Тиблена и К^о (Н. Неклюдова). 12°, V, IV, VIII и 542 стр. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Шуфъ, Александръ. Разказы и біографическіе очерки изъ русской исторіи. Учебникъ для младшаго возраста. Москва. Тип. А. И. Мамонтова. 1869. 8°, XI и 129 стр.

Щебальскій, П. Чтеніе изъ русской исторіи (съ исхода XVII вѣка). Выпускъ второй. Изданіе третье. Москва. Въ унив. тип. 1869. 8°, 158 и IV стр.

Географія и путешествія.

Венюковъ, М. Очерки Японіи. Съ картою. Спб. Тип. имп. акад. наукъ. 1869. 8°, 4 нумеров., 441 и 3 нумеров. стр.; 1 карта.

Евстигѣевъ, М. Описаніе Иерусалима и его замѣчательныхъ окрестностей. Съ приложеніемъ 11-ти рисунковъ въ текстѣ. Изданіе книгопродавца Мавухина. Москва. Тип. Косогорова. 1869. 4°, 30 стр.

Павловскій, Аркадій. Природа и люди. Курсъ географіи, содержащій опи-

саніе частей свѣта въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. *Европа*. Выпускъ 2-й. Спб. Тип. духовн. журн. „Странникъ“. 1869. 8°, 6 нумеров., 390 и 93 стр. (въ обоихъ выпускахъ; 1-й выпускъ вышелъ въ 1868 году). Цѣна 1 руб.

Смирновъ. К. Учебная книга сравнительной географіи. Азія, Африка, Америка и Австралія, въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназическій. 8-е изданіе, вновь исправленное. Спб. Тип. Э. Аригольда. 1869. 8°, 136 стр. Цѣна 60 коп.

Стахъевъ, Д. И. За Байкаломъ и на Амурѣ. Путевыя картины, Спб. Тип. Б. Вульфа. 1869. 8°, 347 стр.

Этнографія.

Сказки (народныя южно-русскія). Выпускъ 1-й. Издавъ И. Рудченко. Киѣвъ Тип. Е. Федорова. 1869. 8°, XI, III, 216 и 3 нумеров. стр. Цѣна 1 руб.

Хронологія.

Мѣсяцесловы, календари и т. п.

Альманахъ астролога на 1869 годъ. Спб. Тип. В. Спиридонова. 1868. 16°, 296 IV стр.

Для кабинетовъ и конторъ на 1869 годъ (365 листовъ). Ежедневное указаніе празднуемыхъ святыхъ, праздничныхъ и табельныхъ дней, постовъ, церковныхъ чтеній, времени восхожденія и захожденія солнца и проч. Спб. Тип. Ф. С. Сушинскаго. 32°.

Календарь для всѣхъ. 1869. Съ приложеніемъ 12-ти портретовъ и карты желѣзныхъ дорогъ Россіи. Изданіе В. Е. Генкеля. Спб. Тип. О. И. Бакста. 8°, 8 нумеров., 54, 372, 88 и 128 стр., 12 портретовъ, 1 карта.

Календарь для всѣхъ сословій на 1869 годъ. Къ календарю приложены: карта Россіи, съ обозначеніемъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ (готовыхъ и проектированныхъ), планы 29 городовъ, народный и земледѣльческій календари, хроника техническихъ новостей, описаніе петербургскихъ улицъ и домовъ, планы театровъ съ театральнымъ листкомъ и проч. Изданіе А. Гриневскаго. Спб. Тип. Тиблена и Б° (Н. Неклюдова). 8°. Годъ второй. 17 нумер., 424, 10 нумер. 65, II стр. оглавл., частныя объявленія, карта и планы. Цѣна 1 руб.

Календарь на 1869 годъ. Х. К. Крихъ и К°. Спб. Тип. В. Веллинга. 32°, 4 листка.

Календарь на 1869 годъ. Содержаніе: 1) святцы; 2) пасхація; 3) родительскія субботы; 4) сплошныя недѣли; 5) посты и проч. Спб. Тип. Н. Н. Михайлова. 16°, 30 стр. и 2 таблицы.

Календарь на 1869 простой годъ. Составилъ Н. Истоминонъ. Изданіе Глушкова. Москва. Тип. П. А. Глушкова. 1868. 4°, 16 стр.

Календарь хозяйственно-коммерческій на 1869 годъ. Вильна. Тип. М. Р. Ромма. 1868. 4°, 106 и 12 стр.

Календарь (всеобщій) на 1869 годъ. Съ приложеніемъ: таблицы домовъ и улицъ С.-Петербурга, составленной въ алфавитномъ порядкѣ по направленію улицъ и указывающей, чей домъ въ какой части и въ которыхъ полицейскомъ и

мировомъ участвахъ состоятъ, новѣйшаго плана С.-Петербургскихъ и Московскихъ театровъ и стѣннаго календаря. Изданіе Германа Гоппе. Спб. Тип. А. Траншеля. 8°, 4 нумер., 411, 570, 160 стр. и множество приложений.

Календарь (Вятскій) на 1869 годъ. Изданіе дѣйствительнаго члена Вятскаго губернскаго статистическаго комитета *Владимира Фармаковского*. Вятка. Тип. губ. правл. 1868. 16°, 145 и III стр.

Календарь (иллюстрированный). 1869. Изданіе А. Баумана. Спб. Тип. имп. акад. наукъ. 4°, 342 и 2 стр. оглавл., 2 портрета, 4 картинки.

Календарь (карманный) на 1869 годъ. Изданіе имп. акад. наукъ. Спб. 12°, 24 стр.

Календарь (карманный) на 1869 годъ. Москва. Тип. А. И. Мамонтова. 16°, 36 стр. Цѣна 10 коп.

Календарь (Кіевскій народный) (мѣсяцесловъ) на 1869 (простой) годъ. Годъ 5-й. Съ картою Европейской Россіи. Кіевъ. Тип. университета. 1868. 8°, 166 стр.

Календарь (коммерческій) на 1869 годъ (годъ четвертый), издаваемый подъ редакціею *Ө. П. Баймакова*. Съ приложеніемъ подробной карты россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Спб. Тип. И. Шумахера. 8°, VIII 344, 6, 4, 2, 94 стр. 1 карта и 44 стр. частн. объявленій.

Календарь (маленькій) на 1869 годъ. Москва. Тип. А. И. Мамонтова. 18°, 36 и 1 стр. опечатокъ. Цѣна 5 коп.

Календарь (народный) для южной Россіи на 1869. Годъ четвертый. Изданіе *Ив. Федорова* и *К^о*. Одесса. Тип. Л. Нитче. 1868. 4°, 1 нумер. и 90 стр.

Календарь (настольный) на 1869 годъ. Трудъ *И. И. Рынкевича*, бывшаго составителя „Всеобщаго календаря“ и „Адресной книги Петербурга“. Изданіе *М. О. Вольфа*. Спб. Тип. Тиблена и морск. минист. 1868. 8°, 2 нумер., II, IV, 2 нумер., 298, 340 стр., частныя объявленія и 2 таблицы монеть. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Календарь (современный русскій) на 1869 годъ. Москва. Тип. Грачева и *К^о*. 4°, 52 стр.

Календарь (стѣнной). 1869. Изданіе Германа Гоппе. Спб. Тип. К. Куна, открыт. листь.

Календарь (стѣнной) на 1869 годъ. Изданіе имп. акад. наукъ. Спб. Открыт. листь. Цѣна 10 коп.

Календарь (стѣнной) на 1869 годъ. Спб. Тип. Хотинскаго. Отдѣльные листки на каждый день.

Календарь-альманахъ (женскій) на 1869 годъ. Изданіе *Э. К. Фосса*. Спб. Тип. М. А. Ефимьева. 1869. 8°, 196, 190, 15 стр. и 6 женскихъ портретовъ.

Мѣсяцесловъ на 1869 годъ. Изданіе имп. акад. наукъ. Спб. 8°, 342 и 9 стр., 1 портретъ. Цѣна въ листахъ 80 коп.

Мѣсяцесловъ, святцы и справочная книжка на 1869 годъ. Изданіе *В. Е. Генкеля*. Спб. Тип. М. А. Ефимьева. 8°, 4 и 2 нумер., 277 стр. и нѣсколько листъ. разн. объявленій.

Мѣсяцесловъ (западно-русскій) на 1869 годъ. Изданіе *А. Сыркина*. Вильна. Тип. А. Сыркина. 1868. 4°, 72 стр.

Мѣсяцесловъ (православный русскій) (календарь) на 1869 годъ. Составилъ *Окт. Мильчевскій*. Издавъ *С. Леухинъ*. Москва. Тип. В. Бахметева. 4° 32 стр.

Мѣсяцесловъ (руско-литовскій) на 1869 годъ. Русинкай - Летувишкасис календорюсъ антъ 1869 лѣту. Вильна. Печатня А. Сыркина. 1868. 4°, 65 и 1 стр. оглавл.

Мѣсяцесловъ (сѣверо-западный) на 1869 годъ. Изданіе М. Р. Ромма. Вильна. Тип. М. Р. Ромма. 1868. 4°.

Пятикошѣчникъ. Карманный календарь на 1869 годъ. Для самыхъ необходимыхъ справокъ. Изданіе первой гласной кассы ссудъ. Съ приложеніемъ объявленій. Составлялъ П. Ландсбергъ. Спб. Тип. Ефимьева. 1868. 16°. Годъ 2-й. 59 и 4 нумер. стр.

Пятикошѣчникъ. Полный разнообразныхъ справокъ карманный календарь на 1869 годъ. Съ приложеніемъ: миниатюрной табели на 1869 годъ и восьми плановъ С.-Петербургскихъ театровъ. Годъ 2-й. Изданіе второе, исправл. и значительно дополненное. Изданіе первой гласной кассы ссудъ. Спб. Тип. А. Траншеля. 16°. 182 стр.

Святцы (полные) и русскій постоянный календарь, для деревенскихъ хозяевъ. Изданіе товарищ. „Общественная Польза“. Спб. 1869. 8°, Цѣна 35 коп.

Табель на 1869 годъ. Изданіе имп. акад. наукъ. Спб., открыт. листъ. Цѣна 10 коп.

IV. ПРАВОВѢДѢНІЕ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ, ФИНАНСЫ, ТОРГОВЛЯ И ПРОЧ.

Валицкій, Е. Г. „Земскія учрежденія“. Настольная книга для земскихъ учреждений, равно какъ и для всѣхъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ земствомъ, которую можно пользоваться безъ помощи свода законовъ. Москва. Тип. Т. Рисъ. 1869. 8°, 339 и V стр.

Кавустицъ, А. Д. Защитникъ, руководитель и посредникъ въ дѣлахъ по судопроизводству гражданскому и уголовному. Справочная подручная книга для всѣхъ, имѣющихъ дѣла у мировыхъ судей, въ ихъ сѣздахъ, въ окружныхъ судахъ, судебныхъ палатахъ и у нотариуса. Съ прибавленіемъ: образцовъ, формъ и проч. 6 частей. Москва. Тип. С. Орлова. 1869. 18°, 595 и XII стр.

Кавустицъ, А. Д. Полное собраніе существующихъ узаконеній съ измѣненіями и дополненіями и съ изложеніемъ въ извлеченіи основныхъ законовъ, изданія 1867 года и продолж. 1863 и 1864 г. и съ рѣшеніями кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Въ шести томахъ. Изданіе второе. Москва. Тип. Вахметева. 1869. 8°. Томъ 1-й — 268 стр., т. 2-й — 613 и XIX стр., т. 3-й — 200 стр., т. 4-й — 288 стр. Цѣна 5 руб.

Кавустицъ, А. Д. X. томъ. Законы гражданскіе (изд. 1857 года и продолж. съ приложеніемъ XV тома наказаній уголовныхъ и исправительныхъ (изд. 1866 года). Извлеченія изъ положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Москва. Тип. Вахметева. 1869. 8°. 268 и 200 стр.

Максимовъ. Таблицы наказаній опредѣляемыхъ на основаніи военно-уголовныхъ законовъ. 2-е изданіе. Исправлено по воинскому уставу о наказанияхъ. Рассмотрѣно въ главномъ военно-судномъ управленіи. Спб. Тип. товарищ. „Общественная Польза“. 1869. Открыт. листъ.

Сводъ правительственныхъ распоряженій по акцизно-питейному сбору: циркуляры министерства финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, и проч. съ 1862 года по

1-е ноября 1868 года. Съ приложеніемъ устава о питейномъ сборѣ (по изданію 1867 года и редакціи 18-го іюня 1868 года), и съ приведеніемъ статей изъ другихъ томовъ св. зак., на которыя сдѣланы въ уставѣ ссылки. Москва. Тип. Т. Рись. 18^{68/69}. 8°, 2 нумер., XVI, 296, 2 нумер. и 160 стр.

Сводъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената и разъясненныя ими законоположенія. Изданіе Я. И. Утина. 3 части. Спб. 1868 — 1869. 8°.

Уставъ о векселяхъ. Т. XI. Ч. 2. Уст. торг., по изд. 1857 года и послѣдующимъ измѣненіямъ, съ разъясненіями по рѣшеніямъ кассационн. департаментъ О гербовомъ сборѣ съ векселей, заемныхъ писемъ и другихъ срочныхъ денежныхъ обязательствъ. Неофіціальное изданіе братьевъ Салаевыхъ. Москва. Тип. Грачева и К°. 1869. 16°. 40 стр. Цѣна 40 коп.

Уставы (судебные) 20-го ноября 1864 года. Дополненные всѣми позднѣйшими узаконеніями и разъясненныя по рѣшеніямъ кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената, со включеніемъ текста всѣхъ статей свода законовъ, на которыя сдѣланы въ уставахъ ссылки, съ приложеніемъ полного положенія о нотаріальной части и указателя сроковъ для тяжущихся, подсудимыхъ и свидѣтелей. Карманное (неофіціальное) изданіе. Москва. Тип. Бахметева. 1869. 12°. 764 и XXIV стр.

Уставы (судебные) 20-го ноября 1864 года съ разъясненіемъ ихъ по рѣшеніямъ кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Третіе, дополненное, изданіе. Спб. Тип. Ю. А. Бокрама. 1869. 16°. XXIV, 264, 219, 44 и 300 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Маклаверъ Николай. Монархъ (il principe). Перевелъ съ нѣмецкаго Федоръ Затлеръ. Спб. Тип. товарищ. „Общественная Польза“. 1869. 12°. II, XXXVI и 178 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Бехеръ, Эрнестъ. Рабочій вопросъ въ его современномъ значеніи и средства къ его разрѣшенію. Переведено подъ редакцію П. Н. Ткачева. Съ приложеніемъ уставовъ народнаго банка Прудона и уставовъ международной ассоціаціи рабочихъ. Изданіе книжнаго магазина Черкесова. Спб. Тип. А. М. Котмина. 1869. 8°. XXII, VIII и 460 стр.

Блашки, Ад. Исторія политической экономіи въ Европѣ съ древнѣйшаго до настоящаго времени съ приложеніемъ критической библіографіи политической экономіи. Съ 4-го изд. (1860), исправленнаго и снабженнаго примѣчаніями, перевелъ П. А. Бибиновъ. Томъ первый. Съ древнѣйшихъ временъ до восемнадцатаго вѣка. Спб. Тип. И. И. Глазунова. 1869. 8°. 402 стр. Цѣна за 2 тома 4 руб.

Гарнье, Жозефъ. Основныя понятія политической общественной или промышленной экономіи, съ присовокупленіемъ словаря экономического языка. Перевелъ съ 3-го исправленнаго и дополненнаго изданія Павель Бисловскій. Спб. Тип. А. Траншеля. 1869. 8°. 239, 6 стр. оглавл. и 1 стр. печат. Цѣна 1 руб.

Дауль, А. Женскій трудъ въ примѣненіи къ различнымъ отраслямъ промышленной дѣятельности. Очерки 600 ремеслъ и занятій. Часть первая. Переведено подъ редакцію П. Н. Ткачева. Съ приложеніемъ статьи П. Н. Тка-

чева „Женскій вопросъ“. Изданіе Трубниковой и Стасовой. Спб. Тип. Головачева. 1869. 8°. 3 нумер., LXV и 320 стр. Цѣна 1 руб.

Кэри. Руководство къ социальной наукѣ. Съ портретомъ автора. Перевелъ съ англійскаго кн. Л. Н. Шаховской. Выпускъ 2-й. Изданіе кн. Шаховскаго. Спб. Тип. департ. удѣловъ. 1869, 8°. (Выпускъ 1-й вышелъ въ 1866 году). 704 стр. Цѣна 2-му выпуску 2 руб.; а за оба вмѣстѣ 4 руб.

Миллеръ, Ф. В. Проституція. Соціально-медицинскій этюдъ. (Переводъ съ нѣмецкаго). Изданіе Гр. Немирова. Спб. Тип. В. Демакова. 1869. 8°. 56 стр. Цѣна 40 коп.

Ремсеръ, Вильгельмъ. Наука о народномъ хозяйствѣ въ отношеніи къ земледѣлю и другимъ отраслямъ первоначальной промышленности. Руководство и книга для чтенія государственнымъ и сельскимъ хозяевамъ. Переводъ М. Щепкина и Э. Циммерманна, съ 4-го нѣмецкаго дополн. и улучшеннаго изданія. Отдѣленіе первое. Москва. Тип. Грачева и К°. 1869. 8°. XI, 354 и 2 стр. опечат. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Бухгалтеръ (общій), или простой и легкій способъ какъ дѣлать разчеты по счетной выкладкѣ, не употребляя къ тому ариметтики, изъ разныхъ окладовъ жалованья казеннаго и партикулярнаго. Москва. Тип. П. А. Глушкова. 1869. 16°. IV, 187 стр. и 4 таблицы.

V. ТЕХНОЛОГІЯ.

Сельское и домашнее хозяйство; различныя ремесла и производства.

Гейденъ, Эдуардъ. Ученіе объ удобреніи. Учебникъ для употребленія при лекціяхъ въ высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ и для самообученія. Въ 2-хъ частяхъ. Часть первая, теоретическая. Переводъ слушателей Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи подъ редакціей профессора И. А. Стебута. Москва. Тип. А. Жарковой. 1869. 8°. XVI, 659 и 4 стр. опечат.

Занъваловъ, Александръ. Руководство къ разведенію огородныхъ растений. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Спб. Тип. имп. акад. наукъ. 1869. 8°. 16 стр.

Регель, Э. Однолѣтнія цвѣтушія растенія. Выборъ лучшихъ и уходъ за ними. (Изъ садоваго календаря на 1869 годъ). Спб. Тип. морск. минист. 1869. 8°. 52 стр.

Рудкій, Александръ. Справочная книга для лѣсничихъ. Составлена по порученію лѣснаго департамента. Часть первая. Лѣсоводство. Спб. Тип. Я. Троя, 1869. 8°. 2 и 195 стр. Цѣна 75 коп.

Совѣтовъ, А. О разведеніи кормовыхъ травъ на поляхъ. 3-е, исправл. и дополн. изданіе. Спб. Тип. товарищ. „Общественная Польза“. 1869. 8°. VII, III, 198 стр. Цѣна 1 руб.

Харламовъ, Н. Популярное изложеніе теоріи сельскаго хозяйства. Спб. Тип. Готенфельдена и К°. 1869. 8°. VIII и 135 стр.

Календарь (Кіевскій хозяйственный) на 1869 годъ отъ Р. X. Изданія годъ 4-й. Кіевъ. Тип. Сементовскаго. 1868. 4°. 24 стр.

Календарь (садовый) на 1869 годъ. Изданіе російскаго общества садоводства въ С.-Петербургѣ. Составленъ редакцію Вѣстника Садоводства. Спб. Тип. морск. минист. 1869. 8°. 2 нумер. и 310 стр. Цѣна 65 коп.

При немъ: **Пабеть, О.** Оранжерейныя растенія. Уходъ за ними въ нашемъ климатѣ. (Изъ Вѣстника Рос. Общ. Сад. 1868 года). 1869. 8°. 47 стр.

Книжка календарь (кабинетная памятная) на 1869. Москва. Тип. В. Готье. въ л. Цѣна 1 руб.

На каждый день 1869 года карманный календарь, приходо-расходная и памятная книжка. Годъ четвертый. Спб. Печатня В. И. Головина. 1868. 8°. 6 нумер., 172 и 1 нумер. стр.

Кюнъ, Н. Ф. Руководство къ выполнению малярныхъ работъ, съ подробнымъ описаніемъ приготовления и составленія масляныхъ красокъ, замазки и состава для шпательки, а также варки масла и т. п. Спб. Тип. Ю. Штауфа 1869. 8°. 76 стр. Цѣна 50 коп.

Сабайтсъвъ, Д. Нѣкоторые практическіе приемы въ чугунно-литейномъ производствѣ. Изданіе редакціи журнала „Технической Сборникъ“. Спб. Тип. Ю. А. Бокрама. 1869. 8°. 16 стр.

VI. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Вагнеръ, Герм. Краткая естественная исторія, съ 15-ю раскрашенными таблицами и 32 фиг. въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго П. А. Петрова. Изданіе Эмиля Берйдта. Одесса. Тип. Л. Натче. 1869. 8. 2 нумер. и 328 стр., 15 таблицъ.

Горизонтовъ, А. Естественная исторія для женскихъ учебныхъ заведеній и для домашняго обученія. Седьмое изданіе. Спб. Изданіе и типогр. товар. „Обществ. Польза“. 1869. 8° 4 нумер. и 480 стр. Цѣна 2 руб.

Новаковский, В. Дивенъ Богъ въ дѣлахъ своихъ. Чтеніе для народа. Спб. Типогр. товарищ. „Обществ. Польза“. 1869. 16°. 31 стр. Цѣна 10 коп.

Свѣтъ Божій. Переводъ съ южно-русскаго. Изданіе книжнаго магазина Черкесова. Спб. Типогр. Н. Тиблена. 1869. 8°. 107 и 1 стр. оглав. (космич. и физич. географія.)

Стенановъ, П. Естественная исторія для первоначальнаго ознакомленія съ природою. Составлена по Бауману. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное; съ 277 рисунками въ текстѣ. Спб. Типогр. товар. „Обществ. Польза“ 1869. 16°, 2 нумер. II, IV и 336 стр.

Вопросы (Современные) антропологии. Сборникъ новѣйшихъ изслѣдованій о природѣ, челоѣкѣ и обществѣ.

Отдѣлъ первый. I. Взглядъ на первобытныя времена челоѣческаго рода. Соч. *К. Форта*. II. Методы и результаты этнографіи. Соч. *Гэксли*. III. Бытъ дикихъ народовъ. Соч. *Шаффгаузена*. IV. Физиологія языка. Соч. *Вундта*.

Отдѣлъ второй. I. Устройство вселенной. Соч. *Делонъ*. II. Первобытное состояніе челоѣка и начало цивилизаціи. Соч. *Лоббока*. III. О нѣкоторыхъ

условіяхъ умственнаго развитія. Соч. *Киндома-Клиффорда*. IV. Языкъ, языки, и народы. Соч. *Куриуса*. Изданіе Н. И. Ламанскаго. Спб. Тип. Г. Мюллера 1868 — 1869. 8°.

Учебникъ (краткій) зоологіи. 2-е вполне передѣланное изданіе подъ редакціей А. Ковалевскаго. Первая половина. Изданіе В. Ковалевскаго. Спб. Тип. Германа Мюллера. 1869. 8°. 276 стр. (Цѣна обѣихъ частей 1 руб. 50 к.)

Тиндаль, Джонъ. Тепло и холодъ. Шесть лекцій читанныхъ дѣтямъ. Переводъ подъ редакціей П. А. Хлѣбникова. Изданіе В. Ковалевскаго. Спб. Тип. Ф. С. Суцискаго. 1869. 12°. II и 128 стр. Цѣна 75 коп.

Цюрхеръ и Морголае. Вулканы и землетрясенія. Съ французскаго перевелъ А. Дитловъ. Съ 62 картинками въ текстѣ. Спб. Изданіе и Тип. товар. „Общ. Польза“. 1869. 16°, VII и 336 стр. Цѣна 1 руб.

Оливеръ, Д. Уроки элементарной ботаники. Переведено съ нѣкоторыми измѣненіями подъ редакціей А. Герда. Съ 181 рисункомъ въ текстѣ. Изданіе В. Ковалевскаго. Спб. Тип. Ф. С. Суцискаго. 1869. 8°. II, 214, V и IV стр. Цѣна 1 руб.

Морицъ, А. Кавказскія эфемериды на 1868 и 1869 годы. Изданіе Тифлисской физической обсерваторіи. Тифлисъ. Тип. главн. упр. Намѣсти. Кавк. 1868. 8°, 83 и IX стр.

VII. МЕДИЦИНА.

Бекъ. Будьте здоровы! Популярно-медицинскія бесѣды. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе пятое, исправленное и дополненное подъ редакціей П. Конради. Изданіе В. Е. Генкеля. Спб. Тип. морск. минист. 1869. 8°. 5 нумер. 279 и III стр. Цѣна 1 руб. сер.

Виниескій и Бергманъ. Руководство къ обученію фельдшеровъ. Спб. Тип. департ. удѣловъ. 1869. 8°, 272 стр. Цѣна 1 руб.

Гартманъ. Нѣтъ больше пьянства. Общенародный лѣчебникъ для всего свѣта и отъ всѣхъ видовъ пьянства и залоя. Нравственныя и медицинскія пособія. Москва. Тип. Бахметева. 1869. 16°. 127 и III стр. Цѣна 1 руб.

Гезеллусъ, Фр. Діететика преклоннаго возраста. Искусство сохранить силы и здоровье въ преклонныхъ лѣтахъ. Изданіе В. Гольдшмидта. Спб. Тип. Неклюдова и К°. 1869. 24°. 6 нумер. и 79 стр. (Популярная медицинская бібліотека, выпускъ III.) Цѣна 30 коп.

Гезеллусъ, Фр. О вліяніи погоды, жилища и мѣстности на здоровье чело-вѣка. Изданіе В. Гольдшмидта. Спб. Тип. Неклюдова. 1869. 24°, 7 нумер. и 122 стр. (Популярная медицинская бібліотека, выпускъ V.) Цѣна 25 коп.

Гезеллусъ, Фр. Уходъ за кожей и волосами. Искусство сохранить красоту и здоровье этихъ органовъ. Изданіе В. Гольшмидта. Спб. Тип. Неклюдова. 1869. 12°. 6 нумер. и 73 стр. (Популярная медицинская бібліотека, выпускъ IV.) Цѣна 30 коп.

Гезеллусъ, Фр. Русскій медицинскій календарь на 1869 годъ. Годъ третій. Изданіе К. Риккера, подъ фирмою: А. Мюнхъ. Спб. Тип. Хотинскаго. 1869 16°. 184, 202 и 28 стр. 1 рисунокъ и множество частн. объявленій.

Лекціи современныхъ нѣмецкихъ клиницистовъ, издаваемыя Ю. Гольдендахомъ. Годъ первый. 1867 — 1868. Москва. Тип. А. И. Мамонтова. 1869. 8°, (3 книжки.) Цѣна 1 руб. 25 коп. (Выходятъ въ свободные сроки, книжками отъ 10 до 13 листовъ.)

Фриковъ, В. О содержаніи и сохраненіи зубовъ. Популярное сочиненіе. Изданіе В. Гольшмидта. Спб. Тип. К. Вульфа. 1869. 8°. 38 стр. Цѣна 25 коп. (популярная медицинская библіотека, выпускъ VII.)

Шимаповскій, Ю. Операции внутри человѣческаго тѣла. Оперативной хирургіи часть третья. Изданіе И. Папина. Выпускъ 2-й. Спб. Тип. мин. внутр. дѣлъ. 1869. 8°. (Вып. 1-й вышелъ въ 1868 г.) Цѣна за два выпуска 4 руб. сер. (Изданіе не окончено.)

VIII. МАТЕМАТИКА.

Дмитріевъ, А. Начальныя основанія прямолинейной тригонометріи. Составлено по порученію начальства морскаго кадетскаго корпуса. Одобрено ученнымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ св. синода. Изданіе третье. Съ двумя таблицами чертежей и съ четырьмя политипажами. Спб. Тип. Якобсона. 1869. 8°. Цѣна 75 коп.

Мквиць. Начальныя основанія прямолинейной тригонометріи, низшей геодезіи и приложенія алгебры къ геометріи. Изданіе второе. Спб. Тип. Э. Аригольда. 1869. 8°. VII и 195 стр., 8 лист. чертежей.

Сазоновъ, Н. Таблицы для вычисленія курсовъ на С.-Петербургъ, Финляндію и Парижъ. Cours-Calculations-Tabellen auf St.-Petersburg, Finnland und Paris. Спб. Тип. М. А. Ефимьева. 1869. 16°. 8 нумер., 130, 6 нумер. и 35 стр.

IX. ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Карѣвъ, Никол. Фонетическая и графическая система древняго эллинскаго языка. Москва. Тип. Т. Рись. 1869. 8°. 32 стр. Цѣна 45 коп.

Кремеръ, Я. Учебникъ для переводовъ съ греческаго языка на русскій и съ русскаго на греческій. Составленный по грамматикамъ Курціуса и Кюнера К. Шенклемъ, обработанный для русскихъ гимназій. Изданіе братьевъ Салаевыхъ. Москва. Тип. Т. Рись. 1869. 8°. I и 264 стр. Цѣна 1 руб. 25 к.

Михельсонъ. 30.000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскій языкъ, съ объясненіемъ ихъ корней. Составлено по словарямъ Гейзе, Рейфа и другихъ. 2-е исправленное изданіе. Москва. Тип. Бахметева. 1869. 8°. 4 нумер. и 560 стр. Цѣна 2 руб.

Соснецкій, Иванъ. Учебникъ русскаго языка для уѣздныхъ училищъ и низшихъ классовъ гимназій. Изданіе пятое, исправленное и дополненное. Учебникъ одобренъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Изданіе М. О. Вольфа. Спб. 1869. 8°. II и 221 стр.

Ушинскій, К. Родное Слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ второй. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія, съ картинками въ текстѣ. Изданіе 6-е. Спб. Тип. Ф. С. Сушинскаго. 1869. 8°. 165 и IV стр. (Годъ 1-й вышелъ въ 1868 г.)

X. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Алабинъ, П. Понятное для простолюдиновъ изъ сочиненій нѣкоторыхъ русскихъ писателей. Изданіе второе. Изданіе товарищ. „Обществ. Польза“. Спб. 1869. 8°. IV и 288 стр.

Баратынскій, Евгенийъ Абрамовичъ. Сочиненія. Съ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, его письмами и биографическими о немъ свѣдѣніями. Свѣрено съ прежними изданіями. Москва. Тип. Грачева и К°. 1869. 8°. X. 519 и 1 стр. опечатокъ, 1 портретъ и 1 снимокъ.

Пушкинъ, А. С. Борисъ Годуновъ. Трагедія. Съ учебными примѣчаніями преподавателя В. А. Яковлева. Изданіе Я. А. Исакова. Спб. Тип. Гогенфельдена и К°. 1869. 8°. VIII и 110 стр. (Классная бібліотека. Литературное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ 1-й).

XI. СВОБОДНЫЯ ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВА.

Аделина Патти, ея жизнь и артистическая дѣятельность. Передѣлано съ французскаго съ дополненіями. Спб. 1869. 8°. 2 нумерован. и 40 стр. Цѣна 25 коп.

Каталогъ (2-й) музыкальныхъ сочиненій, продающимся въ музыкальномъ магазинѣ Александра Богдановича Гутхейль. Москва. Тип. Шюманъ и Глушкова. 1869. 4°. 4 нумер., IV и 132 стр.

Колльнаръ (де). Практическій самоучитель бальныхъ танцевъ для обоого пола. Легкій способъ выучиться безъ помощи учителя всѣмъ бальнымъ танцамъ въ короткое время. Съ приложеніемъ правилъ, какъ держать себя въ обществѣ. Съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Москва. Тип. Шюманъ. 1869. 18° 70 и 1 стр. оглавлен. Цѣна 1 руб.

Шуманиъ, Р. Жизненные правила для молодыхъ музыкантовъ. Переводъ П. И. Чайковскаго. Изданіе П. И. Юргенсона. Москва. Тип. университет. 1869. 16° 29 стр.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИНТЕРЕСЫ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ВАРШАВСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

„Воля Государя Императора состоитъ въ томъ, чтобы доставить жителямъ этого (Привислянскаго) края всевозможныя средства къ образованію ихъ дѣтей, — разумѣется, съ тѣмъ чтобы оно послужило не во вредъ, а къ пользѣ государства“... „Государь Императоръ, такъ щедро надѣлившій этотъ край средствами къ образованію, имѣетъ полное основаніе надѣяться, что они послужатъ не къ отчужденію, а къ сближенію его съ остальными частями Имперіи“. ¹⁾ Въ этихъ достопамятныхъ словахъ заключается, можно сказать, цѣлая программа правительственныхъ дѣйствій въ отношеніи къ учебной части недавно присоединеннаго къ министерству народнаго просвѣщенія Варшавскаго учебнаго округа.

Было время — оно наступило вслѣдъ за мятежемъ 1831 года — когда жители Привислянскаго края были стѣснены въ средствахъ къ образованію своихъ дѣтей, когда въ мѣстныхъ гимназіяхъ солидное образованіе было искусственно замѣнено утилитарнымъ направленіемъ, когда высшее научное образованіе можно было получать только вдали отъ родины, въ университетахъ Имперіи или за границей. Затѣмъ наступила другая эпоха, которую можно обозначить именемъ маркиза Велепольскаго, когда средства къ образованію начали все болѣе и болѣе размножаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ образованіе это все болѣе и болѣе было направляемо не къ пользѣ государства, а во вредъ ему, а слѣдовательно, и во вредъ всему учащемуся юношеству, не къ сближенію

¹⁾ См. рѣчь г. министра народнаго просвѣщенія въ Варшавѣ, 12-го сентября 1868 года (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за сентябрь 1868, Совр. Лѣт. стр. 383 и 385).

края съ остальными частями Имперіи, чего требовали самые существенные его интересы, но все къ большому его отчужденію. Эпоха эта, какъ и слѣдовало ожидать, заключилась открытымъ мятежемъ, въ которомъ не безучастны были, и школы и учившаяся въ нихъ молодежь. Мятежь этотъ обнаружилъ одновременно, и пагубныя послѣдствія непосредственно предшествовавшей ему системы образованія, отчуждавшаго край отъ остальныхъ частей Имперіи, и горькіе плоды прежняго недовѣрія къ образованію вообще, — недовѣрія, которое, затрудняя распространеніе свѣта науки среди классовъ населенія, обыкновенно ищущихъ его, тѣмъ самымъ подчиняло ихъ вліянію опасныхъ и вредныхъ политическихъ мечтателей и утопистовъ. Правительство не могло не убѣдиться, что оно не можетъ безъ крайняго вреда для себя, для своего авторитета и для интересовъ края и всего государства, ни быть въ разладѣ съ интересами просвѣщенія, — тѣмъ болѣе, что защищая дѣло правое, оно не имѣетъ ни малѣйшаго основанія бояться свѣта науки, — ни терпѣть, чтобы народное образованіе стало орудіемъ политическихъ страстей, направленныхъ къ ниспроверженію государственнаго порядка. Результатомъ этого убѣжденія были законодательныя мѣры 1864 года, въ которыхъ, при всемъ ихъ превосходствѣ сравнительно съ прежними порядками, предполагалось однако же возсоздать учебную часть Привислянскаго края на основаніи 1) такъ-называемаго начала національностей и 2) начала, которое можно выразить словами: *просвѣщеніе для просвѣщенія*. Система эта для той переходной поры, когда дѣло шло еще, такъ-сказать, о матеріальномъ умиротвореніи края, имѣла свои несомнѣнныя достоинства; но и сама она, очевидно, имѣла лишь переходный характеръ. Дѣйствительно, въ Привислянскомъ краѣ живутъ не одни Поляки, а частью смѣшанно съ ними, частью отдѣльно отъ нихъ, болѣе или менѣе сплошными массами, Русскіе, Литовцы, Нѣмцы и Евреи. Нѣтъ сомнѣнія, что невозможно было допустить, чтобы какая-либо изъ этихъ частей населенія была ополчиваема, и притомъ въ школахъ, устроенныхъ русскимъ правительствомъ или подлежащихъ его надзору, и вмѣстѣ съ полонизмомъ проникалась чувствомъ вражды и ненависти къ своему настоящему отечеству — Россіи: во всякомъ случаѣ было и лучше, и разумнѣе, чтобы каждая изъ нихъ имѣла свои особыя школы, приуроченныя къ ея племеннымъ особенностямъ. Такимъ образомъ въ краѣ возникли особыя училища русскія (греко-уніатскія), литовскія и нѣмецкія, рядомъ съ польскими. Но на первыхъ же порахъ должны были представиться и существенныя затрудненія, и крайнія неудобства

этой системы. Въ край около 650 тысячъ Евреевъ, располагающихъ всѣмъ торговымъ и промышленнымъ движеніемъ его и всѣми капиталами. Чтò было дѣлать съ этою значительною, повсюду разбросанною массою населенія? Къ какой „національности“ приурочить ее? Къ еврейской? Но такой не имѣется. И въ пору своей политической самобытности, имѣя свое государство, свою страну, свой особый языкъ, Евреи, будучи по истинѣ особою націей, не считали себя однако же народомъ и противопоставали себя народамъ, „языкамъ“; но теперь они не имѣютъ ни одного изъ вышеупомянутыхъ признаковъ, безъ которыхъ не можетъ быть и рѣчи объ особой національности, и вездѣ, въ образованныхъ государствахъ Европы, за исключеніемъ однако же Россіи, они сливаются въ одно съ тою націей, среди которой живутъ, оставаясь Евреями только при отправленіи своихъ религіозныхъ обязанностей. Такія же стремленія были не разъ заявляемы Евреями и въ самой Россіи. Неужели же эту массу людей надлежало или ополчать, потому что они живутъ среди Поляковъ, подданныхъ Россіи, или онѣмечивать на томъ основаніи, что они въ домашнемъ быту своемъ употребляютъ особое, весьма впрочемъ искаженное нѣмецкое нарѣчіе или такъ-называемый еврейско-нѣмецкій жаргонъ? Ни то, ни другое не было бы согласно ни съ ихъ собственными интересами, которыми они вмѣстѣ со всѣмъ краемъ неразрывно связаны съ Россіей, ни съ интересами государства, котораго Привислянскій край составляетъ лишь одну нераздѣльную часть. Вопросъ о Евреяхъ получилъ самое разумное разрѣшеніе въ томъ смыслѣ, что какъ подданные Русскаго Государя они должны обучаться по русски: національность государства была признана національностью и этой сравнительно малой части его населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ связи съ этимъ вопросомъ, получили свое начало и такъ-называемыя смѣшанныя училища (именно гимназій), то-есть, такія учебныя заведенія, въ которыхъ учатся дѣти болѣе или менѣе различнаго происхожденія и въ которыхъ общимъ для всѣхъ языкомъ считается языкъ государства, котораго они готовятся быть гражданами то-есть, языкъ русскій, принятый вслѣдствіе того за языкъ преподаванія. Эти смѣшанныя гимназій были какъ дальнѣйшимъ развитіемъ, такъ и значительнымъ исправленіемъ системы 1864 года; но онѣ не устраняли всѣхъ ея неудобствъ и внутреннихъ, такъ-сказать, противорѣчій.

Возможно распредѣленіе по племенамъ низшихъ и среднихъ школъ, такъ какъ ихъ много; но какъ рѣшить вопросъ о высшемъ учебномъ заведеніи, единственномъ для дѣлага края? Принять ли во вниманіе,

на чьей сторонѣ большинство? Но въ такомъ случаѣ языкомъ тѣхъ населеній, которыя составляютъ меньшинство, пришлось бы пожертвовать и въ среднихъ, и даже въ низшихъ училищахъ, ибо въ правильно устроенной системѣ народнаго образованія они должны быть звеньями одной цѣпи, которая замыкается сверху университетомъ. Языкѣ, на которомъ науки преподаются въ университетѣ, въ концѣ концовъ рѣшаетъ вопросъ о языкѣ преподаванія и во всѣхъ прочихъ училищахъ, ибо всѣ они или готовятъ слушателей для университета, или получаютъ отъ него своихъ наставниковъ и руководителей. Въ данномъ случаѣ, если въ значительномъ числѣ гимназій было введено преподаваніе всѣхъ предметовъ на языкѣ русскомъ, не было ли бы крайнею непослѣдовательностью сохранить въ томъ заведеніи, къ которому онѣ примыкаютъ, преподаваніе польское?

Притомъ же, можно ли, въ точномъ смыслѣ слова, говорить о различныхъ національностяхъ, когда рѣчь идетъ о различныхъ по происхожденію, по языку и по вѣрѣ обитателяхъ Привислянскаго края? Всѣ эти различія встрѣчаются и въ Англии, и во Франціи, и въ Пруссіи, не говоря уже о Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и Швейцаріи, и однако же въ каждой изъ этихъ странъ признается лишь одна нація, именно та, которой само государство обязано своимъ существованіемъ. Если при устройствѣ учебной части въ Привислянскомъ краѣ, въ примѣненіи къ Евреямъ, была принята во вниманіе только національность государства, къ которому они принадлежатъ, то не слѣдовало ли это же самое начало примѣнить и ко всѣмъ прочимъ частямъ населенія края, такъ какъ всѣмъ имъ (за исключеніемъ, конечно, русскихъ обитателей) недостаетъ одного изъ самыхъ существенныхъ признаковъ особой національности, именно политической самобытности?

Точно также и другая особенность системы 1864 года подлежитъ многимъ возраженіямъ. Частныя лица, употребляя усилія для усвоенія себѣ общаго и научнаго образованія, могутъ, пожалуй, и не имѣть при этомъ никакихъ опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, и даже преждевременная забота о практическомъ примѣненіи приобретаемыхъ ими познаній можетъ существенно повредить умственному ихъ развитію и научному образованію. Но государство, устраивая учебныя заведенія на свои средства, не можетъ принять своимъ девизомъ *просвѣщеніе народа только для его просвѣщенія* и обязано по меньшей мѣрѣ позаботиться о томъ, чтобъ оно клонилось не къ ослабленію и расторженію, а къ скрѣпленію государственнаго союза между

всѣми его подданными. Для этого нѣтъ надобности изводить науку на степень орудія для пропаганды тѣхъ или другихъ политическихъ идей; но необходима такая организація учебныхъ заведеній, которая налагала бы на нихъ, на всѣхъ ихъ дѣятелей и питомцевъ, неизгладимую печать общегосударственной національности. Такъ и ведется дѣло народнаго образованія во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ міра, гдѣ великое политическое, объединяющее значеніе его вполне признано. Какого бы ни были происхожденія дѣти, поступающія въ школы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, но изъ этихъ школъ они выходятъ истыми Американцами. То же самое должно сказать о школахъ Англии, Франціи, Швейцаріи, Пруссіи, и т. д. Всѣ ихъ школы вообще, но въ особенности низшія и среднія, имѣютъ не космополитическій, а національный характеръ, не только по языку преподаванія, по происхожденію и духу наставниковъ и руководителей, но и потому, что вездѣ въ учебномъ планѣ выдвигается впередъ все отечественное, и на этой основѣ ведется все умственное и нравственное образованіе будущихъ гражданъ. Должна ли одна Россія, съ принадлежащими къ ней, неразрывно связанными съ нею частями ея, составлять въ этомъ отношеніи исключеніе изъ общаго правила и имѣть въ виду одни лишь отвлеченные, общіе всѣмъ народамъ интересы просвѣщенія, безъ ближайшаго ихъ примѣненія къ себѣ самой? Отвѣтомъ на это да послужать, въ ожиданіи самихъ фактовъ, слова, приведенныя въ самомъ началѣ настоящей статьи, которыя могутъ быть примѣнены столько же къ Привислянскому краю, сколько и ко всѣмъ другимъ составнымъ частямъ Имперіи, ибо надѣляя ихъ средствами къ образованію, Государь Императоръ имѣетъ полное основаніе надѣяться, что эти средства послужатъ не къ отчужденію, а къ сближенію ихъ съ остальною Россіей.

Если основныя начала дѣла представляются съ полною ясностью, то остается лишь изыскивать наилучшіе способы и средства къ осуществленію ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Съ этою именно цѣлью былъ предпринятъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, осмотръ учебныхъ заведеній Варшавскаго округа самимъ министромъ народнаго просвѣщенія, осмотръ, продолжавшійся съ 26-го августа по 31-е октября истекшаго года. Какіе же факты обнаружило и къ какимъ заключеніямъ привело это внимательное изученіе учебной части вновь образовавшагося округа?

Изъ 22-хъ мужскихъ гимназій и прогимназій были осмотрѣны г. министромъ народнаго просвѣщенія 20 гимназій и 1 прогимназія. Съ

начала 1868—69 академическаго года въ тѣхъ изъ этихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ до сихъ поръ все преподаваніе велось по польски, было введено преподаваніе историческихъ и физико-математическихъ предметовъ на русскомъ языкѣ. Мѣра эта не повлекла за собою никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій: отъ приведенія ея въ исполненіе не уменьшилось нисколько число учениковъ въ гимназіяхъ, хотя въ то же время плата за ученіе была возвышена съ 12 руб. до 20. Въ то же время во многихъ уѣздныхъ городахъ жители обращались къ г. министру съ прошеніями объ учрежденіи у нихъ гимназій или прогимназій, хотя имъ хорошо извѣстно, что все преподаваніе въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ предполагается вести по русски. Въ этомъ отношеніи учебное вѣдомство обязано успѣшностью своихъ дѣйствій преимущественно содѣйствію мѣстной администраціи, такъ какъ все дѣлопроизводство свое она ведетъ на русскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего имѣющіе въ виду поступить со временемъ на государственную службу прежде всего должны заботиться объ усвоеніи себѣ русскаго языка, и слѣдовательно, охотно пользуются способами, предоставленными имъ въ тому учебнымъ вѣдомствомъ.

Успѣхи учащагося юношества въ русскомъ языкѣ, говоря вообще, довольно удовлетворительны, особенно въ низшихъ классахъ и въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ уже два года преподаваніе ведется по русски, какъ то: въ Ломжиской, Маріампольской и Сувалкской. Ученики польскаго происхожденія впрочемъ меньше успѣваютъ, чѣмъ ихъ товарищи изъ литовскаго племени, и большею частью погрѣшаютъ противъ своеобразности русскихъ удареній. Впрочемъ, усвоеніе ими русскаго языка идетъ на столько успѣшно, что съ начала будущаго академическаго года оказывается уже возможнымъ ввести преподаваніе и всѣхъ прочихъ предметовъ, то-есть, закона Божія и древнихъ языковъ, на языкѣ русскомъ. Что касается до учителей, то эта мѣра не представитъ затрудненій, такъ какъ почти всѣ они окончили курсъ въ университетахъ Имперіи и хорошо владѣютъ русскимъ языкомъ и притомъ уже предувѣдомлены заранѣе, чтобы готовились къ преподаванію своихъ предметовъ по русски. Нѣкоторое затрудненіе, быть можетъ, встрѣтится въ замѣщеніи должности учителей древнихъ языковъ лицами, хорошо знающими по русски; но затрудненіе это устраняется тѣмъ, что нѣкоторыя гимназіи предположено преобразовать изъ классическихъ въ реальныя съ исключеніемъ изъ ихъ курса латинскаго языка, такъ какъ онъ не преподается и въ реальныхъ гимназіяхъ Имперіи.

Въ настоящее время въ Привислянскихъ губерніяхъ реальныхъ

гимназій всего только три. Между тѣмъ развитіе спеціальнаго, практическаго образованія составляетъ существенную потребность для обезпеченія матеріальнаго благосостоянія жителей края, тѣмъ болѣе что далеко не всѣ, получившіе классическое университетское образованіе, могутъ въ настоящее время найти себѣ средства къ существованію на государственной службѣ или на высшихъ поприщахъ дѣятельности. Сверхъ того реальныя гимназій могли бы съ пользою послужить къ устраненію замѣчаемаго въ польскомъ обществѣ отчужденія отъ практической, особенно же частной, дѣятельности, и наконецъ онѣ могли бы возвысить уровень точныхъ, математическихъ знаній, а въ этомъ отношеніи учебныя заведенія края стоятъ ниже соответствующихъ учебныхъ заведеній Имперіи, превосходя ихъ относительно успѣховъ учениковъ въ древнихъ языкахъ, особенно же въ латинскомъ. Такимъ образомъ съ преобразованиемъ нѣкоторыхъ классическихъ гимназій въ реальныя можно надѣяться, что найдется достаточное число лицъ, способныхъ вести преподаваніе древнихъ языковъ по русски.

Изъ 53 среднихъ учебныхъ заведеній (мужскихъ и женскихъ) Варшавскаго округа въ 13-ти уже и теперь законъ Божій римско-католическаго исповѣданія преподается на русскомъ языкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что толкованіе догматовъ вѣры требуетъ по свойству своему особенной ясности, опредѣлительности и точности въ объясненіяхъ преподающаго, а съ другой стороны, полного пониманія учениками словъ законоучителя. Но, вопервыхъ, такія же условія необходимы для успѣшнаго преподаванія и всякаго другаго предмета; во вторыхъ, въ томъ возрастѣ, въ какомъ находятся ученики гимназій, болѣе умѣстно историческое, нежели догматическое преподаваніе закона Божія, а послѣднее по необходимости должно ограничиваться главными, основными положеніями, не вдаваясь въ тонкости; втретьихъ, преподаваніе закона Божія римско-католическаго вѣроисповѣданія на русскомъ языкѣ много облегчается тѣмъ, что имѣется уже весьма удовлетворительный русскій учебникъ по этому предмету; вчетвертыхъ, присваніе способныхъ къ преподаванію законоучителей облегчается тѣмъ, что они могутъ быть прискиваемы и за предѣлами Привислянскаго края, частію въ западной Россіи, а частію въ славянскихъ католическихъ странахъ, гдѣ все болѣе распространяется стремленіе къ усвоенію русскаго языка,—и наконецъ, пятыхъ, съ обсуждаемою адѣсь мѣрою по необходимости должны быть связаны другія, имѣющія цѣлью возвысить уровень познаній въ русскомъ языкѣ въ римско-католиче-

скихъ духовныхъ семинаріяхъ, на что, между прочимъ, обращено уже серьезное вниманіе и въ Виленскомъ, и въ Кіевскомъ учебныхъ округахъ, и само собою разумѣется, что преподаваніе закона Божія римско-католическаго и всякаго другаго инославнаго вѣроисповѣданія на русскомъ языкѣ было бы вводимо только въ той мѣрѣ, въ какой оказывалась бы возможность ввѣрять его вполне способнымъ лицамъ, пріисканіе коихъ лежитъ исключительно на обязанности учебнаго вѣдомства.

Для успѣшности вводимаго нынѣ преподаванія всѣхъ вообще предметовъ на русскомъ языкѣ, въ высшей степени необходимо точное по возможности выполненіе того параграфа устава гимназій, коимъ требуется, также какъ и въ Имперіи, чтобъ учениковъ въ каждомъ классѣ было не болѣе 40. Къ сожалѣнію, въ настоящее время, за исключеніемъ 2-й Варшавской гимназіи, гдѣ открыты параллельныя отдѣленія, это условіе нигдѣ не выполняется въ гимназіяхъ Варшавскаго округа, и въ низшихъ ихъ классахъ число учениковъ нерѣдко доходитъ до 90 человекъ. Въ этомъ отношеніи настоятельно необходимо увеличеніе матеріальныхъ средствъ гимназій и по меньшей мѣрѣ причисленіе сбора за ученіе къ специальнымъ ихъ средствамъ, дабы предоставить имъ способы къ открытію параллельныхъ отдѣленій и къ пониженію числа учениковъ въ каждомъ классѣ до нормальной цифры 40.

Въ ту пору, когда въ краѣ господствовала исключительно польская система образованія, въ Варшавѣ были учреждены русскія гимназіи, мужская и женская, которыя были подчинены особому почетному попечителю и изъяты изъ вѣдѣнія общаго училищнаго начальства. Такое исключительное положеніе въ настоящее время уже ничѣмъ не могло быть оправдано, и самое наименованіе этихъ гимназій русскими составляло уже аномалію. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдовавшее нынѣ подчиненіе ихъ попечителю округа и введеніе ихъ въ общую систему учебныхъ заведеній края будетъ имѣть благотворныя послѣдствія и для внутренней ихъ жизни.

Къ числу гимназій края, состоящихъ на особомъ положеніи, принадлежитъ теперь только Варшавское Главное Нѣмецкое Квангелическое училище съ педагогическими при немъ курсами и съ женскою гимназіей. Учрежденное и содержимое исключительно на средства русскаго правительства, оно тѣмъ не менѣе ближайше подчинено Варшавской Евангелическо-Аугсбургской консисторіи, и въ немъ только въ началѣ нынѣшняго учебнаго года и то лишь два предмета — исторія и географія (не считая, конечно, русскаго языка)—преподаютъ по русски. Это

учебное заведеніе, благодаря опытности, усердію и искусству своихъ педагоговъ, вызванныхъ большею частью изъ Пруссіи, въ короткое время своего существованія приобрѣло уже такое значеніе, что можетъ считаться до нѣкоторой степени аванпостомъ германской цивилизаціи и лютеранскаго вѣроисповѣданія въ странѣ по преимуществу славянской и католической. Дѣйствительно, многія дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ католиковъ съ лютеранками отдаются въ него добровольно родителями для воспитанія ихъ на нѣмецкомъ языкѣ и въ духѣ евангелической церкви. Такихъ случаевъ было уже до 30. Нѣтъ сомнѣнія, что при дальнѣйшемъ введеніи русскаго языка въ преподаваніе въ вѣрочныхъ учебныхъ заведеніяхъ края, между Поляками нашлось бы не малое число лицъ, которые предпочли бы онѣмеченіе своихъ дѣтей ихъ обрусенію, и что Главному Нѣмецкому училищу, при сохраненіи за нимъ нынѣшнихъ его особенностей, предстояли бы въ этомъ отношеніи не малыя завоеванія. Но эти завоеванія были бы совершаемы въ пользу не русскаго языка, а только нѣмецкаго, и могли бы радовать не Россію, а развѣ Пруссію и Германію. Правда, въ самомъ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ существуютъ при лютеранскихъ церквахъ гимназіи и другія болѣе или менѣе близкія къ нимъ по курсу училища, въ коихъ все преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ, хотя нерѣдко бѣльшую часть ихъ учениковъ составляютъ природные Русскіе. Фактъ этотъ, и особенно послѣднее обстоятельство, быть можетъ, указываетъ на не совсѣмъ еще нормальное состояніе какъ нашего общества, предпочитающаго нѣмецкія училища своимъ русскимъ, такъ и сихъ послѣднихъ; но его нельзя сопоставлять съ тѣмъ, что представляютъ въ этомъ отношеніи нѣмецкія гимназіи въ Варшавѣ. Иное дѣло — училища, существующія на церковныя и частныя средства, и иное — училища, учреждаемыя и содержимыя самимъ правительствомъ. Едва-ли нужно доказывать, что русское правительство не призвано содѣйствовать въ своихъ владѣніяхъ ни лютеранской, ни нѣмецкой пропагандѣ, ни даже ограждать лютеранизмъ отъ напора католицизма, и что только русскій языкъ и православная вѣра, какъ вѣра огромнаго большинства русскаго населенія, коей Русское государство не разъ было обязано своимъ спасеніемъ, а въ послѣдствіи и своимъ возвеличеніемъ, имѣютъ право на исключительную его заботливость. А между тѣмъ не являлось ли бы русское правительство пособникомъ лютеранской и нѣмецкой пропаганды, если бы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ края оно продолжало употреблять часть своихъ средствъ на поддержаніе и распро-

страненіе въ немъ нѣмецкаго языка и образованія? Не шли ли бы эти средства на привлеченіе одной части русскихъ подданныхъ къ Германіи, а не къ Россіи? Пусть нѣмецкія лютеранскія общества учреждаютъ на свои средства какія угодно училища, съ подчиненіемъ ихъ, разумѣется, общимъ постановленіемъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но русское правительство имѣетъ не только право, но и обязанность распространять только русское образованіе. По крайней мѣрѣ, этимъ правломъ надлежитъ руководствоваться въ отношеніи ко всѣмъ вновь учреждаемымъ учебнымъ заведеніямъ.

Впрочемъ и въ этомъ случаѣ въ отношеніи къ Главному Нѣмецкому Евангелическому училищу въ Варшавѣ примѣнена болѣе строгая постепенность, чѣмъ въ другимъ училищамъ. Такъ, въ началѣ нынѣшняго учебнаго года въ другихъ гимназіяхъ Привислянскаго края введено преподаваніе на русскомъ языкѣ не только историческихъ, но и математическихъ предметовъ, а въ нѣмецкомъ училищѣ — только историческихъ; въ другихъ гимназіяхъ предполагается ввести все ученіе на русскомъ языкѣ съ будущаго учебнаго года, а въ нѣмецкомъ училищѣ лишь съ 18^{71/72} года, такъ что педагогамъ его дается весьма достаточный срокъ для надлежащаго усвоенія русскаго языка.

Если и Главное Евангелическое училище въ Варшавѣ, какъ основанное и содержимое на правительственныя средства, должно служить, по возможности, къ распространенію русскаго образованія, то естьли какое-либо основаніе оставлять его на особомъ положеніи, то-есть, въ завѣдываніи Варшавской Евангелическо-Аугсбургской консисторіи? Выполненію этой его задачи не болѣе ли можетъ способствовать начальство Варшавскаго учебнаго округа, нежели упомянутая консисторія? Одно съ другимъ состоитъ въ несомнѣнной связи: подчиненіе училища консисторіи одного изъ иностранныхъ исповѣданій знаменуетъ господство въ немъ иностраннаго (въ данномъ случаѣ нѣмецкаго) языка и образованія; съ передачею же его въ исключительное вѣдѣніе начальства учебнаго округа, оно въ скоромъ времени, дѣйствительно, мало чѣмъ будетъ отличаться отъ прочихъ учебнымъ заведеній края, къ истинной пользѣ какъ своихъ питомцевъ, такъ и того дѣла, которому вообще призвано содѣйствовать русское правительство, не говоря уже о томъ, что въ отношеніи учебно-воспитательномъ весьма важно устранить одну лишнюю инстанцію, особенно же, если эта инстанція ни въ какомъ другомъ отношеніи не подвѣдома главной учебной власти. Если до сихъ поръ между начальствомъ округа и лютеранскою консисторіей и не было никакихъ столкновеній, то нельзя

не согласиться, что при иныхъ личныхъ условіяхъ эти столеновенія легко могутъ возникнуть, а организація правительственныхъ учрежденій не должна быть примѣняема къ тѣмъ или другимъ лицамъ: ей надлежитъ быть такою, чтобъ она не могла подавать повода къ столеновеніямъ, каковы бы ни были прикосновенныя къ этимъ учрежденіямъ лица.

Что же касается до нѣкоторыхъ специальныхъ цѣлей, въ виду которыхъ отчасти было основано это училище, то цѣли эти могутъ быть достигаемы съ подчиненіемъ его общему учебному начальству и съ преимущественнымъ употребленіемъ въ немъ русскаго языка точно такъ же, какъ и при нынѣшнихъ условіяхъ. При Главномъ Нѣмецкомъ Евангелическомъ училищѣ въ Варшавѣ существуетъ именно, но въ качествѣ особаго закрытаго учебнаго заведенія, съ вызванными изъ Пруссіи же педагогами, учительская семинарія для начальныхъ народныхъ училищъ. Устройство ея вообще весьма хорошо. Учителя ея обладаютъ отличною методою преподаванія; но тѣмъ не менѣе съ точки зрѣнія русскаго правительства она не можетъ почитаться соотвѣтствующею своей цѣли, ибо познанія учениковъ ея, будущихъ учителей народа, въ русскомъ языкѣ до того слабы, что уже по одному ихъ чтенію видно, что они ни слова не понимаютъ по русски. Не такихъ учителей желательно готовить для русскихъ подданныхъ хотя бы и нѣмецкаго происхожденія. Да и вообще почему приготовленіе начальныхъ учителей для народныхъ училищъ этой части населенія должно быть возложено на заботу консисторіи, тогда какъ приготовленіе начальныхъ учителей для всей остальной массы населенія ввѣрено непосредственно учебному округу? Что при предполагаемыхъ новыхъ порядкахъ училище и ближайшимъ образомъ существующіе при немъ педагогическіе курсы будутъ выпускать народныхъ учителей, лучше знающихъ русскій языкъ, но не забывшихъ и природнаго своего языка нѣмецкаго, въ этомъ можно видѣть только новую выгоду и новое весьма важное преимущество. Точно также, если принимать во вниманіе возможность поступленія учениковъ этого училища, по окончаніи ими курса, на богословскій факультетъ Дерптскаго университета, то слѣдуетъ ли изъ этого, что и общее гимназическое ихъ образованіе должно совершаться подъ непосредственнымъ наблюденіемъ консисторіи? Необходимость такого участія консисторіи въ наблюденіи за общимъ гимназическимъ образованіемъ не признается ни въ одной даже лютеранской странѣ; да и въ нашемъ Дерптскомъ округѣ гимназій, изъ воихъ питомцы поступаютъ также и на богословскій факуль-

тетъ мѣстнаго университета, подчинены училищному начальству, а не лютеранской консисторіи. Говорить ли еще о нѣмецкой женской гимназій въ Варшавѣ, тоже подчиненной теперь консисторіи, и конечно, не предназначенной для образованія ни богослововъ, ни даже народныхъ учителей или учительницъ?

Эта система особыхъ и состоящихъ на особомъ положеніи нѣмецкихъ училищъ, примыкающихъ не столько къ учебному округу, сколько къ Варшавской лютеранской консисторіи, дополняется снизу такъ-называемыми канторатами, состоящими уже исключительно въ вѣдѣніи мѣстныхъ лютеранскихъ пасторовъ и консисторій. Между тѣмъ въ сущности эти кантораты не что иное какъ начальныя народныя училища, ибо въ нихъ также, какъ и во всѣхъ начальныхъ школахъ, преподается чтеніе и письмо, ариметика и законъ Божій съ церковнымъ пѣніемъ, и отличительную ихъ особенность составляетъ только то, что преподаваніемъ этимъ за весьма малое вознагражденіе занимается канторъ или органистъ (*Vorsänger*). Вопросъ о церковныхъ школахъ этого рода былъ недавно возбужденъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ, гдѣ эти школы усердно распространяютъ нѣмецкій языкъ и нѣмецкое образованіе даже въ средѣ Латышей и Литовцевъ и гдѣ онѣ научаютъ вѣрннхъ имъ дѣтей знать, любить и уважать Пруссію и вообще Германію, а не Россію. Въ предѣлахъ Имперіи, и именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже устроены и обезпечены въ своемъ существованіи русскія начальныя школы, казалось бы, нѣтъ никакой необходимости въ существованіи особыхъ нѣмецкихъ лютеранскихъ или реформатскихъ шкволъ, и пасторы или кистеры и канторы могли бы въ назначенные для закона Божія часы приходить въ общія для всѣхъ школы и готовить въ нихъ дѣтей своихъ прихожанъ къ конфирмаціи. Въ Привислянскомъ краѣ такой порядокъ вещей, установленный было тамошнимъ училищнымъ уставомъ 8-го мая 1862 года, былъ бы однако же не пригоденъ, какъ потому что въ общихъ начальныхъ училищахъ тамъ еще господствуетъ почти исключительно польскій языкъ, такъ и потому что и вообще католическія училища отличаются духомъ прозелитизма, который чуждъ училищамъ русскимъ. А потому нельзя не допустить существованія канторатовъ, какъ особыхъ училищъ для лютеранъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они должны быть подчинены во всемъ, за исключеніемъ преподаванія закона Божія и церковнаго пѣнія, не мѣстной лютеранской консисторіи, а учебному округу, на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній.

Вообще же начальное народное образованіе въ Привислянскомъ

краѣ находится далеко не въ томъ состояніи, въ какомъ было бы желательно его видѣть, особенно же въ средѣ сельскаго населенія, наиболѣе преданнаго Россіи и наиболѣе облагодѣтельствованнаго русскимъ правительствомъ. Связь, соединяющая его узами благодарности съ Россіей, должна бы быть скрѣплена и усилена образованіемъ. И дѣйствительно крестьяне во многихъ мѣстностяхъ заявляли желаніе научиться языку, на которомъ говоритъ самъ „Цесаржъ“; такъ какъ въ гминныхъ управленіяхъ начинается вводиться дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ и такъ какъ многія дѣти изъ частныхъ школъ ежегодно и повсемѣстно поступаютъ въ среднія учебныя заведенія, гдѣ уже и теперь бѣльшая часть предметовъ преподается по русски, то очевидна и въ этомъ отношеніи необходимость введенія русскаго языка въ начальныя народныя школы. Но до сихъ поръ это сдѣлано лишь въ немногихъ школахъ, да и здѣсь обученіе русскому языку идетъ крайне плохо, за неимѣніемъ учителей, которые имѣли бы въ немъ надлежащія познанія; да и вообще нынѣшніе народныя учителя, большею частью изъ мелкихъ польскихъ шляхтичей и мѣщанъ, неудовлетворительны во всѣхъ отношеніяхъ, по русски же едва умѣютъ сами читать.

Выборъ, а равно и удаленіе учителей предоставлены *de jure*, какъ извѣстно, самимъ гминамъ; но *de facto* дѣла этого рода по большей части рѣшаются подъ вліяніемъ внушеній помѣщиковъ и ксендзовъ, такъ что выборъ крестьянъ нерѣдко падаетъ на людей неблагонадежныхъ и полуграмотныхъ: начальство отказываетъ имъ въ своемъ утвержденіи въ должности, и вслѣдствіе того происходятъ пререканія и возникаютъ неудовольствія. Сдѣланный доселѣ опытъ говоритъ не въ пользу предоставленія самимъ сельскимъ обществамъ выбора ихъ учителей, а такъ какъ съ тѣмъ вмѣстѣ правительствомъ приняты мѣры для подготовленія хорошихъ учителей, которые между тѣмъ могутъ быть вслѣдствіе постороннихъ вліяній и не выбираемы крестьянами, то является необходимость предоставить учебному начальству назначеніе учителей въ начальныя школы. Сверхъ того сельскія общества весьма неисправны въ платежѣ жалованья своимъ учителямъ, которымъ приходится иногда ожидать его въ продолженіе цѣлаго года. Это крайнее неудобство, отъ котораго вмѣстѣ съ тѣмъ страдаютъ и сами крестьяне, должно быть устранено тѣмъ или другимъ способомъ. Казалось бы возможнымъ установить общій сборъ въ сельскихъ обществахъ на удовлетвореніе жалованьемъ сельскихъ учителей, съ тѣмъ чтобъ онъ поступалъ въ вѣдѣніе казны и ею былъ вы-

плачиваемъ учителямъ въ вознагражденіе за ихъ труды. Наконецъ, начальники учебныхъ дирекцій, должность воихъ, при самомъ учрежденіи ея въ 1864 году, имѣла ближайшее отношеніе къ начальнымъ народнымъ училищамъ, съ 1866 года, когда были преобразованы гимназіи края, лишились фактически возможности посвящать свои заботы главнѣйше начальному народному образованію. Возложеніе на попечителя округа нѣкоторыхъ изъ обязанностей начальниковъ дирекцій, которыя безъ всякой пользы для дѣла обременяютъ ихъ излишними заботами, и обращеніе ихъ вниманія и усердія преимущественно на дѣло начальнаго народнаго образованія, несомнѣнно послужать въ пользу сего послѣдняго.

Но главнѣйшая задача министерства народнаго просвѣщенія въ этомъ отношеніи должна заключаться въ приготовленіи учителей для начальныхъ народныхъ училищъ и въ поставленіи русскаго языка, этой почти единственно возможной нравственной связи Привислянскаго края со всею Россіей, въ подобающее ему положеніе. Если относительно приготовленія учителей для народныхъ училищъ въ Имперіи министерство, не отказываясь и само отъ содѣйствія этому важнѣйшему дѣлу, можетъ все-таки ожидать существенной помощи и отъ православныхъ духовныхъ семинарій, и отъ земства, то въ Привислянскомъ краѣ оно должно разчитывать только на подвѣдомыя ему учрежденія. Въ настоящее время тамъ устроено 7 учительскихъ семинарій (педагогическихъ курсовъ), но съ распредѣленіемъ ихъ по племенамъ (3 для польскаго населенія, 2 для русскаго, 1 для литовскаго и 1 для нѣмецкаго при Главномъ Нѣмецкомъ Евангелическомъ училищѣ). За исключеніемъ двухъ русскихъ или греко-уніатскихъ учительскихъ семинарій (въ Холмѣ и въ Бѣлой), гдѣ преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ, во всѣхъ остальныхъ учатъ по польски, по нѣмецки и даже по литовски, такъ что будущіе учителя народа не будутъ и сами достаточно свѣдуши въ русскомъ языкѣ, который однако же они призваны преподавать. Въ этомъ отношеніи Пруссія представляетъ намъ примѣръ, достойный подражанія. Устроивая учительскія семинаріи для восточныхъ, нѣкогда польскихъ, областей своихъ, она принимала всѣ мѣры, чтобы выходящіе изъ нихъ народные наставники могли столь же хорошо преподавать по нѣмецки, какъ и по польски или литовски, и чтобы по своему духу и направленію они были истыми Пруссаками. Сообразно съ этимъ, и въ Привислянскомъ краѣ Россіи необходимо: 1) чтобъ инспекторами и учителями въ педагогическихъ курсахъ были или природные Русскіе, или по

крайней мѣрѣ лица, вполне владѣющія русскимъ языкомъ, знающія русскую исторію и преданія Россіи, и 2) чтобы главнымъ языкомъ преподаванія въ педагогическихъ курсахъ былъ языкъ русскій. Далѣе учительскія семинаріи должны быть закрытыми заведеніями, или по крайней мѣрѣ при нихъ должны быть учреждены общежитія, какъ это принято во всѣхъ европейскихъ странахъ; въ данномъ же случаѣ это будетъ еще тѣмъ полезнѣе, что воспитанники будутъ имѣть возможность постоянно упражняться въ русскомъ языкѣ, живя вмѣстѣ съ своими русскими преподавателями, а также и съ стипендіатами изъ низшихъ и среднихъ классовъ духовныхъ семинарій западныхъ губерній Россіи, коихъ надлежало бы опредѣлить человекъ около 10-ти на каждую изъ учительскихъ семинарій Привислянскаго края. Вмѣстѣ съ тѣмъ надлежало бы увеличить и самое число педагогическихъ курсовъ, основавъ по одному учебному заведенію этого рода для дирекцій Келецкой и Калишской. Средства для этого могли бы быть найдены безъ обремененія государственнаго казначейства новымъ расходомъ, а именно закрытіемъ Прагской прогимназіи въ Варшавѣ, такъ какъ она оказывается излишней для жителей этого предмѣстья, довольствующихся начальными училищами, и преобразованиемъ въ прогимназію Пинчовской гимназіи, учрежденной въ имѣніи маркиза Велепольскаго, въ глуши и весьма малолюдной. Только съ надлежащимъ устройствомъ и увеличеніемъ числа педагогическихъ курсовъ въ Варшавскомъ учебномъ округѣ можно ожидать тамъ правильнаго развитія начальнаго народнаго образованія, — развитія, правда, медленнаго, но за то согласнаго съ истинными пользами края и всего государства.

По мѣрѣ того какъ масса населенія въ Привислянскомъ краѣ стала бы проникаться русскимъ образованіемъ, къ нему несомнѣнно и само собою, а въ особенности при нѣкоторомъ содѣйствіи правительства, привлеклось бы и тамошнее еврейское населеніе. Примѣръ всѣхъ государствъ Европы, съ болѣе или менѣе значительнымъ еврейскимъ населеніемъ, убѣждаетъ, что общее (въ противоположность специально-еврейскому) образованіе сего послѣдняго несравненно болѣе подвигается впередъ вслѣдствіе общихъ усилій образованія окружающей христіанской среды, нежели вслѣдствіе правительственныхъ мѣръ, непосредственно направленныхъ на самихъ Евреевъ. Поднять уровень образованія въ цѣлой массѣ христіанскаго населенія значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ побудить и Евреевъ къ усвоенію себѣ того же образованія: Евреи, соревнуя христіанскому населенію, можно смѣло сказать, уже изъ однихъ своекорыстныхъ видовъ употреблять съ своей стороны

всѣ усилія, чтобы поравняться съ нимъ и даже, если возможно, превзойти его и въ этомъ отношеніи. Если и въ остальной Европѣ до половины XVIII столѣтія Евреи не дѣлали почти никакихъ успѣховъ въ общемъ образованіи, то это объясняется не только стѣсненіемъ ихъ гражданскихъ правъ, но и тѣмъ, что до этой поры и вообще образованіе было достояніемъ не массы народа, а болѣе или менѣе привилегированныхъ классовъ. Истину высказаннаго здѣсь положенія подтверждаетъ и примѣръ Царства Польскаго только въ обратномъ, отрицательномъ смыслѣ. До самаго послѣдняго времени, почти до законодательныхъ мѣръ 1864 года, начальное народное образованіе по крайней мѣрѣ поселянъ было здѣсь въ полномъ пренебреженіи, и всѣ средства образованія были предоставлены шляхтѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ и вслѣдствіе того и Евреи этого края коснѣли и продолжаютъ коснѣть въ средневѣковомъ невѣжествѣ и одержимы духомъ племенной и религіозной исключительности; во многихъ мѣстностяхъ этого края между ними сильно распространенъ хасидизмъ; въ самой даже Варшавѣ весьма многіе Евреи ходятъ въ длиннополыхъ халатахъ, въ туфляхъ и съ пейсивами, которые однако же обстригаютъ, отправляясь въ Австрію или въ Пруссію. Чѣмъ ближе впрочемъ къ прусской границѣ, то-есть, тѣмъ ближе къ странѣ, въ которой начальное образованіе распространено въ самой массѣ населенія, тѣмъ болѣе склонны къ образованію и мѣстные Евреи. Такъ, въ Калишѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ прусской границы, въ мѣстной гимназіи уже 42 ученика изъ Евреевъ, въ Сувалкской ихъ 39, въ Плоцкой 24, а въ Ломжинской всего только 3.

Но если главнѣйшимъ образомъ, только возвышая уровень образованія въ массѣ христіанскаго населенія, можно подвинуть впередъ и общее образованіе Евреевъ, то это не значитъ, чтобы правительство не должно было принимать никакихъ съ своей стороны мѣръ, непосредственно относящихся до ихъ образованія. Вопросъ этотъ имѣетъ самъ по себѣ большую важность. Евреевъ въ Привислянскомъ краѣ считается, какъ уже выше замѣчено, до 650 тысячъ; въ ихъ рукахъ тамъ, также какъ и въ западной Россіи, сосредоточены капиталы, промышленность, торговля. Притомъ же въ политическомъ отношеніи они представляютъ собою элементъ безразличный и даже скорѣе склонный примкнуть къ сторонѣ русской, такъ какъ всѣмъ имъ еще памятны бѣдствія и насилія отъ Польши, и напротивъ, льготы и благодѣянія отъ русскаго правительства. Правда, въ самое послѣднее время вожди польскаго движенія сдѣлали не мало усилій къ сближенію съ нимъ, — усилій, не оставшихся, какъ извѣстно, совершенно безплодными. Но дѣло

можетъ еще быть вполнѣ исправлено соответственными мѣрами со стороны русскаго правительства. Въ настоящее время въ средѣ тамошнихъ Евреевъ даетъ сильный перевѣсъ польской рѣчи въ особенности то обстоятельство, что они имѣютъ уже на польскомъ языкѣ и свой переводъ Библии, и свои молитвы, тогда какъ съ русскаго языка въ этомъ отношеніи еще не снятъ для нихъ запретъ. По отношенію къ вопросу о еврейскомъ образованіи, какъ въ Привислянскомъ краѣ, такъ и въ западной Россіи, это обстоятельство имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что религиозное обученіе стоитъ у Евреевъ всегда на первомъ планѣ, и ему посвящаютъ они наиболѣе времени. Еслибъ имъ была дана возможность изучать Библию и свои молитвы съ переводомъ на русскій языкъ, то водвореніе послѣдняго въ ихъ средѣ было бы по меньшей мѣрѣ столько же несомнѣнно, сколько и вообще въ окружающемъ ихъ христіанскомъ населеніи.

Но сверхъ того для Евреевъ въ Привислянскомъ краѣ, болѣе даже чѣмъ въ западной Россіи, необходимы свои особыя школы, въ которыхъ бы они могли получать начальное образованіе, усвоивая себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ русскій языкъ. Не входя здѣсь въ подробности этого весьма сложнаго вопроса о еврейскихъ училищахъ, тѣмъ болѣе что онъ подлежитъ еще разсмотрѣнію министерства и по отношенію къ Евреямъ, живущимъ въ предѣлахъ Имперіи, слѣдуетъ только замѣтить, что въ Привислянскомъ краѣ начальныхъ училищъ для Евреевъ устроено пока всего 25, изъ коихъ въ Сѣдлецкой и Келецкой дирекціяхъ нѣтъ ни одного, а изъ 8-ми городовъ Ломжинской губерніи еврейскія училища имѣются только въ 4-хъ, такъ что здѣсь это дѣло только въ началѣ, и отъ внутренней прочности тѣхъ основаній, которыя будутъ ему даны, будетъ зависѣть весь дальнѣйшій ходъ его.

Учебныя преобразованія 1864 года оказали весьма важную услугу дѣлу народнаго просвѣщенія въ Привислянскомъ краѣ тѣмъ, что въ нихъ не было оставлено безъ вниманія женское образованіе и было предположено учредить для него женскія гимназіи. До того времени образованіе женщинъ было въ рукахъ монахинь и частныхъ воспитательницъ. Въ высшей степени прискорбные результаты этого воспитанія достаточно извѣстны: извращеніе женской природы фанатизмомъ религиознымъ и фанатизмомъ политическимъ было прямымъ его послѣдствіемъ. Основаніе женскихъ гимназій на правительственныя средства, дѣлая образованіе болѣе доступнымъ для женскаго пола, въ то же время должно было придать всему обученію его болѣе разумный и основательный характеръ. Но замѣчательно, что женскія гимназіи, существованіе

конхъ могло стать наиболѣе благодѣтельнымъ для края, и вызвали противъ себя наибольшую оппозицію, особенно послѣ введенія въ нихъ преподаванія большей части предметовъ на русскомъ языкѣ. Та же самая мѣра въ отношеніи къ мужскимъ гимназіямъ, какъ сказано выше, была принята безъ малѣйшаго противодѣйствія, безъ сомнѣнія, въ томъ убѣжденіи, что безъ знанія русскаго языка въ настоящее время дѣти мужскаго пола не могутъ имѣть никакого хода въ жизни и особенно въ государственной службѣ; но путемъ женскаго образованія, еслибъ удалось устранить отъ него вліяніе правительства, была бы возможность наверстать въ польскомъ духѣ все то, что было бы потеряно въ мужскихъ школахъ. Вслѣдствіе такихъ расчетовъ были распространяемы противъ женскихъ гимназій различныя небылицы, какъ то: о возвышеніи въ нихъ платы за ученіе съ 20 руб. до 60, тогда какъ въ дѣйствительности она была оставлена въ прежнемъ размѣрѣ, о томъ, что отъ дѣвочекъ требуютъ щегольскихъ нарядовъ и приучаютъ ихъ къ роскоши, и т. п. Хотя не трудно было убѣдиться въ совершенной неосновательности этихъ слуховъ, тѣмъ не менѣе число ученицъ въ женскихъ гимназіяхъ вообще весьма не велико: оно нигдѣ не превышаетъ 129, а въ нѣкоторыхъ нѣтъ даже и 60, тогда какъ въ мужскихъ гимназіяхъ число учениковъ доходитъ до 600 и выше того. Всѣхъ женскихъ гимназій пока еще 9; большинство ученицъ принадлежитъ къ семействамъ небогатыхъ чиновниковъ и къ мелкой шляхтѣ; всѣ онѣ обнаруживаютъ искреннее желаніе научиться русскому языку, и во многихъ женскихъ гимназіяхъ успѣхи въ этомъ предметѣ болѣе значительны чѣмъ въ мужскихъ гимназіяхъ. Для преподаванія имъ болѣе большихъ способовъ къ усвоенію русскаго языка необходимо опредѣлять въ должности начальницъ и классныхъ дамъ или природныхъ Русскихъ, или же Нѣмокъ, вполне владѣющихъ русскимъ языкомъ. Какъ бы ни было велико въ началѣ противодѣйствіе вліятельной части мѣстнаго общества, и въ особенности ксендзовъ, женскимъ гимназіямъ, они не замедлятъ убѣдиться, что противодѣйствіе это совершенно напрасно, ибо ни одна гимназія, какъ бы ни было мало число ея ученицъ, не будетъ закрыта, а усгѣшное веденіе учебно-воспитательнаго въ нихъ дѣла и общедоступность ихъ, вслѣдствіе крайне умѣренной платы за ученіе, мало по малу обратятъ въ ихъ пользу всѣхъ благоразумныхъ и желающихъ блага своимъ дочерямъ родителей.

Закрытыхъ женскихъ учебныхъ зиведеній въ Варшавскомъ округѣ всего 2: это Варшавскій институтъ и 6-классное греко-уніатское учи-

лице въ Холмѣ, въ которомъ половина всѣхъ ученицъ—дочери греко-униатскихъ священниковъ или учителей въ начальныхъ греко-униатскихъ школахъ. Существованіе этого училища есть истинное благодѣяніе для этой части населенія, ибо за весьма умѣренную плату (по 120 руб. въ годъ) дѣвицы получаютъ въ немъ весьма хорошее образованіе и содержаніе. Всѣ онѣ вполнѣ уже освоились съ чистымъ русскимъ языкомъ и употребляютъ его въ разговорѣ между собою, почти не дѣлая ошибокъ противъ его правилъ.

На основаніи Высочайше утвержденнаго въ 1841 году Положенія о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Царствѣ Польскомъ, дѣйствующаго и доселѣ, они должны сообразоваться съ казенными училищами въ числѣ и расположеніи учебныхъ предметовъ и употреблять тѣ же учебныя книги и пособія, что и въ казенныхъ заведеніяхъ. Этимъ, собственно говоря, уже вполнѣ разрѣшается вопросъ о языкѣ преподаванія въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, ибо если въ настоящее время историческіе и физико-математическіе предметы преподаются въ казенныхъ училищахъ по русскимъ учебникамъ, а съ 18⁹³/70 учебнаго года и для всѣхъ другихъ предметовъ будутъ введены учебники на русскомъ языкѣ, въ частныхъ же учебныхъ заведеніяхъ должны быть употребляемы тѣ же самыя учебники, то очевидно, что и языкомъ преподаванія въ нихъ можетъ быть только языкъ русскій. Но нѣтъ ли какого-либо основанія въ настоящее время къ отмѣнѣ Положенія 1841 года въ этой именно его части? По истинѣ, такого основанія вовсе не усматривается, ибо и въ Высочайше утвержденномъ 19-го февраля 1868 года мнѣніи государственнаго совѣта объ измѣненіи и дополненіи правилъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Имперіи постановлено, чтобы русскій языкъ преподавался во всѣхъ ихъ; тамъ же, гдѣ преподаются исторія и географія, чтобы непременно преподавались русская исторія и русская географія, конечно, на русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ и въ предѣлахъ самой Имперіи признано вполнѣ справедливымъ и согласнымъ съ свободою частныхъ лицъ оградить права государственнаго языка и въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ это впрочемъ дѣлается въ цѣломъ мірѣ. Далѣе, отмѣнять упомянутыя постановленія 1841 года въ настоящее время, когда русскій языкъ вводится, какъ языкъ преподаванія, во всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго округа, значило бы устанавливать въ учебной системѣ раздвоеніе и подавать поводъ къ искусственной агитаціи въ пользу частныхъ учебныхъ заведеній съ польскимъ языкомъ и въ подрывъ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ. Доста-

точно только спросить себя, желательно ли возбуждать подобнаго рода борьбу въ краѣ, въ которомъ умы далеко еще не успокоились? Наконецъ, какъ для самихъ частныхъ учебныхъ заведеній, такъ и для успѣшной дѣятельности казенныхъ училищъ, весьма важно, чтобы въ первыхъ изъ нихъ языкомъ преподаванія сталъ языкъ русскій, ибо существуя большею частью въ 4-классномъ составѣ, они имѣютъ характеръ только приготовительныхъ школъ къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ правительства, въ которыя и могутъ быть принимаемы изъ нихъ дѣти, только основательно знающія по русски. Нечего и говорить о томъ, что въ примѣненіи этой части Положенія 1841 года къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ училищное начальство руководилось бы свойственнымъ ему духомъ доброжелательства къ интересамъ частныхъ лицъ и просвѣщенія и къ пользамъ самаго края.

Во главѣ всѣхъ учебныхъ заведеній округа стоитъ Варшавская главная школа. Въ ней въ настоящее время 1.300 студентовъ. Причисляя оканчивающимъ въ ней курсъ студентамъ прямо степень магистра, соотвѣтствующую никакъ не болѣе какъ степени кандидата въ университетахъ Имперіи, и давая ученую степень доктора, главная школа тѣмъ не менѣе не сообщаетъ никакихъ правъ и преимуществъ для государственной службы. Если въ этомъ отношеніи она не въ состояніи удовлетворить желаніямъ мѣстныхъ жителей, то относительно господствующаго въ ней языка преподаванія, именно польскаго, она оказывается совершенно не соотвѣтствующею учебнымъ заведеніямъ, которыя должны готовить для нея слушателей. Высшія и среднія учебныя заведенія, какъ объ этомъ было уже сказано выше, должны быть приведены въ полное соотвѣтствіе между собою, для того чтобы учебная система могла правильно дѣйствовать и развиваться, и если въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ оказалось необходимымъ ввести преподаваніе на русскомъ языкѣ, то само собою разумѣется, что и дальнѣйшее преподаваніе наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи должно происходить на томъ же языкѣ. Только на этомъ условіи и возможно преобразование Варшавской главной школы въ Варшавскій университетъ, великодушно обѣщанное Государемъ Императоромъ въ Высочайшемъ рескриптѣ 30-го августа 1864 года. Необходимость же университета въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, при соблюденіи вышеупомянутаго условія, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію, особенно если принять во вниманіе, что пріемъ лицъ польскаго происхожденія въ университеты Имперіи по необходимости весьма ограниченъ и что затѣмъ молодымъ людямъ

оставалось бы только искать высшаго образованія за границей, преимущественно въ Краковѣ и Львовѣ, что могло бы пагубнымъ образомъ подѣйствовать на все направление дальнѣйшей ихъ дѣятельности и на самую ихъ судьбу. Сверхъ того, Варшавскому учебному округу, гдѣ число среднихъ учебныхъ заведеній доходитъ до 53, совершенно необходимо имѣть свой университетъ, между прочимъ, и какъ разсадникъ будущихъ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній: не всегда же другіе округа Имперіи, и сами нуждающіеся въ хорошихъ учителяхъ, будутъ въ состояніи снабжать ими Варшавскій округъ.

Введеніе преподаванія всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ въ предполагаемомъ Варшавскомъ университетѣ не представило бы большихъ затрудненій, ибо большинство нынѣшнихъ преподавателей получили свое образованіе въ университетахъ Имперіи, и въ теченіе двухлѣтняго срока, предполагаемаго для открытія университета, могли бы приготовиться къ чтенію лекцій на русскомъ языкѣ. Въ вознагражденіе за таковой ихъ трудъ, который потребовалъ бы отъ нихъ по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ усиленныхъ занятій, было бы вполне справедливо сравнять ихъ по окладамъ жалованья съ профессорами прочихъ университетовъ Имперіи, не предоставляя этого преимущества тѣмъ, кто не былъ бы въ состояніи удовлетворить этому основному требованію при преобразованіи главной школы въ университетъ. Наконецъ, при учрежденіи Варшавскаго университета надлежало бы принять за основаніе уставъ 1835 года, а не 1863 года, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права опредѣлять всѣхъ профессоровъ по собственному его избранію.

Къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ края принадлежитъ еще только земледѣльческій институтъ въ Новой Александріи. Этотъ институтъ былъ учрежденъ въ 1862 году вмѣсто находившагося въ Маримонтѣ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства, и на содержаніе его было назначено слишкомъ 49 тысячъ рублей. Такъ какъ заведеніе это находится въ мѣстности, особенно пострадавшей отъ мятежниковъ, и такъ какъ нѣсколько молодыхъ людей изъ института поступили въ ихъ шайки, то ученіе въ немъ въ 1863 году было пріостановлено, и оставлено только необходимое число служащихъ лицъ для надзора за учебными коллекціями и зданіями, съ содержаніемъ всего по 17 тысячъ руб. въ годъ. Съ того времени великолѣпныя зданія института, которыя по справедливости можно назвать обширнымъ дворцомъ, расположенныя среди превосходнаго парка и въ прекрасной по климату

мѣстности, стоятъ пустыми; многочисленныя и хорошо устроенныя кабинеты остаются безъ употребленія, а профессора безъ дѣла. Въ 1864 году было Высочайше повелѣно заняться окончательнымъ устройствомъ этого института; но повидимому здѣсь встрѣчены были тѣ же затрудненія, какъ и въ вопросѣ о преобразованіи главной школы въ университетъ. Затрудненія эти исчезли бы сами собою, еслибъ было постановлено, что въ должность директора могутъ быть назначены только природныя Русскіе, что опредѣленіе профессоровъ должно зависѣть отъ министерства народнаго просвѣщенія, что все преподаваніе должно происходить на русскомъ языкѣ, и что, наконецъ, историческія польскія памятники, оставшіеся здѣсь со временъ князя Чарторыйскаго, и способныя распалить юное воображеніе, должны быть переданы на храненіе въ Московскій Румянцовскій музей: послѣднее необходимо и для сохраненія самихъ памятниковъ, которые подвергаются разрушенію и расхищенію, находясь въ саду на открытомъ мѣстѣ.

Самое же возстановленіе земледѣльческаго института принесло бы несомнѣнную пользу краю, который можно назвать земледѣльческимъ по преимуществу, такъ какъ только въ губерніи Келецкой существуютъ довольно значительныя горныя промыслы, да въ губерніяхъ Варшавской и Петроковской нѣмецкіе выходцы завели промышленность фабричную. Въ самомъ дѣлѣ, земля здѣсь большею частью весьма хорошая; при отсутствіи, за немногими исключеніями, слишкомъ большихъ помѣстій, земледѣльцы средней руки почти всѣ сами занимаются сельскимъ хозяйствомъ и нуждаются въ спеціальныхъ агрономическихъ познаніяхъ для извлеченія изъ ограниченнаго количества своей земли возможно большей пользы; удобства сбыта дають особенную цѣнность земледѣльческимъ промышленностямъ, что въ свою очередь даетъ возможность введенія рациональнаго хозяйства и усовершенствованныхъ способовъ обработки. Такимъ образомъ существованіе земледѣльческаго института удовлетворило бы насущнымъ потребностямъ края и было бы истиннымъ для него благодѣаніемъ. Сверхъ того надлежитъ имѣть въ виду, что все уже готово для такого учебнаго заведенія: превосходное помѣщеніе и находящіеся въ совершенномъ порядкѣ кабинеты и лаборатории, а также и учебная ферма. Придется, конечно, увеличить расходы на содержаніе института до 49.000; но это пожертвованіе вознаградится ожидаемою отъ него пользою, и наконецъ, дополнительный расходъ въ 30.000 руб. можетъ быть покрытъ сбереженіями, которыя могутъ быть достигнуты упраздненіемъ нѣкоторыхъ излишнихъ уѣздныхъ училищъ.

Напротивъ того, предполагавшееся учрежденіе политехническаго института въ Лодзѣ не принесло бы существенной пользы. Господствующая въ мѣстности промышленность исключительно ткацкая, а для одной этой промышленности нѣтъ надобности въ учрежденіи столь обширнаго и дорого стоящаго заведенія какъ политехнической институтъ. Не говоря уже о расходахъ на постройку зданія и на обзаведеніе различныхъ кабинетовъ, содержаніе института обошлось бы не менѣе 120.000 руб. въ годъ. Между тѣмъ даже существованіе реальной гимназіи въ Лодзѣ оказывается излишнимъ: такъ, въ теченіе двухъ лѣтъ болѣе $\frac{1}{3}$ учениковъ оставили гимназію до окончанія курса, ибо это большею частью сыновья нѣмецкихъ ремесленниковъ, которые не нуждаются въ научномъ образованіи, тогда какъ помощь ихъ уже въ раннемъ возрастѣ бываетъ нужна ихъ родителямъ. Распределеніе учениковъ по классамъ этой гимназіи явно свидѣтельствуетъ о необходимости замѣнить ее другимъ учебнымъ заведеніемъ съ низшимъ курсомъ и болѣе приуроченнымъ къ потребностямъ мѣстныхъ жителей. Такъ, въ 1-мъ классѣ Лодзинской гимназіи 52 ученика, во 2-мъ — 68, а въ 6-мъ — 4, въ 7-мъ — 6. Очевидно, что здѣсь нужно высшее ремесленное училище; и дѣйствительно, родители берутъ своихъ дѣтей изъ низшихъ классовъ гимназій и посылаютъ ихъ въ Хемницъ (въ Саксоніи) въ существующее тамъ ремесленное училище. Въ видахъ лучшаго осуществленія такого преобразования начальникъ Лодзинской дирекціи былъ командированъ г. министромъ народнаго просвѣщенія въ Пруссію и Саксонію для изученія устройства и учебнаго плана подобнаго рода заведеній.

Таковы предположенія, къ которымъ привело внимательное изученіе на самомъ мѣстѣ интересовъ народнаго просвѣщенія въ Варшавскомъ учебномъ округѣ. Для полнаго осуществленія всѣхъ выше-взложенныхъ предположеній на самомъ дѣлѣ, кромѣ дружныхъ усилій всѣхъ отраслей мѣстной администраціи, необходимо, чтобы въ самой Имперіи уровень образованія все болѣе и болѣе возвышался, и особенно чтобы какъ гимназій, такъ и университеты какъ можно болѣе удовлетворяли своему по истинѣ высокому и нынѣ болѣе чѣмъ когда-либо важному назначенію.

ПО ПОВОДУ НАЗНАЧЕНІЯ ОТЪ МИНИСТЕРСТВА НѢКОТОРЫХЪ ПРОФЕССОРОВЪ ВЪ УНИВЕРСИТЕТЪ СВ. ВЛАДИМИРА.

На основаніи § 72 Высочайше утвержденнаго 18-го іюня 1863 года общаго устава университетовъ, „въ тѣхъ случаяхъ, когда вакантная въ университетѣ каѳедра не будетъ замѣщена въ теченіе года избраннмъ отъ университетскаго совѣта кандидатомъ, министръ можетъ назначать въ профессора по своему избранію лица, удовлетворяющіа требуемымъ отъ профессора условіямъ“.

До сихъ поръ еще министерство не было поставляемо въ необходимость пользоваться этимъ указаніемъ устава для замѣщенія по своему выбору вакантныхъ въ университетахъ каѳедръ, не потому чтобы не представлялось къ тому случаевъ, но потому что оно желало предоставить возможно большій просторъ дарованному университетамъ самоуправленію. Бывали въ различныхъ университетахъ случаи, когда лица, вполне способныя еще, по общему убѣжденію, продолжать съ пользою для учащагося юношества свою преподавательскую дѣятельность, устранились отъ нея, за неполученіемъ ли въ свою пользу требуемаго § 78 большинства двухъ третей голосовъ, или же вслѣдствіе неизбранія ихъ въ одну изъ высшихъ профессорскихъ должностей, по приобрѣтеніи ими на то *формальнаго* права; но какъ ни были прискорбны сами по себѣ нѣкоторые изъ этихъ случаевъ, министерство, за исключеніемъ лишь двухъ изъ нихъ, постоянно воздерживалось отъ вмѣшательства, на которое имѣло полное право на основаніи § 72.

Но въ настоящее время представился случай, въ которомъ невмѣшательство высшей учебной власти въ дѣло замѣщенія вакантныхъ университетскихъ каѳедръ могло бы причинить существенный вредъ интересамъ просвѣщенія, притомъ же въ краѣ, гдѣ эти интересы важны и священны не только сами по себѣ, но и имѣютъ еще ближайшее, для всѣхъ понятное отношеніе къ самымъ жизненнымъ во-

просамъ Россіи. Содѣйствовать всѣми способами улучшенію состоянія среднихъ учебныхъ заведеній края доставленіемъ имъ возможно-лучшихъ преподавателей и способствовать чрезъ то распространенію въ мѣстномъ населеніи русскаго образованія и торжеству его надъ польскою идеей, такова, казалось бы, должна быть въ настоящее время ближайшая забота совѣта университета св. Владиміра, а между тѣмъ, вопреки этимъ настоятельнымъ требованіямъ времени, упомянутый совѣтъ, систематически подвергая забаллотировкѣ всѣхъ вообще профессоровъ, выслужившихъ срокъ на пенсію, и въ особенности профессоровъ историко-филологическаго факультета, по какому бы поводу они ни баллотировались, довелъ сей послѣдній до совершеннаго уничтоженія, такъ какъ въ немъ не осталось болѣе ни одного ординарнаго профессора, ни одного экстраординарнаго, а есть только одинъ исправляющій должность экстраординарнаго профессора, не имѣющій еще ученой степени доктора, соотвѣтствующей этой должности, да нѣсколько доцентовъ. Такимъ образомъ, за неимѣніемъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, настоящія факультетскія собранія стали невозможны, присужденіе ученыхъ степеней по историко-филологическому факультету должно или крайне затрудниться, или даже и приостановиться, и въ научномъ образованіи студентовъ этого факультета, главнаго расадника будущихъ преподавателей гимназій, могутъ оказаться весьма значительныя пробѣлы, что очевидно не обѣщаетъ въ будущемъ столь необходимаго улучшенія состоянія гимназій округа и можетъ поставить учебное начальство даже въ невозможность находить сколько-нибудь способныхъ кандидатовъ для замѣщенія ими учительскихъ должностей.

Главнымъ орудіемъ въ этомъ столь пагубномъ дѣлѣ разрушенія одного изъ важнѣйшихъ и основныхъ университетскихъ факультетовъ, — факультета, который нѣкогда на первоначальной родинѣ университетовъ должны были проходить всѣ студенты, какимъ бы наукамъ ни предполагали они посвятить себя въ послѣдствіи, — совѣту университета св. Владиміра послужило постановленіе § 78 общ. уст. унив., коимъ требуется большинство двухъ третей голосовъ для повторительныхъ избраній профессоровъ, уже выслужившихъ срокъ на пенсію. Но законодатель постановилъ это требованіе только въ видахъ облегченія университетскимъ совѣтамъ возможности замѣнять старѣющія силы свѣжими и обновлять составъ факультетовъ съ цѣлью возвышенія уровня преподаванія, а отнюдь не въ видахъ предоставленія имъ возможности уничтожать цѣлые факультеты. Совѣтъ университета

св. Владиміра упустилъ это изъ виду, подвергая забаллотировкѣ прежнихъ профессоровъ въ то время, когда онъ не имѣлъ еѣмъ ихъ замѣнить.

Для устраненія тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя могъ бы имѣть такой образъ дѣйствій, и въ предупрежденіе подобныхъ же случаевъ на будущее время, г. министръ народнаго просвѣщенія вошелъ съ представленіемъ въ государственный совѣтъ объ измѣненіи § 78 университетскаго устава въ томъ смыслѣ, чтобы для выбора на слѣдующія пятилѣтія профессоровъ, выслужившихъ срокъ на пенсію, требовалось не двѣ трети голосовъ, а обыкновенное большинство, а вмѣстѣ съ тѣмъ министерство вынуждено было воспользоваться правами, предоставленными ему § 72 общаго устава университетовъ, и назначить на тѣ же каѣдры нѣкоторыхъ изъ профессоровъ, которые были уже забаллотированы совѣтомъ университета св. Владиміра, именно г. Гогоцкаго ординарнымъ профессоромъ по каѣдрѣ философіи, а г. Селина, бывшаго деканомъ факультета, сверхштатнымъ профессоромъ по каѣдрѣ русской словесности. Объ отпускѣ сему послѣднему содержанія г. министръ вошелъ съ особымъ представленіемъ въ государственный совѣтъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

Торжественные годичные акты. — По вопросу о приостановленіи отпуска суммъ на лабораторіи и кабинеты. — О требованіяхъ отъ лицъ, желающихъ быть лекторами новыхъ языковъ. — О результатахъ повѣрочныхъ испытаній въ С.-Петербургскомъ и Новороссійскомъ университетахъ и по вопросамъ о другихъ испытаніяхъ, производимыхъ въ университетахъ. — Ученые диспуты. — Объ оставленныхъ при университетахъ кандидатахъ для усовершенствованія въ наукахъ. — Приобрѣтеніе Новороссійскимъ университетомъ юридической бібліотеки сенатора Р. М. фонъ-Губе. — Объ учрежденіи наградъ студентамъ за сочиненія на счетъ суммы, пожертвованной въ память покойнаго профессора С. П. Шевырева. — По дѣлу объ устройствѣ школы на родинѣ Комиссарова-Костромскаго на пожертвованіе служащихъ при С.-Петербургскомъ университетѣ. — О наймѣ помощника по производству опытовъ въ физическомъ кабинетѣ Харьковскаго университета. — Некрологъ: Арвадій Алексѣевичъ Альфонскій.

Мы имѣемъ свѣдѣнія о торжественныхъ годичныхъ актахъ трехъ университетовъ — Новороссійскаго, Казанскаго и Московскаго, происходившихъ въ первомъ 30 августа, во второмъ 5 ноября 1868 года и въ послѣднемъ 12 января текущаго года, въ присутствіи учебнаго начальства, почетныхъ особъ и публики. Кромѣ краткихъ отчетовъ о состояніи и дѣятельности университетовъ, обыкновенно читаемыхъ на публичныхъ актахъ, на означенныхъ актахъ были читаны: въ Новороссійскомъ университетѣ, ординарнымъ профессоромъ *Брикнеромъ* — рѣчь „О главныхъ задачахъ исторической науки“, въ Казанскомъ, ординарнымъ профессоромъ *Янишевскимъ* — „Историческая записка о жизни и дѣятельности Н. И. Лобачевского“ и въ Московскомъ экстраординарнымъ профессоромъ *Бугаевымъ* — рѣчь „О математикѣ, какъ орудіи научномъ и педагогическомъ“ и ординарнымъ профессоромъ *Гивартовскимъ* — главныя мѣста изъ написанной имъ рѣчи „О бро-

женіи". — Таеъ какъ мы въ свое время будемъ имѣть возможность познакомить читателей съ состояніемъ и дѣятельностью университетовъ въ истекшемъ году, на основаніи полныхъ годичныхъ отчетовъ, то въ настоящее время ограничимся только сообщеніемъ свѣдѣній о числѣ студентовъ и слушателей въ трехъ означенныхъ университетахъ. Къ 1-му іюля 1867 года въ Новороссійскомъ университетѣ состояло студентовъ: на историко-филологическомъ факультетѣ — 23, на физико-математическомъ — 95 (57 по разряду математическихъ наукъ и 38 по разряду наукъ естественныхъ), на юридическомъ — 112, итого 230; выбыло въ теченіе учебнаго года 55; вновь поступило: на историко-филологическій факультетъ 5, на физико-математическій — 41, на юридическій — 72; затѣмъ состояло на лицо 293. Постороннихъ слушателей было 23. Изъ состоявшихъ на лицо студентовъ слушали лекціи бесплатно 151. Въ Казанскомъ университетѣ въ іюнѣ 1868 было 381 студентовъ и 33 постороннихъ слушателей; вновь поступило въ студенты 154, изъ нихъ: на юридическій факультетъ 77, на медицинскій 34, на физико-математическій 26 и на историко-филологическій 17. Въ Московскомъ университетѣ къ концу 1868 года находилось учащихся: студентовъ 1.611, а именно: на историко-филологическомъ факультетѣ 96, на физико-математическомъ 234, на юридическомъ 919 и на медицинскомъ 362; постороннихъ слушателей 68 и аптекарскихъ помощниковъ 59. Изъ числа 1.611 студентовъ было освобождено отъ полной платы за слушаніе лекцій 672 и отъ половинной — 32, итого 704 студента (въ томъ числѣ 353 по свидѣтельствамъ о бѣдности, 314 стипендіатовъ и 5 югославянъ); кромѣ того 32 студентамъ высшихъ курсовъ отсрочена плата до окончанія курса ученія. Единовременныя пособія выданы изъ суммъ государственнаго казначейства 338 студентамъ (*С.-Петербур.* *Вѣдом.* № 319 и *Моск. Вѣдом.* № 10).

— Въ декабрьской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* мы сообщили (Современная Лѣтопись, стр. 307) содержаніе отзывовъ совѣтовъ четырехъ университетовъ по поводу предложенія приостановить отпускъ суммъ, назначенныхъ на кабинеты агрономическій съ лабораторіей, практической механики, физической географіи и технической съ лабораторіей, а также на музей изящныхъ искусствъ и на собраніе монетъ и медалей, съ тѣмъ чтобы суммы эти обратить на усиленіе средствъ для приготовленія при университетахъ учителей гимназій по древнимъ языкамъ. Совѣты четырехъ университетовъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, высказались не

въ пользу этого предположенія. Изъ полученнаго нынѣ № 8 *Московскихъ Университетскихъ Извѣстій* видно, что въ томъ же смыслѣ высказался и совѣтъ Московскаго университета, принявшій въ основаніе главнымъ образомъ донесеніе г. профессора *Киттары*. Сущность его донесенія заключается въ слѣдующемъ. По идеѣ университета приготовленіе педагоговъ не составляетъ его главной цѣли, которая была и будетъ—содѣйствіе высшему и всестороннему образованію народа; для педагоговъ учреждаются педагогическіе институты, которыхъ цѣль могутъ раздѣлять и университеты, но не нарушая общаго своего строя и не дѣйствуя въ пользу однихъ и въ ущербъ другимъ наукамъ. Пособія по каеэдрамъ агрономіи, технологии и практической механики такъ скудны, что и теперь не даютъ полной возможности ихъ кабинетамъ слѣдить шагъ за шагомъ за всѣми усовершенствованіями и изобрѣтеніями, посредствомъ приобретаемыхъ моделей, образцовъ и т. п. Въ лабораторіи технической, устроенной на 38 чело-вѣкъ, вся отпускаемая сумма (1.000 руб.) расходуется на учащихся въ ней, кабинетъ же поддерживается случайными пожертвованіями. А что въ Москвѣ, центрѣ нашей мануфактурной промышленности, знанія техническія нужны и вызываются самимъ обществомъ, служить лучшимъ доказательствомъ то, что техническая лабораторія Московскаго университета устроена первоначально на пожертвованные ему 3.000 руб. именно съ этою цѣлю, и кабинетъ техническій, довольно уже богатый по нѣкоторымъ отдѣламъ, весь составленъ изъ приношеній и почти не стоилъ университету денежныхъ расходовъ. Къ сему г. Киттары присовокупляетъ еще слѣдующія соображенія. Въ мартѣ 1868 года университетъ Московскій соединилъ свои разрозненные кабинеты агрономіи, технологии и механики въ одинъ музей, сдѣлавъ его открытымъ бесплатно для публики въ дни праздничные. Въ эти дни завѣдывающими музеемъ лицами читаются лѣтомъ бесплатно лекціи, объясняются новости наукъ, производятся опыты, производятся практическіе примѣры приложенія науки къ жизни. Все это принимается жаждущею науки публичною съ благодарностью къ университету и все это требуетъ расходовъ, то-есть, денегъ. Не трудно представить себѣ, что произойдетъ, когда отъ каеэдръ агрономіи, технологии и практической механики въ Московскомъ университетѣ отберутся 2.500 руб., на нихъ отпускаемые. Лабораторію техническую необходимо будетъ закрыть тотчасъ же, музей также, такъ какъ онъ можетъ быть полезенъ и интересенъ только современностью содержимаго. За симъ самое препода-

даваніе наукъ сдѣлается мертвымъ и бесполезнымъ и даже почти невозможнымъ. Отнятіе средствъ у кабинетовъ почти равносильно закрытію кафедръ; даже временность мѣры отнятія суммъ не можетъ быть допущена, такъ какъ это произведетъ такой пробѣлъ въ учебныхъ пособіяхъ, который пополнить будетъ уже очень трудно. И теперь ли разстроивать кафедры технологіи, агрономіи и механики, когда въ разныхъ концахъ государства университеты, благодаря существованію этихъ кафедръ, служатъ единственными почти пособіями промышленнымъ нуждамъ страны?—Хотя историко-филологическій факультетъ Московскаго университета и считалъ возможнымъ, въ крайнемъ случаѣ, ограничить приращеніе музея изящныхъ искусствъ и собранія монетъ и медалей прежнею штатною суммою, но никакъ не болѣе какъ на четыре года, однакожь совѣтъ университета постановилъ донести г. попечителю Московскаго учебнаго округа: 1) что, по мнѣнію совѣта, обращеніе суммъ, отпускаемыхъ на названные кабинеты, съ цѣлію подготовленія учителей древнихъ языковъ, можетъ разстроить преподаваніе весьма важныхъ предметовъ, къ которымъ относятся эти кабинеты, и 2) что совѣтъ университета, принимая въ соображеніе количество стипендій въ историко-филологическомъ факультетѣ и число студентовъ этого факультета, находитъ въ настоящее время учрежденіе новыхъ стипендій въ Московскомъ университетѣ для студентовъ, готовящихся въ учителя древнихъ языковъ, излишнимъ; съ увеличеніемъ же числа студентовъ въ означенномъ факультетѣ можно будетъ увеличить и число педагогическихъ стипендій въ немъ на счетъ штатной суммы, назначенной на стипендіи.

— По случаю увольненія отъ службы при университетѣ св. Владимира за выслугою срока лекторовъ: французскаго языка—г. *Бореля* и италіанскаго — г. *Бертони*, совѣтъ университета, для обсужденія вопроса о порядкѣ замѣщенія должности лекторовъ, назначилъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ ординарнаго профессора *Шеффера*, изъ гг. профессоровъ *Авенаріуса* и *Рененкампа* и доцента *Страшкевича*. Комитетъ, обсудивъ предложенный ему вопросъ, вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ, въ которомъ изложилъ свои соображенія по предмету преподаванія новыхъ языковъ въ университетѣ и мѣры, которыя онъ признаетъ необходимыми для поднятія уровня какъ преподаванія, такъ и изученія сихъ языковъ. По заявленію комитета, изъ свѣдѣній, сообщенныхъ проректорскою канцеляріей, легко можно убѣдиться, что результатъ преподаванія иностранныхъ языковъ въ Киевскомъ университетѣ отнюдь нельзя назвать удовлетворительнымъ: лек-

торы вообще имѣютъ только весьма ограниченное число слушателей и то не постоянныхъ, а по большей части временныхъ, можно сказать, случайныхъ; иногда же, за неимѣніемъ слушателей, лекцій и вовсе не бываетъ. По мнѣнію комитета, такое положеніе преподаванія иностранныхъ языковъ въ университетѣ нисколько не обусловливается тѣмъ, что посѣщеніе лекцій сихъ языковъ не обязательно для студентовъ; причины неудовлетворительности преподаванія и изученія новыхъ языковъ лежатъ глубже: по всей вѣроятности, онѣ зависятъ отъ недостаточности знанія лекторами русскаго языка и незнакомства ихъ, по большей части, съ состояніемъ просвѣщенія и съ условіями языковѣдѣнія въ Россіи. По § 68 устава унив. 1863 года, „лекторы опредѣляются по предварительному удостовѣренію совѣта въ ихъ свѣдѣніяхъ и способностяхъ къ преподаванію“, и какъ затѣмъ не существуетъ никакихъ другихъ указаній по этому предмету, то совѣты университетовъ руководствуются своими собственными соображеніями и весьма различно опредѣляютъ требованія при замѣщеніи открывающихся лекторскихъ вакансій. Между тѣмъ значеніе и положеніе лекторовъ весьма важно, какъ вообще университетскихъ преподавателей и какъ экзаменаторовъ лицъ, желающихъ занять вакансіи учителей новыхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сверхъ того, по замѣчанію комитета, было бы весьма полезно приготовленіе учителей новыхъ языковъ для гимназій изъ среды слушателей университетовъ, ибо они съ полнымъ успѣхомъ могли бы выполнить свое назначеніе, понимая нужды и условія изученія Русскими иностранныхъ языковъ; но такого результата можно ожидать лишь въ томъ случаѣ, ежели преподаваніе новыхъ языковъ въ университетахъ получить научное и удовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ направленіе. По этимъ соображеніямъ комитетъ полагалъ, что для возвышенія уровня преподаванія и изученія новыхъ языковъ какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіяхъ, необходимо точнымъ образомъ опредѣлить требованія для лицъ, ищущихъ должности лектора; эти требованія, по мнѣнію комитета, должны состоять въ слѣдующемъ: 1) Означенныя лица должны вполнѣ владѣть русскимъ языкомъ и имѣть, по крайней мѣрѣ, степень кандидата по историко-филологическому факультету одного изъ русскихъ университетовъ. По мнѣнію комитета, требованіе степени кандидата тѣмъ болѣе справедливо, что даже лица, не занимающія въ университетѣ штатной должности и не получающія штатомъ опредѣленнаго содержанія, каковы приватъ-доценты, должны имѣть эту степень. 2) Каждый ищущій должности лектора обязанъ представить доказа-

тельство того, что онъ вполне владѣетъ тѣмъ языкомъ и его литературою, которые желаетъ преподавать. Совѣтъ университета св. Владимира вполне согласился съ мнѣніемъ комитета, и признавая весьма полезнымъ требовать на будущее время отъ лицъ, ищущихъ должности лекторовъ, изложенныхъ выше условий, тѣмъ болѣе, что они нисколько не противорѣчатъ § 68 общ. уст. унив., постановилъ донести объ этомъ начальству Киевскаго учебнаго округа (*Кiev. унив. изв.* № 11).

— Въ протоколахъ совѣтовъ С.-Петербургскаго (№ 15) и Новороссійскаго (№ 3) университетовъ помѣщены свѣдѣнія о результатахъ повѣрочныхъ испытаній, которыя были произведены предъ началомъ текущаго академическаго года желающимъ поступить въ студенты сихъ университетовъ въ особыхъ учрежденныхъ для сего испытательныхъ комиссіяхъ. По донесенію комиссіи С.-Петербургскаго университета, въ общемъ выводѣ большинство явившихся на испытаніе не обнаружило вполне удовлетворительной подготовки для научныхъ занятій въ университетѣ, большая часть ихъ могла быть аттестована только тремя баллами, одна треть удостоена четырехъ балловъ и менѣе шестой части получили по пяти балловъ. Недостаточныя грамматическія свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ, ошибки въ правописаніи, неумѣнье выражать отчетливо, логически свои мысли и слабыя практическія познанія заставили комиссію подвергнуть нѣкоторыхъ молодыхъ людей особенно продолжительному и повторяющемуся испытанію. Слабыхъ, обратившихъ на себя преимущественное вниманіе комиссіи, оказалось вообще 32 человѣка, то-есть, 12% общаго числа всѣхъ экзаменованныхъ. Результаты испытательной комиссіи Новороссійскаго университета заключаются въ слѣдующемъ. Постановивъ, что, за исключеніемъ 8-ми, не явившихся на испытаніе, всѣ прочіе могутъ быть приняты въ студенты, комиссія однакожь сдѣлала слѣдующія заключенія: 1) Экзаменовавшіеся въ исторіи оказали успѣхи слабые, преимущественно въ новой; воспитанники Кишиневской гимназіи особенно менѣе прочихъ отличались успѣхами; 2) въ латинскомъ языкѣ, за исключеніемъ Херсонской гимназіи, познанія оказались значительно нетверды; въ особенности воспитанники Таганрогской гимназіи не тверды въ знаніи этого языка; 3) въ математикѣ самыя основательныя успѣхи оказали воспитанники Николаевской и Херсонской гимназій, самыя слабыя — Кишиневской гимназіи; изъ гимназій другихъ учебныхъ округовъ лучшими оказался воспитанники Киевскихъ гимназій, довольно слабыми — воспитанники Житомирской гимназіи, очень слабыми — воспитанники семинарій; въ русскомъ языкѣ и словесности

успѣхи вообще оказались достаточные; судя по сочиненіямъ, многіе подтвердили только тѣ успѣхи, которые показаны въ аттестатахъ.

Изъ протоколовъ совѣтовъ другихъ университетовъ видно, что въ совѣтахъ возникали и обсуждались вопросы, касающіеся и другихъ испытаній, производимыхъ въ университетѣ. Такъ, въ совѣтѣ Харьковскаго университета (*Проток.* № 5), при обсужденіи вопроса о допущеніи въ студенты воспитанниковъ военныхъ и другихъ специальныхъ учебныхъ заведеній, высказаны были слѣдующія соображенія: 1) Нельзя не согласиться, что лица, съ успѣхомъ окончившія курсъ специальныхъ классовъ въ нѣкоторыхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ прежнее время безразлично причислявшихся къ разряду военно-учебныхъ, — каковы артиллерійское училище, институтъ корпуса горныхъ инженеровъ, морской корпусъ, институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, инженерная академія, — и приобрѣвшіе въ сихъ заведеніяхъ знаніе высшихъ частей математики и другихъ предметовъ, входящихъ въ составъ физико-математическаго факультета, могутъ считаться лучше приготовленными къ изученію сихъ предметовъ въ университетѣ, нежели тѣ, которыхъ образованіе ограничивается знаніемъ только предметовъ гимназическаго курса, и 2) что лица, окончившія курсъ въ упомянутыхъ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и пользующіяся соотвѣтственными служебными правами, могутъ быть побуждаемы къ посѣщенію университетскихъ курсовъ только любовью къ наукѣ; удовлетвореніе же этого стремленія, которое, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ всевозможнаго поощренія и содѣйствія со стороны учебнаго вѣдомства, безъ зачисленія въ студенты, дающаго право на пользование стипендіями и пособіями отъ университета, для людей недостаточныхъ можетъ представлять непреодолимая затрудненія. На основаніи этихъ соображеній, совѣтъ Харьковскаго университета призналъ справедливымъ просить ходатайства г. попечителя учебнаго округа о разрѣшеніи министерства по вопросу: могутъ ли лица, съ успѣхомъ окончившія полный курсъ въ поименованныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, еслибъ они пожелали поступить въ число студентовъ физико-математическаго факультета или явились къ испытанію на степень кандидата по этому факультету, быть зачисляемы въ студенты или допускаемы къ означенному испытанію, подѣ условіемъ представленія удостовѣренія въ выдержаніи ими испытанія въ гимназій, примѣнительно къ постановленію министерства, существующему относительно воспитанниковъ раввинскихъ училищъ, изъ одного только латинскаго языка.

По предложенію ректора Московскаго университета, совѣтъ постановилъ ходатайствовать о разрѣшеніи дополнить правило объ испытаніи студентовъ новымъ параграфомъ слѣдующаго содержания: „Если студентъ, имѣя за предыдущіе экзамены того курса, въ коемъ находится, и курсовъ имъ пройденныхъ, баллы, дающіе право на степень кандидата, получить изъ какого-либо предмета баллъ неудовлетворительный (единицу), то ему можетъ быть дозволено переэкзаменоваться въ августѣ мѣсяцѣ, но не иначе какъ изъ всѣхъ предметовъ своего курса, по ходатайству факультета и съ разрѣшенія совѣта“.

Студенты Московскаго университета еврейскаго происхожденія обратились въ юридическій факультетъ съ просьбою объ освобожденіи ихъ отъ испытанія изъ каноническаго права, считая изученіе сего предмета, какъ несогласное съ ихъ вѣроисповѣданіемъ, насиліемъ своей совѣсти. Юридическій факультетъ призналъ невозможнымъ удовлетворить эту просьбу на томъ основаніи, 1) что уставомъ университетовъ не положено исключеніе этого предмета для студентовъ, какого бы они ни были вѣроисповѣданія, и 2) что изученіе каноническаго права необходимо для юриста, да и самая практика, какъ юридическая, такъ и административная, требуетъ отъ служащихъ въ христіанскомъ государствѣ знанія каноническаго права, какъ тѣсно связаннаго со всѣми другими правилами о христіанскомъ обществѣ. Совѣтъ Московскаго университета по выслушаніи мнѣнія юридическаго факультета объ этомъ вопросѣ, обсужденіе его отложилъ до слѣдующаго засѣданія (*Моск. унив. изв.* № 8).

Совѣтъ университета св. Владиміра, согласно съ мнѣніемъ медицинскаго факультета, полагаетъ, что требуемые отъ испытываемаго на степень доктора медицины два письменные отвѣта должны быть написаны на русскомъ языкѣ; при чемъ иностранцамъ, согласно ст. 440 т. XIII Св. Зап. (изд. 1857 г.), разд. III, вн. 1 закон. гражд., слѣдуетъ предоставить право излагать эти отвѣты на русскомъ или же на одномъ изъ употребительнѣйшихъ европейскихъ языковъ, по соглашенію каждый разъ съ факультетомъ (*Кiev. унив. изв.* № 11).

— Въ протоколахъ университетскихъ совѣтовъ, имѣвшихся у насъ подъ руками при составленіи настоящей лѣтописи, мы нашли слѣдующія извѣстія объ ученыхъ диспутахъ. Въ Новороссійскомъ университетѣ исправляющій должность экстраординарнаго профессора онаго по каедрѣ русской исторіи магистръ *Смирновъ*, 20-го октября минувшаго года, въ публичномъ засѣданіи историко-филологическаго факультета, защищалъ диссертацию на степень доктора русской исторіи

подъ заглавіемъ: „Ягелло - Яковъ - Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею“ (*Проток. Новор. унив.* № 4). Въ публичныхъ засѣданіяхъ физико-математическихъ факультетовъ С.-Петербургскаго и Харьковскаго университетовъ происходили магистерскіе диспуты, въ первомъ — два, а во второмъ — одинъ. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ защищали диссертациі: кандидатъ *Евневичъ* — на степень магистра прикладной математики, подъ заглавіемъ: „Руководство къ изученію законовъ сопротивленій строительныхъ матеріаловъ съ присоединеніемъ общихъ началъ теоріи упругости твердыхъ тѣлъ“, и кандидатъ *Шведовъ* — на степень магистра физики, „О значеніи непроводниковъ въ электростатикѣ“ (*Проток. С.-Петерб. университета*, № 16). Въ Харьковскомъ университетѣ, 27-го мая, кандидатъ *Бріо* защищаль диссертацию, подъ заглавіемъ: „Кристаллографическія и кристаллооптическія изслѣдованія нѣкоторыхъ искусственныхъ кристалловъ“, представленную для полученія степени магистра минералогіи и геологіи (*Проток. Харьк. унив.* № 6.). Всѣ означенныя лица признаны достойными искомыхъ ими ученыхъ степеней. По поводу этого краткаго извѣстія объ ученыхъ диспутахъ, почти всегда въ этой формѣ заносимаго въ нашу лѣтопись, мы не можемъ не пожалѣть, что должны ограничиваться сообщеніемъ лишь того, что находимъ по этому предмету въ университетскихъ протоколахъ, въ которыхъ иногда не упоминается даже о томъ, когда происходилъ диспутъ, между тѣмъ какъ для интересующихся научно дѣятельностью университетовъ, безъ сомнѣнія, было бы желательно имѣть болѣе подробныя извѣстія о диспутахъ по случаю защищенія диссертаций на ученые степени, напримѣръ, тезисы диссертаций, имена оппонентовъ официальныхъ и неофициальныхъ и хотя бы краткія указанія о ходѣ диспутовъ. Эти данныя, вѣроятно, болѣе или менѣе входятъ въ составъ журналовъ публичныхъ факультетскихъ засѣданій по случаю защищенія диссертаций на ученые степени, и потому эти журналы, будучи прилагаемы къ протоколамъ университетскихъ совѣтовъ, могли бы служить дополненіями къ нимъ вполне умѣстными и весьма желательными.

— Въ истекшемъ году совѣты университетовъ С.-Петербургскаго, Новороссійскаго и Харьковскаго, по ходатайствамъ подлежащихъ факультетовъ, постановили оставить при университетѣ, для приготовленія къ испытанію на степень магистра, первый — двоихъ молодыхъ людей и послѣдніе два — по одному. При С.-Петербургскомъ университетѣ оставлены: кандидатъ *Самоквисовъ*, для приготовленія къ испытанію на степень магистра по государственному праву, съ производ-

ствомъ ему стипендіи по 600 руб. въ годъ, и кандидатъ *Барсовъ* — для приготовленія къ испытанію на степень магистра по русской исторіи. Ходатайство о г. Барсовѣ, заявившемъ себя уже нѣсколькими трудами и между прочимъ „Матеріалами для географическо-историческаго словаря“, факультетъ основалъ на представленіи г. профессора *Бестужева-Рюмина*; и такъ какъ г. Барсовъ вполне подходитъ подъ категорію профессорскихъ кандидатовъ, указанныхъ § 2, лит. г. Высочайше одобренныхъ правилъ для приготовленія профессоромъ, то совѣтъ университета постановилъ ходатайствовать о назначеніи ему стипендіи министерства народнаго просвѣщенія (*Проток. С.-Петерб. унив.* № 15 и 17). Профессоръ Новороссійскаго университета *Карастелевъ* донесъ физико-математическому факультету, что кандидатъ *Ярошенко*, окончившій курсъ въ истекшемъ академическомъ году и получившій золотую медаль за написанное имъ разсужденіе, изъявилъ желаніе остаться стипендіатомъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ чистой математики; къ сему профессоръ присовокупилъ, что г. Ярошенко во все время пребыванія своего въ университетѣ обнаруживалъ замѣчательныя способности и особенное прилежаніе къ занятіямъ. Находя съ своей стороны оставленіе г. Ярошенка при университетѣ въ качествѣ стипендіата вполне полезнымъ, г. Карастелевъ просилъ факультетъ ходатайствовать объ этомъ предъ совѣтомъ университета. По произведенной въ совѣтѣ баллотировкѣ, въ пользу оставленія г. Ярошенка при университетѣ оказались всѣ наличныя 9 голосовъ. Онъ оставленъ на годъ, съ производствомъ 400 руб. стипендіи, и ближайшее руководство въ занятіяхъ его чистою математикою и контроль надъ этими занятіями поручены г. профессору *Сабинину* (*Проток. Новор. унив.* № 3). При Харьковскомъ университетѣ, по представленію доцента *Шимкова*, оставленъ для занятій физикою кандидатъ *Бокій* съ зачисленіемъ на одну изъ свободныхъ стипендіатскихъ вакансій (*Прот. Харьк. унив.* № 5 и 6).

— Новороссійскій университетъ обогатился въ концѣ истекшаго года весьма важнымъ и цѣннымъ приобрѣтеніемъ: ему было разрѣшено купить за 19.000 руб., на счетъ остатка отъ назначенной по смѣтлѣ суммы на содержаніе въ 1868 году, юридическую бібліотеку сенатора Р. М. *фонъ-Губе*, бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета во время существованія при ономъ юридическихъ курсовъ для юношества Царства Польскаго. Сношенія съ владѣльцемъ бібліотеки о покупкѣ ея начаты были еще въ концѣ 1867 года, и затѣмъ въ маѣ 1868 года, совѣтъ Новороссійскаго университета командиро-

валъ въ Варшаву, для предварительнаго осмотра библіотеки, профессора *Леонтовича*, отчетъ котораго объ осмотрѣ библіотеки прочтанъ былъ въ засѣданіи совѣта 19-го августа. Бывшая библіотека г. фонъ-Губе заключаетъ въ себѣ всѣ самыя важныя памятники законодательства Востока, древней Греціи, Рима и Византійской имперіи; всѣ такъ-называемыя *leges barbarorum* и законы средненевѣковыя Италіи, Испаніи, Португаліи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Англіи, Швейцаріи и всѣхъ отдѣльныхъ государствъ, входившихъ въ составъ бывшаго Германскаго союза, и кромѣ того Даніи, Швеціи, Норвегіи; законы Россіи и прочихъ народовъ славянскихъ, и въ томъ числѣ Черногорцевъ, Прибалтійскихъ Славянъ; наконецъ, законы Венгріи, Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи. Подъ именемъ законодательствъ Востока разумѣются здѣсь законы Индіи, Китая, книги о законахъ Евреевъ и мусульманскихъ. Каждое изъ этихъ отдѣленій заключаетъ въ себѣ полное собраніе, начиная отъ самыхъ древнихъ памятниковъ законодательства и доходя до конца прошедшаго столѣтія. Кромѣ того, въ библіотекѣ есть особое отдѣленіе, въ которомъ помѣщены кодексы всѣхъ народовъ европейскихъ, изданные въ текущемъ столѣтіи до настоящаго времени. Каждое изъ вышепоименованныхъ отдѣленій заключаетъ въ себѣ, кромѣ памятниковъ законодательства, сочиненія догматическія и историческія, объясняющія права каждаго народа. Въ особенности собраніе книгъ французскихъ и нѣмецкихъ, изданныхъ въ наше время по части исторіи права, заключаетъ въ себѣ всѣ важнѣйшія труды школъ нѣмецкой и французской, такъ что по каждому болѣе важному вопросу собраны не только всѣ болѣе обширныя сочиненія, но и брошюры. Не такъ полно только отдѣленіе англійское, гдѣ нѣтъ между прочимъ официальнаго собранія англійскихъ статутовъ. Кромѣ собранія памятниковъ законодательства, есть въ библіотекѣ особыя отдѣленія, въ которыхъ помѣщены всѣ важнѣйшія сочиненія о правѣ римскомъ какъ глоссаторовъ, такъ и школъ французской, голландской и новѣйшей нѣмецкой, а также и значительное собраніе книгъ о правѣ каноническомъ и феодальномъ, о правѣ народовъ, о философіи права, о правѣ уголовномъ и о судопроизводствѣ какъ гражданскомъ, такъ и уголовномъ. Что касается до собранія по части законовъ, то по заявленію г. фонъ-Губе, его собраніе превышаетъ богатствомъ своимъ всѣ извѣстныя ему собранія сего рода въ Европѣ: ибо хотя число книгъ по сей части въ нѣкоторыхъ европейскихъ библіотекахъ и значительнѣе, но ни одна изъ нихъ не можетъ сравниться съ его собраніемъ въ отношеніи какъ полноты законода-

тельныхъ памятниковъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, такъ и въ отношеніи самаго старательнаго выбора лучшихъ и важнѣйшихъ сочиненій. Г. фонъ-Губе въ послѣднее время имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ при посѣщеніи извѣстной по собранію книгъ сего рода Геттингенской библіотеки. Библіотека г. фонъ-Губе составлялась въ теченіе болѣе 40 лѣтъ и заключаетъ въ себѣ болѣе 10-ти тысячъ томовъ. Что касается внѣшняго вида библіотеки, то, какъ замѣчаетъ г. Леонтовичъ, она сбережена какъ нельзя лучше; особенно хорошо сохранились старопечатные и рукописные сборники. Старые фолианты болѣею частію въ кожаныхъ переплетахъ; остальные сборники и книги нерѣдко имѣютъ великолѣпные переплеты. Словомъ, касательно цѣлости и сохранности отдѣльныхъ томовъ нельзя желать ничего лучшаго. По славянскому отдѣлу замѣчательно въ особенности собраніе источниковъ по чешскому и юго-славянскому (сербскому и хорватскому по преимуществу) праву: кромѣ новѣйшихъ сборниковъ, есть очень много рукописныхъ и старопечатныхъ, нынѣ весьма рѣдкихъ. Большинство памятниковъ и сочиненій по польскому праву г. фонъ-Губе оставилъ за собой. Впрочемъ, этотъ отдѣлъ университетской библіотеки, какъ замѣчаетъ г. Леонтовичъ, значительно имъ пополненъ, такъ что теперь находятся въ ней всѣ необходимые источники по польскому праву. Но по просьбѣ г. Леонтовича, г. фонъ-Губе оставилъ въ составѣ отчужденной библіотеки нѣсколько старыхъ сборниковъ, которыхъ нѣтъ въ университетской библіотекѣ, напримѣръ, сборникъ Яскера и Гронцаго по магдебургскому праву польскихъ и литовско-русскихъ городовъ. Недостатокъ времени не дозволилъ г. Леонтовичу составить полное описаніе всѣхъ деталей библіотеки г. фонъ-Губе, и потому въ отчетѣ своемъ онъ ограничивается болѣе важными и капитальными частями ея, въ особенности законодательными памятниками и важнѣйшими изслѣдованіями, которыя одни могутъ дать довольно приблизительное понятіе о богатствѣ осматрѣнной имъ библіотеки. Мы приводимъ здѣсь перечень памятниковъ и сочиненій по законодательствамъ славянскимъ.

а) По южно-славянскому законодательству есть, кромѣ новѣйшихъ сборниковъ Кукулевича (Jura и Archiv), Миклошича (Monumenta Serbica и Душановъ Законникъ), Обреновича (Споменици), Венцеля и Шафарика, нѣсколько памятниковъ старыхъ изданій: статуты Сеньи, Триеста (изд. Кандлера), Истрии (нѣсколько статутовъ), stat. di Zara, Jadertina; Степеникъ (Дучича); черногорскій Законникъ. Изъ сочиненій замѣчательны: Ангела (исторія Далмаціи, въ полномъ составѣ, — очень рѣдкая вещь), Луціо (оба сочиненія — De regno Dalmatiae и Historia di Trau), Утѣшеновича (о задругѣ и

описание военной границы), Штопфера, Вукотиновича, Гримани (о Далмации), Буковецкаго (тоже), Каталничча, Фортиса (Saggio), Чиприена, Чарловича, Бласковича, Милутиновича, Клодига (о торговых законахъ Сербіи), Майкова (исторія сербскаго языка, — въ Григоровичевской библиотекѣ это сочинение находится въ неполномъ составѣ); каталогъ библиотекы Шафарика и мн. др. Изъ журналовъ важны—*Правдоюша, магазинъ Далматинскій, Часопись* (Матицы). б) Особенно полное собраніе источниковъ по чешско-моравскому законодательству. Есть много рѣдкихъ сборниковъ стараго времени: Zřizení zemské (чешское и моравское); práva miestské; законы Брюна 1669 (рѣдкое и старое изданіе); старые сборники Штейнбаха, Zalábaka, Якоби и др. Собраны всѣ новѣйшіе сборники—Бочека, Эрбена, Палацкаго, Ресслера, Хлуменскаго, Демута (два сборника — земскія книги и книга Товачовская), Ирѣчка (новѣйшій сборникъ — codex juris Bohemici, 1867) и др. Много старыхъ чешскихъ юристовъ—Шегрдь, Странскій, Прошковскій, Лукше, Голядасть и др. Вообще чешскій отдѣлъ самый полный. Между сборниками есть рукописные, напримѣръ, моравское zřizení, доселѣ мало извѣстное ученымъ. с) По законодательству Славянъ *силезскихъ и лужицкихъ* есть также всѣ необходимые источники: сборники Вейнгартена, Штенцеля, Грюнхагена, Ваттенбаха, Ворбса и др.; изданія общества любителей исторіи; zřizení княжествъ Опольскаго и Тѣшинскаго (оба zřizení рукописные). Собраны всѣ статьи и полныя сочиненія—Гаушпа, Фриденберга, Меркера и др. е) Изъ *польскихъ и литовскихъ* памятниковъ принадлежатъ къ библиотекѣ нѣсколько старыхъ сборниковъ и сочиненій. Изъ нихъ замѣчательны: сборники Гаварецкаго, Бандтке, Стрончинскаго, Гербурта (не полонь), Ганова (Jus culmense); законы Дандига Volumina legum (старое изданіе); Speculum Saxonium 1601 (изд. Яскера); сборн. Гронцкаго (извлеченія изъ магдебург. права); прусская корректура; Литовскіе статуты (русскія изданія Общества Исторіи и Древн. Рос.). Сочиненія—Островскаго, Паціорковскаго, Коровицкаго, и др. е) Собраны почти всѣ источники по законодательству *балтійскихъ* Славянъ. Есть сборники очень рѣдкіе — Дрейера, Клемпина, Фойхта, Фабриція, Лиша и др., вмѣстѣ съ лучшими сочиненіями по исторіи балтійскихъ Славянъ. ф) Есть сборники по законодательству *ветерскихъ* Славянъ (Вербечь, Эндлихеръ, Коваджичъ, Орошъ, Вагнеръ), съ важнѣйшими сочиненіями (Марковичъ, Будингеръ, Грушъ, Лихнеръ, Келемень и др.). г). По *русскому* законодательству не много источниковъ. Лучшимъ приобрѣтеніемъ здѣсь можетъ быть полное собраніе законовъ (до 1861 года — безъ дефектовъ). За то есть довольно полное собраніе законовъ Остзейскаго края и Финляндіи (собраніе 1857). Собраны всѣ лучшія сочиненія по исторіи русскаго права (Эверсъ, Рейцъ и др.) и мѣстныхъ Остзейскихъ законовъ (Бунге, Эверсъ и др.).

— Почетный членъ Московскаго университета *М. П. Погодинъ* довелъ до свѣдѣнія совѣта этого университета, что сумма пожертвованій на памятникъ покойнаго профессора *С. П. Шевырева*, доставленныхъ вслѣдствіе сдѣланнаго приглашенія, простирается безъ малаго до 2.000 руб. (въ томъ числѣ отъ членовъ университета 151 руб.). Памятникъ, по рисунку покойнаго профессора Рамазанова, отлично

извѣщенный въ мастерской Кабанова, поставленъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, съ надписью: *Учителю русской словесности, профессору и академику Степану Петровичу Шевыреву, друзья, товарищи и ученики.* На другой сторонѣ показанъ годъ его рожденія (въ Саратовѣ, 1805 г. октября 18-го) и годъ его кончины, въ Парижѣ (1864 года, мая 8-го). Внизу текстъ изъ посланія къ Галатамъ: „Сѣяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе, а сѣяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животь вѣчный“ (VI. 8). Устройство памятника обошлось около 800 рублей. Отослано въ одну изъ приходскихъ церквей Волыни, по вызову г-жи Кохановской, для поминовенія и вмѣстѣ съ благотворительною цѣлю 100 руб. За симъ г. Погодинъ сообщаетъ, что семейство покойнаго Шевырева полагаетъ остающіеся за разными расходами 1.000 руб., если на то послѣдуетъ рѣшеніе совѣта, раздѣлить на четыре награды для студентовъ за наилучшія сочиненія по слѣдующимъ предметамъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ: 1) Полное библиографическое обзореніе всѣхъ сочиненій и переводовъ С. П. Шевырева, съ обозначеніемъ ихъ содержанія и значенія и критическою оцѣнкою; 2, 3, 4) разсужденія по предметамъ любимыхъ его занятій: по исторіи русскаго языка и древней русской словесности до Петра I-го; по исторіи новой русской словесности, XVIII столѣтія; по исторіи западной словесности, преимущественно итальянской. Награды имѣютъ быть присуждаемы историко-филологическимъ факультетомъ Московскаго университета. Срокъ назначается годичный. Увѣнчаніе наградою должно происходить 8-го мая, въ день кончины профессора. Къ этому г. Погодинъ присовокупилъ, что было бы желательно учредить ежегодную награду навсегда, то-есть, собрать такую сумму, съ которой 150 или 200 руб. процентовъ было бы достаточно для вознагражденія студента въ каждомъ году за лучшее сочиненіе по предмету русской словесности вообще. Заявивъ, что съ этою цѣлю принимаются нѣкоторыя мѣры, г. Погодинъ предложилъ совѣту Московскаго университета принять на себя изданіе всѣхъ сочиненій и переводовъ покойнаго профессора, предпринятыхъ имъ въ университетѣ и для университета. „Это изданіе, говоритъ г. Погодинъ, будетъ, разумѣется, лучшимъ памятникомъ, который воздвигнется обще признательностью товарищей заслугамъ покойнаго профессора. Если бы совѣту угодно было назначить 1.500 руб. на это изданіе, то можно было бы напечатать въ университетской типографіи тома три, выручка отъ продажи которыхъ могла бы быть употреблена на изданіе слѣдующихъ трехъ томовъ, и такъ далѣе, а въ заключеніе университетъ,

возвративъ всѣ свои издержки, обратилъ бы лишніе экземпляры въ пользу семейства“. Представляя эту мысль на благоусмотрѣніе совѣта, г. Погодинъ присовокупилъ увѣреніе, что онъ съ своей стороны, какъ ближайшій товарищъ трудовъ покойнаго, готовъ содѣйствовать, сколько есть у него силъ, ея исполненію къ чести университета. Историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, на заключеніе котораго переданы были сообщенныя г. Погодинымъ предложенія, донесъ совѣту, что факультетъ, принимая съ благодарностью предложеніе о назначеніи 1.000 руб. въ память С. П. Шевырева на награды студентамъ за сочиненія по указаннымъ предметамъ, окончательное рѣшеніе о другомъ предложеніи — относительно изданія сочиненій Шевырева — полагалъ бы отложить до того времени, когда, по соображеніямъ книгопродавцевъ, окажется нужнымъ новое изданіе сочиненій покойнаго Степана Петровича. Совѣтъ постановилъ увѣдомить о семъ г. Погодина (*Москов. Унив. Изв.* № 7 и 8).

— Служащими при С.-Петербургскомъ университетѣ собранъ, по добровольной подпискѣ, капиталъ на учрежденіе школы въ селѣ Молвитинѣ — родинѣ Коммисарова - Костромскаго; но учрежденіе школы еще не состоялось по нижеслѣдующимъ обстоятельствамъ, рассмотрѣннымъ совѣтомъ университета въ засѣданіи 7-го октября истекшаго года. Составленная совѣтомъ особая коммиссія для болѣе точнаго опредѣленія условій относительно пожертвованія на предназначенную къ учрежденію школу входила по сему предмету въ сношеніе съ волостнымъ управленіемъ села Молвитина, которое отозвалось, что въ этомъ селеніи предполагается открыть, независимо отъ упомянутой сельской школы, еще двухклассное училище; но совѣтъ университета призналъ свѣдѣніе, сообщенное волостнымъ правленіемъ, а равно и заявленіе мѣстнаго мирового посредника, недостаточными для полнаго разъясненія дѣла, и нашелъ нужнымъ обратиться, чрезъ г. попечителя учебнаго округа, въ министерство народнаго просвѣщенія о сообщеніи указаній о томъ, въ какія отношенія должна быть поставлена сельская школа въ селѣ Молвитинѣ къ учреждаемому тамъ двухклассному училищу, такъ какъ указанія эти необходимы для окончательныхъ соображеній совѣта университета о томъ, на какихъ именно основаніяхъ можетъ быть открыта въ селѣ Молвитинѣ сельская школа на упомянутое пожертвованіе. Между тѣмъ начальство Московскаго учебнаго округа вошло въ министерство съ представленіемъ о пользѣ устройства въ томъ же селѣ предпочтительно двухкласснаго училища съ тѣмъ, чтобы пожертвованный С.-Петербургскимъ университетомъ ка-

питаль былъ употребленъ на стипендіи и обученіе ремесламъ или другія учебныя надобности крестьянъ, уроженцевъ села Молвитина. Министерство народнаго просвѣщенія, предварительно какихъ-либо распоряженій по сему предмету, въ видахъ надлежащаго приведенія въ исполненіе Высочайшей воли объ учрежденіи въ селѣ Молвитинѣ самостоятельной школы исключительно на пожертвованія С. - Петербургскаго университета, признало необходимымъ потребовать отъ г. попечителя Московскаго учебнаго округа свѣдѣнія о томъ, начата ли въ селѣ Молвитинѣ постройка дома для двухкласснаго училища на ассигнованную министерствомъ на этотъ предметъ сумму и если не начата, то сдѣланы ли предварительныя расходы по сему предмету, если же и сихъ послѣднихъ еще не сдѣлано, то не представится ли возможность двухклассное училище учредить въ другомъ мѣстѣ, гдѣ болѣе настоятъ надобности въ училищѣ. На это былъ полученъ отзывъ, что хотя по устройству двухкласснаго училища никакихъ расходовъ еще не сдѣлано, но что, по мнѣнію мирового посредника, устройство этого училища именно въ селѣ Молвитинѣ признается необходимымъ по слѣдующимъ причинамъ: а) это село представляетъ самый удобный пунктъ для открытія училища, какъ центральный въ мировомъ участкѣ и какъ большое торговое село, въ которое еженедѣльно съѣзжаются изъ многихъ уѣздовъ: Любимскаго, Костромскаго, Галичскаго и другихъ сосѣдственныхъ; б) пожертвованныя крестьянами деньги, въ случаѣ назначенія училища въ другой мѣстности, должны быть возвращены, такъ какъ пожертвованіе сдѣлано было крестьянами собственно на устройство дома двухкласснаго училища въ селѣ Молвитинѣ; в) для перевода училища въ другую мѣстность участка мирового посредника ни одна изъ нихъ не представляетъ такихъ удобствъ въ отношеніи отвода земли подъ училище, какъ село Молвитино, потому что близлежація около другихъ приходоу земли находятся въ пользованіи церковно-служителей и составляютъ собственность церквей, которыя не будутъ имѣть права на уступку ихъ для училища; г) если же устроить училище вдали отъ прихода, то законоучителю будетъ трудно исправно посѣщать классы. Къ этимъ неудобствамъ перенесенія предположеннаго училища въ другой пунктъ мирового участка г. попечитель присовокупилъ, что перемѣщеніе училища вообще въ другую мѣстность губерніи представило бы большое неудобство въ томъ отношеніи, что сумма 750 руб., бывъ первоначально отпущена министерствомъ на устройство двухкласснаго училища въ селѣ Середа - Уинно (Нерехтскаго уѣзда), въ послѣдствіи переведена на Молвитинское

училище Буйскаго уѣзда, изъ котораго нужно будетъ дѣлать уже третій переводъ; суммы же, пожертвованныя равными вѣдомствами на устройство училища въ селѣ Молвитинѣ и доставленныя въ вѣдѣніе губернскаго училищнаго совѣта, не могутъ быть переданы на устройство училища въ другой мѣстности, такъ какъ такая передача была бы противна волѣ жертвователей, и безъ этихъ денегъ 750 руб. на постройку училища будетъ крайне недостаточно. Притомъ предположеніе объ устройствѣ двухкласснаго училища въ селѣ Молвитинѣ хорошо извѣстно населенію не только Буйскаго уѣзда, но и губерніи, и оставленіе теперь этого пункта, связаннаго съ воспоминаніемъ о подвигѣ Коммисарова-Костромскаго, произведетъ непріятное впечатлѣніе не только на крестьянъ, но и на образованные классы населенія. Таковой отзывъ попечителя Московскаго учебнаго округа былъ подвергнутъ обсужденію въ состоящей при С.-Петербургскомъ университетѣ комиссіи, которая, имѣя въ виду, что двухклассное училище въ селѣ Молвитинѣ не только еще не открыто, но и постройка дома еще не начата и не сдѣлано никакихъ предварительныхъ расходовъ, полагала собранную университетомъ сумму оставить въ вѣдѣніи университета, безъ передачи куда бы то ни было, до тѣхъ поръ, пока предположенное устройство двухкласснаго училища въ селѣ Молвитинѣ не приведется мѣстными дѣятелями въ исполненіе. По открытіи же такового училища, университету необходимо будетъ получить точныя свѣдѣнія объ устройствѣ училища и программу преподаваемыхъ въ немъ предметовъ. Только тогда, по мнѣнію комиссіи, университетъ можетъ подвергнуть обсужденію вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли собранную имъ сумму передать двухклассному училищу или же открыть особую самостоятельную сельскую школу. Совѣтъ, вполне соглашаясь съ заключеніемъ комиссіи, постановилъ отложить обсужденіе настоящаго вопроса до полученія свѣдѣній объ устройствѣ въ селѣ Молвитинѣ двухкласснаго училища (*Проток. С.-Петерб. унив. № 14*).

— Занимающій кафедрой физики въ Харьковскомъ университетѣ доцентъ *Шимковъ* вошелъ въ физико-математическій факультетъ съ представленіемъ, въ которомъ между прочимъ изложилъ, что преподавателямъ этого факультета извѣстно, какъ много времени требуетъ подготовленіе физическихъ снарядовъ для лекцій опытной физики, что многіе снаряды послѣ однократнаго употребленія нужно тщательно перечистить, что во время самаго преподаванія надъ приборами приходится совершать различныя манипуляціи, а въ аудиторіи закрывать и отсрывать ставни, — что все неудобно возлагать ни на преподавателя,

ни на слушателей. Нѣкоторымъ изъ указанныхъ выше нуждъ удовлетворяетъ механикъ университета г. *Эдельбергъ*, который по отношенію къ физическому кабинету исполняетъ болѣе, чѣмъ требуютъ того пріятія имъ на себя обязанности. Но г. Шимковъ не счелъ себя въ правѣ требовать отъ него назначенія постоянного рабочаго при кабинетѣ и на лекціяхъ, и кромѣ того, такъ какъ выборъ и перемѣна рабочаго будутъ зависѣть отъ произвола механика, то присутствіе такового не можетъ быть особенно полезно для преподаванія. А что присутствіе помощника дѣйствительно необходимо и не есть предметъ роскоши, г. Шимковъ указалъ на профессоровъ *Мануса*, *Кирхгофа*, *Клазиуса*, *Жамена*, *Беккереля*, которые имѣютъ при физическихъ кабинетахъ по одному или даже по два помощника. Это побудило г. Шимкова обратиться въ факультетъ съ просьбою исходатайствовать у совѣта разрѣшеніе нанять для означенной цѣли помощника съ платою ему по 300 рублей въ годъ изъ специальныхъ средствъ университета, на что и послѣдовало согласіе совѣта (*Проток. Харьк. унив. № 5 и 6*).

— 4-го января сего года скончался въ Москвѣ, на 73-мъ году жизни, почетный членъ Московскаго университета *Аркадій Александровичъ Альфонскій*, память котораго профессоръ того же университета *Полунинъ* почтилъ некрологомъ, напечатаннымъ въ № 5 *Московскихъ Вѣдомостей*. Заносимъ въ нашу лѣтопись, на основаніи этого некролога, свѣдѣнія о служебной и общественной дѣятельности почившаго. А. А. Альфонскій родился въ Вологдѣ 8-го февраля 1796 года, первоначальное образованіе получилъ въ Москвѣ подъ руководствомъ Гедике и четырнадцати лѣтъ поступилъ въ студенты Московскаго университета, гдѣ онъ пользовался особою благосклонностью профессоровъ М. Я. Мудрова и Ѳ. А. Гильтебрандта. По вступленіи въ Москву непріятелей, Альфонскій вмѣстѣ съ Гильтебрандтомъ выѣхалъ во Владимір-на-Клязьмѣ, гдѣ былъ постояннымъ его помощникомъ при лѣченіи многочисленныхъ раненныхъ. Подъ руководствомъ преимущественно этого профессора онъ развился какъ хирургъ и получилъ степень доктора медицины и хирургіи. Съ 1819 по 1848 годъ онъ преподавалъ въ университетѣ хирургію, преимущественно придерживаясь ученія французскихъ хирурговъ, и въ это время приобрѣлъ громкую извѣстность производствомъ операцій, особенно литотоміи, вслѣдствіе чего имѣлъ въ свое время огромную практику, какъ врачъ и какъ консультантъ. Онъ былъ восемь лѣтъ деканомъ медицинскаго факультета, четыре года проректоромъ и девятнадцать лѣтъ ректоромъ, сперва, 6 лѣтъ, по избранію совѣта, и затѣмъ по назначенію

отъ правительства. Онъ былъ почетнымъ членомъ Московскаго физико-математическаго общества и С.-Петербургскаго общества русскихъ врачей, дѣйствительнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и почетнымъ мировымъ судьей. Кромѣ университета, съ 1817 по 1850 годъ онъ служилъ при Московскихъ учрежденіяхъ Императрицы Маріи. Службу онъ оставилъ въ 1863 году. Едва пронеслась вѣсть о его кончинѣ, какъ многочисленные сослуживцы, ученики, друзья и почитатели его стали стекаться около его гроба. По просьбѣ членовъ университета, отпѣваніе тѣла покойнаго происходило въ университетской церкви. Въ № 6 *Моск. Вѣдом.* помѣщена краткая замѣтка о душевныхъ качествахъ Альфонскаго, въ которой между прочимъ сказано: „Съ умомъ просвѣщеннымъ и мыслящимъ Аркадій Алексѣевичъ былъ глубоко русскій человекъ и горячо принималъ къ сердцу всѣ интересы отечества. На склонѣ жизни, въ тиши своего уединенія, до послѣдняго конца слѣдилъ онъ съ волненіемъ юноши за ходомъ дѣлъ, то скорбя, то радуясь въ виду оборотовъ, которые они принимали. Старость не черствила его, какъ часто бываетъ; но, напротивъ, растворяла и возбуждала его душу“.

Г И М Н А З И И.

Мнѣнія педагогическихъ совѣтовъ гимназій Московскаго учебнаго округа относительно устройства общихъ ученическихъ квартиръ и надзора за учениками и въ гимназій. — Празднованіе въ гимназійхъ и другихъ училищахъ того же округа годовщины рожденія И. А. Крылова. — Вопросы, разсмотрѣнные и рѣшенные педагогическимъ совѣтомъ Калішской гимназіи. — О недробленіи предметовъ окончательнаго испытанія учениковъ VII класса гимназій въ Казанскомъ учебномъ округѣ. — О заведеніи библіотекъ тамъ же для снабженія изъ нихъ учебниками и учебными пособиями бѣдныхъ учениковъ.

Признавая, что надзоръ за учениками внѣ заведенія, особенно за тѣми изъ нихъ, которые не живутъ съ своими родственниками, имѣеть весьма важное значеніе въ воспитательномъ отношеніи, г. попечитель Московскаго учебнаго округа, въ началѣ истекшаго года, предложилъ педагогическимъ совѣтамъ гимназій обсудить два вопроса: 1) возможно ли по мѣстнымъ условіямъ устройство общихъ ученическихъ квартиръ, и если возможно, то какія принять мѣры, чтобы квартиры эти способствовали достиженію учебно-воспитательныхъ цѣлей, и 2) на какихъ основаніяхъ возможно устроить контроль надъ занятіями и поведеніемъ учащихъ внѣ заведенія. Мнѣнія педагогическихъ совѣтовъ по этимъ двумъ вопросамъ напечатаны въ № 11 *Циркуляра*

по *Московскому учебному округу* и заключаются, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ. Такъ какъ 1-я и 5-я *Московскія* гимназіи находятся подъ управленіемъ одного директора, то означенные вопросыобсуждались по отношенію къ симъ двумъ гимназіямъ въ соединенномъ педагогическомъ совѣтѣ ихъ. Изъ числа учащихся въ 1-й и 5-й гимназіяхъ оказались 42 ученика, живущихъ не съ своими родителями или не съ близкими родственниками, и притомъ 13 изъ нихъ помѣщаются у лицъ, служащихъ при сихъ гимназіяхъ, такъ что остается 29 учениковъ такихъ, которыхъ должно имѣть въ виду. По мнѣнію педагогическаго совѣта, даже при такомъ маломъ числѣ учениковъ, нуждающихся въ квартирахъ, трудно разчитывать на людей вполне надежныхъ, которые бы въ этомъ случаѣ предложили свои услуги и поставили пользу ввѣренныхъ ихъ надзору дѣтей выше собственныхъ своихъ интересовъ. Притомъ, по своимъ средствамъ, эти 29 учениковъ чрезвычайно разнообразно поставлены въ матеріальномъ отношеніи, и потому соединить ихъ не только въ одну группу, но даже въ двѣ или три, довольно трудно. А чтобы по возможности слѣдить за приходящими учениками на улицахъ, особенно послѣ окончанія уроковъ, когда ученики возвращаются домой, наблюденіе за ними какъ на дворѣ гимназій, такъ и на разстояніи недалекомъ отъ нихъ, поручаются эконому и двоимъ надежнымъ унтеръ-офицерамъ, которые обязаны останавливать и представлять къ инспектору учениковъ, позволяющихъ себѣ неприличіе въ поступкахъ. Въ то же время отряжаются два надзирателя на *Пречистенскій бульваръ*, гдѣ наиболѣе скопляется масса учениковъ, возвращающихся домой. Здѣсь надзиратели на всемъ протяженіи бульвара слѣдятъ за учениками, не допуская ихъ до шалостей; тѣ же надзиратели по вечерамъ выходятъ на тотъ же бульваръ для наблюденія за учениками. *Вторая Московская* гимназія не представила никакого мнѣнія, вѣроятно на томъ основаніи, что, по донесенію директора, изъ числа учащихся въ ней только 5 живутъ на квартирахъ у лицъ совершенно постороннихъ. Педагогическій совѣтъ *третьей Московской* гимназіи призналъ совершенно неудобопримѣнимымъ устройство ученическихъ квартиръ по слѣдующимъ причинамъ: 1) Завѣдываніе ученическими квартирами должно быть поручено лицу, котораго личный характеръ, образъ мыслей и педагогическій тактъ были бы совершенно извѣстны гимназическому начальству. А въ такомъ обширномъ городѣ, какъ Москва, весьма трудно знать людей, коимъ безопасно можно было бы ввѣрить подобное заведеніе, полагаться же на рекомендацію не вполне надежно.

2) Если и найдутся лица, желающія содержать ученическія квартиры, то, конечно, лица эти прежде всего будут соблюдать свою денежную выгоду, надзоръ же за поведеніемъ и образомъ жизни учениковъ для нихъ будетъ дѣломъ второстепеннымъ. Поэтому вполнѣ надежнаго надзора можно ожидать только отъ лицъ, особо для этой цѣли назначенныхъ, съ жалованьемъ и всѣми правами службы. 3) Положеніе 3-й Московской гимназіи въ центральной части столицы, гдѣ квартиры особенно дороги, дѣлаетъ невозможнымъ учрежденіе ученическихъ квартиръ не въ дальнемъ разстояніи отъ гимназіи, учрежденіе же ихъ въ отдаленныхъ частяхъ столицы сдѣлаетъ надзоръ за квартирами со стороны начальства гимназіи крайне затруднительнымъ. 4) Поручить надзоръ за ученическими квартирами преподавателямъ гимназіи, хотя бы и за извѣстное вознагражденіе, въ Москвѣ совершенно невозможно, потому что едва-ли кто изъ преподавателей, вообще занятыхъ или службою или частными уроками, согласится принять на себя должность ревизора ученическихъ квартиръ за плату, которая далеко не вознаградитъ потерь, имѣющихъ произойти отъ упущенныхъ уроковъ въ другихъ мѣстахъ. Педагогическій *советъ четвертой Московской гимназіи* не видитъ необходимости, но крайней мѣрѣ въ настоящее время, въ устройствѣ общихъ ученическихъ квартиръ по той причинѣ, что при трехъ Московскихъ гимназіяхъ имѣются пансіоны, въ которыхъ ученики получаютъ полное содержаніе за такую плату, которую едва-ли возьметъ какой-либо содержатель общей квартиры, если даже эта квартира и не будетъ удовлетворять правильнымъ педагогическимъ и гигиеническимъ требованіямъ. По мнѣнію *совѣта*, было бы гораздо полезнѣе дать большее развитіе пансіонамъ въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ помѣщеніе позволяетъ увеличить число воспитанниковъ. Наконецъ, если бы даже гимназическихъ пансіоновъ оказалось недостаточно, то остаются еще частные пансіоны, которые могутъ принимать воспитанниковъ, обучающихся въ гимназіи; такихъ пансіоновъ въ Москвѣ довольно много, и они, состоя подъ контролемъ учебнаго начальства, представляютъ гораздо болѣе надежное помѣщеніе для дѣтей, чѣмъ общія квартиры. Съ другой стороны, *советъ Московской 4-й гимназіи* считаетъ невозможнымъ со стороны гимназіи отвѣтственное наблюденіе за воспитанниками внѣ заведенія; гимназія, по мнѣнію *совѣта*, можетъ только постоянно доставлять родителямъ или опекунамъ подробныя свѣдѣнія объ успѣхахъ и поведеніи ученика и указывать на тѣ требованія, которыя предлагаются ученику заведеніемъ; затѣмъ надзоръ за до-

машнею жизнью ученика долженъ лежать на обязанности родителей. Но между тѣмъ на будущее время совѣтъ полагаетъ принять слѣдующія мѣры: 1) Каждый желающій отдать дѣтей или родственниковъ въ гимназію представляетъ директору отъ себя или отъ того лица, у котораго будетъ помѣщаться ученикъ, реверсъ въ томъ, что обязуется слѣдить за успѣхами и поведеніемъ его и являться для объясненія съ начальствомъ гимназіи по дѣламъ, касающимся ученика, когда директоръ найдетъ это нужнымъ. 2) Въ случаѣ нехождения ученика въ гимназію давшій реверсъ обязуется увѣдомлять начальство гимназіи о причинахъ отсутствія ученика не позже недѣли послѣ того, какъ онъ пересталъ посѣщать заведеніе. 3) Послѣ трехъ незаявленій о причинѣ отсутствія ученикъ увольняется изъ гимназіи. Вотъ сущность мнѣній педагогическихъ совѣтовъ Московскихъ гимназій; обращаемся теперь къ мнѣніямъ совѣтовъ гимназій губернскихъ. Педагогическимъ совѣтомъ *Тверской гимназіи* составлена особая инструкция для устройства ученическихъ квартиръ, на основаніи которой заведено уже четыре квартиры и заводится пятая. По этой инструкціи, каждая квартира должна удовлетворять общимъ гигиеническимъ и воспитательнымъ условіямъ, а именно: помѣщеніе должно быть довольно просторно и вполне опрятно, воздухъ чистъ, отопленіе достаточное, пища, хотя и простая, но свѣжая и здоровая. Хозяинъ или хозяйка квартиры обязаны слѣдить за безусловнымъ исполненіемъ учениками всѣхъ требованій гимназіи. По желанію хозяина, въ помощь ему начальство гимназіи избираетъ одного изъ учениковъ, который за свои труды пользуется даровымъ содержаніемъ, если учениковъ на квартирѣ достаточно (напр. 10) или платитъ половину установленной цѣны. Такой ученикъ, называемый *старшиною* квартиры, между прочимъ, обязанъ ежедневно, до начала урока, являться къ директору гимназіи для объясненій по дѣламъ квартиры. За исполненіемъ этихъ правилъ слѣдитъ завѣдывающій квартирою членъ педагогическаго совѣта, и сверхъ того всѣ квартиры посѣщаютъ сколько возможно чаще директоръ и инспекторъ. Совѣту принадлежитъ право открывать ученическія квартиры, опредѣлять тахіишіи числа учениковъ въ каждой изъ нихъ, назначать и смѣнять старшинъ и закрывать квартиры. Педагогическій совѣтъ *Ярославской гимназіи* заявляетъ, что хотя въ гимназіи находится 48 учениковъ, живущихъ у постороннихъ лицъ, но иногородныя лица помѣщаютъ въ Ярославѣ дѣтей своихъ, обучающихся въ гимназіи, по преимуществу на такія квартиры, гдѣ находилось бы не болѣе одного или двухъ пансіоне-

ровъ; что совмѣстное квартированіе большаго числа учениковъ у учителя или надзирателей есть явленіе исключительное, вызываемое отчасти близостью помѣщенія къ классамъ, отчасти же желаніемъ немногихъ дѣтей богатаго состоянія научиться говорить на новыхъ языкахъ, и что открытіе общихъ ученическихъ квартиръ, какъ не истекающее изъ мѣстныхъ потребностей, въ Ярославлѣ неудобноисполнимо. Для наблюденія за занятіями и поведеніемъ учащихся, живущихъ на квартирахъ у-постороннихъ лицъ, со стороны начальства гимназии употребляются нѣкоторыя мѣры; что же касается до учениковъ, живущихъ съ родителями, то совѣтъ находить неудобнымъ для себя простираť свой надзоръ за ними въ среду родной ихъ семьи. Педагогическій совѣтъ *Костромской гимназии* удостовѣряетъ, что ученическія квартиры въ Костромѣ возможны, что онѣ уже существуютъ на самомъ дѣлѣ и что притомъ эти квартиры, за немногими исключеніями, удобны для помѣщенія какъ въ гигиеническомъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніяхъ, и присмотръ содержателей этихъ квартиръ какъ за поведеніемъ, такъ и за учебными занятіями живущихъ у нихъ учениковъ достаточенъ. Но дабы квартиры достигали учебно-воспитательныхъ цѣлей, члены совѣта признали нужнымъ составить особыя правила. Правила эти въ сущности заключаютъ въ себѣ тѣ же мѣры, которыя приняты Тверскою гимназіей, но съ тою между прочимъ разницею, что по правиламъ Костромской гимназии не допускается жить на одной квартирѣ болѣе 6 или 7 ученикамъ. Сверхъ того, на основаніи сихъ послѣднихъ правилъ, бѣднѣйшіе ученики высшихъ классовъ, оказавшіе особенно хорошіе успѣхи въ наукахъ и благонадежны по поведенію, предлагаются хозяевамъ квартиръ въ качествѣ репетиторовъ, а относительно приличнаго содержанія и помѣщенія бѣдныхъ учениковъ, не имѣющихъ средствъ содержать себя на общихъ квартирахъ, постановлено обращаться съ просьбою о пособіи къ земству или городскому обществу. Затѣмъ по вопросу о томъ, на какихъ основаніяхъ возможно устроить контроль надъ занятіями и поведеніемъ учащихся внѣ заведенія, члены совѣта Костромской гимназии пришли къ заключенію, что устройство таковаго постоянного надзора въ отношеніи учениковъ, живущихъ у родителей и родственниковъ, неудобно и еще болѣе ослабило бы самодѣятельность тѣхъ и другихъ. По поводу того же требованія г. попечителемъ Московскаго учебнаго округа мнѣній педагогическихъ совѣтовъ по вопросу объ ученическихъ квартирахъ, педагогическій совѣтъ *Тульской гимназии* распорядился объ осмотрѣ квартиръ входящихъ учениковъ, при чемъ

оказалось, что на квартирахъ у постороннихъ лицъ помѣщается 67 учениковъ, и что изъ нихъ только квартиры 8 учениковъ неудобны или со стороны помѣщенія и содержанія или со стороны надзора, собственно вслѣдствіе крайне ограниченной платы. Принимая во вниманіе, что такая плата за учениковъ не можетъ удовлетворять хозяина квартиры за хорошее помѣщеніе, педагогическій совѣтъ опредѣлилъ снести съ родителями дурно помѣщенныхъ дѣтей, прося ихъ увѣдомить, могутъ ли они и на сколько именно увеличить плату за дѣтей у держателей квартиръ. Предоставляя опыту рѣшить, возможны ли ученическія квартиры, или нѣтъ, совѣтъ составилъ между тѣмъ правила, которыя опредѣлено предъявить содержателямъ квартиръ. По вопросу же о томъ, на какомъ основаніи возможно устроить контроль надъ занятіями и поведеніемъ учащихся внѣ заведенія, совѣтъ Тульской гимназіи полагалъ: 1) Сноситься по возможности чаще съ родителями учениковъ. 2) Сдѣлать обязательнымъ для каждаго ученика имѣть при себѣ книжку, выданную ему въ началѣ учебнаго года гимназическимъ начальствомъ. Въ этой книжкѣ должны быть напечатаны нѣкоторыя статьи гимназическаго устава и правила для учащихся. Преподаватель, выставя баллъ за успѣхи въ классномъ журналѣ, выставляетъ оный также и въ книжкѣ ученика. Въ ней же показываются инспекторомъ проступки ученика и взысканія за нихъ. Родители или родственники должны быть обязаны еженедѣльно удостоверить своею подписью, что они просматривали книжку, за чѣмъ наблюдаетъ инспекторъ. 3) Классный надзиратель посѣщаетъ, по возможности чаще, учениковъ своего класса, не имѣющихъ родителей въ городѣ. 4) Каждый членъ педагогическаго совѣта обязанъ дѣлать ученику замѣчаніе, когда бы оказалось, что его поведеніе внѣ гимназіи не соотвѣтствуетъ ни возрасту, ни званію. Педагогическій совѣтъ *Калужской гимназіи* полагаетъ, что устройство общихъ квартиръ по мѣстнымъ условіямъ не представляетъ необходимости, потому что помѣщающіеся у постороннихъ лицъ 35 учениковъ живутъ большею частію по одному, по два и весьма рѣдко по три человека. Поэтому относительно надзора за приходящими учениками совѣтъ гимназіи находитъ вполне достаточными тѣ мѣры, которыя существуютъ и въ настоящее время. Мѣры эти заключаются въ слѣдующемъ: 1) Тщательно наблюдается, чтобъ ученики правильно посѣщали классы. Въ случаѣ трехдневнаго сряду отсутствія ученика, живущаго на квартирѣ, къ нему посылается для освѣдомленія одинъ изъ надзирателей. Относительно же живущихъ у родителей эта мѣра употребляется только

въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ. 2) Если гимназическое начальство получить свѣдѣніе о неблагонадежности хозяина квартиры, гдѣ живетъ какой-либо ученикъ, то родителямъ сего послѣдняго немедленно предлагается переѣхать квартиру ихъ сына; а такъ какъ учениковъ, живущихъ на квартирахъ, весьма немного, то всѣ ихъ хозяева, если не лично, то по достовѣрнымъ отзывамъ о нихъ, хорошо извѣстны начальству гимназіи. 3) Всѣ члены педагогическаго совѣта обязываются, по мѣрѣ возможности, смотрѣть за тѣмъ, чтобы воспитанники не присутствовали въ тѣхъ общественныхъ мѣстахъ, гдѣ имъ не слѣдуетъ быть, и чтобы тамъ, гдѣ имъ дозволено быть, а также и на улицахъ, они держали себя прилично; въ праздничные дни, на мѣста, гдѣ бывають общественныя гулянья и увеселенія и гдѣ вообще скопляется много народа, непременно командируются по очереди надзиратель. Многолѣтній опытъ показалъ, что означенныя мѣры вполне достигаютъ своей цѣли и что ученики, живущіе у постороннихъ лицъ, говоря вообще, учатся и ведутъ себя не хуже прочихъ учениковъ. Но если бы начальство гимназіи и вздумало устроить общія ученическія квартиры, то можно съ достовѣрностью сказать, что въ Калугѣ это было бы совершенно невыполнимо, потому что здѣсь нѣтъ лицъ, для которыхъ содержаніе учениковъ составляло бы промыселъ, и кромѣ того, небогатый классъ жителей, который принимаетъ къ себѣ на квартиру гимназистовъ, до того не развитъ, что побоятся всякаго письменнаго обязательства, а тѣмъ болѣе обязательства предъ какимъ бы то ни было начальствомъ, и скорѣе откажется отъ содержанія учениковъ, нежели свяжетъ себя какимъ-нибудь условіемъ. Особая коммиссія изъ членовъ педагогическаго совѣта *Смоленской гимназіи*, для доставленія иногороднымъ родителямъ возможности найти удобное помѣщеніе дѣтямъ во время прохожденія гимназическаго курса, а также для облегченія начальству гимназіи надзора за учениками внѣ стѣнъ заведенія, составила *Положеніе объ общихъ ученическихъ квартирахъ*, въ которомъ подробно излагаются порядокъ открытія квартиръ, условія ихъ содержанія и отношенія къ гимназическому начальству. Устройство квартиръ предполагается довольно въ большихъ размѣрахъ—на 30 чловѣкъ для учениковъ младшаго возраста и на 15—для учениковъ взрослыхъ, при чемъ не допускается квартированіе вмѣстѣ учениковъ различныхъ возрастовъ. При этомъ директоръ гимназіи выразилъ убѣжденіе, что устройство общихъ ученическихъ квартиръ тогда только сдѣлается возможнымъ и ожидаемая отъ нихъ педагогическимъ совѣ-

тѣмъ польза окажется несомнѣнною, когда въ принципѣ будетъ принято, что жить на этихъ квартирахъ обязательно для всѣхъ гимназистовъ, не имѣющихъ въ Смоленскѣ родныхъ, ибо въ противномъ случаѣ внимательный надзоръ за внѣклассною жизнію ученика на общихъ квартирахъ и требованіе отъ него порядка въ распредѣленіи досуга и времени работы покажутся ученику тяжелыми, и онъ будетъ избѣгать этихъ квартиръ. По мнѣнію директора, тѣмъ болѣе было бы возможно установить такую обязательность, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ педагогическому совѣту предоставлено было право разрѣшать, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, ученику жить у близкихъ знакомыхъ своихъ родителей. Педагогическій совѣтъ *Владимірской гимназии*, принявъ въ соображеніе, съ одной стороны, ограниченное число дѣтей, живущихъ не у родителей (16), а съ другой — весьма различную плату за содержаніе, получаемую хозяевами, пришелъ къ заключенію, что устройство общихъ ученическихъ квартиръ во Владимірѣ не вызывается мѣстными потребностями, и потому представляется невозможнымъ. Но между тѣмъ признавая необходимымъ имѣть надзоръ за учениками, живущими не у родныхъ, совѣтъ полагалъ возложить на надзирателя за приходящими учениками обязанность сколько возможно чаще посѣщать дѣтей, живущихъ не у родителей, и съ этою цѣлію назначить ему 150 рублей разъѣздныхъ денегъ. Наконецъ, педагогическій совѣтъ *Рязанской гимназии* призналъ возможнымъ устройство общихъ ученическихъ квартиръ не болѣе какъ на 10 учениковъ, съ допущеніемъ, впрочемъ, отступленія отъ этого правила въ отношеніи лицъ, принадлежащихъ къ учебному вѣдомству. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ составилъ правила для квартиросодержателей, постановивъ, что за исполненіемъ сихъ правилъ непосредственно наблюдаетъ инспекція гимназій, безъ прямого участія остальныхъ членовъ совѣта.

Изъ вышеннеложеннаго видно, въ какой мѣрѣ разногласны мнѣнія педагогическихъ совѣтовъ не только по вопросу объ устройствѣ общихъ ученическихъ квартиръ, находящихся въ прямой зависимости отъ мѣстныхъ условій, но и по вопросу о надзорѣ за занятіями и поведеніемъ учащихся внѣ заведенія. Намъ кажется, что разномысліе по послѣднему вопросу произошло отъ того, что онъ болшею частію педагогическихъ совѣтовъ былъ обсуждаемъ по отношенію лишь къ ученикамъ, живущимъ не у родителей.

— Въ № 10-мъ *Цирк. по Москов. учебн. окр.* напечатана статья: „Празднованіе въ Московскомъ учебномъ округѣ столѣтней годов-

щины рожденія баснописца И. А. Крылова“, въ составъ которой вошли, большею частію въ отрывкахъ, рѣчи и стихотворенія, читанныя по поводу этого празднованія. Какого бы достоинства сами по себѣ ни были эти стихотворенія и рѣчи, нельзя не согласиться съ редакціею *Циркуляра*, что они имѣютъ значеніе, независимо отъ вызвавшего ихъ событія, еще въ томъ отношеніи, что сколько-нибудь знакомятъ съ направленіемъ учебныхъ заведеній, со степенью литературнаго образованія воспитателей, со степенью развитія воспитанниковъ, наконецъ съ характеромъ и степенью успѣшности преподаванія русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ, а потому не могутъ быть лишними въ ряду различныхъ матеріаловъ для исторіи школьнаго образованія въ наше время.

— Дабы познакомить читателей съ характеромъ занятій педагогическихъ совѣтовъ гимназій Варшавскаго учебнаго округа, мы сообщимъ нижеслѣдующее извѣстіе о вопросахъ, которые были обсуждены и рѣшены въ педагогическомъ совѣтѣ Калишской гимназіи. Вопросы сіи заключались въ слѣдующемъ:

1) Слѣдуетъ ли въ первыхъ шести классахъ освобождать отъ экзамена учениковъ, оказавшихъ въ большей части предметовъ весьма удовлетворительные успѣхи, а въ остальныхъ удовлетворительные, и не допускать къ экзамену учениковъ, оказавшихъ въ большей части предметовъ успѣхи неудовлетворительные? Педагогическій совѣтъ рѣшилъ: дабы ученики первой категоріи не проводили времени праздно и не забывали того, что изучили въ продолженіе года, но готовились бы также къ экзамену, слѣдуетъ обязать и ихъ являться на экзаменъ и подвергать хотя краткому по нѣкоторымъ предметамъ испытанію. Касательно учениковъ малоуспѣвающихъ, совѣтъ призналъ также полезнымъ обязать ихъ являться на экзаменъ и подвергать испытанію по нѣкоторымъ предметамъ на томъ основаніи, что такимъ образомъ они, будучи принуждены готовиться къ экзамену, будутъ поддерживать и пополнять тѣ немногія знанія, которыя они приобрѣли въ продолженіе года. Это принесетъ имъ не малую пользу на повторительномъ курсѣ. Учениковъ же, пробывшихъ въ одномъ классѣ два года и малоуспѣвшихъ, опредѣлено совѣтомъ подвергать полному испытанію, такъ какъ они, въ случаѣ невыдержанія экзамена, должны выйдти изъ гимназіи и получить свидѣтельства объ успѣхахъ въ пройденныхъ ими предметахъ.

2) Производить ли экзамены по билетамъ, или давать вопросы ученикамъ прямо изъ разныхъ частей предметовъ? Полагая задачею испы-

танія — узнать общія познанія ученика въ данной наукѣ, а также и его развитіе, нѣкоторые члены совѣта высказали предпочтеніе послѣднему способу; другіе, напротивъ, доказывали, что та же цѣль можетъ быть достигнута и при испытаніи по билетамъ, и потому совѣтъ постановилъ: предоставить экзаменаціоннымъ комитетамъ производись испытаніе тѣмъ или другимъ способомъ, по ихъ усмотрѣнію, лишь бы только при этомъ не была упускаема изъ виду главная цѣль испытанія.

3) Могутъ ли третныя удовлетворительныя отмѣтки служить основаніемъ къ исправленію неудовлетворительной экзаменной отмѣтки? Этотъ вопросъ совѣтъ рѣшилъ такъ: если ученикъ, оказавшій въ продолженіе цѣлаго года успѣхи удовлетворительные, на экзаменѣ отвѣчалъ неудовлетворительно, то экзаменаціонный комитетъ, принимая во вниманіе годичные успѣхи ученика, долженъ вникнуть въ причины его неуспѣшныхъ на испытаніи отвѣтовъ, быть-можетъ, происшедшихъ отъ робости, торопливости или другихъ случайныхъ причинъ, и давъ ему время одуматься, предложить ему еще нѣсколько вопросовъ.

4) Наконецъ, по вопросу объ экзаменныхъ сочиненіяхъ и письменныхъ отвѣтахъ учениковъ VII класса, совѣтъ постановилъ начинать окончательное испытаніе учениковъ этого класса русскою диктовкою и сочиненіемъ на русскомъ языкѣ. Темы для этого сочиненія должны быть представлены всѣми учителями гимназій, и по предварительномъ разсмотрѣніи ихъ въ совѣтѣ, должны быть розданы ученикамъ по жребію, каждому по три, для удобнѣйшаго выбора одной изъ нихъ. Сочиненія эти пишутся учениками въ классѣ подъ строгимъ надзоромъ учителей, свободныхъ отъ уроковъ, при чемъ ученики не должны имѣть подъ руками никакихъ книгъ, кромѣ польско-русскихъ словарей. Что касается письменныхъ переводовъ съ греческаго и латинскаго языковъ на русскій, то таковыя могутъ быть написаны учениками, по назначенію учителя, во время самаго испытанія по этимъ языкамъ. Точно также и письменные отвѣты по другимъ предметамъ должны быть составляемы во время испытанія по этимъ предметамъ, при чемъ учитель долженъ дать каждому ученику особый вопросъ. Какъ сочиненія и переводы, такъ и письменные отвѣты, по предварительномъ прочтеніи ихъ учителями предмета, разсматриваются въ педагогическомъ совѣтѣ и принимаются во вниманіе при окончательномъ выставленіи отмѣтки (*Цирк. по Варшав. учебн. окр. 1868, № 8*).

— Г. попечитель Казанскаго учебнаго округа, усмотрѣвъ изъ вѣдомостей объ окончательныхъ испытаніяхъ учениковъ VII класса гим-

назій, что испытанія въ знаніи полнаго гимназическаго курса усложняются дѣленіемъ предметовъ на излишніе отдѣлы, число которыхъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ достигаетъ до 27-ми, и принявъ во вниманіе, что такое дробленіе предметовъ на отдѣльныя части, не принося существенной пользы, лишь замедляетъ производство испытаній и отнимаетъ у испытуемыхъ совершенно напрасно время, потребное на приготовленіе, сдѣлать слѣдующее распоряженіе. Для полученія свидѣтельствъ въ знаніи гимназическаго курса, отдѣлы по предметамъ должны быть слѣдующіе: 1) по закону Божію: а) катихизисъ, б) священная и церковная исторія и в) ученіе о богослуженіи; 2) по русскому языку съ церковно-славянскимъ и словесности: а) собственно грамматическая часть и б) русская словесность; 3) по исторіи: а) всеобщая и б) русская; 4) по географіи: а) всеобщая и б) русская; 5) по математикѣ: а) алгебра, б) геометрія и в) тригонометрія; остальные предметы: 6) физика, 7) космографія и языки: 8) греческій, 9) латинскій, 10) французскій и 11) нѣмецкій отдѣловъ не имѣютъ. Сообразно этому въ аттестатахъ, выдаваемыхъ ученикамъ VII класса гимназій, а равно и въ свидѣтельствахъ, получаемыхъ посторонними лицами въ знаніи полнаго гимназическаго курса, должны быть, на основаніи § 39 устава гимназій, поименованы одни предметы, безъ раздѣленія ихъ на отдѣлы, въ слѣдующемъ видѣ: законъ Божій, русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность, исторія, географія, математика, физика, космографія, языки: греческій, латинскій, французскій, нѣмецкій и рисованіе, черченіе и чистописаніе. При оцѣнѣ познаній испытуемыхъ на окончательныхъ экзаменахъ цифры балловъ обозначаются словами такъ: 5 — „весьма удовлетворительно“, 4 и 3 — „удовлетворительно“, 2 и 1 — „неудовлетворительно“; отмѣтки же по отдѣльнымъ частямъ предметовъ сводятся въ одну, которая вносится за тѣмъ въ аттестатъ (*Цирк. по Каз. учебн. окр. № 23*).

— Запросимъ въ нашу лѣтопись еще слѣдующее распоряженіе г. попечителя Казанскаго учебнаго округа. Признавая полезнымъ и необходимымъ снабдить бѣдныхъ учениковъ нужными для нихъ книгами и учебными пособиями, г. попечитель просилъ директоровъ гимназій и штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ принять мѣры къ составленію библиотекъ изъ учебниковъ и учебныхъ пособій, для раздачи въ временное пользованіе нуждающимся ученикамъ, изъ слѣдующихъ источниковъ: а) изъ остатковъ отъ суммъ, назначенныхъ по штату на содержаніе фундаментальныхъ библиотекъ и на награды ученикамъ; б) изъ суммъ, ассигнуемой на этотъ предметъ изъ специаль-

ныхъ средствъ училищъ, и в) изъ книгъ, отбираемыхъ у бѣдныхъ учениковъ изъ розданныхъ имъ прежде и оказавшихся для нихъ ненужными при переводѣ ихъ въ другой классъ (*Цирк. по Каз. учебн. округу. № 22*).

ЖЕНСКІЯ УЧИЛИЩА.

1) *Гимназін и училища 1-го разряда*: въ Ригѣ, Москвѣ, Пензѣ, Тамбовѣ и Архангельскѣ. — 2) *Училища 2-го разряда*: въ городѣ Ялуторовѣ и Тарѣ, Тобольской губерніи, въ Троицкѣ, Оренбургской губерніи, въ Яренскѣ и Устьсысольскѣ, Вологодской губерніи, въ Новомъ Осколѣ, Курской, и въ Мосальскѣ, Калужской губерніи; предположеніе преобразовать въ Саратовѣ одно изъ женскихъ училищъ во второразрядное. — 3) *Начальныя училища*: Училище для приготовленія сельскихъ наставницъ при братствѣ Св. Креста въ Саратовѣ; предположеніе Саратовскаго городского общества объ открытіи двухъ женскихъ начальныхъ училищъ. — Училища при женскихъ монастыряхъ и общинахъ: въ городѣ Уфѣ, въ с. Петроавловскомъ, Калужской губерніи, и въ Рязани.

Открывая съ настоящаго года особый отдѣлъ хроники женскихъ училищъ, мы имѣемъ въ виду сообщить большую полноту текущей исторіи женскаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Вопросъ объ образованіи женщины, и прежде обращавшій на себя вниманіе правительства, общества и литературы, сдѣлался предметомъ особенной заботливости со стороны всѣхъ дѣятелей народнаго просвѣщенія въ послѣднее время. Не говоря о мѣрахъ правительственныхъ къ возможному расширенію женскаго образованія въ Россіи, мы укажемъ на особенную заботливость, обнаруживаемую въ этомъ отношеніи земствомъ. Во многихъ губерніяхъ земскія собранія подвергали вопросъ о женскомъ образованіи обстоятельному обсужденію и назначали болѣе или менѣе значительныя суммы на устройство женскихъ учебныхъ заведеній разныхъ наименованій. Женское образованіе составляетъ также немаловажный предметъ заботливости со стороны приходскихъ попечительствъ. Затѣмъ многія сельскія общества охотно составляютъ приговоры о пожертвованіяхъ на устройство школъ или по крайней мѣрѣ классовъ для дѣвочекъ. При женскихъ монастыряхъ и общинахъ устраиваются школы для дѣвочекъ окрестныхъ селеній. Многія женщины духовнаго и свѣтскаго сословія заводятъ женскія школы у себя въ домахъ. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть объ изданномъ въ концѣ истекшаго 1868 года положенія о женскихъ епархіальныхъ училищахъ, по которому училища эти теряютъ свой прежній сословный характеръ и дѣлаются доступными для всѣхъ дѣвицъ, желающихъ

получить въ нихъ образованіе. Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ, что необходимость женскаго образованія вошла въ общее сознаніе въ послѣднее время и сдѣлалась предметомъ общей заботливости, и потому дѣло женскаго образованія обвѣщаетъ значительное количество фактовъ, которые мы считаемъ необходимымъ сосредоточить въ одномъ общемъ обзорѣннн. На первый разъ мы занесемъ въ свою лѣтопись тѣ факты, которые намъ удалось собрать за послѣднее время. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что извѣстія о школахъ смѣшанныхъ будутъ помѣщаемы нами въ отдѣлѣ мужскихъ училищъ.

Прежде всего мы сообщимъ нѣсколько свѣдѣній о *женскихъ гимназіяхъ* и *училищахъ 1-го разряда*, и начнемъ съ Ломоносовской женской гимназіи въ Ригѣ. Въ октябрьской книжкѣ нашего журнала за прошедшій годъ уже было заявлено объ открытіи этой гимназіи, совершившемся 14-го октября 1868 года. Изъ записки, читанной при этомъ торжествѣ директоромъ Александровской гимназіи, г. Гомбурцевымъ, видно, что мысль объ открытіи русской женской гимназіи въ Ригѣ возникла три года тому назадъ, во время празднованія столѣтія со дня смерти М. В. Ломоносова. Открытая на этотъ предметъ подписка въ короткое время дала сумму въ 4.564 рублей, вслѣдствіе чего, для завѣдыванія собраннмъ капиталомъ и для ходатайства объ осуществленіи желаній мѣстнаго общества, былъ образованъ особый комитетъ, который такъ энергически взялся за возложенное на него дѣло, что въ скоромъ времени мысль русскаго общества г. Риги могла быть приведена въ исполненіе. 1-го іюля прошедшаго года состоявшееся по сему предмету мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утверждено, на содержаніе гимназіи ассигновано по 3.000 руб. въ годъ изъ государственнаго казначейства, въ пособіе къ суммамъ, поступающимъ изъ мѣстныхъ городскихъ доходовъ и изъ сбора за ученье, и кромѣ того назначено изъ государственнаго же казначейства 27.000 рублей на постройку дома для гимназіи. Изъ городскихъ доходовъ на содержаніе гимназіи назначено 1.000 рублей. Къ этому присоединились суммы, образуемая изъ частныхъ пожертвованій, не прерывавшихся до послѣдняго времени, такъ что ко дню открытія гимназіи, капиталъ ея выросъ до 12.361 рубля, что, по словамъ г. Гомбурцева, дало возможность открыть Ломоносовскую гимназію на прочномъ основаніи, безъ опасеній за ея будущность въ матеріальномъ отношеніи.

Ко дню открытія желающихъ поступить въ гимназію дѣвиць было 71. Изъ нихъ выдержали экзамень въ I классъ 22, во II — 25

и въ III—16. Изъ числа выдержавшихъ экзаменъ, 27 просили о дозволѣніи обучаться въ гимназіи бесплатно, по бѣдности ихъ родителей; но попечительный совѣтъ могъ дозволить бесплатное посѣщеніе гимназіи только 14 ученицамъ, большею частію сиротамъ. Впрочемъ и изъ остальныхъ 13-ти дѣвицъ нѣкоторыя могли поступить въ гимназію, благодаря явившейся на помощь имъ частной благотворительности, которая не прекращалась и послѣ открытія гимназіи. На этотъ годъ открыты три младшіе класса: I, II и III; съ теченіемъ времени, по мѣрѣ надобности, будутъ открыты и классы IV, V и VI, такъ что полная гимназія будетъ состоять изъ шести классовъ.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 217) сообщаютъ, что существующія въ *Москвѣ* три женскія гимназіи до того наполнены учащимися, что начальство ихъ поставлено въ необходимость отказывать желающимъ поступать въ нихъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не будутъ устроены параллельные классы. Впрочемъ, въ непродолжительномъ времени должна открыться въ *Москвѣ* четвертая женская гимназія, образуемая изъ Усачевско-Черныявскаго руководящаго заведенія, которое состоитъ въ вѣдѣніи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Это заведеніе, не имѣвшее доселѣ достаточно определенной дѣли, преобразуется въ гимназію по мысли помощника главнаго попечителя общества, М. С. Сущинскаго, отчего должно произойти важное улучшеніе для упомянутаго заведенія. Учебною частію будетъ завѣдывать здѣсь профессоръ Московскаго университета Н. С. Тихонравовъ. Существующее въ *Москвѣ* Маріинско-Ермоловское женское учебное заведеніе, въ которомъ инспекторомъ состоитъ профессоръ университета Н. А. Любимовъ, также подверглось преобразованію съ начала настоящаго учебнаго курса: кругъ наукъ расширился здѣсь на столько, что можно было учредить семь классовъ.

Въ г. *Пензѣ*, по словамъ мѣстныхъ вѣдомостей, имѣетъ открыться въ скоромъ времени женская гимназія. Пензенское губернское земское собраніе, въ засѣданіи 7-го декабря, обсуждая вопросъ о необходимости увеличить средства на предметъ женскаго образованія, единогласно назначило субсидію въ 4.500 рублей, для того чтобы обезпечить открытіе и содержаніе въ *Пензѣ* женской гимназіи. Учрежденіе женской гимназіи, представляя возможность небогатымъ родителямъ (за 20 руб. въ годъ) давать своимъ дочерямъ достаточное образованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ послужить, какъ говоритъ мѣстная газета, къ приготовленію наставницъ для народныхъ женскихъ школъ, открываемыхъ въ селахъ.

Въ Тамбовскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, какъ видно изъ *Сборника Земскихъ Извѣстій по Тамбовской губерніи* (стр. 233), еще въ первую его сессию, былъ обсуждаемъ вопросъ объ оказаніи пособія мѣстному женскому училищу 1-го разряда. Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе ходатайства начальницы училища и переданъ на обсужденіе губернской управы. Въ экстренномъ мартовскомъ собраніи 1867 года вопросъ этотъ былъ поднятъ снова, и собраніемъ постановлено: „По неразъясненію еще всѣхъ счетовъ управы, пособіе женской гимназіи не вносить въ смѣту губернской повинности, но назначить на этотъ предметъ изъ суммъ благотворительныхъ, то-есть, изъ того же источника, изъ котораго получаетъ пособіе Тамбовская мужская гимназія, 1.500 рублей“. Въ слѣдующее за тѣмъ очередное собраніе, вслѣдствіе новаго представленія начальницы женской гимназіи, собраніе постановило: „назначить, по смѣтѣ богоугодныхъ заведеній на 1868 годъ, единовременное пособіе въ 1.250 рублей по разчету платы за 50 воспитанницъ, съ тѣмъ чтобы земство имѣло право обучать въ этомъ заведеніи воспитанницъ женскаго сиротскаго дома, а въ остальное число управа назначала бы иныхъ бѣдныхъ изъ сиротъ дѣвицъ, не имѣющихъ средствъ къ воспитанію“. Въ этотъ послѣдній счетъ, въ продолженіе перваго полугодія, было принято управою 8 ученицъ; въ настоящее же время, по открытіи въ гимназіи курса ученія на 1868—1869 годъ, подано о зачисленіи, на счетъ земства, въ вольноприходящія ученицы женской гимназіи, еще 4 просьбы, по которымъ сдѣлано управою надлежащее распоряженіе. Постановленіемъ, состоявшимся въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій, земское собраніе ходатайствовало о поступленіи въ попечительный совѣтъ Тамбовскаго женскаго училища 1-го разряда, въ качествѣ члена, одного представителя отъ губернскаго земства, на все то время, пока земство найдетъ полезнымъ оказывать пособіе этому заведенію. Въ этомъ ходатайствѣ собраніе руководствовало тѣмъ, что по общей мысли г. министра народнаго просвѣщенія и по уставу женскихъ училищъ, общества, сословія, и земство могутъ имѣть своихъ представителей въ совѣтахъ, управляющихъ этими заведеніями.

Изъ письма въ редакцію *Кіевлянина* (№ 148), написаннаго однимъ изъ жителей Подола (часть г. Кіева), видно, что общественное мнѣніе сильно занято тамъ открытіемъ V класса при Подольскомъ отдѣленіи Фундуклеевской женской гимназіи, которое состоитъ только изъ четырехъ классовъ, съ тѣмъ чтобы образовать со временемъ изъ этого отдѣленія полную женскую гимназію, такъ какъ Фундуклеевская гим-

назія находится отъ своего Подольскаго отдѣленія на разстояніи 10—12 верстъ. Редакція *Кіевлянина* замѣчаетъ по поводу этого письма, что дѣло о расширеніи Подольскаго отдѣленія женской гимназіи производится, по инициативѣ начальника гимназіи, еще съ 1867 года. Городская дума предполагала первоначально для этой цѣли пожертвовать одинъ изъ городскихъ домовъ, но пожертвованіе это не состоялось. Затѣмъ прошло достаточно времени, пока состоялся общественный приговоръ домовладѣльцевъ г. Кіева о денежномъ пожертвованіи для усиленія средствъ Подольскаго отдѣленія женской гимназіи. Приговоръ общества пока еще не утверждёнъ, а потому и средствъ для открытія на Подольѣ полной женской гимназіи нѣтъ, и входитъ съ представленіемъ по этому предмету къ начальству нельзя. Въ Фундулеевской женской гимназіи находится до 550 учениць.

Въ *Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 83—86) напечатанъ отчетъ о состояніи мѣстнаго Маріинскаго женскаго училища 1-го разряда за 18^{67/68} учебный годъ. Извлекаемъ изъ этого отчета нѣсколько данныхъ.

Въ началѣ прошлаго учебнаго года всѣхъ учениць было 114: изъ нихъ дочерей штабъ- и оберъ-офицерскихъ 75, духовнаго званія 3, почетныхъ гражданъ и купцовъ 25, мѣщанъ 9, иностранцевъ 1, крестьянъ 1; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 104, римско-католическаго 2, евангелическаго 8. Родители и родственники этихъ дѣвиць проживаютъ почти всѣ въ Архангельскѣ, и только 8 учениць прибыли изъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи. Изъ обучавшихся въ минувшемъ году кончили курсъ 7, *всѣ съ наградami*; выбыли въ теченіе года 16, переведены въ слѣдующіе классы 68, оставлены въ тѣхъ же классахъ 23; затѣмъ въ наступившемъ учебномъ году принято по экзамену 25 учениць, такъ что новый учебный годъ начался со 113 ученицами.

Изъ необязательныхъ предметовъ, въ число которыхъ принадлежатъ языки французскій и нѣмецкій и рисованіе, два послѣдніе преподавались въ Архангельскомъ женскомъ училищѣ съ самаго основанія его, то-есть, съ 1848 года. Принимая во вниманіе, что женское училище основано было на счетъ пожертвованій всѣхъ жителей г. Архангельска и что оно должно остаться открытымъ и для дѣвиць нерусскаго происхожденія, попечительный совѣтъ, согласно опредѣленію педагогическаго совѣта отъ 11-го августа 1865 года, постановилъ: оставить нѣмецкій языкъ наравнѣ съ обязательными предметами и плату за уроки нѣмецкаго языка производить, какъ и за обязательные

предметы, изъ суммъ училищныхъ. На такомъ же основаніи оставлено и рисованіе. Обучавшихся нѣмецкому языку было въ минувшемъ учебномъ году 98; французскому же, который оставленъ необязательнымъ, обучалось только 39 ученицъ.

Во время послѣднихъ экзаменовъ, нѣкоторыя изъ дѣвицъ, обучавшихся обоимъ новымъ языкамъ, или одному изъ нихъ, для облегченія своихъ занятій отказались отъ экзаменовъ и отъ дальнѣйшаго изученія языковъ, съ согласія своихъ родителей. Между этими ученицами есть такія, которыя занимались однимъ или обоими языками до V класса. Принимая во вниманіе, что, по современному взгляду на образованіе дѣвицъ, отъ нихъ непремѣнно требуется между прочимъ знаніе хотя одного изъ новыхъ языковъ, изъ которыхъ нѣмецкому языку ученицы Архангельскаго училища могутъ обучаться безъ особой платы, педагогическій совѣтъ, въ собраніи своемъ 14-го августа 1868 года, постановилъ, чтобы при самомъ вступленіи ученицъ были принимаемы заявленія отъ ихъ родителей, желаютъ ли они, чтобы дочери ихъ занимались новыми языками, и если желаютъ, то обоимъ или одному, съ объясненіемъ какому именно, съ тѣмъ чтобы, согласно этому заявленію, впередъ уже считать успѣхи по крайней мѣрѣ по одному изъ языковъ наравнѣ съ отмѣтками по другимъ учебнымъ предметамъ для перевода въ высшіе классы. Вслѣдствіе такого постановленія, ученицы, въ теченіе курса, уже не имѣютъ права отказываться отъ продолженія занятій по тому или другому языку, точно также, какъ онѣ не могутъ отказаться отъ изученія, на примѣръ, исторіи или математики.

Библіотека училища, состоящая исключительно изъ книгъ, доступныхъ дѣтскому возрасту, хотя и увеличивается ежегодно изъ суммъ, назначаемыхъ на библіотеку (75 рублей), но до сихъ поръ еще не слишкомъ богата: она состоитъ изъ 220 названій въ 360 томахъ, изъ которыхъ въ минувшемъ учебномъ году приобрѣтено 33 названія въ 52 томахъ.

Физическій кабинетъ крайне бѣденъ аппаратами; потому преподаватель физики, смотря по надобности, приглашаетъ дѣвицъ V и VI классовъ, подъ надзоромъ начальницы училища или ея помощницъ, въ физическій кабинетъ мужской гимназіи, для производства опытовъ. Употребляются въ училищѣ и другія пособія гимназіи съ дозволенія ея начальства.

Доходъ училища простирался до 4.094 руб. 33¹/₂ коп., расходъ до 3.835 руб. 11¹/₂ коп. Бѣднѣйшія ученицы имѣли возможность по-

лучать образованіе на стипендіи изъ разныхъ источниковъ, а именно 13 дѣвицъ на стипендіи въ количествѣ 700 руб., образуемая капиталомъ супруги потомственного почетнаго гражданина Е. И. Куйкиной въ 10.000 руб., 1 на стипендію таможеннаго вѣдомства, 1 на стипендію служащихъ въ вѣдомствѣ министерства финансовъ по Архангельской губерніи и 2 дѣвицы на счетъ супруги потомственного почетнаго гражданина А. А. Грибановой.

Въ заключеніе своего отчета, попечительный совѣтъ Архангельскаго Маріинскаго женскаго училища 1-го разряда, основываясь на томъ, что число ученицъ въ училищѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возрастаетъ, видитъ въ этомъ доказательство увеличивающагося къ нему въ мѣстномъ обществѣ довѣрія, которое попечительный и педагогическій совѣты училища должны поддержать.

— Сообщимъ теперь нѣсколько свѣдѣній о *женскихъ училищахъ 2-го разряда*, существующихъ въ уѣздныхъ городахъ разныхъ губерній.

Въ *Ялutorовскомъ* женскомъ училищѣ, какъ видно изъ отчета помѣщеннаго въ *Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 45), учащихся въ теченіе 1867/8 учебнаго года было 51. Изъ нихъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 12, духовнаго званія 3, купцовъ и мѣщанъ 24, сельскаго сословія 12. По вѣроисповѣданіямъ: православнаго 46, римско-католическаго 3, еврейскаго 2. Училище это существуетъ съ 1858 года. Оно въ послѣднемъ учебномъ году состояло изъ приготовительнаго класса, раздѣленнаго на 2 отдѣленія — младшее и старшее, въ которыхъ занимается учительница, и изъ 3 классовъ, гдѣ преподаютъ учителя уѣзднаго училища. Изъ старшаго отдѣленія приготовительнаго класса ученицы переводятся въ 1-й классъ ежегодно, сообразно успѣхамъ. Учебно-воспитательная часть ввѣрена учителямъ наукъ, учительницѣ и надзирательницѣ; надзоръ за нравственнымъ развитіемъ ученицъ лежитъ на обязанности попечительницы и надзирательницы; хозяйственная часть находится въ вѣдѣніи попечительнаго совѣта, состоящаго изъ непремѣнныхъ и выборныхъ членовъ. На испытаніи, происходившемъ 23-го іюня 1868 года, успѣхи ученицъ оказались, по словамъ отчета, вообще удовлетворительными. Между тѣмъ результатъ повидимому не вполне соотвѣтствуетъ такому отзыву отчета объ успѣхахъ ученицъ, такъ какъ, вслѣдствіе постановленія педагогическаго совѣта, изъ приготовительнаго класса переведено въ 1-й классъ 7 ученицъ, изъ 1-го во 2-й классъ только 2 ученицы, а изъ 2-го въ 3-й не оказалось ни одной достойной перевода, почему

въ 18⁶⁸/69 учебномъ году будетъ только 2 класса. Получили награды за благоправіе и успѣхи въ приготовительномъ классѣ 2 ученицы, въ 1-мъ классѣ 7, во 2-мъ кл. 2 ученицы. Вслѣдствіе предписанія г. директора училищъ Тобольской губерніи, отъ 6-го января 1868 года, на основаніи распоряженія г. главнаго инспектора училищъ Западной Сибири, съ апрѣля мѣсяца открыты классы для обученія дѣвочекъ нотному пѣнію. Съ октября мѣсяца 1867 года введено для желающихъ обученіе башмачному ремеслу, для чего нанята учительница. При училищѣ имѣются фундаментальная и продажная бібліотеки. Первая состоитъ изъ книгъ, большею частію пожертвованныхъ разными лицами, въ количествѣ 29 названій, въ 95 томахъ, на сумму 39 руб. 35 коп.; вторая открыта съ 10-го апрѣля 1868 года, вслѣдствіе постановленія попечительнаго совѣта. На приобрѣтеніе книгъ для продажи положено отпустить изъ имѣющихся наличныхъ суммъ училища 25 рублей, съ тѣмъ чтобы выручаемыя отъ этой продажи деньги поступали вновь на приобрѣтеніе необходимыхъ руководствъ и учебниковъ. Денежныя средства училища состояли: 1) изъ суммъ ежегодно отпускаемыхъ на содержаніе училища мѣстнымъ городовымъ хозяйственнымъ управленіемъ; 2) изъ суммъ, жертвуемыхъ ежегодно Ялutorовскимъ городскимъ обществомъ—купцами при объявленіи капиталовъ и торгующими при выдачѣ имъ торговыхъ свидѣтельствъ; 3) изъ пожертвованій разныхъ лицъ; 4) изъ суммы, вырученной отъ разыгранной въ 1868 году лоттерей, и 5) изъ процентовъ съ имѣющихся 3 государственныхъ 5% билетовъ.

Въ *Тарскомъ* (Тобольской же губ.) женскомъ училищѣ 2-го разряда съ приготовительнымъ классомъ (см. *Тобольск. Губ. Вѣд.* № 47) къ началу истекающаго учебнаго года состояло 48 ученицъ, въ теченіе года выбыло 10, вновь поступило 38 и затѣмъ въ слѣдующему году состоитъ 76 ученицъ; всего учащихся было 86, по сравненію съ прошедшимъ годомъ 29-ю ученицами болѣе. Изъ нихъ: дочерей дворянъ и чиновниковъ 14, кушцовъ 11, мѣщанъ 42, духовнаго званія 2, крестьянъ 6 и солдатъ 11. По испытанію оказались съ успѣхами удовлетворительными 25, неудовлетворительными 11. Выпущены съ аттестатами окончившія курсъ 2 ученицы, удостоены наградъ за прилежаніе и успѣхи 24, переведены изъ приготовительнаго класса въ 1-й 10 ученицъ, изъ 1-го во 2-й классъ 9 ученицъ, изъ 2-го въ 3 кл. 4 ученицы. Фундаментальная бібліотека училища состоитъ изъ 2-хъ названій книгъ въ 11 томахъ; въ ученической бібліотекѣ находятся: журналъ *Семейные Вечера* за 1865, 1866 и 1867 годы и *Чтеніе для юношества* за 1864

годъ. Учебными пособиями училище снабжено достаточно. Бѣднѣйшія изъ ученицъ пользуются учебными руководствами и матеріалами для письма отъ училища.

Въ *Троицкомъ* (Оренбургской губ.) училищѣ къ началу 18^{67/68} года состояло 86 ученицъ; изъ нихъ дочерей дворянъ и чиновниковъ 23, купцовъ и мѣщанъ 32, прочихъ сословій 31. По окончаніи 18^{66/67} учебнаго года переведены изъ приготовительнаго класса въ 1-й 23 ученицы, изъ 1-го во 2-й также 23 ученицы и изъ 2-го въ 3-й 10 ученицъ, выпущены со свидѣтельствами 5 ученицъ; награждены 23. Кромѣ того всѣмъ ученицамъ подарено по экземпляру книги *Новый Заветъ*, а ученицамъ 3-го класса, окончившимъ курсъ, выдано каждой на платье отъ члена попечительнаго совѣта, Троицкаго городского головы В. М. Пупышева. Для обсужденія различныхъ вопросовъ, касающихся до благосостоянія училища, было нѣсколько засѣданій, по которымъ составлены протоколы; но сущность этихъ протоколовъ не изложена въ отчетѣ (см. *Оренб. Губ. Вѣд.* № 48), изъ котораго мы извлекли приведенныя выше свѣдѣнія. Нельзя не обратить вниманія на слишкомъ позднее обнародованіе этого отчета. Онъ представляетъ состояніе Троицкаго училища за 18^{66/67} учебный годъ, а появился въ печати только въ концѣ 1868 года.

Изъ отчета о состояніи *Яренскаго* (Вологод. губ.) училища 2-го разряда за 18^{67/68} учебнаго года, помѣщеннаго въ *Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 41), видно, что училище это открыто въ ноябрѣ 1843 года, подъ названіемъ приходскаго двухкласснаго, а въ августѣ 1859 года оно преобразовано во второразрядное. Въ теченіе своего 25-лѣтняго существованія, оно поддерживалось преимущественно усердіемъ штатныхъ смотрителей и учителей Яренскаго уѣзднаго училища, которые не только безвозмездно обучали по избраннымъ ими предметамъ въ женскомъ училищѣ, но и дѣлали въ пользу онаго денежныя пожертвованія наравнѣ съ другими почетными лицами города, даже еще въ большемъ размѣрѣ. Пожертвованія эти впрочемъ такъ незначительны и рѣдки, что не дали бы возможности поддерживать училище и въ настоящемъ видѣ, если бы не было въ распоряженіи попечительнаго совѣта 300 руб., пожертвованныхъ въ 1859 году Бѣломорскою компаніей. Эта ограниченность средствъ служить причиною, что Яренское женское училище не имѣетъ ни попечительницы, ни начальницы, и обязанности послѣдней, съ разрѣшенія начальства, исполняетъ безвозмездно штатный смотритель. Попечительный совѣтъ училища, по неизмѣннѣ въ Яренскѣ предводителя дво-

ряства и за уничтоженіемъ должности уѣзднаго судьи, замѣнявшаго въ совѣтѣ мѣсто предводителя, состоитъ нынѣ только изъ двухъ непремѣнныхъ членовъ — штатнаго смотрителя и городского головы. Педагогическій совѣтъ составляютъ штатный смотритель и всѣ штатные преподаватели уѣзднаго училища, такъ какъ всѣ они занимаются преподаваніемъ и въ женскомъ училищѣ. Для ближайшаго наблюденія въ училищѣ за нравственностію учащихся имѣется при немъ надзирательница, которая обучаетъ рукодѣлю и началамъ чтенія.

Учащихся въ теченіе полуторогодичнаго курса, то-есть, съ 1-го января 1867 года по 1-е іюля 1868 года, было 20; изъ нихъ дочерей чиновниковъ 4, духовнаго званія 3, мѣщанъ и другихъ городскихъ сословій 8, крестьянъ 5, — всѣ православнаго исповѣданія. Окончила курсъ 1, выбыли по разнымъ причинамъ 6, и исключены изъ училища за нехождение въ классъ 3. Успѣхи по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ, по свидѣтельству отчета, были хороши, за исключеніемъ закона Божія, по причинѣ болѣзни законоучителя. Вообще же ходу ученія препятствовало непостоянное посѣщеніе уроковъ большею частію учащихся, а въ 1-мъ классѣ одновременное поступленіе ученицъ и неодинаковая подготовка ихъ къ ученію и притомъ по большей части по старой, рутинной методѣ, которую, говоритъ отчетъ, трудно совершенно устранить и въ училищѣ, особенно въ 1-мъ классѣ, гдѣ съ каждою почти ученицей нужно заниматься отдѣльно. Начальство училища не въ силахъ было устранить неаккуратное посѣщеніе уроковъ учащимися и несвоевременное поступленіе ихъ въ училище: по бѣдности своей, особенно въ истекшемъ неурожайномъ году, родители часто бывали въ необходимости оставлять своихъ дочерей дома, частію для исполненія домашнихъ работъ, частію по неимѣнію теплой одежды и обуви, и притомъ, имѣя въ своихъ дочеряхъ надобность дома для поддержанія заведеннаго домашняго обихода, считаютъ обученіе ихъ оконченнымъ, когда онѣ научатся читать и писать, и не посылаютъ уже ихъ въ училище, и это въ то самое время, когда въ дѣвочкѣ возбуждена уже потребность учиться.

Училище помѣщается въ собственномъ домѣ, къ сожалѣнію, приходящемъ въ ветхость и имѣющемъ только одну классную комнату, просторную и свѣтлую, но холодную въ сильныя морозы. Въ комнатѣ этой помѣщаются оба класса, но такъ, что когда въ одномъ классѣ преподается какой-нибудь предметъ, то въ другомъ дѣвочки обучаются рукодѣлю или письму. До какой степени скудны ередства Яренскаго женскаго училища, видно изъ того, что къ 1-му января 1867 года

всѣхъ суммъ, принадлежащихъ училищу, было только 139 руб. 81³/₄ коп.; въ теченіе же всего 1867 года и въ 1-й половинѣ 1868 года, въ приходѣ никакихъ суммъ не было, и за расходами къ 1-му іюля 1868 года осталось 63 руб. 78³/₄ коп.

Уменьшеніе числа учащихся, замѣченное въ послѣднее время, произошло, по словамъ отчета, отъ бывшаго въ 1867 году неурожая, вызвавшаго дороговизну на всѣ жизненные припасы и вынудившаго многихъ дѣвочекъ, желавшихъ учиться, искать себѣ занятій для пропитанія внѣ родительскихъ домовъ, или неотлучно изъ дому помогать родителямъ въ посильныхъ заработкахъ. Были и такіе примѣры, что нѣкоторые семейства вовсе оставляли Яренскъ, чтобы поселиться тамъ, гдѣ представлялось болѣе возможности къ безбѣдному существованію. Но причины эти случайныя и временныя, и попечительный совѣтъ высказываетъ надежду на продолженіе полезнаго существованія училища при лучшихъ обстоятельствахъ, имѣя въ виду возрастающую и въ бѣдныхъ сословіяхъ потребность ученія и надѣясь, что штатный смотритель и преподаватели уѣзднаго училища продолжать свои безвозмездныя занятія по училищу, которое въ теченіе 25 лѣтъ исключительно поддерживалось ихъ безмездными трудами.

Въ *Устьсысольскомъ* (той же губерніи) училищѣ (см. *Вологод. Губ. Вѣд.* № 44) также не было средствъ, чтобы имѣть особую начальницу, а потому и здѣсь управленіе лежало на штатномъ смотрителѣ. Число учащихся въ теченіе 18⁶⁷/₆₈ учебнаго года было 39; изъ нихъ дочерей дворянъ и чиновниковъ 5, духовнаго званія 2, почетныхъ гражданъ и купцовъ 5, мѣщанъ и другихъ свободныхъ сословій 24, поселянъ 3, — всѣ православнаго исповѣданія, за исключеніемъ 1 римской католички.

Средства для содержанія училища были весьма скудны, такъ что преподаватели и другіе служащіе въ училищѣ иногда по нѣскольку мѣсяцевъ сряду не могли быть удовлетворены жалованьемъ. Расходъ на содержаніе училища допущенъ самый умѣренный; на бібліотеку вовсе ничего не ассигнуется (она состоитъ изъ 157 названій въ 317 томахъ и составилась преимущественно изъ пожертвованій). При всемъ томъ, и этотъ расходъ едва покрывается доходами, которые простираются до 400 руб. съ небольшимъ. Въ виду такой недостаточности средствъ, начальство вынуждено бываетъ прибѣгать къ изобрѣтенію разныхъ способовъ для сокращенія и покрытія расходовъ. Такъ, съ начала наступившаго учебнаго 18⁶⁸/₆₉ г., одинъ изъ преподавателей, по предложенію штатнаго смотрителя, согласился исправлять обязан-

ности дѣлопроизводителя попечительнаго совѣта безмездно, отчего расходъ сократился на 24 руб. въ годъ; другой—преподавать исторію и географію за половинную противъ прежняго плату, отчего расходъ уменьшился на 30 руб. въ годъ. Кромѣ того, для покрытія необходимыхъ текущихъ расходовъ, въ минувшую зиму предложена была жителямъ города Устьснсоляска подписка въ замѣнъ визитовъ въ праздникъ Рождества Христова и Новаго года и устроено въ пользу училища нѣсколько спектаклей любителями. Кромѣ этихъ случайныхъ доходовъ, училище не имѣетъ въ виду никакой поддержки для своего обезпеченія.

Изъ приведеннаго въ концѣ отчета числа учащихся въ Устьснсоляскомъ женскомъ училищѣ за десять лѣтъ, общее отношеніе получившихъ въ училищѣ образованіе или вообще грамотность ко всему женскому населенію города представляется въ слѣдующемъ видѣ: изъ учившихся въ училищѣ 1 на 8 лицъ женскаго пола, изъ кончившихъ полный курсъ 1 на 75 женщинъ; къ населенію же обоюго пола изъ учившихся въ училищѣ 1: 15, изъ кончившихъ курсъ 1: 150. Изъ этого сравненія не трудно для желающаго, говорить отчетъ, составить заключеніе о степени стремленія къ просвѣщенію какъ вообще гражданъ города Устьснсоляска, такъ женскаго пола въ особености.

По отчету *Новооскольскаго* (Курской губерніи) женскаго училища 2-го разряда, напечатанному въ *Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№№ 45 — 48), въ училищѣ этомъ, въ началѣ учебнаго 18^{67/68} года, состояло 86 учащихся, къ концу осталось 70; изъ нихъ дочерей потомственныхъ дворянъ было 11, личныхъ дворянъ 22, купческаго званія 14, духовнаго 4, крестьянъ 5, мѣщанъ 13, нижнихъ чиновъ 1. Кончили полный курсъ наукъ 3 ученицы, переведены изъ 2 класса въ 3-й 10 ученицъ, изъ 1-го во 2-й классъ 12, и изъ 2-го отдѣленія приготовительнаго класса въ 1-й 19. Училище содержалось на счетъ суммъ: а) ассигнованныхъ Новооскольскимъ земствомъ; б) поступившихъ въ уплату за право слушанія уроковъ, и в) пожертвованныхъ предсѣдателемъ попечительнаго совѣта, предводителемъ дворянства І. А. Поповымъ и другими лицами. Исѣхъ суммъ въ приходѣ было 4.066 руб. 24^{3/4} коп.; въ расходѣ 3.093 руб. 18 коп., въ остаткѣ 974 руб. 6^{3/4} коп. Воспитаніе каждой изъ воспитанницъ обошлось въ 47 руб. 3 коп.

Въ *Мосальскомъ* (Калужск. губ.) женскомъ училищѣ, которое было ревизовано директоромъ гимназіи, и по словамъ отчета (см. *Калужск.*

Губернск. Вѣд. № 44), найдено имъ во всѣхъ отношеніяхъ въ весьма удовлетворительномъ положеніи, обучаютъ, кромѣ обыкновенныхъ предметовъ преподаванія, также руководѣльямъ: вязанью, шитью, кройкѣ бѣлья и разнаго рода платья, при чемъ на вырученныя отъ продажи ученическихъ работъ деньги покупаются матеріалы для руководѣльи; не воспрещается ученицамъ заниматься въ училищѣ и своею домашнею работою. Всѣхъ учащихся въ училищѣ было 50, изъ нихъ дочерей дворянъ и чиновниковъ 5, духовнаго званія 1, городскихъ обывателей 39, сельскихъ 5. Денежныя средства училища, какъ и большей части подобныхъ учрежденій, ничѣмъ не обезпечены, и главные источники содержанія училища состоятъ изъ пожертвованій, которыя иногда поступаютъ несвоевременно и часто прекращаются, а чрезъ это встрѣчается не мало затрудненій при удовлетвореніи жалованьемъ служащихъ при училищѣ и содержаніи его. Отчетъ выражаетъ благодарность начальницѣ училища г-жѣ Баталиной, усердію которой училище обязано успѣшнымъ ходомъ ученія и увеличеніемъ числа учащихся.

Въ заключеніе мы должны упомянуть, что Саратовское городское общество подняло, по словамъ мѣстной газеты, вопросъ о преобразованіи существующаго въ Саратовѣ женскаго двухкласснаго училища въ трехклассное, слѣдовательно, второразрядное, съ болѣе обширною программой преподаванія.

— Переходя къ *начальному женскому образованію*, мы прежде всего должны упомянуть объ училищѣ „для приготовленія сельскихъ наставницъ“, которое учреждено существующимъ въ Саратовѣ братствомъ св. Креста. Изъ отчета этого братства, напечатаннаго въ извлеченіи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 270), видно, что на первый разъ училище это открыто съ однимъ курсомъ, на 6 кандидатовъ. Въ немъ преподаются законъ Божій, элементарныя учебныя предметы, дидактика и руководѣлье. Къ поступленію въ училище приглашаются изъ сельскихъ жительницъ лица, оставшіяся въ дѣвичество, а равно бездѣтныя вдовы, умѣющія по крайней мѣрѣ читать. Въ настоящее время въ училище поступили 4 ученицы изъ духовнаго и 2 изъ крестьянскаго сословія. Учащіяся пользуются отъ попечительнаго совѣта помѣщеніемъ, дровами, освѣщеніемъ и учебными принадлежностями, и кромѣ того на прочіе расходы каждая изъ нихъ получаетъ по 5 руб. въ мѣсяцъ. Окончивъ съ успѣхомъ приготовительный курсъ, онѣ или опредѣляются въ сельскія училища, или сами открываютъ школы.

Въ *Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ* пишутъ, что, кромѣ упо-

манутого выше проекта преобразования двухкласснаго женскаго училища, мѣстное общество обратило вниманіе на недостатки начальнаго женскаго образованія, какъ далеко не соответствующаго ни населенію, ни значенію города Саратова, и потому, въ засѣданіи своемъ 28-го ноября, постановило между прочимъ открыть въ городѣ вновь два женскихъ училища.

Относительно открытія училищъ для двочекъ при женскихъ монастыряхъ и общинахъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія.

При Благовѣщенскомъ женскомъ монастырѣ въ городѣ Уфѣ открыто, какъ пишутъ въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* (№ 338), элементарное училище для дѣвицъ всѣхъ сословій. Мысль объ этомъ принадлежитъ мѣстному архіепископу Филарету, на приглашеніе котораго съ сочувствіемъ отозвалась настоятельница монастыря, игуменья Евпраксія. Недостатокъ помѣщенія долго не позволялъ осуществить задуманнаго предположенія; наконецъ, оно приведено въ исполненіе въ прошломъ октябрѣ, въ особенности благодаря пожертвованію дома для училища, сдѣланному вдовою 1-й гильдіи купца Блохиною. Въ день открытія училища, не смотря на то, что объ этомъ не было публично объявлено, желающихъ учиться явилось 30 дѣвочекъ, отъ 7 до 14 лѣтъ, и если бы позволило помѣщеніе, то ученицъ было бы не менѣе 50; но заведеніе приспособлено только для 30 ученицъ, и потому по необходимости пришлось отказать многимъ желавшимъ поступить во вновь открытое училище. Существованіе этого училища можно назвать обезпеченнымъ; въ матеріальномъ отношеніи его поддерживаетъ монастырь, трудъ обученія возложенъ на двухъ сестеръ монастыря, діакона и одного изъ священниковъ монастырской церкви. На послѣдняго, вмѣстѣ съ преподаваніемъ закона Божія, возложено вообще наблюденіе за ходомъ преподаванія.

Въ *Калужской* губерніи, въ сельцѣ Петропавловскомъ (Мосальскаго уѣзда) открыта, по словамъ *Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* (№ 23), мѣстною помѣщицею, вдовою подполковника А. Е. Бѣлокопцовой, женская община, подъ названіемъ „Казанской Боголюбивой“. При общинѣ устроено женское училище, въ которомъ обучаются 11 неграмотныхъ дѣвицъ и 6 крестьянскихъ дѣвочекъ изъ окрестныхъ деревень, отъ 8 до 9-лѣтнаго возраста. Предметы преподаванія на первый разъ слѣдующіе: чтеніе и письмо, изученіе съ объясненіемъ молитвъ, церковное пѣніе и рукодѣлье. Въ послѣдствіи предположено преподавать священную исторію и краткій катихизисъ, грамматику и ариметику.

Въ гор. *Рязани* учреждено женское училище при *Казанскомъ* женскомъ монастырѣ. Изъ устава училища, напечатаннаго въ мѣстныхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 5), видно, что училище это обявано своимъ существованіемъ учредителю *Рязанскаго* общественнаго банка. *Московскому* 1 гильдіи купцу *С. А. Живаго*, по завѣщанію котораго на училище отпущается часть прибылей банка, въ количествѣ около 1.000 руб. Цѣль учрежденія этого училища состоитъ въ томъ, чтобы доставить дѣтямъ немущихъ родителей, изъ *Рязанскаго* городского общества, возможность приобрѣсти бесплатно необходимыя познанія въ правилахъ православнаго, христіанскаго благочестія, нѣкоторую, соотвѣтствующую ихъ общественному положенію, степень образованія и возможность въ послѣдствіи трудами рукъ своихъ доставить себѣ пропитаніе.

Соотвѣтственно съ этою цѣлю, признано достаточнымъ преподавать въ училищѣ слѣдующіе предметы: а) *Часть учебная*: 1) законъ Божій: знаніе наизусть и отчетливое пониманіе главныхъ молитвъ, знаніе священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, чтеніе и объясненіе евангелія, краткій катихизисъ, ученіе о богослуженіи православной церкви, основанное преимущественно на изученіи въ подлинникѣ важнѣйшихъ, или представляющихъ особенную трудность для пониманія, молитвъ и пѣснопѣній, которыя входятъ въ составъ различныхъ богослуженій, на столько, чтобы окончившая курсъ воспитанница могла разумно и сознательно внимать богослуженію; эта послѣдняя цѣль должна имѣться въ виду какъ при обученіи чтенію на церковно-славянскомъ языкѣ, такъ и при обученіи церковному пѣнію; 2) чтеніе на русскомъ и церковно-славянскомъ языкѣ; 3) чистописаніе; 4) арифметика: первыя четыре дѣйствія съ числами простыми и именованными, цѣлыми и дробными на умственныхъ и письменныхъ исчисленіяхъ, счисленіе на счетахъ; 5) русская грамматика и правописаніе; 6) географія: послѣ предварительныхъ понятій объ ея предметѣ, общій обзоръ всѣхъ частей свѣта и болѣе подробныя свѣдѣнія о государствахъ Европы, въ особенности о Россіи; 7) русская исторія въ главныхъ событіяхъ. б) *Часть руководящая*: кройка и шитье бѣлья всякаго рода и платья, вязанье, вышиванье, приготовленіе кушанья, хотя бы наиболѣе простаго и по возможности, при дальнѣйшемъ развитіи училища, другія руководяія и ремесла — по указаніямъ времени и жизни, на примѣръ, башмачное и т. п.

Курсъ ученія назначенъ отъ 4 до 5 лѣтъ и раздѣляется на два класса: во 2-мъ классѣ ученицы могутъ оставаться два и три года.

Комплектъ бесплатныхъ ученицъ состоитъ изъ 30. На первый разъ, при открытіи училища, принимаются 10 ученицъ изъ купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей гор. Рязани, по выбору и назначенію городского общества, и 5 изъ дѣтей живущихъ въ монастырѣ, по назначенію настоятельницы; чрезъ каждые два года будутъ приниматься еще 15 ученицъ, на тѣхъ же основаніяхъ, что и составитъ полный комплектъ. При опредѣленіи дѣтей въ бесплатныя ученицы, родители обязываются подпискою — безъ особыхъ причинъ, которыя во всякомъ случаѣ подлежатъ разсмотрѣнію и обсужденію городского общества и настоятельницы и могутъ быть ими, по усмотрѣнію, уважены или отвергнуты, не отвлекать ученицъ отъ посѣщенія училища во все время, до окончанія полного курса ученія. Начальница училища (настоятельница монастыря) слѣдитъ за правильнымъ посѣщеніемъ дѣтьми уроковъ. Ей же предоставляется право исключенія ученицъ, въ случаѣ, когда бы это оказалось необходимымъ, вслѣдствіе совершенной неспособности, неисправимой лѣности или безнравственнаго поведенія; объ исключенныхъ доводится каждый разъ до свѣдѣнія городского общества, съ объясненіемъ причинъ исключенія. Сверхъ положеннаго штата бесплатныхъ ученицъ, допускаются по возможности еще приходящія ученицы всякаго званія, съ платою по 10 руб. въ годъ за право ученія. Возрастъ ученицъ, поступающихъ въ училище, опредѣляется отъ 8 до 12 лѣтъ; настоятельница предоставляетъ право, во вниманіе къ молодымъ лѣтамъ оканчивающихъ курсъ или по другимъ обстоятельствамъ, оставлять ученицъ въ училищѣ еще на одинъ или два года по окончаніи полного курса, для дальнѣйшаго усовершенствованія. Право обученія штатныхъ ученицъ, то-есть, бесплатно, предоставляется преимущественно первому разряду — круглымъ сиротамъ, не имѣющимъ никакого состоянія, и второму разряду — дѣтямъ бѣдныхъ родителей, не имѣющихъ средствъ обучать ихъ на свой счетъ. Порядокъ приема опредѣляется разрядомъ, къ которому принадлежать записанныя въ кандидатки, и номеромъ жребія, доставшагося на долю каждой. Для надзора за дѣтьми избираются настоятельницею изъ благонадежныхъ монахинь или послушницъ одна смотрительница и двѣ или три помощницы; изъ послушницъ же — для отправленія разныхъ по училищу службъ. Обученіе закону Божію поручается лицу изъ окончившихъ въ академіи или семинаріи богословскій курсъ, которое можетъ преподавать и другіе предметы за условленную плату. Для занятія прочими предметами тоже съ платою, назначаются преподаватели или преподавательницы изъ духовныхъ или свѣтскихъ лицъ способные и благонадежные, по

избранію настоятельницы, съ утвержденія епархіальнаго начальства. Обучение разному руководѣлю поручается, по усмотрѣнію настоятельницы монастыря, монахинямъ или послушницамъ.

НАЧАЛЬНЫЯ НАРОДНЫЯ УЧИЛИЩА.

Циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ о мѣрахъ къ сохраненію сельскихъ училищъ. — Мѣры и предположенія земскихъ собраній С.-Петербургскаго и Московскаго. — Александро-Маріинское Замоскворѣцкое училище. — Проектъ учрежденія начальнаго училища въ Москвѣ въ память рожденія Великаго Князя Николая Александровича. — Прошеніе Рогожскихъ старообрядцевъ объ открытіи для дѣтей ихъ мужскаго и женскаго училищъ. — Типографскіе классы въ ремесленномъ училищѣ и школа на фабрикѣ г. Михайлова. — Школа въ с. Коньковѣ, близъ Москвы. — Дѣятельность земствъ Новгородскаго, Бѣлозерскаго и Крестецкаго. — Проектъ устройства ремесленно-хозяйственнаго и воспитательнаго заведенія въ городѣ Череповцѣ. — Школа при Усадинскомъ волостномъ правленіи. — Дѣятельность земскихъ собраній въ губерніяхъ: Тамбовской и Пензенской. — Педагогическіе курсы въ Воронежѣ. — Постановленія Бердянскаго земства.

Вопросъ о народномъ образованіи былъ предметомъ обсужденія и различныхъ мѣропріятій во многихъ земскихъ собраніяхъ за послѣднее время. Поэтому мы считаемъ необходимымъ, въ настоящей нашей лѣтописи, заняться по преимуществу обзоромъ дѣятельности земства нѣкоторыхъ губерній по сему предмету, присовокупляя по временамъ нѣкоторыя частныя свѣдѣнія о положеніи народнаго образованія въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ вопросомъ о народныхъ школахъ занималось земство. Но предварительно мы обратимъ вниманіе читателей на нижеслѣдующее важное распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ касательно мѣръ къ сохраненію сельскихъ училищъ въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія. Распоряженіе это изложено въ циркулярѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 21-го декабря 1868 года къ губернаторамъ, разосланномъ въ официальномъ прибавленіи къ № 288 *Сѣверной Почты*, и мы находимъ необходимымъ привести его здѣсь вполнѣ. Въ означенномъ циркулярѣ сказано:

Высочайше утвержденнымъ 11-го февраля 1867 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, завѣдываніе училищною частію въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ распределено между означенными учрежденіями и училищными совѣтами, на основаніи положеній о земск. учрежд. и о начальныхъ народныхъ школахъ (ст. IV п. 1); при этомъ земскимъ учрежденіямъ предоставлено принять мѣры къ обезпеченію, съ начала 1868-года, содержанія училищъ и школъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ (п. 5).

Изъ полученныхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свидѣній о состояніи бывшихъ сельскихъ училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, со времени поступления ихъ въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій, оказывается, что по нѣкоторымъ только губерніямъ помянутыя учрежденія приняли необходимые мѣры къ обезпеченію этихъ училищъ, назначивъ на содержаніе ихъ, съ начала нынѣшняго года, изъ земскихъ сборовъ, сумму, въ томъ самомъ размѣрѣ, въ какомъ она отпускалась прежде изъ общественнаго сбора государственныхъ крестьянъ. Въ большей же части губерній означенныя училища и школы оставлены на попеченіи самихъ крестьянъ и содержатся или исключительно на мірскіе ихъ сборы, безъ всякой помощи отъ земства, или съ нѣкоторымъ только отъ него пособіемъ, при чемъ средства многихъ училищъ значительно уменьшились. Наконецъ, есть губерніи, въ которыхъ нѣкоторые училища оставлены безъ всякихъ средствъ, и потому частію закрыты, а частію пользуются бесплатнымъ преподаваніемъ приходскаго духовенства.

Въ объясненіе причинъ, по которымъ содержаніе бывшихъ училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ земскими учрежденіями не вполне обезпечено, приводится, между прочимъ, то обстоятельство, что помянутыя училища, при настоящемъ распредѣленіи ихъ, могутъ служить исключительно для обученія только дѣтей бывшихъ государственныхъ крестьянъ, а не всего крестьянскаго населенія, входящаго въ составъ земства, а потому земскія учрежденія не признаютъ правильнымъ затрачивать денежные средства всего земства на училища, доступныя для обученія дѣтей одного только разряда крестьянъ.

На основаніи существующихъ узаконеній, для содержанія училищъ каждаго изъ бывшихъ разрядовъ сельскаго населенія установлены особые сборы. Такъ, принятіе мѣръ къ обезпеченію содержанія училищъ государственныхъ крестьянъ, какъ объяснено уже выше, предоставлено земскимъ учрежденіямъ; издержки на содержаніе училищъ удѣльныхъ крестьянъ отнесены на равнительные по волостямъ съ сихъ крестьянъ сборы (ст. 20 полож. Высочайше утвержденнаго 26-го іюня 1863 года), и наконецъ временно-обязаннымъ крестьянамъ предоставлено на содержаніе училищъ производить мірскіе сборы, смотря по надобности и средствамъ (ст. 178 общ. полож. 19-го февраля 1861 года).

Въ настоящее время, когда все сельское населеніе подчинено одному общему управленію, и волости образуются не по бывшимъ разрядамъ сельскаго населенія, а на территоріальныхъ основаніяхъ, нельзя не признать, что сохраненіе означеннаго различія въ способахъ содержанія училищъ не оправдывается какимъ-либо уважительнымъ поводомъ, а между тѣмъ такой порядокъ представляетъ очевидныя препятствія какъ къ болѣе удобному размѣщенію училищъ для сельскаго населенія, такъ и къ болѣе прочному обезпеченію ихъ содержанія средствами земства. Для устраненія этихъ важныхъ неудобствъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ составляются соображенія объ устройствѣ сельскихъ училищъ на началахъ сліянія земско-хозяйственныхъ интересовъ всѣхъ сословій, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія. Предполагаемое преобразование, требуя по важности своей, всесторонняго обсужденія и соглашенія съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, не можетъ совершиться въ короткое время; поэтому, впредь до из-

данія новыхъ правилъ, я имѣю честь покорно просить ваше превосходительство, для поддержанія существующихъ сельскихъ училищъ, принять слѣдующія мѣры:

1) Немедленно войти въ сношеніе съ губернской земскою управою, и на точномъ основаніи Высочайше утвержденнаго 11-го февраля 1867 года мѣтнаго государственнаго совѣта, просить ея распоряженія о доставленіи необходимыхъ средствъ тѣмъ изъ училищъ бывшихъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, которыя остались безъ надлежащаго обезпеченія въ содержаніи.

2) Наблести, чтобы установленный закономъ (ст. 20 полож. 26-го іюня 1863 года) уравнительный мирской сборъ по бывшимъ волостямъ удѣльныхъ крестьянъ на содержаніе ихъ училищъ поступалъ въ исправности по своему назначенію.

3) О поддержаніи училищъ крестьянъ временно-обязанныхъ, а также и тѣхъ училищъ государственныхъ крестьянъ, которыя не будутъ обезпечены со стороны земства достаточнымъ содержаніемъ, войти въ сношеніе съ мировыми посредниками. По отношеніямъ ихъ къ сельскимъ обществамъ, они имѣютъ возможность, разъяснивъ крестьянамъ пользу обученія грамотности, склонить ихъ къ доставленію училищамъ необходимыхъ средствъ.

— Обращаемся къ дѣятельности земскихъ собраній по предмету народнаго образованія.

Въ *С.-Петербургскомъ* губернскомъ земскомъ собраніи вопросъ о народномъ образованіи обсуждался въ засѣданіи 18-го декабря. Губернская управа, въ докладѣ своемъ, предложила собранію два вопроса: о девяти-копѣечномъ сборѣ съ государственныхъ крестьянъ на народное образованіе и объ употребленіи капитала, пожертвованнаго дворянствомъ на образованіе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Девяти-копѣечный сборъ установленъ былъ только на 1868 годъ, и съ прекращеніемъ его, изысканіе средствъ къ обезпеченію училищъ и школъ государственныхъ крестьянъ зависитъ отъ земскихъ учрежденій. Собраніе, придерживаясь того начала, что содержаніе училищъ должно лежать главнымъ образомъ на попеченіи и средствахъ городскихъ, сельскихъ и приходскихъ обществъ, и что губернское и уѣздное земства могутъ участвовать въ этомъ дѣлѣ лишь денежными пособіями или какими-либо общими мѣрами, въ родѣ, напримѣръ, приготовленія учителей, постановило: объявить всѣмъ обществамъ государственныхъ крестьянъ, что съ наступленіемъ 1869 года обязательный девяти-копѣечный сборъ прекращается; что училища, для коихъ онъ собирался, поступаютъ на попеченіе сельскихъ и волостныхъ обществъ по принадлежности, на общемъ основаніи съ другими начальными народными училищами, содержимыми отъ сельскихъ обществъ и иныхъ вѣдомствъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить земскимъ управамъ, что съ 1-го января 1869 года прекращается выдача позаимствованій

изъ губернскаго сбора, и что отъ усмотрѣнія уѣздныхъ земскихъ учрежденій будетъ зависѣть выдача позаймствованій или даже пособій изъ уѣздныхъ земскихъ суммъ вышеупомянутымъ училищамъ.

Второй пунктъ доклада управы, относительно употребленія въ 1869 году процентовъ съ капитала, пожертвованнаго С.-Петербургскимъ дворянствомъ на образованіе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и составлявшаго къ 15-му октября 1868 года 46.492 руб. 77 коп., возбудилъ оживленныя пренія. Въ нихъ указывалось на необходимость участія губернскаго земства, какъ въ учрежденіи училищъ, такъ въ особенности въ подготовкѣ школьныхъ учителей. Для этой послѣдней цѣли большинство полагало болѣе удобнымъ, за ограниченностію земскихъ средствъ, не предпринимая учрежденія особой учительской семинаріи, воспользоваться существующими уже подобными заведеніями въ столицѣ, Ораніенбаумѣ и Гатчинѣ, назначеніемъ средствъ для содержанія стипендіатовъ. Обращено было также вниманіе собранія на то, что при этомъ не слѣдовало бы ограничиться воспитаніемъ однихъ только мальчиковъ, но не упускать изъ виду и образованія дѣвочекъ; нѣкоторыми указывалось также на пользу ремесленныхъ училищъ. Имѣя въ виду, что проценты съ пожертвованнаго капитала не могутъ быть употреблены иначе, какъ было постановлено жертвователемъ, то есть, исключительно на образованіе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, многіе изъ гласныхъ не находили однако же удобнымъ принимать какія-либо мѣры относительно одной части крестьянскаго населенія, и потому одни полагали обратиться въ вѣдомства удѣльное и государственныя имуществъ съ предложеніемъ, не найдутъ ли эти вѣдомства возможнымъ удѣлить на бывшихъ своихъ крестьянъ капиталъ, соотвѣтствующій тому, который пожертвованъ дворянствомъ, и въ случаѣ благоприятнаго исхода сего сношенія, принять общія мѣры по образованію всего сельскаго населенія. Другіе предлагали дополнить изъ земскихъ средствъ доходъ съ капитала, пожертвованнаго дворянствомъ, въ пропорціи числа крестьянъ другихъ вѣдомствъ къ числу бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Нѣкоторые полагали обратиться въ имѣющее быть губернскаго собранія дворянства съ предложеніемъ, не признаетъ ли оно возможнымъ обобщить назначеніе пожертвованнаго имъ капитала, опредѣливъ его на народное образованіе въ С.-Петербургской губерніи. Были также сдѣланы слѣдующія два предложенія: 1) предоставить губернской управѣ въ 1869 году выдавать стипендіи тѣмъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые нынѣ обучаются въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или въ училищахъ ре-

месленныхъ, сельско-хозяйственныхъ или техническихъ, и 2) въ 1869 году не дѣлать никакого употребленія изъ процентовъ, а приобщить ихъ къ капиталу и выбрать особую постоянную комиссію, которая, совмѣстно съ губернскою управою, выработала бы въ будущему очередному собранію программу участія земства въ дѣлѣ народнаго образованія. По окончаніи преній, изъ всѣхъ приведенныхъ мнѣній и предложеній собраніемъ было принято только послѣднее — объ образованіи для выработки проекта участія губернскаго земства въ народномъ образованіи, безъ расходованія въ 1869 году пожертвованнаго дворянствомъ капитала.

Во время этого засѣданія, членомъ губернскаго училищнаго совѣта г. Яковсономъ представлены свѣдѣнія о состояніи народныхъ школъ въ С.-Петербургской губерніи въ настоящее время. По тѣмъ даннымъ, которыя можно было собрать чрезъ уѣздные училищные совѣты, оказывается, что такихъ школъ въ губерніи находится 292, въ которыхъ учатся обыкновенно 5, 10, 20 учениковъ; школы съ 50-ю и 60-ю учениками составляютъ исключеніе. Учителя были только въ 237 училищахъ, слѣдовательно, были школы вовсе безъ учителей. Изъ числа 237 учителей 86 были изъ духовнаго званія и 12 гражданскаго вѣдомства, имѣвшихъ свидѣтельства на право обученія; изъ остальныхъ, не имѣвшихъ такихъ свидѣтельствъ, было мѣщанъ и крестьянъ 50, отставныхъ бомбардировъ и солдатъ 35, прочіе были не окончившіе курса семинаристы и отставные канцелярскіе служители. Жалованья учителя получали отъ 25 до 125 руб. Такое бѣдное содержаніе учителей заставляеть предполагать, что большинство ихъ не способствуетъ къ заочиниванію крестьянъ къ ученію, а напротивъ отталкиваетъ ихъ отъ ученія.

По заявленію предсѣдателя училищнаго совѣта С.-Петербургскаго уѣзда, напечатанному въ *Голосъ* (№ 9), оказывается, что начальныя народныя училища въ селеніяхъ предоставлены своимъ собственнымъ средствамъ. Въ нихъ не только не было порядочныхъ учителей, но даже не было книгъ, и прибрѣсть ихъ было не на что: у училищнаго совѣта денегъ нѣтъ, а сумма, ассигнованная земствомъ на 1869 г., можетъ быть употреблена на пособіе училищамъ не ранѣ февраля мѣсяца. Впрочемъ, въ пользу училищъ поступили нѣкоторыя пожертвованія: комитетъ грамотности прислалъ 1.000 экзempl. разныхъ книгъ, Ѳ. Д. Студитскій 81 экз. и графъ Г. А. Куселевъ-Безбородко пожертвовалъ 100 руб. на Полюстровское училище.

— О разсужденіяхъ *Московскаго* губернскаго земскаго собранія, про-

исходившихъ въ послѣднюю его сессію, мы имѣемъ пока нѣсколько судебныхъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ *Московскія Вѣдомостя* (№ 279) и въ *Русскомъ* (122). *Московскія Вѣдомости* припоминаютъ, что въ январѣ прошлаго 1868 года, мѣстное губернское собраніе, послѣ долгихъ преній, признало устройство и поддержку народныхъ школъ дѣломъ уѣзднаго земства, а приготовленіе для нихъ учителей дѣломъ земства губернскаго. Въ виду этого, тогда же была избрана коммиссія, которой поручено было выработать къ слѣдующей сессіи собранія проектъ особаго учебно-воспитательнаго заведенія, которое имѣло бы главною цѣлью готовить своихъ учениковъ въ наставники для сельскихъ народныхъ училищъ. Въ коммиссію эту, кромѣ председателя и членовъ губернской управы, вошло нѣсколько гласныхъ; изученіе вопроса и подготовку его для коммиссіи принялъ на себя членъ управы П. А. Васильчиковъ, съ чрезвычайнымъ усердіемъ потрудившійся надъ этимъ дѣломъ. Плодомъ занятій коммиссіи былъ „проектъ устава Московской учительской школы“, внесенный на разсмотрѣніе губернскаго земскаго собранія. Эту школу предположено было устроить внѣ Москвы, въ мѣстности совершенно сельскаго характера, на 75 человекъ (50 казенныхъ и 25 своекоптныхъ), съ ежегоднымъ выпускомъ въ 16 человекъ. Курсъ ученія раздѣленъ на три годичные класса: младшій классъ — теоретическій; воспитанники въ немъ только учатся; курсъ среднего класса — теоретико-практический: воспитанники, подъ руководствомъ наставниковъ, готовятся къ преподаванію; курсъ старшаго класса — преимущественно практический: воспитанники преподаютъ, подъ руководствомъ наставниковъ, въ состоящемъ при учительской школѣ народномъ училищѣ. Свѣдѣнія, требуемая отъ нихъ, при поступленіи въ учительскую школу, какъ видно изъ произнесенной въ собраніи рѣчи М. П. Погодина, слѣдующія: главныя молитвы, краткій катихизисъ, краткая священная исторія, знаніе главныхъ частей богослуженія, чтеніе и письмо безъ грубыхъ ошибокъ, четыре правила ариметики, знакомство съ главнѣйшими событіями изъ русской исторіи, съ физическою и политическою географіей Россіи. Внѣшняя обстановка жизни воспитанниковъ, относительно помѣщенія, пищи, одежды, должна строго сообразоваться съ характеромъ и условіями крестьянскаго быта; въ лѣтнее, свободное отъ ученія время воспитанники занимаются, если возможно, полевыми, садовыми и огородными работами при школѣ. Преподавателей въ учительскую школу предполагается избрать изъ людей высшаго образо-

ванія, а потому и жалованье имъ назначено значительное. На содержание училища исчислено до 25.000 руб.

Гласный г. Погодинъ въ рѣчи своей, произнесенной въ засѣданіи 7-го декабря, не раздѣляетъ возрѣній составителей проекта. По его мнѣнію, самый выборъ воспитанниковъ представляетъ затрудненія: въ средѣ крестьянъ не найдется достаточное количество такихъ, которые согласились бы отпустить взрослыхъ парней отъ 16 лѣтъ на ученіе въ видахъ будущаго учительства, потому что въ этомъ возрастѣ дѣти безъ ученія могутъ принести своимъ родителямъ больше выгодъ; да и не найдется между крестьянами воспитанниковъ, достаточно приготовленныхъ даже по вышеизложенной ограниченной программѣ. Въ народныхъ училищахъ воспитанники оканчиваютъ курсъ 12—13-ти лѣтъ. Что же они будутъ дѣлать до 16-ти лѣтъ? Содержать ихъ на счетъ земства—значить дѣлать новый расходъ. За плату по 60 руб. въ годъ нельзя надѣяться, чтобъ они получили содержаніе, хорошій присмотръ и вмѣстѣ приготовленіе къ экзамену. Возрастъ отъ 12 до 16 лѣтъ имѣетъ особенную нужду въ бдительномъ надзорѣ. Если обратиться для выбора воспитанниковъ въ учительскую школу въ другимъ сословіямъ, то здѣсь молодой человѣкъ, знающій въ 16 лѣтъ только то, что требуется подобною программой, подастъ о себѣ невыгодное мнѣніе и не можетъ быть учителемъ благонадежнымъ. Если же онъ знаетъ больше программы, то остается въ гимназіи, готовится въ университетъ или получаетъ себѣ тотчасъ должность писаря, писмоводителя и т. п. Слѣдовательно, для учительской школы остаются большею частію исключенные изъ семинарій, гимназій, канцелярій, которымъ нечего дѣлать и некуда дѣваться. Далѣе двухлѣтній теоретическій курсъ слишкомъ коротокъ для того, чтобы мальчизъ, имѣющій только первоначальныя свѣдѣнія, могъ достаточно развиться, усовершенствоваться, обогатиться свѣдѣніями,—словомъ, сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ, чтобы достойно занять мѣсто народнаго учителя. Кроме того, воспитанникъ учительской школы, молодой человѣкъ 19 или 20-ти лѣтъ, по самому своему возрасту не можетъ быть благонадежнымъ учителемъ. И наконецъ содержаніе воспитанниковъ, устройство учительской школы и проч. обойдутся слишкомъ дорого. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, г. Погодинъ предлагаетъ обратиться къ духовнымъ семинаріямъ, которыя доставятъ учителей безъ всякихъ расходовъ на ихъ подготовленіе. Впрочемъ въ семинаріяхъ можно было бы имѣть, по мнѣнію г. Погодина, стипендіатовъ отъ земства изъ воспитанниковъ тѣхъ же семинарій, поручивъ ихъ особенному надзору

учителя семинаріи или профессора университета, преимущественно на время вакацій. Расходъ на стипендіи и надворъ за стипендіатами во всякомъ случаѣ обошлись бы дешевле, нежели устройство особой учительской школы, а между тѣмъ учитель, прошедшій длинный семинарскій курсъ, никогда не можетъ сравниться съ мальчигомъ, который, при своихъ небольшихъ свѣдѣніяхъ, проучится въ учительской школѣ годъ, два или даже три. Для наблюденія за народными училищами, г. Погодинъ предлагаетъ учредить должность особаго инспектора, который развѣзжалъ бы по губерніи изъ училища въ училище и оставался бы тамъ, смотря по нуждѣ, недѣлю и болѣе, узнавалъ бы всѣхъ учителей, ихъ способности и приемы, снабжалъ бы ихъ своими совѣтами, преподавалъ бы самъ для образца и т. д.

Вотъ все, что можно сообщить о ходѣ преній по вопросу объ устройствѣ учительской школы въ Московской губерніи. Что касается до результата, то *Московскія Вѣдомости* сообщаютъ, что вышензложенный проектъ учительской школы, поступившій на разсмотрѣніе не того собранія, которое назначило комиссію, а вновь избраннаго, подвергся поправкамъ, внесеннымъ въ него безъ плана и отчасти импровизированнымъ, такъ что многіе изъ наборниковъ его охладѣли къ нему. Въ цѣломъ, измѣненномъ своемъ составѣ, онъ былъ отвергнутъ незначительнымъ большинствомъ, но деньги, которыя предполагалось опредѣлить на учительскую школу, оставлены при своемъ назначеніи, и это; по словамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, подаетъ поводъ надѣяться, что дѣло учительской семинаріи будетъ еще разъ пересмотрѣно въ одну изъ ближайшихъ сессій и что это „полезное и крайне необходимое“ учебное заведеніе еще можетъ состояться въ Московской губерніи и послужить образцомъ для другихъ подобныхъ заведеній, имѣющихъ учреждаться въ Россіи.

— Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 268) сообщается также нѣсколько свѣдѣній объ Александро-Маринскомъ Замоскворѣцкомъ училищѣ, по случаю празднованія первой годовщины со дня учрежденія этого училища. Оно основано въ память посѣщенія бывшаго Московскаго городского головы М. Л. Королева Ихъ Величествами Государемъ Императоромъ и Государынею Императрицею въ 1861 году. Комплектъ учащихся обоего пола былъ первоначально опредѣленъ въ 60—100 человѣкъ, но 50-ти изъ каждаго пола; но Замоскворѣцкое училище, въ короткое время своего существованія, приобрѣло такую популярность, что число желающихъ поступить туда значительно увеличилось, вслѣдствіе чего установленный прежде комплектъ пришлось увеличить еще

на 10 мальчиковъ и на 10 дѣвочекъ; кромѣ того 193 мальчика и 120 дѣвочекъ записаны кандидатами для поступленія, когда откроются вакансіи. Въ училищѣ преподавались: законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, чистописаніе и церковное пѣніе. Особенное вниманіе было обращено на развитіе въ дѣтяхъ любознательности; съ этою цѣлью приобрѣтены были картины религіознаго и историческаго содержанія, служившія поводомъ къ бесѣдамъ надзирателя и надзирательницы. Въ истекшемъ учебномъ году въ училищѣ обучалось 65 мальчиковъ и 64 дѣвочки. Сочувствуя прекрасной цѣли этого заведенія, донскіе казаки А. А. и А. А. Пушкаревы пожертвовали въ его пользу 30.000 руб.

— *Русскія Вѣдомости* (№ 248), припоминая постановленіе Московской общей думы отъ 5-го іюня 1868 года объ учрежденіи начальнаго училища на 100 мальчиковъ, въ память рожденія Великаго Князя Николая Александровича, съ тѣмъ, чтобы доставить бѣднѣйшимъ жителямъ столицы возможность дать своимъ дѣтямъ необходимое религіозное и нравственное образованіе, извѣщаютъ, что составленіе плана этого училища было возложено на комитетъ городскихъ начальныхъ женскихъ училищъ, который окончилъ данное ему порученіе въ ноябрѣ мѣсяцѣ истекшаго года. По выработанному комитетомъ проекту, курсъ начальнаго обученія предполагается трехлѣтній, и проектируемое училище раздѣлено будетъ на 3 класса. Въ первомъ классѣ предполагается обученіе механизму чтенія по русски и по славянски, писъму, закону Божію и начальнымъ правиламъ ариѳметики; во второмъ классѣ — объяснительное чтеніе, чистописаніе и черченіе, краткая свящ. исторія ветхаго завѣта и подробная новаго; изъ ариѳметики: умноженіе и дѣленіе цѣлыхъ чиселъ, понятіе о дробяхъ и именованныхъ числахъ; въ третьемъ классѣ — необходимыя свѣдѣнія изъ физики, географіи и русской исторіи, диетовка, краткій катихизисъ, объясненіе литургіи, церковное пѣніе и изъ ариѳметики дроби, пропорціи и тройное правило. Время для уроковъ предположено, ежедневно за исключеніемъ праздниковъ и лѣтнихъ вакацій, отъ 9 до 11 и отъ 12 до 2 часовъ дня. Состоя въ вѣдѣніи думы и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ училищнаго совѣта гор. Москвы, училище будетъ подчинено ближайшему завѣдыванію состоящаго при думѣ комитета о городскихъ начальныхъ училищахъ, съ присоединеніемъ одного изъ гласныхъ общей думы, который приметъ на себя обязанность попечителя надъ училищемъ; въ помощь къ попечителю можетъ быть приглашена попечительница изъ городскихъ дамъ. Въ училище предлагается принимать дѣтей мужескаго пола всѣхъ сословій, безъ раз-

лети въровсполбданій, начиная съ семилбтнато возраста, безъ предьявленія какикъ-либо документовъ. Плата за дбтей предположена ежегодно въ три рубля, какову сумму можно вносить и по третямъ; дбти же самих ббдныхъ родителей могутъ пользоваться бесплатнымъ обученіемъ. Ежегодный расходъ на содержаніе училища изъ городскихъ суммъ опредбленъ въ 4.600 руб., и сверхъ того 300 руб. на первоначальное обзавведеніе.

— Въ газетъ *Русскій* (№ 112) помбщенъ текстъ прошенія, представленнаго старообрядцами Рогожскаго кладбища г. попечителю Московскаго учебнаго округа. Въ этомъ прошеніи, старообрядцы, указавъ на нравственный вредъ, происходящій для дбтей ббдныхъ родителей изъ старообрядцевъ отъ того, что они, за неизббнимъ правильно устроенныхъ училищъ, принуждены тайкомъ обучаться у малограмотныхъ келейницъ, которыя, для изббжанія высканій со стороны полиціи, или укрываютъ своихъ учениковъ и ученицъ, или подъ страхомъ угрозы побуждаютъ ихъ говорить неправду, — ходатайствуютъ о разрбшеніи открыть особыя для мальчиковъ и дбвочекъ школы, на слбдующихъ основаніяхъ: 1) Школа для приходящихъ дбтей мужскаго пола и таковая же для дбтей женскаго пола, состоя на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, находятся въ вбдбніи инспектора частныхъ учебныхъ заведеній. 2) Для ближайшаго и постояннаго наблюденія надъ мужскою школою, общество старообрядцевъ по Рогожскому кладбищу избираетъ изъ своей среды лицо мужскаго пола на правахъ держателей частныхъ учебныхъ заведеній, а для наблюденія надъ женскою школою лицо женскаго пола, на подобныхъ же правахъ, каковыя лица отвбтственны передъ начальствомъ учебнаго округа за точное соблюденіе всбхъ установленныхъ правилъ. 3) Въ наставники для мужской школы и наставницы для женской избираются держателямъ и держательницей, съ согласія инспектора частныхъ учебныхъ заведеній, лица, имбющія на преподаваніе законное право. 4) Предметы преподаванія слбдующіе: чтеніе на русскомъ и церковномъ языкб (для чтенія и изученія церковныхъ книгъ употребляются старопечатныя церковныя книги); нисьмо, русская грамматика, ариемтика, отечественная исторія, географія Россіи, церковное пбніе; въ женской школб, сверхъ того, руководблье. 5) Руководства будутъ приняты одобренныя правительствомъ. 6) Плата за обученіе назначается отъ 1 рубля до 5 въ годъ. 7) Учащіяся въ школы должны бить не моложе 7 лбтъ и не старше 16. 8) Помбщеніе школъ будетъ приличное и удобное.

— Въ существующемъ въ Москвѣ ремесленномъ учебномъ заведеніи, преобразованномъ изъ Набиловскаго дома призрѣнія сиротъ, открыты попеченіемъ члена благотворителя Императорскаго человеколюбиваго общества, К. С. Мазурина, типографскіе классы, въ которыхъ ученики будутъ приготовляться въ наборщики. По программѣ типографскихъ классовъ, ученики, посвящая часть дня наборному искусству, должны продолжать общій курсъ наукъ среднихъ учебныхъ заведеній и даже знакомиться съ французскимъ языкомъ, чтобъ умѣть набирать и французскія сочиненія. Весь курсъ долженъ продолжаться пять лѣтъ, считая преподаваніе общихъ предметовъ и занятіе наборнымъ дѣломъ. Главное вниманіе предполагается обратить на то, чтобъ ученики вышли искусными наборщиками, сохранивъ свою нравственность и получивъ нѣкоторое, совершенно достаточное для ихъ будущей дѣятельности образованіе. Открытіе типографскихъ классовъ происходило въ ноябрѣ мѣсяцѣ истекшаго года (см. *Моск. Вѣд.* № 255).

Въ первыхъ числахъ декабря того же года, открыта, по словамъ *Современной Лѣтописи* (№ 44), школа на фабрикѣ шерстяныхъ издѣлій Ѳ. С. Михайлова, близъ Москвы. Хозяйственныя заботы лежатъ на самомъ владѣльцѣ фабрики и предпринимателѣ школы; преподаваніе же и вообще надзоръ за учебною частію безвозмездно приняли на себя нѣкоторые учителя и воспитатели Московской военной гимназій и школы при учительской семинаріи. Предметы преподаванія: законъ Божій, русскій языкъ, арифметика, исторія и географія Россіи, популярныя чтенія по естественнымъ наукамъ и хоровое пѣніе. Кромѣ того предполагается ввести гимнастику и устраивать домашніе спектакли. Вообще, говоритъ въ заключеніе авторъ приведенныхъ свѣдѣній, люди, участвующіе въ этомъ дѣлѣ, готовы распространить свою педагогическую дѣятельность и на другія фабрики, если встрѣтять сочувствіе со стороны владѣльцевъ.

— Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 244) указываютъ на школу, открытую въ подмосковномъ селѣ Коньковѣ, на собственныя, ограниченныя средства, мѣстнымъ священникомъ, о. І. Зерчениковымъ. Школа эта замѣчательна въ томъ отношеніи, что о. Іоаннъ, обращающійся съ своими учениками чрезвычайно деликатно и съ любовью, не наказываетъ самъ провинившихся, а отдаетъ ихъ поступки на судъ остальныхъ учениковъ, и по ихъ приговору, ставитъ провинившагося въ кругъ, въ которомъ написано или *лѣтъяй*, или *зубилнз* и проч. И это наказаніе, по приговору своего маленькаго общества, провинив-

нѣйся считаетъ очень тяжкимъ. Курсъ въ школѣ продолжается два года, и изъ нея выходятъ очень грамотные мальчики.

— Дѣятельность *Новгородскаго* земства по предмету народнаго образованія, какъ видно изъ доклада губернской земской управы, представленнаго земскому собранію въ послѣднюю сессию и напечатаннаго въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 5), ограничивалась до послѣдняго времени оказаніемъ пособія мѣстной женской гимназій, бывшему евангелическо-лютеранскому училищу и народной читальнѣ; затѣмъ пособія народнымъ школамъ оказывались уѣздами сообразно ихъ средствамъ. Всѣ эти расходы принесли существенную пользу дѣлу, на которое они были предназначены; но народныя училища, устройство которыхъ остается на попеченіи уѣздовъ, съ переходомъ ихъ въ вѣдѣніе училищныхъ совѣтовъ, не только не улучшились качествомъ, но еще уменьшились количествомъ, такъ какъ значительная часть бывшихъ училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ закрылась, по случаю отказа крестьянскихъ обществъ выдавать содержаніе учителямъ и учительницамъ. Директоръ Новгородскихъ училищъ, обзрѣвавшій ихъ, свидѣтельствуетъ о крайне плачевномъ ихъ положеніи. Крестьянскія общества не сознаютъ еще необходимости дѣльныхъ народныхъ школъ съ правильно приготовленными учителями и всѣ расходы на этотъ предметъ признаютъ бесполезными, а такъ какъ во всѣхъ почти уѣздахъ гласные отъ крестьянъ составляютъ большинство, то уѣздныя собранія и не даютъ средствъ изъ уѣздныхъ сборовъ на народное образованіе, и нѣтъ надежды, чтобы мнѣнія крестьянъ въ своромъ времени измѣнились къ лучшему. Главнѣйшая причина неудовлетворительности народныхъ школъ состоитъ въ положительномъ неизмѣненіи правильно приготовленныхъ сельскихъ учителей, на что уѣзды вовсе не имѣютъ средствъ. Въ 1866 году очередному губернскому земскому собранію былъ представленъ проектъ учительской школы; но онъ не былъ утвержденъ единственно по недостатку средствъ. Такъ какъ въ настоящее время губернское собраніе имѣетъ въ своемъ распоряженіи около 140.000 руб. экономическихъ земскихъ суммъ, то губернская управа сочла благовременнымъ представить собранію, въ виду изложенныхъ выше фактовъ, проектъ устройства учительской семинаріи. Какъ на примѣръ пользы отъ этого учрежденія, управа указываетъ на удачный опытъ приготовленія въ званіе народныхъ учителей пяти мальчиковъ въ Старорусскомъ уѣздѣ; съ открытіемъ учебнаго курса, мальчики эти поступили учителями въ

народныя школы того же уѣзда, и по полученнымъ свѣдѣніямъ, исполняютъ свою обязанность хорошо.

По словамъ корреспондента *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (№ 352), на устройство учительской семинаріи и педагогическихъ курсовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Новгородской губерніи предназначается та именно сумма земскихъ сбереженій, которая осталась отъ содержанія почтовыхъ станцій въ количествѣ 45.000 руб. Сущность намѣренной земства въ этомъ отношеніи заключается въ слѣдующемъ. Школу для сельскихъ учителей предположено открыть въ окрестностяхъ Новгорода, въ 3 верстахъ отъ города. По первоначальному проекту, такія же школы предполагалось открыть въ городахъ Череповцѣ и Боровичахъ, на 36 воспитанниковъ каждую, что составило бы въ общемъ комплектъ 108 учениковъ и ежегоднаго выпуска по 36 сельскихъ учителей. Такимъ образомъ въ 300 волостяхъ, существующихъ въ Новгородской губерніи, можно было бы снабдить всѣ школы специально-образованными учителями въ теченіе 9 лѣтъ; но земство отерочило этотъ проектъ, сосредоточивъ все свое вниманіе и всѣ средства на одномъ центральномъ училищѣ въ Новгородѣ. Главная мысль проекта заключается въ томъ, что сельскіе учителя должны быть избираемы по преимуществу изъ сельскихъ жителей. Они должны быть подготовлены на столько, чтобы умѣть читать, писать и считать; во время воспитанія они должны оставаться въ своемъ крестьянскомъ быту во всѣхъ отношеніяхъ и на лѣтнее время не отрывать отъ полевыхъ работъ и отъ семейной жизни. Курсъ ученія предположенъ трехлѣтній; программа обученія предоставляется усмотрѣнію высшаго начальства. Обученіе происходитъ бесплатно; но каждый уѣздъ, представившій отъ себя кандидатовъ въ учительскую школу, долженъ, по выпускѣ ихъ оттуда, обезпечить ихъ должностію сельскаго учителя и жалованьемъ 120 рублей. Въ этой должности они должны прослужить 3 года въ предѣлахъ губерніи; въ противномъ случаѣ должны возвратить половину суммы, назначенной на ихъ содержаніе (около 112 руб.). По истеченіи 6 лѣтъ, имъ дается или единовременная ссуда отъ 100 до 300 руб., или годовое добавочное жалованье отъ 60 до 120 руб. Частные пансіонеры принимаются съ платою по 75 руб. въ годъ. Расходы на первоначальное обзаведеніе и постройки исчислены въ 7.000 руб., текущіе расходы на 4 учителей и 36 учениковъ положены въ 8.750 руб. Постройки и число воспитанниковъ могутъ быть увеличены.

Собраніе обратило также вниманіе на укомплектованіе и улучшеніе нынѣшняго состава сельскихъ учителей, находящагося въ са-

момъ жалвомъ положеніи, какъ это подерѣвлено отзывомъ самого начальника губерніи, основаннымъ на донесеніи штатнаго смотрителя училищъ. Принявъ въ разчетъ значительныя суммы, ассигнуемыя на этотъ предметъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ изъ уѣздныхъ сборовъ (въ Старорусскомъ уѣздѣ около 10.000 руб., въ Череповскомъ 3.500 руб.), губернское собраніе признало себя обязаннымъ содѣйствовать этому дѣлу пособиями изъ губернскихъ суммъ для подготовки учителей. Образование учителей въ семинаріяхъ призвано лучшимъ, но въ то же время и весьма медленнымъ способомъ, и потому оказалось необходимымъ на первое время дополнить эту мѣру другою, временною, хотя и не вполне удовлетворительною, но дѣйствующею непосредственно на усиленіе образовательныхъ средствъ и улучшеніе методы преподаванія. Для этого предположено учредить педагогическіе курсы въ Новгородѣ и Череповцѣ, и ассигновано на нихъ 3.300 рублей съ тѣмъ, чтобы сельскіе учителя собирались въ лѣтніе, свободные мѣсяцы на 6—8 недѣль для слушанія лекцій наглядной методики. На проѣздъ и содержаніе 100 слушателей въ двухъ пунктахъ ассигновано по 12 рублей на каждаго, всего 1.200 руб., на вознагражденіе и путевыя издержки преподавателей 2.100 руб. Что касается до программъ и педагогическихъ указаній, то земство воздержалось отъ нихъ, обезпечивъ только хозяйственную часть, то-есть, расходы; оно намѣрено войти съ представленіемъ къ высшему начальству о назначеніи лицъ и составленіи программы обученія.

Въ *С.-Петербургскихъ* (№ 333) и *Биржевыхъ* (№ 325) *Вѣдомостяхъ* одновременно появилась замѣтка о дѣйствіяхъ *Бѣлозерскаго* (Новгородской губ.) земства по отношенію къ народнымъ школамъ. Изъ замѣтки этой оказывается, что еще въ первомъ Бѣлозерскомъ земскомъ собраніи на народное образование было назначено 1.500 рублей. Изъ этой суммы управа израсходовала на упомянутый предметъ только 12 руб. 50 коп., остальные же 1.487 руб. 50 коп. употребила на другія надобности. Обстоятельство это привело одного изъ гласныхъ къ мысли предложить собранію сдѣлать постановленіе: „чтобы къ наибольшему движенію суммъ, назначенныхъ на сельскія школы и въ прошломъ (1867) году управою почти не тронутыхъ, предоставлено было гласнымъ уѣзда право прискивать сельскихъ учителей и подъ личною ихъ, гласныхъ, отвѣтственностію въ приносимой этими учителями дѣйствительной и видимой пользѣ, просить о выдатѣ имъ вознагражденія, въ употребленіи котораго и отдавать управѣ отчетъ“. Это постановленіе было принято собраніемъ; но при устрой-

ствѣ тѣмъ же гласнымъ въ сентябрѣ 1868 года, на счетъ земства, сельской школы и требованіи на нее денегъ, предсѣдатель Вѣлзерскаго училищнаго совѣта увѣдомилъ учредителя школы, что по новому постановленію собранія, бывшаго въ сентябрѣ того же года, на 1869 годъ на народныя школы въ Вѣлзерскомъ уѣздѣ никакихъ суммъ не назначено.

Изъ обзора дѣятельности *Крестецкаго* (той же губерніи) земства, сообщаемого *С.-Петербургскими Вѣдомостями* (№ 340), видно, что Крестецкая уѣздная управа не оставила безъ вниманія вопроса о мѣстныхъ народныхъ школахъ. Изъ донесенія штатнаго смотрителя оказалось, что эти школы находятся въ жалкомъ положеніи. При испытаніи, ученики хотя могли читать, но объяснить прочитаннаго не умѣли; знали нѣсколько молитвъ, но не могли сказать, къ кому онѣ обращаются; вообще законъ Божій, а съ нимъ вмѣстѣ арифметика, преподавались весьма слабо или даже вовсе не преподавались. Этотъ печальный результатъ объясняется какъ неизмѣнимъ хорошихъ учителей, такъ и крайнею скудостію средствъ. Поэтому обсуждавшая вопросъ о народныхъ школахъ коммиссія предложила нѣсколько увеличить сумму, назначаемую на сельскія училища въ 1869 году и вмѣстѣ съ тѣмъ сократить число училищъ, а для возбужденія рвенія учителей, назначить имъ, согласно мнѣнію предсѣдателя собранія, г. Татищева, премію за успѣшное образованіе каждаго ученика, по утвержденной для начальныхъ школъ программѣ, по 5 рублей за каждаго, съ такимъ притомъ условіемъ, чтобы выдавать эту премію сполна наставнику тамъ, гдѣ нѣтъ законоучителя; въ противномъ случаѣ выдавать законоучителю 2 руб., а наставнику остальные 3 руб. Для лучшаго надзора за училищами, коммиссія предложила распредѣлить ихъ между членами училищнаго совѣта. Наконецъ, соглашаясь съ мнѣніемъ губернскаго собранія о необходимости имѣть школы для приготовленія учителей, коммиссія предложила собранію разрѣшить содержать въ нихъ, когда онѣ будутъ устроены, по 10 учениковъ на счетъ уѣздныхъ земскихъ средствъ, а между тѣмъ посылать теперешнихъ учителей земскихъ школъ на устраиваемыя г. Шемякиннмъ глѣніе курсы, имѣющіе цѣлю — возможное улучшеніе ихъ педагогической практики. Въ то же время, коммиссія предложила, чтобъ управа, посредствомъ мѣстныхъ изысканій, въ каждой волости опредѣлила, согласятся ли крестьяне вносить ежегодно съ каждаго душеваго надѣла по 10 коп. на устройство волостной школы; а если на такое содѣйствіе разчитывать нельзя, то удостовѣриться, не пожелаютъ ли

отдѣльные обыватели платить въ училища за обученіе ихъ дѣтей и сколько.

— Въ гор. *Череповцѣ* составленъ проектъ устройства ремесленно-хозяйственнаго и воспитательнаго заведенія, уставъ котораго представленъ на утвержденіе г. министра внутреннихъ дѣлъ. По проекту устава этого заведенія, напечатаннаго въ *Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 45), означенное заведеніе учреждается съ цѣлію положить въ уѣздѣ основаніе образцовому хозяйству и ремесламъ и показать населенію наглядно тѣ способы, которые могутъ и при дурной почвѣ дать хорошіе результаты, распространить между ними хорошія сѣмена и улучшить породу скота, и наконецъ, самое главное, обучить ремесламъ всѣхъ, а въ особенности тѣхъ бѣдныхъ мальчиковъ, которые не имѣютъ другихъ средствъ къ пропитанію, кромѣ подаванія. Устройствомъ такого заведенія имѣется въ виду въ особенности способствовать поднятію нравственнаго и экономическаго положенія населенія и уничтоженію нищенства и бродяжничества въ мѣстности. Городское общество жертвуетъ подѣ заведеніе безвозмездно часть пригородной земли въ размѣрѣ 30 десятинъ. Для составленія первоначальнаго капитала на устройство заведенія открывається подписка на добровольныя пожертвованія, сумма которыхъ ожидается на первое время приблизительно до 10.000 руб. Затѣмъ, для составленія капитала на поддержаніе и развитіе заведенія, учреждается постоянная подписка на добровольныя пожертвованія; устанавливаются стипендіи, со взносомъ отъ имени желающихъ 500 рублей за каждаго стипендіата, и кромѣ того плата за дѣтей достаточныхъ родителей, поступающихъ на правахъ пансіонеровъ, по 40 руб. въ годъ; наконецъ, производится продажа хлѣбныхъ и огородныхъ сѣмянъ, племеннаго скота, молочныхъ продуктовъ и ремесленныхъ произведеній. Воспитанники обучаются въ заведеніи преимущественно практическимъ работамъ: земледѣлію, садоводству, огородничеству и ремесламъ, для чего при заведеніи учреждаются: образцовое земледѣльство, огородъ, садъ, скотный дворъ, снрварня и мастерскія. Кромѣ практическихъ занятій, откроется при заведеніи училище, въ размѣрѣ двухкласснаго сельскаго, въ которое, для обученія воспитанниковъ грамотѣ, приглашаются священникъ и учитель педагогическаго курса. Число воспитанниковъ опредѣляется въ 60 человекъ. Въ заведеніе принимаются мальчики не менѣе 10-ти лѣтъ отъ роду, бѣднаго сословія, и преимущественно тѣ, которые не имѣютъ средствъ къ пропитанію и замѣчены обществомъ въ нищенствѣ и бродяжничествѣ. Норма срока на-

хожденія въ заведеніи опредѣляется до 17-лѣтняго возраста и сверхъ того воспитанникъ обязанъ пробить въ заведеніи два года, для приобрѣтенія большаго опыта и свѣдѣній, за жалованье въ размѣрѣ отъ 40 до 60 руб. въ годъ, смотря по способности. По достиженіи 19-лѣтняго возраста, ученики выпускаются изъ заведенія съ надлежащимъ свидѣтельствомъ. Имъ выдается вспомошествованіе для первоначальнаго обзаведенія и прискиваются средства для занятія хлебопашествомъ или изученнымъ мастерствомъ.

— Въ той же газетѣ (№ 42) сообщается свѣдѣніе объ открытіи первой крестьянской школы въ *Тихвинскомъ уѣздѣ*, при Усадинскомъ волостномъ правленіи. Открытіе происходило 19-го сентября 1868 года. При этомъ замѣчено было, что мѣстные крестьяне, еще недавно уперто отказывавшіеся принять какое бы то ни было участіе въ введеніи грамотности въ ихъ обществѣ, теперь добровольно привели своихъ сыновей во вновь открытую школу, изъявивъ желаніе содержать ихъ на свой счетъ. Горячее участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ мѣстный священникъ, о. Аристархъ. Послѣ простой и убѣдительной рѣчи, обращенной къ собравшемуся обществу, онъ первый подалъ примѣръ во жертвованія на основаніе школы деньгами и учебными пособиями; его примѣру послѣдовали старшина и всѣ присутствующіе крестьяне.

— *Сборникъ земскихъ извѣстій по Тамбовской губерніи* (вып. 1) представляетъ полный очеркъ дѣятельности мѣстнаго земства по народному образованію. Изъ этого очерка видно, что при самомъ открытіи своихъ засѣданій, Тамбовское губернское земское собраніе, признавая чрезвычайную важность народнаго образованія, поручило губернской управѣ собрать точныя свѣдѣнія о всѣхъ народныхъ училищахъ въ губерніи и представить вмѣстѣ съ тѣмъ свои соображенія о способахъ къ развитію народнаго образованія. Изъ собранныхъ свѣдѣній оказалось, что число училищъ въ Тамбовской губерніи было распределено въ прежнее время далеко несоотвѣтственно количеству населенія въ уѣздахъ; что число женскихъ училищъ, весьма важныхъ въ дѣлѣ народнаго образованія, чрезвычайно мало (8 при 93 мужскихъ) и притомъ только въ 4-хъ уѣздахъ, и слѣдовательно, $\frac{2}{3}$ губерніи лишены самой важной стороны въ дѣлѣ народнаго образованія — возможности обученія дѣтей дома ихъ матерями, и наконецъ, что самое географическое положеніе училищъ не соотвѣтствуетъ народному расселенію: такъ, мѣстами училища очень близки одно къ другому, въ другихъ же мѣстахъ чрезвычайно большія и многочисленныя пространства лишены средствъ къ образованію. Губернская управ

доложила также собранію, что въ губерніи имѣются частныя училища, о которыхъ, въ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и потому было бы полезно, если бы члены отъ земства въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ, собирая свѣдѣнія о такихъ школахъ, извѣщали о нихъ не только свои мѣстныя земскія собранія, но и мѣстную и губернскую управу, дабы тѣмъ дать имъ возможность своевременно и непрерывно слѣдить какъ за успѣхомъ училищнаго дѣла, такъ и за правильнымъ распредѣленіемъ училищъ, и чрезъ то имѣть возможность присылать средства въ наиболѣе успѣшному развитію народа. Въ продолженіе 1867 года, по смѣтнымъ назначеніямъ уѣздныхъ земскихъ собраній, было предложено въ сбору на предметъ народнаго образованія по уѣздамъ: Тамбовскому 2.600 руб., Липецкому 6.600, (впрочемъ это смѣтное назначеніе по Липецкому уѣзду было въ послѣдствіи отстранено, по тому случаю, что правительствомъ не было утверждено назначенный собраніемъ въ пользу училищъ налогъ съ желѣзной дороги, проходящей по этому уѣзду), Усманскому 1.691, Темниковскому 300, Кирсановскому 3.051. По Борисоглѣбскому уѣзду содержаніе училищъ возложено собраніемъ на заботы мѣстныхъ обществъ, а на городскія училища оставлена прежняя сумма 650 руб. По Спасскому уѣзду содержаніе училищъ также возложено на частныя мирскія сборы сельскихъ обществъ, съ опредѣленіемъ на то 2.476 руб. 20 коп. изъ подушнаго оклада. По Моршанскому назначено, по смѣтѣ уѣзднаго сбора, 7.627 руб. По Шацкому постановлено ассигновать въ распоряженіе училищнаго совѣта, на основаніе двухъ образцовыхъ школъ для обученія крестьянскихъ дѣтей, 650 руб. По Козловскому ассигновано на женское училище 1474 руб. 42 коп. и на содержаніе сельскихъ школъ 2.569 руб. 50 коп. По Лебедянскому уѣзду ассигновки изъ земскаго сбора не сдѣлано, а предоставлено развитіе народнаго образованія частной дѣятельности, что, по отзыву собранія, приноситъ уже благотворные результаты. Наконецъ, по Елатомскому уѣзду земское собраніе постановило на первоначальное устройство народныхъ училищъ ассигновать 1.100. Въ заключеніе своего отчета, губернская управа ходатайствовала у собранія открыть складъ книгъ для снабженія ими какъ училищъ, такъ и читаленъ, буде таковыя откроются, чрезъ продажу безъ процентовъ за комиссію, для чего на первый случай употребить на оборотъ остаточную сумму по училищной части за 1866 и 1867 годы. Открытіе книжнаго склада, преимущественно для школъ государственныхъ крестьянъ, было утверждено собраніемъ.

Общее возложеніе народныхъ училищъ по Тамбовской губерніи въ 1868 году представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Моршанскимъ земскимъ собраніемъ определено, съ 1-го января 1868 года, отнустать на содержаніе каждаго училища ежегодно по 185 руб., кромѣ училищъ, въ которыхъ болѣе 70 учащихся. Свыше этого числа, за каждаго учащагося наставники получаютъ по 1 руб. въ годъ изъ дополнительной къ означеннымъ 185 руб. суммы. Число училищъ въ настоящее время то же, какое было при передачѣ въ земство, то-есть, 16 мужскихъ и 3 женскихъ, въ коихъ учащихся мальчиковъ 894, дѣвочекъ 100.

Въ *Липецкомъ* уѣздѣ, по случаю неутвержденія начальникомъ губерніи сбора съ полотна желѣзной дороги, пособие отъ земства изъ смѣты исключено, и на содержаніе четырехъ училищъ общества назначили сборъ по 264 руб.; два общества вновь устроили у себя училища, а четыре общества отказались отъ ассигновки суммъ на училища, отчего эти послѣднія закрыты, такъ что въ настоящее время по Липецкому уѣзду имѣется 6 училищъ, въ коихъ учащихся мужскаго пола 213.

Въ *Щаптомъ* уѣздѣ на пособие сельскимъ школамъ назначено 650 руб., которые училищный совѣтъ опредѣлялъ употребить въ пособие бѣднымъ училищамъ. Въ 4-хъ училищахъ, изъ коихъ 3 содержатся на общественный сборъ, учащихся 204 мужскаго пола.

Въ *Борисоглебскомъ* уѣздѣ, по прекращеніи общественнаго сбора съ государственныхъ крестьянъ, съ 1-го января 1868 года, сельскія общества приняли содержаніе училищъ на свой счетъ. Въ нѣкоторыхъ училищахъ неисправныя наставники замѣнены лучшими, отчего число учениковъ въ нихъ увеличилось. Въ 22 училищахъ этого уѣзда учащихся было муж. пола 895, жен. 29.

Въ *Спасскомъ* уѣздѣ и гор. Спасскѣ нѣкоторыя училища получаютъ пособия, въ другихъ ученіе производится безвозмездно. Учащихся въ уѣздѣ 239 мальч. и 6 дѣв., въ городѣ 109 мальчиковъ.

Въ *Темниковскомъ* уѣздѣ всѣ училища содержатся, кромѣ единовременно ассигнованныхъ земствомъ 300 руб., на счетъ общественнаго сбора. Учащихся муж. п. 202, жен. 12.

Въ *Усманскомъ* уѣздѣ нѣкоторыя училища закрылись, по неполученію наставниками жалованья; напротивъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ училища открыты вновь. Всѣхъ ихъ числится въ настоящее время 13. Учащихся мужскаго пола 424, женскаго 20.

Въ *Кирсановскомъ* уѣздѣ училищъ 5, учащихся 189 муж. пола и

11 женск.; воѣ они содержатся обществами съ пособіемъ отъ земства по 31 руб. 58 коп. на каждое.

По *Тамбовскому* уѣзду на содержаніе училищъ суммъ никакихъ не отпускалось. По осмотру училищъ, успѣхи учащихъ оказались очень слабыми; въ 3-хъ селахъ, по недостатку средствъ, училища вовсе закрыты, хотя потребность въ грамотности замѣтна въ народѣ, такъ что по мѣстамъ дѣти обучаются на дому у грамотныхъ людей, съ платою по 25 и по 50 коп. въ мѣсяцъ; но выборъ такихъ учителей мало разборчивъ и особенно опасенъ въ виду ижеющихся сектантовъ, какъ напримѣръ, въ с. Разсказовѣ, а потому, по мнѣнію училищнаго совѣта, потребность обученія должна быть удовлетворена какъ можно скорѣе мѣстными управленіями. Учащихся 164.

Въ *Лебедянскомъ* уѣздѣ три училища закрыты по несогласію крестьянъ производить сборъ на ихъ содержаніе; но другія содержатся на общественный сборъ. Учащихся 320 муж. пола и 89 женскаго.

По *Блатомскому* уѣзду земствомъ содержатся двѣ школы, съ выдачею на каждую по 189 руб.; затѣмъ, по приговорамъ крестьянъ, содержатся: 2 училища въ селахъ государственныхъ крестьянъ, 22 отъ срочно-обязанныхъ и 5 магометанскихъ. Учащихся 1.008 муж. пола и 86 женскаго.

Въ *Козловскомъ* уѣздѣ по одному училищу земство увеличило отъ себя содержаніе, по другимъ сдѣланы измѣненія въ назначеніи содержанія, а именно: по 3 увеличено, и по 7 уменьшено, согласно приговорамъ крестьянъ; въ двухъ же селахъ совсѣмъ закрыты женскія училища. Учащихся муж. пола 628, женск. 14.

По вопросу о народныхъ читальняхъ, училищные совѣты Шацкій, Борисоглѣбскій, Моршанскій, Тамбовскій и Спасскій отозвались, что устройство читальень они считают полезнымъ; совѣты же Темниковскій, Кирсановскій и Усманскій не находятъ въ нихъ надобности, и наконецъ Линецкій училищный совѣтъ увѣдомилъ, что находившіяся въ уѣздѣ читальни закрыты за неимѣніемъ денежныхъ средствъ. По полученіи всѣхъ этихъ отвѣтовъ, управа обратилась съ просьбою въ губернский училищный совѣтъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ, въ видахъ попеченія о народномъ образованіи, ходатайствовать у высшаго правительства о свободномъ разрѣшеніи открытія въ селахъ читальень, такъ какъ одной грамотности, безъ средствъ воспользоваться ею для саморазвитія, далеко недостаточно, и самыя училища стануть безполезны и не могутъ возбудить къ себѣ сочувствія въ народѣ, за неимѣніемъ средствъ къ удовлетворенію естественной любознательности.

Лебедянской училищный советъ возбуждалъ вопросъ объ обязательности обученія. По удостовѣренію его, многіе крестьяне сами сознаютъ, что только рѣшительное приваженіе со стороны высшихъ властей можетъ убѣдить крестьянскія общества въ необходимости обученія ихъ дѣтей и прекратить тѣ недоброжелательныя толки, которые постоянно возникаютъ на сельскихъ сходкахъ, когда возбуждается вопросъ о пожертвованіяхъ на училища. По ихъ мнѣнію, правильное и исправное посѣщеніе школъ учениками можетъ послѣдовать только тогда, когда составится списокъ дѣтямъ, должствующимъ посѣщать школу, и строгое наблюденіе за посѣщеніемъ ихъ будетъ возложено на обязанность и отвѣтственность сельскаго начальства. Поэтому советъ полагаетъ сдѣлать обязательнымъ для крестьянскихъ обществъ содержаніе школъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ имѣются волостныя правленія, или по одному училищу на каждыя 1.000 душъ населенія, смотря по мѣстнымъ удобствамъ. Собраніе постановило: вопросъ объ обязательномъ обученіи грамотѣ предложить на обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній и затѣмъ сводъ этихъ заключеній представить губернскому собранію въ слѣдующую очередную сессію.

По поводу заявленія Козловской управы о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ относительно правъ мировыхъ посредниковъ на содѣйствіе въ дѣлѣ народнаго образованія, Тамбовская губернская управа обратила между прочимъ вниманіе Козловской управы на ту помощь дѣлу развитія грамотности въ народѣ, какою могли бы оказать ей приходскія попечительства, имѣющія обязанность, по силѣ 4 и 5 ст. положенія о нихъ, изыскивать средства къ устройству школъ и потому просила содѣйствія уѣздной управы къ учрежденію этихъ попечительствъ.

Наконецъ въ губернскомъ собраніи былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи учительской семинаріи для приготовленія народныхъ наставниковъ. По соображенію директора Тамбовской гимназіи, представленному собранію, на этотъ предметъ потребуется ежегоднаго расхода отъ 4 до 4.500 руб. и на первоначальное обузаведеніе до 1.200 руб. На это губернский гласный А. И. Граве заявилъ готовность принять на свой счетъ плату за бѣдныхъ учениковъ, въ томъ количествѣ, какое указываетъ директоръ, до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ состоять въ должности почетнаго попечителя гимназіи. По другому предложенію г. директора училищъ, Тамбовское собраніе постановило: передать вопросъ объ учрежденіи учительской семинаріи на разсмотрѣніе губернской управы, которая въ послѣднюю сессію 1867 года, между прочимъ, доложила, что такъ какъ до сей поръ болѣею частью были

наставниками въ народныхъ училищахъ воспитанники духовнаго званія; окончившіе курсъ въ семинаріи, и такъ какъ, съ другой стороны, предположеніе губернскаго собранія объ устройствѣ педагогическаго шкoлы еще не послѣдовало, то губернская управа ввела въ проектъ мужскаго сиротскаго отдѣленія предположеніе, чтобы желающіе изъ воспитанниковъ этого отдѣленія и притомъ оказавшіе хорошія способности и наклонности къ учительскимъ должностямъ были направляемы управою на должности народныхъ приходскихъ наставниковъ, по мѣрѣ требованія таковыхъ въ уѣзды.

Дополняем эти извѣстія изъ Тамбовской губерніи свидѣніями, помѣщенными въ корреспонденціи *Виржевий Вѣдомостей* (№ 1 на наступившій 1869 годъ) изъ гор. Кадома. По словамъ корреспондента, въ 1863 году въ этомъ запустѣломъ и бѣдномъ городѣ, имѣющемъ населеніе не болѣе 7.000 душъ обоюго пола, въ приходскомъ училищѣ было всего 26 учениковъ. Но въ это время поступилъ новый учитель, и число учениковъ стало прибывать въ значительной степени. Черезъ нѣсколько времени мѣстные жители обратились къ учителю съ просьбою принимать и дѣвочекъ, вслѣдствіе чего въ 1-му декабря 1864 г. открыто было особое отдѣленіе для дѣвочекъ; теперь ихъ обучается до 50, мальчиковъ же 109. Судя по отзывамъ училищнаго начальства, успѣхи дѣтей вообще очень хороши, и крестьяне весьма сочувственно относятся къ учителю, говоря: „прежде учили не такъ, какъ слѣдуетъ: азъ, буки, ѡди называли какъ-то а, бе, се; святой псалтири не учили, а теперь учатъ всему христіанскому, и намъ приятно отдавать своихъ дѣтей въ училище“. Въ Кадомѣ существуетъ народная библиотека, основанная на пожертвованія, вслѣдствіе инициативы священника о. Юанна Коблякова. Кромѣ упомянутой выше школы, въ Кадомѣ есть много частныхъ школъ безконтрольных, которыя, въ видахъ общей пользы, требуютъ правильнаго надзора.

— Въ *Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№№ 42—45), напечатано извлеченіе изъ постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній Пензенской губерніи въ сессію 1868 года, по вопросу о народномъ образованіи. Заимствуемъ изъ этого извлеченія нѣсколько данныхъ.

Нижнемоловское земское собраніе поручило управѣ опредѣлять въ народныхъ школахъ, при содѣйствіи училищнаго совѣта, учителей изъ крестьянскихъ мальчиковъ, окончившихъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ, и изъ другихъ способныхъ лицъ свѣтскаго званія, если возможно, съ практическими познаніями въ сельскомъ хозяйствѣ, постепенно замѣняя этими лицами нынѣшнихъ учителей, въ особенности

тѣхъ, у которыхъ слабѣе успѣхи учениковъ. Такимъ образомъ, собраніе надѣется, при постепенномъ привлеченіи способныхъ и свободныхъ отъ другихъ занятій лицъ къ обученію мальчиковъ, сдѣлать въ теченіе времени весь учебный составъ сколько возможно удовлетворительнымъ и соответствующимъ цѣли и интересамъ народнаго образованія. Сдѣлавъ затѣмъ срокъ ученія отъ 1-го сентября по 1-е мая обязательнымъ для наставниковъ, собраніе назначило жалованья священникамъ, занимающимся обученіемъ мальчиковъ, 72 руб., а за одно преподаваніе закона Божія 36 руб. въ годъ, при чемъ оно имѣло въ виду то, что священники обезпечены отъ своихъ приходовъ и не имѣютъ на столько свободного времени, чтобы безъ уцущенія заниматься въ школахъ; наставникамъ же изъ другихъ эваній, какъ имѣющимъ обезпеченіе своего существованія только отъ школъ и какъ могущимъ притомъ, безъ всякаго отвлеченія другими занятіями, удовлетворительно исполнять свои обязанности, собраніе назначило отъ 100 до 140 руб. содержанія, предоставивъ притомъ уравнивъ — болѣе способныхъ и усердныхъ, по заявленіямъ училищнаго совѣта, поощрять повышеніемъ жалованья или временными наградами. Въ то же время предсѣдателю и членамъ уравы поручено по возможности привлекать общества крестьянъ къ открытію школъ и своими средствами, безъ пособія земства, и вообще, гдѣ можно, содѣйствовать сокращенію издержекъ земства и распространенію народнаго образованія, съ практическимъ примѣненіемъ опытовъ сельскаго хозяйства, тамъ, гдѣ общества согласятся дать для этого участки земли. Содержаніе городскихъ мужскаго и женскаго училищъ оставить въ 1869 году въ существующемъ видѣ; на учебныя пособия сельскимъ школамъ опредѣлить отъ 15 до 20 руб. на каждую. На расходы по сему предмету оставить назначенные 5.000 руб., въ надеждѣ, что школы примутъ лучшее положеніе по отношенію къ образованію.

Изъ отчета *Керемской* уѣздной земской управы за 1868 годъ видно, что въ Керемскомъ уѣздѣ всѣхъ начальныхъ училищъ, находящихся въ завѣдываніи уѣзднаго училищнаго совѣта, съ 1-го августа 1867 г. по 1-е августа 1868 г. было только 17, изъ которыхъ 9 церковно-приходскихъ, 7 отъ обществъ и 1 отъ земства. Это послѣднее, по случаю прекращенія отпуска суммы на него, закрыто. Гласный, священникъ М. Любимовъ, заявляя объ этомъ земскому собранію, объяснилъ, что если собраніе не поддержитъ своимъ сочувствіемъ народныя школы, то онѣ закроются по неимѣнію средствъ къ ихъ содержанію, подобно тому какъ закрылось упомянутое выше земское училище и нѣкоторыя другія.

При этомъ свящ. Любимовъ указалъ въ особенности на с. Лунданъ, какъ на такую мѣстность, гдѣ прежде всего необходимо быть училищу отъ земства, такъ какъ здѣсь и въ самомъ селѣ и въ окрестныхъ деревняхъ находится не малое количество Татаръ и даже больше Татаръ, чѣмъ Русскихъ, отчего „Русскіе нерѣдко между собою говорятъ по татарски, не только въ частныхъ домахъ, но и въ храмѣ Божіемъ, къ пострашенію господствующей христіанской религіи“. Выслушавъ такое заявленіе гласнаго, свящ. Любимова, Керекское уѣздное земское собраніе сдѣлало постановленіе, изложенное въ слѣдующихъ приведенныхъ мѣстною газетою выраженіяхъ: „По примѣру прежнихъ лѣтъ, земство не можетъ жертвовать на этотъ предметъ своими средствами и что каждое общество, сознавши потребность образованія, скорѣе найдетъ это въ средѣ своей“.

Гораздо съ большимъ сочувствіемъ отнеслось къ дѣлу народнаго образованія *Краснослободское* уѣздное земское собраніе. Оно внесло къ смѣту на 1869 годъ 4.860 руб., на основаніи постановленія, состоявшагося 26-го сентября 1867 года, конемъ было опредѣлено, по случаю прекращенія съ 1868 года сборовъ съ государственныхъ крестьянъ на училища, принять отпущавшіяся изъ этихъ сборовъ 2.447 руб. на счетъ земства и сверхъ того на поддержаніе существующихъ и заведеніе новыхъ училищъ положить 2.413 руб. При этомъ виѣнено было въ обязанность селамъ, въ которыхъ находятся или будутъ открыты училища, если для нихъ нѣтъ помѣщенія при волостныхъ правленіяхъ, строить дома или отводить помѣщенія на свой счетъ, съ устройствомъ при училищахъ комнаты, въ которой бы проходящіе изъ сосѣднихъ деревень ученики могли обогрѣться и въ дурную погоду переночевать. Кромѣ того постановлено просить училищный совѣтъ имѣть самое строгое наблюденіе за точнымъ исполненіемъ учителями возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Мокшанское земское собраніе отнеслось съ самымъ полнымъ сочувствіемъ къ дѣлу народнаго образованія; но такъ какъ, въ виду удовлетворенія другихъ настоятельныхъ потребностей, большею частію обязательныхъ, оно не могло установить на этотъ предметъ сбора, который бы дозволилъ дать широкіе размѣры народному образованію въ уѣздѣ, то собраніе, по предложенію гласнаго Ковшарова, приняло слѣдующія рѣшенія: 1) Въ пособіе крестьянамъ всѣхъ наименованій, желающимъ учредить у себя народныя училища, назначается ежегодно 1265 руб. 2) Изъ этой суммы передается въ мѣстный училищный совѣтъ по 55 руб. ежегодно, на усиленіе средствъ народнаго образова-

нія въ той волости, которая, приговоромъ волостнаго схода, установилъ у себя на учрежденіе училищъ общественный сборъ, въ размѣрѣ не менѣе 100 руб. въ годъ. Въ случаѣ же несоставленія волостнымъ сходомъ приговора о желаніи имѣть у себя училище, предоставить волости, по предложенію гласнаго Волчкова, право употреблять сумму въ 55 руб. на содержаніе въ Мокшанскомъ уѣздномъ или приюдамскомъ училищѣ двухъ мальчиковъ, съ выдачею каждому изъ нихъ по 27 руб. 50 коп. въ видѣ стипендіи со стороны земства; и на этотъ предметъ необходимо также имѣть приговоръ волостнаго схода. 3) Деняги, не израсходованныя по 2-му пункту этого постановленія, обращаются въ запасный училищный капиталъ, дальнѣйшее назначеніе котораго, единственно на предметъ народнаго образованія, можетъ быть указано послѣдующими земскими собраніями, по сношенію съ училищнымъ совѣтомъ. 4) Если бы двѣ сосѣдственныя волости наши удобнымъ учредить одно училище, съ назначеніемъ по 100 руб. отъ каждой волости на содержаніе его, то такому училищу, и при этихъ условіяхъ, земство выдаетъ вспомошествованіе въ размѣрѣ 110 руб. въ годъ. 5) Съ превращеніемъ волостнаго сбора на какое-либо училище, или за непредставленіемъ приговора о желаніи имѣть 2-хъ стипендіатовъ, прекращается и вспомошествованіе отъ земства, въ обоихъ случаяхъ съ обращеніемъ его въ запасный училищный капиталъ.

Въ постановленіи *Исарскаго* уѣзднаго земскаго собранія сказано: „Такъ какъ въ прошедшемъ (1867) году, въ обезпеченіе существованія 20 народныхъ училищъ, находящихся въ Исарскомъ уѣздѣ, собраніе предположило выдавать на каждое училище пособіе въ видѣ ссуды по 50 руб., но ни одно изъ сельскихъ обществъ въ текущемъ (1868) году не воспользовалось этою ссудою, и слѣдовательно, сумма, на этотъ предметъ ассигнованная, осталась не израсходованною, то поручить уѣздной управѣ, для обезпеченія въ будущемъ народныхъ школъ, капиталъ этотъ обратить въ процентныя бумаги, а въ случаѣ заявленій со стороны сельскихъ обществъ касательно требованій о пособіи, выдавать оныя изъ этого капитала, на тѣхъ основаніяхъ и въ томъ размѣрѣ, какъ опредѣлено по постановленію прошедшаго года“.

Постановленіемъ *Пензенскаго* уѣзднаго земскаго собранія, состоявшимся въ сентябрѣ 1867 года, было назначено на вспомошествованіе училищамъ въ 1868 году 1600 руб., съ тѣмъ чтобъ изъ этой суммы выдавалось одно лишь жалованье законоучителю въ количествѣ 40 руб. и учителю отъ 65 до 100 руб., и притомъ въ тѣхъ

только училищахъ, для которыхъ мѣрскими приговорами обезпечено помѣщеніе съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и снабженіе ихъ мебелью и другими принадлежностями. Такъ какъ изъ числа существующихъ въ гор. Пензѣ и его уѣздѣ 21 училищахъ, кромѣ городскихъ, содержащихся на счетъ города, только 11 имѣютъ поддержку, обезпеченную приговорами сельскихъ обществъ, то собраніе, считая вышеупомянутое условіе необходимымъ для выдачи пособія отъ земства, опредѣлило внести и на 1869 годъ въ смѣту уѣздной земской повинности расходъ въ количествѣ 1600 руб., какъ вполне достаточный для меньшаго числа поддерживаемыхъ обществами училищъ. Изъ остатковъ отъ 1868 года постановлено выдать пособія учителямъ, особенно отличившимся усердіемъ и успѣхами учениковъ, на покупку однообразныхъ учебныхъ пособій для недостаточныхъ учениковъ и проч.

Въ докладѣ комиссіи о народномъ образованіи, внесенномъ въ *Наровчатское* земское собраніе относительно устройства школъ въ уѣздѣ, указывается на необходимость учрежденія одной центральной народной земской школы въ гор. Наровчатѣ, съ тѣмъ чтобъ учениковъ, желающихъ въ ней обучаться, содержать на земскій счетъ, на квартирахъ въ пригородныхъ слободахъ, въ продолженіе пяти зимнихъ учебныхъ мѣсяцевъ. На содержаніе и обученіе при такихъ условіяхъ 100 учениковъ комиссія предполагаетъ расходъ отъ 2 до 3 тысячъ руб. Собраніе поручило управѣ собрать по этому предмету необходимыя свѣдѣнія къ слѣдующему очередному земскому собранію, а между тѣмъ назначило въ пособіе приходскому училищу 250 руб.

Саранское земское собраніе назначило на вспомошествованіе сельскимъ школамъ 1000 руб., которые и внесены въ смѣту земскихъ сборовъ на 1869 годъ.

Чембарское земское собраніе внесло въ смѣту на 1869 годъ по 30 руб. на 4 стипендіатовъ въ Чембарскомъ уѣздномъ училищѣ, всего 120 руб. Стипендіаты эти, по постановленію собранія отъ 12-го сентября 1867 года, обязаны, по окончаніи полнаго курса наукъ въ уѣздномъ училищѣ, прослужить четыре года учителями въ сельскихъ училищахъ Чембарскаго уѣзда, въ которыхъ будетъ надобность въ учителяхъ и притомъ за содержаніе, какое въ тѣхъ училищахъ будетъ опредѣлено на жалованье учителю. Право на поступленіе въ училище на счетъ земства даютъ лучшія отиѣтки въ познаніяхъ, полученныя на экзаменѣ при поступленіи въ училище, и притомъ только лицамъ, не имѣющимъ состоянія.

Въ *Городищенскомъ* земскомъ собраніи никакого постановленія по вопросу о народномъ образованіи не состоялось, но *Пензенскія Губернскія Вѣдомости* приводятъ постановленіе того же собранія отъ 24-го сентября 1867 года, изъ котораго видно, что, по порученію собранія, *Городищенская* земская управа входила въ сношеніе съ мѣстнымъ училищнымъ совѣтомъ по вопросу о мѣрахъ обезпеченія училищъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, и совѣтъ признавъ нужнымъ устроить въ уѣздѣ училища трехъ разрядовъ, именно, одно двухклассное, которое предположено было устроить въ с. Маисѣ, и нѣсколько одноклассныхъ приходскихъ училищъ и школъ грамотности. По исчисленію училищнаго совѣта, на содержаніе двухкласснаго училища требуется 668 руб., на содержаніе однокласснаго приходскаго 273 руб., на женское училище въ уѣздѣ 348 руб., на такое же училище въ городѣ 498 руб. и на школы грамотности, по числу существовавшихъ въ то время въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, 2000 руб., и сверхъ того на расходы по приготовленію народныхъ учителей до 360 руб. Общей же суммы расходовъ по обезпеченію училищъ и школъ не опредѣлено, такъ какъ не назначено числа училищъ втораго разряда, то-есть, одноклассныхъ, которыя будутъ учреждены въ селеніяхъ. По разсмотрѣніи соображеній училищнаго совѣта, *Городищенское* земское собраніе опредѣлило: Такъ какъ въ отношеніи училищнаго совѣта предположена одна только сумма, требующаяся на содержаніе училищъ и школъ, но источниковъ на покрытіе этого довольно значительнаго расхода, кромѣ земскаго сбора, нѣтъ, и какъ, кромѣ этого, въ виду собранія нѣтъ плана, на основаніи котораго долженъ быть устроенъ порядокъ открытія училищъ, правила преподаванія въ нихъ наукъ, порядокъ надзора и попечительства надъ училищами, права учителей и административныя взысканія съ нихъ, а равно установленіе власти, которой должно быть предоставлено право опредѣлять и увольнять ихъ, то для составленія проекта объ открытіи училищъ и школъ въ уѣздѣ съ вышеизложенными основаніями назначить особую комиссію, которая должна представить свой проектъ на разсмотрѣніе и дальнѣйшее дѣйствіе первому очередному земскому собранію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для поощренія учителей въ существующихъ училищахъ назначено было на 1868 г. 500 руб., которые предоставлено расходовать *Городищенскому* училищному совѣту. Изъ сообщенія мѣстной газеты можно заключить, что требуемый земскимъ собраніемъ проектъ не былъ составленъ назначенною для этой цѣли комиссіею.

Въ общемъ выводѣ расходы, назначенныя на народное образованіе земскими собраніями Пензенской губерніи на 1869 годъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) безвозвратно и безусловно по уѣздамъ Краснослободскому, Нижнеломовскому и Саранскому назначено 11.000 руб.; 2) въ безвозвратную субсидію, подъ условіемъ обезпеченія содержанія училищъ обществами, по уѣздамъ Пензенскому и Мокшанскому 2.865 руб.; 3) въ безвозвратное пособіе городскимъ училищамъ или на стипендіатовъ, по уѣздамъ Инсарскому, Наровчатскому и Чембарскому 770 руб., всего же по восьми уѣздамъ 14.635 руб. Кромѣ того, Инсарское земство допустило, для вспомошествованія сельскимъ школамъ, отпускъ до тысячи рублей заимообразно; но подобною ссудой въ 1867 году ни одно сельское общество не признало удобнымъ воспользоваться. Уѣзды Городищенскій и Керенскій не назначили никакихъ суммъ на народное образованіе.

— *Воронежскія Губернскія Вѣдомости* (№ 94) сообщаютъ объ открытіи въ Воронежѣ педагогическихъ курсовъ для приготовленія начальныхъ народныхъ учителей. Назначенная для составленія проекта педагогическихъ курсовъ коммиссія выработала слѣдующія положенія: 1) Педагогическіе курсы учредить въ видѣ опыта на 4 года. 2) Содержать въ нихъ на счетъ земства 24 стипендіатовъ, съ отпускомъ на каждаго по 75 руб. въ годъ. 3) Допустить, сверхъ штатныхъ земскихъ стипендіатовъ, приемъ воспитанниковъ въ курсы на счетъ уѣздовъ, обществъ и частныхъ лицъ въ неограниченномъ числѣ. 4) Дать губернской управѣ участіе въ надзорѣ за матеріальнымъ положеніемъ воспитанниковъ, предоставивъ ей право избрать одного изъ своихъ членовъ попечителемъ сихъ курсовъ. 5) Относительно предметовъ преподаванія, времени пребыванія въ курсахъ и пр. руководствоваться дѣйствующими по министерству народнаго просвѣщенія „Правилами о педагогическихъ курсахъ“. Означенныя положенія были утверждены, за исключеніемъ пункта 3-го, на который г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа сдѣлалъ замѣчаніе, одобренное министерствомъ, что „при большомъ числѣ учащихся, правильный ходъ обученія неизбежно будетъ затрудненъ, а потому пунктъ 4-й правилъ 1865 года о педагогическихъ курсахъ, учреждаемыхъ при уѣздныхъ училищахъ относительно числа воспитанниковъ, не болѣе 30 въ каждомъ классѣ, долженъ быть примѣненъ безъ измѣненія къ педагогическимъ курсамъ, учреждаемымъ въ Воронежѣ на счетъ земства“. Ученіе въ курсахъ началось 1-го ноября. На нихъ поступили 15 человекъ, изъ которыхъ 14 на счетъ земства и 1 на собственный счетъ. По мѣсту первона-

чальнаго воспитанія они распредѣляются такимъ образомъ: 2 окончили курсъ въ уѣздномъ училищѣ, 4 получили домашнее воспитаніе и большинство, 9 — бывшіе воспитанники Воронежской гимназіи, выбившіе изъ нея, преимущественно изъ 4-го и 5-го классовъ, для поступления въ педагоги, или по неимѣнію средствъ для содержанія себя въ гимназіи, или потому что нашли гимназическій курсъ слишкомъ труднымъ, а потому потеряли надежду на окончаніе курса въ гимназіи.

— Заклучимъ настоящую нашу хронику извѣстіемъ о дѣятельности *Бердянскаго* (Таврической губ.) земства въ пользу народнаго образованія. Дѣятельность эта, по свидѣтельству *Одесскаго Вѣстника*, оказывается весьма благотворною. На 1868 годъ для содержанія начальныхъ школъ уѣзда было ассигновано 3000 руб., а въ пособіе Бердянскому уѣздному училищу назначено 1200 руб.; на 1869 годъ определено на содержаніе школъ уѣзда 10.500 руб.; на пособіе уѣздному и приходскому училищамъ въ Бердянскѣ 600 руб.; на содержаніе вновь предполагаемаго въ открытію въ Бердянскѣ приходскаго училища 1.530 руб. Кромѣ того, въ одномъ изъ засѣданій земскаго сѣзда въ 1868 году принять и одобрены собраніемъ проектъ о преобразованіи Бердянскаго уѣзднаго 4-класснаго училища въ классическую прогимназію изъ средствъ, отпускаемыхъ городомъ и земствомъ на содержаніе нынѣшнихъ учебныхъ заведеній гор. Бердянска. Наконецъ, въ одномъ изъ октябрскихъ засѣданій земскаго собранія постановлено открыть въ уѣздѣ 31 народную школу и воспитывать 50 крестьянскихъ мальчиковъ, для образованія изъ нихъ сельскихъ учителей, на каковыя предметы, вмѣстѣ съ пособіемъ уѣздному училищу, ассигновать 19.000 рублей.

ОТЧЕТЪ О НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ III-ГО УЧИЛИЩНАГО УЧАСТКА АЛЕКСАНДРОВСКАГО УЪЗДА ЗА 18⁶⁷/₆₈ УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

(Докладъ Александровскому уѣздному училищному совѣту).

Александровскій уѣздный училищный совѣтъ открытъ 24-го апрѣля 1867 года, и тогда же поручено мнѣ совѣтомъ наблюдение за состояніемъ начальныхъ народныхъ училищъ третьяго училищнаго участка уѣзда. Въ составъ ввѣреннаго мнѣ училищнаго участка входятъ 3-й мировой участокъ, 5-й мировой участокъ, 2 волости 4-го мирового участка, Мариупольскій и колониальный округи. Вѣдомость о пространствѣ и населеніи III-го училищнаго участка, составленная на основаніи данныхъ, собранныхъ земскою управою, нѣкоторыхъ печатныхъ источниковъ и распросовъ на мѣстахъ, показываетъ, что III училищный участокъ, простираясь на 847.780 десятинъ, составляетъ болѣе половины всего уѣзда и въ 149 населенныхъ мѣстностяхъ (не считая многихъ хуторовъ), съ крестьянскимъ населеніемъ, вмѣщаетъ 65.331 ревизскихъ мужескаго пола душъ. Если исключить нѣмецкія колоніи, во многихъ отношеніяхъ представляющія особенности, то останется въ участкѣ 117 русскихъ и греческихъ селъ съ 58.777 ревизскими душами. На 1868 годъ, судя по общественнымъ приговорамъ, представленнымъ въ совѣтъ, ассигнованы деньги на 47 училищъ; слѣдовательно, около двухъ третей населенныхъ мѣстностей ввѣреннаго мнѣ училищнаго участка должны были во всякомъ случаѣ обойтись безъ такой роскоши, какъ обученіе дѣтей первоначальному чтенію и письму. Въ моихъ глазахъ имѣеть особенную важность то, отъ сколькихъ селъ не послѣдовало приговоровъ объ открытіи школъ, такъ какъ, кромѣ самыхъ рѣдкихъ, почти не встрѣчающихся, исключеній, школою можетъ пользоваться только то село, въ которомъ она существуетъ. Нашъ уѣздъ принадлежитъ къ мѣст-

носямъ съ самымъ рѣдкимъ населеніемъ, и къ тому же то малое число людей, которое въ немъ обитаетъ, нерѣдко скучено въ большія села; поэтому очень часто разстояніе отъ села до села весьма значительно. Итакъ, только въ третьей части посѣлковъ III-го училищнаго участка предполагалось обучать дѣтей въ истекающемъ учебномъ году. Но, при всей скромности заявленнаго народомъ запроса на просвѣщеніе, и это слишкомъ умѣренное желаніе его не могло быть удовлетворено: изъ 47 общественныхъ школъ ввѣреннаго мнѣ участка остались не открытыми въ этомъ году 21 *вслѣдствіе недостатка въ учителяхъ*. Школы открывались въ участкѣ не по заказу, не къ извѣстному торжественному дню, но по мѣрѣ возможности: гг. попечители, сами общества и участковый членъ совѣта разыскивали учителей, и лишь только находилось лице, умѣющее читать, писать и сколько-нибудь сознательно рѣшать практическія задачи на первыхъ четыре дѣйствія ариметики, такъ возникала и школа! Такимъ образомъ школы открывались въ теченіе всей зимы и даже весной; послѣдняя открыта въ греческомъ селѣ „Новая Каракуба“ 30-го апрѣля 1868 года. Желая познакомить совѣтъ съ положеніемъ дѣла въ участкѣ, я не стану приводить въ отчетѣ подробностей исторіи возникновенія и существованія каждой отдѣльной школы; эти свѣдѣнія совѣтъ можетъ заимствовать изъ дневника моего объ осмотрѣ училищъ.

Возвращаясь къ тѣмъ статистическимъ даннымъ, которыя обрисовываютъ положеніе народнаго образованія въ значительной части уѣзда. Грустно намъ, милостивые государи, сознавать, что изъ 117 крестьянскихъ посѣлковъ училищнаго участка только въ 27 обучали дѣтей грамотѣ въ этомъ году, а въ 90 мѣстностяхъ и искры одной не брошено въ тотъ мракъ, въ который онѣ погружены. Но мнѣ кажется; что останавливаться слишкомъ долго на такой картинѣ значило бы безвинно терзать себя, быть несправедливымъ совѣту къ самому себѣ; для того, чтобы вѣрно судить о настоящемъ, слѣдуетъ оглянуться на прошедшее. Что оно намъ скажетъ, сколько школъ было въ участкѣ до открытія совѣта? При всемъ желаніи отвѣчать на этотъ вопросъ, у меня не станеть мужества сравнивать *призраки* прошлаго года съ дѣйствительностію настоящаго, ревностное посѣщеніе школы учениками *на бумагѣ* съ дѣйствительно переполненными школами настоящаго года. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, въ которыхъ *числилась* школа въ прошломъ году, не производилось ученія въ настоящемъ; въ другихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ до сего времени и не числилось школы, въ настоящемъ году исправно обучались дѣти.

Если сравнить число школъ, красовавшихся въ вѣдомостяхъ прошлаго года, до открытія совѣта, съ числомъ школъ, предположенныхъ къ открытію, то во вѣренномъ мнѣ участкѣ число школъ увеличилось только на 8. Но если свѣрить бывшія вѣдомости съ дѣйствительностію, то окажется, что въ селахъ III-го училищнаго участка существовали, до открытія совѣта, школы въ Александровѣ г. Гнѣдина и въ Матушѣ; прибавимъ къ этому еще тѣ 2 штатныя училища министерства государственныхъ имуществъ, которыхъ намъ не удалось осмотрѣть въ прошломъ году и о призрачности которыхъ мы не желаемъ выразиться, судя только по ученикамъ ихъ, встрѣченнымъ нами въ преобразованныхъ совѣтомъ школахъ: окажется, что было 4 школы въ участкѣ до открытія совѣта. Я позволяю себѣ высказаться столь категорически объ этомъ предметѣ, потому что я и въ прошломъ году, до открытія совѣта, старался вникнуть поглубже въ положеніе тогдашнихъ школъ, какъ совѣтъ могъ убѣдиться въ томъ изъ прошлагоднего отчета моего, напечатаннаго совѣтомъ. Итакъ, до открытія совѣта было четыре школы, *не на бумагѣ*, во вѣренномъ мнѣ участкѣ. Въ истекающемъ учебномъ году, за исключеніемъ нѣмецкихъ колоній и частныхъ школъ, обучались дѣти въ 27 *общественныхъ* школахъ русскихъ и греческихъ селеній. Всѣ школы вѣреннаго мнѣ участка, безъ изыатія, осмотрѣны мною во всей подробности. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, что мы *потерпѣли* полную неудачу только въ двухъ пунктахъ; допустимъ однако, что тѣ школы, въ которыхъ результаты преподаванія только посредственны, близки по своей производительности къ *бывшимъ* школамъ, и потому изъ 27 школъ исключимъ, кромѣ двухъ плохихъ, еще 5 школъ, — останется 20 школъ въ участкѣ, то-есть, окажется, что число школъ дѣйствительно существующихъ, не призрачныхъ, *унытелось* съ открытіемъ Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта.

Говоря о числѣ школъ во вѣренномъ мнѣ участкѣ, я исключалъ до сихъ поръ нѣмецкія колоніи, число школъ которыхъ не можетъ измѣняться, такъ какъ *по закону* не можетъ быть колоній безъ школы. Не возвращаясь къ вопросу объ обязательности обученія въ нѣмецкихъ колоніяхъ, обстоятельно разсмотрѣнному мною въ прошлагоднемъ отчетѣ, я скажу, что и въ колоніяхъ предстоитъ совѣту обширное поприще дѣятельности относительно увеличенія числа школъ. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ русскіе подданные нѣмецкаго происхожденія пользовались лишь нѣмецкими школами; а имъ нужны школы *русскія*, то-есть, имъ нужно ознакомленіе съ языкомъ той страны, благодѣяніямъ которой они обязаны своимъ *благосостояніемъ*,

не менѣе чѣмъ и своему трудолюбію. Посвящая этому существенному вопросу особую главу въ отчетѣ, я счастливъ, что теперь же, когда идетъ рѣчь лишь о статистической сторонѣ дѣла, я могу доложить совѣту, что въ прошломъ году ни въ одной колоніи не преподавался русскій языкъ, а въ настоящее время уже существуютъ 4 *русскія* школы въ колоніяхъ, въ которыхъ по нѣмцамъ обучаютъ лишь два раза въ недѣлю, по два часа; кромѣ того въ 5 другихъ нѣмецкихъ колоніяхъ происходитъ преподаваніе русскаго языка, впрочемъ оставаясь тамъ еще предметомъ второстепеннымъ. Всего русскихъ и нѣмецкихъ школъ въ колоніяхъ 36, которыя также всѣ безъ изыятія мною осмотрѣны. На основаніи того, что я заставлялъ и узнавалъ на мѣстахъ, составлена мною, вѣдомость объ осмотрѣнныхъ мною училищахъ вѣреннаго мнѣ участка; изъ нея видно, что въ истекающемъ учебномъ году мною обревизовано всего 68 начальныхъ народныхъ училищъ, изъ коихъ въ 24 я былъ по два раза; я не принимаю въ разсчетъ того, что кромѣ означенныхъ, я посѣтилъ нѣсколько училищъ, не состоящихъ въ моемъ участкѣ, но представлявшихъ для меня педагогическій интересъ. Изъ той вѣдомости, о которой я упоминаю, совѣтъ познакомится всесторонно съ положеніемъ дѣла народнаго образованія въ участкѣ; она состоитъ изъ множества рубрикъ, перечисленіемъ которыхъ я не буду утомлять вниманіе совѣта, и коснусь лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя, безъ поясненія, представляя лишь однѣ голыя цифры, могли бы вести къ недоразумѣніямъ. Для настоящаго отдѣла отчета моего особенно важенъ вопросъ о числѣ учащихся, къ которому я и перехожу.

Казалось бы, что очень легко выразить цифрою степень сочувствія населенія къ школѣ и степень просвѣщенія извѣстной мѣстности: стоитъ лишь вывести отношеніе между населеніемъ училищнаго участка и числомъ учащихся. При ближайшемъ однакожъ изученіи предмета, дѣло представляется въ совершенно иномъ видѣ. Такъ, если бы мы сказали, что въ III училищномъ участкѣ на 130.000 обоего пола душъ 3.024 учащихся, то-есть, что обучаются въ участкѣ на 100 жителей 2, то мы этимъ почти ничего бы не выразили по слѣдующимъ причинамъ: 1) Въ составъ этихъ цифръ входятъ нѣмецкія колоніи, въ которыхъ законъ на 8 лѣтъ жизни приковываетъ къ школѣ подрастающее поколѣніе и въ которыхъ поэтому среднимъ счетомъ обучаются на 100 ревизскихъ душъ 29, между тѣмъ какъ въ греческихъ селахъ число учащихся составляетъ лишь 5%, а въ русскихъ 4% по отношенію къ ревизскому населенію. 2) Въ составъ приведеннаго выше числа уча-

щихся входятъ дѣвочки, которыхъ я засталъ въ колоніальныхъ школахъ 958; въ греческихъ же школахъ видѣлъ я только 85 дѣвочекъ, въ русскихъ — только 18. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ законъ на 8 лѣтъ замыкаетъ дѣвочку въ школу; у Русскихъ же и Грековъ еще не досрала женщина въ глазахъ народа до того, чтобъ ее стоило учить грамотѣ. Я буду имѣть честь остановить на этомъ предметѣ вниманіе совѣта въ особомъ отдѣлѣ отчета; теперь же я хочу лишь указать на то, какъ различно положеніе вещей въ различныхъ слояхъ населенія и изъ какихъ разнородныхъ элементовъ иногда слагаются общіе итоги. Принимая во вниманіе, что *нашъ* народъ еще не хочетъ обучать женщинъ, которымъ слѣдуетъ смотрѣть за горшками, а не книжки читать, и которыя поэтому, по понятіямъ народа, исключаются изъ того населенія, для котораго расходуется послѣдній грошъ, чтобъ учредить школу, я въ той вѣдомости, о которой идетъ рѣчь, вывѣдъ пропорцію числа учащихся не ко всему населенію извѣстной мѣстности, но только къ числу тѣхъ ревизскихъ душъ, для которыхъ открыты двери школы. Но и при такихъ предосторожностяхъ итоги мало говорятъ. 3) Отношеніе числа учащихся къ ревизскому населенію до такой степени колеблется, что, напримѣръ, въ селеніи Гавриловкѣ число учащихся составляетъ лишь 1% *ревизскаго* населенія, а въ колоніи Маріенфельдъ до 65%; въ русскихъ селахъ III-го училищнаго участка число учащихся (мы не исключали и дѣвочекъ, такъ какъ ихъ чрезвычайно мало) составляетъ среднимъ счетомъ 4% *ревизскаго* населенія между тѣмъ это отношеніе колеблется отъ 1% въ Гавриловкѣ до 21% въ Ново-Григорьевкѣ и изъ 16 случаевъ въ 7-ми превосходить 5%. Въ греческихъ селахъ измѣнчивость процентнаго отношенія гораздо меньше: тамъ цифра учащихся по отношенію къ ревизскому населенію колеблется отъ 3% въ Игнатьевкѣ и Сартаѣ до 11% въ Комари. Замѣчательно, что принявъ въ расчетъ для г. Мариуполя не только число учащихся въ приходскомъ училищѣ и всѣхъ женскихъ пансіонахъ, но даже и тѣ частныя школы, въ которыхъ ровно ничему не учатъ, число учащихся составитъ лишь 6% *ревизскаго* населенія, то-есть, оно меньше, чѣмъ приходится, какъ видно изъ вѣдомости, въ трехъ греческихъ селахъ и почти равно числу учащихся въ большинствѣ греческихъ селъ. Если дѣло не измѣнится, то въ Мариупольскомъ округѣ не деревнѣ завидовать городу, а наоборотъ.

Мы привели тѣ причины, по которымъ трудно основываться на общихъ итогахъ; но не безынтересно остановиться на отдѣльныхъ

выводахъ для каждой группы населенія. Такъ, вывода пропорцію не къ населенію всего участка, но только къ ревизскимъ душамъ тѣхъ именно селъ, въ которыхъ существуютъ школы, мы видимъ, что въ русскихъ школахъ обучается приблизительно 4% ревизскаго населенія. Если же считать учебнымъ періодомъ въ жизни челоуѣка возрастъ отъ 7 до 15 лѣтъ, то по сдѣланнымъ мною вычисленіямъ, число такихъ лицъ составитъ приблизительно $\frac{1}{3}$ ревизскаго населенія; я вычислялъ это по статистическимъ даннымъ для иностранныхъ государствъ; по нѣмецкимъ колоніямъ, и провѣрялъ на русскихъ селахъ. Въ доказательство безошибочности такого разчета ссылаюсь на списокъ лицъ отъ 7-ми до 15-ти лѣтъ, находящихся въ селѣ Нескучномъ и Времевѣвѣ; этотъ списокъ составленъ, по просьбѣ моей, священникомъ Тарасьевымъ на основаніи исповѣдныхъ книгъ и въ послѣдствіи провѣрялся. Итакъ, если число учащихся составляетъ 4% ревизскаго населенія, то это значитъ, что посѣщаютъ школу лишь восьмая доля того числа лицъ обоего пола, которыя, по лѣтамъ своимъ, могли и должны были бы учиться. Какъ виднть совѣтъ, недалеко мы еще подвинулись въ просвѣщеніи! Но если грустно сознавать, что обучается лишь ничтожнѣйшее меньшинство народа, то еще прискорбиѣе, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, прійдти къ заключенію, что у *большинства* крестьянскаго населенія едва достаетъ средствъ на обученіе *меньшинства* изъ среды своей. Такъ, въ настоящее время въ 16-ти школахъ русскихъ селъ ввѣреннаго мнѣ участка 475 учащихся, и многія школы уже переполнены и среднимъ счетомъ приходится на одного учителя почти 30 учениковъ. Допустимъ однако едва-ли возможное; допустимъ, что число учащихся удвоится, и каждому учителю поручать среднимъ числомъ 60 учениковъ: тогда будетъ обучаться только четвертая часть тѣхъ, которые могли бы учиться по своему возрасту; дальше пришлось бы строить новыя, большія постройки подъ училища и удвоить комплектъ учителей, когда и одинъ комплектъ ихъ мы не въ состояніи набрать! ¹⁾ Какъ членъ училищнаго совѣта, избранный такимъ земствомъ, которое даетъ деньги на школы и потому въ правѣ потребо-

¹⁾ Позволимъ себѣ напомнить при этомъ, что въ Пруссіи на каждаго городского учителя приходится по 73, а на каждаго сельскаго учителя по 83 ученика; но само собою разумѣется, что обучать какъ слѣдуетъ такое число учениковъ въ состояніи только учителя, специально подготовленные къ своему званію. См. относящіяся сюда статистическія данныя въ статьѣ г. Весселя: «О народномъ училищѣ», въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* за сентябрь 1868 г., стр. 953 — 956. *Ред.*

вать отчета о томъ, что сдѣлано, я считаю своимъ долгомъ въ самомъ началѣ ввѣреннаго совѣту дѣла, просить всѣхъ и cadaго, принимающаго это дѣло къ сердцу, взглянуть ему прямо въ глаза, не отужанивая себя несбыточными надеждами. Въ другомъ отдѣлѣ отчета я буду говорить о расходахъ сельскихъ обществъ на школу, и тогда мы совсѣмъ убѣдимся въ томъ, что крестьянами издерживается не мало на этотъ предметъ. Теперь, желая заставить говорить цифры, мы останавливаемся лишь на тѣхъ рубрикахъ вѣдомости, которыя свидѣтельствуютъ о числѣ учащихся.

Вообще говоря, я глубоко убѣжденъ въ томъ, что цифры *сами по себѣ* весьма мало выясняютъ положеніе дѣла, ввѣреннаго совѣту. Желая однако не оставить неизслѣдованною ни одной стороны дѣла, я имѣю честь представить при семъ особую сравнительную вѣдомость за два года о тѣхъ 16-ти школахъ, которыя осмотрѣны мною до открытія совѣта, весною прошлаго 1867 года, и вновь осмотрѣны мною въ истекающемъ учебномъ году; свѣдѣнія за 1867 годъ заимствованы мною изъ дневника моего о поѣздкѣ по училищамъ въ этомъ году, а свѣдѣнія за 1868 годъ собраны мною въ этомъ году на мѣстахъ. Эта вѣдомость доказываетъ, что въ 16-ти школахъ, которыя сравниваются, число учащихся увеличилось на 50%, съ начала дѣятельности училищнаго совѣта; расходъ ревизской души на школу при содѣйствіи совѣта, возросъ съ 8-ми копѣекъ до 29-ти копѣекъ; учебныя пособія отъ нули дошли до 699 книгъ въ 16 школахъ; всего во ввѣренномъ мнѣ участкѣ было въ дѣлѣ, изъ разосланныхъ совѣтомъ, 1.159 учебныхъ книгъ, не считая звуковой методы и ея принадлежностей; разослано совѣтомъ по участку гораздо больше, но я не считаю тѣхъ учебныхъ пособій, которыя находятся въ селахъ, еще не прискавшихъ учителей. Изъ этой вѣдомости видно, что до открытія совѣта 16 сельскихъ обществъ издерживали на жалованье учителямъ 1.178 рублей сер., а въ настоящее время издерживаютъ слишкомъ вдвое — 2.795 рублей. Если нельзя оспаривать самаго отраднаго значенія тѣхъ цифръ, которыя говорятъ объ обезпеченіи преподавателей, о снабженіи школы пособиями, о сочувствіи къ школѣ сельскихъ обществъ, выражаемомъ не словами, но рублями, то совершенно иначе слѣдуетъ относиться, мнѣ кажется, къ показанному въ сравнительной вѣдомости числу учащихся. Несомнѣнно, что всѣ ученики, означенные въ рубрикѣ 1868 года *дѣйствительно* посѣщали школу и что зимой ихъ было *больше*, а не меньше показаннаго числа; несомнѣнно также, что въ 1867 году

посѣщало школу гораздо меньше того числа, которое *снимаю* для моей ревизіи прошлой весной до открытія совѣта; слѣдовательно, въ *общемъ итогъ* успѣхъ, даже весьма значительный, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Но принимая за аксіому, что хорошая школа привлекаетъ населеніе, а дурная отталкиваетъ его отъ себя, было бы крайне несправедливо примѣнять эту мѣрку ко всѣмъ школамъ, которыя сравниваются между собою въ вѣдомости моей за 1867 и 1868 годы. Такъ, напримѣръ, по этой вѣдомости число учащихся уменьшилось въ Александровкѣ (помѣщика Гнѣдина), но не потому, что упала школа, а потому только, что по сосѣдству, въ Покровскомъ, появилась весьма опасная соперница ей въ новой школѣ. Точно также уменьшеніе числа учащихся въ Павловкѣ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ настоящемъ году урядники не хлопотали о томъ, чтобы къ экзамену наполнить школу. Наконецъ, для того, чтобы убѣдить совѣтъ въ томъ, какъ мало можетъ выясниться дѣло одними голыми цифрами, я укажу на уменьшеніе числа учащихся въ Большой Михайловкѣ, гдѣ оно было на 50% больше въ прошломъ, чѣмъ въ настоящемъ году, и затѣмъ сравню педагогическое состояніе школы этого села за оба года.

Въ прошломъ году я вошелъ въ школу Большой Михайловки, предвѣдомивъ о томъ, что я буду, такъ какъ я желалъ видѣть дѣтей, а не стѣны. Вошелъ я и увидѣлъ предъ собою школу съ весьма печальною обстановкой, въ которой оказалось 45 учащихся, безвозмездно обучаемыхъ священникомъ; по *вѣдомости* значилось „сильныхъ“ учениковъ 18, но я тщетно искалъ ихъ; числилось по вѣдомости 14 „среднихъ“, но и ихъ я не нашелъ; наконецъ, въ вѣдомости значилось 10 „слабыхъ“; но и тутъ затруднялся я, кого причислить къ слабымъ. Пусть впрочемъ вмѣсто меня говорятъ факты: изъ 45 учениковъ оказалось читающихъ безъ всякаго смысла 2, и ни одного не оказалось пишущаго; всѣ ученики зубрили букварь, изданный 17 лѣтъ тому назадъ въ Московской синодальной типографіи двѣсти восемнадцатымъ (!) изданіемъ. Когда одинъ изъ учениковъ затруднился прочесть свое „вашъ“, то я, приноровляясь къ существовавшей методѣ обученія, обратился къ ученикамъ, выкрикивавшимъ хоромъ по своимъ книгамъ, съ вопросомъ: какое слово составитя изъ буквъ „вѣди“, „азъ“ и „ша“, и никто не могъ отвѣтить мнѣ. Но учащихся было 45; теперь же ихъ только 31, то-есть, по *вѣдомости* просвѣщеніе пошло назадъ. Взглянемъ однако на самое дѣло. Весною этого года вошелъ я въ ту же школу, въ которой, бла-

годаря г. попечителю А. И. Жебунёву, нашель хорошей деревянный полъ, на стѣнахъ карты и часы, и наконецъ книжный шкафъ, пожертвованный г. Леонтовичемъ. Въ этой школѣ преподавали до самой весны два мѣстныхъ священника, понеждѣльно, для того, чтобы всецѣло принадлежать школѣ, и получая каждый по 100 р. въ годъ (то-есть, за зиму) вознагражденія. Я осматривалъ школу 9-го февраля: въ половинѣ октября 1867 г. изъ 31 ученика, которыхъ я засталъ, 28 были еще совершенно неграмотными, 9-го же февраля я нашель всѣхъ безъ изыятія читающими безъ складовъ и пишущими письменною азбукой подъ диктовку, или просто придумываемыя самими учениками слова. Три ученика, поступившіе въ школу читавшими, по незнакомой имъ книгѣ прочли плавно и разбазали мнѣ читанное; изъ остальныхъ 28 учениковъ ко дню испытанія еще многіе не достигли такой бѣглости въ чтеніи, чтобы всегда понимать то, что читается. Изъ упражненій „Роднаго Слова“ Упинскаго были пройдены всѣмъ классомъ 15 уроковъ, и дѣти, совершенно усвоивъ себѣ дѣло, безошибочно распредѣляли по разрядамъ предметы, которые имъ называли. Я видѣлъ предъ собою дѣтей веселыхъ, которые рвались не изъ школы, какъ бывало, а въ школу; изъ 28 новичковъ 8 отстали и образовали особое слабое отдѣленіе въ школѣ, но и они читали и писали безошибочно. Не позволяю себѣ сказать, чтобы въ 3¹/₂ мѣсяца нельзя было достигнуть большихъ успѣховъ, чѣмъ тѣ, которые оказались въ Большой Михайловкѣ, но считаю справедливымъ выразить, что принимая въ расчетъ *новость дѣла*, священники о. Меодій Кириловъ и о. Порфирій Данковъ совершенно добросовѣстно исполнили долгъ свой, и подобно многимъ другимъ преподавателямъ въ преобразованныхъ школахъ, заслуживаютъ полнѣйшей признательности совѣта за то усердіе, съ которымъ они примѣнили нововведенія совѣта, которыя были новостію для самихъ преподавателей. Какъ бы то ни было, но приведеннаго примѣра, кажется, достаточно для того, чтобы не преувеличивать значеніе цифръ *о числѣ* учащихся, и для того, чтобы вообще имѣть право разстаться съ статистическою частію отчета и перейти къ педагогической.

Предполагая, при изложеніи настоящаго отчета, придерживаться прошлогодней системы, одобренной совѣтомъ, я считаю себя обязаннымъ теперь же доложить совѣту о томъ, какъ я дѣйствовалъ въ училищномъ участіи, мнѣ ввѣренномъ, желая быть посылно, полезнымъ орудіемъ совѣта. На первый разъ предстояло не мало трудностей: говоря о Большо-Михайловской школѣ, я уже упоминалъ о

новости дѣла и теперь я долженъ развить свою мысль подробнѣе. Совѣту угодно было, согласно просьбѣ моей, издавъ мое звуковое руководство къ обученію грамотѣ въ пользу школъ уѣзда, примѣнить его въ настоящемъ же году въ подвѣдомыхъ ему школахъ. На меня, какъ члена совѣта и автора метода, пала поэтому обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы метода, совершенно неизвѣстная въ край, привилась на столько правильно, чтобы осуществились тѣ результаты, которые я обѣщаль совѣту. Но метода ведетъ ученика лишь до того момента, когда онъ въ состояніи прочесть и написать любое слово; затѣмъ надлежитъ достигнуть бѣглаго и выразительнаго чтенія, при умѣнн разказать читанное, и бѣглаго и красиваго письма, при умѣнн изложить свою мысль на бумагѣ. Въ нашихъ школахъ подобныя требованія были совершенною *новостью*; къ этому присоединялись также какъ *новость* упражненія „Роднаго Слова“, почти вовсе не объясненныя преподавателямъ самимъ авторомъ, могущія принести огромную пользу, при правильномъ примѣненіи, и могущія принести лишь вредъ, еслибъ исказить ихъ. Сознавая, какая отвѣтственность предъ читающею и не читающею публикою падаетъ на членовъ совѣта, въ случаѣ неуспѣха *новаго* дѣла, я употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы сблизиться съ наставниками и выяснить имъ тѣ средства, при помощи которыхъ здравыя педагогическія требованія совѣта могутъ быть выполнены. Поэтому, начиная съ прошлаго лѣта, старался я видѣться съ гг. преподавателями и на первый разъ объяснялъ имъ новую, звуковую методу; совѣту извѣстно, что то же дѣлалъ я и въ Александровскѣ, при выдачѣ учительскихъ свидѣтельствъ. Затѣмъ въ началѣ октября прошлаго года объѣхалъ я всѣ школы русскихъ сель въѣреннаго мнѣ участка, ожидая того, что дѣло уже начато и что только гг. преподавателямъ прійдется сдѣлать нѣсколько практическихъ указаній. Оказалось однако, что хорошій урожай и дороговизна на рабочихъ помѣшали родителямъ послать дѣтей въ школу съ 1-го октября; въ большинствѣ школъ еще не было начато ученье, когда я совершилъ первый объѣздъ своего участка; но трудъ мой не потерянъ. Почти вездѣ заставалъ я учителей наканунѣ начала преподаванія уже обдумавшими то, что имъ предстояло, и потому уже заявлявшими не мало вопросовъ, требовавшихъ разъясненія. Въ Александровѣ, Покровскомъ, Маіорскомъ и Времьевкѣ звуковое обученіе уже было начато, и вездѣ меня встрѣчали гг. преподаватели, уже обрадованные успѣхами, которыхъ они и сами не ожидали; въ этихъ четырехъ пунктахъ пришлось бесѣдовать съ гг. наставниками, для

того чтобъ исправить или предупредить ошибки; изъ другихъ пунктовъ прїѣзжали въ означенныя села, по совѣту моему, тѣ изъ гг. преподавателей, у которыхъ ученики еще не были собраны, которые уже были знакомы съ методой изъ бесѣдъ со мною, но еще не видѣли примѣненія ея на практикѣ, въ школѣ. Особенно много посѣтителей было во Времьевской школѣ (учитель Яковъ Васильевичъ Лобовъ), въ которой преподаваніе происходило всю зиму непосредственно подъ моимъ надзоромъ; въ этой школѣ, отстоящей всего на 1 версту отъ моего жилья, я былъ за зиму болѣе 40 разъ, потому что самъ желалъ учиться и всегда боялся и теперь боюсь кабинетныхъ фантазій, сочиненныхъ изъ прекраснаго *далека* и не провѣренныхъ практикою. По просьбѣ моей, членъ совѣта Д. Т. Гибдинъ произвелъ испытаніе во Времьевской школѣ, которая мнѣ поручена совѣтомъ; я просилъ г. Гибдина посѣтить эту школу, такъ какъ слишкомъ породнился съ нею. Нашъ почтенный сочленъ доложить совѣту о результатахъ испытанія; я же упоминаю здѣсь о Времьевской школѣ только потому, что ознакомленіе съ нею гг. попечителей школъ и преподавателей было важнымъ орудіемъ въ моихъ рукахъ для исполненія во ввѣренномъ мнѣ участкѣ предначертаній совѣта. Болѣе 30-ти лицъ, быть можетъ, по началу не вполне довѣрчиво относившихся къ новизнѣ, вышли изъ Времьевской школы съ вѣрою въ будущее и надеждою на свои силы; это какъ нельзя болѣе важно для человѣка въ ту минуту, когда онъ берется за дѣло, имъ самимъ еще не испытанное, хотя бы теоретически онъ и былъ вполне согласенъ съ тѣмъ нововведеніемъ, которое ему совѣтуютъ. Объ удачахъ и неудачахъ нашихъ въ примѣненіи новыхъ методовъ преподаванія я буду говорить въ послѣдствіи; теперь продолжаю докладъ о томъ, къ какимъ я прибѣгалъ средствамъ, для того чтобы новыя начала пустили корни. Какъ я уже говорилъ, мало того, чтобы довести ученика до процесса чтенія и письма; надлежало изыскать способы повести его дальше. Въ этомъ отношеніи оказала мнѣ огромную пользу Времьевская школа, которая была какъ бы лабораторією, въ которой производились опыты и въ которой провѣрялся каждый педагогическій шагъ, прежде нежели я рѣшался посовѣтовать его гг. преподавателямъ. Для того, чтобы провѣрить, какъ гг. наставники воспользовались моими лѣтними и осенними указаніями и помочь имъ быстрѣе довести дѣтей до сознательнаго чтенія и письма, я рѣшился пригласить многихъ изъ нихъ къ себѣ на педагогическую бесѣду 28-го декабря 1867 года. Зная бѣдность большинства изъ нихъ, я обратился съ просьбою къ гг. попе-

читателямъ школъ не отказать въ своемъ содѣйствіи, и приношу живѣйшую признательность гг. попечителямъ и гг. преподавателямъ за то сочувствіе, съ которымъ они отнеслись къ моему приглашенію. Декабря 28-го къ 12-ти часамъ съѣхались у меня въ домѣ 12 преподавателей (гг. Нестеренко, Дыбскій, Лобовъ, Тарасевъ, Михайловскій, Роопъ, Станиславскій, Барвинскій, Соловьевъ, Волковъ, священники М. Кириловъ и М. Тарасевъ); изъ попечителей прибыли мировой посредникъ Г. И. Сонцовъ, Шварцъ и Петренко; кромѣ того присутствовало при бесѣдѣ нѣсколько постороннихъ лицъ, заинтересованныхъ дѣломъ. Съѣздъ дорогихъ гостей могъ бы состояться и гораздо многочислѣннѣе, еслибъ я рѣшился побезпокоить гг. учителей издалика и если бы позволяло помѣщеніе. Отъ 12 часовъ до 4 часовъ и отъ 5¹/₂ до 7¹/₂ занимались мы исключительно педагогическими вопросами: 1) Какъ избѣгать того, чтобы при звуковомъ обученіи дѣти не раздѣляли звукъ отъ звука? 2) Какъ всего удобнѣе перейти отъ письма печатнымъ шрифтомъ, употребительнымъ при нашемъ звуковомъ обученіи, къ письму обыкновенной скорописной азбуки? 3) О неправильномъ поступленіи, то-есть, неодновременномъ поступленіи учениковъ въ школу. 4) О неисправномъ посѣщеніи школы учениками. 5) Когда переходить отъ звуковой методы къ упражненіямъ 1-й части „Роднаго слова“? 6) Какъ достигать внимательнаго чтенія? 7) Какъ достигать выразительнаго чтенія? 8) Объемъ учебнаго курса. 9) Важность росписанія учебныхъ предметовъ въ школѣ. Всѣ означенные вопросы были обсуждены сообща послѣ того, какъ каждый изъ гг. преподавателей сообщилъ своимъ товарищамъ, чего онъ достигъ въ своей школѣ въ извѣстномъ отношеніи и какимъ именно способомъ. Послѣ этого янѣ не разъ случалось слышать отъ наставниковъ, что педагогическая бесѣда отозвалась въ высшей степени благотворно на ихъ дѣятельности въ школѣ, и я самъ, посѣщая школы, замѣчалъ на ученикахъ благодѣтельные слѣды ея. Основываясь на этомъ опытѣ, позволяю себѣ обратить вниманіе совѣта на необходимость правильно организованныхъ учительскихъ съѣздовъ, хотя бы одинъ разъ въ годъ; писанные и печатные циркуляры и инструкции совѣта не могутъ сравниться по дѣйствию своему съ живымъ словомъ; сколько я слышалъ, то и гг. преподаватели относятся чрезвычайно сочувственно къ этой мысли. Не стану излагать здѣсь того, какъ рѣшены всѣ девять вопросовъ учительскою бесѣдою, — я упомяну объ этомъ въ своемъ мѣстѣ, — а здѣсь отмѣчаю педагогическую бесѣду только какъ одинъ изъ тѣхъ путей, которыми я надѣялся

приблизиться къ цѣлямъ совѣта. Время шло, и пора совѣтовъ стала смѣняться тою порою, когда надлежало провѣрить, на сколько они исполнены каждымъ изъ преподавателей; начиная съ февраля мѣсяца, я вновь поѣхалъ осматривать школы, для того чтобы по ученикамъ судить объ учителѣ, и стараясь по возможности о томъ, чтобы самый способъ испытанія учащихся послужилъ новымъ указаніемъ для преподавателей.

Говоря вообще, изъ всѣхъ моихъ сношеній съ преподавателями и изъ всѣхъ посѣщеній школъ вынесено мною гораздо болѣе отрадныхъ впечатлѣній, чѣмъ тягостныхъ; говоря вообще, я долженъ благодарить гг. преподавателей вѣреннаго мнѣ участка за довѣріе и за глубокую преданность дѣлу, которая многихъ изъ нихъ заставила работать надъ собою и такимъ образомъ достигать хорошихъ результатовъ. Если не ошибаюсь, то значительное большинство русскихъ школъ вѣреннаго мнѣ участка стали на надлежащую дорогу и даже правильно сдѣлали по ней первый шагъ. Для того, чтобы могъ судить объ этомъ совѣтъ, обращаюсь къ описанію того, что происходило въ школахъ въ 18^{67/68} году; въ 1-й главѣ я упомяну о наиболѣе выдающихся школахъ каждаго разряда; въ слѣдующей я постараюсь представить по возможности полную педагогическую характеристику всѣхъ 68 школъ III-го училищнаго участка Александровскаго уѣзда, мною осматрѣнныхъ въ 18^{67/68} учебномъ году.

I.

1. Школы въ русскихъ селеніяхъ.

Въ прошлогоднемъ отчетѣ имѣлъ я честь указывать совѣту на Александровскую школу, г. Гнѣдина, какъ на одну изъ лучшихъ въ уѣздѣ. На этотъ разъ я долженъ засвидѣтельствовать о томъ, что эта школа, благодаря усердію г. учителя А. Я. Роопа, во многихъ отношеніяхъ подвинулась впередъ. При посѣщеніяхъ этого училища мною было обращено особенное вниманіе на то, что дѣти читали крайне невыразительно, и на то, что успѣхъ преподаванія вообще крайне затруднялся тѣмъ, что училище, при *одномъ* учителѣ, было раздѣлено на три класса. Г. учителю Роопу удалось восторжествовать надъ этими трудностями: въ этомъ году я засталъ только два отдѣленія въ школѣ, такъ какъ бывший 2-й классъ присоединился къ старшему, или третьему классу, въ которомъ въ настоящее время не 6 учениковъ, какъ было въ прошломъ году, но 12. Отъ души

радуясь этому извѣстію, когда сообщалъ мнѣ о немъ учитель, я никакъ не ожидалъ того, чтобы въ такомъ вновь составленномъ старшемъ классѣ возможно было встрѣтить *равенство* учениковъ въ познаніяхъ и успѣхахъ; но испытаніе показало, что г. Роопъ отлично рѣшилъ съ старшимъ классомъ самую трудную и самую существенную педагогическую задачу: онъ представилъ мнѣ совершенно *равное* старшее отдѣленіе, и притомъ общій уровень знанія отдѣленія былъ далеко не низокъ. Всѣ ученики старшаго отдѣленія сдѣлали огромные успѣхи въ *выразительности* чтенія и всѣ читали на столько одинаково, что я долженъ былъ заставлять перечитывать по нѣскольку разъ однихъ и тѣхъ же учениковъ, для того чтобы отличить лучшихъ чтецовъ, такъ какъ безусловнаго равенства нельзя себѣ представить и въ выразительности чтенія. Я предлагалъ для чтенія книгу, которой дѣти никогда и въ глаза не видали, и они читали совершенно естественнымъ голосомъ, будто бы говорятъ; скажу откровенно, что я вѣрилъ въ дѣйствительность средствъ, указанныхъ мною, для достиженія такого чтенія, но не ожидалъ того, чтобы въ такое короткое время оно было достижимо въ *сельской* школѣ. Старшимъ отдѣленіемъ пройдены упражненія всей 1-й части „Роднаго Слова“ Ушинскаго, и отвѣты всѣхъ 12 учениковъ и по этому предмету были такъ хороши, что опять трудно было отличать лучшихъ отъ хорошихъ; упражненія „Роднаго Слова“ не заучены въ Александровкѣ, но на столько усвоены дѣтьми, что польза отъ нихъ останется имъ на всю жизнь. Въ этомъ году, имѣя въ виду, на сколько подвинулась школа, могъ я разказать старшему классу Александровской школы басню „Пустынникъ и Медвѣдь“, и изъ 12-ти учениковъ 10 изложили слышанное своими словами, на бумагѣ, весьма удовлетворительно. По ариметикѣ замѣтилъ я большіе успѣхи въ нумераціи, которая прежде хромала, но въ рѣшеніи практическихъ задачъ совѣтъ въ правѣ ожидать гораздо большіхъ успѣховъ отъ учениковъ г. Роопа; если на этотъ разъ ихъ не оказалось, то потому только, какъ говорилъ мнѣ наставникъ, что за неимѣніемъ росписанія учебныхъ предметовъ, учитель увлекался то однимъ упражненіемъ, то другимъ, желая восполнить пробѣлы въ познаніяхъ учениковъ тутъ и тамъ, и мало упражнялъ дѣтей въ рѣшеніи практическихъ задачъ; къ этому вопросу я возвращусь во 2-й главѣ доклада. Въ младшемъ отдѣленіи Александровской школы я засталъ 17 учениковъ и въ числѣ ихъ 8, обученныхъ за эту зиму чтенію и письму по звуковой методѣ; остальные 9 уже два года посѣщаютъ школу, обучившись чтенію по методѣ Золотова. Въ письмѣ подѣ диктовку

звуковики (этимъ именемъ стали учителя называть дѣтей, обученныхъ по звуковой методѣ) нисколько не отстаютъ отъ тѣхъ, которые учились годомъ больше ихъ; въ бѣглости чтенія звуковики въ 3 мѣсяца обученія еще не вполне поравнялись съ тѣми, которые обучались дѣлу зиму, кромѣ этихъ трехъ мѣсяцевъ; и въ этомъ классѣ уже замѣтенъ на ученикахъ трудъ учителя изгнать монотонность, *твучесть*, неестественность чтенія и добиться чтенія *выразительнаго*. Полагаю, что совѣтъ, послѣ представленныхъ мною фактовъ, никакъ не удивится тому, что я считаю своимъ долгомъ представить ему о награжденіи г. учителя Роопа наградю 2-го разряда; за чтеніе могутъ удостоиться награды, установленной совѣтомъ, по мнѣнію моему, ученики Цукавъ и Романецъ. Я считаю своимъ долгомъ-относиться какъ можно строже къ раздачѣ наградъ, не сыпать ихъ слишкомъ щедрою рукою, и потому ограничиваюсь относительно наградъ въ Александровской школѣ только сдѣланнымъ представленіемъ.

Я уже имѣлъ случай упомянуть о томъ, что нѣсколько учениковъ, не принадлежащихъ къ населенію Александровки, измѣнили этой школѣ въ пользу школы въ селеніи Покровскомъ, и говорилъ, что въ этой послѣдней Александровская школа имѣетъ опаснаго соперника; опасность, впрочемъ, крайне благотворная для обѣихъ школъ. Учитель Роопъ имѣлъ дѣло съ исправленіемъ погрѣшностей, имъ допущенныхъ въ своихъ ученикахъ; не то предстояло въ Покровскомъ учителю Н. Т. Станиславскому; онъ долженъ былъ исправлять учениковъ, *заученныхъ* по старымъ приемамъ. Не я одинъ, но и г. попечитель школы Д. Т. Гнѣдинъ и довольно многочисленная публика, присутствовавшіе при экзаменѣ, были поражены бойкостью и особенно выразительностію чтенія 13-ти учениковъ старшаго отдѣленія, поступившихъ читавшими крайне туго и безъ всякаго смысла. Какъ ни трудно проводить различіе между двумя явленіями, равно достойными похвалы, но я рѣшусь сказать, судя по моимъ впечатлѣніямъ, что Покровскіе ученики читали еще съ большею выразительностію, чѣмъ Александровскіе; но за то послѣдніе лучше первыхъ разказывали прочитанное въ совершенно незнакомой имъ книгѣ. Упражненія „Роднаго Слова“ пройдены г. Станиславскимъ весьма рационально, но въ Александровкѣ нѣсколько *ровнѣе* ученики въ успѣхахъ по этому предмету. Что касается ариметики, то преподаваніе ея въ Покровской школѣ достигло уже результатовъ, которые близки къ тому, чего можно желать: нумерація, съ умѣньемъ опредѣлить, сколько въ числѣ единицъ извѣстнаго разряда, пройдена блестящимъ образомъ и усвоена

дѣтьми какъ нельзя лучше; у всѣхъ дѣтей замѣчается соображеніе при рѣшеніи практическихъ задачъ; многіе, но не всѣ ученики и теперь уже рѣшали безошибочно легкія задачи, но не всякія задачи, доступныя ихъ возрасту. Во всякомъ случаѣ Покровская школа принадлежитъ къ самымъ лучшимъ въ уѣздѣ, хотя, какъ увидить совѣтъ, не ей принадлежитъ первенство въ этомъ дѣлѣ. Упражненіе въ письмѣ вполне удалось въ старшемъ отдѣленіи; законоучитель священникъ Петръ Шульгинъ при мнѣ и г. Гибдинѣ испытывалъ учениковъ по своему предмету, и отвѣты были весьма удовлетворительны; я считаю долгомъ представить ученика Ѳедора Тишика къ наградѣ за законъ Божій; я дѣлаю это тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ, что священникъ Шульгинъ преподаетъ безвозмездно. За чтеніе заслуживаютъ награды, по моему мнѣнію, ученики Семень Додусенко и Захарій Погорѣловъ; за ариѣметику я покорнѣйше прошу наградить ученика Михаила Михло; самаго наставника учителя Н. Т. Станиславскаго имѣю честь представить къ наградѣ 2-го разряда. Младшее отдѣленіе (изъ 17-ти учениковъ) поступило въ школу съ знаніемъ складовъ; учитель, по неопытности, не перевелъ ихъ на звуковую методу, но отъ складовъ доводилъ до чтенія прежнимъ порядкомъ; вслѣдствіе этого младшее отдѣленіе 5-го февраля читало еще механически, не умѣя разказать читанное. Для того, чтобы обучить этихъ учениковъ письму, учитель указалъ имъ звуковое произношеніе буквъ, и потому теперь все младшее отдѣленіе бойко и вѣрно пишетъ подъ диктовку. По звуковой методѣ вновь обученъ только одинъ ученикъ, а остальные новички переданы въ женское училище того же села, о которомъ я упомяну, говоря о женскихъ школахъ вообще. Я долженъ остановить вниманіе совѣта еще на одной особенноти Покровской школы: въ ней дѣти малорусскаго происхожденія весьма быстро выкаютъ говорить чистою *русскою* рѣчью; кромѣ того эта школа поражаетъ образцовою школьною дисциплиной, то-есть, тѣмъ, что дѣти сидятъ въ величайшемъ порядкѣ, слѣдятъ съ напряженнымъ вниманіемъ за тѣмъ, чтѣ происходитъ въ классѣ; но въ то же время дѣти не робѣютъ ни предъ кѣмъ и держатъ себя въ высшей степени непринужденно и свободно.

Изъ школъ со *старшимъ* классомъ, то-есть, изъ числа такихъ школъ, въ составъ которыхъ, ко времени преобразования школъ совѣтомъ, вошли ученики, прежде учившіеся, я могу указать на школу въ Маіорскомъ, какъ на такую, которая значительно успѣла: въ ней совершенно правильно обучены чтенію и письму по новой методѣ 10

учениковъ; въ старшемъ отдѣленіи ея нѣтъ ни одного ученика, который не разказалъ бы прочитаннаго изъ незнакомой ему книги; все старшее отдѣленіе (изъ 8 учениковъ) весьма удовлетворительно изложило письменно своими словами басню „Пустынникъ и Медвѣдь“; въ ариметикѣ оно также значительно подвинулось. Но я не слышалъ въ старшемъ отдѣленіи бѣлаго и выразительнаго чтенія, что составляетъ самый существенный предметъ въ народномъ училищѣ, и потому не могу поставить Маюрскую школу въ число лучшихъ. Мнѣ очень жаль, что учитель Нестеренко увлекся не педагогическими побужденіями, согласившись присоединить къ своей учительской обязанности и должность волостнаго писаря; г. Нестеренко получаетъ какъ учитель, кромѣ провізіи, 130 рублей сер. въ годъ, вмѣсто 40 рублей, которые получалъ до открытія совѣта; договорившись съ обществомъ за 80 рублей въ годъ на должность писаря, онъ платилъ помощнику 72 рубля, то-есть, выигрывалъ всего 8 руб., и изъ-за такой ничтожной выгоды лишилъ себя возможности заслужить награду 2-го разряда въ 50 руб. сер.: не принимая даже въ расчетъ тѣхъ нравственныхъ потерь, которыя повлекли за собою занятія г. Нестеренка въ волостномъ правленіи, онъ даже въ матеріальномъ отношеніи обчелся. Я вполне надѣюсь на то, что ошибка г. Нестеренка послужитъ предостерегающимъ примѣромъ для всѣхъ наставниковъ уѣзда, и при этомъ увѣренъ, что теперь, когда г. Нестеренко посмѣшилъ отказаться отъ писарскихъ обязанностей, онъ поставитъ свою школу на ту степень, на которой она должна стоять при его свѣдѣніяхъ и преподавательскихъ способностяхъ.

Мнѣ остается упомянуть о тѣхъ *вновь* возникшихъ школахъ, которыя еще не имѣютъ *старшихъ* классовъ, которыя состоятъ почти исключительно изъ учениковъ, ничему и никогда не учившихся до настоящаго года. Такія школы составляютъ большинство, и ни въ одной изъ тѣхъ, которыхъ коснулись улучшенія училищнаго совѣта, нельзя было встрѣтить въ концѣ января 1868 года и одного такого ученика, который бы не умѣлъ прочесть безъ складовъ любое слово въ любой книгѣ и не былъ бы въ состояніи написать безошибочно любое слово подъ диктовку. Если таковъ общій уровень школъ въ русскихъ селахъ, то понятно, что относительное достоинство каждой изъ нихъ опредѣляется тѣмъ временемъ, которое потребовалось для достиженія сходныхъ результатовъ, и главнымъ образомъ тѣмъ, *на сколько равносильны* въ нихъ ученики: было бы крайне грустно, еслибъ учитель занимался спеціально нѣсколькими способ-

ными дѣтьми, принося имъ въ жертву всѣхъ остальныхъ. Съ такой точки зрѣнія долженъ я обратить вниманіе совѣта на школы въ Екатериновкѣ и Михайловкѣ.

Въ Екатериновкѣ (учитель Барвинскій) 19 учениковъ въ 2 мѣсяца обучены чтенію и письму. Школа возникла въ половинѣ октября, а уже 6-го февраля засталъ я всѣхъ читающими довольно бѣгло и могущими написать довольно правильнымъ почеркомъ безошибочно такія трудныя (въ звуковомъ отношеніи) слова, какъ „трилиственникъ, трескотня, переплетчикъ“, которыя я диктовалъ. Въ этой школѣ особенно порадовало меня то, что всѣ 19 учениковъ были болѣе или менѣе *равносильны*; правда, что была все-таки возможность отличить лучшихъ учениковъ по тому признаку, что они были въ состояніи разказать прочитанное ими въ незнакомой имъ книгѣ. Я считалъ своею обязанностію занести въ училищный журналъ Екатериновской школы признательность г. Барвинскому за *равноту* школы, но не позволяю себѣ представить его къ наградѣ по слѣдующимъ соображеніямъ: г. Барвинскій видѣлся со мною въ Александровкѣ, гдѣ ему было все разъяснено; затѣмъ видѣлись мы въ началѣ октября въ Екатериновкѣ; наконецъ, 28-го декабря г. Барвинскій участвовалъ въ педагогической бесѣдѣ; слѣдовательно, г. Барвинскій получилъ всевозможныя указанія и былъ постоянно руководимъ. Принимая это въ соображеніе, я не могу не прійти къ заключенію, что школа въ Екатериновкѣ въ 3¹/₂ мѣсяца обученія должна была подвинуть дѣтей дальше той степени, на которой засталъ ихъ экзаменъ; для того, чтобы я счелъ себя въ правѣ представить г. Барвинскаго къ наградѣ, я долженъ былъ бы найти у него хотя бы начало выразительности чтенія и начало умѣнья изложить своими словами на бумагѣ легкій разказъ, чего я не засталъ.

Въ Михайловкѣ школа представляетъ весьма интересное явленіе, стоящее совершенно одиноко въ III участкѣ, и вѣроятно, во всемъ уѣздѣ. Между 10-мъ и 19-мъ февраля 1868 года поступили въ школу (къ учителю А. И. Шульцу) 31 ученикъ, никогда и ничему не учившіеся; я не знаю другаго примѣра во всемъ уѣздѣ, чтобы столько учениковъ состояло въ *одномъ* курсѣ для обученія грамотѣ звуковымъ способомъ. Лично разъяснивъ методу г. Шульцу предъ поступленіемъ его на должность, я посѣтилъ Михайловское училище 14-го февраля, и при этомъ мнѣ не пришлось сдѣлать учителю почти никакихъ указаній, такъ какъ всѣ существенныя приемы преподаванія были имъ вполне усвоены и правильно примѣнены. Я засталъ А. И. Шульца

на той точкѣ, когда учитель въ первый разъ начинаетъ сознавать, по собственному опыту въ школѣ, что изъ звуковой методы можетъ выйдти толкъ; тогда же предсказалъ я Михайловскому учителю успѣхъ и обращалъ его вниманіе лишь на то, чтобы 30 учениковъ его остались однокурсниками и не распались, по успѣхамъ, на отдѣленія, подобно тому, какъ это случилось въ Павловкѣ (учитель Е. А. Соловьевъ). Мнѣніе, которое я себѣ составилъ о педагогическихъ способностяхъ г. Шульца и его преданности къ дѣлу, подавало мнѣ надежду на то, что въ его школѣ совершится то, чего требуетъ здравая педагогія отъ каждой школы, то-есть, что менѣе способныя дѣти, по возможности, не отстанутъ отъ болѣе способныхъ. Во второй разъ прибылъ я въ Михайловку 16-го апрѣля, и тогда убѣдился я въ томъ, что предсказаніе мое сбылось и надежды мои меня не обманули; я засталъ 34 ученика, обученныхъ чтенію и письму въ 6 недѣль: всѣ безъ изыятія читали правильно слова изъ книги, которую видѣли въ первый разъ въ жизни, и писали подъ диктовку, не ошибаясь даже въ твердыхъ и мягкихъ знакахъ; если же и встрѣчались ошибки, то не было ни одного такого случая, чтобъ ученикъ самъ же не поправилъ ошибки, перечитавъ написанное имъ подъ диктовку слово. Въ числѣ 34 учениковъ могъ я отличать болѣе способныхъ дѣтей отъ менѣе способныхъ только по тѣмъ отвѣтамъ, которые я получалъ, бесѣдуя съ ними: бесѣда съ дѣтьми въ Михайловской школѣ вполне возможна, такъ какъ дѣти дружески, свободно относятся къ учителю и всякому постороннему лицу, ихъ посѣщающему, и такое обращеніе дѣтей ни мало не мѣшаетъ тому, чтобы въ школѣ господствовалъ величайшій порядокъ. Итакъ, только по бесѣдѣ съ дѣтьми могъ я судить о томъ, кто изъ нихъ богаче одаренъ отъ природы; что касается успѣховъ въ чтеніи и письмѣ, то я засталъ всѣхъ 34 учениковъ поразительно *равносильными*. Учителя А. И. Шульца засталъ я въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ не только съ ввѣреннымъ ему учениками, но и съ родителями ихъ и мѣстнымъ сельскимъ обществомъ. Радѣя о пользѣ школы, г. Шулецъ, по непроѣздной дорогѣ, жертвуя днями отдыха во время пасхальной недѣли, отправился въ Бахмутъ, чтобы переплести книги и купить чернильницъ и аспидныхъ досокъ; желая поощрить своихъ учениковъ, онъ приобрѣлъ рекомендованный ему мною букварь техническаго сборника и дарилъ его каждому, научившемуся читать и писать ¹⁾). Въ церкви про-

¹⁾ Наилучшимъ и наидрагоценнѣйшимъ подаркомъ для дѣтей, научившихся читать, было бы Евангеліе, хотя бы только на одномъ русскомъ языкѣ. Это

даются въ пользу школы, сдѣланныя г. Шульцемъ, изящныя поминательныя книжечки, и по соглашенію его съ обществомъ имъ возобновляется на собственный счетъ „звѣзда“, съ которою, по мѣстному обычаю, дѣти посѣщаютъ избы крестьянъ въ день Рождества Христова; третья часть денежнаго сбора, который при этомъ бываетъ, будетъ поступать въ пользу школы. Не мало пришлось выстрадать почтенному наставнику зимою въ холодной квартирѣ и не мало пришлось перенести лишеній послѣ привычки къ городской жизни; пострадало даже отчасти и здоровье почтеннаго труженика. Но все это прошло, наступило тепло и съ нимъ вмѣстѣ наступило для А. И. Шульца сладкое сознаніе, что въ короткое время онъ много послужилъ дѣлу; такая мысль, безъ сомнѣнія, вполне вознаграждаетъ его за все то, что онъ перенесъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что совѣтъ уважить мою покорнѣйшую просьбу дать должную оцѣнку заслугамъ Михайловскаго учителя А. И. Шульца, назначивъ ему награду 2-го разряда; все изложенное мною о Михайловской школѣ говорить само за себя, и мнѣ остается лишь выразить надежду на то, что послѣдующая дѣятельность г. Шульца сохранить за Михайловскою школою названіе образцоваго училища въ участкѣ и тогда, когда занятія преподавателя въ Михайловской школѣ значительно усложнятся разнообразіемъ предметовъ обученія и когда, вслѣдствіе поступленія повичковъ, Михайловская школа изъ одноклассной превратится въ двухклассную.

Все, что я говорилъ до сихъ поръ, могло произвести на почтенныхъ сочленовъ моихъ лишь самое пріятное впечатлѣніе; но люди, посвятившіе себя дѣлу народнаго образованія, знакомы и съ иными впечатлѣніями; съ сожалѣніемъ долженъ я перейти теперь къ указанію на такія школы III-го участка, по которымъ видно, что мы не вездѣ имѣли удачу.

Начну съ Гавриловской школы, участь которой, какъ увидить со-вѣтъ, висѣла на волоскѣ; февраль мѣсяць 1868 года рѣшилъ вопросъ бытъ ей или не бытъ? Въ половинѣ октября 1867 года прибылъ учителемъ въ Гавриловку Яковъ Ясоновичъ Танскій, котораго я въ школѣ еще не засталъ при первомъ посѣщеніи мосьмъ Гавриловскаго училища. Занявшись два мѣсяца, и по свидѣтельству г. попечителя школы, занявшись плохо, г. Танскій самовольно бросилъ свою должность и отправился въ Александровскъ: изъ 30 учениковъ осталось

первая книга, которую получаютъ дѣти въ подарокъ во всѣхъ христіанскихъ школахъ за границей. *Ред.*

въ школѣ 14. Въ январѣ мѣсяцѣ г. Танскій прибылъ въ Гавриловку, вѣроятно, за полученіемъ жалованья, но уже засталъ извѣстіе о назначеніи новаго учителя, г. Ермакова, рекомендованнаго обществу мною. 7-го февраля прочелъ я въ Гавриловскомъ училищномъ журналѣ весьма характеристичную надпись: „отъ 12-го по 24-е января ученія не было по случаю чрезвычайно неаккуратнаго хожденія учениковъ“; результаты испытанія показали, что гораздо вѣрнѣе было бы написать: „хожденія не было, по случаю чрезвычайно небрежнаго преподаванія.“ Если школа не испарилась окончательно, то она обязана этимъ мѣстному священнику, законоучителю школы, о. Григорію Чернову, который наслѣдовалъ отъ г. Танскаго 3 учениковъ на 8-мъ урокъ звуковой методы и довелъ до 18-го; а одного ученика, никогда не учившагося, священникъ Черновъ обучилъ *въ 13 дней* чтенію и письму весьма удовлетворительно. Прибывъ въ Гавриловку, я уже засталъ г. Ермакова правильно начавшимъ свое дѣло, и убѣдая сельскаго старосту въ томъ, что не стоить селу въ 2300 ревизскихъ душъ платить 150 руб. сер. учителю за обученіе только 14 мальчиковъ, предложилъ ему такого рода договоръ: пусть общество отдастъ въ школу 14 мальчиковъ съ первой недѣли поста, и если эти дѣти, ничему прежде не учившіяся, не будутъ читать и писать къ свѣтлому празднику, то пусть общество разчитаетъ учителя, какъ не дѣлающаго своего дѣла; учитель Ермаковъ изъявилъ согласіе на такія кондиціи. Наступила первая недѣля поста, привели 14 неграмотныхъ мальчиковъ, и тутъ-то поставленъ былъ вопросъ быть школѣ или не быть; къ свѣтлому празднику, какъ увѣдомилъ меня г. попечитель школы Я. Н. Заможниковъ, метода была пройдена, и потому вновь существуетъ въ Гавриловкѣ школа съ 28 учащимися, школа, которая было распалась, благодаря странному пониманію г. Танскимъ учительскихъ обязанностей.

Если въ Гавриловкѣ дѣло, вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, теперь только въ самомъ началѣ, то совершенно иначе стоитъ оно въ Павловкѣ (на Кашлагачѣ), гдѣ школа существуетъ 5 мѣсяцевъ. Учитель Е. А. Соловьевъ приступилъ къ дѣлу, получивъ отъ меня самыя обстоятельныя указанія; затѣмъ участвовалъ онъ въ педагогической бесѣдѣ, и потому совѣтъ въ правѣ требовать отъ Павловской школы полного примѣненія всего, указаннаго совѣтомъ. Въ Павловкѣ былъ я три раза въ теченіе учебнаго года: въ первый разъ, въ началѣ осени, не засталъ я ученья, а остальные два раза былъ я при учителѣ Соловьевѣ. Съ сожалѣніемъ я обязанъ доложить совѣту о томъ, что успѣхи Павловскихъ учениковъ не оправдали моихъ ожи-

даній. Новичковъ поступило въ г. Соловьеву 15, а 14-го февраля засталъ я ихъ разбившимися, *по устѣхамъ*, на 3 отдѣленія, и только 6 учениковъ нашелъ я удовлетворительными. 22-го января была окончена метода; слѣдовательно, того же числа дѣти должны были бы начать читать по книгѣ; но и 14-го февраля еще не было роздано книгъ учителемъ; наконецъ, 20 дней по окончаніи методы дѣти писали еще печатнымъ шрифтомъ, не смотря на то, что всѣ эти предметны обстоятельно объяснялись г. Соловьеву на педагогической бесѣдѣ у меня на дому. Въ несравненно лучшемъ состояніи засталъ я отдѣленіе новичковъ въ Николаевкѣ (на Волновахъ) и Благодатномъ, не смотря на то, что гг. преподаватели Стефановскій и Кобилинскій не принимали участія въ педагогической бесѣдѣ и сравнительно съ г. Соловьевымъ почти не получили указаній. Изъ 11 учениковъ старшаго отдѣленія Павловской школы рассказали прочитанное въ незнакомой книгѣ только 3, также какъ въ Благодатномъ, школы котораго почти не коснулись преобразованія совѣта, тогда такъ въ Николаевкѣ (учитель Стефановскій) изъ 9 старшихъ учениковъ только одинъ не рассказалъ читаннаго, хотя учителю не было указано, какъ этого достигать, что объяснялось г. Соловьеву нѣсколько разъ. Если въ Николаевкѣ и Благодатномъ не была извѣстна другая метода, для упражненія дѣтей въ чтеніи, кромѣ пресловутаго „проказыванія уроковъ“, то по объясненнымъ причинамъ, можно этому не удивляться; но что сказать о томъ, что эту всемертвующую систему, которой я коснусь подробнѣе въ послѣдней главѣ отчета, я нашелъ господствующею въ школѣ Е. А. Соловьева? Результаты соотвѣтствовали приемамъ учителя: старшее отдѣленіе Павловской школы 14-го февраля не только не имѣло понятія о выразительности, но даже о вѣрности чтенія. Послѣ испытанія 14-го февраля сдѣлалъ я надпись въ книгѣ училища, при чемъ указалъ учителю на всѣ замѣченные мною недостатки, и 15-го апрѣля я вновь посѣтилъ Павловскую школу и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что всѣ промахи, на которые было обращено вниманіе учителя, были поправлены. Справедливость однако требуетъ сказать, что и *исправленная* Павловская школа не поднялась выше посредственности; такъ, на примѣръ, ученики два мѣсяца по окончаніи методы, не только еще не въ состояніи рассказать своими словами прочитанное ими въ незнакомой книгѣ, но не далеко ушли, сравнительно съ другими школами, и въ бѣглости чтенія. Въ Благодатномъ и Николаевкѣ ученики вѣрнѣе писали подъ диктовку, чѣмъ въ Павловкѣ.

Говоря о школахъ въ русскихъ селеніяхъ, въ которыхъ преобразованія совѣта привились менѣе удачно, чѣмъ въ большинствѣ школъ,

я могъ бы вовсе не упоминать о школѣ въ Ново-Николаевкѣ (учитель Шарапенко), такъ какъ этой школы ни въ какомъ отношеніи не коснулись улучшенія училищнаго совѣта; до посѣщенія мною этой школы 6-го февраля преподаватель не имѣлъ еще даже учительскаго свидѣтельства. Въ этой школѣ меня прежде всего поразила холодность учителя Шарапенка къ своему дѣлу: съ 17-го декабря г. Шарапенко преподавалъ въ школѣ безъ свидѣтельства, звуковая метода лежала въ сундукѣ, а учителя въ учебное время я не засталъ въ школѣ, потому что онъ ѣздилъ по собственной надобности въ Екатеринославъ. Если я и доложу совѣту о результатѣ испытанія, произведеннаго мною въ отсутствіе учителя, то потому только, что не безынтереснымъ кажется мнѣ сравнить даже самую плохую школу изъ преобразованныхъ совѣтомъ съ такою, въ которой, до пріѣзда моего, царила прежняя система обученія, со всѣми послѣдствіями ея. Я засталъ 46 учениковъ, изъ коихъ могли читать безъ смысла 3 и со смысломъ 3; остальные 40 учениковъ, поступивъ неграмотными, были посажены за азбуку, катихизисъ, священную исторію, Родное Слово и т. д. Въ присутствіи г. попечителя школы и волостнаго писаря оказалось, что почти всѣ изъ 40 новичковъ, въ 1½ мѣсяца преподаванія, достигли слѣдующаго: ученикъ читаетъ въ *своей* книгѣ, а въ чужой не знаетъ буквъ; въ своей книгѣ читаетъ онъ слово „дѣва“, а не можетъ назвать ни 1-й, ни 2-й, ни 3-й, ни 4-й буквы *произсessenнаго* имъ слова. Ученикъ читаетъ: „адъ, домъ, громъ, градъ“, и читаетъ это бойко; но если вы уважете ему на второе изъ прочитанныхъ словъ, то онъ его отдѣльно не въ состояніи прочесть, но прочтетъ такъ: „адъ, домъ“. Желая на дѣлѣ удостовѣриться въ томъ, до какихъ размѣровъ можетъ быть доводимо педагогическое безобразіе, я спросилъ почти всѣхъ учениковъ, и оказалось, что всѣ 40 новичковъ зубрятъ, зубрятъ и зубрятъ! Пораженный такою картиной, которой мнѣ еще не случалось видѣть въ столь обширныхъ размѣрахъ (40 учениковъ!), и какъ бы не вѣря глазамъ своимъ, я записалъ въ дневникѣ фамиліи многихъ изъ учениковъ, которыхъ я спрашивалъ и которые при мнѣ выдѣлывали свои фокусы. Все это допускалъ г. Шарапенко въ виду инструкцій совѣта... Поразительное спокойствіе и поразительная холодность къ дѣлу! Надпись, сдѣланная мною въ училищной книгѣ, побудила г. Шарапенку поспѣшить свиданіемъ со мною, чѣмъ я воспользовался для того, чтобы объяснить ему всѣ новые приемы преподаванія, которые онъ обѣщалъ мнѣ примѣнить; съ тѣхъ поръ не имѣю я извѣстій о Ново-Николаевской школѣ.

Мнѣ кажется, милостивые государи, что сравненіе Ново-Николаевской школы съ тѣми училищами, въ которыхъ примѣнены указанія совѣта, хотя бы неудачно, лучше всего доказываетъ, что дѣятельность совѣта пока не бесплодна и можетъ поддерживать въ насъ энергію къ дальнѣйшему труду: повторяю, что во всѣхъ, безъ изыятія, школахъ, которыхъ коснулась педагогическая реформа совѣта, къ февралю мѣсяцу не было учениковъ, которые бы не умѣли читать и писать, поступивъ совершенно неграмотными въ школу.

2. Русскія школы греческихъ поселенцевъ.

Описанію сельскихъ школъ греческихъ поселенцевъ я предпошлю описаніе начальныхъ училищъ въ Мариуполѣ, этой столицѣ греческаго Мариупольскаго округа. Въ прошломъ году я причислилъ здѣшнее приходское училище къ самымъ лучшимъ въ уѣздѣ; на этотъ разъ, къ сожалѣнію, не могу сообщить ничего радостнаго о положеніи начальнаго народнаго образованія въ Мариуполѣ. Начну съ того, что приходскому училищу не чѣмъ существовать: по настоящее время городъ издерживалъ на свое училище всего 285 руб. сер., а 428 руб. сер. требовалъ отъ греческихъ сель, которыя теперь, установавъ щедрыя ассигновки, какъ показываетъ вѣдомость, на свои сельскія школы, отказываются отъ уплаты этого несправедливаго налога въ пользу города. Принимая въ соображеніе, что по Высочайше утвержденному положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ всякое юридическое лицо, содержащее школу, становится полнымъ хозяиномъ дѣла, я съ начала прошлой осени вступилъ въ переписку съ городскимъ и земскимъ попечителями Мариупольскаго приходскаго училища, гг. Чебоненко и Я Домонтовичемъ; писалъ я и въ Мариупольскій греческій судъ, прося обратить вниманіе города на то, что необходимо обезпечить училище. Но до прибытія моего въ Мариуполь и совѣщанія моего съ г. городскимъ головою и весьма многими изъ представителей городского общества, къ сожалѣнію, не было сдѣлано городомъ, вопреки настояніямъ попечителей, ровно ничего для того, чтобы обезпечить приходское училище. На означенномъ совѣщаніи наиболѣе вліятельныхъ членовъ греческаго городского общества ими порѣшено, что слѣдуетъ просить, при посредствѣ Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, о дозволеніи городу издерживать проценты на Мариупольскій городской капиталъ, хранящійся въ государственномъ банкѣ, на начальное народное образованіе въ Мариуполѣ. Этого капитала, по собраннмъ мною свѣдѣніямъ, 78.734 руб. сер. Лица, совѣщав-

шіяся объ этомъ дѣлѣ, обѣщали мнѣ представить приговоръ города по этому вопросу въ училищный совѣтъ въ первыхъ числахъ мая мѣсяца; я совершенно убѣжденъ въ томъ, что совѣтъ, служа дѣлу просвѣщенія, не откажетъ въ содѣйствіи своемъ къ удовлетворенію справедливаго и законнаго желанія города Маріуполя. Такое содѣйствіе совѣта было бы тѣмъ болѣе желательно, что я не смѣю скрыть отъ совѣта того, что пока Александровскій уѣздный училищный совѣтъ не встрѣчаетъ сочувствія въ Маріуполѣ. Я отнюдь не отношу этого къ отдѣльнымъ почтеннымъ гражданамъ города и всего менѣе разумью, говоря такимъ образомъ, приемъ, оказанный мнѣ какъ члену совѣта; если я считаю своимъ долгомъ заявить совѣту о томъ, что городъ относится недружелюбно къ нашему учрежденію, то только на томъ основаніи, что городская дума ходатайствовала у г. попечителя учебнаго округа о томъ, чтобы приходское училище оставалось на прежнемъ основаніи, подчиненнымъ Таганрогской дирекціи. Если Александровскому уѣздному училищному совѣту удастся обезпечить училище, тогда городъ, быть можетъ, правильнѣе взглянетъ на назначеніе училищнаго совѣта, которое состоитъ не въ томъ, чтобы начальствовать надъ кѣмъ бы то ни было, но въ томъ, чтобы *служить*. Мнѣ кажется, что тѣмъ обстоятельствомъ, что еще не разрѣшено г. попечителемъ округа ходатайство Маріупольскаго городского головы и объясняется то, что городъ до сихъ поръ еще ничего не сдѣлалъ въ пользу своего училища; иначе затруднился бы я объяснить такое рвеніе города въ пользу училища *на бумагѣ* и такую холодность его *на дѣлѣ*. Имѣю честь покорнѣйше просить совѣтъ оказать содѣйствіе къ скорѣйшему разрѣшенію означеннаго вопроса, такъ какъ я увѣренъ, что въ чемъ бы вѣдѣніи ни оставили Маріупольское приходское училище, въ вѣдѣніи ли нашего совѣта, или нѣтъ, но къ участи этого учебнаго заведенія, какъ *начальнаго народнаго училища*, Александровскій уѣздный училищный совѣтъ не отнесется равнодушно, и не на словахъ а на дѣлѣ будетъ радъ содѣйствовать его преуспѣянію.

Маріупольское приходское училище, какъ извѣстно совѣту изъ прошлагодняго моего отчета, состоитъ изъ трехъ отдѣленій, и въ истекающемъ учебномъ году долженъ былъ заниматься во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ, помѣщающихся въ трехъ разныхъ комнатахъ, *одинъ* учитель С. С. Косогубовъ. Нужно удивляться силамъ одного человѣка: обучать 47 учениковъ, которыхъ я засталъ на лицѣ, въ трехъ разныхъ комнатахъ, безъ помощника. Помощникъ г. Косогубова выбылъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, и теперь прияскиваютъ учителя на 114 р. въ годъ *для*

города, въ то время, когда села платятъ до 300 р. и даютъ сверхъ того квартиру и провизію; повидимому, городъ разчитываетъ на то, что будетъ разрѣшено наставникамъ Маріупольскаго училища считаться на государственной службѣ и что такая перспектива привлечетъ желающихъ. Я сомнѣваюсь въ этомъ, и потому очень радъ сообщить совѣту о томъ, что гг. попечители училища, въ распоряженіе которыхъ городъ отдаетъ училищную сумму, предполагаютъ значительно возвысить оклады жалованья учителямъ, если только правительствомъ будетъ дозволено городу воспользоваться городской собственностію, то-есть, процентами на капиталъ Маріуполя. Итакъ, учитель Косогубовъ долженъ былъ одинъ заниматься въ училищѣ. Не смотря на такую неблагопріятную обстановку, за зиму обучены чтенію и письму 23 ученика по звуковой методѣ; пишутъ они подъ диктовку слабовато, но есть въ числѣ ихъ и отличные ученики; чтеніе ихъ еще слабѣе диктовки; вообще говоря, новички Маріупольскаго приходскаго училища далеко отстали отъ новичковъ лучшихъ сельскихъ школъ, то-есть, такихъ, гдѣ есть кому заниматься ими. О выразительности чтенія въ младшемъ отдѣленіи и рѣчи нѣтъ; тѣ, которые поступили грамотными въ младшее отдѣленіе, прошли упражненія „Роднаго Слова“ только до 7-го урока, между тѣмъ какъ если бы былъ учитель, то должна бы быть пройдена вся первая часть; пройденные 7 уроковъ не вполне усвоены учениками. Я предложилъ ученикамъ написать своими словами, какъ это понять, слѣдующую фразу: „я ѣхалъ въ тарантасѣ, наѣхалъ на ровчакъ, при этомъ ушибъ себѣ лобъ и сломалъ дрогу“; изъ 14 учениковъ младшаго отдѣленія только 8 написали предложеніе, имѣвшее смыслъ; ручаюсь за то, что въ значительномъ большинствѣ тѣхъ сельскихъ школъ, гдѣ понимаютъ по русски, даже новички, а не только тѣ, которые поступили въ школу грамотными съ апрѣля 1868 года, не затруднились бы написать смыслъ сказаннаго мною о судьбѣ тарантаса.

Сказанное до сихъ поръ могло уже убѣдить совѣтъ въ томъ, что приходское училище въ Маріуполѣ, вслѣдствіе невозможности для г. Косогубова разорваться на три части, далеко отъ того состоянія, въ какомъ я видѣлъ его въ прошломъ году. То, что совѣтъ узнаетъ о 2-мъ отдѣленіи училища, къ сожалѣнію, только подтвердитъ это убѣжденіе: изъ 7-ми читавшихъ не рассказали прочитаннаго 2; изъ 3-хъ лучшихъ учениковъ по ариѳметикѣ ни одинъ не умѣлъ рѣшать самыхъ ничтожныхъ ариѳметическихъ задачъ; между тѣмъ съ самымъ удовольствіемъ заносилъ я въ прошломъ году въ отчетъ, что

именно въ этомъ среднемъ отдѣленіи первыя четыре дѣйствія были вполне сознательно пройдены учениками. Всего менѣе пострадалъ отъ разстройства училища старшій классъ, въ которомъ я засталъ изъ 13 учениковъ только 7. Въ чтеніи этого класса, также какъ и средняго, замѣтилъ я нѣсколько менѣе монотонности; но далеки эти ученики, по выразительности чтенія, отъ Покровскихъ и Александровскихъ учениковъ. За ариметику, которая находится въ старшемъ отдѣленіи училища въ такомъ же хорошемъ состояніи, какъ и прежде, я покорнѣйше прошу наградить ученика Илью Лукьяненко. Если я говорю о томъ, что слѣдуетъ желать большей выразительности чтенія, то почтенные сочлены мои, основываясь на прошлогоднемъ отчетѣ моемъ, могутъ думать, что низкая степень выразительности чтенія въ Мариупольскомъ приходскомъ училищѣ объясняется тѣмъ, что, какъ сказано въ напечатанномъ отчетѣ, двѣ трети учениковъ — не Русскіе, но Греки; но въ настоящемъ году въ этомъ отношеніи значительная переиѣна: три четверти всего числа учениковъ — Русскіе, а Греки въ приходскомъ училищѣ составляютъ незначительное меньшинство. Меня очень заняло это явленіе, и я старался объяснить его; но прежде чѣмъ доложить эти соображенія совѣту, я слѣшу указать на то, что въ Мариуполѣ существуетъ, кромѣ приходскаго училища, частная школа священника о. Димитрія Текежи, въ которой я засталъ только однимъ ученикомъ меньше, чѣмъ въ приходскомъ училищѣ, то есть, 46 учениковъ. Любопытно познакомиться съ этою школою, въ которой на 41 Грека только 5 Русскихъ; повидимому, русская и греческая народности подѣлились училищами и интересно дать себѣ отчетъ въ томъ, что могло до сихъ поръ привлекать Грековъ въ школу священника Текежи.

Школа священника Текежи содержится учредителемъ и наставникомъ ея, священникомъ Димитріемъ, на его собственный счетъ, и платы священникъ, по собственному его показанію, не получаетъ ни отъ кого, за исключеніемъ тѣхъ, кто учится у него особо на квартирѣ; училищная мебель принадлежитъ вся учредителю школы, который изъ своего кармана платитъ 50 руб. въ годъ своему помощнику въ школѣ. Собственно школа помѣщается въ чрезвычайно тѣсной постройкѣ: 39 учениковъ младшаго отдѣленія набиты въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова въ комнату въ 6 аршинъ длины и 5 ширины; тѣснота такъ велика, что я едва могъ войти въ комнату для испытанія, и всякаго ученика, спрошеннаго мною, тотчасъ же выпускалъ на улицу, такъ какъ въ комнатѣ негдѣ было ворочаться. „Не

красна изба углами, но красна пирогами“, подумалъ я и приступилъ къ экзамену. Оказалось, что школа не обладаетъ никакими учебными пособиями, о высылкѣ которыхъ совѣтомъ просилъ о. Димитрій, выражая полную готовность примѣнить по дѣлу всѣ нововведенія совѣта. Дѣти обучаются по букварю, священной исторіи, псалтыри и Евангелію; у всѣхъ учениковъ различныя книги, но почти всѣ русскія, такъ какъ Греки, богослуженіе которыхъ совершается на древне-греческомъ языкѣ, не находятъ нужнымъ обучать дѣтей по славянски. Изъ 39 учениковъ засталъ я на складахъ 12, и въ числѣ ихъ многихъ, которые болѣе года сидѣли на складахъ; изъ 27 весьма плохо читающихъ мальчиковъ оказалось 15 такихъ, которые не могли разказать читаннаго, потому что читали машинально; 3 ученика нашлось такихъ, которые могутъ читать въ *своей* книгѣ, а въ невидѣнной ими книгѣ не знаютъ и *буквъ*, то-есть, выучили наизусть *свою* книгу; не зная буквъ; въ числѣ 39 учениковъ младшаго отдѣленія нашлось 10, бывшихъ въ состояніи писать удовлетворительно подъ диктовку. Въ старшемъ отдѣленіи разказали прочитанное четыре ученика изъ семи; написали то же упражненіе, которое я задавалъ въ Маріупольскомъ приходскомъ училищѣ, два ученика изъ семи. Одного мальчика я нашелъ такого, который имѣлъ хоть нѣкоторое понятіе объ ариметикѣ; но остальные два, сиротенные мною, какъ *лучшіе*, по рекомендаціи учителя, не имѣли никакого понятія, ни о писаніи чиселъ, ни о практическихъ задачахъ.

Спрашивается: почему мѣстное греческое населеніе предпочитаетъ Маріупольскому приходскому училищу, обладающему способнымъ преподавателемъ, школу о. Текежи, которая до сихъ поръ никого почему не могла обучить? Въ обоихъ учебныхъ заведеніяхъ не взимается платы за обученіе. Мнѣ объяснили это отчасти бытовыми особенностями греческихъ поселенцевъ, отчасти взглядомъ ихъ на приходское училище: мнѣ говорили, что греческіе поселенцы, живя подъ игомъ Крымскаго ханства, только въ духовенствѣ своемъ находили защиту и въ немъ одномъ видѣли тотъ элементъ, который можетъ спасти національность и вѣру отъ гнета мусульманъ. Съ тѣхъ поръ еще свѣжи преданія и съ тѣхъ поръ духовное лицо уже за одинъ шагъ пользуется особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ греческихъ простолюдиновъ. Довѣріе это иногда переходитъ въ суевѣріе, напоминающее средніе вѣка; такъ, мнѣ достоверно извѣстно, что часто простолюдины обращаются, въ случаѣ болѣзни, не къ медику, но къ священнику, и не для того, чтобы сотворить молитву, но потому что процессу чтенія

МОЛИТВЪ, НЕ ВСЯКИМЪ СВЯЩЕННИКОМЪ, но извѣстными лишь лицами между ними, иногда выписываемыми изъ далека, приписывается цѣлебная сила. Полагаютъ, что вслѣдствіе такихъ отношеній между духовенствомъ и массою греческихъ поселенцевъ эта масса всегда предпочитаетъ школу, открытую священникомъ, *какова бы она ни была*, даже лучшему свѣтскому училищу. Затѣмъ указывали мнѣ еще на бытовую особенность греческихъ поселенцевъ; провѣривъ этихъ словъ я не въ состояніи, такъ какъ не на столько сблизился съ греческимъ обществомъ, но слышалъ я отъ лицъ, весьма свѣдущихъ въ дѣлѣ, слѣдующее: греческіе родители въ большинствѣ случаевъ, чрезвычайно балуютъ дѣтей и боятся, какъ бы въ приходскомъ училищѣ ихъ не научили слишкомъ большимъ мудростямъ. Наконецъ указывали мнѣ еще на то, что многіе недовольны тѣмъ, что уроки въ приходскомъ училищѣ оканчиваются въ два часа и что послѣ обѣда нѣтъ преподаванія; разказывали мнѣ также лица компетентныя, что уже въ прежнихъ отчетахъ директоровъ училищъ заявлялось о томъ, что масса всегда предпочитаетъ частную школу *казенному* учебному заведенію.

Изъ сказаннаго совѣтъ могъ уже убѣдиться въ томъ, что Мариупольское приходское училище въ крайнемъ упадкѣ, и что школа священника Тевежи, при всемъ уваженіи къ стремленіямъ г. учредителя, можетъ служить въ педагогическомъ отношеніи лишь предостерегающимъ примѣромъ. Если же я доложу совѣту о положеніи начальныхъ народныхъ училищъ въ Мариуполѣ діакона Котлярова и каптенармуса Никитина, то совѣту останется утѣшать себя лишь тѣмъ, что самое существованіе этихъ учебныхъ заведеній, *незаконно* открытыхъ, вовсе не было извѣстно совѣту, а потому и состояніе ихъ не можетъ пасть на отвѣтственность совѣта. Начну со школы г. Никитина.

Для того, чтобъ испытать учениковъ г. Никитина я вошелъ въ хату, въ сѣняхъ которой училось 10 мальчиковъ; неграмотная хозяйка дома взглянула на меня крайне недовѣрчиво, но допустила къ экзамену. Изъ распросовъ узналъ я, что хозяинъ школы, обучающій за 50 коп. въ мѣсяцъ съ ученика, служить смотрителемъ шоссе на биржѣ и потому почти не бываетъ дома, обучаетъ же учениковъ сынъ его, о которомъ заявила мать, что онъ такъ боленъ, что никуда и не годится, развѣ только въ учителя. Впрочемъ хозяйка дома слѣшила успокоить меня тѣмъ, что она сама, хоть и неграмотная, но постоянно наблюдаетъ за тѣмъ, „чтобы дѣти учились, и чуть кто зазѣвается, такъ я ему сейчасъ же“ ..., при этомъ она сдѣлала выразительный жестъ.

Изъ 5 читающихъ не разказали мнѣ прочитаннаго 3, а вухъ учениковъ засталъ я сидящими уже 2-й годъ за азбукой; 7 учениковъ обучены письму; объ ариѳметикѣ, само собою разумѣется, не заходило и рѣчи. Такъ какъ у г. Никитина не было разрѣшенія совѣта на открытіе школы, а у сына его не было свидѣтельства на право преподаванія, то я считалъ своимъ долгомъ объявить о томъ, что до приобрѣтенія означенныхъ документовъ школа не должна собираться, на основаніи закона. Точно также пришлось мнѣ поступить со школою діакона Котлярова; но совѣтъ, вѣроятно, не пожалѣетъ о томъ, также какъ и городъ Мариуполь, что подобныя заведенія исчезли. Съ ноября 1868 г. діаконъ Котляровъ, имѣя лишь свидѣтельство на право преподаванія, открылъ, безъ вѣдома училищнаго совѣта, частную школу; взявъ по 70 коп. платы съ каждаго ученика, онъ обязался третью часть этой платы уступить помощнику своему, временно-обязанному крестьянину Марку Саяшному, о которомъ самъ діаконъ говорилъ мнѣ, что онъ крайне плохо читаетъ по русски. Въ концѣ октября стала ходить по рукамъ жителей слѣдующая любопытная реѳлама: „Открывавая я училище, народное и безвозмездное, съ разрѣшенія земства (?) или училищнаго совѣта, на слободѣ; на правахъ высланнаго мнѣ совѣтомъ. свидѣтельства (то было лишь учительское свидѣтельство; а не разрѣшеніе на открытіе школы, требуемое закономъ), прошу васъ не завлекать господъ жителей слободки, а также оставить и своихъ учениковъ безъ занятія, рекомендую свое училище, какъ, *формальное* (??). Въ противномъ же случаѣ я буду жаловаться въ училищный совѣтъ о томъ, что вы дѣлаете ущербъ *мнѣ*, занимаясь безъ всякихъ правъ, что воспрещается правилами совѣта, и подвергнетесь *штрафу*“ (??). Подписано: діаконъ Спиридонъ Котляровъ. На вопросъ мой, обращенный къ отцу діакону, онъ ли писалъ вышеприведенный любопытный документъ, онъ просилъ меня сличить его почеркъ съ рукописью, имѣвшееся у меня въ рукахъ; я не считъ себя въ правѣ производить слѣдствіе и потому не исполнилъ желанія діакона, но могу удостовѣрить въ томъ, что тотъ клочекъ бумаги, который былъ у меня въ рукахъ, писанъ не почеркомъ діакона Котлярова; къ этому могу добавить, что при діаконѣ Котляровѣ мнѣ говорили въ школѣ Никитина, что отецъ діаконъ старается о томъ, чтобы разогнать учениковъ Никитина, который бралъ отъ ученика двадцатью копѣйками въ мѣсяцъ дешевле г. Котлярова. Когда я вошелъ въ школу г. Котлярова, то произошла оригинальная сцена: г. Саяшный говорилъ, что это школа отца діакона, а о. діаконъ утверждалъ, что только до пасхи

(то-есть, за 2 недѣли до моего экзамена) онъ считалъ школу своею, а теперь эта школа Саяшнаго, такъ какъ онъ, Котляровъ, съ праздника въ ней не былъ. Но довольно о происхожденіи этой школы, впрочемъ весьма поучительномъ во многихъ отношеніяхъ; обратимся къ педагогическому состоянію ея. Изъ 13 учениковъ, которыхъ я засталъ, семь учениковъ могли читать свой *урокъ*, а дальше и по *своей* книгѣ, не только по невиданной, не могли прочесть ни одного слова. Въ числѣ 13 нашелъ я одного читающаго и не нашелъ ни одного пишущаго. Обращаясь къ г. Саяшному, я просилъ его, какъ не имѣющаго никакихъ правъ ни на преподаваніе, ни на открытіе училища, тотчасъ же распустить учениковъ; на это почтенный педагогъ отвѣчалъ просьбою дозволить „поучить“ еще недѣлки двѣ для того, чтобы за мѣсяць взять деньги съ учениковъ; но, повидимому, его убѣдилъ мой доводъ: „то дѣти, а не овцы, съ которыми выгодно не разставаться до стрижки“.

Таковы мужскія школы въ портовомъ городѣ Мариуполѣ, обладающемъ значительнымъ поземельнымъ богатствомъ и ведущемъ значительную торговлю. Пришлось остановиться на этомъ разрядѣ начальныхъ народныхъ училищъ, быть можетъ, дольше, чѣмъ позволяетъ время; но мнѣ казалось необходимымъ отнестись внимательно къ положенію дѣла въ одномъ изъ наиболѣе извѣстныхъ городовъ южной Россіи. О женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Мариуполя я буду говорить въ отдѣлѣ отчета, посвященномъ женскому начальному образованію вообще, а теперь перейду къ описанію тѣхъ сельскихъ школъ греческихъ поселенцевъ, которыя чѣмъ-либо отличаются отъ массы школъ, общему обзору которыхъ посвящается слѣдующая глава отчета.

Совѣту извѣстно изъ прошлогодняго доклада моего, что обученіе русской грамотѣ совершалось до открытія совѣта лишь въ весьма немногихъ греческихъ селахъ; въ настоящее время, какъ показываетъ списокъ школъ, о которомъ уже была рѣчь, 19 сель ассигновали довольно значительныя суммы на открытіе *русскихъ* школъ въ греческихъ селахъ. Такимъ едва вѣроятнымъ успѣхомъ совѣтъ обязанъ не только самостоятельному влеченію греческихъ поселенцевъ къ русской грамотности, но и содѣйствію г. попечителя Мангушской школы Л. Θ. Сугурова и учителя той же школы, священника о. Ананіи Аганіева. Эти почтенныя лица, имѣя полномочіе совѣта, объѣхали всѣ греческія села и представили 19 приговоровъ въ совѣтъ. Но не только цифрою предположенныхъ школъ измѣряется успѣхъ русскаго дѣла между греческими поселенцами: благодаря вліянію совѣта измѣнился

самый взглядъ греческихъ поселенцевъ на обученіе чтенію и писму по русски. До открытія совѣта обучали *процессу* чтенія и письма по русски; теперь желаютъ обучить греческихъ поселенцевъ разумѣнію русской рѣчи, русскому языку. Тамъ, гдѣ приглашены обществами преподаватели, не понимающіе турецкаго нарѣчія, которымъ говорятъ наши греческіе поселенцы, тамъ преподаватели составляютъ лексиконъ, переводя каждое слово, встрѣчающееся въ моемъ руководствѣ къ обученію грамотѣ и въ „Родномъ Словѣ“ Ушинскаго, на мѣстное нарѣчіе, для того чтобы объяснять его дѣтямъ. Такимъ почтеннымъ трудомъ занялись гг. учителя Васильевъ въ Игнатьевѣ и Бовенко въ Ново-Керменчукѣ, что дѣлаетъ имъ великую честь. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ Богатырѣ и Карани, преподаватели Улашовъ и Ефремовъ имѣютъ помощниковъ, понимающихъ по турецки и служащихъ переводчиками. Однимъ словомъ, въ настоящее время во всѣхъ греческихъ сельскихъ школахъ всѣ усилія устремлены къ тому, чтобы дѣти не только читали и писали по русски, не понимая языка, но и въ тому, чтобы они научились если не говорить, чему школа рѣдко научаетъ, то по крайней мѣрѣ понимать русскую рѣчь. Такого перелома въ дѣлѣ обученія нельзя не считать въ высшей степени рациональнымъ и нельзя не назвать отраднымъ явленіемъ; и нѣ кажется даже, что было бы крайне полезно для дѣла, если бы совѣтъ объявилъ, что въ греческихъ селахъ только въ такомъ случаѣ преподаватель можетъ удостоиться совѣтской награды, если большинство вѣрренныхъ ему дѣтей будутъ понимать по русски. Наименѣе усердные изъ учителей могутъ возразить на это, что такіе результаты недостижимы тамъ, гдѣ семья, говорящая по турецки, не помогаетъ школѣ обучить дитя русскому языку. Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что для полного успѣха русской школы въ греческомъ селѣ, прежде всего необходимо содѣйствіе родителей обучающихся, я очень счастливъ, что могу доказать, что и при настоящихъ условіяхъ усердіе учителя можетъ восторжествовать надъ всѣми трудностями; я хочу указать, какъ на весьма назидательный примѣръ для всѣхъ гг. наставниковъ уѣзда, на труды глубокоуважаемаго сотрудника совѣта, Мангушскаго учителя, священника Агашева.

Мангушскую школу я и въ прошлогоднемъ отчетѣ причислялъ къ лучшимъ въ уѣздѣ, но въ настоящемъ году, благодаря тому, что всѣ указанія совѣта примѣнены къ Мангушскимъ ученикамъ съ рѣдкою преданностію дѣлу и съ замѣчательнымъ талантомъ, эта школа на столько подвинулась впередъ, что я обязанъ назвать ее первую шко-

люю въ III училищномъ участѣ; познакомившись съ нею ближе, почтенные сотоварищи мои, быть можетъ, дозволятъ мнѣ назвать ее лучшею школою въ уѣздѣ и во всякомъ случаѣ сказать, что большіхъ успѣховъ мы не въ правѣ требовать отъ начальнаго народнаго училища. Обращаюсь къ фактамъ. Въ 1867 году я засталъ въ старшемъ классѣ Мангушской школы, порученномъ о. Ананіи, 10 учащихся, понимающихъ по русски; въ этомъ году засталъ я 30 такихъ учениковъ, которые поступили въ классъ о. Ананіи въ октябрѣ прошлаго года, умѣя механически читать по русски, но не понимая ни одною слова по русски; а въ этомъ лично убѣдился, бывъ 16-го октября въ Мангушѣ. Во второй разъ посѣтилъ я Мангушскую школу 21-го апрѣля 1868 года; слѣдовательно, испытаніе учениковъ должно было обнаружить результатъ полугодовой дѣятельности почтеннаго наставника. Къ величайшему удивленію моему объяснялся я съ каждымъ изъ учениковъ и ученицъ по русски; мнѣ отвѣчали часто крайне неправильными оборотами рѣчи, говорили со мною ломаннымъ языкомъ, но *все* меня понимали. Совѣтъ перестанетъ удивляться такой быстротѣ успѣховъ, когда онъ познакомится съ тѣмъ, что дѣлалось въ школѣ: за зиму прочитаны учениками обѣ части „Роднаго Слова“ Ушинскаго, но какъ прочитаны? Каждый изъ учениковъ могъ объяснить мнѣ любое изъ словъ, встрѣчающихся въ обѣихъ частяхъ. Замѣчая, что дѣти отлично обучены, и желая отнестись съ большими требованіями къ тому, кому много дано, я спросилъ ученика, при чтеніи („Исторія одной яблоньки“): „Что такое почка, видѣлъ ли онъ гдѣ-нибудь почку“? Ученикъ указалъ мнѣ на почку, нарисованную въ его книгѣ. Затѣмъ, читая о томъ, что яблоньку посадили въ „школу“, я спросилъ другаго ученика, о какой тутъ *школа* идетъ рѣчь? Ученикъ отвѣчалъ, что школою называется такая часть сада, въ которой сажаютъ молодья деревья, и на вопросъ мой, чѣмъ она похожа на Мангушскую школу, сказалъ весьма ломанною рѣчью, что тамъ и здѣсь воспитываются молодья существа. Дѣти, вовсе не понимавшіе по русски полгода тому назадъ, теперь читали любой отрывокъ изъ обѣихъ частей „Роднаго Слова“, безошибочно соблюдая ударенія въ словахъ и обращая вниманіе на знаки препинанія; не встрѣтилъ я ни одного ученика о. Ананіи, который, по прочтеніи нѣсколькихъ строкъ изъ „Роднаго Слова“, не разказалъ бы прочитаннаго, то-есть, не далъ бы мнѣ понять хотя и своею несвязною русскою рѣчью, что онъ мыслилъ во время чтенія и усвоилъ себѣ читанное; прошлагодніе ученики разказывали мнѣ читанное ими въ книгѣ, которой они

никогда не видѣли, которую я имѣлъ съ собою. Каждый изъ 30 учениковъ умѣетъ разказать не словами книги и довольно правильно всѣ рассказы, безъ изытія, напечатанные въ обѣихъ частяхъ „Роднаго Слова“, не перечитывая ихъ предъ отвѣтомъ. Такихъ замѣчательныхъ результатовъ достигъ о. Ананія примѣненіемъ къ своимъ ученикамъ совершенно новаго упражненія, свѣтлая мысль котораго принадлежитъ всецѣло ему; на этотъ новый педагогическій приемъ просиль бы я совѣтъ обратить вниманіе всѣхъ гг. преподавателей уѣзда. Этотъ благотворный приемъ состоитъ въ слѣдующемъ: читается въ „Родномъ Словѣ“ сказка, и каждый изъ учениковъ разказываетъ ее отъ начала до конца; 30 разъ разказанная при дѣтяхъ сказка запечатлѣвается въ памяти. Прочитана, положимъ, сказка „Колобокъ“; затѣмъ спрашиваетъ учитель, кому хочется говорить, будто бы онъ „дѣдъ“, кому хочется быть „бабой“ и проч.; сказка превращается въ „комедію“ съ слѣдующими дѣйствующими лицами: колобокъ, дѣдъ, баба, зайчикъ, волкъ, медвѣдь и лиса; раздаются роли, и начинается драматическое представленіе ко всеобщему восторгу дѣтей; на другой день дѣти обмѣниваются ролями, а сущность дѣла въ томъ, что дѣти по неволѣ говорятъ по русски. Такія упражненія на столько увлекаютъ дѣтей, что они посвящаютъ имъ, по собственной охотѣ, болшую часть рекреационнаго времени; поселяне приглашаютъ юную труппу изъ дома въ домъ, тѣшатся игрою дѣтей и поощряютъ ихъ пряниками и орѣхами, а дѣло дѣлается само собою: *дѣти говорятъ по русски*. Безъ такого сильнаго рычага, о. Ананія врядъ ли удалось бы на столько подвинуть школу. Для того чтобы объяснить, съ какими трудностями сопряжено обученіе греческихъ поселенцевъ русскому говору, я позволяю себѣ привести примѣръ, который кажется мнѣ краснорѣчивымъ. Зная, что о. Ананія преподаетъ по прекрасному, имъ составленному руководству, первоначальныя грамматическія свѣдѣнія (я буду говорить объ этомъ въ слѣдующей главѣ) и желая испытать въ этомъ отношеніи учениковъ, я написалъ, для исправленія учениками, на классной доскѣ, слѣдующее предложеніе: „Я поѣду вчера въ тарантасѣ и сломаю дрога“. Меня поняли; я нѣсколько разъ прочелъ въ слухъ написанное на доскѣ, и всѣ ученики, наперерывъ одинъ предъ другимъ, пустились исправлять орфографическія ошибки, которыхъ я наставилъ не мало въ вышеприведенной фразѣ; но *никому* изъ учениковъ ухо не указало на синтаксическія неправильности рѣчи. Только-что я сталъ разбирать написанное и ставить вопросы для того чтобы опредѣлить зависимость словъ другъ отъ друга (по-

ѣхалъ въ чемъ? сломалъ кого, что?), то въ одинъ мигъ моя домашняя русская рѣчь была исправлена. Трудности обученія греческихъ поселенцевъ русской рѣчи такъ велики, что и указаннаго нами замѣчательнаго педагогическаго приѣма о. Анаанія не было бы достаточно для успѣха дѣла, если бы не талантливое примѣненіе тѣмъ же наставникомъ *упражнений* 1-й части „Роднаго Слова“, научающихъ дѣтей распределять предметы по разрядамъ; я буду говорить подробно объ этомъ вопросѣ въ слѣдующей главѣ, а теперь укажу лишь на то, что о каждомъ предметѣ изъ перечисляемыхъ въ „Родномъ Словѣ“ подъ различными рубриками, о. Анаанія велъ подробную бесѣду съ учениками, для того чтобы научить возможно большому количеству русскихъ словъ. Стану ли я докладывать совѣту о томъ, что вся школа прекрасно пишетъ подъ диктовку по русски, или что такимъ наставникомъ достигнуты отличные успѣхи по 4-мъ дѣйствіямъ ариметики? Мой дневникъ можетъ съ подробности познакомить совѣтъ съ Мангушскою школою, въ которой испытаніе продолжалось болѣе 6 - ти часовъ времени. Не много потребовалъ времени экзаменъ 33-хъ учениковъ младшаго отдѣленія, не понимающихъ по русски и по нашей звуковой методѣ обученныхъ механическому русскому чтенію и письму. Окончу описаніе Мангушской школы указаніемъ на то, что я нигдѣ не слышалъ столь мило передаваемыхъ разказовъ изъ Евангелія, какъ въ Мангушской школѣ. Я имѣю честь представить къ совѣтскимъ наградамъ слѣдующихъ учениковъ и ученицъ Мангушской школы; по моему мнѣнію слѣдуютъ награды: 1) Софѣй Салаевой за законъ Божій, чтеніе и ариметику; 2) Екатерины Манку за чтеніе, письмо и ариметику; 3) Ильѣ Фокову, за чтеніе и ариметику; 4) Павлу Каракурчи за чтеніе. Послѣ всего, что стало извѣстнымъ совѣту о трудахъ священника о. Анаанія Аганіева, совѣтъ, вѣроятно, найдетъ весьма естественнымъ, если я буду просить о награжденіи этого почтеннаго дѣятеля наградой 1-го разряда; въ этомъ году я не позволяю себѣ просить этой награды ни для кого изъ гг. учителей вѣреннаго мнѣ участка, кромѣ достойнѣйшаго учителя Мангушкаго начальнаго народнаго училища, вполнѣ надѣясь на то, что сами гг. преподаватели признаютъ это представленіе мое справедливымъ.

Предъ Мангушкою школою блѣднѣютъ остальные; но было бы несправедливо не воздать должнаго тѣмъ изъ гг. преподавателей, которые усердіемъ своимъ доказали, что и у нихъ школы могутъ подвигаться впередъ отъ примѣненія къ дѣлу указаній совѣта. Съ такой точки зрѣнія долженъ я доложить совѣту о Комарской школѣ (учи-

тель В. К. Стольмашенко), какъ о такой, которая значительно улучшилась, сравнительно съ прежнимъ. Эта школа уже тѣмъ обращаетъ на себя вниманіе, что въ теченіе зимы 63 ученика изъ совершенно неграмотныхъ звуковою методою превращены въ грамотныхъ по русски; что касается пониманія русской рѣчи, то учителемъ, хотя ему и знакомо мѣстное нарѣчіе, обращалось на это мало вниманія. Преподаваніе звуковой методы также далеко не безупречно: я встрѣтилъ болѣе 20 учениковъ, которые очень хорошо могли писать подъ диктовку, а чрезвычайно тихо читали, такъ какъ ихъ почти вовсе не упражняли въ чтеніи; тотъ же упрекъ могу я сдѣлать Ново-Керменчукской школѣ (учитель Бовенко). Въ старшемъ отдѣленіи Комарской школы изъ 16-ти учениковъ развзали читанное 6. Въ ариметикѣ это отдѣленіе также значительно подвинулось: такъ, напримѣръ, умѣнье писать числа усвоено значительнымъ большинствомъ учениковъ, а практическія задачи рѣшаются нѣкоторыми изъ нихъ гораздо лучше прежняго. Отдѣльные ученики старшаго отдѣленія Комарской школы оказали столь значительные успѣхи, что было бы несправедливостію не отличить ихъ; поэтому имѣю честь покорнѣйше просить совѣтъ наградить учениковъ Василія Стрѣляева и Александра Осиповскаго за чтеніе и Георгія Алмева за ариметику. Позволяю себѣ надѣяться, что совѣтъ согласится со мною въ томъ, что только тотъ изъ учителей можетъ быть представляемъ къ награждѣ, въ школѣ котораго, независимо отъ нѣсколькихъ отличныхъ учениковъ, не найдено никакого существеннаго педагогическаго промаха и ученики котораго въ каждомъ классѣ по возможности *равносильны*; поощрять учителей на иныхъ основаніяхъ значило бы развивать въ нихъ наклонность заниматься въ школѣ только наиболѣе способными учениками, то-есть, вредить дѣлу. По изложеннымъ соображеніямъ я не считаю себя въ правѣ представить къ отличію учителя Стольмашенка, хотя для троихъ изъ учениковъ его я и прошу наградъ у совѣта; по тѣмъ же основаніямъ я не буду ходатайствовать о наградѣ учителю русской школы въ Рундвизѣ, В. К. Нейману, который представилъ къ экзамену, какъ увидитъ совѣтъ, 5 отличныхъ и 10 весьма плохихъ учениковъ.

Предоставляя себѣ упомянуть при случаѣ и о прочихъ русскихъ школахъ греческихъ поселенцевъ, въ которыхъ дѣло шло весьма удовлетворительно (Большой Янисаль, Богатырь, Игнатъевка, Сартана), и прося моихъ сочленовъ заглянуть въ дневникъ мой, еслибъ они пожелали узнать дѣло подробнѣе, я, съ сожалѣніемъ, долженъ обратитъ теперь вниманіе ихъ на школу въ Старомъ Керменчукѣ, въ

которой всё нововведеніи совѣта, на первый разъ, потерѣли полную неудачу. Учитель П. Д. Дыбскій принадлежитъ къ числу тѣхъ преподавателей, отъ которыхъ совѣтъ, принимая во расчетъ его свѣдѣнія и прежнюю педагогическую дѣятельность, въ правѣ требовать болѣе, чѣмъ отъ остальныхъ. Съ П. Д. Дыбскимъ видѣлся и въ самомъ началѣ его дѣятельности въ Керменчукѣ; онъ посѣтилъ Времьевскую школу, онъ участвовалъ въ педагогической бесѣдѣ; слѣдовательно, я имѣлъ полное основаніе ожидать хорошихъ результатовъ отъ преподаванія его. Между тѣмъ 16-го февраля, въ присутствіи гг. попечителей школы Б. Ѳ. Сарбѣева и В. М. Коростовцева, я засталъ въ школѣ г. Дыбскаго одного ученика съ 1-го ноября и 8 учениковъ съ 22-го января только на 4-мъ урокѣ методы; 12 учениковъ, окончившихъ методу, почти вовсе не могли читать и чрезвычайно дурно писали подѣ диктовку. Въ старшемъ отдѣленіи 20 учениковъ упражнялись въ чтеніи кагаломъ, а учитель упражнялся въ пресловутомъ „приказываніи уроковъ“. Упражненія 1-й части „Роднаго Слова“ были пройдены крайне неудовлетворительно; такъ, напримѣръ, ученики умѣли перечислить всё время года подѣ радѣ; но не могли опредѣлить, въ какое время года я производилъ испытаніе (16-го февраля). Все это — у учителя, которому такъ много помогали педагогическими совѣтами; разныя причины приводились тутъ въ оправданіе: и незнаніе г. Дыбскимъ турецкаго языка, и неаккуратное посѣщеніе школы учениками, и плохое помѣщеніе школы; но все это совершенно устраняется, если сравнить школу г. Дыбскаго со школами такихъ преподавателей въ греческихъ селахъ, которые поставлены въ совершенно сходныя условія, но достигли совершенно иныхъ результатовъ. Спѣшу впрочемъ засвидѣтельствовать предѣ совѣтомъ, что послѣ испытанія школа Стараго Керменчука, по свидѣтельству гг. попечителей, значительно исправилась, и что на этотъ разъ общество, по мнѣнію моему, должно отнестись снисходительно къ г. Дыбскому, такъ какъ особныя семейныя обстоятельства могли помѣшать ему отдаться вполне учительской обязанности. Есть основаніе думать, что на будущій годъ я уже не буду называть Старо-Керменчукской школы въ числѣ плохихъ.

3. Русскія школы въ нѣмецкихъ колоніяхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ нѣмецкія колоніи въ Александровскомъ уѣздѣ, то-есть, за 45 лѣтъ времени, только въ первый разъ умѣстенъ въ трудѣ о начальныхъ народныхъ училищахъ вообще отдѣлъ

подъ такимъ заглавіемъ: „русскія школы въ нѣмецкихъ колоніяхъ“. До открытія нашего училищнаго совѣта не только не было ни одной русской школы у нѣмецкихъ поселенцевъ, но ни въ одной колоніи не было ни одного ученика, котораго обучали бы по русски; въ настоящее время, за зиму, 130 учащихся обоюга пола обучены русской грамотѣ: это еще не много, но уже что-нибудь. Въ особенности отраднo для меня сознаніе, что русская грамотность прививается у нашихъ Нѣмцевъ не по приказу, не насильственно, но исключительно по собственному ихъ желанію, которому содѣйствуетъ училищный совѣтъ. Во введеніи въ отчету, говоря о числѣ школъ III-го участка вообще, я уже имѣлъ случай упомянуть о числѣ русскихъ школъ у нѣмецкихъ поселенцевъ, теперь предстоитъ разсмотрѣть подробнѣе этотъ вопросъ, такъ какъ усвѣхомъ дѣла на этомъ пунктѣ, быть можетъ, лучше всего доказывается, что учрежденіемъ училищныхъ совѣтовъ, то-есть, допущеніемъ самого общества въ недоступное до сихъ поръ святилище школы, достигается не только частное, но и государственное благо.

Совѣту извѣстно, что первое слово о необходимости для Нѣмцевъ знакомства съ русскимъ языкомъ сказано въ Александровскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи гласнымъ Штахомъ; тогда еще не существовало училищнаго совѣта, который, немедленно по открытіи его 24-го апрѣля 1867 года, обратилъ особенное вниманіе на этотъ предметъ. Пригласивъ въ селеніи Покровскомъ преподавателемъ для русской школы въ Грунау В. К. Неймана и снабдивъ его учительскимъ свидѣтельствомъ, совѣтъ предложилъ ему отправиться въ Грунау, въ ожиданіи, что само сельское общество колоніи поспѣшитъ организовать дѣло. Между тѣмъ 14-го октября 1867 года всталъ я въ чрезвычайно неудобномъ помѣщеніи старой нѣмецкой Грунауской школы г. Неймана съ 23-мя учениками, но дѣло еще не получило никакого правильнаго устройства. Къ чести г. Неймана должно отнести, что преподаваніе его въ теченіе трехъ недѣль до моего приѣзда успѣхами дѣтей уже нѣсколько зарекомендовало русскую школу, впервые появившуюся въ нѣмецкой колоніи, и этимъ самымъ облегчило переговоры мои съ сельскимъ обществомъ колоніи. Для осуществленія первой русской школы предстояло преодолѣть трудности двоякаго рода: 1) представлялся вопросъ, въ правѣ ли нѣмецкія колоніи, лишенные того самоуправленія, которое предоставлено русскимъ селамъ, и состоящая въ вѣдѣніи попечительнаго комитета въ Одесѣ, открыть школу, на основаніи новыхъ законовъ, не испрашивая на то

предварительнаго разрѣшенія попечительнаго комитета? Принимая во вниманіе, что объ устройствѣ центрального училища въ Грунау шла переписка съ комитетомъ уже съ 1859 года, я считалъ болѣе полезнымъ для дѣла руководствоваться непосредственно 10-ю статьею полож. о нач. нар. уч.; при этомъ я имѣлъ въ виду, что въ предложеніи министра государственныхъ имуществъ попечительному совѣту (31-го декабря 1866 г., № 808) разъяснилось, что колоніи входятъ въ составъ земства по тѣмъ предметамъ, на которые распространяются занятія земства. Поэтому, какъ членъ совѣта, избранный земствомъ, то-есть, въ томъ числѣ и гласными отъ колоніи, я рѣшился просить оберъ-шурьца пригласить сходъ, для совѣщанія о судьбахъ русскои школы. 2) Трудность другаго рода представлялась при изысканіи средствъ для существованія училища, такъ какъ колонія Грунау уже расходовала болѣе 60 коп. сер. съ ревизской души на свою нѣмецкую школу; слѣдовательно, не представлялось возможности къ установленію новыхъ налоговъ. По совѣщаніи съ нѣкоторыми изъ родителей учащихся въ русской школѣ, я проектировала общественный приговоръ, который и былъ утвержденъ обществомъ единогласно на сходѣ, въ присутствіи моемъ, 15-го октября 1867 года. Въ этомъ документѣ общество нѣмецкой колоніи въ первый разъ высказывалось въ пользу русской грамотности, называя ее „неотложною потребностію“. Этотъ приговоръ былъ опубликованъ по всѣмъ колоніямъ, и доброе начало не осталось одинокимъ, и само Грунауское общество, какъ увидитъ совѣтъ, не остановилось на первомъ шагѣ. Въ прилагаемомъ при семъ приговорѣ отъ 26-го апрѣля текущаго 1868 года, колонія Грунау, ходатайствуя о разрѣшеніи открыть особое русское женское училище, говоритъ, что такое учебное заведеніе оно въ особенности считаетъ необходимымъ потому, что до тѣхъ поръ русская рѣчь не станетъ твердою ногою въ нѣмецкихъ колоніяхъ, пока она не получитъ права гражданства при домашнемъ очагѣ каждой семьи. Въ промежутокъ времени между этими двумя общественными приговорами, въ бытность мою въ колоніи Большой-Вердеръ № 24-й, весьма многіе колонисты, присутствовавшіе при испытаніи въ нѣмецкой школѣ 24-го апрѣля, выразили мнѣ готовность открыть у себя особое русское училище. На другой же день доставили мнѣ приговоръ, которымъ само общество гарантируетъ учителю полученіе 400 руб. сер. въ годъ жалованья; сколько бы ни было учениковъ; въ прежнихъ русскихъ школахъ учитель получаетъ 18 руб. въ годъ платы отъ родителей за каждаго ученика. Наконецъ, еще го-

раздо раньше въ февралѣ текущаго года г. Нейманъ, линивинскій мѣста въ Грунау, по причинамъ, которыя я объясню ниже, доставилъ мнѣ приговоръ колоніи Рундевизе о желаніи того общества имѣть у себя русскую школу и пригласить его учителемъ. Во всѣхъ колоніяхъ общества избрали попечителей русскихъ школъ, въ которыхъ совѣтъ приобрѣлъ ревностныхъ поборниковъ распространенія русской грамотности между Нѣмцами. И. И. Янъ, попечитель русской школы въ Грунау, пожертвовалъ въ пользу школы въ Грунау всю нужную училищную мебель; теперь, послѣ того какъ весь приходъ изъявилъ согласіе помѣстить русскую Грунаускую школу въ прекрасной каменной постройкѣ, занимаемой кистеромъ, онъ изъявилъ готовность добавить изъ собственныхъ средствъ при передѣлкѣ дома все то, на что не хватилъ бы остатковъ училищной суммы русской Грунауской школы и добровольныхъ пожертвованій разныхъ лицъ. Колонистъ Бродтъ, шульцъ колоніи Тигенгофъ, въ этомъ году на собственный счетъ строитъ кирпичный домъ въ 5 саженой длины и 4 ширины для помѣщенія русской школы, съ тѣмъ чтобы въ Тигенгофѣ въ 1869 году было открыто 5-е русское училище въ нѣмецкихъ колоніяхъ. На сколько меньшинство колонистовъ желало бы обучать по русски дѣтей своихъ, доказывается тѣмъ, что въ Грунау и Рундевизе, вмѣстѣ взятыхъ, есть уже 59 учениковъ, которые обходятся въ 1062 руб. въ годъ, не считая той провизіи, которую получаетъ русскій учитель въ Грунау и не считая тѣхъ весьма значительныхъ расходовъ на квартиру (до 6 руб. въ мѣсяц!), которые неизбежны для тѣхъ колонистовъ, которые живутъ не въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ помѣщаются русскія школы. Въ колоніи менонистовъ Бергталъ окружной писарь Фризенъ говорилъ мнѣ, что имъ распродано колонистамъ болѣе 40 экземпляровъ руководства для изученія русскаго языка, составленнаго Петровымъ (*Neuer russischer Dolmetscher. Odessa, 1856 г.*); у многихъ изъ учителей нѣмецкихъ школъ встрѣчалъ я приобретенное ими на собственный счетъ руководство Керковиуса, высланное совѣтомъ въ русскія колоніальныя школы, для переводовъ съ нѣмецкаго языка на русскій. Въ колоніи Кальченевѣ встрѣтилъ я колониста, который чуть ли не въ овощной Маріупольской лавкѣ купилъ на 12 руб. русскихъ книгъ для того, чтобъ онѣ когда-нибудь пригодились сыну. Наконецъ, въ колоніи Тигенортъ я познакомился съ колонистомъ, который платитъ 180 руб. въ годъ за обученіе сына русскому языку въ г. Александровскѣ. Я позволяю себѣ останавливать вниманіе совѣта на такихъ, повидному, мелкихъ явленіяхъ, потому что онѣ, по моему мнѣнію, обрисовываютъ

положеніе дѣла, несомнѣнно доказывая, что нѣмецкіе колонисты поняли, что имъ невыгодно жить въ Россіи, не зная русскаго языка.

Содѣйствіе училищнаго совѣта въ возникновеніи русскихъ колониальныхъ школъ выражалось до сихъ поръ приглашеніемъ русскихъ учителей и въ безвозмездномъ снабженіи школъ учебными пособиями, не говоря уже о томъ, что внимательное педагогическое наблюденіе за школою содѣйствуетъ успѣху школъ существующихъ и тѣмъ самымъ открытію новыхъ. Колонія Грунау получила отъ совѣта въ пособіе 100 руб., которые были необходимы, на первый случай, для того, чтобъ устранить возникшія затрудненія въ пріисканіи квартиры для первой русской школы въ нѣмецкой колоніи и въ отопленіи ея. Въ настоящее время русская школа въ Грунау не нуждается въ денежныхъ пособияхъ; она обладаетъ остаткомъ отъ училищнаго сбора. По новому условію съ учителемъ Х. И. Нейенданкомъ, онъ получаетъ отъ общества изъ взносовъ родителей 500 руб. за 35 учениковъ и по 12 руб. отъ каждаго ученика, который поступить въ школу сверхъ 35-ти мальчиковъ; кромѣ того онъ пользуется квартирой и получаетъ по одной мѣрѣ пшеницы отъ каждаго ученика; по этому разчету видно, что въ настоящее время учитель Нейенданкъ получаетъ (при 37 мальчишкахъ) 524 руб. жалованья и въ пользу школы остается 142 руб. Первоначально казалось, что необходимо искать желающихъ обучать дѣтей своихъ по русски — во всѣхъ колоніяхъ, для того чтобы русская школа въ Грунау стояла не праздно; теперь же, напротивъ, опытъ показалъ, что русская школа въ Грунау можетъ быть наполнена и даже переполнена учащимися изъ самой колоніи Грунау и ближайшихъ окрестностей. Такъ, уже въ настоящее время колоніи Грунау и Кронсдорфъ, лежація въ полу-верстѣ другъ отъ друга, посылаютъ 26 учащихся въ русскую школу, не смотря на то, что у г. Неймана оставалось въ 25-му января только 13 учениковъ и что новый учитель г. Нейенданкъ, рекомендованный мною, прибылъ лишь 20-го февраля, когда колонисты со дня на день могли ожидать времени посѣва, въ которое пребываніе мальчика въ школѣ обременительно для семьи, при недостаткѣ въ рабочихъ рукахъ. Не смотря на столь неблагоприятныя условія, г. Нейенданкъ на столько заслужилъ довѣріе общества, что число учениковъ съ 13 увеличилось до 44-хъ. За это г. Нейенданкъ заслуживаетъ нашей полной признательности. Нельзя не пожалѣть о томъ, что г. Нейманъ лишился такого прекраснаго мѣста только изъ-за того, что не сумѣлъ снискать расположенія родителей учащихся; я не берусь разсматривать, правы ли

были колонисты Грунау, не чувствуя симпатіи къ г. Нейману, или нѣтъ; я могу только, послѣ самыхъ тщательныхъ разслѣдованій, увѣрить совѣтъ въ томъ, что г. Нейманъ способный преподаватель, и указать совѣту, какъ на несомнѣнный фактъ, на то, что въ Грунау колонисты съ г. Нейманомъ не сошлись. Напротивъ, въ Рундевицѣ, гдѣ г. Нейманъ преподаетъ съ успѣхомъ, въ настоящее время родители, присутствовавшіе при экзаменѣ, заявили мнѣ о томъ, что они довольны учителемъ. Отъ души желаю, чтобъ эти добрыя отношенія продлились и вполнѣ на это разчитываю: всякая школа, состоящая въ вѣдѣніи совѣта, по мнѣнію моему, должна быть въ самой тѣсной, дружеской связи съ населеніемъ; иначе она явится не существенно необходимою частицею цѣлаго, но наростомъ, и существованіе ея будетъ крайне непрочно. Для того, чтобы школа была явленіемъ не проходящимъ, мимолетнымъ, но постояннымъ, для этого нужны не искусственныя подпорки закона, но то лишь, чтобъ она удовлетворяла потребностямъ тѣхъ, которые ею пользуются. Эта истина подтвердилась и въ русскихъ колоніальныхъ школахъ: до тѣхъ поръ, пока колонисты думали, что русская школа изгоняетъ нѣмецкій языкъ и законъ Божій, до тѣхъ поръ они относились къ русскому дѣлу крайне недовѣрчиво; между тѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ введено составленное мною и при семъ прилагаемое недѣльное росписаніе учебныхъ предметовъ, русская школа, употребляя пять шестыхъ всего учебнаго времени на русскій языкъ, стала въ глазахъ колонистовъ счастливою соперницею нѣмецкихъ колоніальныхъ школъ, даже въ обученіи нѣмецкой грамотѣ и закону Божію. Въ настоящее время русскій учитель въ колоніи Грунау (лютеранинъ) имѣетъ письменное разрѣшеніе отъ пастора преподавать лютеранамъ въ русской школѣ законъ Божій; это въ свою очередь вызываетъ въ колонистахъ довѣріе въ учителя русской школы и привлекаетъ въ нее учениковъ. Но пора ближе ознакомиться съ тѣмъ, на сколько русская школа въ Грунау, по успѣхамъ учениковъ, въ правѣ разчитывать на сочувствіе нѣмецкихъ колонистовъ.

Прибывъ для испытанія учениковъ 25-го апрѣля, я засталъ въ Грунауской школѣ, у новаго учителя Х. И. Нейенданка, въ старшемъ отдѣленіи 17 учениковъ, изъ которыхъ 15 уже прежде обучались у бывшаго учителя этой школы, В. К. Неймана. Механическое чтеніе въ этомъ классѣ нашелъ я весьма удовлетворительнымъ, но пониманіе русской рѣчи у большинства крайне слабымъ. При мнѣ переводили дѣти съ нѣмецкаго на русскій языкъ тѣ отрывки изъ руковод-

ства Керковіуса, которые уже переводились ими прежде у Неймана; я нашелъ, что слѣдуетъ желать, чтобы дѣти путемъ переводовъ лучше знакомились съ оборотами русской рѣчи, и изучая извѣстный русскій оборотъ рѣчи, умѣли примѣнить его не только къ тому случаю, который указанъ въ книгѣ, но и ко всякому, ему подобному. Изъ ариметики г. Нейманомъ были пройдены въ старшемъ классѣ 4 дѣйствія; я спрашивалъ нѣкоторыхъ учениковъ, и отвѣты ихъ были несравненно лучше отвѣтовъ по ариметикѣ въ нѣмецкихъ школахъ, но еще далеки были они отъ того, чтобы равняться съ отвѣтами въ лучшихъ школахъ русскихъ и греческихъ селъ. Для того, чтобы вполне выяснитъ новому учителю г. Нейенданку педагогическія требованія совѣта, я самъ преподавалъ въ школѣ два раза упражненія „Роднаго Слова“, ариметику и русское чтеніе съ переводомъ. По моему мнѣнію, отвѣтственность за результаты испытанія въ старшемъ классѣ русской Грунауской школы 25-го апрѣля не можетъ падать ни на г. Неймана, который пересталъ обучать этихъ учениковъ за три мѣсяца до экзамена, ни на новаго учителя, г. Нейенданку, къ которому эти дѣти поступали одновременно, начиная съ 20-го февраля, и который былъ преимущественно занятъ, до пріѣзда моего въ Грунау, обученіемъ новичковъ, поступающихъ къ нему совершенно неграмотными или грамотными только по нѣмцѣи. Успѣху звуковой методы въ младшемъ отдѣленіи обязанъ г. Нейенданкъ отчасти тѣмъ, что онъ такъ расположилъ къ себѣ общественное мнѣніе въ колоніяхъ, отъ чего выиграла русская школа; г. Нейенданкъ началъ методу 11-го марта съ 10 учениками, и 8-го апрѣля она была уже пройдена; результаты испытанія показали, что она была пройдена на столько удовлетворительно, что мнѣ пришлось только любоваться, какъ посѣтители изъ Нѣмцевъ удивлялись тому, что въ русской школѣ ученикъ, послѣ четырехъ недѣль обученія, могъ прочесть безъ складовъ, плавно, любое слово и написать всякое слово подѣ диктовку, между тѣмъ какъ въ нѣмецкой школѣ для этого требуется, въ большинствѣ случаевъ, около трехъ лѣтъ. Кромѣ того было мнѣ въ высшей степени отрадно видѣть, что тѣ же нѣмецкія дѣти, которые смотрятъ изъ подлбья и вмѣсто отвѣта издаютъ какой-то жалобный пискъ въ нѣмецкой школѣ, здѣсь въ русской школѣ, вслѣдствіе ласковаго обращенія учителя съ дѣтьми, держать себя развязно, весело и смѣло. Свидѣтели всего этого не могли не убѣдиться теперь въ томъ, какъ ничтожны были доводы людей, увѣрявшихъ меня, будто бы нѣмецкія дѣти отъ природы на столько застѣнчивы, что должны смотрѣть на каждое посто-

роннее лице, входящее въ школу, какъ на врага своего, и послѣнно становится въ оборонительное положеніе. Бывшій 2-й классъ г. Неймана г. Нейенданкъ постарается, по совѣту моему, присоединить къ новичкамъ, такъ какъ одному учителю нѣтъ возможности заниматься съ успѣхомъ въ трехъ классахъ. Въ настоящую минуту помѣщеніе русской Грунауской школы довольно скромное, но оно уже украшено портретомъ Государя Императора, подареннымъ школѣ г. инспекторомъ еврейскихъ колоній Н. Н. Демочани; самое помѣщеніе предложено школѣ колонистомъ Шюцомъ, сдѣлавшимъ это исключительно изъ желанія послужить общественному дѣлу; колонистъ Штахъ, непечитель школы, какъ оберъ-шумльцъ, оказывалъ и оказываетъ всевозможное содѣйствіе успѣху русской школы. Не только въ Грунау, но и во всѣхъ колоніяхъ безъ изъятія Александровскій уѣздный училищный совѣтъ можетъ разчитывать на г. инспектора нѣмецкихъ колоній, О. Г. Чернявскаго, какъ на ревностнаго союзника. Я позволяю себѣ говорить такъ на основаніи собственнаго опыта. Г. Чернявскій не только содѣйствовалъ мнѣ во всемъ, въ чемъ только могъ, но былъ даже столь добръ, что по просьбѣ моей произвелъ испытаніе въ русской Грунауской школѣ въ то время, когда учитель Нейманъ оставлялъ ее; къ величайшему удовольствію, г. Чернявскій остался очень доволенъ успѣхами учениковъ г. Неймана, принимая въ соображеніе, какъ мало времени они обучались. О. Г. Чернявскій сдѣлалъ мнѣ честь присутствовать и при экзаменѣ 25-го апрѣля и былъ пораженъ успѣхами новичковъ. Послѣ экзамена дѣти сѣли довольно стройно: „Боже, царя храни“ и „Коль славень нашъ Господь въ Сионѣ“. Судя по всему тому, что я видѣлъ и слышалъ, я смѣю думать, что я, какъ представитель училищнаго совѣта, разстался въ дружбѣ не только съ учениками русской школы въ Грунау, но и съ тѣми колонистами, которые сколько-нибудь заинтересованы въ преуспѣяніи ея. Я былъ бы счастливъ, если бы не ошибался въ этомъ, такъ какъ полагаю, что училищный совѣтъ въ томъ только случаѣ исполнитъ свое назначеніе, если сельскія общества, какой бы они ни были національности, не будутъ чуждаться члена совѣта, но будутъ ожидать отъ него пользы и потому будутъ желать его прибытія. Не только учитель, но и членъ совѣта, кажется мнѣ, долженъ искать не популярности, но привязанности и довѣрія въ томъ населеніи, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло. Отъ этихъ разсужденій до школы г. Неймана только одинъ шагъ, и потому переходимъ къ русской школѣ въ Рундевицѣ.

Русская школа въ Рундевицѣ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: къ

младшемъ 10 учениковъ, а въ старшемъ 5, и трудно вѣрится, чтобы оба отдѣленія были обучены однимъ и тѣмъ же учителемъ г. Нейманомъ; отъ него я всегда ожидаю хорошихъ результатовъ, такъ какъ онъ мнѣ извѣстенъ за весьма способнаго преподавателя. Въ младшемъ отдѣленіи чтеніе знакомаго идетъ удовлетворительно, но по незнакомой книгѣ дѣти едва-едва читаютъ; подъ диктовку они пишутъ далеко неудовлетворительно; все это происходитъ отъ того, что г. Нейману, вопреки нашимъ убѣжденіямъ, представилось, будто бы наша звуковая метода непримѣнима при обученіи нѣмецкихъ дѣтей; въ слѣдующей главѣ я коснусь подробнѣе этого вопроса. Неприятно поражаело меня и то, что весьма многія слова изъ прочитаннаго остались необъясненными, а упражненія „Роднаго Слова“ были заучены, но не усвоены младшимъ отдѣленіемъ. Совершенный контрастъ съ младшимъ отдѣленіемъ Рундewizской русской школы представляетъ старшее отдѣленіе ея: чтеніе по незнакомой книгѣ отлично, упражненія „Роднаго Слова“ идутъ весьма хорошо, и упражненія въ письмѣ исполнены всѣми удовлетворительно; изъ ариметики пройдены нумерація, сложеніе и вычитаніе, и самыя сбивчивыя задачи рѣшались учениками блистательно. Я считалъ своимъ долгомъ записать въ училищный журналъ, какъ признательность мою за *образцовое* преподаваніе ариметики, такъ и сожалѣніе мое о томъ, что звуковая метода осталась непримѣненною. По соображеніямъ, уже изложеннымъ выше, не считаю себя въ правѣ представить въ наградѣ учителя Неймана за то, что третья часть учениковъ его отлично успѣли; но я считаю справедливымъ просить совѣтъ о награжденіи слѣдующихъ учениковъ: 1) Маріи Вольфъ за чтеніе; 2) за ариметику Якова Ланга и Михаила Мейера; послѣ экзамена школа г. Неймана спѣла довольно стройно „Чумаки“ и въ заключеніе: „Боже, царя храни“.

Говоря о Рундewizской русской школѣ, я долженъ остановить вниманіе моихъ сочленовъ на явленіи, весьма любопытномъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, которое не должно оставаться неизвѣстнымъ совѣту, озабоченному распространеніемъ русской грамотности: въ колоніяхъ Рундewizе, Кальченковѣ, Большомъ Вердерѣ, Маломъ Вердерѣ и Бѣлыхъ Вѣжахъ все взрослое населеніе совершенно свободно говорить по малорусски, между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ колоніяхъ Нѣмцы ни одного слова по русски не говорятъ и даже не понимаютъ. Мнѣ разказывали объ этомъ; но не довѣряя слухамъ, я самъ посѣтилъ всѣ эти колоніи и лично убѣдился въ томъ, что не только взрослое населеніе, но и дѣти говорятъ и понимаютъ по малорусски. Вшодши

въ одну изъ нѣмецкихъ школъ этихъ пяти колоній, я начиналъ съ того, что вступалъ въ бесѣду съ дѣтьми на русскомъ языкѣ; кое-гдѣ дѣти, приготовленные на извѣстный ладъ учительскою палкою въ нѣмецкой школѣ, рѣшились отвѣчать мнѣ по малорусски, но въ большинствѣ случаевъ потупляли глаза, и т. п. Тогда я указывалъ на различные, окружающіе насъ, предметы, и большинство учениковъ нѣмецкой школы, никогда не обучавшіеся русскому языку, умѣли назвать ихъ по русски. Не довольствуясь тѣмъ, что это открытіе составило въ глазахъ моихъ интересный комментарий къ блестящимъ успѣхамъ старшаго класса Рундевисской русской школы, я старался изслѣдовать причины того, почему именно 5 колоній изъ 32 свободно говорятъ по малорусски и потому могутъ сообщаться съ населеніемъ страны, а остальные колоніи, благодаря незнанію языка, живутъ какъ въ заколдованномъ кругу колоніальныхъ посѣльцовъ? Сближеніе съ жителями этихъ пяти колоній научило меня слѣдующему: эти 5 колоній вышли изъ окрестностей Франкфурта на Майнѣ (всѣ колонисты и нѣкоторые изъ учителей говорили мнѣ о Франкфуртѣ въ Рейнѣ) въ самомъ началѣ царствованія Императрицы Екаторины, вѣроятно, вслѣдъ за извѣстнымъ манифестомъ ея объ иностранныхъ поселенцахъ отъ 22-го іюля 1763 года; ихъ поселили въ Черниговской губерніи, гдѣ имъ отвели поземельной надѣлъ въ 18 или 20 десятинъ на хозяина. Въ Черниговской губерніи прожили они, окруженные малорусскимъ населеніемъ, и состоя нѣкоторое время въ вѣдѣніи общихъ учреждений, до 1832 года, и за это время до того обрусѣли, что почти перестали понимать нѣмецкій языкъ; еще и въ настоящее время есть много такихъ колонистовъ въ Большомъ и Маломъ Вердерѣ, которые ни одного слова не понимаютъ по нѣмци, а свободно говорятъ по русски. До сихъ поръ женскій головной уборъ Бѣловѣжцевъ (Нѣмцы уродуютъ это слово, говоря «Belamescher»), какъ называютъ жителей этихъ 5 колоній, и прическа мужчинъ совершенно сходны съ русскими; даже платье ихъ отличается отъ нѣмецкаго, а въ избахъ ихъ вы встрѣтите русскую печь и въ печи этой увидите борщъ и кашу, которыхъ вы не найдете ни въ одной нѣмецкой колоніи и на вѣсъ золота; шинокъ пользуется, къ сожалѣнію, такою же популярностію между Бѣловѣжцами, какъ и между нашимъ населеніемъ. Такое сходство быта Бѣловѣжцевъ съ русскимъ бытомъ побуждало и побуждаетъ туземное населеніе охотно наниматься въ рабочіе къ этимъ Нѣмцамъ, между тѣмъ какъ прочіе оно избѣгаетъ; этому-то общенію съ русскими рабочими Бѣловѣжцы обязаны

тѣмъ, что *до сихъ поръ* не разучились говорить по русски. Я говорю „до сихъ поръ“, такъ какъ Бѣловѣжцы по просьбѣ ихъ переселены въ нашъ уѣздъ въ 1832 году на шестидесяти-десятиинный подворный на-дѣлъ, и нашъ уѣздъ былъ для нихъ *второю Германіей*. Первую зиму прожили Бѣловѣжцы въ избахъ нѣмецкихъ колоній, которыя существовали въ то время, и не могли объясниться съ тѣми Нѣмцами, которыхъ застали у насъ: наши Нѣмцы говорили между собою верхне-нѣмецкимъ нарѣчіемъ, а Бѣловѣжцы ниже-нѣмецкимъ, имѣющимъ весьма мало общаго съ первымъ; наши колонисты понимали нѣмецкій литературный языкъ и ни слова не понимали по русски, а Бѣловѣжцы совершенно разучились нѣмецкому языку и свободно говорили по малорусски. Съ тѣхъ поръ прошло 36 лѣтъ, и обрусѣлые Нѣмцы Черниговской губерніи, у которыхъ начинали входить въ обычай смѣшанные браки съ русскими людьми, огерманизировались въ Александровскомъ уѣздѣ и стали учиться здѣсь не русскому, но нѣмецкому языку, такъ какъ были поселены въ такомъ уголѣ, гдѣ никогда не слышалась русская рѣчь и гдѣ всякій знавшій Пруссію XVIII вѣка могъ чувствовать себя совершенно дома. Мы отнюдь не думаемъ, чтобы достоинство столь могущественнаго, по численности, племени, каково русское, требовало исчезновенія всѣхъ племенныхъ особенностей на русской почвѣ; мы напротивъ глубоко убѣждены въ томъ, что сила должна великодушно относиться къ слабымъ и что Россія могла бы гордиться тѣмъ, что всякое племя находитъ себѣ привольное житье подъ кровомъ ея. Но мы не менѣе того убѣждены, что на русскомъ государствѣ лежитъ священный долгъ содѣйствовать тому, чтобы русскіе подданные нѣмецкаго племени знали господствующій языкъ страны. Въ настоящее время училищный совѣтъ наследуетъ 5 колоній, жители которыхъ понимаютъ русскій языкъ и тѣмъ не менѣе никогда ему не учились; я увѣренъ, что именно на эти нѣмецкія колоніи совѣтъ обратитъ особенное вниманіе, такъ какъ здѣсь, что и доказываетъ старшій классъ въ Рундевицѣ, гораздо легче, чѣмъ въ остальныхъ 27 колоніяхъ, водворить русскую грамотность. Въ одной изъ этихъ 5 колоній уже существуетъ русская школа; другая (Вольшой Вердеръ) уже постановила открыть русскую школу и прискиваетъ учителя, о чемъ просила и меня; шульцъ третьей изъ этихъ колоній (Кальченковка) официально увѣдомилъ меня, послѣ переговоровъ со мною объ этомъ предметѣ, что въ настоящемъ году будетъ обучать русскому чтенію учитель нѣмецкой школы, а на будущій годъ колонія предполагаетъ открыть особую русскую школу.

Нѣмецкій учитель колоніи Кальченевки едва говоритъ по русски; но процессъ русскаго чтенія и письма ему извѣстенъ, и онъ-то будетъ обучать русской грамотѣ: небольшихъ можно ожидать отъ этого результатовъ. Впрочемъ, при извѣстныхъ условіяхъ, и такое обученіе можетъ принести нѣкоторую пользу, какъ *подготовка къ обученію русскому языку въ русской школѣ*: такъ, въ колоніяхъ Гейбуденъ, Мирау и Кальченевѣ видѣлъ я учениковъ, обученныхъ нѣмецкими учителями, и эти ученики на столько бѣгло читали и писали по русски, что учитель русской школы, еслибъ эти дѣти перешли къ нему, могъ бы быть лишь признателенъ гг. учителямъ Гибберту, Вольфу и Лангу за то, что они облегчили трудъ его. Если же этихъ дѣтей не будутъ обучать русскому языку, то-есть, *пониманію* русской рѣчи, то совершенно непроизводительно пропадутъ труды, какъ самихъ дѣтей, такъ и гг. преподавателей. Въ такомъ смыслѣ говорилъ я со всѣми шельцами, созданными окружнымъ привазомъ въ очередное собраніе 29-го апрѣля; я убѣждалъ ихъ въ томъ, что не только ребенка, но взрослога человѣка можно обучить *процессу* чтенія и письма *на какомъ угодно языкѣ* въ теченіе мѣсяца, но что не стоитъ на это тратить силъ и времени, такъ какъ процессъ чтенія, хотя бы по русски, не самъ себѣ цѣль, но только *средство* узнать русскій языкъ, понимать русскій народъ и русскій законъ, что такъ необходимо нѣмецкимъ колонистамъ; при этомъ указывалъ я и на то, что какъ первый шагъ, *если только не ограничиваться имъ*, не лишено значенія обученіе русскому чтенію и такимъ нѣмецкимъ учителямъ, который самъ едва знаетъ по русски. Говоря такимъ образомъ, я, конечно, не имѣлъ въ виду плодовъ отъ обученія подобныхъ тѣмъ, которые я видѣлъ въ Ней-Ямбургѣ. Тамъ учитель Кистнеръ встрѣтилъ меня словами, что онъ учениковъ обучалъ читать и писать по русски и успѣшилъ показать мнѣ тетради, въ которыхъ были написаны учениками русскія буквы и слова. Я сталъ экзаменовать въ чтеніи во книгѣ съ чрезвычайно крупнымъ шрифтомъ: оказалось, что никто изъ учениковъ не прочиталъ слова „чижъ“, и только немногіе ученики могли читать по моей книгѣ; я просилъ ихъ написать слово „плугъ“: 6 учениковъ и черточки не провели грифелемъ на доскѣ, а одинъ изъ нихъ хотѣлъ было написать это слово нѣмецкими буквами. Заподозривъ, что ученики не знаютъ буквъ нашей письменной азбуки, я открылъ имъ первыя страницы „Родного Слова“, наполненныя прописями; оказалось, что большинство тѣхъ учениковъ, русскія тетради которыхъ показывали, не знали буквъ, а писали они съ прописи,

то-есть, вѣрнѣе сказать, ихъ учили рисованію, а не письму; вотъ до чѣго можетъ доходить машинальность обученія! Значительныя особенности, что касается обученія русской грамотѣ, представляетъ нѣмецкая школа въ Кампенау, гдѣ преподавалъ ежедневно два часа помощникъ учителя г. Шмитъ, съ которымъ мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось видѣться. Особенности эти слѣдующія: обученіе русской грамотѣ происходило не въ видѣ изыятія, примѣненное только къ немногимъ ученикамъ и на квартирѣ учителя, но въ самой школѣ ежедневно по два часа, для 30 учащихся старшаго класса; другая особенность состоитъ въ томъ, что въ этой школѣ не ограничивались процессомъ чтенія, но заставляли дѣтей заучивать слова изъ книги для переводовъ. Предоставляя себѣ обсудить въ слѣдующей главѣ, на сколько рационаленъ такой пріемъ изученія чужаго языка, какъ самостоятельный методъ; я долженъ здѣсь указать на то, что русскіе ученики Кампенауской школы знаютъ довольно много русскихъ словъ; я увѣренъ, что такая колонія, которая, подобно Кампенау, сочла нужнымъ платить учителю, вмѣсто 80 руб. 275 руб., съ тѣмъ чтобъ онъ имѣлъ помощника для обученія русскому языку, скоро прійдетъ къ тому заключенію, что выгода ея требуетъ учрежденія специальной русской школы.

Что касается учебныхъ пособій, по которымъ обучаютъ по русски въ нѣмецкихъ школахъ, то я встрѣчалъ, кромѣ уже названныхъ мною двухъ книгъ для переводовъ, Новый Завѣтъ и краткій катихизисъ Лютера на русскомъ языкѣ. Мнѣ кажется, что не слѣдовало бы училищному совѣту снабжать русскими учебными пособиями тѣ изъ нѣмецкихъ школъ, въ которыхъ ограничиваются изученіемъ *процесса* русскаго чтенія, такъ какъ подобныхъ знаній возможно достигнуть при помощи любой книги, напечатанной русскими буквами; но я считалъ бы полезнымъ снабдить всѣхъ учителей нѣмецкихъ школъ руководствомъ къ обученію грамотѣ по звуковой методѣ; на него уже есть запросъ въ колоніяхъ, гдѣ мнѣ вручили 1 руб., прося о четырехъ экземплярахъ; на этомъ основаніи имѣю честь покорнѣе просить совѣтъ препроводить 25 экземпляровъ нашего руководства въ русскую школу Грунау, для продажи. Такимъ образомъ русской элементъ явился бы цивилизующимъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, такъ какъ въ очень многихъ изъ нихъ, какъ я скажу ниже, звуковая метода отвергается фанатиками изъ сельскихъ обществъ, какъ порожденіе антихриста. Я сознаю, что борьба съ такими убѣжденіями должна быть ведена въ высшей степени осторожно, но полагаю, что нѣтъ

лучшаго средства водворить новый приемъ обученія въ нѣмецкой школѣ, какъ доказать на дѣлѣ необычайный успѣхъ его при русскомъ обученіи тѣхъ же Нѣмцевъ; что касается примѣненія звуковаго обученія къ русской грамотности, то оно будетъ несомнѣнно дозволено учителямъ, такъ какъ въ мнѣніи колонистовъ русскій языкъ стоитъ особо отъ религиозныхъ вѣрованій, между тѣмъ какъ по ихъ же взгляду, обученіе нѣмецкой грамотѣ въ нѣмецкой, то-есть, церковной школѣ уже входитъ въ составъ религіи, и потому всякія нововведенія, по мнѣнію массы, крайне опасны.

Я позволяю себѣ думать, что послѣ всѣхъ фактовъ о распространеніи русской грамотности въ нѣмецкихъ колоніяхъ почтенные сочлены мои согласятся съ тѣмъ, что я уже высказалъ: законъ предоставилъ обществу возможность дѣйствовать, и оно не дремлетъ; законъ, создавъ училищные совѣты, отомкнулъ передъ обществомъ дверь школы, и отъ этого выигрываютъ не только отдѣльныя лица или общины, но все государство.

4. Нѣмецкія школы въ нѣмецкихъ колоніяхъ.

Въ прошлогоднемъ отчетѣ я говорилъ о нѣмецкихъ школахъ отдѣльно отъ русскихъ, потому, вопервыхъ, что видѣлъ слишкомъ мало колоніальныхъ школъ, для того чтобы позволить себѣ общіе выводы, сравнительно съ русскими школами, и вторыхъ, потому что невозможно было проводить параллели между давно укрѣпившеюся, хотя и весьма недостаточною, организаціей нѣмецкихъ школъ и русскими школами, нигдѣмъ не признанными и возникавшими, жившими и исчезавшими какъ бы случайно. Въ настоящее время съ открытіемъ училищнаго совѣта вопросъ измѣняется. 1) Мною испытаны ученики во всѣхъ нѣмецкихъ школахъ безъ изыатія; правда, я не имѣлъ никакой физической возможности спросить 1774 учащихся въ колоніяхъ; но для того чтобы не ошибаться, я спрашивалъ всегда учениковъ изъ всѣхъ классовъ и никогда не забывалъ просить учителя о томъ, чтобы онъ самъ указалъ лучшихъ отсюда слѣдуетъ, что какъ бы ни была безотраднa картина, которую я представляю совѣту о положеніи нѣмецкихъ школъ, колонисты должны будутъ сознаться въ томъ, что такъ какъ спрошены *есть* лучшіе ученики, то на кисти моей скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало яркихъ цвѣтовъ. 2) Русскія школы получили, благодаря совѣту, и въ особенности гг. попечителямъ, болѣе или менѣе правильную организацію; сравненіе ихъ съ нѣмецкими школами стало возможнымъ и стало

необходимымъ не для возбужденія какого-либо племеннаго соревнованія, но для оцѣнки двухъ, другъ другу противоположныхъ системъ обученія. Среди нашего общества еще не мало лицъ, которыя, помня свое собственное прошлое, на которомъ отразился нѣмецкій учительскій указательный перстъ, смотрятъ на преобразованія совѣта не вполне довѣрчиво, приговаривая: „подождемъ и посмотримъ, что изъ этого будетъ“. Теперь мы кое-чего уже дождались: посмотримъ. На основаніи принятой мною системы я буду говорить теперь о лучшихъ и худшихъ школахъ нѣмецкихъ колоній, оставляя общій обзоръ школы до слѣдующей главы.

Всякое понятіе относительно, а потому и слово „лучшій“ должно имѣть особое значеніе въ примѣненіи къ нѣмецкимъ школамъ. Обѣхавъ 32 нѣмецкія школы, я смѣло называю лучшими школы въ Кампенау (учитель Дрееръ) и Дармштадтѣ (учитель Яковъ Фидлеръ). Вотъ что я въ нихъ видѣлъ. Въ Кампенау, не смотря на то, что меня видѣли дѣти въ первый разъ и что пришлось производить испытаніе въ отсутствіи учителя, я видѣлъ дѣтей, которыя, *сравнительно съ дѣтьми въ прочіихъ колоніяхъ*, держали себя свободно. Въ старшемъ классѣ почти всѣ, читавшіе изъ незнакомой книги, рассказали читанное, но желательно было бы гораздо большей выразительности въ чтеніи; ученики старшаго класса посѣщаютъ школу лѣтъ по шести; изъ ариметики лучшіе ученики весьма удовлетворительно рѣшали практическія задачи, но слабы въ нумераціи, почему я на этотъ разъ никого изъ нихъ не позволилъ себѣ представить къ награждѣ. Ту невинную фразу о томъ, что дождь непріятенъ дорогою и полезенъ для поля, которую я имъ произнесъ, всѣ ученики изложили своими словами со смысломъ и обнаружили при этомъ нѣкоторое понятіе объ ороеграфіи. Въ остальныхъ двухъ классахъ ученики, по 3 года и болѣе посѣщающіе школу, не разказывали читаннаго, и вообще остальные два класса, кромѣ меньшей пугливости дѣтей, ничѣмъ не отличались отъ обыкновенной нѣмецкой колоніальной школы.

Въ Дармштадтѣ испытывалъ я учениковъ въ присутствіи вновь прибывшаго пастора Штрауса, за что я ему въ высшей степени признателенъ; къ величайшему удовольствію видѣли мы предъ собою дѣтей, дружески къ намъ относившихся, еще гораздо свободнѣе державшихъ себя, чѣмъ ученики въ Кампенау. Самъ г. пасторъ былъ пораженъ разницею обращенія дѣтей въ Людвигсталѣ, гдѣ онъ также присутствовалъ при экзаменѣ, и въ Дармштадтѣ; тѣ же нѣмецкія дѣти, о которыхъ колонисты увѣряютъ, будто бы они пугливы и застычивы отъ *природы*, держали

себя свободно; однимъ словомъ, колонія Дармштадтъ была единственною, гдѣ я видѣлъ дѣтей такихъ, какими я видѣлъ ихъ почти во всѣхъ русскихъ школахъ участка, безъ изъятія. Что касается успѣховъ учениковъ, то въ Дармштадтѣ ученики отстали отъ Кампенаускихъ въ бѣглости чтенія, но почти всѣ ученики старшаго класса и даже многіе изъ втораго класса разказали прочитанное въ незнакомой книгѣ. Изъ 18 учениковъ исполнили письменное упражненіе 13 удовлетворительно; въ ариметикѣ лучшіе ученики, по 6 лѣтъ посѣщающіе школу, успѣли меньше, чѣмъ въ чтеніи и письмѣ и никакъ не могутъ быть поставлены наравнѣ съ Кампенаускими; но лучшіе ученики рѣшали многія изъ тѣхъ задачъ на 4 дѣйствія, которыя я задавалъ.

Не было рѣчи ни въ Кампенау, ни въ Дармштадтѣ о необыкновенной застѣнчивости дѣтей, которая лишаетъ ихъ всякаго смысла на время экзамена; но много, слишкомъ много наслушався я такихъ доводовъ почти во всѣхъ остальныхъ колоніяхъ. Обязанный указать теперь на *худшія* изъ нѣмецкихъ школъ, я опять долженъ напомнить, что и это слово должно быть понимаемо относительно. Начну хоть съ колоніи Гетландъ, гдѣ я засталъ новаго учителя, преподававшаго 2 недѣли весною; онъ годъ тому назадъ вѣхалъ изъ Пруссіи, гдѣ былъ пивоваромъ, и теперь договорился съ обществомъ за 120 руб. сер., съ тѣмъ чтобъ имѣть помощника, для обученія русскому языку. Я засталъ 59 учащихся, изъ которыхъ ни одинъ не умѣлъ разказать читаннаго; изъ 16 дѣвицъ, которыя уже были приготовлены къ конфирмаціи, только 8 были въ состояніи подписать свое имя, послѣ 7 лѣтъ обученія; объ ариметикѣ лучшій ученикъ не имѣлъ никакого понятія. Въ колоніи Большой Вердеръ (учитель Радомскій) я нашелъ ученика, который за цѣлую зиму азбуки не выучилъ, и ученицу, которая за двѣ зимы не научилась читать *по складамъ* въ незнакомой книгѣ. Учитель и начальство возразили мнѣ, что по *своей* книгѣ она уже умѣетъ читать; передъ этой ученицей лежалъ молитвенникъ, я просилъ ее прочесть, и она стала читать бойко, *безъ складовъ*; тогда я закрылъ книгу, и ученица сказала мнѣ навзустъ первыя страницы книги.... На это возразилъ опять учитель: это у дѣвочки теперь молитвенникъ, который она должна знать навзустъ, а не книга для чтенія; когда я потребовалъ ея книгу для чтенія, тогда оказалось, что она начало книги знаетъ навзустъ и потому читаетъ бойко, а въ нечитанномъ до того затрудняется, что не можетъ читать. Въ колоніи Розенберъ никто не разказалъ читаннаго, никто въ школѣ не указалъ мѣста въ числѣ, гдѣ стоятъ десятки, и изъ пе-

савшихъ почти никто не могъ исполнить заданнаго мною письменнаго упражненія; два года учившіеся ученики не знали складовъ; учителемъ тамъ г. Эрнестъ. Наконецъ, въ кол. Нейгофъ, въ которой прошлую зиму обучалъ, за неимѣніемъ учителя, поселянинъ за 40 руб., ученики, *четыре* года обучавшіеся, съ большимъ затрудненіемъ читаютъ по складамъ въ первый разъ встрѣчающееся имъ слово и ни одинъ изъ лучшихъ учениковъ даже механически не читаетъ сносно. Изъ 24 дѣвухекъ умѣютъ писать 2; изъ 17 мальчиковъ могутъ писать 5, но изъ нихъ лучшіе два не были въ состояніи написать хотя бы съ ошибками слово „Strick“; лучшій ученикъ изъ ариметики не умѣлъ написать 108 и для того, чтобы рѣшить сколько живыхъ куръ, если изъ 15 зарѣзали 10, перемножилъ оба числа и совершенно спокойно отвѣчалъ, что было ихъ 150. Но не довольно ли примѣровъ того, до чего можетъ доводить машинальность обученія, возведеннаго въ высшую степень совершенства? Если есть сходство между Ново-Николаевскою школою (см. § 1 настоящей главы), существовавшей безмятежно неизвѣстною совѣту, и тѣми изъ худшихъ нѣмецкихъ школъ, съ которыми мы познакомили совѣтъ, то справедливость требуетъ сказать, что Ново-Николаевская школа изъ всѣхъ русскихъ и греческихъ *сельскихъ* школъ представляетъ явленіе, *единственное* въ своемъ родѣ; между тѣмъ мы могли бы привести еще множество фактовъ изъ міра нѣмецкихъ школъ, подобныхъ тѣмъ, на которыя мы указали, при описаніи четырехъ худшихъ школъ; на нѣкоторыя изъ нихъ укажемъ мы въ слѣдующей главѣ отчета, а теперь считаю долгомъ оставить вниманіе совѣта на нѣкоторыхъ особенностяхъ нѣмецкой школы, при неизвѣстности которыхъ совѣтъ могъ бы отнестись слишкомъ строго къ преподавателямъ нѣмецкихъ школъ.

Одѣнная успѣхи въ нѣмецкой школѣ, слѣдуетъ прежде всего принять во вниманіе, что, благодаря обязательности обученія, весьма часто одному учителю поручаютъ до 100 учениковъ, и что кромѣ учительской обязанности, преподаватель нѣмецкой школы несетъ обязанности писаря, при чемъ дѣла подъ часъ доходятъ до 500 номеровъ въ годъ. Въ самый разгаръ учебнаго времени, предъ окончаніемъ года, учитель-писарь, иногда болѣе двухъ недѣль, едва заглядываетъ въ школу, потому что онъ занятъ годовыми отчетами по сельскому правленію; ежедневно, когда наступаетъ вечеръ, часа два и болѣе приходится писать разныя „бумаги“; съ первымъ весеннимъ днемъ приходится браться за „плутъ“, въ самомъ букввальномъ смыслѣ слова, такъ какъ учитель, получая около 80 руб. сер. въ годъ, не можетъ вести и нищенскаго

существованія, если только онъ не хлѣбопашецъ. Наступаетъ воскресенье: учитель обязанъ читать проповѣдь въ лютеранскомъ домѣ и затѣмъ часа три заниматься съ дѣтьми катихизическими бесѣдами; по порученію пастора учитель хоронитъ умершихъ и креститъ дѣтей.... Спрашивается: можетъ ли учителю стать времени на то, чтобы посвятить себя учительскому дѣлу, и возможенъ ли надлежащій успѣхъ, если учитель нуждою, обстоятельствами, количествомъ учениковъ превращается въ машину или ремесленника, котораго кормитъ школа. Не пригодился учитель здѣсь, такъ его возьмутъ въ другой колоніи, потому что одного учителя ждутъ десятки вакантныхъ мѣстъ: школа должна быть, а учителей нѣтъ. Прибавляетъ учителю сосѣднее село 10 руб. сер. въ годъ, учитель бросаетъ своихъ учениковъ и переходитъ, по окончаніи годоваго срока контракта, потому что всякая копейка ему дорога. Попадется учитель, любящій дѣло, и тутъ сельское общество начинаетъ *учить* учителя, какъ *преподавать* и чему обучать; не угодила обществу учитель, онъ безъ хлѣба; его пригласила другая колонія, но тамъ онъ уже умнѣе, поетъ подъ дудку общества, которое требуетъ отъ него, чтобы дѣти сидѣли смирно, чинно, не смѣялись и всегда смотрѣли въ книгу: вотъ вся и наука! Я не хочу сказать этимъ, чтобы нѣмецкія колоніальныя школы не могли быть приведены въ лучшее состояніе; уже одно то, что мнѣ удалось отыскать двѣ школы изъ 32-хъ, которыя сравнительно съ остальными могутъ быть названы удовлетворительными, доказываетъ, что даже при настоящихъ условіяхъ возможно подвинуться впередъ. Я даже убѣжденъ и постараюсь убѣдить въ слѣдующей главѣ и совѣтъ, что и при настоящемъ личномъ составѣ учителей въ колоніяхъ и при настоящихъ скудныхъ окладахъ жалованья возможно улучшить школы, измѣнивъ методы обученія; но я считалъ необходимымъ привести всѣ тѣ обстоятельства, которыя до сихъ поръ способствовали къ грустному состоянію школы у такого народа, у котораго, по теоріи, развитіе мыслительныхъ способностей и просвѣщеніе входитъ въ число религіозныхъ догматовъ. Я не думаю, чтобы Александровскій уѣздный училищный совѣтъ могъ относиться равнодушно къ печальному состоянію вакаго-либо начальнаго народнаго училища; я полагаю даже, что совѣту необходимо породниться съ колоніальнымъ населеніемъ, для того чтобы путемъ убѣжденія вліять, для пользы самихъ колоній, на распространеніе русской грамотности; я убѣжденъ, что теплымъ участіемъ къ положенію нѣмецкой школы въ колоніи совѣтъ лучше всего вызоветъ довѣріе къ себѣ того меньшинства колонистовъ, которые ис-

кренно оплакивають крайнее паденіе своей школы, и при помощи этой прогрессивной партіи, которую я встрѣчалъ почти во всѣхъ колоніяхъ, оберегая нѣмецкое населеніе отъ *насильственной* руссификаціи, движеть русское дѣло въ колоніяхъ. До сихъ поръ я былъ такъ счастливъ, что вездѣ въ колоніяхъ встрѣчалъ только сочувствіе къ тому учрежденію, представителемъ котораго я являлся среди Нѣмцевъ, и несомнѣнно, что ничтожная побѣда, которая одержана нами въ колоніяхъ до сихъ поръ въ значительной степени объясняется этимъ сочувствіемъ и довѣріемъ колонистовъ къ совѣту и земству вообще.

5. Начальное обученіе женщинъ.

Здѣсь будетъ, кажется, у мѣста поставить вопросъ: нужно ли крестьянской дѣвочкѣ учиться? Ставлю я этотъ вопросъ не потому, чтобъ я могъ сомнѣваться въ утвердительномъ отвѣтѣ на него со стороны почтенныхъ сотоварищей моихъ, но для того, чтобъ отвѣчать на него, на основаніи фактовъ, устами сельскаго населенія. Взгляните на вѣдомость вѣреннаго мнѣ училищнаго участка, милостивые государи, и тамъ, исключивъ нѣмецкія школы, куда посылають дѣвушекъ не родители, а церковный законъ, вы увидите предъ собою 25 сельскихъ школъ, изъ которыхъ только въ девяти встрѣчаются ученицы и въ такомъ ничтожномъ числѣ, что на 886 мальчиковъ, обучающихся въ этихъ 25 школахъ, всего 45 дѣвочекъ (я исключаю пока изъ счета Покровское женское училище и всѣ учебныя заведенія Маріуполя, въ которомъ есть 3 женск. пансіона); всего, считая всѣ женскія учебныя заведенія, въ русскихъ школахъ и училищахъ Маріупольскаго округа, на 1017 мальчиковъ обучается 107 дѣвочекъ, то-есть, на 10 мальчиковъ одна дѣвочка! Вотъ какъ высказывается народъ тамъ, гдѣ законъ даетъ просторъ его рѣчи, гдѣ онъ высказывается свободно. Значить, ясно: учить женщинъ не слѣдуетъ, по мнѣнію тѣхъ самыхъ крестьянъ, которые по собственной охотѣ посылають сыновей своихъ въ школу. Въ нѣсколькихъ колоніяхъ, гдѣ богатство отчасти, на сколько это возможно, замѣнило школу, дѣлая людей торговыми и приводя ихъ такимъ образомъ въ соприкосновеніе съ болѣе просвѣщенными людьми, разсуждаетъ большинство населенія о начальномъ образованіи женщины почти такъ же, какъ и наши сельскія общества. Такъ, на сходѣ Грунаукаго колоніальнаго общества, когда я убѣждалъ колонистовъ въ необходимости открыть русское *женское* училище, почтенный старикъ возразилъ мнѣ, что такія вещи *для женщины* совершенно не нужны, и только тогда подалъ свой голосъ за мое предложеніе, когда

я объяснилъ ему, что въ русскомъ Грунаускомъ женскомъ училищѣ будутъ обучать *руководъльямъ*; „а это намъ нужно, другое дѣло“ — сказала старикъ. Во многихъ католическихъ нѣмецкихъ колоніяхъ случалось мнѣ встрѣчать во множествѣ пятнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ, которыхъ никогда не обучали письму; преподаватели и шульцы объясняли мнѣ такое ужасное явленіе тѣмъ, что родители этихъ несчастныхъ дѣтей находятъ, что женщинѣ не для чего учиться *писатьъ*; довольно съ нея, если она будетъ читать! Между тѣмъ, при обзорѣ тѣхъ же колоніальныхъ школъ и всѣхъ школъ участка вообще я замѣтилъ, что очень часто дѣвочки учатся лучше мальчиковъ. Такъ, напримѣръ, нигдѣ не удавалось мнѣ слышать такихъ чтецовъ между учащимися, какъ въ женской школѣ г-жи Медвѣдской; въ тѣхъ школахъ, гдѣ ариеметика идетъ хорошо, тамъ дѣвушки впереди мальчиковъ: такъ было въ колоніяхъ Кампенау и Дармштадтѣ; такъ было въ греческомъ селеніи Мангушѣ. Крестьяне не отрицаютъ того, что дѣвочки не только способны учиться, но, пожалуй, перегоняютъ мальчиковъ; но они, какъ я не разъ замѣчалъ это, отзываются о способностяхъ дѣвочки съ какою-то странною улыбкою, которая говоритъ: „бываютъ же такія диковины въ природѣ; и не нужно ей учиться, а какъ дается ей наука!“ Если бы мы стали говорить крестьянамъ, что не школа, а семья должна воспитывать человѣка; что въ семьѣ ближе всего къ дѣтямъ мать и что поэтому грамотная мать—кладъ для семьи, то намъ отвѣчали бы на это, что дѣло женщины смотрѣть за горшками; мы не разъ слышали такія рѣчи и знаемъ даже достоверно, что издѣваются надъ тѣми дѣвушками, которыя учатся грамотѣ. Поэтому наставленія, подобныя вышеприведеннымъ, намъ представляются не ведущими къ цѣли; единственнымъ *практическимъ* путемъ привлечь дѣвочекъ въ школу кажутся намъ тщательныя занятія въ женской школѣ руководълемъ, полезнымъ въ жизни. Изъ всѣхъ ремесленныхъ школъ, столь необходимыхъ народу, лучше всего осуществить школы руководъля, и потому, кажется мнѣ, на этотъ именно предметъ и слѣдуетъ обратить особенное вниманіе; такого рода содѣйствіе мнѣ уже обѣщано учительницею Грунауской женской русской школы К. М. Нейенданъ. Дѣло тутъ не въ томъ, по мнѣнію моему, чтобы вдругъ повыстроить множество женскихъ школъ, которыя не будутъ посѣщаться; лишь бы начать дѣло въ одномъ или двухъ пунктахъ, но начать его рационально. И до открытія совѣта числилось руководълье въ числѣ занятій женскихъ училищъ министерства государственныхъ имуществъ; но наставницы желали пустить пыль въ

глаза работою дѣтей, а не удовлетворить потребностямъ бѣдныхъ родителей ихъ. Если бы, вмѣсто англійскаго шитья, вышиванья по канвѣ и вязанья скатертей, въ сельской школѣ, на первый разъ, была большая кукла, на которой дѣти учились бы кроить и шить крестьянское бѣлье и платье, то дѣло бы выиграло; въ послѣдствіи, когда дѣвочки обучатся, школа могла бы принимать заказы, и если не зарабатывать барыши, то по крайней мѣрѣ выручкою за трудъ ученицъ оплачивать матеріалы, потребные для мастерской. Не смѣю заранее обнадеживать совѣтъ, но позволяю себѣ заявить, что есть основаніе ожидать такого веденія дѣла въ русской женской школѣ, въ колоніи Грунау. Для того чтобы поощрить занятіе руководѣлемъ въ женскихъ училищахъ, я считалъ бы полезнымъ, чтобы совѣтъ обратилъ на этотъ предметъ вниманіе всѣхъ наставницъ уѣзда и поручилъ своимъ членамъ имѣть за этимъ неослабное наблюденіе, съ тѣмъ чтобы учительницы, особенно успѣвшія въ обученіи дѣтей руководѣлью, имѣли право на награду отъ совѣта, независимо отъ учительской награды, которой онѣ могутъ удостоиться. Если дѣло поставится такимъ образомъ, то весьма легко можетъ случиться, что жены тѣхъ учителей, которые обучаютъ дѣвочекъ въ смѣшанныхъ школахъ, примутся обучать ихъ практическому руководѣлью; что касается средствъ на пріобрѣтеніе матеріаловъ для открытія мастерской, то не представляется надобности удѣлять на это деньги изъ скудныхъ суммъ совѣта, въ особенности въ виду затруднительности контроля; средства найдутся вездѣ, гдѣ есть попечители, такъ какъ попечителю всегда легко, чрезъ посредство помощника, собрать 10 рублей или 15 рублей сер., если бы такихъ денегъ не оказалось въ училищной кассѣ. Безъ содѣйствія гг. попечителей невозможно осуществить подобную мѣру, если только не считать результатомъ изданіе циркуляра; а потому необходимо, по моему мнѣнію, обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе гг. попечителей школъ, этихъ лучшихъ союзниковъ и совѣтниковъ нашихъ.

Не много можемъ мы сказать о женскихъ училищахъ, существующихъ во ввѣренномъ намъ училищномъ участѣ; начнемъ съ города Мариуполя, гдѣ ихъ всего больше. Въ женскомъ училищѣ А. Д. Померанцевой видѣлъ я младшее отдѣленіе изъ 6 ученицъ, которое пріятно поразило меня весьма удовлетворительнымъ письмомъ подъ диктовку; но тамъ же видѣлъ я дѣвочку, которая въ 2¹/₂ мѣсяца подвинулась въ школѣ на столько, что могла читать *по складамъ* только въ своей

книгѣ, а въ незнакомой книгѣ умѣла только называть буквы; такого случая не встрѣтилъ я въ женскомъ училищѣ г-жи Медвѣдской. Старшій классъ г-жи Померанцевой читаетъ бѣгло, но далеко не выразительно; въ училищѣ г-жи Медвѣдской встрѣтилъ я, въ числѣ ученицъ старшаго класса, трехъ, чтеніе которыхъ слѣдуетъ назвать образцовымъ по выразительности. Я имѣю честь покорнѣйше просить совѣтъ наградить за чтеніе воспитанницъ г-жи Медвѣдской Марію Амретти, Марію Попову и Вѣру Мегалову. Что касается ариметики въ обоихъ заведеніяхъ, то въ среднемъ отдѣленіи г-жи Медвѣдской пройденное усвоено дѣтьми плохо, но въ старшемъ довольно удовлетворительно; въ старшемъ отдѣленіи училища г-жи Померанцевой лучшія ученицы по ариметикѣ рѣшали практическія задачи при мнѣ крайне плохо. Наконецъ, въ обоихъ заведеніяхъ всѣ классы, кромѣ приготовительнаго у г-жи Медвѣдской, написали весьма хорошо басню „Пустынникъ и Медвѣдь“, которая имъ прежде не была извѣстна и которую я имъ разказалъ. Большинство ученицъ разказывали читанное: у г. Медвѣдской не разказали читаннаго изъ 14 ученицъ приготовительнаго класса 4; въ младшемъ отдѣленіи г-жи Померанцевой не разказали читаннаго въ незнакомой книгѣ 2 ученицы изъ 5 читавшихъ. Женское училище г-жи Кунаховой засталъ я въ самомъ началѣ дѣла: изъ 13 ученицъ могли читать только 5; четыре ученицы были на складахъ и 4 сидѣли недѣли двѣ за азбукой; читающія ученицы также еще очень слабы. Г-жа Кунахова просила выслать ей руководство къ ариметикѣ; вообще всѣ начальницы женскихъ учебныхъ заведеній Маріуполя заявляли мнѣ, что онѣ охотно усвоили бы себѣ методы совѣта, еслибъ онѣ были имъ сообщены. Поэтому предлагаю совѣту выслать въ каждое изъ означенныхъ заведеній по одному экземпляру всего изданнаго совѣтомъ, и если пожелаютъ заплатить начальницы заведеній, снабдить ихъ и книгами, разосланными совѣтомъ въ прочія школы. Священнику Тезежи просилъ бы я сообщить, что онъ можетъ получать безвозмездно потребное число учебныхъ книгъ для своей школы, если онъ удостоитъ совѣтъ въ томъ, что онъ, вмѣсто помощника, обучающаго до сихъ поръ, пригласитъ надежнаго преподавателя, способнаго примѣнить новыя методы обученія. Мнѣ кажется справедливымъ снабдить школу священника Тезежи безвозмездно книгами, такъ какъ онъ не взымаетъ платы за обученіе дѣтей въ его школѣ.

Русское женское училище въ Грунау мы видѣли нѣсколько дней по поступленіи дѣвочекъ въ школу, а потому должны отложить оцѣнку

его до слѣдующаго отчета; что же касается до женскаго училища въ Покровскомъ (учительница А. Я. Родъ), то мы можемъ просить нашихъ почтенныхъ сочленовъ заглянуть въ нашъ дневникъ для ближайшаго знакомства съ этимъ училищемъ, такъ какъ оно, состоя изъ 15 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ, ничѣмъ не отличается, ни въ хорошую ни въ дурную сторону, отъ общей массы русскихъ школъ, въ которыхъ, благодаря звуковой методѣ, нельзя встрѣтить ни одного ученика, который бы не научился читать и писать въ два мѣсяца со дня поступленія въ школу.

Я окончилъ описаніе лучшихъ и худшихъ школъ III-го училищнаго участка Александровскаго уѣзда и представилъ обзоръ женскихъ училищъ; но прежде чѣмъ перейду къ общему обзору всѣхъ школъ участка вообще, остановлю на минуту вниманіе совѣта на распространеніи русской грамотности между Евреями.

6. Распространеніе русской грамотности между еврейскими поселенцами.

Въ прошломъ году я долженъ былъ заявить совѣту о томъ, что въ еврейскихъ колоніяхъ не сдѣлано ни шагу для того, чтобы обучать дѣтей русскому языку. Въ настоящее время мнѣ пріятно доложить, что съ открытіемъ совѣта и тутъ дѣло тронулось съ мѣста, хотя, правда, еще очень мало сдѣлано. Еврейская колонія Назаровичъ первая подала добрый примѣръ, постановивъ приговоръ объ открытіи въ колоніи русскаго училища, что осуществится съ началомъ будущаго учебнаго года. Господину инспектору еврейскихъ колоній, Н. Н. Демочани, обязаны мы счастливою, мыслью какъ найти денежные средства для обезпеченія русскихъ школъ въ еврейскихъ колоніяхъ. Имъ сдѣлано представленіе въ попечительный комитетъ о томъ, чтобы тѣ 10 десятинъ земли на хозяина, которыми колонисты не пользовались и которыя отдавались съ торговъ, для пополненія, нынѣ прощеннаго, долга еврейскихъ поселенцевъ въ казну, дозволено было отдавать съ торговъ въ пользу русскихъ школъ въ еврейскихъ колоніяхъ; такимъ образомъ каждая школа обезпечивалась бы примѣрно суммою въ 400 руб. сер. въ годъ. Я полагаю, что при предстоящемъ преобразованіи колоніальнаго управленія еврейскіе поселенцы станутъ хозяевами означенной земли; а потому просилъ бы совѣтъ войти съ представленіемъ въ попечительный комитетъ о томъ, чтобы было объявлено, что тѣмъ изъ колоній, которыя ассигнуютъ 200 руб. сер. на школу, тотчасъ же будетъ возвращена въ

пользованіе вся земля, отдававшаяся до сихъ поръ съ торговь, чего Евреи очень желаютъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно. Установленіе новыхъ налоговъ въ пользу русскихъ швель въ еврейскихъ колоніяхъ представляется невозможнымъ, въ виду крайней бѣдности этого торговаго племени, закономъ прирѣченнаго къ землѣ.

Баронъ Н. Корфъ.

ОЧЕРКЪ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ БРИТАНСКОЙ ИНДІИ.

Въ то время, какъ возникаютъ у насъ заботы о первоначальномъ образованіи для инородцевъ, политика, которой держалась относительно этого вопроса Англія, является достойнымъ предметомъ для изученія съ нашей стороны. Конечно, не во всемъ можетъ она служить для насъ примѣромъ, ибо русскому правительству приходится дѣйствовать среди совершенно иныхъ условій. Возьмемъ хоть Остѣ-Индію, о которой мы намѣреваемся теперь побесѣдовать подробнѣе съ нашими читателями. Въ трехъ президентствахъ этой страны — Бенгальскомъ, Бомбейскомъ и Мадрасскомъ, — занимающихъ (за исключеніемъ вассальныхъ государствъ) до 40.000 квадр. миль, народонаселеніе простирается до 132 милліоновъ и состоитъ изъ множества племенъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго по происхожденію, языку, вѣрѣ, обычаямъ и умственному развитію; въ однихъ лишь сѣверныхъ областяхъ полуострова насчитываютъ до 80 различныхъ нарѣчій. Съ этою — то разнородною массою надлежитъ имѣть дѣло Англичанамъ, число коихъ, вмѣстѣ съ другими Европейцами, не превышаетъ тамъ въ настоящее время 100.000. Нечего и говорить, что имъ не могла придти нелѣпая мысль распространить между туземцами свой языкъ, привить къ нимъ спон учрежденія и вообще уподобить колонію метрополи. „Положеніе, занимаемое нашимъ правительствомъ, говорилъ одинъ изъ Остѣ-Индскихъ губернаторовъ, лордъ Дальгоузи, это — положеніе пришельцевъ на чуждой почвѣ и среди народа, съ которымъ не существуетъ непосредственной связи. Въ каждомъ округѣ разбитъ, такъ-сказать, лагерь гражданскихъ чиновниковъ, управляющихъ дѣлами этого округа, но до такой степени поглощенныхъ многочисленными своими обязанностями, что они не имѣютъ времени вступать въ близкія сношенія съ мѣстными жителями. Мы находимся посреди народа, но не связаны съ нимъ внутреннею связью. Мы управ-

часть скл, отд. 4.

ляемъ этимъ народомъ, ведемъ съ нимъ торговля дѣла, но онъ не понимаетъ нашего характера, а намъ остаются чужды его вѣрованія и обычаи“. Если Англичане начали заботиться, особенно въ нынѣшнемъ столѣтіи, о просвѣщеніи подвластныхъ имъ племенъ Британской Индіи и если значительные результаты достигнуты уже ими на этомъ пути, то они сами выразили весьма ясно, какая цѣль руководила ихъ дѣйствіями. Она изложена по пунктамъ въ одномъ изъ документовъ, вышедшихъ отъ высшаго училищнаго комитета, засѣдающаго въ Калькуттѣ: предотвратить нелѣпыя толки, распространяющіеся между туземцами и способные потревожить общее спокойствіе, какъ случилось это въ 1857 — 1858 годахъ, содѣйствовать санитарной реформѣ, возвысить матеріальное благосостояніе страны, оградить жителей отъ произвола должностныхъ лицъ изъ ихъ собственной среды — вотъ что мы читаемъ въ этой программѣ. Несомнѣнно, что въ другой странѣ, гдѣ инородцы составляютъ лишь меньшинство, къ исчисленнымъ здѣсь требованіямъ были бы присоединены другія, имѣющія высокую важность съ государственной точки зрѣнія. Но во всякомъ случаѣ опытъ Англичанъ долженъ быть въ высшей степени поучителенъ для насъ, если вспомнимъ, что они приступили къ выполненію своей задачи въ обширныхъ размѣрахъ, что значительная часть народонаселенія Британской Индіи исповѣдуетъ мусульманскую религію и что много уже путей испробовано было англійскимъ правительствомъ для распространенія европейской цивилизаціи между этими племенами.

Скажемъ прежде всего, что дѣло, о которомъ хотимъ мы говорить, представляется довольно новымъ. Компанія, въ рукахъ которой находилось въ прежнее время управленіе Остъ-Индію, не сдѣлала почти ровно ничего, чтобы просвѣтить народъ, закоснѣвшій въ грубомъ суевѣрїи и невѣжествѣ. Занятая исключительно своими торговыми оборотами, она не только сама пренебрегала этою обязанностью, но относилась даже крайне подозрительно къ частнымъ усиліямъ протестантскихъ и католическихъ миссіонеровъ. Изъ страха нарушить въ чемъ-нибудь предразсудки туземцевъ и вызвать волненіе съ ихъ стороны, многочисленныя преграды были поставлены ею дѣятельности библейскихъ обществъ и христіанскихъ проповѣдниковъ. „Съ теченіемъ времени, говоритъ одинъ писатель, компанія изъ осторожной сдѣлалась боязливою и настойчиво противилась распространенію между туземцами европейскаго образованія, европейскихъ наукъ, заведенію училищъ. Эти мнимыя безпристрастіе и вѣротерпимость обратились даже въ явное покровительство всякому суевѣрїю и грубому идоло-

поклонству. Довольно сказать, что въ дни религіозныхъ празднествъ, отряды англійскихъ солдатъ сопровождали процессіи браминовъ, воздавали военныя почести безобразнымъ индійскимъ идоламъ, палили изъ пушекъ въ честь индійскихъ боговъ, что въ заголовкѣ официальныхъ бумагъ помѣщались имена индійскихъ божествъ и воззванія въ нихъ". Подобная политика, недостойная христіанской и образованной націи, вызвала наконецъ негодованіе общественнаго мнѣнія Англій; но тѣмъ не менѣе она господствовала до 1813 года, когда парламентъ, возобновляя привилегію компаній, уничтожилъ въ новой хартіи всѣ тѣ запретительныя мѣры, которыя останавливали дѣло европейской цивилизаціи въ Индіи. Не смотря на то компанія все еще упорствовала въ своей системѣ, и первыя попытки воспитанія туземцевъ вышли не отъ нея, а были сдѣланы, какъ обыкновенно это бываетъ въ Англій, частными лицами. Въ 1816 году составилось въ Калькуттѣ общество, которое сложило значительную сумму и основало первое училище, въ родѣ коллегіума, для преподаванія воспитанникамъ изъ мѣстныхъ жителей англійскаго языка и другихъ наукъ. Попытка увѣнчалась успѣхомъ; мало по малу стали возникать другія школы въ весьма, впрочемъ, ограниченномъ количествѣ, и первый рѣшительный шагъ по этому пути сдѣланъ былъ не ранѣе какъ во время губернаторства знаменитаго Уильяма Бентинка. Пользуясь совѣтами Маколея, который въ 1834 году занялъ должность члена верховнаго совѣта въ Калькуттѣ, онъ увеличилъ бюджетъ народнаго образованія, произвелъ много благодѣтельныхъ реформъ въ системѣ училищъ и способствовалъ основанію новыхъ школъ. Нужно замѣтить, что относительно вопроса объ образованіи въ Остѣ-Индіи шелъ въ то время горячій споръ между англицистами и ориенталистами. Маколей сталъ рѣшительно на сторонѣ первыхъ: онъ высоко цѣнилъ распоряженіе компанейской хартіи 1833 года, которое открывало всѣмъ туземцамъ, безъ различія ихъ происхожденія и религіи, доступъ къ занятію гражданскихъ должностей; по его мнѣнію необходимо было учредить училища, въ которыхъ эти туземцы, въ виду именно означенной цѣли, могли бы получать надлежащее образованіе; онъ доказывалъ при этомъ, что британское правительство должно просвѣщать разноплеменные индійскія населенія исключительно по англійски и что обращать какое-нибудь вниманіе на древнее образованіе, санскритское и арабское, есть положительная ошибка и государственннй вредъ. Вотъ почему возникло въ Остѣ-Индіи много школъ, устроенныхъ по образцу англійскихъ коллегіумовъ; но школы эти были доступны только

богатымъ людямъ, а громадныя массы народонаселенія коснѣли по прежнему въ грубомъ невѣжествѣ и лишены были всѣхъ средствъ къ образованію. Система, о которой говоримъ мы, встрѣчала сильное противодѣйствіе со стороны такъ-называемыхъ ориенталистовъ: они были твердо убѣждены, что для просвѣщенія различныхъ племенъ Британской Индіи слѣдуетъ воспользоваться остатками древняго образованія въ этой странѣ и что европейскія науки должны быть преподаваемы имъ не иначе какъ на мѣстныхъ языкахъ. Когда имъ-возражали, что этотъ путь можетъ привести со временемъ къ отпаденію колоніи отъ метрополіи, то они не задумывались отвѣчать слѣдующимъ образомъ: „Великая промышленная и торговая нація, подобно нашей, не въ состояніи оставаться равнодушною къ тому, чтобы многочисленныя племена расширяли свой умственный горизонтъ, становились чувствительны къ матеріальнымъ удобствамъ жизни и приобрѣтали средства пользоваться этими удобствами. Для Англіи оказалось бы несравненно выгоднѣе, если бы индійское народонаселеніе пользовалось хорошимъ управленіемъ и было независимо отъ нея, чѣмъ если бы оно оставалось подъ ея властью и погрязало въ нищетѣ. Въ настоящее время оно такъ невѣжественно, что не способно оцѣнить достоинства мануфактурныхъ издѣлій Англіи и не имѣетъ возможности покупать ихъ: не лучше ли же, слѣдовательно, чтобы оно подпало снова подъ власть туземныхъ своихъ королей, но носило вмѣстѣ съ тѣмъ наше сукно и работало нашими желѣзными орудіями?“

Самымъ талантливымъ и дѣятельнымъ между противниками англическихъ въ то время нужно назвать, конечно, миссіонера г. Адама, издателя калькутской *Indian gazette*. Въ 1835 году предложилъ онъ лорду Бентинку заняться подробнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ вопросовъ, относящихся до народнаго образованія въ Британской Индіи: три года посвящены были имъ этому труду, и плодомъ его явился рапортъ въ 400 страницъ мелкой печати, который и по настоящее время остается драгоцѣннымъ и обильнымъ матеріаломъ для изученія (*Report on the state of education in Bengal*). Вниманіе г. Адама поражено было тѣмъ обстоятельствомъ, что въ странѣ существовало множество школъ (приблизительно до 100.000), хотя всѣ онѣ находились въ самомъ бѣдственномъ упадкѣ. Онѣ не имѣли ни книгъ, ни денежныхъ средствъ, а учителями являлись обыкновенно люди самыхъ низшихъ кастъ, болѣе походившіе на нищихъ, нежели на воспитателей; обращеніе съ учениками было самое жестокое — и въ донесеніи г. Адама приводится дѣльный перечень истязаній, которымъ подвергались

эти несчастные. Съ перваго взгляда невольно приходила, кажется, мысль, что отъ этихъ школъ нельзя ожидать ничего полезнаго, что слѣдуетъ отнестись къ нимъ съ полнымъ презрѣніемъ и завести дѣло на совершенно новыхъ основаніяхъ; но знаменитый миссіонеръ думалъ иначе. Онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что именно эти нищенскія, варварскія школы и должны послужить рассадниками для распространенія первоначальнаго образованія въ Британской Индіи, если бы только правительство рѣшилось измѣнить ихъ видъ и дать имъ иное направленіе. „Изучая внимательно вопросъ, говорить онъ, я убѣдился, что народъ въ здѣшнихъ провинціяхъ несравненно болѣе образованъ, чѣмъ думаютъ обыкновенно, и что въ средѣ его существуетъ множество училищъ для распространенія или сохраненія тѣхъ знаній, которыя пріобрѣлъ онъ съ отдаленнаго времени. Конечно, школы эти отличаются самою плачевною организаціей и лишены всякихъ задатковъ внутренняго развитія и улучшенія; но о нѣкоторой пользѣ, приносимой ими, свидѣтельствуетъ значительное количество людей, умѣющихъ читать и писать. Мнѣ не приходится въ голову утверждать, что существованіе этихъ школъ оставалось до сихъ поръ неизвѣстнымъ; но я думаю только, что правительство не обращало достаточнаго вниманія на ихъ численность, на ихъ средства и на возможность воспользоваться ими какъ орудіемъ для просвѣщенія народа. Мы можемъ улучшить, распространить, преобразовать ихъ, и во всякомъ случаѣ, по твердому моему убѣжденію, единственно онѣ въ состояніи служить прочнымъ и надежнымъ фундаментомъ для воздвигаемаго нами зданія. Несомнѣнно, что въ теченіе долгаго періода времени они пріурочились мало по малу къ правамъ, обычаямъ и вообще къ характеру народа и что всякія другія подобныя же учрежденія, задуманныя нами, едва ли бы замѣнили ихъ съ успѣхомъ. Всякіе планы для распространенія цивилизаціи въ такомъ громадномъ народонаселеніи окажутся дѣйствительными въ томъ лишь случаѣ, если будутъ опираться на существующія учрежденія страны, — учрежденія, завѣщанныя народу съ незапамятныхъ временъ и къ которымъ привыкъ онъ относиться съ инстинктивнымъ чувствомъ уваженія. Чтобы трудиться на пользу народа, мы должны трудиться вмѣстѣ съ нимъ, а чтобы трудиться успѣшно съ нимъ, мы обязаны внушить ему желаніе совершенно добровольно трудиться съ нами“.

Если бы правительство, разсуждаетъ далѣе г. Адамъ, отвергло вышеизложенную мысль, то посмотримъ, къ какому другому плану могло бы обратиться оно для достиженія своей цѣли? Многіе предлагаютъ

сдѣлать первоначальное образованіе обязательнымъ, настоять, чтобы по крайней мѣрѣ въ самыхъ многолюдныхъ селахъ заведены были школы по установленному образцу; но не значило ли бы это потребовать отъ народа именно того, чего онъ не въ состояніи выполнить по своему невѣжеству и бѣдности? Не значило ли бы это съ самаго начала возбудить въ немъ отвращеніе къ образованію, — отвращеніе неизбежное съ его стороны, ибо всякому извѣстно, какою подозрительностью отлѣчаются Индусы и мусульмане, населяющіе Британскую Индію? Если можно склонить ихъ къ намѣреніямъ правительства, то не иначе какъ подступая къ нимъ осторожными и почти незамѣтными шагами. Другіе предлагаютъ учредить во всѣхъ округахъ, на изживеніи и подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства, училища, въ которыхъ господствовали бы улучшенные способы обученія и которыя могли бы служить образцами для туземныхъ школъ. И этотъ планъ долженствовалъ, по мнѣнію г. Адама, встрѣтить на пути своемъ непреодолимые препятствія. „Главнѣйшее изъ нихъ, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что правительство сдѣлало бы непримиримыми своими врагами туземныхъ учителей, то-есть, именно тотъ классъ, на содѣйствіе коего оно должно разчитывать, чтобы методъ, употребляемый имъ въ своихъ школахъ, встрѣтилъ подражаніе. Во всякой мѣстности, гдѣ возникла бы подобная школа, нѣсколько изъ прежнихъ наставниковъ лишились бы доходныхъ для нихъ занятій; другіе прониклись бы опасеніемъ, что и ихъ постигнетъ такая же участь, и весь этотъ людъ употребилъ бы все свое вліяніе на мѣстныхъ жителей, чтобы распространить между ними недовѣріе къ правительству“. Кроме того г. Адамъ находилъ, что планъ, о которомъ идетъ рѣчь, потребовалъ бы громадныхъ издержекъ: если бы образцовыхъ школъ оказалось мало, то онѣ не принесли бы никакой пользы для народонаселенія, считающагося десятками милліоновъ, а если бы правительство захотѣло учредить ихъ въ обширныхъ размѣрахъ, то у него не хватило бы ни денежныхъ средствъ, ни вполне годныхъ для этого дѣла воспитателей. Словомъ, разсматривая вопросъ со всѣхъ сторонъ, авторъ проекта убѣждался все болѣе, что только посредствомъ туземныхъ школъ можно съ успѣхомъ утвердить первоначальное образованіе въ народѣ. Нечего и говорить, что, по мысли его, обученіе должно было происходить исключительно на мѣстныхъ нарѣчійхъ: г. Адамъ былъ ревностнымъ противникомъ господствовавшей до тѣхъ поръ системы, которая, избравъ языкомъ школы англійскій языкъ, распространяла просвѣщеніе лишь въ высшихъ, богатыхъ слояхъ об-

щества, откуда, какъ достаточно обнаружилъ опытъ, оно отнюдь не проникало въ массы.

Посмотримъ же, въ чемъ состоялъ планъ, придуманный имъ самимъ. Г. Адамъ предлагалъ испробовать достоинства его одновременно въ нѣсколькихъ округахъ (districts). Съ этою цѣлью въ каждомъ изъ этихъ округовъ долженствовали быть прежде всего учреждены особыя коммисіи, на обязанность коихъ возлагалось собирать подробныя и точныя свѣдѣнія о мѣстныхъ школахъ, о способностяхъ, прилежаніи и матеріальныхъ средствахъ учителей, о томъ, сколько находится у нихъ учениковъ и какого рода познанія пріобрѣтаются этими учениками. Какъ только всѣ упомянутыя данныя были бы приведены въ извѣстность, коммисіямъ надлежало приступить къ выполненію своей задачи слѣдующимъ образомъ: имъ надлежало, разумѣется, на иждивеніе правительства, позаботиться о напечатаніи учебниковъ (school books) на тѣхъ нарѣчіяхъ, которыя употребляются во вѣреннхъ имъ округахъ. То былъ, конечно, предметъ значительной важности, и г. Адамъ посвятилъ ему особенное вниманіе. Учебники предназначались не для дѣтей только, но главнымъ образомъ для учителей, которые изъ нихъ должны были почерпнуть свѣдѣнія, что и какимъ образомъ надлежало имъ преподавать своимъ воспитанникамъ. Г. Адамъ предлагалъ поэтому совмѣстить въ одной книгѣ самое разнообразное содержаніе: сюда должны были входить свѣдѣнія объ ариметикѣ, исторіи, географіи, а также всенепремѣнно болѣе или менѣе подробныя разсужденія о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка и объ отношеніяхъ воспитателя къ его воспитанникамъ. Подобныя учебники не могли быть переводомъ съ популярныхъ книжекъ, существующихъ въ Англіи для первоначальныхъ школъ; ихъ слѣдовало составить на мѣстѣ, и поручить эту задачу людямъ, хорошо знакомымъ съ вѣрованіями, предрасудками, понятіями тѣхъ туземцевъ каждаго округа, для которыхъ они назначались. Если бы встрѣтилось въ нихъ что-нибудь, могущее оскорбить религіозныя ученія этихъ туземцевъ, то дѣло было бы компрометировано съ самаго начала; но тщательнo избѣгая этого, все-таки можно было бы, съ извѣстною ловкостью, вмѣщать въ означенныя книги нравственныя разсужденія и правила, не идущія рѣзко и грубо наперекоръ установившимся воззрѣніямъ, и которыя, запечатлѣваясь въ молодыхъ умахъ, способствовали бы къ смяченію нравовъ и понятій. Возставать открыто противъ идоловъ и божествъ значило бы вызвать опасное раздраженіе въ народѣ, но можно было говорить о милосердіи и любви

къ ближнимъ, о нравственномъ достоинствѣ челоуѣка, объ обязанностяхъ его относительно общества и т. п. „Учебники на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, изданныя подъ надзоромъ правительства, — читаемъ мы въ донесеніи г. Адама,—могли бы до нѣкоторой степени внушать религиозное образованіе, не касаясь прямо никакой религіи и не затрагивая религиозныхъ предразсудковъ. Самымъ лучшимъ для того средствомъ было бы, чтобы *духъ* истинной вѣры, съ его филантропическими правилами и возвышенными чувствами, проникалъ содержаніе книги даже тамъ, гдѣ рѣчь не шла бы прямо о религіи“. Всѣ учебники должны были быть раздѣлены на четыре серіи: въ послѣдней изъ нихъ находились бы свѣдѣнія о Британскомъ правительствѣ въ Индіи и о заслугахъ, оказанныхъ имъ странѣ въ теченіе всего предшествовавшаго времени, предпослѣдняя же серія была бы главнымъ образомъ посвящена развитію экономическихъ понятій народа, имѣвшему цѣлью пріучить его къ трудолюбію, бережливости и матеріальнымъ удобствамъ жизни.

По изготовленіи книгъ, члены комиссіи въ каждомъ округѣ управляются по главнѣйшимъ, то-есть, самымъ многолюдныхъ селамъ. Они созываютъ къ себѣ всѣхъ школьныхъ учителей, находящихся тамъ и по близости, „и объясняютъ имъ подробно, что, по порученію правительства, привезли съ собою нѣсколько книгъ и готовы раздать по одному ихъ экземпляру каждому учителю, а также и другимъ лицамъ, намѣревающимся принять на себя учительскую должность, съ тѣмъ лишь непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ эти лица обязались явиться въ заранѣе назначенное мѣсто по истеченіи шестимѣсячнаго срока“. Дѣло не ограничивается, впрочемъ, раздачею учебниковъ, но при этомъ дѣлается также поясненіе тѣхъ мѣстъ, которыя показались бы присутствовавшимъ непонятными или неясными. Черезъ шесть мѣсяцевъ школьные учителя являются въ сборное мѣсто, и здѣсь дѣлается имъ экзамень, въ какой степени усвоили они и сохранили въ памяти прочитанное ими. Но, спросятъ, быть-можетъ, какія побужденія могли бы заставить ихъ возложить на себя подобный трудъ? Побужденіемъ служили бы денежныя преміи, которыми правительство обязано было награждать тѣхъ, кто удовлетворилъ бы надлежащимъ образомъ его требованіямъ. Незначительная сумма отъ трехъ до шести рупій въ годъ являлась въ высшей степени обольстительною приманкой въ глазахъ почти каждаго изъ туземныхъ наставниковъ. Но на ряду съ матеріальною прибылью необходимо было затронуть также и тщеславіе. „Имена учителей, окончившихъ

успѣшно экзаменъ, говорить г. Адамъ, могли бы быть обнародованы, по распоряженію высшаго училищнаго комитета, въ официальной газетѣ, а мѣстные чиновники провозглашали бы эти имена въ праздничные дни во всемъ округѣ". Замѣтимъ при этомъ, что авторъ проекта считалъ необходимымъ раздавать не всѣ учебники разомъ, а сначала тѣ, которые принадлежали къ первой серіи, потомъ ко второй и т. д., чтобы соблюсти въ дѣлѣ надлежащую постепенность. „Я предполагаю теперь, говорить онъ, что по минованіи полугода экзаменаторъ явился бы снова въ установленное мѣсто, за мѣсяць извѣстивъ формально учителей, получившихъ книги, о своемъ прибытіи. Лѣнь, недовѣріе, болѣзнь, смерть помѣшали бы, быть-можетъ, многимъ изъ нихъ отвѣчать на этотъ зовъ. Тѣ, которые откликнутся на него, окажутся приготовленными только-что порядочно, а значительная ихъ часть даже плохо. Но во всякомъ случаѣ, если планъ не будетъ покинута, если правительство рѣшится настойчиво приводить его въ исполненіе, я ни минуты не сомнѣваюсь, что онъ увѣнчается полнымъ успѣхомъ. Подобные съѣзды принесутъ обильную пользу самимъ экзаменаторамъ, обогащая ихъ множествомъ практическихъ наблюдений: то убѣдятся они, что учебники слишкомъ многосложны или не совсемъ доступны для пониманія; то сочтутъ необходимымъ расширить срокъ, назначенный для приготовленія по этимъ учебникамъ; то увидятъ необходимость возвысить или сократить награды и т. п.". Но если даже достаточное количество учителей оказались бы совершенно способными для предназначенной имъ роли, то все-таки этимъ была бы разрѣшена лишь маловажная часть задачи: нельзя ограничиться тѣмъ, что сами наставники приобрѣли надлежащія свѣдѣнія; необходимо, чтобы они умѣли примѣнить эти свѣдѣнія къ дѣлу, чтобы они измѣнили прежніе невѣжественные способы преподаванія, чтобы преобразилось совершенно внутреннее устройство школы. Но какъ достигнуть этой важной цѣли? Г. Адамъ предлагалъ для этого слѣдующія средства: во-первыхъ, какъ мы уже замѣтили выше, въ книгахъ долженствовали находиться подробныя и толковыя наставленія учителямъ; во-вторыхъ, на періодическихъ съѣздахъ, о которыхъ говорено было сейчасъ, можно было бы объяснить практическими примѣрами, какъ слѣдуетъ имъ вести свое дѣло; въ-третьихъ, въ каждомъ изъ округовъ не представлялось бы большого труда завести по одной нормальной школѣ, поставивъ въ обязанность учителямъ посѣтить ее непременно хотя на нѣсколько дней, чтобы ознакомиться съ рациональнымъ методомъ преподаванія; конечно, къ этому

посѣщенію должны были бы быть привлечены только тѣ изъ нихъ, которые предварительно съ успѣхомъ сдали свой экзаменъ, при чемъ правительство оплачивало бы издержки на ихъ проѣздъ, которыя во всякомъ случаѣ не были бы значительны. Мы не упоминаемъ здѣсь подробно о другихъ средствахъ, которыми авторъ проекта думалъ возбудить соревнованіе школьныхъ наставниковъ, ибо средства эти носятъ чисто мѣстный характеръ: такъ, на примѣръ, была у него мысль надѣлять упомянутыхъ лицъ мелкими участками земли, которые въ иныхъ селахъ казна имѣла въ своемъ распоряженіи, или употребить для подобной же цѣли вліаніе правительства на богатыхъ землевладѣльцевъ.

Наконецъ — и это самое главное — учреждается строгая ревизія надъ всѣми школами. Члены комиссіи осматриваютъ ихъ ежегодно, дѣлаютъ экзамены и за каждаго воспитанника, совершенно удовлетворительно окончившаго ученіе, выдаютъ воспитателю незначительное вознагражденіе (по одной мелкой монетѣ — *anna*). Конечно, все это потребовало бы расходовъ со стороны правительства, но расходы вовсе не столь громадныхъ, какъ если бы само оно вознамѣрилось учреждать школы. Не эти расходы утрушали г. Адама, а выборъ лицъ, которымъ долженствовалъ быть порученъ надзоръ за всѣмъ ходомъ дѣла. „Опасности, угрожающія изложенному плану, говорилъ онъ, могутъ возникнуть главнымъ образомъ отъ недостатка бдительнаго, зоркаго и вполне надежнаго контроля надъ самими экзаменаторами. Чтобы сколько-нибудь отвратить эти опасности, я предложилъ бы назначить главнаго инспектора для всѣхъ округовъ каждой области. Обязанности его будутъ состоять въ томъ, чтобы слѣдить за общимъ примѣненіемъ системы, поддерживать рвеніе экзаменаторовъ, служить имъ своими совѣтами и сообщать высшему училищному комитету ихъ донесенія съ своими собственными замѣтками“.

Таковъ былъ, въ главнѣйшихъ чертахъ, проектъ г. Адама. Мы изложили его подробно, потому что мысли, высказанныя въ немъ, нашли значительное примѣненіе въ послѣдствіи. Но въ 1835 году, когда былъ онъ представленъ генералъ-губернатору Остъ-Индіи, ему далеко не посчастливилось. Послѣ долгихъ преній училищный комитетъ въ Калькуттѣ постановилъ по его поводу слѣдующее рѣшеніе: „Члены комитета находятъ, что планъ, предложенный г. Адамомъ, оказался бы почти неосуществимымъ (*almost impracticable*) и что во всякомъ случаѣ онъ потребовалъ бы несравненно болѣе значительныхъ издержекъ, чѣмъ думаетъ авторъ. Означенные члены все болѣе убѣж-

даются въ справедливости уже прежде высказаннаго ими мнѣнія, что заботы британскаго правительства должны быть преимущественно сосредоточены на главныхъ городахъ, на высшихъ и среднихъ классахъ туземнаго общества, въ надеждѣ, что чрезъ посредство этихъ классовъ просвѣщеніе быстро проникнетъ въ низшіе слои". Г. Адамъ, огорченный неудачею, совершенно отстранился съ этихъ поръ отъ дѣла, которому посвящалъ себя въ теченіе всего предшествовавшаго своего пребыванія въ Остъ-Индіи.

Но мысль его, повторяемъ, не пропала даромъ. Если центральное правительство не хотѣло поставить ее въ основу общей системы народнаго образованія для страны, то въ началѣ сороковыхъ годовъ она встрѣтила ревностнаго приверженца въ лицѣ г. Томасона, губернатора сѣверо-западныхъ провинцій (Дельи, Мирата, Рогильканда, Агры, Аллагабада и Бенареса), въ которыхъ считается болѣе 33 милліоновъ народонаселенія. Тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность, онъ издалъ циркуляръ, въ которомъ было высказано прямо, что для распространенія образованія въ народѣ слѣдуетъ прибѣгнуть къ туземнымъ школамъ и къ преподаванію наукъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Низшія англійскія училища были уничтожены, и господство англійскаго языка ограничено только коллегіумами. Г. Томасонъ горячо взялся за дѣло и началъ приводить его въ исполненіе совершенно согласно той программѣ, которая была начертана г. Адамомъ. Весьма удовлетворительный успѣхъ сопровождалъ его попытку. Когда онъ умеръ въ 1853 году, то генераль-губернаторъ, лордъ Дальгоузи, счелъ долгомъ воздать пышную похвалу заслугамъ, оказаннымъ имъ въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе поборники новой системы отнюдь не могли быть довольны общимъ ходомъ дѣла: такъ-называемое vernacular education, то-есть, обученіе на туземныхъ, мѣстныхъ нарѣчіяхъ, существовало только въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ; повсюду же, въ другихъ областяхъ, правительство заботилось лишь объ учрежденіи и поддержаніи высшихъ и среднихъ училищъ, гдѣ почти всѣ науки преподавались на англійскомъ языкѣ и куда поступали дѣти только зажиточныхъ родителей, между тѣмъ какъ масса народа по прежнему погрязала въ грубомъ невѣжествѣ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда совѣтъ директоро́въ Остъ-Индской компаніи издалъ, въ 1854 году, знаменитый свой циркуляръ по вопросу о народномъ образованіи. Имъ впервые создавалась строго обдуманная во всѣхъ своихъ подробностяхъ система, надъ исполненіемъ которой и понынѣ трудится британское правительство.

Во введеніи къ упомянутому циркуляру изложены общія воззрѣнія, съ которыми компанія приступала къ своей задачѣ. „Объявляемъ прежде всего, говорилось тамъ, что цѣлью образованія, которое намъ бревается мы утвердить въ Индіи, должно быть распространеніе усовершенствованныхъ знаній, искусствъ, философіи и литературы Европы, — словомъ европейской науки. Научныя и философскія системы, служація предметомъ изученія на Востоке, исполнены грубыхъ заблужденій, и вообще восточная литература обнаруживаетъ полнѣйшее невѣдѣніе новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній; азиатская ученость, слѣдовательно, хотя и получившая значительное развитіе, не могла бы соотвѣтствовать нашимъ видамъ. Мы не хотимъ посягать на средства, которыя существуютъ нынѣ, въ специальныхъ учрежденіяхъ, для изученія литературъ санскритской, арабской и персидской или для разработки этихъ языковъ, долженствующихъ считаться классическими языками Индіи. Знакомство съ произведеніями, писанными на нихъ, драгоценно въ области исторіи и древностей, и кромѣ того изученіе упомянутыхъ языковъ важно еще потому, что даетъ ключъ къ разумѣнію законодательствъ индусскаго и магометанскаго и облегчаетъ намъ пониманіе нынѣшнихъ мѣстныхъ нарѣчій Индіи.... Съ великимъ удовольствіемъ убѣдились мы, что англійская литература и европейская наука съ большимъ успѣхомъ усваиваются въ послѣдніе годы нѣкоторыми индійскими уроженцами; по счастливые эти результаты проявляются лишь въ означенной сферѣ, а мы именно желаемъ какъ можно болѣе распространить средства для пріобрѣтенія европейскихъ знаній; если и понизится уровень требованій, господствовавшихъ до сихъ поръ на этотъ счетъ, то пусть, съ другой стороны, не меньшинству только, но массѣ народа становятся доступны свѣдѣнія, которыя могутъ принести ему практическую пользу въ различныхъ обстоятельствахъ его жизни. Обсуждая средства, ведущія къ достиженію этой цѣли, мы остановились прежде всего на вопросѣ о томъ, какой языкъ долженъ быть избранъ орудіемъ для распространенія образованія въ Остъ-Индіи. До сихъ поръ вслѣдствіе того, что не существовало почти вовсе переводовъ европейскихъ сочиненій на мѣстныя индійскія нарѣчія, туземцы, желавшіе ознакомиться съ литературою и наукою Европы, начинали съ изученія англійскаго языка. И теперь языкъ этотъ безусловно необходимъ тѣмъ изъ нихъ, которые намъ бреваются пріобрѣсти высшее образованіе. Но мы убѣждаемся, вмѣстѣ съ тѣмъ, что направленіе, столь долго господствовавшее въ этомъ смыслѣ, повлекло за собою весьма невыгодное пренебреженіе къ ту-

земнымъ нарѣчіямъ страны. Намъ кажется, что науки должны быть преподаваемы на англійскомъ языкѣ тѣмъ лишь лицамъ, которыя уже достаточно овладѣли имъ и намѣреваются достигнуть высшаго уровня знаній; что же касается до массы народа, которая не понимает по англійски и оставалась доселѣ въ полномъ невѣжествѣ, то средствомъ для просвѣщенія ея слѣдуетъ избрать мѣстныя нарѣчія. Выполнить этотъ планъ можно не иначе, какъ при содѣйствіи преподавателей, которые, сами изучивъ англійскій языкъ и получивъ такимъ образомъ возможность приобрѣтать непосредственно необходимыя для нихъ знанія, постановили бы себѣ задачей распространять эти знанія въ народѣ на родномъ языкѣ каждаго племени. Въ то же самое время туземныя литературы Индіи обогатились бы мало по малу переводами на нихъ европейскихъ книгъ или же оригинальными сочиненіями различныхъ лицъ, предварительно ознакомившихся съ европейскою наукою, и такимъ образомъ эта наука проникла бы во всѣ слои общества. Изъ вышесказаннаго ясно, что по твердому нашему убѣжденію, и англійскій языкъ и мѣстныя нарѣчія Индіи должны одинаково служить орудіемъ для образованія туземцевъ, смотря по тому, о какомъ образованіи идѣтъ рѣчь“.

Изложивъ въ приведенныхъ нами словахъ общій взглядъ свой на предметъ, совѣтъ директоровъ приступаетъ къ подробностямъ задуманнаго имъ плана. По замѣчанію, сдѣланному имъ самимъ, онъ вовсе не имѣлъ въ виду начертать однообразную систему, которая была бы примѣнена, безъ малѣйшихъ измѣненій, ко всѣмъ областямъ страны, столь различнымъ между собою по характеру жителей и мѣстнымъ условіямъ; опытъ обнаружилъ бы, конечно, что многія предписанія, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ въ одномъ мѣстѣ, оказались бы мало примѣнимыми въ другомъ. Но въ общихъ своихъ чертахъ программа, о которой хотимъ мы говорить, должна была служить непремѣннымъ руководствомъ для правленія компаніи въ Остъ-Индіи.

Согласно этой программѣ всѣ учебныя заведенія, отъ высшихъ до низшихъ, должны были находиться въ связи между собою. Уже за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ училищный совѣтъ предлагалъ учредить университетъ въ Калькуттѣ. Мысль эта была тогда отвергнута. „Но теперь, говорится въ циркулярѣ, быстрое распространеніе европейскихъ знаній въ зажиточныхъ слояхъ туземнаго населенія, блестящее состояніе многихъ коллегіумовъ, преимущественно медицинскыхъ, и потребности постоянно возрастающаго числа Европейцевъ убѣждаютъ насъ, что наступила минута озаботиться устройствомъ въ

Индіи университетовъ, которые сообщали бы молодымъ людямъ высшее образованіе и раздавали бы имъ ученныя степени, могущія служить мѣрилою ихъ успѣховъ въ различныхъ отрасляхъ научныхъ знаній. Члены совѣта выражали мысль, что университетъ Лондонскій долженъ служить образцомъ для подобныхъ заведеній; вполнѣ соглашаемся съ ними, что устройство, управление и цѣли, преслѣдуемыя означеннымъ учрежденіемъ могли бы быть примѣнены съ особенною пользою въ потребностямъ остъ-индскаго общества, хотя, разумѣется, съ нѣкоторыми болѣе или менѣе важными видоизмѣненіями*. Университеты будутъ наполняться молодыми людьми, оканчивающими курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; этихъ послѣднихъ существовало въ странѣ весьма достаточное число, благодаря особенной поддержкѣ, которую оказывало имъ правительство, а также пожертвованіямъ частныхъ лицъ и миссіонерскихъ обществъ; совѣтъ директоровъ питалъ даже надежду, что на будущее время они не потребуютъ пособій съ его стороны, ибо „высшіе классы, обнаруживаютъ наклонность и желаніе содержать ихъ на собственный свой счетъ въ виду несомнѣнной пользы, приносимой ими“. Затѣмъ являлся вопросъ о школахъ для первоначальнаго обученія: эти школы должны находиться непременно въ каждомъ округѣ; г. Адамъ былъ нѣкогда убѣжденъ, что можно, съ этою цѣлью, извлечь огромныя выгоды изъ училищъ, основанныхъ съ давнихъ временъ самими туземцами, и конечно, если бы оказались между ними такія, которыя соответствовали бы намѣреніямъ правительства, то благоразуміе требовало бы непременно поддержать ихъ; опытъ, сдѣланный губернаторомъ г. Томасономъ, показалъ, что это отнюдь не несбыточный планъ; если же подобныхъ школъ не нашлось бы въ достаточномъ количествѣ, то слѣдовало бы завести ихъ вновь. Упомянутыя школы должны были раздѣляться на два разряда: однѣ — въ которыхъ преподаваніе происходило бы исключительно на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, другія — гдѣ было бы оно смѣшаннымъ (Anglo-vernacular schools). Но повсюду отъ наставниковъ надлежало, *по возможности*, требовать знанія англійскаго языка, ибо иначе они принесли бы весьма малую пользу дѣтямъ. Тѣ изъ воспитанниковъ, которые съ успѣхомъ обучались въ школахъ, гдѣ господствуютъ мѣстныя нарѣчія, могли бы переходить въ смѣшанныя (anglo-vernacular) школы, курсъ которыхъ отличался бы большимъ развитіемъ, а отсюда была бы открыта имъ дорога въ среднія учебныя заведенія, въ свою очередь находящіяся въ непосредственной связи съ университетами. Правительство сочло бы даже долгомъ назначить сти-

пендіи для способныхъ и прилежныхъ воспитанниковъ. При обсужденіи подобнаго плана вниманіе останавливалось главнымъ образомъ на издержкахъ для него: „Когда мы принимаемъ въ расчетъ громадность народонаселенія Британской Индіи, говорится въ циркулярѣ, и суммы, которыя уже расходуются нынѣ на народное образованіе, то естественно является мысль, что заботы наши распространить это образованіе въ массѣ народа никогда не увѣнчались бы успѣхомъ, если бы пришлось осуществлять ихъ на издвигеніе правительства. Но есть, кажется, полная возможность устранить это препятствіе. Съ удовольствіемъ замѣчаемъ мы, что въ огромномъ большинствѣ туземнаго народонаселенія, не только по соседству съ главными центрами европейской цивилизаціи, но и въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ, обнаруживается стремленіе освободиться отъ невѣжества, такъ долго тяготѣвшаго надъ странюю. Во всѣ времена ученые Индусы и магометане посвящали себя, почти безвозмездно, обученію своихъ соотечественниковъ, а богатые люди между ними свидѣтельствовали о своемъ сочувствіи этому дѣлу щедрыми дарами, слѣды коихъ сохранились и донинѣ... Принимая въ соображеніе все это, мы убѣждаемся, что самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для выполненія нашей задачи было бы воспользоваться вліяніемъ правительства, чтобы вызывать благотворительность и пожертвованія богатыхъ и просвѣщенныхъ туземцевъ Британской Индіи, а также другихъ лицъ, соревнующихъ общему благу“. По словамъ циркуляра, во всѣхъ округахъ могли бы возникнуть ассоціаціи, имѣющія цѣлью учрежденіе школъ для первоначальнаго обученія. Что касается правительства, то на обязанности его лежало бы явиться на помощь этимъ училищамъ посредствомъ денежныхъ пособій (grants in aid), которыя въ Англіи принесли столь несомнѣнную пользу дѣлу народнаго образованія. „Система означенныхъ пособій, говорить совѣтъ директоровъ, должна быть основана на совершенномъ невмѣшательствѣ въ религіозныя вѣрованія тѣхъ или другихъ туземцевъ. Денежныя пособия будутъ выдаваемы всѣмъ школамъ, въ которыхъ дѣти получаютъ хорошее свѣтское образованіе (a good secular education) подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобъ упомянутыя школы были подчинены надежному мѣстному надзору (подъ „мѣстнымъ надзоромъ“ подразумѣвается здѣсь надзоръ нѣсколькихъ лицъ — добровольныхъ жертвователей, складчиковъ или представителей благотворительныхъ учрежденій, которые обязались бы принять на себя отвѣтственность за каждое училище), и чтобъ школы эти согласились также подвергнуться постоянной ре-

визіи со стороны правительства. „Пособія (grants in aid) — читаемъ мы далѣе въ циркулярѣ — будутъ выдаваемы тѣмъ лишь школамъ, обученіе въ коихъ не даровое, а за плату, ибо опытъ доказалъ, что только тамъ, гдѣ установлена подобная плата, хотя бы даже и въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, дѣти оказываютъ серіозные успѣхи. Ежегодно — и даже по нѣскольку разъ въ годъ — дѣлается подробное обозрѣніе этихъ школъ, но инспекторы не должны при этомъ обращать никакого вниманія на религіозное преподаваніе въ нихъ, какъ на дѣло совершенно постороннее правительству.

„Когда въ Англіи сдѣланы были систематическія попытки, говорить циркуляръ, чтобы двинуть впередъ образованіе народа, то главнѣйшее препятствіе къ тому оказалось въ недостаткѣ хорошо подготовленныхъ учителей и въ устарѣлыхъ методахъ преподаванія. Несомнѣнно, что недостатки эти обнаружатся еще сильнѣе въ Индіи; вотъ почему желаемъ мы, чтобы безъ всякаго отлагательства учреждены были въ каждомъ изъ президентствъ нормальныя школы; быть можетъ, даже окажется удобнымъ приспособить для того нѣкоторыя изъ школъ, уже существующихъ въ настоящее время. Во всякомъ случаѣ считаемъ полезнымъ указать здѣсь на планъ, принятый съ упомянутою цѣлью въ Англіи и который, какъ кажется намъ, могъ бы безъ большихъ затрудненій быть выполненъ и въ Британской Индіи. Состоить онъ въ томъ, что въ школахъ для первоначальнаго обученія находятся стипендіаты, за особыя занятія съ которыми, внѣ классныхъ уроковъ, наставники получаютъ возвышенную плату; стипендіаты эти постунаютъ въ послѣдствіи, если окажутся достойными того, въ нормальныя школы, и окончивъ здѣсь курсъ, пріобрѣтаютъ право на достаточное обезпеченіе если въ свою очередь сдѣлаются преподавателями.... Конечно, все это потребуетъ не мало времени, а между тѣмъ желательно было бы, чтобы даровитѣйшіе наставники существующихъ нынѣ туземныхъ школъ привлечены были къ посѣщенію школъ нормальныхъ: надлежитъ сдѣлать это главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы не возбуждать непріязни этого класса людей, пользующихся значительнымъ вліяніемъ на народъ; вообще не слѣдуетъ безъ особенной нужды лишать ихъ занимаемыхъ ими нынѣ мѣстъ“. Что касается книгъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ для употребленія учителей и учениковъ, то циркуляръ совершенно соглашался съ мыслью, выраженной нѣкогда г. Адамомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Не переводить цѣликомъ европейскихъ сочиненій на различные языки Индіи, а стараться совмѣстить европейскую науку и формы, въ которыхъ

туземное народонаселеніе привыкло выражать свои мысли и чувства, такимъ образомъ, чтобы сдѣлать книгу полезною и пріятною“.

Затѣмъ послѣднее распоряженіе, находившееся въ циркулярѣ, касалось устройства бдительнаго правительственнаго надзора надъ всѣми учебными заведеніями, какъ высшими, такъ и низшими. Съ этою цѣлью при генераль-губернаторахъ Бенгаліи, Мадраса, Бомбея, Пенджаба и сѣверо-западныхъ провинцій должно было находиться по одному чиновнику, носящему званіе директора народнаго просвѣщенія, а каждый изъ этихъ чиновниковъ имѣлъ бы подъ своимъ начальствомъ достаточное число инспекторовъ и ихъ помощниковъ: обязанность ихъ состояла бы въ томъ, чтобы постоянно ревизовать школы, производить въ нихъ экзамены и вообще неусыпно наблюдать за ихъ развитіемъ. Издержки на содержаніе этой администраціи исчислены были приблизительно въ 538.896 рупій (около 320.000 руб.) въ годъ. „Таковы воззрѣнія наши, — говорилось въ заключеніи разбираемаго нами документа, — на дѣло народнаго просвѣщенія въ Британской Индіи. Мы замѣтили въ самомъ началѣ, что цѣль наша клонится къ тому, чтобы распространить европейскую цивилизацію во всѣхъ классахъ общества; мы указали, что она можетъ быть достигнута при пособіи англійскаго языка для высшихъ учебныхъ заведеній и съ помощью мѣстныхъ нарѣчій для массы народонаселенія; мы представили также очеркъ системы дѣятельнаго и строгаго надзора, которая, если бы только удалось выполнить ее, должна породить благотворные результаты. Надѣмся твердо, что денежныя пособія, выдаваемыя правительствомъ, вызовутъ частную инициативу и многочисленныя частныя пожертвованія. Отнынѣ высшіе классы общества въ Индіи должны привыкать къ мысли, что имъ слѣдуетъ полагаться, для образованія своихъ дѣтей, на собственныя свои средства; правительство же обязано сосредоточить особенное свое вниманіе на среднихъ классахъ и низшемъ народонаселеніи, учреждая съ этою цѣлью вполнѣ пригодныя школы, а также оказывая поддержку туземнымъ школамъ, которыя уже существуютъ и существовали почти въ каждой деревнѣ съ незапамятныхъ временъ, хотя въ теперешнемъ своемъ видѣ ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ, вѣроятно, разумнымъ требованіямъ.... Обязанность наша, какъ правительства, состоитъ лишь въ томъ, чтобы давать надлежащее направленіе усиліямъ самого общества и являться имъ на помощь всякій разъ, какъ оказывается въ томъ нужда: болѣе этого ничего нельзя требовать отъ насъ“....

Изъ изложенія циркуляра совѣта директоровъ компаніи можно видѣть часть схлп, отд. 4.

дѣтъ — повторимъ еще разъ, — что въ немъ содержались лишь общія основы многосложнаго плана, о развитіи и примѣненіи котораго на практикѣ должно было заботиться мѣстное правительство. Къ сожалѣнію, время для этого было выбрано крайне неудобное. Лѣтомъ 1857 года пришло въ Европу извѣстіе о возстаніи сипаевъ. Индія представила страшное и единственное въ своемъ родѣ зрѣлище: на пространствѣ трехъ сотъ миль исчезли, какъ бы смятенные ураганомъ, всѣ слѣды англійскаго владычества, всѣ власти, всѣ административныя учрежденія. Рушился мгновенно порядокъ вещей, созданный цѣлымъ столѣтіемъ, почва внутреннихъ областей страны ушла изъ-подъ ногъ правительства, и оно было вынуждено сосредоточиться въ прибрежныхъ пунктахъ. Когда успокоилось это грозное смятеніе, возникли, разумѣется, жаркія пренія о томъ, какими причинами было вызвано оно. При этомъ случаѣ многіе утверждали, между прочимъ, что одна изъ главныхъ причинъ заключалась въ крайнемъ невѣжествѣ народа, который именно вслѣдствіе этого склонялъ свой слухъ къ самымъ нелѣпымъ толкамъ и не въ состояніи былъ оцѣнить все, что было предпринято и совершено для его благоденствія британскими властями; другіе съ не меньшею настойчивостью старались увѣрить, что недовольствіе народа было вызвано попытками правительства просвѣтить его на европейскій ладъ и распространить въ Индію чуждую ей цивилизацію. Хотя послѣднее изъ приведенныхъ мнѣній встрѣчало упорныхъ защитниковъ въ Англии, оно не имѣло почти ни малѣйшаго оправданія себѣ въ фактахъ: дѣло въ томъ, что попытка, о которыхъ идетъ рѣчь, являлись именно лишь попытками, не имѣвшими еще времени выразиться, со всѣми своими послѣдствіями, на дѣлѣ и раздражить народъ. Правительство думало именно такимъ образомъ, ибо тотчасъ послѣ того какъ парламентъ отмѣнилъ привилегію компаніи (2-го августа 1858 года), оно рѣшилось идти неуклонно по пути, уже начертанному въ прежнее время.

Намѣреніе это выразилось весьма ясно и опредѣленно въ замѣчательной депешѣ государственнаго секретаря по остъ-индскому управленію, лорда Стенли, отъ 18-го апрѣля 1859 года. Въ документѣ этомъ говорится, что мѣры для народнаго просвѣщенія въ Британской Индіи, задуманныя до возстанія, должны быть выполнены во всей точности. Отчасти уже было приступлено къ этому, а именно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возникли нормальныя школы — и съ значительнымъ успѣхомъ; затѣмъ обращено было вниманіе на училища для первоначальнаго обученія, принадлежавшія самимъ туземцамъ. „Училища

эти раздѣлены на небольшіе округа; особый преподаватель, получающій содержаніе отъ правительства, приставленъ къ каждому изъ этихъ округовъ и постоянно посѣщаетъ находящіяся въ немъ школы (число ихъ ни въ какомъ случаѣ не превышаетъ десяти) съ цѣлью поучать школьныхъ наставниковъ ихъ обязанностямъ, а также заниматься съ наиболѣе успѣвающими и развитыми воспитанниками“. Кромѣ того въ различныхъ селахъ учреждены были вновь училища на средства, пожертвованныя мѣстными жителями; но тутъ-то, хотя новая система и введена была весьма недавно, успѣли уже обнаружиться поразительныя ея неудобства. Дѣло въ томъ, что англійское правительство, какъ мы могли уже убѣдиться выше, далеко не раздѣляло мысли, выраженной нѣкогда г. Адамомъ, что народное образованіе въ Индіи можетъ быть двинуто впередъ исключительно съ помощью старыхъ школъ, основанныхъ туземцами на собственныя ихъ средства; оно считало положительно необходимымъ учреждать новыя училища; оно возлагало при этомъ большія надежды на частную инициативу и думало, что инициатива эта встрѣтитъ сильное поощреніе въ системѣ болѣе или менѣе щедрыхъ денежныхъ пособій (grants in aid). Случилось, однако, иначе. Со всѣхъ сторонъ приходили къ нему донесенія, что мѣстное общество отзывается крайне туго на призывы къ нему о благотворительности и пожертвованіяхъ. Да и кто же могъ бы жертвовать? Высшіе, зажиточные классы общества? Но люди, принадлежавшіе къ этимъ классамъ, не даромъ, въ теченіе долгаго времени, посылали дѣтей своихъ въ коллегіумы, гдѣ имъ преподавалась европейская наука. И теперь выражали они ревностное намѣреніе поддерживать училища, но только высшія и среднія, въ которыхъ языкомъ преподаванія служилъ англійскій языкъ. Къ народнымъ же школамъ относились они вполне равнодушно, а отъ самого народа нельзя было, конечно, и ожидать, чтобъ онъ учреждалъ ихъ на собственныя средства. Онъ былъ слишкомъ бѣденъ для этого, и, по невѣжеству своему, не въ состояніи былъ сознать потребностей разумнаго обученія. Вотъ почему всѣ инспекторы находили роль свою крайне тягостною и даже унижительною: имъ приходилось убѣждать, упрашивать землевладѣльцевъ, чтобы тѣ содѣйствовали учрежденію школъ; по большей части получали они отказъ, а если даже и удавалось имъ вынудить согласіе, то это, опять таки не вело ровно ни къ чему, ибо въ установленный срокъ никто не помышлялъ о взносѣ денегъ. „Въ виду столь прискорбнаго факта, писалъ г. Праггъ, одинъ изъ инспекторовъ въ южной Бенгаліи, нельзя не убѣдиться, что система по-

собій (grants in aid) совершенно не примѣнима къ этой странѣ, гдѣ низшее народонаселеніе не нуждается въ хорошихъ школахъ и не хочетъ принять на себя добровольно никакихъ издержекъ для нихъ“.

Что же было предпринять при такомъ положеніи дѣлъ? Многие выражали мысль о необходимости установить, для потребностей народнаго просвѣщенія, дополнительный налогъ, взываемый со всего народонаселенія. Лордъ Стенли видимо склонялся въ пользу этого плана. Не рѣшаясь прямо одобрить его, онъ требовалъ, чтобы сообщены были ему по этому поводу мнѣнія мѣстныхъ властей, и не былъ также противъ того, чтобы упомянутый планъ былъ испробованъ предварительно въ нѣкоторыхъ областяхъ. Но въ 1864 году преемникъ лорда Стенли по управленію Британскою Индіею, сэръ-Чарльсъ Вудъ, высказался уже открыто, какъ видимъ изъ обнародованнаго имъ циркуляра, въ пользу установленія налога. Позднѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ провинціяхъ упомянутая мѣра была приведена въ исполненіе въ Бенгаліи, — и вотъ мотивы, которые по словамъ официальнаго документа (28-го апрѣля 1868 года), побудили къ тому правительство. „Никакая провинція Британской Индіи не можетъ выдержать сравненія съ Бенгаліей относительно успѣховъ высшаго образованія, доступнаго лишь богатымъ классамъ общества, а между тѣмъ генералъ-губернаторъ давно уже съ сожалѣніемъ замѣчалъ, что земледѣльческіе классы, составляющіе огромное большинство, лишены всякихъ средствъ для первоначальнаго обученія. И дѣйствительно, поразительный контрастъ представляется нашимъ взорамъ: въ Бенгаліи, народонаселеніе коей превышаетъ 40 милліоновъ, число учениковъ, посѣщавшихъ, въ 1866—67 годахъ, низшія школы, было не болѣе 39.104; въ сѣверо-западныхъ же провинціяхъ, имѣющихъ 33 милліона жителей, учениковъ считалось 125.394; въ Пенджабѣ, при 15 милліонахъ народонаселенія, 62.355, а въ центральныхъ провинціяхъ, гдѣ только 8.500.000 жителей, ихъ было 22.600. Генералъ-губернаторъ сознаетъ что было бы неблагоприятно уклоняться долѣе отъ возложенной на правительство обязанности — доставить народу возможность пріобрѣсти хотя первоначальное образованіе; правительство не только выполнитъ этимъ долгъ свой предъ страной, но извлечетъ огромную пользу для самого себя, ибо источникъ всѣхъ его затрудненій, а также опасностей, могущихъ угрожать ему, заключается главнымъ образомъ въ грубомъ невѣжествѣ народа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы оно приняло исключительно на себя издержки по упомянутому предмету: въ настоящее время оно уже расходуетъ

для различныхъ школъ провинціи — высшихъ, среднихъ и низшихъ — болѣе 150.000 фун. стерл. въ годъ, и очевидно, что увеличеніе этой суммы повлекло бы за собою значительное разстройство въ финансахъ. Остается, слѣдовательно, учредить особый, дополнительный налогъ для потребностей народнаго образованія. Мѣра эта была уже рекомендована въ циркулярахъ главнаго управленія отъ 1859 и 1864 годовъ; мы видѣли осуществленіе ея въ Бомбеѣ, сѣверо-западныхъ провинціяхъ, Аудѣ, въ центральныхъ провинціяхъ и Пенджабѣ, — и нѣтъ никакой причины замедлять примѣненіемъ означенной мѣры къ Бенгаліи, ибо генераль-губернаторъ убѣжденъ, что ни въ одной изъ остальныхъ провинцій землевладѣльцы не могутъ быть, съ большею справедливостью, подвергнуты налогу, о которомъ идетъ рѣчь. Мы не приводимъ здѣсь подробностей о размѣрахъ и способѣ взиманія налога, ибо разнообразныя начала, на которыхъ основанъ онъ, имѣютъ значеніе только для Британской Индіи.

Уже замѣчено было нами, что въ знаменитомъ циркулярѣ 1854 года выражено твердое намѣреніе правительства нисколько не касаться религіознаго преподаванія въ училищахъ. Конечно, говорилось тамъ, Библія и Евангеліе могутъ находиться въ бібліотекахъ коллегіумовъ и первоначальныхъ школъ; если бы нѣкоторые воспитанники пожелали совершенно добровольно, безъ всякаго посторонняго внушенія, ознакомиться съ этими священными книгами, никто не долженъ препятствовать имъ въ томъ; если бы потребовали они объясненій прочитаннаго ими, не слѣдуетъ отвѣчать имъ отказомъ, но требуется только, чтобы объясненія эти происходили внѣ классныхъ занятій; словомъ, религіозная пропаганда въ христіанскомъ духѣ должна была быть тщательно устранена изъ училищъ, и инспекторамъ поставлялось въ обязанность отнюдь не затрогивать, во время ревизіи, вопроса о преподаваніи закона той или другой вѣры (*that no notice shall be taken of it by the inspectors in their periodical visits*). Ту же самую мысль развивалъ еще съ большею подробностью лордъ Стенли въ депешѣ своей къ Остъ-Индскому вице-королю отъ 18-го апрѣля 1859 года: „Вамъ извѣстно, говорилъ онъ, что въ циркулярѣ 1854 года выставленъ былъ, совершенно опредѣленно и ясно, принципъ полнѣйшей терпимости въ дѣлахъ вѣры. Если на основаніи принятой системы выдаваемы были денежныя пособія училищамъ, учрежденнымъ миссіонерскими обществами, то не было также отказа въ этихъ пособіяхъ и школамъ, возникшимъ на средства самихъ туземцевъ; можно даже утверждать безъ малѣйшаго преувеличенія, что

казна расходовала для этихъ послѣднихъ несравненно болѣе значительныя суммы. Точно такимъ же образомъ намѣреваемся мы дѣйствовать и на будущее время. Съ самаго ранняго періода, когда британское правительство обратило вниманіе свое на народное образованіе, оно постановило себѣ задачею держаться строгаго безпристрастія во всемъ, что касается религіи, — другими, словами не вмѣшиваться въ вѣрованія и обряды мѣстныхъ жителей и не только въ частныхъ школахъ, но даже въ школахъ, имъ самимъ учрежденныхъ для туземцевъ, не вводитъ преподаванія закона Божія. Вслѣдствіе того изученіе Священнаго Писанія исключено было изъ учебнаго курса, но Библія находилась въ училищныхъ библіотекахъ, и воспитанники, если они сами пожелали бы того, могутъ знакомиться съ нею и требовать объясненій у своихъ наставниковъ, но не иначе какъ внѣ классныхъ занятій. Распоряженіе это возбуждаетъ неудовольствіе многихъ лицъ, посвятившихъ себя дѣлу народнаго образованія въ Индіи; миссіонерскія общества особенно негодуютъ на него и не перестаютъ требовать, чтобы преподаваніе закона Божія было дозволено, по крайней мѣрѣ, въ школахъ, учрежденныхъ самимъ правительствомъ. Но съ другой стороны, значительное число лицъ, не менѣе ревностно интересующихся успѣхами народнаго образованія и вполне сочувствующихъ дѣятельности миссіонерскихъ обществъ, высказались, въ парламентскомъ комитетѣ 1853 года, противъ всякаго измѣненія политики, которой слѣдовало доселѣ правительству. Аргументы этихъ лицъ основывались преимущественно на томъ, что введеніе преподаванія закона Божія въ казенныхъ школахъ возбудило бы сильную подозрительность и волненіе въ народныхъ массахъ даже въ томъ случаѣ, если бы посѣщеніе этихъ уроковъ признано было необязательнымъ, а зависѣло отъ доброй воли самихъ воспитанниковъ; къ тому же было бы весьма неблаговидно (*it would not be honest*) вынуждать у этихъ воспитанниковъ согласіе ихъ учиться закону Божію, а родители, конечно, отказали бы имъ въ своемъ дозволеніи; сверхъ того, учителя въ огромномъ большинствѣ казенныхъ школъ состоятъ изъ туземцевъ: можно ли же требовать отъ язычниковъ, чтобы они взяли на себя трудъ проповѣдывать и излагать истины Священнаго Писанія? Все это убѣждаетъ меня, что обученіе закону Божію, если бы даже не дѣлать его обязательнымъ, явилось бы во всякомъ случаѣ мѣрою весьма рискованною (*of considerable hazard*) и едва-ли могущемою принести пользу; при настоящихъ же обстоятельствахъ (не забудемъ, что депеша лорда Стенли была обнародована вскорѣ послѣ усмиренія

возстанія) она рѣшительно неисполнима. Ея величество, принимая въ свои руки управленіе Остъ-Индіею, возвѣстила въ своемъ манифестѣ, что правительство не намѣрено вмѣшиваться въ религіозныя вѣрованія народа, его обряды и обычаи. Хотя у насъ (то-есть, въ Англіи) многіе готовы думать, что существуетъ лишь незначительное различіе между преподаваніемъ закона Божія въ классахъ и возможностью, предоставленною ученикамъ, требовать истолкованія Библии внѣ классныхъ занятій, нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякая перемѣна въ этомъ порядкѣ вещей показала бы весьма важною и существенною въ глазахъ туземцевъ Индіи. Она ослабила бы ихъ вѣру въ заявленіе, которое сдѣлало правительство ея величества о твердомъ намѣреніи своемъ руководиться принципомъ безусловной вѣротерпимости. Обильный приливъ въ казенныя школы дѣтей всѣхъ классовъ общества даже въ то время, когда необычайное броженіе господствовало въ умахъ туземцевъ, служить убѣдительнымъ доказательствомъ, что они нисколько не сомнѣвались въ обѣщаніи нашемъ воздержаться отъ религіозной пропаганды, и правительство ея величества нисколько не желаетъ, измѣнивъ систему и подавъ поводъ къ ложнымъ толкамъ, ослабить это повсемѣстное къ нему довѣріе. Вотъ почему не соглашается оно отступить отъ установленнаго съ давнихъ поръ порядка вещей: пусть въ училищныхъ бібліотекахъ находится по прежнему Священное Писаніе, пусть воспитанники, если по собственному внушенію пожелаютъ они того, обращаются за совѣтами и объясненіями къ своимъ наставникамъ; но учебный курсъ долженъ быть во всѣхъ школахъ — высшихъ, среднихъ и низшихъ — ограниченъ исключительно свѣтскими науками“.

Мы полагаемъ, что на основаніи сказаннаго нами можно составить вѣрное понятіе о началахъ, усвоенныхъ англійскимъ правительствомъ относительно распространенія образованія между туземными племенами Британской Индіи. Начала эти опредѣляются слѣдующимъ образомъ:

1) Англійскій языкъ пріять языкомъ преподаванія въ высшихъ и почти во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; что касается низшихъ школъ, то въ меньшей части ихъ, которыя мы не умѣли назвать иначе какъ смѣшанными (anglo-vernacular schools) господствуетъ также англійскій языкъ; во всѣхъ же остальныхъ, то-есть, въ огромномъ большинствѣ, обученіе происходитъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Предметами его служатъ: грамота, ариметика, краткія понятія объ исторіи, географіи, геометріи и сельскомъ хозяйствѣ.

2) Правительство воздерживается отъ всякаго вмѣшательства въ религиозное воспитаніе племенъ, не принявшихъ христіанства.

3) Въ главнѣйшихъ, то-есть, наиболѣе населенныхъ, округахъ каждой области учреждено, по крайней мѣрѣ, по одной нормальной школѣ для приготовленія учителей.

4) Денежное вспомошествованіе (grants in aid) выдается частнымъ школамъ для первоначальнаго обученія, которыя ходатайствуютъ о томъ, но съ подчиненіемъ ихъ за это инспекціи англійскихъ властей.

5) Такъ какъ система денежныхъ пособій (grants in aid) оказалась на практикѣ далеко неудовлетворительною, то въ послѣднее время учрежденъ особый, дополнительный налогъ, который народонаселеніе должно вносить обязательно, не соображаясь съ тѣмъ, хочетъ оно посылать дѣтей своихъ въ школы или нѣтъ.

6) Правительство установило частый, по возможности, осмотръ всѣхъ учебныхъ заведеній.

Такова, въ главнѣйшихъ своихъ основаніяхъ, система, уже успѣвшая принести весьма обильные плоды. Мы имѣемъ предъ собою отчетъ о состояніи народнаго образованія въ Британской Индіи за 1865 и 1866 годы, представленный парламенту бывшимъ статсъ-секретаремъ Остъ-Индскаго департамента сэромъ Чарльсомъ Вудомъ (*Note on the state of education in India*). По словамъ его, система, о которой идетъ рѣчь, была приведена въ исполненіе въ президентствахъ Бенгальскомъ, Бомбейскомъ, Мадрасскомъ и затѣмъ въ провинціяхъ сѣверо-западныхъ, центральныхъ, Пенджабѣ, Аудѣ и Мисорѣ. Изъ нихъ Бенгальское президентство стоитъ на первомъ планѣ относительно успѣховъ высшаго образованія; здѣсь существовало именно въ упомянутые годы 53 школы, учебный курсъ коихъ весьма разнообразенъ, но которыя одинаково сообщали воспитанникамъ многостороннее и болѣе или менѣе основательное знакомство съ европейскими знаніями. За то отчетъ сознается, что заботы правительства о распространеніи образованности „едва коснулись (scarcely touched) огромной массы народонаселенія“. Дѣйствительно, въ области, вмѣщающей въ себѣ нѣсколько десятковъ милліоновъ жителей, находится лишь около 1.300 школъ, гдѣ господствуетъ преподаваніе на мѣстныхъ языкахъ, и 950, въ которыхъ обучаютъ дѣтей и по англійски, и на природныхъ ихъ нарѣчійхъ. Справедливо, впрочемъ, замѣтить, что рѣчь идетъ тутъ о школахъ, которыя подчинены надзору правительства; помимо ихъ есть весьма значительное количество другихъ, остающихся внѣ этого над-

зора, но за то нельзя же и относиться къ нимъ серіозно. Сѣверо-западныя провинціи представляютъ въ этомъ случаѣ поразительный контрастъ съ Бенгальскимъ президентствомъ: благодаря тому, что уже съ сороковыхъ годовъ, вслѣдствіе энергической инициативы губернатора Томасона, начали заботиться тамъ о распространеніи образованія въ народѣ, весьма благотворные результаты достигнуты на этомъ пути. Высшихъ и среднихъ школъ въ названныхъ нами провинціяхъ весьма недостаточно, а именно немного болѣе 20, но школъ для первоначальнаго обученія считалось въ 1866 году (съ преподаваніемъ на туземныхъ нарѣчіяхъ) около 9000, и съ преподаваніемъ, въ которое допущенъ англійскій языкъ, — 1.400.

Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что дѣло идетъ о планѣ, который задуманъ лишь десять лѣтъ тому назадъ и осуществленіе коего было пріостановлено страшнымъ мятежемъ въ различныхъ провинціяхъ. Мѣстная администрація отнюдь не сомнѣвается въ его успѣхѣ, и увѣренность эта опирается на весьма солидныя основанія: такъ, между прочимъ, можно было бы указать на широкое развитіе, которое получаютъ въ послѣднее время нормальныя школы для приготовленія учителей. „Такъ много просьбъ поступаетъ ежегодно о допущеніи въ нормальныя школы, говорить въ своемъ отчетѣ сэръ Чарльсъ Вудъ, что даже въ тѣхъ изъ нихъ, которыя учреждены весьма недавно, приходится принимать „свободныхъ воспитанниковъ“ (free students), то-есть, такихъ, которые превышаютъ обычный комплектъ (75 человекъ для каждой школы), не имѣютъ права на стипендію и не смотря на то даютъ обязательство занять, по окончаніи курса, учительскія должности въ народныхъ школахъ“. Сэръ Чарльсъ Вудъ замѣчаетъ, что движеніе это обнаруживается особенно сильно въ тѣхъ округахъ, гдѣ преобладаетъ магометанское народонаселеніе: жители не только относятся сочувственно къ нормальнымъ школамъ, но нерѣдко заявляютъ готовность учреждать ихъ на собственные средства.

Недавно въ Лагорѣ, губернаторъ, сэръ Дональдъ Магъ-Леодъ, принимая адресъ отъ высшаго сословія между мѣстными мусульманами, сказалъ по этому поводу длинную рѣчь, въ которой выразилъ основной взглядъ правительства на дѣло народнаго образованія. Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь изъ нея самыя любопытныя мѣста. „Многимъ изъ васъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, говорилъ ораторъ, что въ 1835 году, когда управленіе страной находилось въ рукахъ лорда Уильяма Бентинка, были установлены новыя правила и принципы, которымъ правительство намѣревалось слѣдовать въ дѣлѣ народнаго

образованія. Въ числѣ лицъ, явившихся главными двигателями и поборниками этой мѣры, находимъ мы имена Маколея, Тревелияна, Дюффа и другихъ, которые по справедливости могли считаться искренними и просвѣщенными друзьями туземнаго народонаселенія Индустана. Они имѣли полное право выражать неудовольствіе свое по поводу жалкихъ результатовъ, ознаменовавшихъ господствовавшія до тѣхъ поръ старанія просвѣщенія туземцевъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ страны; вотъ почему было постановлено, что на будущее время англійскій языкъ долженъ быть избранъ орудіемъ для сообщенія здѣшнимъ жителямъ европейскихъ знаній. Повторяю, все это представлялось весьма естественнымъ, ибо до тѣхъ поръ не приходило на мысль воспользоваться туземными нарѣчіями, чтобы съ помощью ихъ распространять знанія, которыя столь дороги цивилизованнымъ націямъ. Но уже и въ то время находились люди, твердо убѣжденные, что планъ, задуманный лордомъ Уильямомъ Бентинкомъ, отличался слишкомъ исключительнымъ характеромъ. И хотя значительные результаты достигнуты были на пути, о которомъ идетъ рѣчь, хотя изъ среды вашей вышло нѣсколько лицъ, вполне уважаемыхъ за свои познанія, хотя потребность просвѣщенія постоянно возрастала въ высшихъ слояхъ общества, многіе думаютъ нынѣ, — и я самъ принадлежу къ ихъ числу, — что за весьма рѣдкими блестящими исключениями, огромное большинство учениковъ изъ туземныхъ жителей достигаютъ лишь весьма поверхностнаго знакомства какъ съ англійскимъ языкомъ, такъ и съ тѣми предметами, которые они изучаютъ на этомъ языкѣ, а вслѣдствіе того умственное развитіе ихъ весьма неудовлетворительно и не можетъ ихъ приучить къ самостоятельному и основательному мышленію. Для меня вполне очевидно, что обученіе на чуждомъ языкѣ сопряжено съ огромными трудностями. У насъ въ Англии, гдѣ знаніе латинскаго и греческаго языковъ считается основою солиднаго образованія, все-таки науки преподаются не на греческомъ и не на латинскомъ, а на родномъ англійскомъ языкѣ, и трудно понять причины, по которымъ здѣсь слѣдовало бы держаться иной системы. Знаменитые люди, окружавшіе лорда Бентинка, предполагали вѣроятно, что молодежь, воспитанная въ коллегіумахъ, усвоивши вкусъ къ европейской наукѣ, литературѣ и искусству, посвятитъ силы ознакомленію своихъ соотечественниковъ съ этими знаніями, что туземная литература Индіи оживится такимъ образомъ новыми воззрѣніями и понятіями. Но ожиданія эти не сбылись. Въ настоящее время индійская литература находится въ такомъ же упадкѣ, какъ и прежде, такъ

что для огромнаго большинства народа не существуетъ ровно никакихъ средствъ усвоить себѣ изобрѣтенія и открытія, которыми гордится Европа. Думаю, что это продолжалось бы всегда, если бы не подвергнулась измѣненію система, господствовавшая послѣ 1835 года. На основаніи ея учебный курсъ состоялъ изъ различныхъ предметовъ, занимаясь которыми молодые люди не успѣвали вполнѣ основательно овладѣть англійскимъ языкомъ, на которомъ преподавались эти предметы. Многіе родители жаловались на это печальное положеніе дѣлъ, и нельзя отрицать, что между дѣтьми ихъ трудно было найдти такихъ, которые отличались бы удовлетворительными успѣхами: усвоить себѣ разговорный англійскій языкъ, и усвоить его на столько, чтобъ имѣть право поступить на службу, — вотъ единственная цѣль всѣхъ ихъ стремленій. Не говорю о другихъ провинціяхъ, но такъ происходило, по крайней мѣрѣ, здѣсь, въ Пенджабѣ. А между тѣмъ система, настойчиво примѣняемая до пятидесятихъ годовъ, отдаляла отъ насъ лучшихъ людей вашего племени; мы не понимали ихъ, они не въ состояніи были оцѣнить насъ, и въ этомъ заключался, быть можетъ, самый существенный вредъ прежняго порядка вещей“.

Рѣчь, приведенная нами, выражаетъ мысли, которымъ англійское правительство оставалось постоянно вѣрнымъ въ колоніальной своей политикѣ. Оно имѣетъ подъ своею властью страну, простирающуюся на нѣсколько десятковъ тысячъ квадратныхъ миль и отдѣленную отъ метрополиі громаднымъ разстояніемъ; страну, народонаселеніе коей считается болѣе чѣмъ въ 150 милліоновъ; страну, имѣвшую нѣкогда самостоятельную цивилизацію, о которой и донинѣ свидѣлствуютъ богатые литературные памятники; страну, многочисленныя племена которой представляютъ совершенно разнородную смѣсь: очевидно, что стремиться упрочить за англійскимъ языкомъ господство въ подобной странѣ было бы чистымъ безуміемъ. Единственная цѣль, къ которой могутъ быть направлены усилія англійскаго правительства, это — цивилизовать Индію какими бы то ни было путями. Пусть туземное народонаселеніе сохранить свои учрежденія, вѣрованія, обычаи; но пусть экономическій бытъ его получить всестороннее развитіе, пусть научится оно дорожить благами промышленности и торговли, пусть желѣзныя дороги пересѣкутъ страну во всѣхъ направленіяхъ, пусть естественныя ея богатства не пропадаютъ даромъ, а народъ лѣнивый, погрязающій въ мрачныхъ предрасудкахъ, вовлекается въ плодотворную дѣятельность, — и Англичане имѣли бы полное право не считать своего дѣла проиграннымъ даже въ томъ случаѣ, если бы

судьба лишила ихъ когда-нибудь владычества надъ Индустаномъ. И послѣ этого сохранился бы тамъ громадный рынокъ для ихъ коммерческихъ операций. „Я предвижу вмѣстѣ со многими, говорилъ лордъ Джонъ Россель при обсужденіи билля, отмѣнявшаго привилегіи Остъ-Индской компаніи, что нѣкоторыя изъ нашихъ колоній достигнутъ такого развитія благосостоянія, что рано или поздно обратятся къ намъ со словами: у насъ довольно силы, чтобы жить въ независимости отъ Англіи. Узы, которыя связываютъ насъ съ нею, стали тягостны для насъ, и пришло время намъ объявить, что мы, сохраняя дружбу съ метрополіею, желаемъ самостоятельности. Думаю, продолжалъ ораторъ, что время это еще не такъ близко, но не станемъ страшиться его: употребимъ всѣ усилія, чтобы упрочить благоденствіе подвластныхъ намъ народовъ, и если достигнемъ этой цѣли, то никогда не откажутся они, что ни случилось бы въ будущемъ, отъ тѣснаго союза съ нами“.

Ев. Феодосіевъ.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА
ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ
ВЪ 1869 ГОДУ.

Труды Кіевской Духовной Академіи будутъ издаваться и въ слѣдующемъ 1869 году. Въ этомъ журналѣ будутъ помѣщаться:

I. Лекціи наставниковъ академіи и произносимыя ими церковныя собесѣдованія.

II. Трактаты, очерки и изслѣдованія по разнымъ предметамъ богословской науки, преимущественно по исторіи отечественной церкви.

III. Переводы замѣчательныхъ сочиненій иностранныхъ богослововъ, преимущественно по христіанской апологетикѣ и по церковной исторіи.

IV. Статьи, имѣющія предметомъ обзорѣніе и критическую оцѣнку произведеній современной (въ особенности иностранной) богословской литературы и явленій современной жизни.

V. Извѣстія и замѣтки, касающіяся современнаго состоянія отечественной церкви, въ частности духовно-учебныхъ заведеній.

VI. Извѣстія о состояніи церкви у единовѣрныхъ намъ народовъ, а равно о замѣчательныхъ событіяхъ въ обществахъ христіанскихъ неправославныхъ.

VII. Памятники, относящіеся къ исторіи русской церкви и русской духовной литературы, могущіе имѣть интересъ не для однихъ только спеціалистовъ, но и для большинства читателей духовныхъ журналовъ.

VIII. Въ приложеніи къ журналу будетъ помѣщаться переводъ пророческихъ книгъ Ветхаго Завета, также твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина.

Подписка принимается преимущественно въ редакціи журнала при **Кіевской Духовной Академіи**, а также въ Москвѣ у книгопродавца **А. Н. Оеранютова**, въ Петербургѣ у книгопрод. **С. И. Литова**.

Цѣна за годовое изданіе журнала (12 кн., не менѣе 10 печат. лист. каждая) 6 руб. съ перес., а безъ пересылки 4 руб. 50 коп.

По той же цѣнѣ можно получать **Труды** за 1867 и 1868 годы. За прошлые годы (съ 1860—1866 г.) цѣна 3 руб. съ пересылкою.

Въ той же редакціи можно получать **Воскресное Чтеніе**, еженедѣльный журналъ, съ XXVIII (1864—65) года предназначенный для народнаго образованія, и преимущественно для сельскихъ школъ. Цѣна за годовое изданіе текущаго (XXXII) года (начинающееся съ Пасхи) и прошедшихъ XXX и XXXI годовъ 4 руб. сер. съ пересылкою, а безъ пересылки 3 руб. Изданіе **Воскреснаго Чтенія** будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ (XXXIII—1869—70) году по прежней программѣ и по прежней цѣнѣ.

Цѣна отдѣльной книгѣ **Трудовъ** 50 коп. сер. съ перес. Въ той же редакціи продаются по уменьшенной цѣнѣ экземпляры **Воскреснаго Чтенія** за первыя 30 лѣтъ существованія журнала. Имѣются въ продажѣ слѣдующіе годы: I (1837—38), II (38—39), IV (40—41), V (41—42), VI (42—43), VII (43—44), IX (45—46), X (46—47), XI (47—48), XII (48—49), XIV (50—51), XV (51—52), XVII (53—54), XVIII (54—55), XIX (55—56), XX (56—57), XXI (57—58), XXII (58—59), XXIII (59—60), XXIV (60—61), XXV (61—62), XXVI (62—63), XXVII (63—64), XXVIII (64—65), XXIX (65—66). Цѣна за экзем. каждаго года съ перес. 2 руб. сер. Выписывающіе одновременно не менѣе 10 экземпляровъ **Воскреснаго Чтенія** прежнихъ годовъ платятъ только по 1 руб. 50. коп. сер. за экземпляръ и получаютъ бесплатно указатель къ 25 годамъ **Воскреснаго Чтенія**. Цѣна указателю отдѣльно 50 коп. сер.

~~~~~

КНИГОПРОДАВЧЕСКІЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

50 КОПѢЕКЪ

СКЛАДНОЙ КАРТОННЫЙ ГЛОБУСЪ

ОТПЕЧАТАННЫЙ КРАСКАМИ ВЪ 6-ТЬ ТОНОВЪ ДИАМЕТРЪ 5
ВЕРШЕОВЪ, ИЗД. ГОЛУБИНСКАГО.

Продается во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ *Д. Е. Кожанчикова* въ С.-Петербургѣ и въ Варшавѣ.

Книгопродавцамъ и учебнымъ заведеніямъ, покупающимъ сразу 25 экз., дѣляется уступка 20⁰/о. За пересылку по почтѣ считается за 1 фун. въ 4-хъ экз. *какъ за карты* (а не книги), по разстоянію; при требованіи 5 экз. прямо отъ издателя пересылка не считается.

Адресъ издателя: въ Варшаву завѣдывающему книжнымъ магазиномъ *Д. Е. Кожанчикова, В. Голубинскому.*

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СХЛІ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Печатня В. Головина, Владимирская, № 15
1869

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHILOSOPHY

PHILOSOPHY 101

PHILOSOPHY 102

PHILOSOPHY 103

PHILOSOPHY 104

PHILOSOPHY 105

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ.

НАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ.

Сегодня исполнилось полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ блаженной памяти Дядя Нашъ, Императоръ Александръ Благословенный, учредилъ въ Своей Петербургской столицѣ, при непосредственномъ содѣйствіи бывшаго попечителя С. С. Уварова, университетъ, для доставленія возможности получить высшее образованіе лицамъ всѣхъ сословій, его ищущимъ и достаточно къ нему подготовленнымъ.

Не безплодно для науки и государства протекло это полстолѣтіе: многіе изъ профессоровъ университета, занимаясь преподаваніемъ, расширяли вмѣстѣ съ тѣмъ своими учеными трудами предѣлы различныхъ отраслей знанія, а обширными своими содѣйствіями содѣйствовали важнымъ частямъ государственнаго управленія; не мало изъ бывшихъ слушателей ихъ составили себѣ почетное имя въ наукѣ, литературѣ и государственной службѣ.

Принявъ въ 1841 году званіе почетнаго члена С.-Петербургскаго университета, Я постоянно съ искреннимъ сочувствіемъ слѣдилъ за его успѣхами, и пользовавшись въ годы первой Моей молодости руководствомъ нѣкоторыхъ его профессоровъ, избралъ въ послѣдствіи и въ наставники дѣтей Моихъ нѣсколькихъ преподавателей изъ состава этого университета.

Въ сегодняшній торжественный для университета день Мнѣ пріятно вспомнить о заслугахъ бывшихъ и настоящихъ его дѣятелей, и изъявить Мое благоволеніе и признательность С.-Петербургскому университету. Я увѣренъ, что ученое его сословіе, проникнутое сознаниемъ своихъ высокихъ обязанностей, будетъ по прежнему утверждать въ многочисленныхъ своихъ слушателяхъ знанія, основанныя на истинѣ и добрѣ, а пользующіеся его научнымъ руководствомъ со временемъ сами окажутъ услуги отечественному просвѣщенію, государственной и общественной дѣятельности, и, подобно достойнѣйшимъ изъ ихъ предшественниковъ, сослужатъ свою службу Россіи.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

С.-Петербургъ, 8-го февраля 1869 года.

II. УКАЗЫ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

1) Члену государственнаго совѣта, состоящему членомъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительному тайному совѣтнику Павлу *Муханову*, Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть предсѣдателемъ означенной комиссіи, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта.

2) Вице-директору департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику *Гирту*, Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть директоромъ сего департамента.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

С.-Петербургъ, 3-го февраля 1869 года.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

10. (16-го января 1869 года). *Объ упраздненіи уѣздныхъ училищъ въ городахъ Конинѣ и Липно, и объ открытіи въ городахъ Ломжѣ, Къльцахъ и Замостьѣ трехъ четырехъклассныхъ женскихъ прогимназій.*

Государь Императоръ, по положенію комитета по дѣламъ Царства Польскаго, Высочайше повелѣтъ изволилъ:

1) Уѣздныя училища въ городахъ *Конинѣ* и *Липно* упразднить, а взаменъ оныхъ открыть въ городахъ *Ломжѣ*, *Къльцахъ* и *Замостьѣ* три четырехъклассныя женскія прогимназіи, изъ коихъ первыя двѣ образовать на основаніи Высочайше утвержденныхъ 5-го января 1866 года устава и штата женскихъ гимназій и прогимназій въ Царствѣ, съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, а прогимназію въ г. Замостьѣ образовать на основаніи Высочайше утвержденныхъ 6-го апрѣля 1867 года постановленія и штата для Сѣдлецкой русской женской прогимназіи.

2) На содержаніе вновь учреждаемыхъ прогимназій обратить ассигнованныя по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія 1869 года на содержаніе двухъ упраздняемыхъ уѣздныхъ училищъ въ городахъ *Конинѣ* и *Липно* 19.800 рублей въ годъ; недостающую же за симъ на содержаніе означенныхъ прогимназій въ 1869 году сумму 4.350 руб., равно какъ потребныя на единовременныя при учрежденіи сихъ прогимназій издержки 459 руб. 17 коп., всего 4.809 руб. 17 коп., ассигновать изъ кредита, назначеннаго по государственной на 1869 годъ росписи на чрезвычайныя по Царству Польскому расходы, а съ 1870 года потребную на содержаніе означенныхъ учебныхъ заведеній сумму 24.150 рублей вносить въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія.

11. (16-го января 1869 года). *О распространеніи дѣйствія Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1867 года правилъ на русскіхъ Галичанъ, принявшихъ русское подданство и служащихъ въ Варшавскомъ учебномъ округѣ.*

Государь Императоръ, по положенію комитета по дѣламъ Царства Польскаго, Высочайше повелѣть изволилъ: дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1867 года правилъ о преимуществахъ чиновниковъ русскаго происхожденія, служащихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, распространить на тѣхъ изъ русскіхъ Галичанъ греко-уніатскаго исповѣданія, которые состоятъ на службѣ по учебной части въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и приняли присягу на подданство Россіи, съ предоставленіемъ имъ пользоваться означенными преимуществами со дня вступленія ихъ въ русское подданство.

12. (17-го января 1869 года). *Объ учрежденіи С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, сообщенному министру народнаго просвѣщенія въ выпискѣ изъ журналовъ комитета 7-го и 21-го января, Высочайше соизволилъ на учрежденіе С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества и на предоставленіе ему, министру народнаго просвѣщенія, права утвердить уставъ сего общества.

13. (24-го января 1869 года). *Объ учрежденіи при С.-Петербургскомъ университетѣ ста стипендій, по триста руб. въ годъ каждая, съ присвоеніемъ этимъ стипендіямъ наименованія «Императорскихъ».*

Государь Императоръ, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея С.-Петербургскаго университета, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: учредить при С.-Петербургскомъ университетѣ сто стипендій, по триста рублей въ годъ каждая, присвоивъ этимъ стипендіямъ наименованіе «Императорскихъ», и отпустить сди-

новременно двадцать тысячъ рублей на вспомошествованіе недостаточнымъ студентамъ, съ отнесеніемъ этихъ расходовъ на счетъ государственнаго казначейства и съ тѣмъ, чтобы сія Высочайшая милость объявлена была въ самый день юбилея университета, то-есть, 8-го февраля 1869 года.

14. (3-го февраля 1869 года). *Объ учрежденіи при Московскомъ университетѣ преміи, съ наименованіемъ оной «премію перваго президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи Григорія Ефимовича Щуровскаго».*

Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи при Московскомъ университетѣ, желая, вопервыхъ, достойно почтить заслуги, оказанныя Обществу его президентомъ Щуровскимъ, какъ при основаніи его, такъ и во все время существованія, и вовторыхъ, облегчить по мѣрѣ возможности молодымъ специалистамъ занятія по зоологіи и геологіи, въ своемъ годичномъ засѣданіи 15-го октября 1868 года единогласно постановило: выразить совѣту Московскаго университета желаніе Общества учредить при Московскомъ университетѣ ежегодную премію по кафедрамъ зоологіи и геологіи, съ наименованіемъ оной премію перваго президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи Григорія Ефимовича Щуровскаго.

Вслѣдствіе представленія объ этомъ попечителя Московскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ преміи съ наименованіемъ оной «премію перваго президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи Григорія Ефимовича Щуровскаго», съ предоставленіемъ министерству народнаго просвѣщенія утвердить правила названной преміи.

15. (3-го февраля 1869 года). *Объ учрежденіи при Харьковскомъ университетѣ преміи, съ наименованіемъ оной премією Сергія Заруднаго.*

По случаю назначенія статсъ-секретаря департамента законовъ государственнаго совѣта, тайнаго совѣтника Заруднаго, присутствующимъ въ правительствующемъ сенатѣ, служащимъ въ отдѣленіи законовъ государственнаго совѣта, желая почтить общеплезнымъ дѣломъ память какъ совмѣстнаго съ тайнымъ совѣтникомъ Заруднымъ служенія, такъ и долготѣнихъ трудовъ его по юридической части, приобрѣли на общія средства свидѣтельство государственнаго банка на непрерывный $5\frac{1}{2}\%$ доходъ по выкупу въ 1.850 руб. капитальной суммы и обратились къ государственному секретарю съ просьбой объ испрошеніи разрѣшенія на учрежденіе изъ процентовъ съ помянутой суммы въ Харьковскомъ университетѣ, мѣстѣ воспитанія тайнаго совѣтника Заруднаго, ежегодной преміи въ 101 руб. 75 коп. сер., для выдачи за лучшее сочиненіе по юридической части, съ присвоеніемъ сей преміи названія: «премія Сергія Заруднаго».

Вслѣдствіе отношенія къ министру народнаго просвѣщенія объ этомъ государственнаго секретаря и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ какъ на принятіе пожертвованнаго бывшими сослуживцами тайнаго совѣтника Заруднаго капитала, такъ и на учрежденіе изъ процентовъ онаго при Харьковскомъ университетѣ преміи, съ наименованіемъ оной «премією Сергія Заруднаго», на основаніяхъ, изложенныхъ въ прошеніи учредителей означенной преміи.

16. (3-го февраля 1869 года). *О непримѣненіи п. 4 § 46 Высочайше утвержденного 18-го іюня 1863 года общаго устава университетовъ къ баллотированію приватъ-доцентовъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ: п. 4 § 46 Высочайше утвержденного 18-го іюня 1863 года общаго

устава университетовъ не примѣнять къ баллотированію приватъ-доцентовъ, такъ какъ баллотированіе это было бы несогласно съ другими статьями устава и могло бы вредно повліять на развитіе учрежденія приватъ-доцентовъ.

17. (3-го февраля 1869 года). *О постановкѣ въ актовомъ залѣ Немировской гимназіи портрета бывшаго митрополита Литовскаго и Виленскаго Іосифа.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на дозволеніе педагогическому совѣту Немировской гимназіи поставить въ актовомъ залѣ гимназіи портретъ бывшаго митрополита Литовскаго и Виленскаго Іосифа.

18. (3-го февраля 1869 года). *Объ учрежденіи при С.-Петербургскомъ университетѣ преміи съ наименованіемъ оной «Топчибашевскою преміей».*

Бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Мирза-Джафаръ Топчибашевъ пожертвовалъ выданный на его имя одинъ государственный банковый пятипроцентный билетъ въ тысячу рублей съ тремя купонами, съ тѣмъ чтобы въ воспоминаніе его прежней профессорской дѣятельности въ здѣшнемъ университетѣ, на проценты изъ жертвуемой имъ суммы, была учреждена при юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета двухгодичная премія въ сто рублей, подъ названіемъ Топчибашевской, для выдачи тому изъ студентовъ или вольнослушателей, который напишетъ наилучшее сочиненіе на задаваемую факультетомъ, на каждые два года, тему по одной изъ наукъ административнаго разряда.

Вслѣдствіе представленія объ этомъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ какъ на принятіе пожертвованнаго тайнымъ совѣтникомъ Топчибашевымъ капитала, такъ и на учрежденіе изъ про-

центовъ онаго при С.-Петербургскомъ университетѣ преміи съ наименованіемъ оной «Товчибашевскою преміей», съ предоставленіемъ министерству народнаго просвѣщенія утвердить правила о сей преміи.

19. (6-го февраля 1869 года). *Объ учрежденіи при С.-Петербургскомъ университетѣ стипендіи, съ наименованіемъ оной «Нарышкинскою».*

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа донесъ министру народнаго просвѣщенія, что потомственный дворянинъ Василій Львовичъ Нарышкинъ, по случаю наступающаго пятидесятилѣтняго юбилея С.-Петербургскаго университета, желая заявить сочувствіе къ распространенію народнаго просвѣщенія, представилъ въ совѣтъ С.-Петербургскаго университета шесть тысячъ рублей пятипроцентными билетами государственнаго банка и просилъ исходатайствовать Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе при университетѣ стипендіи для недостаточнаго студента, преимущественно изъ сословія освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ, съ наименованіемъ этой стипендіи по Имени Священной Особы Его Императорскаго Величества «Александровскою стипендіею».

Государю Императору, на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія по сему предмету, благоугодно было собственноручно начертать: «Согласенъ, но стипендію назвать именовъ жертвователя «Нарышкинскою» и благодарить его отъ Меня». При семъ Высочайше предоставлено министру народнаго просвѣщенія право утвердить объ этой стипендіи правила, какия на сей предметъ будутъ составлены.

(18-го февраля 1869 года). *Всеподданнѣйшій адресъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета.*

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Учрежденіемъ университета въ созданной Петромъ Великимъ столицѣ, Императоръ Александръ Благословенный вписалъ имя свое неизгладимыми чертами въ исторіи Русскаго просвѣщенія. Державною волею Вашего Императорскаго Величества университетъ Петербургскій возродился къ новой жизни дарованнымъ ему новымъ уставомъ.

Нынѣ, когда университетъ достигъ своего пятидесятилѣтія, Вы, Августѣйшій Монархъ, соизволили почтить его такимъ выраженіемъ Царственнаго благоволенія Вашего, и въ такомъ обиліи излили на него Царственные дары Ваши, что профессора и студенты университета не находятъ словъ благодарности, которыя соответствовали бы великости безпримѣрныхъ щедротъ, имъ оказанныхъ.

Проникнутые сознаниемъ возлагаемаго на насъ долга, мы положимъ всѣ наши силы, чтобъ явиться достойными Царственнаго призыва сослужить службу Россіи, согласно ожиданіямъ Вашимъ, Всемилостивѣйшій Государь, и тѣмъ свѣтлымъ началамъ, которыя внесены въ Русскую жизнь Вашими великими преобразованіями.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданые :

(Подлинный подписали): *Ректоръ и преподаватели университета.*

По доведеніи сего всеподданнѣйшаго адреса С.-Петербургскаго университета до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, Государю Императору, на всеподданнѣйшемъ докладѣ ми-

нистра народнаго просвѣщенія по сему предмету, благоугодно было Собственноручно начертать: «*Прочелъ съ удовольствіемъ*».

IV. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

3-го февраля 1869 года (№ 2). *Назначаются*: членъ государственнаго совѣта, состоящій членомъ археографической коммисіи министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ Павелъ *Мухановъ* — предсѣдателемъ означенной коммисіи, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта; вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гиртъ* — директоромъ сего департамента; дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, статскій совѣтникъ *фонъ-Брадке* — вице-директоромъ сего департамента; дѣлопроизводители VI класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскіе совѣтники *Дьяковъ* и *Березинъ* — дѣлопроизводителями V класса сего департамента. *Командируются за границу съ ученою цѣлью на два года*: привать-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета кандидатъ *Бакстъ* и кандидатъ сего университета *Крупскій*.

8-го февраля 1869 года (№ 3). *Производятся за отличіе по Императорскому С.-Петербургскому университету*: въ тайные совѣтники: дѣйствительные статскіе совѣтники: деканъ юридическаго факультета, заслуженный ординарный профессоръ Игнатій *Ивановскій*; деканъ историко-филологическаго факультета, заслуженный ординарный профессоръ Измаиль *Срезневскій*; заслуженный ординарный профессоръ Алексѣй *Савичъ*, и ординарный профессоръ Василій *Григорьевъ*. *Въ дѣйствительные статскіе совѣтники*: статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ Василій *Васильевъ*.

V. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по случаю пятидесятилѣтія Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Всемилостивѣйше соизволилъ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, пожаловать нижепоименованнымъ лицамъ, служащимъ въ семь университетѣ, ордена: Бѣлаго орла — декану и заслуженному ординарному профессору, тайному совѣтнику Мирзѣ Александру *Каземъ-Беку*; св. Анны 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: заслуженнымъ ординарнымъ профессорамъ Ивану *Горлову* и Юсифу *Сомову*; св. Станислава 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: ректору, заслуженному ординарному профессору Карлу *Кесслеру*, ординарному профессору Давиду *Чубинову* и бывшему экстраординарному профессору Николаю *Рождественскому*; св. Владимира 3-й степени: ординарному профессору, дѣйствительному статскому совѣтнику Михаилу *Сухомлинову*, бывшему адъюнкту статскому совѣтнику Александру *Бруту* и ординарному профессору, коллежскому совѣтнику Филиппу *Овсянникову*; св. Анны 2-й степени: экстраординарнымъ профессорамъ: статскому совѣтнику Михаилу *Михайлову* и коллежскому совѣтнику Даниилу *Хвольсону*, исправляющему должность экстраординарнаго профессора, коллежскому совѣтнику Константину *Голстунскому*, и ординарному профессору, титулярному совѣтнику Дмитрію *Менделѣву*; св. Станислава 2-й степени: статскимъ совѣтникамъ: экстраординарному профессору Михаилу *Окатову* и исправляющему должность экстраординарнаго профессора Михаилу *Навроцкому*; экстраординарнымъ профессорамъ; состоящимъ въ VI классѣ Андрею *Фаминцину* и Карлу *Люебилью*, и надворному совѣтнику Александру *Коркину*; коллежскимъ ассесорамъ: экстраординарному профессору Константину *Бестужеву-Рюмину*; доцентамъ: Владиміру *Ламанскому* и Оресту *Миллеру*, и казначею, коллежскому ассесору Николаю *Агафонову*; св. Анны 3-й степени:

библіотекарю, коллежскому ассесору Мейнгардту *Пахту*; и св. Станислава 3-й степени: секретарю по студентскимъ дѣламъ, титулярному совѣтнику Николаю *Погорьлову*.

VI. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (27-го января 1869 года). *Уставъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества.*

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Цѣль, кругъ дѣятельности и средства общества.

§ 1. С.-Петербургское Педагогическое Общество, сближая педагоговъ между собою въ видахъ соглашенія различныхъ взглядовъ и уясненія встрѣчающихся имъ на практикѣ недоумѣній, имѣеть цѣлю содѣйствовать развитію и совершенствованію нашей воспитательно-учебной практики.

§ 2. Для достиженія своей цѣли, Педагогическое Общество:

а) учреждаетъ въ своихъ собраніяхъ чтенія и бесѣды по различнымъ вопросамъ, относящимся къ педагогикѣ; б) публикуетъ свои, или одобренные имъ, труды, или срочно, въ видѣ журнала, или безсрочно, въ видѣ сборниковъ и отдѣльныхъ педагогическихъ статей и сочиненій, и печатаетъ годовые отчеты о своей дѣятельности; в) предлагаетъ на конкурсъ задачи съ цѣлю разъясненія тѣхъ или другихъ вопросовъ педагогики или составленія лучшихъ учебныхъ программъ, руководствъ и пособій, и назначаетъ за нихъ преміи; г) открываетъ публичныя лекціи по предметамъ воспитанія и обученія, по программамъ, одобреннымъ совѣтомъ Общества и съ надлежащаго каждый разъ разрѣшенія установленнымъ порядкомъ; д) выписываетъ изъ-за границы для своей библіотеки книги и журналы, касающіеся воспитанія и обученія, прямо на свое имя, согласно съ существующими для другихъ ученыхъ обществъ постановленіями; е) содѣйствуетъ

своими средствами поѣздамъ членовъ съ педагогическими дѣлами; ж) учреждаетъ училища, съ разрѣшенія подлежащаго начальства и съ подчиненіемъ его наблюденію, и з) входитъ въ письменныя сношенія съ извѣстными педагогами и педагогическими обществами.

§ 3. Издержки Общества покрываются: а) чрезвычайными пожертвованіями; б) ежегодными взносами членовъ, и в) деньгами, выручаемыми отъ подписки на журналъ Общества, отъ продажи принадлежащихъ ему наданій и за публичныя лекціи.

Составъ общества.

§ 4. С.-Петербургское Педагогическое Общество находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ министерства народного просвѣщенія.

§ 5. Общество имѣетъ свою собственную печать съ надписью: «печать С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества».

§ 6. Общество состоитъ: а) изъ дѣйствительныхъ членовъ, б) членовъ-корреспондентовъ и в) почетныхъ членовъ.

§ 7. Лица, изъявившія желаніе содѣйствовать трудамъ Общества и исполнять его порученія, именуются, если проживаютъ въ С.-Петербургѣ, *дѣйствительными членами*, а если жителъство имѣютъ въ другомъ мѣстѣ — *членами-корреспондентами*. Въ почетные члены могутъ быть предлагаемы лица, стяжавшія общую извѣстность отличными заслугами на поприщѣ воспитанія и обученія, какъ въ Россіи, такъ и за границей, а равно могущія содѣйствовать преусиженію Общества по своему положенію, или оказавшія Обществу пользу своими матеріальными пожертвованіями.

§ 8. Дѣлами Общества управляетъ совѣтъ, избираемый нижеизложеннымъ порядкомъ (§ 20).

Условія и порядокъ избранія членовъ, права и обязанности ихъ.

§ 9. Въ дѣйствительные члены общества, а равно и въ членовъ-корреспондентовъ, могутъ быть избираемы: 1) лица, имѣющія установленное свидѣтельство на право заниматься воспитаніемъ и

обученіемъ юношества; 2) лица, пріобрѣвшія извѣстность учеными и литературными трудами, и 3) лица, оказавшія своею дѣятельностью услуги народному образованію, — при чемъ отъ избранія не устраниются лица женскаго пола, подходящія подъ эти условія. Лицо, желающее поступить въ дѣйствительные члены Общества, или въ члены-корреспонденты, должно быть предложено не менѣе какъ тремя дѣйствительными членами, которые сообщаютъ вератцѣ свѣдѣнія о личности его.

§ 10. Каждое предложеніе такого рода разсматривается въ совѣтѣ, и если оно имъ будетъ одобрено, то имя кандидата, съ означеніемъ предлагающихъ его, объявляется въ собраніи, и производится самый выборъ закрытыми записками. Избраннымъ почитается лицо, получившее въ свою пользу абсолютное большинство наличныхъ голосовъ.

Примѣчаніе. По утвержденіи устава Педагогическаго Общества, членами-учредителями онаго становятся тѣ изъ 14-ти членовъ существовавшаго доселѣ педагогическаго собранія, подписавшихся подъ обзоромъ его дѣятельности съ 1859 по 1867 годъ, съ присоединеніемъ къ нимъ и нынѣшняго предсѣдателя собранія, кои изъявляютъ на то свое желаніе. Каждый изъ нихъ предлагаетъ отъ себя извѣстное, по возможности равномѣрное число кандидатовъ, кои и баллотировуются въ общемъ собраніи членовъ-учредителей, пока число всѣхъ членовъ, вмѣстѣ съ учредителями, не дойдетъ по меньшей мѣрѣ до 40, но не свыше 56. Затѣмъ Общество приступаетъ къ избранію своихъ должностныхъ лицъ, а дальнѣйшіе выборы членовъ должны производиться на точномъ основаніи сего устава.

§ 11. Почетные члены избираются совѣтомъ Общества, большинствомъ голосовъ и при закрытой подачѣ оныхъ.

§ 12. Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно въ кассу Общества сумму въ томъ размѣрѣ, какой будетъ установленъ общимъ собраніемъ. Члены, не внесшіе означенной суммы въ теченіе двухъ лѣтъ, считаются выбывшими изъ Общества.

§ 13. Каждый членъ Общества имѣеть право на получение диплома за подписью предсѣдателя. За исключеніемъ почетныхъ, прочіе члены Общества вносятъ за дипломъ, единовременно по пяти рублей.

§ 14. Дѣйствительные члены присутствуютъ во всѣхъ собраніяхъ Общества съ правомъ голоса. Они избираютъ и избираются во всѣ должности по Обществу и имѣють право представлять совету Общества предположенія свои о томъ, что считаютъ полезнымъ для Общества.

§ 15. Общія всѣмъ дѣйствительнымъ членамъ обязанности заключаются въ личномъ участіи въ совѣщаніяхъ и въ прочихъ занятіяхъ Общества.

О собраніяхъ Общества.

§ 16. Собранія Общества бывають по назначенію совѣта; кромѣ того, для обсужденія спеціальныхъ вопросовъ, образуются постоянныя отдѣленія и временныя комиссіи.

§ 17. Каждый членъ Общества имѣеть одинъ голосъ. Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ; въ случаѣ же равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Подача мнѣній въ собраніи производится только присутствующими, а отсутствующіе подчиняются принятымъ рѣшеніямъ.

§ 18. Въ общемъ собраніи, отдѣленіяхъ и комиссіяхъ никакія чтенія, разсужденія и предложенія, не относящіяся къ дѣламъ и вообще занятіямъ Общества, не допускаются. Членъ, желающій что-либо прочесть или возбудить какой-либо педагогическій вопросъ въ общемъ собраніи, его комиссіяхъ или отдѣленіяхъ, обязанъ заблаговременно заявить о томъ нисыменно предсѣдателю, съ краткимъ обозначеніемъ содержанія своей рѣчи; предсѣдатель же сообщаетъ о томъ совету Общества, отъ котораго и зависитъ разрѣшить предполагаемыя чтенія и разсужденія, установивъ для нихъ очередь. По дѣламъ управленія Общества, а также относительно измѣненія и дополненія постановленій его, предложенія могутъ быть дѣлаемы тѣмъ же порядкомъ, но не

иначе, какъ по меньшей мѣрѣ 10-ю членами. По вопросамъ, возбужденнымъ уже въ засѣданіи, мнѣнія могутъ быть высказываемы по предварительномъ заявленіи о томъ предсѣдателю, который наблюдаетъ очередь въ рѣчахъ.

§ 19. Постороннія лица вообще не допускаются ни въ общія собранія, ни въ засѣданія отдѣленій и комиссій; но допускаются исключенія изъ этого правила: а) для лицъ пріѣзжихъ, удовлетворяющихъ условіямъ, постановленнымъ для избранія въ дѣйствительные члены Общества, и б) для лицъ, желающихъ поступить въ члены Общества и предварительно ознакомиться съ ходомъ занятій его. Тѣ и другія (послѣднія не болѣе трехъ разъ) могутъ быть вводимы въ общія собранія или въ отдѣленія и комиссіи не иначе, какъ съ разрѣшенія предсѣдателя Общества и безъ права голоса.

О совѣтѣ, избраніи предсѣдателя и другихъ должностныхъ лицъ, правахъ и обязанностяхъ ихъ,

§ 20. Общимъ собраніемъ избираются, одинъ разъ въ каждые три года, 24 кандидата, изъ которыхъ 12 утверждаются попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа въ званіи членовъ совѣта Общества, и затѣмъ общее собраніе избираетъ изъ сихъ послѣднихъ предсѣдателя, вице-предсѣдателя, двухъ секретарей, вазначел и бібліотекаря. Въ случаѣ неутвержденія нѣкотораго числа членовъ совѣта, Общество вновь избираетъ недостающее до 12-ти двойное число кандидатовъ и представляетъ ихъ на утвержденіе попечителя округа.

§ 21. Всѣ должностныя лица и прочіе члены совѣта Общества избираются на три года закрытыми записками, по большинству голосовъ наличныхъ членовъ.

§ 22. Совѣтъ завѣдуетъ всѣми дѣлами Общества, то-есть, обсуждаетъ предварительно и устанавливаетъ предметы занятій въ общихъ собраніяхъ; ихъ порядокъ и направленіе преній, и содѣйствуетъ правильному ихъ ходу чрезъ посредство предсѣдателя. Безъ одобренія совѣта никакая мѣра не можетъ быть предло-

жена и подвергнута баллотированію и никакой вопрос не может быть обсуждаемъ. Совѣтъ ведетъ переписку съ иногородными членами, дѣлаетъ выборъ книгъ для библіотеки Общества и представляетъ ежегодно общему собранію отчеты: а) о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ, б) о состояніи библіотеки, в) о дѣятельности Общества въ теченіе года, и предлагаетъ г) примѣрную смѣту расходовъ на слѣдующій годъ.

§ 23. Совѣтъ созывается предсѣдателемъ, а за болѣзнію или отсутствіемъ его, вице-предсѣдателемъ. Для дѣятельности постановленій совѣта требуется присутствіе не менѣе половины всѣхъ его членовъ.

§ 24. Предсѣдатель наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ устава и всѣхъ вообще постановленій Общества, открываетъ и закрываетъ собранія, наблюдаетъ за порядкомъ въ оныхъ и руководитъ занятіями. Сверхъ того, онъ во всякое время имѣетъ право прекратить сужденія или даже закрыть собраніе, въ которомъ бы оказалось уклоненіе отъ прямыхъ занятій собранія и должнаго порядка.

§ 25. На секретаряхъ лежатъ слѣдующія обязанности: а) составленіе и чтеніе протокола каждаго собранія и б) составленіе общаго годоваго отчета по дѣламъ управленія Общества.

§ 26. Казначею поручается сборъ взносовъ, принятіе денежныхъ пожертвованій, уплата денегъ по представленнымъ и провѣреннымъ совѣтомъ счетамъ и веденіе приходо-расходныхъ книгъ.

§ 27. Библіотекарь завѣдываетъ библіотекой Общества, выписываетъ книги, по опредѣленію совѣта, и выдаетъ оныя для пользованія членамъ Общества.

§ 28. Для повѣрки счетовъ, ежегодно избирается коммиссія, которая ревизуетъ дѣятельность совѣта по хозяйственной части.

2. (4-го февраля 1869 г.). Уставъ Филологическаго Общества.

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Филологическое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ учреждается съ цѣлію содѣйствовать
часть скл, отд. 1.

успѣхамъ строго ученыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ общепользныхъ трудовъ филологическихъ и тѣхъ литературныхъ и историческихъ, которые связаны съ филологическими. Оно достигаетъ своей цѣли, при содѣйствіи университета, преимущественно: 1) посредствомъ взаимнаго обмена знаній и соображеній словесно въ засѣданіяхъ; 2) посредствомъ совѣтовъ и указаній молодымъ любителямъ филологіи; 3) посредствомъ обнародованія изслѣдованій и наблюдений, читанныхъ въ засѣданіяхъ; 4) посредствомъ почетныхъ наградъ.

§ 2. Филологическое Общество состоитъ изъ членовъ и сотрудниковъ. Дѣйствительные члены суть: 1) всѣ тѣ профессора С.-Петербургскаго университета и члены Академіи Наукъ, доктора и магистры историко-филологическаго факультета и факультета восточныхъ языковъ, которые выразятъ, при начальномъ образованіи Общества, желаніе быть его членами; 2) всѣ ученые, избранные въ это званіе. Сотрудники суть всѣ любители филологическихъ знаній, которые примутъ на себя какой-нибудь полезный трудъ по назначенію или съ одобренія Общества. Членъ или сотрудникъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ ничѣмъ не выразившій своего участія въ трудахъ Общества, считается сложившимъ съ себя званіе. Въ почетные члены избираются лица, оказавшія важное содѣйствіе успѣху филологическихъ занятій.

§ 3. Для веденія дѣлъ Общества, изъ членовъ дѣйствительныхъ и почетныхъ избираются: 1) предсѣдатель на одинъ годъ; 2) на три года три товарища предсѣдателя, ведущіе вмѣстѣ съ нимъ дѣла Общества, съ помощію ими самими избираемаго дѣлопроизводителя изъ членовъ или сотрудниковъ. Въ случаѣ раздѣленія Общества на отдѣленія, товарищи предсѣдателя избираются въ предсѣдатели отдѣленій.

§ 4. Всѣ члены и сотрудники имѣютъ право присутствовать въ засѣданіяхъ. Обыкновенныя засѣданія, назначаемыя впередъ на цѣлый годъ, посвящаются чтенію статей, приготовленныхъ членами или присланныхъ посторонними учеными, разъясненіямъ, выходяемымъ этимъ чтеніемъ, докладамъ о новыхъ явленіяхъ въ

филологической литературы и т. п. Для выборовъ въ почетные и дѣйствительные члены, а также въ должности по Обществу, для присужденій наградъ, опредѣленій разныхъ издержекъ, вообще для всякихъ окончательныхъ рѣшеній Общества, назначаются по мѣрѣ надобности, особыя засѣданія, съ предварительнымъ объявленіемъ оповѣщеніемъ членовъ. Выборы считаются состоявшимися, а предложенія принятыми, если утверждены согласіемъ двухъ третей присутствующихъ членовъ. Въ торжественномъ засѣданіи предѣвателемъ читается отчетъ о дѣйствіяхъ Общества за истекшій годъ.

§ 5. Отчеты о засѣданіяхъ печатаются въ газетахъ и потомъ собираются въ отдѣльной книгѣ. Труды, читанные въ засѣданіяхъ, выдаются отдѣльными книгами и тетрадами и въ Сборникѣ Общества, и при этомъ отпечатываются въ опредѣленномъ количествѣ оттисковъ въ пользу сочинителя.

§ 6. Почетныя награды, которыми располагаетъ общество, суть: 1) Возведеніе въ званія члена и сотрудника; о предлагаемомъ должна быть составлена, за подписью трехъ членовъ, записка, съ подробнымъ обозначеніемъ филологическихъ трудовъ предлагаемаго. 2) Присужденіе почетнаго отзыва тремъ наиболѣе важнымъ изъ выпедшихъ въ теченіе года филологическимъ трудамъ на основаніи записокъ, поданныхъ членами, и окончательнаго рѣшенія особой комиссіи, избираемой ежегодно обществомъ. 3) Изданіе труда съ выдачею сочинителю особыхъ оттисковъ: предложеніе объ этомъ вносится въ общество при подробной запискѣ отъ трехъ знатоковъ предмета, къ которому относится предлагаемый въ изданіе трудъ.

§ 7. Денежныя средства Общества составляются: 1) изъ добровольныхъ приношеній членовъ: каждый членъ общества, какъ дѣйствительный, такъ и почетный, ежегодно вноситъ въ капиталъ Общества, сколько найдеть возможнымъ (изъ этого извлекаются только члены иностраннаго); 2) изъ пожертвованій постороннихъ лицъ: лицо, жертвующее значительную сумму, по предложенію трехъ членовъ, избирается въ почетныя соревнователи; 3) изъ

денегъ, собираемыхъ отъ продажи книгъ, находящихся въ распоряженіи Общества въ значительномъ количествѣ оттисковъ, за публичныя чтенія членовъ Общества и т. п. Деньги, поступающія въ Общество, хранятся въ казначействѣ университета и расходуются по запискамъ, подписаннымъ предсѣдателемъ, однимъ изъ его товарищей и дѣлопроизводителемъ на основаніи рѣшенія собранія.

3. (7-го февраля 1869 года). *Положеніе о Топчибашевской преміи, выдаваемой за сочиненіе по административнымъ наукамъ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При С.-Петербургскомъ университетѣ учреждается денежная премія изъ процентовъ съ капитала 1.000 рублей, пожертвованнаго тайнымъ совѣтникомъ Мирзою Джафаромъ Топчибашевымъ. Получаемые въ теченіе каждаго двухъ лѣтъ проценты съ пожертвованной суммы образуютъ премію (Топчибашевскую) въ 100 рублей.

§ 2. Эта премія выдается, по опредѣленію юридическаго факультета, тому изъ студентовъ или вольнослушателей университета, который напишетъ наилучшее сочиненіе на задаваемую факультетомъ на каждые два года тему по одной изъ административныхъ наукъ.

§ 3. На соисканіе этой преміи отъ юридическаго факультета предлагаются темы на два года, по одной изъ административныхъ наукъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала по международному праву, затѣмъ по полицейскому праву, государственному праву, финансовому праву, политической экономіи, и потомъ опять по международному праву и т. д.

§ 4. Если бы на предложенную тему вовсе не было представлено сочиненія, или представленное оказалось неудовлетворительнымъ, то, по опредѣленію факультета, деньги, назначавшіяся для преміи, или присоединяются къ капиталу для увеличенія на будущее время, сообразно съ приростающими процентами, вели-

чины преміи, или отлагаются особо для образованія другаго, подобнаго же капитала.

§ 5. Представить сочиненіе на соисканіе преміи можетъ не только состоящій въ то время студентомъ или вольнослушателемъ университета, но и вышедшій изъ университета не болѣе двухъ лѣтъ, то-есть, находившійся въ числѣ студентовъ или вольнослушающихъ во время предложенія факультетомъ темы.

§ 6. Относительно присужденія преміи за сочиненія этого рода факультетъ основывается на правилахъ, установленныхъ университетомъ относительно диссертаций на медали.

4. (9-го февраля 1869 года). *О взиманіи въ Бѣлостокской гимназій за платы ученіе по двадцати рублей съ ученика.*

Вслѣдствіе представленія попечителя Виленскаго учебнаго округа и на основаніи примѣч. къ § 59 устава гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 года, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ начала 18^{68/69} учебнаго года, за ученіе въ Бѣлостокской гимназій по 20-ти рублей въ годъ съ каждаго ученика.

5. (9-го февраля 1869 года). *Циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія начальствамъ учебныхъ округовъ, по поводу обезпеченія содержаніемъ училищъ въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ ¹⁾.*

Вслѣдствіе сношенія министерства народнаго просвѣщенія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по поводу обезпеченія содержаніемъ училищъ въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ губерній, въ которыхъ введены земскія учрежденія, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія вопію съ циркулярнаго предложенія началь-

¹⁾ Подлежитъ исполненію на основаніи циркулярнаго распоряженія по министерству народнаго просвѣщенія, отъ 3-го сентября 1866 года, напечатаннаго въ сентябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за тотъ годъ.

викамъ губерній, по этому предмету, отъ 21-го декабря 1868 года за № 21, слѣдующаго содержания:

«Высочайше утвержденнымъ 11-го февраля 1867 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, завѣдываніе училищною частію въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ распредѣлено между означенными учрежденіями и училищными совѣтами, на основаніи положеній о земскихъ учрежденіяхъ и о начальныхъ народныхъ школахъ (ст. IV п. 1); при этомъ земскимъ учрежденіямъ предоставлено принять мѣры къ обезпеченію, съ начала 1868 года, содержанія училищъ и школъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ (п. 5).

«Изъ полученныхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній о состояніи бывшихъ сельскихъ училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, со времени поступленія ихъ въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій, оказывается, что по нѣкоторымъ только губерніямъ помянутыя учрежденія приняли необходимыя мѣры къ обезпеченію этихъ училищъ, назначивъ на содержаніе ихъ, съ начала нынѣшняго года, изъ земскихъ сборовъ сумму, въ томъ самомъ размѣрѣ, въ какомъ она отпускалась прежде изъ общественнаго сбора государственныхъ крестьянъ. Въ большей же части губерній означенныя училища и школы оставлены на попеченіи самихъ крестьянъ и содержатся или исключительно на мірскіе ихъ сборы, безъ всякой помощи отъ земства, или съ нѣкоторымъ только отъ него пособіемъ, при чемъ средства многихъ училищъ значительно уменьшились. Наконецъ, есть губерніи, въ которыхъ нѣкоторыя училища оставлены безъ всякихъ средствъ, и потому частію закрыты, а частію пользуются бесплатнымъ преподаваніемъ приходскаго духовенства.

«Въ объясненіе причинъ, по которымъ содержаніе бывшихъ училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ земскими учрежденіями не вполне обезпечено, приводится, между прочимъ, то обстоятельство, что помянутыя училища, при настоящемъ распредѣленіи ихъ, могутъ служить исключительно для обученія только дѣтей бывшихъ государственныхъ крестьянъ, а не всего

крестьянскаго населенія, входящаго въ составъ земства, а потому земскія учрежденія не признають правильнымъ затрачивать денежные средства всего земства на училища, доступныя для обученія дѣтей одного только разряда крестьянъ.

«На основаніи существующихъ узаконеній, для содержанія училищъ каждаго изъ бывшихъ разрядовъ сельскаго населенія установлены особыя способы. Такъ, принятіе мѣръ къ обезпеченію содержанія училищъ государственныхъ крестьянъ, какъ объяснено уже выше, предоставлено земскимъ учрежденіямъ, издержки на содержаніе училищъ удѣльныхъ крестьянъ отнесены на уравнительные по волостямъ съ сихъ крестьянъ сборы (ст. 20 Полож., Высочайше утвержденнаго 26-го іюня 1863 года), и наконецъ, временнообязаннымъ крестьянамъ предоставлено на содержаніе училищъ производить мирскіе сборы, смотря по надобности и средствамъ (ст. 178 общ. Полож. 19-го февраля 1861 года).

«Въ настоящее время, когда все сельское населеніе подчинено одному общему управленію и волости образуются не по бывшимъ разрядамъ сельскаго населенія, а на территориальныхъ основаніяхъ, нельзя не признать, что сохраненіе означеннаго различія въ способахъ содержанія училищъ не оправдывается какимъ-либо уважительнымъ поводомъ, а между тѣмъ такой порядокъ представляетъ очевидныя препятствія какъ къ болѣе удобному размѣщенію училищъ для сельскаго населенія, такъ и къ болѣе прочному обезпеченію ихъ содержанія средствами земства. Для устраненія этихъ важныхъ неудобствъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ составляются соображенія объ устройствѣ сельскихъ училищъ на началахъ сліянія земско-хозяйственныхъ интересовъ всѣхъ сословій, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія. Предполагаемое преобразованіе, требуя, по важности своей, всесторонняго обсужденія и соглашенія съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, не можетъ совершиться въ короткое время; поэтому, впредь до изданія новыхъ правилъ, я имѣю честь поворнѣйше просить ваше превосходительство, для поддержанія существующихъ сельскихъ училищъ, принять слѣдующія мѣры:

1) «Немедленно войти въ сношеніе съ губернской земскою управою, и на точномъ основаніи Высочайше утвержденнаго 11-го февраля 1867 года мнѣнія государственнаго совѣта, просить ея распоряженія о доставленіи необходимыхъ средствъ тѣмъ изъ училищъ бывшихъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, которыя остались безъ надлежащаго обезпеченія въ содержаніи.

2) «Наблести, чтобъ установленный закономъ (ст. 20 Полож. 26-го іюня 1863 года) уравнительный мірской сборъ по бывшимъ волостямъ удѣльныхъ крестьянъ, на содержаніе ихъ училищъ, поступалъ въ исправности, по своему назначенію.

3) «О поддержаніи училищъ крестьянъ временнообязанныхъ, а также и тѣхъ училищъ государственныхъ крестьянъ, которыя не будутъ обезпечены со стороны земства достаточнымъ содержаніемъ, войти въ сношеніе съ мировыми посредниками. По отношеніямъ ихъ къ сельскимъ обществамъ, они имѣютъ возможность, разъяснивъ крестьянамъ пользу обученія грамотности, склонить ихъ къ доставленію училищамъ необходимыхъ средствъ».

О такомъ распоряженіи, послѣдовавшемъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, министерство народнаго просвѣщенія считаетъ нужнымъ сообщить начальствамъ учебныхъ округовъ, для свѣдѣнія и руководства.

6. (9-го февраля 1869 года). *Правила для присужденія преміи перваго президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи Григорія Ефимовича Щуровскаго.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Изъ ежегодно получаемой Обществомъ суммы отдѣляются прежде всего сто пятьдесятъ рублей на учрежденіе при университетѣ преміи перваго президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Г. Е. Щуровскаго.

2) Премія состоитъ: для зоолога, изъ микроскопа, луны и анатомическаго и инъекціоннаго приборовъ, стоимостью въ 150 руб.; — для геолога преимущественно изъ цѣнныхъ изданій

и снарядовъ, по указанію Г. Е. Щуровскаго. Деньгами премія никогда не выдается.

3) Премія присуждается въ присутствіи Г. Е. Щуровскаго и съ его инициативы физико-математическимъ факультетомъ, о чемъ послѣдній сообщаетъ въ совѣтъ университета и въ Императорское Общество Любителей Естествознанія.

4) На почученіе преміи имѣютъ право какъ студенты III и IV курсовъ естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета Московскаго университета, такъ преимущественно кандидаты, занимающіеся спеціально зоологіей или геологіей, какъ предметами ученыхъ работъ Г. Е. Щуровскаго.

5) Присужденіе преміи происходитъ въ одномъ изъ сентябрьскихъ засѣданій факультета, а выдача премій 12-го января на актѣ университета, для чего на актъ приглашается президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія.

6) На преміяхъ должна быть надпись: «Отъ Московскаго университета, такому-то премія перваго президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія Г. Е. Щуровскаго».

7) Въ случаѣ, когда Общество, по особенно уважительнымъ причинамъ, найдетъ кого-либо заслуживающимъ преміи, то оно доводитъ свое мнѣніе до свѣдѣнія физико-математическаго факультета, съ изложеніемъ причинъ въ такой рекомендаціи и съ указаніемъ правъ предлагаемаго кандидата; но и въ этомъ случаѣ рѣшеніе принадлежитъ факультету, который, въ случаѣ непринятія предложенія Общества, чрезъ декана, извѣщаетъ президента Общества о состоявшемся факультетскомъ рѣшеніи, съ указаніемъ поводовъ рѣшенія; но это сообщеніе факультета ни въ какомъ случаѣ не обсуждается въ Обществѣ.

8) Такъ какъ для зоологовъ микроскопъ нуженъ въ особенности для занимающихся зоологіей беспозвоночныхъ и такъ какъ усилія Общества въ первые годы его существованія преимущественно направлены были на устройство отдѣла беспозвоночныхъ въ зоологическомъ музеѣ, то между зоологами имѣютъ преимущество молодые спеціалисты, работающіе по отдѣлу беспозвоноч-

ныхъ въ зоологическомъ музеѣ. Только при неимѣніи такихъ спеціалистовъ могутъ быть назначаемы преміи по другимъ отдѣламъ зоологіи.

9) При равныхъ условіяхъ наименѣе достаточный имѣеть преимущество, но исключительно недостаточность при выдачѣ преміи въ расчетъ не принимается, первое мѣсто занимаютъ занятія.

10) Въ случаѣ, если въ какой-либо годъ не будетъ присуждена премія, то Общество препровождаетъ причитающіяся на премію деньги въ университетъ на храненіе, и затѣмъ въ слѣдующій годъ, въ случаѣ надобности, могутъ быть выданы и двѣ преміи одновременно.

11) Естественный порядокъ присужденія премій—чередующійся, то-есть, одинъ годъ по геологіи и одинъ по зоологіи; въ случаѣ надобности премія можетъ и два года сряду присуждаться по одному предмету.

7. (15-го февраля 1869 года). *Уставъ Общества Естествоиспытателей при университетѣ св. Владиміра.*

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

I. Цѣль и права общества.

§ 1. При университетѣ Св. Владиміра состоитъ Общество Естествоиспытателей, имѣющее цѣлю:

а) Изслѣдовать органическую и неорганическую природу, въ связи съ вліяющими на нее внѣшними условіями преимущественно въ полосѣ Россіи, занимаемой губерніями Кіевского учебнаго округа.

б) Способствовать развитію естественныхъ наукъ вообще.

в) Распространять естественно-историческія знанія въ Россіи.

§ 2. Для достиженія предположенной цѣли Общество имѣеть право:

а) Снаряжать экспедиціи и экскурсіи для ученыхъ изслѣдованій и собиранія естественно-историческихъ предметовъ, не ограничиваясь при этомъ предѣлами Кіевского учебнаго округа.

б) Учреждать собранія для научныхъ сообщеній.

в) Печатать свои труды въ видѣ отдѣльныхъ или періодическихкихъ изданій.

г) Отырывать публичныя лекціи по программамъ, утверждаемымъ собраніемъ.

д) Выдавать пособия специалистамъ для окончанія предпринятыхъ ими изслѣдованій, находящихся въ прямой связи съ цѣлями Общества и для изданія ихъ сочиненій, имѣющихъ тотъ же характеръ.

е) Предлагать задачи и за удовлетворительное рѣшеніе ихъ выдавать преміи.

ж) Отправлять бесплатно по почтѣ пакеты и тюки (послѣдніе не болѣе пуда вѣсомъ) за печатью Общества (см. Уставъ унив. § 126).

§ 3. Общество имѣетъ печать съ надписью: «печать Кіевскаго Общества Естествоиспытателей».

§ 4. Общество выдаетъ членамъ дипломы за подписью президента и секретаря съ приложеніемъ печати Общества.

§ 5. Общество имѣетъ право ходатайствовать, чрезъ посредство совѣта университета, какъ объ измѣненіи цѣлаго устава, такъ и отдѣльныхъ его частей, или же о введеніи новыхъ, но не иначе какъ съ согласія абсолютнаго большинства, состоявшагося въ созванномъ для сего чрезвычайномъ собраніи.

II. Составъ Общества, права и обязанности членовъ.

§ 6. Общество состоитъ изъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ. Число членовъ неограниченное.

Примѣчаніе. Учредителями Общества считаются лица, принимавшія участіе въ обсужденіи устава Общества.

§ 7. Въ почетные члены избираются: а) знаменитые русскіе и иностранныя ученые; б) лица, содѣйствовавшія развитію естественныхъ наукъ въ Россіи или оказавшія важныя услуги Обществу.

§ 8. Въ дѣйствительные члены избираются русскіе и иностранныя ученые, вообще лица, занимающіяся какою-либо отраслью естественныхъ наукъ.

§ 9. Кандидаты въ члены Общества предлагаются въ очеред-

ныхъ собраніяхъ письменно однимъ или нѣсколькими почетными или дѣйствительными членами. Кандидатъ избирается въ члены открытою подачею голосовъ.

Примѣчаніе. Каждый изъ учредителей Общества есть дѣйствительный его членъ, если на принятіе этого званія изъявить свое согласіе.

§ 10. Каждый дѣйствительный членъ вноситъ въ кассу Общества при вступленіи пять руб. (три руб. годичной платы и два рубля за дипломъ), а затѣмъ по три рубля ежегодно. Единоразовенный взносъ тридцати рублей освобождаетъ члена отъ ежегодной платы и отъ платы за дипломъ.

Примѣчаніе. Почетные и заграничные члены не вносятъ членской платы и платы за дипломъ, но изданія Общества получаютъ бесплатно.

§ 11. Членъ, не внесшій платы (§ 10) въ теченіе двухъ лѣтъ, считается добровольно сложившимъ съ себя званіе члена Общества.

§ 12. Почетные и дѣйствительные члены участвуютъ во всѣхъ собраніяхъ Общества и пользуются въ рѣшеніяхъ его правомъ голоса. Изданія Общества они получаютъ бесплатно. Члены-сотрудники имѣютъ право присутствовать въ собраніяхъ Общества, но имѣютъ лишь совѣщательный голосъ; изданій Общества бесплатно не получаютъ.

§ 13. Всѣ члены имѣютъ право приводить въ засѣданія Общества постороннихъ лицъ, заявивъ о томъ секретарю Общества.

III. Совѣтъ Общества.

§ 14. Совѣтъ общества состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: президента Общества, его помощника, секретаря и казначея Общества.

§ 15. Президентъ, его помощникъ, секретарь и казначей избираются на два года изъ почетныхъ или дѣйствительныхъ членовъ.

§ 16. Президентъ, его помощникъ и секретарь избираются въ первомъ годичномъ очередномъ собраніи Общества (см. § 21)

слѣдующимъ порядкомъ: всѣ присутствующіе въ засѣданіи члены, имѣющіе избирательный голосъ, предлагаютъ по одному кандидату въ означенныя должности закрытыми записками, а затѣмъ выборъ производится баллотированіемъ въ томъ же засѣданіи. При этомъ баллотированію подвергаются не болѣе трехъ кандидатовъ на каждую должность, получившихъ по запискамъ наибольшее число голосовъ. Казначей избирается баллотированіемъ изъ кандидатовъ, предложенныхъ прочими членами совѣта. Для выборовъ требуется абсолютное большинство.

§ 17. Совѣту принадлежитъ завѣдываніе и управленіе дѣлами Общества.

На его обязанности лежить:

а) Разсмотрѣніе представляемыхъ членами на утвержденіе собраний предложеній и проектовъ.

б) Веденіе отъ имени Общества внѣшнихъ сношеній.

в) Составленіе ежегодной смѣты, которая представляется на утвержденіе Общества въ первомъ очередномъ годичномъ его собраніи (см. § 21).

г) Разрѣшеніе единовременныхъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, не превышающихъ пятидесяти рублей на одинъ предметъ, при чемъ о каждомъ подобномъ расходѣ докладывается Обществу въ ближайшемъ очередномъ собраніи.

д) Распоряженіе о денежныхъ выдачахъ, разрѣшенныхъ собраніемъ и вообще наблюденіе за правильнымъ и цѣлесообразнымъ расходованіемъ суммъ Общества.

е) Выдача инуровыхъ книгъ казначею, скрѣпленныхъ подписью секретаря Общества.

ж) Завѣдываніе изданіями Общества.

з) Назначеніе собраний.

н) Разсмотрѣніе составленнаго секретаремъ годичнаго отчета о дѣятельности Общества.

Примѣчаніе. Годичный отчетъ читается въ первомъ очередномъ годичномъ собраніи Общества (§ 21), а затѣмъ пре-

проводяется въ ректору университета для приобщенія его въ отчету по университету.

§ 18. Рѣшенія совѣта имѣютъ законную силу, если въ засѣданіи его присутствовало не менѣе трехъ членовъ.

IV. О собраніяхъ общества.

§ 19. Общество имѣетъ не менѣе шести очередныхъ годовыхъ собраній. Дни очередныхъ собраній назначаются совѣтомъ передъ началомъ каждаго года. Въ случаѣ, не терпящихъ отсрочки, могутъ быть назначаемы совѣтомъ чрезвычайныя собранія. Въ каникулярное время (іюнь, іюль и августъ мѣсяца) Общество не имѣетъ собраній.

§ 20. Въ собраніяхъ предсѣдательствуетъ президентъ, въ случаѣ его отсутствія — его помощникъ; въ случаѣ же отсутствія президента и его помощника, предсѣдательствуетъ одинъ изъ присутствующихъ членовъ, избираемый закрытыми записками въ томъ же засѣданіи.

§ 21. Въ первомъ годовомъ очередномъ собраніи, которое должно быть назначено въ январѣ мѣсяцѣ каждаго года, а) читается отчетъ о дѣятельности Общества за истекшій годъ; б) докладывается отчетъ ревизионной комиссіи (§ 29); в) утверждается годовая смѣна и д) избираются (каждые два года) члены совѣта.

§ 22. Всѣ спорные вопросы рѣшаются въ собраніяхъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ президента даетъ перевѣсъ.

§ 23. Рѣшенія каждаго собранія считаются законными, независимо отъ числа присутствующихъ въ немъ членовъ, имѣющихъ право голоса (§ 12).

§ 24. Собранія Общества имѣютъ мѣсто въ зданіи университета.

V. Средства Общества.

§ 25. На покрытіе расходовъ Общество имѣетъ слѣдующія средства:

- а) Ежегодное пособие отъ правительства.
- б) Единновременные и годичные членскіе взносы.
- в) Вырученныя отъ продажи изданій Общества деньги.
- г) Денежныя пожертвованія.

§ 26. Всѣ единновременные членскіе взносы, всѣ денежныя пожертвованія, если таковыя не предназначены жертвователями для определенной цѣли, всѣ остатки отъ годичныхъ расходовъ отчисляются въ запасныя суммы, предназначаемыя на покрытие издержекъ при большихъ предпріятіяхъ, какъ то: при снаряженіи отдѣльныхъ экспедицій, печатаніи дорогихъ изданій и проч.

§ 27. Общество не имѣетъ собственныхъ воллентій и библиотекъ, а всѣ поступающіе въ него предметы и книги передаетъ въ собственность кабинетовъ университета.

Всѣ члены имѣютъ право пользоваться естественно-историческими коллекціями и находящимися при нихъ библиотеками, но не иначе, какъ на основаніи правилъ, утвержденныхъ совѣтомъ университета.

§ 28. Для повѣрки суммъ и приходорасходныхъ книгъ Общества назначается, въ концѣ каждаго года, ревизіонная коммиссія, изъ трехъ дѣйствительныхъ членовъ по выбору. Отчетъ ревизіонной коммиссіи читается въ январскомъ очередномъ собраніи (§ 21).

8. (15-го февраля 1869 года). *Циркулярное предложеніе начальникамъ учебныхъ округовъ о своевременномъ представленіи учебными заведеніями денежныхъ отчетовъ на ревизію мѣстныхъ контрольныхъ палатъ.*

Принимая во вниманіе, что по доводу непредставленія одною изъ губернскихъ гимназій на ревизію въ мѣстную контрольную палату денежной отчетности за многіе мѣсяцы минувшаго 1868 года явнѣ обнаружена растрата гимназическихъ суммъ, допущенная письмоводителемъ гимназіи, министръ народнаго просвѣщенія, въ видахъ устраненія на будущее время подобныхъ злоупотребленій, сносился съ г. государственнымъ контролеромъ о томъ, не признаетъ ли онъ возможнымъ предложить контрольнымъ

палатамъ, чтобъ онѣ при всякой неисправности въ доставленіи на ревизію отчетности по учебнымъ заведеніемъ сего министерства немедленно и непосредственно обращались о томъ къ начальникамъ учебныхъ округовъ.

Въ отвѣтъ на это г. государственный контролеръ увѣдомилъ, что онъ съ своей стороны, раздѣляя вполнѣ мнѣніе министра народнаго просвѣщенія о мѣрахъ, которыя могли бы предупредить подобныя злоупотребленія, сдѣлалъ по контрольнымъ палатамъ распоряженіе о томъ, чтобы съ требованіями о понужденіи неисправныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія къ скорѣйшему доставленію на ревизію не доданной ими отчетности, контрольныя палаты обращались не къ директорамъ училищъ, а непосредственно къ попечителямъ мѣстныхъ учебныхъ округовъ.

О вышеизложенномъ министр народнаго просвѣщенія поставилъ въ извѣстность начальства учебныхъ округовъ на тотъ конецъ, чтобы при поступленіи заявленія отъ контрольной палаты о недоставленіи какимъ-либо изъ учебныхъ заведеній министерства на ревизію срочной отчетности немедленно принимаемы были окружнымъ начальствомъ надлежащія мѣры для понужденія неисправнаго учебнаго заведенія къ скорѣйшему представленію сей отчетности.

9. (15-го февраля 1869 года). *О взиманіи въ Таганрогской гимназій платы за ученіе по тридцати рублей съ ученика.*

Вслѣдствіе представленія попечителя Одесскаго учебнаго округа и на основаніи примѣч. къ § 59 устава гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 года, г. министр народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ 1-го іюля 1869 года за ученіе во всѣхъ классахъ Таганрогской гимназій по *тридцати* рублей въ годъ съ cadaго ученика.

VI. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

3-го февраля 1869 года (№ 2). *Назначаются*: дѣлопроизводители VII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Пемеллеръ* и надворный совѣтникъ *Спасскій*— дѣлопроизводителями VI класса сего департамента; дѣлопроизводители VIII класса департамента народнаго просвѣщенія: губернский секретарь, въ званіи камеръ-юнкера, князь *Долгоруковъ* и губернский секретарь *Бьявскій* — дѣлопроизводителями VII класса сего департамента; помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, губернский секретарь *Новицкій* — дѣлопроизводителемъ VIII класса сего департамента.

9-го февраля 1869 года (№ 3). *Утверждаются*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета *Петровъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ патологической анатоміи, съ 1-го ноября 1868 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Тихоновичъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ медицинской химіи и физики, съ 10-го декабря 1868 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Гарничъ-Гарницкій*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ химіи, съ 10-го декабря 1868 года; доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ уголовного права, коллежскій секретарь *Кистяковскій* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ уголовного права, съ 10-го января 1869 года; доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ химіи *Абашевъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ агрономической химіи, съ 17-го января 1869 года; преподаватель Императорскаго историко-филологическаго института, надворный совѣтникъ *Варонъ*—наставникомъ сего института, съ 9-го января 1869 года. *Перемѣщается*: ординарный профессоръ Императорскаго

университета св. Владиміра по кафедрѣ политической экономіи и статистики, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бунге* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ полицейскаго права. *Оставляется на службу*: заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Варвинскій* на пять лѣтъ, съ 17-го ноября 1868 года. *Увольняются въ отпускъ за границу*: дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія статскій совѣтникъ *Лефевръ* на три мѣсяца, по болѣзни; лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго Московскаго университета *Феррейнъ* на двадцать девять дней въ маѣ 1869 года и лѣтнее вакаціонное время 1869 года; почетный смотритель Бѣлозерскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Владимірскій* и адъюнктъ Варшавской главной школы *Коржибскій* — на четыре мѣсяца, послѣдній по болѣзни. *Увольняется отъ службы за выслугою срока*: директоръ и исправляющій должность старшаго учителя Николаевской гимназіи въ Либавѣ, статскій совѣтникъ *Лессевъ*, съ 17-го января 1869 года. *Исключаются изъ списковъ умершіе*: предсѣдатель археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Норовъ*, и наставникъ Императорскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Игнатовичъ*.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1) Определеніями ученаго комитета, утвержденными г. министромъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

1. *Рекомендовать* для бібліотекъ сельскихъ народныхъ школъ изданныя *А. Ситенскимъ-Селявинимъ* книги: а) Бесѣды о домашнихъ животныхъ (5 книжекъ съ рисунками); б) Полевныя животныя, какъ друзья сельскаго хозяина (съ рисун-

вами); в) Книжки для первоначальнаго чтенія (№№ 1 и 2 съ рисунками); г) Чтеніе для народа (№№ 1, 2, 3 и 4 съ рисунками); д) Чтеніе для дѣтей (№№ 1 и 2); е) Естественная исторія пчелы и главныя правила пчеловодства (6 выпусковъ), Н. Карсевича.

Изъ означенныхъ выше книгъ: 1) Книжка для первоначальнаго чтенія и 2) Чтеніе для дѣтей могутъ быть употребляемы въ начальныхъ народныхъ школахъ въ видѣ книгъ для чтенія.

2. *Одобрить* для библиотекъ гимназій изданныя *А. Ситенскимъ-Селявинимъ*: а) Сборникъ по естественнымъ наукамъ; б) Естественная исторія пчелы и главныя правила пчеловодства (6 выпусковъ), Н. Карсевича.

3. *Признать не полезными* для библиотекъ при начальныхъ народныхъ училищахъ составленные *В. Новаковскимъ*: «*Разказы о Ломоносовѣ*». (Спб. 1868 года).

4. *Снабдить* учителей народныхъ школъ книжкою: «*Указатель мързъ предосторожности отъ пожаровъ*». Составилъ стат. сов. Лукинъ.

2) Определеніями ученаго комитета, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

Учебный атласъ по русской исторіи для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній (Спб. 1868 года), составленный *А. Добрянковимъ*,—рекомендовать гимназіямъ и уѣзднымъ училищамъ.

Практическое руководство къ изученію элементарныхъ правилъ нѣмецкаго языка для двухъ первыхъ классовъ гимназій и для самообученія, составленное *А. Реромъ* (Москва 1867 года),—признать полезнымъ руководствомъ по нѣмецкому языку для первыхъ двухъ классовъ гимназій.

Собраніе сочиненій русскихъ писателей. I. Сочиненія Ломоносова (Спб. 1867 года)—рекомендовать для приобрѣтенія въ библиотеки гимназій.

Разказы изъ исторіи русской церкви графа М. Толстаго, 3 части (Москва, 1865, 1866, 1868 года),—одобрить для приобрѣтенія въ библиотеки гимназій, уѣздныхъ училищъ и женскихъ

училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія 1-го разряда.

Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры, составленный *Ө. Бычковымъ* (Спб. 1868 года), — одобрить для употребленія въ гимназіяхъ въ видѣ учебнаго пособія.

Учебника французскаго языка, составленнаго *А. Гемиліаномъ* въ 3-хъ частяхъ (Москва, 1864—1867 года), — 2-ю и 3-ю части признать не бесполезными для употребленія учащимися въ высшихъ классахъ гимназій, въ видѣ учебнаго пособія, но съ тѣмъ, однако же, чтобъ авторъ при слѣдующемъ изданіи этихъ частей своего труда устранилъ замѣченныя ученымъ комитетомъ погрѣшности и недостатки.

Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова, изданное подъ редакціей *А. Пятковскаго* (Спб. 1862 года), — признать заслуживающимъ одобренія для приобрѣтенія въ библіотеки гимназій.

Энеиду Виргилія въ переводѣ *І. Шершеневича* (Варшава, 1868 года) — признать заслуживающею одобренія для приобрѣтенія въ библіотеки гимназій.

Учебный атласъ А. Ильина одобрить къ употребленію въ низшихъ классахъ гимназій.

Сочиненіе священника *М. Морошкина* подъ заглавіемъ: *Иезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до нашего времени* (Спб. 1867 года), — признать полезнымъ имѣть въ фундаментальныхъ библіотекахъ гимназій.

Руководство для преподаванія нѣмецкаго языка въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, составленное *Ф. Ганнеманомъ* (Москва, 1868 года), — включить въ каталогъ руководствъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

Официальныя извѣщенія.

Пожертвовано на покупку въ г. Бѣлевѣ дома, въ которомъ жилъ поэтъ В. А. Жуковскій:

- 1) Отъ чиновниковъ и учителей Новгородской гимназіи 5 руб.
- 2) Отъ чиновниковъ 5-го округа Новгородскаго акцизнаго управленія 1 руб.
- 3) Отъ чиновниковъ Новгородскаго окружнаго суда 8 рублей 5 коп.
- 4) Служащими и учащимися въ Богородскомъ уѣздномъ училищѣ 9 руб. 55 коп.
- 5) Служащими и учащимися въ Богородскомъ приходскомъ училищѣ 5 руб. 65 коп.
- 6) Служащими и учащимися въ Богородскомъ женскомъ училищѣ 14 руб.
- 7) Учителемъ Богородскаго Павловскаго приходскаго училища Лебедевымъ и учениками сего училища 4 руб.
- 8) Начальницей Богородскаго Павловскаго женскаго училища Маріей Генерозовой и ученицами сего училища 3 руб. 50 коп.
- 9) Жителями Новоржевскаго уѣзда 50 коп.
- 10) Служащими въ седьмой С.-Петербургской гимназіи 7 руб. 54 коп.
- 11) Служащими и учащимися въ Лужскомъ уѣздномъ училищѣ и приходскомъ при немъ классѣ 9 руб. 56 коп.
- 12) Служащими въ Сѣвскихъ училищахъ 11 руб. 88 коп.
- 13) Служащими и учащимися въ Московской четвертой гимназіи 96 руб. 80 коп.
- 14) Жителями г. Богодухова 1 руб.
- 15) Графиней Моира 10 руб.
- 16) Графомъ Н. А. Апраксинымъ 5 руб.
- 17) Графиней М. А. Апраксиной 10 руб.
- 18) А. А. Половцовымъ 50 руб.
- 19) Жителями г. Тетюша 1 руб. 30 коп.

20) Жителями 3-го стана Александрійскаго уѣзда 9 рублей 70 коп.

21) Служащими въ Васильскихъ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ 1 руб. 80 коп.

22) Попечителемъ Московскаго учебнаго округа, княземъ А. П. Ширинскимъ-Шихжатовымъ 25 руб.

23) Помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа, княземъ Мещерскимъ 25 руб.

24) Служащими въ Крелевецкихъ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ 3 руб.

25) Служащими въ Тобольской гимназiи и учителемъ семинаріи Д. Тихоміровымъ 14 руб.

26) Служащими и учащимися въ Волоколамскихъ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ 4 руб. 77 коп.

27) Служащими въ Нижегородской гимназiи 10 руб. 64¹/₄ коп.

28) Жителями г. Акмолинска 5 руб. 26¹/₂ коп.

29) Жителями г. Тюкалинска 10 руб. 89 коп.

30) Крестьянами Омскаго округа 4 руб. 47¹/₄ коп.

31) Служащими: а) во второмъ Донскомъ окружномъ училищѣ 16 руб.; б) въ Нижне-Чирскомъ женскомъ училищѣ 2-го разряда 5 руб. 60 коп.; въ Цимлянскомъ женскомъ училищѣ 3-го разряда 9 руб.; г) приходскихъ училищахъ: Цимлянскомъ 8 руб.; Филиповскомъ 5 руб.; Чернышевскомъ 4 руб.; Голубинскомъ 3 руб.; Нижне-Чирскомъ 1 руб. 40 коп.; Кобылянскомъ 2 руб.; Верхне-Чирскомъ 1 руб. 50 коп.; Новогригорьевскомъ 1 руб.; Потемкинскомъ 2 руб., и Терновскомъ 1 руб. 50 коп.

32) Торговцемъ, живущимъ въ Потемкинской станицѣ, И. Щеголдинымъ 1 руб.

33) Окончившимъ курсъ наукъ окружнаго училища Филиковской станицы, Саввой Киселевымъ 1 руб.

34) Служащими въ Павловскомъ (Воронежской губерніи) уѣздномъ училищѣ 2 руб. 36 коп.

35) Мировымъ посредникомъ Павловскаго уѣзда (Воронежской губерніи) корнетомъ А. Я. Любичевымъ 1 руб.

- 36) Служащими въ Старобѣльскомъ уѣздномъ училищѣ 3 руб.
37) Жителями г. Челябинска 3 руб. 30 коп.
38) Учащимися въ Малоарославскомъ приходскомъ училищѣ 48¹/₂ коп.
39) Жителями 1-го и 3-го становъ Путивльскаго уѣзда 6 руб. 30 коп.
40) Служащими въ Эстляндской контрольной палатѣ 6 рублей 10 коп.
41) Учениками Ревельскаго городского начальнаго училища 4 руб. 48 коп.
42) Служащими и учениками Ревельской гимназіи 35 руб.
43) Казанскими вупсами и цеховыми 29 руб. 30¹/₄ коп.
44) Жителями г. Москвы 194 руб. 60 коп.
45) Служащими въ Московской губерніи по Московской дирекціи училищъ 70 руб.
46) Служащими и учащимися въ первомъ Московскомъ уѣздномъ училищѣ 4 руб. 40 коп.
47) Служащими и учащимися въ Лефортовскомъ училищѣ 3 руб. 65 коп.
48) Служащими и учащимися въ Яузскомъ училищѣ 4 руб. 11 коп.
49) Служащими въ Арбатскомъ училищѣ 75 коп.
50) Служащими и учащимися въ Сущевскомъ училищѣ 4 руб. 15 коп.
51) Служащими и учащимися въ Тверскомъ училищѣ 7 руб.
52) Служащими и учащимися во второмъ Московскомъ уѣздномъ училищѣ 12 руб. 30 коп.
53) Служащими и учащимися въ Рогожскомъ училищѣ 4 руб. 50 коп.
54) Служащими и учащимися въ Серпуховскомъ училищѣ 4 руб. 35 коп.
55) Учителемъ и учениками Пятницкаго училища 3 руб. 65 к.
56) Учителемъ и учениками Якиманскаго училища 3 рубля 15 коп.

- 57) Учениками Пречистенскаго училища 2 руб. 2 коп.
- 58) Учителемъ и учениками Хамовническаго училища 2 руб. 28 коп.
- 59) Служащими въ Костромскомъ уѣздномъ училищѣ 1 руб. 25 коп.
- 60) Штабсъ-капитаномъ Шигаринымъ 3 руб.
- 61) Сольвычегодскаго уѣзда Вологодской губерніи: а) разными лицами Никольской волости 1 руб.; б) разными лицами Великосельской волости 1 руб. 36 коп.; в) священникомъ Красноборской Спасской церкви, Николаемъ Аксеновымъ 66 коп.; г) учителемъ Красноборскаго приходскаго училища, Александромъ Горбуновымъ 50 коп.; разными лицами заштатнаго города Красноборска 1 руб. 4 коп.
- 62) Служащими въ Минской гимназіи 16 руб. 50 коп.
- 63) Служащими въ Черниговской губерніи и неизвѣстнымъ лицомъ мѣстечва Сызнева Черниговской губерніи 9 руб. 75 коп.
- 64) Почетнымъ попечителемъ Томской губернской гимназіи, камергеромъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Асташевымъ 25 руб.
- 65) Служащими въ Томской губернской гимназіи 13 руб.
- 66) Служащими въ Томской Маріинской женской гимназіи 3 руб.
- 67) Служащими при военномъ губернаторѣ Семирѣченской области 3 руб. 78 коп.
- 68) Служащими въ Ростовскомъ уѣздномъ и Маріинскомъ женскомъ училищахъ 9 руб. 40 коп.
- 69) Жителями г. Ростова 29 руб. 25 коп.
- 70) Служащими и учащимися въ Московской третьей реальной гимназіи 229 руб. 5 коп. — Итого 1.190 руб. 64³/₄ коп.

ВОЙНА РОССИИ СЪ ШВЕЦІЕЙ ВЪ 1788—1790 ГОДАХЪ.

Исторія участія Россіи въ рѣшеніи восточнаго вопроса или въ раздѣлахъ Польши гораздо болѣе разработана и извѣстна, чѣмъ исторія отношеній Россіи къ Швеціи. Борьба этихъ двухъ державъ за Финляндію началась давно; она имѣла особенное значеніе со временъ Петра Великаго и кончилась присоединеніемъ къ Россіи Финляндіи до рѣки Торнео въ началѣ XIX вѣка. Борьба за Финляндію составляетъ собою весьма важную долю въ исторіи балтійскаго вопроса. Послѣ борьбы Ганзейскаго союза со Скандинавскими государствами за игемонію на Балтійскомъ морѣ, послѣ борьбы Швеціи съ Польшей въ началѣ XVII вѣка, Швеція въ продолженіе цѣлаго столѣтія была преобладающимъ государствомъ на Балтикѣ. Въ эпоху Карла XII и Петра Великаго все измѣнилось въ пользу Россіи. Уже со временъ царя Алексѣя Михайловича можно было ожидать постепенно развивающагося перевѣса Россіи: уже Ордынъ-Нащокинъ считалъ пріобрѣтеніе Балтійскаго края самою важною задачею внѣшней политики Россіи; уже патріархъ Никонъ считалъ возможнымъ наступательное движеніе Россіи даже противъ самой столицы Швеціи. Ихъ замыслы осуществились при Петрѣ I. вмѣстѣ съ двумя прибалтійскими провинціями была присоединена и юго-восточная часть Финляндіи. Городъ Выборгъ, выдерживавшій въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ напоръ со стороны Россіи, былъ наконецъ занятъ Русскими. То было начало присоединенія Финляндіи къ Россіи. Затѣмъ, въ теченіе ста лѣтъ, послѣдовавшихъ за Ништадтскимъ миромъ, Россія нѣсколько разъ возобновляла попытку распространить свое господство до рѣки Торнео. Война при императрицѣ Елисаветѣ началась съ того, что Швеція потребовала возвращенія занятыхъ Россіей вслѣдствіе Сѣверной войны частей Финляндіи; кончилась она присоединеніемъ Финляндіи до рѣки Кюмени къ Россіи. Миръ, заключенный въ 1743 году, былъ какъ бы только перемиріемъ; при Густавѣ III Швеція вновь надѣялась возвратить

уступленныя части Финляндіи, однако война 1788—1790 годовъ не измѣнила границы между Россіей и Швеціей на р. Кюмени. Довольно естественно было стремленіе со стороны обоихъ государствъ соединить вновь обѣ эти части Финляндіи въ одно цѣлое. Наконецъ, при императорѣ Александрѣ I Россія успѣла рѣшить эту задачу въ свою пользу.

Въ продолженіе всего этого вѣка Россія часто дѣйствовала наступательно. Въ 1788 году она оборонялась. Императрица Екатерина, занятая войной съ Турціей, не желала войны со Швеціей. Мало того, нападеніе Густава III на предѣлы русской Финляндіи, — наступательное движеніе, угрожавшее Фридрихсгаму и Выборгу, Нейшлоту и Вильманстранду, Ревелю, Кронштадту и даже самому Петербургу, — могло сдѣлать сядля Россіи крайне опаснымъ въ то время, когда на сѣверѣ почти не было войска, когда тамъ не доставало военныхъ снарядовъ, когда почти всѣ силы и средства находились въ распоряженіи князя Потемкина для борьбы съ Оттоманскою Портою.

Вниманіе Европы во время самой войны и вниманіе историковъ въ позднѣйшее время было направлено гораздо болѣе на турецкія дѣла, чѣмъ на событія шведско-русской войны. Военные успѣхи Потемкина и Суворова казались гораздо болѣе достойными вниманія, чѣмъ оборона Россіи противъ Густава III. Восточный вопросъ имѣлъ гораздо болѣе общеевропейскаго значенія. Для его рѣшенія употреблялись тогда громадныя средства со стороны Россіи, Австріи и Турціи, между тѣмъ какъ на сѣверѣ Густавъ III и Екатерина II располагали сравнительно весьма скромными средствами. Европейскіе кабинеты гораздо болѣе опасались значительныхъ успѣховъ русскаго оружія на югѣ, чѣмъ важныхъ событій на сѣверѣ; тѣмъ не менѣе шведско-русская война 1788—1790 годовъ, не имѣвшая никакихъ результатовъ въ отношеніи къ границамъ между Швеціей и Россіей, не представляющая собою столь крупныхъ событій, какъ взятіе Очакова на югѣ или раздѣлы Польши на западѣ, достойна особеннаго вниманія. Крайняя опасность, угрожавшая тогда столицѣ, необыкновенное напряженіе силъ, какое потребовалось со стороны Россіи для обороны отъ нападенія Густава, сношенія русскаго кабинета съ аристократическою партіей въ Финляндіи и весьма важныя подвиги русскаго флота въ упорной борьбѣ на морѣ, все это увеличиваетъ интересъ событій этой войны, пока недостаточно разработанныхъ въ нашей отечественной историографіи.

Еще одно обстоятельство въ особености послужило поводомъ къ

составленію предлагаемаго описанія шведско-русской войны 1788—1790 годовъ, а именно то, что понынѣ историки, занимавшіеся этимъ предметомъ, какъ Русскіе, такъ и Шведы, никогда не имѣли возможности пользоваться одновременно и русскими, и шведскими историческими матеріалами, между тѣмъ какъ именно разработка совершенно различныхъ, иногда даже противорѣчащихъ другъ другу матеріаловъ, должна была считаться важнѣйшимъ условіемъ для безпристрастія и полноты такого разказа. При составленіи предлагаемаго труда было обращено вниманіе на тѣ и другіе.

Главные матеріалы, послужившіе намъ для составленія исторіи войны 1788—1790 годовъ, были слѣдующіе:

Уже въ продолженіе самой войны были обнародованы многіе документы, въ особенности дипломатическія корреспонденціи, не только въ газетахъ, но и въ политическихъ брошюрахъ. Между прочимъ въ запискахъ о походѣ на Швецію въ 1788 году, изданныхъ принцемъ Карломъ Гессенскимъ, напечатано множество документовъ, относящихся къ исторіи войны между Даніей и Швеціей, осенью 1788 года. Данія, на основаніи договоровъ, должна была выставить противъ Швеціи вспомогательное войско, чтó впрочемъ тогда въ теоріи международнаго права еще не считалось войной между Даніей и Швеціей; Пруссія и въ особенности Англія положили конецъ такому участию Даніи въ борьбѣ Россіи со Швеціей. Дѣйствія англійскаго дипломата Элліота по этому дѣлу, въ ущербъ интересамъ Россіи, описаны во всѣхъ подробностяхъ въ сочиненіи принца Гессенскаго. Мы пользовались нѣмецкимъ изданіемъ его „Denkwürdigkeiten des Feldzugs gegen Schweden im Jahre 1788 von dem Prinzen Carl von Hessen; Flensburg, Schleswig und Leipzig; 1789. Въ запискахъ французскаго посланника при русскомъ дворѣ, графа Сегюра (*Mémoires ou souvenirs et anecdotes*; 3 vol., Paris, 1826), съ большимъ вниманіемъ слѣдившаго за событіями этой войны, помѣщены нѣкоторые письма короля Густава и другихъ современниковъ, участвовавшихъ въ этой войнѣ.

Авторъ Исторіи русскаго государства (*Geschichte des russischen Staats*. 6 B-de, Gotha, 1860), профессоръ Германнъ, въ Марбургѣ, при составленіи разказа объ этой войнѣ въ шестомъ томѣ своего сочиненія пользовался множествомъ писемъ различныхъ дипломатовъ, находившихся въ то время въ Стокгольмѣ и въ С.-Петербургѣ. Нѣкоторые изъ этихъ писемъ уже до изданія шестаго тома были напечатаны

цѣликомъ Германномъ въ его статьяхъ: „Gustaf III und die politischen Parteien Schwedens im achtzehnten Jahrhundert. Erste Abtheilung: Schweden in der sogenannten Freiheitszeit. Zweite Abtheilung: Die politischen Katastrophen unter Gustaf III“, въ историческомъ ежегодникѣ Фридриха Раумера (*Historisches Taschenbuch*) за 1856 и 1857 годы. Наконецъ, еще недавно въ дополнительномъ томѣ къ Исторіи русскаго государства (*Ergänzungsband*, Gotha, 1866) Германнъ издалъ нѣкоторыя письма англійскихъ и саксонскихъ дипломатовъ, наблюдавшихъ въ С.-Петербургѣ со вниманіемъ за ходомъ дѣлъ между Швеціей и Россіей.

Статьи французскаго ученаго Жефруа въ *Revue des deux mondes* 1865 года, подъ заглавіемъ: *Gustave III et la cour de France*, составлены большею частью при помощи дипломатическихъ корреспонденцій французскихъ посланниковъ въ Стокгольмѣ, сначала маркиза де-Понса, а затѣмъ кавалера де-Госсека.

Нѣсколько весьма интересныхъ писемъ извѣстнаго государственнаго чловѣка Иоганна-Якова Сиверса къ Екатеринѣ II, къ своему брату и къ своему зятю, генералу Гюнцелю, по поводу событій войны между Швеціей и Россіей, напечатаны въ сочиненіи бывшаго профессора Дерптскаго университета, Блюма: *Ein russischer Staatsmann*; Leipzig und Heidelberg, 1857.

Въ продолженіе всей войны въ юго-восточной части Финляндіи занималъ высокую должность графъ Стединъ, прежде того участвовавшій въ войнѣ за освобожденіе Америки, находившійся долгое время во французской военной службѣ и игравшій довольно важную роль при дворѣ Людовика XVI. Онъ былъ близкимъ другомъ Густава III, и поэтому его переписка съ королемъ Шведскимъ не только весьма богата многими подробностями о походахъ 1788—1790 годовъ, но включаетъ въ себѣ также богатый матеріалъ для опредѣленія личныхъ убѣжденій Густава и самого автора, настроенія ихъ ума въ продолженіе всего этого времени и многихъ подробностей современнаго политическаго быта. Находясь въ продолженіе войны близъ русскихъ границъ, Стединъ узнавалъ многое о положеніи дѣлъ въ русскомъ лагерѣ, о средствахъ, которыми располагали Русскіе въ Нейшлотской крѣпости, и о настроеніи умовъ въ С.-Петербургѣ. По окончаніи войны Стединъ сдѣлался посланникомъ при русскомъ дворѣ и пользовался особеннымъ уваженіемъ императрицы Екатерины. Онъ же подписалъ договоръ въ Фридрихсгамѣ въ 1809 году, участвовалъ въ войнахъ противъ Наполеона и еще находился въ Россіи при импера-

торѣ Николаѣ. Его переписка съ Густавомъ издана его зятемъ, графомъ Бьёрншерна, подъ заглавіемъ: *Mémoires posthumes du feldmaréchal comte de Stedingk, rédigés sur des lettres, dépeches et autres pièces authentiques, laissées à sa famille, par le général comte de Björnstjerna*; Paris, 1844, въ трехъ томахъ (для нашей цѣли особенно важенъ первый томъ).

Многіе документы по исторіи короля Густава III до войны 1788 года изданы шведскимъ историкомъ Гейеромъ въ 1849 году подъ заглавіемъ: *Konung Gustaf III, s efterlemnade och femtio år efter hans död örrnade papper*. Въ этомъ изданіи находится богатый матеріалъ для исторіи отношеній короля къ государственнымъ чинамъ въ Швеціи, финансовыхъ дѣлъ и вопросовъ внѣшней политики.

Въ послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ значительное число писемъ императрицы Екатерины, относящихся ко времени шведской войны. Бромѣ нѣкоторыхъ писемъ къ принцу Нассау-Зигену, Циммерману и др., напечатанныхъ уже въ изданіи сочиненій императрицы Екатерины II (изд. Смирдина. Спб. 1850, т. III), г. Соловьевъ въ своемъ сочиненіи: „Исторія паденія Польши“ помѣстилъ нѣсколько весьма любопытныхъ писемъ Екатерины къ Потемкину. Далѣе въ журналѣ *Русскій Архивъ* 1864 г. изданы бумаги генераль-губернатора Новгородскаго и Тверскаго Николая Петровича Архарова, къ которому императрица во время войны часто обращалась съ записками и порученіями всякаго рода. Наконецъ, въ I-мъ томѣ *Сборника Русскаго Историческаго Общества* (1867) издано нѣсколько писемъ императрицы къ принцу Нассау-Зигену.

Въ XXII-мъ и XXIII-мъ томахъ Полнаго Собранія Законовъ помѣщены многіе документы о мѣрахъ, принятыхъ въ началѣ войны, для обороны противъ Швеціи, о разныхъ административныхъ распоряженіяхъ и проч.

Многія дипломатическія грамоты напечатаны въ сочиненіяхъ Колотова (С.-Петербургъ, 1811, томы III и IV) и Лефорта (Москва, 1838) о царствованіи Екатерины. Въ особенности любопытенъ перепечатанный Колотовымъ слово въ слово отвѣтъ императрицы на шведскую декларацию, надѣлавшій въ свое время не мало шума въ политическомъ мірѣ. Къ документамъ такого же рода можно отнести брошюру адмирала принца Нассау-Зигена, изданную въ 1789 году по поводу побѣды, одержанной имъ надъ Шведами при Свенскзундѣ. Это письмо къ королю Густаву можетъ считаться одинаково и памфлетомъ, и дипломатическимъ документомъ.

Множество самыхъ важныхъ данныхъ о войнѣ находится въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* того времени; здѣсь, кромѣ официальныхъ донесеній о военныхъ дѣйствіяхъ русскаго войска и русскаго флота, которыми, при составленіи своихъ сочиненій, пользовались уже Колотовъ и Лефорть, особенно достойны вниманія корреспонденціи изъ Стокгольма, Копенгагена и проч. Замѣтки, сообщаемыя изъ Швеціи, весьма полно и ярко рисуютъ положеніе тамошнихъ дѣлъ; авторъ этихъ замѣтокъ принадлежалъ къ оппозиціи противъ короля и поэтому подвергается строгой критикѣ всѣ дѣйствія его въ походахъ и всѣ мѣры, принятыя имъ противъ дворянства и возставшихъ противъ него финляндскихъ офицеровъ. Ему извѣстны многія подробности преній на сеймѣ, событій въ провинціяхъ Швеціи, настроенія умовъ въ столицѣ и проч.

Изъ военныхъ источниковъ, которыми мы пользовались, особенно замѣчательны слѣдующіе:

1) Журналь адмирала Грейга о дѣйствіяхъ русскаго флота лѣтомъ 1788 года, о битвѣ при Гогландѣ, и проч.; онъ изданъ въ *Сѣверномъ Архивѣ* Э. Булгарина (т. VIII, Спб., 1823). 2) Донесенія о военныхъ дѣйствіяхъ на сушѣ въ 1789 году, сообщенныя графомъ П. П. Сухтеленемъ и изданныя въ этомъ же томѣ *Сѣвернаго Архива*. 3) Дѣйствія россійскаго корабельнаго флота; изъ записокъ адмирала Чичагова, участвовавшаго въ морскихъ кампаніяхъ 1789 и 1790 годовъ, сражавшагося со Шведами при Готландѣ и бывшаго при важномъ дѣлѣ у Выборгскаго залива; изданы въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1825 и 1826 года. 4) Статьи А. П. Соколова о дѣйствіяхъ русскаго флота противъ Шведовъ, составленныя по бумагамъ графа Мусина-Пушкина, генералъ-поручика Тучкова, графа Чернышева и др. и помѣщенныя въ разныхъ томахъ *Морскаго Сборника*.

Въ Императорской Публичной Библиотекѣ въ С.-Петербургѣ находится рукопись подъ заглавіемъ: *Mémoires d'un officier suédois sur les campagnes de 1788, 1789 et 1790 en Finlande*. Авторъ этихъ записокъ былъ сначала адъютантомъ генерала Каульбарца, а затѣмъ, по удаленіи сего послѣдняго отъ службы въ 1789 году, находился нѣкое время при самомъ королѣ. Зимой онъ обыкновенно находился въ Стокгольмѣ, былъ лично знакомъ со многими изъ важнѣйшихъ лицъ того времени, между прочимъ съ другомъ короля, графомъ Г. М. Армфельтомъ. Какъ искренній приверженецъ королевской партіи, онъ находился иногда въ Финляндіи въ весьма затруднительномъ положеніи. Онъ зналъ многія подробности оппозиціонныхъ дѣйствій офице-

ровъ, ихъ переписку съ Спренгпортенемъ, Гюнцелемъ и другими, съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за военными дѣйствіями, узнавалъ множество замѣчаній и изреченій самого короля и проч.

Самый богатый матеріалъ для исторіи шведской войны представляютъ записки А. В. Храповицкаго, изданныя въ *Утеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* въ 1862 году. Онѣ обнимаютъ періодъ отъ 1782 до 1793 года; значительнѣйшая же часть ихъ относится къ 1788—1790 годамъ, и въ этомъ періодѣ въ этихъ запискахъ преимущественно говорится о событіяхъ шведской войны. Изъ записокъ Храповицкаго видно, что тогда при дворѣ императрицы шведскія дѣла считались гораздо болѣе важными, чѣмъ война турецкая или отношенія Россіи къ прочимъ европейскимъ державамъ. Александръ Васильевичъ Храповицкій именно въ то время пользовался особеннымъ довѣріемъ императрицы, былъ ежедневно, иногда по нѣскольку разъ въ день, во дворцѣ и постоянно бесѣдовалъ съ государыней о всевозможныхъ дѣлахъ, въ томъ числѣ и о шведской войнѣ. Онъ сочинялъ стихи для оперъ Еватерины, въ томъ числѣ для оперы ея Горе-Богатырь, въ которой былъ осмѣянъ Густавъ III; иногда даже цо ночамъ онъ занимался перепиской литературныхъ произведеній императрицы, бывалъ часто по утрамъ у нея „при волосочесаніи“, получалъ щедрые подарки и зналъ иногда о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ подробнѣе, чѣмъ знали о нихъ Безбородко и Остерманъ, у которыхъ онъ часто бывалъ съ порученіями отъ императрицы. Человѣкъ умный, честный и безусловно преданный Екатеринѣ, онъ былъ типъ царедворца тогдашнихъ временъ. О содержаніи своихъ бесѣдъ съ Екатериной, о разныхъ случаяхъ, сплетняхъ, разговорахъ, газетныхъ замѣткахъ, о литературныхъ извѣстіяхъ, о современныхъ заграничныхъ новостяхъ въ области политики, о состояніи здоровья Екатерины и о своемъ, обо всѣхъ придворныхъ мелочахъ и дрязгахъ, равно какъ и о самыхъ важныхъ событіяхъ Храповицкій сообщаетъ въ своемъ дневникѣ самыя любопытныя подробности. Такой источникъ имѣетъ для исторіографіи большее значеніе, чѣмъ дѣловыя бумаги или какія-либо литературныя произведенія. Послѣднія сообщаютъ намъ лишь о томъ, что происходитъ на самой исторической сценѣ, тогда какъ матеріалъ, въ родѣ записокъ Храповицкаго, даетъ намъ возможность всматриваться и въ то, что происходитъ за кулисами.

Въ началѣ войны было строго запрещено „на биржѣ, въ клубахъ и трактирахъ говорить о дѣлахъ политическихъ, о распоряженіяхъ

военныхъ и умножать неосновательные и неприличные толки, подъ штрафомъ, за преступленіе сего установленнымъ¹⁾). Немудрено поэтому, что мы весьма мало знаемъ о настроеніи умовъ въ Россіи относительно войны. Русская публика не заявляла тогда о своемъ взглядѣ на политическія событія. Однако по крайней мѣрѣ одно свидѣтельство о томъ, какъ нѣкоторые разсуждали о войнѣ, сохранилось въ бумагахъ извѣстнаго историка князя Щербатова, слѣдившаго за современными событіями въ области политики и составившаго о нихъ свое мнѣніе. Его статья: „Отвѣтъ на вопросъ, что думать слѣдуетъ о поступкѣ нашего двора въ разсужденіи нынѣшней турецкой войны, какое дѣйствіе она содѣлала къ произведенію шведскія войны и прочемъ тому подобномъ“ — писана въ іюлѣ 1788 года и напечатана въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей*, 1860 г., кн. I. Его же: „Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную Ея Императорскому Величеству Оберъ-Прокуроромъ Сената Неклюдовымъ по причинѣ торжества шведскаго мира 1790 года 5-го сентября“, изданъ тамъ же (въ III кн. *Чтеній*, 1860 года).

Въ статьяхъ о князѣ Потемкинѣ, помѣщенныхъ въ нѣмецкомъ журналѣ *Minerva* (въ 1798 и 1799 годахъ) встрѣчаются нѣкоторые любопытныя данныя о шведской войнѣ. Авторомъ этихъ статей считается секретарь саксонскаго посольства въ С.-Петербургѣ, Гельбигъ.

Изъ другихъ сочиненій, касающихся нашего предмета, замѣчательны слѣдующія: 1) *Horst*, Geschichte des letzteren schwedisch-russischen Krieges; Frkf. a. M., 1792; и 2) *Posselt*, Geschichte Gustafs III; Karlsruhe, 1792. Оба эти сочиненія, изданныя еще при жизни Густава, составлены на основаніи официальныхъ шведскихъ данныхъ и исполнены похвалъ Густаву и его брату Карлу. Въ нихъ преобладаетъ риторика и краснорѣчіе. Они могутъ намъ замѣнить недоступныя для насъ шведскіе бюллетени о военныхъ дѣйствіяхъ и заключаютъ въ себѣ множество подробностей о войнѣ, не встрѣчаемыхъ въ другихъ сочиненіяхъ. Писанныя современниками, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этихъ событій, эти сочиненія имѣютъ значеніе скорѣе какъ мемуары, чѣмъ какъ законченные историческіе труды.

Какъ въ этихъ двухъ сочиненіяхъ, такъ и въ сочиненіи д'Аквили (d'Aquila): *Histoire des évènements mémorables du règne de Gustave III*; Paris, 1807 (въ 2 томахъ), почти вовсе нѣтъ ссылокъ, между тѣмъ какъ изъ послѣдней книги видно, что авторъ, бывавшій въ Швеціи,

¹⁾ Полное Собр. Зак., XXII, № 16663: Именной указъ, данный С.-Петербургскому губернатору 27-го мая 1788 года.

имѣлъ подъ рукою множество самыхъ любопытныхъ источниковъ. Отличительною чертой этого сочиненія можно назвать ненависть автора къ политикѣ Россіи, дѣйствія которой онъ старается выставить въ самомъ мрачномъ видѣ; въ то же время онъ, подобно Горфту и Поссельту, безпредѣльно восхваляетъ Шведскаго короля.

Сочиненіе Шанца (Schantz): *Historia öfver kriget emellan Sverige och Ryssland åren 1788, 1789 och 1790*; Stockholm, 1819 (2 тома), заключаетъ въ себѣ подробный, но чрезвычайно сухой разказъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Политическіе вопросы разработаны въ этомъ сочиненіи гораздо менѣе, чѣмъ вопросы чисто военные. Преимущественно имъ, но также и другими матеріалами пользовался Гилленгранатъ при составленіи своего сочиненія: *Исторія морскихъ войнъ Швеціи* (отрывокъ изъ этого сочиненія помѣщенъ въ *Морскомъ Сборникѣ* 1863 года, № 5 и 7).

Наконецъ, еще должно упомянуть о сочиненіяхъ: Манну Мальманена (Mannu Malmanen): *Anjala-förbundet*; Stockholm, 1848; и Рейна (Rein): *Kriget i Finland åren 1788, 1789 och 1790*; Helsingfors, 1860 (въ изданіи Финляндскаго Ученаго Общества: *Bidrag till kannedäm af Finlands Natur och Folk*), которыя, впрочемъ, не столько заключаютъ въ себѣ обзоръ исторіи войны вообще, сколько могутъ считаться монографіями о конфедераціи въ Аньялѣ, бывшей важнымъ эпизодомъ въ этой войнѣ и въ особенности имѣвшей прямое вліяніе на событія похода 1788 года. Объ этомъ событіи я имѣлъ случай говорить въ особой статьѣ, помѣщенной въ *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.* за мартъ 1868 года.

I.

Причины войны между Швеціей и Россіей и приготовленія Швеціи.

Отношенія Густава III къ Франціи, Англіи, Пруссіи, Турціи, Даніи и Россіи. — Побудительныя причины къ войнѣ для Густава. — Россія желаетъ мира. — Приготовленія къ походу въ Швеціи. — Мѣры, принятія въ Россіи при слухахъ о вооруженіяхъ Швеціи.

Густавъ III, какъ извѣстно, тотчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ старался принять мѣры для улучшенія политическаго быта Швеціи. Тутъ-то и оказалась самая тѣсная связь между вопросами внѣшней и внутренней политики. Густавъ сначала надѣялся освободиться отъ преобладающаго значенія дворянства; затѣмъ онъ долженъ былъ подуматъ объ оборонѣ противъ наступательнаго движенія Россіи; наконецъ уже при немъ является планъ, осуществившійся нѣ-

скольво позже, — присоединить Норвегію къ Швеціи. Таковы были главныя черты политической программы молодого короля, приготовившагося къ своей карьерѣ частью во время своей поѣздки по Европѣ, въ особенности же во время своего пребыванія во Франціи.

Между тѣмъ какъ Данія, Пруссія и Россія желали сохраненія прежней формы правленія въ Швеціи, дѣлавшей роль шведскихъ королей весьма ничтожною, Франція поддерживала королевскую партію въ Стокгольмѣ, доставляя ей значительныя суммы денегъ и содѣйствуя такимъ образомъ вооруженію Швеціи противъ Россіи. Такъ было и въ 1741 году. Еще въ 1747 и 1751 годахъ Швеція получала субсидіи отъ Франціи, въ особенности для расходовъ по содержанию укрѣпленій въ Финляндіи. Громадныя суммы были истрачены Франціей по случаю сейма въ Стокгольмѣ въ 1765 году. Французское правительство желало приобрести сильнаго союзника на сѣверѣ и для этой цѣли не щадило ни денегъ, ни труда. Однако послѣ 1765 года, до вступленія на престолъ Густава III, французская партія въ Стокгольмѣ не имѣла особеннаго значенія. Партія „шапокъ“ была преобладающею. За то государственный переворотъ 1772 года могъ считаться торжествомъ политики Франціи надъ политикою Россіи. Во Франціи навѣрное ожидали этого событія, которое и могло совершиться лишь при помощи французскихъ субсидій. Другъ Густава III, графъ Стедингъ, находился во время катастрофы шведскаго дворянства, въ августѣ 1772 года, въ Страсбургѣ, гдѣ еще до этого событія распространился слухъ о торжествѣ короля надъ феодальною партіей. Въ газетахъ явились замѣтки о происшествіяхъ въ шведской столицѣ, какъ о фактѣ, уже совершившемся, между тѣмъ какъ они послѣдовали лишь нѣсколькими днями позже. Въ Страсбургѣ Стедингъ и его товарищи составили по этому случаю поздравительный адресъ королю Густаву, который былъ доставленъ въ Стокгольмъ не позже какъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ совершившагося государственнаго переворота ¹⁾.

Англія и Франція, недовольныя раздѣломъ Польши, опасались подобныхъ событій и въ отношеніи къ Швеціи. По настоятельному требованію Франціи, англійскій кабинетъ обратился къ дворамъ Петербургскому, Вѣнскому и Берлинскому съ заявленіемъ насчетъ обезпеченія участи Швеціи. Французскій кабинетъ объявлялъ, что въ случаѣ нападенія на Швецію со стороны Даніи, Франція намѣрена всею силою

¹⁾ *Geffroy, Gustave III et la cour de France, въ Revue des deux mondes 1865, LIX, стр. 352.*

помогать Швеціи. Англія и Франція условились между собою въ томъ, чтобы въ случаѣ наступательнаго движенія Швеціи противъ Россіи первая не могла разчитывать на получение субсидій отъ Франціи, но чтобы въ случаѣ нападенія Россіи на Швецію, Англія никакимъ образомъ не помогала Россіи, а Франція непременно всевозможными средствами поддерживала бы Швецію. Франція обѣщала предоставить Швеціи въ такомъ случаѣ отъ 10.000 до 12.000 человекъ войска. Далѣе Франція обязалась уплатить Швеціи въ продолженіе 1772 и 1773 годовъ 800.000 ливровъ, назначенныхъ для приведенія въ надлежащее состояніе шведскаго войска и флота ¹⁾. И въ переговорахъ съ Австріей Франція старалась тогда дѣйствовать въ пользу Швеціи. Французскій кабинетъ, узнавъ, что Фридрихъ II имѣлъ въ виду отнять у Швеціи ея владѣнія въ Помераніи, тотчасъ же снесся съ австрійскимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ, графомъ Мерси, для принятія мѣръ противъ предположеній Прусскаго короля ²⁾.

При французскомъ дворѣ Шведы пользовались особеннымъ уваженіемъ. Графъ Стединкъ былъ до того популяренъ во французской столицѣ, что тамъ въ театрѣ давали пьесу, въ которой восхвалялись его подвиги въ войнѣ за освобожденіе Америки ³⁾. 6-го октября 1778 года онъ писалъ королю Густаву, что французскій дворъ обращается съ нимъ и его товарищами гораздо почетнѣе, чѣмъ съ княземъ Долгорукимъ и другими русскими офицерами ⁴⁾. Въ 1784 году Густавъ находился въ Парижѣ. Тогда носились слухи, что Россія и Данія предполагаютъ сдѣлать нападеніе на Швецію. Поэтому Густавъ въ личныхъ совѣщаніяхъ съ королемъ Людовикомъ XVI и его министрами, Верженномъ и Бретелемъ, требовалъ вооруженнаго вмѣшательства Франціи, годичныхъ субсидій и кромѣ того немедленной уплаты значительной суммы денегъ. Въ письмѣ къ королю Людовику XVI Густавъ указывалъ на прежніе союзы между Франціей и Швеціей: Густава Вазы съ Францискомъ I и Густава Адольфа съ Людовикомъ XIII. Онъ старался убѣдить короля Людовика XVI въ томъ, что интересъ и слава Франціи равнымъ образомъ должны заставить ее искать себѣ союзника на сѣверѣ съ тою цѣлью, чтобы противодѣйствовать чрез-

¹⁾ Gustaf III: в efterlemnade Pappers, I, 237.

²⁾ Тамъ писалъ шведскій посланникъ, графъ Крейцъ, изъ Парижа въ октябрѣ 1772 года; см. *Histor. Zeitschr.*, herausg. v. H. v. Sybel, sechster Jahrgang, 1864, 3 Heft, ss. 237 и 238.

³⁾ *Geffroy*, I. c., 354.

⁴⁾ *Stedingk, Mémoires*, I, 17.

мѣрному усиленію Россіи ¹⁾). Густавъ писалъ это въ то время, когда Россія не имѣла никакихъ намѣреній дѣйствовать противъ Швеціи наступательно, немного позже свиданія съ Екатериной въ Фридрихсгамѣ. Французскій кабинетъ считалъ опасность, угрожавшую Швеціи, менѣе страшною и поэтому обѣщалъ Швеціи 12.000 человѣкъ войска, 12 линейныхъ кораблей и 6 фрегатовъ лишь въ случаѣ дѣйствительнаго на нее нападенія. Людовикъ XVI, въ отвѣтъ на письмо Густава, уклонялся отъ слишкомъ значительныхъ жертвъ въ пользу Швеціи, при чемъ указывалъ на неудовлетворительное финансовое положеніе Франціи вслѣдствіе участія этой державы въ войнѣ за освобожденіе англо-американскихъ колоній ²⁾). Впрочемъ 12-го іюля Густавъ III имѣлъ совѣщаніе съ французскимъ министромъ Калонномъ и при этомъ случаѣ достигъ своей цѣли. Людовикъ XVI не ограничился обѣщаніемъ посредничества въ пользу Швеціи въ случаѣ нападенія на эту державу, но обязался также и въ мирное время, для приведенія Швеціи въ достаточное оборонительное состояніе, уплатить кромѣ годичныхъ субсидій еще 6 милліоновъ ливровъ, по 100.000 ливровъ ежемѣсячно ³⁾). Въ слѣдующемъ году, возвратясь въ Швецію, Густавъ III, съ особеннымъ удовольствіемъ писалъ Французскому королю, что Швеція теперъ въ состояніи выступить въ походъ съ 22 линейными кораблями и 15 фрегатами, что артиллерія приведена въ удовлетворительное состояніе, и что приобрѣтено достаточное количество ружей и

---

¹⁾ «J'ai cru qu'il était de la gloire de la France et de son intérêt d'avoir un allié dans le Nord qui pût contrebalancer le colosse énorme qui s'y augmente tous les jours et qu'il nous était à tous les deux nécessaire de nous unir avant que le tourbillon des grands évènements, qui se préparent, eût tout emporté... C'est par une fermeté inébranlable, qu'on impose aux ambitieux, ce n'est pas par des ménagemens et des égards qu'on les retient».

²⁾ «Votre Majesté sait que le premier devoir des rois est de soulager les peuples, qui leur sont confiés, surtout au sortir d'une guerre, dont les charges ont été fort pesantes, et que les circonstances alors ne permettent pas de faire tout ce qu'on voudrait pour ses alliés».

³⁾ Людовикъ XVI писалъ къ Густаву 14 іюля: «En cas que V. M. viendrait d'être attaquée, j'emploierai d'abord mes bons offices pour détourner, s'il est possible, l'aggression... et pour aider dès à présent V. M. dans les réparations, dont elle s'occupe pour donner plus de consistance aux forces de son état; je m'engage, indépendamment du subside annuel convenu entre nous, lui donner un secours extraordinaire de 6 millions de livres, qui seront payés à raison de 100.000 fr. par chaque mois jusqu'à l'extinction entière de la susdite somme... Впрочемъ Людовикъ XVI выражалъ надежду: «que V. M. n'entrera dans aucun traité défensif avec la Russie, quelques nominations qu'on puisse lui donner».

военныхъ снарядовъ ¹⁾). Итакъ, можно было полагать, что Густавъ уже не столько думалъ объ оборонѣ, сколько о наступательныхъ дѣйствіяхъ. Такъ смотрѣли въ С.-Петербургѣ на образъ дѣйствій Шведскаго короля; таковы же были и опасенія Англіи и Франціи. Людовикъ XVI, желая сдерживать по возможности предприимчиваго Густава, выразилъ ему свое удовольствіе, что военныя силы Швеціи развиваются, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавилъ замѣчаніе, что, какъ должно надѣяться, эти военныя силы Швеціи будутъ залогомъ сохраненія мира, и что Густавъ, довольствуясь обезпеченіемъ границъ своего государства, не дастъ повода къ нарушенію мира ²⁾). Близкая къ революціи Франція не могла желать какого-либо участія въ войнѣ между Швеціей и Россіей. Однако французскія деньги играли весьма важную роль при вооруженіи Швеціи, и потому Россія должна была считать Францію чуть-ли не враждебною себѣ державой. Изъ записокъ французскаго посланника при С.-Петербургскомъ дворѣ, графа Сегюра, видно, что его положеніе во время начала войны, при всемъ личномъ къ нему уваженіи Екатерины, было весьма затруднительно. Чѣмъ ближе къ войнѣ, тѣмъ менѣе, впрочемъ, союзъ Швеціи съ Франціей обѣщаль выгодъ Густаву. Франція скорѣе казалась даже готовою сблизиться съ Россіей ³⁾). Вскорѣ по открытіи военныхъ дѣйствій Россія надѣялась на содѣйствіе Франціи къ восстановленію мира ⁴⁾). Однако Франція, находившаяся уже тогда на краю бездны, мало значила въ во-

¹⁾ La Suède peut sortir ce printemps avec une flotte de vingt-deux vaisseaux de ligne presque tous neufs et quinze frégates, et cela dans l'espace de six semaines. L'artillerie n'a pas été négligée, et V. M. sait déjà par l'inquiétude, que cela a donné à mes voisins, qu'elle a été distribuée dans tous les endroits où elle doit être tant pour la défense que pour le prompt transport en cas de nécessité. Nous avons aussi une garniture nouvelle de fusils et d'armes pour l'infanterie et la cavalerie»....

²⁾ Connaissant la prudence et la sagesse de V. M., je suis bien assuré, que, content de pourvoir à la sureté de ses états, elle évitera toute démonstration, qui pourrait être un sujet ou même un prétexte d'inquiétude pour qui que ce soit» (*Geffroy, Revue des deux mondes*, 1865, LIX, 385). Эти доселѣ совершенно неизвѣстные документы, довольно краснорѣчиво рисующіе отношенія между Швеціей и Франціей, въ особенности касательно вопроса о русской политикѣ, замѣтнованы г. Жезеруа изъ французскаго архива иностранныхъ дѣлъ.

³⁾ *Зап. Храповицкаго*: (22-го октября 1787 года) «Читана съ удовольствіемъ парижская депеша, изъ коей познается сближеніе двора французскаго съ нашимъ».

⁴⁾ Тамъ же, 27-го іюля 1788 года: «Графу Сегюру поручено, обще съ французскимъ министромъ въ Стокгольмѣ, стараться о примиреніи насъ со Шведами».

просахъ общеевропейской политики. Въ какихъ же отношеніяхъ къ Швеціи были прочія державы?

Важнѣе всего для Россіи были отношенія къ Густаву III Англіи и Пруссіи. Онъ приходился племянникомъ Фридриху Великому. Шведскій король могъ видѣть въ прусскомъ образцѣ государственнаго чловѣка, монарха, успѣвшаго поднять свое небольшое государство на высокую степень могущества и славы. Густавъ стремился къ подобной же цѣли и считалъ возможнымъ возвращеніе для Швеціи славнаго періода Густава-Адольфа, когда его отечество могло считаться первоклассною державой. Однако такіе планы сталкивались съ интересами Пруссіи. Еще при Фридрихѣ - Вильгельмѣ, Великомъ курфирствѣ, Швеція и Бранденбургія боролись за первенство на сѣверо-востоки Европы, и уже тогда Пруссія оказалась сильнѣе Швеціи и представляла болѣе выгодныя условія для дальнѣйшаго развитія. Теперь же, когда у Фридриха II, укрѣпившаго значеніе Пруссіи Семилѣтнею войною, вновь явилась мысль объ отторженіи Помераніи отъ Швеціи, Пруссія могла дѣйствовать гораздо болѣе значительными силами и притомъ за одно съ Россіей. Какъ ни часто расходились интересы Пруссіи и Россіи въ восточномъ вопросѣ, относительно Польши и Швеціи Берлинскій и Петербургскій кабинеты нерѣдко могли дѣйствовать вмѣстѣ. Въ договорѣ, заключенномъ между ними 2-го октября 1769 года въ Петербургѣ, въ тайномъ параграфѣ было сказано:

„Уже въ союзномъ договорѣ 1764 года объ договаривающихся державы согласились въ томъ, что сохраненіе настоящей формы правленія въ Швеціи должно считать необходимою. Сими утверждаются торжественно и формально обязательства обѣихъ державъ въ этомъ отношеніи. Если соединенная и согласная дѣятельность посланниковъ Пруссіи и Россіи въ Стокгольмѣ не будетъ имѣть желанныхъ результатовъ, и если, не смотря на всѣ усилія обѣихъ державъ, Швеція сдѣлаетъ нападеніе на Россію, или если въ Швеціи удалось бы господствующей партіи ниспровергнуть форму правленія, установленную въ 1720 году, и предоставить королю неограниченную власть давать законы, объявлять войну, собирать палаты, созывать сеймы и раздавать должности безъ согласія на то сената, — то въ каждомъ изъ этихъ случаевъ е. в. король Пруссій обязуется по желанію е. в. императрицы сдѣлать диверсію въ Шведской Помераніи, отправивъ въ это герцогство надлежащее количество войска“.

Однако нарушеніе шведской конституціи Густавомъ III въ 1772 году и совершенный имъ удачный государственный переворотъ не имѣли слѣдствіемъ такого серьезнаго столкновенія съ Пруссіей, хотя Фридрихъ II и не былъ доволенъ событіями, совершившимися въ Швеціи, и писалъ тогда своему племяннику:

„Изъ письма вашего величества, отъ 21-го августа, я узналъ о счастливо совершенномъ измѣненіи формы правленія въ Швеціи. Однако неужели вы думаете, что это событіе ограничится удачей внутренней революціи въ вашемъ государствѣ? Развѣ вы забыли, что Россія, Данія и я самъ были порукой сохраненія уничтоженной теперь формы правленія? Я желаю, ваше величество, чтобы вы помнили сказанное вамъ мною еще въ Берлинѣ! Я опасаясь, что слѣдствія этого событія поставятъ ваше величество въ положеніе хуже прежняго, и что оно будетъ эпохой самыхъ большихъ несчастій, которыя могутъ приключиться въ отношеніи къ Швеціи. Я уже съ давнихъ поръ взялъ на себя обязательства предъ Россією; честь и честность равнымъ образомъ не позволяютъ мнѣ отказаться отъ ихъ исполненія. Увѣряю васъ, что я нахожусь въ отчаянномъ положеніи, потому что я принужденъ дѣйствовать какъ непріятель вашего величества. Вы какъ бы кинжаломъ прикоснулись къ моему сердцу, поставивъ меня въ такое страшное положеніе. Я не вижу выхода этому дѣлу. То же самое я написалъ и ея величеству, вашей матери, выставляя на видъ настоящее положеніе дѣла. Однако событіе теперь уже совершилось; затрудненіе заключается лишь въ отысканіи средства, какъ бы помочь этому злу. Я долженъ считать тотъ день счастливейшимъ въ моей жизни, когда мнѣ удастся поправить случившееся“.

Такъ писалъ Фридрихъ королю Шведскому, а въ письмѣ къ матери его употребилъ еще сильнѣйшія выраженія. Густавъ въ отвѣтъ своемъ указывалъ на опасность, угрожавшую Швеціи со стороны Россіи, и представилъ королю планъ обороны Финляндіи, на что Фридрихъ, какъ бы шутя, опять писалъ къ Густаву:

„Подарите мнѣ Померанію, драгоцѣннѣйшій перлъ въ вашей коронѣ, чрезъ которую вы находитесь въ сношеніи съ Европой, и безъ которой въ Европѣ и не знали бы вовсе о существованіи Швеціи, и я сдѣлаю все, чтобы буря, готовая подняться противъ вашего величества, утихла“.

Густавъ III хорошо понималъ, что Пруссія дѣйствительно могла сдѣлаться опасною для Швеціи. Послѣ перваго свиданія съ Екатериной въ 1777 году онъ въ письмѣ къ ней жаловался на Фридриха, увѣряя при этомъ, что Швеція думаетъ лишь о мирѣ:

„Къ сожалѣнію, сказано въ этомъ письмѣ, одинъ государь своими непрерывными проектами обращаетъ на себя вниманіе Европы и нарушаетъ ея спокойствіе. Его предпріятія уже привели въ удивленіе весь міръ: однако онъ постоянно составляетъ предположенія о расширеніи предѣловъ своего государства; онъ содержитъ въ мирное время войско болѣе многочисленное, чѣмъ то, которое содержалъ Людовикъ XIV во время войны: онъ обратилъ свои взоры на Мекленбургъ, Шведскую Померанію, Данцигъ, можетъ-быть, и на Курляндію“¹⁾.

Такимъ образомъ Шведскій король старался по крайней мѣрѣ содѣйствовать къ разстройству союза между Пруссіей и Россіей. Съ

¹⁾ Gustaf's Pappers, I, 225 — 227; II, 109.

своей стороны Фридрихъ II желалъ, чтобы средства, которыми располагалъ Густавъ, оставались ничтожными. Онъ не хотѣлъ, чтобы Шведскій король думалъ о какихъ-либо смѣлыхъ предпріятіяхъ:

„Пользуйтесь вашимъ успѣхомъ, писалъ онъ ему послѣ государственнаго переворота 1772 года, заботьтесь о восстановленіи мира и порядка въ вашемъ отечествѣ. Но не забудьте, что теперь существуютъ три или четыре большія державы, которыя могутъ выставить по триста или четыреста тысячъ человѣкъ войска, и что при такихъ обстоятельствахъ король Шведскій уже не можетъ имѣть притязанія на славу побѣдъ и завоеваній“¹⁾.

Такимъ образомъ Фридрихъ одновременно казался доброжелательнымъ и враждебнымъ Густаву. Фридриху было выгодно противодѣйствіе шведской аристократіи власти короля, а между тѣмъ въ писемъ къ Густаву онъ порицалъ шведскихъ дворянъ за недостатокъ въ нихъ патріотизма, за ихъ продажность, легкомысліе и непостоянство. Сначала казалось, что Фридрихъ воспользуется революціею 1772 года, чтобы вмѣстѣ съ Россіею приступить къ раздѣлу Швеціи²⁾; затѣмъ однако Пруссія является чуть-ли не на сторонѣ Швеціи противъ Россіи.

Успѣхи Россіи и Австріи въ войнѣ съ Турціей возбуждали сильныя опасенія и въ англійскомъ, и въ прусскомъ кабинетѣ. Для того, чтобы остановить торжество императорскихъ дворовъ надъ Оттоманскою Портой, должно было подумать о диверсіи на сѣверѣ. Тутъ совершенно совпадали интересы Густава III и Фридриха-Вильгельма II. И Англія, и Пруссія были крайне довольны, когда вдругъ въ 1788 году въ лицѣ Густава явился защитникъ султана. Теперь обѣимъ этимъ державамъ казалось выгоднымъ образовать коалицію изъ Швеціи, Польши и Турціи противъ Россіи. Еще въ 1739 году между Швеціей и Турціей былъ заключенъ оборонительный союзъ. Когда началась вторая война Екатерины съ Турціей, Густавъ III, на основаніи этого договора, считалъ себя обязаннымъ сдѣлать нападеніе на Россію. То обстоятельство, что во время первой турецкой войны (1768—1774 годовъ) Швеція и не думала защищать Турцію, ясно доказывало, что тогда договоръ 1739 года въ самой Швеціи считался уже недействительнымъ. Но Густавъ, желая начать войну съ Россіей, воспользовался старымъ договоромъ, указывая на него, какъ на поводъ къ войнѣ, и въ продолженіе всего этого времени искалъ дружбы султана. Шведскій посланникъ въ Константинополь уже съ 1787 года пользовался

¹⁾ Сегюръ, 309.

²⁾ «Le roi de Prusse avait voulu préparer à la Suède le même sort qu'à la Pologne». *Geffroy*, l. c., 656.

тамъ особеннымъ уваженіемъ ¹⁾. Густавъ самъ утверждалъ, что онъ съ самаго начала войны получалъ субсидіи, которыя впрочемъ, по другимъ извѣстіямъ, стали уплачиваться не ранѣе какъ съ 1789 года ²⁾. Во всякомъ случаѣ Густавъ съ самаго начала войны состоялъ въ связи съ Турціей, и именно это обстоятельство придавало его предпріятію противъ Россіи особенное значеніе въ глазахъ Лондонскаго и Берлинскаго кабинетовъ. Они были готовы поддерживать непріятелей Россіи и войсками, и флотомъ, и деньгами. Положеніе Франціи при этомъ случаѣ было довольно затруднительно. Англія хотѣла отомстить Франціи за помощь, оказанную послѣдней англійскимъ колоніямъ въ Америкѣ. Франція хотѣла воспрепятствовать войнѣ на сѣверѣ, потому что при внутреннемъ своемъ разстройствѣ не желала ни съ кѣмъ разрываться. Когда французскій посланникъ, маркизъ де-Понсъ, возвращался послѣ отпуска въ Стокгольмъ, то въ инструкціи, данной ему 22-го іюня 1788 года въ Парижѣ, было сказано, что если Шведскій король будетъ дѣйствовать противъ Россіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ Англіи и Пруссіи, то онъ, король, тѣмъ самымъ лишается права считаться долѣе другомъ Франціи, и что французскій дворъ крайне сожалѣлъ бы о такомъ заблужденіи ³⁾.

Въ Петербургѣ знали о нерасположеніи Англіи и Пруссіи. Русскій посланникъ въ Лондонѣ писалъ оттуда, что Англія возбуждаетъ Шведскаго короля къ войнѣ съ Россіей ⁴⁾. Англійскій посланникъ при

¹⁾ 4-го іюля 1788 года изъ Стокгольма пишутъ, что «Порту уже съ годъ по нѣкоторымъ особливимъ обстоятельствамъ оказываетъ ко двору нашему великое дружество». *С. II. В.* 1788 года, стр. 893. Тамъ-же, 25-го іюля о торжественной аудіенціи шведскаго посланника у великаго визиря. Осенью 1788 года шведскій посланникъ получилъ въ подарокъ отъ султана драгоцѣнную табакерку, осмыпанную драгоцѣнными камнями; см. *С. II. В.*, 1788 г.

²⁾ Булгаковъ сообщалъ Потемкину о субсидіяхъ, обѣщанныхъ Портою Швеціи; объ этомъ въ *Mém. d'un off. suédois*. И въ Петербургѣ полагали, что Густавъ «вышелъ въ море помощію турецкихъ денегъ»; см. *Хранос.*, 2-го іюля. Геррманъ же утверждаетъ, что договоръ о субсидіяхъ состоялся лишь въ 1789 г.

³⁾ Si tout ce que le roi de Suède tente et projette est le résultat d'un concert formé avec l'Angleterre et la Prusse pour faire le plus grand mal possible aux Russes—le roi ne pourra plus regarder le roi de Suède que comme un ancien ami, qui lui a manqué, dont Sa Majesté déplorera l'égarément et à la ruine duquel elle ne pourra plus être à portée de mettre obstacle que par les motifs généraux qui lui imposent de prévenir les grandes révolutions en Europe». *Gef-froy*, 1. c., 667.

⁴⁾ För England var det hufvudsakligt att vara förvissadt om tillgång till Östersjön och de derifrån kommende producter. Rysslands politik var ledd af så

датскомъ дворѣ Эллиотъ заявилъ проектъ о необходимости заключить тѣсный союзъ между Англійей, Даніей и Швеціей. По мнѣнію Эллиота, вооруженный нейтралитетъ, виновницей котораго была Екатерина, содѣйствовалъ успѣхамъ англійскихъ колоній въ Америкѣ; русскій кабинетъ дѣйствуетъ скрытно, и Англія въ коммерческихъ сношеніяхъ съ Россією часто должна бороться съ разными затрудненіями, между тѣмъ какъ интересъ Англіи требуетъ главнымъ образомъ, чтобы Балтійское море для нея всегда было доступнымъ¹⁾. Союзъ съ Даніей и Швеціей считался Лондонскимъ кабинетомъ за лучшее средство для обузданія самовольства Россіи, а Швеція въ этомъ союзѣ должна была играть, по мнѣнію Эллиота, тѣмъ большую роль, что эта держава, граничащая съ Россіей, болѣе другихъ подвержена опасностямъ со стороны послѣдней. Въ случаѣ же нападенія на Швецію, союзъ Франціи — такъ утверждалъ англійскій дипломатъ — никогда не могъ бы имѣть такого значенія для Швеціи, какъ союзъ Англіи, которая всегда была бы въ состояніи своимъ флотомъ помогать Швеціи и Даніи. При всемъ томъ Эллиотъ увѣрялъ, что Англія не имѣетъ никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ Россіи, но что необходимо думать о томъ, какъ бы остановить страсть этой державы къ расширенію своихъ предѣловъ. Поэтому онъ желалъ, чтобы союзники гарантировали другъ другу свои владѣнія во всѣхъ частяхъ свѣта, и чтобы они препятствовали всякаго рода измѣненію территорій въ Европѣ. Эллиотъ разчитывалъ на присоединеніе къ этому союзу и Голландіи, а также и Пруссіи. Такой союзъ былъ бы, какъ надѣялся англійскій дипломатъ, сильнѣе всѣхъ союзовъ, когда-либо существовавшихъ въ мірѣ; въ немъ онъ видѣлъ единственное средство для освобожденія Турціи отъ перевѣса обоихъ императорскихъ кабинетовъ²⁾. Такія предположенія были довольно согласны съ тѣмъ

musken caprice, att ingen räkning derpå kunde göras, utan ett band på denna makten». Мнѣніе Эллиота найдено Гейеромъ въ Упсальской библиотекѣ и имъ же обнаружено.

¹⁾ *Сенорг*, 294. Зап. Храповицкаго, 22-го октября 1787 года: «Примѣтно недоброжелательство къ намъ Англіи». 16-го декабря: «Англійское министерство, по слуху о приступленіи Франціи къ нашему союзу съ императоромъ, приказало формально о томъ объясниться, представя худое состояніе Франціи и извѣстное по опытамъ къ намъ недоброжелательство; но какъ чрезъ то Франція можетъ усилиться, то Англія не приметъ поступка сего равнодушно».

²⁾ På detta sätt skulle denna Liga blifva den starkaste, som hankända någonsin existerat, och det enda medlet att frälsa Turkarna emot Kejsrerliga hofvens förenade styrka». *Pappers*, III, 204—206.

образомъ мыслей, на которомъ основывался договоръ, заключенный между Англіей, Пруссіей и Голландіей въ Лоо. Густавъ могъ, начиная войну, надѣяться на союзниковъ. Хотя и главный союзникъ Швеціи, Франція, не рѣшался помогать Густаву въ наступательной войнѣ, но послѣдній тѣмъ болѣе могъ разчитывать на одобреніе Пруссіи и Англіи. Сегюръ пишетъ объ этомъ: „Шведскій посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Нолькенъ, оставался въ дружбѣ со мною, но былъ откровененъ только съ Англичанами и Пруссаками“ ¹⁾).

На Данію однако Густавъ не могъ надѣяться. Датское правительство объявило Шведскому королю, что Данія останется нейтральною только въ томъ случаѣ, если Русскіе нападутъ на Шведовъ ²⁾). Если же Густавъ нападетъ на Россію, Данія подастъ помощь послѣдней. Отъ образа дѣйствій Даніи, дѣйствительно, многое зависѣло. Вражда между Скандинавскими государствами продолжалась уже нѣсколько вѣковъ. Со временъ Кальмарской уніи эта ненависть весьма часто выражалась въ кровопролитныхъ войнахъ. Для Швеціи особенно опасенъ былъ союзъ Даніи съ Россіей, вызвавшій уже въ началѣ Сѣверной войны необмѣновенныя усилія со стороны Карла XII. Теперь, во второй половинѣ XVIII вѣка, отношенія этихъ трехъ державъ между собою были такія же. Данія желала участвовать въ раздѣлѣ Швеціи, Швеція надѣялась въ будущемъ на присоединеніе къ своимъ предѣламъ Норвегіи, а Россія и при наступательныхъ, и при оборонительныхъ дѣйствіяхъ противъ Швеціи должна была считать Данію самымъ важнымъ союзникомъ. Швеція, находявшаяся одновременно въ опасности и со стороны Россіи, и со стороны Даніи, едва ли могла разчитывать на успѣхъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ обѣихъ державъ. И та, и другая располагали флотомъ; Датчане могли вторгнуться въ предѣлы Шведской монархіи со стороны Норвегіи, Русскіе со стороны Финляндіи. Между тѣмъ договоры, направленные противъ Швеціи, неоднократно заключались между Россіей и Даніей, въ продолженіе всего XVIII вѣка. Такъ, напримѣръ, въ 1766 году былъ заключенъ между обонми государствами договоръ, въ тайномъ параграфѣ котораго обѣ державы условились содѣйствовать сохраненію формы правленія, существовававшей тогда въ Швеціи, Извѣстный датскій министръ Струэнзе не хотѣлъ поддерживать русскую политику; но послѣ его паденія договоръ между Даніей и Россіей былъ

¹⁾ Сегюръ, 294.

²⁾ Тамъ же.

возобновленъ въ 1774 году. Уже 26-го ноября 1772 года шведскій посланникъ въ Копенгагенѣ писалъ къ Густаву: „Здѣшній дворъ и министерство безусловно преданы Россіи; между тѣмъ какъ низшіе классы здѣсь исполнены уваженія къ вашему величеству, здѣшніе вельможи въ отчаяніи по поводу нашей революціи“¹⁾. Въ Швеціи постоянно считали возможнымъ вмѣшательство Даніи въ шведскія дѣла вооруженною рукой. Еще до революціи 1772 года, Густавъ III, бывшій еще наслѣднымъ принцемъ, узналъ, что Данія и Россія, въ случаѣ измѣненія шведской конституціи, готовы сдѣлать нападеніе на Швецію. Въ 1769 году французскій посланникъ въ Копенгагенѣ узналъ изъ разговоръ съ графомъ Бернсторфомъ, что вооруженіе датскаго флота было направлено противъ Швеціи, и что открытіе или неоткрытіе военныхъ дѣйствій должно было зависѣть отъ того, кого выберутъ въ Стокгольмѣ въ члены тайнаго комитета. Выборъ членовъ партіи „шапокъ“ имѣлъ бы слѣдствіемъ войну. „Данія“, писалъ французскій посланникъ, „считаетъ обезпеченнымъ свое существованіе лишь чрезъ сохраненіе настоящаго государственнаго строя въ Швеціи. Къ тому же она всѣми мѣрами старается угодить Россіи“²⁾.

Положеніе Даніи было дѣйствительно опасно: Густавъ серьезно думалъ о завладѣніи Норвегіей. Государственный переворотъ 1772 года могъ считаться первымъ шагомъ къ достиженію этой цѣли. Еще до этого событія Густавъ думалъ, о томъ, чтобы въ одно и то же время сдѣлаться „освободителемъ“ и Швеціи, и Норвегіи. Въ запискѣ, составленной имъ тогда подъ заглавіемъ: *Réflexions sur la Suède et la Norvège au mois d'août 1772*, сказано между прочимъ:

„Всматриваясь въ настоящее положеніе трехъ Скандинавскихъ государствъ, нельзя не найти, что они всѣ страдаютъ отъ однихъ и тѣхъ же бѣдствій. Въ Швеціи ограниченіе монархической власти повело къ такому печальному положенію, въ какомъ находится Польша. Въ Даніи деспотическая власть находилась въ рукахъ ребенка и потому перешла также въ руки вельможъ, а въ послѣдствіи болѣзненное состояніе короля было причиною, что власть оставалась въ рукахъ фаворитовъ. Отъ всего этого еще болѣе страдаютъ Норвежцы, питающіе ненависть къ Даніи и презирающіе своего государя. Поэтому стоитъ только явиться смѣлому человѣку, который посредствомъ революціи прогналъ бы Датчанъ и возстановилъ бы прежнюю свободу Норвегіи. Естественно, что взоры Норвежцевъ при этомъ случаѣ устремлены на Швецію. Не смотря на то, что въ самой Швеціи государство находится въ крайней опасности, и что король ея едва-едва можетъ считаться царствующимъ, въ настоящую минуту можно думать объ этомъ предпріятіи. Принцу Оранскому,

¹⁾ Gustaf's Pappers, I, 234.

²⁾ Тамъ же, I, 92.

простому дворянину, удалось освободить Нидерланды изъ рукъ Филиппа II мужествомъ и любовью къ свободѣ; такимъ же образомъ и король Шведскій могъ бы вырвать Норвегію изъ рукъ слабаго государя, не имѣющаго союзниковъ, между тѣмъ какъ онъ долженъ опасаться Англій и не имѣетъ основанія надѣяться на Россію, занятую своими собственными дѣлами. Франція, монархъ которой соединенъ со Шведскимъ королемъ тѣсною дружбой, съ удовольствіемъ будетъ смотрѣть на увеличеніе власти сего послѣдняго. Данія еще только надѣется на внутренній раздоръ въ Швеціи; но мужество Шведскаго короля въ союзѣ съ интересами народа, было бы порукой успѣха“ и т. д. ¹⁾).

Въ сентябрѣ 1772 года распространился слухъ о томъ, что Датчане вооружаются въ Норвегіи. Густавъ уже сталъ принимать мѣры для рѣшительныхъ дѣйствій и отправилъ графа Толля къ норвежской границѣ, чтобы разузнать о положеніи этого края. Оказалось, что прежніе слухи о неудовольствіи въ Норвегіи были преувеличены ²⁾). Данія не начала войны, и Швеція пока оставила свои замыслы въ отношеніи къ Норвегіи. Но уже вскорѣ послѣ этихъ событій опять можно было ожидать столкновенія. Предполагая сдѣлать нападеніе на Россію, король писалъ въ 1775 году: „Я нуждаюсь въ трехъ арміяхъ: одна будетъ воевать съ Россіей, другая, обсерваціонная, должна находиться въ Шоніи, третья на границѣ Норвегіи“ ³⁾). Въ 1780 году возобновились слухи о предположеніи Густава относительно Норвегіи ⁴⁾). Екатерина писала объ этомъ Густаву, находившемуся въ Италіи. Густавъ около этого времени искалъ дружбы Россіи, а шведскій посланникъ въ Копенгагенѣ, графъ Крейцъ, въ 1784 году совѣтовалъ Густаву, посѣтившему въ предыдущемъ году императрицу, скорѣе думать о заключеніи тѣснаго союза съ Данією, чѣмъ о приобрѣтеніи дружбы Россіи. Этимъ способомъ, какъ полагалъ графъ Крейцъ, можно было бы измѣнить политическую систему на сѣверѣ Европы въ самой ея сущности. Густавъ предполагалъ проѣхать изъ Италіи въ Копенгагенъ, но въ отвѣтъ къ графу Крейцу утверждалъ, что при личной ненависти къ Даніи онъ не считаетъ возможнымъ заключеніе союза съ этою державой:

„Великій канцлеръ (Аксель Оксеншернъ современникъ Густава Адольфа), прибавилъ Густавъ, зная хорошо, что Данія всегда готова измѣнить Швеціи; она съ того времени не измѣнила своего образа мыслей и поэтому по-

¹⁾ Pappes, I, 230—233.

²⁾ Pappes, I, 203.

³⁾ Pappes, II, 108.

⁴⁾ См. проектъ Густава въ Pappes, III, 18 и слѣд.

теряла Шонію. Однимъ словомъ, я въ этомъ отношеніи думаю такъ, какъ думалъ Ганнибалъ въ отношеніи къ Римлянамъ“¹⁾.

Около того же времени король Шведскій отправилъ барона Функа въ Норвегію, чтобы разузнать о тамошнемъ настроеніи умовъ касательно вопроса объ отложеніи ея отъ Даніи. Итакъ, въ случаѣ войны Швеціи съ Россіей нельзя было сомнѣваться въ томъ, что Данія будетъ союзницею Еватерины. По этому вопросу даже существовали особня постановленія въ договорахъ между Даніей и Россіей. На основаніи трактата 1773 года Данія, въ случаѣ нападенія Швеціи на Россію, была обязана поставить извѣстное число кораблей и извѣстное количество войска, чтобы сдѣлать диверсію на границѣ между Швеціей и Норвегіей. Густавъ зналъ объ этомъ, и рѣшившись на войну съ Россіей, въ началѣ 1788 года сдѣлалъ попытку освободиться отъ опасности, угрожавшей ему со стороны Даніи.

Густавъ самъ отправился въ Копенгагенъ, чтобы подѣйствовать на датское правительство. Не смотря на помощь, оказанную ему при этомъ случаѣ посланниками англійскимъ и прусскимъ, эта цѣль не была достигнута. До послѣдней минуты скрывая свое намѣреніе начать войну съ Россіей, Густавъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пригласилъ датскаго наслѣднаго принца присутствовать на чрезвычайныхъ маневрахъ шведскаго войска въ Шоніи²⁾. Принцъ, считая Густава расположеннымъ къ войнѣ, обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ совѣтовалъ ему не нарушать мира. Также и принцъ Карлъ Гессенскій, датскій фельдмаршалъ, писалъ королю и говорилъ, что Густавъ въ войнѣ съ Россіей, даже и при удачныхъ для Швеціи военныхъ дѣйствіяхъ, не будетъ въ состояніи удержать за собою результаты успѣха, если Россія вдругъ заключить миръ съ Оттоманскою Портою. Густавъ въ отвѣтъ къ принцу Карлу умолялъ его содѣйствовать, чтобы датское правительство воспользовалось удобною минутой для заключенія тѣснаго союза съ Швеціею. Онъ грозилъ, въ случаѣ отказа, нападеніемъ на Данію:

„Вооруженія Швеціи таковы, сказано въ его письмѣ, что по истеченіи лишь одного мѣсяца шведское правительство можетъ замѣнить всѣ войска, отправленные въ Финляндію, свѣжими, и тогда шведское войско будетъ сильнѣе того, которое Данія можетъ выставить противъ Швеціи“³⁾.

Хотя послѣ этого Данія только довольно поздно рѣшилась отерпеть военныя дѣйствія противъ Швеціи и исполнить такимъ образомъ обя-

¹⁾ Pappes, III, 17, 18.

²⁾ С.-Петербург. Вѣд. 1788, стр. 634: Изъ Копенгагена, 29-го апр.

³⁾ Mémoires d'un officier suédois, рук. въ Имп. библ. въ С.-Петербург.

зательство договора 1773 года съ Россіей, хотя даже и Россія осенью 1788 года не особенно поддерживала военныя дѣйствія Даніи въ юго-западной части Швеціи, однако еще весной 1788 года Екатерина получила изъ Копенгагена основательнѣйшія свѣдѣнія о приготовленіяхъ Швеціи къ походу; уже этимъ Данія оказывала русскому правительству тѣмъ болѣе важную услугу, что въ Петербургѣ никакъ не ожидали войны съ Швеціей.

Густавъ, дѣйствительно, могъ считать отношенія Россіи къ Швеціи крайне опасными. При сильномъ вліяніи русскихъ и прочихъ дипломатовъ въ Стокгольмѣ на значительную партію въ дворянствѣ и при важныхъ привилегіяхъ, которыми пользовалось шведское дворянство, можно было считать верховную власть Шведскаго короля чуть ли не мнимою. Россія мѣшала политическимъ реформамъ; у русскаго посланника дворинѣ собрались въ ту ночь, когда въ 1768 году королевская партія имѣла въ виду совершить переворотъ въ пользу неограниченной монархіи; въ слѣдующемъ году посилились слухи, что Россія, для предупрежденія дальнѣйшихъ подобныхъ попытокъ, собираетъ войско и готовится къ походу ¹⁾. Пока Россія еще не начала войны; однако переворотъ 1772 года могъ уже считаться явнымъ нарушеніемъ Ништадтскаго мира. Поэтому тогда уже можно было ожидать рѣшительныхъ мѣръ со стороны Екатерины. Русское правительство, дѣйствительно, усилило гарнизоны въ крѣпостяхъ русской Финляндіи ²⁾. Густавъ съ своей стороны распорядился объ усиленіи укрѣпленій въ Свеаборгѣ. Но Англія явилась посредницей между Швеціей и ея сосѣдями, и такимъ образомъ на этотъ разъ дѣло обошлось безъ войны. Неудовольствіе Екатерины однако выразилось, между прочимъ, въ отказѣ Густаву со стороны Петербургскаго двора, когда Шведскій король изъявилъ готовность отправить къ императрицѣ посланника. По временамъ вновь носились слухи о вооруженіяхъ Россіи; говорили, что Россія, послѣ нарушенія со стороны Швеціи Ништадтскаго мира введеніемъ новаго государственнаго устройства, можетъ также считать этотъ договоръ недѣйствительнымъ и занять всѣ тѣ части Финляндіи, которыя до этого мира были заняты русскими войсками; разказывали, что Екатерина уже имѣла на готовѣ войско въ 40.000 человекъ и галерный флотъ, состоявшій изъ 73 судовъ, чтобы сдѣлать нападеніе на Шве-

¹⁾ Наслѣдный принцъ писалъ къ графу Шереру 1-го мая 1769 года: «Vi erhålla i detta ögonblick underrättelse att Kejsarinnan samlat Krigsfolk i Petersburg och rustar i Cronstadt». Gustaf's Pappers, I, 92.

²⁾ Pappers, I, 234.

цію. Въ концѣ 1772 года Густавъ, въ письмѣ къ графу Шефферу, выразилъ опасеніе, что хотя и на этотъ разъ буря затихла, но въ слѣдующемъ году можно ожидать ея возобновленія. Около этого же времени Екатерина писала къ Вольтеру по поводу событій въ Стокгольмѣ (^{6/17} октября):

„Кстати, что вы скажете о революціи въ Швеціи? Въ четверть часа или еще менѣе народъ лишился тамъ своей конституціи и своей свободы. Въ продолженіе двадцати минутъ представители сословій, окруженные войсками, обсудили 57 пунктовъ, изъявили свое согласіе и подписали ихъ. Я не знаю, можно ли назвать это кроткою властью, но ручаюсь, что Швеція лишена своей свободы, и что король въ этомъ государствѣ имѣетъ такую же деспотическую власть, какую имѣетъ король Французскій. И это могло совершиться не болѣе, какъ черезъ два мѣсяца послѣ того, что король и народъ дали клятву соблюдать взаимныя права!“

Въ другомъ письмѣ отъ ^{11/22} октября Екатерина писала Вольтеру о намѣреніи Густава завладѣть Норвегіей и прибавила, что вслѣдствіе этого можно ожидать общей войны ¹⁾. Однако войны все еще не было. Отношенія между Густавомъ и Екатериной сдѣлались даже чуть-ли не дружественными. Еще до государственнаго переворота Фридрихъ II совѣтовалъ своему племяннику посѣтить императрицу и воспользоваться ея совѣтами. Свиданіе это состоялось немного позже революціи съ тою цѣлью (какъ писалъ Густавъ въ своемъ дневникѣ), „чтобъ изгладить слѣды неудовольствія императрицы, произведеннаго достопамятнымъ 19-мъ августа 1772 года“ ²⁾; но какъ непрочна была эта дружба, видно изъ одного мнѣнія короля (promettogia), писаннаго въ октябрѣ 1775 года, въ которомъ сказано между прочимъ:

„Слѣдя за вооруженіями Россіи, я не могу не видѣть въ нихъ намѣренія вторгнуться въ предѣлы моего государства и исполнить предположенія, существующія уже со времени революціи, но устранивныя на время польскими дѣлами и Турецкою войной. Все влѣчится къ войнѣ въ настоящемъ или въ будущемъ году; должно, не теряя ни одной минуты, готовиться къ оборонѣ. Чтобъ окончить по возможности скорѣе такую войну, я намѣренъ всею силой напасть на Петербургъ и придуть такимъ образомъ императрицу къ заключенію мира“.

Но вскорѣ послѣ этого состоялось свиданіе между Екатериной и Густавомъ, и слухи о предстоящей войнѣ умолкли, по крайней мѣрѣ на время. Екатерина обласкала своего родственника, подарила ему значительную сумму денегъ и начала съ нимъ переписку. Густавъ

¹⁾ Pappers, I, 228, 229.

²⁾ «För att söka utplåna den bitterhet som den merkvärdiga dagen, d. 19 Aug. 1772, lemnat i hennes sinne».

проповѣдывалъ тогда миръ и въ письмѣ къ Екатеринѣ напомнилъ ей ея собственное изреченіе:

„Я люблю миръ и не начну войны; но въ случаѣ нападенія на меня, буду защищаться.... Швеція, замѣтилъ король даѣе, подобно выздоравливающему больному нуждается въ спокойствіи. Король этого государства считаетъ своею честью сохранить миръ. Онъ не можетъ начать войны безъ согласія на это чиновъ, и то обстоятельство, что онъ самъ въ этомъ отношеніи связалъ руки себѣ и своимъ наслѣдникамъ, должно считаться ручательствомъ основательности этого убѣжденія съ его стороны“.

Указывая за-тѣмъ на опасность, угрожавшую равновѣсію Европы со стороны Пруссіи, и желая разорвать союзъ между Фридрихомъ и Екатериной, король прибавляетъ:

„Умиротворить Европу было бы достойно вашего величества; я былъ бы счастливъ, какъ вашъ почитатель, другъ и родственникъ, если бы могъ содѣйствовать вамъ къ достиженію такой высокой и благотворной для чело-вѣчества цѣли“.

Однако краснорѣчіе въ перепискѣ между императрицей и Густавомъ не совсѣмъ согласовалось съ ихъ образомъ мыслей; шведскій посланникъ въ Парижѣ, графъ Крейцъ, писалъ 5-го сентября 1777 года:

„Верженнъ сказалъ мнѣ, что императрица послѣ вашего отъѣзда употребила выраженія, изъ которыхъ видно, что ея дружба не искренна; она между прочимъ замѣтила, что не вѣрится въ истину дружбы вашего величества“¹⁾.

Между тѣмъ казалось, что король былъ весьма доволенъ успѣхомъ своей поѣздки въ Петербургъ. 5-го августа 1777 года онъ написалъ къ графу Крейцу:

„Мое путешествіе удалось сверхъ ожиданія, и я уже пожинаю плоды его. Прежняя партія *шапокъ* уничтожена, и интриги дворянъ прекратились послѣ того, какъ рушились ихъ надежды безпокоить мое царствованіе возбужденіемъ ненависти ко мнѣ со стороны императрицы. Предразсудки замѣнены дружбой, и русскому посланнику поручили уже совершенно измѣнить свой образъ дѣйствій“.

Казалось въ самомъ дѣлѣ, что императрица желала дружбы съ Густавомъ. У послѣдняго родился сынъ, и послѣ этого Екатерина въ письмѣ къ королю подробно разказала о воспитаніи великаго князя Александра Павловича, о томъ, какъ она сама заботилась о его пищѣ, купаньѣ въ холодной водѣ, о вентиляціи въ его комнатѣ и о разныхъ мѣрахъ, принятыхъ ею для того, чтобы ребенокъ никоимъ образомъ не изнѣжился, о его прогулкахъ въ свѣжую погоду и т. п.²⁾

¹⁾ Att han ej brodde på varaktigheten af den (vänskap, den) E. M. betygat för henne).

²⁾ См. весьма любопытную и подробную статью въ изданіи Гейера, Gustaf's Pappers, II, 111 — 113.

Густавъ же, при своихъ стараніяхъ ввести при своемъ дворѣ національное платье, указывалъ на примѣръ Екатерины, достойный подражанія. Онъ же осенью 1777 года отправилъ своего шталмейстера Мунка въ Петербургъ къ Екатеринѣ и великому князю Павлу Петровичу съ подарками, состоявшими въ эшпажахъ и лошадаяхъ ¹⁾). Въ 1782 году у Густава родился второй сынъ, и при этомъ случаѣ онъ просилъ императрицу быть восприемницей новорожденного, при чемъ напоминалъ о слышанной имъ отъ нея поговоркѣ, что только два сына — сынъ. Екатерина отвѣчала: „Нѣтъ, одинъ сынъ не сынъ, два сына — полезна, три сына — сынъ“ ²⁾).

Въ 1783 году состоялось второе свиданіе между Екатериной и Густавомъ въ Фридрихсгамѣ, не смотря на то, что Густавъ незадолго до этого упалъ съ лошади и сломалъ себѣ руку ³⁾). Екатерина занималась изученіемъ исторіи, получала отъ Густава книги по исторіи Швеціи; хвалила его ученость, когда онъ для нея составлялъ обзоръ содержанія отправленныхъ къ ней книгъ, и уверяла его, что она смотритъ на него, какъ на самаго достойнаго члена академіи наукъ ⁴⁾). Но при всемъ томъ ни Густавъ, ни Екатерина не забывали политическихъ вопросовъ и мечтали первый о Норвегіи, вторая — о Финляндіи.

„Говорятъ“, писала Екатерина Густаву въ Венецію осенью 1783 года, „что вы намѣрены напасть на Финляндію и идти прямо къ Петербургу, по всей вѣроятности, чтобы здѣсь поужинать. Я, впрочемъ, не обращаю вниманія на такую болтовню, въ которой выражается лишь игра фантазіи“ ⁵⁾).

Екатерина не могла не узнать о договорѣ, заключенномъ между Швеціей и Франціей; она слѣдила за вооруженіями Швеціи. Весной 1784 года Густавъ былъ въ Финляндіи, обозрѣвалъ здѣсь войска и увѣрленія.

Но и со стороны Россіи продолжались дѣйствія, внушавшія опасенія Густаву. Въ 1786 году одинъ русскій генераль подъ предлогомъ обыкновеннаго путешествія объѣхалъ всю Финляндію, осмот-

¹⁾ Pappes, II, 110, замѣчаніе.

²⁾ Соловьевъ, Паденіе Польши, 184.

³⁾ Г. Соловьевъ несправедливо замѣчаетъ, что свиданіе это не состоялось. Къ Потемкину Екатерина писала о впечатлѣніи, произведенномъ Густавомъ на нее: „J'ai seulement trouvé qu'il était excessivement occupé de sa parure, se tenant fort volontiers devant le miroir et ne permettant à aucun officier de se présenter autrement à la cour qu'en habit noir et ponceau et point en uniforme“. См. соч. Лубедева, Графы Панины, 306.

⁴⁾ Соловьевъ, Паденіе Польши, 184.

⁵⁾ Herrmann въ Раумеровомъ *Taschenbuch*, 1857, стр. 986.

рѣль крѣпости и дефилей, обращалъ вниманіе на мѣста, удобныя для военныхъ дѣйствій противъ Швеціи, и старался разузнать о настроеніи умовъ въ населеніи Финляндіи ¹⁾. По случаю сейма въ Стокгольмѣ въ этотъ же году, русскій дипломатъ въ Швеціи умѣлъ воспользоваться раздоромъ между королемою и дворянствомъ: въ домѣ русскаго посланника происходили сходки оппозиціонныхъ депутатовъ сейма; одинаково дѣйствовали въ этотъ отношеніи Остерманъ, Морковъ, а послѣ того какъ Густавъ требовалъ удаленія послѣдняго, и Разумовскій ²⁾. Поддерживаемые Морковымъ, графъ Аксель Ферзенъ и семейство Браге на сеймѣ 1786 года находились во главѣ партіи враждебной королю; ни одно болѣе или менѣе важное предложеніе короля не было принято; говорили, что русскій посланникъ тогда уже чрезъ барона Спренгтпортена, вступившаго въ послѣдствіи въ русскую службу, узнавалъ о подробностяхъ событій на сеймѣ, которыми, по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, могли считаться настоящею причиною войны 1788 года ³⁾. О Спренгтпортенѣ разказывали дажда, что онъ сообщилъ князю Потемкину самыя тайныя проекты обороны Швеціи и Финляндіи, которые были имъ самимъ составлены и одобрены королемою ⁴⁾. Вступленіе Спренгтпортена въ русскую службу, впрочемъ съ согласія короля Густава, было чувствительною потерей для Швеціи и значительною выгодой для Россіи по вопросу о приобрѣтеніи Финляндіи.

Спренгтпортенъ въ борьбѣ между Густавомъ и Екатериной игралъ ту роль, которую при Карлѣ XII и Петрѣ Великомоу игралъ Патеулъ. И тотъ, и другой были представителями аристократической оппозиціи въ борьбѣ съ королевскимъ авторитетомъ; и тотъ, и другой мечтали о несбыточной политической самостоятельности провинцій, бывшихъ яблокомъ раздора между Россіей и Швеціей; и тотъ, и другой от-

¹⁾ *Posselt*, 339.

²⁾ См. статью о Потемкинѣ съ журналѣ *Minerva* 1798, IV, 465 и слѣд.

³⁾ *Arndt*, Schwedische Geschichten, 106.

⁴⁾ Письмо изъ Петербурга, отъ 9-го февраля 1787 года: «Das Publikum bleibt bei der Meinung, der Baron von Sprengtporten habe noch früher, als er die königlich schwedischen Kriegedienste verlassen, besonders aber bei dem letzten Reichstage in Stockholm dem hiesigen Hofe wichtige Dienste geleistet, welche der Herr von Morkow, als damaliger russischer Gesandter, vortrefflich zu benutzen gewusst habe. Gewisse Personen behaupten sogar, dass er die geheimsten Defensionspläne von Schweden und Finnland, die er vor etlichen Jahren selbst entworfen, und welche vom Könige von Schweden sehr approbirt worden, dem Fürsten Potemkin communicirt haben soll». См. статью Германиа въ *Taschenb*, Раумера, 1857, стр. 399.

личались способностями для военной и дипломатической карьеры; разчитывая на соперничество между двумя большими государствами, оба они надѣялись достигнуть большихъ выгодъ для своей родины въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; но эти слѣпкомъ узкія понятія о мѣстномъ патриотизмѣ, которыя у нихъ часто совпадали съ понятіями о феодальныхъ правахъ и объ аристократической республикѣ, довели ихъ до того, что они совсѣмъ лишились отечества. Въ Швеціи ихъ обоимъ считали измѣнниками и политическими преступниками, въ Россіи на нихъ смотрѣли съ подозрѣніемъ, хотя награждали ихъ и пользовались ихъ услугами для цѣлей русской политики.

Баронъ Спренгтпортенъ находился во главѣ сепаратистской партіи въ Финляндіи; онъ тамъ былъ организаторомъ тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью политическую агитацію. Его сношенія съ русскимъ посланникомъ Морковымъ въ Стокгольмѣ, его совѣщанія съ представителемъ Россіи въ Голландіи, его бесѣды съ императрицей Еваториною, все это не могло оставаться тайной для Густава. Король узнавалъ даже подробности дѣйствій этого даровитаго человека, способнаго въ политической интригѣ. Чѣмъ болѣе Спренгтпортенъ зналъ Финляндію, чѣмъ лучше онъ, въ случаѣ войны, находился на сторонѣ Россіи, могъ воспользоваться своимъ подробнымъ знакомствомъ съ мѣстностью для стратегическихъ цѣлей и знакомыми ему лицами для распространенія своихъ идей объ отторженіи Финляндіи отъ Швеціи, тѣмъ опаснѣе могло казаться его вступленіе въ русскую службу. Объѣзжая Финляндію, разузнавая настроеніе умовъ тамошняго населенія, дѣйствуя всѣми мѣрами на дворянство и готовя рѣшительный разрывъ съ Швеціей, онъ скритно дѣйствовалъ въ Финляндіи въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ Морковъ и Разумовскій довольно открыто дѣйствовали въ Стокгольмѣ.

Густавъ долженъ былъ думать о средствахъ остановить это движеніе. Съ одной стороны, ему были связаны руки постановленіемъ конституціи, которое запрещало ему начинать войну безъ согласія представителей дворянства; съ другой, именно война, успѣшная война съ Россіей, торжество надъ этимъ сильнымъ союзникомъ оппозиціоннаго дворянства могли спасти его. Нельзя было надѣяться, что дворянство охотно согласится на разрывъ съ Россіей, но нельзя было и опасаться, чтобы послѣ удачнаго похода, послѣ героическихъ подвиговъ въ такой войнѣ, шведскій народъ могъ оказаться взыскательнымъ за нарушеніе конституціи объявленіемъ войны безъ согласія сейма. Въ такомъ случаѣ король могъ смѣло разчитывать на сочув-

ствіе низшаго и средняго классовъ. Возбужденіе патриотизма въ послѣднихъ значило почти то же самое, что возбужденіе ненависти противъ сословныхъ интересовъ высшихъ слоевъ шведскаго общества, чуждыхъ общенациональнымъ интересамъ. Въ отчаянномъ положеніи, въ которомъ находились Швеція и Густавъ, единственнымъ средствомъ казалась военная диктатура. Густавъ - диктаторъ могъ думать одновременно о побѣдахъ надъ русскими войсками и о дальнѣйшихъ государственныхъ переворотахъ. Поэтому-то и можно назвать войну 1788 года какъ бы продолженіемъ революціи 1772 года. Шестнадцать лѣтъ прошло со времени этой революціи, и Россія въ продолженіе этого періода не объявляла войны Швеціи за такое нарушеніе Нимштадтскаго мира. Послѣдніе годы Густавъ употребилъ, большею частью съ помощью французскихъ денегъ, для вооруженія Швеціи, для постройки крѣпостей, для снаряженія флота, для умноженія и обученія войска. Наконецъ, въ то время, когда Россія была занята Турецкою войной, когда значительнѣйшая часть русскихъ войскъ находилась на югѣ, когда Россія никакъ не ожидала нападенія со стороны Швеціи, Густавъ рѣшился открыть военныя дѣйствія.

Въ надеждѣ на покровительство Англій и Пруссій начиная борьбу съ Россіей, одновременно отрывая съ русскимъ посланникомъ и съ русскимъ кабинетомъ дипломатическую переписку, долженствовавшую скоро окончиться передачей ультиматума, и отправляя уже войско и флотъ въ Финляндію, Густавъ, подобно азартному игроку, бросился въ отчаянное предпріятіе, которое легко могло повести къ самымъ страшнымъ катастрофамъ для Швеціи, и особенно для самого короля. При этомъ случаѣ нетрудно было Густаву найти поводъ къ войнѣ, потому что Россія, хотя и не желала ея, не переставала дѣйствовать въ прежнемъ направленіи своей политики по шведскимъ дѣламъ. За то Густаву въ такихъ обстоятельствахъ было почти невозможно дать войнѣ, начатой имъ, характеръ оборонительный. Никакія интриги не могли спасти короля отъ упрека, что на немъ лежала отвѣтственность за открытіе военныхъ дѣйствій. Онъ могъ утверждать, что политика Россіи и оппозиція внутри Швеціи заставляли его принять рѣшительныя мѣры, и что, начиная войну для защиты независимости Швеціи и поддержанія королевской власти, онъ лишь оборонялся; но формальная, юридическая сторона этого вопроса была ясна: не Россія начала войну въ 1788 году, а Швеція. Россія начала только дипломатическую переписку, поводомъ къ которой послужили приготовленія въ войнѣ со стороны Швеціи весной этого года.

Уже въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ Густавъ заботился о приведеніи въ надлежащее состояніе войска и флота. Флотъ въ особенности находился въ лучшемъ состояніи, чѣмъ когда-либо ¹⁾). Вообще, тогда считали Швецію весьма сильною и хорошо приготовленною къ войнѣ. Англійскій посланникъ въ Стокгольмѣ, Чарльсъ Кинъ (Charles Keene), писалъ въ Англію, что предположенную Густавомъ войну можно считать весьма опаснымъ предпріятіемъ, но что, по всей вѣроятности, можно ожидать успѣха для Швеціи на морѣ, потому что шведскій флотъ, безъ сомнѣнія, превосходитъ русскій и по свойству кораблей, и по способностямъ экипажей ²⁾). Напротивъ того вооруженіе Россіи считалось въ западной Европѣ недостаточнымъ. Сегюръ пишетъ объ этомъ:

„Дожные слухи и дурные совѣты подстрекнули Густава въ смѣлому нападенію. Говорили, что русскій флотъ плохо вооруженъ, что матросы все новобранцы. Густавъ тѣмъ легче вѣрилъ этимъ слухамъ, что имъ вѣрили вездѣ, даже у насъ (во Франціи). Нашъ дворъ, не смотря на мои депеши, полагалъ, что русская армія сильна болѣе по внѣшности, нежели на самомъ дѣлѣ. Правда, что на сѣверѣ русскія силы были незначительны, но онѣ были размѣщены по проходамъ, удобнымъ для вторженія, и потому останавливали Шведовъ“ ³⁾).

Изъ переписки Густава со шведскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ, барономъ Нолькеномъ, видно также, что король надѣялся заставить Россію не приготовленною къ войнѣ. Нолькенъ самими мрачными красками изображалъ положеніе Россіи, говорилъ о дороговизнѣ и неурожаѣ, о часто повторяющихся рекрутскихъ наборахъ, о тяжести налоговъ и повинностей, о разныхъ недостаткахъ въ администраціи и замѣчалъ, что все это лишало Россію возможности обороняться надлежащимъ образомъ въ случаѣ войны ⁴⁾). И другіе дипло-

¹⁾ Шаниъ говорить, что все было устроено самымъ удовлетворительнымъ образомъ; издатель же записокъ графа Стедина, генералъ Бьерншерма, замѣчаетъ (I, 76): «L'armée était mal exercée et mal disciplinée; la faute en était en grande partie au roi même, qui regardait exercice et discipline comme pédanterie et caporalisme.... le matériel de l'armée était délabré; il fallait s'emparer de plusieurs forteresses, et l'on n'avait ni canons de calibre, ni munition de guerre de ce genre. On manquait également de fusils de réserve, de personnes entendant le service des vivres et fourrages, de chirurgiens et de l'attirail nécessaire pour former des hôpitaux» и проч. Относительно флота Бьерншерма замѣчаетъ впрочемъ, что хотя число шведскихъ кораблей и не превосходило числа русскихъ судовъ, но матросы шведскіе считались лучше русскихъ.

²⁾ *Herrman y Raumer*, I. c., 1857; стр. 411.

³⁾ *Mémoires*.

⁴⁾ «La disette presque générale, les recrues fortes, se succédantes plus rapide-

маты сообщали подобныя извѣстія о финансовыхъ затрудненіяхъ, съ которыми бародась тогда Россія, и о недостаткахъ бюрократическаго управленія ¹⁾. Въ началѣ 1788 года Нолькенъ писалъ королю, что всѣ войска, которыми располагать русское правительство могло, отправлены въ турецкій походъ, и что только весьма немногo солдатъ оставлено въ Петербургѣ и его окрестностяхъ для защиты столицы въ случаѣ опасности со стороны Швеціи. При этомъ шведскій посланникъ увѣрялъ Густава, что Россія могла бы думать лишь объ оборонѣ и должна желать мира съ сосѣдями, пока не кончится Турецкая война ²⁾. Въ мартѣ мѣсяцѣ того же года Нолькенъ повторялъ то же самое, что Россія не думаетъ начинать войны съ Швеціей, и что при разстройствѣ финансовъ и незначительныхъ гарнизонахъ даже въ пограничныхъ крѣпостяхъ Финляндіи, при плохомъ состояніи, въ которомъ находились эти крѣпости, при томъ обстоятельстве, что даже изъ самой Финляндіи были отправлены войска въ Турцію, никакъ нельзя предположать, чтобы Россія думала о войнѣ ³⁾.

ment que jamais, les impôts et les corvées, mais surtout la manière barbare et intéressée, avec laquelle se font toutes ses opérations et la tyrannie d'une partie de ceux qui en sont chargés et dont l'impudence à voler la couronne et à écorcher les particuliers surpasse tout ce qu'on voit ailleurs; tout cela rend la Russie dans le moment présent infiniment malheureuse et absolument épuisée». Изъ государственнаго архива въ Швеціи; см. *Malmsten*, *Anjala-förbundet*, стр. 12.

¹⁾ См. письмо Фицъ-Герберта къ маршалу Кармартену 24-го августа 1786 г. о высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ и о недобросовѣстности поставщиковъ для войны. Письмо Салена ¹²⁾ января 1786 года: «Niemals ist das Finanzministerium unordentlicher dirigirt worden als jetzt» и т. д.; см. *Herrmann*, *Ergänzungsband*. Gotha, 1860 г. стр. 632, 647.

²⁾ «On a employé toutes les troupes, dont on a pu disposer pour être en force contre les Turcs, et celles, qui sont restées ici ou à portée de la capitale, auraient sans doute été du nombre des premières, si la défiance qu'on a eu de l'intention de Votre Majesté n'eut inspiré la précaution de les fixer ici. Mais elles ne sont certainement destinées qu'à la défense, et il est évident, que Sa Majesté l'Impératrice de Russie ne peut désirer que la tranquillité avec ses voisins autant que durera sa grande querelle». ^{28-го января} ^{8-го февраля}, тамъ же, у *Malmsten* 14.

³⁾ «La situation de l'empire est dans le moment présent des plus critiques et des plus tristes. La misère règne d'un bout à l'autre. Les espèces en argent et en cuivre sont presque entièrement disparues et la cherté passe toutes les bornes. Un abattement dans tous les esprits, un mécontentement profond et général en sont les fruits; et les personnes sensées de la nation s'étonnent que l'époque si malheureuse n'ait point fait éclore quelque révolte au sein de l'Empire».... 7-го марта: «Peut être jamais la cour de Pétersbourg a moins nourri de projets hostiles contre la

Густавъ старался распространить слухъ, что Россія вооружалась противъ Швеціи, что на границахъ уже были открыты военныя дѣйствія Русскими, между тѣмъ какъ самъ главнокомандующій шведскими войсками въ Финляндіи, графъ Поссе, былъ убѣжденъ въ миролюбіи Екатерины, и шведскія войска, прибывшія въ Финляндію, скоро убѣдились въ томъ же. Это обстоятельство могло служить важнѣйшимъ побужденіемъ къ войнѣ для Густава. Онъ чувствовалъ себя сильнѣе Россіи. Узнавъ, что Нолькенъ можетъ ручаться головой за сохраненіе мира со стороны Россіи ¹⁾, онъ тѣмъ охотнѣе готовился напасть въ располхъ на русскую Финляндію. Наконецъ, онъ надѣялся видѣть результаты многолѣтнихъ приготовленій къ войнѣ. Въ 1782 г. былъ учрежденъ въ Стокгольмѣ гидрографическій департаментъ, въ которомъ съ тѣхъ поръ составлялись спеціальныя карты и Финскаго залива. Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ участіе Швеціи въ вооруженномъ нейтралитетѣ, подававшее поводъ къ отправленію морскихъ экспедицій, было хорошею школой для шведскаго флота. Новыя изобрѣтенія въ области кораблестроенія были въ Швеціи примѣнены на практикѣ трудами одного изъ замѣчательнѣйшихъ специалистовъ по этой части, Фридриха-Гейнриха Чапмана. По соображеніямъ этого

Suède que dans le moment présent, où toutes les forces s'absorbent par la guerre, et que ce n'est peut-être par conséquent qu'une précaution raisonnable, qui ait dicté les mesures prises dans les contrées limitrophes aux états de Votre Majesté.» 2) 14 марта: «Je ne puis qu'assurer Votre Majesté et avec la plus parfaite connaissance de cause, que l'Impératrice ne couve aucun plan hostile contre la Suède, et qu'il serait même impossible qu'Elle en conçut dans le moment présent où Elle ne languit qu'après la fin d'une guerre, à laquelle Elle ne s'attendait pas. Ne pouvant pas encore empêcher les prétendus bruits, formés en Finlande et exagérés peut-être par les nouvelles ou rapports à ce sujet, je suis très persuadé, comme j'ai eu l'honneur de le marquer en dernier lieu, que tous ces mouvements ne sont faits que pour prendre les précautions, qu'on aura crû à sa place; considération, qui a fait retenir ici la plus grande partie des troupes de la division de Pétersbourg.» «Kejsarinnan är tvifelsutan uppfylld med så fallkomligt, som obilligt agg emot E. K. Majestät, men tiden att låta det utbrista tyckes ej vara kommen och synes åtminstone förutsätta fredens återställande med Porten». Det går ett rykte att mellan Neva och Cronstadt försvaranstalter göras... Garnisonerne uti Wiborg och Frederikshamn äro mycket förminskade... Under vägen har Major Morian mätt 860 jägare, som marcherat till Petersburg, hvilka äro destinerade till stora lägret eller Turkiet». Въ маѣ Нолькенъ пишетъ, что «les forteresses en Finlande et en Livonie sont en très mauvais état». *Malmaison*, l. c., 13, 15.

¹⁾ *Вейс*, l. c., 52.

послѣдняго и Эренсверда былъ выстроенъ галерный флотъ, столь важный въ особенности при защищеніи береговъ ¹⁾). Кроме того Эренсвердъ привелъ въ надлежащее состояніе укрѣпленія въ Свеаборгѣ ²⁾); значительное число рабочихъ трудились въ Карлскронѣ день и ночь, чтобы приготовить флотъ къ отплытію.

Въ началѣ мая король писалъ къ графу Поссе въ Финляндію, чтобы все было готово къ походу, чтобы вездѣ находились надлежащіе запасы, и чтобы крѣпости Свартгольмъ и Свеаборгъ были въ исправномъ состояніи ³⁾). Главныя распоряженія касались флота. Уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Густавъ приказалъ, чтобы флотъ былъ готовъ къ отплытію изъ Карлскроны къ концу мая, чтобы его снабдили съѣстными припасами на три года, и чтобы сухопутныя войска готовились къ переправѣ въ Финляндію. 17/28 мая братъ Густава, герцогъ Сюдерманландскій Карлъ, начальникъ флота, прибылъ въ Карлскрону; на другой день пріѣхалъ и самъ король. ^{29-го мая}_{9-го юня} корабельный флотъ выступилъ въ море. Но о предстоящей войнѣ съ Россіей еще не объявлялось. Даже экипажи на флотѣ не знали о цѣли предпріятія. Командиры отдѣльныхъ кораблей получили запечатанныя бумаги, въ которыхъ была обозначена цѣль экспедиціи, но распечатаніе этихъ пакетовъ было дозволено лишь въ случаѣ отдѣленія одного корабля отъ прочаго флота.

Только нѣсколько дней послѣ отплытія флота началась дипломатическая переписка, которая должна была повести къ разрыву.

Хотя въ Швеціи приготовленія къ войнѣ происходили по возможности тайно, но въ публикѣ здѣсь и тамъ начали говорить объ этихъ признакахъ нарушенія мира. Изъ Стокгольма писали въ Петербургъ, 25-го апрѣля, о вооруженіи королевской эскадры и о томъ, что она готовится къ отплытію въ концѣ мая; немного позже здѣсь получено извѣстіе, что баронъ Врангель будетъ командовать флотомъ, что Густавъ для осмотра флота готовится къ отъѣзду въ Карлскрону, а 25-го мая въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, было тоже сказано:

„Войска готовятся для выступленія въ учебные лагеря. Все сіе подаетъ поводъ какъ здѣсь, такъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ къ такимъ догад-

¹⁾ *Mellin*, Schwed. Geschichte, 332.

²⁾ *Schantz*, Historia öfver Criget åren 1788 11.

³⁾ См. письмо короля у *Рейна*, 56 — 58, изъ сенатскаго архива въ Гельсингфорсѣ. И тутъ говорится о необходимости принятія этихъ мѣръ вслѣдствіе слуховъ о вооруженіи Россіи, «till följd af de säkra underrättelser, som ifrån Rysland inlupit, rörande de krigsrustningar der förhavas».

камъ, которыя наиболѣе праздными политиками кофейныхъ домовъ подтверждаются. Они вооружаютъ уже въ мысляхъ своихъ и всѣ наши галеры“.

27-го мая въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* сообщается извѣстіе, изъ Стокгольма, что Густавъ и Карлъ уѣхали въ Карлскрону, и что „всѣмъ находящимся въ отпуску оберъ- и унтеръ-офицерамъ нашего флота приказано явиться немедленно въ должность“. Затѣмъ говорится объ особенной комиссіи, учрежденной для снабженія войскъ съѣстными припасами. Но цѣль этихъ мѣръ еще не объясняется, и только въ началѣ іюня находимъ въ газетахъ замѣтку, что и войско, и флотъ, и самъ король отправляются въ Финляндію ¹⁾.

Уже въ мартѣ мѣсяцѣ Екатерина узнала о приготовленіяхъ къ войнѣ въ Швеціи, но не придавала этимъ слухамъ особеннаго значенія. 22-го марта Храповицкій долженъ былъ переписывать

„записку въ Совѣтъ по слухамъ шведскаго вооруженія, что императрица Анна Іоанновна въ подобномъ случаѣ велѣла сказать, что въ *самомъ Стокгольмѣ камня на камень не оставитъ*“. „Сія твердость“, прибавляетъ Храповицкій „тогда подѣйствовала, а теперь Россія вдвое сильнѣе“.

Послѣ этого однако прошло нѣсколько недѣль, и Храповицкій ничего не отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ о вооруженіяхъ Швеціи, между тѣмъ какъ, въ это время онъ много говоритъ о внѣшнихъ дѣлахъ, о депешахъ изъ Англіи, Франціи и пр. Въ концѣ апрѣля императрица спокойно переѣхала въ Царское село. Наконецъ 4-го мая Храповицкій пишетъ:

„По прочимъ министерскимъ бумагамъ открывается, что Шведы, по паученію Пруссіи, а можетъ-быть, и Англіи, получа вспоможеніе деньгами, намѣреваются сдѣлать диверсію. Король хотѣлъ объявить въ сенатѣ, что, не вѣря отправленію нашему въ Средиземное море, опасается, чтобы мы не напали на Карлскрону, и для того старается сдѣлать морское вооруженіе, нашему подобное“.

11-го мая: „Въ почтѣ подтверждается вооруженіе Шведовъ“. 19-го мая: „Въ почтѣ изъ Стокгольма подтверждается королевское вооруженіе и подозрѣваютъ, что онъ получилъ субсиды“. Въ этотъ же день Екатерина съ досадою замѣтила: „Англія вездѣ намъ мѣшаетъ“ ²⁾. И изъ Копенгагена сообщались извѣстія о продолжавшихся въ Швеціи приготовленіяхъ къ войнѣ ³⁾ и объ образованіи тамъ обсервационной эскадры ⁴⁾. 26-го мая Храповицкій пишетъ:

¹⁾ *С.-Петерб. Вѣд.* 1788 г., стр. 534, 619, 669, 685, 701, 719.

²⁾ Записки Храповицкаго.

³⁾ См. *С.-Петерб. Вѣд.*, 566.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 685.

„Читана перелюстрація датскаго въ Стокгольмѣ министра; она согласна съ донесеніемъ нашего графа Разумовскаго. Король Шведскій сильно вооружается и имѣетъ пособіе деньгами, но, не смѣя начать, ожидаетъ отъ насъ нападенія для собственныхъ своихъ выгодъ“.

На другой день графъ Безбородко поручилъ Храповицкому написать и поднести императрицѣ указъ Грейгу, чтобы

„по доходящимъ извѣстіямъ о шведскомъ вооруженіи, отрядить скорѣе три легкія судна для нужнаго примѣчанія тамошнихъ приговореній, назначивъ одному изъ нихъ идти противъ Свеаборга, другому противъ Карлс-кроны, а третьему крейсировать въ Ботническомъ заливѣ, съ тѣмъ, чтобы скорѣйшее и достовѣрное могли привезти свѣдѣніе“ ¹⁾.

Въ тотъ самый день Екатерина писала къ Потемнну:

„Великій князь собирается къ вамъ въ армію, на что я согласилась, и думаю отселѣ выѣхать 20-го іюня, буде шведскія дѣла его не задержатъ; буде же полумный король шведскій начнетъ войну съ нами, то великій князь останется здѣсь“ ²⁾.

Однако тогда Екатерина еще надѣялась на сохраненіе мира. 28-го мая она замѣтила: „Я Шведа не атакую, онъ же выйдетъ смѣшенъ“. А Спренгтпортенъ насмѣшливо сказалъ о Густавѣ: „Je crois qu'il veut se défaire de la Finlande“ ³⁾. Безпокойство императрицы продолжалось. 31-го мая Храповицкій замѣчаетъ о ней: „Не веселы“, и прибавляетъ:

„Я писалъ секретный указъ Ревельскому губернатору Врангелю, чтобъ навѣдывался отъ корабельщиковъ купеческихъ судовъ, въ Ревель приходящихъ, о движеніяхъ шведскаго флота, въ море вышедшаго, и чтобы, не предполагая никакого тутъ опасенія, принять пристойныя мѣры къ отвращенію народнаго страха, буде бы по симъ обстоятельствамъ оказались люди боязливые“ ⁴⁾.

Императрица не желала, чтобы публика преждевременно узнала о предстоящей опасности. 27-го мая данъ указъ С.-Петербургскому губернатору, въ которомъ подтверждались прежніе указы, въ силу которыхъ было запрещено публично говорить о политическихъ дѣлахъ. Затѣмъ уже были приняты мѣры для обороны. Побѣдитель Пугачева, Михельсонъ, былъ отряженъ для командованія войсками въ Финляндіи ⁵⁾. Получено было извѣстіе, впрочемъ ложное, будто бы шведскій флотъ показался уже близъ Ревеля. Въ послѣдствіи оказа-

¹⁾ Храповицкій: «Указъ мною поднесенъ и подписанъ».

²⁾ *Соловьевъ*, Паденіе Польши, стр. 186.

³⁾ «Я думаю, что онъ хочетъ отдѣлаться отъ Финляндіи».

⁴⁾ Записки Храповицкаго.

⁵⁾ Записки Храповицкаго, 2-го іюня.

лось, что суда купеческія были приняты за военныя ¹⁾). Императрица сильно безпокоилась и велѣла приказать Чичагову, чтобъ онъ спѣшилъ выйти въ море съ флотомъ. „Примѣтно беспокойство, или больше, досада“, замѣчаетъ при этомъ случаѣ Храповицкій. Екатерина заботилась о пріисканіи разныхъ картъ, чтобъ осмотрѣть положеніе пограничныхъ мѣстъ въ Финляндіи. 4-го іюня императрица въ тревогѣ разказала Храповицкому, что къ барону Нолькену пріѣзжалъ курьеръ отъ короля, и что шведскій дипломатъ „сидѣлъ три часа запершись и обратно курьера отправилъ“ ²⁾). Въ разговорѣ съ Храповицкимъ Екатерина спросила его: „Croyez-vous que se fou m'attaquera?“ На что Храповицкій отвѣтилъ, указывая на выгодный для Россіи параграфъ шведской конституціи, въ силу котораго король не имѣлъ права начать отъ себя наступательную войну: „qu'il ne faut pas être l'agresseur pour n'être pas abandonné de ses alliés“ ³⁾). „Мы, конечно, не начнемъ“, сказала Екатерина ³⁾). Въ тотъ самый день она писала къ Потемкину:

„Мнѣ кажется, они не задерутъ, а останутся при демонстраціи. Осталось рѣшить лишь единый вопросъ: терпѣть ли демонстрацію? Если бы ты былъ здѣсь, я бы рѣшилась въ пять минутъ что дѣлать, переговора съ тобою. Если бы слѣдовать своей склонности, я бы флоту Грейгову да эскадрѣ Чичагова приказала разбить въ прахъ демонстрацію: въ сорокъ лѣтъ Шведы таки не построили бы корабли; но сдѣлавъ такое дѣло, будемъ имѣть двѣ войны, а не одну. Начать намъ и потому никакъ не должно, что если онъ насъ задеретъ, то отъ шведской націи не будетъ имѣть по ихъ конституціи никакой помощи, а буде мы задеремъ, то они дать должны; итакъ полагаю, чтобъ ему дать свободное время дурить, денегъ истратитъ и хлѣбъ съѣсть“ ⁴⁾).

7-го іюня узнавъ, что не военный шведскій флотъ, а купеческія суда показались около Ревеля, Екатерина замѣтила: „Почти выходить, что опасаться нечего; мы Шведа не задеремъ, а буде онъ начнетъ, то можно его проучить. Хорошо о сихъ обстоятельствахъ изъясняется графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ: онъ снялъ пограничные караулы, но заградилъ всѣ мѣста, къ проходу нужныя“. На другой день Храповицкій также имѣлъ разговоръ съ Екатериной о Шведахъ и снова приводитъ ея слова о Густавѣ: „Онъ не велѣлъ начинать

¹⁾ Тамъ же, 2-го и 7-го іюня.

²⁾ Изъ замѣчанія Храповицкаго: «Сіе вышло послѣ донесенія Рыльева, которому велѣно примѣчать за Шведами», видно, какъ заботливо тогда начали слѣдить за признаками предстоящаго нарушенія мира.

³⁾ Храповицкій называетъ союзниками Россіи шведскихъ дворянъ.

⁴⁾ Храп., 4-го іюня.

⁵⁾ *Соловьевъ*, 1. с., 186 и 187.

своимъ стрѣльбу, слѣдовательно, и мы не начнемъ“. Итакъ, Екатерина, съ одной стороны, все еще надѣялась на миръ въ тѣ дни, когда графъ Разумовскій (7/18 іюня) началъ въ Стокгольмѣ дипломатическую переписку, поведшую къ окончательному разрыву, и когда одновременно съ этимъ (11/22 іюня) на морѣ послѣдовала встрѣча русской эскадры съ шведскою, вслѣдствіе чего герцогъ Карлъ казался готовымъ открыть военныя дѣйствія. Между тѣмъ слухи о предстоящей войнѣ подтверждались отовсюду, и бесѣды съ Храповицкимъ о Швеціи продолжались. Екатерина начала вѣрить въ возможность войны съ Густавомъ.

Уже въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца отъ русскаго посланника въ Парижѣ, Симолина, было получено увѣдомленіе, что шведскій дворъ „сдѣлалъ нотификацію французскому двору о приготовленіяхъ своихъ единственно въ защищеніе“. Поэтому Екатерина, 12-го іюня, утромъ, за кофейнымъ столомъ указывала на то обстоятельство, что король Шведскій всѣмъ сообщилъ о своемъ вооруженіи, вромѣ Россіи, между тѣмъ какъ въ другое время „когда и въ лагерь выходилъ, то присылалъ сказывать“. Положеніе Россіи было таково, что уже каждый день можно было ожидать формальнаго объявленія войны. „Пришлетъ ли при входѣ въ Финляндію съ войсками?“ спросила Екатерина Храповицкаго и велѣла „сказать о семъ графу Безбородко, и чтобъ поговорить съ графомъ Муснинымъ-Пушкинымъ о прибавкѣ войскъ для обезпеченія границъ Выборгской губерніи“. 14-го іюня Храповицкій пишетъ: „Въ Польшѣ думаютъ, что Шведскій король самъ войну намъ объявитъ“, а 15-го іюня:

„По депешамъ изъ Парижа и изъ Стокгольма открываются виды короля Шведскаго, чтобъ имѣть съ нами войну. Примѣтна досада. Приказано подать вѣдомость о числѣ войскъ, внутри имперіи находящихся“.

16-го іюня въ разговорѣ о Швеціи Екатерина сказала: „Буде дѣло пойдетъ на негоціацію, то можетъ - быть, Шведскій король захочетъ, чтобъ я признала его самодержавнымъ“. При большихъ разстояніяхъ, медленномъ сообщеніи и въ особенности при осторожномъ образѣ дѣйствій Густава, не желавшаго окончательнаго разрыва, прежде чѣмъ онъ окончитъ всѣ приготовленія къ отъѣзду въ Финляндію, Екатерина еще нѣсколько дней оставалась въ недоумѣніи, въ одно и то же время и опасаясь войны, и надѣясь на сохраненіе мира.

Въ Финляндіи были уже приняты мѣры для защищенія главныхъ пограничныхъ дефилей; адмиралъ Грейгъ былъ уже отправленъ съ флотомъ къ Ревелю „для примѣчанія движеній шведскаго флота

и чтобъ его побить, буде начнетъ сражаться“; Храповицкій по поводу замѣчанія Спренгтпортена, что Густавъ можетъ вздумать атаковать Кронштадтъ, не спалъ уже всю ночь, думая постоянно о такой опасности, — а рѣшительныхъ извѣстій все еще не было. Екатерина велѣла привести Кронштадтскую крѣпость въ оборонительное состояніе (при этомъ случаѣ употреблялись французскіе офицеры и инженерны), хотя и ей казалось крайне невѣроятнымъ, чтобы замыслы Густава могли доходить до такихъ предѣловъ; но она не хотѣла пренебрегать никакими мѣрами предосторожности, высказывая впрочемъ какъ бы свое убѣжденіе, что нападеніе на Кронштадтъ чуть-ли не невозможно. „Пришло обдумывать и дурачества, дабы на всякомъ пунктѣ разбилъ себя лобъ“. Наконецъ, 21-го іюня получено извѣстіе о дипломатическомъ разрывѣ, послѣдовавшемъ въ Стокгольмѣ между графомъ Разумовскимъ и Шведскимъ королемъ; но и тогда еще Екатерина сказала: „Мы *hostilité* не начнемъ“. Горячность впрочемъ начинала уже брать верхъ у Екатерины; смѣлость Густава оскорбляла ее: „Примѣтна досада“, замѣчаетъ Храповицкій, сообщая изреченіе императрицы: „Надобно быть Фабіемъ, а руки чешутся, чтобы побить Шведа“.

Русское правительство надѣялось на внутренній раздоръ въ Швеціи; оно считало возможнымъ парализовать предпримчивость Шведскаго короля постановленіями шведской конституціи и оппозиціей шведскаго дворянства; императрица съ удовольствіемъ слушала разказы барона Спренгтпортена о недостаточныхъ средствахъ, которыми располагалъ король, о финансовыхъ затрудненіяхъ, съ которыми постоянно боролось шведское правительство, и о революціонномъ настроеніи умовъ въ Швеціи и особенно въ Финляндіи ¹⁾. Въ глазахъ русскаго кабинета все это могло быть препятствіемъ къ войнѣ; король напротивъ того долженъ былъ видѣть въ войнѣ лучшее и рѣшительнѣйшее средство для улучшенія своего положенія. Его популярность въ Швеціи обусловливалась успѣхомъ во внѣшней политикѣ; послѣ удачныхъ военныхъ дѣйствій онъ даже могъ надѣяться на увеличеніе своихъ финансовыхъ средствъ чрезъ согласіе сейма на увеличеніе налоговъ. Въ самой Швеціи думали, что король желаетъ собрать значительное войско лишь съ тою цѣлью, чтобы, созвавъ сеймъ въ Або, объявить себя самодержавнымъ ²⁾. Прибавимъ къ этому, что, по разказу Сегюра,

¹⁾ См. журналъ *Minerva*, 1798, IV, 472.

²⁾ «D'autres disaient que le roi faisait assembler l'armée en Finlande pour faire tenir une diète à Abo», etc. Mémoires d'un officier, рукопись въ Импер. Публ. Библ. въ С.-Петербургѣ.

Густавъ кромѣ того надѣялся возбудить движеніе въ свою пользу и въ Лифляндіи. Дипломатическая же переписка, начатая графомъ Разумовскимъ уже послѣ того, какъ все было готово къ выступленію Шведовъ въ походъ, могла считаться въ глазахъ Густава чуть-ли не простою формальностью; но въ то же время именно эти документы, сдѣлавшіеся извѣстными всей Европѣ, могли служить, по его мнѣнію, какъ бы оправданіемъ его образа дѣйствій. Дипломатическій разрывъ между обѣими державами чуть-ли не достойнѣе вниманія, чѣмъ военныя дѣйствія, начавшіеся еще до совершеннаго прекращенія дипломатическихъ сношеній. Борьба на бумагѣ заключаетъ въ себѣ событія, можетъ-быть, болѣе крупныя, чѣмъ факты самаго похода 1788 года, который, за исключеніемъ битвы при Гогландѣ, не представляетъ никакихъ особенно важныхъ стратегическихъ моментовъ.

Поэтому мы сначала обратимъ вниманіе на дипломатическую переписку между Россіей и Швеціей, тѣмъ болѣе любопытную, что литературный талантъ Екатерины и Густава играетъ довольно важную роль въ составленіи документовъ, которые были не только дипломатическими грамотами, но и политическими памфлетами, и выражали не только политическое столкновеніе между двумя государствами, но и личную антипатію между императрицей и королемъ.

II.

Дипломатическій разрывъ между Россіей и Швеціей.

Переписка гр. Разумовскаго со шведскимъ правительствомъ. — Русскій манифестъ. — Ультиматумъ Густава III. — Шведская декларация 21-го іюля. — Возраженіе Екатерины II на декларацию. — Настроеніе умовъ въ Швеціи.

Въ іюнѣ 1788 года графъ Разумовскій, слѣдя за дѣйствіями короля, далъ знать въ Петербургъ, что Густавъ вооружаетъ галерный флотъ, что въ Финляндіи собирается войско въ 30.000 человекъ, и что Густавъ самъ намѣренъ командовать этимъ войскомъ, между тѣмъ какъ герцогъ Сюдерманландскій долженъ взять на себя начальство надъ флотомъ. Разумовскій писалъ:

„Король Шведскій объявилъ въ засѣданіи сената, что вооруженіе и образъ дѣйствій Россіи заставляютъ его готовиться къ войнѣ для предупрежденія ударовъ, которые императрица желаетъ нанести Швеціи. Король поэтому прибавилъ, что онъ послалъ курьера къ барону Нолькену, которому велѣно требовать отъ русскаго правительства объясненія, но что Нолькенъ получилъ на это лишь высокомерный, сопровождаемый угрозами отвѣтъ и чуть-ли

не повелѣніе сложить оружіе. При такихъ обстоятельствахъ честь народа и его безопасность требуютъ, чтобы Швеція употребила всѣ средства для того, чтобы выйдти изъ такого опаснаго положенія⁴⁾.

Послѣ этого можно было ожидать рѣшительныхъ дѣйствій и со стороны Россіи²⁾. Императрица писала тогда:

„Императрица Анна Іоанновна, имѣя въ 1738 или 1739 году пребываніе свое лѣтнее въ Петергофѣ, получила извѣстіе, что Шведы намѣреваются сдѣлать высадку войскъ на здѣшнемъ берегу, приказала сдѣлать Шведамъ объявленіе въ такой силѣ, что буде осмѣлятся учинить подобное чего, то чтобы за вѣрное полагали, что она въ самомъ Стокгольмѣ камень на камень не оставитъ. По твердости сего объявленія или по инымъ причинамъ остановилась тогда назойливость шведская. Но то неоспорно, что доходы имперіи и ея силы морскія и сухопутныя, коммерція и многолюдство были противъ теперешняго едва-ли не въ половинѣ, и считалось нѣсколько губерній менѣе теперешняго, чего сообщить графу Разумовскому, дабы онъ легкомыслію, вѣтренности, назойливости и живовразсѣянными слухамъ зналъ чѣмъ преграду учинить³⁾).

И въ самомъ дѣлѣ графъ Разумовскій дѣйствовалъ согласно съ этими соображеніями. 7/18 іюня онъ передалъ шведскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Оксеншернѣ, записку, совершенно сходную съ желаніемъ императрицы. Содержаніе этой записки было слѣдующее:

„Слѣдя за вооруженіемъ Швеціи и не видя никакой къ тому побудительной причины, русское правительство пока молчало; теперь же императрица узнала чрезъ датское правительство, вслѣдствіе тѣсной дружбы между Россіей и Даніей, что приготовленія къ войнѣ въ Швеціи направлены противъ Россіи на томъ основаніи, что Швеціи угрожаетъ нападеніе. Между тѣмъ въ продолженіе 26-лѣтняго царствованія Екатерина не переставала изъяснять ко-

4) Разумовскій прибавилъ къ этому, что король старается увѣрить всѣхъ, что онъ дѣйствуетъ сообразно видамъ Франціи. Сегоюръ замѣчаетъ, что полученіе этого извѣстія распространило большую тревогу во дворцѣ императрицы и въ городѣ. Онъ не говоритъ о днѣ пріѣзда курьера, но изъ записокъ Храповицкаго можно бы заключить, что это было 15/26 іюня. Судя по замѣчанію d'Aquila, II, 80, сцена въ сенатѣ происходила 13/24 мая.

2) d'Aquila, II, 86: «Le comte Razoumowsky, alors ministre plénipotentiaire de Russie en Suède, avait de l'adresse et assez de pénétration; il avait même quelques amis à Stockholm. Dans cette circonstance cependant il ne sut point découvrir le but de tous les préparatifs, qui se faisaient. Les sénateurs étaient des hommes intègres à l'abri de toute séduction; ainsi ce ministre ne put rien savoir de certain». Дѣйствительно, то обстоятельство, что Екатерина такъ долго надѣялась на сохраненіе мира, подтверждаетъ это показаніе. Однако можно полагать, что Разумовскій подъ конецъ уже довольно подробно зналъ о положеніи дѣлъ, что видно и изъ его вышеприведеннаго донесенія.

3) *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 185 и 186.

родію п шведской націи желаніе сохраниль миръ между Швеціей п Россіей на основаніи Абовскаго договора, и потому предположеніе Шведскаго правительства о томъ, что Россія теперь, въ то самое время, когда она занята войною съ сильнымъ непріателемъ, предполагаетъ воевать и съ Швеціей, лишено всякаго основанія и принуждаетъ императрицу объявить чрезъ своего посланника *министерству его величества короля Шведскаго, а также и всѣмъ тѣмъ, кои въ сей націи нѣкоторое участіе въ правленіи имѣютъ*, что ея императорское величество можетъ только повторить имъ увѣреніе своего миролюбія и *участія, пріемлемаго ею въ сохраненіи ихъ спокойствія* ¹⁾, но что если такое увѣреніе не окажется достаточнымъ въ возстановленію тишины и спокойствія, императрица готова ожидать всего, что случится, падѣясь на силу и средства своего государства и на свою непорочность и невинность ²⁾.

Изъ этой записки ясно видно, до какой степени расходились интересы Густава и Екатерины. Разумовскій говорилъ о святости Абовскаго мира, между тѣмъ какъ Шведскій король надѣялся завладѣть вновь всею Финляндіей ³⁾; императрица желала сохраненія *спокойствія* въ Швеции, то-есть, ненарушенія постановленій государственнаго права, связывавшихъ королю руки, между тѣмъ какъ онъ имѣлъ въ виду дальнѣйшіе перевороты для расширенія своей власти. Густавъ желалъ сдѣлаться самодержавнымъ, а представитель Россіи въ официальной запискѣ по вопросу о мирѣ и войнѣ обращался не только къ королю, но п „*ко всѣмъ, кои участіе въ правленіи имѣютъ*“, то-есть, къ дворянству, котораго интересы *относительно сохраненія спокойствія* сходились съ интересами русскаго кабинета, — къ тѣмъ авторитетамъ, отъ которыхъ зависѣло, согласно съ правилами конституціи, рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ, — къ тому сословію, которое желало возстановленія государственнаго устройства, существоваващаго до 1772 года. Король принялъ вышеозначенное выраженіе графа Разумовскаго за оскорбленіе. Съ давнихъ поръ уже Густавъ видѣлъ въ русскомъ посланникѣ сильнѣйшее препятствіе къ достиженію своихъ цѣлей. Еще задолго до того въ одной запискѣ, подъ заглавіемъ: „Объ опасности политическаго равновѣсія въ Европѣ со времени вступленія на престолъ Екатерины II“, авторомъ которой считался Густавъ, говорится о графѣ Разумовскомъ слѣдующее:

¹⁾ «Dass sie für die Erhaltung der Ruhe in Schweden sich äusserst interessire». *Posselt*, 345.

²⁾ См. весь документъ въ русскомъ переводѣ у *Колотова*, III, 264 — 269; на нѣмецкомъ языкѣ у *Горфта*, 39 — 42; въ извлеченіи у *Поссельта*, *Сейора*, и др.

³⁾ «Bannir la Russie de la Baltique», какъ сказано въ рукописи: *Mémoires d'un officier suédois*.

„Онъ былъ неумѣренъ и въ рѣчахъ, и въ дѣйствіяхъ, открыто распространялъ неудовольствіе и въ самой столицѣ, на глазахъ двора старался запятнать короля въ мнѣніи народа; никогда никакой дипломатъ не нарушалъ столь явно своихъ обязанностей относительно уваженія къ коронованнымъ лицамъ, къ правиламъ гостепріимства и къ постановленіямъ международнаго права, какъ онъ“¹⁾.

Теперь же Густавъ замѣтилъ въ одномъ письмѣ изъ замка Гага: „Съ тѣхъ поръ какъ дѣло дошло до настоящаго положенія, отъ меня уже нельзя ожидать особенныхъ любезностей“²⁾. Нельзя отрицать, что графъ Разумовскій не могъ не заявить формально и положительно о миролюбивыхъ вѣдахъ Россіи, что и было одобрено тогда, между прочимъ, графомъ Сегюромъ, но съ другой стороны, нельзя удивляться и тому, что Густавъ въ такомъ обращеніи къ самымъ опаснымъ своимъ врагамъ внутри Швеціи видѣлъ оскорбленіе. И въ самой Россіи въ послѣдствіи считали образъ дѣйствій русскаго посланника неосторожнымъ и слишкомъ сильно вызывающимъ короля на рѣшительныя мѣры³⁾. Въ особенности, — какъ говоритъ одинъ изъ современниковъ, — Потемкинъ, находившійся въ Турецкомъ походѣ, узнавъ о дипломатическомъ разрывѣ съ Швеціей, былъ крайне недоволенъ мѣрами русскаго кабинета, вызвавшими, по его мнѣнію, диверсію Швеціи въ пользу Оттоманской Порты⁴⁾. Какъ бы то ни было, Густавъ, послѣ такой демонстраціи со стороны русскаго посланника, считалъ себя въ правѣ довести дѣло до совершеннаго дипломатическаго разрыва. Со-

¹⁾ Herrmann, VI, 185.

²⁾ «Au point, où les circonstances en sont, on ne devait pas s'attendre à des complaisances de ma part». Mém. d'un off.

³⁾ «J'appris cependant que les ministres de cette princesse reprochaient au comte de Razoumowsky de s'être trop pressé dans cette circonstance, puisqu'il n'était autorisé à présenter sa note que dans le cas où le ministère suédois lui demanderait quelques explications. Il pouvait avoir trop écouté son zèle, mais au fond le reproche était injuste; car, témoin de tous les faux bruits semés pour inquiéter la Suède, il devait croire nécessaire de déclarer hautement non seulement au roi, mais encore à la nation et même à l'Europe, les intentions pacifiques de sa souveraine». *Ségur*, III, 367.

⁴⁾ «Katharina verlangte, dass Potemkin ihr einige Regimenter seiner Armee zum schwedischen Kriege überlassen sollte; statt zu gehorchen, antwortete er: die russischen Gesandten in Stockholm und das petersburger Ministerium hätten nicht überlegt, wie weit sie in der Aufreizung gegen den König von Schweden gehen könnten ohne ihn bis zu einer Kriegserklärung zu treiben. Er schloss mit der barschen Erklärung, er werde keine Truppen schicken, weil er sie nothwendiger branche: der schwedische Krieg sei ein Alte-Weiberkrieg, zu dem man nur wenige Leute brauche». См. журналъ *Minerva*, 1798, IV, 479.

держаніе записки графа Разумовскаго тѣмъ болѣе должно было вызвать его неудовольствіе, что онъ желалъ выставить Россію наступающею, а Швецію обороняющеюся. Графъ Разумовскій желалъ подѣйствовать на общее мнѣніе и позаботился объ обнародованіи своей записки. Поэтому его дальнѣйшее пребываніе въ Швеціи должно было казаться Густаву опаснымъ; вслѣдствіе того чрезъ нѣсколько дней послѣдовала отвѣтъ Шведскаго короля, прочтанный графу Разумовскому королевскимъ церемоніймейстеромъ Бедоаромъ, ¹²/₂₃ іюня, слѣдующаго содержанія:

„Король изъ записки русскаго посланника усмотрѣлъ, что онъ, увѣряя о миролюбивыхъ расположеніяхъ императрицы и о приемлемомъ ею въ спокойствіи Швеціи участіи, старается отдѣлить короля отъ народа, что впрочемъ довольно согласно съ правилами, русскимъ дворомъ часто оказанными. Король однако не можетъ думать, чтобы такое объявленіе было предписано графу Разумовскому русскимъ дворомъ, и поэтому, будучи удивленъ и оскорбленъ непристойнымъ и противнымъ спокойствію государства изъясненіемъ, король не можетъ отнынѣ признавать графа Разумовскаго долге посланникомъ Россіи, представляя себѣ по прибытіи въ Финляндію отвѣчать императрицѣ чрезъ шведскаго посланника, находящагося въ Петербургѣ. Теперь же король требуетъ, чтобы графъ Разумовскій, не имѣя болѣе никакихъ сношеній съ шведскими министрами, выѣхалъ изъ Швеціи не позже, чѣмъ чрезъ недѣлю — въ разсужденіи того, что въ представленіи его нарушены начальныя основанія правленія и должное уваженіе къ королевской особѣ“ ¹).

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ графа Разумовскаго въ Стокгольмѣ намъ почти ничего неизвѣстно. Его обвиняли въ томъ, что онъ старался образовать тамъ партію въ пользу Россіи; Густавъ въ особенности былъ недоволенъ тѣмъ, что записка графа Разумовскаго, конечно, по распоряженію послѣдняго, явилась въ печати, и что такимъ образомъ русскій посланникъ какъ бы ссылался на общее мнѣніе,

¹) См. у Колотова, III, 269—271, который при этомъ замѣчаетъ: «Впрочемъ ни одинъ государь не поставилъ бы себя въ оскорбленіе, если его подданныхъ разумѣютъ равно съ нимъ благомыслящими». Отвѣтъ Разумовскому не напечатанъ ни у Посселята, гдѣ говорится только о запискѣ дипломатамъ прочихъ державъ, ни у Горета, ни у Даквилы, который отзываясь о дѣйствіяхъ Разумовскаго такъ: «Ce ministre crût pouvoir tenir à Stockholm la même conduite que le comte Stackelberg tenait à Varsovie. Gustave sut bientôt le remettre à sa place. Les préparatifs augmentant et s'avancant vers leur complément, le comte Razoumowsky fit de nouvelles tentatives pour faire expliquer le roi: elles furent infructueuses. Alors il chercha par la voie de la corruption à animer la faction russe, enfin ce ministre violant le droit des gens rendait publique une note officielle, ou mémoire, qui détermina Gustave à ordonner qu'il eut à quitter la Suède dans huit jours». II, 87.

выставляя на видъ образъ мыслей русскаго кабинета, не подававшего никакого повода къ опасеніямъ, вопреки заявленію короля. Въ отвѣтъ на записку, прочитанную королевскимъ церемоніймейстеромъ, графъ Разумовскій довольно сухо отвѣчалъ, что онъ не можетъ, согласно желанію короля, выѣхать изъ Стокгольма, пока не получитъ на то особаго разрѣшенія со стороны императрицы ¹⁾.

^{21 го іюля}
^{2-го іюля} извѣстіе объ этой перепискѣ пришло въ С.-Петербургъ. Въ этотъ самый день графъ Сегюръ былъ въ Эрмитажѣ. Императрица съ горячностью говорила о выходкѣ Густава и спросила французскаго посланника, какъ онъ думаетъ объ этомъ дѣлѣ. „Въ этомъ событіи“, сказалъ онъ, „самое замѣчательное то, что посолъ самодержавной государыни оказываетъ такое вниманіе къ самостоятельной націи, и что король этой самостоятельной націи этимъ оскорбляется“ ²⁾. Екатерина велѣла объявить барону Нолькену, что поступокъ его короля окончилъ его миссію въ Петербургѣ и его пребываніе въ этомъ городѣ; шведскому посланнику былъ назначенъ такой же срокъ къ выѣзду, какой былъ объявленъ графу Разумовскому. И дѣйствительно, Нолькенъ скоро послѣ этого выѣхалъ изъ С.-Петербурга, между тѣмъ какъ Разумовскій, не смотря на строгое повелѣніе короля, оставался въ Стокгольмѣ до конца іюля мѣсяца. Самъ же Густавъ, вечеромъ того же дня, когда читалась записка Разумовскому, уѣхалъ въ Финляндію. Одновременно съ этимъ была сообщена иностраннымъ министрамъ, находившимся въ Стокгольмѣ записка графа Оксеншерна; въ ней было сказано:

„Король видитъ въ образѣ дѣйствій русскаго посланника ту самую систему раздора, которую всегда старались распространять и предшественники графа Разумовскаго. Сначала король еще не вѣрилъ, что русскій посланникъ старается привести шведскую націю въ заблужденіе, обольстивъ ее во время безначалія и распространяя въ государствѣ прежній духъ несогласія; но графъ Разумовскій своею запиской отъ 18-го іюня прекратилъ всѣ сомнѣнія, обращаясь не только къ королю, но и ко всѣмъ, въ правленіи участвующимъ, и даже къ самому народу, для уврѣненія ихъ о располженіяхъ императрицы и о приемлемомъ ею въ спокойствіи ихъ участіи. Король видитъ тутъ политику предшественниковъ графа Разумовскаго, посягающихъ на несогласіе между подданными короля, желавшихъ противопоставить другую власть законному начальству и испровергнуть коренныя государственныя законы. Тщетно ста-

¹⁾ Ségur, III, 366. Одинъ изъ современниковъ, въ своемъ разказѣ объ этихъ событіяхъ, изъясняетъ удивленіе, что Густавъ рѣшился послать графу Разумовскому записку такого содержанія, не сообщивъ объ этомъ сенату. Mémoires d'un officier suédois.

²⁾ Ségur, III, 366.

рался бы король согласовать дружескія ея императорскаго величества увѣренія съ вызовами ея къ шведскимъ подданнымъ. Всякій посланникъ не долженъ и не можетъ изъяслять расположеія своего государя кому-либо другому, кромѣ государя, при которомъ онъ уполномоченъ. Всякая иная власть для него чужда; всякій иной свидѣтель для него лишень. Таковъ есть законъ, таковъ есть непремѣнный всѣхъ европейскихъ кабинетовъ обычай, и это право перестанно было наблюдаемо, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда и прежде затѣвали въ Швеціи коварными внушеніями привести дѣла въ замѣшательство, все запутать и вновь воздвигнуть преграду, раздѣлявшюю нѣкогда націю и государя. Король поэтому оскорбленъ напучствительнѣйшимъ образомъ и не считаетъ болѣе графа Разумовскаго посланникомъ императрицы, которая не могла же предписать выраженія, столь противныя кореннымъ шведскимъ законамъ и отдѣляющія короля отъ государства“¹⁾.

Въ Петербургѣ между тѣмъ также, кромѣ записки для прочтенія барону Нолькену, была составлена еще другая записка для сообщенія иностраннымъ дипломатамъ, находившимся въ столицѣ²⁾. Екатерина узнала съ удовольствіемъ, что Данія оставалась вѣрною союзу съ Россіей; говорили также о томъ, что король Прусскій обѣщаль въ случаѣ разрыва между Россіей и Швеціей, вмѣстѣ съ Даніей „войти въ медиацию“³⁾. Отъ русскаго посланника въ Варшавѣ, графа Штакельберга, пріѣхаль курьеръ съ довольно важными извѣстіями. Графъ Штакельбергъ имѣлъ возможность, по сдѣланному изъ Петербурга предписанію, распечатывать шведскія и прусскія письма и такимъ образомъ могъ доставить копію съ письма короля Шведскаго, въ которомъ Густавъ, открывая свои намѣренія воевать съ Россіей, старался представить, что Россія подала поводъ къ войнѣ, и что онъ долженъ защищать свое государство и славу націи, „думая съ храбростью, союзниками и хорошимъ количествомъ денегъ многое исполнить“⁴⁾. Далѣе изъ этой копіи письма было видно, что король

¹⁾ Колотовъ, III, 271—274 — «Le roi n'y reconnaît que trop la politique et les discours des prédécesseurs de ce ministre, qui peu content de semer la division parmi les sujets de Sa Majesté suédoise, auraient encore voulu opposer d'autres autorités au pouvoir légitime et saper les lois fondamentales de l'État»; см. d'Aquila, II, 89—81. У Горета, Посселята и Сегюра эта записка смѣшивается съ отвѣтомъ графу Разумовскому, читаннымъ ему церемоніймейстеромъ короля. Сегюръ, замѣчая, что графъ Разумовскій съ трудомъ могъ достать копію деклараціи, вѣроятно, имѣеть въ виду послѣднюю циркулярную ноту.

²⁾ Храповицкій, ^{22-го іюня}
3-го іюля.

³⁾ Зап. Храп., тамъ же.

⁴⁾ Екатерина замѣтила при этомъ: «Можно биться объ закладъ, что онъ ничего того не имѣеть».

„намѣревался взять Финляндію, Эстляндію, Лифляндію и Курляндію ¹⁾, идучи прямо на Петербургъ, но ежели не удастся, то намѣренъ былъ сложить корону, и принявъ католическую вѣру, поселиться въ уединеніи въ Италіи“ ²⁾. За день до полученія этихъ извѣстій Екатерина писала Циммерману о побѣдѣ, одержанной надъ Турками въ Очаковскомъ лиманѣ, и притомъ прибавила:

„Сообщивъ вамъ пріятныя новости, я намѣрена сообщить вамъ и другія, совсѣмъ противнаго свойства. Король Шведскій, узнавъ, что я вооружаю нѣкоторую часть моего Кронштадтскаго флота для отправления въ Средиземное море, вздумалъ противиться, что будто сіе ему подозрительно. Онъ началъ вооружаться сухимъ путемъ и водой, увѣряя своихъ подданныхъ и разглашая повсюду, что это дѣлается для обороны, потому что я на него напастъ намѣрена, хотя, по чести, никогда мнѣ не приходило на умъ завидовать голымъ его камнямъ. Замѣьте, что по силѣ главныхъ законовъ Швеціи, его величество не долженъ ни на кого нападать безъ позволенія чиновъ государственныхъ. Но его величество не раздумчивъ; вооружившись на сушѣ и на морѣ для своей обороны, уже и сдѣлалъ на меня нападеніе въ мирное время и безъ всякаго объявленія войны. Министръ мой, избравъ въ Стокгольмѣ случай, объявилъ министру короля Шведскаго, что я не имѣю отнюдь непріязненныхъ намѣреній ни противъ его, ни противъ его народа; тутъ его величеству разсудилось оскорбиться, для чего имя народа было поставлено послѣ его имени, и онъ приказалъ моему министру выѣхать въ восемь дней изъ Стокгольма. Узнавъ это, я выслала его министра и за четыре дня предъ симъ слышу, что онъ уже сдѣлалъ нападеніе на Ниншлотскую крѣпость въ Россійской Финляндіи. Ласкаюсь, что не смотря на... ³⁾, Европа отдастъ мнѣ справедливость. Никогда еще не бывало дѣло справедливѣе моего; правосудіе, разсудокъ и истина съ моей стороны; впрочемъ, какъ угодно будетъ Провидѣнію рѣшить оное. Вѣроломство со стороны непріятельской никогда еще не сказывалось сильнѣе, какъ нынѣ со стороны короля Шведскаго противъ меня. Смѣло отдамъ мое дѣло на рѣшеніе всѣмъ университетамъ въ свѣтѣ“ ⁴⁾.

Императрица, какъ извѣстно, писала иногда къ Циммерману съ цѣлью вліять чрезъ него на общественное мнѣніе въ западной Европѣ. Бывали случаи, что письма къ Циммерману и другимъ были отправляемы нарочно по обыкновенной почтѣ, въ надеждѣ, что на дорогѣ ихъ распечатаютъ и прочтутъ. Такія письма можно назвать какъ бы передовыми статьями о важныхъ политическихъ вопросахъ. И въ настоящемъ случаѣ Екатерина желала склонить по возможности общее мнѣніе на свою сторону. Пользуясь своею правотою съ формальной

¹⁾ Храп. 25-го іюня: «Герцогъ Курляндскій опасается шведскаго вооруженія по слухамъ, изъ Ливавы къ нему дошедшимъ».

²⁾ Храповицкій, 28-го іюня 1788 года.

³⁾ Такъ въ изд. соч. Екат. Смирд., III, 460.

⁴⁾ Соч. Екат., III, 459 — 460.

стороны, она старалась выставить Густава революционеромъ, нарушающимъ и положительное государственное, и международное право, и общія начала гуманности и цивилизаціи. Такимъ онъ выставленъ и въ манифестъ 30-го іюня, обнародованномъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и читанномъ въ Казанскомъ соборѣ ¹⁾. Въ этомъ манифестѣ было сказано, что Россія свято соблюдала постановленія Ништадтскаго и Абовскаго договоровъ, и что Густавъ обязанъ своею короной Россіи, потому что отецъ его, Адольфъ Фридрихъ, герцогъ Голштинскій, воцарился по желанію Россіи, — „слѣдственно, и его сынъ, а нашъ братъ двоюродный, нынѣ владѣющій Густавъ третій, воспріялъ свое достоинство отъ того же подвига усердствовавшей ихъ дому Россіи“. Затѣмъ сказано:

„Союзъ крови и признаніе къ содѣянному укрѣпляли тѣмъ вѣще узелъ дружбы и согласнаго сосѣдства отъ короны шведской къ нашей имперіи. Среди сихъ обязательствъ естественныхъ и народныхъ, кого не удивятъ коварство, насилие и вѣроломство, сопровождающія злыя предпріятія противъ Россіи короля шведскаго? Скажемъ притомъ въ доводъ миролюбивыхъ нашихъ склонностей: когда онъ въ Швеціи насильственнымъ образомъ испровергнулъ постановленія, сохранявшія власть сената и вольность народную, достигая тѣмъ самодержавія, мы по сію пору не употребили права воспротивиться тому, яко явному нарушенію обѣтовъ гласныхъ въ трактатѣ Нейшлотскомъ, подтвержденномъ въ его пространствѣ и послѣднимъ Абовскимъ, въ чаіи, что сіе происшествіе не поколеблетъ блага Швеціи и не подѣйствуетъ на обезпокоеніе сосѣдей. Вскорѣ потомъ познали мы склонность необинуемую сего короля возмутить тишину въ сѣверѣ, ибо онъ прибѣгалъ то къ намъ, то ко двору датскому, каждому предлагая въ тайнѣ свой союзъ, въ умысленнѣ преторгнуть тѣмъ между нашею и сею державою существующій. Отвергли мы такову попытку, отвѣчая краткимъ словомъ, что на всякій союзъ поступить готовы, который не имѣлъ бы въ виду мутить покой въ сѣверѣ. Неудача сія не остановила однакожь покушеній государя, жаждущаго брани“.

Послѣ этого въ манифестѣ говорится о томъ, какъ Густавъ старался распускать ложные слухи о вооруженіи Россіи; потомъ упомянуто о благодарствіи, оказанномъ Россіей Швеціи дозволеніемъ безпош-

¹⁾ Однако еще до этого, какъ кажется, со стороны Россіи была сдѣлана попытка къ сохраненію мира. Въ запискахъ Храповицкаго 29 го іюня сказано: «Михельсонъ прислалъ копію съ королевскаго къ нему письма, гдѣ изъясняется, что не можетъ принять его по обстоятельствамъ, между *двухъ Имперій* происшедшимъ». При этомъ Екатерина, считавшая смѣшнымъ, что Густавъ и Швецію называетъ имперіей, замѣтила: «Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней». Изъ этой замѣтки у Храповицкаго едва-ли не должно заключить, что Михельсону было велѣно просить у Густава аудіенціи для переговоровъ. Къ сожалѣнію объ этомъ обстоятельстве мы ничего болѣе не знаемъ.

линной торговли хлѣбомъ, и наконецъ сообщается о повелѣніи Разумовскому удалиться изъ Швеціи и объ открытіи военныхъ дѣйствій насиліемъ, грабежемъ и осадой Нейшлота, безъ всякой причины, „образомъ, сроднымъ только хищнымъ варварамъ, а не просвѣщеннымъ европейскимъ державамъ, которыя не подысмлютъ оружія, не предваривъ о причинахъ, къ тому убѣждающихъ.... Объявляемъ прискорбнымъ духомъ такое наглое вѣроломство“ и пр. ¹⁾).

Густавъ, какъ мы видѣли, далъ знать графу Разумовскому, что онъ уже изъ Финляндіи отвѣтитъ императрицѣ на записку, переданную русскимъ посланникомъ. Отвѣтъ этотъ заключаетъ въ себѣ тотъ знаменитый ультиматумъ, о неприличіи котораго графъ Сегюръ замѣтилъ, что даже султанъ не посмѣлъ бы обратиться къ слабому господарю Молдавскому въ такомъ тонѣ, въ какомъ Густавъ говорилъ теперь съ императрицей. Объ образѣ мыслей Густава, на все готового, можно лучше всего судить по содержанію письма его къ барону Нолькену, отъ ^{25-го іюля}_{6-го іюля}, при которомъ былъ посланъ ультиматумъ. Густавъ писалъ:

„При семъ прилагается записка, которую прошу васъ подписать и вручить въ опредѣленное вами время вице-канцлеру графу Остерману или министерству иностранныхъ дѣлъ. Въ ней я изложилъ мой образъ дѣйствій въ продолженіе семнадцатилѣтняго моего царствованія (règne) и шестнадцатилѣтняго моего правленія (administration). Во все это время я вамъ сообщалъ всѣ подробности сношеній съ Россіей. Поэтому вы знаете, что въ прилагаемой запискѣ нѣтъ ни одного слова, невольнаго согласнаго съ истиной, и что я даже умолчалъ въ ней о многихъ событіяхъ и поступкахъ императрицы, въ которыхъ можно бы упрекнуть ее ²⁾, напримѣръ, о ея хвастовствѣ ³⁾ по случаю дѣла съ графомъ Шуваловымъ, о нескромности ⁴⁾, обнаруженной ею въ отношеніи къ вооруженному нейтралитету, изобрѣтаемому котораго былъ я, между тѣмъ какъ она напрасно славится имъ, и о многихъ еще другихъ маловажныхъ предметахъ, на которые я не обращалъ вниманія. Я умолчалъ о многомъ, потому что не хотѣлъ еще болѣе оскорбить императрицу, уже до-

¹⁾ См. Поля. Собр. Зак., XXII, № 16679. Напрасно *Шлоссеръ*, Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts, V, 166, говоритъ объ этомъ мнѣесть: «Die Antwort der Kaiserin ist ganz matt». Баронъ Нолькенъ тогда еще находился въ Петербургѣ. Только 4-го іюля была ему прочтена статскимъ совѣтникомъ Кохомъ записка, въ которой говорится о «странномъ» поступкѣ короля Шведскаго, приказавшаго выѣхать графу Разумовскому, почему и императрица, не признавая долге барона Нолькена шведскимъ посланникомъ, требуетъ, чтобы онъ выѣхалъ не позже, какъ черезъ недѣлю; см. *Колотова*, III, 275—276.

²⁾ «Die ich ihr hätte aufnutzen können».

³⁾ Bravaden.

⁴⁾ Mangel an Delicatesse.

чемъ, союза съ Турціей, всевозможнымъ способомъ старался удостовѣрить Россію въ своихъ мирныхъ расположеніяхъ, предлагая троекратно свое посредничество для прекращенія войны между Россіей и Турціей; въ это же время графъ Разумовскій, какъ бы для увѣнчанія всѣхъ своихъ оскорбительныхъ поступковъ, дерзнулъ въ министеріальной запискѣ, составленной подъ видомъ дружбы въ самыхъ коварныхъ выраженіяхъ; отдѣлять короля отъ націи, и прибѣгнувъ къ ней, старался, подъ предлогомъ дружбы императрицы къ націи, расторгнуть священный союзъ, связывающій короля съ его подданными. Ничто не можетъ лучше обнаружить еще сокровенныхъ расположеній и видовъ Россіи, какъ сей поступокъ и самыя въ этой запискѣ заключенныя выраженія. Король исполнилъ свой долгъ, удаливъ челоуѣка, употребившаго во зло народное право.

„При такихъ обстоятельствахъ король отправился въ Финляндію предводителемъ своей арміи для объясненія съ императрицей и для обезпеченія спокойствія въ столь важной провинціи, надѣясь ласковыми словами одержать должное ему удовлетвореніе надъ министромъ, употребившимъ во зло свое священное званіе, и побудить Россію къ принятію посредничества Швеціи, надѣясь далѣе, что императрица по правосудію своему возвратитъ ему издержки, употребленныя на вооруженіе, къ которому обстоятельства его принудили. Сдѣленіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ скорѣ произвело разрывъ мира; легкія русскія войска напали на шведскіе форпосты въ Саволакскѣ; бригадиръ Гастферъ, считавъ войну начатою, окружилъ замокъ Нейшлотъ и занялъ важнѣйшіе посты для прикрытія отдаленныхъ провинцій отъ опустошенія состоящихъ въ русской службѣ варварскихъ ордъ, и скорѣ затѣмъ одержанная герцогомъ Сюдерманландскимъ побѣда надъ русскимъ флотомъ была рѣшительнымъ началомъ войны. Король готовъ, не смотря на это, принять всякія мирныя условія, только бы онъ былъ обнадеженъ и возмогъ доставить Оттоманской Портѣ прочный и постоянный миръ“¹⁾.

Эта записка сдѣлалась публичною всей Европѣ. Можно представить себѣ, что такіе упреки, сдѣланные Россіи Густавомъ, произвели много шума. Съ удовольствіемъ сообщила Екатерина Храповицкому, что князь Кауницъ, министръ Іосифа II, „не можетъ надвинуться нелѣпости ноты шведской“. Храповицкій узналъ, что „подобно сему отзывается французскій въ Вѣнѣ министръ къ графу Сегюру“²⁾.

И Густавъ, и Екатерина, взывали къ суду Европы, стараясь представить свои мысли и дѣйствія въ наиболѣе выгодномъ видѣ. Для этой цѣли, и съ той, и съ другой стороны, являлись статьи въ различныхъ нѣмецкихъ и прочихъ газетахъ; для этой цѣли къ Гримму и Циммерману были отправлены переводы русскаго манифеста о войнѣ; для этой цѣли Екатерина слѣдила за журналистикой, и замѣчая иногда невыгодное для Россіи настроеніе, старалась противодѣйствовать ему.

¹⁾ См. Колотова, III, 278 — 336.

²⁾ Зап. Храп., 13-го августа 1788 года.

Такъ, напримѣръ, 27-го іюля императрица велѣла сдѣлать возраженіе на Гамбургскія газеты, въ которыхъ было помѣщено, будто мы начали военныя дѣйствія противъ Швеціи ¹⁾. Такъ, Екатерина велѣла вице-канцлеру замѣтить датскому посланнику, „que la gazette d'Altona est la plus impertinente“, и чтобъ унять того газетчика“. Такъ, императрица сама отвѣчала на шведскую декларацію и позаботилась объ изданіи этого отвѣта. Теперь настало время, когда литературный талантъ Екатерины нашель себѣ новую пищу въ борьбѣ съ Густавомъ. Екатерина сочиняла французскіе стихи на Густава и занялась сочиненіемъ оперы Горе-Богатырь; она и въ 1789 году участвовала, какъ мы увидимъ, въ составленіи брошюры принца Нассау-Зигена по случаю битвы при Свенскундѣ.

Въ августѣ 1788 года, въ нѣмецкихъ газетахъ былъ напечатанъ шведскій манифестъ о войнѣ, обнародованный 8-го августа сенатомъ ²⁾. Европа все съ большимъ и большимъ вниманіемъ слѣдила за дѣйствіями Швеціи и Россіи. Данія рѣшилась наконецъ въ августѣ открыть военныя дѣйствія, сдѣлавъ диверсію въ пользу Россіи; шведскій посланникъ въ Константинополь пользовался тамъ особеннымъ уваженіемъ; Англія и Пруссія все болѣе и болѣе явно поддерживали Густава; даже Испанія дипломатическимъ путемъ начала принимать участіе въ этой борьбѣ. Поэтому кромѣ борьбы на морѣ и въ Финляндіи, Екатерина должна была бороться съ Густавомъ и путемъ печати. Отвѣтомъ Екатерины на декларацію Густава довершился дипломатическій разрывъ между двумя государствами и двумя коронованными лицами. Густавъ не щадилъ императрицы; она показала, что можетъ отвѣчать въ такомъ же тонѣ. Множество аргументовъ въ пользу Россіи посыпались на выходки Шведскаго короля. Эти „observations et éclaircissements“, изданные Екатериной въ отвѣтъ на декларацію Густава, могутъ считаться замѣчательнымъ памятникомъ дарованій Екатерины въ области политической литературы.

14-го сентября Храповицкій пишетъ: „Въ Берлинскихъ газетахъ нашли (императрица) изъясненіе Шведскаго короля изъ Гельсингфорса отъ ^{10/21} іюля, относительно войны съ нимъ, гдѣ, по обычаю своему, старается вину взворотить на насъ. Газету сію, Шлафову ноту и нашъ манифестъ приказали положить на столъ, видно для того, чтобъ составить возраженіе“. Уже на другой день сказано у Храповицкаго:

¹⁾ Зап. Храп., 27-го іюля 1788 года.

²⁾ «Онъ коротокъ», сказала Екатерина Храповицкому, который отвѣчалъ: «Ce n'est qu'un avertissement». Зап. Храп.

на императрицу этою запиской. Въ газетной статьѣ, напечатанной въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* по этому случаю, говорится о „непристойныхъ и ни мало не сходныхъ съ истиною изъясненіяхъ короля“, и къ сообщенію условій прибавлено: „Свѣту безпристрастному и благоразумному оставляется опредѣлить цѣну подобнымъ предложеніямъ. А между тѣмъ объявлено секретарю посольства Шлафу, чтобы онъ со всѣмъ посольствомъ наискорѣе выѣхалъ изъ столицы и за предѣлы Всероссійской имперіи“. Съ Храповицкимъ императрица говорила о „нелѣпности“ шведской записки, о которой графъ Безбородко думалъ, что ее писалъ самъ король ¹⁾. Храповицкій переписывалъ эту „сумасшедшую ноту“; еще три недѣли послѣ этого, при чтеніи Московскихъ газетъ, въ которыхъ была напечатана нота, Екатерина замѣтила о Шлафѣ: „Хорошъ получилъ отвѣтъ: выгнанъ вонъ“ ²⁾. Съ графомъ Сегюромъ она насмѣшливо говорила объ этой запискѣ, спрашивая его, какъ онъ находитъ ея редакцію. „Мнѣ, кажется“, отвѣчала французскій дипломатъ, „что Шведскій король, очарованный обманчивымъ спомъ, вообразилъ себѣ, что уже одержалъ три значительныя побѣды“. „Еслибъ онъ и одержалъ три значительныя побѣды, графъ“, сказала Екатерина съ жаромъ, „и даже, еслибъ онъ и завладѣлъ Петербургомъ и Москвою, я бы ему показала, что можетъ сдѣлать въ главѣ храбраго и покорнаго народа женщина съ сильнымъ характеромъ, стоя на развалинахъ великаго государства“ ³⁾. Императрицу въ особенности оскорбляло хвастовство Густава, что онъ во время Пугачевщины могъ бы, пользуясь опаснымъ положеніемъ Россіи, нанести рѣшительный ударъ императрицѣ. Отдавая записку Храповицкому, Екатерина съ горячностью сказала: „Il cite son confrère Pugatchow“ ⁴⁾. Къ Потемкину Екатерина писала въ это время (3-го іюля):

„Сего вѣроломнаго государя поступки похожи на сумасшествіе; съ симъ курьеромъ получишь манифестъ мой объявленія войны; оскорбленія наши многочисленны; мы отъ роду не слышали жалобъ отъ него, а теперь невѣдомо за что разозлился. Теперь Богъ будетъ между нами судьбою“ ⁵⁾.

¹⁾ Зап. Храп. 2-го іюля.

²⁾ Зап. Храп. 23-го іюля.

³⁾ *Ségur*, III, 371, 372.

⁴⁾ Неправедливо говорить *Германнъ*, *Geschichte d. russ. Staats*, VI, 189: „Als Antwort auf diese beleidigenden Zumuthungen erliess Katharina am ^{11 juli} _{30 juni} ein Manifest“. Послѣдній былъ обнародованъ за день до передачи записки съ ультиматумомъ.

⁵⁾ См. *Лебедева*, Графы Никита и Петръ Панины, стр. 307.

Нѣсколькими недѣлями позже, уже послѣ открытія военныхъ дѣйствій, была обнародована такъ-называемая шведская декларація, подписанная королемъ въ Гельсингфорсѣ 21-го іюля ¹⁾). Введеніе къ этой деклараціи, какъ уже сказано, совершенно согласно съ запиской, переданною Шлафомъ; затѣмъ однако слѣдуетъ еще цѣлый рядъ упрековъ и обвиненій. Тамъ сказано между прочимъ слѣдующее:

„Король не хочетъ здѣсь предъ лицомъ всей Европы открывать тѣ проступки, въ кои заведена часть его подданныхъ стараніями Россіи. Онъ чувствуетъ, какъ тягостно отцу открывать постороннему погрѣшности своихъ чадъ; но какъ ничто не можетъ лучше обнаружить поведеніе его сильнаго сосѣда и показать справедливость жалобъ королевскихъ, и какъ самая польза всѣхъ Шведовъ требуетъ, чтобъ Европѣ было извѣстно, какое несчастіе угрожало Швеціи, какіе заговоры подъ сѣнію мира были составлены даже противъ самой особы королевской, и каково было поведеніе Россіи, король принужденъ открыть истину. Европа узнаетъ, какова у Россіи страсть къ расширенію предѣловъ, и каковы были интриги, которыя повели къ раздѣлу Польши, къ покоренію Крыма, и чрезъ которыя Курляндія почти сдѣлалась зависимою отъ Россіи... Съ давнихъ поръ извѣстно, что Россія вскорѣ послѣ Абовскаго мира приняла намѣреніе отдѣлить Финляндію отъ Швеціи и подъ особеннымъ предлогомъ ея независимости въ самомъ дѣлѣ превратить ее въ русское помѣстье, какова нынѣ дѣйствительно Курляндія. Прискорбно и помыслить, что священные слова „свобода и независимость“, подобно имени Бога милосердія и мира, почти всегда бывають знакомъ къ несогласію и бѣдствію. Хотя и эти умыслы Россіи были тогда въ самомъ началѣ подавлены болѣе по привязанности Финновъ къ Швеціи и оставшимися въ свѣжей памяти у жителей Финляндіи опустошеніями, причпненными Русскими во время войнъ Карла XII и 1741 года, нежели умѣреннымъ поведеніемъ Россіи; но предположенія и начертанія хранились въ С.-Петербургскомъ кабинетѣ, старавшемся осуществить оныя при первомъ удобномъ случаѣ.

„Знатный офицеръ, удостоенный особеннаго довѣрія короля, перешелъ въ русскую службу, и съ того времени возродились честолюбивые виды Россіи. Съ того времени старалась она непрестанно посѣвать и взращать плевелы и духъ возмущенія въ Финляндіи. Въ концѣ 1786 года русской генералъ подъ предлогомъ путешествія объѣхалъ Финляндію, осмотрѣлъ всѣ мѣста, освѣдомился обо всемъ у жителей, вывѣдывалъ мысли, и своимъ любопытствомъ и своею ревностью явно открылъ тайныя намѣренія своего двора.

„Хотя путешествіемъ императрицы въ Херсонъ Петербургскій кабинетъ и былъ нѣкоторое время удержанъ въ своемъ стремленіи отторгнуть Финляндію отъ Швеціи, но по ея возвращеніи возобновились старанія нарушить покой въ Финляндіи, и обнаружались намѣренія противъ королевской особы и внутренняго спокойствія Швеціи.

„Война съ Турціей подала новый поводъ къ посѣянію несогласія въ Швеціи, состоявшей въ союзѣ съ Оттоманскою Портой. Король, не забывая, впро-

¹⁾ Несправедливо говорить *d'Aquila*, II, 129, о 21-мъ августа; у *Колотова*, 21-го іюля, у *Горфта* также; см. у послѣдняго, 72 — 79.

и погасить всю народную ненависть. Личнымъ знакомствомъ онъ старался убѣдить императрицу въ своей дружбѣ и думалъ тогда, что можетъ почитать императрицу личнымъ своимъ другомъ; но съ той поры обстоятельства измѣнились и не позволяютъ ему вспоминать то счастливое время его царствованія. Король ссылается на самую императрицу, упустилъ ли онъ что-либо для изъявленія ей дружбы и Россіи довѣренности и миролюбія; но въ то же время министр императрицы старался возбудить духъ раздора и безначалія, счастливо погашенный королемъ въ самомъ началѣ его царствованія, а императрица не переставала поджигать оный, не щадя и издержекъ. Графъ Разумовскій старался произвести замѣшательства въ Швецію, и превращая священное званіе министра мира въ званіе возмутителя общенародной тишины, отважился въ своихъ донесеніяхъ приписывать королю самые враждебные умыслы противъ Россіи⁴ 1).

Послѣ такихъ упрековъ Густавъ предъявилъ въ этой запискѣ условія, на которыхъ онъ желалъ возстановленія мира:

„1) Чтобы графъ Разумовскій былъ наказанъ примѣрнымъ образомъ за его проiski въ Швецію къ возмущенію дружбы, довѣренности и добраго согласія между двумя имперіями, дабы подобные ему отвращены были навсегда отъ желанія вмѣшиваться во внутреннія дѣла независимой имперіи; 2) чтобы въ возмѣщеніе убытковъ, королемъ понесенныхъ на его вооруженіе; ея императорское величество уступила ему на вѣчное время всю часть Финляндіи и Кареліи съ губерніей и городомъ Кевогьольмомъ, такъ какъ все оное уступлено Россіи мирными договорами Ништадтскимъ и Абовскимъ, установляя границу по Систербекъ; 3) чтобы ея императорское величество приняла посредничество короля шведскаго къ доставленію ей мира съ Портой Оттоманскою и уполномочила короля Шведскаго предложить Портѣ полную уступку Крыма и возстановленіе границъ по договору 1774 года; но ежели король Шведскій не могъ бы склонить Порту къ миру на сихъ условіяхъ, то чтобы императрица позволила королю Шведскому предоставить Портѣ обозначеніе границъ, какъ онѣ были до войны 1768 года; чтобы для обезпеченія въ сихъ жертвахъ ея императорское величество предварительно обезоружила свой флотъ, возвратила корабли, въ Балтійское море вышедшіе, вывела войска свои изъ новыхъ границъ и согласилась, чтобы Шведскій король остался вооруженнымъ до заключенія мира между Россіей и Портой“.

Въ заключеніе сказано, что король Шведскій ожидаетъ въ отвѣтъ *да или нѣтъ* и не можетъ согласиться ни на малѣйшее облегченіе²⁾. Такъ

¹⁾ Колотовъ, III, 274, несправедливо замѣчаетъ, что записка эта, переданная секретаремъ посольства Шлаеомъ, «отъ слова до слова согласна съ изданнымъ въ Гельсингфорсѣ 21-го іюля манифестомъ». Въ послѣднемъ говорится уже о событіяхъ, случившихся въ іюлѣ мѣсяцѣ, между тѣмъ какъ Шлаеъ передалъ записку 1-го іюля. Изъ замѣчаній Густава въ письмѣ къ Ноалькену, изъ нѣкоторыхъ замѣтокъ въ дневникѣ Храповицкаго, уже въ первыхъ числахъ іюля, и изъ извлеченія записки въ сочиненіяхъ Сегюра и Герета видно, что часть деклараціи была содержаніемъ записки, переданной Шлаеомъ.

²⁾ Изъ сравненія перевода текста послѣдней части этого ультиматума, напе-

говорилъ Густавъ съ императрицей, такъ онъ обсуждалъ и осуждалъ образъ дѣйствій Россіи. Читая эти выходы, мы не знаемъ, чему болѣе удивляться: смѣлости ли короля, нападавшаго на Россію и на Екатерину, или же тому, что онъ двумя годами позже рѣшился къ этой же Екатеринѣ, обвиненной имъ такимъ беспощаднымъ образомъ, обратиться въ письмѣ съ просьбой возвратить ему прежнюю дружбу ¹⁾. Изъ этого ультиматума видно, что не Швеція, шведское государство, шведская нація, начинала войну, а одинъ король, рѣшившійся кончить начатое имъ въ 1772 году или, по крайней мѣрѣ, обезпечить результаты государственнаго переворота 1772 года. Король, видя опасность лишиться монархическаго авторитета, сдѣлаться жалкою жертвою феодальныхъ учрежденій, похожихъ на польскую конституцію, былъ готовъ броситься въ отчаянную борьбу, отъ исхода которой онъ ожидалъ не только спасенія, но и безсмертной для себя славы. Король-памфлетистъ не могъ желать мира; уже до записки, поданной графомъ Разумовскимъ, онъ не имѣлъ въ виду ничего другаго, кромѣ войны; теперь же, когда были уже открыты военныя дѣйствія, какъ мы увидимъ, самими Шведами, когда, какъ надѣялся Густавъ, долженъ былъ начаться цѣлый рядъ побѣдъ его надъ Россіей, когда онъ приглашалъ дамъ Стокгольмскаго двора на балъ въ Петергофѣ и на молебень въ Петербургскомъ соборѣ, когда онъ считалъ легко возможнымъ опрокинуть статую Петра Великаго на Исакиевской площади, когда ему представлялось, что его имя разносится по Азіи и Африкѣ, какъ мстителя за Оттоманскую имперію, — такой ультиматумъ могъ быть лишь простою формальностью ²⁾.

„Даже самъ Фридрихъ Великій“, — замѣчаетъ, по поводу этой записки, одинъ изъ современниковъ, Датчанинъ, — „даже этотъ знаменитый полководецъ, во главѣ побѣдоноснаго войска и имѣя полную казну, не осмѣлился бы сдѣлать такихъ мирныхъ предложеній, которыя скорѣе можно было счесть за объявленіе войны“ ³⁾.

Можно вообразить себѣ, каково было впечатлѣніе, произведенное

чтеной въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, 7-го іюля 1788 года, стр. 789, съ французскимъ текстомъ у Сегюра видно, что оба источника слово въ слово держались самаго содержанія этой записки.

¹⁾ См. Записки Храповицкаго, 6-го августа 1790 года.

²⁾ *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 187: «Густавъ отправилъ къ русскому вице-канцлеру, графу Остерману, подъ видомъ условій мира, насмѣшливый вызовъ къ войнѣ».

³⁾ *Posselt*, 361: «Von nun an wollte Gustaf nur in Petersburg, Katharina nur in Stockholm vom Frieden handeln».

статочно раздраженную событіями вообще, а въ особенности предложеніями, мною ей сдѣланными. Но изъ этихъ предложеній я не могу уступить ни единого слова. Мое желаніе, мое безусловное повелѣніе заключается въ слѣдующемъ: вы должны объявить, что отвѣтъ, требуемый вами, долженъ быть простое *да* или *нѣтъ*, что это мое послѣднее слово, что въ случаѣ отрицательнаго отвѣта я буду считать его объявленіемъ войны, тѣмъ болѣе, что открытіе военныхъ дѣйствій русскими войсками въ Саволакѣ близъ Нейшлота ¹⁾ даетъ мнѣ право на подобныя же мѣры ²⁾. Затѣмъ вы потребуете для вашего курьера паспорта и пришлете мнѣ отвѣтъ по возможности скорѣе. Еще до вашей бесѣды съ графомъ Остерманомъ имѣйте наготовѣ курьера и отправьте его тотчасъ же по окончаніи конференціи съ извѣстіемъ о ея исходѣ; втораго курьера вы можете отправить послѣ съ отвѣтомъ императрицы. Графъ Оксеншерна сообщилъ уже вамъ о моихъ распоряженіяхъ относительно васъ самихъ. Я желаю, чтобы вы, въ случаѣ рѣшительнаго разрыва, пріѣхали сюда и сообщили мнѣ подробнѣе о положеніи дѣлъ. Касательно посольскаго архива вы выѣстѣ съ г. Шлафомъ примете надлежащія мѣры. Вы не найдете мои требованія саншкомъ значительными; не забудьте, что это тѣ же самыя провинціи, которыя Петръ I возвратилъ бы Швеціи, если бы не умеръ Карлъ XII, и что въ 1741 году самъ отецъ графа Остермана предлагалъ уступить Швеціи Кексгольмъ для избѣжанія войны; что Выборгъ въ Ништадтскомъ договорѣ былъ бы возвращенъ Швеціи, если бы шведскіе комиссары—и да будетъ это сказано къ вѣчному ихъ позору—не были подкуплены, и что наконецъ при настоящемъ положеніи дѣлъ Россія, ради сохраненія мира, должна принести нѣкоторыя жертвы. Однимъ словомъ, вы должны объявить, что ни вы, ни я въ отношеніи къ этимъ пунктамъ не въ состояніи принять пнаго отвѣта, кромѣ *да* или *нѣтъ*. Что касается до третьяго пункта, то я позволяю вамъ общать словесно, что я сдѣлаю все возможное, чтобъ убѣдить Оттоманскую Порту къ принятію наиумѣреннѣйшихъ условій, но что уступка Крыма должна считаться необходимою. Въ отношеніи къ сложенію оружія я долженъ требовать разснащенія флота, назначеннаго къ войнѣ съ Турціей. Вы должны поэтому заявить, что такъ какъ я состою въ переговорахъ съ такою чрезвычайно сильною державою, то я лишь на такомъ условіи могу считать себя обезпеченнымъ, и что я чрезъ возвращеніе мнѣ требуемыхъ мною земель буду считать себя совершенно удовлетвореннымъ, такъ что даже и изъ честолюбія не рѣшился бы требовать болѣе. Мое единственное желаніе заключается въ опредѣленіи удобныхъ границъ. Позволяя вамъ объясняться въ этомъ духѣ и смыслѣ, я однако запрещаю вамъ подавать поводъ къ мнѣнію, что я готовъ согласиться на какое-либо смягченіе или измѣненіе моихъ требованій. Я опасаясь, что Россія жаждетъ лишь выиграть время, но я рѣшился не терпѣть этого“.

Затѣмъ Густавъ совѣтуетъ барону Нолькену объявить посланникамъ другихъ дворовъ, что Шведскій король требуетъ лишь возста-

¹⁾ Объ этомъ событіи см. ниже. Не Русскіе, а Шведы первые открыли военные дѣйствія.

²⁾ Repressalien.

новленія тѣхъ границъ, которыя существовали между Россіей и Швеціей въ XII столѣтіи, и прибавляетъ:

„Еще я вмѣняю вамъ въ обязанность, не терпѣть, чтобы графъ Сегюръ какимъ-либо образомъ вмѣшивался въ эти дѣла. Въ такомъ случаѣ скажите ему, что вамъ велѣно ожидать отвѣта отъ министра императрицы безъ посредничества третьяго лица. Да благословитъ Богъ мое предпріятіе“¹⁾.

Записка, которую баронъ Нолькенъ долженъ былъ передать графу Остерману²⁾, весьма подробно излагаетъ все положеніе дѣлъ между Швеціей и Россіей. Послѣ многихъ упрековъ императрицѣ, послѣ критическаго разбора образа дѣйствій Россіи въ отношеніи къ Швеціи, въ концѣ записки слѣдуетъ настоящій ультиматумъ, заключающійся въ различныхъ требованіяхъ, исполненіе которыхъ король ставилъ условіемъ мира. Содержаніе этой записки такъ краснорѣчиво изображаетъ волненіе Густава и озлобленіе его противъ Россіи, что мы считаемъ не лишнимъ сообщить ее въ извлеченіи; часть ея совершенно сходна съ деклараціей 21-го іюля, обнародованною Густавомъ въ августѣ мѣсяцѣ и вызвавшей весьма обстоятельный отвѣтъ со стороны императрицы, отвѣтъ, не имѣвшій даже формы дипломатическаго документа, но явившійся въ печати въ видѣ политическаго брошюры. Записка Густава также гораздо болѣе похожа на памфлетъ, чѣмъ на дипломатическую ноту. Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе этой записки:

„Въ теченіе семнадцатилѣтняго своего царствованія король старался сохранять миръ съ Россіей, которая въ свою очередь, съ самаго восшествія короля на престолъ, подавала много поводовъ къ неудовольствію, продолжая противъ короля тѣ самыя происки, какіе она уже употребляла противъ прежняго государя въ послѣдніе годы его жизни. Король надѣялся, что императрица перестанетъ возбуждать раздоръ и замѣшательство въ шведскомъ народѣ, и не рѣшался на разрывъ даже и въ ту пору, когда Россія страдала отъ кровопролитной войны, отъ голода, язвы и возмущенія Пугачева, когда приближеніе мятежника заставило трепещущую Москву просить о скорой помощи, для чего императрица была принуждена оставить свои границы обнаженными и безъ защиты. Эта эпоха слѣдовала вскорѣ за тою, когда императрица, казалось, была занята потрясеніемъ шведскаго престола, и если бы король слѣдовалъ тѣмъ правиламъ, по которымъ дѣйствовалъ С.-Петербургскій кабинетъ, то могъ бы, конечно, нанести Русскому государству гибельные удары, которые коснулись бы самой особы императрицы. Но король оставался въ совершенномъ покоѣ и надѣялся убѣдить императрицу въ своемъ особенномъ расположеніи, желая искоренить вражду

¹⁾ *Herrmann* въ *Taschenbuch* Раумера 1857 года, стр. 407 — 410.

²⁾ У *d'Aquila* ошибочно сказано, что эта записка «fut remise par le baron de Nolcken au chancelier de l'Empire». II, 105.

удачу его умысловъ на это герцогство. Дѣло въ томъ, что когда флотъ шведскій отправился изъ Карлскроны въ Гельсингфорсъ и почти поровнялся съ Курляндіей, въ этомъ герцогствѣ были получены изъ Швеціи письма съ предложениемъ выбрать старшаго брата короля въ герцоги. Этотъ умыселъ короля на Курляндію былъ поддерживаемъ предположеннымъ имъ возмущениемъ въ Лифляндіи и Эстляндіи. Нѣкоторымъ курляндскимъ дворянамъ были обѣщаны чины шведскихъ государственныхъ сенаторовъ, другимъ ордена и т. д. На шведскомъ флотѣ ежедневно ожидали съ великою нетерпѣливостью депутатовъ отъ сихъ провинцій, но какъ ни одни, ни другіе не являлись, да и никакой охоты къ тому не казали, напротивъ того Лифляндцы и Эстляндцы приняли тотчасъ дѣйствительнѣйшія мѣры въ доказательство своего усердія и вѣрности къ Россійской имперіи и особенно къ государынѣ императрицѣ, — то эти мечты короля Шведскаго и его брата въ самомъ началѣ исчезли, что имъ обоимъ причинило не мало досады.

„Что касается до обвиненія Россіи въ видахъ на Финляндію, то должно принять въ соображеніе слѣдующее:

„Россія въ нынѣшнемъ столѣтіи два раза покорила всю Финляндію. Вслѣдствіе прелиминарныхъ статей Абовскаго мирнаго договора нынѣшній королевскій домъ получилъ шведскую корону, за что Швеція возвращена Финляндія до рѣки Кюмени. Слѣдовательно, тогда кончились всѣ замыслы о независимости Финляндіи. Но могла ли Россія подумать о возобновленіи такихъ замысловъ посреди мира? Могла ли она такъ явно нарушать торжественныя обязательства трактатовъ? О томъ не находится ни малѣйшихъ слѣдовъ, хотя эти предъявленіе, можетъ-быть, послужило къ гоненію частныхъ людей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швеціи. Обвиненіе, что Россія подъ предлогомъ независимости Финляндіи хотѣла превратить ее въ русское помѣстье, каковое теперь Курляндія, не имѣетъ основанія, потому что, вопервыхъ, Шведская Финляндія могла бы быть совершенно независимою отъ Швеціи и Россіи, не составляя помѣстья одного или другаго своихъ сосѣдей. Конечно, было бы неудивительно, если бы при настоящихъ обстоятельствахъ Финны желали независимости. Король это понимаетъ и старается упредить такое событіе. Вотъорыхъ, полезнѣ ли для Шведской Финляндіи, чтобъ она не зависѣла отъ обихъ сосѣдей или лучше ли, чтобъ она была утѣсняема, изнуряема и высосана однимъ сосѣдомъ, или завоевана другимъ, это предоставляется на благоразсужденіе самихъ Финновъ. Они должны знать, что имъ выгоднѣе. Извѣстно однако, сколько Швеція имѣетъ ежегодно прибыли отъ Финляндіи, и сколько Финляндія претерпѣла за Швецію. Можно поэтому легко опредѣлить, которая изъ обихъ въ долгу у другой остается. Россіи нечего требовать отъ шведской Финляндіи, нечего желать отъ Финновъ, кромѣ спокойствія и безопаснаго сосѣдства, хотя бы они были шведскіе подданные или независимые люди. Если же этотъ народъ, нуждающійся постоянно въ произведеніяхъ Россіи, требовалъ бы единодушно русской защиты, то нечего бы тому дивиться, потому что онъ такимъ образомъ отдѣлился бы отъ своей земли Швеціи и Россію, которымъ Финляндія всегда была мѣстомъ боя.

„Называть *Курляндію русскимъ помѣстьемъ* есть сущая ложь, выдуманная и написанная отъ огорченія и досады.

„Объявленіемъ стараются сбить съ пути Финновъ, обращаясь къ нимъ съ

нѣжными восселиціями въ то самое время, когда шведскія и финляндскія войска соединились противъ наступательной войны съ Россіей. Это опасное волненіе ¹⁾ произошло, какъ всѣмъ извѣстно, само собою и единственно отъ собственнаго королевскаго поведенія, безъ содѣйствія Россіи. Такъ какъ въ Швеціи и Финляндіи государственная конституція, законы и трактаты неоспоримо потрясены и ниспровержены, какъ несправедливымъ королевскимъ объявленіемъ войны, такъ и разными другими хитростями, то каждый Шведъ и Финнъ можетъ теперь спросить по справедливости: кому онъ обязанъ послушаніемъ, въ комъ теперь существуетъ законная власть, кто долженъ положить предѣлы настоящему неудобству? Поэтому обѣ націи требуютъ созванія сейма. Онѣ знаютъ, что король нарушилъ миръ съ Россіей безъ причины, что эта держава и союзная съ нею Данія не могутъ вести переговоровъ о мирѣ безъ вольнаго сейма; ибо съ кѣмъ имъ вступать въ переговоры о мирѣ, когда законы и договоры такъ вѣроломно нарушены?

„Привязанность Финновъ къ Швеціи была велика; неоднократно они жертвовали для Швеціи самихъ себя, свое отечество и имѣніе. Но такова ли была признательность и попеченіе Швеціи о Финляндіи? Извѣстно, что во время неурожая, продолжавшагося нѣсколько лѣтъ, Финны претерпѣли бы великій голодъ, если бы Россія не открыла имъ своихъ житницъ, а при умноженіи недостатка и императорскихъ запасныхъ магазиновъ. Объ этомъ, конечно, въ объявленіи ничего не говорится.

„Баронъ Спренгтпортенъ, объ *отпаденіи* котораго говорится въ объявленіи, можетъ предъавить неоспоримое свидѣтельство, что онъ ничего не сдѣлалъ безъ королевскаго вѣдома и дозволенія. Въ день вступленія его въ службу Россіи министръ короля, долженствовавшій знать миѣніе своего государя, самъ его съ тѣмъ поздравляя и изъявляя ему и другимъ особливое свое объ этомъ удовольствіе, да и всегда имѣлъ съ нимъ весьма дружеское обхожденіе. Когда же король непріятельски напалъ на Россію, то Спренгтпортенъ отправился изъ столицы и жилъ въ отдаленіи отъ финскихъ границъ. Предъ начатіемъ же войны особенныя обстоятельства принудили его ѣхать на границу для полученія нужныхъ свѣдѣній о конфискованныхъ его деревняхъ въ Финляндіи.

„Король говоритъ о путешествіи одного русскаго генерала по Финляндіи въ 1786 году. Если бы путешествія на границы и любопытство генераловъ могли служить причиной войны противъ какого-либо государства, то Россія могла бы за такое въ объявленіи упомянутое одно путешествіе заплатить въ десятеро и болѣе таковою же монетою; ибо при началіи войны, въ Петербургѣ и Кронштадтѣ было множество шведскихъ офицеровъ всякаго состоянія, съ разными замыслами и затѣями, пріѣзжавшихъ иногда курьерами; не упоминая о томъ, что пріятнѣйшая прогулка секретаря шведскаго посольства была два раза въ недѣлю изъ Петербурга въ Ораніенбаумъ, откуда онъ, перерядясь, ѣзжалъ въ Кронштадтъ для ближайшаго осмотра морскихъ вооруженій и для узнанія, сколько кораблей и военныхъ отправляются въ море.

„Представленіе Финновъ противъ войны случилось, конечно, безъ совѣта и вѣдома Россіи, и этимъ еще болѣе подтверждается, что несправедливость

¹⁾ См. нашу статью о конфедераціи въ Аньлѣ въ *Журн. Мин. Народ. Просв.* за мартъ 1868 года.

„С.-Петербургскій кабинетъ, съ самыхъ первыхъ дней двадцати-семилѣтняго царствованія императрицы, держался правила жить въ покоѣ со всѣми сосѣдами; императрицѣ нѣкогда и на мысль не приходило воевать иначе, какъ для обороны государства. Если бы король держался такого же правила, война, конечно, бы не возгорѣлась. Россія не наносила, да и не хотѣла нанести Швеціи въ мирное время гибельныхъ ударовъ; а поэтому такыя злыя умыслы и намѣренія остаются всѣ только на сторонѣ королевской. Король, получившій престолъ шведскій стараніемъ и по предложенію Россіи, въ этомъ мѣстѣ объявленія касается до osoby ея императорскаго величества весьма непристойно, огорчительно и съ нѣкоторыми незначущими угрозами, которыя королю и его достоинству мало чести приписать.

„Король говоритъ, что онъ, *не предаваясь такимъ расположеніямъ, которыя по всему предшествовавшему были бы извинительны, оставался въ совершенномъ покоѣ.* Тутъ открывається завоспѣлая злоба королевская, и можно спросить: какіе случаи могли произвестъ такую злобу? Когда король нагло опрокинулъ въ 1772 году образъ правленія, посредствомъ котораго домъ его воцарился, императрицѣ были извѣстны королевскія распоряженія и все его поведеніе такъ, какъ ему самому. Императрица не имѣла злобы на короля. Опытъ доказалъ, какъ нужно было подкрѣплять прежній образъ правленія, который безпокойному государю связывалъ руки, чтобъ онъ не нарушалъ спокойствія своихъ сосѣдей и не подвергалъ легкомысленно и неправедно своихъ подданныхъ разоренію и всякому бѣдствію войны.

„Король хотѣлъ скорѣ послѣ государственнаго переворота напасть на Норвегію, и только вслѣдствіе объявленія русскаго двора, что непріятельскія дѣйствія противъ Даніи будутъ считаться съ здѣшней стороны какъ бы нападеніемъ на Россію, исчезъ военный пылъ короля Шведскаго. Онъ объявилъ торжественно, что никогда не имѣлъ непріязненнаго умысла противъ Даніи.

„Король въ деклараціи говоритъ о своемъ путешествіи въ С.-Петербургъ въ 1777 году и о свиданіи съ императрицей въ Фридрихсгамѣ. Путешествія эти имѣли ту же цѣль, какъ посѣщеніе королемъ датскаго двора, а именно: привести въ подозрѣніе союзниковъ, и если возможно, разрушить союзъ между Даніей и Россіей. Когда императрица желала въ предложенный королемъ союзъ включить и Данію, у короля прошла вся охота далѣе о семъ трактовать, и съ тѣхъ поръ онъ у всѣхъ иностранныхъ дворовъ и при всякомъ случаѣ разсѣивалъ клеветы противъ Россіи, прилагая всевозможное стараніе лишить ее дружбы датскаго двора. О перемѣнахъ въ отношеніяхъ къ Россіи король выражается темно и неопредѣленно: онъ искалъ предлога къ войнѣ и не находилъ; между тѣмъ съ 1772 года ничего важнаго между Россіей и Швеціей, ничего, чтó могло нарушить спокойствіе между этими державами, не случилось. Видно только, что королевская злоба не покая, и что она при наружной и притворной дружбѣ, непрестанно глѣя, теперь возгорѣлась. Онъ уже давно старался приготовить все къ походу 1788 года, и поэтому въ притворно дружескихъ поступкахъ короля усматривается одно только глубокое коварство, которое онъ же вмѣняетъ себѣ въ нѣкоторую честь, описывая самъ сіе коварное поведеніе съ лицемѣрною смѣлостію. Если король имѣлъ основательныя причины жаловаться на поведеніе министра ея императорскаго величества при дворѣ его, то для чего онъ не сообщилъ оныхъ въ

С.-Петербургъ? Но онъ отнюдь не имѣлъ никакихъ, и до самаго дня наглаго его нашествія не случилось между Россіей и Швеціей никакого происшествія или дѣла, что могло бы ему подать къ этому справедливый поводъ.

„Король говоритъ о поджиганіи Россіей матажа въ Швеціи. Немного труда однако будетъ стоять разогнать самымъ простымъ разказомъ всѣ игры словъ, какъ легкій туманъ. Король наговорилъ сенату, народу и войску, что Россія хочетъ напасть на него; было разглашено, что императрица сама писала къ королю гордымъ и непристойнымъ слогомъ; между тѣмъ какъ императрица съ 1785 года не писала къ королю ни одной строки собственною рукою. Король постоянно говоритъ о необходимости обороны. Однако при осадѣ Фридрихстама сами генералы, офицеры и воины смѣло въ глаза сказали королю, что эта наступательная война несправедлива и несогласна съ шведскими государственными законами и даже несогласна съ образомъ правленія, предписаннымъ самимъ королемъ въ 1772 году. Это было ему весьма досадно, и чтобы привести своихъ подданныхъ на другія мысли, онъ теперь слагаетъ слѣдствія собственнаго своего безразсуднаго предпріятія на русское министерство и на мнимое его властолюбіе. Если бы король остался въ тишинѣ и покоѣ, то онъ, Швеція и Европа увидѣли бы, что не было никому причины страдиться русскаго властолюбія.

„Въ объявленіи сказано, что *и противъ самой особы королевской подъ стню мира составляемы были заговоры.* Чтѣ бы значили эти гнусныя поклепы, неизвѣстно; всѣ такія неосновательныя порицанія сами собою уничтожаются. Со стороны Россіи никогда ничего подобнаго не было заводимо. Нужно признаться, хотя это и неучтиво, что король Шведскій въ своемъ поведеніи и въ самыхъ своихъ сочиненіяхъ ни мало не щадилъ неправдъ, клеветы, оскорбленія и непристойностей. Можеть-быть, это покажется весьма противузвучнымъ обыкновенному льстивому глазу придворныхъ людей и ихъ извѣженному слуху, но всякое опроверженіе неприятно тому, кто самую истину воздвигъ на себя.

„Король говоритъ, что *принужденъ открыть истину, и что Европа узнаетъ, какими интригами раздѣлена Польша, покоренъ Крымъ, и сдѣлалась почти зависимою отъ Россіи Курляндія.* Всѣ эти нареканія происходятъ отъ злости и зависти. Кто бы не подумалъ, что Россія хотѣла поглотить Швецію? Всѣмъ однако же извѣстно, что Россія и не думала о Швеціи. Столько же нелѣпо винить Россію и въ раздѣлѣ Польши. Кому не извѣстно, что безпокойныя головы въ Польшѣ не давали покоя сосѣдямъ, что онъ уже не внимали ни словамъ, ни увѣщаніямъ, пока наконецъ сосѣди были принуждены приступить къ раздѣлу. Обстоятельства къ Крыму были почти такія же. Россія въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій претерпѣвала отъ Татаръ разоренія. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира она должна была укрощать и подавлять, Богъ вѣдаетъ, сколько возмущеній и раздоровъ безпрестанно вновь отъ Порты заводимыхъ, по причинѣ независимости татарскаго хана, пока наконецъ императрица, для обезпеченія тишины своей имперіи и по собственному желанію и прошенію крымскихъ племенъ, была принуждена превратить это гнѣздо разбойниковъ въ область ея имперіи и тѣмъ вдругъ положить конецъ всѣмъ безпокойствамъ.

„Что же касается до обвиненія въ зависимости герцогства Курляндскаго отъ Россіи, то едва не происходитъ ли оно отъ негодованія короля на не

commune et bien noire; la réfutation, que je viens de lire, me paraît écrite par une plume d'aigle" ¹⁾). Не всѣ современники впрочемъ такъ выгодно отзывались объ этой брошюрѣ. Авторъ біографіи Потемкина, секретарь саксонскаго посольства Гельбигъ, замѣчаетъ: „Только высокое званіе писательницы могло предохранить эту брошюру отъ публичной критики“ ²⁾).

Брошюра Екатерины напечатана такъ, что страницы раздѣлены на двѣ части. На лѣвой половинѣ помѣщена шведская декларація, на правой напечатаны „Историческія изъясненія“ императрицы; комментарий впрочемъ занимаетъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ самый текстъ ³⁾).

Вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе возраженія Екатерины:

„Объявленіе короля согласно съ запискою, врученною г. Шлафомъ графу Остерману, во многихъ газетахъ напечатанно. Итакъ, уже во второй разъ всему свѣту представляется это объявленіе, которое при романическомъ слогѣ и надменномъ краснорѣчій содержитъ по большей части однѣ неправды, клеветы и оскорбленія. Первое изданіе должно было способствовать къ возстановленію нарушеннаго Шведами мира, между тѣмъ какъ оно не было составлено въ миролюбивомъ намѣреніи; теперь то же самое сочиненіе служитъ къ объявленію войны, къ чему оно и съ самаго начала было предопредѣлено. Такое двойное назначеніе должно казаться страннымъ.

„Король говоритъ, что Россія распространяла неудовольствіе въ Швеціи. Нѣтъ ничего ложнѣе этого обвиненія. Пусть король представитъ хотя малѣйшее доказательство. Если въ Швеціи были люди, недовольные измѣненіемъ образа правленія, то это нельзя приписать проiscaмъ Россіи, которая удерживалась при этой перемятѣ отъ всякаго дѣйствія, сохраняя самое умѣренное поведеніе. Напротивъ даже Россія по случаю мятежа Далекарліицевъ при прежнемъ королѣ послѣдила на помощь своему сосѣду для возстановленія порядка. Съ 1772 года извѣстія, получаемыя въ Россіи изъ Швеціи, были ничтожны. Они относились къ финансовому управленію, но еще болѣе къ операмъ, комедіямъ, рыцарскимъ играмъ, спектаклямъ, придворнымъ обрядамъ и прочимъ мелочамъ, которыя только наводятъ скуку, а важности для государства никакой не составляютъ.

¹⁾ Зап. Храп. 3-го дек. Переводъ: «Нота, подписанная Шлафомъ, и шведская декларація писаны очень обыкновеннымъ вороньимъ перомъ, а опроверженіе, которое я прочелъ, перомъ орлинымъ».

²⁾ *Minerva*, 1798, IV, 485.

³⁾ См. *Колотова*, III, 278—339. Любопытна замѣтка въ сочиненіи Леоорта, что онъ не можетъ помѣстить возраженіе Екатерины «какъ по его обширности, такъ и по другимъ причинамъ»; см. примѣчаніе 69, въ IV томѣ. Леоортъ говоритъ, что возраженіе и декларація были напечатаны въ нѣсколькихъ №№ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Въ экземплярѣ этой газеты, которымъ я пользовался, изъ бібліотеки Императорской Академіи Наукъ, я не нашелъ этого сочиненія.

„Легко написать, но трудно доказать, что *Россія только занята потрясеніемъ шведскаго престола*. Это должно признавать сущою клеветой и неправдой. Россія не только не старалась о поколебаніи шведскаго престола, но даже заботилась тщательно о сохраненіи древней конституціи.... Въ объявленіи сказано, что конституція, введенная въ 1720 году, была причиной безначалія, между тѣмъ какъ Швеція введеніемъ ея успокоилась отъ лютыхъ браней; за то каждый Шведъ можетъ разсудить, прибыло ли отъ введеннаго насильственно шаткаго образа правленія 1772 года согласія, порядка и пользы.

„Напрасно король говоритъ объ эпохѣ, когда *Россія была обременена войной и терзася всею ужасностью глады и язвы и внутренно страдаема возмущеніемъ*. Во время Турецкой войны Россія платила податей 800.000 руб. болѣе чѣмъ въ мирное время, съ 500 душъ давала по одному рекруту и сверхъ того два раза со ста душъ по одному. Голода не было, а развѣ на разстояніи 16.000 верстъ по мѣстамъ въ нѣкоторыхъ округахъ государства неурожай, но конечно не голодъ, потому что каждый уѣздъ изъ смежнаго съ нимъ могъ получать удобно и безпашинно ему потребное. Съ голоду, сколько извѣстно, никто никогда еще не умиралъ въ Россіи.

„Чума дѣйствительно свирѣствовала въ 1771—1772 годахъ нѣсколько мѣсяцевъ въ разныхъ русскихъ областяхъ; однако, по переписи, сдѣланной послѣ чумы, оказалось, что число людей противъ прежнихъ годовъ прибыло.

„Сочинитель шведскаго объявленія самымъ непріязненнымъ и ядовитымъ образомъ разказываетъ повѣсть случившагося въ 1773 году оренбургскаго бунта. Королю правится этотъ бунтъ, и имя разбойническаго атамана ему кажется столь пріятнымъ, что онъ два раза его повторяетъ и притомъ тайныя свои мысли открываетъ свѣту. Онъ хочетъ, чтобъ ему было вѣнчено въ особенную добродѣтель, что онъ не вступилъ въ союзъ съ тѣмъ разбойническимъ атаманомъ и не возсталъ противъ государыни императрицы, государственныхъ законовъ и правосудія вмѣстѣ съ сими злодѣемъ и съ шайкой воровъ, которые всѣхъ дворянъ и знатныхъ гражданъ вѣшали, храмы Божіи грабили, города выжигали, села опустошали, крестьянъ и рабочихъ людей съ собою уводили, спрашивая ихъ: хочешь ли грабить, хочешь ли разбойничать? Нанященъ сею мыслию, „могъ онъ конечно“, сказано въ объявленіи, „нанести Россійской Имперіи гибельные удары“. Мерзость сего предпріятія не могла бы, можетъ-быть, никому болѣе вреда причинить, какъ самому королю, даже и у позднихъ потомковъ; не предавшись же сему искушенію на зло, воздержался онъ отъ такого побужденія, которое, если правду сказать, сдѣлало бы мало чести его сердцу, расположеніямъ и достоинству.

„Впрочемъ трепетали ли въ Москвѣ какія старушки отъ возмущенія оренбургской черни, сіе оставляется не разслѣдованнымъ. Эта сволочь болѣе страшилась Москвы, чѣмъ Москва ихъ. Да не было у нихъ никогда и па умѣ подходить къ сей столицѣ, о которой они сами говорили, что сей городъ ихъ однимъ шапками замечетъ.

„Если бы, сказано въ объявленіи, *король слѣдовалъ тѣмъ правиламъ, по которымъ С.-Петербургскій кабинетъ дѣйствовалъ, то король, конечно, могъ бы нанести Россіи гибельные удары, которые бы коснулись самой особы императрицы*.

„Пишутъ возраженіе протѣвъ артикула вчерашнихъ газетъ на нѣмецкомъ языкѣ“. Екатерина пригласила статскаго совѣтника Коха, состоявшаго при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, къ участию въ составленіи отвѣта. Она велѣла подать ей записки Густава, отвѣтъ графу Разумовскому и циркулярную записку иностраннымъ министрамъ въ Стокгольмѣ отъ 23-го іюля и сдѣлать копии съ этихъ записокъ. Занимаясь составленіемъ отвѣта, императрица часто бесѣдовала объ этомъ предметѣ съ Храповицкимъ, который въ своемъ дневникѣ сообщаетъ любопытныя подробности о томъ, съ какою усидчивостью трудилась Екатерина при этомъ случаѣ, и каковы были отзывы объ этомъ литературномъ произведеніи уже во время его составленія ¹⁾.

¹⁾ См. Зап. Храп., сентября 14-го, 15-го, 20-го. Затѣмъ 24-го сентября: «Сія піеса не въ газетахъ, а особо напечатается». 27-го сентября: «Продолжали писать известное возраженіе». 1-го окт.: «Оканчиваютъ возраженіе противъ шведской деклараціи и завтра отдадутъ Коху, за коимъ велѣно послать». 2-го окт.: «Кохъ былъ болѣе часа; ему отданы не все еще бумаги, и мнѣ сказано, что послѣ обѣда пошлютъ конецъ. Кохъ вице-канцлеру хвалилъ піесу. Въ вечеру присланъ ко мнѣ конецъ піесы, составляющей возраженіе на шведскую декларацію, въ газетахъ напечатанную; я послалъ ее къ Коху съ повелѣніемъ сыскать переводчика на французскій языкъ». 3-го окт.: «Спрашивали объ отсылкѣ бумагъ къ Коху, сказывая, что въ концѣ піесы выведены все коварства короля Шведскаго непосредственными слѣдствіями, въ семи пунктахъ заключающихся». 9-го окт.: «Кохъ поднесъ известную піесу, читалъ всю при мнѣ, и я отослалъ вице-канцлеру на разсмотрѣніе съ тѣмъ, что дозволено ему дѣлать и поправки. Я сказалъ слова Коха, что тутъ слогъ необыкновенный, et ou vauga que ce n'est pas la plume d'un particulier; принято сіе съ удовольствіемъ. При волосочесаніи продолжая разговоръ о той же піесѣ, спрашивали кому перевести ее по русски, и я рекомендовалъ Вейдемеера, Шлафову ноту переводившаго, котораго переводъ былъ похваленъ». 11-го окт.: «Послали къ Коху переписку графа Остермана съ графомъ Панинымъ по шведскимъ дѣламъ при революціи, въ 1772 году бывшей, и ихъ тогдашнимъ еще военнымъ приготовленіямъ, дабы согласно тому переписать известное возраженіе et dire la pure vérité». 31-го окт.: «Сакену (вѣроятно барону Остенъ-Сакену, тогдашнему саксонскому посланнику въ Петербургѣ) давали читать возраженіе на декларацію Шведскаго короля». 1-го ноября: «Хорошо идетъ поправка французскаго перевода съ известнаго возраженія». 4-го ноября: «Сами снова переводятъ возраженіе на французскій языкъ, изъ чего одинъ листъ отослалъ я къ Коху и взялъ у него шведскую декларацію на французскомъ языкѣ, для лучшей удобности въ поправкѣ возраженія». 5-го ноября: «Говорили, что много еще осталось работы по возраженію, на французскій языкъ переводимому, однако дѣло идетъ съ успѣхомъ». 8-го ноября: «Перевода на французскій языкъ мало уже осталось». 12-го ноября: «Конченъ французскій языкъ известнаго возраженія и отосланъ къ Коху». 14-го ноября: «Послѣ обѣда прислана переписанная французская піеса противъ деклараціи шведской, чтобы для напечатанія отдать Коху». 15-го ноября: «Спрошенъ въ

По окончаніи возраженія императрица сама заботилась о тщательномъ переводѣ его на языки французскій и русскій, о напечатаніи брошюры и о разсылкѣ ея знакомымъ лицамъ, дипломатамъ и въ значительномъ числѣ экземпляровъ за границу. Дипломатамъ тѣхъ державъ, которыя находились въ лучшихъ отношеніяхъ съ Россіей, Храповицкій какъ бы отъ себя вручилъ по экземпляру; что же касалось англійскаго посланника, то было устроено такъ, что экземпляръ этой „піесы“ какъ бы случайно попался ему въ руки. Итакъ, Екатерина желала наибольшаго распространенія ея брошюры, очень естественно, потому что въ ней представлялось опроверженіе упрековъ, сдѣланныхъ ей Густавомъ. Предъ всею Европой Шведскій король обвинилъ императрицу въ интригахъ, нарушеніи международнаго права, произвольномъ и насильственнымъ уничтоженіи договоровъ; предъ всею Европой Екатерина хотѣла и защищаться. Можно представить себѣ, какъ она была довольна лестнымъ отзывомъ французскаго посланника, который, прочитавъ брошюру, сказалъ: „La note signée Schlaf et la déclaration suédoise sont écrites avec une plume de corbeau bien

5-мъ часу послѣ обѣда и принялъ русское возраженіе на шведскую декларацію, съ тѣмъ, чтобы Вейдемееръ переправилъ противъ прибавленія въ нѣмецкомъ оригиналѣ, и дабы русское прочесть въ совѣтѣ; не найдѣвъ Вейдемеера, отдалъ я вице-канцлеру». 18-го ноября: «Положилъ на столъ переписанную піесу, послѣ отнесъ на низъ вмѣстѣ съ оригиналомъ». 24-го ноября: «Принесенное Кохоу нѣмецкое возраженіе отдалъ по приказанію, будто отъ себя, графу Ангальту». 25-го ноября: «Запечатывъ, послать изволили возраженіе по экземпляру къ Циммерману, Броуну, Врангелю, Польшману и Гинцелю». 2-го декабря: «Кохоу поднесъ французскій переводъ известной піесы; ему я отослалъ перстень. Свой піесы по 100 экземпляровъ приказано, послать въ Парижъ, Лондонъ и Голландію, а здѣсь непримѣтнымъ образомъ сдѣлать, чтобы попалась въ руки Витворту и Фразеру; писалъ я о семъ вице-канцлеру». 3-го декабря: «Французскую піесу отослалъ къ графу Кобенцлю и къ графу Сегюру отъ себя». 4-го декабря: «По утру представилъ Вейдемеера съ напечатаннымъ на русскіимъ языкѣ переводомъ возраженія на шведскую декларацію. Былъ вопросъ: «Нѣтъ ли ошибокъ?» 11-го декабря: «Былъ разговоръ объ мнѣніи Сегюра на французское возраженіе противъ шведской деклараціи... При волосочесаніи позванъ въ будуаръ. Приказано повторить рѣчи графа Сегюра о известномъ возраженіи, и я сказалъ, что сколько разумѣть онъ по нѣмецки, то «la pièce originale est énergique et sublimé», но во французскомъ примѣтна нѣмецкая конструкція, и сверхъ того есть ошибки грамматическія и типографическія, которыя онъ замѣтилъ для меня. «Это и надобно», сказала Екатерина, «чтобы видѣнъ былъ переводъ съ нѣмецкаго, и для того нарочно на нѣмецкомъ языкѣ писано». 13-го декабря: «Поднесъ экземпляръ французскаго возраженія съ поправками графа Сегюра. Поправки просмотрѣны и приказано съ наблюденіемъ сдѣлать вторую видіцію» и т. д.

нападенія короля и незаконность его поведенія осуждаются всѣми его подданными.

„Въ объявленіи осмѣливаются утверждать, будто намѣренія Россіи въ мирное время были устремлены противъ особы королевской и спокойствія Швеціи. Это явная неправда и постыдная выдумка, служащая только къ закрытію прямыхъ королевскихъ замысловъ, или лучше сказать, къ оправданію самовольной и безъ достаточныхъ причинъ предпринятой войны.

„Упомянувъ объ Оттоманской Портѣ, король открываетъ нѣсколько яснѣе прямыя свои умыслы и потаенныя побудительныя причины. Онъ ссылается на союзъ съ Турціей въ силу договора 1739 года, на союзъ съ этимъ непримиримымъ врагомъ Россіи, христіанства и христіанскаго имени. Но не всѣ земные обитатели забыли, что первымъ артикуломъ Абовскаго мира, заключеннаго въ 1743 году, объявлены недействительными всѣ трактаты, которые могли быть противны этому мирному договору, а въ этомъ договорѣ, какъ видно изъ записокъ мирнымъ переговорамъ, именно подразумѣвался этотъ Турецкій трактатъ 1739 года,—не говоря уже о томъ, что онъ былъ только оборонительный и никакъ не могъ обязывать къ чему-либо Швецію противъ Россіи, когда Турція сдѣлала на послѣднюю первое нападеніе. Изъ этого видно, какъ мало король соблюдаетъ трактаты и какъ должно понять его увѣренія къ дружбѣ съ 1772 года и его пріѣзды въ Петербургъ и Фридрихсгамъ. Да будетъ онъ отвѣчать предъ Богомъ, предъ своими подданными, предъ всѣмъ свѣтомъ и потомствомъ въ томъ, что столь постыдно жертвовалъ кровью и жизнію своего христіанскаго народа врагу христіанства. Если онъ это сдѣлалъ въ позорной надеждѣ получить отъ Порты денегъ, то въ этомъ онъ можетъ также обмануться, какъ онъ ошибся, полагая, что Россіи союзъ Швеціи съ Портой казался страшнымъ. Густава-Адольфа поведеніе было совершенно противоположное: онъ ничего такъ усердно не желалъ, какъ вести войны противъ врага христіанства.

„Король предлагалъ себя въ посредники между нами и Портой. Но впервыхъ онъ не можетъ быть безпристрастнымъ, между тѣмъ какъ въ этомъ заключается первая добродѣтель посредника; а далѣе: мнимая важность и вліяніе его у Порты вовсе не были извѣстны. Онъ ссылается на дружбу Карла XII съ Турціей: но нельзя вовсе утверждать, что турецкіе министры знаютъ ли, что Карлъ XII когда-нибудь существовалъ на свѣтѣ, и кто его преемникъ. Только то извѣстно, что Карлъ XII былъ Туркамъ въ тягость, и что они, сбывъ его съ рукъ, были очень рады.

„Торжественныя объявленія о мирѣ со стороны Россіи приняты королемъ за оскорбленіе. Этого еще никогда не бывало. Всѣ поклены короля на графа Разумовскаго напрасны и не основаны на запискѣ, поданной послѣднимъ графу Оксеншерна. Выраженія, содержащіяся въ ней, не могли быть коварны, когда Россія непремѣнно хотѣла избѣгнуть войны. О расторженіи союза между королемъ и націей никто не думалъ, но только нація знала о расположеніи Россіи къ миру, между тѣмъ какъ король неотгнѣнно хотѣлъ войны. Записка только убѣждала всѣхъ, имѣющихъ какое-либо участіе въ государственномъ правленіи, что Россія не имѣла ни тѣни расположеній, враждебныхъ къ Швеціи. Положимъ, что королю непріятно было видѣть, что нація рядомъ съ

нимъ названа (за чтò однако же не надлежало бы досадовать никакому государю, а менѣе всего Шведскому королю, ибо безъ народовъ не можетъ быть и государей); но онъ же не только въ силу коренныхъ шведскихъ законовъ, но и по конституціи 1772 года не имѣлъ права считать это оскорбленіемъ. Шведская нація призвала на престолъ нынѣшній домъ королевскій, такъ отчего главѣ онаго стало вдругъ столь несносно слышать названіе націи, и какъ могъ русскій министръ *расторнуть союзъ между королемъ и его народами?* Это подлинно однѣ только слова безъ всякаго смысла.

„Странно, что и въ запискѣ, читанной церемоніймейстеромъ, такъ и въ объявленіи графъ Разумовскій названъ частнымъ человѣкомъ, котораго король отъ себя удаляетъ, между тѣмъ какъ графъ Разумовскій авредитованный русскій министръ, а не частный человѣкъ; король не имѣлъ власти лишить его публичнаго званія, потому что онъ ему не подчиненъ. Слѣдовательно, все то, чтò случилось съ графомъ Разумовскимъ, есть насиліе, коварное нарушеніе международнаго права, явное оскорбленіе, причиненное достоинству и чести императрицы и ея имперіи, тѣмъ король только самого себя наиболѣе обезславилъ предъ свѣтомъ и потомствомъ. Король отомстилъ графу Разумовскому несправедливымъ и необыкновеннымъ между просвѣщенными народами образомъ. Онъ требуетъ наказанія графа. За чтò? За то, что онъ изъявлялъ миролюбивыя расположенія ея императорскаго величества къ королю и къ шведской націи. Странно! Въ запискѣ, читанной церемоніймейстеромъ графу Разумовскому, король приказалъ изъявить ему благоволеніе, а запиской отъ 1-го іюля онъ требуетъ отъ императрицы примѣрнаго этому посланнику наказанія.

„Предложеніе вооруженнаго посредничества всякой независимой державѣ, какой бы степени она ни была, должно показаться несправедливымъ, оскорбительнымъ ея чести, тѣмъ болѣе Россіи, не привыкшей пока принимать отъ короля Шведскаго законъ.

„Король требуетъ всю Финляндію отъ Россіи за убытки. Онъ скорѣе, какъ союзникъ Порты, отъ нея долженъ получить платежъ; отъ Россіи онъ ничего не можетъ требовать. За то Россія можетъ отъ него требовать удовлетворенія за всѣ оскорбленія, за весь причиненный войною вредъ, за чрезвычайныя вооруженія и за остановленіе отправляющагося въ Средиземное море флота.

„Разказъ короля, что *легкія русскія войска напали на шведскіе форпосты въ Саволаксъ*, — неправда; въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ не было ни одной души легкаго русскаго войска ни въ Саволаксъ, ни вообще въ тамошнемъ краю, и бригадиръ Гастферъ не могъ видѣть *непріятельскихъ дѣйствій*, гдѣ ихъ не было. Извѣстно, что онъ приступилъ къ Нейшлоту среди мира. Король же хотѣлъ привлечь русскія войска на границу. Онъ даже съ гнѣвомъ писалъ къ своему посланнику въ Петербургъ: зачѣмъ онъ ему не доноситъ, что двѣнадцать тысячъ Татаръ и Калмыковъ стоятъ близъ его границы? Шведскій посланникъ, увѣренный въ противномъ, былъ въ недоумѣніи: истина противорѣчила королевской волѣ; онъ однако хотѣлъ, чтобы ему донесли такъ, а не иначе. Когда шведская армія не хотѣла переступить за границу, не находя предъ собою непріятеля и не вида, по разсѣянными въ Столгольмѣ слухамъ, никакого опустошенія, то говорятъ, былъ употребленъ отчаянный подлогъ: переряжены 24 человѣка русскіими казаками, и посланы для учи-

ненія разоренія въ Корелию. Подлинное о томъ повелѣніе тотчасъ же отослано обратно. А въ исполненіе онаго сожжена деревня, принадлежащая одной вдовѣ, которую по имени называютъ ¹⁾.

„Послѣ событія при Фридрихсгамѣ и самъ король желалъ мира; но онъ у шести дворовъ просилъ посредничества; но не просилъ онъ только у того двора, отъ котораго ему надлежало ожидать мира.

„Въ заключеніе еще нужно замѣтить, что число 21-го іюня на объявленіи не сходно съ истиной. Оно, безъ сомнѣнія, составлено не ранѣе августа. Король долженъ былъ издать его, потому что шведская и финская арміи жаловались, что манифеста о войнѣ не обнародовано, а нападеніе сдѣлать велѣно, а дагѣ потому, что Данія желала узнать о причинахъ короля къ войнѣ.

„Вотъ съ какимъ сосѣдомъ Россія имѣетъ дѣло: онъ попираетъ установленный союзъ общенародный и благоустройства и доказалъ своимъ самопроизвольнымъ поведеніемъ, что онъ никакихъ другихъ правилъ не знаетъ, кромѣ собственной необузданной воли“ ²⁾.

Таково было содержаніе возраженія Екатерины на объявленіе Густава. Столкновеніе между Швеціей и Россіей было, какъ видно, чуть-ли не личнымъ дѣломъ обоихъ государей. Въ Швеціи даже долгое время не знали о войнѣ и довольствовались одними предположеніями о цѣли вооруженія. Въ письмѣ изъ Стокгольма отъ 24-го іюня, въ которомъ уже говорится объ отъѣздѣ короля съ флотомъ и войскомъ въ Финляндію, сказано только: „По всѣмъ обстоятельствамъ кажется, что день сей содѣлается началомъ эпохи для государства нашего. Кромѣ сего ничего мы не знаемъ. Намѣренія короля хранятся въ тайнѣ“ ³⁾. Уже нѣкоторое время послѣ открытія въ Финляндіи и на морѣ военныхъ дѣйствій пріѣхалъ изъ Стокгольма датскій корабельщикъ, который увѣрялъ, что въ Швеціи еще ничего не знали о начавшейся войнѣ, и что Русскіе тамъ свободно торгуютъ ⁴⁾. На это обстоятельство Екатерина обращала вниманіе въ своемъ возраженіи, указывая на несогласіе между желаніемъ короля воевать съ Россіей и желаніемъ народа не нарушать мира. Вообще не ожидали тогда войны на сѣверѣ и тѣмъ болѣе осуждали образъ дѣйствій Густава. Въ Даніи никакъ не думали, что Густавъ рѣшится на такое отважное предпріятіе ⁵⁾. Сегюръ пишетъ: „Никакъ нельзя было ожидать, что Густавъ III съ войскомъ не болѣе 30.000 осмѣлится напасть на исполнскую Россію“ ⁶⁾. Французское правительство обнаружило яв-

¹⁾ См. подробности этого событія ниже.

²⁾ Обнародовано въ сентябрѣ мѣсяцѣ; см. Колотова, III, 278 — 339.

³⁾ С.-Пет. Вѣд. 1788., стр. 851.

⁴⁾ Зап. Храп. 20-го іюля 1788 года: письмо Броуна изъ Риги.

⁵⁾ Mémoires d'un officier suédois.

⁶⁾ Ségur, Mémoires, III, 266.

ное неудовольствіе по поводу политики Шведскаго короля. Такъ по крайней мѣрѣ писалъ министръ Людовика XVI французскому посланнику въ С.-Петербургѣ ¹⁾. Даже Франція отказывала Густаву въ платежѣ субсидій на томъ основаніи, что Швеція не оборонялась, а начала войну ²⁾. Изъ Лондона писали ^{1/12} августа:

„Мы всё еще ласкаемся надеждою, что въ возгорѣвшихся на востокѣ и на сѣверѣ войнахъ дворъ нашъ не приметъ ни малѣйшаго участія. Многіе изъ политиковъ нашихъ судятъ о поступкѣ короля Шведскаго съ нарочитою горчачностью и радуются, что Данія приметъ также противъ него оружіе“ ³⁾.

По ходу дѣлъ Россія должна была стараться выставить на видѣ, вопервыхъ, что не она, а Густавъ началъ войну, и вторыхъ, что въ Швеціи желали мира, и стало быть отвѣтственность за его нарушение лежала на одномъ королѣ. И то, и другое было очевидно; но возраженіе должно было сильно содѣйствовать выясненію этихъ двухъ главныхъ истинъ, служившихъ къ большой выгодѣ для Россіи. Но хотя формально-юридическій вопросъ былъ ясно поставленъ, и на него данъ отчетливый отвѣтъ, — для западныхъ державъ, опасавшихся увеличенія значенія Россіи въ ряду европейскихъ государствъ, особенно для Англии и Пруссіи, казалось выгоднымъ поддерживать Густава въ борьбѣ съ Россіей и съ Даніей; а потому и аргументація Екатерины, краснорѣчивая и ловкая, не могла подѣйствовать на политику кабинетовъ, недоброжелательно слѣдившихъ за развитіемъ могущества Россіи. Что же касается до непопулярности войны въ Швеціи, то въ этомъ отношеніи солидарность интересовъ Екатерины съ интересами шведскаго дворянства не мѣшала Густаву продолжать идти по избранному имъ пути. Онъ былъ готовъ, въ случаѣ надобности, прибѣгнуть къ дальнѣйшимъ революціямъ по примѣру событій 1772 года; онъ умѣлъ дѣйствовать на національное чувство и на патриотизмъ массы народа, и союзъ короля съ массою народа въ концѣ концовъ долженъ былъ оказаться сильнѣе союза шведской оппозиціи съ Россіей. Старанія Екатерины подѣйствовать на шведское дворянство, обнаружившіяся и въ ея возраженіи, оказались тщет-

¹⁾ *Ségur*, III, 377.

²⁾ *Ségur*, III, 412.

³⁾ *С.-Пет. Вѣд.* 12-го августа 1788 г. Также у Храповицкаго 23-го іюля: «Въ перелоустріаціи примѣтилъ я, что будто англійскій дворъ объявлялъ себя несогласнымъ съ поступкомъ короля Шведскаго, и что король Шведскій, требуя формально помощи отъ Франціи, получилъ отказъ, затѣмъ что не онъ былъ атакованъ». За то въ упомянутомъ сочиненіи о Потемкинѣ сказано: «Der billigere Theil Europas war für Gustaf»; см. *Minerva*, 1798 г., IV, 478.

ными. Хотя, какъ сообщаетъ одинъ изъ современниковъ, многие изъ Шведовъ, слѣдя за предпріятіемъ Густава, вспоминали о неудачахъ Карла XII ¹⁾, хотя и сами министры Густава не совѣтовали ему начинать войну ²⁾, хотя и въ Швеціи, и въ Финляндіи было много людей средняго и низшаго класса, расположенныхъ противъ войны ³⁾; но вскорѣ затѣмъ Густавъ, не смотря на свои неудачи, успѣлъ склонить общее мнѣніе на свою сторону и даже вынудить необходимыя средства для продолженія войны у государственныхъ чиновъ. Если нельзя согласиться съ тѣмъ изъ современниковъ Густава, который утверждаетъ, что молодежь въ Швеціи пылала желаніемъ отличиться на войнѣ ⁴⁾, ни съ д'Аквилой, который говоритъ, что намѣреніе Швеціи возвратить себѣ части Финляндіи, утраченныя по договорамъ Ништадтскому и Абовскому, должно было имѣть большое значеніе въ глазахъ народа ⁵⁾; то нельзя въ то же время не признать, что война, предпринятая Густавомъ вопреки постановленіямъ данной имъ самимъ конституціи и вопреки желанію тѣхъ классовъ общества, которые долѣе часто имѣли въ государствѣ большее значеніе, чѣмъ самъ король, — война, которая не была даже ознаменована никакими важными успѣхами шведскаго оружія, а стоила много денегъ и крови, — окончила собою борьбу между королемъ и дворянствомъ въ пользу королевской власти, такъ что даже въ послѣдствіи насильственная смерть Густава не измѣнила постановленій его, состоявшихся въ самое опасное время этой войны, на сеймѣ 1789 года. Екатерина въ своемъ возраженіи, старалась не только предъ дворянствомъ, но и передъ народомъ шведскимъ, выставить дѣйствія Густава въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. И чѣмъ болѣе справедливыми казались доводы императрицы, защищавшей положительное право, тѣмъ болѣе Густавъ долженъ былъ считать необходимымъ измѣнить постановленія договоровъ 1721 и 1743 годовъ и конституцію 1772 года, еще во многихъ отношеніяхъ связывавшую ему руки. Чтò значила въ его глазахъ святость положительнаго права, когда интересъ народа въ самомъ широкомъ смыслѣ требовалъ именно уничтоженія этого права; когда политическій интересъ оправдывалъ нарушеніе юридическихъ формулъ; когда

¹⁾ *Posselt*, I. c., 342.

²⁾ Какъ видно изъ его подписки по случаю отъезда; см. статью Германа у Раумера въ *Histor. Taschenb.*, 1857, стр. 398.

³⁾ *Mém. d'un off.*; *Stedingk*, I, 81.

⁴⁾ *Mém. d'un officier*.

⁵⁾ *d'Aquila*, II, 91.

диктатура, необходимая, по его убѣжденію, для спасенія Швеціи, согласовалась съ его наклонностями вообще, съ его жаждою приобрѣсти громкое имя въ исторіи, съ его личнымъ негодованіемъ на императрицу и съ его страстнымъ, лихорадочнымъ темпераментомъ. Еще задолго передъ тѣмъ Густавъ замѣтилъ: „Il faut une guerre pour sagacitiser un règne“ ¹⁾. Теперь настало время такой войны ²⁾. Впрочемъ до отъѣзда изъ Стокгольма король передалъ своимъ приближеннымъ протоколы совѣщаній своихъ съ министромъ финансовъ, барономъ Руттомъ, и съ генераломъ Толлемъ, и при этомъ случаѣ сказалъ: „Только Провидѣнію извѣстно, вернусь ли я съ войны, или нѣтъ; если я въ ней погибну, то вѣроятно, вся ненависть и злоба народа обратится противъ васъ, господа, такъ какъ всѣ думаютъ, что вы мнѣ присоветовали ее. Поэтому я вручаю вамъ эти подлинники протоколовъ, изъ которыхъ видно, что вы не совѣтовали мнѣ начинать войну, и что я одинъ по собственной своей волѣ и вслѣдствіе сообщеній, сдѣланныхъ мнѣ моими министрами при иностранныхъ дворахъ, предпринялъ этотъ походъ“ ³⁾.

Густавъ всегда любилъ рыцарскія игры, пышныя церемоніи, придворныя театральныя празднества. При такомъ важномъ предпріятіи, при такой драмѣ, главнымъ актеромъ которой былъ онъ самъ, Густавъ и среди приготовленій къ походу отличался нѣкоторою изысканностью и тщеславіемъ. Въ письмѣ къ Армфельду, писанномъ на кораблѣ *Амфіонъ* послѣ отъѣзда изъ Стокгольма, онъ говорилъ о томъ, какъ совершилось прощаніе со столицей и съ королевой, какъ провожали его къ берегу моря его родственники, сановники, царе-

¹⁾ *Séjour*, III, 377.

²⁾ Весьма любопытно въ этомъ отношеніи слѣдующее обстоятельство. Въ Швеціи чеканились русскіе мѣдные пятаки, которыми Шведы уплачивали за купленные ими въ русской Финляндіи предметы; см. Зал. Храп. 29-го іюля: «Гр. Мусинъ-Пушкинъ прислалъ пятаки, коими Шведы платили нашимъ за провозъ артиллеріи, сказывая, что взяты на російскихъ корабляхъ. Вѣрно ихъ освидѣтельствовать, и мнѣ кажется, что они поддѣльные, но близки къ нашему стемпелю». 30-го іюля: «По свидѣтельству на монетномъ дворѣ нашлось, что пятакъ, коими Шведы въ Финляндіи платили, не нашего стемпеля, но добротой съ нашими равны: видно, что давно они готовились». Авторъ замѣчательнаго сочиненія о мѣдныхъ деньгахъ въ Швеціи (Aug. W. Stjernstedt) сообщилъ намъ, что мѣдные русскіе пятаки съ обозначеніемъ 1787 года чеканились въ то время въ Авестадѣ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ничего болѣе объ этомъ любопытномъ обстоятельствѣ, показывающемъ, какъ тщательно Густавъ готовился къ походу.

³⁾ *Herrmann, Raumer's Taschenbuch*, 1857, стр. 398.

дворцы, придворныя дамы, сенатъ, пажы, какъ онъ сѣлъ въ шляпку, какъ онъ далъ сенаторамъ поцѣловать свою руку, и какъ онъ самъ на пріивѣтствія народа отвѣчалъ двоекратнымъ ура:

„Мысль о моемъ громадномъ предпріятіи, народъ толпившійся на берегу моря, истителемъ котораго я являлся, мысль о томъ, что я могу отмстить за Турцію, что мое имя станетъ извѣстно Азін и Африкѣ, все это такъ по-дѣйствовало на мое воображеніе, что я не чувствовалъ особеннаго волненія и оставался спокойнымъ въ ту минуту, когда отправлялся на встрѣчу всякаго рода опасностямъ... Вотъ и я перешагнулъ чрезъ Рубиконъ“ ¹⁾.

Въ государственномъ совѣтѣ Густавъ сказалъ: „Если успѣхъ увѣнчаетъ наше оружіе, я между памятниками русской гордыни пощажу только одинъ памятникъ Петру Великому, чтобы выставить и увѣковѣчить на немъ имя Густава III“ ²⁾.

Обо всѣхъ этихъ напыщенныхъ выходкахъ короля узнавали въ Петербургѣ и смѣались надъ нимъ. Подобное хвастовство и подобныя притязанія на личную славу въ дѣлахъ, касавшихся всего государства, могли казаться тѣмъ болѣе неумѣстными, что кое-гдѣ въ Швеціи было, дѣйствительно, замѣтно неудовольствіе въ народѣ. Екатерина съ большимъ вниманіемъ слѣдила за всѣми признаками такого неудовольствія. Храповицкій не забывалъ вносить въ свой дневникъ всѣ подобныя случаи. Императрицѣ понравилось замѣчаніе Спренгт-портена о Густавѣ при слухѣ о предстоящей войнѣ: „Je crois qu'il veut se défaire de la Finlande“ ³⁾. Когда началась война, Шведы, находившіеся въ Петербургѣ на купеческихъ корабляхъ, были задержаны, и Храповицкій съ видимою радостью пишетъ: „Эти Шведы согласно желаютъ, чтобы ея величество хорошенько успокоила ихъ короля“ ⁴⁾. Не безъ удовольствія также получили въ Петербургѣ письмо отъ графа Разумовскаго, въ которомъ послѣдній писалъ, что послѣ битвы при Гогландѣ „герцогъ Сюдерманландскій поссорился съ королемъ, укоряя его въ неоткровенности и ложныхъ увѣреніяхъ о нашемъ безсиліи“ ⁵⁾. Въ письмѣ къ Иосифу II императрица назвала Густава вторымъ Донъ-

¹⁾ *Séguir*, III, 382—387. D'Aquila, разказывая объ этомъ отъѣздѣ, прибавляетъ, II, 93: «L'époque de la saison semblait ajouter à la beauté de ce départ, car alors il n'y a pas de nuit». Подробный разказъ въ *С.-Пет. Вѣд.* 1788 г., 851. Въ *Нѣмецкой Петербургской газетѣ*, 14 іюля, сказано: «In Wahrheit ein festlicher, aber auch für viele Patrioten ein bedenklicher Tag».

²⁾ *Posselt*, 347.

³⁾ Зап. Храп. 28-го мая.

⁴⁾ Зап. Храп. 20-го іюля.

⁵⁾ Зап. Храп. 5-го августа.

Кикотомъ¹⁾. „Онъ только золь на меня и на Нолькена“, сказала она 18-го іюля (за то, что оба говорили о мирномъ расположеніи Россіи), „и на обоихъ солгалъ въ сенатѣ: онъ тому голову отрубить, но мнѣ не можетъ“. Въ русскомъ манифестѣ о войнѣ отъ 30-го іюня Густавъ былъ названъ „вѣроломнымъ“. При дворѣ Екатерины въ послѣдствіи разказывали, что король, прочитавъ манифестъ, разодралъ его со словами: „Je ne suis pas son sujet“²⁾. Также, — узнавъ объ изреченіи Екатерины: „Шведскій король, вооружаясь противъ меня, неразумно обнажилъ мечъ; пусть онъ броситъ ножны“, — Густавъ замѣтилъ: „Это тѣ же самыя слова, которыя употребилъ когда-то Сикстъ V о герцогѣ Гизѣ: *когда подданный обнажилъ мечъ для борьбы съ своимъ владѣтелемъ, онъ уже долженъ бросить ножны...* Что же касается до меня, то я, сколько мнѣ извѣстно, не подданный императрицы, и постараюсь доказать ей это“³⁾.

Такой разрывъ между Густавомъ и Екатериной не могъ не быть продолжительнымъ. Хотя уже вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій стали ходить слухи о предстоящемъ заключеніи мира, хотя и въ послѣдствіи постоянно возобновлялись эти слухи, основанные впрочемъ на дѣйствительныхъ стараніяхъ дипломатовъ помирить воюющихъ, война продолжалась однахожь почти три года.

Густавъ уѣхалъ 12/23-го іюня, давъ графу Разумовскому недѣлю сроку на выѣздъ изъ Швеціи. Русскій посланникъ предпочелъ не выѣзжать вопреки строгому повелѣнію короля. Въ Петербургѣ понимали, что послѣ открытія военныхъ дѣйствій и объявленія короля, что онъ считаетъ Разумовскаго лишь частнымъ человѣкомъ, русскій посланникъ подвергалъ себя большимъ опасностямъ; но онъ оставался въ Стокгольмѣ еще нѣсколько недѣль до начала августа. Графъ Стедингъ писалъ королю 5/16 августа объ опасностяхъ, грозящихъ ему по случаю конфедераціи въ Аньялѣ, и прибавилъ: „Къ тому же графъ Разумовскій остается въ Стокгольмѣ, въ крайнему моему удивленію. Это пылающая головня, окруженная горючимъ матеріаломъ“. Наконецъ, король писалъ къ графу Стедингу 8/19 августа изъ Кюменгорода: „Графъ Разумовскій выѣхалъ 8-го. Наконецъ, онъ долженъ былъ послушаться“⁴⁾. Только въ началѣ сентября узнали въ Петербургѣ объ

¹⁾ Зап. Храп. 7-го іюля.

²⁾ Зап. Храп. 31-го августа: „Но не бывъ подданнымъ, трактаты сохранять обязанъ“, замѣтила по этому поводу Екатерина.

³⁾ *Séjour*, I. с.

⁴⁾ *Stedingk, Mémoires*, I, 122.

отъѣздѣ Разумовскаго. Онъ отправился на шведской яхтѣ въ Копенгагенъ и долженъ былъ перейти на купеческое судно, „ибо она (яхта) очень дурна и опасна“, какъ пишетъ Храповицкій. „Я всегда говорила, замѣтила при этомъ Екатерина о Густавѣ, qu'il en veut à lui: онъ хотѣлъ его утопить“¹⁾).

Еще до окончательнаго разрыва между Россіей и Швеціей, были открыты военныя дѣйствія со стороны Швеціи.

А. Брикнеръ.

---

¹⁾ Зап. Храп., стр. 105.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА И СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ ВЪ ПЕРІОДЪ ЕЯ УПАДКА.

V.

Учрежденіе Ахэйскаго союза: общія замѣчанія. — Самостоятельность частей; случаи вмѣшательства союзной власти. — Единство цѣлаго: дипломатическія сношенія, военная организація, монетная система. — Политическія учрежденія: сеймъ, его составъ и характеръ. — Администрація: диміурги и стратигъ. — Дума.

Поливій, то-есть, писатель, у котораго мы главнымъ образомъ должны заимствовать наши свѣдѣнія объ устройствѣ Ахэйскаго союза, дѣлая его общую характеристику, утверждаетъ, что равенство, свобода и самыя искреннія и широкія демократическія начала составляли основаніе политической системы ахэйской ¹⁾. Со стороны политическаго мыслителя, не имѣющаго вѣры въ чистыя и абсолютныя формы государственнаго устройства, проникнутаго недоувѣріемъ къ „толпѣ“ и къ ея способности принимать участіе въ дѣлахъ государственныхъ, такая похвала могла бы показаться странною, если бы мы не знали, что слова „демократія“, „аристократія“ имѣютъ еще не очень точное и опредѣленное значеніе, но принимаютъ различный смыслъ, смотря по тому, какого политическаго направленія держится человѣкъ, ихъ произносящій. Для всякаго, кто хотя нѣсколько знакомъ съ греческою исторіей, самою полною и самою высокою представительницею демократическаго устройства будетъ, конечно, республика Аѳинская. О ней-то именно Поливій и высказывается въ тонѣ очень строгаго осужденія и вполне устраняетъ ее изъ разряда государствъ, которыя хотя бы отчасти приближались къ идеалу хорошаго государственнаго устройства. По его мнѣнію, „народъ Аѳинскій всегда былъ похожъ на корабль безъ кормчаго“; здѣсь все находится въ рукахъ „толпы“, увле-

¹⁾ Polyb., II, 38, 6.

бающейся своими порывами то въ ту, то въ другую сторону¹⁾. Известно, что въ политической фразеологіи настоящаго времени очень употребительны выраженія: „истинная демократія“, „ложная демократія“, „истинная аристократія“ и т. д., и что выраженіе „истинная демократія“ часто означаетъ нѣсколько менѣе, чѣмъ просто „демократія“; эпитетъ „истинная“ служитъ къ ограниченію, а не къ усиленію понятія, заключающагося въ словѣ „демократія“. Поливій — одинъ изъ тѣхъ писателей, которые уже пользуются такою фразеологіей. По его словамъ, ахѣйское устройство есть истинная демократія, δημοκρατία ἀληθινή²⁾, то-есть, въ противоположность другимъ ложнымъ, умѣренная демократія.

Въ теоріи ахѣйское государственное устройство было вполне демократическимъ, и въ этомъ отношеніи Поливій совершенно правъ, приписывая ему это качество. Можно сказать, что ахѣйскія союзныя учрежденія теоретически допускали участіе всего народа въ государственныхъ дѣлахъ совершенно въ такой же степени, какъ и законодательство Клизоена и Перикла. Верховная власть принадлежала здѣсь, какъ и въ Аѣнахъ, собранію всѣхъ гражданъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ право участвовать въ этомъ собраніи, держать рѣчь и подавать свой голосъ. Народное вѣче рѣшало всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Вопросы о войнѣ, мирѣ и заключеніи союзовъ, избраніе верховныхъ исполнительныхъ властей, все это принадлежало вѣчу. Ограниченія, которыя превращали ахѣйскую конституцію въ болѣе умѣренную, чѣмъ Аѣнская, достигались не прямымъ, а косвеннымъ путемъ, принадлежали болѣе практикѣ, чѣмъ теоріи. Гарантіи, которыя предупреждали господство дурной демократіи, преобладаніе классовъ неимущихъ съ противообщественными стремленіями, лежали въ большей обширности и соединенной съ тѣмъ большей сложности ахѣйскаго государственнаго организма, чтó и отличало Пелопоннискую федерацію отъ единой и нераздѣльной демократіи города Аѣны.

Устройство Ахѣйскаго союза было строго федеративное. Оно вполне совмѣщало въ себѣ два основныя условія, которыя составляютъ сущность этого понятія: соединеніе нѣсколькихъ или многихъ политическихъ единицъ въ одно цѣлое съ сохраненіемъ ихъ самостоятельности.

Мы остановимся сначала на второмъ признакѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ политіи, входившія въ составъ федераціи, сохраняли все-таки свое отдѣльное государственное суще-

¹⁾ VI, 43, 44.

²⁾ VI, 38, 6.

ствование, хотя Полиій и не высказываетъ этого въ видѣ прямого положенія. Мы замѣчаемъ, что при обмененномъ теченіи дѣлъ союзное правительство не вмѣшивается во внутренніи дѣла отдѣльной политіи, не измѣняетъ ни ея законовъ, ни существующихъ частныхъ политическихъ учрежденій. Напротивъ того, каждая политія сохраняетъ свое мѣстное правительство и законодательство. Указаній на это достаточно. Въ 233 году, когда стратигомъ Ахэйскаго союза былъ Тимоксенъ ¹⁾, Аргивяне избираютъ своимъ частнымъ стратигомъ Арата ²⁾. Въ Сикионѣ упоминаются правительственные лица, которымъ дается титулъ архонтовъ ³⁾. Въ Кинзеѣ, очевидно, существовали до присоединенія къ союзу и остались послѣ присоединенія не только полемархи, одна изъ второстепенныхъ должностей, но и свои мѣстные стратиги ⁴⁾. Изъ позднѣйшаго времени мы имѣемъ самое рѣшительное доказательство существованія отдѣльнаго правительства въ каждомъ городѣ. Филопименъ, задумавъ походъ противъ Спарты, пишетъ письма по всѣмъ городамъ, адресуя ихъ на имя мѣстныхъ чиновъ ⁵⁾. Народныя собранія (вѣча, ἐκκλησία) существуютъ точно также въ каждой отдѣльной общинѣ ⁶⁾. Наконецъ встрѣчаются указанія и на существованіе мѣстной думы (βουλή) ⁷⁾. Отсюда ужь ясно, въ какомъ смыслѣ надобно понимать слова Полиіа, что у Ахэйцевъ были одни и тѣ же правители, сенаторы и судьи ⁸⁾. Это означаетъ только одинаковое устройство исполнительной, судебной и совѣщательной власти во всѣхъ политіяхъ.

¹⁾ Polyb., II, 53, 1.

²⁾ Plut., Arat., 44.

³⁾ Polyb., V, 27, 3.

⁴⁾ Ibid., IV, 17. Кинзеяне для охраненія внутренняго спокойствія держали у себя нѣкоторое время ахэйскій гарнизонъ и получали стратига отъ соювной власти, «изъ Ахайи», какъ выражается Полиій. Что стратигъ этотъ не былъ начальникомъ ахэйскаго гарнизона, но обыкновеннымъ мѣстнымъ правительственнымъ лицомъ, только временно назначаемымъ изъ Ахайи, а не избираемымъ въ самой Кинзеѣ, — это видно изъ самыхъ выраженій Полиіа: *στρατήγον τῆς πόλεως*. Потому оказалось возможнымъ примиреніе партій, раздѣрвавшихъ Кинзею; Кинзеяне отпустили ахэйскій гарнизонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и стратига, назначеннаго имъ изъ Ахайи, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ чтобы замѣнить его своимъ мѣстнымъ уроженцемъ, правильно избраннымъ.

⁵⁾ Эти чины названы у Полиіа (XVI, 36, 3) ἀποτέλειοι. Изъ сравненія съ X, 23, 9 видно, что ἀποτέλειοι = οἱ κατὰ πόλεις ἄρχοντες = οἱ ἐν τέλει. Кромя Полиіа этотъ терминъ нигдѣ не встрѣчается.

⁶⁾ Polyb., XXXVIII, 3, 7.

⁷⁾ Liv., XXXII, 19, 9; Plut., Arat., 53.

⁸⁾ II, 37, 10.

Федеральное правительство не вмѣшивалось въ особенныя отношенія, которыя иногда существовали между большими городами и меньшими общинами, находившимися въ ихъ территоріи. Мегалополь послѣ своего присоединенія къ союзу удерживаетъ въ своемъ подчиненіи Алифиру, Асею, Гортинъ и другія, зависѣвшія отъ него общины. Только въ послѣдствіи, благодаря Филопимену, онѣ достигаютъ самостоятельнаго положенія и вступаютъ въ союзъ, какъ его непосредственные члены ¹⁾. Замѣчательно, что и это сдѣлано только на основаніи прежней независимости означенныхъ городовъ отъ Мегалополя. Мессинія входитъ первоначально въ союзъ такъ, какъ была, дѣльнымъ большимъ штатомъ, и только послѣ возмущенія, при вторичномъ вступленіи въ федерацію, отъ нея отдѣлены въ наказаніе три города (Авія, Θυρία и Фары), принятые въ союзъ самостоятельными членами ²⁾. Теней, городъ довольно обширный, оставалась, какъ видно, въ подчиненномъ отношеніи къ Коринѳу ³⁾. Эти примѣры показываютъ, что федерація вполне уважала внутреннюю самостоятельность и самобытность государствъ, къ ней присоединяющихся. Если бы проводить вполне принципъ равенства, то собственно говоря, каждая политія, прямо или непрямо вступающая въ союзъ, должна была бы дѣлаться самостоятельною и свободною. Но Ахэйскій союзъ, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла вновь присоединяющихся областей; имѣлъ дѣло только съ господствующимъ на извѣстной территоріи городомъ. Само собою разумѣется, что послѣ присоединенія къ свободной федераціи въ подчиненныхъ общинахъ могло иногда пробуждаться неудовольствіе и стремленіе стать наравнѣ съ другими среди федераціи.

Не смотря на самостоятельность отдѣльныхъ политій, внутреннее политическое устройство ихъ простымъ и естественнымъ образомъ принимало одну общую демократическую форму. Почти всѣ города Пело-

¹⁾ Plut., Philor., 13. Плутархъ не называетъ этихъ общинъ; но монеты показываютъ, что это были Алиѳира, Асея, Дипея, Гортинъ, Паллантіонъ и Эписоя. Только самостоятельныя общины имѣли право бить монету; слѣдовательно, если встрѣчаются монеты съ надписями: Ἀλιφιρέων (Millingen, Sylloge of ancient unedited coins, p. 60; Curtius, Pelor., I, 393), Θεισσαίων Ἀχαιῶν и Ἀχαιῶν Θεισσαίων (Mionnet, II, 162, Supplement, IV, 18), Ἀσείτων Ἀχαιῶν (Curt., Pelor., I, 275) и т. д., то эти города были когда-нибудь самостоятельными членами федераціи; ср. Pausan., VIII, 27.

²⁾ Polyb., XXV, 1, 2. Монеты съ надписью: Μεσσηνίων Ἀχαιῶν см. у Mionnet, II, стр. 162.

³⁾ Монета отъ Теней не существуетъ, и Стравонъ называетъ ее прямо κοινὴ τῆς Κορινθίας; Curt., Pelor., II, 597.

понялся до вступленія своего въ союзъ находились подъ властію тиранновъ. Тираниія прямо противорѣчила всѣмъ началамъ свободнаго союза; уничтоженіе ея было предварительнымъ условіемъ для вступленія въ федерацію. Но паденіе тираниіи оставляло послѣ себя свободное поле для той или другой формы политическаго быта, для олигархіи или демократіи. Давно уже была потеряна всякая устойчивость государственной жизни въ маленькихъ греческихъ республикахъ: онѣ постоянно колебались между господствомъ неимущей толпы или преобладаніемъ богатой олигархіи. При отсутствіи внутренней устойчивости перевѣсъ, естественно, зависѣлъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Не нужно было большаго давленія, чтобы рѣшить дѣло въ пользу той или другой стороны. Олигархическія формы не могли держаться въ отдѣльныхъ политіяхъ, вступившихъ въ Ахэйскую федерацію, уже потому что учрежденія самаго союза не были олигархическими, что въ важнѣйшихъ городахъ союза господствовала демократія. Такимъ образомъ отдѣльные члены Ахэйскаго союза получали однообразное политическое устройство вслѣдствіе простаго и естественнаго стремленія къ ассимиляціи, которое вездѣ проявляется при такихъ же условіяхъ. Мы нигдѣ не видимъ, чтобы союзная власть прямо предписывала введеніе демократическаго порядка. Даже Спартѣ, когда она при Филопиенѣ (въ 192 году) вошла въ составъ Ахэйскаго союза, были оставлены ея древніе законы. Только въ наказаніе за возмущеніе (въ 189 году) и возстаніе противъ союза, законы и учрежденія Ликурга были формально отмѣнены¹⁾.

Нѣкоторые извѣстные намъ примѣры вмѣшательства союзной центральной власти во внутреннюю жизнь отдѣльныхъ членовъ союза составляютъ только вѣжущееся противорѣчіе со самостоятельностью послѣднихъ. Новѣйшая теорія и практика федеративная въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, поразительно совпадаютъ съ практикой Ахэйскаго союза. Вмѣшательство центрального правительства въ Бернѣ во внутреннюю борьбу партій Женевской республики въ случаяхъ необходимыхъ не признается нарушеніемъ верховной самостоятельности кантона. Точно также нужно смотрѣть и на тѣ случаи въ исторіи Ахэйской федераціи, которые мы имѣемъ въ виду. Въ нихъ слѣдуетъ видѣть не нарушеніе самостоятельности отдѣльныхъ политій, но скорѣе доказательство, что политическая жизнь и политическая борьба въ отдѣльныхъ политіяхъ не прекращалась и послѣ при-

¹⁾ Polyb., XXXIV, 4, 4; Liv., XXVIII, 34: Lycurgi leges moresque abrogarent; ср. Plut., Philop., 16.

соединенія ихъ къ союзу, что она напротивъ того достигала иногда крайней живости и раздраженія, и что только въ этихъ крайнихъ случаяхъ допускалось и требовалось вмѣшательство союзнаго авторитета. Послѣ разоренія Мегалополя Клеоменомъ тамъ поднимается споръ по поводу возобновленія городскихъ стѣнъ, и партіи доходятъ до сильнаго раздраженія. Одни хотѣли, чтобы стѣны были выстроены въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ прежде. Это представляло бы ту выгоду, что и самая постройка могла бы легче и скорѣе быть окончена, да и защита построенныхъ стѣнъ была бы удобнѣе. Несчастіе, постигшее городъ, именно произошло отъ несоразмѣрности числа жителей съ обширностію стѣнъ, которыя нужно было оберегать. Эти возрѣнія были совершенно невинны и неопасны, хотя другая партія и не хотѣла съ ними согласиться. Но бѣда въ томъ, что и сюда — въ вопросъ объ оборонительныхъ средствахъ города — внесенъ былъ элементъ социальной вражды, отъ которой страдала вся Греція. Въ пользу сокращенія городской окружности были бѣдныя. Они требовали сверхъ того, чтобы богатые землевладѣльцы, κτηνᾶτιχοί, уступили третью часть своихъ земель въ пользу новыхъ поселенцевъ, которые должны будутъ восполнить убавившееся население Мегалополя. Богатые, понятно, не соглашались даромъ отказаться отъ своего имущества. Были еще другія причины несогласія, которыя однако остаются для насъ неясными ¹⁾. Споръ, перенесенный на горячую почву социальной вражды, принималъ уже характеръ весьма опаснаго столкновенія. Но вмѣшательство союзнаго авторитета отвратило опасность. Центральное правительство отправило въ Мегалополь Арата, бывшаго тогда стратигомъ. Онъ успѣлъ примирить враждующія партіи. Какъ серьезно было дѣло, видно уже изъ того, что условія примиренія были начертаны на колоннѣ, нарочно поставленной среди города. Поливій, разказывающій объ этомъ событіи, такой способъ выраженія, который намекаетъ на трудность и щекотливость роли Ахэйскаго стратига ²⁾.

Другой замѣчательный случай вмѣшательства относится также къ Мегалополю. Столкновеніе на этотъ разъ произошло изъ-за Филопимена. Мегалополитанцы были раздражены тѣмъ, что Филопименъ оставилъ свое отечество въ самую критическую минуту, принявъ должность военачальника, предложенную ему на островѣ Критѣ. Дѣло дошло до

¹⁾ Дѣло шло о какомъ-то особенномъ Мегалополитанскомъ законодательствѣ.

²⁾ Polyb., V, 93: Τοιαύτης οὐσης τῆς ἀμφισβητήσεως, ποιησάμενος Ἄρατος τὴν ἐνδεχομένην ἐπιστροφὴν и т. д.

того, что Филопимена хотѣли исключить изъ числа гражданъ и подвергнуть вѣчному изгнанію (αποξενωβν). Нѣтъ сомнѣнія, что изгнаніе такого лица, какъ Филопименъ, было не то, что изгнаніе простаго гражданина. Оно лишило бы городъ и весь союзъ одного изъ главныхъ дѣятелей на пользу общую. Оно могло имѣть и непосредственно опасную сторону тѣмъ болѣе, что въ самомъ Мегалополѣ была партія, которая оправдывала и защищала Филопимена. Союзная власть (οἱ Ἀχαιοί) вмѣшалась и предупредила окончательное рѣшеніе. Тогдашній стратигъ Аристѣнъ, подобно Арату, былъ отправленъ въ Мегалополь, не смотря на то, что принадлежалъ къ числу политическихъ противниковъ Филопимена. Приговоръ не былъ произнесенъ въ Филопименъ, оставшись гражданиномъ Мегалополя, успѣлъ еще оказать много услугъ своему отечеству и всей Греціи ¹⁾. Есть еще два примѣра вліянія союзной власти на внутреннія дѣла отдѣльныхъ республикъ, гдѣ вмѣшательство принимается, повидимому, характеръ болѣе рѣзкаго и ощутительнаго стѣсненія мѣстной автономіи. Оба раза является нѣчто въ родѣ военнаго поста федеральныхъ войскъ въ городѣ. За то въ томъ и другомъ случаѣ союзная власть выходитъ на сцену по требованію самихъ гражданъ подлежащаго города. Однажды былъ отправленъ союзный гарнизонъ въ Кинэу: онъ былъ призванъ одною изъ тѣхъ партій, которыя тамъ боролись съ ожесточеніемъ. Подобнымъ образомъ и въ Магнинэу союзныя войска были приглашены для поддержанія порядка и мира ²⁾.

Указанные нами случаи не даютъ права сказать, чтобы союзъ допускалъ „сильныя вторженія“ въ частныя дѣла отдѣльныхъ политій ³⁾. Единственный примѣръ, который приводится въ доказательство сильныхъ вторженій, относится, во первыхъ, къ послѣднимъ днямъ существованія Ахэйскаго союза, то-есть, къ періоду самому безповойному. Во время войны съ Римлянами стратигъ Діэй (Δίαιος), чтобы найти какія-нибудь средства для продолженія борьбы за существованіе союза, рѣшилъ освободить и вооружить рабовъ и отправилъ въ этомъ смыслѣ предписанія ко всѣмъ союзнымъ городамъ. Эта мѣра, не совсѣмъ удобная сама по себѣ и только извиняемая крайностью, была встрѣчена тѣмъ съ большимъ негодованіемъ, что при распредѣленіи повинности по городамъ Діэй допустилъ большую небрежность и не-

¹⁾ Plut., Philop., 13.

²⁾ Polyb., V, 93; II, 58, 1.

³⁾ Такъ выражается Фишеръ въ сочиненіи: Ueber die Bildung von Staaten und Bünden im alten Griechenland, стр. 43, ссылаясь на распоряженіе Діая.

равенство. Если всмотрѣться внимательно, то и этотъ случай не представляетъ собственно нарушенія законной автономіи и самостоятельности областей. По союзной конституціи, военная часть, какъ мы увидимъ, подлежала вѣдѣнію федеральныхъ властей. На этомъ основаніи и дѣйствуетъ Діэй. Неправильность и незаконность состоитъ въ нарушеніи частныхъ имущественныхъ правъ каждаго рабовладѣльца и еще болѣе въ несправедливой раскладкѣ, на что указываетъ и Поливій ¹⁾, а не въ нарушеніи политическихъ правъ каждой отдѣльной области.

Сколько мы знаемъ, нельзя указать другихъ случаевъ вмѣшательства союзнаго авторитета въ домашнюю жизнь отдѣльныхъ республикъ, кромѣ вышеприведенныхъ; по крайней мѣрѣ, не найдется такихъ случаевъ въ хорошія и спокойныя времена союза. Если же дѣлать заключеніе по тѣмъ примѣрамъ, которые намъ извѣстны, то нужно будетъ сказать, что вмѣшательство допускалось только въ случаѣ настоятельной необходимости, главнымъ образомъ, для охраненія внутренняго мира союзныхъ общинъ, съ цѣлію предупредить крайнія и кровавыя столкновенія партій, иногда по требованію и вызову со стороны подлежащихъ членовъ союза. Охранительныя мѣры такого рода, какъ уже замѣчено, не только не нарушаютъ принципа автономіи, но напротивъ того свидѣтельствуютъ о дѣйствительномъ уваженіи къ нему, о дѣйствительномъ признаніи его въ федеративной конституціи ахэйской. Политіи, вошедшія въ составъ Ахэйскаго союза, оставались такими образомъ вольными общинами, дѣйствительно самостоятельными государствами, были πόλεες, а не δήμοι. Но въ то же время очень ясно и сильно былъ поставленъ и принципъ высшаго союзнаго единства. Ахэйскій союзъ былъ дѣйствительно союзнымъ государствомъ (Bundesstaat), а не союзомъ нѣсколькихъ государствъ (Staatenbund). Существовала ахэйская „нація“ ²⁾, по крайней мѣрѣ, какъ политическое понятіе, съ національнымъ правительствомъ. Каждый гражданинъ каждой общины находился къ этому правительству въ прямомъ отношеніи. Были дѣла общія, касавшіяся всей націи, подлежавшія только ей вѣдѣнію. Въ этихъ дѣлахъ, самостоятельность частныхъ единицъ должна была уступать требованіямъ единства, высшимъ правамъ союза.

¹⁾ XL, 2.

²⁾ Поливій очень часто употребляетъ выраженіе: ἕθνος, τὸ ἕθνος τῶν Ἀχαιῶν въ примѣненіи ко всему союзу.

Мы еще разъ хотѣли бы передать читателю наше удивленіе къ той послѣдовательности и строгости, съ которыми начала государственнаго единства были проведены въ ахэйской конституціи и соглашены съ признаваніемъ мѣстныхъ самостоятельности. Союзное ахэйское устройство въ такой степени представляется близкимъ къ тѣмъ немногимъ новѣйшимъ образцамъ этой наиболѣе сложной и наиболѣе искусственной формы политическаго быта, что иногда можно бы предполагать заимствование у него этими послѣдними, если бы положительныя свидѣтельства исторіи и собственное сознаніе творцовъ новѣйшей и самой знаменитой федераціи не говорили противнаго ¹⁾. Съ другой стороны, ахэйское союзное устройство въ такой степени удовлетворяетъ тѣмъ основнымъ, идеальнымъ требованіямъ федеративнаго устройства, которыя могутъ быть добыты путемъ отвлеченія отъ дѣйствительно существующихъ образцовъ, что мы легко и удобно можемъ обращаться къ нему съ современными требованіями и запросами. Въ такомъ именно смыслѣ мы можемъ спросить: кому принадлежало право сношеній съ иностранными государствами въ Ахэйской федераціи — союзной ли только власти, или и частнымъ отдѣльнымъ членамъ союза? Какъ и вѣмъ рѣшались вопросы войны и мира, и существовала ли союзная армія? Кому принадлежало право бить монету? И наконецъ, какъ было устроено союзное правительство и союзное законодательство, и было ли союзное правительство достаточно сильно?

Внѣшнее представительство всего народа, право дипломатическихъ сношеній съ иностранными государствами принадлежало въ Ахэйской федераціи только власти союзной. Въ пользу существованія такого воззрѣнія свидѣлствуютъ всѣ почти частныя случаи сношеній. Наконецъ, однажды это воззрѣніе было высказано ясно и торжественно. Въ договорѣ, заключенномъ Ахэйцами съ Римскою республикой, стоитъ слѣдующее условіе: „только отъ цѣлаго союза Ахэйскаго могутъ быть отправляемы послы къ римскому сенату; отдѣльныя общины, входящія въ составъ союза, не должны имѣть такого права“ ²⁾. Есть

¹⁾ Could the interior structure and regular operation of the Achaean league be ascertained, it is probable that more light might be thrown by it on the science of federal government, than by any of the like experiments with which we are acquainted. См. *The Federalist*, № XVIII. Даже тѣ знанія, которыя Гамильтонъ и Гаррисонъ имѣли объ Ахэйской федераціи, заимствованы не изъ самыхъ источниковъ, не изъ Поливіа, и потому весьма неточны.

²⁾ Ἀχαιῶν γὰρ εἶρητο ἀπὸ τοῦ κοινοῦ παρὰ τὴν Ῥωμαίων βουλὴν ἀπέλπειν πρέσβεις, ἰδίᾳ δὲ ἀπέρητο μὴ πρεσβεύεσθαι τὰς πόλεις, ἕσαι συνεδρίου τοῦ Ἀχαιῶν μετέχον; См. Pausan., VII, 9, 4; ср. Liv., XXXIX, 37.

исключенія изъ общаго правила, но они, какъ всегда, только подтверждаютъ его существованіе. Одно изъ этихъ исключеній находится въ связи съ событіями, уже разказанными у насъ. Римляне, по окончаніи войны съ иллирійскими разбойниками, отправили посольство въ Коринѳъ. Но мы знаемъ, во первыхъ, что это посольство пришло только послѣ того, какъ всѣ дипломатическія дѣла были покончены въ сношеніяхъ съ союзными властями, и слѣдовательно, во вторыхъ, оно имѣло характеръ только почетнаго посольства къ предсѣдателямъ на Коринѳскихъ играхъ. Результатомъ посольства, дѣйствительно, было только принятіе Римлянъ на Исѳійскія игры¹⁾. Болѣе значенія имѣеть другой случай, съ которымъ мы еще встрѣтимся. Тамъ одинъ городъ не принимаетъ уже, а самъ отправляетъ посольство къ царю Македонскому. Но какъ будетъ видно, это было сдѣлано въ обстоятельствахъ вполнѣ исключительныхъ. Потому, для этого опять-таки требовалось разрѣшеніе союзной власти²⁾. Слѣдовательно, безъ этого спеціальнаго разрѣшенія посольство не могло быть отправлено. Къ концу существованія союза, когда его счастливыя времена уже миновали, встрѣчались дѣйствительныя нарушенія основнаго союзнаго права, особенно со стороны Лаконики и Мессиніи, вошедшихъ въ составъ союза противъ своей воли. Онѣ постоянно обращались прямо къ римскому сенату, который поощрялъ это намѣренно. Союзныя ахѳійскія власти по возможности протестовали противъ такого нарушенія союзнаго права³⁾.

Если уже не допускались дипломатическія сношенія отдѣльныхъ членовъ федераціи съ иностранными государствами, то само собою разумѣется, и вопросы войны и мира могли подлежать только вѣдѣнію общаго правительства⁴⁾. Болѣе частныя подробности относительно военнаго устройства могутъ служить къ ближайшему и точнѣйшему опредѣленію силы и вѣрности союзной государственной власти. Мы знаемъ, что количество войска, которое члены союза должны были выставять въ случаѣ нужды, зависѣло отъ рѣшенія союзнаго сейма. При этомъ съ весьма удовлетворительною подробностію составлялось

¹⁾ Polyb., II, 21, 8: Ῥωμαῖοι... ἄλλους πρεσβυτάς ἐξαπέστειλαν πρὸς Κορινθίους καὶ πρὸς τοὺς Ἀθηναίους· ὅτε δὴ καὶ Κορινθιοὶ πρῶτον ἀπεδέξαντο μετέχειν Ῥωμαίοις τοῦ τῶν Ἰσθμίων ἀγῶνος. Это посольство послѣдовало непосредственно за первымъ— но всему Ахѳійскому союзу.

²⁾ Polyb., II, 48, 7.

³⁾ Pausan., VII, 9.

⁴⁾ Polyb., IV, 15; 16 и др.; Liv., XXXIII, 15; XXXVI, 3 и проч.

рописание, сколько должно быть выставлено дѣхоты, сколько конницы, сколько наемнаго войска, и потомъ въ частности это количество распредѣлялось по отдѣльнымъ политіямъ: назначалось, сколько должны поставить Аргивяне, сколько Мегалополитанцы, и въ какомъ вооруженіи ¹⁾). Иногда опредѣлялось всеобщее, поголовное ополченіе всѣхъ способныхъ носить оружіе, обязательное для всѣхъ членовъ союза. Исполненіе этого рѣшенія поручалось союзному стратигу ²⁾), а онъ обращался въ свою очередь къ мѣстнымъ властямъ отдѣльныхъ городовъ ³⁾ съ требованіемъ выставить надлежащій контингентъ. Кромѣ своего собственнаго войска, собираемаго въ случаѣ нужды, федерация содержала, по обычаю времени, извѣстное количество наемныхъ солдатъ (τὸ ξενικόν). Для покрытія издержекъ по этому предмету каждая область вносила извѣстную сумму денегъ ⁴⁾. Отдѣльныя политіи, очевидно, не имѣли права содержать наемныя войска. Аристоммахъ, принявъ на мѣреніе вступить въ союзъ, прежде всего долженъ былъ распустить войска, которыя онъ содержалъ въ Аргосѣ ⁵⁾. Поливій замѣчаетъ, что отказъ нѣсколькихъ городовъ вносить возложенную на нихъ часть военной повинности въ общую казну, съ тѣмъ чтобы содержать самимъ для себя наемниковъ, могъ уже считаться признакомъ расторженія союза, отпаденія отъ него ⁶⁾. Союзъ бралъ на себя вполне и всецѣло охрану не только общей безопасности всего своего состава, но и каждой отдѣльной области. Иногда могло случиться, что обстоятельства заставляютъ ту или другую политію нести двойное бремя издержекъ для общей защиты и для своей частной обороны. Въ такомъ случаѣ, по союзнымъ законамъ, можно было ожидать и требовать вознагражденія и возмѣщенія издержекъ, понесенныхъ сверхъ общей раскладки ⁷⁾.

Поливій замѣчаетъ, что вслѣдствіе федеративнаго соединенія весь Пелопоннись достигъ полнаго единства въ системѣ мѣръ, вѣсовъ и монеты ⁸⁾. Этыхъ словъ, конечно, не слѣдуетъ понимать въ томъ

¹⁾ Polyb., V, 91, 6.

²⁾ Polyb., IV, 7, 5; ср. 9, 1.

³⁾ Polyb., IV, 7, 10.

⁴⁾ V, 91, 4; ср. 30, 5; IV, 60, 4; V, 94, 9; V, 1, 11.

⁵⁾ См. выше.

⁶⁾ Polyb. V, 60, 6: τοῖς βουλευμένοις διαλαίαν τὸ ἕθνος ἐδόκειον ἀρχηγὸν γαγονέαι.

⁷⁾ Это видно изъ словъ Поливія, IV, 60, 10: καὶ κοινῆς ὑπαρχούσης ἀδιαπτώτου κατὰ τοὺς κοινούς νόμους.

⁸⁾ Ἄλλὰ καὶ νόμοις χρῆσθαι τοῖς αὐτοῖς καὶ σταθμοῖς καὶ μέτροις καὶ νομίμασι; II, 37, 10.

смыслѣ, чтобы въ самомъ дѣлѣ только одному центральному правительству принадлежало право чеканить монету. Сикіонъ, Коринѣи и другіе города сохраняли свое старое право въ этомъ отношеніи. У Поливія идетъ рѣчь только о признаніи одной общей монетной системы. Это служило уже выраженіемъ союзнаго единства. Драхмы и тетрадрахмы Сикіона были ходячею монетою во всемъ союзѣ, имѣя такую же цѣнность, какъ тетрадрахмы и драхмы Коринѣа и Эгіона. Надпись монетъ, выбитыхъ въ томъ или другомъ городѣ, именовала не только этотъ городъ, но и самый союзъ, часть котораго онъ составлялъ. Если поэтому монетная система Ахэйскаго союза не вполне выражала исключительную *верховность* цѣлаго надъ его самостоятельными частями, то съ другой стороны, она давала возможность каждому отдѣльному городу наглядно заявлять о своей принадлежности къ союзу, — напоминала о единствѣ союзномъ. Не слѣдуетъ поэтому умалять значенія, которое придаетъ Поливій своей замѣткѣ ¹⁾. Уже невыгоды и неудобства, которыми даетъ или давало себя чувствовать разнообразіе монетныхъ системъ среди нѣкоторыхъ политическихъ соединеній, именовавшихъ себя также союзами, могли бы помочь справедливой оцѣнкѣ указанія, сообщаемаго Поливіемъ.

Итакъ, оба начала, входящія въ понятіе строгой федераціи, находятъ себѣ полное удовлетвореніе въ ахэйскомъ политическомъ устройствѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ извѣстные намъ факты, въ которыхъ высказывается отношеніе частей къ цѣлому, и наоборотъ, отношенія центральной власти къ частямъ. Предоставляя внутреннія домашнія дѣла отдѣльныхъ областей ихъ собственному вѣдѣнію, Ахэйскій союзъ является однимъ цѣлымъ и нераздѣльнымъ тѣломъ въ отношеніи къ другимъ внѣшнимъ государствамъ.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ учрежденій, въ которыхъ воплощалось народное единство, и остановимся на нихъ съ нѣкоторою подробностію. Глубокій интересъ вопроса можетъ служить намъ оправданіемъ. Сообразно общей и нормальной схемѣ политическаго устройства въ древнемъ мірѣ, Ахэйская федерація имѣетъ три главныхъ политическихъ института: 1) народное вѣче (*ἐκκλησία*), 2) думу или сенатъ (*βουλή*) и 3) чины власти исполнительной.

¹⁾ Нѣмецкій ученый Вурмъ въ своемъ небольшомъ сочиненіи: *Der politische Standpunkt des Polybios* (стр. 34) выражаетъ слѣдующую мысль: Ein Philologe bemerkt in dem Artikel «Achäischer Bund» in Pauly's Encyclopädie, das sei nur vom Münzfusse zu verstehen, denn es finden sich Münzen von Prägestätten einzelner Staaten. Aber der Münzfuss ist just die Sache, auf die es ankömmt; mehr wollen wir in Deutschland auch nicht.

Верховная власть союза воплощалась въ обще-ахэйскомъ народномъ собраніи или вѣчѣ: это конгрессъ или національное собраніе Ахэйской федераціи. Ахэйское вѣче отличается отъ родственныхъ ему учреждений, носящихъ имена конгресса, сейма или національнаго собранія только тѣмъ, что, сообразно общему политическому инстинкту древняго міра, собраніе это построено на первоначальномъ непосредственномъ участіи всѣхъ гражданъ, а не началъ представительства ¹⁾. Условіемъ допущенія въ собраніе былъ только извѣстный опредѣленный возрастъ, именно тридцатилѣтній ²⁾. Такимъ образомъ каждый свободный гражданинъ Ахэйскаго союза имѣлъ право прямого участія въ избраніи главныхъ чиновъ и правителей союзныхъ ³⁾ и право подавать свой голосъ за войну или противъ нея ⁴⁾. Всѣ другія дѣла, касающіяся всего союза, также подлежали контролю общаго собранія

¹⁾ На это указываютъ уже самыя названія, которыми обыкновенно обозначается въ источникахъ Ахэйскій союзный сеймъ: 1) *ἐκκλησία*: Polyb., V, 1, 9, XXI, 7, 2; XXIII, 10, 10, 12, 5 и 7; XXIV, 5, 16; Paus., VII, 14, 2, и равносильное этому *contio* у Ливія, XXXI, 25, 2; XXXII, 19, 13 и проч.; 2) *σύνοδος*: Polyb., IV, 14, 1; XXIII, 7, 2—5; XXIX, 8, 8; XXXIII, 15, 1; Pausan., VII, 14, 5; 3) *σύγκλητος*: Polyb., XXIX, 9, 6. Ливій соответственно этому употребляетъ слово *concilium*, XXXI, 25, 2; XXXII, 19, 13; ср. 20, 1; 4) *σύλλογος*: Pausan., VII, 8, 4, 9, 3, 14, 4; 5) *κοινοβούλιον*: Strab., VIII, 7. Участіе всего народа, то-есть, всякаго желающаго, въ собраніи не подлежитъ сомнѣнію, не смотря на противоположное мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ (Гельсинга и Друмманна). Источники очень ясно указываютъ на многочисленность собранія, на участіе въ немъ «толпы», «черни». См. Polyb., IV, 14, 1 (*πλήθος*); V, 1, 5 (*τῶν πλήθους*); XXI, 7, 2 (*οἱ πολλοί*). То же самое *πολλοί* и *πλήθος*, XXIII, 7, 8, 8, 13; XXV, 1, 5. Еще сильнѣе: XXVIII, 7, 4 (*ὄχλος*); см. также XXIX, 8, 9; XXXIII, 15, 2. Послѣ этого понятно, въ какомъ смыслѣ нужно понимать известное мѣсто Поливія (XXXVIII, 4, 5): *καὶ γὰρ συνηθροίσθη πλήθος ἐργαστηριακῶν καὶ βανουσῶν ἀνθρώπων ὅσον οὐδέποτε*. Гельсингъ замѣчаетъ, что это было противъ закона и обычая (*gegen Gewohnheit und Gesetz*): противъ обычая — это отчасти вѣрно, противъ закона — никакъ. Указываемъ еще на нѣкоторыя мѣста Ливія XXXII, 20, 7 (*murmur contionis tantae*), 22, 1—2 (*non singuli tantum, sed populi universi inter se altercabantur*). *Principes*, къ которымъ обращается стратигъ въ собраніи (Liv., XXXII, 21, 1), очевидно, суть или тѣ болѣе вліятельные люди, которые прежде другихъ высказывали свои мнѣнія, держали рѣчи, или, еще скорѣе, диміурги (о нихъ ниже). Въ XXXV, 25, 6, *principes* прямо противопоставляется *multitudo*; ср. также XLI, 24, 19. *Principes* Ливія, вѣроятно, есть переводъ Поливіевыхъ *οἱ προεστῶτες τῶν Ἀχαιῶν*, IV, 9, 3. Странно, что и Моммсенъ, I, стр. 688 (2-го издан.), говорить о депутатахъ, *Gesandten*.

²⁾ Polyb. XXIX, 9, 6.

³⁾ Polyb. IV, 37, 82 и проч.; Plut., Arat., 41.

⁴⁾ Polyb., IV, 15; XXXIII, 15; Liv. XXXVIII, 31 и др.

всѣхъ Ахэянь: переговоры съ иностранными державами ¹⁾, принятіе новыхъ членовъ въ союзъ ²⁾, наблюденіе за поведеніемъ исполнительной власти и даже судъ надъ ея представителями ³⁾.

По теоріи ахэйскій сеймъ равнялся аеинскому вѣчу, и съ этой точки зрѣнія ахэйская конституція была также демократична, какъ и устройство аеинскаго демоса. Но на практикѣ обнаруживались, безъ сомнѣнія, важныя отличія. Прежде всего нужно вспомнить, что аеинскій демосъ былъ сосредоточенъ внутри и около одного города, между тѣмъ какъ населеніе, входившее въ составъ Ахэйской федераціи, было разсѣяно на значительномъ пространствѣ. Самый отдаленный „димъ“ (δῆμος, община, волость) аеинскій не отстоялъ такъ далеко отъ города Аеинъ, какъ Сивіонъ или Коринѣъ отъ Эгіона (гдѣ собиралось обще-ахэйское вѣче), не говоря уже о другихъ городахъ Пелопонниса. Естественно, что аеинское вѣче могло сходиться гораздо чаще и привлекать большее число гражданъ, чѣмъ союзный сеймъ ахэйскій. Въ-сто трехъ разъ въ мѣсяцъ ⁴⁾, обычное законное собраніе Ахэйской федераціи происходило два раза въ годъ — весной и осенью ⁵⁾. Уже поэтому значеніе вѣча въ Ахаин должно было быть совершенно другое, чѣмъ въ Аеинахъ: оно никогда не могло забрать въ свои руки всю исполнительную власть, сдѣлаться тиранномъ, какъ это было въ Аеинахъ. Бывали, разумѣется, кромѣ обычныхъ сеймовъ, чрезвычайныя, собираемыя по требованію обстоятельствъ. Но едва-ли и тѣ, и другіе могли быть сравнительно такъ многолюдны, какъ аеинскія народныя собранія. Самый бѣдный житель Аттики могъ являться на каждое вѣче въ Аеины. Бѣдный гражданинъ Ахэйской федераціи давалъ уже сильное доказательство своего патріотизма или своего участія въ политическихъ дѣламъ, если два раза въ годъ предпринималъ путешествіе въ Эгіонъ. Стремленіе къ публичной дѣятельности, столь развитое въ подвижномъ и богато одаренномъ Еллинскомъ племени, и безъ того находило себѣ нѣкоторое удовлетвореніе и притомъ гораздо ближе—въ стѣнахъ роднаго города, въ мѣстныхъ народныхъ собраніяхъ. Если тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ указанія на многолюдство собраній въ отдаленныхъ сѣверныхъ пунктахъ Пелопонниса,—указанія, заключающіяся въ способѣ выраженія и подробностяхъ описанія

¹⁾ Polyb., IV, 7; XXIII, 7, 10; XXVIII, 7; XXXIII, 15; Liv., XXXII, 19 и пр.

²⁾ Polyb., XXXV, 1.

³⁾ Polyb., IV, 14; XL, 5; Pausan., VII, 9, 5.

⁴⁾ См. Schömann, Gr. Alterth., I, стр. 390.

⁵⁾ Polyb. IV, 37, 2; V, 1, 1; V, 30, 7; II, 54, 13 и др.

нихъ у древнихъ авторовъ,—то этому нужно только удивляться. Одна случайная замѣтка однако даетъ намъ право думать, что „толпа“ и „множество“, присутствие которыхъ часто указывается въ свидѣтельствахъ, не заключали въ себѣ все-таки людей низшаго, бѣднаго класса, живущаго поденнымъ механическимъ трудомъ. Появленіе большого числа людей такого класса представляется чѣмъ-то необычайнымъ и исключительнымъ ¹⁾. Слѣдовательно, только зажиточные, достаточные классы преобладали на сеймѣ. На практикѣ только они имѣли возможность и охоту правильно посѣщать общенародныя собранія. Если нельзя сказать, что собраніе дѣлалось вслѣдствіе этого аристократическимъ, то во всякомъ случаѣ оно не было и крайне демократическимъ. На немъ господствовали „средніе люди“, или выражаясь современнымъ языкомъ, средній классъ. Мысль Аристотеля находила здѣсь въ извѣстной степени свое осуществленіе. „Средніе люди“, недостаточно сильные въ отдѣльности, въ стѣнахъ одного города, хотя бы Спикіона или даже Коринѳа, — вслѣдствіе соединенія во едино элементовъ ихъ сословія, разбѣянныхъ во всѣхъ политіяхъ Пелопоннуса, уже становились очень значительнымъ классомъ и по количеству, и по значенію. Въ политическихъ организаціяхъ иногда имѣетъ мѣсто тотъ законъ, что сумма, происходящая отъ соединенія силъ, представляетъ собою несравненно больше, чѣмъ сколько заключали въ себѣ слагаемыя: на основаніи этого закона преобладающимъ классомъ въ Ахэйской федераціи становилось безсильное въ отдѣльныхъ городахъ среднее сословіе.

Политическая жизнь Ахэйскаго союза носить на себѣ явные слѣды вліянія этого класса и отражаетъ на себѣ его характеръ. Нужно только замѣтить, что вслѣдствіе выхода изъ узкихъ предѣловъ одного города, вслѣдствіе эманципаціи отъ мѣстныхъ страстей и слишкомъ близкихъ интересовъ въ предѣлахъ отдѣльной политіи, можетъ-быть, даже вслѣдствіе расширенія политическаго кругозора вліяніе его (то-есть, богатаго, имущаго класса) принимаетъ болѣе государственное, болѣе примирительное направленіе, чѣмъ тѣ стремленія, которыми отличалось богатое меньшинство въ дѣлахъ мѣстныхъ. Въ тѣхъ столкновеніяхъ, которыя въ самыхъ нѣдрахъ союза проявлялись иногда въ отдѣльныхъ городахъ между богатыми и немущими классами, ахэйскій сеймъ никогда не играетъ роли прямо заинтересованной, пристрастной стороны. Напротивъ того, онъ дѣйствуетъ примирительно

¹⁾ Polub., XXXVIII, 4, 5. Самыя слова его приведены уже немного выше.

чрезъ своего стратига. До послѣднихъ дней своего существованія федеративная власть Ахаіи вовсе не выказывала преобладавшихъ тогда въ Греціи стремленій къ поземельному дѣлежу и расхищенію чужаго имущества. Она боролась съ подобными стремленіями вездѣ — и въ Спартѣ, и въ Мегалополѣ, и въ Кинэѣ. Но нѣтъ также примѣровъ, чтобъ она дѣйствовала когда-нибудь въ духѣ узкой и своекорыстной олигархіи того или другаго города. Можетъ-быть, богатые Мегалополитанцы, представлявшіе свой городъ на сеймѣ и слишкомъ близко заинтересованные въ столкновеніяхъ соціальныхъ партій своего города, въ извѣстномъ намъ вопросѣ и подали свои голоса въ пользу своихъ исключительныхъ выгодъ, въ пользу рѣшительныхъ мѣръ противъ неспокойныхъ требованій неимущаго большинства; но тѣ же самые κτηνᾶτικοί другихъ городовъ могли взглянуть на это дѣло безпристрастнѣе и дать представителю союзной власти полномочія примирительнаго свойства.

Составомъ ахэйскаго союзнаго сейма объясняется и то замѣчательное явленіе, что почти во все время своего существованія онъ нѣе подалъ никакого повода къ упрекамъ и обвиненіямъ въ непостоянствѣ или какихъ-либо крайнихъ увлеченіяхъ (что обыкновенно ставится въ вину аѳинской демократіи). Разумѣется, что вмѣстѣ съ этимъ трудно найти въ его исторіи какой-нибудь возвышенный, страстный порывъ, чего не чуждъ былъ аѳинскій народъ даже въ періодъ своего паденія. Осторожность и доступность всѣмъ внушеніямъ разсудка, осмотрительности и умѣренности, составляютъ характеристическую черту ахэйскаго національнаго собранія. Разъ за разомъ съ необыкновенною правильностью, пропустивъ одинъ законный годъ, Ахэйцы избирали въ стратиги Арата, не смотря на то, что онъ дѣлалъ ошибки и заслуживалъ сильныхъ порицаній. Когда первая побѣда царя Македонскаго Персея надъ Римлянами возбудила всеобщій восторгъ въ Греціи ¹⁾, ахэйское вѣче спокойно ведетъ пренія о томъ, чью сторону слѣдуетъ принять въ начинавшейся борьбѣ ²⁾. Можно указать здѣсь еще одну черту, которая должна быть поставлена въ большую заслугу обычному большинству ахэйскаго сейма, если только и она находится въ связи съ составомъ собранія. Ахэйское общенародное собраніе отличалось большою долей самоуваженія и всего менѣе было способно пойти на „приманку“ (δέλεαρ), предла-

¹⁾ Polyb., XXVII, 7.

²⁾ Ibid., XXVIII, 6 и 7.

гаемую въ видѣ прямого или даже косвеннаго подкупа, хотя члены его не получали никакого денежнаго вознагражденія за потерю своего времени ¹⁾. Щедрость Пергамскаго царя Евмена, въ знакъ „расположенія и филантропіи“ предлагавшаго сто двадцать талантовъ съ тѣмъ, чтобы процентами съ этого капитала вознаграждалось патриотическое усердіе къ общественнымъ дѣламъ отечества въ членахъ ахэйскаго сейма,—эта филантропическая щедрость была принята собраніемъ такъ, какъ именно и слѣдовало принять ее: послѣ нѣсколькихъ рѣчей даръ былъ отвергнутъ съ негодованіемъ ²⁾. Этотъ фактъ очень многозначителенъ, если принять въ расчетъ, что въ то время въ Греціи ничего уже не дѣлалось даромъ ³⁾, корысть была самою сильною пружиной, и въ другихъ мѣстахъ Греціи уже съ давнихъ временъ привыкли отвѣчать смѣхомъ на откровенное признаніе во взяткѣ ⁴⁾. При отсутствіи всякаго денежнаго вознагражденія за отправленіе высшихъ союзныхъ должностей ⁵⁾, въ такія должности могли быть избираемы, конечно, только достаточные люди; но нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы богатство обнаруживало свое дурное вліяніе покупкой голосовъ въ свою пользу. Правда, объ одномъ изъ стратиговъ сказано, что онъ много истратилъ денегъ на эту должность ⁶⁾; но и тутъ нельзя заподозрить членовъ сейма, чтобы они воспользовались сколько-нибудь этими издержками. Уже самая боязнь, которую обнаруживаетъ стратигъ, какъ бы собраніе не заподозрило его въ корыстномъ желаніи вознаградить свою потерю, показываетъ, что тутъ не было преступной взаимной снисходительности подкупателя и под-

---

¹⁾ Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, хотя прямо нигдѣ не сказано. Но если бы въ самомъ дѣлѣ получалось какое-нибудь вознагражденіе, то объ этомъ было бы непременно упомянуто, хотя бы въ томъ мѣстѣ Поливія, гдѣ отмѣчено необычайное стеченіе рабочихъ и поденщиковъ. Предложеніе Евмена нисколько не говоритъ въ пользу предположенія о дѣтахъ, скорѣе напротивъ того. Если бы дѣты уже ранѣе существовали, то Евмену было бы естественнѣе предложить прямой подарокъ Ахэйскому народу, а не ежегодные проценты съ капитала. По крайней мѣрѣ, нужно бы ожидать намека или со стороны самого Евмена, или со стороны Поливія, что проценты со ста двадцати талантовъ могли быть недурнымъ дополненіемъ къ дѣтамъ не очень богатыхъ Ахэйцевъ. Ничего такого нѣтъ.

²⁾ Polyb., XXVIII, 7 и 8.

³⁾ Polyb., XVIII, 17, 7.

⁴⁾ Demosth., Philipp., 3; 120.

⁵⁾ Общее правило древнихъ республикъ.

⁶⁾ Polyb., XXVIII, 7, 7.

купаемыхъ. Стратигъ, по свидѣтельству Поливія, былъ удостоенъ своего сана ради своего политическаго направленія ¹⁾).

Другой важный пунктъ въ организаціи союзнаго сейма есть тотъ, что подача голосовъ производилась на немъ не поголовно, а по городамъ, то-есть, собраніе раздѣлялось какъ бы по куріямъ сообразно съ количествомъ политій, входящихъ въ составъ союза; голосъ каждой куріи опредѣлялся большинствомъ внутри ея, и окончательное рѣшеніе обуславливалось не большинствомъ отдѣльныхъ лицъ, а большинствомъ политій, высказавшихся въ пользу извѣстнаго предложенія ²⁾). Это былъ обыкновенный способъ подачи голосовъ въ древнихъ собраніяхъ, имѣвшихъ федеративный характеръ. Греческія амфиктіоніи и сеймы латинскихъ городовъ держались такого же порядка. Даже въ римскихъ *comitia tributa*, вовсе не составлявшихъ федеративнаго государства, считались голоса отдѣльныхъ трибъ, представляемые большинствомъ внутри каждой трибы. Нѣкоторые факты изъ исторіи комицій трибутскихъ и помогутъ намъ понять смыслъ и цѣль такого порядка. Есть въ римской исторіи одна личность, которая была бы на своемъ мѣстѣ въ исторіи греческой, среди именъ Перикла и Клеомена, но которая чрезвычайно странно замѣшалась въ лѣтописи консервативной Римской республики, и есть между различными нововведеніями этой странной личности одно, которое носить прямо революціонный характеръ ³⁾. Аппій Клавдій Слѣпой (*Appius Claudius Caecus*) въ 312 г. до Р. X. ввелъ во всѣ римскія трибы цѣлыя толпы людей низшаго класса, сосредоточивавшихся въ Римѣ, главнымъ образомъ вольноотпущенныхъ. Эта мѣра повела къ полному преобладанію того,

¹⁾ Polyb., XXVIII, 6, 9 и выше.

²⁾ Это съ полною очевидностью обнаруживается изъ описанія одного сейма у Тита Ливія (XXXII, 19—23), гдѣ между прочимъ находимъ подобный способъ выраженія: *Omnibus fere populis approbantibus relationem ac prae se ferentibus, quid decreturi essent, i. Dymaei ac Megalopolitani et quidam Argivorum.... reliquerunt concilium. Ceteri populi* и проч.; ср. XXXVIII, 32, 1: *Id ubi legati ad Achaeos retulerunt, omnium civitatum, quae ejus concilii erant, consensu bellum — indictum est.* Обыкновенный терминъ Ливія для обозначенія ахейскаго сейма, *concilium*, указываетъ на этотъ способъ подачи голосовъ; Ливій могъ при этомъ думать о *concilium populorum Latinorum*, организованномъ по тому же способу; Liv. I, 50; VI, 10; VII, 25; VIII, 3 и проч. См. Niebuhr, R. G., II, стр. 36 послѣдняго изданія. Швеглеръ, II, стр. 289.

³⁾ См. Niebuhr, R. G., II, стр. 344 (885 нов. изд. Ideler): *Ein Character wie der seinige würde in der griechischen Geschichte nicht auffallen; in der römischen, zumal in den Tagen der guten alten Zeit, ist er sehr befremdend.* Ср. Mommsen, R. G., I, стр. 281 (2-е изд.).

что Ливій называетъ *forensis factio*, и ко всеобщему раздраженію старыхъ гражданъ; ремесленники, мелкіе купцы предписывали законы гордымъ патриціямъ и богатымъ плебеямъ. Римскій форумъ успокоился только тогда, когда новые цензоры (К. Фабій и П. Децій) вырвали комиціи изъ рукъ „низкой“ толпы, помѣстивъ вольноотпущенниковъ только въ четырехъ городскихъ трибахъ. До сихъ поръ „низкая“ толпа легко могла составить большинство въ каждой изъ трибъ, потому что промышленники и ремесленники сосредоточивались въ самомъ городѣ Римѣ, а другіе члены трибы, землевладѣльцы и земледѣльцы, жили вдали отъ него и не могли участвовать каждый въ каждомъ собраніи. Теперь же господство вольноотпущенниковъ въ четырехъ трибахъ не вело ни къ чему, ибо хотя остальные трибы и представляли бы иной разъ меньшую поголовную численность, онѣ все-таки имѣли бы каждая свой отдѣльный голосъ, то-есть, всѣ вмѣстѣ 27—голосовъ. Точно также когда въ послѣдствіи гордый Римъ долженъ былъ уступить права своего гражданства италійскимъ союзникамъ, онъ помѣстилъ ихъ только въ восьми трибахъ изъ тогдашнихъ тридцати пяти. Союзники численно, по крайней мѣрѣ, равнялись количеству прежнихъ старыхъ гражданъ, но благодаря такому распредѣленію, въ ихъ власти было не болѣе восьми голосовъ, то-есть, меньше одной четвертой части. Союзники горько жаловались на это, но едва-ли можно строго осуждать государственныхъ людей Рима за то, что они на первое время не хотѣли отдать судьбу республики въ руки новыхъ гражданъ, которымъ случайность могла доставить большинство почти во всѣхъ трибахъ, еслибъ они были приняты во всѣ трибы. Эти аналогіи должно имѣть въ виду, обсуждая устройство ахейскаго сейма. Подача голосовъ по областямъ, а не поголовно, была необходима здѣсь для того, чтобъ удержать равновѣсіе между политіями отдаленными и болѣе приближенными къ мѣсту собранія. Если бы считались голоса отдѣльныхъ лицъ, принималось поголовное большинство, то населеніе того города, гдѣ происходило собраніе, легко могло бы забрать въ свои руки судьбу всего союза. Ничто не мѣшало ему явиться на площади въ своемъ полномъ составѣ, тогда какъ отдаленныя политіи никогда не могли выслать на ту же площадь и половину своего населенія. Большинство отдаленныхъ общинъ, очевидно, могло бы остаться съ однимъ только номинальнымъ правомъ голоса, и равноправность всѣхъ членовъ союза была бы нарушена. Поголовная подача голосовъ представляла бы такимъ образомъ двойную несправедливость — несправедливость въ отношеніи къ отдѣльнымъ со-

юзнымъ областямъ, голосъ которыхъ совершенно исчезаетъ среди многочисленнаго населенія одного города, и въ отношеніи къ цѣлому классу людей богатыхъ и зажиточныхъ, надъ которыми беретъ верхъ чернь того города, гдѣ собирается сеймъ. Опасности такого рода, вѣроятно, существовали уже тогда, когда ахейское общенародное собраніе сходилось въ Эгіонѣ; онѣ стали несомнѣнны и еще болѣе сильны, когда оно начало собираться въ большихъ городахъ, какъ Коринѣи и Аргосъ. Представительная система могла бы, безъ сомнѣнія, уничтожить всякую возможность такихъ опасеній. Но этотъ видъ государственнаго устройства есть изобрѣтеніе новаго времени: древній міръ иногда очень близко подходилъ къ ней, но никогда не могъ сдѣлать послѣдняго рѣшительнаго шага. При тогдашнемъ положеніи вещей и государственныхъ идей единственное средство одинаково и равноправно поставить близкія и отдаленныя политія Ахэйскаго союза было именно то, которое было въ немъ принято на самомъ дѣлѣ.

Остается однако при такой организаціи одно важное неудобство, отрицать которое никакъ нельзя. Римскіе союзники жаловались на несоотвѣтствіе числа голосовъ, на которые они получили дѣйствительное вліяніе, ихъ численности. Подобная жалоба была возможна и со стороны многихъ членовъ Ахэйскаго союза. Города, принадлежавшіе къ федераціи, были очень неравны по своему населенію, богатству, историческому значенію. Какое могло быть сравненіе между Коринѣомъ, Сикіонѣомъ, Аргосѣомъ и какими-нибудь Авіей, Асеей и т. д.? Между тѣмъ всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе на федеральномъ сеймѣ и не болѣе одного голоса. Здѣсь повторяется та же самая ошибка, которая была допущена или удержана въ знаменитомъ собраніи амфиктіоновъ. Могущественное дорійское племя и небольшая область Феіотія имѣли тамъ одинаковыя права, равное число голосовъ ¹⁾. Повтореніе этой ошибки въ Ахэйскомъ союзѣ, повиднмому, тѣмъ страннѣе, что въ этомъ отношеніи легко возможенъ былъ прогрессъ и въ самомъ древнемъ мірѣ. Знаменитое устройство Ликійской федераціи ²⁾ представляетъ тому фактическое доказательство. Она состояла изъ двадцатитрехъ городовъ, имѣвшихъ право голоса. Но такъ какъ города были неодинаковой величины и неодинаковаго значенія, то и не всѣ они имѣли по одному голосу: большимъ городамъ было дано по три го-

¹⁾ См. Шеманнъ, Gr. Alterth., II, стр. 29.

²⁾ S'il fallait donner un modèle d'une belle république fédérative, je prendrais la république de Lycie, говоритъ Монтескьё; см. Esprit des lois, IX, 3.

лоса, среднимъ по два и остальнымъ по одному¹⁾). Слѣдовательно, возможность придти къ идеѣ болѣе справедливаго распредѣленія голо-совъ существовала и для государственныхъ людей Ахэйскаго союза. Если они не пришли къ ней, то это объясняется, быть можетъ, превеличеннымъ и на этотъ разъ ложнымъ понятіемъ о „равноправности и либерализмѣ (гуманности)“, что такъ сильно выставляетъ на видъ Поливій²⁾). Справедливость на этотъ разъ, какъ то бываетъ и во многихъ другихъ случаяхъ, была понята нѣсколько внѣшнимъ образомъ: одно и то же дается всѣмъ — и большому, и малому, и сильному, и слабому, и способному, и неспособному. Не нужно также упускать изъ виду исторію образованія и развитія федераціи. Она выработала свои основныя начала прежде, чѣмъ стали приступать къ ней большіе города Пелопоннуса. Между старыми, собственно ахэйскими политіями не было ни одной, которая особенно выдавалась бы по своему значенію; всѣ онѣ совершенно справедливо могли довольствоваться однимъ голо-сомъ. Трудно было ожидать и еще менѣе можно было требовать, чтобы вновь приступающимъ членамъ союза предлагались такія права, которыя могли сообщить имъ видъ нѣкотораго преимущества предъ коренными, исконными областями федераціи. Слова Поливія даютъ намъ понять, въ какую великую заслугу коренные Ахэйцы ставили себѣ уже то, что они принимали новыхъ членовъ совершенно на равныхъ правахъ со старыми³⁾). И съ греческой точки зрѣнія они были еще болѣе правы, чѣмъ съ отвлеченно-теоретической. Во всѣхъ тѣхъ попыткахъ, которыя Эллада дѣлала для достиженія большаго единства — и посредствомъ симмахій, и посредствомъ симполитій, — никогда не удавалось достигнуть и такого равенства, какое существовало въ Ахэйской федераціи. Сколько можно судить по нашимъ даннымъ, порядокъ, о которомъ мы разсуждаемъ, для всѣхъ представлялся даже удовлетворительнымъ и не возбуждалъ никакихъ жалобъ. Только одинъ фактъ можетъ быть объясненъ въ смыслѣ противодѣйствія ему. Филопименъ возвелъ нѣсколько городовъ Мегалополитанской области, находившихся въ подчиненномъ отношеніи къ Мегалополю, въ самостоятельные члены

¹⁾ Strab., XIV, 3.

²⁾ II, 38, 8.

³⁾ II, 38, 8: Два главныхъ помощника имѣлъ Ахэйскій союзъ (для своего расширенія): равенство и либерализмъ (гуманность). Онъ не давалъ *особенной привилегіи* ни какому изъ старыхъ членовъ союза, и всякому вновь вступающему сообщалъ совершенно равныя права съ прежними: этииъ онъ и достигъ своей цѣли.

союза, вѣроятно, съ цѣлю уравновѣсить Аркадскими городами десять городовъ первоначальной Ахаіи ¹⁾. Никакихъ другихъ признаковъ недовольства существующимъ порядкомъ не обнаруживается, и тѣ похвалы, которыя ахэйскій историкъ воздаетъ своему отечеству, могутъ быть оставлены за нимъ со всею справедливостію.

Сеймъ, какъ мы уже замѣтили мимоходомъ, собирався обыкновенно два раза въ годъ, весной и осенью. Избраніе государственныхъ членовъ происходило первоначально въ весенній сеймъ, но потомъ оно было перенесено на осенній ²⁾. Въ случаѣ необходимости стратигъ всегда имѣлъ право совать чрезвычайный сеймъ для совѣщанія о томъ частномъ вопросѣ, который требовалъ скорого рѣшенія ³⁾. Засѣданія сеймовъ во всякомъ случаѣ могли продолжаться по закону только три дня ⁴⁾. Здѣсь, очевидно, заключаются два условія, опредѣляющія болѣе выгодное отношеніе власти исполнительной къ власти законодательной, чѣмъ то, которое образовалось въ Аѣнахъ. Правительство должно было, конечно, имѣть гораздо болѣе силы и значенія тамъ, гдѣ оно въ спокойное время цѣлыя полгода могло дѣйствовать безъ примаго вмѣшательства народнаго собранія. Потомъ при ограниченности срока собранія здѣсь никакъ не могло образоваться того класса политическихъ дѣятелей, которые, не неся никакой официальной отвѣтственности, однако вполне управляли Аѣинскою республикой. Не могло появиться и ораторовъ-демагоговъ потому уже, что не было времени для установленія прочныхъ связей между собраніемъ и тѣмъ или другимъ ораторомъ, способнымъ обратиться въ демагога. На ахэйскомъ сеймѣ не было времени для излишнихъ ораторскихъ упражненій: πολόλογοι, φιλόλογοι и λαλοί (многословы, любословы и болтуны) должны были искать себѣ другаго поприща. Право голоса принадлежало всѣмъ, и каждый могъ дѣлать свои предложенія, когда пригласить къ этому

¹⁾ См. выше., Plut., Philop., 13.

²⁾ Polyb., IV, 37; V, 1. Въ обоихъ мѣстахъ сказано, что выборы были περί την τῆς πλειάδος ἐπιτολήν, но оба раза съ многозначительною оговоркою: *μόδα* (τότε). Слѣдовательно, въ послѣдствіи это измѣнилось, но когда именно — рѣшить трудно. См. впрочемъ Schorn, стр. 211 и далѣе.

³⁾ Polyb., V, 1, 6 и 7: κατὰ τοὺς νόμους; XXIII, 10, 12; XXIV, 5; XXXI, 25. Эти чрезвычайные сеймы у Поливіа называются специальнымъ именемъ *σὺγκλητος*.

⁴⁾ Polyb., XXIХ, 9, 10; Liv., XXXII, 22, 4. Въ томъ и другомъ случаѣ разумеется чрезвычайное собраніе, *σὺγκλητος*; но нѣтъ сомнѣнія, что то же правило прилагалось и къ обычнымъ сеймамъ. У Поливіа, XXIII, 7 и 9, идетъ рѣчь о *σὺνοδος*, обычномъ сеймѣ, и если внимательно прослѣдить ходъ этого сейма, то окажется, что онъ продолжается не болѣе трехъ дней.

герольдъ отъ имени правительства ¹⁾; но при этомъ нельзя было выходить изъ предѣловъ того вопроса, который стоялъ на очереди и заранѣе былъ назначенъ къ обсужденію ²⁾. Это правило простиралось на самого стратига и на другія власти.

Въ тотъ періодъ, которымъ ограничивается наше сочиненіе, мѣстомъ обычныхъ собраній оставался городъ Эгіонъ. Это былъ одинъ изъ болѣе значительныхъ городовъ древней Ахаіи. Благодаря своему значенію и, можетъ-быть, центральному положенію среди первоначальнаго союза онъ былъ предпочтенъ всѣмъ другимъ городамъ. Послѣ расширенія союза Эгіонъ удержалъ за собою свое прежнее преимущество, можетъ-быть, вслѣдствіе противоположной причины. Будучи незначительнымъ городомъ въ сравненіи съ Сикіономъ, Коринѳомъ и Аргосомъ, онъ не могъ внушать никакихъ опасеній и зависти другимъ городамъ. Итакъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ Вашингтонъ есть наиболѣе удобное мѣсто для федеральнаго правительства сѣверной Америки, Эгіонъ безспорно продолжалъ оставаться центральнымъ пунктомъ Ахэйской федераціи до временъ Филопимена. Въ 189 году Филопименъ рѣшился поколебать старый обычай и предложилъ ввести поочередныя собранія во всѣхъ городахъ Ахэйскаго союза. Трудно рѣшить, успѣло ли пройти его предложеніе вполнѣ ³⁾.

Что касается до чрезвычайныхъ сеймовъ, то первоначально они также собирались въ Эгіонѣ ⁴⁾; но уже во времена Арата бывали они и въ другихъ городахъ — Сикіонѣ, Аргосѣ, Лернѣ и т. д. ⁵⁾. Само собою разумѣется, что созваніе чрезвычайныхъ сеймовъ обуславливалось всегда какимъ-нибудь важнымъ и настоятельнымъ вопросомъ. Поли-

¹⁾ Liv., XXXII, 11, 20; Polyb., XXIX, 9, 10.

²⁾ Non licere legibus Achæorum de aliis rebus referre, quam propter quas convocati essent. Liv., XXXI, 25, 9; ср. LXXII, 20, 4: In concilio ad eam rem unam indicto.

³⁾ Liv., XXXVIII, 30, 2—3. Aegium a principio Achaici concilii semper conventus gentis indicti sunt seu dignitati urbis, seu loci opportunitati datum est. Hunc morem Philopomen — labefactare conatus legem parabat ferre, ut in omnibus civitatibus, quæ Achaici concilii essent, in vicem conventus agerentur. Поелѣмъ, дѣйствительно, видимъ обычное собраніе (σύννοδος) въ Мегалополѣ (Polyb., XXIV, 12, въ концѣ); но что касается до правильнаго чередованія тѣхъ же и въ другихъ городовъ, этотъ пунктъ остается совершенно темнымъ; см. Nitzsch, Polybius, стр. 121.

⁴⁾ Polyb., V, 1, 6; Liv., XXXVIII, 30, 3.

⁵⁾ Polyb., XXV, 1, 5; Liv., XXXI, 25; XXXII, 19; XLVIII, 30; Plat. Cleom., 15.

вій указываетъ такіе вопросы, для которыхъ было позволительно созывать чрезвычайный сеймъ; это война или союзъ съ какимъ-либо государствомъ; потомъ, въ римское время, сеймъ могъ быть созванъ по требованію отъ римскаго сената ¹⁾).

Исполнительную власть Ахэйскаго союза составляли слѣдующіе чины, 1) стратигъ, или президентъ союза, 2) десять диміурговъ, или совѣтъ министровъ при президентѣ, 3) государственный секретарь союза (γραμματεὺς), 4) начальникъ конницы и 5) помощники (ὀκροστράτηγος). Последнія двѣ должности были чисто военныя. Что касается въ частности ипостратиговъ, то ихъ роль въ союзной конституціи остается довольно неясною; но во всякомъ случаѣ они были не болѣе какъ начальники извѣстныхъ частей союзнаго войска. Имя ихъ встрѣчается у Поливіа всего только три раза ²⁾). Только военное значеніе имѣлъ также и начальникъ конницы (ἱππάρχης ³⁾), хотя и онъ избирался на обще-ахэйскомъ сеймѣ, и сколько можно судить по извѣстнымъ намъ примѣрамъ, възъ людей, пользовавшихся общимъ уваженіемъ и авторитетомъ въ союзѣ: Филопименъ и Поливій оба исправляли эту должность. Изъ словъ Поливіа ⁴⁾ можно даже заключить, что отправленіе должности иппарха считалось ступенюю къ достиженію стратигіи. Поливій, объясняя причины, почему до Филопимена ни одинъ иппархъ не могъ рѣшиться на необходимыя преобразованія въ конницѣ, говорить, что этому мѣшало иногда желаніе стратигіи, стремленіе сохранить за собою расположеніе подчиненныхъ и приобрѣсть ихъ голоса при выборахъ; впрочемъ, съ другой стороны, мы замѣчаемъ, что иппархи и не дѣлались стратигами ⁵⁾). Въ случаѣ смерти стратига его должность исправлялъ до новаго общаго сейма не ипостратигъ и не иппархъ, а стра-

¹⁾ Polyb., XXIV, 5, 16—17.

²⁾ IV, 59, 2; V, 94, 1; XL, 5, 2; ср. Plut., Ag., 29. Въ первомъ мѣстѣ Ликъ названъ ипостратигомъ всего союза: ὀκροστράτηγος τῶν Ἀχαιῶν. Во второмъ Ликъ именуется уже ὀκροστράτηγος τῆς συντελείας τῆς πατρικῆς, то-есть, по-видимому, округа Патрскаго (отъ города Патръ); ср. XL, 3, 4: Πατρεις καὶ τὸ μετὰ τοῦτων συντελεῖον; во всякомъ случаѣ и здѣсь Ликъ имѣетъ обще-ахэйское значеніе: исправленіе Ликомъ должности ипостратига приводится, какъ причина, почему именно ему было передано начальство надъ ахэйскимъ союзнымъ войскомъ. Въ третьемъ случаѣ дѣло совершенно не ясно; гдѣ и когда Сосикратъ былъ начальникомъ въ совѣщаніи (προστράτηςαὶ τοῦ διαβουλίου), мы не знаемъ. Изъ Плутарха видно, что ипостратиговъ было нѣсколько.

³⁾ Polyb., V, 95, 7; X, 22, 6; XXXVIII, 6, 9.

⁴⁾ X, 22, 9.

⁵⁾ Ни Димодокъ (V, 95, 7), ни Поливій не были стратигами.

тигъ предшествовавшаго года ¹⁾. Это служитъ новымъ указаніемъ того, что должности ипостратига и иппарха были только военныя и не входили собственно въ составъ высшаго правительства. Иногда упоминается также особый начальникъ ахэйскаго флота (*ναύαρχος*) ²⁾.

Государственный секретарь союза, повидимому, считался очень важнымъ лицомъ; учрежденіе такой должности было признакомъ государственнаго единства федераціи ³⁾. Однако обязанности этого сановника нигдѣ точно не опредѣляются. Изъ самаго названія можно, разумѣется, заключать, что на немъ лежало сочиненіе важнѣйшихъ государственныхъ бумагъ. Съ другой стороны, можно догадываться, что съ замѣной двухъ стратиговъ однимъ значеніе государственнаго секретаря не только не возвысилось, но напротивъ того упало, и оттого имя союзнаго секретаря стоитъ только въ началѣ Ахэйской федераціи и нигдѣ потомъ не встрѣчается. Аѳинскіе „секретари“ при финансовыхъ учрежденіяхъ принадлежали къ мелкимъ чинамъ: однако подпись ихъ служила для обозначенія года, для лѣтосчисления, и не только вмѣстѣ съ именами собственно распорядительныхъ чиновниковъ казны, но даже помимо ихъ ⁴⁾. Это, конечно, потому что удобнѣе обозначать эпоху однимъ именемъ, однимъ характеристическимъ признакомъ, чѣмъ всю совокупностію коллегіальныхъ чиновъ. То же самое могло быть и въ Ахэйскомъ союзѣ: доколѣ было два стратига и одинъ секретарь, то союзъ могъ видѣть воплощеніе своего единства въ одномъ секретарѣ и обозначать даже его именемъ свои годы, а потомъ когда явилась единоличная стратигія, то это естественнымъ образомъ было перенесено на нее. Общая распорядительная и исполнительная власть, верховное управленіе дѣлами союза оставалось такимъ образомъ только въ рукахъ президента-стратига и такъ называемыхъ диміурговъ.

Коллегія диміурговъ состояла изъ десяти членовъ ⁵⁾, и это число

¹⁾ Polyb. XL, 2, 1.

²⁾ Polyb., V, 94, 7 и 95, 11.

³⁾ Polyb., II, 43, 1; Strab., VIII, 7.

⁴⁾ Böckh, Staatshaushalt. der Ath., т. I, кн. II, § 8, стр. 252 (2-го изд.).

⁵⁾ Liv., XXXII, 22, 2: magistratus gentis damiurgos vocant, decem numero creantur; XXXVIII, 30, 4: damiurgi civitatum qui summus est magistratus. Позволяемъ себѣ небольшое этимологическое замѣчаніе: Ливій пишетъ damiurgi точно также, какъ вмѣсто Εὐδαμῶς Поливія (XXI, 8) у него является Eudamius (XXXVII, 12), вмѣсто Νῆσον (IX, 39)—Nasum (XXV, 24) и т. п. Нужно думать, что и самъ Поливій писалъ δαμιούργου и проч., употребляя вездѣ дорическія формы, и только позднѣйшіе переписчики превратили ихъ въ общеупотребительныя

указываетъ, безъ сомнѣнія, на древность ея происхожденія. Она была, конечно, установлена въ то время, когда, послѣ исчезновенія Елики и Олена изъ среды ахэйскихъ городовъ во времена, предшествовавшія сраженію при Левтрахъ, Ахэйскій союзъ состоялъ только изъ десяти политій коренной Ахаіи. Тогда каждый диміургъ былъ, очевидно, представителемъ своего отдѣльнаго города. Сохранилось ли это отношеніе и по расширеніи союза? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать отрицательно. Мы знаемъ уже, что Поливій самымъ яснымъ и рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ всякое существованіе какихъ-либо преимуществъ въ пользу старыхъ членовъ союза. Самые стратеги избираются, какъ мы видѣли, изъ всѣхъ областей союза — изъ Аргоса, Мегалополя. Итакъ, несомнѣнно, что по достиженіи союзомъ полного развитія, десять диміурговъ хотя и сохранили свое прежнее число, но практическая связь этого числа съ древними областями прекратилась, и коллегія была открыта для всѣхъ гражданъ союза безъ исключенія и ограниченія. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы вообще существовала какая-нибудь прямая связь между отдѣльными частями союза и диміургами, чтобы, напримѣръ, избраніе диміурговъ отъ древнихъ городовъ союза могло перейти къ городамъ болѣе важнымъ по своему значенію. Правда, Титъ Ливій однажды какъ будто ставитъ диміурговъ въ прямое отношеніе съ отдѣльными городами, называя ихъ *damiurgi civitatum*,

греческія. Ливій еще читалъ ихъ у Поливія въ первоначальной формѣ. Имя диміурговъ встрѣчается еще въ слѣдующихъ мѣстахъ: Polyb., XXIV, 5, 6; Plut., Agat., 43; оно было, безъ сомнѣнія, официальнымъ названіемъ коллегія, хотя у Поливія оно чаще замѣняется другими обозначеніями. Названіе и должность диміурговъ принадлежать Пелопоннису и очень древни: они существовали въ Елидѣ и Мантинѣ еще во время Фукидида (V, 47); изъ Коринеа посылаются въ Потидею ἐπίδημιουργοί (I, 36). Эта же коллегія разумѣется у Поливія подъ ἄρχοντες и ἀρχαί: V, 1, 9; XXIII, 10, 11; 12, 5; XXIV, 5, 77; XXIX, 9, 5; XXXVIII, 4, 7; συνάρχοντες и συναρχαίαι: XXIV, 12, 6; XXVII, 2, 11; XXVIII, 5, 4, и какъ нужно думать, подъ προεστῶτες: II, 46, 4; IV, 9, 3. Названіе πρόβουλοι (Plut., Philop., 21) можетъ также идти къ диміургамъ, какъ означающее тѣсную думу въ противоположность болѣе обширной, βουλή; см. Шёманъ, I, стр. 145 и 152. Диміурги составляли именно совѣтъ, думу, при президентѣ союза. Даже подъ οἱ τῆς γερουσίας у Поливія (XXXVIII, 5, 1) мы находимъ тѣхъ же диміурговъ, хотя Дройзенъ отождествляетъ ихъ съ βουλή, къ чему склоняется и Шёманъ (II, стр. 111). Но если подъ ἄρχοντες (XXXIX, 9, 5) разумѣются диміурги, чтó несомнѣнно, — то и въ герусіи въ указанномъ мѣстѣ нужно видѣть ихъ же; потому что роль ἄρχοντες въ одномъ мѣстѣ и τῶν τῆς γερουσίας въ другомъ одна и та же: предсѣдательство и наблюденіе за порядкомъ и законнымъ ходомъ сейма.

но за то въ другомъ мѣстѣ онъ же называетъ коллегію *magistratus gentis*, что уже указываетъ на ея обще-федеральный характеръ ¹⁾. Притомъ же — и это самое рѣшительное доказательство — мы, во-первыхъ, находимъ, въ средѣ диміурговъ одного года трехъ членовъ изъ одного и того же города, и во вторыхъ, четвертый членъ, упомянутый сверхъ этихъ трехъ, принадлежитъ городу незначительному ²⁾. Первое обстоятельство доказываетъ, что извѣстный отдѣльный городъ не былъ представляемъ своимъ отдѣльнымъ диміургомъ, ибо изъ одного города являются три диміурга. Второе обстоятельство указываетъ на то, что не одни значительные города были представляемы диміургами ³⁾. Итакъ, диміурги избирались въ историческое время общенароднымъ собраніемъ всѣхъ Ахэйцевъ съ полною свободой выбора. Всякій гражданинъ союза былъ избирателемъ, и каждый могъ быть избранъ. По всей вѣроятности, диміурги избирались въ одно время съ своимъ предсѣдателемъ на томъ же самомъ сеймѣ, на которомъ избирался стратигъ. Коллегія, какъ мы уже замѣтили, играетъ роль совѣта министровъ при президентѣ-стратигѣ. Въ большей части случаевъ она дѣйствуетъ вполне единодушно. Только одинъ или два случая обнаруживаютъ возможность разногласія въ средѣ ея. Въ одномъ случаѣ президентъ по той или другой причинѣ хранить молчаніе и не высказываетъ своего мнѣнія ⁴⁾. Другой

¹⁾ Оба мѣста указаны выше. Въ первомъ случаѣ Ливій, кажется, допустилъ неточность. Для насъ важно то, что неточныя слова принадлежатъ именно Ливію, а не Поливію, котораго Ливій переводитъ почти буквально. На этотъ разъ Титъ Ливій счелъ нужнымъ въ краткихъ словахъ дать понятіе о томъ, что такое диміурги, — какъ будто они встрѣчаются у него въ первый разъ, или какъ будто онъ не разчитывалъ, чтобы они удержались въ памяти римскаго читателя. Поливію, разумѣется, не могло придти на умъ вдругъ начать въ среднѣ своего разказа объяснять своимъ греческимъ читателямъ, кто такіе были диміурги.

²⁾ Polyb., XXIII, 10. Здѣсь описано засѣданіе коллегіи диміурговъ подъ предсѣдательствомъ Арствѣна. Названы: Діоеанъ Мегалополитанецъ, Филопименъ и Ликорта, а также и Архонъ, который былъ изъ Эгиры (см. Polyb., XXIX, 10, 6). Что въ вышеуказанномъ мѣстѣ подъ *ἀρχαί* разумѣются диміурги, не подлежитъ сомнѣнію. Шёманнъ, который находитъ здѣсь какихъ-то другихъ союзныхъ чиновниковъ (II, стр. 112, примѣч.), не обратилъ вниманія на то, что эти же самые *ἀρχαί* или *ἀρχοντες* (§ 11) должны созвать сеймъ; а это, какъ признаетъ самъ Шёманнъ, входило въ кругъ вѣдѣнія диміурговъ.

³⁾ Если Мегалополь имѣлъ трехъ диміурговъ, Эгира — одного, незначительная Пеллина тоже одного (см. Liv., XXXII, 22, 5), то что же останется для другихъ большихъ городовъ?

⁴⁾ Liv., XXXII, 25. Дѣло въ этомъ случаѣ представляется въ такомъ видѣ, какъ будто рѣшеніе вопроса, слѣдуетъ, или нѣтъ, сдѣлать предложеніе народу о союзѣ

случай, гдѣ диміурги находились уже въ прямой оппозиціи къ своему президенту, относится къ исключительнымъ и печальнымъ временамъ послѣднихъ дней существованія союза ¹⁾ и поэтому не идетъ въ разчетъ. Таковъ удивительно согласный образъ дѣйствій могъ бы даже вести къ предположенію, что самъ стратигъ составлялъ свое министерство или по крайней мѣрѣ предлагалъ кандидатовъ въ диміурги. Но не смотря на всю удивительную развитость конституціонныхъ формъ Ахэйской федераціи, нѣтъ возможности остановиться на этомъ предположеніи. Довольно того, что диміурги избирались на одномъ собраніи и въ одно время съ стратигомъ. Въ такомъ случаѣ то самое большинство, которое опредѣляло выборъ президента, назначало и его министровъ, безъ сомнѣнія, изъ такихъ лицъ, которыя были одного направленія съ лицомъ, избраннымъ въ стратиги. Это было тѣмъ возможнѣе, что, какъ мы увидимъ, въ Ахэйскомъ союзѣ были въ обычаѣ предварительныя собранія вліятельныхъ политическихъ людей съ цѣлью условиться относительно предстоящихъ выборовъ.

Официальный титулъ президента федераціи (стратигъ, то-есть, предводитель войска) указываетъ прежде всего на военное значеніе его должности, какъ главнокомандующаго союзною арміею. Но уже по аналогіи съ положеніемъ стратиговъ въ другихъ греческихъ республикахъ можно догадываться, что его значеніе не ограничивалось чисто военными дѣлами. Аѣинскіе стратиги имѣли большое значеніе въ административномъ и судебномъ устройствѣ, пользовались правомъ созывать вѣче и вообще имѣли очень большое вліяніе въ государствѣ ²⁾. Въ большей части позднѣйшихъ греческихъ государствъ, и особенно въ федеративныхъ, представители высшей власти носятъ то же самое названіе стратиговъ, хотя число ихъ неодинаково ³⁾. И въ Ахаіи въ первые двадцать пять лѣтъ возобновленнаго союза ихъ было два. Потомъ въ 255 году до Р. Х. найдено болѣе удобнымъ „имѣть одного стратига и ввѣрить ему общій надзоръ надъ всѣми дѣлами госу-

съ Римлянами, зависить только отъ коллегіи диміурговъ; голоса раздѣлились поровну — по пяти, и споръ рѣшенъ наконецъ тѣмъ, что угрозы отца заставили еще одного — шестаго диміурга пристать ко мнѣнію тѣхъ, которые были въ пользу предложенія. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что предварительное обсужденіе и формулированіе вопроса (προβούλευμα) принадлежало только диміургамъ.

¹⁾ Polyb., XL, 4.

²⁾ См. Щеманнъ, G. A., I, стр. 436—437.

³⁾ Въ Епирѣ ихъ было три (Liv., XXIX, 12), въ Аркадіи и Этоліи одинъ (Xenoph., Hellen., VII, 3, 1; Diod., XV, 62).

дарства" ¹⁾). Мы уже замѣтили также, что стратигъ избирался на одномъ изъ обычныхъ союзныхъ сеймовъ: первоначально въ весеннемъ собраніи, именно въ нашемъ маѣ мѣсяцѣ; въ послѣдствіи выборы стратига происходили, по всей вѣроятности, въ осеннемъ собраніи. Взаимныя отношенія стратига и диміурговъ, дѣйствительно, напоминаютъ отношенія между президентомъ и его совѣтниками-министрами. Въ большей части случаевъ, именно въ дѣлахъ не военныхъ, они дѣйствуютъ совокупно. Созваніе сейма принадлежитъ, очевидно, стратигу вмѣстѣ съ совѣтомъ министровъ. Къ стратигу вмѣстѣ съ диміургами обращаются римскія власти съ просьбой созвать сеймъ ²⁾). Когда Мессинцы хотятъ начать мирныя переговоры, стратигъ беретъ съ собою диміурговъ и вмѣстѣ съ ними выслушиваетъ предложенія ³⁾). Вмѣстѣ съ своимъ совѣтомъ Аратъ встрѣчаетъ Македонскаго царя, идущаго на помощь союзу, чтобы заключить съ нимъ окончательныя условія ⁴⁾). Вмѣстѣ съ своимъ совѣтомъ стратигъ Аристѣнъ выслушиваетъ жалобы и требованія римскаго посла ⁵⁾). Въ этомъ совѣтѣ обсуждались тѣ важныя мѣры, которыя должны были оставаться до времени тайными ⁶⁾). Стратигъ былъ главою своего совѣта министровъ съ тѣмъ только ограниченіемъ, что онъ не самъ назначалъ ихъ, и въ случаѣ несогласія, не могъ освободиться отъ того или другаго изъ членовъ, несогласныхъ съ его политикой. Впрочемъ это не очень измѣняло положеніе дѣлъ на практикѣ. Сеймъ, состоявшій преимущественно изъ представителей зажиточнаго и образованнаго класса, руководимый притомъ вліятельными людьми изъ своей среды, избиралъ обыкновенно вполне единодушное и согласное правительство. Въ виду вопросовъ первостепенной важности сходились вмѣстѣ политическіе люди изъ различныхъ областей союза, державшіеся одного политическаго направленія (*οἱ κατὰ τὴν ἄλλην πολιτείαν ὁμοῦνομονοῦντες*), подвергали предварительному обсужденію извѣстный вопросъ и приходили ко взаимному соглашенію относительно того, какихъ кандидатовъ въ стратиги слѣдовало поддерживать. Очевидно, что лица, пользовавшіяся уваженіемъ и значеніемъ у гражданъ того или другаго рода, легко могли устроить дружный и согласный образъ дѣйствія

¹⁾ Polyb., II, 43.

²⁾ Polyb., XXIV, 5, 16.

³⁾ Ibid., 12, 6.

⁴⁾ Plut., Arat., 43.

⁵⁾ Polyb., XXIII, 10.

⁶⁾ Polyb., XXXVIII, 5, 4.

для отдѣльныхъ избирательныхъ корпорацій, ибо эти корпораціи состояли именно изъ отдѣльныхъ городовъ ¹⁾,

Предъ народнымъ сеймомъ являются одинаково и стратигъ, и диміурги. Самое право созванія сейма по всѣмъ признавамъ принадлежитъ президенту вмѣстѣ съ его совѣтомъ ²⁾. Но роли стратига и диміурговъ на сеймѣ не одинаковы. Стратигъ былъ представителемъ и отвѣтственнымъ лицомъ правительства предъ націей (*ἕνως*): онъ самъ защищалъ свою политику и свой образъ дѣйствій предъ собраніемъ ³⁾. Во всякомъ важномъ случаѣ ожидалось и требовалось его мнѣніе, и совѣтъ его всегда имѣлъ большой вѣсъ и полное значеніе правительственнаго предложенія ⁴⁾. Стратигъ, повидимому, предъ являлъ сейму предложенія, формулированныя совѣтомъ диміурговъ ⁵⁾. Онъ вводилъ иностранныхъ пословъ въ собраніе ⁶⁾. Формальное предсѣдательство на сеймѣ принадлежало, напротивъ того, диміургамъ. Они наблюдали за правильнымъ ходомъ преній ⁷⁾, и однажды случилось, что они должны были призвать къ порядку самого стратига за слишкомъ рѣзкій (не парламентскій) языкъ ⁸⁾. Диміурги были обязаны слѣдить и за самымъ содержаніемъ преній: послѣ того какъ различныя партіи и различные взгляды высказались, вопросъ достаточно уяснился для собранія, и оно успѣло обнаружить свое расположе-

¹⁾ Polyb., XXVIII, 6. Описанное здѣсь совѣщаніе ахейскихъ патриотовъ Дройзень (G. des Hell., II, стр. 463) и Шорнь (стр. 64) приняли за собраніе диміурговъ и вывели отсюда такое заключеніе, что кандидатъ въ стратига представлялся этою коллегіей. Но у Поливія нѣтъ ни малѣйшаго намека на диміурговъ, тогда какъ во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ онъ прямо указываетъ на оециальное положеніе лицъ совѣщающихся; здѣсь, напротивъ того мотивъ, почему сошлись для совѣщанія именно *десять* названныхъ имъ лицъ, прямо указанъ въ согласіи ихъ взгляда на другіе политическіе вопросы.

²⁾ Polyb., XXIV, 5, 16: ἔγραψε τῷ στρατηγῷ καὶ τοῖς δημουργοῖς τῶν Ἀχαιῶν κελύων συνάγειν τοὺς Ἀχαιοὺς εἰς ἐκκλησίαν. Въ другихъ мѣстахъ говорится только о стратигѣ; см. IV, 7, 5 и пр.; Liv., XXI, 2; XXXVIII, 30, 4. Въ послѣднемъ мѣстѣ напротивъ того представляется, какъ будто право созывать сеймъ принадлежитъ собственно диміургамъ.

³⁾ Polyb., IV, 14.

⁴⁾ Liv., XXXII, 21 и слѣд.: forsitan ego quoque tacerem, si privatus essem. Polyb., II, 50, 11; XXV, 1, 7—10; XXVIII, 7, 6: ἐκάλει τὰ πράγματα τὴν τοῦ στρατηγοῦ γνώμην. Ср. Liv., XXXV, 25, 7.

⁵⁾ Liv., XXXVIII, 31, 1; ср. XXXII, 22, 5.

⁶⁾ Polyb., XXXIII, 15; Liv., XXXII, 21, 1; XXXVIII, 31, 1.

⁷⁾ Polyb., XXIX, 9, 5.

⁸⁾ Polyb., XXXVIII, 5, 1.

ніе въ томъ или другомъ направленіи, диміурги составляютъ въ краткихъ словахъ опредѣленіе, которое потомъ стратигъ и читаетъ предъ собраніемъ для того, чтобы подвергнуть его голосованію и принять или отвергнуть ¹⁾). Ясно, что это давало диміургамъ значительное вліяніе на тотъ или другой исходъ дѣла.

В. Васильевскій.

---

¹⁾ Liv., XXXII, 22; ср. XXXVIII, 31.

ВОСПОМИНАНІЕ О СТЕПАНѢ ПЕТРОВИЧѢ ШЕВЫРЕВѢ.¹⁾

С. П. Шевыревъ родился въ Саратовѣ, 1806 года октября 18-го. Родъ Шевыревыхъ происходитъ отъ городскихъ дворянъ Юрьева Польскаго, изъ которыхъ одинъ переселился въ Саратовъ и сдѣлался родоначальникомъ тамошней отрасли. Отецъ Степана Петровича, Петръ Сергѣевичъ, служилъ по выборамъ въ Саратовѣ: четыре трехлѣтія сряду губернскимъ предводителемъ и одно трехлѣтіе совѣстнымъ судьей. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ дворянства и купечества за свою справедливость и безкорыстіе. Мать, Екатерина Степановна, изъ рода Топорнинныхъ, представляла образецъ семейныхъ добродѣтелей.

Первоначальное воспитаніе Шевыревъ получилъ въ домѣ родителей. Когда старшимъ его братьямъ и сестрамъ пришла пора учиться, родители пригласили священника и учителя математики изъ гимназіи и приняли въ домъ воспитателя и воспитательницу, г-на и г-жу Латомбель. Отслуженъ молебенъ, и старшіе дѣти посажены за учебный столъ. Меньшой, трехлѣтній, Шевыревъ расплакался, затѣмъ ему не дали книги въ руки. Французъ испросилъ позволеніе посадить его за столъ съ своими учениками и сказалъ: „Онъ будетъ лучше всѣхъ“. Предсказаніе сбылось. Когда Шевыреву наступила пора учиться, онъ принялся съ большою охотою. Отецъ и мать хвалили и любили его, особенно за успѣхи, но нисколько не баловали. Самое большое наказаніе отъ матери состояло въ томъ, что она въ продолженіе одного или и двухъ дней не давала ему цѣловать свою руку. Онъ оставался въ своей дѣтской и горько плакалъ, пока не получалъ прощенія отъ

---

¹⁾ Этотъ очеркъ набросалъ я вскорѣ по кончинѣ незабвеннаго товарища трудовъ, занятій и службы, большею частію по памяти и документамъ, попавшимся на первыхъ порахъ подъ руку. Надѣюсь дополнить его въ послѣдствіи изъ тѣхъ источниковъ, которые найдутся въ моихъ бумагахъ и въ бумагахъ покойнаго.

нѣжно любимой имъ матери. Скоро пріохотился онъ къ чтенію; часто засыпалъ съ книгой въ рукахъ или клалъ ее подъ подушку, чтобы, проснувшись пораньше, читать въ постелѣ.

Отецъ Шевырева зналъ и любилъ нѣмецкій языкъ. Мальчикъ, чтобы доставить ему удовольствіе, выучился во время его отсутствія читать по нѣмецки и по возвращеніи отца прочелъ бойко цѣлую страницу, что очень его утѣшило. По седьмому году читалъ онъ шестопсалміе за домашнею всеюнощною. Десяти лѣтъ, онъ писалъ уже правильно по русски и поправлялъ ошибки у своей надзирательницы, которая обязана была давать старикамъ отчетъ о своихъ занятіяхъ на русскомъ языкѣ. Онъ прочелъ тогда Сумарокова, Хераскова, и съ особеннымъ удовольствіемъ повѣсти Карамзина; любилъ читать по славянски Евангеліе, приискивая славянскія слова, не совсѣмъ понятныя, въ Церковномъ словарѣ Алексѣева.

Саратовскій театр доставлялъ ему большое удовольствіе. Изъ первыхъ наставниковъ своихъ онъ съ благодарностію вспоминалъ о священникѣ, теперь Саратовскомъ протоіерѣ, Ѡ. А. Вязовскомъ, учившемъ его закону Божію и русской словесности, о Французенкѣ А. Н. Латомбелѣ, и объ учителѣ рисованія П. М. Сарнацкомъ, который снабжалъ его книгами изъ своей и театральной бібліотеки.

Дѣтство свое Шевыревъ проводилъ то въ деревнѣ, то въ Саратовѣ. Съ годами увеличивалась и охота къ ученію. Познакомясь съ французскимъ языкомъ, онъ началъ переводить Беркена, и въ учебной комнатѣ вскорѣ накопились кипа его переводовъ. Наконецъ, онъ сочинилъ и свою драму, которая была имъ разыграна вмѣстѣ съ братьями и сестрами. Въ 1818 году, на 12 году возраста, Шевыревъ привезенъ былъ матерью своею въ Москву и отданъ въ университетскій пансіонъ. Директоръ пансіона, А. А. Проконовичъ-Антонскій, вскорѣ замѣтилъ его, полюбилъ за прилежаніе и благонравіе и принялъ подъ свое покровительство. Инспекторъ, И. И. Давыдовъ, также обратилъ на него свое вниманіе и много содѣйствовалъ въ послѣдствіи его развитію и успѣхамъ, руководствуя занятіями, ссужая книгами для чтенія, задавая предметы для сочиненій и разбирая писателей. Высшіе классы пансіона имѣли тогда счастье пользоваться уроками лучшихъ профессоровъ университетскихъ. Можетъ-быть, методы ученія у нѣкоторыхъ были не совсѣмъ удовлетворительны, или другіе грѣшили иногда пропусканіемъ уроковъ, недостаткомъ вниманія; но, вообще, такіе люди, какъ Мерзляковъ, Сандуновъ, Щепкинъ, Перевощиковъ, Павловъ, Денисовъ, должны были имѣть сильное вліяніе на молодежь, и

Шевыреву пансіонскій курсъ принесъ большую пользу, положивъ прочное основаніе для будущаго образованія. Наказанъ былъ онъ только однажды во все продолженіе ученія — учителемъ музыки. Изъ надзирателей своимъ нравственнымъ и литературнымъ вліяніемъ ему были особенно полезны И. И. Палеховъ, И. Н. Басалаевъ, А. М. Гавриловъ, В. В. Шнейдеръ и В. И. Оболенскій, который снабжалъ его книгами изъ своей бібліотеки. Изъ старшихъ товарищей на него имѣли вліяніе А. И. Писаревъ своею критикою, кн. В. Ө. Одоевскій своимъ слогомъ, Н. М. Антоискій своею любовью къ сценическому искусству. Сверстниками его, о которыхъ онъ помнилъ съ сердечнымъ сочувствіемъ, были: В. П. Титовъ, Д. П. Ознобишинъ, Н. Ө. Пургольдъ, Э. П. Перцовъ, П. Т. Морозовъ, П. А. Степановъ. Библіотека пансіона, учрежденная для высшихъ классовъ (начиная съ четвертаго), принесла большую пользу умственному образованію Шевырева. Въ пятомъ классѣ онъ учредилъ вмѣстѣ съ товарищами, подъ наблюденіемъ наставниковъ, литературное собраніе. Два разсужденія: „О безсмертіи души“, написанное въ подражаніе Массильйону, и другое: „О поэзіи“, заслужили ему, вмѣстѣ съ товарищемъ его, поэтомъ Ознобишинымъ, званіе авскультантовъ въ литературномъ обществѣ высшаго шестаго класса, которое основано было Жуковскимъ. Это общество много способствовало развитію въ Шевыревѣ непрерывной умственной и литературной дѣятельности. Изъ пансіона онъ часто ѣзжалъ въ домъ А. В. Евреннова, котораго семейство замѣняло ему на чужбинѣ родную семью. Здѣсь видать онъ нерѣдко В. П. Полякова, товарища Жуковскому по пансіону и переводчика многихъ романовъ Августа Лафонтена и Шписа.

На четырнадцатомъ году Шевыревъ лишился отца, который скончался при немъ въ деревнѣ, когда онъ пріѣхалъ изъ пансіона на вакацію. Мать отпустила съ нимъ въ Москву и меньшаго брата. Крестьяне, провозжая, нанесли имъ, сиротамъ, на дорогу всякой всячины, кто могъ, что оставило въ Шевыревѣ навсегда самое пріятное впечатлѣніе.

На пятнадцатомъ году онъ сочинилъ стихи, прочитанные на публичномъ экзаменѣ. Въ 1821 году я вступилъ учителемъ географіи въ университетскій пансіонъ, и какъ теперь помню, увидѣлъ миловиднаго мальчика, въ темнозеленомъ сюртучѣ, идущаго съ книгами въ рукахъ, изъ одной двери въ другую, между тѣмъ какъ я всходилъ по лѣстницѣ. Не знаю почему, онъ обратилъ на себя мое вниманіе, и я спросилъ: „Кто это?“.— „Это Шевыревъ, первый ученикъ старшаго класса“.

Въ 1822 году, въ сентябрѣ, онъ кончилъ курсъ первымъ въ университетскомъ пансіонѣ, а въ началѣ 1823 года получилъ аттестатъ съ правомъ на чинъ десятаго класса и золотую медаль. Имя его выставлено на доскѣ отличныхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона, вмѣстѣ съ именемъ В. П. Титова ¹⁾.

Послѣдующія подробности заимствованы изъ автобіографіи, помѣщенной въ университетскомъ Словарѣ. По окончаніи курса ученія, Шевыревъ продолжалъ жить въ пансіонѣ и посѣщалъ лекціи университета, особенно профессоровъ Давыдова, Перевощикова, Каченовскаго и Мерзлякова. Онъ считалъ за нужное заняться тѣми частями математики, которыя были пройдены въ пансіонѣ не совсѣмъ обстоятельно, и слушалъ аналитическую геометрію трехъ измѣреній у профессора Перевощикова. Греческимъ языкомъ онъ продолжалъ заниматься подъ руководствомъ учителя, Грека Байла (учителя Веневитиновыхъ, А. И. Кошелева и проч.), и съ нимъ читалъ Гомера, Геродота, Демосеена, Лукіана, Платона. Онъ перевелъ на русскій языкъ разговоры Платоновы, особенно Протагора, Тимея и Федра, Олиннійскія рѣчи Демосеена, и рѣчь о вѣнкѣ, многіе разговоры Лукіана. Переводъ Лукіанова Тимона былъ напечатанъ въ 1825 году, въ *Мнемозинѣ*, которую издавалъ кн. Одоевскій. Читеніемъ латинскихъ писателей Шевыревъ продолжалъ заниматься самъ, и прочелъ съ комментариемъ всего Вергилія, оды Горация и его *Agis poëtica*. Нѣмецкая философія, особенно Шеллингова, которую привезъ въ Московскій университетъ М. Г. Павловъ и старался распространять И. И. Давыдовъ, сочиненія нѣмецкихъ эстетиковъ и критиковъ и произведенія нѣмецкой словесности принадлежали къ числу любимыхъ его занятій. Писателей русскихъ читалъ онъ въ историческомъ порядкѣ съ выписками и замѣчаніями; Исторію Государства Россійскаго изучалъ и читалъ вслухъ, постоянно съ извлеченіями. Славянская Библия была также его настольною книгой. Прилежаніе Шевырева было всегда удивительное, и онъ работалъ безъ усталы съ утра до вечера.

Намѣреніемъ Шевырева было вступить въ университетъ и выдержать экзаменъ прямо въ кандидаты, чтобъ идти далѣе путемъ степеней университетскихъ; но не смотря на ходатайство пансіонскаго начальства, ему это не было дозволено, потому что онъ не былъ студентомъ, а вышелъ изъ пансіона прямо съ аттестатомъ десятаго класса. Послѣ тщетныхъ усилій пристроиться къ университету, Шевыревъ

¹⁾ Нынѣ членъ государственнаго совѣта.

опредѣлился декабря 31-го, 1823 года, въ Московскій архивъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, состоявшій тогда подъ управленіемъ Алексѣя Ѳеодоровича Малиновскаго. Здѣсь, разбирая старинные столбцы, Шевыревъ приобрѣлъ навыкъ къ чтенію вообще древнихъ рукописей. Библіотека архива, богатая старыми книгами, облегчила для него ученныя занятія, особенно когда онъ поступилъ на вакансію бібліотекарскаго помощника. Знакомство съ К. Ѳ. Калайдовичемъ, трудившимся тогда въ комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ, принесло ему большую пользу. Отличное товарищество архива предлагало Шевыреву благородную сферу постоянныхъ умственныхъ и литературныхъ занятій. Исчислимъ тогдашнихъ архивныхъ юношей, увѣковѣченныхъ Пушкинымъ въ Онегинѣ: Веневитиновы (Дмитрій и Алексѣй), Хомяковъ (Ѳеодоръ), Кирѣевскіе (Иванъ и Петръ), Мельгуновъ, Соболевскій, Титовъ, Кошелевъ, Мальцевъ, Мещерскіе, Рихтеръ...

Другое общество, исключительно съ литературнымъ характеромъ, къ которому примкнулъ Шевыревъ, было у переводчика Георгіеъ и Тасса, С. Е. Раича. Тамъ сходились по вечерамъ Ознобишинъ, Муравьевъ (Андрей), Титовъ, Оболенскій (В. И.), Андросовъ, Колошинъ (Петръ Ивановичъ), Путята (Н. В.), Томашевскій, я и многіе другіе, и дѣлились между собою своими опытами. Шевыревъ читалъ свои переводы съ греческаго и опыты стихотвореній. Эти вечера привлекли просвѣщенное вниманіе градоначальника Москвы, кн. Д. В. Голицына, который посѣтилъ однажды общество въ домѣ Г. Н. Рахманова, близъ Никитскаго монастыря. Много толковъ было о журналѣ, котораго программу представилъ Полевой (Н. А.), принятый въ наше общество. Она не понравилась намъ, и Полевой отстранился, объявивъ въ слѣдующемъ году подписку на *Телеграфъ*.

Къ этому времени относится дружеское мое сближеніе съ Шевыревымъ. Занятія наши вскорѣ такъ переплелись между собою, что о нихъ большею частію нельзя говорить раздѣльно, и я долженъ многія мѣста этого разказа заимствовать изъ собственныхъ моихъ записокъ. Мы работали въ запуски, читали, писали, переводили. Нѣмецкая литература и Шеллингова философія были главнымъ предметомъ нашихъ занятій.

Въ 1825 году, возбужденный примѣромъ *Полярной Звѣзды*, произведшей общее движеніе въ литературѣ, я рѣшился издать альманахъ *Уранію*. Всѣ Московскіе литераторы, начиная съ Мерзлякова, общали мнѣ свое содѣйствіе и надавали статей — Дмитрій Веневитиновъ, Тютчевъ, Дмитріевъ (М. А.), Строевъ, Снегиревъ, Раичъ, Озноби-

пинъ, Титовъ; Мухановъ (Павель Александровичъ) подарилъ драгоценное письмо Ломоносова; князь Вяземскій досталъ даже отъ Пушкина нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Шевыревъ принялъ въ изданіи самое живое участіе и помѣстилъ въ *Ураніи* нѣсколько переводовъ изъ Шиллера и Гете и примѣчательное свое стихотвореніе „Я есмь“. Приведемъ нѣкоторыя строфы:

Симъ гласомъ держится святая правъ свобода!

„Я есмь!“ гремитъ въ устахъ народа

Передъ престолами царей,

И чтутъ цари въ законѣ строгомъ

Сей гласъ, благословенный Богомъ.

. . . . .

Но выше онъ гремитъ, согласнѣе, звучащій,

Въ порывахъ творческаго чувства;

Имъ созданъ дивный міръ искусства,

И съ неба красота въ лучахъ

Предъ взоромъ генія явилась,

И въ звукахъ, образахъ, словахъ

Чудесной силой оживилась.

Какъ въ мигъ созданья вѣчный Богъ

Узрѣлъ себя въ міророжденъи,

Такъ смертный человѣкъ возмогъ

Познать себя въ своемъ твореньи.

Это стихотвореніе молодого человѣка, не имѣвшего еще двадцати лѣтъ отъ роду, обратило на себя вниманіе Пушкина и Баратынскаго. Въ декабрѣ 1825 года мнѣ случилось отправиться въ Петербургъ, и Шевыревъ принялъ на себя окончаніе изданія *Ураніи*, которая пошла очень хорошо.

Событія 14-го декабря поразили насъ сильно; но литература и наука, которымъ мы были преданы всецѣло, отвлекла насъ, еще очень молодыхъ людей, въ свою мирную область.

Великимъ постомъ 1826 года я уговорилъ Шевырева приняться сообща за переводъ съ латинскаго знаменитой грамматики церковно-славянскаго языка Добровскаго, коею великій Пражскій ученый положилъ основаніе новой славянской филологіи и даже новой славянской исторіи. Планъ мой былъ запереться на Страстную и Святую недѣли въ своихъ комнатахъ и перевести грамматику однимъ духомъ, чтобы послѣ, при какихъ-нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ, было намъ чѣмъ поддержать свое предложеніе объ изданіи. Намѣреніе безразсудное! Но Шевыревъ согласился; мы заперлись, и на Оминой

недѣль вся грамматика, состоящая почти изъ 900 страницъ, была у насъ готова. Я не успѣлъ только перевести предисловія, а Шевыревъ окончить синтаксиса. Признаюсь, взгляды на эту груду мелко исписанной бумаги, взгляды на эту крѣпость, взятую нами приступомъ, доставилъ намъ сладкое удовольствіе, за которое однако мы заплатились тогда же двумя обмороками: я упалъ въ четвергъ на Святой недѣль со стула въ своей комнатѣ, а Шевыревъ въ воскресенье, на крылосѣ приходской церкви, у Пимена. Въ этомъ же году Шевыревъ, вмѣстѣ съ Титовымъ и Мельгуновымъ, перевелъ сочиненіе Вакенродера, изданное Титомъ: Phantasien Küber die unst, и напечатанное подъ заглавіемъ: „Объ искусствѣ и художникахъ“.

Успѣхъ *Ураніи* ободрилъ насъ. Мы составили съ Дмитріемъ Веневитиновымъ планъ изданія другаго литературнаго сборника, посвященнаго переводамъ изъ классическихкихъ писателей, древнихъ и новыхъ, подъ заглавіемъ: *Гермесъ*. У меня цѣло оглавленіе, написанное Шевыревымъ, изъ какихъ авторовъ надо переводить отрывки для знакомства съ ними русской публики: Рожалинъ долженъ былъ перевести Шиллерова Мизантропа ¹⁾, Д. Веневитиновъ брался за Гетева Эгмонта ²⁾, а за Геца фонъ-Берлихингена ³⁾, Шевыревъ за Валленштейновъ лагерь ⁴⁾. Программы смѣнялись программами, и въ эту-то минуту, когда мы были, такъ-сказать, въ попыткахъ, рвались работать, думали безпрестанно о журналѣ, является въ Москву А. Пушкинъ, возвращенный Государемъ изъ его Псковскаго заточенія.

Представьте себѣ обаяніе его имени, живость впечатлѣнія отъ его поэмъ, только-что напечатанныхъ, Руслана и Людмилы, Кавказскаго Плѣнника, и въ особенности мелкихъ стихотвореній, каковы: Празднество Вавха, Деревня, Къ Домовому, Къ Морю, которыя просто привели въ восторгъ всю читающую публику, особенно нашу молодежь, архивную и университетскую. Пушкинъ представлялся намъ какимъ-то гениемъ, ниспосланнымъ оживить русскую словесность. Семейство Пушкиныхъ было знакомо, и кажется, въ родствѣ съ Веневитиновыми. Черезъ нихъ и чрезъ Вяземскаго познакомились и всѣ мы съ Александромъ

¹⁾ Напечатанъ въ *Московскихъ*.

²⁾ Переведено первое дѣйствіе, напечатанное въ собраніи его сочиненій.

³⁾ Переводъ мой напечатанъ особою книгой въ 1828 году, съ посвященіемъ Дмитрію Веневитинову. Исправленное изданіе въ собраніи сочиненій Гете 1866 г.

⁴⁾ Отрывки напечатаны въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Вопль Валленштейновъ лагерь долго не былъ разрѣшаемъ цензурой, и только въ 1858 году онъ былъ напечатанъ особо.

Сергѣевичемъ. Онъ обѣщаль прочесть всему нашему кругу Бориса Годунова, только-что имъ конченнаго. Можно себя представить, съ какими нетерпѣніемъ мы ожидали назначеннаго дня. Наконецъ, настало это вождѣленное число. Октября 12-го числа по утру спозаранку мы собрались всѣ къ Веневитинову (между Мясницкою и Покровкою, по дорогѣ къ Армянскому переулку), и съ трепещущимъ сердцемъ ожидали Пушкина. Наконецъ, въ двѣнадцать часовъ онъ является.

Какое дѣйствіе произвело на всѣхъ насъ это чтеніе, передать не возможно. До сихъ поръ еще — а этому прошло сорокъ лѣтъ — кровь приходитъ въ движеніе при одномъ воспоминаніи. Мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ, строгій классикъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный французскою декламациею, которой мастеромъ считался Кокоскинъ и послѣднимъ, кажется, представителемъ былъ въ наше время графъ Блудовъ. Наконецъ, надобно представить себя самую фигуру Пушкина. Ожидаемый нами величавый жрецъ высокаго искусства — это былъ средняго роста, почти низенькій человѣчекъ, съ длинными нѣсколько курчавыми по концамъ волосами, безъ всякихъ притязаній, съ живыми быстрыми глазами, вертлявый, съ порывистыми ужимками, съ пріятнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ темномъ жилетѣ, застегнутомъ на глухо, въ небрежно-завязанномъ галстукѣ. Въмѣсто языка Кокоскинскаго мы услышали простую, ясную, внятную и вмѣстѣ шитическую, увлекательную рѣчь. Первые явленія мы выслушали тихо и спокойно, или лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ просто «всѣхъ ошеломила. Чтѣ было со мною, я и разказать не могу. Мнѣ показалось, что родной мой и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена: мнѣ послышался живой голосъ древняго русскаго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ: „да ниспшлетъ Господь покой его душѣ, страдающей и бурной“, — мы всѣ просто какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Одинъ вдругъ вскочить съ мѣста, другой вскрикнетъ. У кого на глазахъ слезы, у кого улыбка на губахъ. То молчаніе, то взрывъ восклицаній, наприимѣръ, при стихахъ Самозванца:

Тѣнь Грознаго меня усновила,
 Димитріемъ изъ гроба нарекла,
 Вокругъ меня народы возмутила
 И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія. „Эванъ, эвое, дайте чаши!“ Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше вниманіе. Онъ началъ намъ, поддавая пару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ, на востроносой своей лодкѣ, и предисловіе къ Руслану и Людмилѣ, тогда еще публикѣ неизвѣстное:

У лукоморья дубъ зеленый,
 Златая цѣпь на дубѣ томъ;
 И днемъ, и ночью котъ ученый
 Тамъ ходитъ по цѣпи кругомъ;
 Идетъ на право — пѣснь заводитъ,
 На лѣво — сказку говорить....

Началъ разказывать о планѣ для Дмитрія Самозванца, о палатѣ, который шутить съ чернью, стоя у плахи, на Красной площади, въ ожиданіи Шуйскаго, о Маринѣ Мнишекѣ съ Самозванцемъ, сцену, которую создалъ онъ въ головѣ, гуляя верхомъ на лошади, и потомъ позабылъ въ половину, о чемъ глубоко сожалѣлъ. О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь! Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва ли кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь: такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ.

На другой день было назначено чтеніе Ермака, только-что конченнаго и привезеннаго А. Хомяковымъ изъ Парижа. Ни Хомякову читать, ни намъ слушать не хотѣлось, но этого требовалъ Пушкинъ. Хомяковъ чтеніемъ приносилъ жертву. Ермакъ, разумѣется, не могъ произвести никакого дѣйствія послѣ Бориса Годунова, и только нѣкоторые лирическія мѣста вызвали хвалу. Мы почти не слышали его. Всякій думалъ свое.

Пушкинъ знакомился съ нами со всѣми ближе и ближе. Мы видѣлись всѣ очень часто. Шевыреву выразилъ онъ свое удовольствіе за его „Я есмь“ и прочелъ наизусть нѣкоторые его стихи; мнѣ сказалъ любезности за повѣсти, напечатанныя въ *Ураніи*. Толки о журналѣ, начатые еще въ 1823 или 1824 году въ обществѣ Раича, усилились.

Множество дѣятелей молодыхъ, ретивыхъ, было, такъ-сказать, на лицо, и онѣ сообщили Пушкину общее желаніе. Онѣ выразилъ полную готовность принять самое живое участіе. Послѣ многихъ переговоровъ редакторомъ былъ назначенъ я. Главнымъ помощникомъ моимъ былъ Шевыревъ. Много толковъ было о заглавіи. Рѣшено: *Московский Вѣстникъ*. Рожденіе его положено отпраздновать общимъ обѣдомъ всѣхъ сотрудниковъ. Мы собрались въ домѣ, бывшемъ Хомякова (гдѣ нынѣ кондитерская Любе): Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновы, два брата Хомяковы, два брата Кирѣевскіе, Шевыревъ, Титовъ, Мальцевъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, В. Оболенскій, Соболевскій.... И какъ подумаешь, изъ всего этого сборища осталось въ живыхъ только три-четыре человѣка, да и тѣ по разнымъ дорогамъ! Нечего описывать, какъ веселье былъ этотъ обѣдъ. Сколько тутъ было шуму, смѣху, сколько разказано анекдотовъ, плановъ, предположеній. Напомню одинъ, насмѣшившій все собраніе. Оболенскій, адыньетъ греческой словесности, добрѣйшій человѣкъ, какой только можетъ быть, подпивъ за столомъ, подсеочилъ послѣ обѣда къ Пушкину, и взерошывая свой хохолокъ—любимая его привычка—воскликнулъ: „Александръ Сергѣевичъ, Александръ Сергѣевичъ, я единица, единица, а посмотрю на васъ, и мнѣ важется, что я — миллионъ. Вотъ вы кто!“ Всѣ захохотали и закричали: „Миллионъ, миллионъ!“

Въ Москвѣ наступило самое жаркое литературное время. Всякій день слышалось о чемъ-нибудь новомъ. Языковъ присылалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино; Денисъ Давыдовъ—съ Кавказа; Баратынскій издавалъ свои поэмы; Горе отъ ума Грибоѣдова только-что начало распространяться. Пушкинъ прочелъ Пророка, который послѣ Бориса произвелъ наибольшее дѣйствіе, и познакомилъ насъ съ слѣдующими главами Онѣгина, котораго до тѣхъ поръ была напечатана только первая глава. Между тѣмъ на сценѣ представлялись водевили Писарева съ острыми его куплетами; Шаховской ставилъ свои комедіи вмѣстѣ съ Ковошкинымъ; Щепкинъ работалъ надъ Мольеромъ, и Аксаковъ, тогда еще не старикъ, переводилъ ему Скупаго; Загоскинъ писалъ Юрія Милославскаго; М. Дмитриевъ выступилъ на поприще съ своими переводами изъ Шиллера и Гете. Послѣдніе составляли особый отъ нашего приходъ, который однако вскорѣ соединился съ нами, или вѣрнѣе, къ которому мы съ Шевыревымъ присоединились, потому что всѣ наши товарищи, оставшіеся въ постоянныхъ впрочемъ сношеніяхъ, отправились въ Петербургъ. Оппозиція Полеваго въ *Телеграфѣ*, союзъ его съ *Съвѣрною*

Пчелой Булгарина и желчныя выходки Каченовскаго, къ которому вскорѣ явился на помощь Надоумко (Н. И. Надеждинъ) давали мовую пищу. А тамъ Дельвигъ съ *Съверными Цвѣтами*, Жуковский съ новыми балладами, Крыловъ съ баснями, которыя выходили еще по одной, по двѣ въ годъ, Гнѣдичъ съ *Илиадою*, Райчъ съ *Тассомъ*, Павловъ съ лекціями о натуральной философіи въ университетѣ. Вечера, живые и веселые, слѣдовали одинъ за другимъ, у Елагиныхъ и Кирѣевскихъ за Красными воротами, у Веневитиновыхъ, у меня, у Соболевскаго въ домѣ на Дмитровѣ, у княгини Волконской на Тверской. Въ Мицкевичѣ открылся даръ импровизаціи. Пріѣхалъ М. И. Глинка, связанный болѣе другихъ съ Мельгуновымъ и Соболевскимъ, и присоединилась музыка.

Горько мнѣ сознаться, что я пропустилъ нѣсколько изъ этихъ драгоценныхъ вечеровъ „страха ради іудейска“. Я зналъ о подозрѣніи на меня за „Нищаго“¹⁾, помѣщеннаго въ *Урамии*; новый предсѣдатель цензурнаго комитета, князь Мещерскій, — сынъ того Мещерскаго, который преподавалъ Щепкину первые уроки драматическаго искусства и поставилъ его на настоящую дорогу (онъ давно уже умеръ), — послалъ на меня доносъ, выставя *Московский Вѣстникъ* отголоскомъ 14-го декабря. Мицкевичъ и другіе *филареты*²⁾ находились подъ надзоромъ полиціи, да и самъ Пушкинъ съ Баратынскимъ были не совсѣмъ еще обѣлены. Я, въ качествѣ редактора журнала, боялся слишкомъ часто показываться въ обществѣ людей, подозрительныхъ для правительства, и дѣйствительно, мнѣ пришлось бы плохо, если бы въ цензурномъ комитетѣ не занялъ наконецъ мѣста С. Т. Аксаковъ; онъ принялъ къ себѣ на цензуру *Московский Вѣстникъ*, и мы съ Шевыревымъ успокоились.

Для первой книжки Шевыревъ написалъ разговоръ о возможности найти единый законъ для изящнаго и шутовскую статью о правилахъ критики. Я началъ подробнымъ обзорѣніемъ книги Эверса о древнѣйшемъ правѣ Руси (тогда еще не переведенной), гдѣ выразилъ впервые мысли о различіи удѣльной системы отъ феодальной. Тогда же я началъ печатать свои афоризмы, доставившіе мнѣ много насмѣшекъ.

¹⁾ Въ этой повѣсти было изображено одно изъ злоупотребленій крѣпостнаго права.

²⁾ Филаретами назывались члены общества Виленскихъ студентовъ, которые, по политическимъ подозрѣніямъ, были исключены изъ университета и разосланы въ разные города. Мицкевичу, Ешевскому, Дашкевичу, досталась Москва, гдѣ они были приписаны на службу по разнымъ вѣдомствамъ.

Мы были увѣрены въ громадномъ успѣхѣ; мы думали, что публика бросится за именемъ Пушкина, котораго лучшій отрывокъ, сцена лѣтописателя Пимена съ Григоріемъ, долженъ былъ появиться въ началѣ первой книжки. Но увя, мы жестоко ошиблись въ своихъ разчетахъ, и главною виной былъ я: не смотря на всѣ убѣжденія Шевырева, во первыхъ, я не хотѣлъ пускаться, опасаясь лишнихъ издержекъ, болѣе четырехъ листовъ въ книжку до тѣхъ поръ, пока не увеличится подписка, между тѣмъ какъ *Телеграфъ* выдавалъ книжки въ десять и двѣнадцать листовъ; во вторыхъ, я не хотѣлъ прилагать картинокъ модъ, которыя, по общимъ тогдашнимъ понятіямъ, служили первою поддержкой *Телеграфа*; втретьихъ, я не употребилъ никакого старанія, чтобы привлечь и обезпечить участіе князя Вяземскаго, который перешелъ окончательно къ *Телеграфу*, содѣйствовалъ больше всѣхъ его успѣху на первыхъ порахъ своими остроумными статьями и любопытными матеріалами и обратилъ читателей на его сторону; наконецъ, вчетвертыхъ, *Московский Вѣстникъ* все-таки былъ мой *hors d'oeuvre*: я не отдавался ему весь, а продолжалъ заниматься русскою исторіей и лекціями о всеобщей исторіи, которая была мнѣ поручена въ университетѣ. Съ Шевыревымъ споры доходили у насъ чуть не до слезъ, и когда, въ общихъ собраніяхъ сотрудниковъ, у спорщиковъ уже не хватало силъ и горло пересыхало, запивались Кипрскимъ виномъ, котораго большой запасъ удалось намъ приобрести какъ-то по случаю. Вино играло роль на нашихъ вечерахъ, но отнюдь не до излишества, а только въ мѣру, пока оно веселитъ сердце человѣческое. Пушкинъ не отказывался иногда выпить. Одинъ изъ товарищей былъ знаменитый знатокъ, и предъ началомъ *Московского Вѣстника* было у насъ въ модѣ „алеатико“, прославленное Державиннымъ.

Въ мартѣ весь нашъ кругъ былъ потрясенъ извѣстіемъ о внезапной кончинѣ въ Петербургѣ Дмитрія Веневитинова. Мы любили его всю душой. Это былъ юноша дивный, — но объ немъ послѣ особо.

Весь 1827 годъ Шевыревъ работалъ неутомимо. Онъ помѣщалъ въ журналѣ рецензіи, стихотворенія, переводы въ стихахъ и прозѣ изъ древнихъ и новыхъ писателей, Шиллера, Гете, Гердера, Манзони, Кальдерона, Лукіана, Платона. Дебюты Шевырева были блистательны. Рецензіи, основанныя на правилахъ науки, обнаруживали вкусъ и большую начитанность. Примѣчательнѣйшій трудъ его, принадлежащій къ этому времени, былъ переводъ въ стихахъ Валленштейнова лагеря Шиллера, заслужившій одобреніе всѣхъ, начиная съ Пушкина. Это была трудная для того времени задача, которая разрѣшена была очень

удачно. Тогда же перевелъ онъ Мицкевича Конрада Валленрода, только-что отпечатаннаго въ Москвѣ ¹⁾) и часть Шиллерова Вильгельма Телля. Съ Петербургскими издателями открылась у насъ жесточайшая война, начатая Шевыревымъ: къ концу года я уѣхалъ въ Петербургъ, и Шевыревъ выдалъ безъ меня первую книжку на 1828 годъ. Я былъ угонцаемъ въ Петербургъ Булгариннымъ, который далъ особый обѣдъ, — Пушкинъ, Мицкевичъ, Орловскій пировали здѣсь вмѣстѣ, — и не успѣлъ я уѣхать изъ Петербурга, какъ пришла туда первая книжка съ громоздкимъ разборомъ нравственно-описательныхъ сочиненій Булгарина. Онъ взбѣлся, называлъ меня измѣнникомъ, и началась пальба. Правду сказать, что онъ имѣлъ нѣкоторое право сѣтовать на отсутствіе всякой пощады со стороны Шевырева, который воспользовался моимъ отсутствіемъ и грянулъ. За разборомъ сочиненій Булгарина послѣдовали разборы *Телеграфа* и *Сѣврной Пчелы*, гдѣ выставлены были дурныя ихъ стороны, пристрастіе, шарлатанство, ложь, наглость, какъ онъ тогда намъ представлялись, можетъ-быть, въ преувеличенномъ видѣ.

Самое блистательное торжество имѣлъ Шевыревъ, написавъ разборъ второй части Фауста Гете, тогда только-что вышедшей. Самъ германскій патріархъ отдалъ справедливость Шевыреву, благодарилъ его и написалъ къ нему письмо. Послѣ, въ своемъ изданіи: *Kunst und Alterthum*, онъ отозвался о Шевыревѣ сравнительно съ прочими своими критиками, вотъ какъ:

„Шотландецъ стремится проникнуть въ произведеніе; Французъ понять его; Русскій себѣ присвоить. Такимъ образомъ гг. Карлейль, Амперъ и Шевыревъ вполне представили, не сговариваясь, всѣ категоріи возможнаго участія въ произведеніи искусства или природы“.

Пушкинъ дразнилъ издателей *Сѣврной Пчелы* похвалами германскаго патріарха, и писалъ ко мнѣ, по поводу отзыва Гете:

„Надобно, чтобъ нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ, конечно, будь сказано между нами, первый, единственный журналъ на святой Руси. Должно терпѣннѣе, добросовѣстнѣе, благородствѣе и особенно настоячивостію оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гете. Честь и слава милому нашему Шевыреву! Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо германскаго патріарха. Оно, надѣюсь,

¹⁾ Недавно въ *С.-Петербургскихъ Видомостяхъ* было сказано, что Конрадъ Валленродъ былъ напечатанъ въ Петербургѣ. У меня осталась въ памяти Москва и цензура Каченовскаго. Въ эту минуту не могу отыскать экземпляра, — подареннаго мнѣ тогда же Мицкевичемъ, съ собственноручною надписью, который рѣшилъ бы вопросъ.

дать Шевыреву болѣе вѣсу въ мнѣніи обществѣ, а того-то намъ и надобно. Пора уму и знаніямъ вытѣснить Булгарина (съ братіею). Я здѣсь на досугѣ поддразниваю ихъ за несогласіе ихъ съ мнѣніемъ Гете. За разборъ „Мысли“, одного изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній текущей словесности, уже досталось нашимъ сѣвернымъ шмелямъ отъ Крылова, осудившаго ихъ и Шевырева, каждаго по достоинству“.

Съ Булгаринимъ былъ въ союзѣ Полевой и *Телеграфъ*, счастливый соперникъ *Московского Вѣстника*. Они не остались у насъ въ долгу и продолжали бранить насъ и нашихъ даже и тогда, какъ мы перестали издавать журналъ — надо теперь признаться — за неинтересностью подписчиковъ, хотя благовидный предлогъ къ тому доставила намъ первая холера (1830 года), вмѣстѣ съ *Вѣстникомъ Европы* и *Атенеемъ*. *Телеграфъ* восторжествовалъ.

Шевыревъ уѣхалъ въ чужіе края еще за долго до превращенія журнала, я преданъ русской исторіи и лекціямъ; и хорошо мы сдѣлали, собственно для себя, а еще бы лучше, еслибъ и не начинали *Московского Вѣстника*, а потомъ не возобновляли его подъ именемъ *Москвитянина*. Впрочемъ, всѣ дѣйствія имѣютъ свою необходимость; намъ казалось, что мы должны были, въ общихъ видахъ пользы для русской словесности, издавать эти журналы, и мы старались исполнить эту обязанность по крайнему своему разумѣнію ¹⁾.

Кромѣ *Московского Вѣстника*, Шевыревъ помѣстилъ нѣсколько стихотвореній своихъ въ альманахахъ Раича и барона Дельвига.

Княгиня Зинаида Александровна Волконская, примѣчательная и образованнѣйшая русская женщина новаго времени, предложила Шевыреву въ началѣ 1829 года принять на себя приготовленіе ея сына, князя Александра ²⁾, къ университетскому экзамену. Мы всѣ обрадовались этому счастливому случаю и убѣдили Шевырева оставить архивную службу и принять предложеніе княгини. Жизнь въ Италіи, въ такомъ домѣ, который былъ средоточіемъ всего лучшаго и блистательнаго по части наукъ и искусствъ, казалась намъ счастьемъ для Шевырева, который тамъ могъ кончить съ пользой свое собственное образованіе. И мы не ошиблись. Три слишкомъ года, проведенные имъ въ Италіи, образовали въ немъ истиннаго ученаго. Кромѣ Рима, онъ провелъ достаточное время въ Неаполѣ и его окрестностяхъ и имѣлъ случай изучить все примѣчательное въ другихъ классическихъ городахъ Италіи, какъ то: во Флоренціи, Болоньи, Венеціи, Миланѣ, Ге-

¹⁾ Такъ точно и теперь издаю я *Русскаго*, какъ будто по пословицѣ: «повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову положить».

²⁾ Нынѣ посланникъ русскій въ Испаніи.

нубъ, Пармѣ и Перуджѣ. Въ Римѣ онъ возобновилъ свои занятія классической филологіей и изучалъ писателей Греціи и Рима. Къ этому присоединилъ исторію Рима и его древностей, руководствуясь сочиненіями Нибби, Нардини, Нибура и Бунзена; изучалъ исторію древняго и новаго искусства, постоянно посѣдая Ватиканъ, храмъ св. Петра, Капитолій и частныя галлерей Рима; здѣсь прочелъ Винкельмана съ комментаріями, Лессингова Лаокоона и увидѣлъ, какъ безплодны одни эстетическія умозрѣнія отвлеченныхъ теоретиковъ Германіи. Въ Римѣ же изучилъ италіанскій языкъ, и при руководствѣ опытнаго учителя Соци, читалъ съ комментаріями Данта, Петрарку, Боккаччю, Аріоста, Тасса, соединяя съ исторіей италіанской литературы исторію Италіи среднихъ вѣковъ. Здѣсь же онъ занимался англійскимъ языкомъ и словесностью, преимущественно чтеніемъ Шекспира, подъ руководствомъ весьма опытнаго Англичанина, Гамока, который особенно хорошо объяснялъ творенія великаго поэта; выучился также испанскому языку у испанскаго каноника, Франческо Марина, издавшаго весьма хорошую испанскую грамматику, и съ нимъ читалъ Сервантеса и Кальдерона. Живучи въ домѣ княгини З. А. Волконской, Шевыревъ имѣлъ богатыя средства къ усовершенствованію вкуса въ искусствахъ образа и звука. Музыкальные вечера княгини и участіе въ нихъ всѣхъ славныхъ артистовъ, посѣщавшихъ Римъ, давали ему средство познакомиться ближе со всѣмъ тѣмъ, что славнаго произвела музыка Италіи прежняго и новаго времени. Бесѣда самой княгини, знаменитыхъ друзей ея: Торвальдсена, Камучини, Гораса Вернета, и славныхъ художниковъ русскихъ: Бруни, Брюллова и другихъ, составляла живую эстетическую школу для Шевырева. Отличная русская бібліотека княгини предлагала возможность ему продолжать занятія русскою словесностію и исторіей.

Во время пребыванія своего въ Италіи и въ Римѣ, Шевыревъ замышлялъ планы историческихъ драмъ и написалъ два дѣйствія трагедіи „Ромулъ“. Отдѣльныя статьи его о путевыхъ впечатлѣніяхъ въ Италіи и другихъ странахъ, равно стихотворенія, были печатаны въ *Галатеѣ* Раяча, въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, въ *Сѣверныхъ Цѣптахъ* и *Литературной Газетѣ* Дельвига, въ *Денницѣ* Маевсимовича и наконецъ въ *Телескопѣ*, гдѣ помѣщены были: „Планъ учрежденія скульптурной исторической галлерей для Московскаго университета“, одобренный Торвальдсеномъ, и разсужденіе: „О возможности ввести италіанскую октаву въ русское стихосложеніе“, съ образчикомъ перевода VII-й пѣсни Освобожденнаго Іерусалима, который вызвалъ много па-

смѣшевъ многими своими странностями и неудачами. Политическія событія Франціи 1830 года не позволили Шевыреву побывать въ Парижѣ. Зиму съ 1831 года на 1832 онъ провелъ въ Женевѣ. По пути, въ Миланѣ, онъ имѣлъ случай познакомиться съ славнымъ италіанскимъ поэтомъ Манзони, а въ Женевѣ съ Росси и Декандалемъ. Въ Женевѣ онъ занимался исторіей Италіи и Франціи и посѣщалъ лекціи профессоровъ академіи, изъ коихъ Росси имѣлъ на него вліяніе способомъ изложенія. Вотъ какъ онъ учился, занимался, работалъ. По италіански Шевыревъ говорилъ, какъ Италіанецъ.

Сосредоточенныя кабинетныя занятія двухъ съ половиной лѣтъ весьма благотворно отвлекали Шевырева отъ современной литературной дѣятельности и послужили ему приготовленіемъ къ другому поприщу.

Между тѣмъ въ Московскомъ университетѣ скончался Мерзляковъ. Я принялся уговаривать Шевырева, чтобъ онъ поступилъ въ университетъ. Привожу здѣсь первый его отвѣтъ:

„1830 г., сентября 21-го... Жаль, жаль Мерзлякова. Я ужъ зналъ объ этомъ. Еле грустнѣе были твои подробности. Да, въ немъ былъ огонь священный; передъ смертію онъ долженъ былъ всплакнуть. Иначе не бываетъ. Въ такихъ людяхъ душа праздно не разстается съ тѣломъ. Съ нетерпѣніемъ жду стиховъ его и твоей рѣчи. Ты какъ скромно написалъ объ ней! Мнѣ вдвое пріятнѣе было еще слышать о торжествѣ твоемъ изъ Мюнхена, отъ Рожалина, которому описалъ это Алексѣй Андреичъ¹⁾. Честь и слава тебѣ! Награди тебя Богъ всякимъ добромъ по желанію! Ты достоинъ этого. Ты ужъ дѣйствуешь, а мы только готовимся.... Предложеніе твое мнѣ лестно, но я еще молодъ и прежде двухъ лѣтъ не возмогу возложить на себя такого святаго долга. Требованія увеличились съ вѣкомъ. Я былъ увлеченъ службой въ разныхъ стороны. Мнѣ надо сосредоточиться, пробастъ перечесть. Короче, вотъ былъ мой планъ доселѣ: теперь я весь преданъ Италіи, искусству, исторіи ея и его древнимъ, частію и Ромулу. Будущій годъ хотѣлъ я посвятить на слушаніе лекцій въ какомъ-нибудь университетѣ, и заключивъ три года путешествія,—въ Россію, и дѣлный годъ ничѣмъ не заниматься, какъ русскимъ (включивъ сюда и славянское со всѣми нарѣчіями и исторію), а тамъ изыти на поприще. Особенно же мои мысли сосредоточивались у театра, сцены и школы театральной. Отселѣ хотѣлъ я выйдти вмѣстѣ съ Ромуломъ. Итакъ не прежде двухъ лѣтъ, ибо чувствую, что мнѣ еще много и много *спѣтъ*. Сколько хочется прочесть книгъ, непременно здѣсь на мѣстѣ. О, дѣла, дѣла! Что касается до соперниковъ, то со всѣми пойду въ конкурсъ, кромѣ Давыдова.... Онъ мой наставникъ, и ему я многимъ обязанъ. Слѣдовательно, съ нимъ я спорить не стану: это всякій имѣлъ бы право назвать хвастовствомъ непростительнымъ.

¹⁾ Елагинъ. Онъ съ поэтомъ Языковымъ первые начали рукоплесканія въ Московскомъ университетѣ, при произнесеніи этой рѣчи на торжественномъ актѣ 1830 года.

Въ адъютанты къ нему—съ охотою. Пусть дадутъ мнѣ пока маленькую часть,— одну эстетяку (но для этого надобно музей, а то въ чему слѣбныхъ учить краскамъ?). Но все не прежде двухъ лѣтъ. До тѣхъ поръ ни шагу“.

Холера прервала на нѣсколько времени наши совѣщанія о каедрѣ. По минованіи опасности онъ писалъ ко мнѣ отъ 23-го ноября:

„Теперь о важномъ дѣлѣ: отвѣтъ на твое дружеское предложеніе. Я было не писалъ объ немъ, потому что не до этого было, а только объ холерѣ думалъ, да объ васъ. Теперь Рожалинъ пишетъ, что Авдотья Петровна¹⁾ ужь хлопотала у Жуковского, и что путь открытъ. Прежде всего поцѣлуй ручки несравненной нашей Авдотьи Петровны: буду самъ писать къ ней. Господи, пошли ей счастья столько же, сколько добра она! Теперь давай разсуждать. Итакъ два пути передо мною: сцена и каедра. Готовиться надо на оба, потому что у насъ—запасайся двумя тетивами. Склонность моя внутренняя влечетъ меня къ первой, съ которой соединяю я и каедру въ школѣ театральнoй для актеровъ (теоретическую и практическую). Ромулъ къ марту готовъ, и привезется въ Россію съ тѣмъ, чтобы ставить на сцену. Въ немъ будетъ весь Римъ древній отъ Ромула до щита Сабинскаго и стѣны Этрускскихъ. Кромѣ того у меня въ головѣ: Кола ди Риэнци, Бонклянъ Сикста V, Камилла, вся римская исторія, Глинскій, Крезъ, 12-й годъ, смерть Микель-Анжело и освѣщеніе Петра на сценѣ и проч. Князь будетъ со мною завѣдывать водевилемъ и комедіей. У насъ даже готовится молодой Локуэсъ²⁾, съ большимъ вкусомъ и воспитанный среди эстетическихъ предметовъ. Въ Петербургѣ есть кому насъ покровительствовать. Повидимому, теперь обращено вниманіе на усовершенствованіе театровъ. А драматика вовсе нѣтъ. . . . . Я издѣства имѣлъ эту способность: Валленштейновъ лагерь и другіе переводы изъ Шиллера убѣдили меня въ этомъ. Ромулъ будетъ рѣшительно пробнымъ камнемъ. Итакъ видишь, что я лѣзу на сцену: это моя главная мысль, покуда я не убѣдился въ невозможности исполнить оную. Далѣе: каедра. Да, я не забываю о другой тетивѣ: къ счастью же, онѣ обѣ близки другъ къ другу. Но скажи: какое право имѣю я теперь на эту каедру? Нѣсколько отдѣльныхъ критическихъ пьесъ, и то еще какъ написанныхъ, даютъ ли мнѣ его? Каедра словесности не требуетъ ли подвига въ теоріи оной? Всѣ эти вопросы я самъ задаю себѣ *честно*, а не отъ другихъ слышу, ибо другимъ я болѣе въ состояніи на нихъ отвѣчать, нежели себѣ самому. Но если сцена не удался, конечно, мнѣ останется одна каедра профессорская: чтобы заслужить ее, я долженъ написать непременно книгу дѣльную, и вотъ будетъ мое право и отвѣтъ на мои себѣ вопросы. Въ этой книгѣ я сосредоточу свои знанія; дополнивъ прорѣхи, пройду всѣ словесности въ историческомъ порядкѣ, положу основаніе своимъ мнѣніямъ, выражуся— и тогда съ Богомъ на каедру. Ты теперь поймешь, почему я вончаю къ марту Ромула и тотчасъ принимаюсь за свое разсужденіе, какъ сказалъ я выше. Вотъ планъ моихъ дѣйствій, и чтобы убѣдиться въ естественности

¹⁾ Елагина.

²⁾ Имя Московскаго декоратора того времени или какого-то театральнаго распорядителя.

оняго, взгляни на себя; твое „Происхожденіе Руси“ не было ли для тебя такъ важнымъ центромъ утвержденія силъ твоихъ? Dixi—и такъ будетъ: сдана, а коль не сдана — каедрѣ. И Ромуль, и разсужденіе — оба будутъ готовы“.

Сближеніе мое съ министромъ Уваровымъ принесло въ этомъ случаѣ пользу, и Сергій Семеновичъ изъявилъ вскорѣ свое согласіе на принятіе Шевырева адъюнктомъ по каедрѣ русской словесности, которая была поручена предъ тѣмъ Давыдову.

Шевыревъ возвратился въ отечество и вступилъ въ университетъ. Ему назначено было совѣтомъ написать разсужденіе объ одномъ изъ предметовъ своихъ занятій. Шевыревъ избралъ Данта, заперся въ своей комнатѣ (онъ жилъ тогда подъ Новинскимъ, у товарища Мельгунова), мѣсяцевъ шесть не выходилъ никуда ногой со двора, перечиталъ всѣ источники, уже ему знакомые, и написалъ классическое разсужденіе о Дантѣ, какому не было подобнаго въ русской литературѣ: Оно напечатано въ *Ученыхъ Запискахъ* Московскаго университета. Этого мало: совѣтъ задалъ ему тему для пробной лекціи, которую онъ долженъ былъ прочесть въ засѣданіи чрезъ пять дней. Тогда было не такъ легко получать званіе преподавателя университета, какъ теперь. Лекція получила полное одобреніе и была напечатана также въ *Ученыхъ Запискахъ*.

Напряженные труды въ продолженіе полугода отозвались на здоровьѣ труженика, и онъ пролежалъ въ постелѣ мѣсяца три, пока могъ начать лекціи.

„Не могъ забыть онъ того впечатлѣнія, которое произвелъ въ немъ университетъ при первомъ въ него вступленіи. Взглядъ на самое это зданіе, которое еще въ отроческія лѣта его внушало ему уваженіе; видъ цвѣтущаго, оживленнаго юношества, стремившагося въ аудиторіи; какое-то неясное предчувствіе и надежда связать свою участь съ судьбой этого великаго образовательнаго учрежденія въ Россіи: все это вмѣстѣ наполняло душу его трепетомъ какого-то сладкаго, неизяснимаго восторга“.

Такъ писалъ Шевыревъ въ своей автобіографіи. Первая лекція его, 15-го января 1834 года, имѣла предметомъ характеристику образованія и поэзіи главнѣйшихъ новыхъ народовъ западной Европы. Успѣхъ былъ полный. Студенты прицали его съ восторгомъ—это былъ курсъ богатый талантами, какіе случаются нечасто: Станкевичъ, Строевъ, Красовъ (Сергѣй), К. Аксаковъ, Бодянской, Туруновъ, Топорнинъ. Въ аудиторіи являлись безпрестанно новые слушатели изъ всѣхъ сословій, что придавало духу и силы молодому профессору. Онъ работалъ неутомимо. Въ первомъ году онъ прочелъ исторію поэзіи санскритской, еврейской и греческой; въ слѣдующемъ году исторію поэзіи римской и

средне-вѣковой до Данта. Лекціи печатались въ *Ученыхъ Запискахъ*, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* и *Московскіе Вѣдомостяги*.

Но въ старшихъ курсахъ послѣдовало на другой же годъ охлажденіе. Напыщенный иногда тожь Шевырева, который принадлежалъ къ числу его недостатковъ, подалъ первый поводъ къ перемѣнѣ мнѣнія. Самый голосъ его, въ которомъ было что-то искусственное, особенно въ началѣ чтенія, пока онъ, такъ-сказать, не разговорится, началъ не нравиться. Наконецъ, вступленіе его въ аристократическій кругъ (вслѣдствіе женитьбы въ 1834 году) и невольное подчиненіе нѣкоторымъ его условіямъ, возбуждали неудовольствіе. Но это были только предлоги. Политическое направленіе, которое тогда начало обнаруживаться въ Московскихъ кружкахъ, сдѣлалось главною причиною перемѣны въ расположеніи молодежи къ Шевыреву. Онъ думалъ только о наукѣ и искусствѣ, а для передовой молодежи важнѣе всего была политика, — и такъ произошло раздѣленіе лагерей. И мы занимались политическими вопросами, но совершенно въ другомъ родѣ. Взаимнаго объясненія не было, да и быть не могло: мы составляли старшій профессорскій кружокъ, а тѣ — младшій студенческій. Мы обращались преимущественно къ прошедшему, а противники наши къ будущему.

Въ 1835 году Шевыревъ принялъ дѣятельное участіе въ изданіи Андросовымъ *Московскаго Наблюдателя*, гдѣ онъ сильно вооружился противъ Сенковского, и нажилъ себѣ новаго врага. Въ 1836 году Шевыревъ началъ читать исторію русскаго языка по памятникамъ, а въ слѣдующемъ — исторію русской словесности, также по памятникамъ. Такимъ образомъ постепенно распространялся его курсъ. И тогда же, по новому уставу, онъ долженъ былъ написать еще разсужденіе для полученія степени доктора. Это была цѣлая книга, подъ заглавіемъ: „Теорія поэзіи въ историческомъ ея развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ“. Другую книгу издалъ онъ въ томъ же году: первый томъ „Исторія поэзіи“.

Съ первыхъ лѣтъ своего профессорства онъ устроилъ преподаваніе первому курсу студентовъ, ему порученныхъ, въ связи съ практическими ихъ занятіями, приведя послѣднія въ систематическій порядокъ. Всякій студентъ былъ обязанъ представить ему въ извѣстные сроки сочиненіе и переводъ, которые онъ внимательно прочитывалъ отъ первой строки до послѣдней, отмѣчалъ ошибки и неправильности и разбиралъ съ глазу на глазъ, или въ классѣ. Такихъ упражненій поступало къ нему въ годъ сотъ по пяти и болѣе. Кабинетъ его всегда былъ

открыть для студентовъ. Онъ помогаль имъ совѣтами, снабжалъ книгами, дѣлалъ пособія денежные и спасъ нѣкоторыхъ отъ тяжкой участи своимъ горячимъ заступленіемъ. Много встрѣтилъ онъ неблагодарныхъ, какъ это обыкновенно бываетъ со времени девяти проказенныхъ мужей, о которыхъ спросилъ Спаситель: „Не десять ли очистися, а девять гдѣ?“ За то другіе помнили его добро и чрезъ долгое время по выходѣ изъ университета выражали свою благодарность. Многие изъ навѣкъ теперешнихъ писателей обязаны ему своими успѣхами; назову для примѣра изъ разныхъ поколѣній: Буслаева, Самарина, Берга, Фета, Бартенева, Безсонова, Тихонравова.... Тогда же устроена была Швейцарскимъ студенческая бібліотека изъ ежегодныхъ пожертвованій студентовъ.

Безпрерывные труды въ продолженіе пяти лѣтъ подѣйствовали на его здоровье. Онъ долженъ былъ взять отпускъ на два года и отправился въ любезную свою Италію съ семействомъ. Въ Римѣ былъ тогда Наслѣдникъ, нынѣшній Государь. Швейцарецъ съ другими Русскими, нарядившись въ русскія платья, поѣхали по Корсо, распѣвая русскія пѣсни, и поравнявшись съ Великимъ Княземъ, подали ему блюдо горячихъ блиновъ. Веселая беззаботность Римлянъ во время карнавала нравилась Швейцарцу: онъ самъ веселился отъ души, смотря на ихъ веселье. Въ Римѣ былъ тогда и Гоголь. Въ день его рожденія, 27-го декабря 1838 года, празднуя его со многими Русскими на виллѣ княгини Волконской, Швейцарецъ прочелъ ему слѣдующіе стихи, при поднесеніи отъ друзей нарисованной сценической маски:

„Что жь дремлешь ты? Смотри передъ тобой
 Лежить и ждетъ сценическая маска.
 Ее вознудъ славный твой собратъ,
 Еще теперь игривымъ, вольнымъ смѣхомъ
 Волнующій Италію: возьми
 Ее, взглядись въ шутивую улыбку
 И въ честный видъ: ее носилъ Гольдони.
 Она идетъ къ тебѣ: ся лица
 Подвижными и бѣглыми чертами
 Онъ смѣло выражалъ черты народа
 Смѣшныя, всюду подбирая ихъ,
 На улицахъ, на площадяхъ, въ кафе,
 Гдѣ на распашку видѣвъ Итальянецъ,
 Гдѣ мысль его свободна и рѣзва, —
 И черезъ чистый смѣхъ въ сердца гражданъ
 Вывалялось истинны добро святое!
 Ты на Руси ужь началъ тотъ же подвигъ!

Скажи, поэтъ, когда, уставъ отъ думъ,
 И полнъ завѣтныхъ впечатлѣній Рима,
 Ты вечеромъ, въ часы сочувствій темныхъ,
 Идешь домой, — не слышится ль тебѣ,
 Не отдается ли въ душѣ твоей
 Далекій, рѣзвый, сильный, добрый хохотъ
 Съ береговъ Невы, съ береговъ Москвы родимой?
 То хохотъ твой, веселья чудный пирь,
 Которымъ ты Россію угощаешь,
 Добро великое посѣявъ въ ней,
 Самъ удалясь отъ названныхъ гостей.
 Что жъ задремалъ? Смотри, передъ тобой
 Лежитъ и ждетъ сценическая маска...
 Надѣнь ее — и долго не снимай,
 И новый пирь, пирь Талин задай,
 Чтобы на немъ весь міръ захохоталъ
 Чтобы порокъ отъ маски задрожалъ...
 Но для друзей сними ее подчасъ,
 И безъ нея ты будешь милъ для насъ¹⁾.

Въ Римѣ я нашелъ Шевырева въ 1839 году за книгами, рисунками и тетрадами, и провелъ цѣлый мѣсяцъ вмѣстѣ съ нимъ, Гоголемъ и Ивановымъ. Они познакомили меня съ Римомъ и его окрестностями. Изъ Рима отправились мы съ Шевыревымъ въ Неаполь. Точность его, доведенная до крайности, была очень тяжела. Приѣхавъ въ Неаполь, онъ хотѣлъ непременно прежде всего визировать паспорта у консуловъ тѣхъ владѣній, куда мы предполагали заглянуть съ парохода по пути въ Марсель, то-есть, римскаго, флорентійскаго, сардинскаго и французскаго, потомъ навести справки о пароходахъ и взять мѣста, прежде нежели приступить къ осмотрамъ. На это потребовалось около двухъ дней, въ продолженіе которыхъ мы должны были сидѣть, сложя руки, а всѣхъ дней было только пять или шесть. Мученье мнѣ было съ ними: Гоголь всегда опаздывалъ и не хотѣлъ соблюдать никакихъ формальностей, Шевыревъ хотѣлъ являться всегда чуть не наканунѣ срока и сочинялъ формальности. Какъ я ни упрашивалъ его, ничто не помогало, и я долженъ былъ уступить, скрѣпя сердце, потому что Шевыревъ поѣхалъ въ Неаполь для меня: я не хотѣлъ брать на себя отвѣтственности предъ нимъ въ случаѣ какой-нибудь неудачи

¹⁾ Привожу эти стихи въ доказательство того, какъ рано Гоголь былъ оцѣненъ въ нашемъ кругу; а невѣжи наши думаютъ и провозглашаютъ, что оцѣнилъ Гоголя прежде всѣхъ Бѣлинскій, между тѣмъ какъ онъ не сказалъ ничего новаго.

или даже вреда отъ моего распоряженія. Только съ третьяго дня мы начали осмотры, и надо сознаться, что Шевыревъ вознаградилъ упущенное время: Museo Borbonico, Помпея, Везувій, Геркуланъ, Портичи, о которыхъ онъ перечиталъ, кажется, все напечатанное, были показаны до подробностей. Вездѣ онъ былъ какъ дома.

Въ Чивиту - Веккію, на возвратномъ пути нашемъ изъ Неаполя, выѣзжалъ къ намъ на встрѣчу Гоголь, проститься съ семействомъ Шевырева. Мы заѣзжали въ Ливорно и Пизу, Геную и Марсель, и оттуда пустились въ Парижъ, гдѣ пробыли мѣсяць. Разумѣется, ни одной минуты не было потеряно: бібліотеки, лекціи, ученые, театры. При насъ, 12-го мая, случилась, какъ будто для образчика намъ, маленькая революція, вслѣдствіе которой пережѣнено было министерство. Мы были въ театрѣ Большой Оперы и въ антрактѣ узнали, что строятся баррикады и слышатся кругомъ выстрѣлы. Бѣгомъ пустились мы домой и услышали, что въ нашемъ сосѣдствѣ убитъ подъ окошкомъ кто-то, а другой въ близней уличѣ. На другой день Шевыревъ спѣшилъ все-таки въ Сорбонну чрезъ ряды войска, чрезъ толпы народа, мимо баррикадъ, слушать предназначенныя лекціи. Такова была его точность. Напрасно старался я удержать его, говоря, что теперь улицы читаютъ самыя поучительныя лекціи; нѣтъ, во что бы то ни стало, онъ не хотѣлъ пропустить лекцій и кое-какъ добрался до Сорбонны, гдѣ не засталъ никого. Какъ же я смѣялся надъ его труднымъ и бесплоднымъ походомъ!

Въ Парижѣ онъ познакомился съ Вильменемъ, Бальзакомъ и другими знаменитостями. Знакомство съ Бальзакомъ описано въ особой статьѣ.

Изъ Парижа мы съѣздили вмѣстѣ въ Лондонъ, гдѣ я уже взялъ его въ свои руки. Я спросилъ его, чтѣ онъ хочетъ видѣть, и потомъ условился съ возжатымъ. Шевыревъ былъ у меня на буксирѣ. Къ счастью, въ Лондонѣ случился князь Дм. Вл. Голицынъ, который облегчилъ намъ доступъ въ нижній парламентъ и проч.

Шевыревъ отправился отсюда въ Мюнхенъ, гдѣ ему было поручено отъ университета отобрать изъ купленной бібліотеки барона Моля книги, которыя могли быть полезны для университета. Тамъ, въ деревушкѣ Дахау, въ двухъ часахъ ѣзды отъ Мюнхена, находилась бібліотека Моля въ совершеннѣйшемъ безпорядкѣ послѣ его кончины и разныхъ операцій. Надо было разобрать ее, пересмотрѣть всѣ книги и выбрать нужныя. Съ свойственною ему настойчивостію или усидчивостію принялся Шевыревъ за работу и четыре мѣсяца одинъ одиухонекъ провелъ

онъ въ этой пустынѣ, работая съ 8-го часа утра до заходящаго солнца, и спѣша кончить къ осени. По мѣрѣ того какъ выбирались книги, составлялся имъ каталогъ: копія съ него на тонкой почтовой бумагѣ отправлялась еженедѣльно въ помощнику попечителя въ Москву для сообщенія бібліотекарю, который могъ по этому каталогу означать тѣ книги, какихъ мы не имѣли. Окончивъ дѣло ученое, надобно было судебнымъ порядкомъ устроить еще дѣло тяжбное съ наследникомъ барона Моля, который находился тогда въ Вѣнѣ. Не развязавъ этого дѣла въ судѣ, университету можно было потерять право на свою претензію. За всѣми этими проволочками Шевыревъ могъ только въ первыхъ мѣсяцахъ 1840 года получить книги, въ числѣ 5.000 томовъ слишкомъ, уложить ихъ при себѣ и отправить въ Москву. Попечитель графъ С. Г. Строгановъ видѣлъ его за этою египетскою работою. Я прѣвѣжалъ къ нему въ Мюнхенъ, но не имѣлъ времени заглянуть въ Дахау, что его огорчило. За то въ 1842 году, прѣвѣвавъ опять въ Мюнхенъ, я нарочно ѣздилъ въ Дахау, чтобы заплатить свой долгъ, отыскалъ дворника, и вечеромъ обошелъ всѣ залы, гдѣ валялись еще остатки бібліотеки, оказавшіяся не нужными. Въ Мюнхенѣ Шевыревъ познакомился со многими примѣчательными учеными, и въ особенности съ Баадеромъ, который напечаталъ у себя письмо Шевырева о русской церкви, съ лестнымъ отзывомъ. Вотъ какъ Шевыревъ самъ описываетъ это знакомство:

„Францъ фонъ-Баадеръ, извѣстный христіанскій философъ Германіи, уважаемый Шеллингомъ и Гегелемъ, занимаетъ первое мѣсто въ числѣ тѣхъ ученыхъ знакомствъ, какія Шевыревъ имѣлъ счастье сдѣлать во второе пребываніе свое за границу. Ежедневныя бесѣды Баадера съ нимъ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ принадлежатъ къ тѣмъ плодотворнымъ занатіямъ, которыя оставляютъ слѣды на цѣлую жизнь“.

Бесѣды Баадера описаны Шевыревымъ въ статьѣ, напечатанной въ *Москвитинѣ* 1841 года.

Точно такъ и въ другихъ городахъ Шевыревъ сдѣлалъ много примѣчательныхъ знакомствъ. Въ Римѣ солиглоттъ Меццофанги, у котораго въ первый разъ мы были съ нимъ вмѣстѣ, Нибби, историкъ Рима, Марен, нумизматъ; въ Парижѣ: Бальзакъ, Альфредъ де-Виньи, Барбье; въ Берлинѣ: Фарнгагенъ фолъ-Энзе, профессоръ Гансъ, филологъ Векъ; въ Мюнхенѣ: Шеллингъ, Тиршъ, Марціусъ, живописецъ Каульбахъ; въ Страсбургѣ: профессоръ философіи Ботенъ и профессоръ педагогики Фрицъ; въ Геттингенѣ: Отфридъ Миллеръ; въ Гейдельбергѣ: Крейдеръ и Шлоссеръ; въ Прагѣ: Шафарикъ, Юнгманъ, Ганка, Палацкій и Чолковскій.

Возвратясь съ укрѣпленными силами, Шевыревъ принялся за работу въ университетѣ. Кромѣ того, съ 1841 года мы начали издавать *Москвитянина*. Какъ въ основаніи *Московского Вѣстника* принималъ непосредственное участіе Пушкинъ, такъ *Москвитянина* обязанъ почти своимъ существованіемъ Жуковскому. На обѣдѣ у князя Дмитрія Владимировича Голицына рѣшено было изданіе. Просвѣщенный Московскій градоначальникъ взялся ходатайствовать объ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, потому что разрѣшеніе издавать журналъ сопряжено было тогда съ великими затрудненіями. Въ изданіи *Москвитянина* Шевыревъ завѣдывалъ критическою частію и разбиралъ всѣ примѣчательныя произведенія текущей литературы. Въ *Москвитянинѣ* началась и продолжалась съ ожесточеніемъ война съ *Отечественными Записками* и Бѣлинскимъ, точно какъ прежде въ *Московскомъ Вѣстникѣ* съ *Телеграфомъ* и Полевымъ, а въ *Московскомъ Наблюдателѣ* съ *Библиотекою для Чтенія* и Сенковскимъ. Эта война была еще ожесточеннѣе. Мы не могли простить Бѣлинскому дерзкихъ и невѣжественныхъ выходовъ противъ Славянъ, противъ древней русской исторіи, противъ русскихъ писателей прошедшаго столѣтія, противъ началъ русской жизни. Ненависть Бѣлинскаго и товарищей противъ насъ была передана имъ въ наслѣдство его преемникамъ и наслѣдникамъ, которые, не зная ничего изъ писаннаго Шевыревымъ, продолжали ругать его (какъ и меня) только вслѣдствіе тѣхъ началъ, которыхъ онъ былъ послѣдователемъ, проповѣдникомъ и защитникомъ, а ихъ лжепророки противниками. Трудami Шевырева по части исторіи древней словесности воспользовались многіе изъ новыхъ дѣятелей, но въ угоду этому расположенію, объявшему и заглушившему всѣ прочія, они умалчивали о своемъ источникѣ и подъ шумокъ обкрадывали его.

Въ 1844 году Шевыревъ прочелъ публичный курсъ, составленный изъ 33 лекцій, объ исторіи русской словесности, преимущественно древней. Избранное Московское общество неумышленно собиралось его слушать, ученые и неученые. Дворъ университета бывалъ заставленъ каретами. Лекціи производили большое впечатлѣніе. Шевыревъ возбуждалъ вниманіе и участіе къ трудамъ такихъ древнихъ дѣятелей, которые были почти неизвѣстны высшей публикѣ, къ трудамъ Кирилла и Меодія, Нестора, Феодосія, Кирилла Туровскаго. Онъ умѣлъ выбрать, разумѣется, любопытныя черты. Курсъ Грановскаго, имѣвшій свои достоинства и свою партію, нисколько не помѣшалъ его уснѣхамъ, не смотря на старанія противниковъ. Слушатели дали Шевыреву

торжественный обѣдъ въ залѣ художественнаго класса. Въ рѣчахъ оцѣнены его заслуги. Въ 1846 году Шевыревъ прочелъ другой курсъ объ исторіи всеобщей поэзіи. Не обошлось и безъ непріятностей. Такъ былъ на него доносъ за прочтеніе одного мѣста изъ письма Карамзина къ Дмитріеву о Петербургѣ, вслѣдствіе котораго министръ Уваровъ, всегда уважавшій и цѣнившій Шевырева, совѣтовалъ ему чрезъ графа Протасова быть осторожнѣе.

Въ 1847 году на вакаціи Шевыревъ посѣтилъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, осматривалъ тамошнюю бібліотеку и нашелъ въ ней нѣсколько драгоцѣнныхъ неизвѣстныхъ дотолѣ памятниковъ. Изъ нихъ такъ-называемый Паисіевскій сборникъ сдѣлался предметомъ многостороннихъ ученыхъ изслѣдованій и подалъ поводъ къ важнымъ заключеніямъ (Описаніе этой поѣздки, съ приложеніемъ 25-ти литографированныхъ рисунковъ, вышло въ началѣ 1850 года).

Въ 1847 году, по отбытіи Давыдова въ Петербургъ, Шевыревъ остался старшимъ профессоромъ русской словесности и опредѣленъ деканомъ историко-филологическаго факультета. Отсюда начинаются его непріятности по службѣ и между товарищами. Начальство — это была не его сфера. Его сфера были кабинетъ, аудиторія, письменный столъ, лекціи, изслѣдованія, сочиненія. Съ возбужденными всегда нервами вслѣдствіе усиленныхъ и разнообразныхъ занятій, онъ дѣлался, можетъ-быть, иногда непріятнымъ или даже тяжелымъ, вслѣдствіе своей въскательности, требовательности, запальчивости и невоздержности на языкъ.

Молодежь, вмѣсто снисхожденія и пощады, отвѣчала ему своею требовательностью и въскательностью. Столкновенія дѣлались чаще и чаще. Начальство принимало его сторону, чѣмъ еще больше раздражались противники и наверстывали свои неудачи, постоянно дразня его, какъ бы по рецепту. Безпрерывныя досады дѣйствовали отрицательно на характеръ, а между тѣмъ занятія увеличивались. Лекціи, статьи, чтеніе студенческихъ упражненій, чтеніе магистерскихъ диссертаций, деканскія хлопоты, наконецъ новый предметъ, взятый имъ также совершенно некстати, педагогія, содержали духъ его въ безпрерывномъ напряженіи. Противники не выбрали Шевырева деканомъ въ 1851, кажется, году, а выбрали Грановскаго. Министръ не утвердилъ выбора, и попечитель по своимъ причинамъ просилъ Шевырева принять опять эту тяжелую обязанность. Шевыревъ имѣлъ неосторожность согласиться къ совершенному неудовольствію почти всего факультета. Смѣю сказать, что я предвидѣлъ нехорошія слѣдствія и всѣми силами старался предупредить ихъ.

часть склн, отд. 2.

рался отговорить Шевырева отъ деканства, забралъ справки во время своего путешествія въ 1852 году, чего будетъ стоить жить Шевыреву съ семействомъ въ Гейдельбергѣ, и писалъ ему оттуда, зова въ отпускъ на годъ или на два. Надо отдать честь Грановскому, что онъ не принималъ, кажется, дѣйствительнаго участія въ факультетскомъ походѣ на Шевырева, а развѣ страдательное, по слабости своего характера.

Между тѣмъ приближалось время университетскаго столѣтняго юбилей. Надо было торжествовать его достойно великаго учрежденія, и всѣ заботы были возложены попечителемъ на Шевырева. Шевыревъ одинъ вынесъ юбилей на своихъ плечахъ, работая, какъ волъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ. Онъ написалъ исторію университета и нѣсколько біографій профессоровъ, издалъ біографическій словарь, драгоценнѣйшее пособіе, рѣчь для торжественнаго акта, стихи. При такихъ трудахъ лекціи между тѣмъ и деканскія занятія продолжались; разумѣется, къ нему иногда приступа не было. Довольно, если я для примѣра скажу, что онъ написалъ мнѣ такое бранное письмо за то, что я не доставилъ ему корректуры въ назначенный часъ, что я и не опомнился. Онъ попрекнулъ меня получасомъ пенсіей отъ университета, для котораго теперь будто бы я не хотѣлъ потрудиться. Если онъ такъ говорилъ со мною, зная лучше всѣхъ, въ какой степени я былъ всегда преданъ университету и исправенъ въ исполненіи всякихъ обязанностей, можно судить, что должны были выслушивать другіе за свою неисправность. Тогда же осенью открылся у него сильнѣйшій ревматизмъ: онъ долго не владѣлъ ни руками; ни ногами, но возбужденная дѣятельность не прерывалась.

Юбилей былъ отпразднованъ блистательно. Шевырева носили всѣ, кажется, на рукахъ, и голова у него, можетъ-быть, нѣсколько закружилась при напряженіи нервовъ. Шевыревъ ѣздилъ въ Петербургъ въ депутаціи университета для принесенія благодарности Государю Императору. Успѣхи его возбуждали зависть...

Слѣдующее лѣто провелъ онъ въ своей подмосковной деревнѣ, не задолго предъ тѣмъ купленной, и какъ будто поправился въ своемъ здоровьѣ. Пребываніе его въ деревнѣ имѣло доброе вліяніе на крестьянъ. Онъ пріучалъ ихъ ходить чаще въ церковь, оказывать уваженіе къ духовенству, лѣчилъ, покоилъ, приглашалъ къ себѣ обѣдать священника и его жену; устраивалъ праздники, обращалъ вниманіе на дѣтей. Крестьяне приходили къ нему за совѣтами, жили на его харчахъ, и слава о ласковомъ баринѣ разошлась далеко.

Между тѣмъ противорѣчія продолжались еще съ большею силою.

Тогда случилась несчастная встрѣча.... Горестно вспоминать о ней. Шевыревъ поплатился за свою слишкомъ горячую любовь къ отечеству.... Не кому было за него заступиться: не было въ живыхъ ни Уварова, ни Протасова, ни князя Д. В. Голицына. Ссора Шевырева была представлена не такъ, какъ бы слѣдовало. Шевыреву назначено было жить въ Ярославлѣ. Я утѣшалъ его, стараясь сколько-нибудь разсвѣять его, что онъ будетъ имѣть случай написать въ pendant къ слову Даниила Заточника Слово Стефана Заточника. Какова была мысль подниматься съ семействомъ на житье въ Ярославль, — чрезъ годъ послѣ университетскаго юбилея съ высоты своей славы! Онъ получилъ вскорѣ разрѣшеніе остаться въ Москвѣ вслѣдствіе болѣзни; но ударъ былъ нанесенъ прямо въ сердце, и уже тогда должно было бояться за жизнь его. Шевыревъ, утѣшаемый друзьями, однакожь перемогался и принялся за продолженіе своего курса. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ въ бібліотекахъ, Синодальной и Волоколамской, работая надъ рукописями. Онъ издалъ 3-ю часть своей Исторіи русской словесности въ 1858 году, а потомъ въ 1860 и 4-ю: Предисловіе онъ заключилъ слѣдующими словами, къ которымъ подалъ поводъ возникшій тогда вопросъ объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ:

„Катитесь во всѣ стороны нашего любезнаго отечества, пути желѣзные, пароходы крыматые, и соединяйте въ одно живое, гибкое и стройное тѣло всѣ дремлющіе члены великаго Русскаго исполина! Разрабатывай, Россія, богатства, данныя тебѣ Богомъ въ твоей неисчерпаемой и разнообразной природѣ, развертывай и высвобождай всѣ свои личныя силы человѣческія для великаго труда надъ нею! Но помни, что неизмѣримая духовная сила твоя заготовлена еще предками въ древней твоей жизни, вѣрь въ нее, храни ее, какъ зѣницу ока, и во всѣхъ твоихъ новыхъ дѣйствіяхъ призывай ее на помощь, потому что безъ нея никакая сила твоя не прочна, никакое дѣло не состоятельно, и полная всецѣлая жизнь всего Русскаго народа и каждаго человѣка отдѣльно невозможна“.

Противники, разсыпавшіеся по нашимъ газетамъ и журналамъ, безъ малѣйшаго вниманія къ заслугамъ, старались при всякомъ случаѣ задѣвать и ругать Шевырева. Третій и четвертый томы приняты были съ бранью. Онъ не слышалъ ни одного добраго слова. Самолюбіе его страдало. Имѣвъ прежде одинъ изъ первыхъ голосовъ, онъ увидѣлъ себя теперь пренебрегаемымъ и забываемымъ. Даже заступаться за него никому было нельзя, чтобы не подать повода къ новымъ ругательнымъ выходкамъ. Имя Шевырева, какъ и мое, стояло въ спискѣ противной партіи, и она не пропускала ни одного случая, чтобы не осипать насъ, и бранью, и клеветою, по старой памяти. По наружности

онъ какъ будто былъ еще крѣпокъ, но внутри завелся червь, который и подтачивалъ ему жизнь. Тогда онъ рѣшился уѣхать въ чужіе края, въ любезную ему Италію, чтобы пожить нѣсколько времени на свободѣ, не слышать этого противной брани, не видать этихъ противныхъ ему фигуръ. Мы обрадовались этому рѣшенію, видя въ немъ единственное средство спасенія.

Друзья и почитатели хотѣли дать ему прощальный обѣдъ у меня въ домѣ, въ залѣ русскихъ писателей, но онъ долженъ былъ отказаться за недостаткомъ времени, и не могъ получить на дорогу этого утешенія. 25-го сентября 1860 года оставилъ онъ Москву. До Серпуховской заставы проводилъ я его, и на прощаньи поманилъ его изданіемъ журнала или газеты. Шевыревъ былъ очень разстроены, и я, смотря на него съ прискорбіемъ, былъ увѣренъ, что онъ не поправится и что я не увижу его болѣе.

Предложу отрывки изъ его писемъ; въ нихъ яснѣе и вѣрнѣе обозначится и состояніе его духа, и его занятія.

Изъ *Варшавы* онъ писалъ ко мнѣ отъ 7-го октября:

„Отъѣздъ нашъ изъ Москвы, не смотря на грусть разлуки, открылъ мнѣ много сладкаго и уже тѣмъ освѣтилъ мою душу, нѣсколько разочарованную жизнію... Много думалъ я о газетѣ — послѣдней мысли и послѣднемъ словѣ, на которыхъ мы разстались. Слѣдовало бы назвать ее *Будильникомъ*, но испугаться пожалуй. Хорошо было бы также имя *Московского Хронометра*, или *Часомътра*, но покажется высканнимъ, а мысль газеты оно бы хорошо выражало. Намъ надобно не столько гоняться за временемъ, сколько повѣрять время, и указывать на него вѣрнѣйшимъ образомъ...

„Труды Линде остались безъ всякаго вниманія со стороны правительства и академіи. Микуцкій работаетъ неутомимо надъ литовскимъ языкомъ“.

Въ *Вильнѣ* Шевыревъ пораженъ былъ извѣстіемъ о кончинѣ *Хомякова*.

„... Что это за горе, что за потеря, милый другъ М. П.! Неужели Хомякова нѣтъ уже между нами? Не вспомнилъ я, какъ сказала мнѣ это М. О. Раевскій, думая, что я это знаю. Вдругъ, какъ громъ, разразилась надо мною эта ужасная вѣсть. Тутъ же увидѣлся я съ И. С. Аксаковымъ. Отъ Константина это скрываютъ. Братъ ждетъ черезъ три дня письма отъ своихъ, въ которомъ они должны писать объ опасной болѣзни Хомякова. Завтра мы слушаемъ заупокойную обѣдню и панихиду по нашемъ незабвенномъ другѣ. Думалъ ли я, отъѣзжая 25-го сент. изъ Москвы, что уже нѣтъ его на свѣтѣ. Думалъ ли, что въ Вильнѣ буду поминать его. Такъ грустно, такъ тяжело, что и сказать нельзя. Вечеръ провелъ у Аксаковыхъ: Константинъ ничего не предполагаетъ. Онъ похуѣлъ.

„Соберите о Хомяковѣ все, все, все, съ чѣмъ только соединена его память. Да и не будьте такъ равнодушны. Вѣдь, право, стыдно. Умеръ Кирѣевскій уже 4 года, и до сихъ поръ не изданы его сочиненія. Вѣдь это намъ

непростительно. Двигай всѣхъ, буди всѣхъ, торони всѣхъ. Пусть Хомяковъ никогда не умираетъ и всегда будетъ съ нами своею жизнью, умомъ, сердцемъ, словомъ. Какая спокойная кончина, какъ всякое слово значительно!

„А дѣти его, дѣти! При мысли о нихъ сердце надрывается, и слезы текутъ изъ глазъ! Окружите сиротъ, займитесь ихъ воспитаніемъ. Составьте совѣтъ — Свербѣева, Кошелева, ты, Кошелевъ, Гиляровъ. Учредите — вы, мужчины, чередной надзоръ за ученіемъ, а жены пускай опредѣляютъ часы въ недѣлѣ постоянного посѣщенія, по воскресеньямъ же и праздникамъ поочередно ѣздить съ ними въ церковь. Кто будетъ опекуномъ, увѣдомь. Господи, Господи, видно, мы безъ числа согрѣшили. Лучшіе между нами отходятъ. Ихъ беретъ всѣхъ Господь. Обними всѣхъ остающихся“.

На венеціанской границѣ доставили Шевыреву большое удовольствіе кондукторы, которые, узнавъ, что онъ Русскій, и услышавъ его говорящаго по италіански, какъ на своемъ природномъ языкѣ, окружили его, предложили свои услуги и всячески старались выразить ему свое удовольствіе.

Изъ *Венеціи*, отъ 18-го октября, онъ писалъ:

„Нынѣ мнѣ стукнуло ровно 54 года. Въ этотъ день не могу не сказать тебѣ хоть слово. Изъ Вѣны я писалъ къ тебѣ. Тамъ все было мрачно. Смерть Хомякова тьмою покрыла душу. Нужна была Италія съ ея небомъ, чтобы прояснить ея тучи. А все грустно, грустно, какъ обо всѣхъ васъ вспомню, какъ мы всѣ безъ него осиротѣли.

„К. С. (Аксакова) я нашелъ лучше. Онъ сталъ спокойнѣе. Я звалъ его съ собою во Флоренцію, но онъ упрямится и хочетъ непременно на зиму ѣхать въ Москву“.

Изъ *Флоренціи*. 1860, ноября 6-го: .

„Благодарю тебя за письмо, въ которомъ ты описалъ мнѣ кончину и погребеніе Хомякова. Оно растравило во мнѣ святую нашу рану. Такъ грустно, что и сказать нельзя, какъ подумаешь, что его нѣтъ уже съ нами. 15-го окт., въ тотъ самый день, какъ вы его хоронили, мы съ семейю въ Вѣнѣ служили заупокойную обѣдню и панихиду. Отправлялъ ихъ М. Ѡ. Раевскій. Утѣшительно думать, что молитвами въ этотъ день мы были вмѣстѣ.

„.... Въ Миланѣ я близко видѣлъ жизнь народа, который возрождается и оживаетъ¹⁾. Въ Туринѣ пахнуло на насъ снѣгомъ и холодомъ родины. Въ Генуѣ провели мы два блаженныхъ дня: чудное море, небо, видла Паллавичини, Арминдинъ садъ, вилла Доріа, вилла Розасъ, весна, зелень, цвѣты, прелесть. Я оживалъ и отдыхалъ отъ всего. Море прекрасно доставило насъ въ Ливорно. У моря погода лучше, но внутри Италіи хуже. Завтра или даже сегодня, воротясь отъ обѣдни, я примусь за путевыя впечатлѣнія

¹⁾ Въ Миланѣ было получено тогда извѣстіе о присоединеніи Неаполя. Шевыревъ останавливался на главной улицѣ Corso, и продавцы телеграфическихъ депешъ рано разбудили его своимъ крикомъ. Улица вскорѣ наполнилась народомъ, и на всѣхъ лицахъ написана была радость. Изъ оконъ вездѣ показались тотчасъ трехцвѣтныя знамена.

отъ Москвы до Флоренціи, и черезъ недѣлю надѣюсь къ тебѣ переслать ихъ. Зачѣмъ газету назвали *Еженедѣльникомъ*? Это имя не выражаетъ никакой мысли. *Миніе* — *Вирочъ* — *Дума* — *Московская Община* — *Совопросникъ* — и мало ли что можно придумать? Пожалуйста перемѣните. Имя важное дѣло. Имя пренебрегать нельзя. Зачѣмъ возобновлять *Москвитянина*? Отчего не новый журналъ? Раздѣли свою дѣятельность журнальную на 3 періода: 1) *Московскій Выстникъ*, 2) *Москвитянинъ*, и 3) начини новымъ журналомъ. Пожертвуй самолюбіемъ пользѣ общей и дѣлу. Трудно воскресить умершее. Трудно возбудить довѣріе къ тому, что его потеряло. *Москвитянинъ* затруднитъ подписчиковъ.

„Начиная съ Милана, я успѣлъ уже познакомиться съ италіанскими газетами. Дѣльное, зрѣлое, обдуманное слово — не нашему чета. Нѣтъ ничего дохожаго на нашу болтовню и на наши слезги... Въ числѣ газетъ я видѣлъ у Весе и *Колоколъ*. Какъ отличается онъ... между западными европейскими журналами, и какъ отдѣляется отъ спокойныхъ, благородныхъ, истинно свободныхъ италіанскихъ. Такъ и видишь русскаго кнутобая... Нѣтъ, не совершится наше возрожденіе такими средствами. Кнутъ, хотя изъ слова свитый, все тотъ же кнутъ — и еще хуже и гаже, а у насъ теперь имъ только и помахиваютъ газеты и журналы на всю Россію. Вотъ что надобно отразить и обличить, и обличить всего болѣе своимъ собственнымъ духомъ и образомъ дѣйствій. Я объ этомъ напишу письмо къ тебѣ для журнала.

„Не могу еще совершенно убѣдиться въ томъ, что я уже въ Италіи, и что мы водворились во Флоренціи. Все мнѣ это еще кажется сномъ. Еще не могу взглянуть въ новую Италію. Народъ мнѣ кажется живѣе, веселѣе, умнѣе. Венеція вся покрыта трауромъ и грустью, но въ ней все пророчитъ свободу и жаждетъ ея. Всѣ другіе города посылаютъ ей привѣты, утѣшенія, надежду — въ статьяхъ газетныхъ, въ операхъ, драмахъ на театрѣ, въ выраженіяхъ народнаго мнѣнія посредствомъ депутацій, адресовъ, рѣчей, прокламацій. Миланъ веселится, какъ юноша, вырвавшійся изъ австрійской школы, только и занятъ что чтеніемъ газетъ и депешъ. Я видѣлъ его ослѣпшаго, ликующаго, шумнаго, поющаго. Туринъ строитъ новую палату депутатовъ въ 600 мѣстъ (прежняя была въ 300), но уже чувствуетъ, что сходитъ со сцены. Глаза всѣхъ устремлены на Римъ, какъ столицу новой соединенной Италіи. Всѣ внемлютъ голосу исторіи, и семихолмной столицѣ древняго міра отдають перенество. Чуденъ Гарибальди на своемъ новомъ пьедесталѣ, на островѣ Капрера. Его послѣднее слово воинамъ передъ разлукой прелесть. Я переведу его все въ своихъ Путевыхъ впечатлѣніяхъ.

„Генуя — радость и веселіе сравнительно съ Венеціей. Какъ цвѣтутъ и зеленѣютъ виллы! Какъ благозвонны и красивы храмы! Какъ блестятъ дворцы! Тоскана спокойна и благоразумна, въ ней нѣтъ восторговъ и издѣлствъ. Флоренція мудростію успокоиваетъ чувство свободы. Но и она уже переименовала Piazza Ducale въ Piazza della Signoria и въ будущемъ назначаетъ этой площади названіе площади Данта и объявила подписку на всенародное изданіе его твореній, такъ какъ идея политическаго единства Италіи принадлежитъ великому поэту. Деньги пойдутъ на сооруженіе памятника съ славному изгнаннику и каждые пять лѣтъ будутъ совершаться литературные праздники, въ память dell'altissimo poeta (не во гнѣвъ покойному Бѣлинскому,

который не признавалъ въ Даше поэта, по свидѣтельству г. Панаева, издателя *Современника* (см. 1-ю его книжку“).

Изъ Флоренціи, отъ декабря 5/17:

„Посылаю тебѣ для газетъ еженедѣльныхъ или для *Москвитинки* мои путевыя впечатлѣнія отъ Москвы до Флоренціи. 7 листовъ посылаемыхъ содержать первую половину до Венеціи включительно. За ними скоро послѣдуютъ Миланъ, Туринъ, Генуя, Ливорно, Флоренція. Я здѣсь совершенно въ своемъ элементѣ. Познакомился со многими политическими и учеными дѣятелями. Риказоли принялъ меня прекрасно, и освободилъ мои книги отъ Ливорнской пошлины. Вотъ образецъ генералъ-губернаторовъ. Съ 8 часовъ утра до 9 вечера онъ служитъ постоянно народу, позволяя себѣ только прогулку верхомъ въ теченіе дня. Онъ далъ мнѣ письмо къ маркису Ридольфи, бывшему министру народнаго просвѣщенія и открывавшему университеты Пизы и Сіены. Ридольфи ввелъ меня въ субботніе вечера Вьессѣ, гдѣ сходятся всѣ замѣчательные Тосканцы и путешественники, живущіе во Флоренціи. Къ числу литературныхъ пріобрѣтеній принадлежитъ знакомство мое съ Томмазо (Томашичемъ). Всѣ восхищаются моимъ италіанскимъ языкомъ. Я всѣхъ приношу въ изумленіе. Италіанская литература удивительно выросла съ тѣхъ поръ, какъ я не былъ въ Италіи. Я очень отъ нея отсталъ. Надобно догонять. Много нужно времени. У насъ ничего о ней не знаютъ. А между тѣмъ этой литературѣ Италія обязана всѣмъ своимъ современнымъ политическимъ развитіемъ. Здѣсь открываются курсы для публики, учрежденныя на иждивеніи правительства. Профессоръ Раналли открылъ курсъ исторіи италіанской словесности. Лекція живая, исполненная силы, связанная со всѣми современными вопросами, но читанная по тетради. Ни одинъ не импровизируетъ. Джуліани объясняетъ Данта. У него не успѣлъ еще быть. Прекрасна лекція Чентофанти, которою открытъ былъ университетъ Пизы. Любо видѣть возрожденіе Италіи. Все совершается съ изумительнымъ благоразуміемъ. Образованное духовенство, не папское, стоитъ также въ передовыхъ людяхъ. Никакихъ идей социалистическихъ, все чисто и свято. Религія христіанская одушевляетъ всѣхъ. Семейство уважаемо и освящено. Монархическое, но конституціонное начало признано всѣми. Французамъ возвращается свобода по примѣру Италіи, но жаль, что откололи отъ нея Ниццу, родину Гарibaldi“.

Шевыревъ познакомился со многими умными и учеными Англичанами, Французами, Греками, Италіанцами, Испанцами, — также съ профессорами: Далл' Онгаро (Dall' Ongaro), ревностнымъ патриотомъ, и посѣщалъ его музыкальные вечера; Виллари (Villari), написавшимъ исторію Савонаролы; Турдомъ (Thourd), директоромъ одной изъ лучшихъ школъ для мальчиковъ простаго званія, провелъ у него одно утро въ наблюденіи занятій, и собралъ у Турда разныя свѣдѣнія насчетъ народныхъ школъ, надѣясь въ послѣдствіи передать ихъ въ Россіи. Шевырева распрашивали съ любопытствомъ о Россіи, а онъ съ радостію сообщалъ Италіанцамъ всякія свѣдѣнія, всегда высоко говоря о своей отчизнѣ и внушая иностранцамъ уваженіе къ ней.

Новые его знакомые скоро съ нимъ сближались; его ученость, обширныя познанія и радушіе всѣхъ къ нему привлекали.

Отъ декабря 31:

„... Теперь въ политикѣ застои. Наполеонъ надуваетъ Италіанцевъ. Ему смерть не хочется единства Италіи. Онъ предлагалъ только федерацію, но вызвалъ духа и испугался. Тьеръ говоритъ, что единство Италіи—или карточный домикъ, игрушки дѣтей, или страшное чудовище, если перейдетъ въ дѣйствительность. Ламартинъ тоже предлагаетъ Италіанцамъ федерацію вмѣсто единства, которое, по словамъ его, умертвить жизнь Италіи. Экс-король въ Гаэтѣ окруженъ артиллерістами Французами. Французамъ хотѣлось бы распилить Италію на двое. Флотъ до сихъ поръ изъ Гаеты не вышелъ. Наполеонъ протяпетъ дѣло до весны, пока вспыхнетъ на сѣверѣ война съ Австріей, а тамъ надѣются на реакцію. Франція боится потерять первенство надъ государствами романскими, если допустить соединеніе Италіи.

„Въ *Le Nord* я давно уже читалъ о намѣреніи Саратовскаго дворянства основать въ городѣ университетъ. Что бы родняѣ моей пригласить меня устроить это дѣло и дать мнѣ мѣсто ректора и профессора русской словесности. Я бы воспользовался моимъ заграничнымъ пребываніемъ, чтобы приготовить имъ матеріалы, нужные для образованія университета, и потомъ возвратиться бы прямо на берега родной Волги. Я радъ бы былъ заключить свою жизнь устроеніемъ такого важнаго дѣла“.

Января 27, ст. ст. 1861:

„Мнѣ хотѣлось бы заняться отчетомъ о той италіанской литературѣ, которою въ послѣдніе 30 лѣтъ приготовлено возрожденіе Италіи. Книга объ этомъ была бы ко времени. Матеріалы всѣ у меня подъ рукою.

„Я хотѣлъ ѣхать въ Парижъ прочесть курсъ исторіи русской словесности для Русскихъ. Гр. Киселевъ, котораго я видѣлъ, обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе. Писалъ я отсюда о томъ же къ Васильеву. Долго не было отвѣта, но вчера полученъ. Онъ очень радъ моему намѣренію и нашелъ Русскихъ, ему сочувствующихъ. Но пока не было отвѣта, Русскіе, находящіеся здѣсь, спросили меня: зачѣмъ бы мнѣ здѣсь того же не исполнить? Колонія соотчичей довольно велика. И я рѣшился. Къ тому же и денегъ нѣтъ ѣхать въ Парижъ. Банкиръ не шлетъ. Здѣсь мнѣ легче это сдѣлать, не разлучаясь съ семьей и съ книгами. Послѣ могу повторить то же и въ Парижѣ. Внутренно я нуждаюсь въ такой жизни, гдѣ дѣйствовать будутъ моя мысль и слово. А кромѣ того нужны и средства для жизни внѣшней. У меня въ мысли со временемъ курсъ исторіи Италіи, который я привезу въ Москву. Здѣсь окончены выборы. Кавуръ въ нихъ совершенно торжествуетъ. Партія министерская грѣшитъ, можетъ-быть, излишествомъ, потому что парламентская жизнь не можетъ быть безъ оппозиціи. Здѣсь выбраны все фамиліи патриціевъ — Риказоли, Перуцци, Джинори и 4-й — профессоръ Чиприани. Джинори имѣлъ соперника въ даровитомъ и краснорѣчивомъ профессорѣ Ванлучи, но побѣдилъ, потому что знатенъ, богатъ и кормитъ хорошо избирателей...

„Намѣренія парламента будутъ мирныя, какъ у Кавура. Освобожденіе Венеціи удалется. Ламармора дѣйствуетъ съ успѣхомъ въ Пруссіи. Германія будетъ спокойна; но успокоится ли Италія? Разрѣшить вопросъ римскій всегдѣ

труднѣе. Я предлагаю возвратиться къ нашей церкви. Безъ этого Италіанцы не разрѣшатъ вопроса и не удовлетворятъ религіозному требованію души народной. Народъ здѣсь религіозенъ. Тосканцы, въ великую субботу, подъ звонъ колоколовъ полудня, празднующаго воскресеніе Христова, сѣютъ цвѣты, чтобы лучше уродились, а матери заставляютъ младенцевъ ходить подъ эти звуки, чтобы лучше ходили и росли. Въ законѣ народномъ, какъ видно изъ его обычаяевъ, религія—стихія, безъ которой онъ не можетъ жить, какъ безъ нравственнаго воздуха. Дайте мнѣ газету или журналъ для печатанія моихъ статей объ Италіи. Безъ этого не пишется, или будетъ писаться книга“.

Февраля 20, получивъ извѣстіе телеграммой объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, Шевыревъ написалъ стихи, которые тотчасъ и послалъ ко мнѣ для прочтенія въ собраніи Общества любителей русской словесности. Приведу окончаніе:

Вездѣ цвѣтетъ она, свобода — Божій плодъ,
Вездѣ зоветъ на пиръ счастливые народы.
Ударилъ русскій часъ, пришелъ и нашъ чередъ,
Пора и намъ вкусить божественной свободы.

Безъ милой вольности и мысли крыльевъ нѣтъ,
Мертва и красота, коль духомъ не свободна,
Затворенъ къ истинѣ вѣками тертый слѣдъ,
И къ высшимъ небесамъ молитва не доходитъ.

Слетѣлъ ли ангелъ къ намъ съ лазоревыхъ высотъ,
И совершилось ли ожидаемое нынѣ,
Повѣяло ль съ небесъ отрадою въ народъ?
Тепла о томъ была молитва на чужбинѣ.

Въ февралѣ и мартѣ 1861 года Шевыревъ читалъ курсъ исторіи русской словесности въ 12 лекціяхъ. Утромъ уходилъ онъ въ садъ Boboli или за городъ въ Cascino и тамъ, прогуливаясь, составлялъ въ головѣ лекцію, никогда ничего не записывая: рѣчь его текла свободно, краснорѣчиво и стройно.

2-го іюня (н. с.) Шевыревъ видѣлъ праздникъ въ память освобожденія Италіи.

Отъ апрѣля 19 онъ прислалъ другіе стихи:

Откликъ.

Благая вѣсть! Исчезла крѣпость,
И цѣпи разомъ порваны;
Смолкаетъ гулъ ихъ, какъ нелѣпость
Давно отжившей старины.
Вольнѣ дышется — пріятно!
Отраднѣй смотришь на людей,
И вѣетъ воздухъ благодатной
Съ далекихъ родины полей.

О. сколько дружныхъ лицевавій
 Несется къ намъ съ ея концовъ!
 Какъ весель звукъ такихъ лобзаній,
 Возвышенъ смыслъ такихъ цировъ!
 Намъ давъ изъ царственныхъ объятій
 Залогъ основной въ добрый часъ
 Въ свободѣ меньшихъ нашихъ братій
 Свободѣ каждаго изъ насъ.

Духъ Божій носится надъ нами,
 Какъ древле грѣлъ онъ бездну водъ,
 Горя небесными огнями,
 Народы къ жизни онъ зоветъ.
 Цари, вашъ первый другъ свобода;
 Вамъ нѣтъ союзниковъ вѣрнѣй
 Свободы вашего народа
 И просвѣщенія людей.

„Гуляю по холмамъ около Флоренціи и люблюсь этимъ сближеніемъ неба и земли, которымъ объясняется мнѣ здѣсь рожденіе италіанской поэзіи, какъ въ древней Греціи. Роятся мысли — и можетъ-быть, выйдетъ что-нибудь новое. Съ возвращеніемъ весеннихъ дней пересматриваю всѣ памятники искусствъ. Весело и тепло сердцу...

„Передовые герои италіанскаго міра всѣ было перессорились, но скоро помирились къ общей радости всѣхъ патріотовъ Италіи. Болитъ сердце за польскія дѣла. О, тебѣ много дѣла! Да когда же пойдутъ на встрѣчу исторіи? Пора не подбивать ее пинками и стоять къ ней лицомъ, а не спиной. Славянскія племена на очереди. Ихъ вести намъ, а не кому другому. Напрасно ты не напечаталъ давно моихъ Путевыхъ впечатлѣній изъ Варшавы. Въ нихъ многое предчувствовалось. Такого рода статьи освѣщаютъ мысли. Грустно, тяжело подумать, что мы въ такую минуту безъ голоса, безъ газеты. Сколько мыслей пропадаетъ. 15 лекцій прочтено устно. Все содержаніе записано. Положу на бумагу въ Спеціи, куда хочется на лѣто“.

Въ іюнѣ онъ поѣхалъ въ Спецію пользоваться морскими ваннами. Въ Специи получено было роковое для Италіи извѣстіе о смерти Кавура. Въ іюнѣ же изъ Спеціи Шевыревъ ѣздилъ въ Геную и Туринъ по великолѣпной дорогѣ, идущей по берегу моря. Онъ хотѣлъ встрѣтить одну нашу общую знакомую (Ольгу Федоровну Кошелеву), которой судьба предназначала усладить нѣсколько часовъ въ жизни страдальца:

„Съ О. Ф. К. мы развѣхались, писалъ онъ ко мнѣ изъ Спеціи отъ 8-го августа: она перемѣнила свой маршрутъ. Вмѣсто Монъ-Сени и Турина, какъ предполагала, она поѣхала на Сень-Готаръ и Лаго-Маджіоре. Я не сожалѣю о своей поѣздкѣ, потому что мнѣ хотѣлось увидѣть дорогу отсюда до Генуи (что одно изъ чудесъ италіанской природы), возобновить туринскія впечатлѣнія, сдѣлать нѣсколько интересныхъ знакомствъ, повидаться съ Рика-

зели, побывать на могилѣ Кавура. Все, что я успѣлъ сдѣлать, я разкажу въ своихъ впечатлѣніяхъ.

„.... Жара мѣшаетъ работать. Итальянцы разунились дома строить противъ жару. Въ нихъ теперь страданіе. Въ политикѣ застой. Разговоръ мой съ Риказоли былъ очень интересенъ“.

Риказоли прелюбезно принялъ Шевьрева, и откровенно говорилъ съ нимъ о дѣлахъ Италіи въ отношеніи къ Франціи. Онъ сказалъ Шевьреву: „Tant que je serai ministre, je ne céderai à la France pas un pouce du territoire Italien“.

Въ Туринѣ Шевьревъ простудился, напившись въ жаръ воды со льдомъ. Простуда пала на ослабленный правый бокъ. Климатъ Италіи поддерживалъ его, боль въ боку не была еще постоянною, какъ сдѣдалась въ Парижѣ, но мучила его часто.

„Хоть бы ты сказалъ что-нибудь поподробнѣе о нашей литературѣ. Экой скупой на слова! Мнѣ какъ-то совѣстно оставить бѣлою полстраннички даромъ. Читалъ ли ты борьбу Васильева съ епископомъ Навтскимъ? Она вся напечатана въ *Le Nord*. Я продолжаю морское купанье. Оно меня сначала утомяло, а теперь хорошо. Въ сентябрѣ здѣсь начнутъ строить арсеналь, на что парламентъ опредѣлилъ 36 мил. фр. Мысль Наполеона I исполняется, и Спеція будетъ первою морскою гаванью Италіи. Чему помѣшали Англичане, то совершила освобожденная Италія. Но какъ рѣшится вопросъ римскій, неизвѣстно. Риказоли говоритъ: „Придетъ пора, je sonnerai le tocsin“. Францискъ II дѣлаетъ заемъ въ 26 мил., и ему вѣрять. Французы за него. Наполеонъ пустился въ дружбу съ Швеціей и Пруссіей. Италія должна довершить дѣло свое одна. Хоть трудно, а надо. Выставки промышленности—славное дѣло. Это въ пору“...

Возвратившись изъ Спеціи во Флоренцію, Шевьревъ присутствовалъ при блистательномъ открытіи Флорентійской выставки, посѣщалъ и изучалъ ее во всѣхъ отрасляхъ и давалъ отчетъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Въ ноябрѣ онъ занялся приготовленіемъ къ печати книги своей *Storia della letteratura russa*, которую еще въ Москвѣ продаятовалъ Рубини. Ему хотѣлось ознакомить Итальянцевъ съ нашею словесностью, и онъ написалъ эту книгу съ точки зрѣнія, для нихъ любознательной. Познакомясь съ итальянскимъ ученымъ, слѣпцомъ Томмазо, онъ прочелъ ему нѣкоторыя мѣста изъ своей книги, въ особенности о Пушкинѣ. Томмазо былъ въ восхищеніи и расхвалилъ итальянскій слогъ Шевьрева. Въ январѣ 1862 года книга была напечатана издателемъ Лемоннье (Lemonnier).

Октября 22-го, Флоренція:

„Что за уныніе овладѣло тобою? Какъ это быть могло? Ты ли, съ твоєю энергіей, раздраженъ и бѣжишь въ лѣса Муромскіе, въ колыбель Ильи богатыря, чтобы тамъ поискать силы и крѣпости для борьбы за матушку Русь

съ Соловьями разбойниками и съ Кіевскими обжорливыми идолицемъ, и со всѣми черноокнижниками, одолѣвшими нестоимое зеро твое и Россію? Добрый путь тебѣ — но чурь, чтобы зимою была готова Русская Исторія, чтобы посылаъ томъ писемъ о Россіи, чтобы собраны были въ одно всѣ твои политическія сочиненія, и чтобы все это тиснули стажки Липецкіе, чтобы все это превратилось въ настоящій листъ для русскихъ читателей. Смотри же. Тебѣ ли горевать? Тебѣ ли понурить голову?

„На Муромъ я еще согласенъ вслѣдъ за Ильею, но въ Сибирь, за Ермакомъ Тимофеевичемъ, нѣтъ—не слѣдъ тебѣ, не дорога. Какъ тебѣ, европейскому человѣку, въ Азію, Помилуй! Господь съ тобою. Изъ Мурома махни однимъ скокомъ въ Липецъ, а тамъ къ намъ во Флоренцію. Къ марту, вѣроятно, и здѣсь дѣла разыграются. Начнется рѣшеніе венеціанскаго вопроса. Теперь, кажется, уже думаютъ приступить прежде къ Венеціи, а потомъ пристаться за Римъ.

„Здѣсь два теперь вопроса стоятъ: Римъ и Венеція. Предразсудки въ духовенствѣ такъ сильны, что оно никакъ не можетъ разстаться съ идеей папы, а папа безъ свѣтской власти невысказанъ. Возвратиться къ первоначальной церкви соборной они не умѣютъ: имъ она и на мысль не приходитъ. На это надоумить ихъ можемъ только мы. Франція держится своихъ историческихъ предразсудковъ и превращаетъ римскую церковь въ свой приходъ. Венеція будетъ италіанскою, когда Австрія разложится, а разложеніе это не можетъ послѣдовать безъ славянскаго вопроса. Этого Италіанцы не понимаютъ. Выставка убавкала ихъ на время и угонила политическіе вопросы, но когда она окончится, вопросы поднимутся вновь.

„У насъ, кромѣ крестьянскаго, два вопроса: университета и Польша. Поляки изо всѣхъ силъ бьются, чтобы оттереть насъ въ Азію. Мысль о двухъ мірахъ славянскихъ: европейскомъ и монгольско-азіатскомъ, они навязываютъ и здѣшнимъ журналамъ. Они стоятъ во главѣ европейскаго; мы, отатаренные, обречены рабству и деспотизму. Болѣе чѣмъ когда-нибудь слѣдуетъ теперь сознать намъ свое историческое значеніе и поднимать знамя высоко передъ Европой. А у насъ Богъ знаетъ что дѣлаютъ. — Объ университетахъ слѣдуетъ писать за границею. Плачевно состояніе нашего просвѣщенія.

„Въ декабрѣ я непременно ѣду въ Парижъ и открываю курсъ. Объ этомъ пока между нами. И силу, и вижу эту побѣдку. Потомъ примусь за двѣ книги: положу сказанныя лекціи на бумагу и напишу книгу объ Италіи. Не сдѣлавъ этого, не ворочусь въ Россію.

„Въ *Русскій Вѣстникъ* я пошлю статью о выставкѣ преимущественно въ художественномъ отношеніи.

„Италія немного задремала. Риказоли работаетъ внутри и собираетъ войско. Какъ все будетъ готово, она проснется. Франція за папу. Выставка ей не нравится. Она начинаетъ бояться Италіи.

„О, какъ бы положеніе наше было хорошо, если бы мы поняли его. Мы бы отбили у Франціи ея первенство. Двигать мысль національную болѣе чѣмъ когда-нибудь—время. Изготовляй богатирскія силы въ Муромѣ. Я коплю ихъ здѣсь, а подамъ голосъ изъ Парижа. Французы вѣрно будутъ ко мнѣ гостеприимны. Слово мое готово. Я не могу молчать. Обнимаю тебя и прошу: дрѣпись и бодрись“.

Отъ 8-го ноября 1861 года:

„Въ день Михаила Архангела поздравляю дорогаго именинника.... гдѣ ты теперь, въ Карачаровѣ или на Дѣвичьемъ полѣ? Не знаю, гдѣ воображать тебя. А у насъ день прекрасный для твоихъ именинъ. Солнце во все небо. Вѣетъ съ горъ Трамонтана родной вѣтеръ. Свѣжо, а не холодно. Отправляюсь на выставку. Теперь ея послѣдніе дни. 30-го ноября она закроется. Ты не повѣришь, какъ пріятно знакомиться съ возрожденною землею, гдѣ свобода народная является такою производительною, гдѣ художественный духъ народа, фантазія, вкусъ, изобрѣтательность являются въ безконечномъ различіи образовъ, отъ картины и статуи до вермишели и соломеннаго плетешка, предестной формы. Выставка италянская вся проникнута національнымъ характеромъ Итальянцевъ. Вотъ чего нѣтъ, къ сожалѣнію, на нашихъ.

Сердце болитъ за Россію, за наше просвѣщеніе, за университетъ, за студентовъ. Бѣднымъ людямъ запираются двери въ храмъ науки. Тѣни Ломоносова, Державина, Крылова, Мерзлякова, Крашенинникова и всей ученой братіи, чтѣ скажете вы? Какимъ трепетомъ содрогнетесь.... Довели до того, что усомнились въ необходимости университетовъ. Въ самомъ дѣлѣ такъ не можетъ идти наука. Погибаютъ цѣлыя поколѣнія въ тревогахъ и смятеніяхъ, и ученія нѣтъ. Еще на столѣтіе останетъ Россія отъ другихъ народовъ. Чтѣ это, чтѣ это?! Здѣсь напротивъ все, послѣ долговременнаго усыпленія, пробуждается, оживаетъ. Одно изобрѣтеніе погоняетъ другое. Выставка пробудила всѣ силы. Духъ мысли и труда вѣетъ по всѣмъ концамъ Италіи. Съ тѣхъ поръ, какъ открылась выставка, не перестаютъ присылать со всѣхъ сторонъ новыя опыты производительности всякаго рода. Но вопросы политическіе пова заснули. Заговаривать они, вѣроятно, по открытіи парламента. Ризазоли собирается, какъ слышно, предложить ему на рѣшеніе вопросы о Римѣ и Венеціи. Ратадци побывалъ въ Парижѣ передъ открытіемъ парламента, но чтѣ привезъ оттуда, неизвѣстно. Первое засѣданіе, вѣроятно, откроетъ эту тайну.

„Я все досматриваю выставку. Она знакомитъ меня съ народомъ Италіи. Въ трудѣ народномъ и въ пріемахъ этого труда видишь его духъ и воспитаніе. Три письма о выставкѣ, относительно земледѣлія, я послалъ Кошелеву, потому что Общ. Сельск. Хоз. назначило меня своимъ депутатомъ на выставкѣ. Я обязанъ былъ дать ему отчетъ въ земледѣльческой ея части. Въ прочихъ частяхъ я дамъ отчетъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

„Моя поѣздка въ Парижъ отсрочена по причинѣ болѣзни С. Б. Увижу, какъ пойдетъ ея здоровье, и тогда рѣшу, ѣхать или не ѣхать. Съѣздить очень хочется и прочесть курсъ. Въ Парижѣ дѣйствіе курса будетъ другое. У Французовъ, нечего сказать, благодаря ихъ общественной силѣ, всякая идея живѣе принимается. Читаешь ли ты *L'Union Chrétienne*? О. І. Васильевъ, раздѣлавшись съ епископомъ Нантскимъ, теперь ополчился на Гизо и дѣйствуетъ отличило-логически. А Гизо, на старости лѣтъ, совсѣмъ съ ума спятилъ. Протестантъ защищаетъ папу и святую власть его: верхъ неглѣпости! Вотъ наука, не понимая своихъ отношеній къ жизни.

„Вопросъ римскій не можетъ быть рѣшенъ безъ возвращенія къ первоначальной церкви. А гдѣ же она, если не у насъ, по крайней мѣрѣ въ дог-

матахъ, въ чистотѣ ученія, въ нашихъ пустыннокахъ, въ духѣ народной жизни. Здѣсь страшно они исказили все. Среди мебели разнаго рода стоитъ кукла Мадонны: выставилъ священникъ. Безобразно и богохульно! Это подало поводъ къ публичнымъ насмѣшкамъ одного юмориста. О книжкахъ аббата Пассалиа я, кажется, говорилъ тебѣ. Слухъ о нихъ скоро замолкъ.

„Недавно я слышалъ знаменитую импровизаторшу, Джіаннину Милли. Талантъ замѣчательный. Не одни стихи и рѣмы, но есть идеи. Вся сила восторга въ жизни современной. Начала Италіей, ведущей Виктора-Эммануила на выставку народную, и окончила Кавуромъ и Гарibaldi. Съимпровизировала сонетъ на тему, предложенную мною: Иеронимъ Савонарола на вострѣ. Много интересныхъ знакомствъ я сдѣлалъ, въ послѣднее время. У Вьесѣ я встрѣтился и познакомился съ историкомъ Канту. Славный слѣпецъ Сициліи, Пешинси, чудно играющій на фортепіано, медикъ и философъ, 21-го года, бываетъ у меня довольно часто. Рѣдкое явленіе.

„Прощай, милый другъ. Обнимаю тебя. Въ день твоего ангела побесѣдовалъ съ тобою будто на Дѣвичьемъ полѣ. День былъ чудный. Все утро провѣлъ на выставкѣ. Съ балкона зданія видъ на горы кругомъ, вдали покрытыя снѣгомъ, прекрасенъ. Мнѣ еще все кажется сномъ, что я опять въ Италиі. Есть минуты въ душѣ блаженныя, ясныя. Италія утѣшаетъ меня въ томъ, что отняла у меня Россіа“.

Отъ 15-го марта:

„Что за немочь на тебя нашла? Чѣмъ ты былъ боленъ? Радуюсь тому, что ты оканчиваешь древнюю исторію. Весьма хорошо сдѣлалъ, что отказался на годъ отъ печати. Въ этомъ Содомѣ дѣльное слово на вѣтеръ пойдетъ. Радъ тому я, что ты собираешься на праздникъ св. Кирилла и Меодія. Будетъ праздникъ нашей грамоты. Какъ же тебѣ тутъ не быть?

„Программу ты получилъ¹⁾. Вотъ уже четыре лекціи я прочелъ. Успѣхъ

¹⁾ Здѣсь разумѣется слѣдующая «Программа бесѣдъ профессора Шевырева объ исторіи Русской словесности: 1) Характеристика русскаго языка, какъ выраженія духа русскаго народа. — Основная мысль, связующая исторію русской словесности въ одно цѣлое. — Отсюда раздѣленіе на періоды и значеніе каждаго вкратцѣ. — Отношеніе къ настоящей минутѣ. 2) Обзоръ самое общее духовной словесности въ древнемъ періодѣ, съ отношеніемъ къ идеѣ церкви и къ народу. 3) Обзоръ нашей государственной словесности въ древнемъ періодѣ. — Творенія государей, духовныхъ лицъ, народа. — Лѣтописи и житія святыхъ; послѣднія относительно къ предметамъ для живописи. 4) Словесность народная. — Слова въ древности. — Слово о полку Игоревѣ. — Пословицы. — Сказки. — Пѣсни въ ихъ разнообразныхъ видахъ. 5) Эпоха Петра и общее обзоръ всего новаго періода русской словесности, начиная отъ Кантемира до нашихъ временъ. 6) Ломоносовъ. 7) Державинъ и Фовъ-Визинъ. 8) Карамзинъ и его Исторія. 9) Жуковский и Крыловъ. 10) Пушкинъ. — Біографія и общій обзоръ его произведеній. — Евгений Овгинъ и Борисъ Годуновъ. 11) Лермонтовъ и Гоголь. 12) Очеркъ современной намъ русской словесности въ главныхъ ея представителяхъ и ихъ произведеніяхъ. — Профессоръ предоставляет себѣ право, смотря по обстоятельствамъ, распространить курсъ свой и

неожиданный. Народу все прибываетъ съ каждою лекціей. Леонардъ Ходзько постоянный слушатель.... Я развиваю новую мысль въ исторіи русской словесности. Черезъ всё 12 она проходитъ и уясняетъ всякое явленіе. Прочитавши лекціи, положу ихъ на бумагу и напечатаю въ Карлсруе или въ Лейпцигѣ. Даже молодое поколѣніе слушаетъ съ сочувствіемъ. Не говорю о дамахъ: люблю, какъ внимательны.... Голова моя свѣжа. Мысли кипятъ. Слава Богу, я отдохнулъ въ Италіи. Ей благодаренъ. Она меня укрѣпила послѣ всѣхъ обидъ, которыя получилъ въ отечествѣ, и за что? Что я кому сдѣлалъ, кромѣ добра?

„Вотъ моя къ тебѣ просьба: какъ только получишь это письмо, возьми листъ почтовой бумаги и напиши мнѣ все, что ты знаешь объ Иннокентіѣ. Я о немъ читаю лекцію на Святой недѣлѣ въ пользу церкви и бѣдныхъ Русскихъ въ Парижѣ“.

Отъ 11-го апрѣля:

„... Благодарю тебя за письмо и книжку. Много ты обязалъ меня. Письмо я получилъ на Страстной, а книжку во вторникъ на Пасхѣ. Какъ все это было кстати. Объ Иннокентіѣ я говорю въ субботу. Извѣстія ты далъ и письменныя и печатныя, драгоценныя. Они одушевятъ и украсятъ мою лекцію. Въ великую субботу я говорилъ о Филаретѣ 2 часа. Было всего 35 человѣкъ. Но лекція удалась. Филаретъ, какъ проповѣдникъ, предсталъ во всей своей глубинѣ и силѣ. Молва пошла о лекціи. Многіе сожалѣли, что не были. За то на лекцію объ Иннокентіѣ собирается посланникъ. Вѣроятно, съ нимъ пріѣдутъ и бонтоныя дамы въ его свитѣ. Курсъ идетъ очень хорошо. Зала бываетъ почти полна. Я прибавилъ еще 3 лекціи. Кончу 9-го мая здѣшняго стила. Можетъ - быть, прибавлю еще лекцію о повѣсти Кохановской и повѣсти Тургенева. Это будутъ самыя свѣжія новости.

„.... Лекціи у меня говорятся спокойно и ясно. Только въ заключеніи о Филаретѣ разчувствовался. Вспомнилъ Москву, воскресную полночь, звонъ колоколовъ — не могъ договорить. Сердце переполнилось. Слезы прекратили рѣчь. Но бемольнаго тона ужъ нѣтъ. Будь спокоенъ. Это была невольная

умножить число бесѣдъ до 15-ти. Условія подписки на весь курсъ слѣдующія: сорокъ франковъ съ одного лица; семейства, состоящія изъ двухъ или трехъ лицъ, платятъ по тридцати франковъ за каждый билетъ; состоящія изъ четырехъ и пяти лицъ, по двадцати пяти франковъ за билетъ. Для абонированныхъ на весь курсъ назначаются первые ряды мѣстъ. Билеты на каждую бесѣду особо можно получать при входѣ за 5 франк. Молодыхъ людей и художниковъ, нуждающихся въ средствахъ къ образованію, профессоръ приглашаетъ на свои бесѣды бесплатно. Подписываться можно у профессора, Rue Castiglione, 9, (9-й ном.) отъ 9-ти до 12-ти часовъ утра, и вечеромъ отъ 7-ми до 8-ми, и въ Cercle des Sociétés savantes, Quai Malaquais, 3, у г. директора отъ 10-ти до 4-хъ часовъ.—На первую бесѣду входъ отворенъ для всѣхъ бесплатно. Парижъ, марта 1862». (Съ подлиннаго объявленія на русскомъ языкѣ, печатаннаго въ Парижѣ, въ императорской типографіи).

дань воспоминанію ¹⁾). Многие изъ слушателей были тронуты и плакали. Мѣста изъ проповѣдей Филарета приводили многихъ въ чувства и слезы. О, если бы средства, я завелъ бы здѣсь типографію и русскій журналъ! Но покажьтесь сдѣлаю — что возможно.

„Осенью, можетъ-быть, рѣшусь читать курсъ русской словесности на французскомъ языкѣ для Французовъ. Меня много къ тому склоняютъ и обѣщаютъ большую публику. Потомъ издамъ лекціи книгой. Плановъ у меня много. Я бодръ, силенъ и готовъ на всякую дѣятельность.

„Надѣюсь выручить (что - нибудь) своими трудами. Исторія русской словесности книга необходимая и для Русскихъ, странствующихъ за границей, и для Французовъ, и для Нѣмцевъ, и для Англичанъ. Я, напечатавъ ее, двину на 3-хъ языкахъ, приспособивъ къ каждой націи“.

Въ маѣ Шевыревъ поднесъ на аудіенціи императору Наполеону свою книгу *Storia della litteratura Russa*. Вотъ какъ описываетъ Шевыревъ, отъ 15-го мая, свое представленіе императору Французовъ:

„Въ воскресенье 25-го мая, во 2-мъ часу, императоръ Наполеонъ III далъ мнѣ аудіенцію и принялъ мою книгу. Въ пятницу, по совѣту министра народнаго просвѣщенія Mr. Rouland, я отвезъ письмо къ герцогу Вассано, въ которомъ просилъ аудіенціи у императора для личнаго поднесенія моей книги. На другой же день въ субботу я получилъ отвѣтъ: *L'audience vous est accordée pour demain dimanche à 1 heure*. Но въ воскресенье всѣ аудіенціи были отменены: императоръ былъ нездоровъ, и вѣроятно, берегъ силы для приѣма вице - короля Египетскаго. Мнѣ сказали въ Тюльери, что я получу другое приглашеніе, когда будетъ назначенъ день. Въ среду я получилъ второе приглашеніе“.

При представленіи Шевыревъ сказалъ нѣсколько словъ императору Наполеону по поводу своей книги, способствующей сближенію

¹⁾ Недавно получалъ я стихотвореніе, поднесенное въ Парижъ Шевыреву однимъ изъ слушателей его лекцій:

Наканунъ Святой Пасхи.

Степану Петровичу Шевыреву.

Что приунылъ ты среди насъ?
Трепещеть голосъ, льются слезы,
И прелесть слова, краше розы,
Насъ огорчаетъ въ этотъ разъ!
Ты вспомнилъ про Москву родную,
Про звонъ ея колоколовъ,
Про то, какъ въ Пасху всесвятую
Тамъ любызается любовь.
Какія жъ узы тутъ насъ вяжутъ?
Зачѣмъ въ Парижъ насъ Богъ занесъ?
Здѣсь на «Христосъ Воскресъ» не скажутъ:
«Во истинну воскресъ Христосъ!»

Г. К.

италианской націи съ русскою и заключилъ: „Sire, vous travaillez au développement de la grande idée des nationalités, et c'est d'elle et de vous, que l'Italie attend l'accomplissement de ses vœux ¹⁾... При намѣѣ на окончательное освобожденіе Италіи оловянные глаза Наполеона, приученные скрывать всякую мысль, всякое чувство, заблестали. Онъ благодарилъ Шевырева: „Je vous remercie pour toutes les aimables choses que vous venez de me dire“ ²⁾. Спросилъ, съ какою цѣлью Шевыревъ пріѣхалъ въ Парижъ, выслушалъ отвѣтъ, сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ и поблагодарилъ еще разъ за книгу.

Отъ іюня 5-го 1862 года:

„Какъ я благодаренъ тебѣ и за рѣчь твою къ Славянамъ, и за пересылку ее мнѣ. Тепло и сильно она вылилась. Какъ должна она быть по сердцу Славянамъ! Но гдѣ же ты ее напечаталъ? Я не могъ отгадать. Повезу ее читать всей православной братіи и постараюсь устроить въ 1863 году 11-го мая обѣдню и молебенъ св. первоучителямъ, на который постараюсь пригласить здѣсь пребывающихъ Славянъ. Въ этотъ день прочту лекцію о Кириллѣ и Меодіѣ. Неужели же въ Москвѣ ничего не будетъ? Здѣсь газеты пусты какъ нельзя болѣе. Парижъ внѣшній растетъ и украшается, но внутренній пустѣетъ и опошляется. Французы погружаются въ матеріальную жизнь“.

Лѣто 1862 года Шевыревъ провелъ въ Парижѣ. Онъ замѣтно слабѣлъ. Боль въ правомъ боку усилилась; 25-го іюля (ст. с.) онъ слегъ. Боли, особенно ночью, дѣлались ужасными, и Шевыревъ, не смотря на все свое терпѣніе въ страданіяхъ, стоналъ. Въ это время пріѣхалъ къ нему знакомый его докторъ Дубовицкій. Осмотрѣвъ Шевырева, онъ нашелъ болѣзнь въ печени, и послалъ его въ Карлсбадъ. Но такъ какъ уже было слишкомъ поздно для лѣченія, да и трудно было Шевыреву переѣзжать въ такомъ болѣзненномъ состояніи, Дубовицкій совѣтовалъ взять доктора, и рекомендовалъ г. Вигла (Viglas). Сначала Вигла ставилъ мушки и давалъ разныя лѣкарства. Боли не уменьшались, а скорѣе увеличивались. Тогда Вигла придумалъ впустить подъ кожу на больное мѣсто нѣсколько капель белладонны. Онъ сдѣлалъ это два раза, и послѣ всякаго раза Шевыревъ чувствовалъ какое-то отравленіе; въ третій разъ онъ не хотѣлъ уже даваться доктору, но тотъ уговорилъ его, увѣряя, что этимъ средством излѣчится болѣзнь. Впустилъ белладонну въ третій разъ, и вѣроятно, гораздо больше, чѣмъ въ первые два. Шевыревъ часа три лежалъ, какъ совершенно отравленный; все, что ни бралъ онъ въ ротъ, каза-

¹⁾ То-есть: «Государь, вы трудитесь надъ развитіемъ великой идеи народностей; отъ нея и отъ васъ Италія ожидаетъ исполненія своихъ желаній».

²⁾ «Благодарю васъ за всѣ любезныя слова, которыя вы мнѣ сказали».

лось ему деревомъ. „Теперь понимаю“, говорилъ онъ, „что долженъ былъ чувствовать Сократъ“. Белладонна произвела нарывы, Вигла взрѣзывалъ ихъ до созрѣванія; мученія были страшныя, но Шевыревъ терпѣлъ. Наконецъ, боль немного уменьшилась, постоянно впрочемъ оставаясь въ боку; ослабло зрѣніе, испортилась кровь, и весь организмъ разстроился.

Шевыревъ писалъ отъ 28-го іюля:

„Здѣсь были Дубовицкій и Варвинскій, которые гнали меня въ Карлсбадъ или Виши. Но у меня открылась невралгія въ брюшной плевѣ: болѣзнь ревматическая, не опасная, но мучительная. Лѣчитъ докторъ Вигла, и впускаетъ мнѣ иглу подъ кожу и черезъ нее посредствомъ . . . . . трубочки эссенцію, которая успокоиваетъ боль. Я чувствую облегченіе. Удивительное изобрѣтеніе! Подражаніе укушенію гремучей змѣи, но вливается не ядъ, а цѣлительная жидкость, которая прямо дѣйствуетъ на кровь. Мой Вигла — благодарственная игла!“

Отъ 5-го сентября:

„Стало лучше. Боль тише. А страданія были мучительныя. Но сонъ и аппетитъ со мною. Состояніе духа превосходное. Въ теченіе всего времени я сочинялъ и диктовалъ поэму „Болѣзнь“, въ которой откликался на всѣ современныя страданія наши, Славянъ, Италин, Америки“.

Отъ сентября 26-го:

„Невралгія моя все-таки не оставляетъ меня. Гораздо легче, но болитъ. Засѣла въ боку и не выходитъ. Это Парижская болѣзнь. Я думаю, не происходитъ ли она отъ вѣчнаго трясенія, которое здѣсь всякій домъ испытываетъ. Парижъ стоитъ на вѣчномъ землетрясеніи. Тѣло, какъ мое, уже надбитое ревматизмомъ, скорѣе тому подвергается, чѣмъ другое. Если зимой не поправлюсь, оставляю эту трясицу“.

Онъ прислалъ мнѣ нѣсколько строкъ при письмѣ отъ 3-го октября 1862 года:

„Посылаю тебѣ, л. д. М. П., отрывокъ изъ моей поэмы „Болѣзнь“ и прошу, если найдется достойнымъ, прочесть въ первомъ засѣданіи Общества:

. . . . .
 Въ садахъ изъ розъ, оливокъ и винограда,
 Гдѣ красота земли съ красой небесъ
 Сливаются, гдѣ древняя Эллада
 Селшла міръ мнѣческихъ чудесъ —

Тамъ обитаетъ Болгарское племя,
 Храня отцевъ патриархальный нравъ;
 Въ вертепахъ горь его забыло время,
 Страданію и злобѣ передавъ.

Была пора его воинской славы,
 Его блюли свой мечъ и свой закопъ,

И на престогахъ Болгарской державы
 Прославились Борисъ и Симеонъ.

Теперь оно подъ игомъ Турка стонеть;
 Свирѣль его надъ Болгариномъ гнѣвъ:
 Подъ тяжкій плугъ ему онъ выю клонить
 И не щадить красы ни женъ, ни дѣвъ.

Одно для жертвъ сіяеть утѣшенье,
 Одинъ истокъ для ихъ кровавыхъ ранъ:
 Господень крестъ — и мысль, что Провидѣнье
 Пошлетъ конецъ страданьямъ христіанъ.

. . . . .
 . . . . .

О храбрый Сербъ, покрытый вѣчной славой,
 Передовой въ Славянахъ богатырь!

И нѣтъ конца кровавой Илиадѣ!
 Ужь такъ споконъ вѣковъ заведено
 Въ твоёмъ быту, и у тебя въ Бѣлградѣ
 Поэзія, война и жизнь одно.

Поэзіей войны врачуешь муки;
 Война тебѣ есть жизнь, а не богѣзнь;
 За громами ты ищешь пѣсень звуки;
 Изъ ранъ леть кровь, изъ устъ несется пѣснь.

Пѣснь славная, живая повѣсть боевъ,
 Созвучная воинственнымъ мечамъ,
 Хранящая всѣ имена героевъ,
 Всѣ памяти, безцѣпныя сердцамъ.

А ты, гнѣздо въ Славянахъ боевое,
 Гора чудесь, о Чорная гора,
 Гдѣ вѣчно бьется племя намъ родное,
 Подъ знаменемъ надежды и добра.

Въ тебѣ орлы славянскіе витають,
 Птенцы войны, свободы и небесъ,
 И изъ тебя въ міръ Божій вылетаютъ
 Свершители воинственныхъ чудесъ!

Гора - алтарь, гдѣ вѣчной жертвы пламень
 Приносится во благо христіанъ,
 Гдѣ каждая скала и каждый камень
 Блеститъ зарей свободы всѣхъ Славянъ!

За всѣхъ Славянъ вы чудо-ратоборцы,
 За всѣхъ за насъ несете первый крестъ,
 И ваша слава всходитъ, Черногорцы,
 Отъ той горы и до небесныхъ звѣздъ!

На высотахъ священныхъ Велеграда,
 О Прага, мать славянскихъ городовъ,
 Готовь свой пиръ. Пусть умная громада
 Сойдется здѣсь Славянь со всѣхъ концовъ!

Пусть въ памяти у всѣхъ Славянь воспрянутъ
 И оживутъ Меѳодій и Кириллъ!
 Пускай для нихъ они вождями станутъ,
 Какъ были намъ вожди духовныхъ сплѣ.

Свершай о нихъ свою святую тризну,
 О дѣлѣ ихъ, о грамотѣ твоей;
 Сними съ себя и съ братьевъ укоризну,
 Неблагодарно измѣнившихъ ей.

Съзывай всѣхъ насъ на мирны состязанья,
 На праздники Олимпіи зови,
 На честныя славянскіи пированья,
 Во имя мысли, мира и любви.

Черезъ пять дней, отъ 8-го октября, Шевиревъ прислалъ мнѣ продолженіе своей поэмы, посвященное любимой Италіи:

„Посылаю тебѣ мой отголосокъ страданіймъ Италіи и жду съ нетерпѣніемъ отвѣта на первый. Боль моя все сидитъ подъ ребромъ, не знаю — печень или невралгія. Докторъ лѣчилъ отъ невралгіи. Всѣ щупали печень. Боли нѣтъ. Ни тошноты, ни желчи.

Италія, душа моя любила
 Тебя всегда отъ самыхъ юныхъ дней,
 Ты первую улыбкой подарила
 Меня въ цѣтушей младости моей.

Подъ ахонтомъ твоихъ небесъ прелестныхъ
 Я красотахъ природы навикалъ
 И тайный смыслъ искусствъ твоихъ чудесныхъ
 Умомъ и чувствами разоблачалъ.

А твой языкъ изъ самыхъ устъ народа
 Сказался мнѣ, какъ мой родной языкъ;
 Въ немъ слышалась души его природа,
 На немъ яснѣлъ его прекрасный ликъ.

Часъ твоего ударилъ воскресенья:
 Съ свободою роднится красота!
 Я полетѣлъ на праздникъ возрожденья,
 И вспомнилась мнѣ юности мечта.

Я видѣлъ ихъ — народныя движенья;
 Я наблюдалъ, какъ пламенный народъ,
 Страхнувъ съ себя позоръ порабоженья,
 Подънимется и къ жизни возстаетъ!

Какъ всякій членъ и меньшій сынъ въ народѣ
 О благѣ всѣхъ и нуждахъ говоритъ,
 И сердцемъ радъ живительной свободѣ,
 И ранами отечества болитъ.

Какъ, шевеля всѣ души, сердцу вторя,
 Побѣдный гимнъ, торжественъ и одинъ,
 Проносится отъ моря и до моря,
 Отъ снѣжныхъ Альпъ до нижнихъ Аппенинъ.

Но нѣтъ, увы! тотъ гимнъ въ сіе мгновенье
 Не радостью звучитъ и торжествомъ;
 Онъ въ души льетъ нѣмой тоски томленье
 И жметъ сердца упрекомъ и стыдомъ.

Италія! опять гроза, ненастье
 На свѣтлое чело наводитъ тьму;
 Твоимъ врагамъ твое не мило счастье,
 И злость людей завидуешь ему.

Нѣтъ и торжество народныхъ безъ страданій,
 Италія, и нѣтъ конца твоимъ!
 При видѣ ихъ, мнѣ міръ родныхъ преданій
 Далъ образъ свой, чтобъ угодить имъ.

Вотъ богатырь, какъ Аполлонъ прекрасный,
 По двумъ морямъ раскинулъ рамена;
 Но члены всѣ разрублены ужасно,
 Вся жизнь его на части роздана.

Друзья надъ этой сжалились судьбою,
 День помощи внезапно возсіялъ;
 Сначала мертвой вспырнули водою,
 Потомъ живой — и богатырь возсталъ.

Все тѣло тутъ — и съ нимъ почти всѣ члены,
 Лишь сердца нѣтъ — заковано въ тиски,
 Да лѣвой нѣтъ руки для перемѣны,
 Будь богатырь безъ сердца и руки!

И ночь по тѣлу стонъ идетъ ужасный,
 По членамъ всѣмъ разносится тоска:
 Италія — тотъ богатырь прекрасный,
 То сердце — *Римъ*, Венеція — *рука*.

Недугъ мой твердъ и осаждаетъ смѣло;
 Плоть немощна, но духъ несокрушимъ:
 Вотъ новая вонзилась рана въ тѣло,
 Силъ не щадить, и нѣтъ покою имъ.

Но чудно то, что есть въ моихъ страданьяхъ
 Сочувствіе страданіямъ времени;

Прислушаюсь — и, кажется, въ стѣнахъ
Италіи съ моимъ есть схожій стонъ.

Терпѣнье перешло границу мѣры;
Съ тоски по Римѣ, опалѣвъ, объять
Герой пустынный съ острова Капреры,
И грозный вопль изъ устъ его гремить.

Римъ или смерть! — и громаднымъ крикомъ
Сицилію, Калабрію трясеть,
Зоветь народъ въ безуміи великомъ:
На Римъ! на Римъ! — и раненый падеть.

Не Гарибальди раненъ, нѣтъ, природа
Его крѣпка и выше ранъ стоитъ:
Та рана въ тѣлѣ у его народа
Всей скорбію Италіи болитъ.

О памятли вершины Аспромонте,
Гдѣ кровь его струею пролилась,
И далеко на южномъ горизонтѣ
Она зарей по небу замиглась.

Доколь заря румянить утрою будетъ
И вечеромъ вершины Аппенинъ,
О крови той, конечно, не забудетъ
Италіи свободной вѣрный сынъ.

Лазурь небесъ затмится ли багрянцемъ,
Иль дѣву горь воспламенить любовь,
Иль розы цвѣтъ ему блеснетъ румянцемъ,
Все снится будетъ Гарибальди кровь.

А этотъ гимнъ — имъ сердце трепетало,
Онъ каждый пиръ и радость украшалъ,
Внимать ему всегда казалось мало,
Въ немъ каждый звукъ изъ сердца вылеталъ.

Чѣмъ онъ звучитъ въ Италіи, сраженной
Несчастьемъ той раны роковой?
По всемъ прекрасномъ пѣсню похоронной,
Не сбывшейся, исчезнувшей мечтой!

Отъ октября 28-го 1862 года:

„Я могъ бы еще принести пользу.... Мы всю жизнь свою посвятили дѣлу воспитанія.... Меня бы это оживило. Пускай поручатъ мнѣ составить книгу о народной педагогикѣ по вѣрнымъ даннымъ во Франціи, Германіи, Швейцаріи, Италіи и Англійи и дадутъ на то средства. А потомъ, когда я переѣду въ Россію, пускай дадутъ другія примѣнить ихъ.... Силъ у меня еще хватитъ, если призовутъ меня къ новой дѣятельности. Съ Saisset я не успѣлъ еще познакомиться. Знаю его, какъ христіанскаго философа“.

Немного оправившись отъ болѣзни, развлеченный другими занятіями, Шевыревъ не продолжалъ поэмы, и смѣясь, говорилъ, что стихи даются ему только больному. Зимой 1862 года онъ началъ диктовать курсъ исторіи русской словесности. Перваго января, поздравляя меня съ новымъ годомъ, онъ писалъ:

„Я же все полухворый. Отравѣ ослабила мнѣ ноги и зрѣніе, и боль въ боку не проходитъ. Боюсь обратиться къ здѣшнимъ докторамъ послѣ отравителя. Слышали мы о бесѣдахъ Царскихъ съ Московскими грамотѣми. Слава Богу! Но идетъ ли впередъ грамота?“

Въ этомъ письмѣ Шевыревъ выразилъ свое огорченіе нѣкоторыми отзывами, помѣщенными въ газетахъ.

„Хорошо я сдѣлалъ, что уѣхалъ отъ васъ. Не выносить душа моя всей этой дребедени. Какъ прочту такое, желчь опять поднимается. Вставай ты, *Москвитянинъ!* Али уснулъ вовсе сномъ непробуднымъ? Обѣщалъ ты мнѣ у заставы Серпуховской поднять дѣло.

„Любопытны пренія о судебной реформѣ. Не думаю, чтобъ у насъ могла приняться эта судебная комедія, разыгрываемая адвокатомъ власти всегонительной и адвокатомъ краснорѣчія всеоправдывающаго. Думаю, что русскій человѣкъ адвокату своей неправды способенъ будетъ публично сказать: „Да вѣдь ты все лгалъ. Я въ самомъ дѣлѣ убійца“. И чтó это за власть императорская, которая будетъ только гнать и обвинять? Нѣтъ, у насъ должно быть что-нибудь другое“.

Жажда дѣятельности его не оставляла. Духъ носился въ своей атмосферѣ.

Отъ 9-го января 1863 года Шевыревъ писалъ:

„Силы мои повезному возстановляются. Здѣшнее русское общество спрашиваетъ: буду ли я въ нынѣшнемъ году читать публичный курсъ? Есть довольно желающихъ меня слушать. Можетъ-быть, великимъ постомъ я и рѣшусь прочесть нѣсколько лекцій. (Это нова между нами). Но мнѣ нужны для этого нѣкоторыя новыя книги. Сдѣлай милость, достань мнѣ Князя Серебрянаго гр. Толстаго, Отцевъ и Дѣтей Тургенева, вѣроятно, вышедшихъ особо, Въ Дорогѣ и Дома кн. Вяземскаго, Какъ-къ персхожихъ Безсонова, Сборникъ пѣсней Рыбникова (2-ю часть, 1-я у меня есть, спроси у Хомякова, онъ издатель), и если что найдешь еще путнымъ, и все это перешли тѣмъ же путемъ, какимъ ты переслалъ тогда книжку объ Иннокентіѣ, какъ можно скорѣе. Много обяжешь. Мнѣ же средства нужны. Мнѣ хотѣлось бы составить курсъ изъ народныхъ произведеній и новой литературы. Плоть немощна, а духъ бодръ. Занятія души для меня лѣкарство, потому что въ болѣзни моей главную роль играютъ, кажется, нервы. Когда занята дума, я всегда бываю здоровѣе. Насильственное удаленіе отъ кае-дры много разстроило мои физическія силы. Живое слово для меня необходимо. Когда я имъ правлю, я здоровъ. Теперь четыре молодыхъ человѣка ѣздятъ ко мнѣ для занятій русскою словесностію. Мой домашній университетъ меня оживляетъ. Къ

тому же онъ приноситъ мнѣ въ недѣлю 70 франковъ. Обеспеченъ столъ въ мѣсяцъ. Не умремъ съ голода. Что дѣлать? Правительство не признаетъ меня нужнымъ. Г.....ъ не отвѣчалъ тебѣ ни слова на твои указанія на меня. Мнѣ также онъ не отвѣчалъ на мое письмо. Не знаю, что скажетъ онъ въ отвѣтъ на экземпляры Исторіи русской словесности на италіанскомъ языкѣ, посланные на дняхъ: одинъ для него, другой для поднесенія Государю. Отдѣленіе академіи признало достойнымъ по предложенію графа Блудова. Не знаю, что будетъ. Какъ бы то ни было, отъ дѣятельности не отказываюсь, лишь бы Богъ силъ не отнял. Люди—люди. Надобно быть выше ихъ мелочей и пристрастій. Я хотѣлъ покоя и средствъ, чтобы докончить Исторію русской словесности. Но, видно, не угодно Богу. Уварова нѣтъ, Протасова также. Помочь не кому. Хотѣлось бы издать по крайней мѣрѣ то, что было прочтено здѣсь и во Франціи. Диктую дѣтямъ, но времени у нихъ мало.

„Сегодня 21-го января, память по Людовикѣ XVI. Ѣдемъ въ Chapelle Expiatrice. День въ Парижѣ траурный. Балъ въ Тюльери отказанъ. Ни одинъ изъ министровъ не принимаетъ.

„Бываю на лекціяхъ у Saisset. У него есть хорошія минуты. Теперь говоритъ о Паскалѣ. Замѣтенъ большой поворотъ въ этомъ поколѣніи. Но Французы все Французы. Вчера напечатана рѣчь епископа Орлеанскаго Дюпанлу въ народу о вспомоствованіи работникамъ Нижней Сены, страдающимъ безъ хлопка, отъ Американской войны. Онъ предлагаетъ Французамъ закричать: *Vive Jésus Christ!* какъ кричатъ они: *Vive la France!* Сессе на лекціи говорить, что Богъ геометровъ и философовъ не удовлетворяетъ сердцу, что для него нуженъ un Dieu père, un Dieu ami, un Dieu *amant!*... Вотъ ихъ понятія о религіи“.

Въ февралѣ 1863 года Шевыревъ опять слегъ; явился нарывъ на правой ногѣ, его взрѣзали, открылась ранка, долго гноившаяся и не позволявшая больному ходить въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Это были явныя слѣдствія беладонны. Докторъ Гарди (Hardy), лѣчившій его, сознался, что беладонну употребляли года два-три тому назадъ, но бросили это средство вслѣдствіе ужасныхъ послѣдствій. Гарди повторилъ то, что говорилъ Вигла, что у Шевырева въ боку невралгія.

Отъ 24-го апрѣля онъ писалъ:

„Читаю сборники пѣсень, читаю *День*; такъ и хочется говорить, но негдѣ. Но прежде чѣмъ опять приняться за слово, надобно выздороветь. Ты знаешь ли, что я шесть недѣль еще высидѣлъ безъ ногъ? На лѣвой ногѣ былъ нарывъ. Два раза взрѣзывали. Нога съ тѣхъ поръ ослабѣла. До сихъ поръ еще ходить не могу много. Глаза все также слабы. Выздоровлю ли совсѣмъ, не знаю. Доктора посылаютъ въ Вильдбадъ. Грамоты, читанныя мною въ *Le Nord*, навѣяли мнѣ вдохновеніе. Посылаю тебѣ стихи и прошу прочесть ихъ въ литературномъ собраніи (не выкидывая ничего), а потомъ, гдѣ самъ разсудишь, напечатать. Присмотри хорошенько за корректурой“.

Черезъ два дня онъ прислалъ мнѣ поправки, а еще черезъ два дня уничтоженіе поправокъ.

Апрѣля 30-го:

„Война, говорятъ, будетъ зимою. Наполеонъ собирается изъ Швеціи по лѣду на Кропштадтъ. Но все это слухи. Прежде говорили — черезъ Крымъ. Грамоты есть прекрасныя. Россія переживаетъ славную минуту. Едва-ли однако Европа взбѣлится. Здѣшнему опасно. Бѣдетъ — никто шляпу не сниметъ, а ура на смотрахъ только печатается, но не кричится“.

Лѣтомъ 1863 года Шевыревъ, по совѣту Гарди, ѣздилъ брать ванны въ Вильдбадъ. Ванны хороши были противъ ревматизма и укрѣпили ноги, но боль въ боку осталась та же. Вильдбадскій докторъ Груль началъ лѣчить его однимъ молокомъ, но Шевыревъ до того ослабѣлъ, что бросилъ это лѣчение, возвратился къ обыкновенной пищѣ, и свѣжій горный воздухъ, прогулки по Шварцвальду и по долинѣ быстрого и красиваго потока Энца принесли ему больше пользы, хотя не возстановили его разстроеннаго здоровья. Въ Вильдбадѣ онъ написалъ нѣсколько стиховъ отрывками.

Изъ Вильдбада, отъ 8-го іюля, Шевыревъ писалъ на листѣ съ изображеніемъ гостинницы Медвѣды:

„Вотъ какъ выросъ рекомендованный тобою Медвѣды въ Вильдбадѣ, г. д. М. П! Просто Hôtel du Louvre. Но мы не могли остановиться въ немъ, потому что все было занято, и потому что онъ не по карману. За то онъ же намъ рекомендовалъ Англическую виллу, которая немного внѣ города, но на прекрасномъ мѣстѣ, на полугорѣ, просто прелесть! Здѣсь намъ и спокойно, и во всѣхъ отношеніяхъ лучше и дешевле. Воздухъ горный безпдобный, виды кругомъ покоятъ и веселятъ глаза. Я немедленно принялся за лѣчение. Взялъ уже 11 ваннъ — и завтра утромъ возьму 12-ю. Ванны мнѣ очень пріятны. Кажется, есть видимая помощь. Нашелъ доктора, который совершенно иначе смотритъ на мою болѣзнь, чѣмъ Парижскіе доктора. Тѣ видѣли во мнѣ междуреберную невралгію, а этотъ видитъ страданіе въ кишечномъ каналѣ, причиненное геморроемъ. Этотъ взглядъ, кажется, вѣрнѣе. Онъ надѣется вылѣчить меня совершенно. Послѣ 12-й ванны завтра утромъ я ѣду на отдыхъ въ Шгутгардтъ для свиданья съ Титовымъ. Великая Княгиня Ольга Николаевна, которой онъ сказалъ о моемъ приѣздѣ, выразила также желаніе меня видѣть. Я проведу тамъ Ольгинъ день и возвращусь для продолженія лѣченія. Надоно взять еще 16 ваннъ. 27-го августа здѣшняго стила мы возвращаемся въ Парижъ на ту же квартиру, 20, Rue de Tournon, а здѣсь будемъ жить все въ villa Angelica.“

„Спасибо тебѣ, что ратуешь такъ славно съ Марсомъ¹⁾ и просто лоскомъ положилъ этого невѣжду. Читаю въ *Сверь* твои подвиги и радуюсь. Поляки это вранье татаро-финское на счетъ насъ затѣяли давно. Когда я приѣхалъ въ Парижъ читать свой курсъ, Духинскій еще до меня открылъ это вранье въ Парижѣ, въ той же самой заглѣ, 3, quai Malaquais, выставилъ карту своего

¹⁾ Эти слова относятся къ статьѣ моей: «Отповѣдь французскому журналисту», на статью, напечатанную въ *Revue de deux Mondes*.

сочиненія, прислалъ программы нѣкоторымъ Русскимъ, и даже нашему духовенству; но когда я открылъ свой курсъ, Духинскій въ одно и то же время не посмѣлъ продолжать своего вранья. Ходзько ходилъ ко мнѣ всякій разъ — и послѣ курса принесть мнѣ свою нелѣпую исторію Польши, послѣ чего ужъ я съ нимъ не могъ видѣться. Врать такую околесную ученому не позволено ни изъ какихъ видовъ! Любопытно бы было собрать всѣ нелѣпости, напечатанныя здѣсь на нашъ счетъ Поляками. Это диковинки. Теперь разыгрывается только то, что они давно здѣсь готовили. Войны Французы не хотятъ. Въ народѣ сочувствія къ Полякамъ нѣтъ. Газеты не отголосовѣ мнѣнія народнаго. Онѣ куплены, по большей части, Поляками, или желаютъ европейской катавасіи, чтобы какъ-нибудь свернуть голову Наполеону III⁴.

Утромъ 11-го іюля былъ онъ въ церкви, а вечеръ провелъ у Великой Княгини со многими другими Русскими. Великая Княгиня приняла его какъ нельзя лучше, разговаривала съ нимъ безпрерывно, и прощаясь со всѣми, начала съ него, потомъ опять подошла къ нему и сказала ему еще нѣсколько милостивыхъ словъ. Въ Штутгартѣ Шевыревъ совѣтовался съ знаменитымъ Людвигомъ, который объявилъ ему, что у него болитъ печень. Мнѣнія докторовъ были вообще различны, и ни одинъ изъ нихъ не отгадалъ его болѣзни. Отъ 6-го октября, изъ Парижа, онъ писалъ:

„Здѣсь былъ слухъ, что въ совѣтѣ министровъ и маршаловъ одинъ только министръ иностранныхъ дѣлъ желалъ войны. Маршалы же сказали, что война невозможна. Болѣе въ Балтійское море отправить нельзя, какъ было отправлено въ Черное, и болѣе 60-ти тысячъ войска высадить не могутъ. А тогда мы пришлемъ вдвое или втрое — и Французамъ удобримъ поля Курляндіи. Вчера великолѣпно хоронили Бильо. Смерть удивительно внезапная! Наполеонъ вѣрять не хотѣлъ, потому что въ одно время получилъ и письмо отъ него, и телеграфическую депешу о его кончинѣ. Ужъ не уморили ли его Поляки и республиканцы? Онъ только и былъ опасенъ.

„Не смотря на свои недуги, я по силамъ работаю. Каждый день два часа я диктую сыну лекціи Исторіи русской словесности. Теперь пишется девятая. Всѣхъ будетъ 20. Бывши въ Карлсруе, я говорилъ съ Гасперомъ объ ихъ печатаніи. Кромѣ того, два часа ежедневно занимаюсь съ дѣтьми. Глаза стали слабы отъ белладонны. Трудно читать. Тяжелы здѣшніе доктора. Выгла, рекомендованный Дубовицкимъ, отравилъ все мое существованіе.

„Читаю русскія газеты. Жаль, что Аксаковъ и Катковъ такъ ссорятся. Теперь не до ссоръ. Самолюбіе въ сторону. Скоро здѣсь откроются палаты. Народъ ждетъ громкихъ и важныхъ рѣчей. Президентъ сената хвораеть. Бильо умеръ. Парламентскія рѣчи не достаются видно даромъ. Напиши что-нибудь о дѣлахъ литературныхъ. Что издаетъ теперь Павловъ? Выдалъ ли онъ свои повѣсти новымъ изданіемъ? Нѣтъ ли новыхъ писателей? Здѣсь Плетневъ страдаетъ раной. Я видался съ нимъ часто, пока могъ, а теперь не могу. Его лѣчитъ славный Нелатонъ. Лѣченіе то же, что и мнѣ. Впрыскиваютъ тинктуру содовую въ рану. Титовъ пишетъ ко мнѣ, что князь Вяземскій въ Венеціи, и собирается на зиму въ Римъ“.

Отъ 10-го ноября:

„Надо было намъ завести типографію народную и воспитательную. Можесть-быть, и теперь не прошло еще время. Я всегда побуждалъ тебя къ тому. Но ты меня не слушался. Теперь это настоятельная потребность. Надобно поднять всю народную древнюю литературу и присоединить новую. При типографіи должна быть зала для публичныхъ чтеній.

Въ началѣ нынѣшняго мѣсяца открылись здѣсь народные курсы практическихъ наукъ для работниковъ въ Conservatoire des Arts et des Métiers. Я съ сномомъ отправился вечеромъ на открытіе. Начинаются въ 8 часу; продолжаются 2 часа до 10-ти съ $\frac{1}{4}$ часовъ. Былъ дождь, погода прескверная. Мы толкнулись за $\frac{1}{4}$ часа къ профессору химіи; но зала, вмѣщающая до 2.000 слушателей, была полна, и уже не было мѣста. Должны были слушать начертательную геометрію, гдѣ было меньше народа. Такое же множество было на другой день у профессора гражданской архитектуры, а послѣ него у профессора физики, который читаетъ спеціальный курсъ объ электричествѣ. Сынъ мой ходитъ на этотъ курсъ. Онъ сопровождается опытами и имѣеть въ виду всѣ примѣненія электричества къ новымъ изобрѣтеніямъ. Вотъ въ этихъ явленіяхъ я люблю Парижскую жизнь. Въ числѣ слушателей сидятъ много блузь. Говорятъ, что иные приходятъ сюда грѣться, потому что дома холодно, а дрова дороги и продаются на фунты. Но пускай грѣются и около печекъ, и около науки. У насъ было тому подражаніе въ практической академіи. Читали Киттары и Бабсть. Было народу много. Сердце мое радовалось тогда. Не знаю, продолжается ли это доброе начало.

„Что скажешь о конгрессѣ, который затѣялъ Наполеонъ? Народъ ему въ томъ не сочувствуетъ, и не надѣется на успѣхъ. А не худо бы тебѣ въ брошюрахъ дать программу для конгресса на всякій случай.

„Здоровье мое все то же. Ни впередъ, ни назадъ. Но глаза стали плохи. Вотъ бѣда! Ходилъ къ славному окулисту Либрейху. Не знаю, что еще будетъ.

„Виземскій въ Венеціи опять ожилъ и написалъ прекрасные стихи, переланные мнѣ Титовымъ. Плетневъ здѣсь все страдаетъ раной, какъ Филоктетъ. Нелатонъ надѣется однако его вылѣчить. Зима здѣсь кротка и умѣренна. Это приятно. Если вспыхнетъ весной война, мы здѣсь не останемся, а прямо въ Россію. Если нѣтъ, хочется еще выжить здѣсь годъ для занятій сына. Онъ имѣеть рѣшительное расположеніе къ естественнымъ наукамъ“.

Въ январѣ 1864 года, многіе французскіе депутаты и сенаторы, ничего не знавшіе о Россіи, ея исторіи и учрежденіяхъ, вздумали судить о ней. Шевыревъ горячо вступился, и въ трехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ журналѣ *Le Nord*, старался доказать имъ всю лживость ихъ сужденій. Въ это время онъ продолжалъ диктовку своего курса, и начавъ лекціи о Карамзинѣ и Жуковскомъ, говорилъ: „Лишь кончу ихъ, примусь за Пушкина! Какая славная лекція у меня о немъ; теперь она вся въ головѣ, еще немножко обдумаю, и скоро она совсѣмъ будетъ готова“. Но 25-го января, онъ слегъ, и уже болѣе не вставалъ...

Поутру въ воскресенье, онъ вдругъ почувствовалъ неловкость въ лѣвой ногѣ. Показалась краснина и опухоль. Шевыревъ думалъ, что это рожа. Доктора никакъ не хотѣлъ призывать, напуганный прежнимъ лѣченьемъ. Но видя, что опухоль увеличивается, онъ черезъ полторы недѣли рѣшился послать за Сорелемъ, первымъ помощникомъ Нелатона. Сорель свазалъ: „Vous m'avez appelé trop tard!“ однако принялся за лѣченье, и казалось, лѣкарства помогали. Сорель взрѣзывалъ безпрестранно нарывы на подъемѣ ноги. Въ продолженіе трехъ недѣль, больной ничего почти не ѣлъ и находился все въ забытіи: слабость была ужасная, и ежедневная лихорадка его изнуряла еще болѣе. Сорель призвалъ Нелатона, рѣшившись сдѣлать новую операцію. Прорѣзали всю опухоль, просверлили ногу насквозь до подошвы и провели въ раны дренажъ. Операція продолжалась два часа, съ 10 до 12 утра. Шевыревъ ни охнулъ, разговаривалъ съ докторомъ, даже шутилъ съ нимъ. Мученія были несносныя, какъ онъ самъ послѣ говорилъ. Докторъ удивился его твердости и силѣ воли. Операція, казалось, принесла пользу, лихорадка уменьшилась; аппетитъ немного возвратился. Рана очищалась.

На четвертой недѣлѣ поста, въ понедѣльникъ, онъ исповѣдывался и приобщился Св. Таинъ, и въ первый разъ со времени болѣзни съ удовольствіемъ выпилъ чаю съ хлѣбомъ и бесѣдовалъ въ продолженіе полтора часа съ отцемъ Іосифомъ (Васильевымъ). Послѣ причастія онъ сказалъ: „Теперь я готовъ, когда будетъ угодно Богу“. Отецъ Іосифъ съ удивленіемъ говорилъ о силѣ его вѣры, о христіанскомъ чувствѣ любви. Но надежда на выздоровленіе не совсѣмъ покидала его; мысль, что увидитъ Мосеву, куда онъ думалъ вернуться немедленно по выздоровленіи, оживляла его: ему ужасно хотѣлось скорѣе возвратиться на родину. Онъ составилъ планъ путешествія, дѣлалъ разныя предположенія касательно житія въ Москвѣ; но иногда говорилъ своимъ: „Прощайте, друзья мои, скоро я васъ покину“. Или, заговоря о Москвѣ, прибавлялъ: „А можетъ-быть, вы повезете меня туда въ ящикѣ“. Однажды онъ сказалъ: „Много курсовъ читалъ я въ жизни; теперь читаю курсъ страданій моимъ дѣтямъ! Если эти страданія послужатъ къ очищенію души моей, то да будетъ воля Божія“.

Въ краткіе промежутки ослабленія болѣзни онъ возвращался мыслию къ любимымъ предметамъ своихъ занятій. Узнавъ о кончинѣ графа Блудова, котораго всѣ мы любили одинаково, какъ послѣдняго представителя Карамзинской эпохи, онъ сочинилъ стихи, которые и прислалъ ко мнѣ при письмѣ отъ ⁵/17 апрѣля:

„Десять недѣль, какъ лежу въ постелѣ. Вынесъ семь варѣзовъ и двѣ операціи, по совѣту Нелатона. Не могъ ѣсть ничего, ни мяса, ни хлѣба. Все было противно. Питался бульономъ, какъ лѣкарствомъ. Исповѣдывался и приобщился св. Тиннъ. Съ тѣхъ поръ все пошло лучше; сталъ ѣсть хлѣбъ. Теперь ѣмъ все. Но рана еще на ногѣ, и ходить не могу. Общаются черезъ мѣсяць. Во время болѣзни получилъ твое второе письмо. Благодарю за всѣ извѣстія. Своею рукой тебѣ отвѣчать не могу. Первый плодъ и признакъ начала моего выздоровленія — стихи на кончину гр. Блудова, которыя прилагаю, прося прочесть въ засѣданіи Общества. Если можешь потомъ напечатать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, то напечатай, или гдѣ-нибудь. Хворать въ Парижѣ мнѣ надобно. Какихъ болѣзней онъ мнѣ не далъ! Невралгію, доктора съ белладонной, нарывъ и рану на лѣвой ногѣ, флегмонъ на правой! Ѣдемъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Россію. Это рѣшено“.

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя строфы, замѣчательныя по своимъ мыслямъ:

Лить свѣтъ добра въ умы народу,
Лить щедрой, полною рукой,
Вотъ въ чемъ онъ разумѣлъ свободу
И силу Руси молодой.

Онъ былъ у насъ изъ той дружины,
Гдѣ бодро дѣютъ, силъ полны,
Не дѣти праздныя чужбины,
А Руси вѣрные сыны.

Отколь ихъ началось время?
Отколь ихъ роду конъ и чинъ?
Вамъ, благороднѣйшее племя,
Всѣмъ общій предокъ Карамзинъ.

Предъ вами храмъ бытописанья
Онъ въ зданье стройное слагалъ,
И тайну русскаго преданья
И русской жизни открывалъ.

Благоговѣнно вы входили
Исторіи въ родной предѣлъ,
И всѣ оттуда выносили
Сознанье силъ земли и дѣлъ.

Служители идеямъ новымъ,
Вы всѣ, созданные Петромъ,
Всемирнымъ замысламъ Петровымъ
Не измѣнили вы ни въ чемъ.

Но чти завѣтныя скрижали,
Въ народный вѣруя закалъ,
Изъ древней Руси почерпали
Вы вѣрность жизненныхъ началъ.

У алтаря родныхъ преданій
 Всякъ свѣточъ жизни зажигаеъ
 И дальній путь своихъ дѣланій
 Имъ неуклонно освѣщаеъ.

Вотъ почему среди жизни шума,
 Гдѣ время рушить наповалъ,
 Была его спокойна дума.
 И неподвиженъ пьедесталь.

Покойся жь мирно, мужъ почившій,
 Не знавъ преклоннаго житья,
 Своей чредѣ не измѣнившій
 Съ послѣднимъ вздохомъ бытія!

Косою смерти быстро сжатый,
 Какъ снопь, созрѣлый на поляхъ,
 Красуйся жатвою богатой
 Въ своихъ зернистыхъ сѣменахъ.

На другой день ⁶/₁₈ апрѣля, онъ продиктовалъ другое письмо ко мнѣ съ поправками, прибавивъ:

„Кстати посылаю тебѣ фотографію Гизо. Бецкой давно уже прислалъ мнѣ ее для тебя изъ Флоренціи. Я все забывалъ написать тебѣ: видѣлъ я прекрасный портретъ Гизо на выставкѣ, и удивился тому, какъ измѣнилось лицо этого человѣка. Помнишь, въ 1839 году, какъ мы его видѣли въ палатѣ, оно казалось все на пружинахъ, такъ его и держало. Вдругъ на выставкѣ увидѣлъ я лицо успокоенное. Вотъ чтѣ значить политическая жизнь бурная, а съ другой стороны трудъ и наука.... Я не могу здѣсь оставаться болѣе. Такъ и тянетъ въ Россію. Тоскую по ней и по всѣхъ васъ на своемъ одрѣ. Лишь бы Богъ далъ силы; не знаю, когда заживетъ рана, а тяжело! — Ахъ еслибъ я могъ обнять тебя въ іюль мѣсяцѣ въ подѣ-Дѣвичьемъ! Одинъ изъ первыхъ монахъ снова во время болѣзни былъ ты. Я увидѣлъ тебя на Дѣвичьемъ погѣ— и какъ обрадовался! Въ другой разъ я видѣлъ тебя возвратившагося изъ какого-то публичнаго засѣданія, очень раздраженнаго и усталаго. Увѣдомъ объ участи стиховъ. О моемъ посланіи къ Императору я вѣдь ничего не знаю, чтѣ съ нимъ случилось? Было ли оно читано? Виземскій ратуеетъ изъ Венеціи съ Пеллетаномъ. Италия его возстановила, не то что Парижъ меня. Еще разъ прости“.

Наконецъ уже умирающій онъ написалъ въ стихахъ: Дань памяти Шекспира въ день трехсотлѣтняго юбилея его рожденія 1564 — 1864, 23-го апрѣля ¹).

Любезные образы носились въ его погасавшемъ воображеніи. Ему хотѣлось пожить старою жизнію; половину стиховъ онъ продиктовалъ дочери, а другую написалъ самъ дрожащею рукой. Тяжело было мнѣ

¹) Стихи эти напечатаны въ *Днѣ* 1865 года.

увидѣть эти кривыя, неправильныя черты, вмѣсто прежняго твердаго, прямого почерка. На пакетѣ печать 27-го апрѣля, слѣдовательно, Шевыревъ отправилъ его за три недѣли до кончины. Вотъ что написалъ онъ на тоненькомъ лоскутѣ:

„Христосъ воскресъ, милый другъ М. П. Цѣлую тебя воскреснымъ поцѣлуемъ со всею твоею семьею. Дай Богъ вамъ всякаго добра! Посылаю тебѣ мои стихи на рожденіе Шекспира. Прочти ихъ въ Обществѣ. Юбилей его въ Москвѣ празднуется, кажется, на Святой. Нельзя ли предложить ихъ директору театра Львову для прочтенія въ театрѣ со сцены? Предоставляю все тебѣ. Поблагодари Соловьева за его книгу о Польшѣ. Я все еще лежу въ постелѣ безъ ноги. Сонъ съ каждою ночью лучше. Но рана болитъ. Она глубока и заживаетъ нескоро. Обѣщаютъ, что начну ходить въ концѣ мая. Тяжелая болѣзнь! Въ іюлѣ нашъ отъѣздъ въ Москву рѣшенъ. Стосковался. Авось родина вылечитъ, а ужъ коли умирать, то на рукахъ у своихъ“.

Думалъ ли я, читая эту записку, что въ слѣдующемъ письмѣ я получу извѣстіе объ его кончинѣ?

Во время самыхъ сильныхъ страданій онъ продиктовалъ еще слѣдующіе четыре стиха:

Когда составъ слабѣетъ, страдаетъ плоть,
Средь жизненной и многотрудной битвы,
Не дай мнѣ, мой Помощникъ и Господь,
Почувствовать безспіе молитвы!

На Страстной недѣлѣ докторъ вдругъ вынулъ дренажъ, сказавъ, что рана начинаетъ уже заживать; но возобновилась лихорадка; аппетитъ и сонъ исчезли. Тогда Сорель опять вставилъ дренажъ. Въ первый день Пасхи Шевыреву было очень дурно; казалось, уже умиралъ. Сорель на другой день привелъ Нелатона. Они рѣшились вставить ногу въ жестяную клѣтку, увѣряя до конца, что Шевыревъ выздоровѣетъ.

Въ воскресенье, 3-го мая, Шевыревъ еще весело говорилъ о Москвѣ, былъ довольно бодръ, продиктовалъ два послѣднія письма въ Россію. Въ вечеръ понедѣльника ему стало хуже; онъ впалъ въ забыты; открылось воспаленіе въ легкихъ праваго бока. Шевыревъ сильно кашлялъ. Послѣднія двѣ ночи онъ совсѣмъ не спалъ: „Хоть бы на полчаса заснуть“, говорилъ онъ. Въ пятницу, 8-го мая, утромъ, спросилъ онъ чаю, выпилъ съ удовольствіемъ двѣ маленькія чашки. „Но хлѣба еще не хочу“, сказалъ онъ. Въ 12 часовъ велѣлъ опустить шторы. „Можетъ быть усну немного“. Но черезъ четверть часа вдругъ велѣлъ открыть ихъ и произнесъ: „Свѣту, свѣту!“ За часъ до смерти онъ сказалъ женѣ, голосомъ совершенно спокойнымъ: Je crois, que

c'est le commencement de l'agonie" ¹⁾). Потомъ прибавилъ: „Когда все будетъ кончено, телеграфируй Борису“. Онъ сталъ наклоняться въ стѣнѣ, ему подложили подушку, онъ прислонился, и казалось, ему было хорошо; дыханіе сдѣлалось рѣдко, потомъ разъ пять онъдохнулъ тяжело и заснулъ на вѣки. Онъ умеръ, придерживая правый бокъ. Въ первую минуту на лицѣ изображалось еще земное страданіе; но черезъ нѣсколько времени лицо его выразило совершенное спокойствіе: онъ какъ будто улыбался. За литіей еще пѣли: Христось воскрес! Шевыревъ умеръ на 58 году.

Въ заключеніе передамъ тѣ строки, которыя вылились у меня на бумагу въ первую минуту при полученіи скорбнаго извѣстія:

„И Шевыревъ успокоился отъ трудовъ и отъ скорбей своихъ! Онъ скончался въ Парижѣ, 8-го мая, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни.

„А трудовъ его было много! Напомнимъ забывшимъ: Исторія Русской Словесности, четыре тома, обнимающіе древнѣйшій ея періодъ; Теорія Поззіи; Исторія общей Словесности, въ шести томахъ, изъ коихъ одинъ напечатанъ; Исторія Московскаго университета; Біографическій Словарь профессоровъ Московскаго университета, въ двухъ томахъ; Литературныхъ рецензій тома на четыре; Разныхъ переводовъ съ греческаго, нѣмецкаго, писемъ и проч. тома на четыре; Изслѣдованіе о Дантѣ; Обзорѣніе исторіи итальянской живописи; Рѣчь о заслугахъ Жуковскаго; Рѣчь о нравственномъ воспитаніи; Археологическо-филологическое путешествіе въ Кирилловъ монастырь, въ двухъ томахъ.

„А сверхъ того онъ прочитывалъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ, сотъ по пяти студенческихъ разсужденій въ годъ, съ придачей магистерскихъ разсужденій, отъ строки до строки, и выучилъ писать многихъ изъ нашихъ писателей.

„Довольно ли человекъ сдѣлалъ?

„Мало, отвѣчаютъ мнѣ тѣ, которые ничего не дѣлаютъ, ничего не могутъ дѣлать, но очень хорошо, отлично знаютъ, что и какъ надо дѣлать.

„Есть ли за что благодарить труженика?

„Не за что, продолжаютъ они отвѣтъ: его физиономія намъ не нра-

¹⁾ «Кажется, начинается предсмертная мука».

вилась, его походка была нетверда, его голосъ иногда дребезжалъ, онъ дѣлалъ намъ непріятности, онъ имѣлъ мысли, не согласныя съ нашими.

„Правда, среди усиленныхъ трудовъ, при напряженныхъ нервахъ, особенно предъ университетскимъ юбилеемъ, который онъ вынесъ на плечахъ своихъ, случалось ему быть очень раздраженнымъ; но вся наша братья, работающіе головой, знаютъ по опыту, какъ это положеніе естественно и извинительно. Точно, онъ бывалъ тяжелъ въ такомъ положеніи, особенно для тѣхъ, которые безъ всякой *пощады*, не только безъ всякой *снисходительности*, старались дразнить, и какъ бы нарочно, выводить его изъ себя; но его доброе сердце, его чистая любовь къ наукѣ, его забота о добросовѣстномъ исполненіи своей профессорской обязанности, его безпримѣрное трудолюбіе, его общее многостороннее образованіе, его ревностное попеченіе о студентахъ, любовь къ отечеству, за которую онъ и пострадалъ, искупаютъ сторицею всѣ недостатки, и онъ имѣетъ полное право на общую признательность.

„Да, скажу я смѣло: Шевыревъ имѣетъ полное право на глубочайшую признательность. Онъ сдѣлалъ много для своего времени, онъ далъ сочиненія, которыя надолго еще останутся лучшими источниками свѣдѣній о словесности, какъ русской, такъ и иностранной; онъ далъ разборы, въ которыхъ заключается много вѣрныхъ, поучительныхъ замѣчаній о важнѣйшихъ произведеніяхъ искусства; онъ содѣйствовалъ образованію тысячей студентовъ, которыхъ онъ выучилъ писать по русски. И къ нимъ обращаю я теперь мое слово, къ его ученикамъ, разсыпаннымъ по всей Россіи, получившимъ свѣдѣнія объ отечественномъ языкѣ подъ его руководствомъ, къ студентамъ, въ судьбѣ которыхъ во всѣхъ отношеніяхъ онъ принималъ живое участіе, которымъ онъ жертвовалъ своимъ временемъ, трудами, помогалъ всѣмъ, чѣмъ могъ, которымъ былъ преданъ отъ всей души. Я обращаюсь къ его товарищамъ, членамъ Московскаго университета, къ членамъ Общества любителей русской словесности. На насъ лежитъ долгъ искупить, хоть по смерти, часть той неправды, которой подвергся покойный Шевыревъ. Соберемъ сумму для сооруженія на могилѣ его надгробнаго памятника, соберемъ сумму на учрежденіе стипендіи для вознагражденія, хотя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, студентовъ за лучшія сочиненія по отдѣленію историко-филологическому, въ которомъ покойникъ двадцать лѣтъ читалъ лекціи и десять лѣтъ служилъ деканомъ самымъ ревностнымъ,

„Братія, сказалъ Апостоль, поминайте наставниен ваша!“

Послѣ этого воззванія, напечатаннаго въ *Русскомъ Архивѣ* г. Вартенева, собралось около двухъ тысячъ рублей. Памятникъ Шевыреву поставленъ, по рисунку покойнаго Рамазанова, на Ваганьковскомъ кладбищѣ. На преміи осталось около тысячи рублей. Нужно еще по крайней мѣрѣ двѣ, чтобъ учредить изъ процентовъ постоянную Шевыревскую премію, въ 150 — 200 руб., за лучшій студенческой трудъ въ историко-филологическомъ отдѣленіи Московскаго университета которому покойный посвятилъ свою жизнь. Неужели ли не соберется эта сумма? Жертвователи могутъ доставлять свои приношенія въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* ¹⁾. Обязанность издать полное собраніе сочиненій Шевырева лежитъ на Московскомъ университетѣ, въ которомъ произошло, кажется, какое-то недоразумѣніе по поводу моего предложенія.

М. Погодинъ.

¹⁾ Редакція съ величайшимъ удовольствіемъ готова принимать эти приношенія, сколь скоро на таковой сборъ будетъ испрошено установленнымъ порядкомъ Высочайшее соизволеніе.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ И УЧРЕЖДЕНІЙ.

Русское Этномологическое Общество. 13-го января 1869 года. 1. Доложено письмо министра народнаго просвѣщенія, отъ 11-го января, на имя президента Общества, съ извѣщеніемъ о назначеніи Обществу единовременно въ пособіе на изданіе трудовъ его членовъ 800 руб.

Общество, съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія принявъ это новое выраженіе вниманія министерства народнаго просвѣщенія къ его дѣятельности, положило предоставить президенту благодарить г. министра народнаго просвѣщенія.

2. Доложена корреспонденція Общества съ разными лицами и учрежденіями внутри Россіи и внѣ оной, между прочимъ:

а) Письмо директора училищъ Могилевской губерніи, съ препровожденіемъ нѣсколькихъ насѣкомыхъ и съ просьбою повѣрить опредѣленіе ихъ, которое не могло быть сдѣлано на мѣстѣ съ желаемою основательностью, по недостатку необходимыхъ литературныхъ пособій.

Доставленные экземпляры насѣкомыхъ розданы членамъ, вызвавшимся пересмотрѣть ихъ, съ тѣмъ чтобы по собраніи необходимыхъ свѣдѣній сообщить г. Арнольду просимыя имъ данныя.

б) Письмо директора Императорскаго Никитскаго сада, съ присылкою одного неизвѣстнаго еще вреднаго насѣкомаго, появившагося на виноградныхъ лозахъ, особенно въ Ливадіи.

К. Г. Ф. Гернетъ, взявшій на себя трудъ изслѣдованія присланныхъ животныхъ, передалъ Обществу нѣсколько предварительно собранныхъ имъ данныхъ о нихъ, предполагая представить болѣе полныя свѣдѣнія въ послѣдствіи, по полученіи болѣе точныхъ наблюденій и болѣе удовлетворительныхъ и многочисленныхъ экземпляровъ самыхъ насѣкомыхъ.

3. Отношеніе Императорскаго С.-Петербургскаго университета, съ приглашеніемъ къ участию въ празднованіи 8-го февраля 1869 года 50-лѣтняго юбилея университета и о назначеніи депутатовъ отъ Общества.

Депутатомъ избранъ по баллотировкѣ секретарь Общества, кандидатъ университета Семень Мартыновичъ Сольскій; кандидатомъ, на случай надобности замѣститъ его, Ѳ. П. Кеппелъ.

4. О. И. Радошковскій сообщилъ нѣсколько замѣтокъ по поводу статьи Goureau: „Les insectes nuisibles à l'homme, aux animaux et à l'économie domestique“, въ которой говорится, между прочимъ, о случаѣхъ смертельнаго отравленія чрезъ укушеніе нѣкоторыхъ мухъ. Къ этому О. И. Радошковскій разказалъ случай сильной болѣзненности, имѣющей характеръ отравленія трупнымъ ядомъ, котораго онъ самъ былъ свидѣтелемъ здѣсь, въ окрестностяхъ Петербурга.

Сообщеніе это возбудило оживленныя и продолжительныя пренія между членами, особенно со стороны доктора Ф. Ф. Моравица, предметомъ коихъ былъ между прочимъ общій вопросъ о томъ, въ какой степени вообще возможно и достовѣрно перенесеніе трупнаго и другихъ гнилостныхъ ядовъ разнаго рода мухами на ихъ жалъ и сосальцахъ ¹⁾).

С.-Петербургское Общество Естествоиспытателей. 14-го января настоящаго года, въ зданіи С.-Петербургскаго университета происходило 1-е засѣданіе С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей по отдѣленію зоологіи. Предсѣдателемъ отдѣленія избранъ академикъ Ф. В. Овсянниковъ, товарищемъ предсѣдателя — профессоръ медико-хирургической академіи Н. М. Якубовичъ, секретаремъ — докторъ Я. А. Дедюлинъ. Засѣданіе было открыто рѣчью предсѣдателя отдѣленія, въ которой онъ изложилъ цѣль и программу занятій отдѣленія, а также обратилъ вниманіе на тѣ трудности, которыя прійдется преодолѣвать при выполненіи этой программы. Потомъ обсуждался вопросъ объ изданіи журнала при отдѣленіи, въ которомъ бы помѣщались сообщаемыя статьи. При этомъ многими членами Общества высказано было желаніе, чтобы всѣ русскія общества естествоиспытателей имѣли однѣй общій журналъ, съ тѣмъ чтобы, во первыхъ, соединить въ немъ большее количество научныхъ статей, что содѣйство-

¹⁾ Сообщенія О. И. Радошковскаго и возбужденныя имъ пренія будутъ опубликованы въ свое время въ *Трудахъ* Общества съ надлежащею подробностью.

вало бы большому распространенію его, какъ у насъ, такъ и за границей, воторыхъ, увеличить матеріальныя средства, что обусловило бы правильность изданія и дало бы возможность хорошаго выполненія прилагаемыхъ къ статьямъ рисунковъ. Рѣшеніе этого вопроса было отложено до перваго общаго собранія Общества, и въ случаѣ одобренія, предполагено снестись со всѣми обществами естествоиспытателей въ Россіи.

Далѣе, по предложенію предсѣдателя, разсматривался вопросъ объ устройствѣ экспедиціи для изслѣдованія въ зоологическомъ отношеніи бассейновъ Балтійскаго и Бѣлаго морей. Предложеніе это было принято отдѣленіемъ, а подробное обсужденіе программы и устройства экспедиціи рѣшено было поручить комиссіи, состоящей изъ трехъ дѣйствительныхъ членовъ отдѣленія. Членами этой комиссіи были выбраны: гг. Моравицъ, Сентъ-Илеръ и Яржинскій.

Докторъ Кнохъ сдѣлалъ сообщеніе объ искусственномъ оплодотвореніи рыбъ, лососей и форелей, производимомъ имъ въ нарочно устроенномъ для этой цѣли акваріумѣ, во дворцѣ Его Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. При этомъ онъ показывалъ полученныя имъ интересныя формы уродства этихъ рыбъ. Въ заключеніе своего сообщенія докторъ Кнохъ предложилъ гг. членамъ Общества, заинтересованнымъ его наблюденіями, посѣтить самое мѣсто производства опытовъ. Замѣчательно, что доктору Кноху удалось оплодотворить икру сига молоками форели. Въ высшей степени было бы интересно довести эту помѣсь до полнаго возраста и посмотреть, способна ли она къ дальнѣйшему существованію.

Г. Яржинскій сдѣлалъ систематическое обзорнѣе волючеголовыхъ глистовъ (*Echinorhynchi*), найденныхъ имъ въ рыбахъ Финскаго залива и большихъ озеръ, лежащихъ въ нашемъ учебномъ округѣ. Въ теченіе 1½ лѣтъ имъ изслѣдованы кишки 186 экземпляровъ рыбъ, въ которыхъ найдено 12 видовъ эхиноринховъ. Г. Яржинскій пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ:

a) что распространеніе эхиноринховъ въ нашихъ рыбахъ значительно разнится отъ распространенія ихъ въ рыбахъ Западной Европы;

b) что самый распространенный видъ есть *Echinorhynchus raschukomus*;

c) что *E. Eperlani* не составляетъ отдѣльнаго вида, а есть не что иное, какъ недоразвившійся *E. raschukomus*;

d) что *E. gibbosus*, найденный имъ во многихъ морскихъ рыбахъ (корюшкѣ, бычкахъ, камбалахъ и др.), не составляетъ отдѣльнаго вида,

а представляет собою переходную форму *E. strumosus*, живущаго въ тюленяхъ, и что такимъ образомъ эхиноринки совершаютъ свои переходы не только чрезъ ракообразныхъ, какъ это принималось прежде, но и чрезъ позвоночныхъ животныхъ.

Г. президентъ Общества, профессоръ К. Э. Кесслеръ, сдѣлалъ нѣкоторые пополненія къ сообщенію г. Яржинскаго, въ короткихъ словахъ изложилъ организацію колючеголовыхъ глистовъ, на сколько она намъ извѣстна, разказалъ о томъ, что колючеголовые глисты проводятъ, подобно всѣмъ другимъ глистамъ, различныя стадіи своего развитія въ различныхъ животныхъ—напримѣръ, первыя стадіи своего развитія они проводятъ въ нѣкоторыхъ ракообразныхъ (*Gammarus*, *Axellus*), а послѣднія въ рыбахъ или другихъ позвоночныхъ животныхъ—и затѣмъ старался подтвердить наблюденія г. Яржинскаго насчетъ развитія *E. strumosus* данными, заимствованными изъ распространенія соответственныхъ животныхъ. При этомъ онъ особенно налегалъ на тотъ фактъ, что морская корюшка постоянно содержитъ въ себѣ недоразвитыхъ, запеленанныхъ колючеголовокъ (*E. gibbosus*, ошибочно принятыхъ имъ за *Echin. Eperlanii*), что въ Ладожской корюшкѣ подобныя колючеголовки встрѣчаются уже рѣже, и что ихъ совсѣмъ нѣтъ въ корюшкѣ Онежской, совершенно въ параллель тому, что и тюлени водятся во множествѣ въ Финскомъ заливѣ, рѣже попадаются въ Ладожскомъ озерѣ и совсѣмъ отсутствуютъ въ Онежскомъ озерѣ. По мнѣнію профессора Кесслера, остается только желать, чтобы въ высшей степени интересныя изслѣдованія г. Яржинскаго были имъ продолжены и для завершенія подтверждены опытомъ.

Члены Энтомологическаго Общества, бывшіе въ засѣданіи, высказали желаніе, чтобы статьи, относящіяся до энтомологіи, печатались въ ихъ журналѣ, при чемъ изъявили готовность принять на себя всѣ издержки какъ по напечатанію, такъ и по изготовленію рисунковъ.

Въ концѣ засѣданія были опредѣлены дни слѣдующихъ въ году собраній по отдѣленію зоологіи: 11-го февраля, 11-го марта, 8-го апрѣля, 6-го мая, 9-го сентября, 7-го октября, 11-го ноября и 9-го декабря.

Общество Любителей Россійской Словесности. 8-го января 1869 г. 1. Секретарь П. К. Щебальскій доложилъ Обществу содержаніе отношенія редакціи *Журн. Мин. Народн. Просв.*, которая проситъ поощрять ей копія съ протоколовъ Общества. По выслушаніи сего поста-

новлено: сообщать упомянутой редакціи копии съ протоколовъ Общества, начиная съ нынѣшняго засѣданія.

2. Казначей Н. А. Поповъ доложилъ, что онъ получилъ слѣдующіе членскіе взносы за 1869 годъ: отъ предѣдательствующаго Н. В. Пудяты 10 руб., отъ Д. Ч. Н. О. Эмина 10 руб. и отъ Д. Ч. Кн. Н. А. Цертелева 10 руб.

Опредѣлено: записать въ приходъ.

3. Секретарь представилъ принесенныя въ даръ Обществу книги: а) отъ правленія Московскаго университета *Извѣстія* № 8-й. б) отъ Д. Ч. И. И. Срезневскаго „Древніе славянскіе памятники юсоваго письма“, и в) отъ Д. Ч. К. И. Невоструева: слово св. Ипполита объ антихриствѣ. Определено: принявъ съ признательностію, передать въ бібліотеку Общества.

4. Затѣмъ на основаніи § 17-го устава и согласно 2-му пункту протокола 258 засѣданія, приступлено было къ избранію должностныхъ лицъ, вслѣдствіе чего избраны на слѣдующее трехлѣтіе предѣдателемъ Д. Ч. Ю. О. Самаринъ, секретаремъ Д. Ч. П. А. Безсоновъ, казначеемъ Д. Ч. Н. А. Поповъ, временными на одинъ годъ: предѣдателемъ Д. Ч. Н. В. Пузята и секретаремъ Д. Ч. А. А. Майковъ; — членами приготовительнаго комитета Дд. Чч. И. С. Аксаковъ, Н. А. Чаевъ и кн. Н. А. Цертелевъ.

5. Затѣмъ возбужденъ былъ вопросъ, слѣдуетъ ли обновлять личный составъ редакціонныхъ комиссій, такъ какъ это обстоятельство не разъяснено въ уставѣ. Послѣ нѣсколькихъ выраженныхъ въ различномъ смыслѣ мнѣній, определено: не дѣлать періодическихъ обновленій въ личномъ составѣ редакціонныхъ комиссій, а пополнять мѣста выбывающихъ изъ оныхъ членовъ по мѣрѣ надобности, и имѣть это правило въ виду для внесенія въ уставъ.

6. Послѣ того приступлено было къ избранію въ почетные члены, каковыми и избраны: а) владѣтельный князь Черногорскій Николай I, б) бывший предѣдатель Общества Николай Васильевичъ Калачевъ и в) ректоръ Московской духовной академіи, протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій.

7. Д. Ч. А. И. Кошелевъ заявилъ, что онъ желалъ бы изъ назначенныхъ имъ на полезныя изданія Общества трехъ тысячъ рублей выдать до пяти сотъ рублей Д. Ч. П. А. Безсонову для того, чтобы доставить ему возможность продолжить нѣкоторыя начатыя имъ изданія, а именно: *Калѣки переходящія* и *Бѣлорусскія тѣсни*. По выслушаніи этого, Общество опредѣлило выдать заимообразно Д. Ч. П. А.

Безсонову пятьсотъ рублей на означенныя изданія срокомъ на одинъ годъ.

28-го января 1869 года 1. Предсѣдательствующій открылъ засѣданіе заявленіемъ, что избранный въ послѣднемъ засѣданіи въ предсѣдатели Д. Ч. Ю. Ѳ. Самаринъ отъ званія этого отказался, при чемъ прочелъ полученное имъ письмо, въ коемъ между прочимъ Ю. Ѳ. Самаринъ проситъ „выразить Обществу глубочайшую его признательность за оказанную ему незаслуженную честь и въ то же время искреннее его сожалѣніе о томъ, что личныя его обстоятельства ставятъ его въ необходимость отъ нея отказаться“.

2. Затѣмъ предсѣдательствующій предложилъ приступить къ избранію новаго предсѣдателя, вслѣдствіе чего Общество избрало предсѣдателемъ Д. Ч. А. И. Кошелева.

3. Секретарь представилъ принесенныя въ даръ Обществу книги: а) отъ правленія Московскаго университета *Извѣстія* № 9-й за 1868 годъ и № 1-й за 1869 годъ; б) отъ совѣта Харьковскаго университета *Протоколы* онаго № 5-й; в) отъ Московскаго Археологическаго Общества *Древности*, и г) отъ Д. Ч. Н. А. Попова *Годичное засѣданіе Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи*.

Опредѣлено: принявъ съ признательностію, передать въ бібліотеку Общества.

4. Казначей представилъ счетъ, по которому слѣдуетъ уплатить за печатаніе дипломовъ, расходы по засѣданіямъ, жалованье письмоводителю и сторожу за январь мѣсяцъ и проч. *тридцать два рубля 41 копейка*.

Опредѣлено: уплатить и записать въ расходъ.

СЛАВЯНСКІЯ МАТИЦЫ И УЧЕНЫЯ ДРУЖСТВА.

Не вездѣ разстояніе между наукою и жизнью такъ же велико, какъ у насъ. Тамъ, гдѣ государство держится преданіемъ и права извлекаются изъ хартій, археологія есть одинъ изъ важныхъ двигателей жизни, филологъ является передовымъ бойцомъ за оспариваемыя права народнаго языка, а историкъ будитъ народную доблесть картинами болѣе славнаго прошлаго. Наука несетъ тамъ народную службу. Такое именно значеніе имѣетъ она у сѣверо- и юго-западныхъ Славянъ. Конечно, это служиваетъ ея горизонтъ, приковываетъ къ извѣстному мѣсту и времени и даже сковываетъ полетъ мысли; но за то опредѣленность задачъ исключаетъ изъ области науки фантазію, а въ борьбѣ мнѣній вырабатывается критическій тактъ и глубокий анализъ. Правда, что полемическіе приемы часто вредятъ научному безпристрастію; но за то патріотическое участіе къ дѣлу исключаетъ равнодушное къ нему отношеніе, которое вредно тѣмъ, что неизбежно переходитъ отъ пишущаго къ читающему. Это отзывается въ самомъ тонѣ ученыхъ изслѣдованій, даже такихъ солидныхъ, какъ „Славянскія Старожитности“ и „Чешскія Дѣянія“. Археологія здѣсь мирится съ поэзіей: Колларъ и Челяковскій пишутъ трактаты, а Ербенъ и Кукулевичъ — пѣсни!...

Приверженцамъ чистой науки такой взглядъ на нее можетъ показаться ограниченнымъ, но никто не назоветъ его случайнымъ или неумѣстнымъ: только наука даетъ тамъ нѣкоторое единство разсѣянными силами, собирая ихъ въ служеніи идее народности въ ея борьбѣ за существованіе. Безъ этого намъ были бы непонятны участіе и жертвы, которыя народъ несетъ въ пользу своихъ *учено-литературныхъ учреждений и обществъ*. Это; въ самомъ дѣлѣ, центры народной жизни, мастерскія, въ которыхъ готовятся орудія борьбы и средства защиты. Предполагая знакомить читателей съ отдѣльными проявленіями умственной жизни южныхъ и западныхъ

Славянь, мы должны начать съ ея *очаговъ*, съ тѣхъ *матитныхъ* узловъ, воеругь которыхъ собираются дробные опилки, тѣхъ *маточниковъ*, безъ которыхъ пчелиные рои разлетѣлись бы врозь: мы начнемъ съ *славянскихъ матицъ* ¹⁾.

Первая славянская *матица* основана была *Сербами* въ *Будимѣ* въ (Ofen), 1826 г. Она поставила своею задачей распространеніе въ народѣ полезныхъ и дешевыхъ книгъ, поощреніе ученыхъ трудовъ и изданіе журнала. Вѣнское правительство не мѣшало открытію (въ 1828 г.) и другаго подобнаго же общества въ Прагѣ, подъ названіемъ *Чешскаго Музея* или *матицы*. Только нѣсколько позже *Меттернихъ* спохватился, и не смотря на „Патріотическій гласъ во славу Франца I“, поднесенный императору отъ имени *матицы*, ей запрещено было впредь величаться этимъ именемъ, а велѣно быть просто „Кассой Чешскаго Музея для изданія чешскихъ книгъ“. Воспользовавшись раздорами членовъ „Сербской *матицы*“ правительство даже закрыло общество, но чрезъ годъ дѣятельность его возобновилась. Между тѣмъ примѣръ дѣйствовалъ заразительно: въ 1847 году устроилось общество для изданія ученыхъ и народныхъ книгъ и журналовъ въ Саксонскомъ Будшинѣ (Bautzen), подъ названіемъ *Сербской матицы* (Лужицкой); въ 1848 году основана во Львовѣ *матица Галицкая* для изданія дешевыхъ книгъ, и хотя событія 1848 года приостановили на время дѣятельность литературную, но она пробудилась съ новою силой, послѣ революціи, не смотря на реакцію; въ 1849 году въ Бернѣ (Brünn) открыто „Народное Общество св. Кирилла и Методія“ или *Моравская матица* (съ 1863 года) для изданія книгъ, оказанія пособія наукамъ, основанія библиотекъ, читаленъ и т. д. Въ томъ же году *Б. Петрановичъ* собралъ маленький капиталъ для учрежденія *матицы Далматинской*, и хотя ему это не удалось, но за то *Загребъ* (Agram) былъ счастливѣе; въ 1851 году утвержденъ уставъ тамошней *матицы Иллирской*. Правда, что слѣдующее за тѣмъ десятилѣтіе *Вахова* абсолютизма приостановило свободную дѣятельность всѣхъ почти народныхъ отправленій, но за то послѣ *Виллафранки* Славянская Австрія воскресла: въ 1860 году обновилось устройство и дѣятельность *матицы Чешской*; въ 1861 году задумана, а чрезъ два года, послѣ напрасныхъ канцелярскихъ проволочекъ, открыта *матица Словенская* въ *Быстрицѣ*, поставившая своею цѣлію возбужденіе, расширеніе и

¹⁾ Слово *матица* въ древне-славянскомъ языкѣ имѣло два значенія: *мать* и *очагъ*. Въ ново-сербскомъ оно означаетъ еще *царицу пчелинаго роя*. Предоставляемъ читателю подобрать этимологию, наиболее соответствующую понатію.

утвержденіе въ средѣ Словаковъ нравственной и умственной образованности. Перемена въ настроеніи правительства была столь велика, что самъ „цесарь“ записался въ число членовъ этого общества. Въ 1862 году утверждена въ *Задрѣ* (*Zaga*) *матича Дилматинская*; затѣмъ въ 18^{63/64} годахъ составилаь и утверждена *матича Словенская въ Люблянѣ* (*Laibach*); въ то же время усилилась дѣятельность *Галицкой матичи* и перенесена (послѣ 13-лѣтнихъ домогательствъ) изъ Будима въ Новый Садъ (*Neusatz*) — *матича Сербская*.

Такимъ образомъ въ настоящее время существуетъ 9 славянскихъ матицъ, изъ коихъ 8 въ Австріи. По своему устройству подѣ типъ матицъ подходитъ нѣсколько и *Бльградское Ученое Дружество* (осн. въ 1842 году); но по своей программѣ и плану оно имѣетъ притязанія быть обществомъ ученыхъ; во всякомъ случаѣ оно представляется учрежденіемъ болѣе правительственнымъ, чѣмъ народнымъ: въ Сербіи нѣтъ еще общества, есть только правительство, поглотившее интеллигентныя силы страны и принявшее на себя починъ не только общественныхъ преобразованій, но и литературнаго обновленія. Точно также отлична отъ матицъ и учрежденная (въ 1866 г.) въ Загребѣ, по общественной инициативѣ и на земскія средства, *Юго-Славянская Академія*: своею цѣлью она поставила самостоятельныя изслѣдованія въ области наукъ и искусствъ, заботы объ успѣхахъ юго-славянскаго языка и литературы; она помогаетъ частнымъ ученымъ въ изданіи трудовъ, слѣдитъ за открытіями и изобрѣтеніями и знакомитъ съ ними общество посредствомъ своего журнала. Одно то, что *Академія* не показалась излишнею рядомъ съ Иллирскою матичею, указываетъ на существенную разницу между ними. Еще болѣе это можно сказать о *Богемскомъ Ученомъ Обществѣ* въ Прагѣ, основанномъ за полвѣка до учрежденія Чешской матичи (въ 1771 г.), но съ цѣлями учеными, а не патриотическими, — какъ *Societas docta*, а не *docens*, и притомъ какъ „*Königliche Gesellschaft*“, а не „спомешъ властенцовъ“ (общество патриотовъ). У Поляковъ нѣтъ матичи, потому что Краковское *Ученое Товарищество* столь же далеко отъ народной жизни, какъ и *Польское Историко-Литературное Общество* въ Парижѣ, или *Познанское Общество пргуясиодъ наукъ* (любителей наукъ). Правда, что въ издательскомъ отношеніи не лишены заслугъ *Институтъ Оссолинскихъ* во Львовѣ, издающій *Библиотеку польскихъ писателей*; но тутъ нѣтъ стремленій къ популяризаціи полезныхъ знаній, нѣтъ снисхожденія къ народной жизни: у Поляковъ не было народнаго возрожденія, ни даже стремленія къ нему, потому и матича не могла у нихъ

возникнуть. Совершенно по другой причинѣ нѣтъ ея у Славянъ Турецкихъ и Прусскихъ. Если въ Польшѣ еще нѣтъ народа, то въ *Болгаріи* и *Боснѣ* еще нѣтъ образованнаго общества, даже бюрократическаго, нѣтъ народнаго центра, и незначительная издательская дѣятельность Болгаръ раздроблена между Браиловымъ и Бѣлградомъ, Бухарестомъ и Одессою, Царьградомъ и Смирною. *Босна* же и *Герцеговина* питаются крохами, залетающими къ нимъ изъ Задра, Загреба и Бѣлграда. Что касается, наконецъ, *Балтійскаго Поморья* и крошечныхъ *Нижнихъ Лужицъ*, то они, кажется, уже распрощались со славянскими надеждами, и все крѣпче жметъ ихъ въ своихъ объятіяхъ прусскій германизмъ.

Нѣтъ матицъ еще въ одной Славянской державѣ, отчасти потому что тутъ слабо еще желаніе просвѣщать и потребность просвѣщаться, потому что сила развиваетъ безпечность, опека убавливаетъ, а отсутствіе борьбы усиливаетъ инерцію жизни. Но „ласточка возрожденія“—матицы явятся и у насъ, конечно, съ другимъ характеромъ, и не одна, а столько же, сколько у насъ губерній; но во главѣ всѣхъ будетъ та, которая болѣе другихъ требуетъ инициативы общественной — *Русская всеславянская матица*. . . .

Первый починъ въ дѣлѣ народнаго возрожденія Славянъ безспорно принадлежитъ людямъ науки и литературы. Первымъ устройтелемъ и пѣстуномъ Чешской матицы былъ *Палацкій*. Первый камень Сербской матицы въ Будимѣ положенъ *Хаджичемъ* и *Магарашиевичемъ*; Галицкая матица учреждена по мысли *Хуркевича*; Лужицкая основана *Смоляромъ*, Словацкая — *Францисци*, Люблинская — *Томаномъ* и Далматинская — *Петрановичемъ*. Но патріотическія затѣи отдѣльныхъ личностей не имѣли бы большаго успѣха, еслибъ онѣ не встрѣчали нравственнаго сочувствія и матеріальной поддержки въ средѣ болѣе широкой. Въ этомъ отношеніи судьба матицъ столь же различна, какъ внутреннія отношенія разныхъ слоевъ общества въ каждой изъ славянскихъ странъ.

Можно отмѣтить 4 элемента, взаимодѣйствіемъ которыхъ опредѣляется характеръ всѣхъ проявленій народной жизни, а слѣдовательно, и характеръ матицъ: это элементы *бюрократическій*, *аристократическій*, *духовный* и *собственно-народный*. Въ странахъ, лишенныхъ народнаго правительства, участіе *чиновничества* въ дѣлахъ народныхъ проявляется болѣе тормозящимъ образомъ, и только въ Бѣлградѣ самому правительству принадлежитъ инициатива во всѣхъ движеніяхъ народной жизни, хотя послѣдняя не всегда отъ этого выигрывала. Почти

весь бюджет Сербскаго Дружества ассигнуется изъ государственной казны (до 30.000 fl.), и въ числѣ членовъ общества состоятъ разные министры, члены державнаго совѣта, секретари, судьи, протосиндѣлы, ректоры семинарій, управители гимназій, капитаны, но мало именъ изъ среды духовенства, писателей и купцовъ.—Австрійское чиновначаліе въ сильной степени пропитано нѣмецкимъ запахомъ; на листахъ членовъ матицъ значатся даже имена Белькреды и Голуховскаго, но какъ графовъ, а не какъ министровъ. Впрочемъ и *аристократизмъ* — сомнительная почва для развитія народныхъ славянскихъ идей; не въ одной Боснѣ власти и велизани польстились на привилегіи душманина: боярство въ значительной мѣрѣ измѣнило народному дѣлу и въ Далматскомъ Поморьѣ, Краинскомъ и Хорватскомъ Посавьѣ, въ Угорскомъ Потисьѣ и Словацкомъ Поважьѣ; лишь немногіе устояли здѣсь противъ соблазновъ итальянизаци, мадьяронства и германизма. Только Чешская и Новосадская матицы многимъ обязаны патриотизму нѣкоторыхъ членовъ старыхъ аристократическихъ родовъ. Первымъ патрономъ *Чешскаго Народнаго Музея* былъ меценатъ Палацкаго — гр. Каспаръ Штернбергъ. Значительные денежные взносы, единовременные и постоянные, сдѣланы также кн. Кинскимъ (1000 fl.), гр. Колоратомъ - Краковскимъ (250 fl. ежегодно), гр. Туномъ, кн. Лобковичемъ, кн. Шварценбергомъ, гр. Клямъ-Мартиницемъ и др. Матеріальныя средства матицы выросли такимъ образомъ до довольно крупной цифры (около 150.000 fl.), и издательская дѣятельность могла развернуться довольно широко. Всѣ классы общества приняли дѣятельное участіе въ народномъ учрежденіи, и хотя съ 1851 года число членовъ уменьшается, все-таки теперь ихъ считается до 3000.

Сербская (Н. Садская) матица была бы учрежденіемъ незначительнымъ по своимъ средствамъ и дѣятельности, еслибъ она не была распорядительницей крупныхъ фондовъ, завѣщанныхъ ей нѣсколькими богатыми патриотами: въ 1842 году предсѣдатель матицы *Сива Текли* завѣщалъ ей все свое состояніе, вмѣстѣ съ домами, нивами, лугами, на сумму свыше 200.000 fl., для содержанія сербскихъ стипендіатовъ (18 чел.) въ университетѣ, для учрежденія типографіи, изданія журнала и т. д. Два другіе патриота *Паво Йовановичъ* и *Йованъ Нике* пожертвовали — первый 35.000 fl., а второй — 14.000 fl., тоже для образовательныхъ цѣлей.

Главными народными дѣятелями и вкладчиками матицъ *Быстрицкой* и *Загребской* были члены *Духовенства*. На подписныхъ листахъ Словенской матицы (1863 г.) наиболѣе крупныя взносы сдѣлали парохъ

Н. Петіанъ (8000 fl.), епископы—Мойзесь (2.200 fl.) и Штросемайеръ (1000 fl.), каноники: Козачекъ (1050 fl.) и Червень (1000 fl.), и вообще на первомъ планѣ здѣсь стоятъ капланы, опаты (аббаты), фарары и за ними уже профессора, адвокаты, урядники, редакторы, лѣваря, инженеры, мѣщане и купцы. Цесарь тоже пожертвовалъ 1000 fl. на Словенскую матицу. Впрочемъ у Словаковъ народное сознаніе довольно развито даже въ нижнихъ слояхъ народа, такъ что ново-учрежденная матица съ первыхъ дней своего существованія считала въ своей средѣ болѣе тысячи членовъ и располагала капиталомъ до 100.000 fl., тогда какъ Пражская матица 30 лѣтъ спустя послѣ своего основанія не могла еще перешагнуть этой желанной цифры.

Первая мысль объ *Иллирской* матицѣ подана гр. Янкомъ Драшковичемъ (завѣщавъ 10.000 fl.); банъ Елачичъ, Милошъ Обрековичъ (460 fl.) и жупанъ Вукотиновичъ тоже участвовали въ подпискѣ; но значительныя суммы пожертвованы также кардиналомъ Гауликомъ (до 3000 fl.), владыками Куковичемъ и Ожеговичемъ, особенно же епископомъ Сръмскимъ Штросемайеромъ, пожертвованіемъ котораго (въ разное время до 10.000 fl.) обязана своимъ существованіемъ и *Юно-Славянская Академія*. Въ прошломъ году Иллирская матица предоставила распоряженіе своими капиталами (до 40.000 fl.) савѣту академіи, которой средства и безъ того значительны, такъ какъ земскій сеймъ Триединого королевства выхлопоталъ для академіи ассигновку изъ земской кассы.

Гораздо исключительнѣе участіе духовенства въ народномъ образованіи и наукѣ въ *Галліціи*. Кромѣ Голуховскаго, мы не встрѣчаемъ здѣсь титулованныхъ именъ. Львовская матица представляется какъ бы отдѣленіемъ *Ставропигіального института* Львовскаго братства, которое, правда, считало нѣкогда въ числѣ своихъ членовъ Острожскихъ, Корецкихъ, Тышкевичей, Киселей, Роговъ; но теперь тамъ участвуютъ почти исключительно врилошане.

Члены матицы—Литвиновичъ (митрополитъ), Куземскій, Головацкій (оба теперь въ Россіи), Петрушевичъ, Борышкевичъ и друг., все это приходники, прелаты, деканы, parroхи, монахи ордемовъ св. Василія и Иисуса (напримѣръ, Мартыновъ, что въ Парижѣ!) и за ними уже учителя, профессора, совѣтники, аптекаря, купцы, пивовары и т. д. Впрочемъ число членовъ матицы (около 250) очень ограничено, и средства (до 20.000 fl.) незначительны.

Много обязана духовнымъ своимъ членамъ *Далматинская матица*, основанная священниками Петрановичемъ и Даниломъ, при содѣйствіи

Штроссмайера (подарившаго 1.000 фл.) и нѣсколькихъ мѣстныхъ патриотовъ. Число членовъ до 400, капитала около 10.000 фл. Еще ограниченнѣе издательскія средства *Люблянской матицы* (7.200 фл.), хотя число членовъ нѣсколько значительнѣе (500). Почти ничѣмъ не заявляетъ своего существованія матица Моравская и съ крайними усиліями влечитъ его *Лужицкан*, гдѣ народъ несетъ посылную лепту въ пріютъ своей гибнущей народности; но какой оборотъ можно сдѣлать, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, изъ какихъ-нибудь 600 талеровъ, составляющихъ годичный взносъ сотни членовъ матицы!

Внутреннее устройство всѣхъ матицъ довольно однообразно. Почетнымъ предсѣдателемъ выбирается обыкновенно епископъ (Мозесъ, Штроссмайеръ, Литвиновичъ, Платонъ Атанацковичъ), вельможа (Кламъ Мартиницъ), или вообще основатель и наиболѣе дѣятельный членъ (Петрановичъ, Томанъ, Хитиль, Гавриловичъ и др.). Впрочемъ почетный предсѣдатель болѣе покровитель, чѣмъ администраторъ общества, и потому всюду избираются еще: 1) подпредсѣдатель, одинъ или нѣсколько, для заправленія текущими дѣлами общества (Францисци и Павлини Тотъ, Рачки, Данило и др.); 2) тайникъ („еднагель“ или секретарь) и 3) благайникъ (казначей). Затѣмъ члены, смотря по суммѣ взноса, порядку выбора, мѣсту пребыванія и участию въ дѣлахъ общества, раздѣляются на нѣсколько разрядовъ:

1) *Почетные* (почетни) выбираются изъ людей, занимающихъ высокое общественное положеніе или извѣстныхъ по своей ученой дѣятельности;

2) *Дѣйствительные* (редовни, чинни), которые опять раздѣляются на *основателей* (закладателя) и ежегодныхъ *взносчиковъ* (приспивајици);

3) *Корреспонденты* (дописујици, дописне чланове) изъ отсутствующихъ своихъ или иностранныхъ писателей.

Разсматривая списки почетныхъ членовъ и корреспондентовъ разныхъ матицъ, мы встрѣчаемъ слѣдующія имена ¹⁾:

Русскіе—Востокъ (Срб.), Н. И. Надежинъ (Срб.), Блудовъ (Срб.), Протасовъ (Срб.), М. П. Погодинъ (Чеш., Хорв.), Срезневскій (Чеш., Срб., Хорв.), Бодянский (Срб.), Раевскій (Словак.), Гильфердингъ (Чеш., Срб., Иллр.), Ламанскій (Срб., Словац.), Соловьевъ (Чеш.), Буслаевъ (Чеш.), А. Майковъ

¹⁾ Въ скобкахъ мы указываемъ матицу, избравшую называемое лицо въ число своихъ членовъ. Чеш. — Чешская матица, Срб. — Бѣлградское ученое дружество, Хорв. — Юго-славянская академія, Иллр. — Иллирскія (Загребская) матица, Словац. — Словенская матица въ Быстрицѣ, Н. Сад. — Ново-садская, Далм. — Далматинская.

(Срб.), Безсоновъ (Срб.), И. Аксаковъ (Срб.), Семеновъ (Чеш.), Рупрехтъ (Чеш.), Лобановъ (Чеш.), Зеленецкій (Срб.), Мурзакевичъ (Срб.) и др.

Поляки—Мацѣевскій (Чеш., Срб., Хорв.), Губе (Чеш.), Бѣлевскій (Иллир.), гр. Голуховскій (Галиц.).

Чехи—Палацкій (Иллир., Хорв.), П. І. Шафарикъ (Срб.), Челяковскій (Иллир.), Коловратъ (Иллир.), Пуркине (Иллир., Хорв.), Гаттала (Срб., Иллир., Словац.), Ирѣчекъ (Иллир., Срб), Томекъ (Иллир.), Езбера (Срб.), Колларъ (Срб.) и др.

Словаки—Мойзесъ (Чеш.), Л. Штуръ (Срб.), Гурбанъ (Срб.), Венцель (Иллир.) и др.

Сербы—Милошъ-Обреновичъ (Иллир.), Караджичъ (Иллир.), Іанко Шафарикъ (Чеш., Иллир., Н. Сад.), Матія Банъ (Иллир.), Ганриловичъ (Иллир.), М. Поповичъ (Иллир.), Медо-Пучичъ (Иллир.), Павчичъ (Иллир.).

Сербы Баната и Воеводины—Сава Текели (Срб.), Павелъ Атанацковичъ (Срб.), Хаджичъ (Срб.).

Хорваты—Штроссмайеръ (Чеш., Словац., Далм.), Рачки (Чеш., Срб.), В. Ягичъ (Срб.), Станко Вразъ (Срб.), Субботичъ (Срб.), Кукулевичъ-Самцинскій (Срб.), Даничичъ (Н. Сад.), Полизъ (Н. Сад.), Богишичъ (Срб.).

Хорутане—Копитаръ (Срб.), Миклошичъ (Хорв.).

Нѣмцы—Яковъ Гриммъ (Срб.), Перцъ (Чеш.), Ранке (Срб.), Моль (Чеш.), Дюммлеръ (Иллир.), Шлейхеръ (Хорв.), Францъ Іосифъ І (Словац.).

Итальянцы—Коб. Висіани (Срб.).

Французы—Апі Вошѣ (Серб., Чеш.), Милле (Серб.), Убичини (Серб.), Лежеръ (Иллир.).

Анличане—Бентамъ (Чеш.), Овенъ (Серб.).

Американцы—Агассизъ (Чеш.) и др.

Какъ ни случайна эта выдержка, все-таки изъ нея можно видѣть, что между разсматриваемыми обществами существуетъ круговая порука, взаимное участіе въ дѣлахъ и нѣкоторая внимательность къ учено-литературной дѣятельности своихъ сосѣдей и иноплеменниковъ.

Мы не станемъ перечислять *дѣйствительныхъ* членовъ матицъ: здѣсь сосредоточены всѣ умственныя силы каждой изъ славянскихъ странъ, ученые и писатели по всѣмъ отраслямъ знанія, безъ различія цвѣтовъ и направленій. Всѣ члены ежегодно собираются на „вальне сгромозени“ или „главную скупшину“ — на публичный торжественный сходъ, на которомъ читается отчетъ о дѣятельности общества за истекшій годъ, обсуждается планъ работъ на будущее время, выбираются члены постояннаго комитета (одбора), завѣдывающаго текущими дѣлами общества, ассигнуются суммы на разныя ученныя предпріятія и изданія, и наконецъ, утверждаются выборы новыхъ членовъ общества. Постоянная дѣятельность общества сосредоточивается въ засѣданіяхъ комитетовъ — „*господарскаго*“, или „*управляющаго*“, и „*книжевнаго*“. Последній подраздѣляется на разряды по спеціальнымъ областямъ

наукъ. *Сербское Дружество* и основанная по его образцу *Юно-Славянская Академія* — считаютъ каждая по 3 *одсыка* (отдѣленія) для наукъ и 1 для искусствъ:

- 1) За науке моральне, езикословне и литературне (въ Загребѣ — философія и право);
- 2) Науке историчне и державне, то-есть, государственныя (въ Загребѣ — исторія и философія);
- 3) Природословне и математичне.
- 4) За вѣштине (или умѣтности — искусства).

Къ сожалѣнію, ни въ Бѣлградѣ, ни въ Загребѣ не нашлось, кромѣ председателей, членовъ для послѣдняго отдѣла. Однако онъ существуетъ въ ожиданіи будущихъ благъ. Изъ матиць собственно только *Чешская* устроилась въ этомъ отношеніи съ нѣкоторою правильностію и постоянствомъ. „Вѣдецке сборы“ (ученыя собранія) Чешскаго Музея раздѣляются на „стале“ (постоянные) и „дочасне“ (временные). Постоянныхъ собраній три: 1) филолого-литературное (предс. Венцигъ); 2) археологическое (предс. Воцель); 3) натуральное (предс. Пуркине). Временныхъ собраній два: во первыхъ, „для изслѣдованія Чехіи въ естественно-историческомъ отношеніи“ (гр. Ностицъ, Пуркине), и вторыхъ, для выставки канціоналовъ и другихъ древнихъ рукописей и памятниковъ искусства. Независимо отъ этого, при музеѣ находится управленіе „книгови“ (библіотеки), архива, нумизматическаго кабинета и коллекцій по зоологін, минералогін, геологін, палеонтологін и ботаникѣ.

Теперь мы можемъ обратиться къ разсмотрѣнію собственно *издательской* дѣятельности матиць. По различію мѣстныхъ условій она представляетъ большое разнообразіе: отвѣчая на запросы жизни, она можетъ служить лучшимъ указателемъ степени народнаго развитія, состоянія науки и направленія умственной дѣятельности страны. Статистическія данныя о распространенности въ народѣ грамотности позволяютъ вывести слѣдующую лѣстницу для австрійскихъ Славянъ: Чехія, Моравія, Силезія (почти каждый грамотенъ); Штирія и Каринтія (онѣ выигрываютъ въ этомъ случаѣ отъ смѣшенія съ Нѣмцами — 5-й человекъ грамотенъ); затѣмъ Хорватія и Славонія (10-й чел.); Банатъ и Галиція (20-й чел.); Буковина и Крайна (30-й чел.); Поморье (60-й чел.), и наконецъ, Далмація (100-й чел.). Мы поймемъ отсюда, почему лишь Чешская матица могла предпринять крупныя и солидныя изданія, и Хорватская, повиднмому, начинаетъ вступать на путь болѣе царскій послѣ учрежденія академіи. Другія же матицы

должны ограничиваться изданіемъ тощихъ часописовъ, элементарныхъ книгъ для народа и мѣсяцеслововъ для домашняго обихода. Между тѣмъ изданія Чешской матицы могли бы страдать отъ сосѣдства такого значительнаго учрежденія, какъ *Боемское Ученое Общество*, тѣмъ болѣе, что послѣднее, издавая свои *Verhandlungen* на нѣмецкомъ языкѣ, тѣмъ не менѣе собрало вокругъ себя всѣ ученыя силы Чеховъ. Въ продолженіе своей почти столѣтней дѣятельности оно издало болѣе 40 томовъ солидныхъ трудовъ по всѣмъ областямъ знанія: астрономическіе труды — Стрлада; математическіе — Литрова; физическіе — Грубера, Шерера, Герстнера, Допплера, Давида; химическіе и геологическіе — Прохазки и Рейса, и естественно-историческіе — гр. Стернберга, Майера, Гайдингера, Воцеля, Пуркине, Вейтенвебера и др. Славистъ найдетъ тамъ цѣлую массу *историческихъ, археологическихъ и филологическихъ* статей и замѣтокъ Добнера, Пельцели, Добровскаго, Фойгта, Енгеля, Юнгмана, Ганки, Шафарика, Челяковскаго, Палацкаго, Томка, Ербена, Воцеля, Калины, Гануша, Гатталы, Гиндели, Небескаго, Шлейхера, В. Григоровича и мн. др. Въ настоящее время дѣятельность общества еще болѣе разрастается, и мы не разъ будемъ обращаться къ его изданіямъ, столь важнымъ для ученаго вообще и слависта въ особенности. Въ числѣ заграничныхъ членовъ общества значились или еще и теперь значатся: Либихъ, Флуранъ, Перцъ, Кетлѣ, Ейхвальдъ, Бекъ, Бидерманъ, Мори, Г. Курціусъ, Шлейхеръ, Миклошичъ, Валентинелли, Гильфердингъ; почетными членами общества считается также нѣсколько чешскихъ пановъ — графы Хотень, Тунъ, Ностицъ, Чернинъ и др. Ежемѣсячно бываетъ одно засѣданіе каждаго изъ 4 отдѣловъ общества (филологическаго, физико-математическаго, историческаго и философскаго). Каждое полугодіе издается книжка *Sitzungsberichte* — съ изложеніемъ прочитанныхъ на засѣданіяхъ статей, которыя затѣмъ, по выбору, печатаются въ запискахъ общества — *Verhandlungen der königlichen Böhmisches Gesellschaft der Wissenschaften*. Это первое не только по времени, но и по значенію, ученое западно-славянское общество, которое далеко оставляетъ за собою *Българское Ученое Дружество* и *Загребскую Академію*.

Въ Сербіи нѣтъ еще почвы для дѣятельности академической; мы съ трудомъ можемъ согласиться съ мнѣніемъ, будто со времени своего основанія (въ 1841 году) до 1864 года общество до того возвысилось относительно спеціальнаго образованія своихъ членовъ, что тѣсно ему уже было прежнее названіе (Общ. Серб. Словесности) и болѣе соответствующимъ показалось принять титулъ *Ученаго Друства*.

Не можетъ быть учености тамъ, гдѣ нѣтъ специализаціи предметовъ занятій: вѣдомо бы даровитѣльнѣе и трудолюбивѣе ни отличался, на-примѣръ, Коста Бранковичъ, мы съ трудомъ можемъ признать самостоятельность его учебныхъ трудовъ по философіи, логикѣ, психологіи, педагогіи и его лекцій — по математикѣ, физикѣ, статистикѣ и нѣмецкому языку. Мы понимаемъ всю трудность ученыхъ работъ на языкѣ, который, не смотря на труды Досифея, Ранча, Мушиндаго, Давидовича, не имѣетъ еще ни установленной системы правописанія, ни научной терминологіи. Вотъ почему намъ и казалась болѣе естественною и своевременною первоначальная задача Бѣлградскаго Дружества, — именно устройство сербскаго языка, чѣмъ теперешная — „заниматься всѣми науками подъ покровительствомъ министерства“. Въ 17 книгахъ *Гласника Д. С. Словеси*. (до 1864 года) можно найти много полезныхъ статей и матеріаловъ для исторіи, археологіи, филологіи, этно-и топографіи княжества, хотя все это имѣетъ знаніе сырого матеріала (особенно цѣнны нумизматическіе и археологическіе вклады Іанка Шафарика, собраннаго въ 1855—58 годахъ въ Венеціанскомъ архивѣ богатый историческій матеріалъ) или компиляціи и переводовъ — изъ Шафарика, Палацкаго и другихъ. Въ такомъ же родѣ и другія изданія Дружества: „Забаве за дѣту“, „О Сербскомъ правопису“, „Градье (матеріалы) за сербску грамативу“, „Срб. синтакса“ (Даничић), „Животъ св. Саве“ (Ж), „Споменици архива Дубровачкаго“ (М. Пуцић — 2 книги) и „Млетачкаго“ (Венеціанскаго) (І. Шафарикъ — 2 книги), учебники логики, физики (К. Бранковичъ) и астрономіи (І. Стенчъ) и т. д.

Беремъ *Гласникъ Ученого Друштва* и находимъ матеріалы для сербской исторіи изъ архива Деонской горы и разныхъ монастырей, о Фессаліи (переводъ съ французскаго), о Димитріѣ Солунскомъ, съ русскаго — кое-что изъ Новоструева, отрывки сербской исторіи по Куниберту и Ранке; все по прежнему, — переимѣнилось только имя, и мы безопасно можемъ отнести Друштво къ учрежденіямъ болѣе популяризирующаго, чѣмъ строго ученаго характера. Вотъ почему мы говоримъ о немъ заурядъ съ матицами.

Болѣе ученымъ характеромъ, по составу своему и по направленію дѣятельности, отличается *Юга Славянская Академія*, новая возрастомъ, но не отношеніемъ къ научнымъ требованіямъ. Хорваты давно уже прошли эническую ступень народнаго развитія, на которой стоятъ еще Сербы. Какъ ни многимъ обязаны Хорваты своимъ ученостямъ — Итальянцамъ и Нѣмцамъ, все же ихъ наука имѣетъ нѣкотораго пре-

данія и солидныхъ представителей: достаточно назвать Рачкаго, В. Ягича, Любича, Даничича, Богишича, Кукулевича-Сакцинскаго, Суботича. Въ продолженіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ академія проявила свою дѣятельность изданіемъ 5-ти томовъ своихъ трудовъ, въ которыхъ помѣщены капитальныя статьи по исторіи и археологін, филологін и народному праву и очень цѣнныя критическія замѣтки и рецензіи; изданы на счетъ академіи хорватская медицинская терминологія (Дезмана) и обширное изслѣдованіе хорватской флоры (Шлоссера); приготовлень къ изданію томъ сербскихъ памятниковъ изъ Венеціанскаго архива (Любича) и библиографическій указатель источниковъ славянскаго права (Богишича); собрано по вызову академіи много матеріаловъ для монументальнаго сербскаго словаря, и присланы отвѣты на составленную Богишичемъ программу для ознакомленія съ сербскимъ народнымъ правомъ. Покупка большой бібліотеки Кукулевича-Сакцинскаго (за 20.000 фл.) дѣлаетъ академію владѣтельницей лучшаго книжнаго собранія Хорватіи. Не удивительно, что академія привлекла къ себѣ всеобщее сочувствіе въ народѣ, и мы уже видѣли, что Иллирская матица очень поблѣднѣла отъ такого сосѣдства. Она и прежде довольно скромно вела свои дѣла. Въ продолженіе своего 15-лѣтняго существованія она занималась „проведеніемъ органическаго правописанія“, затѣяла изданіе Дубровицкихъ писателей, но ограничилась „Османомъ“ Гундулича; издала десятка два книгъ, въ томъ числѣ и поэтическія произведенія Станко Врза, „драматическія покушенья“ Деметра, — Словински Салтеръ (Дьорѣича), нѣкоторыя популярныя сочиненія по физикѣ, ботаникѣ, исторіи, и кромѣ своего журнала „Квижевника“ (съ 1864 года подъ редакціей Рачкаго), нѣсколько выпусковъ „Кола“, „Невена“ и „Босански Пріятель“ (III-й выпускъ). Цѣнны здѣсь собранія народныхъ сказокъ и пѣсенъ, данныя статистическія и вообще матеріалы этнографическія. Все-таки для народа это было хорошее подспорье; а дѣятельность *ученая* сосредоточивалась въ Загребскомъ „*Дружествѣ за юго-славянску новѣстницу и старину*“, которое до 1868 года издало 9 книгъ *Архива*, редактируемаго Кукулевичемъ-Сакцинскимъ. Дѣятельность этого общества съ учрежденіемъ академіи нѣсколько пріослабла, такъ что въ теченіе послѣднихъ 3-хъ лѣтъ изданъ лишь одинъ томикъ, въ которомъ имѣютъ ученое достоинство только работы Ягича и самого редактора. Послѣдній предпринялъ также съ 1863 года изданіе „*Новѣстникъ Споменикъ (историческихъ памятниковъ) Южныхъ Словенахъ*“, почерпаемыхъ изъ разныхъ архивовъ (Венеціанскаго, Вѣнскаго, Дубровницкаго, Неа-

политанскаго). И такъ, мы видимъ, что въ этомъ уголкѣ славянства наука все-таки имѣетъ достойныхъ представителей, и въ этомъ отношеніи соперничать съ Загребомъ можетъ лишь Прага, въ которой мы еще разъ возвращаемся.

Едва оперившись, года черезъ три послѣ своего основаніи, Чешская матица предприняла такое крупное изданіе, какъ „Словникъ“ Юнгмана: хотя это временно разстроило ея финансовыя дѣла, но за то число членовъ быстро возрасло, можетъ-быть, ивъ расчетовъ получать на правахъ члена матицы за полцѣны ея изданія. Какъ бы то ни было, матица приняла на себя изданіе „Старожитностей“ Шафарика, „Дѣвнъ Чешскаго народа“ Палацкаго, исторіи Чешской литературы Юнгмана, „Дѣи моцнарства Равоузево“ (государства Австрійскаго) Томка и нѣкоторые историко-филологическіе труды Томичка, Челяковскаго и Гатталы. *Часописъ* былъ выведенъ на широкую дорогу такими редакторами, какъ Палацкій и Шафарикъ. Но такъ какъ *Часописъ* принялъ при этомъ направленіе журнала по преимуществу историко-литературнаго, то въ началѣ 50-хъ годовъ при музеѣ стали выходить два другія, болѣе спеціальныя, повременныя изданія: 1) *Памятки Археологическаго Сбору* (10 лѣтъ подъ редакціей Запа, а съ 1865 года въ соредакторствѣ Запа съ Зоубекомъ); 2) *природовѣдскій сборъ* съ 1853 года началъ изданіе журнала *Жива* (ред. Пуркине и Крейчи). Оба журнала посвящены преимущественно изученію Чехіи, ея природы и древностей.

Для народнаго чтенія матица еще въ сороковыхъ годахъ предприняла изданіе цѣлой библіотеки въ 4-хъ серіяхъ: 1) Старочешская и 2) Новочашская библіотека, 3) произведенія классиковъ и 4) энциклопедія наукъ. Въ послѣднее время изданы сочиненія Гусса, Амоса Коменскаго, переведены Софокль, Эсхиль, Аристофанъ, и всѣ почти драматическія произведенія Шекспира — совокупными усиліями цѣлаго общества чешскихъ писателей.

Изъ числа матиць наибольшими средствами располагала *Ново-Садская*. Она издала болѣе 100 книгъ *Лѣтописа*, въ которомъ помѣщено много историческаго матеріала, но балдасть составляютъ здѣсь пѣсни, драмы, разказы, — Костица, Ювановича, Павловича, Поповича, Новаковича, Абердара, Владислава, Бугарскаго, Лазаревича, Милолюбя, Якшича. Уже одно обиліе стихослагателей внушаетъ подозрѣніе относительно достоинства ихъ произведеній: и въ самомъ дѣлѣ содержаніе ихъ не всегда облачаетъ въ авторахъ пониманіе требованій искусства и серьезнаго къ нему отношенія. Кромѣ *Лѣтописа*, ма-

тица издала для народнаго чтенія порядочное количество книгъ очень разнообразнаго содержанія: „Записки“ Вольтера, Всемирную Исторію (Магарашевича), Турци у Босни и панегирикъ цесарю Францу, Лиру Субботича и Мушицкаго, исторію Сербіи (Николича) и Славянское право Мацѣевскаго, Натанъ Мудрый Лессинга, и Кралевичъ Марко съ Вукомъ Дънегаломъ.

Галицкая матица въ первое 15-лѣтіе своего существованія издала до 30 книгъ большею частію для распространенія въ народѣ. Съ 1865 же года она предприняла изданіе *Науковаго Сборника* (по 4 кн. въ годъ), въ которомъ помѣщаются произведенія беллетристическія, историко-литературныя и этнографическія, критика и библиографія, отчеты о дѣйствіяхъ матицы и Народнаго Дома. Въ числѣ сотрудниковъ можно встрѣтить имена Петрушевича, Головацкаго, Федоровича, Добринскаго, Меруновича, Плушанскаго и др. Есть труды цѣнныя, хотя странно прилаживаются къ нимъ „Стрѣхи радости на прѣвдѣ митрополита“ и под., переносящія насъ въ Кіевъ до Петровскаго времени, съ его схоластическими приемами и хаотическимъ состояніемъ литературнаго языка.

Значительную издательскую дѣятельность обнаруживаетъ также *Лвовскій Ставропигиальный институтъ*: правда, это большею частію Служебники и Часословы; но кромѣ ежегоднаго Временника института съ мѣсяцесловомъ, тутъ попадаются и такія вещицы, какъ Исторія Галиціи Зубрицкаго, *Annales ecclesiae Ruthenae*, разные словари, грамматика, буквари, читанки школьны; здѣсь же перепечатаны Тарасъ Бульба, Гоголя, и ода „Богъ“, Державина!

Лужицкая матица, не смотря на свои крошечныя средства, внесла много свѣта и радости въ печальный пріютъ „Ванда“. Она издала до 35 книгъ *Часослосу*, въ которомъ помѣщены: поэтическія произведенія Ойлера и Пфуля; филологическія и этнографическія труды Смоляра, Бува, Имиша, Бонина; историко-критическія изслѣдованія и замѣтки Енча, Горника, Векля, Фидлера, и естественно-историческія работы Ростока и Дугмана. Кромѣ того матица издала замѣчательный сербо-лужицкій (лужицкій) словарь Пфуля, его же грамматикъ и Смоляра — собраніе народныхъ лѣсенъ. Наконецъ, общество издало для народнаго чтенія и школъ до 45 кн. и распространило ихъ въ количествѣ до 20.000 экземпляровъ. Его календарь такъ отвѣчаетъ народному вкусу, что расходится въ 4.000 экз., а это цифра порядочная для народа, состоящаго изъ 100.000 человекъ. Особенно замѣчательна дѣятельность *Лужицкой матицы* въ сравне-

нинъ съ *Моравскою*, которая въ продолженіе своего 20-лѣтняго существованія не издала и 10 книжекъ: народъ въ 1¹/₂ милл., а касса матицы въ 5.000 фл.; съ 1856 года приостановилось было даже изданіе календаря; теперь оно какъ будто просыпается, издаетъ соч. Драгутина Жеротина и еще кое-что, но все это очень скудно и случайно. Въ Вернѣ существуютъ два ученыя общества: 1) Земледѣлія и Землевѣдѣнія и 2) Испытателей природы. Кромѣ того, что ихъ труды издаются на нѣмецкомъ языкѣ, самый характеръ предмета изслѣдованія представляетъ мало точекъ соприкосновенія съ духовною жизнью народа: можетъ-быть, по этимъ лишьображеніямъ и терпятся эти *Königliche Gesellschaft* и *Verein* на почвѣ, которую Нѣмцы не теряютъ надежды въ скоромъ времени отвоевать у славянства.

Хорошая, повидимому, будущность предстонтъ *матицѣ Словенской*, что въ Банской Быстрицѣ. Словаки давно уже дѣлали попытки устроить общества съ издательскими цѣлями: въ 1790-хъ годахъ изданы историческія сочиненія Фандли, Киселя — Ученымъ словенскимъ обществомъ въ Тернавѣ; съ 1834 года Пештское общество любителей словенскаго языка и литературы издало 4 тома альманаха *Zora* и поэтическія произведенія Голлего. Въ 1844 году общество „Татринъ“ издало Штурову науку рѣчи славянской, нѣкоторыя соч. Годжи и нѣсколько народныхъ книгъ. *Матица Словенская* въ теченіе своего четырехлѣтняго существованія успѣла уже нѣсколько заявить свою дѣятельность: изданы два тома „Лѣтописи Матице Словенске“, которые впрочемъ на первый разъ заняты почти исключительно учредительнымъ уставомъ, спискомъ членовъ и протоколами первыхъ засѣданій, и лишь нѣсколько десятковъ страницъ II-го тома посвящено „Поеднаніемъ ведецьемъ а поучнемъ“ (статьямъ научнаго характера) — о древностяхъ Турчанскихъ, о христіанствѣ у Мадьяръ, о залежахъ опала на Словенску и др. Но въ то же время открыто два комитета: 1) для собиранія словарнаго матеріала, народныхъ пословицъ, пѣсень и сказокъ, и 2) для составленія славянской антологіи; изданы — 1-я часть словено-нѣмецко-мадьярскаго словаря Цеха, грамматика Годжи, исторія словацкой литературы Ковалика, иллюстрированные календари на 1866 — 68 годы; оказаны также матеріальныя пособія студентамъ и разнымъ частнымъ лицамъ. Словаки, наряду со всѣми австрійскими Славянами, кромѣ Сербовъ и Русскихъ, пишутъ латинскою азбукою; но надписи: *Летопись Матице Словенске* и *печать Словенске Матице* — писана двумя шрифтами, и самая форма *Летопись* существуетъ только въ русскомъ языкѣ.

Мы уже имѣли случай замѣтить, на какомъ низкомъ уровнѣ находится народное образованіе въ *Далмаціи* и *Крайнѣ*. Здѣсь матицамъ необходимо давать народу въ руки первыя книги; что же онѣ даютъ? — календарь (Задръ и Любляна), „Згодовину“ (исторію) народа (Тронна), землепись (географію) (Данила), руднословье (минералогія) (Ерьявецъ), народную песмарицу (пѣсенникъ) (Милутиновича) — все нужно давать, потому что народъ почти безграмотенъ, безотвѣтенъ: „по миру 1866 года *furlanski Slovenze pridejo pod Italsko oblast*“; организмъ окаменѣлъ и не чувствуетъ боли отъ раздробленія того или другаго сустава; сумрачный Краинецъ спитъ еще въ своемъ угрюмомъ логовищѣ, и чужды ему Копитары и Миклошичи, мало знакомы даже Водники и Прешерны. Дай Богъ, чтобы расшевелить ихъ удалось Вончинамъ и Косамъ, Лесарамъ и Блейвейсамъ.—А Петрановичъ не напрасно жалуется на постыдное равнодушіе общества къ такому прекрасному и тѣмъ болѣе цѣнному, что единственному, научному повременному изданію Далмаціи, какъ его *Сербо-Далматскій магазинъ*. Въ изданныхъ 25-ти книгахъ помѣщено много статей по церковной и гражданской юго-славянской исторіи, много древнихъ актовъ, народныхъ пѣсенъ и приповѣдокъ, библиографическихъ замѣтокъ и т. д. Единственные далматинскіе сотрудники — архимандриты и священники; другія статьи доставляются изъ Босны, Хорватіи и др. мѣстъ. Этотъ журналъ пользовался сильнымъ распространеніемъ у другихъ Славянъ, между прочимъ, и у насъ: въ числѣ его подписчиковъ мы встрѣчаемъ имена Блудова, Толстого, Урусова, Берга, Новосильцева, Тютчева, Срезневскаго, Надеждина, Деянова; далѣе слѣдуютъ — княжна Голицына, г-жа Дашкова, Воейкова, Писемская, Полторацкая и др.

Не надо впрочемъ думать, чтобы помимо матиць у западныхъ Славянъ не было другихъ учено-литературныхъ и общественныхъ корпорацій: мы можемъ назвать ихъ цѣлую дюжину, но одинъ изъ нихъ слишкомъ незначителенъ по своей дѣятельности или спеціальны по своей цѣли (славянскія бесѣды въ Вѣнѣ и Прагѣ; учительская задруга (общество) и господарске друштво въ Загребѣ; драматическое общество въ Люблянѣ; Горно-Лужицкое общество, Пражски сполекъ (общество) стенографовъ и др.); другія же далеки отъ народа по содержанию и формѣ своихъ научныхъ работъ. Мы укажемъ только на болѣе важныя изъ такихъ ученыхъ учрежденій на почвѣ или въ средѣ западнаго славянства:

Зорьлиць (Görlitz, въ Саксоніи): Oberlausitzische Gesellschaft der Wissenschaften.

—— Oberlausitzische Gessellsch. für Natur-und Heilkunde.

Бреславль: Schlesische Gesells. Vaterländischer Cultur.

Липскъ (Лейпцигъ): Fürstliche Iablonowskische Gesel. der Wissenschaften.

Берно: K. K. Mährisch-Schlesische Gesells. zur Beförderung des Ackerbaues, der Natur-und Landeskunde.

—— Werner Verein zur geolog. Erforschung Mährens und Schlesiens.

—— Mährischer Naturforschender Verein.

Прага: Naturwissenschaftlicher Verein „Lotos“.

Пештъ: Societas erudita Hungarica.

Преспуръ (Пресбургъ): Verein für Naturkunde.

Германстадт: Verein für siebenbürgische Landeskunde.

Кроннстадт: Verein für vaterländische Alterthumskunde.

Градецъ (Grätz): Naturforschende Gesells. für Steiermark.

—— Historischer Verein für Steiermark.

Любляна: Historischer Verein für Krain.

Вѣна: K. K. Academie der Wissenschaften.

—— Geologische Reichsanstalt.

—— Geographische Gesellschaft.

—— Zoologisch-botanische Gesells.

—— K. K. Central-Statist. Commiss.

Къ изданіямъ этихъ обществъ долженъ обращаться тотъ, кто захотѣлъ бы поближе слѣдить за современнымъ движеніемъ славянской мысли и науки и за изученіемъ страны, въ которой они живутъ.

Предполагая знакомить читателей съ дѣятельностію лишь главныхъ славянскихъ обществъ, мы все-таки не будемъ упускать изъ виду и второстепенныхъ источниковъ, останавливая вниманіе читателей на тѣхъ отдѣлахъ иноязычныхъ изданій, которые писаны Славянами или о Славянахъ.

Антоуъ Будловичъ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Исторія русской словесности, древней и новой. Соч. А. Галахова. Томъ II. (Исторія новой словесности, отъ Карамзина до Пушкина). Первая половина. С.-Петербургъ, 1868. Большая 8-шка; IV, 336 и VII стр.

Историческія сочиненія — у насъ рѣдкость, и потому всякую книгу этого рода нельзя не привѣтствовать съ особеннымъ удовольствіемъ. Тѣмъ отраднѣе появленіе такой книги, какъ продолженіе извѣстнаго труда г. Галахова. Ея ожидали давно и съ нетерпѣніемъ; на ея замедленіе сѣтовали; наконецъ она вышла, и полновѣсность ея содержанія, если не объема, примирила многихъ съ медлительностью автора.

Исторія новой русской литературы, то-есть, періода ея, начинающагося послѣ Петра Великаго, никто прежде г. Галахова не разрабатывалъ систематически въ такихъ размѣрахъ. Уже и первый отдѣлъ ея потребовалъ отъ него обширныхъ приготовительныхъ работъ; едва-ли менѣе трудовъ предстояло для вышедшей нынѣ части, обнимающей многообъемистную дѣятельность такихъ писателей, какъ Карамзинъ, Жуковский, Батюшковъ, Крыловъ и др. Правда, объ этихъ, самыхъ видныхъ, представителяхъ означеннаго періода было у насъ писано, особенно съ 40-хъ годовъ, довольно много; но нельзя сказать, чтобъ ихъ дѣятельность и значеніе были уже достаточно изучены; что же касается до менѣе крупныхъ явленій литературы, то свѣдѣнія о нихъ были до сихъ поръ крайне скудны и разбросаны. Г. Галахову пришлось во многихъ частяхъ своего историко-литературнаго труда идти по непроложенной дорогѣ, собирать самыя первоначальныя матеріалы, предпринимать изслѣдованія по нетронутымъ, хотя и весьма существеннымъ, вопросамъ. Предварительныя работы его начались очень давно; одну изъ важнѣйшихъ между ними составили объясненія по теоріи и исторіи словесности, прилагавшіяся

имъ съ 1840-хъ гг. къ его хрестоматіи. Но это были то большей части только краткія извѣстія и замѣтки, заимствованныя имъ изъ разныхъ другихъ пособій или журнальныхъ статей. Совѣтъ иное представляетъ „Исторія словесности“ г. Галахова. Конечно, и здѣсь, при обширности предмета, онъ не могъ взять на себя по всѣмъ частямъ задачи изслѣдователя, что особенно относится къ древнему періоду словесности; но во многихъ отдѣлахъ является у него трудъ самостоятельный, обнаруживающій непосредственное изученіе разсматриваемыхъ произведеній или вопросовъ, и намъ особенно пріятно видѣть, что чѣмъ далѣе подвигается работа, тѣмъ независимѣе становится авторъ не только въ самомъ изслѣдованіи, но и во взглядахъ. Въ 1-мъ томѣ Исторіи литературы г. Галахова мы замѣчали иногда, что сужденія его недовольно опредѣленны и положительны: мѣстами онъ какъ будто уступаетъ ходячимъ современнымъ воззрѣніямъ и избѣгаетъ слишкомъ рѣшительныхъ отзыовъ о томъ или другомъ лицѣ. Въ настоящемъ томѣ мы этого уже почти вовсе не видимъ. Тамовъ, безъ сомнѣнія, обыкновенный ходъ развитія мысли во всякомъ обширномъ предпріятіи умственномъ; но здѣсь надобно имѣть въ виду еще и то, что г. Галаховъ издавна изучалъ съ особенною любовью нѣкоторыхъ изъ писателей, вошедшихъ въ этотъ выпускъ. Параграфы, относящіеся къ Карамзину, составляютъ болѣе трети всей книги и отдѣланы съ особеннымъ тщаніемъ. Мы до сихъ поръ еще не имѣли труда, въ которомъ бы съ такою полнотою были рассмотрѣны всѣ стороны дѣятельности, всѣ произведенія и взгляды нашего знаменитаго историка ¹⁾). Можно только пожалѣть, что почти весь этотъ первый отдѣлъ книги не только написанъ, но и напечатанъ прежде юбилея Карамзина, такъ что всѣми матеріалами, изданными по этому случаю, авторъ могъ воспользоваться только въ дополненіи, приложенномъ къ концу книги.

Разбирая достоинство и значеніе трудовъ Карамзина, г. Галаховъ сравниваетъ ихъ съ однородными, не только русскими, но и иностранными сочиненіями того времени, и вообще весьма строго держится исторической точки зрѣнія. Такъ, въ § 3-мъ превосходно разобраны *Письма русскаго путешественника*, сравнительно съ письмами Фонъ-Визина изъ Франціи, и опровергнуто мнѣніе, не разъ упрекавшее автора первыхъ въ томъ, что онъ во время своего пребыванія

¹⁾ Сюда не идутъ болѣе обширныя біографическія труды относительно Карамзина, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимають книга г. Погодина и хотя менѣе обширный, но замѣчательный трудъ профессора Булича.

за границую слишкомъ мало обращалъ вниманія на тогдашнее политическое состояніе Европы.

„Въ содержаніи и тонѣ писемъ“, — основательно замѣчено г. Галаховымъ (стр. 9), — „всегда сказывается отношеніе того, кто ихъ пишетъ, къ тому, для кого они пишутся. Каковы отношенія, таковы и письма. Объяснять молчаніе Карамзина о французской революціи тѣмъ, что онъ не замѣчалъ или не понималъ ея, такъ же странно, какъ, напримѣръ, маловажность его долголѣтней переписки съ братомъ¹⁾ объяснять тѣмъ, что онъ въ теченіе всего этого времени не обращалъ своей мысли ни на что серьезное. Мудрецы литературной механики могли бы простѣе открыть ларчикъ. Ни съ семействомъ Плещеевыхъ, ни съ братомъ своимъ Карамзинъ не имѣлъ намѣренія входить въ сужденія о важныхъ матеріяхъ, — вотъ и все. Важное держалъ онъ про себя, а съ иними знакомыми и родными бесѣдовалъ о неважномъ. Изъ писемъ Мелодора къ Филалету и Филалета къ Мелодору легко опредѣлять отношеніе Карамзина къ историческому перевороту: началось оно сочувствіемъ, а потомъ перешло въ разочарованіе. Нельзя ни сочувствовать тому, ни разочаровываться тѣмъ, что не было предметомъ особеннаго интереса. Когда же этотъ интересъ явился у Карамзина? Ужели непременно черезъ четыре года послѣ его путешествія, то-есть, въ 1794 г., къ которому относится переписка Филалета съ Мелодоромъ? Какъ доказать, что не ранѣе? И нужно ли это доказывать?“

Разбирая Письма русскаго путешественника, г. Галаховъ между прочимъ выражаетъ мнѣніе, что Карамзинъ подражалъ въ нихъ Стерну (стр. 15). Нельзя, конечно, отрицать, что въ духѣ и тонѣ этихъ писемъ часто обнаруживается сильное вліяніе чувствительнаго путешественника, на котораго нашъ молодой писатель смотрѣлъ съ удивленіемъ и восторгомъ. Но въ содержаніи своихъ писемъ и въ способѣ изложенія Карамзинъ вовсе не слѣдовалъ Стерну: послѣдній, держась особенной манеры, разказываетъ только бывшіе съ нимъ частные случаи: анекдоты, встрѣчи; онъ вовсе не описываетъ мѣстъ, нравовъ, не сообщаетъ фактическихъ свѣдѣній, тогда какъ все это служить главною основой писемъ Карамзина, который своимъ положительнымъ умомъ и историческимъ направленіемъ представлялъ совершенную противоположность съ англійскимъ писателемъ. Г. Галаховъ и самъ указываетъ на рѣзкое различіе между талантомъ Карамзина и юморомъ Стерна. Но потому-то и надобно было выставить, что въ Письмахъ русскаго путешественника нѣтъ ничего Стерновскаго, кромѣ чувствительности, которою заразилась тогда почти вся европейская литература. Вотъ Владиміръ Измайловъ былъ въ полномъ смыслѣ

¹⁾ Васильемъ Михайловичемъ; она напечатана въ *Атенъ* 1858 г. На стр. 84 своей книги, въ примѣчаніи, г. Галаховъ по недосмотру называетъ этого брата Александромъ.

подражателемъ (хотя и несчастнымъ) Стерну. Онъ, какъ замѣчаетъ и г. Галаховъ (стр. 120), „почти вовсе не думалъ знакомить своего читателя съ предметами, которые встрѣчались ему на пути: главнѣйшимъ образомъ заботился онъ о передачѣ ему впечатлѣній, возбуждаемыхъ предметами, важными и неважными“.

Относительно средствъ, на которыя Карамзинъ путешествовалъ, г. Галаховъ, сомнѣваясь въ справедливости преданія объ отправленіи его на счетъ Дружескаго общества, говоритъ (стр. 5): „Вѣрнѣе другое извѣстіе, по которому Карамзинъ, для покрытія путевыхъ издержекъ, продалъ братьямъ доставшуюся ему часть отцовскаго наслѣдства, или займообразно взялъ у старшаго брата извѣстную сумму денегъ въ счетъ доходовъ съ имѣнія“. Первое изъ этихъ двухъ предположеній было прежде выражено г. Погодинымъ; но изъ переписки Карамзина теперь извѣстно, что продажа симбирскаго имѣнія братьямъ относится къ позднѣйшему времени ¹⁾. Преданіе же о томъ, что Карамзинъ путешествовалъ на деньги, полученные имъ изъ другихъ рукъ, подтверждается слѣдующимъ разказомъ Ѡ. Н. Глинки въ его рукописныхъ *Воспоминаніяхъ* о Карамзинѣ:

„Я спросилъ у Николая Михайловича, какъ онъ составилъ у себя такую богатую бібліотеку. *C'est le fruit de mes épargnes*, отвѣчалъ онъ, и пояснилъ: «Отправившіе меня за границу выдали путевыя деньги по расчету на каждый день: на завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Я лишилъ себя *ужина*, и на эти деньги (за границею книги дешевле) закупилъ много книгъ. Такимъ образомъ я возвратился съ лучшимъ здоровьемъ и съ бібліотекою»“.

По мнѣнію автора „Исторіи русской словесности“ (стр. 18), литература Франціи и Англіи „оказала на Карамзина преобладающее вліяніе. Признаки галломаніи были въ немъ замѣтны по возвращеніи изъ путешествія; онъ любилъ пересыпать свою рѣчь французскими словами, такъ что, по свидѣтельству Каменева, на десять русскихъ словъ приходилось по малой мѣрѣ одно французское. Убѣжденія касательно многихъ предметовъ сформировались также на чтеніи французскихъ и англійскихъ писателей; Германія оставалась на заднемъ планѣ“. — Мы знаемъ, что Шекспиръ, Стернъ, Вольтеръ, Руссо, Бартеlemi, Боннетъ были изъ числа любимыхъ писателей Карамзина; но французскихъ классиковъ вѣка Людовика XIV онъ не жаловалъ; французское легкомысліе было ему столько же ненавистно, какъ эгоизмъ Англичанъ; въ которыхъ онъ однакожь глубоко уважалъ ихъ привязан-

¹⁾ Въ *Письмахъ къ Дмитріеву* (стр. 53). Карамзинъ пишетъ отъ 5 апрѣля 1795 г.: «Въ Симбирскѣ былъ я не даромъ: продалъ свое имѣніе, не чуяшииъ, а братьямъ, за 16,000 руб. Хорошо или худо сдѣлать, не знаю».

ность въ домашней и семейной жизни. Въ отношеніи къ народностямъ онъ былъ совершенно безпристрастенъ и въ каждой націи сочувствовалъ тому, что отвѣчало его собственнымъ духовнымъ потребностямъ. Многихъ цѣмскихъ писателей прочелъ онъ съ горячимъ увлеченіемъ. Только въ Германіи и Швейцаріи посѣщаль онъ литературныхъ корифеевъ, знакомился съ ними и слушалъ ихъ съ юношескимъ энтузіазмомъ. Кантъ, Гете, Рамлеръ, Платнеръ, Виландъ, Морицъ, Лафатеръ, Геснеръ (тогда уже умершій) интересовали его въ высшей степени; пребываніе въ пансіонѣ Шадена, читавшаго по Геснеру, и знакомство съ Ленцемъ еще прежде путешествія породнили Карамзина съ германскою литературой. Извѣстно, что и другъ его Петровъ особенно цѣнилъ ее. Свидѣтельство Каменева о галломаніи Карамзина, выразившейся будто бы употребленіемъ множества французскихъ словъ въ разговорѣ, должно быть принимаемо съ критикою: не только въ Письмахъ русскаго путешественника, но и въ письмахъ къ Дмитріеву, болѣе радяго времени, онъ очень рѣдко и съ замѣчательною осмотрительностью позволялъ себѣ прибѣгать къ французскимъ словамъ и оборотамъ, а мы знаемъ, что Карамзинъ не допускалъ большаго различія между письменною и разговорною рѣчью. На слова Каменева г. Галаховъ ссылается еще разъ (стр. 54), говоря, что Карамзинъ въ началѣ своего авторскаго поприща принималъ за образецъ французскую конструкцію. Относительно заслуги его въ развитіи письменнаго языка г. Галаховъ еще держится мнѣнія Щевырева, первоначально высказаннаго Вл. Измайловымъ, что она состояла, между прочимъ, въ сближеніи русскаго языка съ тѣми европейскими, которые сходствуютъ съ нимъ въ словорасположеніи (стр. 81 и 119). При другомъ случаѣ нами было уже высказано, какимъ образомъ, на нашъ взглядъ, должно понимать собственное сознаніе Карамзина, что онъ сначала подражалъ иностраннымъ авторамъ¹⁾. Переносить синтаксисъ одного языка въ другой невозможно безъ насилія; заимствовать конструкціи изъ чужаго языка было бы дѣломъ неблагодарнымъ и безцѣльнымъ: такія конструкціи всегда сохраняютъ на себѣ печать своего чуждаго происхожденія и не прививаются къ рѣчи. Если со времени Карамзина русская проза, по своему строю, стала ближе къ прозѣ французской и англійской, нежели къ латинской, которую отчасти цѣлѣ въ виду Ломоносовъ, то это потому только, что Карамзинъ, понимая истинный духъ своего языка, далъ ему въ письменной рѣчи естественное

¹⁾ См. статью мою: «Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка» въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* за апрѣль 1867 года.

теченіе, въ которомъ съ нимъ сходятся языки Французовъ и Англичанъ. Чуждаясь тяжелаго книжнаго языка, Карамзинъ старался писать ближе къ разговорному и придать своей прозѣ ту пріятность, которому онъ находилъ въ книгахъ лучшихъ иностранныхъ писателей: вотъ въ чемъ состояло подражаніе, о которомъ онъ говорилъ. Поэтому никакъ не считаемъ возможнымъ сказать вмѣстѣ съ г. Галаховымъ: „Простое и ясное словопостроеніе Карамзина могло быть слѣдствіемъ не одного подражанія Французамъ и Англичанамъ, но и знакомства съ народною рѣчью“ (стр. 82). Повторяемъ: простое и ясное словопостроеніе Карамзина было слѣдствіемъ его глубокаго знанія русскаго языка, происходило отъ его яснаго ума и тонкаго вкуса, который въ литературной рѣчи требовалъ изящества, подмѣченнаго имъ у любимыхъ писателей западной Европы.

Полемика Шишкова противъ Карамзина и его послѣдователей изложена г. Галаховымъ такъ основательно и подробно, какъ никто еще не разсматривалъ ея; между прочимъ онъ въ первый разъ указалъ на самыя тѣ книги и книженки, изъ которыхъ безпощадный гонитель новаго слога почерпалъ свои примѣры, желая сложить всю вину другихъ на одного Карамзина (стр. 55 и 63): такъ какъ въ этомъ языкѣ Шишковъ былъ много обязанъ „россійскому сочиненію“ А. О. (Орлова) *Утѣхи меланхолии* (1802), то г. Галаховъ и выписываетъ оттуда отрывокъ, чтобы познакомить читателя съ смѣшными крайностями новаго слога и съ такими же крайностями сентиментализма. Признавъ дѣло Шишкова вполне проиграннымъ и въ теоріи и на практикѣ, онъ однако же видитъ и полезную сторону въ поднятомъ имъ спорѣ:

„Нельзя сказать“, заключаетъ г. Галаховъ, „что онъ открылъ глаза Карамзину на вредныя послѣдствія его нововведеній въ русское слово (отзывъ С. Т. Аксакова): нововводитель не обязанъ отвѣчать за кривые пути своихъ послѣдователей; но должно сказать, вмѣстѣ съ Каченовскимъ, что обличивъ нелѣпости русско-французскаго слога, онъ предостерегъ многихъ молодыхъ людей отъ вреднаго заблужденія, заставилъ ихъ стыдиться галломаніи, показалъ ничтожество блестящихъ мелочей и обратилъ къ полезнѣйшимъ трудамъ. Конечно, наука не воспользовалась его академическими разсужденіями; но призывъ русскихъ писателей къ памятникамъ народной и древне-русской словесности для устройства литературнаго языка, который долженъ замѣнить жеманную, манерную болтовню многихъ современныхъ ему авторовъ, достоинъ полнаго уваженія“ (83).

При обстоятельномъ разсмотрѣніи Исторіи Карамзина г. Галаховъ употребляетъ прекрасный приемъ сличенія ея съ его же „Запиской о древней и новой Россіи“, чтобы выяснить его образъ мыслей, его идеалы

общественной и частной жизни. Но здѣсь г. Галаховъ устраняетъ отъ себя обязанность рѣшить, „вѣрны ли въ историческомъ смыслѣ характеристика лица у Карамзина, то-есть, согласны ли онѣ съ дѣйствительными ихъ образами, начертанными въ лѣтописяхъ и иныхъ памятникахъ“. „Историко-литературная критика“, поясняетъ г. Галаховъ, „смотритъ единственно на вѣрность характеровъ самимъ себѣ, на ихъ внутреннюю соотвѣтственность тому представленію, какое имѣли о нихъ авторъ“ (стр. 108). Едва-ли справедливо такъ ограничивать обязанность историка литературы; намъ кажется, что такимъ слишкомъ умѣреннымъ требованіемъ умалется его значеніе. Исторія литературы есть только отрасль исторіи въ обширномъ смыслѣ; оттого вполне подготовленному историку литературы не должны быть чужды высшіе вопросы исторической науки. Онъ долженъ умѣть обсудить со всѣхъ сторонъ историческій трудъ, назначенный для обширнаго круга читателей. Исторія не есть такая спеціальная наука, какъ ботаника или химія; она, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей общаго образованія, и каждый читатель ждетъ отъ историка литературы полнаго приговора о трудѣ историческомъ. Кто же, если не историкъ литературы, будетъ критикомъ сочиненій этого рода? Историкъ государства или народа, погруженный въ свои изслѣдованія или занятый изложеніемъ своего предмета, можетъ и не высказываться о трудахъ своихъ предшественниковъ. При разсмотрѣнн историческаго романа, поэмы или драмы, историкъ литературы можетъ, пожалуй, уволить себя отъ сужденія, въ какой мѣрѣ авторъ правильно понимаетъ характеры и факты; но какое основаніе имѣетъ онъ такъ стѣснять свою задачу при сужденіи о трудѣ, главное достоинство котораго заключается именно въ исторической правдѣ? Такимъ основаніемъ могла бы развѣ служить только недостаточная подготовка историка литературы: на *мытъ* и суданѣтъ; но г. Галаховъ не въ правѣ опираться на эту причину. Вотъ почему, какъ ни умны страницы его книги, относящіяся къ *Исторіи Государства Россійскаго*, мы сожалѣемъ, что онъ устранилъ себя отъ болѣе глубокаго разбора ея, сожалѣемъ тѣмъ болѣе, что такой разборъ, конечно, былъ по силамъ г. Галахову и не могъ измѣнить его окончательнаго заключенія:

„По важности и благородству идеаловъ, проведенныхъ Карамзинимъ“, — говоритъ онъ, — „по искусству, съ какимъ она проведены, по силѣ патріотическаго чувства, равно по искусной постройкѣ и красотѣ внѣшней формы его трудъ есть твердый намятникъ, воздвигнутый во славу родной земли и въ свою соб-

ственную славу: онъ будетъ говорить потомству о своемъ творцѣ до тѣхъ поръ пока, выражаясь словами поэта, есть у насъ отечество“.

Притомъ границы литературной критики, которыми добровольно стѣсняетъ себя авторъ Исторіи литературы, находятся въ нѣкоторомъ противорѣчій съ его же приемами при разборѣ Исторіи Карамзина: онъ разсматриваетъ воззрѣнія исторіографа, прибѣгаетъ для того къ сличенію Исторіи съ Запискою и отыскиваетъ въ Исторіи отраженія современности. Этотъ послѣдній приемъ, сколько мы помнимъ, еще въ первый разъ примѣняется въ Исторіи Карамзина и подаетъ г. Галахову поводъ къ нѣкоторымъ интереснымъ сопоставленіямъ.

„Быстрой и кабинетной работѣ своихъ современниковъ“, азѣчаетъ онъ, „Карамзинъ противопоставляетъ медленную, на опытѣ вѣковъ основанную работу прежняго времени. Въ похвалѣ Іоанну IV и его совѣтникамъ за Судебникъ нельзя не видѣть косвеннаго порицанія дѣйствій Сперанскаго по комиссіи законовъ.... Намекъ Исторіи на текуція дѣла какъ бы подтверждаютъ слова ея предисловія о пользѣ этой науки.... Признаніе своего труда не бесполезнымъ въ государственномъ сммыслѣ могло явиться у скромнаго автора только по вѣрѣ въ силу историческихъ откровеній для правительственной дѣятельности. Вліяніе живущаго нерѣдко выдается у него и похвалами и упреками, равно благородными, произносимыми по поводу разказа объ отжившемъ. Иногда оно такъ ярко, что повѣствованіе допускаетъ лирическую вставку или принимаетъ драматическую форму“ (стр. 101 и 102).

Главною заслугою Дмитріева г. Галаховъ полагаетъ образованіе стихотворной рѣчи, вызванное примѣромъ Карамзина и соотвѣтствовавшее какъ свойству французскаго языка, съ котораго переводилъ Дмитріевъ, такъ и роду сочиненій, которыя онъ переводилъ; переводилъ же онъ и сочинялъ преимущественно басни, сказки, сатиры, эпиграммы и разныя мелкія пьесы (*poésies fugitives*); а содержаніе такихъ сочиненій выражается легкимъ, свободнымъ, подходящимъ къ разговорному языку стихомъ. Все это совершенно справедливо; но здѣсь слѣдовало рѣзче выставить сущность значенія Дмитріева въ русской литературѣ, которое, по нашему мнѣнію, состояло въ сближеніи поэзіи съ жизнью, къ чему путемъ служили безъ сомнѣнія съ одной стороны самый родъ большей части его стихотвореній, а съ другой языкъ ихъ: У Дмитріева въ первый разъ содержаніе и форма явились въ гармоническомъ сліяніи, которое, при его талантѣ, и доставило популярность его стихамъ. Первый, кто у насъ популяризовалъ поэзію, былъ Державинъ. Одн Ломоносова, при всей величественной красотѣ нѣкоторыхъ мѣстъ ихъ, были отвлеченны, безжизненны и сухи. Державинъ понялъ это, и сохранивъ форму одн, далъ ей новый характеръ: онъ низвелъ ее съ заоблачной высоты на землю, внесъ въ нее простой

тонъ, шутку, насмѣшку, описаніе житейскихъ, обиходныхъ предметовъ („въ забавномъ русскомъ слогѣ о добродѣтеляхъ Фелицы возгласилъ“). Дмитріевъ въ одѣ не умѣлъ усвоить себѣ этихъ же качествъ, но за то онъ связалъ ихъ съ стихами другаго содержания и тѣмъ ступилъ еще шагъ впередъ въ разрѣшеніи задачи сдѣлать поэзію общедоступною и занимательною. Конечно, и Карамзинъ въ своихъ стихахъ шелъ тѣмъ же путемъ; „стихотворенія его“, говорятъ г. Галаховъ, „если разсматривать въ нихъ только складъ рѣчи, не отличаются отъ стихотвореній Дмитріева“; но дѣло въ томъ, что Карамзинъ не обладалъ тѣмъ же поэтическимъ талантомъ и потому вліаніе его въ этой сферѣ дѣятельности осталось незначительнымъ.

Изъ дѣятелей, водившихъ перомъ въ славную эпоху 12-го года, особенно выдаются своею оригинальною фізіономіей Сергѣй Глинка и графъ Ростопчинъ, эти двѣ разнородныя личности, которымъ пришлось встрѣтиться на одномъ поприщѣ и даже идти нѣкоторое время объ руку: г. Галаховъ умѣлъ представить ихъ очень рельефно. Перваго относитъ онъ къ числу тѣхъ наивныхъ и безвѣстныхъ личностей, которыя выводятся обстоятельствами времени на предназначенное имъ дѣланіе, всецѣльно предаются ему, сколько по инстинкту, столько же по сознанию долгу, и совершаютъ то, чего не могли бы совершить сильные и мудрые міра. „Перо Глинки, первое на Руси, начало перестрѣливаться съ непріателемъ. Онъ не заключалъ перемирія даже въ тѣ раздыхи, когда русскіе штики отмыкались, уступая силѣ обстоятельствъ и выжидая новаго вызова къ дѣйствию... Мнѣнія, имъ оглашаемыя, и отзывъ, который они встрѣчали въ массѣ читателей, не могли ускользнуть отъ неусыпнаго, безпокойнаго и ревниваго деспотизма Наполеона. Французскій посоль Коленкуръ жаловался нашему правительству на непріязненный духъ „Русскаго Вѣстника... Но съ прекращеніемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ дѣятельность Глинки, ослабѣлъ и возбужденный ею интересъ; авторскаго же таланта у него не было. Въ печати онъ отличался такою же торопливостію, какъ и въ разговорѣ... Его скороговореніе и скорописаніе вошли въ половицу... Все у него дѣлалось на живую нитку: Русскую исторію писалъ онъ шутя, по отзыву его пріятелей... Удивляться ли послѣ этого, что съ 1813. года *Русскій Вѣстникъ* отошелъ въ сторону, уступивъ свое мѣсто *Сыну Отечества?*“ (стр. 143—146). Совсѣмъ другаго закала человекъ былъ сотрудникъ Глинки по *Русскому Вѣстнику*, графъ Ростопчинъ. Онъ, по замѣчанію г. Галахова, „не былъ записнымъ литераторомъ; онъ принимался за перо только въ особенныхъ

случаяхъ, когда явное или тайное нашествіе враждебной намъ силы требовало воззваній къ національному чувству. Но живой, бойкій языкъ, не стѣсненный рутинерствомъ, мѣткое ¹⁾ и рѣзкое остроуміе, своеобразность колкой и желчной сатиры ставятъ его въ число немногихъ оригинальныхъ писателей нашихъ. Онъ, какъ говорится, не ходилъ въ карманъ за словомъ и не чувствовалъ ложнаго стыда, если слово являлось крупное, подъ пару его крупной мысли. Легко предугадывать, что бы изъ него вышло, еслибы онъ посвятилъ себя исключительно литературѣ“ (стр. 147).

Изъ писанныхъ по французски сочиненій графа Ростопчина можно было бы упомянуть также о его *La Vérité sur l'incendie de Moscou*, тѣмъ болѣе, что эта брошюра переведена и на русскій языкъ („Правда о пожарѣ Москвы“, перев. А. Волковъ, М. 1823). Извѣстно, что здѣсь авторъ отрицаетъ участіе Русскихъ въ соженіи Москвы и приписываетъ это бѣдствіе однимъ Французамъ. Какъ объяснить такое явное противорѣчіе истинѣ? Фарнгагенъ фонъ-Энзе, который въ 1817 году познакомился съ Ростопчинимъ въ Баденъ-Баденѣ и рѣзкими чертами изображаетъ эту, по его словамъ, полудемоническую личность, думаетъ, что поводомъ къ разказу такой небыллицы было намѣреніе Ростопчина возвратиться въ Россію и желаніе избѣгнуть тамъ вражды за энергическій образъ дѣйствій, стоившій многимъ имуществу ²⁾. Нѣкоторые изъ современниковъ его, напротивъ, утверждаютъ, что книжка эта была дѣломъ мести, что такъ какъ многіе возненавидѣли виновника своего разоренія, то онъ изъ мщенія захотѣлъ отнять у Русскихъ честь геройскаго самопожертвованія. Оба объясненія близки одно къ другому.

Параграфы, посвященные г. Галаховымъ роману и драмѣ, представляютъ много новаго. Съ нѣкоторыми явленіями въ этихъ двухъ родахъ онъ въ первый разъ знакомитъ современныхъ читателей, излагая довольно подробно содержаніе забытыхъ произведеній. Такъ онъ обратилъ вниманіе на *Несчастнаго Никанора*, романъ, о кото-

¹⁾ Прошу извиненія у А. Д. Галахова въ томъ, что измѣняю его правописание въ этомъ словѣ. Онъ пишетъ *меткій*, и повидимому производитъ это прилагательное отъ глагола *метать*. Но очевидно, что оно въ самомъ близкомъ родствѣ съ глаголомъ *мѣтить* (за, — при, — на, от-мѣтить = мѣчать). *Мѣтокъ* не тотъ, кто легко или далеко *метаетъ* (ср. *броскій*), а тотъ, кто искусно *мѣтитъ*. Также неправильно нѣкоторые пишутъ *смета* вмѣсто *смыта* (какъ прѣмъ, замѣтка и проч.).

²⁾ *Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften von Varnhagen von Ense*, т. IV, 1842; статья: *Baden-Baden*, 1817.

ромъ говорить Карамзинъ, какъ о книгѣ, имѣвшей въ свое время большой кругъ читателей, и на *Странныя приключенія Дмитрія Могушкина, російскаго дворянина*. Въ исторіи литературы изслѣдователь не можетъ останавливаться только на томъ, что замѣчательно по таланту писателя или по своему достоинству; онъ долженъ разсматривать и такія произведенія, которыя, не заключая въ себѣ этихъ условій, имѣли однако же успѣхъ, удовлетворяли требованіямъ современниковъ или ихъ вкусу. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, сообщаемыя г. Галаховымъ о романахъ XVIII вѣка въ связи съ западно-европейскими ихъ оригиналами, очень любопытны и поучительны. Такимъ же образомъ перебираетъ онъ русскіе романы начала нынѣшняго столѣтія и иностранныхъ авторовъ въ этой области литературы, которыхъ у насъ тогда усердно переводили, напримѣръ Коцебу, „въ которому русская публика до того привыкла, что почитала его какъ бы своимъ, хотя онъ писалъ на нѣмецкомъ языкѣ“ (171). О нашемъ оригинальномъ романистѣ Нарѣжномъ (род. 1780, ум. 1825) г. Галахову, въ сожалѣнію, не удалось собрать какихъ-либо новыхъ біографическихкихъ извѣстій. Кое-что сообщилъ онъ объ этомъ лицѣ во 2-мъ томѣ своей *Исторической Хрестоматіи* (стр. 295). Здѣсь мы узнаемъ, между прочимъ, что у Нарѣжнаго остался сынъ, который еще живъ; жаль, что онъ не нашелъ возможности доставить г. Галахову болѣе полныхъ матеріаловъ для біографіи своего отца. Удивительно, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нетороплива русская литература на сохраненіе памяти о своихъ дѣятеляхъ: около 45-ти лѣтъ прошло уже со времени смерти этого довольно замѣчательнаго писателя, а объ его жизни до сихъ поръ не напечатано еще почти ничего. Когда преосвященный Евгеній и Гречъ трудились по исторіи русской литературы, романы и повѣсти Нарѣжнаго не были еще извѣстны (они начали являться ближе въ 1825 году); послѣ этихъ двухъ трудолюбивыхъ изыскателей никто не продолжалъ собирать подобныхъ біографическихкихъ свѣдѣній о большинствѣ литературныхъ дѣятелей. А какъ важно было бы, чтобы кто-нибудь опять занялся именно такою подготовкой матеріаловъ для исторіи литературы. Недавно заявлено было, что Московское общество любителей русской словесности предпринимаетъ составленіе новаго словаря отечественныхъ писателей. Нельзя не желать успѣха этому предпріятію. Пособія такого рода составляютъ капитальное приобрѣтеніе для исторіи литературы. Какъ ни недостаточны въ настоящее время труды Евгенія и Греча по этой части, заслуга ихъ становится тѣмъ виднѣе, чѣмъ болѣе открываются

матеріаловъ для опѣнки усилій, вакихъ имъ стояло выполнение задуманнаго дѣла. Таково, на примѣръ, слѣдующее недавно отыскавшееся подлинное письмо Евгенія къ Гречу, отъ 15-го августа 1821 года ¹⁾:

„М. г. мой, Николай Ивановичъ! Письмо ваше отъ 30-го іюля получилъ я и чувствительно благодарю за присылку трехъ первыхъ листовъ вашего опыта не только литературной, но и ученой и художественной нашей исторіи. Вамъ неоспоримо принадлежать будетъ честь первенства у насъ въ семь родѣ сочиненія, въ которомъ никто еще не отличался. А потому и критикамъ сравнивать васъ не съ кѣмъ. А имъ самимъ довольно отвѣчать 67-мъ стихомъ 6-й епистола Горациевой кн. I. ²⁾. Пусть сами издадутъ лучшее. Прону покорно присылать мнѣ и продолженіе сихъ листовъ.

„На просьбу вашу о біографіяхъ нѣкоторыхъ ученыхъ XVIII вѣка прилагаю при семъ записку особую. Изъ нея увидите, что и у меня иныхъ нѣтъ. А ные и не стоятъ упоминанія въ вашей исторіи. У насъ много было и есть писцовъ, но не много писателей. А въ XVIII вѣкѣ мы только начали учиться писать, и весь вѣкъ сей у насъ былъ болѣе переводческой и въ самыхъ сочиненіяхъ только подражательный.

„Желая вамъ скорѣе кончить вашу исторію и обрадовать всѣхъ вашихъ почитателей, въ числѣ коихъ и я имѣю честь быть и проч. Евгеній А. П.“ (архіеп. Псковской).

Обширность розысканій самого Евгенія и сношеній его для составленія словарей о писателяхъ видна, между прочимъ, изъ его недавно напечатанной переписки съ графомъ Д. И. Хвостовымъ ³⁾.

Такого же рода заслугу упрочиваетъ за собой своею „Исторіею словесности“ и г. Галаховъ. Хотя біографическій отдѣлъ и отодвинуть имъ, по самой идеѣ его труда, на второй планъ, однакожь и въ этомъ отношеніи онъ успѣлъ значительно пополнить запасъ данныхъ, какии до сихъ поръ располагали преподаватели литературы. И при этомъ А. Д. Галаховъ не довольствовался собираніемъ разбросанныхъ печатныхъ извѣстій; онъ входилъ въ сношенія со многими лицами для полученія новыхъ, еще не обнародованныхъ свѣдѣній. Но усилій такихъ поисковъ не всегда зависятъ отъ усердія собирателя. Независимо отъ этого г. Галаховъ оказалъ литературѣ большую услугу уже и тѣмъ, что собралъ разсѣянные въ періодическихъ и другихъ изданіяхъ результаты розысканій о жизни и сочиненіяхъ русскихъ писателей. Однѣ ссылки его составляютъ богатое приобрѣтеніе для вся-

¹⁾ Обязательно доставлено мнѣ Леонидомъ Михайловичемъ Лобановымъ, ономъ академикомъ, умершаго въ 1847 году, въ бумагахъ котораго и сохранилось это письмо.

²⁾ Si quid novisti rectius istis, Candidus imperti; si non, his utere mecum.

³⁾ См. *Сборникъ отд. русск. языка и слов.*, т. V, вып. 1.

каго занимающагося этимъ предметомъ. Въ послѣднее время задача историка литературы у насъ нѣсколько облегчилась множествомъ издаваемыхъ матеріаловъ для изученія прошлаго; но тѣмъ внимательнѣе долженъ онъ слѣдить за всѣмъ, что печатается въ разныхъ изданіяхъ, и въ этомъ отношеніи у г. Галахова найдется не много недосмотровъ, подобныхъ, напримѣръ, пропуску отрывка изъ Записокъ С. Н. Глинки, помѣщеннаго въ *Современникъ* 1865 года, № 9-й, но не упомянутого г. Галаховымъ въ примѣч. на стр. 143, или двухъ статей о Жуковскомъ, напечатанныхъ въ *Извѣстіяхъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ* (т. I, листы 9—17), но также пропущенныхъ авторомъ Исторіи словесности (стр. 231 и 232).

На Жуковскомъ, какъ и на Карамзинѣ, г. Галаховъ останавливается съ особенною любовью; за вѣрную и полную характеристику перваго мы должны быть тѣмъ болѣе благодарны автору, что этого возвышеннаго поэта и мыслителя въ послѣднія десятилѣтія у насъ не довольно цѣнили и какъ будто забывали; даже нѣкоторые серіозные писатели иногда смотрѣли на него съ предубѣжденіемъ. Сущность взгляда г. Галахова на знаменитаго поэта-переводчика выражена въ слѣдующихъ строкахъ, выписываемыхъ здѣсь сокращенно:

„Поэтическія произведенія Жуковскаго обогатили нашу лирику плодотворнымъ содержаніемъ, которое составляетъ важный моментъ въ ея историческомъ развитіи. Они впервые раскрыли передъ нами внутренній міръ человѣка, міръ его души, какъ предмета, наиболѣе достойнаго вдохновенныхъ пѣсней. Душевная исповѣдь служитъ господствующею ихъ темою, не возбуждавшею дотолѣ сочувственнаго вниманія писателей... душа постоянно занимаетъ у него первенствующее мѣсто. Красота любви, дружбы, поэзіи, таинственнаго соотношенія между природою и человѣкомъ, радость въ наслажденіи ими, печаль при ихъ утратѣ выступаютъ предпочтительно даже въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя... могли бы ограничиться прославленіемъ героическихъ дѣлъ, заявленіемъ вѣшняго величія и славы“ (стр. 244).

Въ примѣрѣ этого приведенъ, между прочимъ, *Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ*, и вслѣдъ за тѣмъ г. Галаховъ опровергаетъ обвиненіе Жуковскаго въ томъ, что онъ своими идеалами, своимъ стремленіемъ къ незримому и таинственному будто бы наводилъ на современныхъ читателей праздную мечтательность, созерцательную косность, вредную для дѣятельной жизни. Критикъ справедливо возражаетъ, что идеализмъ есть существенная, независимая отъ времени и народности, принадлежность поэзіи, и что Жуковскій настроивалъ сердце къ благороднымъ и возвышеннымъ движеніямъ, которыхъ не было причины оставаться безплодными для внутренней борьбы, неизбежной въ жизни каждаго человѣка.

Съ отзывомъ г. Галахова о переводѣ Жуковскимъ Одиссею можно вполне согласиться, за исключеніемъ однакожь слѣдующей мысли: „Вопреки мнѣнію Гоголя, переводчикъ былъ способенъ выполнить свое дѣло двумя десятками лѣтъ раньше съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ онъ его выполнилъ двадцатью годами позднѣе. Греческаго языка Жуковский не зналъ ни прежде, ни послѣ, но съ Гомеромъ онъ былъ знакомъ, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько знакомство возможно безъ знанія языка подлинника“ и проч. (стр. 276). Здѣсь г. Галаховъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство, именно никогда не останавливающееся развитіе каждаго мыслящаго писателя, въ трехъ отношеніяхъ: въ расширеніи знаній, въ правильности воззрѣній и наконецъ въ мастерствѣ владѣть языкомъ. Взглядъ Жуковскаго на духъ и тонъ Гомеровскаго разказа могъ видоизмѣниться подъ влияніемъ бесѣдъ съ тѣми самыми учеными, которымъ поэтъ былъ обязанъ окончательнымъ уразумѣніемъ подлиннаго текста Одиссеи. А этотъ взглядъ не могъ остаться безъ значенія для языка переводчика. Никогда еще стихотворный языкъ подъ перомъ его не достигалъ такой изящной простоты и легкости, какъ въ Одиссеѣ. Въ ходѣ развитія поэтической рѣчи Жуковскаго можно вообще отличить нѣсколько періодовъ; хотя онъ, уже и при появленіи Гнѣдичева перевода Иліады, не былъ доволенъ языкомъ его, можно навѣрное сказать, что Жуковский только въ послѣднюю эпоху своей дѣятельности самъ былъ способенъ вполне отрѣшиться отъ того мнѣнія, что переводъ Гомера требуетъ нѣкоторыхъ отгѣнковъ высокаго слога и примѣси славяннизмовъ. Что касается до внѣшней отдѣлки стиха русской Одиссеи, то отдавая переводчику и въ этомъ отношеніи полную справедливость, нельзя однакожь оставить безъ оговорки, что у него довольно часто встрѣчаются *семистопные* и не совсѣмъ безукоризненные въ своемъ составѣ гекзаметры.

Книга г. Галахова кончается полнымъ и обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ Крылова. Раздѣляя вообще взглядъ нашей критики на этого писателя, авторъ входитъ между прочимъ въ подробный разборъ тѣхъ басенъ, за смыслъ которыхъ уже не разъ упрекали Крылова, именно выставляющихъ вредныя стороны просвѣщенія, какъ то: *Водолазы*, *Огородникъ* и *Философъ* и нѣкоторыя другія. Онъ справедливо приходитъ къ выводу, что мораль первой изъ этихъ басенъ оказывается не вполне состоятельною. Крыловъ требуетъ въ ней, какъ выражается г. Галаховъ, „ученія по силамъ человѣку, умѣреннаго, срединнаго между невѣжествомъ, происходящимъ отъ лѣности,

и глубокимъ, пучиннымъ знаніемъ или всезнаніемъ, происходящимъ отъ дерзости ума и ведущимъ, по словамъ пустынноика, къ гибели“. Г. Кеневичъ въ „Пучинѣ знаній“ указываетъ на увлеченіе ложною идеей или на вольнодумство, какъ на ту крайность, которую разумѣлъ баснописецъ; но, замѣчаетъ г. Галаховъ, „исканіе глубочайшихъ истинъ вовсе не противно, а наоборотъ свойственно природѣ человѣка, и потому не можетъ быть относительно къ ложнымъ идеямъ или ложнымъ увлеченіямъ“ (стр. 312). Притомъ современники Крылова (ставимъ это выраженіе вмѣсто словъ г. Галахова: „предки наши въ первую половину царствованія Александра I“ ¹⁾) „не до такой степени погружались въ знанія, чтобы слѣдовало удерживать ихъ рвеніе; напротивъ было бы благоразумнѣе и патріотичнѣе возбуждать въ нихъ охоту къ умственнымъ трудамъ, которымъ очень немногіе посвящали свое время“ (тамъ же). Съ этимъ нельзя не согласиться, точно такъ же, какъ и съ тѣмъ, что говоритъ авторъ въ этомъ отношеніи о баснѣ: *Сочинитель и Разбойникъ*, которая, по мнѣнію его, мало примѣнима къ обществу, обезпеченному цензурой отъ губельныхъ послѣдствій вольнодумства въ литературѣ. „Развивалась ли на виду у баснописца литература съ безнравственнымъ направленіемъ? гдѣ сочинители, отравлявшіе ядомъ своихъ твореній общество, или философы-наставники, заражавшіе ядовитымъ ученіемъ юность?“ (стр. 314). Но мы готовы поспорить съ авторомъ, когда онъ находитъ, что „Крыловъ обходилъ большинство явленій, наиболѣе тяжелыхъ, будто ихъ вовсе не существовало“ (стр. 315). Отъ этого упрека защищаютъ Крылова не только его басни, въ которыхъ онъ, какъ моралистъ и философъ, касался всего, что могъ затронуть по характеру времени, а какъ художникъ не обязанъ былъ касаться того, что не вызывало въ душѣ его искры творчества;—отъ приведеннаго упрека отражаютъ его и прежнія сатирическія его сочиненія, въ которыхъ онъ высказалъ много смѣлаго и рѣзкаго. Намъ кажется, что г. Галаховъ, попавъ на справедливую точку зрѣнія въ отношеніи къ названнымъ баснямъ, самъ вдался въ нѣкоторое увлеченіе. Если и нельзя вполнѣ отрицать мысли, что Крыловъ былъ равнодушенъ къ знанію, какъ знанію, независимо отъ его практическихъ надобностей, которыя онъ цѣнилъ по преимуществу (стр. 312), то нельзя однакожь безусловно принять слѣдующихъ замѣчаній г. Галахова: „Тяжелый на подъемъ, онъ и въ другихъ

¹⁾ Басня *Водолазы* написана въ 1813 году; это уже не первая половина царствованія; да къ тому же положеніе дѣла не измѣнилось и послѣ, не только при Крыловѣ, но и по смерти его.

не одобрялъ качествъ, противоположныхъ своей собственной природѣ. "...

Этому явно противорѣчить, напримѣръ, уваженіе, которое Крыловъ не разъ выражалъ къ трудолюбію и дѣятельности. Въ баснѣ *Прудъ и Рѣка* онъ говорилъ:

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

Въ ограниченности образованія баснописца г. Галаховъ видитъ причину его недоброжелательнаго отношенія къ наукѣ (стр. 313 и 315); но немного выше (стр. 310) представлено нѣсколько извлеченій изъ басенъ, направленныхъ противъ невѣжества и показывающихъ сочувствіе къ наукѣ и къ ученымъ; можно привести еще нѣсколько другихъ подобныхъ мѣстъ. Правоученіе, вытекающее изъ басни *Водолазы* во вредъ глубинѣ знаній, очевидно не было цѣлью автора, и произошло отъ неудачнаго примѣненія образа пучины къ наукѣ. По всей вѣроятности, Крыловъ разумѣлъ собственно не глубину, а гордость знанія, которая ведетъ къ безвѣрію и къ отрицанію всего, что налагаетъ на человѣка спасительныя узы: не даромъ онъ называетъ того, кто ищетъ морскаго дна на самой глубинѣ, безумцемъ и дерзвнмъ; замѣтимъ, что его водолазъ выбралъ мѣсто, гдѣ была *чернѣе глубина*, то - есть, такую область, которая всего болѣе закрыта отъ знанія. Крыловъ былъ, конечно, не такъ простъ, чтобы думать, будто стремленіе къ глубокимъ знаніямъ есть дѣло *дерзкаго ума* и ведетъ къ гибели; напротивъ, неумимаго и ненасытнаго изслѣдователя истины онъ сравниваетъ съ тѣмъ водолазомъ, который „богатыхъ жемчужовъ *нарялъ искать по дну* и жилъ, всечасно богатѣя“, но этотъ водолазъ выбралъ себѣ *глубину по сн.т.*, то-есть, тѣ сферы мышленія, которыя доступны для человѣческаго разума и не превышаютъ его средствъ, — словомъ, область вѣдѣнія, науки. Подъ бездонною же пучиной Крыловъ разумѣетъ область высшихъ, не умомъ, а вѣрою и совѣстью постигаемыхъ законовъ. Скорѣе всего можно полагать, что къ водолазамъ послѣдняго рода онъ относилъ философовъ, отвергающихъ Откровеніе и рѣшающихъ мышленіемъ самыя трудныя вопросы метафизики. Басня *Водолазы* написана въ 1813 г. Въ это время вышелъ переводъ Эстетики Ансильйона, который надѣлалъ много шума, вызвалъ строгую критику со стороны архимандрита (въ послѣдствіи митрополита) Филарета и былъ причиною невзгоды архіепископа Теофилакта, подѣ

руководствомъ котораго былъ сдѣланъ переводъ ¹⁾). Толки объ этомъ дѣлѣ, конечно, находили отголосокъ и въ домѣ Оленина, который, какъ извѣстно, былъ почитателемъ Филарета; тамъ же, вѣроятно, разсуждали иногда и о нѣмецкихъ философахъ, между которыми европейскою славой пользовался тогда Фихте. Подобныя разсужденія именно и могли подать Крылову поводъ сравнить слишкомъ отважныхъ мыслителей съ водолазомъ, ищущимъ жемчугъ въ самой глубинѣ морской пучины. Спору нѣтъ, и такой взглядъ можно считать не безошибочнымъ; но между имъ и неуваженіемъ къ глубинѣ знанія вообще — большая разница. Требовать, чтобы писатель былъ совершенно внѣ вліянія среды, въ которую онъ поставленъ обстоятельствами времени и мѣста, едва ли справедливо. Затѣмъ, въ своей силѣ остается все-таки замѣчаніе г. Галахова о малой примѣнимости подобнаго правоченія къ русскому обществу; развѣ Крыловъ хотѣлъ предостеречь тѣхъ, которые слишкомъ увлекались системами нѣкоторыхъ западныхъ мыслителей.

Не можемъ также присоединиться къ слѣдующему мнѣнію почтеннаго автора *Исторіи русской словесности* о Крыловѣ: „Разсматривая его басни, легко узнать, чего онъ не хотѣлъ; трудно опредѣлить, чего именно хотѣлъ онъ“. Безъ сомнѣнія, Крыловъ хотѣлъ всего противоположнаго тому, что онъ порицалъ или осмѣивалъ. „Конечно“, продолжаетъ г. Галаховъ, „такое направленіе частію условливалось сущностью басни какъ сатиры, но большею частью (такъ мнѣ кажется) оно зависѣло отъ недостатка положительнаго сочувствія въ чему бы то ни было. Переходъ отъ многихъ отрицаній, выражаемыхъ Крыловымъ, въ общему утвержденію темень и затруднителенъ“ (стр. 330). Затѣмъ критикъ задаетъ себѣ вопросъ, въ чемъ именно могъ состоять положительный, господствующій идеалъ Крылова, и находитъ, что такого идеала нѣтъ въ его басняхъ. Мы съ своей стороны позволимъ себѣ замѣтить, что въ сатирѣ, такъ же какъ и въ комедіи, по самому существу этихъ родовъ, никогда не является положительныхъ идеаловъ; такъ и у Гоголя въ *Ревизорѣ* не отыскалось ни одного честнаго лица; когда же его въ томъ упрекнули, то онъ отвѣчалъ, что это честное лицо есть, но его проглядѣли: это — смѣхъ зрителей. Идеалъ поэта-сатирика скрывается за тѣмъ негодованіемъ или тою насмѣшкой, которыя пробуждаются его образами. Неужели въ самомъ дѣлѣ всякому необходимо имѣть какой-нибудь односторонній и узкій идеалъ? Развѣ не можетъ

¹⁾ См. *Сборникъ отдѣленія русск. языка и слов.*, т. V, вып. 1: «Переписка митроп. Евгенія» и пр. стр. 154 — 158.

быть идеаломъ все достойное сочувствія и уваженія человѣческаго? И развѣ даже у поэтовъ положительнаго направленія, напримѣръ, у Шекспира или Пушкина, долженъ быть непремѣнно какой-нибудь явственно обозначенный, ограниченный идеаль? По мнѣнію г. Галахова, идеаль Крылова заключался въ покоѣ безстрастія. И въ подкрѣпленіе этой мысли онъ приводитъ слова Вигеля: „Одного ему дано не было: душевнаго жара, священнаго огня... Вездѣ умъ, нигдѣ не проглянетъ чувство“ (стр. 330). Если такъ, то откуда же взялся у Крылова тотъ священный огонь искусства, которымъ проникнуты всѣ его созданія? Если онъ обладалъ однимъ умомъ, не долженъ ли онъ былъ оставаться сухимъ моралистомъ, и какъ же могъ онъ сдѣлаться поэтомъ-художникомъ? Неужели правда, что нигдѣ у Крылова не проглядываетъ чувство? А какъ же назвать то, чѣмъ согрѣты нѣкоторыя его басни, въ особенности Два Голубя, или его письма къ Ленинымъ? Подъ чувство такъ поддѣлаться нельзя. Жаль, что г. Галаховъ въ подкрѣпленіе такого безотраднаго взгляда на Крылова ссылается на свидѣтельство двухъ не расположенныхъ къ нему современниковъ, — Вигеля и Сперанскаго, которые оба имѣли свои причины не благоволить къ нему. Правда, и покойный П. А. Плетневъ говоритъ, что „Крыловъ ничего не полюбилъ какъ чловѣкъ общественный“, но это мнѣніе ослабляется отзвонъ того же критика о глубинѣ и разнообразіи содержанія многихъ басенъ Крылова.

Изъ частныхъ замѣчаній г. Галахова о нѣкоторыхъ басняхъ остановимся на томъ, что онъ говоритъ о двухъ изъ нихъ по поводу предположеній г. Кеневича. Онъ отрицаетъ (стр. 322), чтобы басня *Орелъ и Паукъ* могла имѣть, какъ увѣрялъ Гречъ, какое-нибудь отношеніе къ Сперанскому. Дѣйствительно, преданіе, сообщенное Гречемъ, оказывается и по замѣчанію г. Кеневича несправедливымъ уже потому, что басня эта написана въ 1811 году, то-есть, прежде наденія Сперанскаго. Происхожденіе этого преданія можно, кажется, объяснить тѣмъ, что Сперанскаго въ образѣ паука представлялъ тогда другой писатель, также сочинявшій въ ту эпоху басни, которыя по всей вѣроятности были извѣстны многимъ современникамъ. Это былъ Державинъ; у него паукъ является съ этимъ значеніемъ въ двухъ басняхъ: *Выборъ Министра* и *Цвѣтъ и Паукъ* ¹⁾. Г. Галаховъ отвергаетъ также мысль г. Кеневича, чтобы басня *Шарнасъ* могла относиться къ любимцамъ Императора Александра I въ началѣ его царствованія; но ничего не пред-

¹⁾ Соч. Держ. изд. А. Н., т. III, стр. 561 и 563.

лагаеть на мѣсто этого объясненія. По нашему мнѣнію, баснописецъ могъ разумѣть подъ Парнассомъ не что иное, какъ Россійскую Академію. Вспомнимъ, во первыхъ, что Крыловъ уже и въ сатирическихъ журналахъ своихъ подшучивалъ надъ академіями и академиками; такъ, напримѣръ, онъ говорилъ, что Каибъ многихъ попугаевъ сдѣлалъ членами своей академіи только за то, что они умѣли чистенько вываривать то, что выдумалъ другой. Въ сказкѣ *Ночи* есть также выходка противъ академій; а вслѣдъ за тѣмъ Момусъ, потрунивъ надъ Мельпоменой и Таліей, обращается къ Фебу съ такою выходкой: „Что до другихъ твоихъ Музъ, то есть надежда, что онѣ скоро превратятъ Парнасъ въ богадѣльню“. Последняя мысль уже довольно близка къ содержанію разсматриваемой басни. Вовторыхъ, обратимъ вниманіе на отношенія, въ какихъ Крыловъ, при сочиненіи этой басни, могъ находиться къ Россійской Академіи. Басня написана въ 1808 году. Она въ хронологическомъ спискѣ сочиненій Крылова въ этомъ родѣ значится 10-ою. Немногія басни, написанныя имъ до нея, были помѣщены въ журналахъ: *Моск. Зритель* и *Драматическій Вѣстникъ*; извѣстно, что Крыловъ уже при первомъ появленіи своемъ въ качествѣ баснописца возбудилъ вниманіе, которое, конечно, выражалось разными о немъ толками. Разумѣется, о его басняхъ судили и академики, — можетъ-быть, даже въ стѣнахъ Академіи. Кто же были тогда члены Россійской Академіи? Не будемъ исчислять всѣхъ, но назовемъ между прочимъ: Захарова (Ив. Сем.), графа Хвостова, Мальгина, Соколова (Петра Ив.), Шишкова, Нартова, Кутузова (Павла Ив.), Львова (Павла Юрьев.), и пожалуй, Ив. Ив. Мартынова, избраннаго въ академики не задолго передъ тѣмъ, именно въ 1807 году. Изъ нихъ нѣкоторые писывали и басни; къ числу такихъ лицъ принадлежалъ особенно гр. Хвостовъ, который не далѣе какъ въ 1807 году издалъ свои *Притчи*, и конечно, встрѣчалъ враждебно опаснаго себѣ соперника на новомъ поприщѣ. Отношенія между имъ и Крыловымъ навсегда остались таковы. Зная духъ и дѣятельность остальныхъ изъ исчисленныхъ нами академикомъ, можно навѣрное сказать, что большинство ихъ также неблагоклонно смотрѣло на новыя басни, въ которыхъ отражался оригинальный и свѣжій талантъ. Отзывъ одного или нѣсколькихъ изъ этихъ лицъ могли дойти до Крылова, и въ отплату имъ онъ естественно могъ написать басню о *Парнассѣ*, на которой живутъ ослы и принимаютъ такое рѣшеніе:

А чтобы нашего не сбиди съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:

Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ осливаго пріятства,
Не принимать тѣхъ на Парнассѣ.

Нашему предположенію не противорѣчить, кажется, и заключеніе басни:

Мнѣ хочется, невѣждамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста...

Ограничиваясь этими замѣчаніями о существенныхъ сторонахъ книги г. Галахова, позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя придирки къ отдѣльнымъ показаніямъ его, гдѣ можно отыскать недосмотры или не-исправности. Такъ, между издателями *Друга Просвѣщенія*, г. Галаховъ, слѣдую своимъ предшественникамъ по исторіи литературы, называетъ графа С. Салтыкова (стр. 52), тогда какъ это былъ графъ Григорій Сергѣевичъ, на чтѣ первый указалъ Кенпень, а потомъ г. Лонгиновъ. Журналъ *Московский Курьеръ* издавался Павломъ Юрьевичемъ, а не Сергѣемъ Львовымъ, какъ сказано въ разбираемой книгѣ (стр. 129). Шихматова *безглагольнымъ* называли многіе, въ томъ числѣ, конечно, и Пушкинъ, которому г. Галаховъ приписываетъ это слово (стр. 159); но первый употребилъ его Батюшковъ въ пародіи: *Пьвецъ къ бесѣдѣ Славяно-Россовъ*. На стр. 264 сдѣлана ссылка на *Вѣстникъ Европы* вмѣсто *Сына Отечества*. Есть еще 2 — 3 незначительные промаха, можетъ-быть, опечатки, которыя читатель самъ легко замѣтитъ ¹⁾. Въ отношеніи къ языку укажемъ на одно неточное выраженіе, которое впрочемъ въ послѣдніе годы не разъ уже являлось въ печати. Правильно ли говорить: *біографическій очеркъ Карамзина*: вмѣсто: *очеркъ біографіи Карамзина*? Можно ли скзать (стр. 1) *очеркъ Карамзина*, — а если нѣтъ, то невѣрность остается и по присоединеніи эпитета къ слову *очеркъ*. Выраженіе: „біографическій очеркъ Карамзина“ можетъ означать только очеркъ, составленный Карамзинымъ. Покрытируемъ также фразу: „Но развѣ жѣтъ другихъ, болѣе высшихъ и благороднѣйшихъ мотивовъ, чѣмъ эгоистическое само-охраненіе“ (стр. 327). Знаемъ, что выраженіе *болѣе высшихъ* также ужь не ново; но отъ того оно не становится позволительнымъ. *Выс-*

¹⁾ На стр. 188 число лѣтъ, проведенныхъ Дмитріевымъ въ Москвѣ, показано невѣрно: вм. 28 должно быть 18; на стр. 284 Финландская мѣстность *Иденсалми* неправильно названа *Индесалми*. На стр. 231 могло бы быть объявлено, что буквы А. О. С. означаютъ Александру Осипову Смирнову, а на 235-й, буквы А. А. П. — Александра Александровича Плещеева.

ий уже есть сравнит. степень. Если допустить это выраженіе, то почему не сказать также: „болѣ лучшей, болѣ низшей“ и т. п?

Въ изданномъ нынѣ выпускѣ своего сочиненія г. Галаховъ еще не коснулся нѣкоторыхъ сторонъ разсматриваемаго имъ здѣсь періода, напимѣръ, мистицизма, составлявшаго въ свое время господствующее направленіе, не остановился также и надъ журналистскою этого періода; но мы слышали, что по плану автора, все это и подобное тому должно войти въ составъ послѣдняго отдѣла его исторіи литературы. Пожелаемъ ему силъ и досуга для приведенія къ концу этого превосходнаго и въ высшей степени полезнаго труда, въ которомъ такъ давно чувствовалась настоятельная потребность.

Я. Гротъ.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

1. Исторія.

Очеркъ исторіи древнихъ національныхъ литургій. А. Л. Катанскаго (Христ. Чтеніе 1869 года, №№ 1 и 2.).

Судьбы мѣстныхъ западныхъ церквей и національныхъ литургій: галликанской, испанской, еареагенской и др., имѣютъ не одинъ только спеціальнй, церковно-историческій интересъ. Онѣ важны вообще для исторіи, потому что борьба Рима съ мѣстными западными церквами составляетъ одинъ изъ крупныхъ фазисовъ постепеннаго развитія могущества римскихъ первосвященниковъ. Поэтому труды ученыхъ: Барромел, Мабильона, Муратори, Сакса, Хименеса, Морина, Герберта, Томазія, Мартена, Дуранда, Нибура, Моне, Бунзена и другихъ заслуживаютъ вниманія всего образованнаго міра. Въ статьѣ А. Л. Катанскаго: „Очеркъ исторіи древнихъ національныхъ литургій“ мы находимъ полное и ясное изложеніе результатовъ, добытыхъ трудами этихъ ученыхъ.

Христіанство распространилось по всей землѣ съ востока; поэтому въ первые вѣка христіанства, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, была одна церковь, одно ученіе и обряды.

Древняя галликанская церковь, какъ оказывается по новѣйшимъ изысканіямъ, есть прямой отпрыскъ восточной церкви. И дѣйствительно, первые апостолы Галліи были уроженцы востока. Новѣйшія изслѣдованія открытыхъ палимпсестовъ указываютъ достаточно ясно,

какъ и когда видоизмѣнялась галликанская литургія. Особенно важнъ палимпсестъ, открытый Нибуромъ, и заключающій въ себѣ отрывокъ торжественной евхаристической молитвы, замѣчательной своимъ торжественнымъ, ораторскимъ характеромъ, подобнымъ молитвамъ св. Василія Великаго и св. Иоанна Златоуста, и нисколько не похожей на краткія молитвы римскихъ сакраментаріевъ. Другой драгоценный палимпсестъ открытъ Моне въ Августинскомъ аббатствѣ (въ сѣверной Франціи, древней Австразіи). Палимпсестъ этотъ заключаетъ одиннадцать галликанскихъ литургій, на различные случаи жизни, напримѣръ, благодарственные, заупокойныя литургіи, и т. п.: онѣ очень похожи по общему ходу, содержанію и даже по многимъ выраженіямъ на восточныя литургіи; но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что представляютъ, отъ начала до конца, одно связное цѣлое, въ формѣ ораторскаго обращенія къ Богу.

Поборники Рима не отрицаютъ восточнаго характера этихъ галликанскихъ литургій, но объясняютъ его иначе: по ихъ мнѣнію, Готы, вторгнувшись въ западную Европу, принесли съ собою измѣненіе въ составъ мѣстной, галликанской литургіи, придавъ ей восточный характеръ.

Галликанская литургія въ означенную эпоху не ограничивалась только предѣлами одной Галліи и Австразіи, но была распространена также и во многихъ сопредѣльныхъ странахъ западной Европы. Британія постоянно находилась въ церковномъ общеніи съ сосѣднею Галліей. По преданію, тамъ проповѣдывали христіанство апостолъ Павелъ, Симонъ Зилоть и Іосифъ Аримаѣйскій; но уже съ первыхъ временъ христіанства духовные пастыри британскаго народа были или Галлы родомъ, или воспитывались въ Галліи. Просвѣтитель Ирландіи, св. Патривій, былъ также родомъ Галлъ, и уже въ послѣдствіи галликанскіе обряды были постепенно замѣняемы въ Ирландіи обрядами римской церкви.

Испанская церковь, подобно галликанской, также находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ восточною церковью, что невозможно объяснить однимъ вторженіемъ Готовъ въ Испанію съ востока. Что же касается до Медиоланской церкви, то въ ней менѣе ясны слѣды ея восточнаго происхожденія. Но по преданію, христіанство проповѣдано въ Медиоланѣ апостоломъ Варнавою (уроженцемъ Крита). Со временъ Карла Великаго начинается уже стремленіе ввести въ Миланѣ римскую литургію, чему сильно противились Миланцы. Побѣда досталась Риму только послѣ долгихъ усилій.

Такъ, по отдѣленіи римской церкви отъ восточной, начинается тотчасъ же борьба Рима не съ Византійскою церковью, сильною и утвержденною великими учителями церкви, а съ раздробленными и болѣе слабыми мѣстными западными церквами. Въ этой борьбѣ — начало самовластия римскихъ папъ. Они не вдавались въ открытую борьбу, но дѣйствовали постепенно, настойчиво, не пренебрегая никакою мелочью, и стараясь водворить повсюду на западѣ единство римскаго богослуженія. Подробности дѣйствій римскихъ миссіонеровъ прослѣдить невозможно; но изъ различныхъ списковъ мѣстныхъ литургій Западу, разсматриваемыхъ и сличаемыхъ послѣдовательно между собою, видно, какъ всѣ мѣстныя, національныя особенности церквей постепенно сглаживались и уничтожались, замѣняясь общимъ римскимъ образомъ. Съ VII или VIII вѣка власть римскихъ первосвященниковъ получила уже въ странахъ западной Европы незыблемую опору, пока снова не пошатнула ея реформація.

О почившемъ митрополитѣ Литовскомъ Іосифѣ. *М. О. Кояловича.* (*Христ. Чтеніе* № 12 1868 г. и № 1-й 1869 г.).

Кончина митрополита Литовскаго, преосвященнаго Іосифа, вызвала во многихъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ сочувственныя статьи, посвященныя памяти почившаго архипастыря.

Одна изъ наиболѣе полныхъ замѣтокъ, заглавіе которой мы выписали, принадлежитъ извѣстному изслѣдователю западно-русской старины и исторіи, М. О. Кояловичу.

Авторъ замѣтки лично зналъ почившаго митрополита Іосифа; онъ говоритъ въ своей статьѣ:

„Мы живо помнимъ изъ времени нашей юности тѣ вечернія минуты, когда въ Виленскую семинарію пріѣзжалъ покойный митрополитъ, когда онъ въ ученической комнатѣ садился среди насъ на ученическомъ стулѣ и бесѣдовалъ съ нами. Въ этой бесѣдѣ обнаруживалось, что онъ зналъ всѣхъ родныхъ почти каждаго изъ насъ, всю ихъ обстановку, характеры главѣйшихъ членовъ. Въ одно мгновеніе переносилъ онъ мальчика, сидящаго за книгой въ семинаріи, вдали отъ дома, въ этотъ самый домъ, въ кругъ его родныхъ, и всюду предносилъ предъ этимъ мальчикомъ идеалъ знанія, служенія дѣлу. Семья, родина, наука, великое будущее, сливались тутъ въ одинъ образъ, захватывающій душу, мало-мальски живую. Не менѣе могущественное вліяніе производилъ Іосифъ и на взрослыхъ другою силою своей души, доказавшею въ немъ высокое, христіанское развитіе. Это — поразительное постоянное вниманіе, дружбы. Не было въ западной Россіи человѣка, который

былъ бы ровнѣе и тверже покойнаго митрополита Юсефа въ отношеніяхъ къ людямъ. Съ особенною ясностію это постоянство сказывалось въ его отношеніяхъ ко всѣмъ стоявшимъ съ нимъ за-одно въ дѣлѣ воссоединенія уніатовъ“.

Это важное, общерусское дѣло преимущественно обязано митрополиту Юсифу своимъ осуществленіемъ. Надъ вопросомъ о воссоединеніи уніатовъ трудились вмѣстѣ съ почившимъ митрополитомъ самыя лучшія, самыя свѣтлыя личности тогдашняго времени: митроп. Филаретъ, графъ Блудовъ; ему искренно сочувствовали Карамзинъ и М. Н. Муравьевъ, тогда еще Гродненскій губернаторъ. Планъ митроп. Юсифа былъ — вести уніатовъ къ воссоединенію медленнымъ, но за то вѣрнымъ путемъ. Онъ находилъ необходимымъ: 1) отдѣлить уніатовъ, какъ можно болѣе, отъ латинянъ; 2) сломать главную, латино-польскую силу въ уніатствѣ — базилианскій орденъ; 3) дать русское воспитаніе уніатскому юношеству, и отъ него ожидать, что русскія и православныя силы въ уніатахъ воскреснутъ въ будущемъ, и сами пойдутъ къ воссоединенію съ русскою церковью и русскимъ народомъ.

Положеніе дѣлъ въ западно-русскомъ краѣ помѣшало осуществленію этого плана дѣйствій. Тогда-то прибѣгли къ мысли о немедленномъ воссоединеніи уніатовъ съ православіемъ, и предложенъ былъ планъ дѣйствій, который былъ принятъ еще во времена Екатерины II. Тогда власти узнавали, гдѣ народъ желаетъ принять православіе, и посылали туда православныхъ священниковъ, а уніатскимъ священникамъ приказывали уступать церкви и церковные дома, обеспечивая ихъ пожизненною пенсіею. Безотлагательное воссоединеніе уніатовъ съ православною церковью въ то время составляло необходимость русской, государственной жизни, вполне соответствовало тогдашнимъ обстоятельствамъ. Тутъ выступало уже, — говоритъ М. О. Кояловичъ, — не столько воссоединеніе уніатовъ, сколько давняя и до сихъ поръ еще не оконченная борьба за обладаніе западною Русью двухъ народностей: русской и польской, и двухъ государствъ — дѣйствительно существующаго русскаго, и не существующаго на дѣлѣ, но сильно живущаго въ преданіяхъ, польскаго. Поэтому-то планъ поспѣшнаго обращенія уніатовъ и восторжествовалъ. Въ 1836 году уніатское дѣло было ввѣрено новому оберъ-прокурору св. синода (въ послѣдствіи графу) Протасову, и пошло весьма быстро. Черезъ три года, то-есть, въ 1839 году, уніаты уже были воссоединены съ православною церковью, а въ 1842 году всѣ дѣла ихъ были переданы св. синоду.

Общій очеркъ періода удѣловъ. Вас. Пассека. (Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ).

Третья (предпослѣдняя въ 1868 г.) книжка *Чтеній въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ* начинается статьею Вас. Пассека, подъ заглавіемъ: „Общій очеркъ періода удѣловъ“.

Вникая въ безконечныя столкновенія удѣльныхъ князей между собою, г. Пассекъ видитъ источникъ этой вражды почти исключительно въ „нарушенномъ семейномъ чувствѣ князей“.

Но рядомъ съ стремленіями и интересомъ князей, г. Пассекъ видитъ совершенно особыя, часто противоположныя имъ стремленія народа. Князья враждовали между собою, руководимые семейнымъ чувствомъ, а жители удѣловъ помогали имъ не потому, что сочувствовали интересамъ князей, а вслѣдствіе давнишней вражды и розни славянскихъ племенъ между собою. Та же мысль о племенной розни Полянъ, Древлянъ, Радимичей, Вятичей и другихъ была высказана и Н. Костомаровымъ, который указываетъ, что и понинѣ Полѣщуки, потомки Древлянъ, относятся враждебно къ Кіевлянамъ, потомкамъ Полянъ.

Когда, въ періодъ удѣловъ, князья Рюрикова рода замѣнили народныхъ князей, вражда и неудовольствіе областей все еще продолжались, и потому народъ охотно становился подъ знамена князя, радуясь удобному случаю отомстить недругамъ. Оттого мы видимъ, что не только князья губятъ другъ друга изъ личныхъ выгодъ, но и дружины отличаются жестокостью, разоряютъ области, сжигаютъ храмы, и т. п., и въ этой враждѣ областей гибли нерѣдко и князья; такъ погибъ Андрей Боголюбскій и Игорь Ольговичъ. Принявъ отъ Кіева князей, каждая область все-таки стремилась замѣнуться отъ посторонняго вліянія другихъ князей и другихъ областей.

В. Пассекъ высказываетъ также нѣсколько замѣчаній и объ отношеніяхъ Варяго-Руссовъ къ Славянамъ. По его мнѣнію, Варяго-Руссы въ началѣ были совершенно чужды Славянамъ, и смотрѣли на Славянскую землю, какъ на обширное поле для различныхъ поборовъ.

Но, замѣнивъ для славянскихъ народовъ ихъ прежнихъ князей, вышедшихъ изъ среды дружины, Варяги въ свою очередь составили нераздѣльную часть ея. Этимъ объясняется между прочимъ и тѣсная связь князя съ дружиною, замѣтная въ послѣдствіи: князья исполняютъ о, чего желаетъ дружина, а дружина нерѣдко отказывается идти съ княземъ, отговариваясь тѣмъ, что „это онъ измыслилъ безъ нея“.

Варяжское и славянское начала были чужды одно другому до тѣхъ поръ, пока варяжскіе князья не осливянились, что уже было при князѣ

Игорь, но еще замѣтнѣе стало при Святославѣ. Въ междуусобной распрѣ Ярополка съ Владиміромъ г. Пассежъ видитъ также борьбу двухъ началъ: варяжскаго и славянскаго, окончившуюся торжествомъ славянскаго начала, въ лицѣ Владиміра и его дяди Добрыни, и смертью Ярополка. Конечно, все это не что иное, какъ догадка, такъ какъ лѣтописи не представляютъ никакихъ данныхъ, на которыхъ могла бы утвердиться эта гипотеза. Въ Іоакимовской лѣтописи, которая, при всей ея сомнительности, однако же не можетъ быть отвергнута вполне, указывается другая причина вражды Ярополка съ Владиміромъ, именно — борьба язычества съ утверждавшимся въ Киевѣ христианствомъ, при чемъ язычество восторжествовало въ лицѣ Владиміра. Этимъ объясняется между прочимъ и ревность Владиміра къ язычеству, обнаруженная имъ въ началѣ княженія, тогда какъ Ярополкъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, не только благопріятствовалъ христианамъ, но даже былъ окрещенъ Ольгою, при которой онъ былъ воспитанъ.

В. Пассежъ, утверждая, что борьба Владиміра съ Ярополкомъ была собственно борьбою двухъ началъ: варяжскаго и славянскаго, основывается преимущественно на показаніяхъ Лаврентьевской лѣтописи. Владиміръ, хотя и язычникъ, является уже не варяжскимъ, а вполне славянскимъ княземъ. Но уже и Святославъ — славянской князь не по одному только своему имени. Походъ его на Болгаръ доказываетъ, что онъ принималъ близко къ сердцу завѣтные стремленія своего народа. По сказанію лѣтописи, Поляне были нѣкогда вытѣснены съ береговъ Дуная и сохранили любовь къ своей прежней родинѣ. Поэтому походъ Святослава на Болгаръ есть походъ народный, гдѣ князь является предводителемъ всего народа, стремящагося освободить отъ чуждаго ига свою бывшую родину. Святославъ былъ побужденъ къ упорной борьбѣ съ Болгарами не корыстолюбіемъ, а патриотизмомъ народа. Этимъ объясняется упорство его борьбы, въ которой ни онъ, ни дружина, ни *вои* его не жалѣли жизни („ляжемъ востыми ту, мертвые срама не имуть“, и отвѣтъ ратей: „гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ полягутъ и наши“). Легко объясняются въ такомъ случаѣ и слова Святослава про Болгарію: „ту есть среда земли моей“.

Ханъ Ногай и его вліяніе на Русь и Южныхъ Славянъ, ст. Арх. Леонида (*Ученія въ Императ. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ*: 1868 г. кн. 3).

Статья эта говоритъ о томъ тяжкомъ времени для Русской земли, когда сыновья Александра Невскаго должны были кланяться въ орды

Татарамъ. Берега Чернаго моря и нивовья Дуная были съ 1270 г. заняты ордою Хана Ногая, который, вмѣшиваясь въ распри Болгарь съ Греками, едва было не успѣлъ подчинить себѣ всей Болгарской земли. Въ началѣ Ногайскіе Татары явились какъ союзники Болгарскаго краля Константина Теха противъ Византійскаго императора Михаила Палеолога. Татары разорили всю Фракію; самъ султанъ Сельджукскихъ Турокъ Азатинъ былъ осажденъ въ городѣ Енни и выданъ жителями Болгарамъ и Ногайцамъ. Этотъ походъ хана Ногая былъ какъ бы пробнымъ опытомъ для Татаръ; съ того времени Ногай постоянно вмѣшивался въ домашнія распри Болгарь и Грековъ, даже женился на побочной дочери Михаила Палеолога, Евфросиніи. Вліяніе Татаръ на Болгарію возрастало постоянно. Лаханъ, узурнаторъ болгарскаго престола, искавшій покровительства могущественнаго хана, былъ казненъ въ ордѣ, по его приказанію. Та же участь ожидала и другаго претендента, Іоанна Асѣня, но его спасла жена Ногая, Евфросинія.

Могущество Ногайской орды и ея вліяніе на Болгарь, а отчасти и на юго-западную Русь, рушилось со смертью хана Ногая. Орда его была изгнана съ береговъ Дуная ханомъ Золотой орды Тохтою, и съ того времени на берегахъ Чернаго моря остались только слабыя остатки этой, нѣкогда грозной и могущественной орды.

Записки адмирала А. С. Шишкова, съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго (*Чтенія въ Импер. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ*).

Записки адмирала Шишкова обнимаютъ только два года: съ 15 мая 1824 г. по 12 декабря 1826 г.; но могутъ послужить хорошимъ пособіемъ при изученіи хода просвѣщенія въ Россіи, въ концѣ царствованія Императора Александра I, и въ началѣ царствованія Императора Николая I. Шишковъ, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ графомъ Аракчеевымъ и архимандритомъ Фотіемъ, вооружался всѣми силами противъ Библейскихъ Обществъ, считая своею главнѣйшею обязанностью охранять православіе отъ всякаго иноземнаго, религіознаго вліянія, проникающаго путемъ печати. Этимъ объясняется его упорная борьба съ Библейскимъ Обществомъ, кончившаяся не въ пользу послѣдняго. Вопросъ о значеніи Библейскаго Общества въ Россіи, его цѣляхъ и результатахъ, въ настоящее время усиленно разрабатывается въ нашей литературѣ. Если съ одной стороны къ Библейскому Обществу принадлежало въ то время все прогрессивное, мыслящее въ Россіи, и если Общество считало въ числѣ своихъ сторонниковъ даже покой-

наго митрополита Московскаго Филарета, то въ противникахъ Общества, по крайней мѣрѣ въ Шишковѣ, нельзя отрицать искренности побуждений. Въ письмѣ своемъ къ графу Аракчееву Шишковъ говоритъ: „Мнѣ поручено министерство просвѣщенія, но какъ просвѣщеніе можетъ быть тамъ, гдѣ колеблется вѣра? Если Библейскія Общества будутъ по прежнему существовать, . . . то я министромъ просвѣщенія быть не гоужусь, ибо, по моему образу мыслей, просвѣщеніе, не основанное на вѣрѣ и вѣрности къ Государю и отечеству, есть мракъ и вредное заблужденіе“. И дѣйствительно, сообразно этому взгляду, Шишковъ постоянно ратовалъ за утверженіе религіозныхъ истинъ въ народѣ, объ искорененіи вредныхъ книгъ, противъ Библейскаго Общества, и т. д. Записки его представляютъ прекрасный матеріалъ, для оцѣнки его дѣятельности въ этомъ отношеніи.

Изъ матеріаловъ славянскихъ и иностранныхъ, въ томъ же (3-мъ) № *Ученій* помѣщены: „*Подробное описаніе путешествія Гольштинскаго посольства въ Московію и Персію, въ 1633, 1636 и 1638 годахъ, сост. Адамомъ Олеаріемъ*“ и „*Записки архипрезвитера Θεодосія Бродовича, о событіяхъ на Волыни и Подоліи въ 1786 году* (перев. съ польскаго). Записки эти изображаютъ живыми красками угнетеніе Поляками православныхъ въ Заднѣпровьѣ, которыхъ католики обвиняли въ намѣреніи возбудить вторую Уманьскую рѣзню.

Въ отдѣлѣ смѣси помѣщено: „*Дн.ю Салникъсва*“, архимандрита Казанскаго Спасскаго монастыря; это изслѣдованіе, взятое изъ подлинныхъ актовъ, хорошо рисуетъ какъ юридическіе обычаи времени, непосредственно слѣдовавшаго за Петровскою реформою, такъ и общественные нравы нѣкоторой части тогдашняго высшаго духовенства.

Тамъ же помѣщены: письма генерала Мордвинова, князя Голицына къ архим. Фотію, Грамота Новгородскаго и С.-Петербургскаго митрополита Серафима соборной церкви села Грузина, Разъясненіе донесеній правительству о переходѣ въ 1845 г. Латышей и Ливонскихъ Чухонъ въ православіе, и коротенькая замѣтка о старообрядцахъ нашего времени, не представляющая особаго интереса.

Сто три дня изъ дѣтской жизни Императора Павла Петровича. 1765 годъ. Вновь найденная тетрадь записокъ С. А. Порошина. (Русск. Архивъ. 1869 годъ № 1).

Записки Порошина представляютъ, какъ извѣстно, превосходный матеріалъ для характеристики Императора Павла Петровича въ годъ

его дѣтства. Главный надзоръ за воспитаніемъ Августѣйшаго Отрока ввѣренъ былъ графу Никитѣ Ивановичу Панину. Порошинъ, честный и образованный человѣкъ, назначенный состоять при Цесаревичѣ, всю душою привязанъ былъ къ своему питомцу. Онъ слѣдилъ за каждымъ его шагомъ, и ежедневно записывалъ въ свой дневникъ все, что происходило во дворцѣ на половинѣ Цесаревича, всѣ его поступки, слова, хотя бы и самыя незамѣчательныя, радуясь, если могъ отмѣтить какую-нибудь добрую черту его характера. Но существованіе этого дневника было крайне непріятно не только Н. И. Панину, но и всѣмъ приближеннымъ Великаго Князя, на взглядъ которыхъ это ежедневное записываніе всего случившагося могло казаться шпионствомъ. Графъ Панинъ узналъ о запискахъ Порошина, потребовалъ ихъ въ себѣ для просмотра, и болѣе не возвращалъ ихъ ему. Вскорѣ послѣ того Порошинъ былъ вовсе удаленъ отъ двора, и зачисленъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, находившихся въ Малороссіи.

Записки Порошина, которыя онъ велъ въ продолженіе 1½ года (съ сентября 1764 по мартъ 1765 года), доселѣ не были извѣстны въ полномъ своемъ составѣ. Въ нихъ именно недоставало тѣхъ главъ, которыя взялъ графъ Панинъ для просмотра. Только лѣтомъ прошлаго года найдена была въ господскомъ домѣ села Новоспасскаго (имѣнія сестры Порошина) тетрадь записокъ Порошина, содержащая въ себѣ тѣ именно страницы записокъ, которыхъ недоставало доселѣ.

Найденная тетрадь записокъ Порошина заключаетъ въ себѣ только краткія замѣтки, набросанныя очевидно для памяти, безъ всякой связи между собою. Замѣтки эти начинаются 19-мъ числомъ марта 1765 года. Здѣсь, наряду съ краткими, отрывочными замѣтками о характерѣ Цесаревича, его учебныхъ занятіяхъ, участіи Панина въ воспитаніи Великаго Князя, встрѣчаются, напримѣръ, слѣдующія замѣчанія:

„Бузадѣ обрѣзывалъ Его Высоч—ву ногти.... Обуватца сталъ, мокрица ползла; боялся, чтобъ не раздавили и кричалъ.... Уволенъ на всю недѣлю отъ ученья, радость превеликая. Рыбу ѣсть съ середи, радость же.... Великій Князь пошелъ на исповѣдь. Прежде заставили читать *Върую*; нѣсколько сбился, испугавшись духовника.... Говорили о ядахъ разныхъ, потомъ о французскомъ министерствѣ; анекдоты о глухихъ полахъ.... Приѣхавъ, я сказалъ ему о смерти Ломоносова; отвѣтилъ: „что жалѣть о дуракѣ, казну только раззорялъ и ничего не сдѣлалъ“. Говорить о штрафахъ и я бранилъ его за то: „даже и при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, вы можете, Государь, сдѣлать то, что васъ стануть ненавидѣть“.... Куракина въ русскомъ языкѣ эвзаменовали.... Кукольнова театру смотрѣть ходили.... Пришедъ, окно отвориди; радость крайняя, не отходилъ отъ окна и поскакивалъ.... Смотрѣлъ

на контротанцъ; слезки было навернулись.... Штуки съ Буравиннымъ; по-скакивалъ и кланялся нарочно низко мимоходящимъ.... Пророчество Крузово, что въ Америкѣ желѣзные заводы будутъ и Англичане ничего желѣза у насъ брать не будутъ. Никита Иванычъ пророчествовалъ, что когда до того дойдетъ, то Американскія селенія за Англичанами не останутся.... Строгоновъ говорилъ, что счоты его предками вошли въ Россію.... Всталъ въ 8 часовъ; сердился, что проспалъ, и кричалъ на камердинера, для чего не разбудилъ.... Пришелъ графъ Григорій Григорычъ. Ево яхту севодня спу-скали, тамъ они обѣдали и послѣ куликнули всѣ.... Никита Иванычъ по-бранилъ Великаго Князя за бѣшенство и кривлянье: все головою внизъ мо-таеть.... Пошелъ дожидичекъ“....

Эти выдержки достаточно обрисовываютъ отрывочный, несвязный характеръ дневника.

Кромѣ отрывка изъ записокъ Порошкина, въ томъ же № *Русскаго Архива* помѣщены еще нѣкоторые матеріалы для біографіи Великаго Князя и его воспитателя, а именно: 1) Письмо Порошина къ графу Г. Г. Орлову; 2) Собственноручная записка Императора Павла къ родственнику Порошина, генераль-лейтенанту Амбразанцеву; 3) Письма Порошина къ академику Миллеру; 4) Собственноручныя упражненія Цесаревича Павла въ словесности; 5) Вѣдомости о Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, въ формѣ „двухъ писемъ отъ г-на Правомыслова, отставнаго капитана, изъ С.-Петербурга, отъ марта 1760 года, къ г-ну Люборусову, отставному капитану въ Москвѣ“. Изъ записокъ Порошина уже извѣстно было, что о Великомъ Князѣ составлялись иногда особыя *вѣдомости*, которыя печатались и иногда показывались ему. Такихъ печатныхъ вѣдомостей однако же донинѣ нигдѣ не случилось найдти; только въ числѣ бумагъ Порошина, отыскавшихся въ имѣніи полковника Амбразанцева - Нечаева, найдены были помѣщены въ № 1 *Русскаго Архива* 1869 г. два рукописные листка вѣдомостей.

Къ исторіи шведской войны 1788 года, ст. акад. Я. К. Грота. (*Русск. Арх.* 1869 годъ № 1).

Эти историческія замѣтки достоуважаемаго академика извлечены имъ изъ шведскихъ источниковъ, преимущественно изъ „Достопамятностей Барфорда (*Märkvärdigheter rörande Sveriges förhållanden, 1788—1792, Stockh., 1846*).

Замѣтки о шведской войнѣ 1788 года заключаютъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ и еще неизвѣстныхъ подробностей о времени, непосредственно предшествовавшемъ разрыву Россіи со Швеціей. Осо-

бенно интересенъ образъ дѣйствій тогдашняго русскаго посланника въ Стокгольмѣ, графа Андрея Кирилловича Разумовскаго. Еще графъ Остерманъ, во время своего пребыванія въ Швеціи, совершенно овладѣлъ партією шапокъ и принудилъ дворъ отдаться въ руки партіи шляхъ,—той партіи, которая въ 1756 гѣду такъ оскорбила королевское семейство. По его же инициативѣ, во время сейма 1765 года состоялись тѣ вредныя для Швеціи постановленія, которыя совершенно разстроили горную и мануфактурную промышленность этой страны. Новый посоль (смѣнившій Моркова), графъ Разумовскій также поддерживалъ партію шапокъ; о размѣрѣ суммъ, которыми онъ располагалъ для подкуповъ, можно судить по тому, что одинъ Выборгскій губернаторъ, генералъ Кейтъ, въ теченіе года издержалъ 23.000 рублей на уплату шпионамъ. Какія же громадныя суммы нужны были для удовлетворенія цѣлой партіи. Графъ Разумовскій оставался нѣкоторое время въ Стокгольмѣ даже, когда уже началась война Швеціи съ Россіей. Наконецъ, узнали, что онъ имѣетъ частыя сношенія съ оппозиціонною партіей, и Разумовскому объявлено было, чтобъ онъ въ назначенный день удался изъ Стокгольма, если желаетъ избѣгнуть большихъ непріятностей.

На пути къ Россію, графъ Разумовскій старался останавливаться, гдѣ только было возможно, чтобы войти въ сношенія съ болѣе вліятельными жителями, и возстановить ихъ противъ короля. Однако же народъ и власти болѣею частію встрѣчали его весьма непріязненно. Въ Висби толпа съ угрозами окружила домъ, въ которомъ остановился графъ Разумовскій, такъ что въ комнатѣ его боялись даже зажигать свѣчи. Изъ Висби Разумовскій направился къ Любеку, и чрезъ Вѣну прибылъ въ Россію.

Второй любопытный отрывокъ о той же войнѣ, помѣщенный въ № 1 *Русскаго Архива*, касается положенія плѣнныхъ русскихъ моряковъ въ Стокгольмѣ. Плѣнныхъ солдатъ и матросовъ было до 980 человекъ — все рослые, дюжіе парни; экспедиція, назначавшаяся въ Архипелагъ, и къ которой принадлежали 2 корабля, взятые въ плѣнъ, составляла цвѣтъ русскихъ морскихъ силъ. Шведы обращались съ плѣнными очень хорошо, и на содержаніе ихъ была отнущена значительная сумма. Замѣчательно, что въ числѣ этихъ военноплѣнныхъ оказалось нѣсколько женщинъ.

Авторъ замѣтки о войнѣ 1788 года, академикъ Гротъ, въ разказѣ своемъ о русскихъ плѣнныхъ, пользовался, кромѣ шведскихъ источниковъ, также и показаніями одного изъ участниковъ этой войны, И. П.

Бунина: онъ былъ въ числѣ кадетъ, захваченныхъ въ плѣнъ на кораблѣ, и живо помнилъ многія подробности своего пребыванія въ Швеціи. И. П. Бунинъ умеръ въ 1858 году, 86 лѣтъ отъ роду.

Бумаги Лагарпа съ двумя письмами его къ Императору Александру. Ст. графа А. С. Уварова. (*Русск. Арх.* 1869 № 1).

Извѣстный воспитатель великихъ князей Александра и Константина Павловичей, Лагарпъ, оставилъ по духовному завѣщанію часть своихъ бумагъ публичной библіотекѣ города Лозанны. Графъ А. С. Уваровъ тщательно пересмотрѣлъ эти бумаги, которыя большею частію составляютъ приготовительные труды самого наставника, готовившагося принять на себя важную обязанность — воспитателя Великихъ Князей Русскихъ. Изъ бумагъ, хранящихся въ Лозанской библіотекѣ можно почерпнуть еще достаточно ясное понятіе о возрѣніяхъ Лагарпа на историческія событія, о тѣхъ идеалахъ, которые онъ хотѣлъ внушить своимъ царственнымъ питомцамъ. Въ исторіи онъ обращаетъ вниманіе почти исключительно на нравственную сторону событій. Послѣ описанія каждаго событія, Лагарпъ отмѣчаетъ, какое нравственное заключеніе можетъ быть изъ него выведено, постоянно примѣняя его къ положенію, къ которому предназначены его воспитанники. Какъ уроженецъ Швейцаріи, Лагарпъ особенно живо сочувствовалъ греческой и римской исторіи. Восхваляя свободу и гражданскія учрежденія республики, онъ защищаетъ противъ всякаго обвиненія тѣхъ, кто стоялъ за неприкосновенность римской свободы. Оттого онъ оправдываетъ поступки Суллы и нападаетъ на дѣйствія Цезаря и Августа.

Кромѣ краткаго изложенія сущности историческихъ, приготовительныхъ уроковъ Лагарпа, въ № 1 *Русск. Архива* помѣщены также два письма его къ Императору Александру Павловичу, писанныя въ 1815 году. Оба эти письма (черновыя) сохранились въ Лозанскихъ бумагахъ Лагарпа.

Воспоминанія о 1812 годѣ. Князя П. А. Вяземскаго (*Русскій Архивъ* 1869 г. № 1).

Извѣстный поэтъ нашъ, князь Вяземскій, одинъ изъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ участниковъ славныхъ событій 1812 года, подѣлился воспоминаніями своими о Бородинской битвѣ, въ которой

самъ былъ участникомъ. Эти воспоминанія не заключаютъ въ себѣ ничего неизвѣстнаго историкамъ 1812 года; но авторъ умѣлъ придать занимательность изложенію даже и столь общезвѣстныхъ фактовъ, каковы, напримѣръ, прїѣздъ Императора Александра Павловича въ Москву и его рѣчь въ собраніи дворянства и купечества, назначеніе графа Ростопчина главнокомандующимъ въ Москвѣ, смерть Верещагина, и т. п. Князь Вяземскій протестуетъ въ своихъ замѣткахъ противъ того изображенія эпохи 1812 года, какое выведено гр. Толстымъ въ его извѣстномъ романѣ: „Война и миръ“. Между прочимъ онъ указываетъ на совершенное непониманіе авторомъ характера Императора Александра. Романъ гр. Толстаго, возбудившій столь живой интересъ, дѣйствительно грѣшитъ не только во многихъ частныхъ подробностяхъ, но и въ общемъ взглядѣ на ходъ историческихъ событій той эпохи, которая выведена въ романѣ, и особенно въ критической оцѣнѣ этихъ событій. Замѣчанія кн. Вяземскаго важны въ томъ отношеніи, что онъ, какъ очевидецъ, можетъ засвидѣтельствовать, что въ романѣ гр. Толстаго изображено вѣрно, и что грѣшитъ противъ истины.

Что же касается до участія кн. Вяземскаго въ битвѣ Бородинской, то онъ вступилъ въ конный полкъ, сформированный гр. Мамоновымъ, и состоялъ адъютантомъ при Милорадовичѣ; подъ нимъ была убита одна лошадь и ранена другая. Князь Вяземскій, отъ роду не бравшій въ руки огнестрѣльнаго оружія, очевидно, могъ быть только пассивнымъ участникомъ великой битвы, такъ же, какъ и Жуковскій, находившійся въ резервѣ, съ Московскимъ ополченіемъ ¹⁾.

---

¹⁾ Эти Воспоминанія вышли теперь особою брошюрой, которая продается по 1 рублю, и доходъ отъ распродажи ея назначенъ высокоуважаемымъ авторомъ въ пользу устройства народной школы въ бывшемъ домѣ Жуковскаго въ Бѣлевѣ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ УЧЕНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I. ЛИНГВИСТИКА.

Baudry F. Grammaire comparée des langues classiques contenant la théorie élémentaire de la formation des mots en Sanskrit, en Grec et en Latin avec références aux langues germaniques. 1-re partie. Phonétique. Paris. 1868. Hachette et Cie (XIV. 212. 8°).

Издатель, известный своимъ участіемъ во французской обработкѣ „Сравнительной грамматики“ Боппа, въ настоящемъ трудѣ намѣренъ дать руководство для людей, не посвятившихъ себя спеціальному изученію сравнительной филологіи; на первомъ планѣ онъ помѣстилъ языки классическіе, поставивъ между прочимъ задачей указать на этимологическое происхожденіе нарѣчій, изъ которыхъ произошелъ языкъ французскій, и дать вообще понятіе объ организмѣ и жизни языка. Первый доселѣ вышедшій выпускъ содержитъ звукоученіе (фонетику), основанное на результатахъ трудовъ нѣмецкихъ ученыхъ, преимущественно Курціуса (*Grundzüge d. Griechischen Etymologie*. Lpz. 1866), Корссена (*Ueber Aussprache, Vocalismus u. Betonung d. Lateinischen Sprache*, Lpz. 1858. 2 vol.). Не будучи богато новыми результатами, сочиненіе Бодри излагаетъ основные законы звукоученія ясно, общедоступно и даже пріятно; нерѣдко оно касается даже вопросовъ еще не рѣшенныхъ и тщательно излагаетъ различныя о нихъ мнѣнія. (*Litter. Centralbl.* № 46).

Corssen W. Ueber Aussprache, Vocalismus und Betonung der lateinischen Sprache. Gekrönte Preisschrift. Zweite umgearbeitete Ausgabe. 1-er Band. Leipzig. 1868. Teubner. (XVI. 819. 8°).

Замѣчательный трудъ Корссена получилъ въ новомъ изданіи совершенно новую переработку; множество новыхъ данныхъ изъ архаической латыни, изъ надписей, изъ италійскихъ діалектовъ нашли въ немъ мѣсто и разъясненіе. Болѣе подробный отчетъ объ этомъ необходи-

момъ для всякаго филолога сочиненіи мы надѣемся сообщить при выходѣ 2-го тома, который не замедлитъ появиться.

Pott. Dr. Fr. A. Prof. Die Sprachverschiedenheit in Europa an den Zahlwörtern nachgewiesen, sowie die quinäre und vigesimale Zählmethode. Halle. 1868. Waisenhaus. (109. 8°).

Этотъ новый трудъ знаменитаго Потта распадается на два главныхъ отдѣла, изъ которыхъ первый разсматриваетъ коренныя различія именъ числительныхъ, проявляющіяся въ европейскихъ языкахъ. При семъ приняты во вниманіе и малоизвѣстные языки, напримѣръ, этрусскій, баскскій, являющіеся относительно чисель совершенно изолированными; далѣе разсматриваются: албанскій, молдаво-валахскій и теперешній болгарскій, изъ которыхъ послѣдній въ именахъ чисель, какъ и во всемъ другомъ, обнаруживаетъ славянскій характеръ; молдаво-валахскія названія чисель происходятъ отъ латинскихъ, а про албанскія трудно сказать что-либо положительное, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видно индо-европейское происхожденіе: въ особенности нѣкоторыя созвучны съ римскими. Интересенъ отдѣлъ языковъ финскаго племени. Лапландцы, Финны и Эсты имѣютъ много общаго въ именахъ чисель, между тѣмъ какъ языкъ мадьярскій при большомъ сходствѣ показываетъ нѣкоторыя уклоненія. Сосѣдство географическое, при племенномъ различіи, не имѣетъ никакого вліянія на сродство чисель; такъ, имена числительныя Лапландцевъ совершенно различны отъ шведскихъ, эстскія отъ латышскихъ. Второй отдѣлъ сочиненія Потта имѣетъ болѣе общій характеръ и разсматриваетъ начала, на основаніи коихъ образовались имена числительныя въ различныхъ языкахъ земнаго шара, и притомъ специально въ языкахъ: а) американскихъ, б) азіатскихъ, в) австралійскихъ и г) африканскихъ. (*Litter. Centralbl.* № 46).

Mémoires de la société de linguistique de Paris. Tome 1-r. Paris. 1868. (VIII 96. 8).

Изъ 6-ти трактатовъ, заключающихся въ 1-мъ томѣ записокъ этого недавно основаннаго общества, заслуживаютъ упоминанія слѣдующіе: *Egger* — de l'état actuel de la langue Grecque et des reformes qu'elle subit — сравненіе въ общихъ чертахъ языка ново-греческаго съ романскими; *M. Bréal* — les progrès de la grammaire comparée — ясное и наглядное исчисленіе пунктовъ, въ которыхъ разнятся второе поколѣніе ученыхъ по сравнительной лингвистикѣ отъ перваго, и *Fr. Meunier* — de quelques anomalies que présente la déclinaison

de certains pronoms latins — трактатъ болѣе спеціальнаго содержанія, въ которомъ авторъ выставилъ много дѣльныхъ возраженій противъ доселѣ предложенныхъ объясненій род. ед. ч. на — *ius* и *ius* (*eius*, *solius*) и обратилъ вниманіе на многіе, доселѣ оставшіеся незамѣченными пункты. (*Litterar. Centralbl.* 1869 № 3).

Uhdolph, P. De linguæ latinæ vocabulis compositis. Dissertatio inauguralis. Breslau. 1868. (92. 8°).

Отрывокъ изъ обширнаго труда, предпринятаго авторомъ, представляющій тщательный сводъ матеріала и сообщающій не мало новаго въ интересномъ вопросѣ о латинскихъ сложныхъ словахъ. (*Litt. Centralbl.* 1868. № 50).

Müller Max, on the stratification of language. London. 1868. (44. 8°).

Максъ Мюллеръ принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу ревностныхъ пропагандистовъ того мнѣнія, по которому языкознаніе относится къ наукамъ естественнымъ. Въ новомъ своемъ сочиненіи „О наслоеніи языка“, онъ проводитъ интересную параллель между геологіей и языкознаніемъ. Со слоями земли сравниваются слои языка, то есть, три степени—коренная, склеивающая и флективная, и ихъ постепенное наслоеніе; собственно говоря, ни одинъ слой не соответствуетъ совершенно своему названію, ибо слой коренной уже заключаетъ въ себѣ слѣды склеиванія (агглютинація), а это послѣднее часто приближается къ флексіи. При этомъ Мюллеръ указываетъ на важность, которую имѣетъ для языкознанія вообще изученіе низшихъ слоевъ, напримѣръ, языка китайскаго. Лишь путемъ этого изученія можно дойти до рѣшенія такого интереснаго вопроса, какъ вопросъ о единствѣ языковъ симитскихъ и индоевропейскихъ, — единствѣ, котораго должно искать не на степени склеивающей, а на степени коренной, первобытной. (*Litterar. Centralbl.* 1868. № 50).

Topler. Dr. Ludwg. Prof. Ueber die Wortzusammensetzung nebst einem Anhang über die verstärkenden Zusammensetzungen. Ein Beitrag zur philosophischen und vergleichenden Sprachwissenschaft. Berlin. 1868. Dümmler. (VIII. 144. 8°).

Тоблеръ—одинъ изъ горячихъ приверженцевъ теоріи Штейнтала о необходимости психологическаго метода въ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ. Въ новомъ своемъ трудѣ онъ дѣлаетъ приложеніе этого метода къ разсмотрѣнію вопроса о соединеніи словъ; но исполненіе

труда далеко не соотвѣтствуетъ важности и интересу задачи. Главные недостатки изслѣдованія происходятъ, во первыхъ, отъ недостаточнаго знакомства съ новѣйшими трудами по языкоученію (такъ, автору неизвѣстны послѣднія части С.-Петербургскаго Санскритскаго словаря, важное сочиненіе Клемма—*de compositis Græcis quæ a verbis incipiunt*. Gissae 1867 и др.), и вовторыхъ, отъ недостаточнаго вниманія къ историческимъ даннымъ; такъ, онъ разсматриваетъ какъ совершенно одинаковыя явленія — и факты изъ языка Ведъ, и изъ языковъ романскихъ, изъ греческаго и ниже-нѣмецкаго и т. д.; всѣ данныя изъ этихъ языковъ безъ разбора годятся автору для сравненія, для раздѣленія по логическимъ и психологическимъ категоріямъ. Кромѣ того на многіе вопросы въ области составленія словъ читатель не находитъ яснаго и положительнаго отвѣта. (*Litterar. Centralbl.* 1868. № 49).

Indogermanische Chestomathle. Schriftproben und Lesestücke mit erklärenden Glossaren zu A. Schleicher's Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bearb. von H. Ebel, A. Leskien, I. Schmidt und A. Schleicher. Nebst Zusätzen und Berichtigungen zur 2 Aufl. des Compendiums herausgeg. von A. Schleicher. Weimar. 1869. Böhlau (VII. 378. 8°).

Наука сравнительнаго языкознанія понесла со смертію Шлейхера чувствительную потерю; настоящій трудъ, составленный по его мысли и при его значительномъ участіи, есть послѣдній трудъ извѣстнаго лингвиста, дѣятельность котораго имѣла преимущественно практическій характеръ. Тѣмъ же характеромъ отличается и индогерманская хрестоматія. Она заключаетъ отрывки для чтенія на тѣхъ языкахъ, которые вошли въ извѣстный „Учебникъ сравнительной грамматики индогерманскихъ языковъ“ (*Compendium der vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Kurzer Abriss einer Laut- und Formenlehre der Indogermanischen Ursprache, des Altindischen, Altiranischen, Altgriechischen, Altitalischen, Altkeltischen, Altslawischen, Litawischen und Altdeutschen von A. Schleicher. II Aufl. Weimar. 1866*); къ нимъ приложены подробные глоссаріумы, весьма пригодные не только для занятій подъ руководствомъ наставника, но и для домашняго изученія. Къ сожалѣнію, не всѣ части хрестоматіи одинаково выдержаны и одинаково подробны; особенно мало сообщено изъ греческаго, итальянскаго и готскаго. (*Litter. Centralbl.* № 5. 1869).

II. КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ.

Le monument bilingue de Delphes, par M. Wescher, ancien membre de l'école d'Athènes. Paris 1868, in 4°.

Фукаръ и Вешеръ, члены известной Аонвской школы, предприняли въ началѣ нынѣшняго 10-лѣтія ученое путешествіе въ Дельфійскую область. Результатомъ ихъ предпріятія было открытіе не малаго числа интересныхъ надписей, относящихся къ разъясненію нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ относительно исторіи Дельфійскаго святилища. Въ числѣ этихъ надписей особенное вниманіе изслѣдователей привлекаетъ мраморная плита, найденная Вешеромъ въ одномъ погребѣ вдѣланною въ стѣну и покрытая довольно мелкимъ письмомъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Латинскій текстъ, болѣе всего пострадавшій, заключаетъ интересный документъ — рѣшеніе пропретора Гая Авидія Нигрина, посланнаго послѣ 114 г. Траянѣмъ для прекращенія спора между жителями Дельфъ и Антициры, — рѣшеніе, исчисляющее очень подробно на основаніи точныхъ розысканій и опредѣленія іеромнимоновъ границы Дельфійской области съ восточной стороны. Насупротивъ этой латинской надписи читается и греческая ¹⁾, подобнаго же содержанія; она содержитъ рѣшеніе спора о границахъ между жителями Дельфъ и жителями Амфиссы, опредѣляющее между прочимъ границы Дельфъ на западъ. Это рѣшеніе было произнесено въ 10-й день до октябрьскихъ календъ въ Елатеѣ, а предыдущее въ 6-й день до октябрьскихъ идъ въ Елевсинѣ тѣмъ же самымъ Нигриномъ. Въ обоихъ документахъ упоминаются опредѣленія іеромнимоновъ, чиновниковъ, выбираемыхъ совѣтомъ Амфиктіонійскимъ для наблюденія надъ обрядами, надъ ненарушимостью границъ и т. д. Уже Бекъ подозрѣвалъ возможность находки этихъ опредѣленій, и его предположеніе блистательно оправдалось открытіемъ Вешера. Найденный имъ памятникъ дѣлится на 2 части: 1-я начинается исчисленіемъ голосовъ каждаго народа, составляющаго часть совѣта Амфиктіоновъ, утверждающихъ рѣшеніе іеромнимоновъ; затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе архонтовъ и депутатовъ изъ Антициры и Амфиссы, заявившихъ о своихъ требованіяхъ, и наконецъ, идетъ подробное размежеваніе границъ, при чемъ упоминается 26 пунктовъ, которые

¹⁾ Неполный и неточный снимокъ съ нея, сдѣланный Додуелемъ, изданъ въ *Corpus Inscr.* № 1711.

теперь трудно отождествить съ новѣйшими мѣстными названіями. 2-я часть заключаетъ опредѣленіе цифры убытка, понесеннаго Аполлономъ при денежныхъ оборотахъ, составлявшихъ его доходъ помимо сокровищъ и дохода со стадъ. Всѣ эти данныя, заключающіяся въ новооткрытой надписи, даютъ болѣе или менѣе положительныя отвѣты на 3 доселѣ нерѣшенные вопроса: 1) о составѣ совѣта Амфитіоновъ, 2) о границахъ священной области Дельфъ и 3) о доходахъ Дельфійскаго храма. Вешеръ въ обширномъ комментарий старается подробно разрѣшить эти темныя пункты изъ исторіи Дельфійской области.

P. Ovidii Nasonis ex Ponto libri quattuor ad codicum fidem emendavit, adparatu critico instruxit Dr. Otto Korn. Lipsiae. 1868 in aedibus Teubneri (XXXII 214 8°)

Для установки текста Овидіевыхъ Epistulae ex Ponto особенно важны Гамбургскій кодексъ XII в. и Баварскій, сличенный Гейнзиусомъ; въ нихъ менѣе всего интерполяцій, которыя, по мнѣнію издателя, возникли изъ попытокъ исправленія каждой рукописи. Хотя на эти два кодекса уже обратилъ вниманіе Меркель (издатель полного собранія сочиненій Овидія въ Лейпцигѣ 1857. 3 vol.), но къ сожалѣнію для 3 и 4 книгъ, которыхъ недостаетъ въ cod. Hamb., онъ пользовался больше интерполированными рукописями, чѣмъ cod. Bavar. Этотъ недостатокъ Меркеля пополнилъ издатель, сообщившій текстъ 3-й и 4-й книги въ видѣ ближайшемъ къ дипломатическому преданію. Съ большою тщательностію собранъ имъ рукописный аппаратъ и новѣйшія конъектуры, изъ которыхъ лишь немногія нашли мѣсто въ текстѣ, придерживающемся преимущественно чтенія рукописнаго. Отмѣчены весьма тщательно уклоненія отъ текста Гейнзиуса и Меркеля. Къ концу приложенъ весьма точный и подробный указатель словъ. (*Litterar Centralbl.* № 47).

Διοκρίτου ἢ Λογγίνου περὶ ὑψους. De sublimitate libellus in usum scholarum edidit O. Jahn. Bonn. 1867. Marcus (80, 8°).

Изданіе трактата „о высокомъ“, недостаточно вѣрно приписываемаго Лонгину, основывается преимущественно на Парижскомъ кодексѣ № 2036, съ котораго списаны всѣ остальные рукописи этого сочиненія; вромѣ того приняты во вниманіе еще 3 Парижскихъ и 1 Ватиканская рукопись. (*Litter. Centralbl.* № 4).

Macrobius. Franciscus Byssenhardt recognovit. Lipsiae. In aedibus Teubneri. 1868 (VI, 665, 8°).

Изданием Макробия удовлетворяется давняя потребность имѣть текстъ этого писателя въ исправленномъ на основаніи лучшихъ рукописей видѣ. Доселѣ лучшимъ изданіемъ считалось Кведлинбургское, сдѣланное Яномъ (Jahn), впервые показавшимъ отношеніе рукописей Макробия и то, что для критической провѣрки текста самая важная есть рукопись Парижской бібліотеки № 6371 (принадлежавшая Пигту), а затѣмъ два, къ сожалѣнію, весьма неполные Бамбергскіе кодекса (№ 873 и 875). Новый издатель поставилъ себѣ задачей точное сличеніе упомянутыхъ рукописей, и исполнивъ свое дѣло добросовѣстно и отчетливо, подарилъ публику лучшимъ и общедоступнымъ изданіемъ Макробия; вездѣ онъ даетъ полную *annotatio critica* означенныхъ рукописей и кромѣ того подыскиваетъ соотвѣтствующія мѣста цитруемыхъ Макробіемъ авторовъ. Полезность изданія увеличивается тѣмъ, что приложены весьма подробные, заимствованные у Яна указатели (*Heidelb. Jahrbüch.* X. Oktob. S. 771, fig.).

Isaeani Zonaræ Epitome Historiarum cum Caroli Ducangii suisque annotationibus edidit Lud. Dindorfius. Vol. 1. Lipsiae. In aedibus Teubneri. MDCCCLXVIII (XXXIV. 402 8°).

Сочиненіе Зонары, принадлежа къ довольно позднему времени (концу XII вѣка), представляетъ мѣстами все-таки драгоценный историческій матеріалъ, въ особенности для изученія Римской исторіи, на примѣръ, тамъ, гдѣ утрачены другіе, относящіеся къ этому предмету, источники, какъ нѣкоторыя книги Кассія Діона. Но и тамъ, гдѣ эсцерпирруемые Зонарою тексты существуютъ, его *Ἐπιτομή ἱστορίων* представляетъ значительное пособіе, давая нерѣдко чтенія болѣе вѣрныя, чѣмъ дошедшія до насъ въ рукописяхъ тѣхъ авторовъ. Уже отсюда понятна важность тщательной критической провѣрки текста, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ по времени Боннскомъ изданіи недостаетъ 6 книгъ и нѣтъ послѣдовательной, основанной на прочныхъ данныхъ установки текста. Для этого особенно важна Парижская рукопись № 1715 XIII вѣка (1289), какъ представляющая въ большинствѣ случаевъ болѣе правильныя чтенія, хотя и другія рукописи — Вѣнская, Мюнхенская, Ватиканскія и др. мѣстами также даютъ болѣе или менѣе заслуживающіе вниманія варианты. Ближайшее отношеніе издателя къ этимъ рукописямъ опредѣлить покажѣсть еще нельзя, такъ какъ его пригнѣванія относительно критики текста будутъ помѣщены

лишь въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ. Въ вышедшемъ доселѣ 1-мъ томѣ мы имѣемъ перепечатку весьма важнаго предисловія Дюканжа, отрывки изъ предисловія Вольфа и изъ диссертациіи Михаелиса (*Quaestiones de bello Punico primo*) и 5 книгъ текста.

Meyer Osc. *Quaestiones Homericae*. Bonn. 1868. Cohen u. Sohn. (142. 8°).

Сочиненіе распадается на 2 части, изъ которыхъ 1-я старается доказать путемъ этимологизаціи, что главное содержаніе Иліады можетъ быть сведено къ мнѣческому представленію борьбы свѣта со тьмой; Елена (кор. svar) есть божество свѣтовое, заключенное силами мрака (Пріамомъ и Парисомъ—кор. par.) въ твердынь (Иліонъ—vilu). Всего интереснѣе въ этой части—этимологія, а не то, что на ней основываетъ авторъ. Вторая часть его диссертациіи занимается спеціальнымъ вопросомъ о зіяніи (hiatus), объясненіе которому лежитъ, по мнѣнію автора, не въ требованіяхъ метрическихъ, а обусловливается состояніемъ гомеровскаго языка. Многія явленія зіянія объясняются какъ тѣмъ, что у Гомера еще сохранились слѣды присутствія *s* и *j*, такъ и тѣмъ, что многіе конечные слоги, подобно древне-латинскимъ, обнаруживаютъ еще слѣды первоначальной долготы. Этотъ принципъ возведенія гомеровскаго языка на степень какого-то первобытнаго языка, безпрестаннаго стремленія видѣть тутъ формы первоначальныя, которыя когда-то, во время доисторическое, предположительно могли существовать, самъ по себѣ одобренія не заслуживаетъ. Тамъ же, гдѣ дѣло идетъ о тщательномъ накопленіи матеріала, нельзя не подивиться добросовѣстности и трудолюбію автора (*Litterar. Centralb.* 1868. № 50).

Burckhardt Th. Zum Verständniss des Homerischen Hymnos auf Hermes. *Jahrbücher f. Phil. u. Päd.* Bd. 97. 737—749.

Гимнъ въ Гермесу уже Готфридъ Германъ (*Orphic.* p. 689) на основаніи метрическихъ наблюденій отнесъ ко времени позднѣйшему (срвн. *A. Koehn, Quaestiones metricae et grammaticae de hymnis Homericis.* Halis. 1865); Греве (*Greve, De hymno in Mercurium Homericum.* Monaster 1867) пришелъ къ тому же результату на основаніи наблюденій лексическихъ; нашъ авторъ разбираетъ его художественный характеръ, и въ немъ также видитъ доказательство поздняго происхожденія этого гимна. Онъ признаетъ въ немъ присутствіе юмора, лежащаго въ свободномъ поэтическомъ приѣмѣ—разсматривать это языческое божество, какъ существо человѣческое, и притомъ какъ дерзкаго, отважнаго вора. Засимъ весь характеръ гимна признается чи-

сто комическимъ, и потому его окончаніе, въ 506 ст., какъ не имѣющее этого характера, признается неподлиннымъ (сл. Shneidewin въ *Philol.* III. 692). Рядомъ съ комизмомъ видны слѣды и идиллическаго характера, вслѣдствіе котораго нныя картины обрисовываются тщательнѣе, чѣмъ требуетъ ходъ разказа. Въ заключеніе разсматривается связь гимна и его комическаго характера съ явленіями послѣдующими и предыдущими. Въ миѣ о похищеніи Ермесомъ стада у Аполлона 3 варианта: 1) нашего гимна и Аполлодора (III. 10. 2.); 2) Алкея (у Porphyг. ad Horat. carm. 1. 10 Schol. ad Homer. П. О. 256. Philostr. 1. 26.), и 3) Антонина Либералиса (23.) изъ разныхъ источниковъ, и преимущественно изъ Гезіода. Комизмъ является уже у Алкея (былъ ли онъ у Гезіода, неизвѣстно); онъ же лежитъ и вообще въ самомъ понятіи о Ермесѣ, какъ о богѣ хитрости и воровства. Но во всякомъ случаѣ присутствіе комическаго характера въ гимнѣ удивительно и не имѣетъ аналогіи. Изъ этого видно, что авторъ его относится къ тому времени, когда уже можно было выйти въ предѣлахъ поэзіи эпической изъ ея общаго, важнаго тона. Это случилось никакъ не раньше начала аттической комедіи. *И. П.*

ИСТОЧНИКИ ПЛУТАРХА ВЪ БІОГРАФІИ ПЕРИКЛА.

1. H. Sauppe. Die Quellen Plutarchs für das Leben des Perikles (*Abhandl. der Königl. Gesellschaft d. Wissensch. zu Göttingen.* Bd. XIII. 1867).
2. Fr. Rühl. Ueber die Quellen des Plutarcheischen Perikles. (*Neue Jahrb. f. Philolog. u. Pädagog.* Bd. 97. 657—674).

Сочиненіе Плутарха, извѣстное подъ заглавіемъ *παράλληλα ἢ βίοι παράλληλοι*, представляетъ нерѣдко драгоценный и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный источникъ для изученія нѣкоторыхъ отдѣловъ древней исторіи. Тѣмъ интереснѣе и необходимѣе знать, на сколько должно довѣрять извѣстіямъ Плутарха, — другими словами, тѣмъ необходимѣе, во первыхъ, попытаться, по возможности, разъяснить, какими авторами онъ пользовался, и во вторыхъ, отдѣлить его собственные взгляды отъ взглядовъ его источниковъ. Этотъ вопросъ былъ поднятъ въ западной наукѣ еще Гереномъ (Heeren) въ монографіи: *De fontibus et auctoritate vitarum Plutarchaearum.* Götting. 1820, которая, по обширности задачи, не превзойдена еще никѣмъ, потому что она была не по силамъ не только самому Герену, но даже и людямъ болѣе его ученымъ. И теперь еще, не смотря на значительное число работъ подготовительныхъ, не находится ученаго, который взялся бы за трудъ розыскать и указать источники всѣхъ Плутарховыхъ біогра-

фій. Относительно легкости изслѣдованія эти жизнеописанія распадаются на два отдѣла: біографія Римлянъ и біографія Грековъ. Отискать источники, коими пользовался Плутархъ при составленіи первыхъ, не такъ трудно, по причинѣ меньшаго количества самихъ источниковъ, и эту задачу взялъ на себя г. Петеръ (H. Peter) въ сочиненіи: *Die Quellen Plutarchs in den Biographien der Römer*. Halle. 1865, написанномъ, какъ при пособіи трудовъ предыдущихъ (напримѣръ, C. Schmidt, *De fontibus Plutarchi in vitis Romuli et Numaе*. Halis. 1863. Klapp, *De vitarum Plutarchearum auctoribus Romanis* Part. 1. Bonn. 1862 и др.), такъ и вслѣдствіе полного и всесторонняго изученія этого вопроса самимъ авторомъ. Для такой же монографіи относительно біографіи Грековъ еще не наступила пора, и наука ограничивается пока лишь трудами подготовительными. Заглавія двухъ изъ нихъ выставлены нами въ началѣ.

Еще и прежде вопросъ объ источникахъ Плутарха въ жизнеописаніи Перикла напелъ себѣ изслѣдователя въ ученомъ К. Ф. Германѣ (*De fontibus Plutarchi in vita Periclis* Marburg. 1836), уяснившемъ главнымъ образомъ отношенія Плутарха къ Фукидиду и Ефору. Зауе и Рюль пытаются повести дѣло дальше. Біографія Перикла носитъ какой-то смѣшанный оттѣнокъ, обнаруживающійся нерѣдко въ совершенно противорѣчивыхъ взглядахъ на эту замѣчательную личность; простое и единственное объясненіе этого лежитъ въ некритичности Плутарха, пользовавшагося различными писателями и не взявшаго на себя трудъ сравнять ихъ взгляды до одной извѣстной, постоянной нормы. Причина этому лежитъ, во первыхъ, въ отдаленности вѣка Перикла отъ времени жизни Плутарха, при чемъ, разумѣется, послѣдній не могъ составить себѣ ясное понятіе о цѣлесообразности гениальныхъ плановъ Перикла, о томъ, что всѣ они вытекали изъ глубокаго пониманія современности не только Аѳинской, но и Еллинской вообще; съ другой стороны, сама задача Плутарховыхъ біографій, имѣвшихъ цѣль нравственную, а не историческую, нѣкоторымъ образомъ оправдываетъ или объясняетъ некритичность его отношеній къ источникамъ. Самъ Плутархъ указываетъ нерѣдко на тѣхъ авторовъ, которыми онъ пользуется; такъ, напримѣръ, онъ упоминаетъ Фукидда, Иона, Стисимврата, Ефора, Идоманея и др.; но нерѣдко, пользуясь какимъ-либо писателемъ, какъ главнымъ источникомъ, Плутархъ не упоминаетъ его. Къ такимъ авторамъ принадлежитъ Теополисъ, сочиненія котораго нерѣдко служили источникомъ нашему писателю, не смотря на то, что почти никогда имъ не приводятся.

Заупе разбиваетъ все жизнеописаніе Перикла на нѣсколько отдѣловъ, рассматривая каждый въ отдѣльности. Исходя изъ того наблюденія надъ приемами Плутарковыхъ повѣствованій, по которому онъ беретъ какую-нибудь историческую основу изъ одного писателя, и то на столько, на сколько это необходимо для объясненія участія въ ней описываемаго лица, и вставляетъ въ нее характеристическія черты или интересные анекдоты; исходя изъ этого наблюденія, Заупе приступаетъ къ подробному разбору источниковъ 1-го отдѣла—о Самосской войнѣ (гл. 24—28). Основа этого разказа взята изъ Фукидида (I. 115—117), что подтверждается нерѣдко буквальною заимствованіемъ, при чемъ нѣкоторыя, не находящіяся у Фукидида подробности приписываются Ефору, Стисимвроту (с. 26 ср. *Heuer, De Stesimbroti Thasii reliquiis. Monaster. 1863*), Дуриду Самосскому (с. 28) и др. Относительно другаго эпизода—о причинахъ Пелопоннесской войны, источникомъ Плутарха несомнѣнно былъ Ефоръ (срав. *Diodor. 12. 41*), за немногими уклоненіями. При этомъ Заупе рассматриваетъ Плутархову попытку объяснить, какимъ образомъ Периклъ, при чисто аристократическомъ настроеніи, все же сдѣлался рѣшительнымъ основателемъ Аѳинской демократіи, и какимъ образомъ въ послѣдствіи, по удачному замѣчанію Фукидида, ἐγίγνετο λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔφ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή (II. 65). Плутархъ объясняетъ это явленіе личнымъ честолюбіемъ Перикла. Отдѣльными частями этого эпизода Заупе присвоиваетъ различнымъ авторамъ; напримѣръ, гл. 9 въ разказѣ о щедрости Кимона видится заимствование изъ Теопомпова сочиненія περὶ δημοτογῶν (*Athen. IV. p. 166. E.*); источникомъ разказа объ Ефіалтѣ и преобразованіи Ареопага (гл. 10) Заупе находитъ возможнымъ признать также Теопомпа. Затѣмъ онъ весьма подробно рассматриваетъ въ высшей степени интересный и важный разказъ Плутарха о мѣрахъ, предпринятыхъ Перикломъ для привлеченія къ себѣ народной благосклонности, при чемъ Теопомпъ опять признается его источникомъ. Рассматривая однако 11-ю главу, Заупе признаетъ въ ней сліяніе двухъ извѣстій различнаго характера—одного, благосклоннаго Периклу, другаго—враждебнаго, при чемъ одно изъ нихъ, предположительно, считается заимствованнымъ у Ефора. Въ началѣ интереснѣйшаго эпизода о постройкахъ Перикла, при повѣствованіи о преніяхъ, возбужденныхъ въ Аѳинахъ этимъ вопросомъ (гл. 12), Заупе примѣтилъ отрывки рѣчей, которыхъ онъ не считаетъ произведеніемъ школъ риторическихъ, но полагаетъ, что ихъ Плутархъ выписалъ или у одного изъ своихъ источниковъ историче-

скихъ—Ефора или Теопомпа, при чемъ склоняется на сторону послѣдняго, или у извѣстнаго Іона Хиосскаго, автора *Ἐπιθρησίας*, въ которыхъ заключались повѣствованія о его странствованіяхъ, о знаменитыхъ личностяхъ, которыхъ онъ зналъ и видѣлъ и т. п. *Körke De hupomnematis Graecis Brandenb.* 1863). Хотя Заупе и самъ видитъ всю шаткость подобнаго предложенія, все же, за недостаткомъ другихъ, болѣе точныхъ свѣдѣній, рѣшается остаться при немъ. Вообще весь эпизодъ гл. 11—14 о борьбѣ Перикла съ партіей аристократическою и самъ Плутархъ рассматривалъ какъ нѣчто отдѣльное въ своемъ повѣствованіи (гл. 14 к.). Таковы, по изслѣдованіямъ Заупе, источники для 3-хъ главныхъ эпизодовъ жизни Перикла. Въ концѣ разсужденія онъ дѣлаетъ нѣсколько предположеній объ источникахъ другихъ частей повѣствованія, и видитъ заимствованія изъ Теопомпа, Ефора, Фукидида, Стисимврата, Теофраста, Филохора и др. — Въ обильныхъ прилѣчаніяхъ Заупе даетъ нѣсколько конъектуръ къ тексту.

Рюль, признавая достоинства сочиненія Заупе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ него уклоняется. Весь эпизодъ гл. 7—14 онъ относитъ къ Теопомпу, при чемъ сопоставляетъ Валерія Максима (VIII, 9, extern 2), заимствовавшаго также у Теопомпа (*Gutschmidt. Ueber d. Fragmente d. Pompejus Trogus. Suppl. zu Jahrb. f. Phil.* II, s.187 fig). Но разказъ объ Ефіалтѣ, вставленный, по его мнѣнію, совершенно не на мѣстѣ, не принадлежитъ этому писателю, равно какъ и анекдоты (гл. 8) о Фукидидѣ, сынѣ Мелисіа. Рюль не соглашается также съ признаваемою Заупе двойственностью характера 11-й гл., равно какъ не видитъ возможности признать Фукидида источникомъ 17—23 гл., относя и этотъ разказъ къ Теопомпу. Касательно эпизода о Самосской войнѣ Рюль для тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ Плутархъ не согласенъ съ Фукидидомъ, признаетъ, на основаніи многихъ подробностей чисто мѣстнаго характера, его источникомъ какого-нибудь Самосскаго автора, и именно Дуріда. Точно также при разказѣ Плутарха о причинахъ Пелопонисской войны, кромѣ Фукидида, авторъ находитъ необходимымъ признать, что Плутархъ пользовался еще другимъ писателемъ и даже допускаетъ гипотезу, не пользовался ли биографъ Перикла Фукидидомъ лишь при посредствѣ сочиненія какого-нибудь позднѣйшаго историка, прибавившаго къ разказу Фукидида и другія подробности? Рассматривая эпизодъ о постройкахъ Перикла, Рюль соглашается съ Заупе относительно сохраненія въ немъ отрывковъ изъ рѣчей, но не можетъ однако одобрить его гипотезу о заимствованіи всего описанія изъ Іона, и основываясь на разностороннихъ,

болѣе или менѣ лишенныхъ твердой почвы, соображеніяхъ, рѣшается допустить, что тутъ Плутархъ пользовался Еѳоромъ. Въ заключение Рюль разсматриваетъ вопросъ: цитуетъ ли Плутархъ приводимые имъ нерѣдко стихи комиковъ какъ плодъ собственнаго чтенія, или же онъ и ихъ заимствовалъ изъ вторыхъ рукъ? Допуская его непосредственное знакомство лишь съ немногими (напримѣръ, съ Аристофаномъ Grote History of Greece V. 426), въ большинствѣ случаевъ онъ считаетъ эти цитаты несамостоятельными. II. II.

Ebert. Ad. Tertullians Verhältniss zu Minucius Felix. Nebst einem Anhang über Commodians Carmen Apologeticum. (Des V Bandes der Abhandlungen der philol. hist. Cl. d. K. Sächs. Ges. d. Wiss. № V). Leipzig 1868. Hirzel. (102. 8°).

Мастерская работа въ области изученія христіанско-латинской литературы. Въ 1-й части авторъ окончательно разрѣшаетъ вопросъ о зависимости апологій Тертуліана отъ „Октавіа“ Минуція Феликса. Точное разсмотрѣніе расположенія „Октавіа“ и „Апологій“ даетъ слѣдующій результатъ: сочиненіе Минуція Феликса есть философскій трактатъ, составленный на основаніи древнихъ образцовъ и имѣющій цѣлю болѣе распространеніе, чѣмъ защиту христіанства; этимъ объясняется спокойствіе его изложенія и правдивость относительно противниковъ. Напротивъ того, „Апологія“ есть защита христіанства, быстро набросанная во времена гоненій, безъ соблюденія единства и связи между отдѣльными частями. Зависимость ея отъ „Октавіа“ особенно рѣзко видна въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ цитруется сочиненіе Цицерона „de natura deorum“, послужившее образцомъ для „Октавіа“. — Другая половина труда занята разборомъ стихотворенія Коммодіана, открытаго въ 1852 году бенедиктинцемъ Питрою. Авторъ доказываетъ, что стихотвореніе написано въ 3-мъ вѣкѣ (въ 249 году), и авторомъ его былъ Коммодіанъ, родомъ изъ Газы. Особенно достойно вниманія изслѣдованіе Эберта объ есхатологическихъ (относительно кончины міра) воззрѣніяхъ Коммодіана, опирающихся на „Откровеніе“ св. Іоанна, но расширяющихъ его взглядъ на антихриста, при чемъ вносятся ученіе о двойномъ антихристѣ — мірскомъ и духовномъ. (*Litterar. Centralbl.* 1869. № 4).

Wimmer. H. Archäologische Studien zu Lucian. Breslau. Mälzer. 1867 (100. 8°).

При многочисленности и важности цитатъ Лукіана, относящихся къ археологій искусства, задача — собрать всѣ отзывы этого писателя

объ искусствѣ, художникахъ и ихъ произведеніяхъ—не можетъ показаться излишнею. Ею задался нашъ авторъ, имѣя цѣлю изъ этого свода извѣстій опредѣлить точку зрѣнія Лукіана на произведенія искусства. Еще въ 1866 году онъ же издалъ брошюру: „De locis Luciani ad artem spectantibus Part. 1, вошедшую съ немногими дополненіями и въ новый его трудъ, въ видѣ 1-й главы; въ ней онъ разсматриваетъ свидѣтельства Лукіана о скульпторахъ и живописцахъ, и приходитъ къ признанію въ немъ безпристрастія при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній. 2-я глава распространяется объ описываемыхъ у Лукіана произведеніяхъ искусства, при чемъ относительно спорнаго сочиненія *пері тоῦ οἴκου* авторъ склоняется къ признанію Лукіана его авторомъ. 3-я глава, содержащая „афоризмы объ искусствѣ во время Лукіана“, заключаетъ въ себѣ, кромѣ ряда замѣтокъ о положеніи художествъ, особенно живописи, въ то время, нѣсколько критическихъ замѣтокъ къ тексту Лукіана. Вообще сочиненіе Блюмнера представляетъ довольно богатое пособіе для экзегезы этого автора (*Heidelb. Jahrb.* X. Octob. 790 fig.).

Friederichs Dr. C. Bausteine zur Geschichte der griechisch-römischen Plastik. Düsseldorf. 1868. I. Buddeus (VIII. 568. 8o). Отдѣльный титулъ: *Berlins antike Bildwerke. 1. Die Gypsabgüsse im Neuen Museum in historischer Folge erklärt.*

Настоящее систематическое описаніе богатѣйшаго собранія Берлинскаго Новаго Музеума представляетъ плодъ долголѣтнихъ и добросовѣстныхъ трудовъ. Подобный каталогъ, разсматривающій слѣпки въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ обращается постоянное вниманіе и на оригиналы, по праву можетъ быть названъ матеріаломъ для исторіи греческой пластики. Знакома съ описаніемъ, состояніемъ и исторіей скульптурныхъ произведеній, авторъ мѣстами, на довольно вѣсныхъ основаніяхъ, уклоняется отъ общепринятыхъ взглядовъ на нѣкоторые вопросы. Весь богатый матеріалъ раздѣленъ авторомъ на слѣдующіе 9 отдѣловъ: I. Древнее время греческой пластики. II. Древнегреческое искусство: а) произведенія VII и VI ст.; б) произведенія 1-й половины V ст., и именно: α) аттическое искусство, β) ликійское искусство, γ) эгинское искусство, δ) произведенія другихъ школъ. III. Искусство, подражающее древности. IV. 1-я половина періода процвѣтанія греческаго искусства, и именно: а) статуи, б) скульптуры храмовыя, в) рельефы на гробницахъ, вкладахъ и общественныхъ декретахъ. V. 2-я половина періода процвѣтанія греческаго искусства, и именно: а) мнѳологическія изображенія, б) жанръ и историческія изо-

браженія. VI. періодъ послѣ процвѣтанія искусства. VII. Греческое искусство при варварахъ (золотныя и серебряныя работы, преимущественно изъ Крима). VIII. Греко-римское искусство, и именно: а) мнѳологическія изображенія, б) жанръ и историческія изображенія, в) помпейскія и геркуланскія древности и д) животныя и смѣсь. IX. Дополненіе. Этрусское искусство. Алфавитный указатель облегчаетъ пользованіе этимъ сочиненіемъ для ученыхъ, а сравненіе номеровъ Новаго Музея съ номерами въ книгѣ дѣлаеть ее полезнымъ руководителемъ при посѣщеніи самого музея. (*Litterar Centralb.* 1869. № 4).

Brunn, Heinr. Beschreibung der Glyptothek König Ludwig's I zu München. München 1868. Ackermann (VI. 275. 8°).

Это сочиненіе не есть новое изданіе прежняго каталога Мюнхенской глиптотеки, составленнаго Лудвигомъ Шорномъ (въ 1842), но совершенно самостоятельное описаніе равно необходимое какъ для посѣтителей глиптотеки, такъ и для спеціальныхъ занятій археологіею. Оно содержитъ подробныя и точныя указанія относительно матеріала, мѣры, исторіи памятниковъ (для послѣдняго дѣла важенъ трудъ Урлихса, *Die Glyptothek Sr. Maj. des Königs Ludwig I von Bayern nach ihrer Geschichte und ihrem Bestande.* München. 1867); описанія ихъ составлены такъ, что даютъ, по возможности всюду, нѣкоторое представленіе о памятникѣ и лицу, его не выдавшему. Кромѣ простаго описанія, каталогъ сообщаетъ не мало результатовъ собственныхъ изслѣдованій составителя; изъ нихъ особенно достойны вниманія слѣдующіе 2: точное опредѣленіе времени, когда были сдѣланы т. н. эгинскіе мраморы (о чемъ Бруннъ писалъ отдѣльное разсужденіе: *Ueber das Alter der äginetischen Bildwerke* въ *Sitzungsber. d. Bayerisch. Akad. d. Wiss.*), и признаніе такъ-называемый Ино—Левкоевыя копій со сдѣланной Кеѳисодотомъ Старшимъ бронзовой группы, изображавшей Миръ (*Εἰρήνη*), несущій Богатство (*Πλοῦτος*) (см. Брунна же отдѣльное разсужденіе: *Ueber die sogenannte Leukothea in der Glyptothek Sr. Majestät König Ludwig's I.*) (*Litterar. Centralb.* 69. № 1).

Jahn. O. Ueber Darstellungen des Handwerks und Handelsverkehrs auf antiken Wandgemälden. Des V. Bandes der Abhandlungen der phil.-hist. Cl. d. Kön. Sächs. Gesell. d. Wissensch. № 15. Leipz. 1868. Hirzel (S. 263—318. 8°. 6 табл. рисунк.).

Это разсужденіе составляетъ окончаніе изслѣдованій извѣстнаго археолога Яна относительно изображеній ремесль и торговыхъ отношеній въ древности. Они были начаты въ 1861 г. въ статьѣ: „Ueber

Darstellungen antiker Reliefs, welche sich auf Handwerk und Handelsverkehr beziehen“ (въ Verhandlungen d. Sächs. Gesell. d. Wiss. 1861. Phil. hist. Classe. S. 291—374) и продолжаемы въ изслѣдованіи: Ueber Darstellungen des Handwerks und Handelsverkehrs auf Vasenbildern. (Тамъ же 1867 года. S. 75—119). Настоящимъ трудомъ заключается этотъ рядъ монографій, въ которыхъ читатель имѣетъ образецъ археологическихъ изслѣдованій: ни одна сторона древней жизни не была подвергнута столь тщательной и разносторонней обработкѣ на основаніи какъ письменныхъ, такъ и вещественныхъ источниковъ. Настоящій трудъ составленъ преимущественно по даннымъ, представляющимся на стѣнныхъ фрескахъ, при чемъ авторъ, кромѣ другихъ источниковъ, пользовался изображеніями, открытыми въ 1755 г. въ Cività. (Помѣщены въ Antichità di Ercolano III. 51—44). *Litter. Centralbl.* 1869. № 2.

Winckler. Dr. Arthur. Die Wohnhäuser der Hellenen. Nach den Quellen und den neuesten Forschungen dargestellt. Berlin. 1868. Calvary. (195. 8°).

Задача автора — прослѣдить постройку и внутреннее устройство греческаго дома съ древнѣйшей поры до времени римскаго владычества — выполнена вполне удовлетворительно. Послѣ краткаго введенія, гдѣ излагается важность архитектурныхъ памятниковъ для изученія развитія культуры, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію жилищъ, по описанію Гомера, при чемъ останавливается преимущественно на домѣ Одиссея. (Богатымъ пособіемъ при этомъ ему служило замѣчательное изслѣдованіе Румфа — *Rumpf*, De aedibus Homericis). Затѣмъ весьма подробно разбираетъ данныя относительно жилищъ Грековъ во время историческое, при чемъ достойна удивленія его начитанность въ текстахъ классиковъ. Добытые имъ результаты, за весьма немногими ограниченіями, должно признать вѣрными. (*Litter. Centralbl.* 1869. № 2).

Jahn. O. Aus der Alterthumswissenschaft. Populäre Aufsätze. Mit 8 Tafeln und einigen Holzschn. im Text. Bonn. 1868. Markus (V 420. 8°).

Эта книга есть сборникъ популярныхъ статей ученаго автора, помѣщавшихся въ послѣдніе годы въ нѣмецкихъ журналахъ. Въ дѣлѣ популяризаціи научныхъ предметовъ посредствомъ легкой привлекательной формы О. Янъ составилъ себѣ извѣстное имя, и потому его настоящее сочиненіе можно смѣло рекомендовать читателямъ, желающимъ безъ особеннаго напряженія ознакомиться съ важнѣйшими сто-

ронами античной литературы и искусства. Сообщаемъ перечень статей, вошедшихъ въ этотъ сборникъ: „античная пастораль (eine antike Dorfgeschichte), новеллеты изъ Апулея (Novelletten aus Apulejus), Аполлонъ Бельведерскій (der Apoll von Belvedere), Киріакъ изъ Анконы и Албрехтъ Дюреръ (Cyriacus von Ancona und Albrecht Dürer), восстановление утраченныхъ художественныхъ произведеній для исторіи искусства (Die Restitution verlornen Kunstwerke für die Kunstgeschichte), древнее искусство и мода (die alte Kunst und die Mode), полихромія древней скульптуры (die Polychromie der alten Sculptur), придворное искусство и поэзія при Августѣ (höfische Kunst und Poesie unter Augustus), греческія росписныя вазы (die griechischen bemalten Vasen), ходъ образованія нѣмецкаго ученаго конца XV ст. (Bildungsgang eines deutschen Gelehrten am Ausgang des XV Jahrhunderts), значеніе и положеніе изученія древности въ Германіи (Bedeutung und Stellung der Alterthumsstudien in Deutschland), еллинское искусство (die hellenische Kunst), Гетева Ифигенія въ Тавридѣ и древняя трагедія (Goethe's Iphigenia auf Tauris und die antike Tragödie). (*Litterat. Centralbl.* № 4 6 92).

Plew Eug. De Sarapide. Dissertatio inauguralis. Königsb. 1868. (41. 8).

Однимъ изъ важныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и темныхъ вопросовъ въ греческой мѣологіи остается доселѣ вопросъ объ иноземныхъ божествахъ и культахъ, приходившихъ въ греческую религію. Задача — прослѣдить все относящееся къ этому вопросу — требуетъ основательнаго знанія Востока и преимущественно Египта. Диссертация „о Сарapisѣ“ есть опытъ рѣшенія небольшой части этой громадной задачи. Авторъ старается исторически прослѣдить культъ Сарapisа, преимущественно въ той мѣрѣ, въ какой съ нимъ соприкасались Греки. Происхожденіе этого божества авторъ видитъ въ Сѣверной Азіи, и предполагаетъ, что въ первоначальномъ своемъ видѣ оно соединяло въ себѣ свойства божествъ подземнаго и цѣлителя. Птолемей 1-й ввелъ его при самомъ началѣ царствованія въ Египетъ, отождествляя съ Плутономъ; Египтяне же видѣли въ немъ Озириса, и именно ту его форму, которая была извѣстна подъ именемъ Озирисаписа (можетъ-быть, тутъ не безъ вліянія было звуковое сходство названій), и это отождествленіе Сарapisа съ Озирисомъ имѣло слѣдствіемъ то, что Греки, за немногими исключеніями, называли Озириса Сарapisомъ; затѣмъ они его отождествляли также

и съ Зевсомъ, и съ Иліосомъ. Всѣ факты, позволяющіе вывести подобныя заключенія, приводятся авторомъ съ замѣчательною полнотою и добросовѣстностію. Въ заключеніе авторъ говоритъ о распространеніи культа Сарapisа и объ особенностяхъ самого культа. (*Litterar. Centralb.* 69. № 2).

Baltzer Ed. Pythagoras, der Weise von Samos. Ein Lebensbild nach den neuesten Forschungen bearbeitet. Mit einer Uebersichts-Karte. Nordhausen 1868. Förstemann. (VIII. 180. 8°).

Легко и пріятно написанное популярное сочиненіе, основанное преимущественно на извѣстномъ сочиненіи Рѣта (*Röth* — *Geschichte unserer abendländischen Philosophie*), и излагающее въ большей подробности біографію, чѣмъ ученіе Пифагора.

III. ИСТОРИЯ.

César et ses Contemporains. Par M. S. Delorme. Paris, 1869.

Книга автора въ каждой строкѣ своей являетъ слѣдъ терпѣливаго и добросовѣстнаго изслѣдованія. Г. Делормъ преимущественно старался выяснитъ вліяніе постоянно возраставшей нравственной порчи въ Римѣ на его политическія учрежденія. Отъ Гракховъ и до Цезаря авторъ выставляетъ на видъ развитіе низкихъ страстей, подтачивавшихъ римское общество и все болѣе и болѣе удалявшихъ его отъ преданій древняго Рима и отъ суровыхъ обязанностей гражданской свободы. При этомъ случаѣ авторъ указываетъ на глубокую разницу между древнимъ міромъ и новѣйшими народами, нравственный идеалъ которыхъ несравненно выше (*Revue des deux Mondes*).

Julius Caesar. Did he cross the Channel? By the Rev. Scott T. Surtees. London. 1868. (Юлій Цезарь. Переплывалъ ли онъ Каналъ? Соч. преп. Скотта Сертиса. Лондонъ, 1868).

Авторъ этого небольшого сочиненія силится доказать, что Юлій Цезарь, при своемъ завоевательномъ походѣ противъ Британіи, изъ Вальхрена направился на Кромеръ, Велсъ или Хонстантонъ, во всякомъ случаѣ не прямо черезъ Ламаншъ, а главное, что онъ снялся съ якоря совсѣмъ не въ Булони, какъ предполагаетъ нынѣшній императоръ Французовъ. Впрочемъ, доказательства г. Сертиса вообще довольно слабы. (*Westm. Review*).

The Pedigree of the English People: an Argument Historical and Scientific on English Ethnology, showing the Progress of Raceamalgamation in Britain, from the earliest times to the Incorporation of the Celtic Aborigines. By Thomas Nicholas. London, 1868. (Генеалогія англійскаго народа: историческій и научный очеркъ англійской этнологіи, показывающій ходъ сліянія племень въ Британіи, съ древнѣйшихъ временъ и до окончательнаго поглощенія туземцевъ кельтскаго происхожденія. Соч. Томъ Никласа, Лондонъ, 1868).

Г. Никласъ отбрасываетъ общепринятую теорію, что Англичане прямыя потомки Англо-Саксовъ, и утверждаетъ, что дѣлая половина, если не бѣльшая часть жителей древнихъ англосаксонскихъ королевствъ принадлежали къ кельтскому племени Бриттовъ, и никакъ не могли быть потомками горсти людей, прибывшихъ, въ маленькихъ открытыхъ судахъ, съ бесплодныхъ береговъ Балтики. Доказательства автора основаны на историческихъ, филологическихъ, топографическихъ и этнографическихъ данныхъ, а также на изслѣдованіи англійскаго права и того вліянія, какое древніе Бритты имѣли на Англо-Саксовъ. Доказательства эти не всѣ въ одинаковой степени непровержимы; но факты, приводимые авторомъ, дѣйствительно способны убѣдить читателя, что племя Бриттовъ не изсякло само собою, а было лишь мало по малу поглощено англосаксонскимъ населеніемъ. Изъ аргументаціи г. Никласа становится очевиднымъ, что англійская нація гораздо болѣе заключаетъ въ себѣ кельтской (бриттской) крови, чѣмъ обыкновенно полагаютъ англійскіе историки, и что именно этимъ обстоятельствомъ объясняются нѣкоторыя изъ наиболѣе благородныхъ качествъ „истаго Британца“, физическихъ, интеллектуальныхъ и нравственныхъ (*Westminster Review*).

The History of the Norman Conquest of England: its causes and its results. By Edw. A. Freeman. Vol II. Oxford, 1868. (Исторія норманскаго завоеванія Англіи: его причины и послѣдствія. Соч. Э.Фримана Т. II. Оксфордъ, 1868).

Томъ второй сочиненія г. Фримана заключаетъ въ себѣ исторію царствованія Эдуарда Исповѣдника. Первый томъ заключалъ въ себѣ критическое введеніе; въ третьемъ томѣ будетъ исторія 1066 года и исторія царствованія Вильгельма Завоевателя въ Нормандіи; четвертый томъ будетъ посвященъ царствованію Вильгельма въ Англіи; пятый томъ—заключительнымъ выводамъ, изслѣдованію о послѣдствіяхъ норманскаго завоеванія, подобно тому какъ первый томъ былъ посвященъ изслѣдованію о его причинахъ. При необыкновенно точномъ

и вмѣстѣ живомъ, изящномъ изложеніи сочиненіе г. Фримана, судя по крайней мѣрѣ по вышедшимъ двумъ томамъ, замѣчательно по кропотливости изысканій, по неутомимому труду собиранія и систематизаціи матеріаловъ, по безопаданному замѣщенію гипотезъ положительными фактами, по строгости плана, по широтѣ и ясности взглядовъ. Правда, въ своихъ сужденіяхъ о великихъ дѣятеляхъ того времени, авторъ иногда преувеличиваетъ ихъ достоинство и ступшевываетъ ихъ недостатки: такъ, чрезмѣрная идеализація Гарольда и Годвина отчасти противорѣчатъ такимъ авторитетамъ, какъ Пальгревъ, Лингардъ и Лаппенбергъ. Но такая идеализація легко объясняется патріотическимъ увлеченіемъ автора (*Westm. Review*).

Geschichte der herrschenden Ideen des Islams. Von Alfred von Kremer. Leipzig, 1868).

Авторъ этой книги работалъ по арабскимъ источникамъ и изучалъ жизнь народа въ самой его странѣ. Послѣ трудовъ Вейля, Шпренгера и Доци, представившихъ исторію Арабовъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ она доселѣ понималась, сочиненіе г. фонъ-Кремера внести съ своей стороны не малую долю новыхъ знаній въ область оріентализма. Книга его — не исторія событій, а исторія идей, руководившихъ событіями и опредѣлявшихъ ихъ значеніе. Эти идеи авторъ раздѣляетъ на три главные категории: идея о Богѣ, идея о государствѣ, идея объ откровеніи. Нынѣшнее состояніе ислама будетъ предметомъ дальнѣйшихъ его изслѣдованій (*Westminster Review*).

History of the Inquisition, in every Country where its Tribunals have been established, from the Twelfth Century to the Present Time. By W. H. Rule. London, 1868. (Исторія Инквизиціи во всѣхъ странахъ, гдѣ установлены были ея судилища, съ XII столѣтія до нашихъ временъ. Соч. В. Руля. Лондонъ. 1868).

„Дѣло сдѣлано—исторія инквизиціи написана!“ самодовольно восклицаетъ авторъ книги. Но англійскіе рецензенты не раздѣляютъ этого мнѣнія. Они полагаютъ, что исторія инквизиціи совсѣмъ еще не написана, по крайней мѣрѣ въ Англіи, и выражаютъ надежду, что найдется писатель, не только съ большимъ досугомъ и терпѣніемъ, но и съ болѣе обширными свѣдѣніями, съ болѣе свѣтлымъ взглядомъ и съ тѣмъ историческимъ чутьемъ, котораго нѣтъ и слѣда у г. Руля, и что этотъ писатель предприметъ трудъ серьезнаго изученія исторіи инквизиціи. Сочиненіе же г. Руля похоже скорѣе на проповѣдь, чѣмъ на исторію. Тарабарщиною (*jargon*) называетъ оныя

терминологию инвизиціонной процедуры; папа пишется у него всегда съ эпитетомъ надменнаго или дерзкаго; римско-католическая церковь не иначе именуется какъ римскою гееною, и пр., и пр. Всему этому можетъ еще быть мѣсто на публичной трибунѣ, но никакъ не на страницахъ серьезнаго историческаго сочиненія (*Saturday Review*).

Histoire de Charles VIII, roi de France, d'après des documens diplomatiques inédits.
Par M. de Cherrier. Paris, 1869.

Авторъ этой книги избралъ для историческаго изображенія одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ исторіи Франціи, тотъ періодъ ея, въ который оканчиваются средніе вѣка, европейскія государства стремятся къ организаціи, устанавливаются международныя отношенія, и Франція отерываетъ рядъ итальянскихъ войнъ, которыя въ наше уже время разрѣшились независимостью Аппенинскаго полуострова. Книга г. де-Шеррье есть не только исторія Франціи, какою оставилъ ее Людовикъ XI, но вмѣстѣ и исторія италіанскихъ государствъ въ концѣ XV столѣтія. Авторъ воспользовался многими совершенно новыми источниками, а также и изданными въ самое послѣднее время, и съ замѣчательною правдивостію и вѣрностію изложилъ одинъ изъ труднѣйшихъ историческихъ эпизодовъ (*Revue des deux Mondes*).

Her Majesty's Tower. By W. Herworth Dixon. London, 1869. (Башня Ея Величества. Соч. Генуорса Диксона. Лондонъ, 1869).

Въ Лондонѣ, въ полумилѣ отъ Лондонскаго моста, внизъ по Темзѣ, стоитъ башня, или, какъ принято ее называть и у насъ въ Россіи, Тоуэръ, древнее жилище англійскихъ королей, потомъ государственная тюрьма, мрачное мѣсто, гдѣ разыгрывалось столько страшныхъ трагедій, увѣковѣченныхъ гениемъ Шекспира. Время перваго построенія Тоуэра теряется во мракѣ вѣковъ; старинные писатели относятъ его ко времени Юлія Цезаря, и даже саксонскія хроникѣ уже упоминаютъ о Тоуэрѣ; но въ тѣхъ главныхъ очертаніяхъ, которыя и до сихъ поръ удержалъ Тоуэръ, онъ воздвигнутъ Вильгельмомъ Завоевателемъ. Г. Диксонъ начертываетъ нынѣ подробную исторію Тоуэра, и судя по приведеннымъ въ англійскихъ журналахъ извлеченіямъ изъ книги, она исполнена большаго интереса. Авторъ упоминаетъ въ ней о всѣхъ знаменитыхъ обитателяхъ и узникахъ башни, погибшихъ ли въ ней, или успѣвшихъ спастись: о Ральфѣ Фламбарѣ, который бѣжалъ изъ Тоуэра еще во времена перваго крестоваго похода, въ 1100 году; о сэрѣ Джонѣ Ольдкестлѣ, или „добромъ лордѣ Кобгеѣ“, ко-

того, повѣривъ ходившимъ о немъ слухамъ, Шекспиръ изобразилъ грязнымъ и жирнымъ плутомъ и развратникомъ, сначала подѣ его собственнымъ именемъ, потомъ, когда поэтъ увидѣлъ свою ошибку, подъ вымышленнымъ именемъ сэръ Джона Фальстафа; о несчастной Аннѣ Грей; объ Аннѣ Болейнъ; о Маріи Стюартъ, успѣвшей до 26-лѣтняго возраста извѣдать всѣ земныя страсти, испытать всѣ наслажденія и всѣ горечи, все величіе и весь поворотъ человѣческой жизни и кончить жизнь на эшафотѣ.

Glanotti, sa vie, son temps et ses doctrines. Par M. Ch. Tassin. Paris, 1869.

Цѣль автора — противопоставить изображенной въ сочиненіяхъ Маккиавели политикѣ насилія и хитрости ученіе современнаго ему публициста, проникнутаго идеями свободы, нравственности и справедливости. Къ разказу о жизни самого Джанотти г. Тассенъ присоединяетъ разказъ о революціяхъ во Флоренціи съ 1494 по 1530 годъ и разборъ *Трактата о Флорентинской Республикѣ*, главнаго труда этого писателя, замѣчательнаго, какъ по таланту, такъ и по твердости убѣжденій и благородству характера. (*Revue des deux Mondes*).

Études sur l'Histoire de l'Humanité. La Revolution française. Par T. Laurent. Paris, 1868.

Въ 14-мъ томѣ своего „Опыта“ г. Лоранъ трактуетъ о французской революціи. Онъ разумѣетъ ее какъ религиозное потрясеніе: сначала, по его словамъ, подготовлялись убѣжденія философами и вольнодумцами; потомъ подготовлялась политическая почва тираніей правительства и церкви, чѣмъ естественно вызывалась реакція и революція. Въ книгѣ г. Лорана подробно разказана вся исторія религиозной революціи, вплоть до возстановленія католицизма Наполеономъ. Католическіе историки обыкновенно видѣли въ идеяхъ французской революціи одинъ только богохульный фанатизмъ: г. Лоранъ отыскиваетъ методу и смыслъ въ безуміи разрушителей. Къ сожалѣнію, публицистъ часто затмѣваетъ историка въ книгѣ г. Лорана, и слишкомъ замѣтные намеки на настоящее положеніе вещей въ отечествѣ автора, Бельгіи, гдѣ такъ господствуетъ нынѣ клерикальная партія, часто лишаетъ историка необходимаго ему безпристрастія. (*W. R.*)

Histoire de la Revolution française. Par J. Michelet Nouvelle édition. vols 1 et 2 Paris, 1868.

Недавно вышли въ свѣтъ два первые тома новаго изданія *Истории французской революціи*, Мишле. Это изданіе снабжено очень

любопытнымъ предисловіемъ, которое все направлено противъ Луи Блана. Мишле обвиняетъ его въ томъ, что онъ будто бы всю революцію заключаетъ въ тѣсныя рамки клубовъ. По словамъ автора, *гора*, этотъ дѣятельный и неуспяный аргусъ революціоннаго движенія, не должна быть отождествляема съ личностью Робеспьера; да и для чего, спрашиваетъ Мишле, стали бы жертвовать и Петіономъ, и Бюзо, и всѣми жирондистами, если бы дѣло шло только о прославленіи однихъ якобинцевъ? Если вѣрить Мишле, то существенная разница между нимъ и Луи Бланомъ, кромѣ различія въ темпераментѣ и происхожденіи (Луи Бланъ родился въ Мадридѣ и Корсиканецъ по матери), состоитъ еще въ томъ, что „Луи Бланъ такой же полухристіанинъ, какъ Руссо и Робеспьеръ и смутными вѣрованіями, думаетъ примирить крайнія партіи философовъ и ханжей“. Мишле полагаетъ, что Луи Бланъ скорѣе простилъ бы ему безусловное нападеніе на Робеспьера, чѣмъ подробное, глубокое изученіе характера этого человѣка, столь святаго на глаза Луи Блана, его часовни, его домашняго быта, его постоянного женскаго общества, его одежды, его фигуры, его голоса, его очковъ, его нервныхъ припадковъ. Мишле осуждаетъ безусловно якобинцевъ, точно также какъ не скрываетъ недостатковъ Жиронды. Духъ Французской революціи, вновь, по словамъ автора, создавшій человѣка для права и свободы, безъ коихъ человѣкъ еще не человѣкъ, этотъ духъ революціи, по существу своему любящій и миротворный, былъ извращенъ послѣ Дантона и Камбона, и революція погрузилась въ терроръ. Братство безъ свободы есть тиранія и бессмыслица, а такое братство рабовъ установилось именно при Робеспьерѣ: „Будь моимъ братомъ, или смерть тебѣ!“ вотъ лозунгъ этого человѣка. Мишле не безъ основанія замѣчаетъ, что исторію французской революціи труднѣе писать въ Лондонѣ, по печатнымъ источникамъ, чѣмъ въ Парижѣ, по архивнымъ еще не изданнымъ документамъ. Поэтому всѣ ошибки и увлеченія Луи Блана Мишле объясняетъ просто невѣдѣніемъ, себѣ же приписываетъ и всевѣдѣніе и совершенное безпристрастіе, утверждая, что раскрытіемъ многихъ фактовъ изъ французской революціи, которые потомъ были обращены противъ него же, наука обязана ему, Мишле. Но извѣстно, что событія, а равно и дѣятели первой французской революціи нашли болѣе здравую и безпристрастную оцѣнку въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ историковъ — Зибеля (*Geschichte der Revolutionszeit*) и недавно изданныхъ лекціяхъ покойнаго профессора Гейссера (*Häus-*

ser), тогда какъ Мишле является нерѣдко болѣе адвокатомъ, чѣмъ историкомъ революціи.

Histoire de Napoléon I. Par M. Lanfrey. Vol. 3-me. Paris, 1869.

Авторъ не раздѣляетъ общаго доселѣ во Франціи благоговѣнія передъ памятью Наполеона I. Нынѣшній томъ сочиненія г. Ланфре отличается особенною ѣдкостью тона; впрочемъ, и самый періодъ времени, имъ обнимаемый, тому способствуетъ. Трудно было быть снисходительнымъ къ убіенію герцога Энгіенскаго, къ процессу Моро и другимъ темнымъ сторонамъ дѣятельности Наполеона (*Revue des deux Mondes*).

Despatches, Correspondence and Memoranda of Field-Marshal Arthur Duke of Wellington. Edited by his son. New Series. Vol III. Decemder 1825 to may 1827. London, 1868. (Депеши, корреспонденція и записки фельдмаршала Артура герцога Веллингтона. Изданіе его сына. Новая серія. Т. III: съ декабря 1825 по май 1827. Лондонъ, 1868).

Въ началѣ этого новаго тома новой серіи любопытныхъ записокъ Веллингтона помѣщенъ подробный трактатъ покойнаго герцога о войнѣ 1812 года. Отрѣченіе великаго князя Константина, возстаніе Греціи, замыслы Ибрагіма-паши и другія, не столь крупныя, событія составляютъ содержаніе остальной половины книги (*Westminster Review*).

Recollections of my life. By Maximilian I, Emperor of Mexico, London, 1868. (Мои воспоминанія. Соч. Максимилиана I, императора Мексиканскаго. Лондонъ, 1868).

„Воспоминанія“ императора Максимилиана, бывшаго тогда еще эрцгерцогомъ, обнимаютъ пространство времени отъ 1851 по 1860 годъ и состоятъ изъ путевыхъ замѣтокъ, изъ полупоэтическихъ описаній природы, художественныхъ произведеній, любопытныхъ эпизодовъ и пр. и изъ немногихъ очерковъ нравовъ и обычаевъ разныхъ народовъ (*Westm. Review*).

IV. ГЕОГРАФІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ НЕИЗВѢСТНУЮ КИТАЙСКУЮ ЧАСТЬ ТИВЕТА.

Наши свѣдѣнія о восточной части Тибета, о мѣстности, лежащей по верхнему, з.-в., теченію р. Брамапутры, основывались до сихъ поръ на трудахъ слѣдующихъ іезуитовъ XVII и начала XVIII вѣковъ:

въ 1661 году путешествовали — через Синингъ, Лассу и Катманду — въ Патну патеры Груберъ и Дорвилъ; въ 1715 году путешествовалъ изъ Кашмира въ Лассу патеръ Деидери, и между 1711 — 1717 гг. иезуитами компилирована, по распоряженію китайскаго правительства, карта Тибета. Затѣмъ, въ новыя времена, былъ на р. Пенанангъ-тшу, правомъ притока Браманутры, въ 1786 г., лишь капитанъ Тернеръ (Turner), которымъ и опредѣлено положеніе одного только мѣста, у г. Шигатсе, и знаменитаго буддѣйскаго монастыря Ташилумбо. Извѣстны также разказы миссіонера Гюка о путешествіи его по Монголіи и Тибету, въ 1844—46 гг. (*Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet*).

Въ 18^{66/66} гг. совершено новое, ознаменованное научными изслѣдованіями, путешествіе по долинкамъ Китайскаго Тибета, вдоль всего верхняго теченія Браманутры. Путешествіе это состоялось по распоряженію англійскаго капитана Монгомери начальника, тригонометрической съемки въ западной части Хималаи и области верховьевъ Инда.

Монгомери возмѣлъ счастливую мысль изслѣдовать недоступныя для Европейца, сосѣднія съ Британскими владѣніями въ Индіи, страны черезъ посредство туземцевъ, получившихъ соотвѣтственное возлагаемой на нихъ задачѣ образованіе.

Такимъ-то образомъ въ Китайскій Тибетъ и проникъ, въ 18^{66/66} годахъ одинъ молодой ученый браминъ (Пундита).

Мы не будемъ останавливаться на общихъ подробностяхъ путешествія Пундита ¹⁾. Въ нашемъ обзорѣ мы воснесемъ лишь важнѣйшихъ научныхъ результатовъ этого путешествія, съ помощію которыхъ расширяются и пополняются наши географическія и этнографическія свѣдѣнія о Китайскомъ Тибетѣ.

Сначала — о рельефѣ страны.....

Путь, по которому проникъ Пундита въ Китайскій Тибетъ лежалъ съ юга на сѣверъ отъ города Катманду (положеніе котораго, соображаясь съ его разстояніями отъ опредѣленныхъ тригонометрической

---

¹⁾ Желаящіе познакомиться съ обстоятельствами, сопровождавшими истинно геройскія походы Пундита въ Тибетъ, гдѣ ему приходилось скрывать свое настоящее званіе отъ подозрительныхъ китайскихъ властей, выдавать себя за странствующаго купца и набожнаго буддиста, могутъ найти подробности всего этого въ VII и VIII №№ Петерманнова журнала или въ Географическомъ Ежегодникѣ Бема, за 1868 годъ. У Петерманна приложена и карта верхняго теченія Браманутры, составленная по Монгомери и другимъ источникамъ, а также приведены подлинныя тексты Монгомери о путешествіи Пундита.

съемкою разныхъ вершинъ Хималайскаго хребта, а также съ астрономическими опредѣленіями широты, сдѣланными Крауфтортомъ и Пундитомъ, и близкими другъ къ другу до 1', опредѣляется $27^{\circ}42\frac{1}{2}'$ сѣверной широты и $85^{\circ}17'45''$ восточной долготы отъ Гринвича) къ городу Тадуму на Брамапутрѣ, лежащему близъ $84\frac{1}{4}^{\circ}$ в. долготы отъ Гринвича и подъ $29^{\circ}39'21''$ с. ш. Пундиту пришлось такимъ образомъ слѣдовать по измѣненіямъ рельефа, образуемымъ сѣверными цѣпами Хималаи: именно подвигаясь на сѣверъ отъ Катманду и переваливъ на сѣверный склонъ южной цѣпи, въ долину, образуемую рѣкою Нубри (верховья западнаго рукава р. Гондаки), надо было потомъ *перевалить еще* чрезъ хребетъ Гіала, проходить въ 16700', потомъ спуститься до 14000' и снова подняться на параллельный же хребетъ Нола въ 16600', за которымъ опять слѣдовалъ спускъ въ 14600', а далѣе вплоть до Брамапутры уже лежала мѣстность съ общемою высотой въ 14000'. Совершивъ такой путь на сѣверъ, Пундиту повернулъ на востокъ вдоль Брамапутры, побывавъ въ Лассѣ и изъ Лассы прошелъ снова по всей долинѣ, на западъ, вплоть до города Гартока. Но такъ какъ мы сначала намѣрены выяснитъ строеніе рельефа, то прослѣдимъ путь Пундита въ обратномъ порядкѣ, то-есть, отъ Гартока къ Лассѣ.

По опредѣленіямъ Пундита, положеніе Гартока, лежащаго у истока Инда, — 15500'. Затѣмъ, если слѣдовать на ю. в., придется пересѣчь цѣпь Каила по весьма высокому горному проходу и затѣмъ спуститься въ Нарі-Корсумъ, верхній бассейнъ Сетледжа, который поднять до высоты 15000'; далѣе, подвигаясь все на ю. в., вдоль сѣвернаго берега трехъ большихъ озеръ, изъ которыхъ среднее столь извѣстное озеро Мансароваръ, снова приходится переваливать чрезъ горный проходъ цѣпи *Маріамла*, на высотѣ 15500'; здѣсь — водораздѣлъ: на западъ—Сетледжъ, на в.—Брамапутра.... Отсюда уже пойдетъ, на востокъ, постепенное пониженіе вдоль ската Брамапутры; вертикальные разрѣзы пониженія могутъ быть выражены въ слѣдующихъ среднихъ величинахъ: 1) отъ Мансаровара до Тадума — 15000', и 13500' отъ Тадума до Лассы (положеніе которой по широтѣ опредѣлено удивительно близко къ опредѣленію, сдѣланному трудами іезуитовъ 1711—1717 гг.; именно: по Пундиту широта Лассы: $29^{\circ}39'17''$ с. ш.; по іезуитамъ, которыхъ держался *д'Анвилль*: $29^{\circ}40'$ с. ш.; долгота же Лассы, по Пундиту, $90^{\circ}59'43''$, отъ Гринвича. Собственно Ласса лежитъ на высотѣ 11700'.

Слѣдуя изъ Лассы въ Гартокъ, Пундиту постоянно видѣлъ, между Тадумомъ и Мансароваромъ, по направленію къ югу, глетчеры, ко-

нечно, лежащія на вершинахъ, непрерывно тянущихся здѣсь отъ востока къ западу. Также на востокъ отъ Тадума, между Джанглатше и Тадумомъ (Джанглатше на Брамапутрѣ; къ в. отъ $87\frac{1}{2}^{\circ}$ в. долготы отъ Гринвича), видѣлись, какъ на сѣверъ, такъ и на югъ отъ пути Пундита, простирающіяся съ запада же на востокъ высокія горы, при чемъ тѣ изъ нихъ, которыя видны были на югъ, идутъ по лѣвому берегу Брамапутры и отдѣляютъ его отъ параллельнаго ему притока его Рака-Сенпо.

Соображая всѣ эти данныя, добытыя Пундитомъ о рельефѣ по верхнему теченію Брамапутры, находимъ, согласно Гумбольдту и Шлагинвейту, высшій подъемъ тамъ, гдѣ истекаютъ въ разныя стороны Индъ, Сетледжъ и Брамапутра. Съ этого подъема идетъ равномерный, постепенный спускъ на востокъ, который, начинаясь на высотѣ 15000' Нори-Корсума, ниспадаетъ въ окрестностяхъ Лассы до 11000'. По этому склону и стекаетъ Брамапутра на востокъ. Но по указанному склону восточнаго Тибета, между Брамапутрой и южною цѣпью Хималаи, *тянутся* переиленные Пундитомъ поперекъ, при слѣдованіи съ юга на сѣверъ, горныя цѣпи: Гіала и Нола (быть-можетъ, продолженіе послѣдней Пундита видѣлъ на югъ отъ самыхъ верхнихъ частей Брамапутры, въ видѣ непрерывныхъ глетчеровъ), также и горы, видѣнныя Пундитомъ, въ ихъ з. в. протяженіи, по пути, восточнѣе Тадума. Что касается до отношеній между высотами этихъ цѣпей и подыатіемъ вообще страны, по которой стремится Брамапутра, то объ этихъ отношеніяхъ можно судить по высотѣ переиленныхъ Пундитомъ горныхъ переваловъ. Такъ, при общей высотѣ мѣстности между Катманду и Тадумомъ въ 14000'—14600', перевалы держатся на высотѣ 16000'—16700'; при высотѣ Нари-Корсума въ 15000'—переваль чрезъ цѣпь Маріамла 15500'; наконецъ, при высотѣ въ 13500' мѣстности на В. отъ Шигатсе и Ташилумбо переваль чрезъ горы Харола 16700'. *Безотнотительная* высота всѣхъ этихъ переваловъ, стало-быть, обманчива: она происходитъ отъ общаго чрезвычайнаго повышенія всей мѣстности ¹⁾.

¹⁾ Для сравненія приводимъ общія данныя о вертикальныхъ размѣрахъ другихъ частей Высокой Азіи; именно хребтовъ Хималаи, Каракорума и Куэнь-Луна и страны зап. Тибета. По Шлагинтвейту, средняя высота переваловъ

въ Хималайѣ	17.800'
» Каракорумѣ	18.700'
» Куэнь-Лунѣ	17.000'

Высочайшій переваль Хималаи: 20459'; самый низкій переваль Хималаи 16186'. При такой высотѣ переваловъ, высота *отдѣльныхъ* цѣповъ слѣдующая:

Переходимъ къ наблюденіямъ надъ образованіемъ и свойствами верхняго теченія Браманутры. Истоки этой рѣки — приблизительно подъ $30\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. и 82° в. д.; вся изслѣдованная часть ея з. в. теченія, на пространствѣ 585 англійскихъ миль, помѣщается между 29° и $30\frac{1}{2}^{\circ}$. Въ началѣ іюня вода ея въ 140 англійскихъ миляхъ отъ истоковъ была холодна и грязна; равно и вода одного изъ двухъ правыхъ ея притоковъ — Пенанангъ-Чу тоже была въ апрѣлѣ грязна. Нечистота проточныхъ горныхъ рѣчныхъ водъ служитъ признакомъ происхожденія ихъ изъ ледниковъ: съ движеніемъ ледниковыхъ массъ двигаются и минеральныя и земляныя части съ горъ и при таяніи ледниковъ уносятся въ питаемыя ледниками рѣки. Дѣйствительно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Браманутра происходитъ изъ ледниковъ горъ Маріамла, окружающихъ ея истоки. Въ этой мѣстности изобилуютъ глетчеры: всѣ горныя расщелины набиты ими; глетчеры тянутся по южной окраинѣ озера Мансароваръ, они же встрѣчаются по всему ряду возвышеній, идущихъ параллельно теченію Браманутры, на югъ, до самаго Тадума; на тѣ же глетчеры натѣнулся Пундитъ и на продолженіи указанныхъ возвышеній, именно въ хребтѣ Нола, который онъ пересѣкъ на пути изъ Катманду къ Тадуму. Два правые притока верхней Браманутры, извѣстно, тоже питаются ледниками. Вода же всѣхъ четырехъ лѣвыхъ, сѣверныхъ, притоковъ, напротивъ, *прозрачна*: вѣроятно, ледники къ сѣверу отъ верхняго теченія Браманутры *очень удалены* отъ этой рѣки.

Верхнее теченіе Браманутры, на пространствѣ 585 миль (то-есть, отъ истоковъ и до устьевъ той рѣки, на которой стоитъ г. Ласса), среднимъ числомъ возвышаясь на $13\frac{1}{2}$ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, представляетъ такія явленія, которымъ, на такой же страшной высотѣ, нѣтъ другаго примѣра на всемъ земномъ шарѣ. Ниже Тадума, то-есть, уже только въ 140 англійскихъ миляхъ отъ своего истока, рѣка даже въ самыхъ широкихъ своихъ мѣстахъ нигдѣ не переходитъ въ бродъ, всѣ ея шесть притоковъ, включая и рѣку города Лассы, также не переходимы, даже лѣтомъ. По глубинѣ своего ложа, Браманутра повторяетъ величественныя явленія, свойственныя рѣкамъ

въ Хималайѣ 25 вершинъ выше 25000', 40 — выше 23000' и 120 выше 20000'. Наивысшія горы въ свѣтѣ: Гауразанкаръ въ 29002' въ Хималайѣ, и Давсангъ въ 28278' — въ Каракорумѣ. Что касается *Западнаго* Тибета, то (по Томсону) долина Инда и его притоковъ — до 6000'; верхняя часть Сетледжа до 9000 — 10000'. Главнѣйшіе хребты 19000', мѣньшіе 17000 — 18000'. Перевалы на 1000 — 2000' иже. Отдѣльныя вершины 21 — 22000' и выше.

Высокой Азии: у впадения р. Лассы, дна Брампутры не видно нигдѣ, не смотря на прозрачность въ этомъ мѣстѣ воды и на то, что наблюдения были производимы при совершенномъ спокойствіи воднаго уровня. Это происходитъ отъ того, что по мѣрѣ своего увеличенія рѣка растетъ не въ ширь, а въ глубь: наблюдатель, приравнивая, примѣрно, ея ширину къ ширинѣ рѣки Ганга у Гурдвара, замѣчаетъ, что Брампутра у города Тадума, то-есть, въ 140 англійскихъ миляхъ отъ истока, также въ $1\frac{1}{2}$ раза шире Ганга, какъ шире она въ $1\frac{1}{2}$ же раза этой рѣки и у впадения рѣки Лассы, то-есть, въ 585 миляхъ отъ истока. Съ Индомъ замѣчаются подобныя же явленія ¹⁾. Далѣе, сравнивая Брампутру съ Индомъ, находимъ, что на рѣкѣ Индѣ, въ 350 — 400 миляхъ отъ истоковъ, устроены разные висячіе мосты и даже одинъ деревянный; верхняя же Брампутра не позволила нигдѣ устроить чрезъ себя деревяннаго моста, а изъ висячихъ устроены только *железные* у Джанглатше (385 миль отъ истока) и еще въ 2 — 3 мѣстахъ; но эти желѣзные мосты такъ опасны, что жители не рѣшаются пользоваться ими. На Индѣ, выше 400 миль отъ истока, нѣтъ нигдѣ судоходства; Брампутра же судоходна между Джанглатше и Шигатсе (отъ 385 и до 470 миль своего теченія), на протяженіи 85 миль и еще на десяти миляхъ ниже (отъ 575 до 585 миль своего теченія). Обратимъ вниманіе на этотъ *единственный примѣръ судоходства, на высотѣ 13 $\frac{1}{2}$ тысячъ футовъ!*

Что касается количества воды, изливаемой Брампутрой на страшной ея высотѣ, то и о немъ можетъ быть составлено приблизительное понятіе. Гангъ, у Гурдвара, изливаетъ въ секунду 5.000 кубическихъ футовъ воды. Такъ какъ Брампутра, какъ у Тадума, такъ и у устья рѣки Лассы, приблизительно также широка, какъ и Гангъ у Гурдвара, да сверхъ того каждый изъ 6 притоковъ этой части Брампутры по своей ширинѣ и значенію можетъ быть сраниваемъ съ тѣмъ же Гангомъ у Гурдвара, то, слѣдовательно, количество воды, изливаемой Брампутрою въ секунду, на 585-ой милѣ ея теченія, можетъ быть выражено такъ: 5.000×7 , то-есть, 35.000 кубическихъ футовъ въ секунду.

Таково приблизительное водонизмѣщеніе Брампутры подъ $29^{\circ} 22'$ сѣверной широты. Въ томъ же мѣстѣ, до котораго удалось дойти по Брампутрѣ съ юга, то-есть, отъ ея устья, подъ $28^{\circ} 10'$ с. ш. и $95^{\circ} 10'$ в. д. отъ Гринвича), водонизмѣщеніе опредѣлено Уильковсомъ въ

¹⁾ См. Петерманна о ширинѣ Брампутры: на стр. 282, столб. 2-й, строка 15-я, № VIII и тамъ же 233 стр., столб. 2-й, строка 11-я; наконецъ, тамъ же 284 стр., 2 столб., строка 15-я.

50.000 кубич. футовъ. Какъ бы ни была приблизительно только-что приведенная цифра водоизмѣщенія Брамапутры подъ $29^{\circ} 22'$ с. ш., во всякомъ случаѣ, она побуждаетъ признать за верхнее теченіе Брамапутры именно ту рѣку, которая, начинаясь въ сосѣдствѣ Инда и Сеттеджа, течетъ по скату Китайскаго Тибета на востокъ.

Не менѣе любопытны результаты, добытые Пундитомъ о климатѣ и природѣ области верхней Брамапутры.

Прежде всего замѣчательна здѣсь сухость воздуха. Во все время пребыванія тамъ Пундита, съ сентября по іюнь, не шло ни разу дождя а снѣгъ выпадалъ, и то въ небольшомъ количествѣ, лишь три раза. Но какъ только, на обратномъ пути своемъ, на западѣ отъ Китайскаго Тибета, Пундита перебрался на южную сторону Хималаи, онъ, къ удивленію своему, нашелъ даже относительно небольшія возвышенности покрытыи снѣгомъ. Въ Лассѣ снѣгъ очень рѣдокъ; когда онъ идетъ, то это считается дурнымъ предзнаменованіемъ. Для сравненія приводимъ взятую у Шлагинвейта табличку линіи вѣчныхъ снѣговъ въ Высокой Азій. Цифры среднія:

На южной сторонѣ Хималаи	17.400'
„ сѣверной „ „	16.200'
„ южной сторонѣ Каракорума	19.400'
„ сѣверной „ „	18.600'
„ южной „ Кунлуня	15.800'
„ сѣверной „ „	15.100'

Растительность обусловливается высотой не свыше 14.000' надъ уровнемъ моря. Такъ, когда Пундита пробирался въ Китайскій Тибетъ съ юга, граница между лѣсною растительностью съ юга и обнаженными мѣстностями съ сѣвера прошла въ вышеуказанной долинѣ Нубри. Въ долинѣ Нубри, примѣрно, на высотѣ $11\frac{1}{2}$ тысячъ футовъ вездѣ еще виднѣлся лѣсъ; но за переваломъ чрезъ горы Нола уже вездѣ были голыя скалы, а вся мѣстность отсюда, какъ мы видѣли, вплоть до Брамапутры уже держится постоянно на высотѣ 14.000'. Тѣ же явленія повторяются и въ направленіи съ запада на востокъ, въ связи съ пониженіемъ долины Тибета въ этомъ направленіи. Именно, долину эту по теченію Брамапутры, относительно культурныхъ ея свойствъ, можно раздѣлить меридіаномъ 87 къ востоку отъ Гринвича на двѣ части — западную и восточную: все чтó къ западу, все лежитъ выше 14.000' и обнажено; все чтó къ востоку — ниже, и способно къ хлѣбопашеству. Съ другой стороны, по свидѣтельству миссіонера

Гюка, растительность, къ сѣверу отъ Лассы, начинаетъ быстро исчезать. Стало-быть, мѣстность, расположенная въ восточной части верхняго теченія Брамапутры, то-есть, вся западная окрестность Лассы представляетъ, на высотѣ ниже 14.000', какъ бы земледѣльческій оазисъ, въ противоположность которому на возвышенномъ свыше 14.000' западѣ тянется высокая обнаженная мѣстность, обуславливающая скотоводство. Обратимъ вниманіе и на то, что эта же граница между западною не-земледѣльческою высотой свыше 14.000' и противоположнымъ болѣе низменнымъ и земледѣльческимъ востокомъ есть въ то же время и предѣлъ употребленія, какъ въючнаго животнаго, *яка*, этого *характеристическаго* для Высокой Азіи животнаго. Отъ указанной границы на востокъ якъ замѣняется осломъ и начинаетъ *мельчать*. (Ср. эту подробность съ матеріаломъ, собраннымъ о якѣ у Брема: „Жизнь животныхъ“). Любопытно и то, что въ Лассѣ (высота — 11.700') держится множество мелкихъ птицъ (см. Брема, тамъ же). Наблюденія надъ температурой показали, что въ Шигатсе (на высотѣ 11.800') термометръ въ ноябрѣ по ночамъ показывалъ всегда ниже точки замерзанія, но не ниже — 3° R., днемъ же едва подымался до + 5° R. То же самое, въ февралѣ, въ Лассѣ, почти на той же высотѣ (11.700'): ночью — 2½° R., днемъ до + 6° R.

Представивъ группировку подробностей, характеризующихъ страну, обратимся къ подробностямъ о человѣкѣ.

Когда Пундितъ прибылъ въ городъ Шигатсе, ему привелось посѣтить окрестный богатый буддійскій монастырь Ташилумбо, лежащій въ 200 англійскихъ миляхъ отъ Лассы. Въ монастырѣ Ташилумбо онъ видѣлъ *великаго* ламу, свѣтловолосаго, прекраснаго мальчика, лѣтъ 13. Когда Пундитъ посѣтилъ Лассу, ему привелось увидѣть еще другаго *великаго* же ламу, тоже мальчика. Этотъ великій лама Лассы, живущій только въ 200 миляхъ отъ великаго ламы монастыря Ташилумбо, считается сверхъ того, чисто *номинально*, владѣтелемъ Китайскаго Тибета.

Естественно, прежде всего возникаетъ вопросъ: какую роль играютъ *великіе* ламы въ дѣлѣ буддизма?

Однажды миссіонеръ Гюкъ велъ съ однимъ Тибетскимъ ламою слѣдующій разговоръ:

„Ты говоришь, замѣчалъ Гюкъ ламѣ, что Будда одинъ. Чтò же такое великіе ламы: Далай-Лама Лассы, великій лама Ташилумбо, Тсонгъ-Каба Сифановъ, Калданъ Толонъ-Нора, Гизонъ-Тамбо Большаго Куреня (Урги), Хобиль ганъ Синяго Города, Хотокту въ Пекинѣ и множество шабероновъ

(людей, которые послѣ смерти претерпѣваютъ послѣдовательныя воплощенія, и считаются живущими на землѣ Буддами)“?

„Всѣ они, отвѣчалъ лама, обыкновенные Будды...“

„Слѣдовательно, возражалъ миссіонеръ, Будда одинъ, а между тѣмъ существуетъ множество буддъ... Будда — богъ, безтѣлесенъ, а между тѣмъ Далай-Лама, Гизонъ-Тамбо и всѣ другіе шабероны видимы и имѣютъ тѣло.. Какъ объяснить это?“

„Это — ученіе, произнесъ лама; оно имѣетъ непостижимую глубину, почему его нельзя объяснить вполне...“

Такъ не брался Тибетскій лама истолковать, какимъ образомъ происходитъ то, что въ разныхъ буддійскихъ монастыряхъ существуютъ одновременно послѣдовательныя воплощенія одного и того же бога-Будды, при чемъ воплощенія эти пользуются со стороны Монгольскаго населенія истинно божескимъ почитаніемъ... Это, по его мнѣнію, принадлежало къ такому ученію, которое имѣетъ глубину непостижимую. Для насъ важно то, что послѣдовательныя, одновременныя въ разныхъ мѣстахъ воплощенія Будды имѣютъ въ глазахъ простодушнаго и глубокорелигіознаго Монгольскаго населенія странъ, зависящихъ отъ Китая, всю силу и недоступный разумѣнію смыслъ религіознаго догмата. Поэтому возникновеніе и пребываніе въ одной и той же странѣ, на разстояніи лишь 200 англійскихъ миль, двухъ великихъ буддъ — два дѣла нисколько, не исключаютъ другъ друга. Какъ видно изъ повѣствованія Пундита, великіе ламы Тибета — дѣти... Дѣйствительно, по свидѣтельству Муркрофта, они всегда изображаются на картинкахъ именно такими. Таковы и изображенія великихъ ламъ, находящіяся въ монастыряхъ Ладака. По Гюку, въ Лассѣ великимъ ламою былъ въ 1846 году 9-ти-лѣтній мальчикъ, и онъ уже носилъ свое званіе 3 года. Тотъ же Гюкъ повѣствуетъ, что въ Лассѣ, въ продолженіе одного лишь министерства (о значеніи котораго мы еще будемъ говорить), быстро смѣнилось 3 великихъ ламы. Тернеръ (1783) нашелъ въ Ташилюмбо тоже великаго ламу дитятей.

Пундита сообщилъ нѣсколько фактовъ о правительствѣ Тибета, которые отчасти разъясняютъ намъ своего рода политическія формы, сложившіяся внутри буддійскихъ монастырей, равно какъ и обнаруживаютъ тѣ отношенія, въ какихъ могутъ стоять другъ къ другу буддійскіе монастыри, эти маленькія отдѣльныя государства. Вотъ подробности о правительствѣ Тибета.

Самъ Далай-Лама, или, какъ онъ называется, Лама-Гуру или Геварингъ-бо-Тше, живетъ не въ самой Лассѣ, а въ укрѣпленномъ фортѣ Патола. Хотя Лама-Гуру глава всего Тибета, но какъ мы сказали,

онъ не вмѣшивается въ государственныя дѣла: на него смотрятъ какъ на божество - охранителя государства. Будучи безсмертенъ, этотъ богъ-повровитель, какъ извѣстно, переселяется по своему произволу изъ одного тѣла въ другое, выбирая для своихъ воплощеній тѣла новорожденныхъ. Душа каждаго Лама-Гуру совершаетъ 13 такихъ воплощеній. Нынѣшній Лама-Гуру уже въ 13-мъ своемъ воплощеніи.

За Ламой-Гуру непосредственно слѣдуетъ дѣйствительная фактическая власть, ее держитъ въ своихъ рукахъ такъ-называемый *райа* или *палъбо*, которому подчинены 4 министра. По указаніямъ райи, эти министры вѣдаютъ всѣми государственными дѣлами. Но это внѣшнія формы... Какой ихъ смыслъ?

По всей вѣроятности въ теократической формѣ правительства, созданной въ стѣнахъ буддійскихъ монастырей, отдѣльныя личности мало значатъ, и напротивъ, имѣетъ все значеніе цѣлое общество того или другаго многолюднаго, богатаго и вліятельнаго монастыря. По крайней мѣрѣ изъ фактовъ, сообщаемыхъ Пундитомъ, явствуется борьба между монастырями Лассы изъ-за власти. Такъ, изъ многочисленныхъ и богатыхъ монастырей Лассы имѣли значеніе въ прежнее время четыре монастыря, которые въ настоящее время уже утратили его, и все вліяніе на управление страной перешло въ богатый монастырь *Дебангъ*, въ которомъ 7700 ламъ. Власть, прибрѣтенная Дебангомъ, досталась ему не безъ борьбы; но Дебангъ выигралъ свое дѣло, потому что его 7000 жрецовъ пользовались большимъ вліяніемъ въ народѣ и сумѣли привлечь на свою сторону китайскую власть. Прежній райа — не изъ среды ламъ принадлежавшихъ къ Дебангу—былъ схваченъ и отвезенъ въ Пекинъ. Съ тѣхъ поръ утверждено за монастыремъ Дебангъ *наслѣдственное право поставлять райи*, изъ среды своихъ ламъ. Сверхъ того, какъ можно заключить изъ повѣствованія Пундита, съ возвышеніемъ монастыря Дебанга возникъ слѣдующій странный обычай. Съ наступленіемъ новаго года, съ новой луной половины февраля, начинается обыкновенно рядъ празднествъ, къ которымъ въ весьма недавнее время еще присоединенъ слѣдующій обычай: на все время этихъ празднествъ, на 30 дней, и нѣсколько послѣ, еще на *добавочные* 10 дней, выбирается временный судья надъ народомъ. На все время власти этого судьи прекращается обычная судебная власть. Временный судья распоряжается произвольно; онъ налагаетъ за каждый замѣченный имъ проступокъ пеню. Временную власть свою онъ *покупаетъ у монастыря Дебангъ*; кто больше далъ, тотъ и временный судья; *временный судья непременно долженъ быть*

изъ ламъ Дебанга, и вся сумма, составляющаяся изъ штрафовъ, идетъ въ пользу временнаго судьи. На все время своего судейскаго самовластія, временный судья наводняетъ городъ *ламами*, своими помощниками, которые ищутъ малѣйшаго случая для наложенія штрафа. Жители толпами выселяются на это время за городъ. Таково теперешнее значеніе общества монастыря Дебангъ; таковы мѣры, принимаемыя имъ къ упроченію этого значенія.

Отношенія монастырей между собою и къ правительственной средѣ Тибета можетъ быть отчасти понято и изъ слѣдующаго.

Тогда какъ номинальная власть принадлежитъ Ламѣ Гуру, а дѣйствительная власть *стала* на столько принадлежать обществу Дебанга, что званіе райи наслѣдственно въ томъ монастырѣ, государственная казна составляетъ, такъ-сказать, собственность монастыря Сѣме. Въ случаѣ войны, всѣ четыре министра отправляются въ Сѣме и берутъ деньги, подъ условіемъ возратить ихъ въ опредѣленный срокъ; монастырь Сѣме обладаетъ еще и тою силою, что онъ—мѣсто-пробываніе *Джемъ-Раи*, который, по мнѣнію народа, обладаетъ силой и правомъ наказывать души умершихъ.

По отзывамъ Пундита, въ Лассѣ мало порядка и правосудія.

Что касается до китайскаго правительства, то оно поддерживаетъ свое вліяніе тѣмъ, что лавируетъ между разными препятствіями, порождаемыми мѣстными нравами, порядками, домогательствами. Китайское правительство достигаетъ своихъ цѣлей и тѣмъ, что оно, какъ извѣстно, издавна усвоило себѣ въ совершенствѣ быстроту сношеній центра съ окраинами.

Какъ и вездѣ въ своихъ владѣніяхъ, китайское правительство устроило въ Тибетѣ быстрыя сообщенія. По пустыннымъ высотамъ Тибета протянулся прямикомъ путь въ 800 англійскихъ миль — отъ Лассы и до Гартока; на пути этомъ стоятъ вездѣ готовыя подставы на станціяхъ, и при малѣйшемъ требованіи эти подставы свачутъ безостановочно. Въ двадцать съ небольшимъ дней проѣзжаетъ китайскій курьеръ Тибетъ, везя пакеты въ Гартокъ. Курьеръ *весь записчанъ печатями китайскаго правительства*.... Это для того, чтобъ онъ не имѣлъ предлога потерять депешу! Пока свачетъ курьеръ, платье не можетъ быть снято: тѣло покрывается ранами, въ ранахъ заводятся насѣкомыя; курьеръ можетъ соснуть только нѣсколько минутъ, пока мѣняють подставу.... Такимъ образомъ китайская депеша летитъ впередъ и впередъ, безъ задержки.

УКАЗАТЕЛЬ ВНОВЬ ВЫШЕДШИХЪ КНИГЪ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

I. БОГОСЛОВІЕ.

Акакистъ святой великомученицѣ Еватеринѣ. Съ изображеніемъ великомученицы Еватерины. Спб. Тип. А. М. Ефимьева, 1868 (на обложкѣ 1869). 8°. 63 стр. Цѣна 30 коп.

Валаамъ. Слово любви Н. А. Благовѣщенскому, автору книги: Аeonъ. Путевыя впечатлѣнія (Спб. 1864 г.). Изданіе второе. Спб. Тип. духовн. журн. Странникъ, 1869. 8°. 31 стр. (Упреки г. Благовѣщенскому въ слишкомъ легкихъ взглядахъ его на Аeonъ и бытъ тамошнихъ монаховъ).

Лебедевъ, Петръ, священникъ. Руководство къ пониманію православнаго богослуженія, содержащее шестопсалміе, часы и цѣснопѣнія воскресныя, праздничныя и великопостныя, на славянскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ. Съ приложеніемъ наставленія о молитвѣ, ежедневныхъ молитвъ, символа вѣры и заповѣдей Божіихъ. Изданіе второе, дополненное. Спб. Синод. тип. 1869. 8°. 150 и 2 нумер. стр. Цѣна 75 коп.

Медвѣдескій, Алексѣй, діаконъ. Святая церковь и материнское ея попеченіе о живыхъ и усопшихъ православныхъ христіанахъ. Первое изданіе книгопродавца Д. Ѳ. Ѳедорова. Спб. Тип. Э. Арнгольда. 1869. 8°. 51 стр. Цѣна 15 коп.

Пантелеймонъ, монахъ Аeonской горы. Житіе, страданія и чудеса св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона съ изображеніемъ св. страстотерца и съ видомъ храма, воздвигнутаго во имя его въ Никомидіи — на мѣстѣ погребенія. Въ 2-хъ частяхъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Изданіе Аeonской горы. Спб. Тип. Э. Треймана. 1869. 8°. 200, 88, и VIII стр. Цѣна 1 р.

Прибавленіе къ извѣстіямъ о св. Кирилло-Мееодіевскомъ братствѣ. Спб. Тип. Имп. Акад. Наукъ. 1869. 8°. 4 стр. (Объ устройствѣ, въ ознаменованіе дня рожденія сына Цесаревича, Великаго Князя Николая Александровича, 6-го мая, въ г. Острогѣ, по Дубенской дорогѣ, противъ братскаго зданія, маленькаго страннопріимнаго дома или *подворья*, какъ бываетъ при древнихъ монастыряхъ, для бѣдныхъ богомольцевъ изъ тѣхъ, для котрыхъ путь богомолія есть въ самомъ дѣлѣ трудный и тяжелый путь).

Романовъ, Іоакимъ, протоіерей. Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ. Выпускъ второй: о церкви какъ мѣстѣ общественнаго богослуженія и о принадлежностяхъ ея. Спб. Тип. Ефимьева. 1869. 8°. 1 рисунокъ, 2 нумер. и 90 стр. Цѣна 25 коп. (Выпускъ 1-й: Молитвы, вышелъ въ 1867 г.).

Рудаковъ, Александръ, протоіерей. Священная исторія новаго завѣта. Съ приложеніемъ географическаго и топографическаго описанія св. мѣстъ, карты Палестины и плановъ древняго Иерусалима и Иерусалимскаго храма. Изданіе одиннадцатое. Спб. Тип. В. Безобразова и К°. 1869. 8°. 2 нумер., II, IV, 160 и 32 стр. Цѣна 50 коп.

Сказаніе о земной жизни Пресвятой Богородицы съ изложеніемъ ученія церкви, прообразованій и пророчествъ, относящихся къ ней, и чудесъ ея, на основаніи Священнаго Писанія, свидѣтельствъ св. отцевъ и церковныхъ преданій. Съ 14 рисунками и 26 политипажами. Изданіе Русскаго на Афонѣ Пантелеймонова монастыря. Спб. Тип. А. Траншеля. 1869. 8°. 4 нумер., 304, 101 и 5 нумер. стр. Цѣна 8 руб.

Соколовъ, Дмитрій, протоіерей. Разказы изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта. Съ 104 картинками большаго формата, литографированными въ два тона; выходитъ тетрадами. Каждую недѣлю одна тетрадь, включающая два разказа и двѣ картины. Изданіе А. Вармунда. Спб. 1869. 4°. Цѣна за тетрадь 35 коп. (Всего будетъ 52 тетради).

Уставъ братства при церкви св. Сергія на Литейной. Спб. Тип. А. Краевского. 1869. 12°. 9 стр.

Уставъ Гольдингенскаго православнаго Покровскаго братства. Митава. Тип. И. Ф. Штеффенгагена. 1869. 8°. 15 стр.

Уставъ Свято-Николаевскаго Тувкумо-Тальсенскаго православнаго братства. Съ благословенія и утвержденія преосвященнѣйшаго Веніамина, епископа Ревельскаго, викарія Рижской епархіи. Изданіе второе. Спб. Тип. Н. Тиблена и К°. (Н. Неклюдова). 1869. 12°. 10 стр.

Фрофанъ, епископъ. Путь ко спасенію. (Краткій очеркъ аскетики). Выпускъ II. О началѣ христіанской жизни чрезъ покаяніе, или о покаяніи и обращеніи грѣшника къ Богу. Спб. Тип. дух. журн. «Странникъ». 1869. 8°. 121 стр. Цѣна 50 коп. (Выпускъ 1-й вышелъ въ 1868 г. и содержитъ въ себѣ: Заключительное прибавленіе къ письмамъ о христіанской жизни).

II. ФИЛОСОФІЯ И ПЕДАГОГІЯ.

Диттесъ, Ф. Очеркъ практической педагогики. Руководство для педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею Г. Паульсона. Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Спб. Тип. В. Безобразова и К°. 1869. 8°. XVI и 352 стр. Цѣна 1 руб.

Юрковичъ, Н. Курсъ общей педагогики съ приложеніями. Москва. Тип. Грачева и К°. 1869. 8°. XV и 404 стр.

Ашарумовъ, Н. Русскія сказки съ рисунками для дѣтей. Рисунки сочинены академикомъ Н. Дмитриевымъ-Оренбургскимъ, выполнены художникомъ М. Стариковымъ. Спб. Тип. О. И. Бакста. 1869. 8°. 24 и 150 стр.

Игры для маленькихъ дѣтей въ дѣтскомъ саду, въ пріютѣ, въ школѣ и дома. Тетрадь первая. Спб. Тип. Гогенфельдена и К°. 1869. 4°. 11 нумер. листовъ.

Картинки изъ естественной исторіи съ описаніемъ ихъ стихами для малень-

кихъ дѣтей. Сочиненіе А. Мар...ва. Спб. Тип. Гогенфельдена и К°. 1869. 4°. 4 нумер. и 48 стр. Цѣна 1 руб.

Мужество (Истинное). Школьный разказъ. Изд. второе книгопрод. Блиссера (бывш. Мейера). Спб. Тип. братьевъ Кругъ. 1869. 8°. 16 стр.

Соколовскій, А. и К., А. Съ новымъ годомъ! Собраніе увеселительныхъ дѣтскихъ игръ съ легкими разказами объ ихъ историческомъ происхожденіи. Переводъ съ франц. Спб. Тип. Н. Тиблена и К°. (Н. Неклюдова). 1869. 8°. 87 стр.

Сомова, Ольга. Царское село. Разказъ для дѣтей. Изданіе и тип. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. Спб. 1869. 8°. 167 стр.

Трескинъ, А. Подарокъ дѣтямъ на всѣ дни года. Со многими чертежами и картинками. Спб. Тип. Н. Н. Михайлова. 1869. 16°. 131 и III стр.

Ушневскій, К. Родное слово. Для дѣтей младшаго возраста. Годъ второй. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія, съ картинками въ текстѣ. Изданіе 6-е. Спб.-бургъ. Тип. Ф. С. Сущинскаго. 1869. 8°. 165 и IV стр. (Годъ первый вышелъ въ 1868 г.).

Фрибесъ, Е. (г-жа). Азбука и постепенное чтеніе. Сто картинокъ въ текстѣ съ рисунковъ художника Богданова гравировалъ Кондешъ. Спб. Тип. А. Трапшеля. 1869. 8°. 95 и 1 нумер. стр.

III. ИСТОРИЯ

СЪ ЕЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМИ НАУКАМИ.

Богдановичъ, М. Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время. 4 т. Спб. Тип. Ф. Сущинскаго. 1869. 8°. Т. 1 — IV, 382 и 146 стр. Т. 2. — IV, 535 и 80 стр., 4 картц, 3 плана. Т. 3. — V, 486 и 87 стр., 1 планъ. Т. 4. — V, 586 и 72 стр., 2 картц, 1 планъ.

Вѣкъ (Осмнадцатый). Историческій сборникъ, издаваемый *Петромъ Барте-невимъ* (издателемъ «Русскаго Архива»). Книга вторая. Съ азбучнымъ указателемъ къ первой и второй книгамъ. Москва. Тип. Т. Рисъ. 1869. 8°. II и 703 стр. Цѣна 3 руб. 50 коп. (Книга 1-я вышла въ 1868 году).

Ибнъ-Даста (или: Ибнъ-Дуста). Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Русскихъ Абу-Али Ахмеда бенъ Омаръ Ибнъ Даста, неизвѣстнаго доселѣ Арабскаго писателя начала X вѣка, по рукописи Британскаго музея въ первый разъ издалъ, перевелъ и объяснилъ *Д. А. Хвольсонъ*. Напечатано по случаю пятидесятилѣтія С.-Петербургскаго Университета. Спб. Тип. Им. Ав. Наукъ. 1869. 8°. XIII и 199 стр. Цѣна 1 руб.

Сопцовъ, Д. Справочная книга для занимающихся удѣльнымъ періодомъ Русской исторіи 1015—1238. Москва. Тип. А. И. Мамонтова и К°. 1869. 4°. 42 стр., 3 таблицы. Цѣна 75 коп.

Щебальскій, П. Чтеніе изъ Русской исторіи (съ исхода XVII вѣка). Выпускъ 1—3. Изданіе третье. Москва. Тип. Каткова и К°. 1868—1869. 8°.

Веризъ, Жюль. Дѣти капитана Гранта. Кругосвѣтное путешествіе. Въ трехъ частяхъ. Съ 172 рисунками художника Риу, гравированными Панмакеромъ. Переводъ Марка Вовчка. Изданіе книгопродавца С. В. Звонарева. Спб. Тип.

Н. Тиблена и К°. (Н. Неклюдова). 1869. 8°. 512 и III стр., съ картами и рисунками. Цѣна 4 руб.

Дорожникъ западнаго почтоваго округа (Губерніи: Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувальская и Сѣдлецкая). Съ приложеніемъ нумерной карты для отыскиванія дорогъ. Изданный почтовымъ департаментомъ. Спб. Тип. почт. департ. 1868 (на обложкѣ 1869). 8°. 74 стр., 1 планъ, 1 таблица.

Семеновъ, Д. Уроки географіи. Годъ второй. Азія, Африка, Америка и Австралія. Изданіе седьмое, съ рисунками, пересмотрѣно и исправлено. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для употребленія въ видѣ руководства въ военныхъ и гражданскихъ гимназіяхъ. Спб. Тип. И. И. Глазунова. 1869. 8°. 146 стр. Цѣна 50 коп.

Семеновъ, Д. Уроки географіи. Годъ третій. Европа. Изданіе второе, съ рисунками. Пересмотрѣно и исправлено. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для употребленія въ видѣ руководства въ гражданскихъ и военныхъ гимназіяхъ. Спб. Тип. И. И. Глазунова. 1869. 8°. 2 нумер. и 124 стр. Ц. 50 коп.

Смирновъ, К. Учебная книга сравнительной географіи. Общія свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Курсъ низшихъ учебныхъ заведеній. 8-е изданіе, вновь исправленное. Спб. Тип. Э. Аригольда. 1869. 8°. 76 стр. Цѣна 40 коп.

Галкинъ, М. Н. Этнографическіе и историческіе матеріалы по средней Азіи и Оренбургскому краю. Изданіе Я. А. Исакова. Спб. Тип. Гогенфельдена и К°. 1868 (на обложкѣ 1869). 8°. 6 нумер., II и 336 стр., 1 карта, 12 видовъ и 1 планъ. Въ отдѣлѣ библиографіи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (1869, № 31) напечатано объ этой книгѣ слѣдующее: «Служа въ Оренбургскомъ краѣ, авторъ объѣхалъ значительную часть Киргизскихъ степей, находился при миссіи 1858 года въ Хивѣ и участвовалъ въ экспедиціи 1859 года для обозрѣнія Туркестанскихъ степей вдоль восточнаго берега Каспійскаго моря. Собранные имъ матеріалы частью принадлежатъ ему самому, частью извлечены изъ архивныхъ дѣлъ и другихъ бумагъ Оренбургскаго края».

Очерки Англій. Собраніе статей, касающихся современной Англій, составленныхъ европейскими писателями. Спб. Изданіе и типогр. М. О. Вольфа. 1869. 8°. 4 нумер. и 360 стр. Цѣна 2 руб.

Книжка (Памятная) Витебской губерніи на 1869 годъ. Витебскъ. Тип. губ. правл. 1869. 8°. VI и 180 стр. Цѣна 1 руб.

Книжка (Памятная) Гродненской губерніи на 1869 годъ. Составлена Гродненскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Гродно. Тип. губ. прав. 1869. 8°. 5 нумер., 139, XI и 141 стр. и карта Гродненской гуаерніи. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Книжка (Памятная) С.-Петербургской духовной семинаріи на 186⁹/₁₀ учебный годъ. Спб. Тип. А. Траншея. 1868. 16°. LVII и 98 стр. и росписаніе предметовъ на листѣ.

Книжка (Справочная) Оренбургской губернии на 1869 годъ. Изданіе Оренбургскаго губернскаго статистическаго комитета. Оренбургъ. губ. тип. 8°. III, 113, 77, 25 20 и XVIII стр. Цѣна 1 руб.

Календарь для города Самары на 1869 годъ. Изданіе Самарской губернской типографіи. Составилъ П. К. Поповъ. Самара. 1869. 8°. 98 стр. Цѣна съ фотографич. планомъ г. Самары 40 коп., безъ плана — 20 коп.

Календарь крестный на 1869 (1-й по высокосѣ) годъ. Москва. Тип. Т. Рись. 4°. (Годъ 4-й). 32 нумер. стр. Цѣна 10 коп.

Календарь (Всеобщій) и адресъ-календарь г. Москвы. На 1869 годъ. Москва. Въ разн. типографіяхъ. 16°. Съ планомъ Москвы. Цѣна 1 руб.

Календарь (Кавказскій) на 1869 годъ, изданный главнымъ управленіемъ Намѣстника Кавказскаго (подъ редакціею надворнаго совѣтника Н. Зейдлица). XXIV годъ. Тифлисъ. 1868. 8°. 394. 81, 187, VIII стр. и портретъ Головина. Цѣна 2 руб.

Календарь (Карманный) Таврической губернии на 1869 годъ. Симферополь. Тип. Тавр. губ. правл. 1869. 8°. 163 стр. и 1 таблица. Цѣна 25 коп.

Календарь (Московский иллюстрированный) на 1869 годъ. «Мѣсяцесловъ». Съ портретами. Москва. Въ разн. типографіяхъ. 1869. 8°. 144 и 176 стр.

Цѣна въ бумажѣ 1 руб. 25 коп.

> > папкѣ 1 руб. 50 коп.

> > коленкорѣ 1 руб. 75 коп.

Календарь (Новороссійскій) на 1869 годъ. Съ планомъ города Одессы. Одесса. Тип. Л. Ниче. 1868. 8°. 256, 185, III, 16 и 52 стр. Цѣна 1 руб.

Календарь (Общедоступный) на 1869 г. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное, съ приложеніемъ отдѣльнаго справочнаго указателя, полнаго адресъ-календаря и глѣбника для подаанія скорой помощи въ различныхъ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ, съ 10-ю планами Петербургскихъ театровъ. Спб. Тип. О. И. Бакста. 1869. 16°. 253 стр. и частныя объявленія. Цѣна 10 коп.

Календарь (Справочный) на 1869 годъ. Настольная книга для всѣхъ сословій. Изданіе А. Митрофанова. Москва. Тип. П. Бахметева. 1869. 8°. 358 и 61 стр. Цѣна 75 коп. (съ пересылкою 90 коп.).

Мѣсяцесловъ (Православный Русскій) (календарь) на 1869 годъ. Составитель Овт. Мильчевскій. Издатель С. Леукинъ. Второе, подновленное изданіе. Москва. Тип. П. Бахметева. 4°. 32 стр.

IV. ПРАВОВѢДѢНІЕ, ЮРИСПРУДЕНЦІЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, ФИНАНСЫ, ТОРГОВЛЯ.

Капустинъ, А. Д. Сводъ законовъ. О торговлѣ, промышленности и ремеслахъ. Съ приложеніемъ устава рекрутскаго, о земствѣ, о состояніяхъ, о паспортахъ и билетахъ. По послѣднимъ изданіямъ II отдѣленія Собств. Его Имп. Вел. канцеляріи. Москва. Тип. П. Бахметева. 1869. 8°. 130, 112, III, 1 нумер., 228. и V стр. Цѣна 2 руб.

Месеріанцъ, З. М. Законы о печати. Первое дополненіе къ настольной справочной части СКЛ, отд. 2.

вочной книгѣ для авторовъ, переводчиковъ, издателей и содѣжателей типографій, литографій и пр. Москва. Тип. Т. Рихс. 1869. 8°. 36 стр. Цѣна 20 коп.

Носъ, А. Е. Мировой судъ въ Москвѣ. Очерки разбирательства у мировыхъ судей. Книга первая. Изданіе книжнаго магазина Черкесова. Москва. Тип. А. И. Мамонтова и К°. 1869. 8°. 6 нумер. и 185 стр.

Судъ (Мировой). Сводъ законоположеній, относящихся до дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, съ разъясненіемъ по рѣшеніямъ кассационныхъ департаментовъ сената. Я. О. Богданова. Москва. Тип. Грачева и К°. 1869. 16°. XIX и 674 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Утинъ, Я. И. Сводъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената и разъясненныя ими законоположенія. *Часть первая.* I. Судебныя уставы 20-го ноября 1864 г. а) Уставъ уголовного судопроизводства. *Часть вторая.* Отдѣленіе первое I. Судебныя уставы 20-го ноября 1864 года. б) Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Отдѣленіе второе. в) Статьи учрежденія судебныхъ установленій. II. Статьи уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. III. Статьи питейнаго устава. IV. Статьи ценсурнаго устава. *Часть третья.* Уставъ гражданскаго судопроизводства. *Часть четвертая и послѣдняя.* Отдѣленіе первое. 1) Статьи учрежденія судебныхъ установленій. 2) Статьи устава рекрутскаго. 3) Статьи устава лѣснаго (т. VIII ч. 1). 4) Статьи общаго положенія 19 февраля 1861 г. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (т. IX особ. прил. по прод. 1863 г.) 5) Статьи свода законовъ гражданскихъ (т. X ч. 1). 6) Статьи свода законовъ о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ (т. X ч. 2). 7) Статьи устава торговаго (т. XI ч. 2), и 8) Статьи устава путей сообщенія (т. XII ч. 1). Отдѣленіе второе. Высочайше утвержденное 19-го октября 1865 г. Положеніе о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г., разъясненное рѣшеніями общаго собранія кассационныхъ департаментовъ. СПб. Тип. Имп. Акад. Наукъ. ч. 1 и 2 — 1868, ч. 3 и 4 1869. 8°. ч. 1 — VII, VI и 511 стр., ч. 2 — II и 134 стр., ч. 3 — IV, VI и 562 стр., ч. 4 — 4 нумер. и 192 стр. Цѣна за первыя двѣ части 2 руб., ч. 3 — 1 руб. 75 коп., ч. 4 — 70 коп.

Записка изъ дѣла о сапожномъ товарѣ, принятомъ въ 1864 г. надворнымъ совѣтникомъ Капитанниковымъ отъ потомственнаго почетнаго гражданина Алафузова. СПб. Тип. А. А. Краевскаго. 1869. 8°. 115 стр.

Всѣ подробности убійства въ Гусевомъ переулкѣ 4 июня 1867 года. Разбирательство этого дѣла въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ 22 января 1869 г. (Подробный стенографическій отчетъ). Изданіе первое. Сп.-бургъ. Тип. О. И. Бакста. 1869. 8°. 19 стр. Цѣна 15 коп. (Здѣсь заключается одинъ обвинительный актъ. Остальныя подробности общають сообщить во 2-мъ изданіи этой брошюры).

Разбирательство и рѣшеніе дѣла объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ въ С.-Петербургѣ, разсматривавшагося въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ съ присяжными засѣдателями, 22, 23 и 24 января 1869 г. СПб. Тип. К. Куна. 1869. 8° 16 стр.

Дмитріевъ, Н. И. 1-й внутренней заемъ, 8-й тиражъ выигрышей и погашенія, произведенный 2-го января 1869 года. Удобный и вѣрный указатель къ руководству при обращеніи этихъ билетовъ. Москва. Тип. И. Смирнова. 1869. 16°. 16 стр. Цѣна 10 коп.

Смѣта городскихъ доходовъ и расходовъ С.-Петербурга на 1869 годъ. СПб. Тип. Ю. Виганди. 1868. 4°. 3 нумер., 89, 183, 51 и 116 стр.

Яковлевъ, А. В. Очеркъ народнаго кредита въ западной Европѣ и Россіи. СПб. Тип. А. М. Котомина. 1869. 8°. II и 326 стр. Цѣна 2 руб.

Вѣдомость о ходѣ работъ по сооруженію Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги. СПб.-бургъ. Тип. Майкова. 1869. въ л. 2 не нумер. стр.

Дельвицъ, баронъ. Валовой сборъ съ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, съ 1-го января по 1-е октября 1867 и 1868 годовъ, съ показаніемъ количества перевезенныхъ пассажировъ и грузовъ. СПб.-бургъ. Тип. военная, гл. штаба, 1869, отк. л. (Въ этой таблицѣ въ первый разъ показаны дороги: николаевская, елецко-грязская и шуйско-ивановская).

Записка о земской Ливенской желѣзной дорогѣ. СПб. Тип. Ф. С. Суцинскаго. 1869. въ л. 6 стр.

Записка (Объяснительная) уполномоченныхъ Пензенскаго губернскаго земскаго собранія и Пензенскаго городского общества по вопросу о проведеніи Моршанско-Пензенской желѣзной дороги. СПб. Тип. Имп. Авад. Наукъ. 1869. въ л. 4 нумер. стр.

Инструкція С.-Петербургской компаніи подъ фирмою „Надежда“ по рѣчному и сухопутному страхованію. СПб. Тип. И. Шумахера. 1869. 16°. 32 стр.

Концессія на Московско-Смоленскую желѣзную дорогу. СПб.-бургъ. Тип. В. Н. Майкова. 1869. 8°. 27 стр.

Матеріалы, собранные земскими учрежденіями Таврической губерніи, по вопросу о соединеніи Крыма съ центральными губерніями паровою желѣзною дорогою. Симферополь. Тип. С. Спиро. 1869. 8°. 82 стр.

Уставъ акціонерной компаніи „Цѣпнато пароходства“. СПб. Тип. О. И. Бакста. 1869. 8°. (Высочайше утверждено 4 января 1861 г.). (Компанія учреждается для воспособленія судоходству буксированіемъ судовъ по рѣкамъ: Окѣ, Шекснѣ и Москвѣ отъ Нижняго Новгорода до гг. Коломны и Москвы и отъ г. Рыбинска до Бѣлозерскаго канала, посредствомъ паровыхъ судовъ (Туэръ), движущихся по желѣзной цѣпи, погруженной воду).

Уставъ. Собраніе купеческихъ приващиковъ въ Москвѣ. Разрѣшенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ 15 марта 1866 г. Москва. Унив. Тип. 1869. 8°. 12 стр.

Уставъ (Высочайше утвержденный) Дерптскаго банка, представленный правительствующему сенату исправляющимъ должность товарища министра финансовъ 17-го іюля 1868 года. Дерптъ. Тип. К. Маттисена. 1869. 8°, 29 стр.

Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Царскосельскаго благотворительнаго общества, съ 5-го октября 1867 по 5-е октября 1868. (Годъ пятый). СПб. Тип. В. Н. Майкова. 1869. 8°. 25 стр.

V. ТЕХНОЛОГІЯ, СЕЛЬСКОЕ И ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО.

РАЗЛИЧНЫЯ РЕМЕСЛА И ПРОИЗВОДСТВА.

Вольфъ, Эмиль. Практическое руководство къ удобренію почвы. Съ предвѣрительными понятіями объ общихъ питательныхъ веществахъ растений. Общепонятное руководство къ земледѣльской химіи. Перевелъ съ нѣмецкаго профессоръ Я. Калиновскій. Москва. Унив. Тип. 1869. 8°. VIII и 199 стр.

Коренин, Павелъ. Опытъ характеристики земледѣльческихъ хозяйствъ. СПб. Тип. А. Траншеля. 1869. 8°. 70 стр. Цѣна 40 коп.

Маттей, Фридрихъ. О средствахъ къ постоянному увеличенію плодородія въ русскихъ хозяйствахъ. (Къ вопросу о системахъ сельскаго хозяйства). СПб. Тип. Товарищ. „Обществ.н. Польза“ 8°. 40 стр. (Ценсурн. проп. 12-го янв. 1869 г.).

Прохоровъ, X. Таблицы вѣса угловаго и тавроваго желѣза. СП.-бургъ. Тип. Морск. Минист. 1869. 8°. VIII таблицъ. Цѣна 1 руб. (Другое заглавіе этой книги: Таблицы вѣса 9.000 разныхъ нумеровъ),

Флекъ, Гуго. Заводская переработка животнаго отброса. Производство желтой синильной соли, фосфора, клея, аммоніакальныхъ солей и приготовленіе парижской и берлинской лазури. Переводъ А. Гейнемана, подъ редакціей Ф. Лесгафта. Съ 46 рисунками въ текстѣ. Изданіе и тип. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. СПб. 1869. 8°. 220 и III стр. Цѣна 2 руб. (Составляетъ 1-й томъ: Химической технологіи по Боллею, издаваемой подъ редакціей Ф. Лесгафта).

Календарь (Херсонскій) для сельскихъ хозяевъ Южной Россіи на 1869 г. Изданъ подъ редакціей В. Раевского. Херсонъ. Губ. тип. 4°. *Полное изданіе.* 120 стр.

Календарь (Херсонскій) для сельскихъ хозяевъ Южной Россіи на 1869 г. Изданъ подъ редакціей В. Раевского. Губ. тип. 4°. *Краткое изданіе.* 74 стр. и телеграфн. тарифъ.

Книга (Настольная приходорасходная) съ прибавленіемъ календарей: православнаго, евангелическаго и католическаго, на 1869 годъ. Изданіе П. А. Александрова. СП.-бургъ. Тип. почтоваго департамента въ л., 14 стр. Цѣна 25 коп.

Книжка (Вспомогательная) для сельскихъ хозяевъ на 1869 годъ. Годъ девятый. СПб. Тип. В. Безобразова и К°. 1869. 8°. 4, LIX, нѣсколько нумеровъ. и 281 нумер. стр.

VI. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

Воленсъ, В. Начальныя основанія астрономической географіи и краткія очеркъ физической географіи. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при святѣйшемъ синодѣ. Съ 98-ми полтипажами въ текстѣ и картою. Изданіе третье. СПб. Тип. Г. Ф. Мюллера. 1869. 8°. II, II, 287 стр., 1 карта.

Вопросы (Современныя) антропологіи. Сборникъ новѣйшихъ изслѣдованій о природѣ, чловѣкѣ и обществѣ. I. *Делонъ.* Устройство вселенной. II. *Лоббока.* Первобытное состояніе чловѣка и начало цивилизаціи. III. *Клиффорда.* 0

нѣкоторыхъ условіяхъ умственнаго развитія. IV. *Курциусъ*. Языкѣ, языки и народы. V. *Гольцендорфъ*. О новѣйшихъ сектахъ въ сѣверной Америкѣ. VI. *Клодъ-Бернардъ*. Объ успѣхахъ физиологіи. Изданіе Н. И. Ламанскаго. СПб. Тип. Мюллера. 1869. 8°.

Ивановъ, В. В. Густавъ Бишофъ. Доказательства въ пользу совершенно шарообразной формы первобытнаго ядра земли СПб. Тип. морск. Мин. 1869. 1869. 8°. 36 стр. Цѣна 40 коп.

Исторія (Естественная) животныхъ млекопитающихъ, въ изображеніяхъ, снятыхъ и раскрашенныхъ сходно съ натурою. Для нагляднаго изученія въ общественныхъ заведеніяхъ и при домашнемъ образованіи юношества. Составлена по пространному учебнику естественной исторіи профессора Шуберта. Какъ вспомогательное дополненіе ко всякому учебному руководству, съ приложеніемъ краткаго пояснительнаго текста. Съ нѣмецко-французскаго подлинника перевелъ Г. И. Кори. 3-е изданіе (книгопродавца Ф. А. Битенажа). СПб. Тип. В. Безобразова и К°. 1869. 4°.

Тиндаль, Джонъ. Популярныя лекціи. Тепло и холодъ. Матерія и сила. Сила. Съ дополненіями по французскому изданію Муаньо. Переводъ подъ редакцію профессора С.-Петербургскаго университета Ф. Ф. Петрушевскаго. Съ 28 рисунками, рѣзанными на деревѣ Н. В. Куньевымъ. Сп.-бургъ. Тип. В. Демакова. 1869. 8°. IV, 130 р 1 нумер. стр. Цѣна 75 коп.

VII. МЕДИЦИНА.

Андреевскій, П. О вліяніи одежды, пищи и напитковъ на здоровье человѣка. Изданіе В. Гольдшмидта. Сп.-бургъ. Тип. Тиблена и К°. (Неклюдова). 1869. 8°. III и 252 стр. Цѣна 1 руб. (Популярная медицинская бібліотека, выпускъ VI).

Корвинъ-Красинскій, Губертъ. Записки по вопросу объ эпидемическихъ и заразительныхъ болѣзняхъ. Съ рисунками. Выпускъ 1-й. Одесса. Тип. Л. Нитче. 1869. 8°.

Нагель, А. Аномаліи рефракціи и аккомодации глаза. Передѣлана д-ромъ Влад. Добровольскимъ. СПб. Тип. мин. вн. дѣлъ. 1869. 8°. VIII и 250 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тюммель. Вода есть кровь сатаны. Простыя, доступныя каждому средства къ излѣченію запоя и всѣхъ видовъ пьянства. Предостереженіе противъ привычки къ пьянству (Съ нѣмецкаго). Съ четырьмя раскрашенными рисунками человѣческаго желудка. Изданіе второе. Москва. Тип. С. Орлова. 1869. 8°. 47 стр. Цѣна 1 руб.

Флоринскій, В. Курсъ акушерства и женскихъ болѣзней (Гинекологія). Томъ первый. Введеніе. Выпускъ первый: историческій и анатомо-физиологическій отдѣлы, съ 44-мя рисунками въ текстѣ. Сп.-бургъ. Тип. Я. Треа. 1869. 8°. X и 394 стр.

VIII. МАТЕМАТИКА.

Меморскій. Арифметика въ вопросахъ и отвѣтахъ въ двухъ частяхъ, для легчайшаго обученія дѣтей. Изданіе Манухина. Москва. Тип. Шюманъ и Глушкова. 1868 (на обложкѣ 1869 г.). 18°. 122 стр. и 2 таблицы.

IX. ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

Востоковъ, Александръ. Сокращенная Русская грамматика. Изданная департаментомъ народнаго просвѣщенія. Изданіе 14-е, книгопродавца Д. Ѳ. Федорова. СПб. Тип. Ю Штауфа. 1869. 8°. 4 нум., 72 стр. и 1 табл.

X. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Цинто. Исторія національной литературы въ Италіи. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ Сп.-бургскомъ университетѣ. Томъ I. Сп.-бургъ. Тип. Jougn. de St.-Petersb. 1869. 8°. ХХІХ, 317 и 2 стр. оглавл. Цѣна 2 руб.

Пушкинъ, А. С. Полтава. Поэма. Съ учебными примѣчаніями преподавателя В. А. Яковлева. Изданіе Я. А. Исакова. Сп.-бургъ. Тип. В. Безобразова и К°. 1869. 8°. 2 нумер., III и 60 стр. (Классная бібліотека. Литературное пособие для среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ 2-й).

XI. СВОБОДНЫЯ ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВА.

Указатель постоянной художественной выставки общества поощренія художниковъ. Январь — Февраль 1869 г. Собраніе современныхъ картинъ принадлежащихъ графу Г. А. Куселеву-Везбородко. Сп.-бургъ. Тип. Майкова. 8169. 8°. 7 стр. Цѣна 10 коп. (52 нумера картинъ).

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О НѢКОТОРЫХЪ СПОРНЫХЪ ВОПРОСАХЪ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ. ¹⁾

О ПОЯСНИТЕЛЬНЫХЪ ПРЕДЛОЖЕНІЯХЪ.

Въ первой моей статьѣ я, во первыхъ, указаль на нѣкоторыя общія причины, замедляющія въ гимназіяхъ успѣхъ языкоизученія, и во вторыхъ, познакомиль читателя съ тѣми результатами, къ которымъ пришли гг. преподаватели языковъ Астраханской гимназіи на своихъ частныхъ собраніяхъ, имѣвшихъ цѣлью взаимное соглашеніе и разъясненіе разныхъ неточностей и противорѣчій въ общепринятыхъ учебникахъ языковъ.

Продолжая свою рѣчь о несостоятельности учебниковъ и взаимномъ противорѣчій преподавателей, прежде всего я долженъ предупредить, что теперь, къ сожалѣнію, я могу представить вниманію читателя лишь одно свое мнѣніе, а не всѣхъ преподавателей Астраханской гимназіи, потому что „грамматическія собранія“ наши совершенно случайно приостановились, и скоро ли они возобновятся, и возобновятся ли съ прежнею энергіей, это пока одному Богу извѣстно.

„Всѣ придаточныя предложенія (въ общепринятыхъ учебникахъ рускаго языка), по числу второстепенныхъ словъ, дѣлятся тоже на три группы, то-есть, на придаточныя *опредѣлительная, дополнительная, обстоятельствовавшая*. Понятно, если дѣленіе и опредѣленіе второстепенныхъ словъ предложенія сдѣлано въ учебникахъ безъ надлежащаго основанія, то и дѣленіе придаточныхъ предложеній, основанное на неосновательномъ дѣленіи второстепенныхъ словъ, тоже не можетъ быть основательно.“ — Этими словами оканчивается первая

---

¹⁾ Эти замѣтки служатъ дополненіемъ къ статьѣ, напечатанной въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* за ноябрь 1868 года, подъ заглавіемъ «Что замедляетъ въ гимназіяхъ успѣхъ языкоизученія?»

часть моей статьи. Признаюсь, едва-ли даже и нужно доказывать подробности, что дѣленіе второстепенныхъ, то-есть, придаточныхъ предложений, вѣрнее неосновательно во всѣхъ учебникахъ русскаго языка (также и другихъ языковъ). Иначе и быть не можетъ, потому что ничто въ мірѣ семь не бываетъ и не можетъ быть основательнымъ, если оно ровно ни на чемъ не основано. — Чтобъ однако справедливость моихъ словъ была очевидна для всякаго, предлагаю читателю сравнить 5—6 страницъ изъ лучшаго учебника русскаго языка, то-есть, изъ грамматики г. Говорова, которая принята ¹⁾ едва-ли не во всѣхъ русскихъ гимназіяхъ и училищахъ. (См. изданіе 5-е исправ. 1867 года). Сличимъ прежде опредѣленія придаточныхъ предложений—вообще, а потомъ сличимъ и тѣ мѣста, гдѣ опредѣляется каждый разрядъ, то-есть, каждая группа придаточныхъ предложений—порознь въ частности.

1. На страницѣ 12-й перваго выпуска такъ опредѣляются придаточныя предложения: „Предложеніе, *составляющее* какую-нибудь часть другаго предложенія, называется придаточнымъ“. Для большей ясности и убѣдительности своихъ словъ г. Говоровъ приводитъ и разбираетъ слѣдующія слова: *а все чуденъ и мостъ, по коемъ мы идемъ*. Сколько здѣсь предложений? Г. Говоровъ говоритъ, что два, и я съ нимъ на этотъ разъ вполне согласенъ. Коль скоро два предложенія, значить и двѣ мысли, два сужденія (см. опредѣленіе предл. стр. 2). и второе сужденіе, то-есть, второе предложеніе, — какъ по мнѣнію г. Говорова, такъ и по моему, а вѣроятно, и по общему,—есть предложеніе придаточное. Но чтѣ же изъ этого теперь выходитъ? Да какъ вникнешь хорошенько въ слова уважаемаго автора, такъ и увидишь, что выходитъ не два, а только ужъ одно предложеніе; потому что второе предложеніе какъ придаточное есть, по словамъ автора, не болѣе какъ только составная *часть другаго*, то-есть, перваго предложенія.... Значить и выходитъ, что сужденій насчитывается два, а предложений всего одно, тогда какъ каждое сужденіе, по объясненію автора на стр. 2-й, есть предложеніе, выраженное словами.... Признаюсь, я что-то не пойму, какъ это $2 = 1!$ ... Съ удовольствіемъ послушалъ бы, какъ это объясняетъ г. Говоровъ своимъ ученикамъ въ живой классной бесѣдѣ!

На страницѣ 14-й говорится: „Надо замѣтить, что придаточныя предложенія *большую частью* замѣняютъ (только замѣняютъ, а ужъ

¹⁾ Принята во всѣхъ гимназіяхъ Казанскаго и Харьковскаго округовъ.

не составная часть!...) собою второстепенныя слова“. *Замѣтьте, только большую частію!* Если большую частію, значитъ, не всегда?... Ну, а еще что же замѣняютъ собою эти второстепенныя, придаточныя предложенія?... На этотъ вопросъ находится вполне ясный и удовлетворительный отвѣтъ на слѣдующей страницѣ: *„Бываютъ случаи, что придаточныя предложенія замѣняютъ собою и главныя части (?) главнаго предложенія, то-есть, подлежащее и сказуемое“.* Въ доказательство справедливости своихъ словъ г. Говоровъ беретъ, — какъ и слѣдуетъ, конечно, — два предложенія и разбираетъ ихъ такъ: *„Не даромъ говорится, что дѣло мастера боится....* Здѣсь послѣднее (это слова Говорова) предложеніе есть придаточное подлежащее, потому что оно служитъ подлежащимъ для главнаго предложенія“. Прежде по ходу дѣла было видно, что придаточныя предложенія, какъ замѣняющія собою слова второстепенныя, и сами есть не болѣе, какъ тоже предложенія второстепенныя: а теперь выходитъ, что эти придаточныя *второстепенныя замѣняютъ собою и слова первостепенныя*, то-есть, главныя, а потому и сами, слѣдовательно, не менѣе, какъ тоже первостепенныя, то-есть, главныя предложенія... Удивительная ясность и опредѣленность!... Изъ этихъ опредѣленій и объясненій учебника ученикъ въ правѣ вывести — да иначе и нельзя — такой *итогъ*: а) *придаточныя предложенія не есть предложенія, а только такъ называются въ грамматикѣ*; б) *предложенія придаточныя ставятся и вмѣсто главныхъ и вмѣсто неглавныхъ словъ, а потому они почти то же самое, что и главныя, а только такъ называются второстепенными....* Но вотъ еще одно опредѣленіе на 62-й страницѣ втораго выпуска (изданія 1867 года): *„Грамматическія придаточныя предложенія не надобно смѣшивать съ такими же логическими предложеніями, или съ предложеніями по смыслу“.* Переверните двѣ страницы и на 66-й прочтете въ концѣ главы: *„Отсюда само собою вытекаетъ правило, что значеніе придаточныхъ предложеній (то-есть, грамматическихъ!) по отношенію къ главнымъ надобно узнавать не по грамматическимъ формамъ, а по смыслу“....* Опять опредѣленіе вполне неопредѣленно!... Опять противорѣчіе!... На одной страницѣ объясняется ученику, чтобъ онъ различалъ всѣ предложенія придаточныя отнюдь *не по смыслу*, а на другой страницѣ, чтобъ онъ различалъ непременно *по смыслу*, а отнюдь не по грамматической формѣ. Г. Говоровъ, какъ видно, не знаю почему и для чего, задался мыслью доказать, что грамматическія формы сами по себѣ не

имѣють смысла ¹⁾, а отъ этого очень естественно и происходитъ то, что многія его опредѣленія и объясненія грамматическихъ формъ языка тоже не имѣють никакого смысла. Конечно, это бы еще ничего само по себѣ, да бѣда та, что отъ этого много страдаетъ пониманіе учениковъ!...

2. Прочтите теперь, какъ г. Говоровъ разграничиваетъ и опредѣляетъ въ своей четыре раза исправленной грамматикѣ свои три группы придаточныхъ предложеній:

а) „Придаточныя *опредѣлительныя* предложенія (стр. 14, в. 1.) служатъ опредѣленіемъ какой-нибудь части главнаго предложенія“. Если какой-нибудь части, — то значить всякой, какой-угодно части? Такъ ли? *Всякій ученикъ долженъ помнить, что учитель ему сказалъ.* Второе предложеніе, по моему мнѣнію, — да я увѣренъ, что и по мнѣнію Говорова, — есть придаточное, такъ какъ оно поясняетъ часть главнаго предложенія, то-есть, слово *помнить* (что помнить?) и можетъ быть сокращено по правиламъ грамматики не иначе, какъ именно такъ:... *сказанное учителемъ.* Неужели это предложеніе есть придаточное опредѣлительное?... Я не сомнѣваюсь, что г. Говоровъ возьметъ назадъ свое слово какъ ошибочное, и вмѣсто этого сдѣлаетъ другое опредѣленіе придаточныхъ *опредѣлительныхъ* предложеній, тѣмъ болѣе, что придаточныя *опредѣлительныя* предложенія могутъ быть и къ связуемому главнаго предложенія, что вполне противорѣчитъ, какъ увидимъ ниже, опредѣленію *дополнительныхъ* придаточныхъ предложеній. Вотъ примѣръ: *Богохульство есть такой грѣхъ, который не простится ни въ сей жизни, ни въ будущей.* Здѣсь второе предложеніе служитъ поясненіемъ къ связуемому *грѣхъ*, и есть все-таки предложеніе *опредѣлительное*, а не *дополнительное*; съ этимъ нельзя уже не согласиться.

Въ главѣ о сокращеніи *опредѣлительныхъ* предложеній, на стр. 67, в., 2, говорится, что придаточныя *опредѣлительныя* предложенія не могутъ сокращаться, если мѣстоименія, соединяющія ихъ съ главными, употреблены и не въ винительномъ падежѣ — какъ прямое дополненіе, и не въ именительномъ падежѣ — какъ подлежащее. Но вотъ примѣръ: „Мы всѣ съ удовольствіемъ вспоминаемъ дѣтей (или: про дѣтей — о дѣтяхъ) сосѣда, съ которыми въ дѣтствѣ такъ часто вмѣстѣ играли и ссорились изъ-за игрушекъ“. Хотя въ этомъ примѣрѣ придаточное *опредѣлительное* предложеніе и соединено съ глав-

¹⁾ См. статью Говорова въ *Филолог. Зап.* за 1867 годъ.

нымъ мѣстоименіемъ и не въ именительномъ, и не въ винительномъ падежѣ, а все-таки это предложеніе можно свободно сказать и въ сокращенномъ видѣ: „мы съ удовольствіемъ вспоминаемъ дѣтей со-сѣда, такъ часто въ дѣтствѣ съ нами вмѣстѣ игравшихъ и ссорившихся изъ-за игрушки“. Конечно, это сокращеніе совершилось уже не въ такомъ родѣ, о какомъ говорится въ грамматикѣ, но все-таки такой оборотъ рѣчи вполне употребителенъ, и я не виноватъ, что въ учебникахъ не говорится о такомъ употребительномъ способѣ сокращенія.

Предложенія придаточныя *дополнительныя* въ учебникѣ Говорова опредѣляются такъ на страницѣ 14: „*Дополнительныя* предложенія объясняютъ сказуемое главнаго предложенія“... Къ этой группѣ придаточныхъ предложеній причисляются еще двѣ группы придаточныхъ подлежащихъ и придаточныхъ сказуемыхъ... Не желая вдаваться въ безполезныя подробности, я сошлюсь, въ доказательство несправедливости словъ г. Говорова, хоть на сей часъ приведенныя мною два примѣра: *каждый ученикъ долженъ помнить, чтѣ сказалъ ему учитель*; — и другой примѣръ: *богохульство*.... Въ первомъ примѣрѣ второе предложеніе, то-есть, придаточное относится къ слову *дополнительному* *помнить* (чтѣ помнить?), а не къ сказуемому, а всё-таки это предложеніе дополнительное; и самъ г. Говоровъ иначе не скажетъ. Во второмъ примѣрѣ, какъ я уже сказалъ, придаточное относится хотя и къ сказуемому, но все-таки оно опредѣлительное; думаю, что и г. Говоровъ съ этимъ согласится, потому что это ясно, какъ Божій день.

Изъ моего мнѣнія о второстепенныхъ словахъ предложенія и изъ сказаннаго сейчасъ о предложеніяхъ *опредѣлительныхъ* уже можно понять, чтѣ бы я долженъ былъ сказать еще какъ о предложеніяхъ *дополнительныхъ*, такъ и о предложеніяхъ *обстоятельственныхъ*. Читателю это понятно, и потому я не стану больше объ этомъ говорить, чтобы не наскучить. Признаюсь, досадно встрѣчать такія неточности и противорѣчія въ учебникѣ, котораго я обязанъ придерживаться во всѣхъ своихъ объясненіяхъ ученикамъ по части грамматики языка ¹⁾.

Изъ всего этого само собою уже ясно, что я прихожу опять къ тому заключенію, къ какому пришелъ въ концѣ первой части этой статьи, то-есть, къ тому, что если опредѣленіе и дѣленіе второсте-

¹⁾ Пусть не думаетъ читатель, что я, въ своихъ классныхъ занятіяхъ съ учениками, выдаю свое слово за послѣднее слово науки; до общаго соглашенія я считаю себя вполне обязаннымъ не уклоняться отъ принятаго учебника.

пенныхъ словъ предложенія сдѣлано въ учебникѣ безъ должнаго основанія, то и дѣленіе придаточныхъ предложеній, основанное на неосновательномъ дѣленіи второстепенныхъ словъ, тоже не можетъ быть основательно. Чтобъ избѣжать всякой неточности и сбивчивости въ опредѣленіяхъ, и чтобы меньше набивать голову дѣтей излишнею неосновательною терминологіей, съ пользою можно, вопервыхъ, всѣ эти второстепенныя, придаточныя предложенія называть вообще, какъ и второстепенныя слова, *пояснительными*. Тогда не нужно будетъ и дѣлить эти предложенія на придаточныя грамматическія и придаточныя логическія, то-есть, *по смыслу*, потому что я вообще называю пояснительными *по смыслу*. Повторыхъ, всѣ эти пояснительныя слѣдуетъ только раздѣлить на два разряда: одни служатъ поясненіемъ къ одной только какой-нибудь *части* главнаго предложенія, то-есть, поясненіемъ *одного понятія* (это всѣ придаточныя); а другія уже поясняютъ цѣлую мысль, цѣлое предложеніе, обозначая или причину, или слѣдствіе, или условіе, или противоположность и проч. При этихъ условіяхъ, какъ уже видно, не потребуются въ грамматикѣ и особаго крайне неопредѣленнаго отдѣла о способахъ *сочетанія* и подчиненія предложеній, а просто каждое главное предложеніе съ каждымъ къ нему пояснительнымъ слѣдуетъ называть составнымъ или сложнымъ предложеніемъ.

Чтобъ яснѣе видѣть это сбивчивое раздѣленіе предложеній по способу ихъ соединенія между собою, я позволяю себѣ выписать тѣ строки, гдѣ опредѣляются и различаются эти два способа, или лучше сказать, гдѣ сравниваются они между собою. „Предложенія, *соединенныя по способу подчиненія* (то-есть, придаточныя!), составляютъ *одно неразрывное цѣлое*, не потому только, что связываются между собою союзами и мѣстоименіями, но главнымъ образомъ потому, что одно изъ нихъ составляетъ всегда необходимую принадлежность другаго *по мысли*. Подобно этому и равносильныя (то-есть, уже не придаточныя!), когда входятъ въ *составъ одного цѣлаго*, тоже тѣсно соединяются между собою, и притомъ двойною связью: внутреннею — логическою (такъ вѣдь и придаточныя, то-есть, по смыслу!) и внѣшней — грамматическою (то-есть, союзами и мѣстоименіями — какъ и придаточныя; какъ же теперь различать эти оба способа бѣднымъ ученикамъ?! Но будемъ читать далѣе). Логическая связь заключается въ содержаніи (а тамъ?), въ направленіи частнаго смысла cadaго изъ нихъ къ одной общей какой-нибудь цѣли, къ раскрытію одной какой-нибудь логически-главной мысли, — а *грамматическую* связь

них составляют опять тоже союзы¹⁾. Такъ и тамъ союзы и здѣсь союзы; и тамъ есть логическая связь—*по смыслу*; и здѣсь тоже связь логическая—*по смыслу*. Какая же теперь разница этихъ двухъ способовъ соединенія предложений, то-есть, способовъ, о которыхъ трактуется въ учебникѣ не много не мало на 40 страницахъ²⁾? Всматриваясь пристальнѣе въ каждый способъ соединенія—*порознь*, я дѣйствительно убѣдился вполне, что въ обоихъ способахъ соединеніе совершается *по смыслу*. А всматриваясь въ оба способа соединенія, не порознь, а вмѣстѣ, я тоже вполне убѣдился, что оба эти способа раздѣляются и объясняются въ грамматикѣ г. Говорова ровно *безъ всякаго смысла*. Вотъ какъ оканчивается въ грамматикѣ этотъ параграфъ о способахъ соединенія предложений: „Впрочемъ необходимою связью, безъ которой не можетъ состояться *никакое соединеніе* такихъ предложений *въ одно цѣлое*, можетъ быть названа только связь по смыслу, или *логическая*, а *грамматическая* можетъ быть и не быть между ними“....

Этимъ я и оканчиваю свою рѣчь о спорныхъ вопросахъ грамматики. Чтò же касается другихъ вопросовъ, какъ по части *этимологии*, такъ и по части *синтаксиса*, я представляю свое мнѣніе читателю въ особой статьѣ по поводу статьи и грамматики г. Богородицкаго.

П. Бѣляевскій.

Астрахань, 22-го января 1869 года.

ПО ПОВОДУ НОВОЙ ГРАММАТИКИ ЯЗЫКА РУССКАГО Г. БОГОРОДИЦКАГО.

Наша специальность не есть русскій языкъ, и потому мы предоставили было критику на г. Богородицкаго специалистамъ. Но удивительное равнодушіе ихъ въ своему родному языку и въ то же время очевидная несостоятельность *теории* г. Богородицкаго, особенно относительно русскаго глагола, самой существенной, по сознанию его же самого, части грамматики, побудили насъ взяться за перо. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

До сихъ поръ напечатана одна только замѣтка на статью г. Бо-

¹⁾ См. стр. 84, в 2.

²⁾ Начинается на 62 стр. о способѣ *подчиненія* и оканчивается способомъ *сочиненія* на 101 страницѣ.

городицкаго: „По вопросу о русской грамматикѣ, какъ учебникѣ“ (см. *Журн. Мин. Народн. Просв.* за январь 1868 года), составляющую какъ бы предисловіе къ его грамматикѣ. Это — замѣтка г. Завьялова (*Журн. Мин. Народн. Просв.* за июнь 1868 года). Намъ поразила не столько слабость возраженій г. Завьялова, сколько противорѣчіе его съ самимъ собою. Г. Богородицкій старается осмыслить этимологическія формы, что дѣлаетъ ему особенную честь; а г. Завьяловъ говоритъ:

„Г. Богородицкій смѣшалъ много вещей. Иное дѣло, какъ извѣстно каждому преподавателю, работать съ дѣтьми надъ разборомъ смысла даннаго предложенія и иное дѣло разбирать съ ними формы языка“.... (стр. 910).

Итакъ, разбирать смыслъ и разбирать формы языка не одно и то же. Но самъ же г. Завьяловъ въ двухъ другихъ мѣстахъ говорить совсѣмъ другое:

„Итакъ, между духомъ съ одной стороны и звукомъ съ другой есть нѣкоторое внутреннее сродство. Въ этомъ-то внутреннемъ сродствѣ и есть смыслъ всякой этимологической формы, какому бы языку она ни принадлежала; поэтому-то извѣстное выраженіе — *слово есть тѣло мысли* — имѣетъ достоинство гораздо большее, чѣмъ достоинство удачнаго остроумнаго сравненія“ (стр. 908).

Другое мѣсто:

„Время въ глаголахъ узнается по смыслу, говоритъ г. Богородицкій; ну, а смыслъ-то рѣчи откуда узнается“, спрашиваетъ г. Завьяловъ; „вѣдь изъ тѣхъ же формъ и только однихъ формъ“....

Г. Завьяловъ дѣйствительно послѣдними словами, какъ увидимъ ниже, сильно возражаетъ г. Богородицкому, но себѣ самому, кажется, еще сильнѣе. Это отдѣленіе формъ отъ ихъ смысла намъ болѣе всего не понравилось въ замѣткѣ г. Завьялова. Но мы не хотимъ сказать этимъ, что въ ней нѣтъ ничего основательнаго; даже болѣе: мы просимъ позволенія воспользоваться при случаѣ тѣмъ, что въ ней есть дѣльнаго.

Переходимъ къ статьѣ г. Богородицкаго.

Г. Богородицкій посмотрѣлъ на русскаго человѣка, какъ на какое-то особенное существо, весьма отличное отъ людей другихъ націй. Русскій человѣкъ мыслить не такъ, какъ другіе... Какъ хотите, а въ этомъ случаѣ г. Богородицкій является теоретикомъ. Развѣ на фактахъ основалъ онъ такой взглядъ? Развѣ онъ знаетъ вполне, какъ мыслили наши предки до раздѣленія индо-европейскихъ народовъ, какъ мыслили и мыслятъ всѣ наши братья — народы индо-европейскіе? Развѣ онъ изучилъ всѣ языки и древніе и новыя такъ, чтобы могъ сказать, что русскій

глаголь не имѣеть ничего общаго съ иностранными глаголами, вромѣ однихъ личныхъ окончаній? Какъ же мы будемъ изучать иностранные языки и переводить иностранныя сочиненія на родной языкъ? Вѣдь у насъ нѣтъ формъ, вполне соответствующихъ иностраннымъ формамъ!... Между тѣмъ мы изучаемъ всѣ языки и переводимъ съ нихъ на русскій; значить, между языками есть формы, вполне соответствующія одна другой. А если есть, то что-нибудь одно: или изъять времена изъ грамматикъ всѣхъ существующихъ языковъ и замѣнить ихъ степенями продолжительности дѣйствія, — потому что во всѣхъ языкахъ есть степени продолжительности дѣйствія, хотя онѣ и выражаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, — или оставить времена и въ русской грамматикѣ. Пугаться различія въ разныхъ языкахъ формъ, имѣющихъ между тѣмъ одно и то же значеніе, и вслѣдствіе этого страха давать имъ въ каждомъ языкѣ особое названіе не слѣдуетъ. Какое, повидимому, различіе въ безчисленномъ множествѣ языковъ между личными окончаніями въ глаголахъ, или, что то же, какое различіе въ безчисленномъ множествѣ языковъ между личными мѣстоименіями (такъ какъ извѣстно, что личныя окончанія въ глаголахъ не что иное, какъ личныя мѣстоименія)! Не смотря однако же на все свое видимое различіе, эти формы у всѣхъ народовъ, не только славянскихъ и не только индо-европейскихъ, но почти у всѣхъ вообще народовъ, развились по одному и тому же закону. Не будемъ говорить здѣсь о внутреннемъ характерѣ этого закона, — о томъ, на сколько различными мѣстоименіями перваго лица выражается одна и та же сущность нашего самосознанія, какъ такой силы, которая дѣйствуетъ сама на себя (безъ этого условія самосознаніе не мыслимо) и которой поэтому, при всевозможныхъ усиліяхъ, не отыскать въ матеріи. Скажемъ лучше о болѣе внѣшней и болѣе доступной для пониманія сторонѣ этого закона. Намъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ люди, начиная съ самаго перваго человѣка, съ личными мѣстоименіями соединяли то же понятіе, какое и мы соединяемъ съ ними; мѣстоименіемъ перваго лица всегда указывали, какъ и теперь указываютъ, на себя, а мѣстоименіями втораго лица на другаго и на все, что внѣ насъ ¹⁾. Если на себя и на другаго можно указать рукой, то можно указать и устами; слѣдуетъ только въ первомъ случаѣ воздухъ, по возможности, вдыхать въ себя, а въ послѣднемъ выдыхать его изъ себя.

¹⁾ И въ настоящее время съ словомъ *ты* мы нерѣдко обращаемся и къ неодушевленнымъ предметамъ, не говоримъ уже о животныхъ: «Что же ты, ивушка, не весело стоишь»....

Человѣкъ такъ и слѣдуетъ: понятіе *я* онъ выражалъ и выражаетъ такими звуками, при произнесеніи которыхъ долженъ какъ бы вдыхать воздухъ въ себя, а понятіе *ты* — такими, при произнесеніи которыхъ долженъ выдыхать его изъ себя съ нѣкоторымъ усиленіемъ. По древне-еврейски *я* = א (*â*), а *ты* = ת (*thâ*). Это — первоначально даже не звуки ¹⁾; это просто знаки различныхъ дыханій — тонкаго, показывающаго, что воздухъ слѣдуетъ вдохнуть въ себя, и густаго, показывающаго, что его слѣдуетъ съ нѣкоторымъ напряженіемъ ²⁾ выдохнуть изъ себя, и только; звукъ же первоначально являлся только какъ необходимое слѣдствіе того или другаго дыханія ³⁾. Въ языгѣ Аріидцевъ, въ языкахъ греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, татарскомъ, чувашскомъ, черемисскомъ, вотяцкомъ и во всѣхъ славянскихъ, для выраженія понятія *я* (меня, мнѣ), прибавляется къ различнымъ гласнымъ согласная *т* (*м*), произнесеніе которой съ любой гласною начинается вдыханіемъ воздуха въ себя, а для выраженія понятія *ты* (тебя, тебѣ) прибавляется къ гласной одна изъ зубныхъ, для произнесенія которыхъ съ любой гласною требуется нѣсколько усиле-

¹⁾ Гласныхъ въ собственномъ смыслѣ у Евреевъ не было; онѣ на введены въ алфавитъ и до сихъ поръ, а замѣняются особыми знаками.

²⁾ Отчего самъ собою вышелъ звукъ похожій на *t* (англ. *th*).

³⁾ Но каждое изъ дыханій могло имѣть много различныхъ отгѣнковъ, которые необходимо должны были отразиться и на звукахъ; такимъ образомъ явилось множество самыхъ разнообразныхъ звуковъ.

Что еврейское א — действительно знакъ тонкаго дыханія, съ этимъ согласнымъ, кажется, всё гебраисты; а что ת — есть знакъ усиленнаго густаго дыханія, это видно изъ того, что оно равно греческому θ (см. у 70-ти), а греческое θ равняется густому дыханію съ звукомъ *t* = 'т, или англійскому *th*. Наконецъ, что мы вѣрно понимаемъ первоначальное значеніе тонкаго и густаго дыханій, это, противъ названій — тонкое и густое, подтверждаютъ и заимствовавшіе отъ Семи-товъ свой альфа-виль (такъ называются двѣ первыя буквы у Евреевъ и Грековъ) Греки. Тонкое дыханіе они означали знакомъ —|, а густое — знакомъ |— (эти знаки можно видѣть даже въ памятникахъ 12 вѣка см., *Bernardi Palaeograph.* Ггаеса. р. 408. Paris. 1708); тотъ и другой ставили въ началѣ слова. Первый самой фигурой своей показываетъ, что слово слѣдуетъ начинать вдыханіемъ воздуха въ себя, а послѣдній, — что слово слѣдуетъ начинать выдыханіемъ воздуха изъ себя. Дѣйствительность такого значенія этихъ знаковъ подтверждается слѣдующимъ соображеніемъ: надъ словами, начинающимися съ *р* (русск. *р*) Греки всегда ставили знакъ |—, а этотъ звукъ въ началѣ слова невозможно произнести, если вдыхать воздухъ въ себя, и очень легко произнести, если выдыхать воздухъ изъ себя.

Что сказано относительно еврейскихъ личныхъ мѣстоименій, то же самое слѣдуетъ сказать и относительно арабскихъ.

ное выдыханіе воздуха изъ себя. Индійскіе Арійцы указывали на себя словомъ *ahat*, а древняя форма для я, сохранившаяся въ личномъ глагольномъ окончаніи, была *mi* (наше *мы*), *my* и *mya* (родит. падежъ)—*me* (наше *ми*), *mya* (винит.) *ma* (*мя*); *ty* — *tvam*, *teba* и *teb* — *te*. По гречески я — *mi* (*мы*), древняя форма, сохранившаяся въ глаголахъ, *mya* — *me*, *ty* — *su* или *to*, *teba* — *ze* или *te*. По латини древняя форма для я также *mi* (*inqua-m(i)*), *mya* — *te*; *ty* — *tu*, *teba* — *te*. Въ нѣмецкомъ языкѣ я — *ich*, *mya* — *nich*, *ty* — *di*. По французски я — *je* (*тои*), *ty* — *tu*, по англійски я — *i* (*меня* — *me*); *ty* — *thou*. По татарски я — *min*, *ty* — *syn*; по черемисски я — *min*, *ty* — *тын*; по вотяцки я — *mon*, *ty* — *тон*, по чувашски я — *ep*, *ty* — *сам*.

Какъ ни разнообразны кажутся на первый разъ перечисленные личныя мѣстоименія особенно со стороны ихъ произношенія, котораго нельзя вполне передать на бумагѣ, всё они выражаютъ, какъ видите, одну мысль и имѣютъ одно значеніе: мѣстоименіемъ перваго лица говорящій самымъ дѣломъ указываетъ на себя, а мѣстоименіемъ втораго на другаго. Внутренніе законы слова у всѣхъ людей одни, и потому для уясненія формы роднаго языка не только дозвоительно, но и необходимо требуется сличеніе его съ другими языками, тѣмъ болѣе съ родственными ему и особенно съ языками, уже закончившими свой ростъ (такъ какъ послѣдніе удобно анализируются). Къ числу такихъ языковъ, по отношенію къ русскому, принадлежитъ и языкъ греческій; этого даже мало: онъ ближе всѣхъ другихъ языковъ къ церковно-славянскому и слѣдовательно, къ русскому. Онъ же притомъ составляетъ и нашу специальность. Поэтому наши замѣчанія на статью г. Богородицкаго: „По вопросу о русской грамматикѣ, какъ учебникѣ“, будутъ характера отчасти эллино-русскаго.

Г. Богородицкій укоряетъ прежнюю русскую грамматику въ томъ, что она построена подъ вліяніемъ иноземной теоріи. „Въ русской грамматикѣ, говоритъ онъ, мы находимъ то латинскую, то нѣмецкую; русская грамматика написана прежде, чѣмъ мы приступили къ изученію самаго языка въ его живомъ употребленіи“. Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что вполнѣ удовлетворительной русской грамматикѣ еще нѣтъ, мы тѣмъ не менѣе никакъ не можемъ согласиться, чтобы можно было написать хотя какую-нибудь, а тѣмъ болѣе просуществовавшую уже столько времени грамматику, не вложивъ въ ея формы живаго языка. Если бы мы были одного съ г. Богородицкимъ взгляда на языкъ, то намъ сейчасъ же показалось бы, что и его дѣленіе гла-

гола по степенямъ продолжительности дѣйствія взято съ греческаго глагола и заимствовано изъ греческихъ грамматикъ:

бросить	бросать	брасывать
ρίπτειν	ρίπτειν	ρίπτάζειν
κρῦπτειν	κρῦπτειν	κρῦπτάζειν
στενεῖν	στενεῖν	στενάζειν.

Какъ у насъ не всѣ глаголы употребляются во всѣхъ степеняхъ и особенно въ многократной, такъ и въ греческомъ

βαλεῖν	βάλλειν	—
τεμεῖν	τέμνειν	—

Но мы иного нѣсколько взгляда на языкъ, и думаемъ, что это сходство грамматики г. Богородицкаго съ греческою грамматикой произошло вслѣдствіе близкаго сродства языковъ. И въ греческомъ языкѣ „*примеры сжимаемости или сокращаемости формы глагола доходятъ иногда до nec plus ultra — до самаго корня, замыкаемаго обыкновенно наикратчайшею изъ буквъ*“, а иногда и вовсе незамыкаемаго: τολ', ριπ', βαλ'. Въ конечныхъ знакахъ, которые въ подобныхъ случаяхъ ставили Греки, нельзя не видѣть нашего древняго *апострофа*, который въ послѣдствіи замѣненъ полугласными з и ъ. Вліянію иностранной теоріи на построение русской грамматики г. Богородицкій приписываетъ и появленіе въ послѣдней такъ-называемыхъ исключеній. А по нашему мнѣнію, они неизбѣжны во всякой грамматикѣ. Г. Богородицкій мало, повидимому, вдумался въ это дѣло и смѣшалъ двѣ вещи, которыхъ никакъ нельзя смѣшивать, — формы языка и законы его органическаго развитія. Онъ поэтому, намъ кажется, не понимаетъ, что значать неправильности или исключенія въ грамматикахъ, когда говорить: „отчего же существующая теорія русской грамматики признаетъ одни факты разумными, а другіе нѣтъ? Чѣмъ эти послѣдніе предъ нею провинились? Вѣдь они также и по тому же праву существуютъ въ языкѣ, какъ и первыя, и дѣвать ихъ некуда“. Намъ кажется, если и можно нападать на исключенія, такъ только въ томъ случаѣ, когда они дѣйствительно называются неразумными фактами, или неправильностями; во всякомъ другомъ случаѣ нападать на нихъ не слѣдуетъ. Что такое исключенія? Составители грамматикъ подмѣчаютъ какой-нибудь законъ въ языкѣ и соотвѣтствующую этому закону этимологическую форму и выводятъ этимологическое правило. Но никакое правило не обобщить всѣхъ формъ языка, которыя особенно разнообразны бы-

вають въ первый періодъ его развитія. Правда, законы языка и тогда выражаются въ разумныхъ формахъ; но дѣло въ томъ, что формы одного и того же закона могутъ быть различны: $a - b + d$, это — то же, что $d + a - b$; или $a - c = b + d$ это — то же, что $d + b + c = a$. Языкъ не успѣлъ еще выработать постоянныхъ, твердыхъ формъ; между тѣмъ жизнь юнаго народа на столько кипуча, что каждому слову въ состояніи подыскать особую оболочку. Если формы языка не поддаются правиламъ, такъ это, по нашему крайнему убѣжденію, — знакъ живучести языка, и слѣдовательно, живучести народа. Намъ кажется, что со временемъ языковедіе достигнетъ того, что по языку вѣрнѣе, чѣмъ по чему-нибудь другому, будутъ опредѣлять такъ-называемые возрасты народовъ. Жизнь дѣтей подчиняется законамъ, но мало подчиняется формамъ, такъ что вы не можете сказать, что дитя въ такіе-то часы всегда бываетъ дома, а въ такіе-то спать и т. д.; о старикѣ же напротивъ большею частію можете сказать это. Подобное явленіе замѣчается и въ языкѣ. Сравните нѣсколько языковъ, и вы увидите, что самыя необходимыя въ жизни, самыя употребительныя, и слѣдовательно, долженствовавшія явиться раньше другихъ слова какъ-то мало подчиняются правиламъ. Беремъ образованіе степеней сравненія въ греческомъ и русскомъ языкахъ:

хорошій — лучшій	ἀγαθός — ἀμείνων
	" βελτείων
худой — худшій	κακός — χείρων
малый — меньшій	μικρός — μείων
многій } большій	πολύς — πλείων
великій }	μέγας — μείζων

Здѣсь нѣтъ еще ни русскихъ обычныхъ окончаній — *те, нійшій*, ни греческаго — *τερος*. Переходимъ къ глаголамъ:

иду — шель	ἔρχομαι — ἔλθον
братъ — взять	αἰρεῖν — εἰλεῖν

То же самое вы замѣтите и въ другихъ языкахъ (*bonus, melior, gut, besser*). О спряженіи глаголовъ и говорить нечего: во всѣхъ языкахъ очень многіе изъ нихъ не подчиняются никакимъ грамматическимъ правиламъ. Намъ скажутъ, что мы беремъ слова, совершенно различныя не только по происхожденію, но даже по звукамъ. Но вѣдь они находятся въ такомъ же отношеніи другъ къ другу, какъ вообще всѣ прилагательныя положительной степени къ прилагательнымъ сравнительной и какъ глаголы краткой степени къ глаголамъ степени продолженной. Почему же поставлены въ такія отношенія

слова совершенно разнородныя? Одинъ отвѣтъ: потому что языкъ еще не успѣлъ выработать общихъ формъ, да не имѣлъ и нужды въ нихъ. А что сказать о склоненіяхъ въ разныхъ языкахъ мѣстоименій перваго и втораго лица? Почему формы ихъ флексій не похожи на общія формы именныхъ флексій? А вѣдь падежи въ мѣстоименіяхъ имѣютъ то же значеніе, какое имѣютъ они и въ именахъ. Такое поразительное явленіе опять — таки объясняется не иначе, какъ только тѣмъ, что первыя слова въ языкѣ формируются, положимъ, и въ духѣ языка и по его закону, но формою еще не стѣсняются. Когда потомъ мало по малу начнутъ вырабатываться общія формы языка (*не, ѣйшій* и под.), тогда всѣ новыя слова, какъ подчиняющіяся этимъ формамъ, по необходимости должны отличаться въ своихъ флексіяхъ отъ словъ первичныхъ, не стѣснявшихся особенно формами ¹⁾. Между тѣмъ эти послѣднія, какъ выражавшія мысль на столько же точно, на сколько точно стали выражать потомъ ее и болѣе общія формы, и какъ уже успѣвшія укрѣпиться въ языкѣ, не хотѣли терять своей первоначальной формы: является разнообразіе формъ въ языкѣ, и составители грамматики по необходимости должны наблюдать, какія формы болѣе употребительны и какія — менѣе. Первыя изъ этихъ формъ они назвали (дѣйствительно неточно) правильными, а вслѣдъ за тѣмъ другія формы назвали уже неправильными, исключительными; скорѣе они должны были назвать первыя преобладающими, а послѣднія малоупотребительными. Самъ же г. Богородицкій говоритъ:

„Такими выраженіями и оборотами, которые составляютъ индивидуальную фізіономію языка, и въ которыхъ отражается личное міросозерцаніе цѣлаго народа, какъ индивидуума, надо дорожить, и дай ихъ Богъ побольше: они сокровище, жизнь, сила и гордость грамматики“.

А знаетъ ли г. Богородицкій, что чѣмъ болѣе формъ въ языкѣ, тѣмъ болѣе и индивидуальныхъ оборотовъ? Зачѣмъ же крайнимъ обобщеніемъ формъ языка скрадывать разумность частнѣйшихъ изъ нихъ? Ужели въ самомъ дѣлѣ между формами — *дамъ* и *сяду* — нѣтъ никакого различія? Подвести нѣсколько разнохарактерныхъ формъ подъ одну и сказать: *больше формъ и придумать нельзя, потому что русскій глаголъ дѣйствительно ихъ не имѣетъ* — значить отклонять другихъ отъ самостоятельнаго изученія языка. Если г. Богородицкій исчерпалъ всѣ формы русскаго глагола такъ, что ихъ дѣйствительно больше нѣтъ; то другимъ нечего уже и трудиться

¹⁾ Повторяемъ: это не значить, чтобъ ихъ формы не были плотію внутренняго слова; это значить только, что не было еще нужды въ общихъ формахъ.

надъ ними... *Формы русскаго глагола суть формы дѣйствія и состоянія.* Вотъ опредѣленіе, подъ которое подходятъ всѣ формы русскихъ глаголовъ безъ исключенія. Но будетъ ли оно объяснять дѣло? А что грамматика должна имѣть дѣло съ формами, съ этимъ согласенъ и самъ г. Богородицкій; вотъ его слова: „*Понимать языкъ и строить его грамматику должно только на основаніи его же формы, а отнюдь не на основаніи предвзятыхъ теорій*“. Кажется, что можетъ быть яснѣ этого? Г. Богородицкій прямо высказалъ мысль, что грамматика должна имѣть дѣло съ формами языка. Но чрезъ нѣсколько страницъ, въ силу своей *теоріи*, онъ долженъ былъ изгнать изъ русской грамматики временныя формы глагола; между тѣмъ онъ чувствовалъ, что дѣйствіе большею частію не иначе мыслится, какъ подъ условіемъ времени. Какъ же тутъ вывернуться? Очень легко: — сказать, что время узнается по смыслу, и только. Но очень легко вышло это потому только, что г. Богородицкій забылъ, что сказалъ выше, именно: *понимать языкъ должно только на основаніи его же формы*.... Итакъ, время узнается по смыслу рѣчи; а смыслъ рѣчи не мыслимъ безъ пониманія языка; пониманіе же языка должно основываться только на его же формахъ; *ergo*, и пониманіе времени совершенія дѣйствія должно основываться только на формѣ языка. Вотъ почему возраженіе г. Завьялова: „а смыслъ-то рѣчи откуда узнается? вѣдь изъ тѣхъ же формъ и только однихъ формъ?“ — мы назвали сильнымъ. Г. Богородицкій самъ выработалъ себѣ это возраженіе, но только не замѣтилъ этого.

Понимать языкъ и строить его грамматику можно только на основаніи его же формы. Эти слова напечатаны курсивно, — знакъ, что г. Богородицкій придаетъ имъ особенное значеніе. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ имъ не придается никакого значенія; г. Богородицкій говорить одно, а дѣлаетъ другое, — говорить о формахъ, а самъ почти совершенно обходить ихъ. Отрицая существованіе временныхъ формъ, онъ говоритъ, что русскій глаголъ даетъ знать о себѣ посредствомъ степеней дѣйствія. Значитъ, для степеней-то дѣйствія существуютъ формы? Иначе къ чему же и вся рѣчь? И дѣйствительно мы находимъ у г. Богородицкаго отвѣтъ положительный: *Вотъ она*, говоритъ онъ, *эта подвижность формъ*:

<i>Кратк. степ.</i>	<i>Продолжестая.</i>	<i>Множественная.</i>
быть	бывать	бывывать
дать	давать	давывать
сѣсть	сидѣть	сидживать

<i>Кратк. степ.</i>	<i>Продолженная.</i>	<i>Множественная.</i>
махнуть	махать	махивать
влюнуть	клевать	клевывать,

а изъ его граммативи прибавимъ еще:

бросить   бросать   брасывать.

Спрашивается: какая же форма для краткой, напримѣръ, степени дѣйствія? *ть*? Но вѣдь это — форма для всѣхъ степеней! Очевидно, слѣдуетъ взять во вниманіе и предыдущую гласную. Значитъ, для выраженія краткой степени у насъ насчитывается уже пять формъ: *ить, ать, ьсть, нуть* и *ить*, а поискать, такъ и побольше можно найти. Какіе же именно глаголы краткой степени имѣютъ форму — *ить*, какіе — *ать* и т. д.? А такъ какъ всѣ эти формы встрѣчаются и въ глаголахъ продолженной степени (рыть, звать, ѣсть, сохнуть, косить), то рождается еще вопросъ: какъ отличить глаголы краткой степени отъ одинаковыхъ по формѣ глаголовъ продолженной степени (сѣсть, ѣсть)? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо знать заранѣе и спряженіе и значеніе каждаго изъ русскихъ глаголовъ; и бойкій русскій мальчикъ дѣйствительно можетъ сообразить не только это, но и больше, — можетъ сообразить, напримѣръ, какъ глаголь *сидѣть* переходитъ въ краткую степень дѣйствія, потому что родители, да бабушки съ нянюшками научили его русскому языку еще до г. Богородицкаго. Но вѣдь грамматика не должна брать въ разчетъ, чему его научили; въ противномъ случаѣ для русскихъ дѣтей совѣмъ не нужна грамматика языка русскаго, которая учила бы правильно читать и писать; зачѣмъ учить знающаго? Попробуйте, г. Богородицкій, по вашей грамматикѣ научить правильно читать и писать по русски иностранца; такъ вы и сами сейчасъ увидите, на сколько вы выяснили формы русскаго глагола: придется внести въ грамматику всѣ глаголы и заставлять заучивать каждый отдѣльно. А вѣдь многое можно и обобщить. Въ глаголахъ не предложныхъ и выражающихъ не состояніе, а дѣйствіе, преобладающая форма краткой степени — *нуть* (свиснуть, хлопнуть, махнуть, щипнуть, стукнуть, двинуть, пугнуть, крикнуть, толкнуть); но въ глаголахъ, выражающихъ состояніе, эта же форма принимаетъ значеніе продолженной степени (чахну, сохну, вяну), и эти послѣдніе глаголы не имѣютъ другихъ степеней. Преобладающая форма множественной степени — *ивать* или *ивать*. Если послѣ подобнаго этому общаго замѣчанія и придется перечислить довольноное количество не подходящихъ подъ это обобщеніе глаголовъ

такъ все же лучше, нежели перебирать весь рядъ русскихъ глаголовъ. Что сказать наконецъ о предложныхъ глаголахъ? Какая, напримеръ, степень — *разматривать, воздвигать*? По формѣ (*ивать, явать*) многократная, а на самомъ дѣлѣ продолженная. О предложныхъ-то глаголахъ нужно было бы непременно сдѣлать замѣчаніе, потому что предлогъ совершенно измѣняетъ значеніе глагола, а между тѣмъ относительно предложныхъ глаголовъ существуетъ едва-ли не всеобщій законъ. Или г. Богородицкій подъ формою *разумѣть* не окончаніе только, а длину слова? Въ такомъ случаѣ глаголь *дѣлать* ужели длиннѣе глагола *передѣлать*? А вѣдь первый — продолженной степени, а послѣдній — краткой. Быть можетъ, глаголовъ предложныхъ не слѣдуетъ брать въ разчетъ? Извольте... Ужели глаголь *псть* (ѣмъ) длиннѣе глагола *спсть* (сяду)? Быть можетъ, наконецъ, нужно брать для примѣровъ только однородные глаголы? Хорошо.... Ужели *махать* длиннѣе *махнуть*, *прызть* длиннѣе *прызнуть*, и *колю* длиннѣе чѣмъ *колю*, *ревств* длиннѣе чѣмъ *ревнеть*? А вѣдь по значенію первые глаголы — глаголы продолженной степени, а послѣдніе — краткой. Гдѣ же наконецъ *форма-то* степеней дѣйствія? А вѣдь безъ формы всѣ глаголы, равно какъ и всѣ прочія слова, — слова и больше ничего. Что глаголь есть слово, это такой законъ, изъ котораго нѣтъ исключеній не только въ русскихъ глаголахъ, но и въ глаголахъ цѣлаго міра.

Впрочемъ зачѣмъ много отстаивать неизбѣжность такъ-называемыхъ исключеній въ грамматикѣ? Если обращать вниманіе не на фразы, а на дѣло, то г. Богородицкій и самъ не обошелся безъ исключеній, какъ только коснулся формы. Въ своей грамматикѣ (стр. 31) онъ говоритъ: „Послѣдніе три глагола (умереть, тереть, переть) имѣютъ *e* предъ *ть*, а не обычное *ь*“. А въ прежнихъ грамматикахъ мы прочитали бы: слѣдующіе три глагола исключаются изъ этого правила (то-есть, изъ этой обычной формы). Но однако и довольно уже объ исключеніяхъ. Переходимъ къ нѣкоторымъ изъ частныхъ положеній г. Богородицкаго.

По грамматикѣ г. Богородицкаго, *бывать* — степень продолженная. Поэтому въ предложеніи: *я бывалъ въ этомъ домѣ*, глаголь *бывалъ* слѣдуетъ разбирать глаголомъ продолженной степени. Но смѣтливый дѣти возразятъ: мы-де не чувствуемъ, не видимъ тутъ продолженнаго дѣйствія, а скорѣе чувствуемъ степень многократную; *я бывалъ въ этомъ домѣ*, то-есть, нѣсколько разъ, нѣсколько крѣтъ, и можетъ-быть, каждый разъ только на секунду.

— Въ самомъ-то дѣлѣ здѣсь выражается многократность дѣйствія, — будетъ отвѣчать учитель; а все-таки *бываетъ* по грамматикѣ продолженная степень. *Бываетъ* какъ будетъ въ многократной степени?

— Да, кажется, — *бываетъ*.

— А что такое — *бывавать*?

— Да у насъ совсѣмъ не говорятъ: *бывавать*.

— Справьтесь-ка въ грамматикѣ.

Дѣти справляются и читаютъ:

<i>многокр. степ.</i>	<i>продолжен.</i>	<i>краткая.</i>
бывавать	бывать	быть.

— Теперь сами видите, скажетъ учитель, выреченный изъ бѣдн грамматики г. Богородицкаго, что *бываетъ* — не многократная степень.

На лицахъ дѣтей — недоумѣніе.

Еще интереснѣе у г. Богородицкаго доказательство существованія степенныхъ и отсутствія временныхъ формъ въ русскомъ глаголѣ:

„До какой степени, говоритъ онъ, несвойственны русскому глаголу *формы времени*, укажемъ, наконецъ, на такіе глаголы, которые въ одной и той же совершенно тождественной формѣ употребляются и съ настоящимъ и съ будущимъ значеніемъ. Напримѣръ,

„Они (Цыганы) *сегодня* надъ рѣкой

„Въ шатрахъ изодранныхъ *кочуютъ*“. (Пушкинъ).

„*Кочуютъ* — какое время? И будущее и настоящее: можно сказать *сегодня, сейчасъ* кочуютъ, какъ сказалъ Пушкинъ, а можно сказать и *завтра кочуютъ*. Гдѣ же тутъ опредѣляется *время дѣйствія* русскаго глагола и чѣмъ? А вѣдь такихъ глаголовъ у насъ множество, какъ то: *везуть* — *везу*, *женить* — *женю*, *казнить* — *казню*, *сходить* — *схожу* (куда-нибудь завтра) и *схожу* (сейчасъ съ горы), *сносить* — *сношу*, *слетать* — *слетаю*, *проходить* — *прохожу*, *крестить* — *крещу*, *родить* — *рожу*, *образовать* — *образую* и т. д. Какъ видно изъ этихъ примѣровъ время дѣйствія русскихъ глаголовъ очень часто зависитъ единственно отъ смысла самой рѣчи“. (Журн. Мин. Народн. Просв. январь 1868 стр. 218).

Но вѣдь все это доказательство можно перевернуть совсѣмъ иначе, а именно такъ: „До какой степени несвойственны русскому глаголу *степенными формами*, укажемъ, наконецъ, на такіе глаголы, которые, въ одной и той же совершенно тождественной формѣ, употребляются съ значеніемъ и *продолженной* степени, и *краткой*. Напримѣръ,

„Они (Цыганы) *сегодня* надъ рѣкой

„Въ шатрахъ изодранныхъ *кочуютъ*“. (Пушкинъ).

Кочуютъ—какая степень? И продолженная и краткая; можно сказать: *сегодня, сейчасъ* кочуютъ, какъ сказалъ Пушкинъ (это — будетъ степень продолженная), а можно сказать и—*завтра кочуютъ* (это будетъ краткая степень). Гдѣ же тутъ опредѣляется степень дѣйствія русскаго глагола и чѣмъ? А вѣдь такихъ глаголовъ у насъ множество, какъ то: *велѣтъ*—*велю* (и *привазываю* и *приважу*, и продолженная и краткая степень), *женить* (устроить женитьбу и устроить ее). Что касается до глагола *казнить*, то продолженная степень его первоначально была—*казнить*, а продолженное, или чтѣ то же, настоящее время — *казню*, а краткая степень и будущее время — *казнѣтъ* и *казнѣю* подобно греческому—*βλέπειν*—*смотрѣтъ* и *βλεπεῖν*—*посмотрѣтъ*, *βλέπω*—*смотрю* и *βλεπῶ*—*посмотрю*: когда удареніе находится надъ корнемъ глагола, тогда, растягивая корень, оно говоритъ и о растяженіи дѣйствія или о настоящемъ времени дѣйствія; а когда удареніе—надъ окончаніемъ, тогда быстро произносимый корень говоритъ о быстротѣ дѣйствія. Далѣе, *сходитъ* (куда-нибудь—краткая степень), а *сходить* (съ горы—продолженная), *слетать* (то же), *сносить* (переносить и сносить куда-нибудь), *проходить*—*прохожу* (мимо—и цѣлый часть) *крестить*—*крещу*,—*родить*—*рожу*, *образовать*—*образую* и т. д. Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, степень дѣйствія русскихъ глаголовъ очень часто зависитъ единственно отъ смысла самой рѣчи“.

Чтѣ же особеннаго сдѣлалъ г. Богородицкій и какую пользу, какое облегченіе принесъ онъ дѣтямъ? А вотъ какое облегченіе:

„Впрочемъ, чтобъ ученики, при разборѣ, не ошибались въ опредѣленіи степени даннаго глагола, чтѣ до сихъ поръ, какъ намъ извѣстно *изъ опыта*, давалось имъ *чрезвычайно* трудно, мы вмѣняемъ имъ въ обязанность: *данный глаголъ сейчасъ же обратить въ личную форму*. Если глаголъ въ *личной* формѣ явится со смысломъ *настоящаго* времени, то это вѣрный признакъ, что дѣйствіе даннаго глагола взято въ *продолженной* степени; если же въ *личной* формѣ онъ явится со смысломъ *будущаго* времени, — ясный признакъ, что дѣйствіе даннаго глагола взято въ *краткой* степени“ и т. д.

Послѣ этого мы уже совершенно не понимаемъ г. Богородицкаго. Вѣдь когда ученикъ обратитъ данный глаголъ въ личную форму, тогда онъ оторветъ этотъ глаголъ отъ связи рѣчи, и слѣдовательно, глаголъ явится отдѣльно взятымъ. Какимъ же образомъ отдѣльно взятый глаголъ явится со смысломъ *настоящаго* или *будущаго* времени, когда нѣсколько выше г. Богородицкій увѣрялъ насъ, что въ отдѣльно взятыхъ глаголахъ время узнается только посредствомъ степеней дѣйствія? Вотъ его слова:

„Какимъ же образомъ русскій глаголъ даетъ знать о времени своего дѣй-

ствія? *Очень просто: въ рѣчи единственно по смыслу самой рѣчи, а въ отдѣльно взятыхъ глаголахъ посредствомъ степеней дѣйствія; время всегда является, какъ выводъ изъ той или другой степени глагола*“ (стр. 214).

Какъ же это вдругъ вышло на оборотъ; въ отдѣльно взятыхъ глаголахъ не время уже узнается *посредствомъ степеней дѣйствія, а степени дѣйствія* и притомъ ясно и *вѣрно* опредѣляются посредствомъ времени? Вѣдь прежде выходило, что времени дѣйствія въ отдѣльно взятыхъ глаголахъ нѣтъ возможности и узнать, не зная ихъ степеней; потому что время является только какъ выводъ изъ той или другой степени глагола. Какъ же это ученики-то, не понимая степеней глаголовъ, взятыхъ даже въ связи рѣчи, понимаютъ время дѣйствія и въ отдѣльно взятыхъ глаголахъ, и только поэтому ясно опредѣляютъ, какъ создается уже самъ г. Богородицкій, степени дѣйствія? Не знавъ ли это, что въ формахъ и русскаго, какъ и всякаго глагола, время дѣйствія выражается нагляднѣе, чѣмъ степень дѣйствія? Чтобъ окончательно убѣдиться въ этомъ, стоить только взять во вниманіе глаголы предложныя (а ихъ больше, чѣмъ простыхъ). *Это дѣло потерпѣть; онъ еще поживетъ.* Здѣсь глаголы *потерпѣть, поживетъ* выражаютъ будущее время, но что они означаютъ краткую степень продолжительности дѣйствія, объ этомъ тѣ же ученики стануть, пожалуй, спорить, потому что въ нихъ не видно совпаденія начала дѣйствія съ концомъ его. А г. Богородицкій этимъ вѣдь совпаденіемъ объясняетъ краткую степень. Какъ же эти глаголы выражаютъ время будущее, не выражая собой краткой степени?

Впрочемъ своими замѣчаніями мы не хотимъ отнимать заслуги у г. Богородицкаго. Не говоримъ уже о томъ, что онъ поднимаетъ вопросъ очень и очень важный для всякаго Русскаго; уже это одно много говоритъ въ его пользу. Г. Богородицкій своими степенями продолжительности дѣйствій все же проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на русский глаголь. Но дѣло въ томъ, что степень дѣйствія неразрывна съ временемъ дѣйствія, одно другимъ поясняется и дополняется, и изгонять то или другое изъ грамматики значить затемнять дѣло, а не уяснять его: *временныя формы есть* въ русскомъ глаголѣ и ихъ *нужно* оставить по прежнему тѣмъ болѣе, что скорѣе степени дѣйствія узнаются посредствомъ времени дѣйствія, чѣмъ время дѣйствія посредствомъ степеней дѣйствія.

Вслѣдъ за временными формами г. Богородицкій нападаетъ на *наклоненія*. А намъ кажется, этотъ терминъ слѣдовало бы оставить въ грамматикѣ; онъ лучше выражаетъ мысль, чѣмъ многозначная

форма; наклоненіе существительное будетъ показывать, что глаголь наклоняется, склоняется или приближается къ существительному; наклоненіе прилагательное (то-есть, прилагательная форма по грам. г. Богородицкаго) будетъ показывать, что глаголь склоняется къ прилагательному; наклоненіе опредѣленное ¹⁾, или изъявительное, будетъ показывать, что глаголь склоняется къ своей опредѣленности, является какъ чистый глаголь вслѣдствіе той опредѣленности дѣйствія, которая выражается имъ и которая обусловливается болѣе всего временемъ его совершенія. Безъ этого условія не мыслимы ни краткость, ни продолжительность дѣйствія; значить, не время слѣдуетъ опредѣлять продолжительностію дѣйствія, а скорѣе на оборотъ продолжительность дѣйствія временемъ. Только подъ условіемъ времени глаголь является вполне опредѣленною частію рѣчи и не смѣшивается ни съ существительнымъ, ни съ прилагательнымъ; только время и характеризуетъ глаголь, какъ глаголь, а отнюдь не личныя окончанія: „не знаю, чѣмъ *буде* (будеть) тебя пожаловати“. Личныя окончанія явились въ глаголь не потому, что безъ нихъ глаголь не глаголь, дѣйствіе не дѣйствіе, а потому что дѣйствіе рѣдко мыслится безъ дѣйствующаго лица. Напротивъ безъ времени дѣйствіе въ самомъ дѣлѣ не дѣйствіе, а только понятіе о дѣйствіи: ходить, гулять, сходи, погулай и пр. Повелительное наклоненіе или общую (неопредѣленно-) личную форму глагола лучше, кажется, назвать наклоненіемъ неопредѣленнымъ, которое служитъ для выраженія неопредѣленности дѣйствія, какъ дѣйствія настоящаго или прошедшаго или

¹⁾ По гречески — *ористикѣ*. Этотъ терминъ, изобрѣтенный древними греческими грамматиками, всегда выражалъ опредѣленность дѣйствія по отношенію къ его исполненію и ко времени исполненія, и никогда у Грековъ не имѣлъ того значенія, какое придали потомъ ему наши составители грамматикъ, — будто имъ опредѣляется предметъ, къ которому относится дѣйствіе. Въ греческомъ языкѣ не одно опредѣленное наклоненіе имѣетъ личныя окончанія; послѣднія есть и въ желательномъ и въ сослагательномъ. Желательное наклоненіе самое неопредѣленное въ греческомъ языкѣ; но тамъ и оно имѣетъ личныя окончанія. *Ерго* кто изобрѣлъ терминъ — *опредѣленное наклоненіе* (*ористикѣ*) отъ *орос*; — предѣлъ, то-есть, предѣлъ времени, а въѣствъ и продолжительности дѣйствія; бѣда только въ томъ, что въ понятіе *продолжительность* не входятъ понятія: *настоящее*, *прошедшее*, *будущее*; а между тѣмъ и нашъ русскій глаголь въ своихъ формахъ, хотя и самыхъ разнообразныхъ, такъ ясно выражаетъ эти послѣднія понятія, что они доступны всякому Русскому, ну а продолжительность дѣйствія, какъ подтверждаетъ и самъ г. Богородицкій; далеко не всякому), тотъ имѣлъ въ виду какую-нибудь другую опредѣленность, а не эту, то-есть, не опредѣленіе лица дѣйствующаго.

будущаго, а только возможности его. Будущее время, строго говоря, также только возможное; какъ въ греческомъ (βλέπω—βλεπῶ), такъ и у насъ (вѣлю—велѣю, казню—казню) оно выработалось изъ настоящаго времени, какъ необходимое слѣдствіе настоящаго положенія вещей, и выражаетъ такую увѣренность, такую несомнѣнность въ будущемъ дѣйствіи, какъ будто оно уже происходитъ. А съ терминомъ—*общая личная* (или *неопредѣленно-личная*) форма мы никакъ не можемъ согласиться. Этотъ терминъ не только не сообщаетъ объ этой формѣ никакого понятія¹⁾, но и противорѣчить, кажется, здравому пониманію дѣла. Чтò значитъ *неопредѣленно-личная форма*? Это должно означать, что она — форма личная, а лицо не опредѣлено, то есть, эта форма указываетъ на лицо, а лицо не опредѣляется, и слѣдовательно, не указывается. Итакъ, характеръ этой формы тотъ, что она, не указывая на лицо, указываетъ на него?... Не яснѣ ли другое названіе *общая личная форма*? Но вѣдь это будетъ означать, что форма указываетъ на общее лицо! Общее лицо?... А мы до сихъ поръ не знали, что *я, ты, онъ* общая личность, и слѣдовательно, одно существо. Вѣдь личные формы глагола суть (грамм. стр. 21) указатели лицъ? Значитъ, общая личная форма есть указатель общаго лица.... Если же г. Богородицкій эту форму называетъ общею личною формою въ томъ смыслѣ, что она прикладывается ко всѣмъ тремъ лицамъ, такъ, кажется, ясно, что она сама по себѣ не есть указатель ни одного изъ трехъ лицъ, и значитъ, безлична. Вѣдь и слово *порука* прикладывается ко всѣмъ тремъ лицамъ: *я — порука, ты — порука онъ — порука*. Ужели и *поруки* — общая личная форма? Въ такомъ случаѣ этихъ формъ будетъ столько же, сколько окончаній именъ существительныхъ и прилагательныхъ съ прибавкою окончаній неокончательнаго и повелительнаго (по прежнимъ грамматикамъ) наклоненій. Отчего же г. Богородицкій прежняго повелительнаго наклоненія не называлъ прямо безличною формою?... Думается отъ того, что тогда уже окончательно было бы очевидно, что этотъ терминъ ничего не опредѣляетъ; форма не даетъ никакого опредѣленнаго понятія, да и слово *безличный* такъ многообъемлюще, что весьма далеко отъ опредѣленности.

Переходимъ къ частнымъ замѣчаніямъ о наклоненіяхъ.

¹⁾ Въ сентябровой книгѣ *Журн. Мин. Народн. Просв.* въ замѣткѣ г. Богородицкаго на замѣтку г. Завьялова (стр. 1022) мы прочитали: «Съ точки зрѣнія здраваго смысла и современной педагогичекой терминологіи терминъ — *дѣльное слово*, которому должно быть соответственное понятіе».

1) Относительно неопредѣленнаго наклоненія мы вполне согласны съ г. Богородицинымъ. Оно дѣйствительно существительное наклоненіе, но только наклоненіе глагола въ существительному, а не полное существительное. Согласны и съ тѣмъ, что иногда оно и по формѣ не отличается отъ существительнаго, но только иногда. Поставленное съ членомъ въ греческомъ языкѣ оно имѣло полное значеніе существительнаго: τὸ εἶναι — бытіе, τοῦ εἶναι бытія, — ἐν τῷ εἶναι — въ бытіи, ἐκ τοῦ εἶναι — изъ бытія и т. д. Русскій языкъ слилъ членъ въ одно съ окончаніемъ слова и неопредѣленное наклоненіе явилось у насъ съ существительнымъ окончаніемъ и можетъ склоняться подобно существительному. Признавая взглядъ г. Богородицкаго на этотъ разъ вѣрнымъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ вѣрными и всѣ возраженія его противъ прежнихъ грамматикъ.

2) Относительно изъявительнаго наклоненія слѣдуетъ замѣтить, что его лучше назвать *опредѣленнымъ*, и какъ мы выше сказали, эта опредѣленность зависитъ не столько отъ опредѣленности лица, сколько отъ опредѣленности самого дѣйствія, когда глаголь въ собственномъ смыслѣ является глаголомъ. Этимъ объясняется и возможность такъ-называемыхъ безличныхъ глаголовъ: *не знаю, чѣмъ буде* (личнаго окончанія нѣтъ) *тебя пожаловати, — буде* форма опредѣленная, но безличная, возможная потому, что третье лицо — не лицо въ строгомъ смыслѣ, и личное окончаніе — *тъ* (тотъ) можетъ указывать на все, что *не-я* и *не-ты*, будетъ ли это лицо, будетъ ли предметъ, будетъ ли что-то еще неопредѣленное: *разсвѣтаетъ, смеркается*. Г. Богородицкій и самъ третье лицо не признаетъ за лицо (граммат. стр. 17).

3) О сослагательномъ наклоненіи дѣйствительно можно и не упоминать при спряженіи глаголовъ; слово о немъ можетъ быть при разсужденіи о частицѣ *бы* или въ статьѣ „о послѣдовательности временъ“, совершенно необходимой и въ русскомъ языкѣ; а то, пожалуй, вѣдь и слѣдующую фразу почтутъ за чисто русскую: *я пришелъ бы къ вамъ завтра, если бы только вы были дома*. А какъ мы будемъ говорить о послѣдовательности временъ, если у насъ ихъ нѣтъ?

4) Повелительное наклоненіе самъ г. Богородицкій, кажется, не вполне вѣрно понимаетъ, что видно изъ того, что онъ далъ ему, правда, новое, но ничего не опредѣляющее названіе: *общая личная или неопредѣленно-личная* форма. Вѣдь не личность же опредѣляется этою формою, потому что она неопредѣленно-личная. По нашему, формой повелительнаго наклоненія (*и, ѣ, ъ*) выражается одна условная

возможность дѣйствія и только. А какъ возможность и условность дѣйствія далеко не ручается за его осуществленіе, и какъ осуществленіе его въ подобныхъ случаяхъ представляется неожиданнымъ; то эта форма употребляется и для обозначенія неожиданныхъ дѣйствій. Но не только условность, а и неожиданность дѣйствія не совмѣстима съ опредѣленностью его. Поэтому-то наклоненіе это, кажется, лучше всего назвать *неопредѣленнымъ* наклоненіемъ. Оно соотвѣтствуетъ санскритскому *возможному* и греческому *желательному*. Звукъ *і* составлялъ его характеристику и въ этихъ древнихъ и родственныхъ нашему языкахъ. Въ санскритскомъ и греческомъ оно имѣло и личныя окончанія, хотя и было самымъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ. У насъ оно утратило личныя окончанія, и кажется, потому что когда имъ выражается желаніе или просьба сдѣлать что-нибудь (а не самое дѣло), тогда не нужно личное окончаніе или личное указаніе, потому что лицо — налицо. Но какъ скоро просьба касается многихъ, то сейчасъ же является и личное указаніе: бросай-те, брось-те, или: броси-м-те, то-есть, *я* и *вы*; *м* — личное окончаніе перваго лица какъ въ санскритскомъ и греческомъ, такъ и въ древнемъ русскомъ: *сп-м*, *има-м* и пр., а *те* — личное окончаніе втораго лица множественнаго числа. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ это наклоненіе какъ неопредѣленное, самостоятельно стоять не можетъ, а всегда и непремѣнно стоитъ въ соединеніи съ другими предложеніями; и тогда мысль его видна бываетъ дѣйствительно по смыслу, опредѣляемому формами другихъ предложеній; напримѣръ: „Про жизнь пустынную какъ сладко *ни пиши*, а въ одиночествѣ способенъ жить не *всякій*“. „*Кто* какъ сладко, *ни пиши*?“ спрашиваетъ г. Богородицкій; и отвѣчаетъ: „да *я*, *ты*, *мы*, *вы*, *всякій* вообще“, а по нашему такъ просто — *всякій*, которое стоитъ въ концѣ предложенія; иначе, *всякій* знаетъ — также будетъ общая личная форма, потому что будетъ значить *и я знаю* и *ты знаешь* и *все знаютъ*. Выраженіе: *я затяну*, а *вы не отставай* — особенное характеристическое явленіе какъ въ греческомъ, такъ и въ нашемъ языкѣ; оно выражаетъ собой, что множественное подлежащее берется за одно цѣлое, то-есть, не отставай — *всѣ*, какъ одинъ; поэтому *а вы не отставай* сильнѣе выражаетъ мысль, чѣмъ *а вы не отставайте*; въ этомъ случаѣ оно приближается къ выраженію: *а вы не отставайте*. Последнее навело насъ на вопросъ: почему же г. Богородицкій формы *ты*, *чѣ* назвалъ существительными, а формы *и*, *й*, *в*, общими личными? Видъ если послѣднія припадаютъ ко всѣмъ тремъ лицамъ, такъ и первая. — *тоже: я вы убьете*

дать, ты, онъ, мы и т. д. ее убѣждать, а она нуже плакать. Да эта форма склоняется! А та развѣ нѣтъ? Я сегодня былъ у *незамая*; мы сегодня почевали въ *разгулять* (въ *разуванъ* въ *разкачанъ*)... Дѣло въ томъ, что существительная форма и сама по себѣ, не измѣняя своему глагольному характеру, можетъ занять мѣсто существительнаго и даже подлежащаго; напротивъ форма *и*, при переходѣ въ существительную форму, теряетъ свой глагольный характеръ и становится чистымъ именемъ; а сама по себѣ она никогда не можетъ подходить къ существительному, никогда не можетъ быть подлежащимъ.

Изгнавъ, или лучше, видовзмѣнивъ наклоненія, г. Богородицкій изгоняетъ и форму *прошедшаго времени* — на томъ основаніи, что „Вочервыхъ, та рамка была не русская; вочторыхъ, русскій глаголъ, вслѣдствіе своего реального смысла, не имѣлъ нужды создавать *временныхъ, условныхъ* формъ, какъ это видимъ постоянно изъ данныхъ языка; третьихъ, *прошедшее дѣйствіе* не есть уже *дѣйствіе*, что очень справедливо отразилось въ міросозерцаніи русскаго народа и очень вѣрно выразилось русскимъ глаголомъ; ибо, какъ мы выше замѣтили, сущность прилагательной формы *ль* состоитъ именно въ томъ, чтобы выразить покончившуюся связь дѣйствія съ лицомъ, а гдѣ прекратилась связь дѣйствія съ лицомъ дѣйствующимъ, тамъ и дѣйствіе само прекратилось, его уже нѣтъ, а слѣдовательно, и глагола нѣтъ; вчетвертыхъ, форма *ль* — вовсе не форма глагола, а одна изъ прилагательныхъ формъ отглагольныхъ словъ, составляющихъ собою особый отдѣлъ, извѣстный вообще въ грамматикахъ подъ названіемъ *именъ прилагательныхъ*, и внятыхъ, она есть просто церковно-славянское второе прошедшее причастіе со дня своего рожденія“ ¹⁾ (стр. 241).

Что прошедшее время — рамка не русская, мы не согласны, потому что въ столь близкомъ къ русскому церковно-славянскому языкѣ языкѣ было прошедшее время и имѣло личныя окончанія: *быхъ, быши, бы, имыхъ, явихъ*. Что касается реальности смысла русскихъ глаголовъ, такъ она — плодъ сильныхъ увлеченій г. Богородицкаго. На сколько дѣйствительно увлекается онъ своей *теоріей*, видно, напримеръ, изъ слѣдующихъ его словъ: „русскій глаголъ изображаетъ дѣйствіе не отвлеченное, какъ мыслимое движеніе подъ условіемъ времени, а цѣлкомъ схваченное въ самый горячій моментъ его проявленія; дѣйствіе русскаго глагола все трепещетъ жизнію“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* январь 1868, стр. 214).

Дней чрезъ десять я буду въ Казани. Неужели здѣсь *буду* нельзя понимать дѣйствіемъ мыслимымъ подъ условіемъ времени, выражается мысль, что я уже въ Казани, и дѣйствіе схватывается

¹⁾ Вотъ здѣсь г. Богородицкій дѣйствительно имѣетъ дѣло съ формой глагола и дѣйствительно старается угадать ея значеніе.

въ самый горячій моментъ его проявленія?... Если же г. Богородицкій подѣ реальностію смысла русскихъ глаголовъ разумѣеть реальность происхожденія ихъ, какъ и прочихъ словъ, такъ самъ же онъ и то же самое признаеть и за другими языками, когда говоритъ: „печальна была бы судьба челоуѣва (всякаго, не русскаго только) и безсмысленно его существованіе, если бы не было живаго соотвѣтствія между мыслию и словомъ“ (стр. 225). Далѣе г. Богородицкій говоритъ, что „прошедшее дѣйствіе не дѣйствіе; форма *ль* выражаетъ покончившуюся связь дѣйствія съ лицомъ дѣйствующимъ, а гдѣ прервалась эта связь, тамъ дѣйствія уже нѣтъ, а слѣдовательно, и глагола нѣтъ“. Если такъ, то и самостоятельныхъ глаголовъ, при которыхъ лицо иногда *вовсе не мыслимо* (стр. 251) и за которые такъ сильно ратуетъ самъ же г. Богородицкій, также нѣтъ. Далѣе, если эта форма не есть форма глагола, потому что показываетъ покончившуюся связь дѣйствія съ лицомъ дѣйствующимъ; то и краткая личная форма (будущ. время) также не есть форма глагола, потому что показываетъ еще не начинавшуюся связь дѣйствія съ лицомъ дѣйствующимъ. Что форма *ль* — прилагательная, съ этимъ мы согласны, а что сущность ея состоитъ въ томъ, чтобы выразить покончившуюся связь дѣйствія съ лицомъ, — съ этимъ мы не совсѣмъ согласны; иначе и *я боленъ, я здоровъ* — слѣдуетъ принять за указаніе на прошедшее время; *боленъ* и *здоровъ* — прилагательныя и также отдѣлены отъ лица (ты вялъ, онъ дряхлъ — тоже). Форма *ль* въ прошедшемъ времени явилась только какъ болѣе удобная и болѣе однообразная, потому что приставить личное окончаніе прошедшаго времени *лъ, ши, ша* къ нѣкоторымъ изъ глагольныхъ корней не было возможности вслѣдствіе таковаго стеченія согласныхъ, какого не терпитъ русскій языкъ, а допущеніе вставочной гласной смѣшало бы прошедшее время (второе лицо) съ настоящимъ и будущимъ. Замѣчательно: пока форма *ль* остается прилагательною формою *малола*; до тѣхъ поръ она указываетъ на прошедшее время (давалъ, гулялъ), а какъ скоро ставовится чистымъ *прилагательнымъ*, то уже теряетъ свое глагольное значеніе — покончившуюся связь дѣйствія съ лицомъ или характеръ прошедшаго времени (я былъ вялъ, я — вялъ, я буду вялъ). Санскритскому и греческому языкамъ не мало помогало приращеніе, которое принялъ было и церковно-славянскій языкъ: *да-де* (кор. *д*), но которое русскій языкъ отбросилъ, какъ только явилась возможность замѣнить прошедшее время прилагательною формою *малола*. Наконецъ, если эта форма — церковно-славянская, то напрасно

г. Богородицкѣй совсѣмъ не попытался исключить ее изъ русскаго языка, напрасно не назвалъ ее не-русскою формою, какъ назвалъ онъ формы глагола *есмь*, *еси*. Не можемъ не остановиться нѣсколько и на этихъ формахъ.

Мы уже замѣтили, что г. Богородицкѣй не такъ понялъ глаголь *бывать*, назвавъ его продолженною степенью; это — степень многократная; *ивать* форма многократной степени — *давывать*, *дълывать* и проч. А *бывывать* — степень многократнѣйшая, очень возможная и въ русскомъ языкѣ подобно чешскому (*давывалъ*). Такое неправильное пониманіе этого глагола произошло отъ того, что г. Богородицкѣй опустил изъ вниманія, что глаголомъ *быть* выражается также существованіе, какъ и глаголомъ *естъ*; различіе въ томъ, что *быть* выражаетъ краткую степень существованія, а *естъ* продолженную. А что эти глаголы различнаго происхожденія, о томъ и говорить нечего. Это произошло отъ того же, отъ чего для прилагательнаго *хорошъ* сравнительная степень вышла *лучше*, для *великъ* — *больше*. Есть и еще глаголы подобнаго рода — *взять*, *брать*, *бирать*. Дѣло въ томъ, что *быть* и *естъ* стоятъ въ такомъ же отношеніи другъ къ другу, въ какомъ всѣ глаголы краткой степени къ глаголамъ продолженной:

Краткая степень.	Продолженная.	Многократная.
<i>быть</i>	<i>естъ</i> (одного разряда съ <i>въсть</i> и <i>нсть</i>)	<i>бывать</i>
<i>буду</i>	<i>ес-мь</i> (<i>въ-мь</i> , <i>нмь</i>)	<i>бываю</i>
<i>будешь</i>	<i>е(с)-си</i> (<i>въ-си</i> , <i>н-си</i> <i>ншь</i>)	<i>бываешь</i>
<i>будеть</i>	<i>е(с)-сть</i> (<i>въ-сть</i> , <i>н-сть</i>)	<i>бываетъ</i>
<i>будемъ</i>	<i>ес-мы</i> (<i>въ-мы</i> , <i>н-мы</i> <i>я-мы</i>)	<i>бываемъ</i>
<i>будете</i>	<i>е(с)-сте</i> (<i>въ-сте</i> , <i>я-сте</i>)	<i>бываете</i>
<i>будутъ</i>	" " "	<i>бываютъ</i> .

Напрасно г. Богородицкѣй формы *есмь*, *еси* и проч. называетъ фотографіей съ греческихъ; скорѣе слѣдуетъ предположить наоборотъ, потому что наши формы этого глагола ближе къ санскритскому и литовскому, чѣмъ греческія; въ церковно-славянскомъ есть форма двойственнаго числа — *есѣ*, которая находится въ литовскомъ и санскритскомъ, но которой нѣтъ въ греческомъ; это близкое сходство показываетъ только глубокую древность этихъ формъ. Что же касается того, что эти формы въ настоящее время — рѣдкость въ русскомъ языкѣ; такъ это произошло по тому же закону, по которому и Греки стали выпускать личныя мѣстоименія *я* (*ἐγώ*) и *ты* (*σύ*), и именно тогда, когда у насъ опускаются формы *есмь*, *еси*. Въ замѣну этого мы при-

бавляемъ всегда въ этихъ случаяхъ личныя мѣстоименія; Грекъ г-о говоритъ: *есмь боленъ, есмь здоровъ*, Русскій говоритъ: *я боленъ, я здоровъ*. Въ языкѣ это — то же, что въ письмѣ стенографія. Ужели же на томъ основаніи, что Греки опускали личныя мѣстоименія, и также только перваго и втораго лица, слѣдуетъ заключать, что ихъ формы личныхъ мѣстоименій не ихъ, а фотографія съ каковаго-то другаго языка? *Нпись, нпси* — тоже фотографія съ греческихъ формъ, хотя тамъ и нѣтъ уже подобныхъ этимъ формамъ? Было время, когда и Славяне говорили *есмь здоровъ*, вмѣсто *я здоровъ*, потому что было время, когда мѣстоименіе *я* выражалось чрезъ *мъ*, которое отдѣльно хотя и не употреблялось, но служило основой для косвенныхъ падежей: *мѧ, ми* (думать такъ есть основаніе, но говорить объ этомъ основаніи нельзя въ настоящій разъ, потому что это повело бы насъ слишкомъ далеко) и постоянно присоединялось, какъ личное (именно личное) окончаніе къ глаголу: *есмь богатъ, есмь на караулѣ; да-мъ, ѡ-мъ* и проч. Тѣмъ болѣе напрасно г. Богородицкій винить въ этомъ случаѣ языкъ церковно-славянскій: „Нечего, говоритъ онъ, соблазниться тѣмъ, что въ народномъ языкѣ употребляются формы: *есмь, еси*; на примѣръ: *охъ ты гои еси, добрый молодецъ!* Если онѣ и встрѣчаются теперь, то единственно по прежнему влиянію языка церковно-славянскаго“. Думается, что г. Богородицкій самъ чувствовалъ себя на этотъ разъ не совсѣмъ правымъ. Вѣдь происхождение изреченія: „охъ ты гои еси добрый молодецъ!“ слѣдуетъ отнести скорѣе къ героическому, еще языческому славянскому періоду, чѣмъ къ церковно-славянскому. А что касается примѣровъ, приведенныхъ г. Богородицевицъ въ подтвержденіе такого взгляда на глаголь *естъ*, такъ примѣры эти не такъ понятны имъ. Вотъ они: „*Есть* - то я вдовина дочь, дочь Ильи Муромца“. „Я только вспомнилъ о васъ, а вы тутъ и *естъ*“. „*И ноты естъ* у насъ, и инструменты *естъ*“. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ *естъ* дѣйствительно существительная форма или неопредѣленное наклоненіе. „*Есть-то* я вдовина дочь“ — это одинъ изъ древнѣйшихъ оборотовъ и значить: по бытію-то (по происхожденію-то или по роду-то) я вдовина дочь; *то* — остатокъ древняго члена (греческ. *τό*), показывающій, что *естъ* въ этомъ мѣстѣ дѣйствительно существительная форма, или неопредѣленное наклоненіе. Заимъная собою существительное имя, эта форма какъ въ греческомъ, такъ и въ русскомъ, *естъ* не иное что, какъ винительный самостоятельный; „*признаться-то*, я самъ не правъ“; „*правду-то* сказать, я самъ былъ виноватъ“; „*признаться-то*, я вдовина дочь“.

„Я только вспомнил о васъ, а вы тутъ и есть“. *Вы тутъ и есть* — правильная форма: *вы* — подлежащее, *тутъ и есть* — сказуемое; существительная форма глагола очень часто бываетъ сказуемымъ: „мы ее *убъждаемъ*“; „а вы какъ тутъ и *быть*“.

„И ноты *есть* у насъ, и инструменты *есть*“. *Есть* — опять сказуемое. „Быть у насъ этимъ нотамъ“ — здѣсь *быть* существительная форма и сказуемое, и тамъ также. Но вѣдь *быть* имѣетъ и личныя формы; почему же *есть* не имѣетъ ихъ? Дательнымъ падежемъ (нотамъ) нечего смущаться; вѣдь можно же сказать: „пуще плавать ей“.

Равнымъ образомъ г. Богородицкій вслѣдъ за г. Н. Некрасовымъ не ясно представляетъ себѣ и приставку *ся* въ глаголахъ, оканчивающихся на *тся*. Эта приставка дѣйствительно выродилась изъ мѣстоименія *себя* или *ся*; *чтося вамъ мнитъ*; или: что вамъ мнится? Повидимому, что за нелѣпность: *что себя вамъ мнитъ*? Но не все то дѣйствительно нелѣпность, что кажется нелѣпностью. Что со временемъ значеніе этой приставки стало шире, о томъ нѣтъ и слова.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ относительно *теоріи* г. Богородицкаго о самостоятельномъ значеніи *опредѣленныхъ* личныхъ формъ. Сущность этой теоріи заключается въ томъ, что личныя и притомъ *опредѣленные* личныя формы *самостоятельны* тогда, когда онѣ *безличны* (Грамм. стр. 22, 23, 24). Всѣ примѣры, приведенные въ подтвержденіе этой теоріи, состоятъ изъ поговорокъ, загадокъ и т. д.

— „Чужую бѣду руками разведу, а къ своей бѣдѣ ума не приложу“ (пословица).

— „За чѣмъ пойдешь, то и найдешь“ (поговорка).

— „Лѣтомъ рано разсвѣтаетъ“.

Третье лицо, какъ уже замѣчено нами, можетъ быть самостоятельнымъ или безличнымъ, потому что оно въ собственномъ смыслѣ не лицо. Но относительно двухъ первыхъ лицъ и особенно относительно перваго лица, мы не можемъ согласиться съ г. Богородицкимъ. Все дѣло въ томъ, что онъ мало вникаетъ въ характеръ поговорокъ. Самое слово — *поговорка* — показываетъ, что она говорится часто и становится общею всѣмъ; но это не значитъ, что она теряетъ свой личный характеръ. Возьмемъ первую: „Чужую бѣду руками разведу, а къ своей бѣдѣ ума не приложу“. Г. Богородицкій говоритъ: „Здѣсь личная *опредѣленная* форма: *у*, употреблена въ смыслѣ *самостоятельномъ*, общемъ для всѣхъ трехъ лицъ, а не исключительно въ связи только съ первымъ лицомъ. Про кого это говорится: *разведу, не приложу*? да про всякаго: и про *меня*, и про *тебя*, и про *него*“.

Нѣтъ; здѣсь не *говорится* про всякаго, а всякій *говоритъ* про себя: „чужую бѣду руками разведу, а въ своей бѣдѣ ума не приложу“. А всякій, кто говоритъ о себѣ, говоритъ: я, и есть лицо первое. Что мысль наша сосредоточивается здѣсь главнѣйшимъ образомъ на дѣйствіяхъ: *разведу, не приложу*, такъ это всегда бываетъ, когда опускается личное мѣстоименіе: я *сдѣлаю* — значитъ, что я берусь сдѣлать (не другой кто), а просто: *сдѣлаю* — главнѣйшимъ образомъ будетъ значить то, что дѣло будетъ сдѣлано. Греческое: γινῶμι σεαυτόν — познай себя, также заключаетъ въ себѣ самостоятельный, общій для всѣхъ лицъ смыслъ. „Познай себя“ — прекрасное изреченіе. Г. Богородицкій готовъ увидѣть въ *познай*, какъ формѣ самостоятельной, подлежащее ¹⁾? По нашему мнѣнію, здѣсь подлежащее не *познай*, а *познай себя*, то-есть, подлежащее — цѣлое предложеніе, подобно тому какъ въ изреченіи: *что будетъ съ нами не извѣстно*, — подлежащее не *что* и не *будетъ*, а *что будетъ съ нами*. Какъ человекъ можетъ увлекаться теоріей, видно изъ того, что г. Богородицкій даже слѣдующую поговорку сдѣлалъ общою для всѣхъ трехъ лицъ: „какъ ни живемъ, а хлѣбъ жуемъ“. Послѣ этого вѣдь и самая форма *мы* — всегда форма самостоятельная, общая для всѣхъ трехъ лицъ, потому что когда кто-либо говоритъ: *мы*, такъ онъ говоритъ не про *себя* только, а также и про *тебя*, и про *него*, про *всякаго*: *мы* (люди) отличаемся отъ животныхъ.

Параграфъ о самостоятельномъ значеніи опредѣленныхъ личныхъ формъ въ грамматикѣ г. Богородицкаго есть наочевиднѣйшее исключеніе изъ предыдущаго параграфа. Прежніе составители грамматикъ все, что не подходило подъ правило, помѣщали въ исключеніяхъ, и ученики понимали, что это исключенія изъ общаго правила (не изъ языка). А г. Богородицкій ни правила, которое опредѣляло бы, когда именно опредѣленныя личныя формы употребляются съ самостоятельнымъ (терминъ выражаетъ совершенно противоположную мысль) значеніемъ, не излагаетъ, ни случаевъ употребленія этихъ формъ съ такимъ значеніемъ не перечисляетъ, а просто говоритъ: „опредѣленныя личныя формы глагола *могутъ* употребляться и для выраженія

¹⁾ Пересмотрѣвъ сентябрьскую книжку *Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія* мы дѣйствительно нашли въ ней оправданіе нашего предположенія. Въ отвѣтъ г. Завьялову г. Богородицкій разбираетъ между прочимъ слѣдующій стихъ Крылова: *по мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумнѣй* (стр. 1023). *Пей* онъ называетъ подлежащимъ. Подлежащее не *пей*, а *пей, да дѣло разумнѣй*. Вѣдь нельзя сказать: *пей* — *худое дѣло*; совсѣмъ иная вещь: *пить* — *худое дѣло*.

такихъ дѣйствій, которыя вовсе не зависятъ отъ того или другаго лица“. Значитъ, могутъ и не употребляться — вотъ и весь выводъ изъ этого правила. А вѣдь изъ-за такой неопредѣленности можетъ выходить по временамъ путаница; одно и то же выраженіе, только не вошедшее въ грамматику г. Богородицкаго, одинъ наставникъ будетъ разбирать такъ, другой послѣ него иначе.

Посильное уясненіе дѣла и предотвращеніе возможныхъ недоразумѣній составляютъ цѣль этой замѣтки, которая также, быть можетъ, допустила много ошибокъ и ждетъ поправокъ отъ г. Богородицкаго¹⁾.

А. Некрасовъ.

Казань. 2-го ноября 1868 года.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО Г. БОГОРОДИЦКОМУ.

Наша статья: „По вопросу о русской грамматикѣ, какъ учебникѣ“, помѣщенная въ июньской книжкѣ *Журнала Мин. Народн. Просв.* на 1868 годъ, вызвана была между прочимъ слѣдующею „покорнѣйшею просьбою“ самого г. Богородицкаго:

„Составитель покорнѣйше просилъ бы всѣхъ, кому дороги вопросы по предмету русской грамматики, не оставить его своими полезными совѣтами и замѣчаніями“.

¹⁾ Считаемо не лишнимъ привести схему русскаго глагола, какъ она намъ представляется.

Наклоненія.	Степени дѣйствія.			Времена.
	Кратная.	Продолженная.	Многократная.	
Существительное.	бросить	бросать	брасывать	—
Опредѣленное.	—	бросаю	—	Настоящее.
	брошу	—	—	Будущее.
Прилагательное.	бросилъ	бросалъ	брасывалъ	Пропедешее.
Неопредѣленное.	брось	бросай	—	—

Мы въ статьѣ нашей именно и имѣли въ виду „не оставить его своими совѣтами и замѣчаніями“, полезными (по крайнему нашему разумѣнію) въ томъ смыслѣ, что они, казалось бы, могли предостеречь составителя новаго учебника отъ увлеченій и крайностей... Совѣты и замѣчанія однако положительно не понравились тому, для кого они назначались, и въ сентябрьской книжкѣ того же журнала явилась „Замѣтка на замѣтку“.

Такъ какъ въ послѣдней статьѣ авторъ выражаетъ желаніе, чтобы мы серьезно опровергли его положенія и доводы, то мы вынуждены снова повторить тѣ пункты, на основаніи которыхъ мы усомнились въ достаточно-ясномъ пониманіи г. Богородицкимъ *идеи этимологической формы вообще*.

Начнемъ съ того, что мы въ самомъ заглавіи нашей статьи достаточно, кажется, показали, что имѣемъ въ виду не его грамматику, а его передовую статью, въ которой онъ, если не ошибаемся, высказываетъ основныя положенія своей теоріи. Затѣмъ, возраженія свои мы ставимъ, стало-быть, не противъ новой теоріи грамматики, какъ говоритъ г. Богородицкій, а противъ основныхъ положеній самого г. Богородицкаго, что не одно и то же. Впрочемъ всѣ эти объясненія пока не важны: это — дѣло личное, дѣло, какъ говорится, между нами. Помѣщая статью въ журналъ, имѣешь въ виду не личность того, кому возражаешь, а сущность дѣла, которымъ интересуется сколько-нибудь наше общество. Если же было въ нашей статьѣ что-нибудь, что нарушало серьезность тона критической статьи, то просимъ извиненія, какъ у г. Богородицкаго, такъ и у всѣхъ тѣхъ, на кого тонъ нашей статьи произвелъ подобное же впечатлѣніе: есть вещи, которыя вызываютъ невольную, неумышленную улыбку... По числу возраженій, которыя мы считаемъ нужными повторить г. Богородицкому въ большей подробности, мы раздѣляемъ свою статью на пункты. Итакъ:

1. Связь между грамматиками, общою и частною, понимается г. Богородицкимъ *отрицательно*, а нами — *положительно*, такъ какъ мы не упускаемъ изъ виду, что языки, по крайней мѣрѣ индо-европейскіе, происходятъ отъ одного общаго корня, отъ одного общаго начала, а съ другой стороны, что грамматическая теорія языка не есть естественное, а искусственное явленіе, въ томъ смыслѣ, что грамматика языка есть слѣдствіе ученаго анализа его свойствъ, и слѣдовательно, есть дѣло немногихъ, а не всего народа; дѣло же грамматики языка заключается въ томъ, чтобы частныя явленія его возвести

къ его общимъ законамъ. Это значить, что если въ понятіи языка заключаются понятія залоговъ, наклоненій, временъ и проч., какъ виды въ родѣ, то языкъ какими бы то ни было средствами долженъ выразить или отразить въ себѣ эти видовыя понятія. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, въ какой степени онъ выражаетъ эти понятія, въ большей или въ меньшей, а не въ томъ, выражаетъ ли онъ эти понятія вообще. Такого рода вопросъ, по нашему мнѣнію, долженъ былъ поставить и г. Богородицкій, а не утверждать, что русскій глаголь не способенъ къ выраженію временъ и наклоненій, потому что такое утвержденіе — ложно. Что русскій глаголь способенъ къ формальному выраженію залога, доказываетъ то обстоятельство, что звуки *ъ* и *и* служатъ, между прочимъ, къ обозначенію въ глаголѣ залоговъ средняго и дѣйствительнаго, напримѣръ:

бѣлѣть — бѣлить,
синѣть — синить,
краснѣть — красить,
чернѣть — чернить,
старѣть — старить и т. д. ¹⁾.

Но, можетъ-быть, г. Богородицкій не признаетъ того положенія, что частная грамматика должна отвѣчать положеніямъ общей? Быть можетъ, онъ думаетъ, что частная грамматика — сама по себѣ, а общая — тоже сама по себѣ; что общая грамматика можетъ сколько угодно требовать, а частная — не отвѣчать этимъ требованіямъ. Но это значило бы то же, что не признавать существованія общей грамматики, а это, въ свою очередь, значило бы то же, что не признавать науки: ибо что же иное наука о языкѣ, какъ не обобщеніе частныхъ явленій, какъ не возведеніе ихъ къ тому общему знаменателю, источникъ котораго въ духѣ человѣка? Связь между общею и частною грамматикою, по отношенію къ глагольнымъ формамъ, понимается нами слѣдующимъ образомъ:

Въ понятіи *дѣйствія* заключается: 1) отношеніе его къ дѣйствующему лицу и къ предмету дѣйствія; 2) характеръ самаго дѣйствія по отношенію къ виду его совершенія; 3) большая или меньшая степень его опредѣленности въ отношеніи способа проявленія; 4) отношеніе его ко времени, и 5) отношеніе его къ лицу или лицамъ дѣйствующимъ.

¹⁾ О томъ, что нѣкоторыя изъ глагольныхъ формъ весьма мало развиты въ русскомъ языкѣ — рѣчь впереди.

Если дѣйствительно все это заключается въ понятіи дѣйствія, слѣдовательно, заключается въ духѣ человѣка, то все это *должно отражаться въ языкъ, какъ единственной, въ своемъ родѣ, формѣ мышленія*. Такимъ образомъ понятіе дѣйствія создаетъ въ языкѣ: въ 1-мъ отношеніи — формы *залоговъ*, во 2-мъ — формы *видовъ*, въ 3-мъ — формы *наклоненій*, въ 4-мъ — формы *временъ* и въ 5-мъ — формы *лицъ и чиселъ*. Если бы мы прибавили къ этому, что всѣ эти формы должны выразиться вполнѣ, то сдѣлали бы ошибку, ибо въ этомъ отношеніи является различіе частныхъ языковъ: то-есть, въ одномъ языкѣ, у одного народа, понятія эти могли выразиться полнѣе; въ другомъ языкѣ, у другаго народа, менѣе полно, менѣе ясно; въ санскритскомъ и греческомъ, на примѣръ, полнѣе, чѣмъ въ славянскихъ языкахъ вообще и въ русскомъ въ особенности. Но отразиться эти понятія должны. „Сила духа у разныхъ народовъ и въ разныя времена бываетъ индивидуально различна по *степенямъ* и по особеннымъ путямъ къ одной и той же цѣли. Различіе это должно оказываться въ результатѣ стремленія — въ языкѣ, и естественно оказывается особенно въ перевѣсѣ или внѣшняго вліянія, или самостоятельной дѣятельности“ (В. Гумбольдтъ, „О различіи организмовъ языка“ стр. 34). По этой мысли, составители старыхъ грамматикъ были, конечно, болѣе правы, чѣмъ г. Богородицкій: они искали въ данномъ языкѣ залоговъ, наклоненій, временъ и прочаго; они искали этого по требованіямъ общей грамматикѣ, и если не находили *полнаго* формальнаго удовлетворенія этимъ требованіямъ, то находили для нихъ удовлетвореніе *нѣкоторое*, менѣе полное... Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что первое наше положеніе состоитъ въ необходимости связи между грамматиками общею и частною, а это, далѣе, ведетъ къ *оправданію и къ объясненію различныхъ грамматическихъ категорій*. общихъ всѣмъ языкамъ индо-европейскимъ, какъ то: частей рѣчи, падежей, глагольныхъ формъ и т. д.

2. Мы думаемъ теперь примѣнить требованія общей грамматикѣ къ нашей русской. Но прежде всего считаемъ необходимымъ опять начать рѣчь о значеніи этимологической формы вообще, и опять доказать, что это значеніе поднимается г. Богородицкимъ смутно; безъ этого оправданіе извѣстныхъ формъ осталось бы для него снова непонятнымъ. Послушаемъ, какъ говорить В. Гумбольдтъ о связи между языкомъ и мыслию:

„Языкъ есть орудіе образованія мысли. Умственная дѣятельность, сама по себѣ совершенно духовная и внутренняя, посредствомъ слова переходитъ

во вѣдѣнность и дѣлается доступною чувствамъ.... Поэтому дѣятельность ума и языкъ неразличны и неразлучны другъ отъ друга. Дѣятельность ума, по естественной необходимости, ищетъ совокупленія со звукомъ. Неразрывная связь мысли, органовъ голоса и слуха въ языкѣ основывается на первоначальномъ устройствѣ человѣческой природы, необъяснимомъ въ своихъ основавіяхъ. Но соотвѣтствие между звукомъ и мыслию очевидно“.

Мы нарочно привели здѣсь собственныя слова В. Гумбольдта, въ подтвержденіе той же мысли, которая была высказана нами почти въ тѣхъ же словахъ въ прежней нашей статьѣ. Мысль эта почему-то вызвала слишкомъ скромное возраженіе со стороны г. Богородицкаго: „Мы не станемъ опредѣлять (говорить онъ) съ точки зрѣнія спекулятивной философіи форму въ языкѣ вообще, какъ это сдѣлалъ авторъ „Замѣтки“; не будемъ заявлять своихъ претензій на умѣнье растолковать связь этимологической формы съ духомъ языка въ томъ отношеніи, что «по основному (будто бы) закону человѣческой природы, духъ нашъ, проявляя себя, находитъ, между прочимъ, выраженіе свое въ звукѣ вообще»; мы не рѣшимся утверждать, что «смысль всякой этимологической формы заключается въ (какомъ-то) внутреннемъ сродствѣ духа со звукомъ, и звука съ духомъ» и т. д. Мы сопоставляемъ эти два мнѣнія именно съ тою цѣлю, чтобы показать, что возраженіе это, не обижая никого, просто-на-просто доказываетъ, что излишняя скромность возрѣній значительно вредитъ составителю учебника и автору передовой къ нему статьи. Есть вещи, въ которыхъ сомнѣваться не позволительно современному педагогу, и къ числу такихъ вещей относится общее понятіе о происхожденіи языка и его формъ вообще, — по крайности, въ той мѣрѣ, какая вообще доступна нашему пониманію.

Изъ словъ г. Богородицкаго видно только, что онъ принимаетъ этимологическую форму въ значеніи несравненно болѣе тѣсномъ, чѣмъ мы, такъ какъ мы подъ формою разумѣемъ *звуковую* форму вообще, не различая здѣсь ни окончаній, ни приставокъ, ни даже корня. А что мы имѣемъ право смотрѣть на форму такимъ образомъ, въ доказательство приводимъ опять слова В. Гумбольдта, изъ того же его сочиненія — О различіи организмовъ языка (стр. 42): „Постоянное и однообразное въ дѣятельности духа, претворяющей органической звукъ въ выраженіе мысли, бывъ понято въ полной совокупности и представлено систематически, составить то, что мы называемъ *формою* языка“. И далѣе: „Форма языка есть живое, индивидуальное расположеніе народа дѣйствовать въ образованіи языка такъ или иначе своимъ умомъ и чувствомъ“. Отсюда слѣдуетъ, что форма претворяетъ звукъ въ выраженіе мысли, въ ея образъ, и смотря на форму съ

этой точки зрѣнія, нельзя, наиримѣрь, въ словѣ *с-дѣл-а-ю*—считать за форму только окончаніе *ю*: здѣсь всѣ части *с, дѣл, а, ю* — суть отдѣльныя формы языка, слившіяся силою духа въ одну форму *1-ю лица настоящего времени совершеннаго вида* (употребляемою въ значеніи *будущаго*). Г. Богородицкій говоритъ, что „корень — это идея, внутреннее, ядро мысли; окончаніе — форма, внѣшнее, образъ ея; корень — часть слова не измѣняющаяся, окончаніе — измѣняющаяся. Вотъ эта-то измѣняющаяся часть слова и всегда замыкающая собою корень называется въ грамматикѣ грамматическимъ окончаніемъ или *этимологическою формою* по преимуществу“.

Не смотря на то, что г. Богородицкому, какъ видно изъ его отвѣтной статьи, очень не нравится рѣзкость и рѣшительность нашихъ положеній, мы все-таки принуждены сказать, что все, сказанное имъ сейчасъ о формѣ — несправедливо! Чтò же дѣлать, если это такъ? Вопервыхъ, *корень* слова можетъ быть названъ внутреннимъ развѣ только *относительно*, то-есть, какъ внутренняя часть цѣлой формы, цѣлаго слова, и слѣдовательно, въ томъ только случаѣ, когда слово разсматривается съ его внѣшней стороны. Если же слово разсматривается со стороны его значенія, со стороны понятія, имъ выражаемаго, то корень и будетъ та *основная форма*, тотъ *образъ понятія*, которымъ выражается внутреннее слово, то-есть, его понятіе. Прочія части слова, такъ-называемыя окончанія и приставки, по значенію своему, способствуютъ только къ обособленію, къ модификаціи основной формы. Другими словами, — приставки и окончанія развиваютъ форму, то-есть, относятъ ее или къ разряду существительныхъ, или къ разряду прилагательныхъ, или глаголовъ, и т. д.

Вовторыхъ, совершенно несправедливо и другое положеніе г. Богородицкаго, что „корень — часть слова *неизмѣняющаяся*“. Да: оно было бы такъ, если бы корень былъ „ядромъ мысли“, какъ онъ выражается. Но такъ какъ корень также форма, а не ядро мысли, то какъ форма, онъ и измѣняется, и притомъ очень разнообразно, наиримѣрь: *рѣдѣть, руда, рожа, рыжій, ражій... духъ, дышать, душа, вздохъ...*

Что касается до того, чтобъ окончаніе слова называть *этимологическою формою „по преимуществу“*, стало-быть, въ тѣсномъ смыслѣ, такъ это, пожалуй, можно; но тогда слѣдовало бы хорошенько оговориться, а не выбирать эпиграфомъ своей статьи такое общее положеніе о формѣ, какое приведено г. Богородицкимъ: „Понимать данный языкъ и строить его грамматику должно только на основаніи

его же формы". Принявъ такой эпиграфъ прямо, какъ онъ есть, мы сказали, и какъ намъ кажется, *доказали* г. Богородицкому, что не совсѣмъ-то ясно онъ понимаетъ значеніе формы въ языкѣ, или точнѣе, что мы съ нимъ форму въ языкѣ понимаемъ неодинаково.

Итакъ, мы можемъ извиниться передъ авторомъ статьи „По вопросу о русской грамматикѣ, какъ учебникѣ“ развѣ только въ рѣзкости того выраженія, которое употребили, говоря о *положительно-туманномъ пониманіи* г. Богородицкимъ *этимологической формы*; но утверждаемъ, что такое выраженіе было справедливо ¹⁾.

3. Отъ этой неясности пониманія существа этимологической формы вообще происходитъ и то смѣшеніе этимологіи съ синтаксисомъ, о которомъ говорили мы въ предыдущей статьѣ и которое составляетъ основной источникъ всѣхъ грамматическихъ недоразумѣній г. Богородицкаго. Объ этомъ пунктѣ подробнѣе...

Синтаксисъ формы состоитъ во введеніи ея въ рѣчь въ качествѣ того или другаго члена предложенія. Другими словами, синтаксисъ формы есть употребленіе этой формы въ живомъ разговорѣ, пожалуй, практика формы, если можно такъ выразиться. Безъ сомнѣнія, провести точную и опредѣленную грань между этимологіей и синтаксисомъ — дѣло не легкое; но такъ какъ отъ этого много зависитъ самый успѣхъ грамматическаго дѣла, то мы должны представить эту грань такъ, какъ понимаемъ ее, и на сколько это въ нашихъ силахъ.

Образованіе формъ языка принадлежитъ эпохѣ доисторической; но, какъ ни туманна эта даль (испугавшая самого г. Богородицкаго), мы все-таки убѣждены, что каждая форма въ языкѣ является въ силу двоякой потребности духа и слѣдовательно проходитъ какъ бы двѣ степени въ своемъ образованіи: а) для выраженія основнаго понятія является *корень*, основа слова, напримѣръ, *лом*, *ход* (мы не хотимъ сказать, чтобы корень этотъ употреблялся на практикѣ отдѣльно, но дѣлаемъ только одинъ анализъ этимологической формы); б) далѣе — основная форма понятія обособляется, становится опредѣленнѣе, потому что ей отводится мѣсто въ ряду понимаемыхъ явленій: мѣсто предмета, его качества, его дѣйствія. Это обособленіе совершается путемъ окончаній и приставокъ: напримѣръ, по-

¹⁾ Въ Опытѣ Историч. Грам. Буслаява (ч. I, стр. 25) есть между прочимъ слѣдующее выраженіе: «Формы *начать*, *повязка* показываютъ ясно, что должно писать *началь*, *вязаль*» и т. д. Отсюда, кажется, ясно, что и здѣсь слово *форма* употреблено въ болѣе обширномъ смыслѣ, чѣмъ какой придаетъ ему г. Богородицкій.

средствомъ суффикса *к* и окончанія *з* основныя формы *лом* и *ход* переходятъ въ выраженіе качества предмета мужескаго пола: *лом-о-к-з*, *ход-о-к-з*.

Чѣмъ далѣе идетъ историческое развитіе народа, тѣмъ далѣе идетъ историческое развитіе языка. Такимъ образомъ форма, создавшаяся первоначально внутреннею силою языка, — такъ-сказать, изнутри его, — продолжаетъ развиваться прагматически, — такъ-сказать, извнѣ, — то-есть, развиваться не движеніемъ и измѣненіемъ самой формы, а только болшею примѣнимостью ея къ различнымъ случаямъ употребленія въ разговорѣ. Въ первомъ случаѣ развитіе формы есть потребность духа — *этимологія*, во второмъ — потребность употребленія, практика — *синтаксисъ*. Отсюда задача этимологіи — отдѣльныя формы; задача синтаксиса — соединеніе формъ въ предложеніи. Мы въ высшей степени опасаемся, что г. Богородицкій опять упрекнетъ насъ въ попыткѣ спекулятивной философіи; но увѣряемъ его, что безъ нѣкоторой доли этой спекулятивной философіи ни одно дѣло, а тѣмъ болѣе научное, на ладъ не пойдетъ.

Объяснимъ всѣ сдѣланныя нами положенія примѣромъ. Положимъ, понятіе движенія выразилось корнемъ *ид*; приставка *по*, съ одной стороны, даетъ основному понятію оттънокъ *начала* въ движеніи, а окончаніе *и* — смыслъ приказанія, обращеннаго къ другому лицу (при чемъ звукъ *и* для благозвучія выбрасывается): получается форма *послѣдательнаго* наклоненія, единственнаго числа — *поди*, *подь* (при сокращеніи *и* въ *ѵ*). Вотъ, по нашему убѣжденію, законный разборъ этимологической формы *поди*, который впрочемъ сдѣлали мы, хотя не такъ обстоятельно, и въ предыдущей статьѣ, въ совершенный разборъ съ разборомъ г. Богородицкаго: по его мнѣнію, здѣсь нѣтъ ни повелительнаго наклоненія, ни единственнаго числа. Весьма можетъ статья, что г. Богородицкій и теперь озадачитъ насъ вопросомъ: да почему, молъ, вы увѣрены, что таковъ былъ первоначальный смыслъ этой формы? вѣдь вы не были въ ту доисторическую эпоху?! Это, положимъ, совершенно вѣрно; но дѣло въ томъ, что если бы человѣкъ могъ знать только то, чему онъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ, то положеніе его было бы весьма грустное... Есть средство провѣрить первоначальное значеніе этой формы: попробуйте обратиться къ нашему мужичку (у него пониманіе непосредственное, безыскусственное) и скажите ему: *поди!* и онъ пойметъ ваши слова, какъ приказаніе, относящееся къ его лицу; скажите то же слово нѣсколькимъ, и они не поймутъ, потому что не поймутъ, къ кому собственно

относится данное выраженіе. Скажите ребенку *дай*, и онъ вамъ протянетъ ручку и дастъ, если только сумѣетъ. Примѣры эти рѣшаютъ два обстоятельства: 1) что форма *поди* есть *повелительное наклоненіе*; 2) что форма *поди* обозначаетъ единственное число.

Перейдемъ къ синтаксису той же формы. Практическая потребность заставляетъ насъ употреблять глаголь *идти* и въ собственномъ, и въ переносномъ смыслѣ; этимологическая сила языка не въ состояніи каждую такую потребность удовлетворить особою формой (да врядъ ли это и нужно); и вотъ одна и та же форма — *поди* — принимаетъ различныя значенія, точнѣе, различные оттѣнки общаго значенія: а) оттѣнокъ *удивленія* въ выраженіи — *поди ты, какое чудо!* при чемъ теряется собственный смыслъ повелѣнія, обращеннаго къ лицу; б) оттѣнокъ *предположенія*, вывода изъ известнаго положенія — въ выраженіи, напримѣръ: *хоть по міру поди съ сумою!* в) оттѣнокъ *недовѣрія* — въ выраженіи: *поди ты, вздоръ какой!* и т. д. Еще цѣльнѣе доказывается такой ходъ формы отъ этимологіи къ синтаксису на словѣ, положимъ, *домъ*: этимологія его — существ. общее, муж. рода, единственнаго числа, именит. падежъ. Синтаксическое употребленіе даетъ ему самыя разнообразныя значенія: 1) значеніе прилагательнаго: *печь дома дурно сложена* = домовая печь; 2) значеніе глагола: *это — хороший домъ*; съ формою бытія *есть*; 3) значеніе нарѣчія: *я все сижу дома*; 4) даже значеніе междометія, въ приказаніи — *домой!* Мы нарочно выбрали форму, наименѣе поддающуюся вліянію употребленія, какъ и вообще всѣ существительныя; но есть формы, гораздо легче измѣняющія своей этимологіи: междометіе *спасибо* = спаси Богъ, *онамедни* = онами дни, *вчера* = вечера и т. п.

Отъ этихъ общихъ указаній перейдемъ теперь къ разбору тѣхъ формъ, въ которыхъ особенно рѣзко высказалось смѣшеніе этимологіи съ синтаксисомъ у г. Богородицкаго.

Въ связи съ вопросомъ о повелительномъ наклоненіи стоятъ, разумѣется, и вопросъ о наклоненіи неопредѣленномъ. Возьмемъ же форму *идти* и разберемъ ее и въ этимологическомъ, и въ синтаксическомъ отношеніи: *этимологически*, это — форма, выражающая только понятіе о дѣйствиіи, безъ указанія его отношенія ко времени, лицу и числу; суффиксъ формы *ти* именно и есть указатель этой неопредѣленности; отсюда — *неопредѣленное наклоненіе*. Дѣлая подобный же разборъ въ прошлой нашей статьѣ, мы оговорились словами: „на сколько въ состояніи мы понимать нашъ природный языкъ“. Мы принуждены и теперь повторить то же самое; ибо какое другое

доказательство можно привести въ пользу того, что форма *идти*, взятая сама по себѣ, имѣетъ именно это, то-есть, неопредѣленное, а не другое значеніе? Обратиться къ сравнительной грамматикѣ и указать, что формамъ *любить*, *идти* соотвѣтствуетъ этимологически, на примѣръ: *amare, ire; aimer, aller; lieben, gehen*, — и что повсюду формы эти называются *неопредѣленными* (неокончательными, если угодно)? Но вѣдь врядъ ли г. Богородицкій признаетъ авторитетъ сравнительной грамматики.

Правда, что въ послѣдней статьѣ своей онъ приводитъ въ поясненіе формы времени примѣры, взятые изъ латинскаго языка; но за то, съ другой стороны, онъ утверждаетъ, что *есть* и *быть* — глаголы разные, не смотря на единогласное свидѣтельство сравнительной грамматики, подтверждающей, что *ть* есть окончаніе 3-го лица настоящ. времени глагола *быть*: (слав. русск.) *есть*, (санскр.) *ас-ти*, (греч.) *ἔστι*, (латин.) *est*, (литовск.) *esti*, (нѣм.) *ist*, (франц.) *est* и т. д. Если не помогаетъ авторитетъ сравнительной грамматики, то остается одно средство: обратиться къ самосознанію оппонента и попросить его наконецъ *выкинуть* въ самый смыслъ формы *идти* — и убѣдиться, что въ ней рѣшительно заключается понятіе *неопредѣленности*, а слѣдовательно, и неопредѣленнаго наклоненія. Но гдѣ же форма наклоненія-то, спросить онъ насъ. — А суффиксъ *ти* (*ть*), отвѣтимъ мы. — А форма *повелительнаго*? — Суффиксъ *и*. — А форма *изъявительнаго*, *сослагательнаго* и т. д., будетъ онъ насъ спрашивать.

Просимъ его припомнить, что особаго суффикса для наклоненія изъявительнаго не развилъ себѣ ни русскій, ни славянскій языкъ, но форма для выраженія этого наклоненія имѣется, на примѣръ, *иду*. Здѣсь вся разница въ томъ пониманіи этимологической формы, какое составилъ себѣ г. Богородицкій, и какое имѣемъ о ней мы, какъ мы говорили выше. Рѣшительно повторяемъ: русскій языкъ имѣетъ формы для наклоненій изъявительнаго, повелительнаго и неопредѣленнаго. Вотъ онѣ: *иду, иди, идти*. Но другой вопросъ: каждая ли изъ этихъ формъ имѣетъ *особый суффиксъ* для выраженія наклоненія? Повелительное и неопредѣленное — имѣютъ такой суффиксъ, а изъявительное — нѣтъ. Значить ли это, что русскій языкъ не способенъ къ выраженію наклоненія, даже изъявительнаго? Думаемъ, что нѣтъ. Повѣримъ пока г. Богородицкому; допустимъ, что изъявительнаго наклоненія у насъ нѣтъ, такъ какъ нѣтъ для него особаго суффикса... Въ такомъ случаѣ мы должны признать, что слова *домъ, сынъ, день* и т. п. не существительныя, ибо нѣтъ въ нихъ особаго суффикса суще-

свительнаго: *дом, сын, ден* — корни, а *э, ь* — родовыя окончанія. Въ такомъ случаѣ мы должны признать, что и въ латинскомъ языкѣ не существуетъ ни изъявительнаго наклоненія, ни сослагательнаго, ни настоящаго времени; возьмемъ для примѣра *praesens*:

<i>Indicativ.</i>	<i>Conjunctiv.</i>
am-o	am-em
am-as	am-es
am-at	am-et
ama-mus	ame-mus
ama-tis	ame-tis
ama-nt	ame-nt.

Гдѣ же тутъ особыя формы для выраженія наклоненія или времени? Здѣсь видимъ мы только корни, да личныя окончанія *o, as, at* и т. д. Не считаетъ же г. Богородицкій гласныя тематическія за форму, — скажемъ мы въ свою очередь, пародируя его собственныя слова, сказанныя по поводу формы *сдѣлаю*: „Можетъ-быть авторъ, „Замѣтки“ считаетъ звукъ *с* за форму? Но и этой догадки мы не можемъ себѣ позволить: звукъ *с* во всякой русской грамматикѣ называется приставкою, а не формою“. А напрасно г. Богородицкій не позволилъ себѣ этой догадки: звукъ *с*, конечно, приставка, но въ то же время и форма. Какъ же иначе? Вѣдь и звуки *ю, ешь, етъ* составляютъ въ одно и то же время и окончанія, и формы. *Приставка, окончанія* — понятія видовыя, а *форма* — понятіе родовое.

Такимъ образомъ, разъ допустивъ положеніе г. Богородицкаго, мы дошли этимъ путемъ до абсурда: до уничтоженія не только наклоненій, времени и частей рѣчи въ русской грамматикѣ, но и во всѣхъ другихъ, то-есть, до уничтоженія грамматики вообще. Въ чемъ же недоразумѣніе?

Каждый изъ языковъ индо-европейскихъ представляетъ формы для выраженія въ глаголѣ залоговъ, наклоненій, времени, лицъ и т. д. Но не каждый изъ языковъ одинаково развилъ эти формы: въ одномъ развитіе ихъ богаче въ звуковомъ отношеніи, въ другомъ бѣднѣе. Нашъ русскій языкъ занимаетъ въ этомъ отношеніи средину: инныя формы глагола развились въ немъ богаче, инныя бѣднѣе; къ первымъ относятся *виды, наклоненія* — повелительное и неопредѣленное, *лица, числа и причастія*; во вторымъ — *залогъ, наклоненія* — изъявительное и сослагательное, *времена*.

Что понимаемъ мы подъ словомъ *большее и меньшее развитіе* формы, кажется, ясно. Возьмемъ форму *неопредѣленнаго наклоненія*,

(ид-ти): форма эта, кромѣ общаго смысла, заключающагося въ корнѣ, имѣетъ еще особый звукъ *ти, ть*, выражающій ея неопредѣленность, а это все, что нужно для такой формы. Это большее развитіе формы. Возьмемъ другую форму *иду*: форма эта дѣйствительно значить — *я иду теперь*; но для выраженія лица она имѣетъ особый звукъ *у*, а для выраженія настоящаго момента особаго звука не имѣетъ, или точнѣе, *личное* окончаніе совпадаетъ съ *временнымъ*. Это меньшее развитіе формы. Г. Богородицкій, слѣдовательно, разбирая формы наклоненій и кременъ въ русскомъ языкѣ, впалъ въ крайность, увлекся: ему бы слѣдовало сказать, что *глагольные формы въ русскомъ языкѣ не всѣ развиты въ одинаковой степени, но всѣ имѣются* (впрочемъ, какъ и въ другихъ европейскихъ языкахъ), а онъ пришелъ къ совершенному отрицанію этихъ формъ! И въ эту крайность впалъ онъ, какъ вслѣдствіе слишкомъ тѣснаго пониманія этимологической формы, такъ и вслѣдствіе смѣшенія этимологическаго разбора съ синтаксическимъ ¹⁾. И то, и другое мы доказали, на сколько умѣли.

Г. Богородицкій думаетъ, что для существованія *наклоненія*, наприимѣръ, необходимъ *особый* звукъ для выраженія наклоненія. Такъ ли это? Это неправда: *всякая этимологическая форма* опредѣляется по своему первоначальному смыслу, а не по отличительному звуку. *Домъ, сынъ, день, ночь* — существительныя, потому что въ первоначальномъ ихъ смыслѣ лежитъ понятіе *предмета*, хотя и не имѣется особаго суффикса для существительныхъ; *иду, пойду* — изъявительное наклоненіе настоящаго и будущаго времени по смыслу, въ нихъ заключающемуся, а не по особымъ суффиксамъ. Такъ точно и въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ. Что это разборъ этимологическій, а не синтаксическій, доказывается тѣмъ, что мы дѣлаемъ его на основаніи значенія отдѣльной *формы*, а не на основаніи связи и отношенія формы къ другимъ, какъ то дѣлаетъ г. Богородицкій.

Въ подтвержденіе своего отрицательнаго взгляда на формы *наклоненій* въ русскомъ языкѣ г. Богородицкій раскрываетъ грамматику г. Стоюнина и читаетъ въ ней слѣдующее мѣсто о наклоненіи: „Отношеніе къ дѣйствию лица говорящаго выражаетъ наклоненіе: *изъявительное, повелительное и условное*.... Каждое изъ этихъ на-

¹⁾ Безспорно, что въ русскомъ языкѣ имѣются этимологическіе начатки даже *залоговъ*, этой наименѣе развитой формы въ нашемъ глаголѣ, и это указано было нами выше въ звукахъ *и, ѣ*, дающихъ многимъ глаголамъ значеніе дѣйствительныхъ или среднихъ. Но исторія языка доказываетъ, что это формы мало развѣтвившіяся.

клонений *непретънно* есть сказуемое“. „Мы совершенно съ этимъ согласны, говорить г. Богородицкй, но только относительно иностранныхъ языковъ, а не нашего“, и затѣмъ разбираетъ слѣдующимъ образомъ предложеніе, взятое изъ басень Крылова:

„По мнѣ ужъ лучше *ней*, да дѣло *разумнѣй*!“

„*Ней* — подлежащее, *лучше* — сказуемое; *ней* — общая личная форма, *лучше* — сравнительная степень“.

Такого рода разборъ въ музыкѣ называется, кажется, *ad libitum*, то-есть, разбирай, какъ тебѣ тамъ лучше нравится! По нашему не такъ: такъ какъ вся сила сужденія заключается въ сказуемомъ, а сила сужденія въ приведенномъ примѣрѣ заключается въ словахъ *ней*—*да дѣло разумнѣй*: то формы *ней* и *разумнѣй*—будутъ сказуемыя, а не подлежащія. Далѣе: такъ какъ *ней* и *разумнѣй* относятся къ одному и тому же лицу, по смыслу — ко всякому, — то предложеніе это не простое, а слитное, въ которомъ два сказуемыя соединены союзомъ *да*, соответствующимъ союзу *но*. Далѣе: предложеніе *безличное*, подлежащаго налицо нѣтъ, какъ отдѣльной формы, потому что оно заключено въ формѣ повелительнаго склоненія *ней*, *разумнѣй*; самъ г. Богородицкй проговорился, назвавъ форму *ней*—*общей* личною формою: что же иное значить *общая*, какъ не относящаяся ни къ какому лицу въ особенности, а ко всѣмъ вообще? Г. Богородицкому угодно было назвать такую форму *общей*, а старой грамматикѣ *безличною*, и изъ-за такихъ пустяковъ ссориться имъ не слѣдуетъ!—Далѣе: *ней*, *разумнѣй*—формы повелительнаго склоненія, въ единственномъ числѣ, гдѣ въ окончаніи *й* совпали обѣ примѣты — и склоненія, и числа. Чтобы доказать, что форма *ней* — не повелительное склоненіе, г. Богородицкй проводитъ такую мысль, которую мы не можемъ не привести цѣликомъ:

„Въ этомъ примѣрѣ *ней* вовсе не сказуемое; иначе Крыловъ даетъ дурной совѣтъ второму лицу повелительнымъ склоненіемъ *ней*, какъ бы такъ: ты, братъ, плохо пьешь, *ней лучше*. Вотъ что дѣлаетъ эта невинная и скромная, но несвойственная нашему языку, терминологія! Она нерѣдко искажаетъ самый смыслъ рѣчи“.

Вотъ что значить съ большой-то головы да на здоровую!... Самъ критикъ исказилъ, даже обезобразилъ смыслъ Крыловской рѣчи, а на терминологію жалуется! Но всего удивительнѣе этотъ способъ относиться къ формамъ! Какъ, напримѣръ, понять тотъ доводъ, что Крыловъ даетъ дурной совѣтъ 2-му лицу.... и т. д.? Что это за внесеніе морали въ грамматическій разборъ? Что за дѣло — *дуренѣ*

или *хорошъ* совѣтъ Крылова, да и съ чего взять г. Богородицкій такой смыслъ: ты, братъ, плохо пьешь, *пей лучше?* Развѣ забылъ онъ сопоставленіе съ однимъ сказуемымъ другаго—*да дѣло разумнѣе?* Развѣ не видитъ онъ, что оно такъ и выходитъ: „ты, братъ, лучше дѣлай такъ: пей да разумнѣе дѣло“!? Развѣ, наконецъ, не чувствуетъ онъ, что искаженный смыслъ рѣчи какъ разъ есть слѣдствіе его искаженнаго разбора: *пей—лучше; пей—подлежащее, лучше—сказуемое!* Зачѣмъ же дѣлать подобные выводы на свою же голову?!

А формы *пей* и *разумнѣе*, какъ по формѣ, такъ и по смыслу, все-таки повелительныя наклоненія, а не какія-то общія личныя формы — ни мясо, ни рыба въ грамматическомъ отношеніи. Вспомнимъ хорошенько, по какому поводу сказаны были эти слова. Хозяинъ музыкантовъ увѣряетъ гостя, что пѣвчіе —

Хотя немножечко деруть,
За то ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ!

На это гость возражаетъ рѣшительнымъ совѣтомъ каждому музыканту:

По мнѣ ужъ лучше *пей, да дѣло разумнѣе!*

Ни одна форма въ языкѣ не можетъ ближе подойти къ смыслу рѣшительнаго совѣта, близкаго къ повелѣнію, какъ именно эта форма повелительнаго наклоненія — *пей, разумнѣе*. Что же касается до разбора самихъ формъ, то мы ужъ достаточно говорили о нихъ выше... Мы, съ своей стороны, предложили бы возраженіе противъ своего способа разбора — усиленіе. Примѣръ, взятый изъ Крылова, допускаетъ отчасти такой перифразъ: „*пить, да разумнѣе дѣло—лучше, чѣмъ не пить и не разумнѣе дѣла*“. Въ подобномъ перифразѣ дѣйствительно наша грамматика разбираетъ такъ: *пить, разумнѣе* — подлежащія въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія, потому что о нихъ говорится; *лучше* — сказуемое сокращенное и т. д. „Вотъ разборъ, могъ бы сказать г. Богородицкій, доказывающій мою правду, то-есть, что *пей, разумнѣе* — подлежащія, а не сказуемыя!“ И въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда, здѣсь есть какъ будто противорѣчіе, но только съ перваго взгляда. Этимологическая форма въ языкѣ есть дѣло первой важности, и нѣтъ ничего страннаго, что съ измѣненіемъ формы измѣняется и разборъ предложенія. Дѣйствительно, если мы ставимъ сужденіе *отвлеченно*, то обращаемъ глаголь изъ повелительнаго наклоненія въ неопредѣляемое, и тогда дѣлаемъ его *под*

лежащимъ; при этомъ выигрывается отвлеченіе и теряется жизненность рѣчи. Если же сужденіе для большей выразительности, какъ, напримѣръ, у Крылова, должно быть выражено нагляднѣе, рельефнѣе, то тотъ же глаголъ изъ неопредѣленнаго наклоненія переносится въ поведительное, и становясь сказуемымъ, занимаетъ уже не второе, а первое мѣсто по значенію въ предложеніи. Такъ разрѣшается и эта кажущаяся сбивчивость нашей грамматики.

Не знаемъ даже, нужно ли говорить еще о временахъ *настоящемъ* и *будущемъ*, послѣ всего того, что было сказано объ этимологической формѣ вообще и о наклоненіяхъ въ особенности? Что формы временъ въ нашемъ языкѣ принадлежать къ числу наименѣе развитыхъ, это вѣдъ всякаго спора; но что формы эти однако существуютъ, это доказываемъ мы 1) отдѣльно взятымъ значеніемъ всѣхъ подобныхъ формъ, какъ напримѣръ: *знаю, вижу, сижу, пишу, дѣлаю*; значеніе это, какъ извѣстно каждому Русскому (и г. Богородицкому въ томъ числѣ), состоитъ въ выраженіи настоящаго момента дѣйствія; и г. Богородицкій совершенно напрасно старается нашимъ объясненіемъ дать такой смыслъ, какъ будто именно въ окончаніяхъ *есть, етъ* и т. д. мы видимъ настоящій моментъ дѣйствія; не въ окончаніяхъ, а въ формѣ *зна-ю, зна-есть, зна-етъ* — видимъ и сознаемъ мы этотъ моментъ. 2) Тѣмъ,—что совпаденіе личныхъ окончаній съ временными, какъ и вообще совпаденіе звуковыхъ примѣтъ, есть фактъ, до такой степени *общій* большинству языковъ, что странно было бы упустить его изъ виду, имѣя поползновеніе составить грамматику на новыхъ началахъ. Совпаденіе это, кромѣ формъ настоящаго времени, существуетъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ: *добр-ая*, гдѣ *ая* есть столько же окончаніе рода, сколько и числа, и падежа; *сын-ъ*, гдѣ въ звукѣ *ъ* совпадаютъ тѣ же примѣты. Въ другихъ языкахъ: *ат-о, τόκτω, donne, mache* — въ звукахъ конечныхъ совпадаютъ примѣты наклоненія, времени, числа и лица. И еще вопросъ: такое совпаденіе звуковыхъ примѣтъ составляетъ ли этимологическій недостатокъ въ звуковой организаціи языка, и было ли бы лучше, если бы каждой формѣ соответствовалъ особый звукъ? Мы, по крайней мѣрѣ, того мнѣнія, что отъ совпаденія звуковъ выигрываетъ единство, цѣльность формы, вслѣдствіе чего этимологически соединяется въ одно недѣлимое цѣлое то, что и должно быть недѣлимо въ понятіи: наклоненіе, время, число, лицо — съ одной стороны; родъ, число, падежъ — съ другой. Если г. Богородицкому все-таки остается непонятнымъ, почему мы стоимъ за этимологическую форму *наклоненія*

или *времени*, такъ намъ придется въ свою очередь спросить его: почему не уничтожить онъ въ своей грамматикѣ формъ родовыхъ, числовыхъ и падежныхъ, такъ какъ формы эти также совпадаютъ? Мы думаемъ — потому что какъ бы звуки ни совпадали въ одной и той же формѣ, *грамматическій анализъ*, основанный съ одной стороны на общеобязательныхъ требованіяхъ общей грамматики, съ другой — на ясномъ пониманіи формъ собственнаго языка, требуетъ такого раздѣленія, — раздѣленія, по которому, на примѣръ, одинъ и тотъ же звукъ является, съ одной точки зрѣнія, представителемъ *рода*, съ другой — *числа*, съ третьей — *падежа*, *времени*, *лица*... и т. п.

Мы не столько разбирали возраженія и примѣры, приводимые г. Богородицкимъ въ послѣдней его статьѣ, сколько старались возможно полно выразить нашъ собственный взглядъ на *этимологію формы* вообще и въ частности. Думаемъ, что читатель найдетъ однако здѣсь все, что нужно, для распутыванія недоразумѣній г. Богородицкаго и для отвѣта на его возраженія. Но мы должны остановиться еще на одномъ изъ его примѣровъ, которымъ онъ силится уничтожить временныя формы въ русскомъ языкѣ; это именно на слѣдующихъ стихахъ изъ Пушкина:

Онъ знакъ подастъ, и всѣ хлопчутъ;
 (Онъ пьетъ, — всѣ пьютъ и всѣ кричатъ);
 Онъ засмѣется — всѣ хохочутъ;
 Нахмурить брови — всѣ молчатъ.

2-й стихъ почему-то былъ выпущенъ въ 1-й статьѣ г. Богородицкаго и восстановленъ во 2-й.

„Мы приведемъ изъ Пушкина одинъ изъ примѣровъ, говорить г. Богородицкій, имѣя въ виду показать отсутствіе временныхъ формъ въ русскомъ языкѣ и желая слышать объясненіе того явленія въ языкѣ, по которому дѣйствія будущія, которыхъ въ сущности еще нѣтъ, производятъ дѣйствія настоящія, которыя естественно представляются нашему сознанію, какъ уже совершаю-

1) Въ образованіи *будущ. ср.* во французск. языкѣ окончанія *rai, ras, ra*, (которыя г. Богородицкій, вѣроятно, считаетъ примѣтами времени, такъ какъ и мы) произошли изъ соединенія вспомогательнаго глагола съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ: *j'aime, j'ai aimé* — я имѣю любить (Маякъ Мюллеръ). А этотъ фактъ говорить въ пользу того, а) что тотъ же звукъ, который выражалъ въ одной комбинаціи неопредѣленное наклоненіе и настоящее (*er, ai*), въ другой сталъ выражать изъявительное наклоненіе и будущее время (*eraï*); б) что наши сложные времена, въ родѣ *далъ бы, писалъ* (есмы) — имѣютъ все право на названіе сложныхъ этимологическихъ формъ — сослагательнаго наклоненія и прошедшаго времени.

щіяся, — и получили для избавленія отъ недоразумѣній прописанный намъ такой грамматическій рецептъ: „дѣйствія быстрыя, мгновенныя предшествуютъ дѣйствіямъ болѣе продолжительнымъ“.

Нѣтъ, мы прописали г. Богородицкому пріемъ гораздо посильнѣе: мы прописали ему заглянуть въ Историческую Грамматику Буслаева и тамъ узрѣть къ своему назиданію, что формы *засмѣется*, *подастъ*, *нахмуритъ* и т. п. суть формы *настоящаго времени совершеннаго вида* (Опытъ Историч. Гр. Буслаева, часть 1-я, § 589), и въ такомъ значеніи 1) употребляются для выраженія дѣйствій быстрыхъ, мгновенныхъ, а 2) способствуютъ образованію будущаго простаго. Вотъ въ чемъ состоялъ нашъ рецептъ, по выраженію г. Богородицкаго. — *Repetatur!*

Вслѣдъ за приведеннымъ примѣромъ приводятся у г. Богородицкаго два другіе, которые между прочимъ должны будто бы доказать совершенную несостоятельность нашего положенія о томъ, что дѣйствія *быстрыя* предшествуютъ *продолжительнымъ*, что наше будущее простое есть не чтò иное, какъ настоящее время совершеннаго вида. Вотъ примѣры:

Плутовка надъ рыбакомъ *смѣется*,
Сорветъ приманку, *увернется*. (Крыловъ).
 За мышью *крадется* съ лежанки,
 Украдкой медленно *идетъ*,
 Полузажмурясь *подступаетъ*,
Свернется въ комъ, хвостомъ *играетъ*.
Разинетъ когти хитрыхъ лапъ
 И вдругъ бѣдняжку *цапъ-царапъ!* (Пушкинъ).

Если примѣры эти, по мнѣнію г. Богородицкаго, должны служить доказательствомъ употребленія дѣйствій быстрыхъ *послѣ* продолжительныхъ: а) *крадется*, *идетъ*... б) *свернется*, *разинетъ*, то мы и не думали быть противъ этого. Мы говорили, что дѣйствія быстрыя предшествуютъ продолжительнымъ, — для того только, чтобы распутать то странное недоразумѣніе, по которому вышло будто бы, что *будущее* появляется прежде *настоящаго*, въ примѣрѣ: „Онъ знакъ подастъ, и всѣ хлопчутъ“... Мы и объяснили, что тутъ не будущее прежде *настоящаго*, а быстрое дѣйствіе прежде продолжительнаго.

Если же примѣры эти также должны говорить противъ извѣстной грамматической истины, что будущее простое есть этимологически форма *настоящаго времени* въ совершенномъ видѣ, то примѣры эти, воля ваша, какъ разъ говорятъ въ нашу пользу! Не ясно ли до очевидности, что сопоставленіе у Крылова и Пушкина такихъ формъ,

какъ *смыется, сорветъ, увернется*, — или: *крадется, идетъ, подступастъ, свернется, разинетъ*... именно говоритъ за то, что формы эти суть формы *настоящаго времени*, одни — въ несовершенномъ, другія — въ совершенномъ видѣ. По крайней мѣрѣ это очевидно изъ самаго значенія приведенныхъ мѣстъ, — изъ того, что Крыловъ и Пушкинъ желали представить всѣ эти дѣйствія совершающимися, медленно или быстро, передъ глазами читателя. Что же касается вопроса, задаваемаго г. Богородицкимъ, — какимъ образомъ настоящее время въ совершенномъ видѣ замѣняетъ мѣсто будущаго, то этотъ вопросъ, если не ошибаемся, рѣшенъ нами такъ, что въ состояніи отчасти удовлетворить спрашивающаго; мы говорили, что формы *дамъ, сдѣлаю*, этимологически — формы настоящаго времени совершеннаго вида, употребляемыя вмѣсто будущаго, за неимѣніемъ у насъ особой формы (простой) для послѣдняго. Итакъ, *настоящее время совершеннаго вида* — этимологія формы; *будущее простое* — ея синтаксисъ.

Нелогично, скажетъ на это, можетъ-быть, г. Богородицкій? Чтò дѣлать?—отвѣтимъ мы; таковъ фактъ. Кстати о своеобразной логикѣ языка, относительно которой нашъ авторъ также сильно сомнѣвается. Логикой, сколько намъ извѣстно, называется наука о законахъ нашего мышленія, и мы считали истиною, — давно уже извѣстною и г. Богородицкому, — то, что *языкъ возникаетъ и развивается въ духъ народа не по тѣмъ законамъ, по которымъ развивается его мышленіе*. Если же оказалось нужнымъ объяснить и доказать эту своеобразную, отличительную логику языка, какъ мы выразились, то пусть будетъ такъ.

1) Чтò въ логикѣ—*опредѣленіе*, то въ языкѣ—*названіе*. Логика требуетъ, чтобы въ опредѣленіе предмета входили всѣ существенно отличительныя его свойства. Языкъ этого не требуетъ: онъ называетъ предметы по тому первому впечатлѣнію, какое производятъ они на человѣка. Поэтому онъ не затрудняется, напримѣръ, назвать ножку у стола—*ножкой*, ручку у кресла—*ручкой*, по тому мимолетному, первому впечатлѣнію сходства, какое произвели они на человѣка. Однако безспорно, что между *рукою* человѣка и *ручкой* кресла такъ много разницы, что въ логическомъ отношеніи такіе разнородные предметы даже не *сравниваются*.

2) Логика требуетъ, чтобы предмету приписывать свойства или дѣйствія, только свойственныя его природѣ, его существу. Языкъ этого не требуетъ. Мышленіе наше, изучая и сравнивая предметы,

раздѣляетъ ихъ, на примѣръ, на одушевленные и неодушевленные; для языка нѣтъ этого раздѣленія: у него всѣ предметы одушевленные — мужскаго или женскаго рода. Даже такъ-называемый *средній родъ* — непонятенъ простому народу, который поэтому, говоря, на примѣръ, о полотенцѣ, объ окнѣ, употребляетъ мѣстоименіе *она*... Далѣе, вопросъ о *родѣ*, на примѣръ, *стола* или *печки* есть нелѣпность въ логическомъ отношеніи, ибо вопросъ о родѣ связывается съ вопросомъ о полѣ: языкъ напротивъ не затрудняется приписать *столу* мужской, а *печку* — женскій родъ.

3) Въ логическомъ отношеніи дѣйствіе безъ причины, безъ дѣйствителя, есть невозможность; для языка такая *безличность* не только возможна, но даже составляетъ одну изъ его любимѣйшихъ формъ (именно въ русскомъ языкѣ): *свѣтаетъ, смеркается, хочется, не здоровится* и т. п.

4) Въ логическомъ отношеніи употребленіе *настоящаго* въ смыслѣ *будущаго* есть, по крайней мѣрѣ, *странность* въ глазахъ г. Богородицкаго; а въ языкѣ это дѣло очень возможное: *дамъ, сдѣлаю, скажу* и т. д. Еще нелогичнѣе то, что рядомъ съ такими формами допускаются въ языкѣ формы *сбываю, считаю, спускаю, скидаю, смыслю* — въ значеніи *настоящихъ*, какъ совершенно справедливо замѣтилъ и самъ г. Богородицкій въ послѣдней своей статьѣ. Но, принуждены мы замѣтить въ заключеніе нашихъ доказательствъ, логика языка руководится не тѣми законами, которыми руководится логика нашихъ понятій...

Много бы можно было привести другихъ фактовъ логики и языка — въ подтвержденіе нашей мысли; но мы считаемъ достаточнымъ на этотъ разъ приведенныхъ нами доказательствъ, — и переходимъ къ другимъ вопросамъ...

Въ нѣсколькихъ только словахъ коснемся терминологіи, на которую нападаетъ г. Богородицкій въ разныхъ отношеніяхъ. Нашъ отвѣтъ въ этомъ случаѣ будетъ короткій: не вдаваясь снова въ разборъ грамматическихъ терминовъ, не разрѣшая вопроса, годятся ли они въ настоящее время или устарѣли, соотвѣтствуютъ ли они выражаемому ими понятію или нѣтъ (объ этомъ довольно говорено было нами въ предыдущей статьѣ), укажемъ на этотъ разъ на важное значеніе установившейся терминологіи въ *педагогическомъ* отношеніи: объ-руку съ русскою грамматикой ученики наши проходятъ и грамматику иностранныхъ языковъ, встрѣчаясь поминутно съ терминами *Indicatif, Subjonctif, Impératif, Actif, Passif, Infinitif*, что будутъ

они дѣлать, когда преподаватель не только обзоветъ эти термины устарѣвшими, но и выкинетъ ихъ вовсе изъ грамматическаго курса. тогда какъ грамматическое изученіе роднаго языка, думаемъ мы, должно составлять основу всякой другой грамматики?

Не можемъ не припомнить при этомъ, какъ г. Богородицкій возразилъ на замѣчаніе наше относительно многихъ неудобствъ, при измѣненіи вѣковой терминологіи: „Когда Петръ I велѣлъ изображать не только *у* какъ *в*, а почти все начертаніе славянскихъ буквъ изображать начертаніемъ латинскихъ, то изъ этого не вышло ровно ничего дурнаго, суматохи никакой не послѣдовало“. Ужъ нечего и говорить о томъ, что сравненіе преобразованій Петра Великаго съ преобразованіями, имѣющими совершиться на грамматической почвѣ — дѣло очень смѣлое; но почему думаетъ г. Богородицкій, что *суматоха* тогда *никакой не послѣдовало*? Мы, напротивъ, убѣждены, что, какъ тогда, такъ и теперь *суматоха воспослѣдуетъ*, и большая, — притомъ суматоха бесполезная въ научномъ, и вредная въ педагогическомъ отношеніи.

Здѣсь кончаемъ мы по поводу терминологіи. Но, разставаясь съ почтеннымъ составителемъ новой грамматики, мы желали бы слышать отъ него объясненіе одного обстоятельства, котораго онъ не коснулся въ послѣдней своей статьѣ: какимъ образомъ объяснить онъ *отсутствіе* той связи русскаго языка со славянскимъ, которое замѣчается вообще и въ его статьяхъ, и въ его грамматикѣ? А отсутствіе связи этой въ высшей степени замѣчательно: въ самомъ дѣлѣ, признай г. Богородицкій эту органическую, историческую связь того и другаго языка, онъ необходимо долженъ бы былъ признать и ихъ внутреннее, органическое родство; признай онъ это родство, онъ долженъ бы былъ заключить и о томъ, что формы *наклоненій* и *временъ*, по аналогіи съ славянскимъ, свойственны духу нашего языка; что *есть* и *быть* — одинъ и тотъ же глаголь, и притомъ 1-й въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени, а 2-й въ неопредѣленномъ наклоненіи, — а это, другими словами, значило бы *отказаться* отъ главной своей мысли.

Съ другой стороны, связь нашего языка съ славянскимъ, по которой этимологія послѣдняго, какъ основа, должна входить и дѣйствительно входить въ этимологію отечественнаго языка, связь эта говоримъ мы, до такой степени сознается большинствомъ какъ спеціалистовъ, такъ и всѣхъ, занимающихся дѣломъ преподаванія, что защищать и распространять ее — мы считаемъ дѣломъ излишнимъ.

Въ заключеніе должны мы прибавить нѣсколько словъ въ объясненіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникшихъ у г. Богородицкаго на счетъ *точности* и способа *объясненій* его выраженій, цитируемыхъ въ нашей статьѣ.

1) Мы сказали, что г. Богородицкій называлъ форму на *тѣ* *безличною*. Въ послѣдней статьѣ онъ говоритъ, что не называлъ ее собственно *безличною*, а выразился о ней слѣдующимъ образомъ: „форма *тѣ* не можетъ быть названа личною“, а въ другомъ мѣстѣ, что — „формою *тѣ* не обозначается *никакого лица*“. Въ оправданіе свое мы можемъ сказать только одно: если, напримѣръ, въ предложеніи не обозначается лица, то его принято называть *безличнымъ*; на этомъ основаніи и мы позволили себѣ такъ понять слова г. Богородицкаго о формѣ *тѣ*. Если онъ хотѣлъ сказать этимъ что-нибудь другое, то виноваты....

2) Въ другомъ мѣстѣ, приводя выраженія г. Богородицкаго о томъ, какъ *понялъ дѣйствіе русскій языкъ*, мы передали его такъ: „Русскій языкъ понялъ дѣйствіе не отвлеченно, а прямо выхватилъ его изъ среды дѣйствительной жизни со всею непосредственностію его реального проявленія, *не обращая вниманія на то, какъ оно проявляется*“. Между тѣмъ въ статьѣ г. Богородицкаго было сказано такъ: „не обращая вниманія на то, *когда и при какихъ условіяхъ* оно проявляется, но слѣдя зорко за тѣмъ, какъ оно проявляется“.

Съ величайшею готовностію мы подтверждаемъ эти слова г. Богородицкаго. Не понимаемъ одного только: какъ могъ случиться подобный пропускъ въ нашей статьѣ, тѣмъ болѣе, что въ черновой нашей рукописи это выраженіе г. Богородицкаго приведено со всею надлежащею полнотою и даже безъ словосокращеній ¹⁾. А что въ этомъ промахѣ дурнаго умысла не было, слѣдуетъ изъ того, что, возстановляя текстъ г. Богородицкаго во всей его полнотѣ, мы все-таки убѣждены, что *дурную услугу* оказалъ онъ русскому глаголу, похваливъ его публично такимъ образомъ: *неужели время дѣйствія и условія*, при которыхъ оно совершается, вещь второстепенная, и неужели какой бы то ни было языкъ можетъ не обратить на это вниманія? Вѣдь это, другими словами, значить: русскому языку все

¹⁾ По справкѣ съ сохранившеюся еще въ редакціи рукописью первой статьи г. Завьялова, оказалось, что то мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь, было напечатано въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* точь въ точь такъ, какъ оно было приведено въ сѣмой рукописи г. Завьялова. *Ред.*

равно, было ли дѣйствіе, будетъ ли оно, теперь ли оно совершается?! *Дѣйствительно* ли это совершеніе, или только предполагается?! Если это объясненіе наше вѣрно, то въ самомъ дѣлѣ русскому языку —

„Не поздоровится отъ этихъ похвалъ!“

Что же въ такомъ случаѣ значить *реальное проявленіе* у г. Богородицаго? Развѣ *время* и *условія* не составляютъ реальной принадлежности дѣйствія? Далѣе, выраженіе — „слѣдя зорко за тѣмъ, какъ дѣйствіе проявляется“ — и вовсе туманно: въ словѣ *какъ* смыслъ чрезвычайно эластиченъ; понятъ его можно, какъ угодно. Мы, напримеръ, понимаемъ его не иначе, какъ: *слѣдя зорко за временемъ и условіями совершенія дѣйствія*. Если же г. Богородицкій желалъ сказать, что „русскій глаголь относительно своихъ формъ развивался совершенно не такъ, какъ глаголы языковъ иностранныхъ“ (какъ онъ и дѣйствительно выразился въ своей второй статьѣ), то пусть бы и тогда говорилъ проще, не прибѣгая къ тѣмъ патріотическимъ отзвѣмамъ о русскомъ глаголѣ, въ которыхъ онъ не нуждается. Наконецъ, заключительныя слова г. Богородицаго: „Нашъ отечественный языкъ имѣетъ право на вниманіе науки въ смыслѣ болѣе строгомъ, нежели какой заключаетъ въ себѣ „Замѣтка...“ — слова эти *обоюдострыя* и поэтому къ дѣлу нейдутъ.

Въ заключеніе приходится намъ снова высказать со всею откровенностью, что мы увѣрены въ томъ искреннемъ желаніи пользы, какою имѣлъ въ виду г. Богородицкій при составленіи грамматики; но *идея этимологической формы понята имъ слишкомъ узко*, и этимологическій составъ языка принесенъ въ жертву синтаксическимъ и логическимъ соображеніямъ.

Н. Завьяловъ.

Москва. 18-го декабря 1868 года.

Греческая грамматика для учениковъ 3-го класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. 8°. 180 стр. Москва. 1868 г.

Грамматика Кюнера, о 3-мъ изданіи которой мы имѣли случай говорить довольно подробно (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867 г. мартъ), введена министерствомъ въ наши гимназій за *неимѣніемъ лучшей*. Дѣйствительно, не смотря на многіе свои недостатки, она, при настоящей бѣдности нашей учебной литературы, особенно по древнимъ

языкамъ, есть все-таки лучшее руководство, потому что болѣе другихъ удовлетворяетъ педагогическимъ потребностямъ. Но тѣмъ не менѣе новый лучшій учебникъ греческаго языка былъ бы въ высшей степени желателенъ. Понятно поэтому, съ какимъ интересомъ встрѣтили мы Греческую Грамматику Лицея Цесаревича Николая. Хотя почтенные основатели лицея и не выставили своихъ именъ на этой книгѣ, но нельзя предположить, чтобъ оба они или одинъ изъ нихъ не принимали живаго участія въ составленіи этого учебника, и чтобы воззрѣнія автора этой грамматики расходились существенно съ ихъ собственными воззрѣніями на преподаваніе греческаго языка. Поэтому казалось бы, что эта грамматика должна удовлетворить окончательно всѣхъ друзей классическаго образованія и сдѣлать ненужными новыя изданія грамматики Кюнеровой, а равно неудачныя компіляціи этой послѣдней (въ родѣ грамматики г. Кремера) и новыя переводы грамматики Курціуса (въ родѣ перевода г. Кремера, который потратилъ силы и время на переводъ грамматики, уже переведенной г. Милонидовымъ).

На сколько учебникъ Лицея Цесаревича Николая удовлетворилъ ожиданіямъ нашимъ, а равно и другихъ преподавателей древнихъ языковъ и вообще друзей классическаго образованія въ нашемъ отечествѣ, окажется изъ настоящаго разбора.

Главное преимущество классическихъ языковъ, какъ образовательнаго предмета, состоитъ въ томъ, что изученіе ихъ, развивая совокупно всѣ духовныя способности изучающаго, требуетъ отъ него притомъ самостоятельнаго, послѣдовательнаго и напряженнаго умственнаго труда. *Мыслить и трудиться* — вотъ девизъ для успѣшнаго изученія классическихъ языковъ. Поэтому учебникъ древняго языка долженъ быть такъ расположенъ, чтобы, независимо отъ ясности, надлежащей полноты и правильности изложенія, онъ оставлялъ обширное поле для самостоятельнаго умственнаго труда. Памяти во всякомъ случаѣ будетъ не мало работы при изученіи греческаго языка (какъ, на примѣръ, при изученіи словъ и парадигмъ). Но все лишнее, все утруждающее только память, вредно. Кромѣ того надлежитъ имѣть въ виду, что занятія классическими языками имѣютъ совершенно другой характеръ чѣмъ занятія новыми языками. Новыя языки должно изучать *только практически*, тогда какъ древніе языки, имѣющіе стройную грамматику, полную смысла конструкцію, должны быть изучаемы главнымъ образомъ *теоретически* въ строгой, опредѣленной системѣ, съ соблюденіемъ вполне правильной градаціи занятій,

безъ излишнихъ перерывовъ, излишнихъ натяжекъ и какихъ-либо уступокъ одолѣвающей наше общество *практичности* направленія. Если и возможно научиться новому языку въ 24 урока, или читать вполне хорошо нѣмецкую или французскую книгу, не зная вполне грамматики этихъ языковъ, то это невозможно въ языкахъ древнихъ, и во всякомъ случаѣ была бы бесполезна попытка приравнивать преподаваніе языковъ древнихъ къ преподаванію языковъ новѣйшихъ.

Какъ же долженъ быть составленъ *учебникъ греческаго языка*?

Составитель лицейской грамматики имѣлъ два педагогическія соображенія при составленіи грамматики: 1) чтобъ это было краткое руководство, которое можно было бы проходить и повторять безъ пропусковъ и по порядку, и 2) чтобъ это первоначальное грамматическое руководство было такъ устроено, чтобъ ученикъ переходилъ отъ него прямо къ чтенію Ксенофонта, такъ какъ *только при этомъ условіи* (?) кругъ избранныхъ греческихъ писателей, по мнѣнію автора, можно прочесть во время гимназическаго курса.

Отсюда выходитъ, что такъ какъ на заглавіи учебника стоитъ: „для учениковъ 3-го класса“, то составитель имѣетъ въ виду, что съ 4-го класса должно переводить Ксенофонта, „къ чтенію котораго ученики могутъ прямо приступить пройдя сію грамматику, а пространная (то-есть, болѣе пространная?) грамматика нужна не ранѣе какъ при переходѣ къ чтенію Гомера“ (см. Послѣсловіе).

Таковъ планъ составителя разсматриваемой грамматики. Какія же познанія долженъ имѣть ученикъ, приступающій къ чтенію Ксенофонта?

Для того, чтобы чтеніе Ксенофонта было не машинальное, не однимъ средствомъ для повторенія грамматики или для поверхностнаго *знакомства* (*ужасное* слово въ педагогическомъ мірѣ!) съ этимъ авторомъ, ученикъ долженъ, по нашему мнѣнію, 1) знать всѣ важнѣйшія этимологическія правила и сознательно владѣть этимологическими формами и оборотами, 2) имѣть достаточный запасъ словъ и корней и 3) сознательно уже усвоить себя всѣ главные синтаксическія правила ¹⁾.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ, возможно ли этого достигнуть *въ одинъ годъ*, мы обращаемся къ вопросу, на сколько удовлетворяетъ этимъ *необходимымъ* требованіямъ разбираемый нами учебникъ. Къ крайнему удивленію мы не находимъ въ учебникѣ ни одного

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ мы имѣли уже случай говорить въ статьѣ объ учебникѣ Кюнера—*Журн. Мин. Народн. Просв.* 1867 года, мартъ.

синтаксического правила. Спрашивается: какъ же ученикъ можетъ приступить къ переводу Ксенофонта, не зная основаній греческаго синтаксиса? Вотъ какъ отвѣчаетъ на это составитель грамматики: „Вокабулы и задачи (для перевода съ греческаго на русскій) подобраны такъ, чтобы заранѣе ознакомить ученика съ большею частію словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ Анабасисѣ Ксенофонта“. Въ этихъ словахъ мы видимъ ключъ къ разгадкѣ многаго.

Мысль эта далеко не новая и не оригинальная. Она заимствована у Остерманна; у него же, какъ о томъ говоритъ составитель грамматики, заимствованы и тѣ задачи, которыя назначены для разбора и которыя собственно должны готовить ученика къ чтенію Ксенофонта. Сочиненіе Остерманна у насъ передъ глазами (*Uebungsbuch zum Uebersetzen aus dem Griechischen in's Deutsche und aus dem Deutschen in's Griechische im Anschluss an ein grammatisch geordnetes Vocabularium und einen kurzen Abriss der griechischen Formenlehre für Anfänger (Quarta), bearbeitet von Dr. Christian Ostermann, Cassel, 1866*).

Оно раздѣляется на три части:

1) *Vocabularium*. Въ этомъ маленькомъ словарѣ слова расположены грамматически, то-есть, по частямъ рѣчи, и заимствованы изъ Ксенофонта Анабасиса, сочиненія, читаемаго въ нѣмецкихъ гимназіяхъ въ *tertia* (то-есть, во 2-й годъ изученія греческаго языка), — всего около 900 словъ. Въ лицейской грамматикѣ есть тоже подобный вокабулярій, но онъ расположенъ нѣсколько иначе; а именно: онъ не составляетъ отдѣльной части учебника, а слова расположены по мѣрѣ прохожденія курса, то-есть, послѣ 1-го склоненія — слова 1-го склоненія, послѣ 2-го — слова 2-го и т. д.; но эти слова заимствованы не изъ Ксенофонта исключительно; но подобраны безъ особой системы, для заучиванія ихъ наизусть, для склоненія или спряженія ихъ по образцамъ, а также для перевода маленькихъ фразъ съ греческаго на русскій, заимствованныхъ преимущественно изъ хрестоматіи Якобса. Для доказательства, что слова этого вокабулярія набраны не исключительно изъ Ксенофонта, мы возьмемъ на удачу слова 2-го склоненія, гдѣ изъ 56 словъ мы сразу нашли болѣе 10-ти, не упомянутыхъ даже въ специальномъ словарѣ для Ксенофонта *Lexicon Xenophonticum, Sturzian. Lipsiae MCCCXI*, напримѣръ, слова τὸ κρανίον, τὸ μῆλον, ἡ διάμετρος, ὁ χυός — и т. д. Мы не стали бы и говорить объ этомъ, если бы видѣли какой-нибудь смыслъ въ приведеніи этихъ словъ, если бы, напримѣръ, сейчасъ же послѣ приведенія

этихъ словъ даны были фразы для упражненія, гдѣ встрѣтились бы всѣ эти слова; но такихъ фразъ близко нѣтъ: приводятся онѣ гораздо позже и требуютъ запаса новыхъ словъ.... Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы всегда отдаемъ учебнику Кюнера большое преимущество передъ другими; его система словъ и переводовъ на долго останется образцовою и на долго будетъ самою завлекательною стороною учебника, въ другихъ отношеніяхъ неудовлетворительнаго. Нѣтъ сомнѣній, что слова учить наизусть необходимо, чтобы составился въ головѣ запасъ словъ и корней; выбирать эти слова спеціально изъ одного писателя въ практическомъ отношеніи весьма полезно, что и сдѣлано у Остерманна, но гораздо полезнѣе брать слова общеупотребительныя, заучивать наизусть и тотчасъ же варіировать ихъ въ фразахъ для переводовъ съ русскаго на греческій и съ греческаго на русскій, что и сдѣлано у Кюнера. Въ разбираемой нами грамматикѣ нѣтъ послѣдовательности ни въ томъ, ни въ другомъ приѣмѣ. Мы и въ этомъ отдѣлѣ (какъ докажемъ и во многихъ другихъ) видимъ только обремененіе памяти учащагося....

2) Вторую часть Остерманновой книги составляетъ краткая греческая этимологія (Fogmenlehre), составленная довольно хорошо, за исключеніемъ статьи о глаголѣ. Главный недостатокъ этой послѣдней статьи состоитъ въ томъ, что въ ней ничего нѣтъ о производствѣ временъ глаголовъ чистыхъ, такъ что предложенные образчики спряженія глаголовъ должны служить единственнымъ руководствомъ.

3) Третью и самую лучшую часть учебника Остерманна составляютъ темы для переводовъ съ греческаго на нѣмецкій и съ нѣмецкаго на греческій, систематически составленныя для совмѣстнаго прохожденія съ правилами грамматики. Эти темы распадаются на 2 части: въ 1-й простыя и болѣе сложныя фразы для утвержденія учащихся въ правилахъ грамматики, во 2-й — связные разказы, подводящіе ученика къ чтенію Ксенофонта.

4) Въ концѣ Остерманновой книги помѣщенъ алфавитный указатель словъ греческихъ и нѣмецкихъ. Мы привели содержаніе учебника Остерманна для того, чтобы показать, на сколько составитель лицейской грамматики слѣдовалъ авторитету нѣмецкаго учебника, принятаго имъ за образецъ. Сравнивъ тотъ и другой, мы видимъ, что гораздо больше пользы принесъ бы составитель, если бы просто перевелъ учебникъ Остерманна на русскій языкъ. Мы имѣли бы тогда хорошій (хотя и краткій) курсъ этимологіи, прекрасно составленныя темы для перевода и словарикъ, приготовляющій къ чтенію Ксено-

фонта. Теперь же мы имѣемъ книжечку, составитель которой слѣдовалъ прекрасному авторитету, но пропустилъ главное и тѣмъ сдѣлалъ свой учебникъ непригоднымъ для изученія вообще, а для изученія въ 3-мъ классѣ нашихъ гимназій въ особенности: то и другое мы постараемся доказать.

Для доказательства прослѣдимъ грамматику съ начала до конца и посмотримъ, *на сколько она способствуетъ развитію ученика, на сколько приурочена къ усвоенію имъ законовъ и формъ языка, а также на сколько prepares его къ чтенію писателей?*

Послѣ перечисленія буквъ (§ 1) и указанія ихъ произношенія (§§ 1 и 2) слѣдуетъ статья о раздѣленіи буквъ (§ 3). Здѣсь раздѣленіе нѣмыхъ согласныхъ указано не въ таблицѣ, какъ это принято у Крюгера, Кюнера, Бюрнуфа и др., но просто перечисляются всѣ отдѣлы. Практика убѣдила насъ, что введеніе табличекъ, особенно при изученіи языковъ древнихъ, значительно помогаетъ заучиванію многихъ трудныхъ отдѣловъ грамматики. Въмѣсто того, чтобы заставлять ученика заучивать, что нѣмыя буквы дѣлятся такъ-то, а потомъ еще такъ-то, не лучше ли все это (благо есть возможность) представить хотя въ слѣдующей таблицѣ:

	TENUES.	MEDIE.	ASPIRATE.	ОБЩІЙ ЗВУКЪ.	СОСТАВЛЕНІЕ СЛОЖНЫХЪ СОГЛАСНЫХЪ.
Губныя . . .	π	β	φ	π	+ σ = ψ
Гортанныя . .	κ	γ	χ	κ	+ σ = ξ
Язычныя . . .	τ	δ	θ	τ	δ + σ = ζ

Въ статьѣ о раздѣленіи словъ на склоненія (§ 11) сказано: „Неравносложныя же *нарастаютъ* въ склоненіи“; слово *нарастаютъ* рѣшительно сбивчиво для учениковъ и носить на себѣ признакъ вліянія нѣмецкой грамматики. Не лучше ли сказать просто: имѣютъ въ косвенныхъ падежахъ болѣе слоговъ, чѣмъ въ именительномъ? Прилагательныя женскаго рода, кончащіяся на η или α, *слѣдуютъ* первому скл., вмѣсто: *склоняются* по 1-му склон. Замѣчаемъ объ этихъ повидимому мелочахъ, потому что чистота и ясность языка въ учебникахъ, особенно краткихъ, есть первое условіе, и еще потому что на практикѣ знаемъ, какъ несовмѣстны съ пониманіемъ русскаго мальчика грамматическія опредѣленія *слѣдовать*, *нарастать* и т. п.

Послѣ склоненія члена (§ 12) слѣдуетъ статья о 1-мъ склоненіи. Даны и распредѣлены по родамъ окончанія им. пад., и объяснено объ *alpha primum*. Затѣмъ прямо образчики склоненія. Приемъ вполнѣ неправильный. По нашему мнѣнію, всякому склоненію должна предше-

ствовать табличка окончаній, чтобъ ученикъ, зная правила, по которымъ ему нужно склонять заданное слово, образовывалъ формы посредствомъ присоединенія къ основѣ окончаній падежей, а не по аналогіи съ даннымъ образцомъ. Старинная метода заучиванія парадигмъ и измѣненія флексій по воспоминаніямъ словъ, нѣкогда задолбленныхъ, давала и даетъ еще иногда и теперь печальные результаты: оттого-то ученикъ, бывало, начиная склонять или спрягать, *гадаетъ* о каждой формѣ и склоняетъ: miles, G. — *milis* (послѣ движенія головы учителя — *militis*); D. — *mili* (ахъ, нѣтъ, то-есть — *militi*); Voc. — *milites* (вм. miles); Ablat. — *mile*, (вм. *milite*). И не понимаетъ бѣдный мальчуганъ, какъ же это? Вѣдь — *avis*, род. — *avis*, дат. — *avi* и т. д. Такъ и въ спряженіи говоритъ *vituper* вм. *vituperer*, *vitupabar* вм. *vituperabar* тотъ, кого учили всѣ глаголы спрягать по казеннымъ образцамъ. Такъ можно изучать языки новые, но отнюдь не древніе, главною цѣлью изученія которыхъ должно быть развитіе головы путемъ разсужденія, а не сбиваніе съ толку путемъ сбивчивой аналогіи. Но обращаемся къ ученику, приступившему къ изученію 1-го склоненія по лицейской грамматикѣ: $\tau\iota\mu\acute{\eta}$, $\tau\iota\mu\eta\varsigma$ (почему же удареніе перемѣнилось?), $\tau\iota\mu\grave{\eta}$, $\tau\iota\mu\grave{\eta}$ (опять прежнее удареніе?); $\mu\omicron\beta\sigma\alpha$, $\mu\omicron\beta\sigma\tau\varsigma$ и т. д. Вотъ уже ученикъ въ большомъ недоумѣннн относительно перемѣны удареній и разрѣшить его не можетъ своими силами. Но, быть можетъ, — возразятъ намъ, — составитель грамматикен не имѣлъ вовсе въ виду объяснять ударенія, находя ихъ излишними для пониманія Ксенофонта. Едва-ли это можетъ послужить къ оправданію автора, ибо статья объ удареніяхъ весьма важна въ греческомъ языкѣ, и прохожденіе ея полезно для развитія соображенія учащихся, которыхъ вообще не слѣдуетъ ставить въ тупикъ, какъ бы говоря имъ: „такъ, братъ, надо, — не разсуждай!“ Да и самъ составитель нашелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ удареніяхъ, хотя и значительно позже (въ статьѣ о прилагательныхъ § 18, стр. 32), но сказалъ такъ мало, что переходъ удареній остается все-таки необъясненнымъ, и то, что онъ сказалъ, нельзя примѣнить къ 1-му склоненію, потому что онъ предписалъ учителю проходить руководство по порядку, слѣдовательно, не нашелъ нужнымъ, чтобъ ученики, изучающіе 1-е склоненіе, знали, что острое удареніе можетъ стоять на 3-мъ слогѣ отъ конца, а обличенное на 2-мъ, только при условіи краткости послѣдняго слога, и этимъ могли бы объяснить себѣ, почему $\mu\omicron\beta\sigma\alpha$ въ род. пад. не $\mu\omicron\beta\sigma\tau\varsigma$, а $\mu\omicron\beta\sigma\tau\varsigma$?

Приведа слово $\chi\rho\iota\tau\eta\varsigma$, какъ образецъ для склоненія словъ на η ,

составитель замѣчаетъ потомъ, что *нѣкоторыя имена мужескаго рода на ης имѣютъ зват. пад. на η*. Извѣстно, что это правило можно формулировать точнѣе: слова на ης имѣютъ зват. на η; слова на της — α. Этимъ устранится сбивчивость понятій и предоставится учащемуся поводъ лишній разъ подумать.

Послѣ образцовъ даны слова для ученія наизусть и для склоненія по приведеннымъ образцамъ. Мы уже говорили, что учить слова наизусть безъ примѣненія ихъ къ переводамъ бесполезно и даже вредно (никто словаря наизусть не заучиваетъ).

Что же касается до склоненій по приведеннымъ образцамъ, то опять неудобство. Задастся, положимъ, ученику слово ἡ γυνή: образчикомъ на η представлено только τῆ. Вотъ ученикъ и будетъ склонять: γυνή, γυνῆς, γυναικῆ, γυναικῆν и т. д. Κλέπτῃς, κλεπτοῦ и т. д. Какъ его остановить? „Нѣтъ не такъ, вотъ какъ надо!“ „А почему?“ — Не разсуждать, а то на будущій годъ Ксенофонта переводить не будешь!

Статья о 2-мъ склоненіи (§ 14) составлена точно также, какъ и статья о 1-мъ склоненіи, то-есть, распредѣленіе окончаній им. пад., образцы склоненій и слова; нѣтъ таблицы окончаній, нѣтъ правилъ объ удареніяхъ и нѣтъ темъ для переводовъ. Статья о 3-мъ склоненіи (§ 15) имѣетъ слѣдующія особенности:

1) Есть таблица окончаній.

2) Слова 3-го склоненія указаны ранѣе образцовъ и распредѣлены по характерамъ основъ: ученику предоставлено заучить всѣ или по нѣсколькимъ словъ каждаго отдѣла, но всѣ эти отдѣлы не представлены въ системѣ, тогда какъ для этого есть возможность.

3) При нѣкоторыхъ отдѣлахъ образцовъ есть краткія (но не существенныя) правила. Между прочимъ дано правило, что односложныя слова въ *Gen.* и *Dat.* всѣхъ чиселъ принимаютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ и указаны исключенія (θῶς, παῖς, οὖς). Какой смыслъ имѣетъ это правило для учениковъ, ничего еще не учившихъ о размѣщеніи удареній? Почему бы не досказать этого правила, то-есть, не прибавить, что на слогѣ долгомъ ставится обложенное, а на короткомъ острое удареніе?—Положимъ, ученику дадутъ склонять—θήρ. Онъ скажетъ и напишетъ *Gen.* θηρός, *Dat.* θηρί, но *Accus.*—онъ не знаетъ θηρά или θήρα или θήρα, потому что не слыхалъ еще ничего о *главномъ правилѣ относительно ударенія*, а также о *правилѣ относительно перехода удареній въ отдѣльныхъ формахъ*. Далѣе, что ни падежъ, то задержка: напр. *Dualis Gen.* и *Dat* θηροῦν (а почему

не θηροίν) и т. д. Намъ могутъ возразить: „Это мелочи, пусть бы склонили вѣрно, а это все равно“. Но мы не согласимся низвести преподаваніе греческаго языка на степень преподаванія французскаго или англійскаго, гдѣ дѣйствительно главная цѣль — практическая; мы упорно стремимся видѣть въ изученіи древняго языка могучее образовательное средство, а мыслимо ли оно на почвѣ шаткой, при грамматикѣ, приносящей развитіе ученика въ жертву одолѣвшей насъ практичности?

Въ § 17 мы находимъ *выводы*. Но и тутъ далеко не все, что необходимо для яснаго разумѣнія системы 3-го склоненія; есть работа для памяти, нѣтъ работы для мысли. Сперва идетъ указаніе, на что ованчивается им. пад. при данномъ родительномъ; за симъ — правила для им. пад. ед. ч., для винит. ед. и для зват. ед.

Болѣе о 3-мъ склоненіи — ничего.

Статья о *прилагательныхъ именахъ* (§ 18) изложена очень хорошо.

Объ измѣненіи прилагательныхъ сказано слѣдующее:

„Прилагательное измѣняется трояко:

A. по роду существительнаго, съ которымъ оно соединено,

B. по степенямъ сравненія и

C. по падежамъ и числамъ (склоненіе)“.

Это весьма простое и правильное раздѣленіе чуть-ли не въ первый разъ представлено въ учебникѣ греческаго языка, а между тѣмъ весьма часто приходится видѣть въ ученикѣ страшную сбивчивость понятій вслѣдствіе того, что обыкновенно статья о прилагательныхъ именахъ не проходитъ въ надлежащей системѣ.

Изъ указанныхъ 3-хъ отдѣловъ — A и C изложены вполне хорошо; но въ отдѣлѣ B (образованіе степеней сравненія) выводы помѣщены послѣ образцовъ, тогда какъ надо наоборотъ, и выводы должны быть не просто набросаны, а по возможности сведены въ систему, чтобы работала не одна память.

Въ статьѣ о мѣстоименіи (§ 20) насъ неприятно поразили слѣдующія слова:

„Если же οὐ (οὐ), οἱ (οἱ), ἐ (ἐ), и т. д. употребляются вмѣсто αὐτοῦ, αὐτῶν, αὐτόν и т. д., то это случается собственно только по неточности; ибо въ точности οὐ значить себя, οἱ себѣ, ἐ себя, αὐτῶν себя, αὐτοῖς себѣ“ и т. д.

Эти слова неумѣстны, 1) потому что въ краткомъ учебникѣ, въ который введены, по словамъ автора, „только самыя необходимыя свѣдѣнія“, странно указаніе на неточность употребленія столь обыкновеннаго, что даже самъ авторъ въ образцѣ склоненія этихъ мѣстоименій—формы αὐτῶν, αὐτοῖς, αὐτῶς и т. д. переводить *ихъ, имъ, ихъ* и

даетъ формы *σφεῖς* и *σφέα*, изъ которыхъ 1-я только и употребляется въ значеніи *они, онѣ*, а 2-я весьма рѣдко употребляется; 2) извѣстно, что мѣстоим. *οὗ* и т. д. имѣетъ значеніе *аѣтоѣ* и т. д. у поэтовъ и у Іонійцевъ, что далеко не даетъ права указывать на *неточность* употребленія.

По поводу мѣстоименія *τίς, τί* въ мелкомъ шрифѣ (назначенномъ для бѣглаго (?) прохожденія) дается 1-е понятіе объ энклитикахъ, и опять безъ достаточнаго числа примѣровъ. По нашему мнѣнію, какъ твердо ни заучи ученикъ эти правила, онъ никогда не совладаетъ съ ними на практикѣ, если не научится этому наглядно при помощи ряда удачно составленныхъ примѣровъ.

Въ статьѣ о *μαζομ* (§ 21) тотчасъ послѣ опредѣленія глагола, какъ части рѣчи, представлено спряженіе глагола *εἶμι*. Но въ двойств. числѣ и во 2-мъ лицѣ множеств. числа прошедшаго времени указано по одной только формѣ *ἦστον, ἦστην, ἦτε*. Извѣстно, что въ аттической прозѣ употребляются тѣ и другія формы, то-есть, *ἦστον* и *ἦτον, ἦστην* и *ἦτην, ἦστε* и *ἦτε* (См. Попова пер. грам. Бутманна—стр. 661. Прим. 14. 4). Далѣе, по нашему мнѣнію, не слѣдовало бы вовсе переводить нѣкоторыя формы глагола въ образцахъ, если для нихъ не существуетъ подходящихъ точныхъ формулъ на русскомъ языкѣ. Поэтому неумѣстенъ переводъ *ᾧ*—будто я есмь (на слѣдующей страницѣ: *можесть-быть, я есмь*), *εἶτην*—я желаю быть. Ученикъ такъ и заучить, а на практикѣ придется переводить совсѣмъ иначе. Гораздо лучше было бы тотчасъ же пояснить это примѣрами и на примѣрахъ подыскивать соотвѣтствующія выраженія для того, чтобы составилось о каждомъ склоненіи и вообще о каждой формѣ глагола особая идея, хотя бы и не укладывающаяся въ опредѣленную форму выраженія.

Послѣ таблицы спряженія *εἶμι* идутъ выводы, пригодные для характеристики греческаго глагола и спряженія вообще.

Наконецъ-то, въ § 22 тотчасъ послѣ *εἶμι*, то-есть, послѣ перваго понятія о спряженіи глагола, идетъ статья — *задачи для перевода и разбора*. Прежде всего здѣсь поражаетъ отсутствіе задачъ для перевода съ русскаго на греческій. По нашему мнѣнію, такія задачи имѣютъ болѣе значенія и важности. Цѣль занятія переводами при первоначальномъ изученіи языка безспорно та, чтобы съ помощью составленія этихъ фразъ, то-есть, соединенія словъ по извѣстнымъ правиламъ, при чемъ постоянно входитъ новый элементъ, прежде неизвѣстный, прочнѣе усваивались грамматическія правила и законы языка и ученикъ вполне сознательно работалъ бы головою. Той и другой

цѣли весьма слабо удовлетворяютъ переводы съ греческаго на русскій, безспорно тоже необходимые для пріученія къ постепенной передачѣ мыслей съ языка чужаго на родной. Во всѣхъ нѣмецкихъ учебникахъ и сборникахъ для переводовъ — переводы съ роднаго языка на греческій занимаютъ болѣе видное и почетное мѣсто (тоже и у Остерманна). Есть даже особыя руководства для перевода съ нѣмецкаго на греческій (напримѣръ, превосходное руководство *Rost und Wüstermann — Anleitung zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Griechische, herausgegeben von Dr. Friedrich Berger. Göttingen 1867*).

Существуетъ мнѣніе, что для младшихъ классовъ удобнѣе назначать только переводы съ греческаго на русскій, потому что заучиваніе словъ греческаго языка съ переводомъ на русскій требуетъ иной способности, чѣмъ заучиваніе наоборотъ, да и полезнѣе въ практическомъ отношеніи. Иначе говоря, разсуждаютъ такъ: заучиваніе словъ греческихъ съ переводомъ на русскій легче и практичнѣе, а русскихъ съ переводомъ на греческій труднѣе и менѣе практично; ergo надо заучивать только греческія слова съ переводомъ по русски и темъ составлять только на греческомъ языкѣ. Не говоря уже о нелогичности подобнаго вывода, мы видимъ здѣсь непониманіе цѣли занятій классическими языками, именно заключающейся въ развитіи всѣхъ духовныхъ способностей и въ пріученіи къ сознательному труду. Положимъ, что заучивать слова русскія съ соответствующими имъ греческими труднѣе, чѣмъ наоборотъ; но тогда вмѣсто 900 словъ пусть ученики заучатъ меньше, а за то болѣе занимаются переводами, способствующими болѣе прочному удержанію словъ въ памяти. Положимъ, что переводы съ греческаго на русскій легче и практичнѣе (для чтенія классиковъ), чѣмъ переводы съ русскаго; но тѣ и другіе имѣютъ разное назначеніе и не могутъ быть сравниваемы между собою. Съ своей стороны мы убѣждены въ необходимости совмѣстнаго существованія тѣхъ и другихъ и преобладанія темъ для перевода съ русскаго на греческій; въ разбираемомъ же нами учебникѣ — *нѣтъ ни одной фразы для перевода съ русскаго на греческій*.

Обращаемся къ тому, что есть. Большая часть фразъ (почти всѣ) этого отдѣла взяты изъ хрестоматіи Якоба и вовсе не приновлены къ переводу Ксенофонта. Сперва — около 75 словъ (кромѣ собственныхъ именъ). Спрашивается, къ чему же служили прежнія слова. Отчего бы не составить фразъ изъ нихъ? Отчего бы эти новыя слова, пригодныя для данныхъ фразъ, не помѣстить прежде вмѣсто непригодныхъ? Отвѣтъ одинъ: такъ надо для перевода Ксенофонта, то-

есть, прежде данныя слова нужны для чтенія Ксенофонта, а эти необходимы для фразъ, цѣликомъ взятыхъ изъ Якобса. По нашему, полезнѣе было бы составить изъ прежнихъ словъ фразы, подходящія къ языку Ксенофонта, даже заимствовать такія фразы изъ Анабасиса; но это, конечно, гораздо труднѣе для составителя, нежели просто перенести фразы изъ руководства Якобса въ свое. Въ числѣ фразъ, въ удивленію, встрѣчаемъ слова Гамлета, переведенныя на греческій языкъ τὸ εἶναι ἢ τὸ μὴ, οὐδ' ἔστιν ἐρώτημα (Гамлетъ). Къ чему это? Неужели ученику 3-го класса надо объяснить уже, чтò за личность Гамлетъ, или объяснять смыслъ этого выраженія? Если оставить безъ объясненій, то эта фраза останется въ головѣ ученика нелѣпностью. Въ томъ и другомъ случаѣ она не облегчаетъ чтенія Ксенофонта и не оказывается необходимою для подтвержденія грамматическихъ правилъ.

§ 23 посвященъ весьма удачно составленному объясненію *залога глагола* (geneta verbi).

Въ § 26 сказано, что времена раздѣляются на главныя и *побочныя* или историческія. По нашему мнѣнію, полезнѣе держаться прежней терминологіи, не называя такое время, какъ аористъ, *побочнымъ* временемъ; если вводить новыя названія, то уже только такія, которыя удачнѣе прежнихъ характеризуютъ самое дѣло. Съ этой точки зрѣнія нельзя не порадоваться введенію названія *предпрошедшее* для plusquamperfectum, вмѣсто прежняго *давнепрошедшаго*. Въ слѣдующемъ § 27 представлена таблица формъ 1-го лица наклоненій: изъявительнаго, сослагательнаго и желательнаго и 2-го лица повелительнаго всѣхъ 3-хъ залоговъ, при чемъ мы съ удовольствіемъ замѣтили, что формы conjunctivi и optativi оставлены безъ перевода. Эта таблица помѣщена, очевидно, для объясненія производства временъ по 1-му лицу (въ повел. накл. по 2-му), чтò мы и находимъ въ выводахъ, помѣщенныхъ въ § 27. Ясно, что ученикъ долженъ сперва безсознательно заучить всѣ эти формы отъ гл. λύω, а потомъ уже приводить ихъ въ сознаніе, — приемъ, по нашему мнѣнію, неправильный, и учитель поступитъ гораздо практичнѣе, если пройдетъ сперва производство временъ, а потомъ уже дастъ заучить таблицу.

Обращаясь къ выводамъ, мы никакъ не можемъ согласиться съ слѣдующимъ:

что отъ темъ λυ (а отъ другихъ темъ?) въ изъяв. дѣйств. залога производятся:

1-ma p. sing. praesentis	} прилагательныя огончания	ω
1-ma p. sing. imperfecti		ου и приращ. ε
1-ma p. sing. perfecti		κα и удв. λε
1-ma p. sing. plusquamperfecti		κειν, удв. λε и приращ. ε
1-ma p. sing. aoristi		αα и приращ. ε
1-ma p. sing. futuri		ωω.

Очевидно, что авторъ, ничего не говоря о *характеръ времени*, α и ο *соединительныхъ гласныхъ*, вводитъ ученика въ заблужденіе относительно состава глагольныхъ формъ. По нашему мнѣнію, образцу формъ и спряженій должно предшествовать обстоятельное изложеніе главныхъ правилъ органическаго развитія формъ времени отъ основы и ихъ взаимнаго соотношенія. Впрочемъ эта статья самая слабая во всѣхъ учебникахъ. Она дурно изложена и у Кюнера, Бюрнуффа, даже у Остерманна и Крюгера. Система Бутмана можетъ считаться образцовою для учебника, конечно, если изложить правила сокращенія и доступнѣе для пониманія.

§§ 31 и 32 — посвящены отлично составленнымъ объясненіямъ всѣхъ формъ неопредѣленнаго наклоненія и причастій. Мы сказали *объясненіямъ*, а не *переводу*, потому что именно ихъ можно объяснить только такъ, какъ они объяснены въ разбираемой нами грамматикѣ, напримѣръ:

„Δελοχέται — именно теперь кончить развязываніе. Δύσασιν — то обстоятельство, что кто-нибудь будетъ развязывать. Δελοζόμενος, η, ου, — тотъ, кто въ будущемъ возмoжетъ сказать или: „я совершенно развязалъ самъ себя“, или: „я совершенно развязалъ кого-нибудь, либо что-нибудь для себя,“ или: „я совершенно развязанъ“ и т. д.

Далѣе слѣдуетъ полная таблица спряженій и образцы склоненія причастій, и наконецъ, только въ § 35 статья о *производствѣ времени*, назначенная для бѣлаго (?) происхожденія.

За симъ идутъ отдѣльныя статьи о приращеніи и удвоеніи (§ 36), о спряженіи глаголовъ сложныхъ (§ 37), глаголовъ нѣмыхъ и плавныхъ и т. д. Для всѣхъ этихъ крупныхъ отдѣловъ есть задачи для перевода (§§ 53 — 57), заимствованныя изъ Остерманна и составляющія лучшую часть руководства; но, къ сожалѣнію, составитель взялъ изъ руководства Остерманна только темы для перевода съ греческаго на русскій и ни одной фразы для перевода съ русскаго на греческій, тогда какъ у Остерманна фразы для перевода съ нѣмецкаго на греческій составлены образцово и принесли бы много пользы, если бы были переведены на русскій языкъ. Статья о глаголахъ на μ (§ 58) имѣетъ недостатокъ, свойственный всему руководству, а именно,

образецъ спряженія — впереди, а объясненія — послѣ, и кромѣ того всѣ объясненія таковы, что разчитаны только на память ученика.

Послѣ статьи о глаголахъ неправильныхъ (§ 59) и о нарѣчїи (§ 60) идетъ статья о предлогахъ (§ 61), гдѣ мы съ удовольствіемъ замѣтили, что для объясненія значенія каждаго предлога представленъ подходящій примѣръ. Статьею о союзахъ (§ 62) заканчивается теоретическая часть руководства.

Далѣе идутъ задачи для перевода и заучиванія, составленныя для повторенія всего пройденнаго. Въ концѣ книги — словарь, а передъ словаремъ куріозный отдѣлъ подъ заглавіемъ *ὁ τῶν βραδέων παραδείσος*.

Здѣсь практическія стремленія автора достигли своего зенита. Но въ то же время мы видимъ здѣсь и сознаніе его, что ученики, учившіе его руководство, въ концѣ концовъ будутъ стремиться въ этотъ „рай лѣвнтаевъ“, гдѣ они найдутъ слѣдующее:

Если встрѣтишь	То ищи
ἄγετον	ἄγω
ἄνδρα	ἀνήρ
ἀπέλυσεν	ἀπολύω
ἀπολιπών	ἀπολείπω

и т. д. въ этомъ же родѣ на всѣ буквы.

Мы убѣждены, что учившіеся по этому руководству дѣйствительно будутъ нуждаться въ подобныхъ указаніяхъ; но спрашивается, къ чему же они учились? Съ такими указаніями можно приступить и къ Платону, конечно, если его сочиненія будутъ изданы г. Отто, снабжающимъ теперь всѣхъ недоучекъ своими изданіями классиковъ, гдѣ для каждой главы выбраны слова, переведены всѣ выраженія, отдѣльно взятая, и кромѣ того данъ переводъ каждой главы.

Но такого ли чтенія домогается педагогія, такое ли чтеніе развиваетъ умъ и самодѣтельность человѣка? Къ чему же учиться, если потомъ необходимы вышеуказанные парадизы или изданія гг. Отто и комп.?

Мы оставили безъ рассмотрѣнія еще одинъ вопросъ: можно ли пройти это руководство въ теченіе одного года? Но читатели, вѣроятно, уже сами заключили изъ нашего разбора, что нѣтъ физической возможности выучить все это въ годъ, разумѣется, добросовѣстно и толково. Мы сомнѣваемся и въ томъ, чтобы ученики Лицея,

имѣющіе гораздо болѣе учебныхъ часовъ на греческій языкъ, совладали со всѣмъ этимъ матеріаломъ, направленнымъ только на обременіе памяти; но нѣтъ никакой возможности, чтобъ ученики гимназій, дѣти отъ 12 — 14 лѣтъ, при 3-хъ урокахъ въ недѣлю, были въ состояніи все это зазубрить. А между тѣмъ именно это желаніе (въ годъ довести учениковъ до пониманія Ксенофонта) и какое-то странное убѣжденіе, что только при этомъ условіи можно прочесть въ гимназій курсъ избранныхъ писателей и поставило автора въ необходимость составить учебникъ греческаго языка по образцу учебниковъ новыхъ языковъ и пожертвовать для достиженія своей цѣли развитіемъ учениковъ. Заканчиваемъ нашъ разборъ слѣдующими выводами:

1) Лицейскую грамматику нельзя пройти въ одинъ годъ.

2) Изученіе ея, хотя бы доведено было до совершенства, не приведетъ ученика къ возможности прямо перейти къ чтенію Ксенофонта, тогда какъ руководство Остерманна, вдохновившее автора, приведетъ къ этой цѣли, хотя тоже не въ одинъ годъ.

3) Желательно было бы, чтобы грамматики новѣйшихъ языковъ (французскаго, нѣмецкаго и особенно англійскаго) были составлены по образцу лицейской грамматики.

4) Учебникъ греческаго языка, изданія Лицея Цесаревича Николая, рѣшительно не примѣнимъ въ гимназіяхъ.

Н. Куликовъ.

ИЗДАНІЯ ДРЕВНИХЪ КЛАССИКОВЪ СЪ РУССКИМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ ¹⁾.

8. C. Julii Caesaris commentarii de bello civili. Съ географическимъ указателемъ и примѣчаніями составилъ П. Н. С.-Петербургъ. 1867 года.

О характерѣ этого изданія сочиненій Цезаря вообще и о зависимости его отъ изданія Кранерова сказано нами прежде, въ замѣчаніяхъ нашихъ на „Комментаріи о Гальской войнѣ“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за декабрь 1868, стр. 906 и слѣд.); теперь намъ остается говорить о той лишь части его, которая относится къ „Междоусобной войнѣ“. Во введеніи на 3-хъ страницахъ изложено ходъ событій въ Римѣ съ тѣхъ поръ, какъ Цезарь принялъ на себя управление Гал-

¹⁾ См. *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.* за іюль, августъ, сентябрь и декабрь 1868 года.

лей, и указано на тѣ причины, которыя наконецъ довели до совершеннаго разрыва между Помпеемъ и Цезаремъ. Кранеръ изложилъ то же самое гораздо обстоятельнѣе на 13 страницахъ и сверхъ того на 8 страницахъ сказалъ о началѣ войны, о средствахъ Цезаря и Помпея и о стратегическомъ планѣ послѣдняго. Къ этому присоединяются еще разсужденія о планѣ Записокъ Цезаря, о времени составленія ихъ и о достовѣрности его какъ историка, такъ что г. П. Н. очень много опустилъ изъ Кранерова введенія; но въ этомъ-то мы и усматриваемъ педагогическій тактъ опытнаго преподавателя. Иное дѣло историческое обсужденіе, и иное — изданіе автора для учениковъ. Цѣль послѣдняго — пониманіе самого автора, и въ немъ излишне все, чтó не способствуетъ къ достиженію этой цѣли, и даже вредно все, чтó отвлекаетъ отъ главной цѣли. Короткое введеніе г. П. Н. и слабѣйшій ученикъ въ состояніи удержать въ памяти, и посредствомъ его приготовиться къ чтенію Цезаревыхъ Записокъ; но изъ огромнаго введенія Кранера и болѣе развитый гимназистъ затруднится извлечь для себя самое важное, и едва-ли успѣетъ овладѣть всѣмъ содержаніемъ его сполна. Намъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе двѣнадцати-лѣтней педагогической дѣятельности во всѣхъ классахъ гимназій, пришлось убѣдиться въ томъ, что введенія всегда были тѣмъ полезнѣе для учениковъ, чѣмъ они были короче, и мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что и самъ Кранеръ назначалъ свое пространное введеніе не столько для гимназистовъ, сколько для молодыхъ филологовъ.

За то мы очень жалѣемъ, что не нашли особой статьи о военныхъ дѣлахъ. Правда, гдѣ оказывается надобность, тамъ и у г. П. Н. находятся объясненія объ этомъ предметѣ въ примѣчаніяхъ, такъ что мы не остаемся совсѣмъ безъ необходимыхъ разъясненій; но съ одной стороны означенный предметъ такъ важенъ для чтенія Цезаревыхъ Записокъ, съ другой стороны всѣ отдѣльныя части его такъ тѣсно связаны между собою, что только тогда ученикъ достигнетъ желаемаго пониманія его, когда все относящееся къ нему изложено будетъ въ совокупности. Иначе придется о тѣхъ же самыхъ предметахъ говорить очень часто, и все-таки не выяснитъ дѣла вполне.

О текстѣ нечего толковать, потому что онъ согласенъ съ Кранеровымъ текстомъ, о которомъ достаточно сказано въ рецензіяхъ Кранерова изданія. Притомъ приняты и всѣ тѣ поправки, которыя Кранеръ вставилъ въ текстъ въ послѣднемъ своемъ изданіи. Только въ одномъ мѣстѣ, I, 30, 2, г. П. Н. представляетъ „*cum legionibus III*“ —

вмѣсто Кранерова чтенія въ послѣднихъ изданіяхъ „*cum legionibus II*“. Но именно здѣсь правильность Кранерова чтенія несомнѣнна. Правда, II, 23, 1, сказано: „*Curio — II legiones ex IIII, quas a Caesare acceperat — transportabat*“, — но такъ какъ уже I, 25, 2, упомянуто было — „*Domitianas enim cohortes protinus a Corfinio in Siciliam miserat*“, — то Куріонъ, посланный въ Сицилію въ качествѣ главнокомандующаго, получилъ отъ Цезаря и эти когорты, и число ихъ было довольно значительно, чтобъ изъ нихъ составить два легіона; ибо Домицій писалъ Помпею (I, 17, 2), *se cohortesque amplius XXX magnitque numerum senatorum atque equitum Romanorum in periculum esse venturum*. Съ этимъ согласно и то обстоятельство, что въ послѣдствіи Куріонъ, находясь въ Африкѣ въ труднѣйшемъ положеніи, хотѣлъ призвать изъ Сициліи два легіона (II, 37, 4, *in Siciliam misit, uti duae legiones reliquusque equitatus ad se mitteretur*); по крайней мѣрѣ было бы непонятно, отчего онъ не призвалъ къ себѣ столькихъ легіоновъ, сколько было возможно. А что касается до рукописей, то въ этомъ случаѣ онѣ не могутъ рѣшить вопросъ, потому что въ нихъ встрѣчается *c. leg. III*, а это число не допускаетъ никакого объясненія.

Географическій указатель, также какъ и указатель въ Гальской войнѣ, сравнительно съ Кранеровымъ значительно сокращенъ. Относительно отдѣльныхъ въ немъ мѣсть мы замѣчаемъ слѣдующее. Намъ осталось непонятнымъ, почему издатель, подъ сл. *Aliacton*, предпочелъ прежнее заявленіе Кранера, что *Aliacton* — „нынѣ *Iadsche Karasu*“, поправивъ его же въ послѣднемъ изданіи — „нынѣ *Indsche* (не *Iadsche*) *Karasu*“. Имя *Indsche Karasu* или *Indje Kara Su* подтверждается и свидѣтельствомъ знаменитѣйшихъ географовъ, какъ напримѣръ, Риттера въ *Geographisches und Statistisches Lexikon*, а имя *Iadsche* намъ не удалось отыскать. *Aquilaria*, вмѣсто *Anquilaria*, какъ Гофманнъ возстановилъ изъ рукописей и Кранеръ принялъ въ послѣднемъ изданіи, кажется, простая опечатка, потому что въ текстѣ (II, 23) правильно напечатано *Anquilaria*. Если же подъ сл. *Curicta* говорится, что „не безъ основанія можно думать, что островъ *Curicta*, въ III, 10, ошибочно названъ вмѣсто Корциры, такъ какъ событіе, упоминаемое въ означенномъ мѣстѣ, по другимъ свидѣтельствамъ, совершилось при этомъ островѣ“, то такое замѣчаніе или просто не соотвѣтствуетъ дѣлу, или же по крайней мѣрѣ можетъ давать поводъ къ недоразумѣнію, будто бы у Цезаря упоминается *Curicta*, а у другихъ писателей *Corcyra*. Однако на дѣлѣ *Corcyra* читается только у Цезаря въ руко-

писяхъ; за то *Curicta* писано по догадкѣ вслѣдствіе того, что *Curicta* упоминается другими историками, повѣствовавшими о томъ же событіи. *Florus* (ed. Jahn.) II, 13: *Cum fauces Adriatici maris jussi occupare Dolabella et Antonius, ille Illyrico, hic Curictico litore castra posuissent. Lucan. Pharsal. IV, 406: Illic bellari confisus gente Curictum, Quis fuit Adriaco tellus circumflua ponto, Clauditur extrema residens Antonius ora.*

Что наконецъ касается до примѣчаній, то должно признать ту послѣдовательность, съ которою издатель опустилъ изъ Кранеровыхъ комментаріевъ все, что не соотвѣтствуетъ потребностямъ такихъ учениковъ, которыхъ онъ, повидимому, имѣетъ въ виду. Сюда преимущественно принадлежатъ параллельныя мѣста изъ тѣхъ писателей, которые писали о тѣхъ же событіяхъ, какъ Аппіанъ, Флоръ, Діонъ Кассій, Плутархъ, Цицеронъ и проч. Такія указанія, какъ ни важны они для студента и учителя, совсѣмъ бесполезны для ученика, не имѣющаго обыкновенно приведенныхъ книгъ подъ рукою, и потому они здѣсь съ полнымъ правомъ устранены. Но мы желали бы, чтобы г. П. Н. сохранилъ ту же самую послѣдовательность, не слишкомъ сокращая число объясненій. Конечно, о томъ, что объяснять, что оставлять безъ объясненія, существуетъ самое большое разногласіе между учителями и издателями, но для такихъ учениковъ, которымъ надобно объяснять такія вещи, которыя часто объясняетъ г. П. Н., требовалось бы объяснять еще болѣе выраженій и оборотовъ. Относительно отдѣльныхъ объясненій мы замѣтимъ слѣдующее.

Въ самомъ началѣ примѣчаній сказано, что Цезарь, „какъ при изложеніи Гальской войны, такъ и при изображеніи междуусобной распри, ограничиваетъ объемъ каждой книги своего сочиненія событиями одного года“. Говоря это, издатель имѣетъ въ виду, какъ онъ тотчасъ и прибавляетъ, что Цезарь „начинаетъ разказъ объ этой распрѣ съ передачи его письма консуламъ 1-го января 49 года до Р. Х., не касаясь событій прошедшаго года“; однако изъ словъ его выходитъ, что и каждая книга ограничивается событиями одного года, тогда какъ первая и вторая книги вмѣстѣ относятся къ тому же 49 году.

I, 2, 3. „*censebat, ut.* — *Censere* есть обыкновенное выраженіе, когда говорится о подачѣ мнѣній и голосовъ въ сенатѣ, и какъ глаголь *postulandi*, употребляется съ союзомъ *ut*“. Если уже говорить о сочетаніи глагола *censere*, то слѣдовало бы упомянуть также о герундивѣ и винительномъ падежѣ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ.

I, 6, 5. „*provinciae privatis decernuntur.* Цезарь порицаетъ рѣше-

ніе сената, предоставившее провинціи частнымъ лицамъ, *не зная* о состоявшемся въ 52 году возобновленіи постановленія, что бывшіе консулами или преторами не могутъ быть назначаемы въ правители провинцій ранѣе 5 лѣтъ послѣ исправленія своей должности“. Что Цезарь зналъ означенное постановленіе, явствуетъ изъ I, 85, 9: *in se jura magistratum commutari, ne ex praetura et consulatu, ut semper, sed per paucos probati et electi in provincias mittantur*. Было бы слишкомъ удивительно, если бы Цезарь, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, не узналъ о такомъ, столь важномъ для него, постановленіи.

I, 21, 1. „*ut contingant inter se* — чтобы они примыкали другъ къ другу; при *contingant* пропущено дополнение *sibi*“. Вопервыхъ, если говорится, что нѣчто пропущено, то ученіе можетъ быть введено въ заблужденіе, будто бы обыкновенно при *inter se* ставилось дополнение, между тѣмъ какъ въ классической провѣ дополнение въ такомъ случаѣ постоянно опускается; а во вторыхъ, если бы было нѣчто опущено, то это было бы не *sibi*, но *se*.

I, 25, 3. *extremis — regionibusque* — „Эти творительные служатъ здѣсь для означенія мѣста — дѣйствуя изъ крайнихъ, самыхъ южныхъ частей Италіи и самыхъ южныхъ странъ Греціи“. Изъ этихъ словъ выходитъ, будто бы *regionibus = abl. loci*; но еслибы этотъ творительный падежъ означалъ мѣсто, то былъ бы прибавленъ предлогъ. Впрочемъ тутъ вовсе не нужно думать объ означеніи мѣста; *regionibus* это *abl. instr.*: посредствомъ обладанія крайними оконечностями Италіи и Греціи Цезарь хотѣлъ имѣть въ своей власти все Адриатическое море.

Тамъ же 9. *rates duplices quoqueversus pedum XXX* — „квадратные, въ 30 футовъ ширины и длины (*quoqueversus* во всѣ стороны)“. Изъ этого не ясно выходитъ, что оба плота вмѣстѣ содержали XXX футовъ, а не каждый отдѣльно.

I, 37, 3. „*ad exercitum A. = contra ex. A.*“. Но *ad* ни здѣсь, ни вообще, не значить *contra*, но просто выражаетъ направленіе къ известному мѣсту, не смотря на то, что во многихъ подобныхъ случаяхъ можно было бы выразить неприятельское отношеніе вмѣсто направленія.

I, 44, 4. „*pedum XV fossam, то-есть, latam, въ ширину*“. Вмѣсто *latam* слѣдовало бы сказать: *in latitudinem*.

I, 58, 4. „*dum daretur* — когда представлялась возможность“. Но *dum* никогда не значить просто: *когда*; здѣсь *dum* значить: *если только*.

I, 65, 3. „*a millibus passuum V* — въ разстояніи на V тысячъ шаговъ отъ этого мѣста, то-есть, отъ горъ“. Прежде сказано, что Афраній, желая достигнуть горъ, принужденъ былъ остановиться на полѣ. Послѣ этого Цезарь продолжаетъ такъ: *suberant montes atque a millibus passuum quinque itinera difficilia atque angusta excipiebant* — то-есть, горы были вблизи и именно въ разстояніи V тысячъ шаговъ, и тамъ уже начиналась тѣсная дорога. Само собою понятно, что тѣснота происходила отъ горъ; за то было бы совсѣмъ излишне упоминать о близости горъ, если бы тѣснота дороги начиналась только на разстояніи V тысячъ шаговъ отъ нихъ. Это объясненіе и подтверждается I, 66, 4: *quinque milia passuum proxima intercedere itineris campestris, inde excipere loca aspera et montuosa*. Тутъ безспорно *loca aspera et montuosa* то же самое, и они начинаются именно въ означенномъ разстояніи отъ лагерей Афранія и Цезаря.

I, 72, 2. „*cur amitteret* etc. — за чѣмъ ему терять (таково было его мнѣніе, а потому сослаг. н.)“. По этому примѣчанію выходитъ, что причина сослагательнаго наклоненія заключается въ томъ, что вся эта рѣчь зависитъ отъ глагола *sentienti*, который подразумѣвается. Однако, даже въ томъ случаѣ, еслибъ эта рѣчь была косвенная, основаніе сослагательнаго наклоненія было бы не въ косвенной рѣчи, но въ мысли самой по себѣ. Въ то время, о которомъ рѣчь идетъ, Цезарь сказалъ бы: „*cur amittam*“. Но здѣсь нечего и думать о косвенной рѣчи. *Amitteret* — это такъ-называемый *conjunctivus deliberativus* или *dubitativus*, который, относительно прошедшаго времени, обыкновенно поставляется въ несов. прош. времени, какъ, напримѣръ, *quid agerem?* (Cic. Sest. 19, 43). См. лат. грамм. Крамера и Кейзера, I изд. стр. 242. Слѣдовало бы замѣтить просто: *conj. dubitat.* прошедшаго времени.

I, 87, 1. „*amiserant*. Хотя это слово относится къ содержанію высказанной мысли, однако употреблено *сослагательное* накл., какъ встрѣчается оно часто у Цезаря и другихъ историковъ въ придаточныхъ описательныхъ предложеніяхъ“. Очевидно, здѣсь вслѣдствіе только опечатки сказано *сослагательное* вмѣсто изъявительнаго.

II, 2, 4. „*testudo* — навѣсь, отличавшійся отъ *vinea* тѣмъ, что бока его были открыты“. — Такъ какъ Цезарь самъ нисколько не объясняется о бокахъ этого орудія, то мы, желая узнать, какимъ образомъ они были устроены, должны обратиться къ тѣмъ писателямъ, которые подробнѣе описываютъ *testudo*. Изъ числа римскихъ писателей означеннаго рода самое важное мѣсто занимаетъ Витрувій въ концѣ своего

сочиненія. Говоря (X, 17. extr.); о *testudo arietaria*, онъ упоминаетъ о *corium, quo ea machina erat involuta*; и что тутъ подѣ *machina* надобно разумѣть не только *aries* самъ, но всю *testudo*, явствуется изъ X, 18. med., гдѣ онъ, говоря о *testudo, quae ad congestionem fossarum paratur*, предписываетъ „*percrudis coriis duplicibus consutis, fartis alga aut paleis in aceto maceratis circa tegatur machina tota: ita ab his rejiciantur plagae balistarum et impetus incendiorum*“. Подобнымъ образомъ тамъ же s. f. говоритъ: „*quae autem testudines ad fodiendum comparantur —: cetera omnia habent, uti supra scriptum est, frontes vero earum fiunt, quemadmodum anguli trigonorum, ut a muro tela cum in eas mittantur, non planis frontibus excipiant plagas. sed a lateribus habentes sine periculo fodientes, qui intus sunt, tucantur*“.

По этому описанію и въ изданіи Витрувія *Marini* и въ изданіи *Stratico* всѣ рисунки, гдѣ изображается *testudo*, показываютъ бока закрытыми. См. *Marini* vol. IV, tab. CXXXIX и CXL., *Stratico* vol. IV, tab. XXIV и XXV. Итакъ, хотя столбы, носившіе крышу, не были связаны между собою бревнами, однако бока не были открыты, а закрыты шкурами и тѣфьяками. Если же *testudo* не отличалась отъ *vineae* открытыми боками, то за то было другое большое различіе, состоящее въ употребленіи и цѣли обѣихъ машинъ, какъ уже ясно изъ того, что заявляетъ Цезарь самъ, сообщая, что *porticus*, которая замѣнила *vineas*, употреблялась такъ, что *hac agger inter manus proferebatur*, но *antecedebat testudo aequandi loci caussa facta item ex fortissimis lignis, convoluta omnibus rebus, quibus ignis jactus et lapides defendi possent*. Означенное различіе подтверждается также Вегетіемъ (*De re militari* IV, 15), слова котораго мы позволимъ себѣ привести цѣлкомъ, потому что его сочиненія немногимъ попадаютъ въ руки: *Vineas dixerunt veteres, quas nunc militari barbaricoque usu causias vocant. E tignis levioribus machina colligatur, alta pedibus octo, lata pedibus septem, longa pedibus sexdecim. Hujus tectum munitione duplici, tabulatis cratibusque contextitur. Latera quoque vimine sepuntur, ne saxorum telorumque impetu penetrentur. Extrinsecus autem ne immisso concrementur incendio, crudis ac recentibus coriis vel centonibus operitur. Istae, cum plures factae fuerint, jungantur in ordinem, sub quibus subsidentes tuti ad subruenda murorum penetrant fundamenta.*

II, 9, 2, *quantum tectum plutei ac vinearum passum est — „Vinearum* служить для объясненія *plutei*, такъ какъ *pluteus* въ этомъ

случаѣ устроенъ былъ изъ *vineae*, поставленныхъ другъ подлѣ друга". — Это объясненіе противорѣчитъ примѣчаніямъ непосредственно слѣдующимъ: „*pluteus* подвижная стѣна изъ ивовыхъ прутьевъ для прикрытія при осадныхъ работахъ; *vinea* подвижной навѣсъ изъ брусевъ и досокъ и закрытый съ боковъ досками или плетнемъ". Что послѣднее объясненіе правильно, показываетъ тотъ же самый Веретій въ означенномъ мѣстѣ: *Plutei dicuntur, qui ad similitudinem absidis continentur e vimine, et ciliciis vel coriis proteguntur, ternisque rotulis, quarum una in medio, duae in capitibus opponuntur, in quacumque partem volueris, admoventur more carpenti; quos obsidentes applicant muris eorumque munitione protecti sagittis sive fundis vel missilibus defensores omnes de propugnaculis civitatis exturbant, ut scalis ascendendi facilior praestetur occasio.* — Что такой *pluteus* ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть устроиваемъ изъ *vineae*, объ этомъ нечего и говорить.

II, 27, 2. „*nam quae volumus et credimus libenter et quae sentimus ipsi reliquos sentire speramus — sentimus = opinor, judicamus*". —

Opinari относится къ мнѣнію и предположенію, а что здѣсь рѣчь вовсе не идетъ о предположеніи, видно какъ изъ предшествующихъ словъ, которыя въ такомъ случаѣ выражали бы совсѣмъ одинаковое понятіе, такъ и изъ словъ *reliquos sentire*, потому что дѣло не въ томъ, что мы предполагаемъ на счетъ предположеній другихъ людей. Въ чемъ дѣло, показываютъ слѣдующія слова: *confirmant — totius exercitus animos alienos esse a Curione*; рѣчь идетъ о настроеніи умовъ, а слѣдовательно, смыслъ цѣлой фразы слѣдующій: мы надѣемся, что и другіе настроены такимъ же образомъ, какъ мы сами.

II, 37, 5. „*longe abesse.* — *Longe* при *abesse* встрѣчается еще въ В. G. V, 47, 5. VII, 16, 1". — Но дѣло не просто въ оборотѣ *longe abesse*, но въ связи словъ *longe abesse* съ винительнымъ падежемъ для означенія разстоянія.

III, 10, 8. *condiciones pacis convenire* — „Цезарь обыкновенно употребляетъ выраженія *res convenit (inter aliquos или abs.) или conveniunt inter se*". — Для послѣдняго употребленія у Цезаря было бы очень желательно найти примѣры, потому что Кранеръ къ тому же мѣсту замѣчаетъ противоположное, что Цезарь никогда не говоритъ „*convenit inter или conveniunt inter se de re*".

III, 12, 4. *quae imperaret facturos pollicentur* — „при *praes. hist.* сослаг. наклоненіе прош. нес., вмѣсто котораго стояло бы буд. или буд. сов. въ прямой рѣчи". Но вмѣсто буд. сов. прямой рѣчи въ кос-

венной рѣчи ставится только *conj. perf.* или *plusquamperf.*, смотря по предыдущему глаголу, а не *conj. imperf.*, который замѣняетъ только *fut. simpl.*

III, 17, 4. *Nihilominus tamen agi posse de compositione, ut haec non remitterentur* — „уступительно: хотя бы это не было прекращено“. Это объясненіе заимствовано у Кранера, однако отрицаніе *non* достаточно указываетъ, что тутъ не выражается уступленіе, такъ какъ при означеніи уступленія употребляется *ne*. Поэтому это предложеніе должно принять за выраженіе слѣдствія, какъ и принимаетъ его Доберенцъ въ своемъ изданіи, а смыслъ слѣдующій: можно вести переговоры и такимъ образомъ, чтобы не отказаться отъ занятыхъ другъ противъ друга положеній.

III, 111, 3. „*illae triremes omnes* = настоящія триремы“. — Но настоящія триремы были бы дѣйствительными, въ противоположность недѣйствительнымъ, мнимымъ триремамъ; а здѣсь разказывается, что всѣ корабли, о которыхъ упоминается, были триремы.

Вотъ все, что мы полагали нужнымъ замѣтить, въ той надеждѣ, что почтенный авторъ при второмъ изданіи, котораго вполне заслуживаетъ его книга и котораго она непременно дождется въ непреодолимомъ времени, обратитъ на наши скромныя примѣчанія хоть нѣкоторое вниманіе. Въ заключеніе намъ остается рекомендовать означенную книгу учителямъ латинскаго языка; она во всякомъ случаѣ принесетъ ихъ ученикамъ дѣйствительную пользу.

Р. Фохтъ.

Поправки. На стр. 25-й этого отдѣла, въ концѣ, *намечано*: «Неужели здѣсь *буду* нельзя понимать дѣйствіемъ мыслимымъ подъ условіемъ времени, выражается мысль, что я уже въ Казани»; *слѣдовало же напечатать*: «Неужели здѣсь *буду* нельзя понимать, какъ дѣйствіе, мыслимое подъ условіемъ времени, а выражается мысль», и т. д. На стр. 26-й того же отдѣла, въ 10-й строкѣ снизу, въ еразѣ: «Замѣчательно: пока форма *лз* остается прилагательною формою глагола; до тѣхъ поръ она указываетъ на прошедшее время», и т. д. слѣдовало вмѣсто точки съ запятой поставить запятую.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПРАЗДНОВАНИЕ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

8-го февраля 1819 года удостоился Высочайшаго утвержденія всеподданнѣйшій докладъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына о преобразованіи главнаго педагогическаго института въ С.-Петербургскій университетъ и объ открытіи сего послѣдняго на основаніи проекта „первоначальнаго образованія“, въ тотъ же день утвержденнаго Императоромъ Александромъ I-мъ. Такимъ образомъ 8-го февраля сего года исполнилось 50 лѣтъ со времени учрежденія С.-Петербургскаго университета, который по сему случаю праздновалъ свой пятидесятилѣтній юбилей. Празднованіе продолжалось три дня: 7-го, 8-го и 9-го февраля.

7-го февраля, въ 10 часовъ утра, въ большой университетской залѣ, была совершена панихида по почивающимъ въ Бозѣ императорамъ Александръ I и Николаѣ I и по всѣмъ усопшимъ профессорамъ и студентамъ университета. Панихиду совершалъ бывший профессоръ богословія въ университетѣ, нынѣ членъ святѣйшаго синода, главный священникъ главнаго штаба, протопресвитерь *В. Б. Бажановъ*, въ сослуженіи ректора С.-Петербургской духовной академіи, также бывшаго профессора богословія въ университетѣ, протоіерея *І. Л. Янышева*, нынѣшняго профессора богословія протоіерея *В. П. Полисидова*, настоятеля университетской церкви протоіерея *П. Ѡ. Соллярскаго* и доцента университета по каедрѣ церковнаго права, священника *М. И. Горчакова*. За панихидою пѣлъ хоръ, составленный изъ студентовъ. Вслѣдъ за панихидою совершена была въ университетской церкви божественная литургія викаріемъ С.-Петербургской епархіи преосвященнымъ *Палладіемъ* соборнѣ съ архимандритами и бѣлымъ

духовенствомъ, а потомъ высокопреосвященный митрополитъ *Исидоръ* совершилъ молебствіе. Затѣмъ присутствовавшая при богослуженіи многочисленная публика направилась изъ церкви, согласно предварительно объявленному отъ университетскаго начальства приглашенію, обозрѣвать аудиторію, бібліотеку, музей, кабинеты и лабораторію, при чемъ студенты служили для публики путеводителями, а въ кабинетахъ и лабораторіяхъ особенно привлекли ея вниманіе разнаго рода разъясненія и производство опытовъ.

8-го февраля происходилъ юбилейный актъ. Мѣсяца за три до наступленія дня юбилея отъ начальства университета было объявлено, чтобы тѣ изъ бывшихъ студентовъ университета, которые желаютъ присутствовать на юбилейномъ актѣ, сообщили о своемъ желаніи ректору. Изъявившихъ это желаніе было такъ много, что оказалось совершенно невозможнымъ помѣстить ихъ въ университетскомъ залѣ, и потому совѣтъ университета по необходимости долженъ былъ избрать для юбилейнаго акта болѣе обширный залъ и остановился на залѣ дворянскаго собранія. Задолго до начала акта быстро сталъ наполняться публикою огромный залъ, и чѣмъ ближе было къ 12 часамъ, тѣмъ собраніе становилось многолюднѣе, такъ что, безъ сомнѣнія, очень рѣдко залъ дворянскаго собранія видѣлъ въ своихъ стѣнахъ такое многочисленное стеченіе публики. На актѣ присутствовали Его Императорское Высочество Герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, высокопреосвященные митрополиты: Московскій — *Иннокентій* и Кіевскій — *Арсеній*, члены св. синода и государственнаго совѣта, гг. министръ народнаго просвѣщенія и его товарищъ, члены совѣта министра народнаго просвѣщенія, попечители С.-Петербургскаго и Харьковскаго учебныхъ округовъ, депутаты отъ дворянства, городского общества, земства, ученыхъ обществъ и высшихъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, много другихъ приглашенныхъ лицъ, болѣе тысячи прежнихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета, всѣ нынѣшніе студенты и множество дамъ, которыя помѣщались на хорахъ. Актъ былъ открытъ пропѣтой хоромъ изъ студентовъ духовною пѣснью: „Днесъ благодать Св. Духа насъ собра“, и затѣмъ ректоръ университета *К. Ѡ. Кесслеръ* обратился къ присутствующимъ съ нижеслѣдующею привѣтственной рѣчью, которая была встрѣчена и сопровождена продолжительными рукоплесканіями:

Милостивые государи! Мы собрались сегодня для празднованія пятидесятилѣтняго юбилея С.-Петербургскаго университета; позвольте же мнѣ сказать нѣсколько словъ о значеніи этого праздника.

Русскіе университеты, сравнительно съ западно-европейскими, составляютъ учрежденія юныя, одинъ только Московскій перешагнулъ чрезъ столѣтіе своего существованія; тѣмъ не менѣе они успѣли пустить глубокіе корни въ почву, на которой выросли, тѣсно применили къ жизни своего народа, и смѣю сказать, сдѣлались вожаками умственной жизни русскаго народа. И въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ другія свѣтскія учебныя заведенія, начиная отъ высшихъ и до самыхъ низшихъ, получаютъ своихъ преподавателей, непосредственно или посредственно, отъ университетовъ. Изъ университетскихъ аудиторій истины и знанія, добытыя наукою, тысячу путей, видимыхъ и невидимыхъ, проникаютъ во всѣ слои общества, поднимаютъ уровень общественнаго образованія и находятъ себѣ самыя разнообразныя приложенія въ жизни практической. Университетами несомнѣнно была подготовлена Россія къ совершенію тѣхъ достославныхъ и благодѣтельныхъ реформъ, которыми ознаменовалось правленіе гнѣвъ царствующаго Великаго Монарха. А потому, я полагаю, русскіе университеты заслуживаютъ чести, чтобы были радостно привѣтствуемы и празднуемы юбилейные дни въ ихъ жизни. Мнѣ, конечно, могутъ возразить, что пятидесятилѣтній періодъ дѣятельности, выпадающій иногда даже на долю отдѣльнаго человѣка, слишкомъ коротокъ для того, чтобы быть отмѣченнымъ особымъ торжествомъ въ жизни такого учрежденія какъ университетъ. Но едва-ли подобное возраженіе будетъ справедливо. Послѣднія 50 лѣтъ, благодаря небывало-быстрому дотогѣ развитію наукъ, навсегда составятъ знаменательную эпоху въ исторіи всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, а тѣмъ болѣе въ быту университета, который постоянно стремился быть достойнымъ представителемъ и вѣрнымъ истолкователемъ современной науки. Если бы могъ возвратиться къ жизни какой-либо первостепенный ученый, особенно натуралистъ, умершій 25 или 30 лѣтъ тому назадъ, и взглянуть въ новѣйшія сочиненія по своей наукѣ, то во многихъ случаяхъ ему было бы крайне трудно понять ихъ содержаніе. Знаменитый Кювье, постоянно слѣдившій за успѣхами всѣхъ отраслей естествознанія, остановился бы въ недоумѣніи предъ незнакомыми ему терминами: килограммометръ, спектральный анализъ, дарвинизмъ, а между тѣмъ каждый изъ нихъ выражаетъ собою цѣлое важное ученіе; съ изумленіемъ онъ узналъ бы, что созданная имъ палеонтологія встрѣтилась въ своихъ розысканіяхъ съ археологіею.

Да, милостивые государи, я повторяю, благодаря быстрому развитію наукъ, быстрое измѣняется и растетъ учебно-научная дѣятельность университетовъ, такъ что завершеніе пятидесятилѣтія этой дѣятельности въ одномъ изъ нихъ заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія.

Лучшимъ подтвержденіемъ моихъ словъ служить самое сегодняшнее наше собраніе, которое почтили своимъ присутствіемъ столь многіе высокодоблестные духовные пастыри, столь многіе высокопоставленные государственные сановники и заслуженные дѣятели на различныхъ поприщахъ общественной жизни, которое украсили своимъ участіемъ извѣстнѣйшіе ученые, педагоги и литераторы нашей столицы, къ которому всѣ высшія ученныя и учебныя учрежденія Имперіи прислали достойнѣйшихъ представителей. С.-Петербургскій университетъ съ глубокою признательностью привѣтствуетъ васъ, именитые гости.

Но если юбилейное празднество С.-Петербургскаго университета находитъ живое сочувствіе во всѣхъ просвѣщенныхъ кругахъ и со стороны всѣхъ образованныхъ мужей, то вдвое оно должно быть дорого для тѣхъ, которые въ немъ завершили свое образование, которые называютъ его своею «alma mater», — однимъ словомъ, для прежнихъ его студентовъ. Обращаюсь съ душевными привѣтствіемъ къ вамъ, товарищи по университету, которые сюда стеклись со всѣхъ концовъ Россіи въ числѣ болѣе 1000. Вспомнимъ время былое, возвратимся мысленно къ нашей жизни студенческой. Какъ своеобразна, какъ обязательна была эта жизнь. Съ какою горячностью вели мы бесѣды о вопросахъ и открытіяхъ научныхъ, съ которыми знакомились на лекціяхъ; съ какимъ теплымъ сочувствіемъ встрѣчали мы новаго дѣльнаго преподавателя, даже другаго фалькутета; съ какою неподдѣльною радостію привѣтствовали мы каждое замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ и съ какимъ самоупованіемъ пытались мы сами выступать на литературное подище. съ нашими первенцами въ стихахъ и въ прозѣ. Какъ легко и крѣпко мы дружились между собою и какъ безкорыстно оказывали помощь другъ другу, словомъ и дѣломъ. Какъ громко звучала въ нашихъ устахъ, при каждомъ веселомъ случаѣ, заветная пѣсня студенчества. Какихъ жаркихъ сторонниковъ находило въ насъ всякое благородное дѣло и съ какимъ негодованіемъ относились мы къ каждой неправдѣ. Какія гордыя питали надежды, какія смѣлыя мечты даже бѣднѣйшіе изъ насъ, которые добывали себѣ хлѣбъ тяжелыми уроками. Мы всѣ видѣли и сознавали себя студентами равноправными и вѣрили въ свои силы для достиженія самыхъ высокихъ цѣлей. Но вотъ мы покинули университетскія скамьи и вступили въ жизнь практическую, гдѣ пути наши разошлись въ тысячу различныхъ сторонъ. Многимъ изъ насъ пришлось испытывать огорченія и бороться съ затрудненіями всякаго рода, и вообще вышла наша жизнь совсѣмъ не та, какою мы себѣ ее рисовали въ нашихъ мечтахъ. Но пусть будетъ такъ, а все же, смѣю думать, мы не безуспѣшно трудились и трудимся на благо нашей земли, на пользу русскаго народа. Нѣтъ, можно сказать, такого поприща дѣятельности государственной и общественной, на которой не красовались бы имена прежнихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета. И еще одно отрадное явленіе: вы послѣдили съ самымъ живымъ участіемъ отозваться на призывъ вашего университета, а это доказываетъ, что вамъ остался дорогъ этотъ университетъ и что онъ создалъ между вами духовную связь, которую не въ силахъ расторгнуть ни время, ни различія въ общественномъ положеніи. Еще разъ, милостивые государи, отъ имени С.-Петербургскаго университета, котораго представителемъ имѣю высокую честь быть сего дня, привѣтствую васъ на его юбилейномъ празднествѣ.

Обращаюсь, наконецъ, къ вамъ, благородные юноши, которые въ настоящее время состоите студентами С.-Петербургскаго университета. Вы готовитесь въ скоромъ времени сдѣлаться дѣтельными гражданами великаго Русскаго государства, и на васъ мы возлагаемъ самыя горячія наши надежды. Старайтесь всѣми силами обогатить свой умъ знаніями, пропитать свою душу несокрушимую честностію и развить въ своемъ сердцѣ чувство строгой законности, чтобы потомъ вы могли достойнымъ образомъ подвизаться на пользу

вашего отечества. Если многимъ изъ васъ уже въ эту раннюю пору жизни приходится бороться съ нуждою и съ лишениями, то не поддавайтесь унынію; помните, что только терпѣливый казакъ атаманомъ будетъ. По общему закону развитія челоѣчества, сыны идутъ дальше своихъ отцовъ на пути знаній и ихъ приложеній; опережайте же насъ на возможно большее разстояніе, и да будетъ честь вамъ и слава.

Въ заключеніе да позволено мнѣ будетъ выразить желаніе, чтобы чрезъ 50 лѣтъ, на столѣтнемъ юбилей нашего университета, до котораго многимъ изъ васъ, безъ сомнѣнія, дожить, можно было сказать: Русское государство своимъ цвѣтущимъ состояніемъ и своимъ безпримѣрнымъ могуществомъ обязано не столько обширности пространства, имъ занимаемаго, и громадности его народонаселенія, сколько тому, что въ силу цивилизаціи порядокъ въ немъ есть, а въ развитіи его цивилизаціи принимали не малое участіе многочисленные усердные работники на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности, которые получили свое образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Затѣмъ г. министръ народнаго просвѣщенія графъ *Д. А. Толстой*, съ приготовленнаго для депутатовъ возвышенія возлѣ ректорской кафедрѣ, прочиталъ всемилостивѣйше дарованный Государемъ Императоромъ Высочайшій рескриптъ университету (см. правительственныя распоряженія), вызвавшій восторженныя и не разъ съ новою силою раздававшіеся крики „ура“ и рукоплесканія; вслѣдъ затѣмъ г. министръ объявилъ, что Государю Императору благоугодно было пожаловать награды нѣкоторымъ изъ прежнихъ и многимъ изъ нынѣшнихъ профессоровъ и другихъ служащихъ при университетѣ и сверхъ того даровать ему 100 стипендій, въ 300 руб. каждая, съ наименованіемъ ихъ Императорскими, и 20.000 рублей единовременно для раздачи нуждающимся студентамъ. Эта Монаршая милость вызвала взрывъ восторженныхъ кликовъ всѣхъ присутствовавшихъ, по требованію которыхъ былъ двукратно повторенъ университетскимъ студентскимъ хоромъ и оркестромъ національный гимнь „Боже, Царя храни“.

Послѣ того начался приемъ депутацій; прежде всѣхъ всталъ изъ за своего стола предводитель дворянства С.-Петербургской губерніи графъ *В. П. Орловъ-Давыдовъ* и произнесъ адресъ дворянства. За нимъ депутація отъ городскаго общества, явившаяся въ числѣ 20 лицъ, чрезъ городскаго голову *Н. И. Погребова*, бывшего студента С.-Петербургскаго университета, представила адресъ, въ которомъ между прочимъ заявляетъ, что городъ установилъ, въ память пятидесятилѣтія университета, стипендію въ 300 руб. Потомъ прочитанъ былъ адресъ депутатомъ С.-Петербургскаго земства, которое привѣт-

ствовало университетъ слѣдующими словами: „Земство обязано университету многими просвѣщенными дѣятелями. Въ глубокомъ сознаниі благотворнаго вліянія учрежденія сего на развитіе и просвѣщеніе всѣхъ слоевъ населенія, С.-Петербургская земская управа пріѣтствуетъ С.-Петербургскій университетъ по случаю настоящаго юбилея. Истекшій полувѣкъ утверждаетъ надежду, что изъ среди университета будутъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе выступать люди закона, мысли и дѣла“. Помощникъ главнаго попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, тайный совѣтникъ *М. С. Сушинскій*, также бывший студентъ С.-Петербургскаго университета, принесши ему поздравленіе отъ Человѣколюбиваго Общества, заявилъ, что общество назначило изъ своихъ средствъ ежегодно отпускать на вспомошествованіе бѣднымъ студентамъ 500 рублей и что, по приглашенію общества, поступило уже 11.357 рублей добровольныхъ пожертвованій отъ его дѣателей и нѣкоторыхъ бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета на учрежденіе особаго капитала съ тѣмъ, чтобы проценты съ онаго были употребляемы на вспоможеніе бѣднѣйшимъ студентамъ; къ сему г. Сушинскій присовокупилъ, что подписка на образованіе этого капитала еще далеко не окончена и успѣшно продолжается ¹⁾. Послѣ того ректоръ университета объявилъ, что потомственный дворянинъ *В. Л. Нарышкинъ* представилъ въ совѣтъ университета 6.000 рублей пятипроцентными билетами, съ просьбою исходатайствовать разрѣшеніе на учрежденіе при университетѣ стипендіи въ 300 рублей съ наименованіемъ оной въ честь Царя-Освободителя Александровскою, и что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на учрежденіе этой стипендіи, но съ тѣмъ чтобы она именовалась *Нарышкинскою*. Затѣмъ продолжалось принятіе адресовъ, которые представлены отъ Академіи Наукъ, отъ 6-ти университетовъ, 25-ти учебныхъ заведеній и 18-ти ученыхъ обществъ и установленій. Сообщаемъ здѣсь адреса Академіи Наукъ, университетовъ, Историко-Филологическаго института, Варшавской высшей школы и С.-Петербургскихъ гимназій и прогимназій.

¹⁾ Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 40-й) объявлено отъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, что изъ разосланныхъ имъ для сбора приношеній 227 подписныхъ листовъ возвращено лишь 111, и что для обсужденія полезнѣйшихъ способовъ употребленія процентовъ съ имѣющаго составиться капитала будетъ назначена особая коммиссія при участіи начальства университета и бывшихъ студентовъ онаго, благосклонно содѣйствовавшихъ настоящему дѣлу.

1) АДРЕСЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Императорская Академія Наукъ, въ день совершенія перваго пятидесятилѣтія Императорскаго С.-Петербургскаго университета, сочувственно воспоминаетъ, что задолго до его основанія въ ней возникли первые начатки подобнаго учрежденія, что позднѣе одинъ изъ ея членовъ, гениальный Ломоносовъ, первый заявилъ и долго лелѣялъ мысль объ учрежденіи самостоятельнаго Петербургскаго университета. Такимъ образомъ потребность высшаго учебнаго учрежденія въ сѣверной столицѣ издавна была сознаваема нашею академіей. Тѣмъ живѣйшее участіе принимаетъ она въ нынѣшнемъ торжествѣ своего сподвижника въ дѣлѣ просвѣщенія, который въ относительно краткій періодъ своего существованія успѣлъ уже принести обильные плоды, образовалъ множество достойныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ общественнаго служенія и внесъ въ дѣтописи науки рядъ славныхъ именъ изъ среды своихъ преподавателей и питомцевъ. Если несомнѣнна истина, что наука дружитъ людей, не смотря на отдѣляющее ихъ пространство, на различіе ихъ происхожденія и обстоятельствъ, то тѣмъ болѣе должны признавать близкое между собою родство два учрежденія, посвященные одному и тому же великому дѣлу на пользу общаго, равно дорогаго имъ отечества. Во имя этого святаго духовнаго братства по любви къ наукѣ и стремленію ко благу русскаго общества и русскаго народа члены Императорской Академіи Наукъ поставляютъ себѣ за особенную честь принести свое искреннее и радостное поздравленіе С.-Петербургскому университету.

2) АДРЕСЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Много можетъ сдѣлать добра и принести пользы и одинъ человѣкъ, который полнѣе, съ знаніемъ и любовью, неуставно трудится надъ однимъ какимъ-либо общепользы дѣломъ. Чтò же долженъ былъ совершить и какую пользу принести въ теченіе своей полувѣковой жизни С.-Петербургскій университетъ, въ которомъ съ самаго начала его существованія, надъ исполненіемъ его высокаго призванія, постоянно трудился рядъ дѣятелей, замѣчательныхъ по своимъ знаніямъ и любви къ дѣлу? Московскій университетъ высоко цѣнитъ полувѣковыя заслуги С.-Петербургскаго университета отечественному просвѣщенію, въ настоящую торжественную минуту съ глубокимъ уваженіемъ напоминаетъ и всѣхъ его дѣятелей, бывшихъ и настоящихъ, честно послужившихъ ему, и съ особенною любовью останавливается на тѣхъ изъ нихъ, которые особенно дороги ему какъ свои по воспитанію. Черезъ нихъ онъ и самъ имѣетъ нѣкоторую долю участія въ томъ блестящемъ успѣхѣ, за который С.-Петербургскому университету воздается сегодня вполнѣ заслуженный почетъ. Было бы желательно, чтобы русскіе университеты и вообще дружелюбно помогали другъ другу, и чтобы между ними существовало сколько можно болѣе тѣсное общеніе. По мысли и инициативѣ С.-Петербургскаго университета и въ его же стѣнахъ устроенъ былъ въ предпрошломъ году, для взаимнаго обмѣна мыслей, съѣздъ русскихъ натуралистовъ. Мысль прекрасная; почему бы не усвоить ее себѣ и всѣмъ другимъ русскимъ ученымъ? Совершенно новая эра началась бы для русской науки и русскихъ университетовъ, если бы, подобно натуралистамъ, и наши филологи, юристы, медики

также стали бы, время отъ времени, съѣзжаться и дѣлиться мыслями другъ съ другомъ.

Московскій университетъ самымъ искреннимъ образомъ желаетъ, чтобы настоящее торжество, по особому случаю собравшее русскихъ ученыхъ въ одно мѣсто, положило прочное начало къ постоянному взаимному общенію между ними. Какъ бы памятно оно было тогда и не для одного только С.-Петербургскаго университета!

Г. ректоръ Московскаго университета, по прочтеніи этого адреса, заявилъ, что совѣтъ Московскаго университета, въ знакъ уваженія къ ученымъ трудамъ и заслугамъ ректора С.-Петербургскаго университета *К. Ѡ. Кесслера*, избралъ его въ почетные члены Московскаго университета.

3) АДРЕСЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Императорскій Казанскій университетъ, привѣтствуя своего Петербургскаго собрата въ торжественный день его полуѣтковаго существованія, вполне сознаетъ труды, подъятыя С.-Петербургскимъ университетомъ на пользу отечественнаго просвѣщенія, и живо вспоминая судьбы сего рассадника науки на сѣверѣ Россіи, находитъ въ его пятидесятилѣтней жизни моменты, сближающіе его судьбы съ судьбами Казанскаго университета. Послѣдній, возникши нѣсколькими годами ранѣе Петербургскаго университета, ранѣе подвергся и извѣстной въ исторіи русскаго образованія катастрофѣ двадцатыхъ годовъ, вслѣдъ за тѣмъ постигшей и С.-Петербургскій университетъ; но потомъ оба университета одновременно вступили на путь свободнаго развитія своихъ силъ, и каждый, въ своихъ предѣлахъ, послѣдно исполнялъ свои задачи по распространенію образованія. Оба расадника просвѣщенія на сѣверѣ и востокѣ Руси взаимно помогали другъ другу: питомцы Петербургскаго университета продолжали образовательную дѣятельность въ Казанскомъ и питомцы Казанскаго университета съ равнымъ достоинствомъ являлись дѣтелями въ Петербургскомъ. Исторіи русскаго просвѣщенія замѣтитъ имена ихъ съ честью, подобающею ихъ заслугамъ; но въ настоящемъ привѣтѣ своемъ Казанскій университетъ не ограничивается воспоминаніемъ о полезной дѣятельности отдѣльныхъ только членовъ, связывавшихъ дѣятельность обоихъ университетовъ: Казанскій университетъ вполне сознаетъ заслуги всѣхъ бывшихъ и настоящихъ членовъ Петербургскаго университета, потрудившихся дѣлу русскаго просвѣщенія.

Какъ недѣлима сама необъятная Русь, также недѣлимы должны быть и общія усилія русскихъ людей къ ея преусибию, первымъ и послѣднимъ шагомъ къ которому всегда было и всегда будетъ знаніе и его проводникъ — наука. Да здравствуетъ же Петербургскій университетъ, празднующій пятидесятилѣтіе своего служенія русской наукѣ!

4) АДРЕСЪ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета, избравъ ординарнаго профессора Харьковскаго университета *Н. Ш. Бекетова* депутатомъ для при-

существованія на торжествѣ пятидесятилѣтняго юбилея Императорскаго С.-Петербургскаго университета, уполномочилъ его принести достопочтенному ученому сословию сего университета искреннѣйшее поздравленіе и выразить радостныя чувства, которыя Харьковскій университетъ раздѣляетъ въ настоящую минуту со всѣми тѣми, кому дороги успѣхи науки и образованія въ нашемъ отечествѣ. Университетъ Харьковскій проситъ принять это поздравительное привѣтствіе, какъ выраженіе его братскаго сочувствія, какъ свидѣтельство его глубокаго уваженія къ полувѣковой дѣятельности на пользу и славу отечественнаго просвѣщенія.

5) АДРЕСЪ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА.

Совѣтъ Императорскаго университета св. Владиміра привѣтствуетъ наступленіе втораго пятидесятилѣтія плодотворной дѣятельности С.-Петербургскаго университета. „Знаніе есть сила“, сказалъ Беконъ. Да послужитъ университетское образованіе источникомъ силы, при осуществленіи Мудрыми Преобразователями Его Царственныхъ помысловъ и обѣта, возвышеннаго народу „утвердить Россію на высшей степени могущества и славы“.

6) АДРЕСЪ НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Преемникъ высшаго учебнаго заведенія, доставившаго въ краткій періодъ своего существованія столько отличныхъ дѣятелей на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія, С.-Петербургскій университетъ въ теченіе полустолѣтія съ честью занималъ то видное мѣсто среди нашихъ университетовъ, которое ему, какъ первостолычному учрежденію, принадлежитъ по праву. Находясь въ главномъ центрѣ всей дѣятельности государства, онъ естественно привлекалъ къ себѣ наилучшія умственныя его силы, дѣлясь ими, въ случаѣ надобности, и съ другими своими собратами, конхъ положеніе не столь благопріятно. Такъ, Новороссійскій университетъ, при самомъ своемъ возникновеніи, не малую долю своихъ силъ приобрѣлъ отъ университета С.-Петербургскаго. Съ признательностію вспоминая объ этомъ и съ глубокимъ уваженіемъ относясь къ заслугамъ С.-Петербургскаго университета на поприщѣ ученой и учебной дѣятельности, Новороссійскій университетъ считаетъ долгомъ соединить свое поздравленіе съ искреннимъ пожеланіемъ, дабы эта плодотворная дѣятельность С.-Петербургскаго университета на пользу наукъ и распространенія просвѣщенія въ дорогомъ нашемъ отечествѣ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расширялась и крѣпла.

7) АДРЕСЪ ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ¹⁾.

Caesareæ Universitati litterarum Petropolitanae, Almæ studiorum nutrici, claro imperii lumini quam Divus Alexander in ipsa imperii sede crexit, antesignatam Alexander alter, qui nunc nostrum temperat orbem, recreavit et amplificavit, a. d. VI idus februarias sacra semisecularia celebranti, decem haec lustra felicissime peracta gratulamur utque bona fausta felicia ei omnia omne in aevum

¹⁾ Депутациі отъ Дерптскаго университета не было, и присланъ лишь адресъ.

propagentur ac tam discentium quam docentium studiis moribus patriæ amore inque augustissimos principes pietate floreat luceat exemplo sicut optamus et precamur et conditore olim communi et benefactore nunc communi piis gratisque animis gaudentes. Cæsareæ Universitatis litterarum Dorpatensis rector et professores.

8) АДРЕСЪ ГЕЛЬСИНГФОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Universitatis Alexandrinæ Fennorum Rector et senatus S. P. D. Rectori Magnifico senatuique Amplissimo Illustris Universitatis Petropolitanae.

Ex quo quinquaginta ante annos Universitatem litterariam Petropolitanam Augustissimus Imperator Alexander I condidit, cum ea Musarum sede hæc nostra Fennica non modo doctrinæ studiis omnium gentium excultarum communibus conjuncta est, sed etiam eorundem Cæsarium imperio ac generose imperantium eodem erga litteras magnanimo favore. Quin imo, quum vetus ac prope duo secula emensum Fennicæ lumen, Academia Auræica, simul cum incendio fatali, quo urbs Aboa anno hujus seculi vicesimo septimo deflagavit, restinctum esset, universitatem Fennicam nova vita novoque domicilio potentissima liberalitas ita donavit Nicolai, ut fratris sui Alexandri immortalis nomine e cineribus resurgentem et in hanc urbem Helsingforsiam translata honestari juberet: sic, quem conditorem suum veneratur universitas Petropolitana, ejusdem nomine Augusto Alexandrina nostra decorata est.

Jam per decem lustra in urbe Petri Magni officina doctrinarum ab Alexandro constituta munus institit sibi propositum, ut et pro sua parte fines universæ humanæ scientiæ prolatare studeret et ex ipsa arce et capite rerum Russicarum facem liberalis doctrinæ terris ingentis imperii Russicis præferret. Quod munus amplissimum qua gloria sustinuerit, non nostrum est prædicare. Nolumus igitur dicere de studiis linguarum orientis tot ex cathedris, quot in una et eadem Universitate alibi nusquam reperiuntur; exercitis, explicatis, propagatis; omittimus loqui de earum laude investigationum, quæ a viris celeberrimis, qui iidem sæpe Academiæ litterarum inclytissimæ a Petro conditæ ornameto fuerunt, in rebus naturæ explorandis collocatæ sunt; missa facimus et hæc et cetera præclara, quorum omnium venerabilem memoriam Universitas ipsa vestra, rerum optime gestarum post dimidium seculi suo jure sibi conscia, mox publice celebrabit. De festo autem die, quem acturi estis, humaniter per epistolam Vestram certiores facti, jucundam illam præteritorum annorum recordationem et rerum præsentium decus Vobis ex animis gratulamur. Ac sincere et vehementer cupimus et optamus, ut Cæsarea Universitas Petropolitana in commodum magnæ suæ patriæ proque incrementis communis doctorum omnium doctrinæ per secula futura felix, fortunata, gloriosa vigeat, floreat.

9) АДРЕСЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

Императорскій Историко - Филологическій институтъ отъ имени всѣхъ своихъ членовъ привѣтствуетъ совѣтъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета и приноситъ поздравленіе свое университету въ торжественный день его юбилея. Въ теченіе 50-лѣтняго своего существованія С.-Петербургскій университетъ оказалъ отечеству важныя услуги образованіемъ уважа-

мыхъ представителей науки и достойныхъ дѣятелей по всѣмъ частямъ государственнаго управленія. При этомъ институтъ съ благодарностію вспоминаетъ, что между его членами нѣкоторые обязаны своимъ образованіемъ С.-Петербургскому университету. Вполнѣ сознавая высокое призваніе университета и глубоко сочувствуя ему плодотворной дѣятельности, институтъ изъясляетъ искреннее желаніе, чтобъ Императорскій С.-Петербургскій университетъ и впредь процвѣталъ для блага науки и распространенія ея въ нашемъ отечествѣ.

10) Адресъ Варшавской главной школы.

Варшавская главная школа приноситъ старшему собрату своему, Императорскому С.-Петербургскому университету, въ день пятидесятилѣтняго юбилея его, искреннее поздравленіе отъ лица всего своего ученаго сословія. Это пятидесятилѣтіе, начавшееся въ блестящій вѣкъ Александра I-го и закончившееся нынѣ въ благополучное царствованіе Александра II-го, протекло со славою для С.-Петербургскаго университета, который успѣлъ занять видное мѣсто въ средѣ Европейскихъ университетовъ и котораго плодотворная дѣятельность составляетъ яркую страницу въ исторіи наукъ и русскаго просвѣщенія. Дай Богъ, чтобъ это торжество еще много столѣтій сряду могло совершаться въ этихъ стѣнахъ и встрѣчать постоянно такое же искреннее сочувствіе, какое мы теперь приносимъ С.-Петербургскому университету.

11) Адресъ С.-Петербургскихъ гимназій и прогимназій.

С.-Петербургскія гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія привѣтствуютъ Императорскій С.-Петербургскій университетъ съ пятидесятилѣтнемъ его плодотворной дѣятельности на пользу русскаго просвѣщенія. Особенно тѣсная связь соединяетъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, С.-Петербургскія гимназій и прогимназій съ С.-Петербургскимъ университетомъ. Значительное число питомцевъ гимназій постоянно стремятся за благами высшаго образованія въ С.-Петербургскій университетъ и многіе изъ окончивающихъ курсъ въ университетѣ направляются въ наши гимназій въ качествѣ учителей. Въ настоящее время большинство здѣшнихъ гимназическихкихъ преподавателей, инспекторовъ и директоровъ получили высшее образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Да не прерывается же никогда эта благотворная связь между нашими гимназіями и С.-Петербургскимъ университетомъ! Пусть наши юноши постоянно выносятъ изъ него основательныя знанія и честныя убѣжденія!

12) Адресъ Вологодской гимназій¹⁾.

Воспитатели и наставники Вологодской гимназій — въ большинствѣ питомцы С.-Петербургскаго университета — имѣютъ честь съ чувствомъ особеннаго уваженія привѣтствовать въ настоящій торжественный день Императорскій С.-Петербургскій университетъ съ исполненнымъ пятидесятилѣтнемъ

¹⁾ Отъ Вологодской гимназій адресъ привезенъ по почтѣ, безъ депутаціи.

его полезной общественной дѣятельности, сердечно желал, чтобы благотворныя идеи, провозглашаемыя съ кафедръ достойными его членами, содѣйствовали, проникая болѣе и болѣе въ среду народа, процвѣтанію нашего отечества.

По окончаніи приѣма депутацій, ординарный профессоръ *С. В. Пахманъ* произнесъ рѣчь „О гражданскомъ уложеніи“. Она касается возбужденнаго въ недавнее время вопроса о необходимости цѣльнаго пересмотра нашего гражданского законодательства въ предѣлахъ 1-й части X-го тома Свода Законовъ. Проф. Пахманъ высказалъ нѣсколько общихъ соображеній, съ цѣлію выясненія главныхъ основаній и задачъ предполагаемаго труда, какъ съ формальной, такъ и съ матеріальной стороны. Въ первомъ отношеніи онъ обращаетъ особенное вниманіе на общій всѣмъ гражданскимъ кодексамъ недостатокъ, состоящій въ смѣшеніи законодательства съ наукой и ведущій къ важнымъ неудобствамъ какъ для науки, такъ и для практики, и предлагаетъ, съ одной стороны, внести въ составъ предполагаемаго уложенія только то, что постановлено законодательною властью, а съ другой — устранить заимствованную у науки искусственность выдѣленія законовъ гражданскихъ отъ законовъ благоустройства, такъ какъ и по мысли редакціи Свода послѣдніе составляютъ лишь отрасль первыхъ въ значеніи особыхъ гражданскихъ законовъ, при чемъ, указывая на необходимость соединенія первыхъ съ послѣдними, авторъ признаетъ самое уложеніе удобнымъ не въ смыслѣ научнаго цѣлаго, а въ смыслѣ части законодательства, и притомъ въ смыслѣ совокупности однородныхъ уставовъ. Во второмъ отношеніи, указавъ на плодотворность многихъ предпринятыхъ уже отдѣльныхъ законодательныхъ работъ въ предѣлахъ предполагаемаго уложенія, авторъ считаетъ необходимымъ, при составленіи послѣдняго, имѣть въ виду основной принципъ всѣхъ отдѣльныхъ улучшеній, предлагая держаться неуклонно того направленія, которое предуказано самимъ правительствомъ въ великихъ современныхъ реформахъ, — направленія вполне солидарнаго съ началами той науки, которая основываетъ свои выводы на тщательномъ изученіи общежительныхъ потребностей человѣка¹⁾. Рѣчь проф. Пахмана вызвала продолжительныя рукоплесканія. Затѣмъ, профессоръ *И. Е. Андреевскій* прочелъ нижеслѣдующее,

¹⁾ Очеркъ содержанія рѣчи проф. Пахмана мы позволили себѣ заимствовать изъ *Правительственнаго Вѣстника*, имѣя въ виду, что напечатанное въ ономъ (№ 41) описаніе празднованія юбилея составлено однимъ изъ гг. профессоромъ университета при участіи г. Пахмана.

составленное профессором *В. В. Григорьевым* извлечение из написанной имъ „Исторической Записки о С.-Петербургскомъ университетѣ за первые пятьдесятъ лѣтъ его существованія“.

„Милостивые государи! Пятьдесятъ лѣтъ для жизни какаго-либо учрежденія — періодъ весьма недолгій. Между воспитанниками Петербургскаго университета, присутствующими въ настоящемъ собраніи, имѣемъ мы удовольствіе видѣть нѣсколькихъ, которые 50 лѣтъ тому назадъ были свидѣтелями его открытія. Въ числѣ наличныхъ профессоровъ университета есть одинъ, для котораго нынѣшній 50-лѣтній юбилей существованія университета совпадаетъ съ 50-лѣтнимъ юбилеемъ его литературной дѣятельности. Живъ еще и наслаждается здоровьемъ одинъ изъ бывшихъ профессоровъ нашего университета, который вступилъ на преподавательское поприще за 16 лѣтъ передъ тѣмъ, какъ учрежденъ былъ университетъ, и помнить послѣдніе годы Екатерины Великой.

„Но какъ ни кратко еще существованіе Петербургскаго университета, онъ въ судьбахъ своихъ видѣлъ болѣе тревоженій, чѣмъ какакой-либо другой изъ старѣйшихъ его русскихъ университетовъ: на немъ, какъ на университетѣ столичномъ, отпечатлѣвались рѣзче и глубже всѣ колебанія, которыя испытывала государственная и общественная жизнь Россіи въ теченіе послѣдняго полулѣтвѣя.

„Предположенный къ открытію одновременно съ Дерптскимъ, Казанскимъ и Харьковскимъ, въ началѣ настоящаго столѣтія, получилъ онъ существованіе 15-ю годами позже ихъ — вслѣдствіе отечественной и заграничныхъ войнъ, которыя поглощали въ теченіе этихъ годовъ вниманіе правительства, и покрывая государство славой, истощали его финансовыя средства. Въ этотъ періодъ Петербургскій университетъ существовалъ въ видѣ и подъ именемъ педагогическаго института. Здѣсь, при самомъ открытіи этого заведенія въ 1804 году, сосредоточено было нѣсколько отличныхъ преподавательскихъ силъ, которыми снабдила насъ преимущественно родственная намъ Карпатская Русь; попечитель Петербургскаго учебнаго округа съ 1810 года, С. С. Уваровъ, пополнилъ этотъ составъ новыми лицами съ именемъ въ наукѣ; кромѣ того, нѣсколько даровитыхъ молодыхъ людей изъ среды собственныхъ питомцевъ института приготовлено было, для замѣщенія кафедръ въ немъ, за границею, подъ руководствомъ тогдашнихъ ученыхъ знаменитостей Германіи и Франціи.

„Вслѣдствіе этого, при переименованіи, въ 1819 году, главнаго педагогическаго института въ Петербургскій университетъ, послѣдній

оказался обладающимъ такимъ составомъ профессоровъ, какимъ едва ли могъ похвалиться тогда какой-либо изъ русскихъ университетовъ. Припомнимъ, что представителями юридическихъ и политическихъ наукъ были въ немъ люди, какъ Валугьянскій, Куницынъ, Германъ, Зябловскій, Арсеньевъ; что философію читалъ Галичь, истолкователемъ классическаго міра являлся Грефе, минералогію преподавалъ Пансеръ, астрономію излагалъ Вишневскій, и къ трудному подвигу служенія евангельской истинѣ на университетской кафедрѣ призванъ былъ ученѣйшій русскій богословъ того времени, Павскій.

„При такомъ блестящемъ составѣ преподавателей и съ такимъ попечителемъ во главѣ, каковымъ былъ незабвенный въ исторіи русскаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ, университету Петербургскому предстояла, повидимому, съ первыхъ же шаговъ его, будущность самая ясная и радостная.

„Но не успѣлъ еще онъ установиться окончательно, какъ грянула надъ нимъ гроза и кобила въ цвѣту ожидавшійся плодъ. Іезуитскій обскурантизмъ, тяжелымъ гнетомъ налегшій на Россію въ началѣ 1820-хъ годовъ, лишилъ университетъ большей части лучшихъ его профессоровъ и придавилъ энергію остальныхъ. Изъ разсадника вышпихъ знаній университетъ на нѣсколько лѣтъ обратился въ простую школу, гдѣ половина преподавателей ни на шагъ не смѣла отступить отъ буквы плохихъ учебниковъ, своихъ или австрійскихъ, которыми волею-неволею должна была руководствоваться. Живительный духъ науки отлетѣлъ, казалось, отъ университета навѣки, оставивъ его въ добычу умственному застою и нравственному лицемерію.

„Этого и надѣялись адепты іезуитизма въ Россіи и за границею. Но надѣялись напрасно. Даже въ темный и тяжкій періодъ ихъ владычества находились въ университетѣ нашемъ энергическія и даровитыя личности, которыя высоко держали знамя науки и не давали угаснуть благотворному ея свѣтильнику. Помянемъ, съ глубокою признательностію къ ихъ заслугамъ, имена этихъ поборниковъ науки — О. И. Сенковского и Н. П. Щеглова. Если, къ сожалѣнію, влияние перваго изъ нихъ ограничивалось слишкомъ малымъ кружкомъ его слушателей, то послѣднему, по крайней мѣрѣ, одушевленнымъ словомъ своимъ и неутомимымъ перомъ удалось оставить по себѣ память одного изъ самыхъ ревностныхъ и успѣшныхъ распространителей естественныхъ наукъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ онъ далеко не пользовался тогда тою, какъ нынѣ, популярностію.

„И таково уже свойство учреждений, называемых университетами, что въ какомъ бы упадѣ ни находились они, все-таки образованіе, сообщаемое ими воспитанникамъ своимъ, ставитъ послѣднихъ, и по отношенію къ умственному развитію, и по нравственнымъ стремленіямъ, гораздо выше питомцевъ всякихъ другихъ учебныхъ заведеній высшаго разряда. Причина этому, которой многіе понять не могутъ, а потому готовы отвергать и самый фактъ, заключается въ томъ, что университетъ, давая студенту запасъ специальныхъ знаній не меньшей того, какой пріобрѣтается въ специальныхъ академіяхъ, сообщаетъ ему съ тѣмъ вмѣстѣ, незамѣтно для него самого и незамѣтно для другихъ, огромную массу энциклопедическихъ свѣдѣній, которая расширяетъ горизонтъ его возрѣній и вселяетъ въ него искреннее уваженіе къ знанію вообще, а не только къ тому отдѣлу этого знанія, которому посвятилъ онъ себя преимущественно. Студентъ-юристъ никогда не будетъ питать высокоумнаго презрѣнія къ наукамъ естественнымъ или математическимъ; студентъ-математикъ, если не на словахъ, то въ душѣ, никогда не позволитъ себѣ невѣжественныхъ насмѣшекъ надъ науками политическими или филологическими. Потому это, что студентъ-юристъ, какъ и студентъ-математикъ, видѣли въ продолженіе университетскаго курса многихъ изъ товарищей своихъ, которыхъ привыкли уважать за умственное превосходство и отличныя способности, предающимися съ увлеченіемъ не тому, что самихъ ихъ увлекаетъ: этого воспитанникамъ высшихъ специальныхъ школъ не дано видѣть. Потому это, что мимоходомъ, въ промежуточные часы, между своими лекціями, студентъ-юристъ, студентъ-математикъ зайдутъ въ аудиторію профессора физиологій или профессора исторій, которымъ слышали похвалы отъ товарищей своихъ натуралистовъ и филологовъ, и выходятъ изъ аудиторій этихъ подъ впечатлѣніемъ, что не въ одномъ ихъ факультетѣ проповѣдывается знаніе и вырабатывается истина: такихъ благотворныхъ впечатлѣній питомцы специальныхъ академій лишены. А постоянные толки и споры между студентами разныхъ факультетовъ о предметахъ ихъ работъ и чтеній, объ относительномъ достоинствѣ профессоровъ, и т. д., и т. д., — все это, служа дѣлу ихъ развитія и взаимному обмѣну свѣдѣній, въ то же время стираетъ съ университетской молодежи угловатости, порождаемыя крайнею спеціальностью, и устраняетъ сухость и узость односторонности. Въ конечномъ результатѣ студентъ выходитъ изъ университета не только специалистомъ, но еще и человекомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, съ воспримчивостію ю

всему, что есть высокаго и прекраснаго въ мірѣ, съ сочувствіемъ ко всему, чѣмъ бессмертный духъ нашъ питается и животворится.

„Потому, какъ ни глубоко было паденіе нашего университета въ теченіе десятилѣтія, послѣдовавшаго за разгромомъ, о которомъ сказано, существованіе его все-таки оставалось благомъ для государства. Не представлялъ, впрочемъ, чего-либо особенно исключительнаго даже и тогдашній уровень преподаванія въ нашемъ университетѣ: десятилѣтіе, о которомъ говоримъ, было періодомъ научнаго упадка всѣхъ безъ исключенія русскихъ университетовъ. Что Петербургскій университетъ, какъ ни былъ онъ изувѣченъ, стоялъ однако не ниже сотоварищей своихъ, свидѣлствуется тѣмъ фактомъ, что въ 1827 году, когда всѣ университеты наши высылали въ учрежденный тогда профессорскій институтъ лучшихъ воспитанниковъ своихъ, нашимъ доставлено было ихъ болѣе, чѣмъ какимъ-либо другимъ; сверхъ того, на предварительномъ испытаніи, которому подвергались эти молодые люди въ Академіи Наукъ, никто изъ нашихъ студентовъ забравованъ не былъ, нѣкоторые же изъ нихъ признаны даже за обладавшихъ „отличными познаніями не только по части, которой намѣревались они посвятить себя, но и по многимъ другимъ“. Вслѣдствіе этого, изъ всѣхъ попечителей учебныхъ округовъ, единственно попечителю Петербургскаго округа объявлено было Монаршее благоволеніе, а профессорамъ нашего университета — благодарность министерства народнаго просвѣщенія. Великая это была радость для университета въ свое время, и университетъ не долженъ забывать имена питомцевъ своихъ, которые принесли ему такую честь. Это были: Чивилевъ и Лапшинъ, въ послѣдствіи профессора въ Московскомъ и Харьковскомъ университетѣ, Калининъ и два брата Куторги (Степанъ и Михайлъ), въ послѣдствіи занимавшіе профессорское кресло въ нашемъ университетѣ, наконецъ, Шкляревскій, умершій безвременно въ Дерптѣ, но успѣвшій уже заявить о своемъ поэтическомъ дарованіи. — Что же касается до преподаванія восточныхъ языковъ и словесностей, оно, благодаря необыкновенной личности профессора Сенковского, стояло въ университетѣ нашемъ и въ этотъ періодъ его упадка на такой высотѣ, что воспитанниковъ - ориенталистовъ изъ другихъ университетовъ присылали учиться къ намъ, такимъ же образомъ какъ юристовъ и филологовъ изъ тѣхъ же университетовъ посылали доучиваться въ Дерптскій.

„Пора иной, лучшей жизни настала для нашего, какъ и для прочихъ русскихъ университетовъ, не ранѣе начала 1830-хъ годовъ, со вторичнымъ вступленіемъ въ министерство народнаго просвѣщенія

уволеннаго оттуда въ 1821 году графа С. С. Уварова, и съ возвращеніемъ изъ-за границы посланныхъ туда воспитанниковъ профессорскаго института, вслѣдъ за чѣмъ обнародованъ былъ въ 1835 году и новый уставъ для университетовъ, увеличившій ихъ матеріальныя средства. Устарѣвшіе профессора большею частію сошли тогда со сцены; ихъ замѣнили другіе, вывезшіе съ собою изъ Германіи новыя взгляды, новыя идеи, новыя научныя приемы, тамъ выработанныя. Молодежь бросилась слушать ихъ съ жадностію, полагая, какъ и всегда, что новое слово есть вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднее слово науки. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ оживленіе въ аудиторіяхъ господствовало необычайное, особенно въ факультетахъ юридическихъ. Для нашего университета вторая половина 1830-хъ и начало 1840-хъ гг. были самымъ поэтическимъ временемъ въ его существованіи, и можно сказать, самымъ производительнымъ: ни въ какой другой періодъ не выпустилъ онъ столько замѣчательныхъ людей, и въ наукѣ, и въ литературѣ; ни въ какую другую пору не процвѣтала въ немъ до такой степени студентская жизнь въ ея средневѣковыхъ, усвоенныхъ нашею молодежью, формахъ: тогда именно сложены были и распѣвались съ одушевленіемъ въ студентскихъ кружкахъ разныя, въ подражаніе „*Gaudeamus igitur*“, пѣсни, которыхъ теперь, чрезъ 30 лѣтъ, никто уже не помнитъ; тогда завелись было и дуэли, но русская удаля придавала рыцарской потѣхѣ такой серьезный характеръ, что вмѣстѣ съ нею прекратились скоро и другія, безвредныя, студентскія забавы. Изъ профессоровъ, которые стояли въ это время на первомъ планѣ по благому вліянію своему на студентовъ, имена обоихъ Куторгъ, Порошина, Калмыкова, Ленца останутся навсегда памятны для университета. Въ числѣ лучшихъ дѣятелей своихъ считалъ онъ тогда также Соколова (Д. И.), Фишера, Плетнева, Шульгина, Устридова, Никитенку и другихъ, продолжающихъ еще служеніе свое и донинѣ. Вообще до конца 1840-хъ годовъ университетъ продолжалъ благоденствовать, пополняясь и освѣжаясь постоянно новыми преподавательскими силами, которыя поддерживали и укрѣпляли въ немъ научный духъ. Умалчивая о лицахъ, украшающихъ еще занимаемыя ими кафедры, назовемъ лишь покойныхъ уже или оставившихъ университетъ: Губе, Неволіна, Милютіна, Воскресенскаго, Ильенкова, Шиховскаго, Буяковскаго, Гофмана, Прейса и т. д.

„Число студентовъ и вольныхъ слушателей, увеличиваясь постоянно, доходило уже у насъ въ 1848 году до 650 человекъ, цифры весьма значительной, принимая во вниманіе, что въ университетѣ нашемъ

нѣтъ медицинскаго факультета, слушатели котораго составляютъ большинство во всѣхъ русскихъ университетахъ. Все, казалось, обстояло благополучно и общало нашему университету и товарищамъ его дальнѣйшее, совершенно-безмятежное, преуспѣваніе какъ вдругъ въ означенномъ и послѣдующемъ году произошли во Франціи и Германіи извѣстныя печальныя событія. Ничего общаго не имѣли они съ нашею окрѣпшею на иныхъ основахъ русскою жизнью; между тѣмъ, западнымъ смутамъ этимъ суждено было отразиться на судьбѣ русскихъ университетовъ самымъ неблагоприятнымъ образомъ для ихъ развитія. Не перечисляя всѣхъ мѣръ, стѣснившихъ тогда эти учрежденія, припомнимъ лишь, что въ 1849 и 1850 годахъ общее число своевольтныхъ студентовъ въ каждомъ изъ университетовъ (за исключеніемъ медицинскихъ факультетовъ) ограничено было цифрою 300; всѣ университеты лишены права избранія ректора изъ среды профессоровъ; закрыты повсюду кафедръ философіи, и усиленъ затѣмъ надзоръ за университетскимъ преподаваніемъ; какъ-будто изъ этого именно источника истекало зло, послѣдствій котораго опасались. Время показало, что опасенія эти были напрасны; довѣріе правительства къ университетамъ возстановилось; стѣснительныя мѣры, принятія сгоряча, были въ послѣдствіи, одна вслѣдъ за другою, отмѣнены; но вредъ ими нанесенный дѣлу основательнаго высшаго образованія изглаженъ тѣмъ не былъ: послѣдствія его обнаружались позже и сказываются до сихъ поръ.

„Относительно къ судьбамъ нашего университета, конецъ царствованія Императора Николая ознаменовался измѣненіемъ въ организациіи его весьма существеннымъ: преподаваніе восточныхъ языковъ, читавшихся дотолѣ въ Казани, Одессѣ и другихъ мѣстахъ, было повсюду прекращено и сосредоточено затѣмъ единственно въ нашемъ университетѣ, гдѣ и образованъ для того цѣлый „факультетъ восточныхъ языковъ“ съ девятью въ немъ кафедрами. Осуществилась, такимъ образомъ, издавна и многими высказывавшаяся мысль о необходимости для Россіи имѣть особую „Азіатскую Академію“; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и значеніе нашего университета, какъ въ средѣ русскихъ собратій его, гдѣ сталъ онъ единственнымъ съ тѣхъ поръ представителемъ цѣлой отрасли знаній, имѣющей особую для Россіи важность, такъ и между университетами цѣлой Европы, ни въ одномъ изъ которыхъ восточные языки не преподаются въ такой обширности.

„Настоящее благополучное царствованіе, расторгшее столько узъ, связывавшихъ свободное развитіе русскаго народа, нахнуло, съ са-

мыхъ первыхъ дней своихъ, и на университеты наши столь необходимыми преуси́бляю ихъ свѣтомъ и теплою. На Петербургскомъ университетѣ благодѣтельное вліяніе его отразилось доставленіемъ значительному числу профессоровъ возможности освѣжить силы и свѣдѣнія свои за границею, куда доступъ имъ былъ дотолѣ закрытъ, и посылкою туда же значительнаго числа отличнѣйшихъ воспитанниковъ университета для довершенія ихъ образованія въ виду будущей профессуры. Университетскій уставъ 1835 года, признанный неудовлетворительнымъ, подвергнутъ былъ пересмотру и представленъ, съ потребными измѣненіями и уллученіями, на благоусмотрѣніе высшихъ властей, а между тѣмъ исходатайствовано разрѣшеніе на открытіе въ университетѣ нѣсколькихъ новыхъ кафедръ въ факультетахъ юридическомъ и филологическомъ; готовились осуществиться важныя преобразованія и въ факультетѣ физико-математическомъ. Число слушателей въ аудиторіяхъ университета возрасло до полутора тысячи человекъ. Профессоры, сверхъ университетскихъ, стали читать и публичныя лекціи, доступныя для всякаго рода посѣтителей и посѣтительницъ. Одинъ духъ, одно горячее стремленіе обнимали, повидимому, правительство и совѣтъ университета, и отдѣльныхъ его членовъ въ усиліяхъ ихъ на пользу науки и просвѣщенія въ отечествѣ, какъ вдругъ, съ осени 1861 года, начался рядъ прискорбныхъ и предосудительныхъ явленій, которыя повлекли за собою, въ декабрѣ того же года, Высочайшее повелѣніе о временномъ закрытіи университета.

„Не мѣсто и не время входить здѣсь въ изложеніе помянутыхъ печальныхъ явленій, тѣмъ болѣе, что и причины ихъ не выяснены еще достаточнымъ образомъ. Выразимъ лучше нашу общую радость, что, по благодати Монаршей, самая катастрофа, которую испыталъ нашъ университетъ, обратилась во благо и ему, и всѣмъ остальнымъ отечественнымъ университетамъ. Вслѣдствіе особыхъ мѣръ, принятыхъ къ составленію новаго университетскаго устава, выработался онъ въ такой сообразности съ предположенными цѣлями, что по утвержденіи его, въ 1863 году, Высочайшею Властію, университетъ нашъ возродился въ несравненно лучшемъ прежняго видѣ и зажилъ съ такою стройностію всѣхъ отпращеній своихъ, какая едва-ли когда дотолѣ имѣла въ немъ мѣсто.

„Главнѣйшею заботою университетскаго совѣта, по восстановленіи его уставомъ 1863 года, было, естественно, замѣщеніе значительнаго числа новыхъ кафедръ, по уставу этому открытыхъ, и многихъ ста-

рыхъ, оставленныхъ въ смутное время профессорами, ихъ занимавшими. Совѣту удалось сдѣлать это съ завиднымъ успѣхомъ. Съ одной стороны, взялись вновь, по призыву его, за преподавательскую дѣятельность извѣстные профессора прежняго времени, совсѣмъ было покинувшіе дѣло преподаванія; съ другой — призвалъ онъ въ этому дѣлу лучшія молодыя силы, самимъ университетомъ возвращенныя и приготовленныя. Двумя способами этими, съ присоединеніемъ нѣкотораго числа отличнѣйшихъ профессоровъ изъ провинціальныхъ университетовъ, которые предпочли службу въ столицѣ, замѣщено было у насъ болѣе тридцати преподавательскихъ вакансій, и образовался личный составъ преподавателей, замѣчательный столько же по ученому достоинству, сколько — можемъ сказать это съ гордостію — и по благородному единоклюбію, какимъ отличаются его дѣйствія. Въ настоящее время общее число университетскихъ преподавателей доходитъ до 75 человекъ, не включая сюда лаборантовъ, консерваторовъ, бібліотекарей и другихъ ученыхъ его чиновниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано было возможное по времени и средствамъ къ пополненію существовавшихъ и открытію новыхъ учено-вспомогательныхъ учреждений при университетѣ. Къ послѣдней категоріи относятся заведенные вновь: кабинетъ практической механики, геологической и палеонтологической, кабинетъ физиологической и учебная оранжерея съ теплицами. Библіотека университета, при открытіи его состоявшая всего изъ двухъ тысячъ съ небольшимъ названій въ 7.800 томахъ, заключаетъ въ себѣ теперь болѣе 40.000 названій и до 100.000 томовъ. Число студентовъ и вольныхъ слушателей, осенью 1863 г. простиравшееся всего до 426 человекъ, опять въ настоящее время подходитъ уже къ тысячѣ (951 чел.). Основательность образованія, выносимаго ими изъ университета, свидѣлствуется лучше всего возрастающимъ числомъ золотыхъ и серебряныхъ медалей, ежегодно раздаваемыхъ за удовлетворительное рѣшеніе предлагаемыхъ факультетами задачъ, и частыми публичными диспутами съ цѣлію пріобрѣтенія высшихъ ученыхъ степеней. Для поддержанія способнѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ между студентами недостаточнаго состоянія въ продолженіе университетскаго курса и по его окончаніи, университетъ располагаетъ въ настоящее время 215 стипендіями, инныя изъ коихъ простираются за 500 и даже до 600 руб. на одно лицо, всего же на сумму болѣе 50.000 руб. Сверхъ того, изъ сбора за слушаніе лекцій и другихъ источниковъ раздаются нуждающимся студентамъ единовременныя пособія: цифра такихъ пособій, выданныхъ въ прошломъ

1868 году, доходила до 12.672 рублей. Сверхъ всего этого, студенты недостаточнаго состоянія, не получающіе стипендій, освобождаются отъ платы за лекціи: въ истекшемъ 1868 году число такихъ не платящихъ простиралось до 365 человекъ, не считая 25-ти, плата за которыхъ была внесена изъ суммъ, пожертвованныхъ для этой цѣли г. Демидовымъ и Обществомъ для вспоможенія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Изъ сказаннаго видно, что болѣе половины наличнаго числа студентовъ и вольныхъ слушателей пользуются тѣми или другими льготами и пособіями. Благодаря привязанности къ своей alma mater между питомцами университета прежнихъ лѣтъ, и вообще довѣрью, которымъ удостоиваетъ его образованное общество, число стипендій въ пользу Петербургскихъ студентовъ возрастаетъ постоянно: университетъ не можетъ упомянуть объ этомъ безъ особенной благодарности къ жертвователямъ, столь благородно располагающимъ своимъ достояніемъ. Наконецъ, относительно духа науки въ нынѣшнемъ преподавательскомъ составѣ университета замѣтимъ, что до послѣдняго времени никогда не существовало при университетѣ никакихъ ученыхъ обществъ, и ни въ какихъ ученыхъ предпріятіяхъ не обнаруживалъ онъ почину; въ прошломъ же году состоялся въ университетѣ первый съѣздъ русскихъ натуралистовъ, успѣвшій уже издать громадный томъ трудовъ своихъ, и образовались при университетѣ два ученыя общества: „Химическое“ и „Естествоиспытательное“, и въ настоящемъ году получено разрѣшеніе на открытіе составившагося уже третьяго — „Филологическаго“.

„Таково, мм. гг., настоящее, въ высшей степени утѣшительное, положеніе С.-Петербургскаго университета; за то и мы—съ увѣренностію говоримъ это отъ лица всѣхъ товарищей нашихъ — сознавая, Кому обязаны нашимъ благоденствіемъ, чувствуемъ себя проникнутыми глубокою, безграничною преданностію къ Вѣнценосному Державцу судьбы Россіи, Который даровалъ намъ настоящій нашъ уставъ, и горячею признательностію къ патріотической дѣятельности исполнителя Его воли, не жалѣющаго заботъ и усилій, чтобъ уставъ этотъ не оставался мертвою буквою, а приносилъ всѣ плоды свои.

„Въ заключеніе изложеннаго краткаго очерка судьбы Петербургскаго университета, не лишнимъ будетъ отвѣтить на вопросъ: какую же пользу принесъ онъ отечеству 50-лѣтнимъ существованіемъ своимъ? Отвѣчаемъ: не смотря на неблагопріятныя обстоятельства, нѣсколько разъ прерывавшія правильный и успѣшный ходъ какъ преподаванія, такъ и пользованія имъ въ Петербургскомъ университетѣ,

аудитори его все-таки посѣщаемы были почти пятью тысячами молодыхъ людей; вмѣстѣ съ большимъ или меньшимъ запасомъ положительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для разумной дѣятельности на всѣхъ поприщахъ жизни, молодежь эта вынесла отсюда — на сколько способна была по натурѣ своей усвоить ихъ себѣ — и понятія объ обязанностяхъ челоуѣка и гражданина, гораздо правильнѣйшія тѣхъ, какія приобрѣтаются обыкновенно у домашняго очага, и практическія стремленія, несравненно благороднѣйшія внушаемыхъ семейнымъ эгоизмомъ. Изъ пяти тысячъ юношей этихъ, 2.365 окончили полный университетскій курсъ со степенью кандидата, а 920 — съ званіемъ дѣйствительнаго студента, слѣдовательно, людьми вполне приготовленными для полезной дѣятельности на тѣхъ поприщахъ, которыя имъ открывались. Огромное большинство ихъ поступило на государственную службу, судебную или административную, и значительная часть на службу педагогическую по разнымъ вѣдомствамъ. И тамъ, и тутъ можемъ мы назвать множество лицъ, которыя несли и несутъ свои обязанности съ особымъ отличіемъ, заслуживъ почетную извѣстность какъ видные и передовые, во многихъ случаяхъ, дѣятели. Для науки и изящной словесности между тѣмъ изъ питомцевъ университета, которые посвятили себя ученой и чисто-литературной дѣятельности, не имѣлъ онъ счастья дать ни Ломоносова, ни Пушкина; но въ числѣ современныхъ или отшедшихъ уже въ вѣчность поэтовъ, романистовъ и представителей науки въ отечествѣ можетъ онъ назвать своими многія блестящія и заслуженныя имена. Значительное участіе принимали также питомцы университета и въ дѣятельности періодической печати: издавая журналы и газеты литературныя, ученныя и промышленныя, или завѣдывая критическимъ ихъ отдѣломъ, имѣли они замѣтное вліаніе какъ на общественное мнѣніе, такъ и на ходъ дѣла, отъ него зависящій. Припомнимъ также, что самый могущественный въ 1830 годахъ литературный и ученый органъ, *Библиотека для Чтенія*, былъ и основанъ, и руководимъ профессоромъ Петербургскаго университета, и что профессоромъ того же университета издаваемъ былъ многіе годы и *Современникъ*, основанный Пушкинымъ съ цѣлю противодѣйствовать *Библиотецкѣ для Чтенія*. Изданіемъ множества отличныхъ учебниковъ по всѣмъ предметамъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ профессора Петербургскаго университета несомнѣннымъ образомъ содѣйствовали успѣхамъ народнаго образованія въ цѣлой Россіи. Въ Петербургскихъ военно-учебныхъ и другихъ специальныхъ корпусахъ, академіяхъ и ли-

целяхъ преподаваніе университетскихъ профессоровъ постоянно служило къ подъему научнаго уровня въ этихъ заведеніяхъ, вслѣдствіе чего на долю Петербургскаго университета приходится косвенно не малая часть и той пользы, которая принесена государству питомцами означенныхъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ школъ. Наконецъ, не распространяясь о государственной пользѣ, какую оказывали профессора университета, призывавшіеся высшею администраціею къ содѣйствію ей уясненіемъ тѣхъ или другихъ важныхъ вопросовъ, припомнимъ, что профессора эти были постоянно избираемы въ наставники лицъ Царствующей Фамиліи: на нихъ лежала святая обязанность сѣять сѣмена добра и знанія въ юныхъ душахъ тѣхъ, кого воля Божія призывала потомъ править судьбами отечества; имъ, царственнымъ наставникамъ этимъ, обязана посему Россія, быть можетъ, и сѣменами тѣхъ великихъ улучшеній и преобразованій, которыя обезпечили русскому народу возможность свободнаго развитія его силъ на благо себѣ и всѣмъ родственнымъ и единовѣрнымъ ему племенамъ міра“.

Многія мѣста извлеченія изъ исторической записки г. проф. Григорьева были сопровождаемы болѣе или менѣе продолжительными рукоплесканіями.

Потомъ взошелъ на кафедру заслуженный профессоръ *И. И. Срезневскій* и объявилъ, что Государю Императору благоугодно было соизволить на принятіе Ихъ Императорскими Высочествами, Великими Князьями Владиміромъ и Алексіемъ Александровичами званія почетныхъ членовъ С.-Петербургскаго университета, и потомъ провозгласилъ имена двадцати пяти особъ, вновь избранныхъ совѣтомъ университета въ почетные члены; они суть: митрополитъ Московскій и Коломенскій *Иннокентій*, архіепископъ Литовскій и Виленскій *Макарій*, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій *Нилъ*, предсѣдатель комитета министровъ, дѣйств. тайн. сов. князь *П. П. Гагаринъ*; министръ юстиціи, тайн. сов. графъ *К. И. Паленъ*, російскій посоль въ Константинополь, генераль-адъютантъ *Н. П. Игнатьевъ*, академикъ С.-Петербургской Академіи Наукъ *Н. Н. Зининъ*, членъ той же академіи, дѣйств. тайн. сов. *А. Ѳ. Миддендорфъ*, сенаторы, тайн. сов. *Н. В. Калачевъ* и *К. П. Побѣдоносцевъ*, сенаторъ Французской имперіи, членъ института *Мишель Шевалье*, профессора университетовъ: Аѳинскаго — *Рамави*, Вѣнскаго — *Игеринъ*, *Унгеръ* и *Штейнгъ*, Московскаго — *С. М. Соловьевъ*, Казанскаго — *Н. П. Вагнеръ* и *М. А. Ковальскій*, Дерптскаго — *Ѳ. Клаусенъ* и *Ф. Г. Миндичъ*,

Новороссійскаго — *Л. С. Ценковскій*, Кіевскаго — *Н. Х. Бунге*, бывшій заслуженный профессор С.-Петербургскаго университета *В. В. Шнейдеръ*, профессоръ медико-хирургической академіи *И. М. Съченовъ* и камергеръ *П. П. Демидовъ*. Затѣмъ были провозглашены имена лицъ, возведенныхъ въ степень почетныхъ докторовъ: академикъ Императорской Академіи Наукъ *Я. К. Гротъ* — доктора русской словесности; чешскій ученый *Воцель* — доктора славянской словесности; заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета Мирза *А. К. Каземъ-Бекъ* — доктора восточной словесности; академикъ Императорской Академіи Наукъ *Б. А. Дорнъ* — доктора восточной словесности; генераль-майоръ *А. В. Гадолинъ* — доктора минералогіи, и бывшій профессоръ артиллерійской академіи, полковникъ *Л. Н. Шишковъ* — доктора химіи. Провозглашеніе каждаго изъ сихъ именъ сопровождалось рукоплесканіями, которыя особенно были продолжительны послѣ того, какъ были провозглашены имена митрополита *Иннокентія*, архіепископа *Нила*, князя *П. П. Гагарина* и профессоровъ *Соловьева* и *Съченова*. Потомъ вновь взошелъ на кафедру профессоръ *Л. Е. Андреевскій* и провозгласилъ имена студентовъ, сочиненія которыхъ на предложенныя отъ университета темы признаны совѣтомъ онаго достойными награжденія медалями и почетными отзывами, при чемъ студентамъ вручили медали Его Императорское Высочество герцогъ *Н. М. Лейхтенбергскій*, высокопреосвященные *Иннокентій* и *Арсеній* и г. министръ народнаго просвѣщенія. Награждены медалями и почетными отзывами нижеслѣдующіе студенты:

- 1) По историко-филологическому факультету: за сочиненіе на тему „о заслугахъ Карамзина“: студенты *Степанъ Галактионовъ* — золотомъ, *Михайловскій* и *Николай Юницкій* — серебрянными; за сочиненіе на тему „о значеніи δῆμος у Прокопія“: *Владиміръ Срезневскій* — золотомъ, *Вячеславъ Срезневскій* и *Федоръ Фортинскій* — серебрянными.
- 2) По физико-математическому факультету: за сочиненіе на тему по прикладной математикѣ: „важнѣйшіе вопросы механики, въ рѣшеніи которыхъ требуется употребленіе эллиптическихъ координатъ“: студентъ *Максимъ Покровскій* — серебряною; за сочиненіе на тему по зоологіи: „изложить анатомію и исторію развитія болючеголовыхъ глистовъ“ *А. Кричаинъ* и *Федоръ Яржинскій* — золотыми и *Владиміръ Иверсенъ* — серебряною.
- 3) По юридическому факультету: за сочиненіе на тему по политической экономіи: „ученіе о протекціонизмѣ“ *Иванъ Сондриайло* — золотомъ, *Георгій Гойловичъ* и *Вячеславъ Россоловскій* — серебрянными и *Юлій Кузнецовъ* — почетнаго от-

зывает; за сочинение на тему по гражданскому праву „о преемствѣ и обязательствахъ по русскому праву“ Клавдій *Скворцовъ* и Эрнестъ *Пирвицъ* — золотыми, Павелъ *Мартыновъ* и Григорій *Яковлевъ* — серебряными, Григорій *Квятковскій* и Самуиль *Исаковичъ* — почетнаго отзыва. 4) По *факультету восточныхъ языковъ*: за сочинение на тему „о судьбахъ буддизма въ средней Азіи“ Павелъ *Поповъ* и Викторъ *Успенскій* — золотыми, и за сочинение на тему „обзоръ литературныхъ произведеній; приписываемыхъ Халифу Авию“ Георгій *Муркосъ* — серебряною медалью. Студентъ Муркосъ, по полученіи медали, обратился къ членамъ университета съ благодарственною рѣчью и въ немногихъ, но теплыхъ выраженіяхъ высказалъ, что онъ, какъ природный Арабъ, можетъ засвидѣтельствовать, на сколько восточные уроженцы благодарны Россіи, изучающей и просвѣщающей Востокъ. Рѣчь студента Муркоса произвела весьма пріятное впечатлѣніе на присутствующихъ и была награждена одушевленными рукоплесканіями. Наконецъ, взошелъ на кафедру ректоръ и объявилъ, что во время акта получено имъ изъ разныхъ краевъ Россіи и изъ-за границы 49 телеграммъ, изъ коихъ особенно упомянулъ о телеграммѣ къ студентамъ университета отъ студентовъ Московской духовной академіи, о телеграммѣ на имя ректора отъ студентовъ юридическаго факультета Казанскаго университета и о телеграммѣ отъ Сербскаго митрополита *Михаила*.

Въ заключеніе акта, продолжавшагося до 4-хъ часовъ, хоръ студентовъ съ аккомпаниментомъ оркестра пропѣлъ нѣсколько разъ народный гимнъ и кантату на латинскомъ языкѣ, сочиненную для юбилея студентомъ историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета *Столыпинымъ*.

Наконецъ, 9-го февраля профессоры университета дали обѣдъ въ большой университетской залѣ депутатамъ, представившимъ университету поздравительные адреса отъ университетовъ, ученыхъ обществъ и другихъ учреждений, на который были также приглашены нѣкоторые студенты; обѣдъ почтили своимъ присутствіемъ гг. министръ народнаго просвѣщенія, его товарищъ, полечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа и его помощникъ.

8-го февраля, въ той же залѣ дворянскаго собранія, гдѣ утромъ былъ отпразднованъ торжественный юбилейный актъ, вечеромъ собрались бывшіе студенты С.-Петербургскаго университета на юбилейный

обѣдъ, который начался въ исходѣ седьмого часа и на который при-
было болѣе 700 человекъ. Обѣдъ почтили своимъ присутствіемъ гг.
министръ народнаго просвѣщенія и его товарищъ. На каждомъ при-
борѣ лежалъ пакетъ, въ которомъ заключались: изящно литографи-
рованный листокъ съ рисункомъ, изображающимъ зданіе университета,
съ меню обѣда и съ нотными знаками, на оборотѣ, извѣстной сту-
дентской пѣсни „Gaudeamus igitur“¹⁾; печатная программа музыкаль-
ныхъ пьесъ, которыя долженъ былъ исполнить оркестръ во время
обѣда, и стихотвореніе, полученное изъ Кіева отъ *А. И. Подолн-
скаго*, воспитанника бывшаго при С.-Петербургскомъ университетѣ
благороднаго пансіона. Стихотвореніе это было потомъ прочитано на
обѣдѣ также бывшимъ воспитанникомъ благороднаго пансіона *А. Н.
Струговщиковымъ*. Вотъ оно:

Изъ стороны родной, но дальней,
Къ призыву дружному спѣша,
Тепло, отрадно и печально
Отозвалась моя душа.
Тамъ, гдѣ сойдется вы, какъ братья,
Подъ сѣнью взросліе одной,
И мнѣ бы не было изъятъя
Въ семьѣ по чувству не чужой...

Не суждена мнѣ эта встрѣча!
На душу грусти пала тѣнь,
Но мыслью, сердцемъ издалеча
Я съ вами праздную нашъ день!
День этотъ былъ уже когда-то,
Онъ канулъ въ безднѣ вѣковой,
И вдругъ воскреснулъ для возврата
Намъ нашей жизни молодой.

Чтобы въ нежностіи мгновенья
Душа опять пережила
Надежды, замыслы, волненья,
И все, чѣмъ юность такъ свѣтла,
Когда, казалось, каждый въ правѣ
За трудъ отъ жизни много ждать,
И можетъ-быть, о самой славѣ
Мечту отважную питать!

¹⁾ Замѣтимъ, что это по истинѣ изящное произведеніе типографскаго иску-
ства было дѣломъ печати В. И. Головина, кандидата историко-филологическаго
факультета С.-Петербургскаго же университета, который сожалѣлъ, чтобы сумма,
сдѣловавшая его типографіи за эту работу, была употреблена, по усмотрѣнію
распорядителей обѣда, въ пользу студентовъ С.-Петербургскаго университета.

Блаженъ кто вѣруетъ, какъ вѣрилъ,
 Кто не обмануть жизнью былъ,
 И въ трудной съ ней борьбѣ не мѣрилъ
 Напрасно мужества и силъ;
 Кого же гнала безпощадно
 Судьба желѣзною рукой,
 Пускай междъ насъ дохнетъ отрадно
 Былой, безнечною весной...

Счастливы, нѣтъ ли, все жъ живые,
 Еще мы сблизились хоть разъ,
 Но кругъ не полонъ... Гдѣ жъ другіе,
 Быть можетъ, лучшіе изъ насъ?
 Ихъ тщетно ищетъ взоръ печальный,
 Имъ не услышать нашъ привѣтъ —
 Почтемъ же чашей поминальной
 И тѣхъ, кто былъ — кого ужъ нѣтъ...

А ты, питомникъ строгой мысли,
 Ревнитель правды и труда,
 Свои дѣла вѣками числи;
 Какъ путеводная звѣзда,
 Свѣти отъ внука и до внука,
 И ярче, ярче каждый вѣкъ:
 Гдѣ высоко стоитъ наука,
 Стоитъ высоко человекъ!

Но существенная мысль этого торжества науки была высказана на юбилейскомъ обѣдѣ въ прочитанномъ за тѣмъ стихотвореніи В. И. Головина. Вотъ это стихотвореніе:

С.-Петербургскому университету.

Esto lux!

Съ распутиѣ жизни и съ путей широкихъ,
 Семейю тѣсною, свѣтлою семей,
 Отъ очаговъ и близкихъ, и далекихъ,
 Стеклися мы на праздникъ нашъ родной!

Стеклись, какъ встарь подъ нашимъ братскимъ кровомъ,
 Былой весною радостно дохнуть,
 На теплый зовъ отвѣтить теплымъ зовомъ,
 Слезой любви почившихъ помянуть!...

И Онъ междъ ними, Царь Благословенный,
 Виножникъ дня, зиждитель нашихъ благъ,
 Возжегшій нашъ свѣтильникъ многоцвѣтный...

И Онъ... нашъ ангелъ... въ небесахъ!

Но ты, о АЛМА МАТЕР, безъ печали
 Его прекрасный образъ сохрани

И ту любовь, которую сіяли
Его, народамъ памятные, дни.
Да не уклонять знаменія вѣка
Тебя отъ свѣтлыхъ истинъ всѣхъ вѣковъ;
Люби и чти въ наукѣ человѣка, —
И правду въ жизнь волею твоя любовью!
Любовь науку съ вѣрой породнила
И жажду ихъ зажгла у насъ въ крови;
Онѣ двойчатки-сестры: та же сила
И та же немощь безъ любви!

Цвѣти жь, любовью нашею хранимый,
Цвѣти вѣка, питомникъ строгихъ думъ,
И бодро стой, въ челѣ земли родимой,
За самородность русскую и умъ!

Блюди свои завѣтные основы,
Блюди и вѣр: тѣ годы разцвѣтуть,
Когда съ науки нашей и со слова
Чужихъ оковъ остатки упадутъ!

Тогда... хранить ты будешь наше пламя,
Ревниво нашъ свѣтильникъ сторожить,
И — самобытной русской мысли знамя
Поднимешь первый, можетъ-быть!...

И кто жь въ грядущемъ русскаго народа
Дерзнетъ не чаять мощи и добра
Здѣсь, гдѣ смирилась самая природа
Предъ непреклонной волею Петра!

Смотрите, здѣсь Онъ, пѣстунъ нашей славы,
Кто насъ для дѣлъ великихъ воспиталъ,
Онъ на утесъ вознесся величаво
И гордо змѣя ветхаго попралъ;

Къ коллегіямъ простеръ свою десницу
И къ сѣверу направилъ мощный слѣдъ:
„И тамъ зажгите знанія денницу, —
Да свѣтитъ всюду, всюду свѣтъ!“

За обѣдомъ было провозглашено нѣсколько тостовъ и сказано нѣсколько рѣчей. Тостъ за Государя Императора вызвалъ безчисленные крики „ура“ и сопровождался гимномъ „Боже, Царя храни“; также сочувственно были встрѣчены тосты за благоденствіе Россіи и за процвѣтаніе университета. Этотъ послѣдній тостъ вызвалъ пѣніе присутствовавшими пѣсни „Gaudeamus igitur“. Профессоръ *И. Е. Андреевскій* сказалъ рѣчь о значеніи студента и университета, а бывший студентъ *К. А. Тимошевскій* прочелъ стихотвореніе, вызвавшее шумное одобреніе; приводимъ двѣ послѣднія строфы его:

Студенты! не правда ли, это слово
 Свежо и молодо звучить?
 Его слышавъ, каждый снова
 На жизнь доврчиво глядитъ...
 Студентъ подъ знаменемъ науки
 Стремиться къ истинѣ привыкъ:
 На честный трудъ обрекъ онъ руки,
 На службу правдѣ — свой языкъ.

Студенты! выпьемъ за былое!
 За славный университетъ!
 Да проживетъ онъ много лѣтъ!
 Пусть въ немъ сокровище родное,
 Россіи честь и красота,
 Наука, юности отрада,
 Царить, могуча и чиста,
 Какъ Олимпійская Паллада!

Въ тотъ же день въ клубѣ, подъ названіемъ Общества поощренія частному труду, былъ балъ, устроенный учащимися студентами, на которомъ присутствовали гг. ректоръ и профессора университета съ ихъ семействами. Да послужить этотъ фактъ залогомъ все бѣльшаго и бѣльшаго единенія профессоровъ и студентовъ, столь необходимаго для успѣшной во всѣхъ отношеніяхъ дѣятельности первыхъ и для всесторонняго, умственнаго и нравственнаго, преуспѣянія послѣднихъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣятельности Московскаго университета въ 1868 году. — О раздѣленіи въ Московскомъ университетѣ кафедры гражданскаго права и гражданскаго судоустройства и судопроизводства на двѣ самостоятельныя кафедры. — Мнѣнія совѣтовъ университетовъ объ учрежденіи особой кафедры гигиены и медицинской полиціи. — О раздѣленіи на отдѣленія юридическаго и физико-математическаго факультетовъ Новороссійскаго университета. — Предположеніе объ устройствѣ втораго съѣзда русскихъ естествоиспытателей (въ Москвѣ). — О печатаніи протоколовъ засѣданій правленія университета св. Владимира. — Правила С.-Петербургскаго университета для литографированія профессорскихъ лекцій. — Публичныя лекціи въ Московскомъ университетѣ.

Въ № 1 *Московскихъ Университетскихъ Извѣстій* напечатанъ краткій отчетъ о состояніи Московскаго университета за 1868 годъ; извлекаемъ изъ этого отчета нижеслѣдующее.

Въ теченіе минувшаго года въ Московскомъ университетѣ учреждено пять студентскихъ стипендій: 1) По Высочайшему повелѣнію, изъ суммъ, собранныхъ Высочайше учрежденнымъ комитетомъ для образованія Ломоносовскаго капитала, отчислено 10.000 рублей на учрежденіе стипендій въ Московской духовной академіи и въ Московскомъ университетѣ. Изъ процентовъ съ означенной суммы 300 рублей назначено собственно на стипендію въ университетѣ для студентовъ историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ, съ тѣмъ чтобы стипендіею пользовались студенты этихъ факультетовъ поочередно; съ этою стипендіею не сопряжено для получающихъ ее студентовъ никакого обязательства. 2) На проценты съ капитала, 1.750 руб., внесеннаго двумя лѣкарями и двумя почетными гражданами *Колесовыми*, съ Высочайшаго соизволенія, учреждена стипендія подъ наименованіемъ: „Стипендія Московскаго мѣщанина Алексѣя Пе-

тровича Плотникова“, для недостаточныхъ студентовъ изъ мѣщанскаго сословія Архангельской губерніи. 3) На проценты съ капитала 8.000 рублей, пожертвованнаго наслѣдницею ст. сов. Лепехина, дочерью гвардіи ротмистра Е. П. *Мимоковой*, учреждены, съ Высочайшаго соизволенія, двѣ стипендіи ст. сов. С. В. Лепехина, по 200 рублей каждая, для студентовъ медицинскаго и юридическаго факультетовъ. 4) Кол. сов. *Матавкинъ*, по духовному завѣщанію, отказалъ три банковыхъ билета, въ 1.000 руб. каждый, на учрежденіе стипендіи для студентовъ всѣхъ факультетовъ, съ тѣмъ чтобъ они пользовались ею поочередно. Изъ сдѣланныхъ въ пользу университета пожертвованій упомянемъ здѣсь о двухъ: 1) бывший доцентъ Московскаго университета К. А. *Рачинскій* пожертвовалъ бібліотеку покойнаго Н. Г. *Фролова*, которая была передана въ собственность г. Рачинскаго тещей его, А. Е. *Фроловой*, и 2) Общество Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, изъ суммъ, собранныхъ на бывшей російской этнографической выставкѣ, пожертвовало 1.000 руб. на увеличеніе научныхъ средствъ университетскаго зоологическаго музея. Съ другой стороны, сдѣланы были пожертвованія университетомъ: а) профессора и преподаватели пожертвовали въ пользу жителей нѣкоторыхъ губерній, пострадавшихъ отъ голода, 500 руб. изъ суммы сбора за слушаніе лекцій, подлежащей раздѣлу между профессорами и преподавателями, и б) въ видахъ пользы общественнаго просвѣщенія, университетъ уступилъ дублиеты нѣкоторыхъ книгъ его бібліотеки въ даръ учреждаемой въ г. Ташкентѣ бібліотекѣ, бібліотекѣ Московскаго губернскаго статистическаго комитета и бібліотекѣ Херсонскаго св. Владимира первокласснаго монастыря. Университетскимъ совѣтомъ избраны въ почетные члены: высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Московскій *Иннокентій*, генераль-фельдмаршалъ, генераль-адъютантъ князь А. И. *Барятинскій*, министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. *Толстой*, Московскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ князь В. А. *Долгоруковъ*, министръ государственныхъ имуществъ, генераль-адъютантъ А. А. *Зеленый*, князь В. А. *Черкасскій*, Ю. О. *Самаринъ*, заслуженный профессоръ богословія, протоіерей П. М. *Терновскій*, баронъ Юстусъ *Либихъ*, Робертъ *Моль*, профессоръ и ректоръ Гиссенскаго университета *Лейкартъ*, Гейдельбергскій профессоръ политической экономіи *Рау*, профессоръ *Реньо* въ Парижѣ, профессора медицинскаго факультета Берлинскаго университета *Эренбергъ* и *Вирховъ* и профессоръ Пражскаго университета *Нуркине*. На основаніи примѣчанія къ § 113 устава, возведены: въ степень

доктора юридическихъ наукъ почетный членъ Московскаго университета К. П. *Побѣдоносцевъ* и въ степень доктора зоологіи — П. А. *Сверцовъ*. Вновь опредѣлены доцентами: по кафедрѣ государственнаго права — магистръ *Сергѣевичъ*, по кафедрѣ греческой словесности — магистръ *Коршъ*, для преподаванія судебной медицины — докторъ медицины *Леонинъ* и по кафедрѣ медицинской химіи — докторъ медицины *Бульгинскій*. — Предъ началомъ 1868 — 1869 академическаго года 406 молодыхъ людей, окончившихъ полный гимназическій курсъ или выдержавшихъ полное въ этомъ курсѣ испытаніе, изъявили желаніе вступить въ число студентовъ. Изъ нихъ, на основаніи § 1 университетскихъ правилъ о приемѣ въ студенты, 157 человѣкъ были подвергнуты повѣрочному испытанію (colloquium), по окончаніи коего 9 изъ нихъ не удостоены принятія въ число студентовъ. Изъ другихъ университетовъ, лицеевъ и академій перешло въ Московскій университетъ 103 студента и вновь принято 36 бывшихъ студентовъ онаго. Въ первой половинѣ года допущено къ слушанію лекцій въ качествѣ стороннихъ слушателей 68 человѣкъ и 59 аптекарскихъ помощниковъ. Вообще къ концу 1868 года находилось преподавателей и служащихъ по административной части 114 человѣкъ, кромѣ того занимающихъ сверхштатныя должности 6, стороннихъ преподавателей 5, приватъ-доцентовъ 12; учащихся: а) студентовъ 1.611, а именно: на историко-филологическомъ факультетѣ 96, физико-математическомъ 234, юридическомъ 919 и медицинскомъ 362; б) стороннихъ слушателей 68, и в) аптекарскихъ помощниковъ 59. Изъ числа студентовъ состояло на казенномъ содержаніи 144, стипендіатовъ: Государя Императора 2, въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Николая Александровича 4, Варшавскаго учебнаго округа 13, Юго-Славянъ 5, на благотворительномъ содержаніи, на иждивеніи Донскаго Войска, Закавказскаго края, Восточной и Западной Сибири и другихъ 146. Изъ окончившихъ въ 18^{67/68} году курсъ ученія оставлены при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ, на два года, кандидаты: по историко-филологическому факультету — *Фортуатовъ*, по физико-математическому — *Чистяковъ* и *Богомоловъ* и по юридическому — *Чуровъ*, *Богдановъ* и *Никольскій*. Утверждены въ ученыхъ степеняхъ: а) доктора: греческой словесности — ординарный профессоръ *Плховскій*, всеобщей исторіи — сверхштатный ординарный профессоръ *Герье*, химія — лаборантъ *Семеновъ* и медицины — *Нисбергъ*, *Воскресенскій*, *Башикировъ*, *Зелисонъ*, *Фейлинъ*, *Горячевъ*, *Бульгинскій*, *Богословскій*, *Радцигъ*, *Шереметевскій*, *Григорьевъ*,

Высоцкий и *Гаазъ*; б) магистра: философіи—*Скворцовъ*, чистой математики — *Литниковъ* и *Θ. Орловъ*, римской словесности — доцентъ *Коршиъ*, уголовного права — *Орловъ* и фармаціи—*Земеръ*. Изъ окончившихъ курсъ студентовъ удостоены: а) степени кандидата: по историко-филологическому факультету — 4, по физико-математическому—45 (изъ нихъ 19 по отд. математическихъ наукъ и 26 по отд. естественныхъ наукъ), по юридическому—85; сверхъ того удостоены степени кандидата 9 стороннихъ слушателей (1 по историко-филологическому факультету, 3 по физико-математическому факультету и 5 по юридическому), итого 143; б) званія дѣйствительнаго студента: по историко-филологическому факультету — 4, по физико-математическому — 22 (по отд. математическихъ наукъ 8 и по отд. естественныхъ наукъ 14), по юридическому — 97, итого 133; в) степени леккаря — 54. На минувшій учебный годъ предложены были слѣдующія темы для сочиненій на медали: въ историко-филологическомъ факультетѣ—„критическая исторія православія у Западныхъ Славянъ“; въ физико-математическомъ: по чистой математикѣ—„теорія функціи мнимаго переменнаго“, по зоологіи — „сравнительное описаніе головного мозга и нервовъ, изъ него выходящихъ, у рыбъ, встрѣчающихся на Московскихъ рынкахъ“ (сем. *Percoidei*, *Esocini*, *Cyprinoidei*, *Gadidei* и *Accipenserini*), въ юридическомъ—„о мѣстничествѣ“, въ медицинскомъ — „сравнительное дѣйствіе іодистаго и бромистаго каля на животный организмъ“. За представленныя на эти темы сочиненія награждены: а) золотыми медалями: въ историко-филологическомъ факультетѣ — окончившій курсъ со степенью кандидата *Мельниковъ*; въ физикоматематическомъ—окончившій курсъ тоже со степенью кандидата *Гласко* (за сочиненіе по сравнительной анатоміи), студенты: 4-го курса *Соминъ* и 2-го *Гертъ-Штейнъ* (сочиненія написаны на тему по математикѣ); въ юридическомъ — студентъ 3-го курса *Петровский*; б) свидѣтельствомъ на золотую медаль — окончившій курсъ въ физикоматематическомъ факультетѣ со степенью кандидата *Пржишшховскій*; в) серебряными медалями: въ историко-филологическомъ факультетѣ—студенты 4-го курса *Блажеевскій* и *Симичъ*, въ физико-математическомъ—студенты 4-го курса *Даньель*, въ юридическомъ—студенты 4-го курса *Васильевъ* и *Чижовъ*, въ медицинскомъ—студентъ 5-го курса *Постловъ*; д) почетнымъ отзывомъ: въ физико-математическомъ факультетѣ—студентъ 4-го курса *Горючкинъ* и сторонній слушатель *Залуговскій* и въ юридическомъ факультетѣ — студентъ 4-го курса *Померанцевъ*.—Со студентовъ и стороннихъ слушателей за часть схл, отд. 4.

шаніе лекцій поступило 50.236 руб. 51¹/₂ коп.; между тѣмъ изъ числа 1.611 студентовъ было освобождено отъ полной платы за слушаніе лекцій 672 и отъ половинной 32, итого 704 студента, а 32-мъ студентамъ высшихъ курсовъ отсрочена плата до окончанія курса. Единовременныя пособія выданы изъ суммъ государственнаго казначейства 338 студентамъ. Всего на стипендіи и пособія студентамъ употреблено 44.440 руб. Сверхъ того израсходовано на содержаніе: казенныхъ студентовъ 27.656 руб. 30 коп., стипендіатовъ Варшавскаго учебнаго округа 3.580 руб., славянскихъ стипендіатовъ 900 руб., пансіонеровъ Бойска Донскаго, Сибири и другихъ казенныхъ учрежденій и вѣдомствъ 10.261 руб. 58 коп., стипендіатовъ на проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ 8.205 руб. 15 коп., итого 50.603 руб. Наконецъ, израсходовано на личный составъ служащихъ по учебной, хозяйственной и административной части 189.410 руб. и на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 118.219 руб.—Учебно-вспомогательныя учрежденія въ 1-му января текущаго года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ—89.658 названій въ 148.633 томахъ и 4.950 fasc; въ студентской библіотекѣ—3.679 названій въ 7312 томахъ. Въ физическомъ кабинетѣ 485 инструментовъ и снарядовъ; въ зоологическомъ музеѣ—76.750 предметовъ; въ физиологической лабораторіи—атласовъ и рисунковъ 68, книгъ и журналовъ 389, снарядовъ и инструментовъ 1.082, физиолого-химическихъ препаратовъ 39; въ астрономической обсерваторіи—инструментовъ и снарядовъ 70; въ фармацевтическомъ кабинетѣ—химико-фармацевтическихъ препаратовъ 1.124, фармакогностическихъ экземпляровъ 741, книгъ 669 томовъ, посуды и стеклянныхъ орудій 1.072; въ музеѣ физиологической анатоміи—препаратовъ 7.500, различныхъ микроскоповъ 14, въ числѣ ихъ одинъ большой Росса и Шевалье, 8 простыхъ и сложныхъ лупъ; въ музеѣ патологической анатоміи—препаратовъ, книгъ, собраній рисунковъ 1.370; здѣсь находятся инструменты, необходимыя для анатомо-патологическихъ изслѣдованій, и въ числѣ ихъ 16 микроскоповъ. Въ кабинетахъ: сельско-хозяйственномъ—2.661 предметъ, химическомъ—препаратовъ 315, видовъ кристалловъ 588, снарядовъ и инструментовъ 1.675, книгъ и чертежей 306; въ большомъ минералогическомъ—минераловъ 10.421 нумеръ, въ маломъ—2.813, въ палеонтологическомъ—5.793 нумера, въ милицъ-кабинетѣ—17.417 монетъ и медалей, въ кабинетѣ судебной медицины—57 препаратовъ, 114 анатомическихъ инструментовъ, 14 различныхъ снарядовъ, 1 микроскопъ Гартнакка, ящикъ съ химическими реакти-

вами и 47 рисунковъ книгъ и журналовъ; вскрытій произведено 83. Въ кабинетъ сравнительной анатоміи — готовыхъ препаратовъ 1.755, матеріаловъ для приготовленія препаратовъ 244, инструментовъ и снарядовъ 408, посуды 92, атласовъ и книгъ 28 названій. Число предметовъ, находившихся въ ботаническомъ кабинетѣ и саду, въ отчетѣ не означено. Въ терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники (на 50 кроватяхъ) состояло больныхъ 359, изъ нихъ выздоровѣло 277, умерло 36, осталось къ 1869 году 46; за совѣтами приходило 4.425; въ хирургическомъ отдѣленіи (тоже на 50 кроватяхъ) — больныхъ состояло 308, изъ нихъ выздоровѣло 251, умерло 8, осталось 49; приходящихъ за совѣтами было 2.740; большихъ операций произведено 105, малыхъ 260; въ акушерскомъ отдѣленіи клиники находилось 907 беременныхъ и больныхъ, изъ числа коихъ 875 разрѣшились отъ бремени (854 было правильныхъ родовъ и 21 представляли различныя уклоненія); въ специальной факультетской клиникѣ болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ (на 11 кроватяхъ) больныхъ было 60, изъ нихъ выздоровѣло 35, получили облегченіе 24, умеръ 1; операций произведено съ полнымъ успѣхомъ большихъ 36, малыхъ 100; пользовались совѣтами 587; въ дѣтскомъ отдѣленіи той же клиники (11 кроватей) больныхъ состояло 83, изъ нихъ выздоровѣло 64, умерло 8, подавались совѣты 1.577-ми, операций произведено 99. Въ хирургическомъ отдѣленіи госпитальной клиники больныхъ пользовалось 360, изъ нихъ выздоровѣло 267, умерло 39, операций произведено большихъ 59, малыхъ 304; въ терапевтическомъ отдѣленіи — больныхъ поступило 837, выздоровѣло и получило облегченіе 619, умерло 133. Въ Московскую глазную больницу являлось за совѣтами 7.814; операций произведено 1.327. Въ заключеніе этого извлеченія изъ отчета о состояніи и дѣятельности Московскаго университета укажемъ на нижеслѣдующіе ученые труды профессоровъ, преподавателей и другихъ служащихъ: ордин. проф. *Сергѣевскій* издалъ 12 книжекъ журнала *Православное Обозрѣніе*, орд. проф. *Соловьевъ* издалъ XVIII томъ „Исторіи Россіи“, въ *Вѣстникѣ Европы* помѣстилъ начало сочиненія „Наблюденія надъ историческою жизнію народовъ“ и въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* напечаталъ статью: „Прогрессъ и религія“ и приготовилъ къ печати „Курсъ новой исторіи“. Ордин. проф. *Калиновскій* издалъ „Практическое руководство къ удобренію почвы, соч. Э. Вольфа“, и вмѣстѣ съ ордин. проф. *Киттары* напечаталъ десять выпусковъ перевода на русскій языкъ „Химіи Муспратта“. Ордин. проф. *Бабстъ* печаталъ „Учебникъ политической экономіи“. Ордин.

проф. *Юрневичъ* напечаталъ „Курсъ общей педагогикѣ“. Орд. проф. *Буслаевъ* напечаталъ 3-мъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ „Историческую грамматику русскаго языка“. Орд. проф. *Гиварттовскій* приготавливалъ матеріалы для изданія „Фармаціи“. Орд. проф. *Капустинъ* напечаталъ 1-й выпускъ сочиненія: „Юридическая догматика“. Орд. проф. *Биллевъ* приготавливалъ „Исторію Полотска или сѣверо-западнаго края“. Орд. проф. *Соколовскій* оканчивалъ печатаніе „Органической фармакодинамики“. Орд. проф. *Богдановъ* приготавливалъ къ изданію: „Матеріалы для антропологіи Русскихъ“ и „Описание краниологическаго собранія Московскаго университета, составленнаго Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія“. Орд. проф. *Пьховскій* занимался исторіей филологіи, для изданія. Орд. проф. *Герье* напечаталъ диссертацию на степень доктора: „Лейбницъ и его вѣкъ“. Экстраорд. проф. *Бабухинъ*, по приглашенію редактора учебника гистологіи, составляемаго въ настоящее время многими учеными за границу, приготавливалъ нѣкоторыя статьи для этого учебника. Въ вакаціонное время онъ занимался въ Триестѣ изслѣдованіемъ: 1) развитія элементовъ нервной системы; 2) тончайшаго строенія нервныхъ клѣтокъ и осевыхъ цилиндровъ; 3) периферическихъ окончаній нервовъ въ электрическихъ органахъ, и 4) строенія хрящевыхъ образований у низшихъ моллюсковъ. Результаты этихъ работъ уже приготовлены къ печати, и о тончайшемъ строеніи осевыхъ цилиндровъ и образѣ ихъ происхожденія уже напечатано въ *Centralblatt für die medicinischen Wissenschaften* (Nov.). Въ теченіе года подъ руководствомъ г. Бабухина многіе лѣкаря занимались физиологическими и гистологическими изслѣдованіями для написанія докторскихъ диссертаций, изъ которыхъ одна (лѣкаря *Выотскаго*) уже написана и защищена („О всасывающей способности роговой прозрачной оболочки“). Доцентъ *Поповъ* помѣстилъ въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* и издалъ отдѣльной книгой сочиненіе: „Мадьярскій историкъ Владиславъ Салай и исторія Венгріи отъ Арпада до прагматической санкціи“. Испр. должн. адъюнкта *Ивановъ* занимался составленіемъ „Латинскаго синтаксиса примѣнительно къ русскому языку“. Испр. должн. адъюнкта *Тилонравовъ* напечаталъ вторымъ изданіемъ „Слово о полку Игоревѣ“ и печаталъ „Пособія для преподаванія русской словесности“. Хранитель зоологическаго музея *Зенгеръ* принималъ участіе въ редакціи энтомологическихъ матеріаловъ губерній Московскаго учебнаго округа. Лаборантъ *Семеновъ* напечаталъ докторскую диссертацию подъ заглавіемъ: „Теорія объемовъ въ ея соотношеніи съ удѣльнымъ вѣсомъ со-

ставныхъ началъ химическихъ соединеній“. Лекторъ *Фелкель* напечаталъ „21-ю книгу Римской исторіи Т. Ливія съ примѣчаніями и словаремъ“ и первый выпускъ (3 перв. кн.) „Пандектъ“. Лекторъ *Смитъ* продолжалъ печатать „Руководство англійскаго языка для русскихъ учебныхъ заведеній“. Сторонній преподаватель *Басовъ* перевелъ и издалъ „Латинскую христоматию“ Якобса. Помощникъ прозектора *Барсовъ* занимался переводомъ полнаго путешествія Олеарія въ Россію и Персію въ 1633 — 39 годахъ; въ вышедшихъ въ 1868 году трехъ книгахъ *Чтеній Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* напечатаны первыя три книги путешествія. Лаборантъ *Коропчевскій* занимался продолженіемъ перевода „Анатоміи Генле“. Сверхъ того читали публичныя лекціи профессора *Киттары*, *Калиновскій*, *Любимовъ* и *Капустинъ* и доцентъ *Поповъ*.

— Юридическій факультетъ Московскаго университета обратилъ вниманіе на недостатокъ нынѣшняго устройства юридическихъ факультетовъ нашихъ университетовъ. Недостатки эти, по мнѣнію факультета, такъ велики, что юридическій факультетъ существуетъ, можно сказать, только по имени, представляя собою на самомъ дѣлѣ факультетъ камеральныхъ или политическихъ наукъ. Если изъ 13 кафедръ юридическаго факультета исключить общую кафедру энциклопедіи законовѣдѣнія, то на долю собственно юридическихъ наукъ приходится всего только три кафедры, и именно: римскаго, русскаго гражданскаго и уголовнаго права; но и эти три кафедры имѣютъ только по одному преподавателю, изъ которыхъ каждый непремѣнно долженъ выполнить всю громадную программу этихъ многосложныхъ предметовъ. Чтобы яснѣе показать неправильность относительнаго положенія наукъ въ нашихъ юридическихъ факультетахъ, Московскій факультетъ указываетъ, что римское право читается даже въ самыхъ незначительныхъ заграничныхъ университетахъ, какъ въ Марбургскій, Гиссенскій, Цюрихскій, двумя ординарными профессорами и по крайней мѣрѣ однимъ доцентомъ, а въ большихъ университетахъ, напримеръ, Берлинскомъ, Вѣнскомъ, римское право читаютъ отъ 4 до 6-ти человекъ; что туземное право (догма) преподается обыкновенно по крайней мѣрѣ двумя лицами и притомъ такъ, что торговое и вексельное право читается особыми специалистами, равно какъ и гражданскій процессъ всегда имѣетъ особаго преподавателя; что уголовное право обыкновенно излагается тремя-четырьмя лицами, не считая судебной медицины, которая всегда имѣетъ особаго преподавателя-специалиста; что вообще въ западныхъ университетахъ процессы по-

всѣмѣстно отдѣлены въ преподаваніи отъ правъ и для нихъ имѣются особые курсы. При такомъ положеніи дѣла юридическій факультетъ Московскаго университета призналъ необходимымъ обратиться въ совѣтъ съ ходатайствомъ образовать по крайней мѣрѣ для гражданскаго судопроизводства особую кафедру на собственные средства, и изложилъ по этому поводу слѣдующія, между прочимъ, побудительныя причины. Обширность кафедры гражданскаго права въ настоящемъ ея видѣ дѣлаетъ положительно невозможнымъ для одного преподавателя выполнить въ надлежащей полнотѣ программу даже въ общемъ ея очеркѣ. Гражданское право распадается прежде всего на два предмета: догму и процессъ, изъ которыхъ каждый подраздѣляется на такіе обширные отдѣлы, что они считаются особыми специальными курсами, на серіозное изложеніе которыхъ потребовалось бы по крайней мѣрѣ 16—17 часовъ въ недѣлю, что превышаетъ силы одного человѣка, и потому преподаватели гражданскаго права въ нашихъ университетахъ или предлагаютъ слушателямъ общій курсъ въ видѣ пространной программы, или же ограничиваются изложеніемъ только главнѣйшихъ его отдѣловъ, проходя остальные въ краткомъ обзорѣ. Торговое же и вексельное право, а равно и нотаріальная часть, почти нигдѣ не читаются. Между тѣмъ настоящее состояніе нашей юстиціи требуетъ людей съ основательнымъ специальнымъ юридическимъ образованіемъ, которое предполагаетъ не только общія, но и специальныя чтенія въ университетахъ. Далѣе юридическій факультетъ Московскаго университета замѣчаетъ, что новое, вводимое у насъ судопроизводство требуетъ, какъ для пользы преподаванія, такъ и въ видахъ ученой разработки нашего нетронутого еще наукою права, изученія не по книгамъ только, но и на самомъ дѣлѣ, въ судахъ, кои для юриста то же, что клиники и больницы для врачей. Практическое изученіе права рано или поздно должно войти въ кругъ служебныхъ обязанностей профессора гражданскаго права: онъ столько же долженъ находиться въ судѣ, сколько и въ аудиторіи. Между тѣмъ въ настоящее время, когда у него на рукахъ два огромные предмета для преподаванія, ему нѣтъ возможности даже заглядывать въ суды, и тѣмъ болѣе постоянно слѣдить за отправленіемъ нашего правосудія. Отъ этого страдаетъ не только преподаваніе, но и наука нашего права, ибо безъ практическихъ случаевъ, казусовъ, юристу, особенно же цивилисту, не надѣ чѣмъ работать, у него нѣтъ матеріала. Затѣмъ факультетъ излагаетъ, что необходимо учредить самостоятельную кафедру гражданскаго судопроизводства, независимо отъ цѣлей научныхъ, и въ видахъ привле-

ченія преподавателей, потому что при открытой нынѣ молодымъ юристамъ быстрой, блестящей и прибыльной карьерѣ, на скромное преподавательское поприще можно еще привлекать нѣкоторыхъ изъ нихъ только открытіемъ пути въ ординарные профессора, на вѣчную же доцентуру никто не пойдетъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ юридическій факультетъ Московскаго университета единогласно постановилъ ходатайствовать предъ совѣтомъ объ открытіи на первый разъ особой каѳедры хотя гражданскаго судопроизводства на счетъ специальныхъ средствъ университета. Совѣтъ, вполне раздѣляя доводы юридического факультета, съ своей стороны постановилъ (въ засѣданіи 20-го апрѣля 1868) ходатайствовать объ учрежденіи означенной каѳедры на счетъ указаннаго источника впредь до того времени, когда министерство народнаго просвѣщенія признаетъ возможнымъ ходатайствовать объ ассигнованіи на эту отдѣльную каѳедру содержанія изъ суммъ государственнаго казначейства. А въ засѣданіи 7-го сентября было заявлено совѣту предложеніе г. попечителя Московскаго учебнаго округа о томъ, что управляющій министерствомъ г. товарищъ министра разрѣшилъ, на основаніи § 42, лит. В, п. 3, раздѣлить каѳедру гражданскаго права и гражданскаго судопроизводства на двѣ отдѣльныя каѳедры: а) на каѳедру гражданскаго права и б) на каѳедру гражданскаго судопроизводства и судопроизводства, съ производствомъ содержанія профессору или доценту по сей послѣдней каѳедрѣ, на основаніи § 21 устава, изъ специальныхъ средствъ Московскаго университета, впредь до возможности отнести этотъ расходъ на счетъ государственнаго казначейства (*Моск. Унив. Извѣстія* № 7 и 9).

— По общ. уставу унив. 1863 года, преподаваніе гігіены и медицинской полиціи входитъ въ составъ каѳедры судебной медицины съ токсикологіей. Вслѣдствіе этого въ началѣ 1866 года совѣтъ Казанскаго университета ходатайствовалъ, чрезъ г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, объ учрежденіи самостоятельной каѳедры гігіены и медицинской полиціи въ замѣнъ каѳедры общей патологіи, которую онъ полагалъ обратить въ доцентуру; но министерство народнаго просвѣщенія, основываясь на истребованныхъ по этому предмету мнѣніяхъ совѣтовъ прочихъ университетовъ и въ виду высокаго научнаго значенія для медицины общей патологіи, не согласилось на такое ходатайство. Въ истекшемъ году въ совѣтѣ того же университета снова возникъ вопросъ объ отдѣльномъ, равноправномъ преподаваніи гігіены и судебной медицины по поводу возвращенія изъ-за границы

доктора медицины *Гвоздева*, который въ 1865 году былъ отправленъ министерствомъ за границу для приготовления къ профессорскому званію по судебной медицинѣ и о которомъ совѣтъ Казанскаго университета, вслѣдствіе полученнаго изъ министерства запроса, просилъ медицинскій факультетъ доставить заключеніе, не признаетъ ли онъ полезнымъ предложить г. Гвоздеву преподавательскую должность по кафедрѣ судебной медицины. Это побудило профессора судебной медицины *Якобіа* изложить предъ факультетомъ свои соображенія относительно общаго вопроса—о преподаваніи гигиены и затѣмъ относительно вопроса частнаго—о приглашеніи доктора Гвоздева. Г. Якобіи выразилъ полное свое убѣжденіе, что гигиена, какъ ученіе о народномъ здравіи, и медицинская полиція, какъ средство его достиженія, составляютъ одно нераздѣльное, вполне самобытное цѣлое, второму предстоитъ играть великую рѣшающую роль въ дѣлѣ народнаго и государственнаго развитія. „Такое убѣжденіе, говоритъ г. Якобіи, проявилось и въ моихъ дѣйствіяхъ: 1) Въ своемъ курсѣ гигиены я слилъ съ нею медицинскую полицію въ одно цѣлое; въ этомъ смыслѣ поданы были всѣ мои программы преподаванія; въ этотъ же смыслѣ производились и экзамены; та же мысль положена въ основаніе моего предложенія объ измѣненіи экзамена на званіе уѣзднаго врача. 2) По поводу запроса министерства народнаго просвѣщенія о различныхъ предположеніяхъ относительно преподаванія я представилъ въ факультетъ въ началѣ 1866 года заявленіе о настоятельной необходимости отдѣленія гигиены съ медицинскою полиціей отъ судебной медицины. Перечитывая свое тогдашнее заявленіе, я подтверждаю и теперь его справедливость, какъ на основаніи теоретическихъ соображеній, совершенно понятныхъ для всѣхъ членовъ факультета, такъ и на основаніи новыхъ крупныхъ фактовъ— фактовъ земства, къ которому я принадлежу“. Далѣе проф. Якобіи указываетъ на университеты Кіевскій и Харьковскій и на С.-Петербургскую medico-хирургическую академію, которые сознали необходимость расширить предѣлы преподаванія гигиены и пришли къ заключенію учредить для нея особую кафедру. Затѣмъ проф. Якобіи обращается къ иностраннымъ университетамъ. Мюнхенскій медицинскій факультетъ въ 1862 году призналъ нужнымъ, чтобы медицинская полиція была замѣнена курсомъ гигиены и чтобы сія послѣдняя преподавалась отдѣльно и не была связана съ кафедрой государственнаго врачевствѣ и судебной медицины. Съ этимъ же согласился и Вюрцбургскій университетъ, и баварское правительство учредило кафедру ги-

гигиены. Въ заключеніе проф. Якобій приводитъ извлеченіе изъ рѣчи профессора *Петенкофера* на Франкфуртскомъ съѣздѣ ученыхъ, гдѣ было учреждено особое отдѣленіе для гигиены. Изъ этого извлеченія видно, что въ нѣмецкихъ университетахъ обходились съ гигиеной не какъ съ самостоятельнымъ предметомъ, а какъ съ частію такъ-называемаго государственнаго врачевновѣдѣнія (*Staatsarzneikunde*); ее они отдали подъ начало судебной медицины; одинъ и тотъ же преподаватель обязанъ былъ читать и то и другое, и при выборѣ его обращали вниманіе преимущественно на его познанія въ судебной медицинѣ, предполагая, что каждый, само собою разумѣется, легко справится съ медицинскою полиціей. Такіе порядки были крайне безплодны для гигиены. Въ Англіи и Франціи существуютъ особыя кафедрныя гигиены. Разбирая причины, побуждающія отдѣлить судебную медицину отъ гигиены, проф. Петенкоферъ говоритъ: „Анатомію съ хирургіей или физиологію съ акушерствомъ гораздо естественнѣе соединить въ однихъ рукахъ, чѣмъ судебную медицину съ гигиеной. Область гигиены такъ велика, предметы ея занятій такъ многочисленны, работы остается еще такъ безконечно много, что она не только можетъ, но даже обязана желать себѣ полнаго мѣста между факультетскими предметами. Она имѣетъ такъ мало общаго съ вопросами, которые судья предлагаетъ медицинскимъ наукамъ, что ея отдѣленіе отъ судебной медицины должно бы быть еще необходимѣе, чѣмъ даже отдѣленіе юстиціи отъ администраціи“. Переходя затѣмъ ко второму частному вопросу относительно доктора Гвоздева, профессоръ Якобій высказалъ, что г. Гвоздевъ принадлежитъ къ ученымъ судебнымъ врачамъ чисто судебно-медицинскаго направленія; что въ его диссертациі на степень доктора онъ остался вѣренъ своей полезной задачѣ: отдѣль, отведенный въ ней экспертизѣ (то-есть, тому именно, что имѣетъ цѣлю судебная медицина въ собственномъ смыслѣ слова), составляетъ наиболѣе выдающуюся часть его изслѣдованія, и что поэтому онъ съ пользою можетъ быть преподавателемъ судебной медицины — науки у насъ еще новой, которая съ введеніемъ гласнаго суда только-что начинаетъ свое самостоятельное развитіе, и слѣдовательно, и то великое служеніе, на которое она, какъ ученіе о судебно-врачебной экспертизѣ, призвана въ благоустроенномъ обществѣ. Раздѣляя мнѣніе проф. Якобіа о необходимости и пользѣ отдѣленія гигиены съ медицинскою полиціей отъ судебной медицины, медицинскій факультетъ Казанскаго университета призналъ возможнымъ учредить особую кафедру этихъ предметовъ, не требуя новаго

расхода изъ государственнаго казначейства, слѣдующими двумя способами: или 1) каведру фармаціи и фармакогнозіи, по примѣру университета св. Владиміра, обратить въ доцентуру, тѣмъ болѣе, что занимающій эту каведру доцентъ не можетъ быть повышенъ, по немѣннѣю требуемой ученой степени, а вмѣсто ея возвысить гигиену въ каведру, также по примѣру университета св. Владиміра; или 2) для учрежденія каведры гигиены и медицинской полиціи можетъ дать средства сама судебная медицина безъ всякаго вреда себѣ: по распредѣленію медицинскаго факультета, утвержденному министерствомъ въ 1864 году, при каведрѣ судебной медицины значатся три доцентуры: а) гигиена съ медицинскою полиціей, б) медицинская географія и статистика и в) эпизоотія и ветеринарная полиція; затѣмъ токсикологія, соединенная по уставу 1863 года съ судебною медициною, отнесена особой доцентурою къ каведрѣ фармакологіи единственно потому, что въ фармакологической лабораторіи преподаватель токсикологіи можетъ удобнѣе производить эксперименты, имѣя подъ руками всѣ токсическія вещества. Изъ этихъ четырехъ доцентуръ, оставивъ эпизоотию и ветеринарную полицію на прежнемъ мѣстѣ, остальные можно съ удобствомъ упразднить, и сумму, которая могла бы отпускаться на содержаніе этихъ доцентуръ, употребить на учрежденіе каведры гигиены и медицинской полиціи, соединивъ съ нею медицинскую географію и статистику, такъ какъ онѣ составляютъ одни изъ предметовъ гигиены; при семъ токсикологія снова можетъ быть соединена, согласно съ уставомъ, съ судебною медициною, какъ ея составная часть. При такомъ распредѣленіи остается 600 руб. въ экономіи. Представляя все это совѣту университета, факультетъ присовокупилъ, что еслибъ одна изъ вышеназванныхъ мѣръ относительно учрежденія отдѣльной каведры гигиены получила одобреніе въ уваженіе тѣхъ побужденій, которыя высказаны въ мнѣніи проф. Якобіа, то факультетъ съ полною готовностью предложилъ бы г. Гвоздеву преподавательскую должность по каведрѣ судебной медицины въ виду согласія проф. Якобіа перейти на каведру гигиены по открытіи ея. Совѣтъ Казанскаго университета, вполнѣ раздѣляя мнѣніе медицинскаго факультета объ отдѣленіи гигиены съ медицинскою полиціей отъ судебной медицины и объ образованіи для первыхъ двухъ предметовъ отдѣльной каведры, вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ лучшимъ осуществить это первымъ изъ указанныхъ факультетомъ способовъ, и только если это окажется невозможнымъ, то вторымъ. Г. попечитель Казанскаго учебнаго округа, объяснивъ, что совѣтъ университета предпочелъ

первый способъ въ виду сохраненія нормальнаго числа каедръ (16), положеннаго по уставу, съ своей стороны присовокупилъ: 1) что онъ не видитъ особенной необходимости отдавать предпочтеніе гигиенѣ предъ судебною медициною въ виду чрезвычайной важности послѣдняго предмета для практическихъ врачей, и такихъ именно, а не ученыхъ специалистовъ, должны, по убѣжденію г. попечителя, образовывать медицинскіе факультеты; 2) что онъ не находитъ удобнымъ и цѣлесообразнымъ отдавать преимущество гигиенѣ предъ фармаціей и фармакогнозіей, дѣлая первую ординатурой, а вторую обращая въ доцентуру, потому что фармація и фармакогнозія тоже предметы первой важности для практическаго врача, и 3) что второй способъ, предположенный медицинскимъ факультетомъ, неудобенъ потому, что увеличиваетъ число каедръ вопреки уставу. Въ заключеніе г. попечитель выразилъ мысль, что для совершенно правильнаго рѣшенія вопроса, возбужденнаго медицинскимъ факультетомъ Казанскаго университета, было бы необходимо потребовать мнѣнія по этому предмету отъ медицинскихъ факультетовъ другихъ нашихъ университетовъ, съ чѣмъ согласился управлявшій министерствомъ г. товарищъ министра. Нынѣ получены въ министерствѣ отзывы по изложенному предмету совѣтовъ Кіевскаго, Московскаго, Харьковскаго и Дерптскаго университетовъ, которые всѣ вполне признаютъ пользу учрежденія особой каедры для гигиены и медицинской полиціи, но присоединяютъ съ своей стороны, за исключеніемъ впрочемъ совѣта Кіевскаго университета, нѣкоторые особыя соображенія. Такъ какъ въ Кіевскомъ университетѣ уже учреждена, съ разрѣшенія бывшаго министра народнаго просвѣщенія, отъ 15-го октября 1865 года, каедра гигиены съ медицинскою полиціей и медицинскою географіей и статистикой, отдѣльно отъ каедры судебной медицины съ эпизоотическими болѣзнями и ветеринарною полиціей, то посему совѣтъ этого университета выразилъ полное сочувствіе къ предположенію совѣта Казанскаго университета. Совѣтъ Московскаго университета полагаетъ, что гигиена и медицинская полиція должны составить предметъ особой каедры вмѣстѣ съ ученіемъ объ эпизоотическихъ болѣзняхъ и ветеринарною полиціей, и что эта каедра можетъ быть устроена на счетъ двухъ доцентуръ, на томъ основаніи, что при 17 доцентахъ на 16 профессоровъ въ факультетѣ, и по учрежденіи даже трехъ или четырехъ каедръ на счетъ доцентуръ, количество доцентовъ въ факультетѣ останется достаточное. Затѣмъ, прося объ учрежденіи каедры гигиены и медицинской полиціи съ уче-

ніемъ объ эпизоотическихъ болѣзняхъ и ветеринарною полиціей на счетъ двухъ доцентуръ, совѣтъ не называетъ тѣ доцентуръ, вмѣсто которыхъ можетъ быть учреждена каѣдра, потому что въ уставѣ университетовъ опредѣлено лишь число доцентовъ безъ наименованія каѣдръ, при которыхъ они должны состоять. Совѣтъ Харьковскаго университета не одобряетъ ни того, ни другаго изъ предложенныхъ совѣтомъ Казанскаго университета способовъ для учрежденія новой каѣдры. Первый способъ онъ признаетъ невыгоднымъ, потому что фармація и фармакогнозія составляютъ очень важную каѣдру, руководящую медицинскимъ и фармацевтическимъ образованіемъ, такъ какъ при ней, помимо студентовъ медицины, находится отдѣльная школа фармацевтовъ. Затѣмъ, разсматривая относительную важность другихъ каѣдръ, совѣтъ Харьковскаго университета предлагаетъ обратить въ доцентуру каѣдру общей терапіи и врачебной діагностики на томъ основаніи, что общая терапія, при современномъ состояніи медицины, все болѣе и болѣе теряетъ свое прежнее обширное значеніе и составляетъ предметъ, который удобно можно отнести къ каѣдрѣ фармакологіи, а врачебная діагностика не представляетъ самостоятельной науки, для которой слѣдовало бы имѣть отдѣльную каѣдру тѣмъ болѣе, что при ней не полагается клиникъ. Второй способъ признается неудобнымъ, потому что съ уничтоженіемъ доцентуръ при каѣдрѣ судебной медицины профессоръ этого предмета, не имѣя кому передать нѣкоторыя изъ своихъ занятій, будетъ слишкомъ обремененъ, такъ что на обязанности его будутъ лежать, сверхъ систематическаго изложенія судебной медицины, еще судебно-медицинскія вскрытія и госпитальное судебно-медицинское отдѣленіе. Наконецъ, совѣтъ Дерптскаго университета, признавая, что гигиена по изслѣдованіямъ и успѣхамъ своимъ заслуживаетъ почетнаго мѣста, потому что она приобрѣла значеніе истинно практической науки, столь же важной, какъ и терапія, находитъ однакожь полезнымъ учрежденіе особой каѣдры въ такомъ только случаѣ, если это не будетъ сопряжено съ ущербомъ для какого-либо другаго предмета. Г. попечитель Дерптскаго учебнаго округа съ своей стороны полагаетъ, что возбужденный совѣтомъ Казанскаго университета вопросъ не должно разсматривать съ точки зрѣнія однихъ лишь преподавателей, но надлежитъ принять въ соображеніе и множество предметовъ, которые уже обязаны слушать студенты медицинскаго факультета. „Въ новѣйшее время, говоритъ графъ Кейзерлингъ, болѣе и болѣе обнаруживается, что въ медицинѣ слушаніе лекцій о такихъ предметахъ.

которые могутъ быть усвоены съ помощью печатныхъ руководствъ, не имѣтъ успѣха, соответствующаго употребленному времени. Поэтому, по моему мнѣнію, учрежденіе отдѣльной каведры для гигиены и медицинской полиціи будетъ болѣе обременительнымъ для студентовъ медицины, чѣмъ полезнымъ“.

— Совѣтъ Новороссійскаго университета, по представленію юридическаго факультета, ходатайствовалъ о раздѣленіи этого факультета на два отдѣленія: юридическихъ и государственныхъ наукъ. Министерство народнаго просвѣщенія признало полезнымъ такое раздѣленіе только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если окажется возможность устроить отдѣльное преподаваніе предметовъ, входящихъ въ одно отдѣленіе въ большемъ объемѣ изложенія, а входящихъ въ другое — въ сокращенномъ и приноровленномъ къ цѣли объемѣ. Но какъ, при крайнемъ недостаткѣ въ Новороссійскомъ университетѣ преподавателей по юридическому факультету, таковое устройство преподаванія не возможно, дѣлать же различія между главными и дополнительными предметами только по отиѣткамъ на экзаменахъ, какъ предполагалъ совѣтъ Новороссійскаго университета, представляется положительно вреднымъ, въ чемъ убѣждаетъ опытъ по отношенію къ другимъ университетамъ, то посему министерство признало раздѣленіе юридическаго факультета Новороссійскаго университета въ настоящее время неудобноисполнимымъ и несвоевременнымъ (*Прот. Новор. унив. № 3*). Между тѣмъ, по ходатайству совѣта того же университета, министерство въ іюнѣ 1868 года разрѣшило раздѣлить физико-математическій факультетъ этого университета на отдѣленія: а) математическихъ наукъ, б) физико-химическихъ наукъ, в) естественно-историческихъ наукъ и г) техническихъ наукъ и агрономіи; однакожь этого раздѣленія на дѣлѣ не послѣдовало: физико-математическій факультетъ донесъ совѣту, въ засѣданіи 7-го октября, что вслѣдствіе малочисленности преподавателей, онъ считаетъ необходимымъ разрѣшенное министерствомъ раздѣленіе факультета на отдѣленія отложить до тѣхъ поръ, пока составъ факультета достигнетъ надлежащей полноты (*Тамъ же № 4*).

— Постановленіемъ бывшаго въ прошломъ году въ С.-Петербургѣ съѣзда русскихъ естествоиспытателей выражено желаніе осуществить второй съѣздъ въ Москвѣ въ августъ текущаго года. Это рѣшеніе вполне совпало какъ съ давнишнимъ желаніемъ физико-математическаго факультета Московскаго университета, такъ и съ желаніемъ Московскихъ ученыхъ обществъ и учреждений: извѣстно, что еще въ

началѣ шестидесятыхъ годовъ была составлена ими комиссія для устройства съѣзда, предположенія которой не осуществились тогда по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ ни отъ факультета, ни отъ другихъ ученыхъ учреждений. Вполнѣ сочувствуя успѣху С.-Петербургскаго университета въ осуществленіи перваго общаго съѣзда русскихъ естествоиспытателей и сознавая не только пользу такихъ съѣздовъ вообще, но и особенно полезное значеніе, которое они могутъ имѣть въ настоящее время для естествознанія въ Россіи, доставляя случай ознакомить съ своими трудами болѣе обширный кругъ ученыхъ тѣмъ специалистамъ, которые въ послѣднее время сгруппировались около каждаго изъ университетовъ, физико-математическій факультетъ Московскаго университета просилъ совѣтъ: 1) выразить сочувствіе осуществленію втораго съѣзда въ Москвѣ и ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи университету устроить этотъ съѣздъ во второй половинѣ августа сего года; 2) такъ какъ для осуществленія съѣзда предстоитъ много предварительныхъ работъ, требующихъ значительнаго времени, то разрѣшить физико-математическому факультету организовать изъ себя комиссію для устройства втораго съѣзда русскихъ естествоиспытателей; 3) такъ какъ съѣздъ долженъ быть общимъ дѣломъ всѣхъ русскихъ естествоиспытателей и такъ какъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ условій для развитія науки въ Москвѣ было то, что университетъ всегда шелъ единодушно съ другими учеными учреждениями Москвы, а они съ своей стороны всегда охотно соединялись для общаго дѣла съ университетомъ, то пригласить къ совмѣстному съ физико-математическимъ факультетомъ устройству съѣзда какъ спеціальныя естественно-историческія общества, каковы общества испытателей природы, любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, акклиматизаціи и математическое, такъ и такія общества и учрежденія, кои по роду своей дѣятельности интересуются успѣхами естествознанія, каковы: Петровская земледѣльческаа академія, Техническое училище, Общество сельскаго хозяйства, физико-медицинское, русскихъ врачей и садоводства. При этомъ факультетъ, зная преданія университета, ученыхъ обществъ и учреждений, выразилъ предъ совѣтомъ надежду, что это предложеніе будетъ принято съ полнымъ сочувствіемъ, и потому просилъ совѣтъ выразить желаніе осуществить при университетѣ и совмѣстно съ факультетомъ общественный комитетъ для устройства съѣздовъ изъ депутатовъ отъ ученыхъ обществъ и учреждений. Хотя съѣздъ, по примѣру С.-Петербургскаго, предполагается исключительно естественно-историческій,

но по связи естественныхъ наукъ съ медицинскими, физико-математическій факультетъ считаетъ особенно полезнымъ просить медицинскій факультетъ назначить депутатовъ для организаціи секцій физиологии и анатоміи. Въ заключеніе физико-математическій факультетъ присовокупилъ, что каждое самостоятельное проявленіе русской ученой жизни всегда было дорого Московскому университету и всегда могло разчитывать на его горячее сочувствіе; поэтому факультетъ надѣется найти въ совѣтъ Московскаго университета и одобреніе и поддержку въ такомъ важномъ для укрѣпленія самостоятельности русской науки дѣлѣ, какимъ является дѣло о сѣздахъ русскихъ естествоиспытателей. Совѣтъ постановилъ просить, вопервыхъ, ходатайства г. попечителя учебнаго округа о разрѣшеніи Московскому университету устроить поманутый сѣздъ, и вторыхъ, поручилъ физико-математическому факультету составить подробную программу сѣзда и представить оную на разсмотрѣніе совѣта университета (*Моск. унив. изв.* № 9).

— Деканъ медицинскаго факультета университета св. Владиміра, ординарный профессоръ *Мацонъ*, по уставу университетовъ состоя вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ университетскаго правленія, ознакомившись съ ходомъ дѣла онаго, убѣдился, что было бы весьма желательно, дабы протоколы засѣданій правленія были печатаемы, и вошелъ объ этомъ съ предложеніемъ въ правленіе, мотивировавъ предложеніе слѣдующими, между прочимъ, соображеніями. Денежныя средства университета, завѣдываемыя правленіемъ, сравнительно недостаточны, и при всей крайней бережливости правленіе не въ состояніи удовлетворить многимъ даже весьма основательнымъ требованіямъ. Съ другой стороны ошибки правленія весьма возможны, тѣмъ болѣе, что дѣла его требуютъ отъ членовъ правленія часто такихъ свѣдѣній, напримѣръ, по строительной и тому подобнымъ частямъ, которыя не вытекаютъ изъ научной подготовки профессора. Поэтому гласность дѣлъ можетъ принести не малую пользу тѣмъ, что она можетъ вызывать справедливыя со стороны другихъ членовъ совѣта заключенія и указанія, по которымъ можно или исправлять случившіяся ошибочныя постановленія, или же по крайней мѣрѣ избѣжать подобныхъ на будущее время. Предложеніе проф. *Мацона* было принято прочими членами правленія и затѣмъ вполне одобрено совѣтомъ, который просилъ г. попечителя учебнаго округа о разрѣшеніи привести предложенную правленіемъ мѣру въ исполненіе. Г. попечитель, имѣя въ виду, что § 47 общ. уст. унив. постановлено печатать лишь протоколы со-

вѣта, просилъ сообщить мнѣніе, признаетъ ли совѣтъ необходимымъ печатаніе протоколовъ и по какимъ именно уваженіямъ. Вслѣдствіе этого, совѣтъ, въ засѣданіи 4-го октября, постановилъ представить г. попечителю слѣдующія свои соображенія: 1) Изъ §§ общ. уст. унив.: 42 (лит. А, пун. 5 и 9), 51 (лит. В), 54 и 109 видно, что важнѣйшія дѣла, касающіяся главнымъ образомъ правленія университета, подлежатъ обсужденію и рѣшенію совѣта, какъ то: а) распредѣленіе суммъ, назначенныхъ по штату на учебныя пособія по факультетамъ; б) разсмотрѣніе финансовой смѣты университета, а равно разсмотрѣніе и утвержденіе ежегодной смѣты доходовъ и расходовъ специальныхъ средствъ университета, составляющихъ его собственность; в) разсмотрѣніе ежемѣсячно сообщаемой правленіемъ вѣдомости о состояніи наличныхъ суммъ университета. Независимо отъ сего, само правленіе нерѣдко представляетъ на обсужденіе совѣта болѣе серіозныя дѣла по части строительной и хозяйственной. При обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ приведенныхъ дѣлъ для предстоящаго извѣстнаго года, членамъ совѣта весьма полезно было бы знать, какъ и въ истекшемъ году, и на какія учрежденія и предметы были выполняемы главныя статьи смѣты финансовой и специальной; разсмотрѣнныхъ совѣтомъ. Такое ознакомленіе представится возможнымъ при печатаніи протоколовъ правленія. Только путемъ этой мѣры каждый членъ совѣта получитъ возможность составить себѣ полное представленіе о всѣхъ дѣлахъ университета, и слѣдовательно, тѣмъ самымъ совершенно зрѣло и безошибочно подавать голосъ по всѣмъ дѣламъ не только научнымъ, но и денежнымъ и хозяйственнымъ. 2) Совѣтъ и правленіе составляютъ два главные органа, въ вѣдѣніи которыхъ сосредоточено все университетское управленіе; они сравнены между собою вообще въ порядкѣ дѣлопроизводства, и наконецъ, находятся въ постоянномъ соотношеніи между собою, и потому было бы весьма полезно, чтобы протоколы правленія, подобно какъ и совѣта, печатались, чрезъ что всѣ дѣла правленія были бы извѣстны всѣмъ членамъ университетскаго сословія, и кромѣ того переписка, употребляемая на взаимныя сообщенія между совѣтомъ и правленіемъ, отчасти была бы сокращена. Въ заключеніе совѣтъ присовокупилъ, что имѣя въ виду болѣе или менѣе продолжительное время, потребное на полученіе, въ установленномъ порядкѣ, разрѣшенія начальства на приведеніе вышеизложенной мѣры въ исполненіе, онъ призналъ возможнымъ просить правленіе сообщать совѣту, по истеченіи каждыхъ двухъ недѣль, выписку изъ рѣшеній правленія по главнѣйшимъ предметамъ. Выписка эта

для сокращенія переписки, имѣеть быть излагаема печатно, въ количествѣ 40 экземпляровъ, и должна быть сообщаемая, въ качествѣ справки, только членамъ совѣта. (*Кіев. Унив. Изв.* № 11 и 12).

Совѣтомъ С.-Петербургскаго университета назначена была особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ ординарн. профессора *Пахмана*, для обсужденія вопроса о литографированіи университетскихъ лекцій. Приступивъ къ своимъ занятіямъ, коммиссія признала нужнымъ обратиться къ университетскимъ дѣламъ и нашла въ нихъ два распоряженія по предмету литографированія профессорскихъ лекцій: одно цензурное, а другое университетское. Первое состоитъ въ томъ, что назначаемыя для руководства студентовъ записки должны быть литографированы не иначе, какъ съ означеніемъ на выходящихъ листахъ имени профессора или преподавателя, дозволившаго литографировать свои лекціи, съ тѣмъ чтобы на немъ лежала полная отвѣтственность за содержаніе такихъ записокъ. Другое есть распоряженіе ректора и состоитъ въ томъ, что надзоръ за исполненіемъ вышеизложеннаго цензурнаго правила въ стѣнахъ университета принадлежитъ къ обязанностямъ инспектора студентовъ. Принявъ въ соображеніе указанную университетскимъ судомъ необходимость въ постановленіи правилъ, которыя устраняли бы недоразумѣнія и могушіе отсюда возникнуть безпорядки при исполненіи упомянутыхъ распоряженій, коммиссія полагала, что могли бы быть постановлены слѣдующія обязательныя въ стѣнахъ университета правила:

- 1) Студенты и слушатели университета въ правѣ пользоваться только тѣми изъ литографированныхъ курсовъ университетскихъ лекцій, на которыхъ, независимо отъ имени издателя или составителя, выставлено по листамъ дозволеніе преподавателя означенныхъ лекцій.
- 2) Предприниматель изданія литографированныхъ курсовъ, впредь до сдачи ихъ въ литографію, обязанъ представить инспектору студентовъ письменное дозволеніе преподавателя, а впредь до раздачі литографированныхъ листовъ, представлять одинъ экземпляръ преподавателю.
- 3) Второе изданіе литографированнаго курса, безъ новаго дозволенія преподавателя, запрещается.
- 4) Количество экземпляровъ литографированныхъ записокъ зависитъ отъ соглашенія съ преподавателемъ.
- 5) Инспекторъ студентовъ, имѣя возможное въ стѣнахъ университета наблюденіе за исполненіемъ означенныхъ правилъ, отбираетъ у студента или слушателя университета усмотрѣнные имъ курсы или листы, отлитографированные безъ дозволенія преподавателя, и немедленно доводитъ о томъ до свѣдѣнія ректора, для зависящихъ отъ него распоряженій и для сообщенія объ открытомъ безпорядкѣ инспектору типографій.

Правила эти, одобренныя совѣтомъ и утвержденныя г. попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, приняты къ руководству.

— Преподаватели Московскаго университета ежегодно читаютъ въ стенахъ университета бесплатныя публичныя лекціи. Въ текущемъ году открыли чтение: 26 января, профессоръ Любимовъ — по физикѣ и 2 февраля, приватъ-доцентъ Герцъ — о статикахъ древняго міра. Каждый изъ нихъ прочтетъ по пяти лекцій. Сообщаемъ программы сихъ лекцій, помѣщенныя въ *Московскія Вѣдомости* (№ 18), и.

Программа чтеній профессора Любимова.

Чтеніе 1-е. Механика машинъ и механика природы. Общій обзоръ частей дѣи машинъ. Новыя источники рабочей силы. Новая машина, Отто и Давгена, дѣйствующая взрывами свѣтллага газа, смѣшаннаго съ воздухомъ. *Чтеніе 2-е.* Общее строеніе вселенной и механическіе законы, въ ней дѣйствующіе. Ученіе о толчкѣ и давленіи среды, какъ источникѣ движенія въ природѣ. Новѣйшая теорія газообразныхъ тѣлъ, согласно которой газъ есть совокупность отдѣльныхъ, быстро движущихся частицъ. Воздушный насосъ Дефлея съ свободнымъ поршнемъ. *Чтеніе 3-е.* Прикладная физика и отдѣлительныя силы въ области тяготѣнія, магнетизма и электричества. Новый способъ изучать паденіе тѣлъ. *Чтеніе 4-е.* Механика частичныхъ дѣйствій и внутреннихъ невидимыхъ движеній. Кристаллическое строеніе тѣлъ и изученіе его помощью луча свѣта. *Чтеніе 5-е.* Очеркъ механическихъ законовъ въ области органическаго міра.

Программа чтеній приватъ-доцента Герца.

Чтеніе 1-е. Египетъ. Столица древняго царства: Мемфисъ и ея дѣрмиды. Столица новаго царства: Оивы (объемъ города, храмы въ Карнакѣ и Луксорѣ; дворцы въ Мединетъ-Абу и Гурна; царскія гробницы въ Бабъ-эль-Моуабъ; уадытъ Оивы). *Чтеніе 2-е.* Вавилонская монархія. Вавилонъ и его главныя зданія. Ассирія: Ниневія (исторія открытій развалинъ Ниневіи; система построенія Ниневійскихъ дворцовъ; стиль и содержаніе скульптуръ, украшавшихъ Ниневійскіе дворцы). *Чтеніе 3-е.* Греція: Аѳины (исторія Аѳинъ до Персидскихъ войнъ; Периклъ и Фидія; зданія Акрополиса: Пропилеи, Эрехтеіонъ и Парѳенонъ; прочія зданія Аѳинъ). *Чтеніе 4-е.* Римская имперія: Римъ (картина Рима при императорахъ; храмы, форумъ, базилики, театры и амфитеатры, цирки, термы, городскія стѣны, надгробныя памятники. Судьбы памятниковъ Рима въ средніе вѣка и въ новѣйшее время). *Чтеніе 5-е.* Иудея: Иерусалимъ (топографія Иерусалима; Слоны, Морія; храмъ, построенный Соломономъ и Иродомъ Великимъ, исторія разрушенія Иерусалимскаго храма).

Г И М Н А З І И.

Рѣчь г. директора Киншневской гимназіи Яковскаго по поводу ограниченія приема учениковъ въ одну изъ отдѣлѣтъ Сибирской и Пермской гимназій. — О выдачѣ премій за сочиненія ученикамъ гимназій Московскаго учебнаго округа. — Распоряженіе г. поочетеля Варма-

скаго учебнаго округа относительно жизни наемныхъ учителей, т. е. способъ притокованія учителей дѣтя для гимназій Кавказскаго учебнаго округа.

Прежде началомъ текущаго учебнаго года отъ Кишиневской гимназій было объявлено, что впредь она будетъ принимать въ каждый классъ не болѣе 50-ти учениковъ, за исключеніемъ поступающихъ въ пансіонъ. Такъ какъ эта мѣра поразила многихъ родителей, а съ другой стороны привлекла разнообразныя сужденія въ обществѣ, то по этому поводу директоръ Кишиневской гимназій *Яновскій*, въ рѣчи, произнесенной имъ на торжественномъ актѣ 30 августа 1868 года, обращенной главнымъ образомъ къ родителямъ учащихся, оразъяснилъ, почему исключеніе допущено въ отношеніи пансіонеровъ, и по первымъ изложилъ тѣ причины, которыя побудили совѣтъ гимназій въ принятіи такой мѣры, состоящей для гимназій неотлагаемую необходимость и пряую ея обязанность и новотрнхъ, думая, что тѣ средства, къ которымъ слѣдуетъ прибѣгнуть для того, чтобъ ограничить на будущее время для дѣтей въ гимназій тяжелую обязанность возвысавтъ дѣтями въ гимназическомъ образованіи, а для родителей—еще болѣе непріятное положеніе оставлять своихъ дѣтей безъ такого образованія. Однобительно неограниченія приема пансіонеровъ т. е. Яновскій указывалъ, что съ уменьшеніемъ числа воспитанниковъ пансіона это заведеніе должно бы неминуемо пострадать, и болвищій процентъ учащихся пансіонеровъ сравнительно съ общими числомъ учениковъ гимназій есть очевидное доказательство пользы пансіона, а потому педагогическій совѣтъ, наводя это воспитательное заведеніе необходимо для Бессарабовой области, считалъ и считаетъ своею обязанностью поддерживать оное. Затѣмъ, такъ на главные причины ограниченія числа учащихся въ Кишиневской гимназій, т. е. Яновскій указывалъ на увеличеніе числа дѣтей въ послѣдніе годы, несообразное, т. е. съ матеріальными средствами нравственными средствами гимназій, и вообще на недостатокъ образовательныхъ средствъ области. Увеличеніе числа учащихся въ Кишиневской гимназій, начиная съ 1859 г., продолжается до настоящаго времени: въ 1859-ти ихъ было 304, а теперь 546. Пока каждый классъ гимназій имѣлъ учащихся около 50-ти, или немного болѣе, было еще возможно, хотя и съ большимъ трудомъ, вести учебно-учебное дѣло. Но когда число ихъ должно было дойти до 70 и даже до 80, представлять примѣненіе § 49 устава гимназій, ограничивающаго число учащихся въ каждомъ классѣ до возможности, не болѣе 40, было бы

нарушеніемъ закона ко вреду учащихся въ научномъ, нравственномъ и гігіеническомъ отношеніяхъ. Извѣстно, что для успѣшнаго веденія учебнаго дѣла, учитель не долженъ ограничивать свои занятія объясненіемъ только однихъ уроковъ, но главнымъ образомъ онъ обязанъ и контролировать занятія каждаго ученика, и чѣмъ чаще, чѣмъ тщательнѣе будетъ такой контроль за каждымъ ученикомъ, тѣмъ успѣшнѣе пойдутъ его занятія. Но можетъ ли такой контроль быть частымъ и тщательнымъ при массѣ учениковъ, доходящей до 70 и даже до 80 на каждый классъ? Очевидно, что если увеличится число учениковъ въ два рѣза, то и контроль за каждымъ ученикомъ отдѣльно долженъ ослабѣть также въ два раза, а съ ослабленіемъ такого контроля и успѣшность ученія каждаго ученика должна понизиться. Далѣе, такъ какъ дѣти требуютъ надзора, то, съ увеличеніемъ числа учащихся и безъ усиленія количества наблюдателей за ними, надзоръ долженъ ослабѣвать, и потому дѣти должны пострадать въ нравственномъ отношеніи. Наконецъ, г. Яновскій присовокупляетъ, что для сохраненія здоровья учащихся необходимо, чтобы число ихъ соотвѣтствовало величинѣ классныхъ комнатъ, и что размѣры ихъ, въ Кишиневской гимназіи едва только соотвѣтствуютъ теперешнему числу учениковъ, для 70-ти же учениковъ они были бы уже положительно вредны. Изъ всего этого г. Яновскій вывелъ заключеніе, что безграничное число учениковъ повлекло бы за собою упадокъ заведенія, а если отдѣльная, единичная личность заслуживаетъ порицанія, когда она не стремится къ самосовершенствованію, то на сколько можетъ и должна быть виновата предъ Богомъ и людьми собирательная личность, всякое отдѣльное учрежденіе и въ особенности учебно-воспитательное, когда оно допускаетъ себя до паденія, а не заботится о совершенствованіи своемъ. За симъ г. Яновскій обращается къ недостатку образовательныхъ средствъ въ Бессарабской области, и дабы яснѣе представить степень этого недостатка, сравниваетъ состояніе образовательныхъ средствъ области съ такими же средствами нѣкоторыхъ другихъ странъ по отношенію какъ къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, такъ и къ начальнымъ народнымъ училищамъ; при этомъ онъ приводитъ нѣсколько цифръ съ цѣлію показать, какъ цѣнять образование правительства и общества тѣхъ націй, которыя дорожатъ будущностью своей страны и которыя созрѣли уже до пониманія, что съ распространеніемъ народнаго образованія увеличивается народное богатство и вообще улучшается народное благосостояніе, что лучшее средство противъ увеличенія пре-

ступлений есть образованіе народа, что нужно отрывать школы, чтобы не было надобности строить новыя тюрьмы, и что вообще образованія требуетъ не только общественный долгъ, но и общественная польза. Переходя за тѣмъ въ Россію, г. Яновскій указываетъ, что начиная съ Петра Великаго главную заботу по распространенію и улучшенію образованія принимало у насъ правительство, народъ же и до сего времени нерѣдко смотритъ на образованіе какъ на повинность, а въ этомъ и заключается причина того явленія, что наше государство по бюджету на образованіе занимаетъ почти 1-е мѣсто сравнительно съ другими государствами Европы: наше правительство даетъ на общія училища, исключая специальныхъ заведеній, почти въ 3 раза болѣе, чѣмъ французское, сравнительно съ общимъ расходомъ, слишкомъ въ 2 раза болѣе, чѣмъ прусское, и въ 1¹/₂ раза болѣе, чѣмъ австрійское. За симъ г. Яновскій ставитъ вопросы: можетъ ли наше правительство брать на себя дальнѣйшее увеличеніе огромныхъ издержекъ по образованію и притомъ въ настоящее время, когда благодѣтельныя реформы, ознаменовавшія настоящее царствованіе и требующія значительныхъ расходовъ, постоянно слѣдуютъ однѣ за другими? Можетъ ли оно, не смотря на все свое желаніе, удовлетворить потребности общества въ среднемъ и начальномъ образованіи, — потребности, увеличивающейся съ каждымъ днемъ, и наконецъ, должно ли оно продолжать свою ревнивую опеку надъ обществомъ касательно его образованія теперь, когда уже достаточно созрѣло въ самомъ обществѣ сознаніе не только пользы, но и необходимости образованія? На всѣ эти вопросы каждый, говоритъ г. Яновскій, кто потрудится взглянуть въ сущность дѣла, не иначе отвѣтитъ, какъ отрицательно. Теперь настало время, когда правительство предоставляетъ обществу довольно обширное поле дѣйствій во многихъ отношеніяхъ, а въ томъ числѣ и по части образованія. По Высочайшему повелѣнію 19-го февраля 1868 года значительно расширены права частныхъ училищъ и облегчена свобода ихъ открытія. Теперь общество легко можетъ устроить частное училище, равное не только приходскому, но даже и наравнѣ съ прогимназіей и гимназіей, при чемъ частныя классическія гимназіи могутъ выпускать своихъ воспитанниковъ прямо въ университетъ, и потому теперь общество весьма легко можетъ подвинуть дѣло народнаго образованія, изыскавъ только необходимыя матеріальныя средства и доказавъ такимъ образомъ, что оно не такъ равнодушно въ дѣлу просвѣщенія, какъ это кажется. Представивъ за симъ доказательства, что Бессарабское общество нельзя упрекнуть въ равно-

душі и въ дѣлу народнаго образованія, г. Яновскій, въ заключеніе вы-
ражаетъ увѣренность, что какъ города, такъ и землевладѣльцы юга-
сибиря при содѣйствіи высшей администраціи примутъ энергическое
участіе въ устройствѣ народныхъ школъ въ Бессарабіи, а также и
въ устройствѣ въ Кишиневѣ если не гимназій, то по крайней мѣрѣ
прогимназій (*Церков. Оудеск. учебн. окр. № 12*). Къ этому же отношуд
и Придербакъ двухъ гимназій Казанскаго учебнаго округа въ
минувшемъ году учреждены братства, а именно: 25 сентября открыто
братство во имя Св. Григорія Вадонейскаго, Нудотворца при (первой) Сиб-
бирской гимназій; а 22 октября — братство во имя Св. Стефана Великаго,
Пермскаго при держав. Пермской гимназій. Уставъ перваго изъ сихъ
братствъ утверждень пресвященнымъ *Евгеніемъ*, епископомъ Сиб-
бирскимъ и Сызранскимъ, 20-го сентября и состоитъ изъ 20 статей. На
основаніи этого устава, братство имѣетъ двоякую цѣль: во первыхъ,
заботиться о нуждахъ и благоустроеніи храма, въ которомъ оно имѣетъ
пособія и нуждающагося: ученикамъ хорошей нравственности и прервуч-
нственно такимъ, которые отличаются и хорошими успѣхами. При
храмѣ Сибирской гимназій, для сбора добровольныхъ приношеній
въ пользу братства, будетъ находиться братская кружка, которая бу-
детъ обносима въ церкви во время службы однимъ изъ членовъ брата-
ства. Пособія нуждающимся могутъ быть одѣлаемы, вносятся платки за
ученье, выдачею учебныхъ пособій, снабженіемъ одеждою, дозволені-
емъ во время болѣзни и пр. Въ составъ братства могутъ поступать
лица обоюдо пола, всѣхъ званій, православнаго исповѣданія, живущіе
какъ въ Сибирской губерніи, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Изъ
членовъ братства, которые примутъ на себя обязательство, вно-
сить ежегодно не менѣе 3 руб., считаются братьями, имѣютъ правъ
голоса въ собраніяхъ братства, право избирать членовъ совѣта, и
быть избранными въ оныя; лица же женскаго пола, вносящія ту же
сумму, считаются сестрами и пользуются всѣми правами братьевъ,
но въ члены совѣта не избираются. Жертвующія одновременно день-
гами и вещами, по мѣрѣ средствъ и усердія, считаются благотвори-
телями и въ совѣтѣ права голоса не имѣютъ. Наконецъ, лица, кото-
рыя одновременно пожертвуютъ капиталъ, приносящій не менѣе трехъ
рублей процентовъ въ годъ, или которія влініемъ своимъ будутъ
содѣйствовать благоустроенію братства, избираются въ почетныя члены
Совѣта братства, состоятъ изъ 12-ти членовъ, изъ коихъ 6 принадле-
жатъ къ составу педагогическаго совѣта гимназій, а остальные 6 мо-
гутъ быть избраны и изъ числа лицъ, не служащихъ въ гимназій.

Директоръ, почетный членъ и инспекторъ и законоучитель гимназiи, а также строитель храма должны быть членами совета братства. Предсѣдатель совета братства и шести его членовъ избираются общимъ собранiемъ братчиковъ изъ среды своей, но не избранна изъ имѣющихъ зпательство въ Сибирскiй. Одинъ разъ въ годъ (25 сентября) должно быть общее собранiе всѣхъ наличныхъ братчиковъ для выслушанiя отчета о дѣятельности братства въ минувшемъ году, выбора членовъ совета и для обсужденiя обидныхъ дѣлъ и предположенiй по дѣламъ братства. Братскiя суммы состоятъ изъ непривроковеннаго капитала, имѣющагося нынѣ на дѣло (400 руб); образовавшагося изъ церковныхъ доходовъ; изъ добровольныхъ еже-годныхъ взносовъ братчиками и сестрами; изъ пожертвованiй друзей, лицъ и изъ сбора братской кружки. Со всякаго прихода, поступающаго въ суммы братства, отчисляется десять процентовъ, которые присоединяются къ непривроковенному капиталу. Ири отирати братства, законоучитель церкви Сибирской гимназiи Д. Юстиновъ про-нанесъ слово, въ которомъ выяснилъ объ щдлн упрещденiя братства, и обратившись собственно къ второй щдлн — пособiю бѣднымъ воспитанникамъ гимназiи, сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Что составляетъ ядичiе христiанъ? Въ немъ состоитъ преимущество нѣтъ? *О семъ разумиють вси, говоритъ Спаситель, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою. И сто заповѣдь имате отъ него, говоритъ ученикъ и учитель любви Его, да любите Бога, любите и брата своего.* Если же такъ святъ, таиъ необходимъ для христiанина любовь къ брату, то не святъ ли и долгъ заботиться о духовномъ совершенствѣ брата? Иване, что была бы та ва ии-бонъ, которая, иииде, не хотѣла бы дѣлать для брата любимаго? Любовь къ бдичему, по общед уврѣнности, должна простираться на все, что относится къ пользамъ его даже въ земной, физической жизни. Не болѣе ли она должна быть заботлива о доставленiи средствъ къ просвѣщенiю свѣтомъ наукъ небольшому числу здѣшнихъ воспитанниковъ, которые усердно ищутъ просвѣщенiя и должны бороться съ препятствiями въ осуществленiю своихъ благихъ желанiй? Представьте себѣ всю дѣлорб бѣднаго отрока, въ жаромъ юной души своей желающаго учиться и между тѣмъ не имѣющаго ни книгъ, ни благодѣтеля, который бы своею помощiю доставилъ ему право посѣщать уроки: тогда поймете и ту радость его, когда вы, члены братства, своими пособiями откроете ему двери дома науки и дадите средства образоватъ его умъ и сердце, а чрезъ то быть полезнымъ и добрымъ членомъ семейства и общества. Не будетъ ли, радость этого отрока подобна той, какою утѣшено и вощихено было скорбѣвшее о безсущности ученiя сердце Предлобнаго Сергiя, покровителя нашего братства, какъ онъ, будучи малолѣтнимъ отрокомъ, по благословенiю дивнаго ииода, началъ успешно учиться и превзошелъ даже своихъ сверстниковъ? Такъ благотворна будетъ ваша ревность къ дѣлу просвѣщенiя бѣдныхъ дѣтей, поддѣшная вамъ къ вашему братскому союзу».

Уставъ братства св. Стефана Велико-Пермскаго, при Пермской гимназіи, утвержденный 27-го мая преосвященнымъ *Исофитомъ*, архі-епископомъ Пермскимъ, состоитъ изъ 18 статей, которыя заключаютъ въ себѣ то же, что и уставъ братства при Симбирской гимназіи, но съ слѣдующими измѣненіями. Братство поставляетъ себѣ въ обязанность изыскивать средства къ пособію и помогать не только учащимся, но и училищнымъ чиновникамъ, служащимъ или служившимъ и принесшимъ своею службою пользу учебному вѣдомству, а также оказывать помощь и семействамъ этихъ чиновниковъ; заботу же о бѣдныхъ ученикахъ братство св. Стефана принимаетъ на себя не только на время нахождения учениковъ въ гимназіи, но и по окончаніи ими курса, если они поступятъ въ высшее учебное заведеніе для своего дальнѣйшаго образованія, не требуя отъ нихъ никакой уплаты за выданныя имъ пособія. Притомъ братство предполагаетъ, если дозволить средства, по мѣрѣ возможности, не отказывать въ пособіи также ученикамъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ Пермской дирекціи. Кромѣ единовременныхъ и постоянныхъ пособій всѣмъ служащимъ въ гимназіи и въ учебныхъ заведеніяхъ дирекціи, въ случаѣ необходимости, братство будетъ выдавать нѣкоторую сумму заимообразно, которая однако не превышала бы двухмѣсячнаго жалованья, съ обязательствомъ возратить ее въ назначенный срокъ, съ процентами, считая 4¹/₂ за годъ пользованія, при чемъ совѣту братства, въ исключительныхъ случаяхъ, предоставляется освобождать отъ взноса процентовъ. Общее собраніе братства назначается не одинъ, а два раза въ годъ, предъ окончаніемъ гражданскаго года и въ день празднованія св. Стефана (25-го апрѣля). Совѣтъ братства состоитъ изъ 5-ти непремѣнныхъ и 10-ти выборныхъ членовъ; непремѣнными членами состоятъ: законоучитель гимназіи, церковный староста, директоръ, инспекторъ и одинъ изъ преподавателей гимназіи, а выборные избираются изъ членовъ братства на одинъ годъ.

Изъ этого видно, что братство св. Стефана задалось болѣе широкою программой для своей дѣятельности, чѣмъ братство св. Сергія, такъ какъ оно, кромѣ пособій ученикамъ гимназій и другихъ училищъ, выдаетъ еще и ссуды нуждающимся служащимъ учителямъ и чиновникамъ, что весьма важно при отсутствіи сберегательной кассы при гимназіи; но при этомъ нельзя не обратить вниманія и на то, что братство св. Сергія, при Симбирской гимназіи, позаботилось объ обезпеченіи своего существованія и дало возможность, чрезъ отчисленіе въ неприкосновенный капиталъ 10% съ какого бы ни было при-

хода, поступающаго въ братскія суммы, увеличивать капиталъ съ каждымъ годомъ безъ излишняго обремененія братчиковъ.

При открытіи братства св. Сергія, въ число братчиковъ поступило 32 человекъ, изъ коихъ сверхъ опредѣленнаго ежегоднаго взноса 3 руб., четверо пожертвовали по 5 руб., одинъ 10 руб., одинъ 20 руб. и одинъ предложилъ единовременный взносъ 75 руб., съ тѣмъ чтобъ именоваться почетнымъ членомъ братства; а въ члены братства св. Стефана поступило болѣе 150 человекъ, вслѣдствіе того, что со времени утвержденія устава братства до открытія онаго было довольно времени, чтобъ узнать о цѣли братства (*Цирк. по Казан. учебному окр. № 24*).

— Въ гимназіяхъ Кіевскаго учебнаго округа, съ 1862 года, выдаются ученикамъ преміи за сочиненія, на основаніи составленныхъ въ то время правилъ. Затѣмъ въ 1865 году, состоящій при попечителѣ этого округа совѣтъ, по обсужденіи мнѣній педагогическихъ совѣтовъ гимназій, признавая съ одной стороны полезнымъ, чтобъ учащіеся расширяли кругъ своихъ знаній не однимъ изученіемъ задаваемыхъ уроковъ, но и занятіями на дому, состоящими въ чтеніи сочиненій, рекомендуемыхъ учителями, а съ другой, что для всякаго письменнаго упражненія, какова бы содержанія оно ни было, обязательны извѣстныя словесныя или литературныя условія, то-есть, умѣнье выражаться точно, ясно, правильно и послѣдовательно, постановилъ:

- 1) При назначеніи премій за ученическія сочиненія имѣть въ виду обѣ вышеупомянутыя цѣли, и поощрять занятія учениковъ науками, въ то же время содѣйствовать приобрѣтенію учащимися умѣнья правильно излагать свои мысли.
- 2) Сочиненій на преміи нѣтъ надобности отдѣлять отъ обязательныхъ сочиненій.
- 3) Назначать шесть обязательныхъ сочиненій въ годъ, независимо отъ класныхъ письменныхъ упражненій, которыя не могутъ имѣть значенія обязательныхъ сочиненій.
- 4) Темы для ученическихъ сочиненій, изъ числа представленныхъ учениками, одобряются совѣтами гимназій въ началѣ каждаго учебнаго года.
- 5) Сочиненія, написанныя на темы, подаются тѣмъ учителямъ, къ предмету которыхъ они относятся.
- 6) Учитель, разсмотрѣвъ эти сочиненія, лучшія изъ нихъ, которыя по его мнѣнію заслуживаютъ преміи, чрезъ директора вноситъ въ педагогическій совѣтъ. Педагогическій совѣтъ, по мѣрѣ поступления такихъ сочиненій, для разсмотрѣнія ихъ назначаетъ особые комитеты изъ учителя русской словесности, преподавателя предмета, по которому написано сочиненіе, и одного или двухъ другихъ учителей, по избранію со-

вѣта. Комитетъ разсмотрѣвъ сочиненіе, составляетъ свое заключеніе о немъ и представляетъ его на основательное заключеніе въ педагогическій совѣтъ. 7) Назначеніе премій по окончаніи учебнаго года предоставляется педагогическимъ совѣтамъ гимназій, въ спеціальныя средства наждого изъ этихъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы совѣты свои заключенія объ удостоеніи премій, вмѣстѣ съ сочиненіями, за которыя преміи назначены, представляли на утвержденіе попечителя округа. 8) Для каждой гимназій назначаются ежегодно три премии: одна выдается въ 50 руб., и двѣ въ 25 руб. 9) По намѣненіи, § 5 правилъ 1862 года объ оцѣнкѣ сочиненій при назначеніи премій, попечительскій совѣтъ постановилъ: при удостоеніи премій должно принимать во вниманіе этикетально учениковъ и ихъ сочиненій: 1) по содержанию: а) основательное вѣдомство, съ указанными учителями сочиненіями, б) умѣнье выбирать изъ этихъ сочиненій самыя существенныя и необходимыя данныя и дѣлать изъ нихъ выводъ, соответственный требованіямъ темы, 2) по изложенію: а) ясность изложенія, б) удовлетворительности сочиненія, во отношеніи къ языку: в) слогу и в) логическую стройность и продолжительность въ расположеніи сочиненія, 10) Сочиненія историческаго характера тоже могутъ быть удостоены премій. 11) Попечитель Московскаго учебнаго округа предложилъ вышесказанное принять въ руководствѣ и исполненіи по вѣренному его управленію округу. (Цирк. по Моск. учебн. окр. № 12) на слѣдующее учебное казаніе въ Моск. губерніи и въ Моск. уѣздѣ. Педагогическій совѣтъ одного изъ предѣльныхъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа, при разсмотрѣніи полученныхъ учениками въ четверть года отмычекъ, съ цѣліюощеренія усадебныхъ книгъ, предложилъ принять слѣдующую мѣру: «Если ученикъ, получившій за четверть года по названному предмету неудовлетворительную отмычку, въ слѣдующей четверти исправится, то данная отмычка, въ слѣдствіе этого исправленія ему будетъ возвращена». 12) Попечитель Варшавскаго учебнаго округа, усмотрѣвъ это постановленіе изъ представленной ему копии протокола педагогическаго совѣта, призналъ такую мѣру несообразною съ началами здравой педагогики, такъ какъ она даетъ ученикамъ поводъ пренебрегать по временамъ своими занятіями въ виду предоставленной имъ возможности не только восполнить неуспѣшность одной части учебнаго года усадебной, но и изглаживать самыя слѣды своей прежней лѣности. Поэтому, принимая во вниманіе, что вѣдомости объ усадебныхъ ученикахъ составляютъ документъ, который долженъ храниться въ протоколахъ совѣта, въ немъ

никого учителя этого искусства. Это обстоятельство побудило г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа обратиться въ Московскую музыкальную консерваторію съ просьбою предложить оканчивающимъ въ ней курсъ принять мѣста учителей пѣнія въ гимназіяхъ округа, но на это былъ полученъ отвѣтъ, что никто не соглашается ѣхать въ столь далекій край, тѣмъ болѣе, что ученики консерваторіи и въ Москвѣ имѣютъ довольно выгодныхъ занятій. Вслѣдствіе этого г. попечитель возымѣлъ мысль имѣть въ консерваторіи стипендіатовъ Кавказскаго учебнаго округа, и въ бытность свою въ Москвѣ вступилъ въ сношеніе объ этомъ съ директоромъ консерваторіи г. *Рубиницкимъ*, который вполне одобрилъ предложенную ему словесно программу обученія въ консерваторіи будущихъ учителей пѣнія въ гимназіяхъ. Но такъ какъ курсъ консерваторіи продолжается шесть лѣтъ, то чтобы скорѣе имѣть столь необходимыхъ учителей, г. попечитель предположилъ: въ теченіе трехъ лѣтъ выдавать стипендіи такимъ бѣднымъ молодымъ людямъ, обучавшимся уже три года въ консерваторіи, которые, при отличныхъ способностяхъ къ музыкѣ и приобретенныхъ уже познаніяхъ, затрудняются, по недостатку средствъ, окончить въ консерваторіи полный курсъ и потому, за полученное въ теченіе трехъ лѣтъ вспоможеніе, согласятся обязаться подпискою прослужить, по окончаніи курса, не менѣе 5-ти лѣтъ въ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа. Затѣмъ г. попечитель полагалъ: размѣръ стипендіи опредѣлить въ 300 руб. въ годъ (200 руб. на содержаніе и 100 за обученіе), на первый разъ имѣть одного стипендіата на счетъ особой сумми, отпускаемой въ распоряженіе г. попечителя на образованіе наставниковъ, и сверхъ того, по ходатайству директора училищъ Кубанской области, имѣть такого стипендіата собственно для Кубанской гимназіи, съ производствомъ для него въ теченіе трехъ лѣтъ платы по 300 руб. въ годъ изъ специальныхъ средствъ этой гимназіи. Вышеизложенный докладъ Великій Князь Намѣстникъ изволилъ утвердить (*Цирк. по Кавк. учебн. окр. № 11 и 12*).

ЖЕНСКІЯ УЧИЛИЩА.

Проектъ устройства подготовительной къ слушанію высшаго курса наукъ школы для дѣвицъ въ С.-Петербургѣ. — Гимназіи и училища 1-го разряда въ Ярославль, Самарѣ и Екатеринбургѣ. — Училища 2-го и 3-го разряда въ Опочкѣ — Псковской, Покровѣ — Владимірской, Кашинѣ — Тверской, Камшинѣ — Саратовской, и въ Ромнахъ — Полтавской губерній. — Руководыма школа гг. Туловскихъ въ Одессѣ. — Училище Кирилло-Меодіевскаго братства въ Острогѣ, Волынской губерній. — Школа при Бѣльской, Смоленской

губерніи, Рождество-Богородицкой женской общинѣ. — Начальное женское училище въ Олонцѣ, Олонецкой губерніи. — Начальное женское училище въ Мологѣ, Ярославской губерніи. — Женскія училища въ Виленской, Гродненской и Ковенской губерніяхъ вообще, и въ частности образцовыя пансіоны въ Динабургѣ и Россіенахъ. — Русское женское училище въ Дерптѣ.

Разработка вопроса о высшемъ женскомъ образованіи, поднятаго въ концѣ истекшаго года нѣкоторыми Петербургскими дамами, привела къ сознанію въ необходимости надлежащаго подготовленія къ достойному и плодотворному слушанію университетскаго курса. Въ этихъ видахъ, одна изъ дамъ, сочувствующихъ высшему научному образованію женщинъ, княгиня А. А. Оболенская, и нѣкоторыя другія лица изъявили желаніе, какъ извѣщаютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* (№№ 40 и 42), пожертвовать необходимый капиталъ на учрежденіе въ Петербургѣ, по полученіи на то officialнаго разрѣшенія, школы, которая подготовляла бы дѣвицъ къ слушанію высшаго курса наукъ. Программу школы, выработанную учредительницей, упомянутая газета представляетъ въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ.

Такъ какъ главнѣйшая цѣль предполагаемой школы заключается во всестороннемъ, нравственномъ, умственномъ и физическомъ развитіи дѣвицъ, то программа общихъ женскихъ учебныхъ заведеній измѣняется такъ, чтобы можно было сосредоточить вниманіе ученицъ на самомъ незначительномъ числѣ предметовъ, сдѣлавъ преподаваніе ихъ на столько глубокимъ и основательнымъ, на сколько это возможно безъ нарушенія гигиеническихъ условій, требуемыхъ педагогической. Такимъ образомъ, изъ предметовъ преподаванія избираются только такіе, которые всего болѣе способствуютъ развитію умственныхъ силъ и способностей учащихся. Тѣ же предметы, которые, при подобномъ первоначальномъ развитіи, легко могутъ быть усвоены и позднѣе, исключены изъ программы. Такимъ образомъ для меньшаго возраста главные предметы слѣдующіе: 1) законъ Божій; 2) математика; 3) языки: русскій, 4) французскій, 5) нѣмецкій; 6) чистописаніе и рисованіе. Для старшаго возраста: 1) исторія церкви; 2) арифметика, элементарная алгебра и геометрія; 3) русскій языкъ; 4) французскій; 5) нѣмецкій; 6) англійскій; 7) физика и космографія. Арифметика и въ послѣдствіи алгебра, геометрія и физика будутъ входить въ составъ ежедневныхъ занятій ученицъ не только какъ средство для умственнаго ихъ развитія, но и какъ подготовка для будущаго серьезнаго и основательнаго изученія разныхъ отраслей естественныхъ наукъ. Особенное вниманіе будетъ также обращено на

основательное изученіе не только русскаго, но и иностранныхъ языковъ, и будутъ употреблены старанія, чтобы развитіе въ ученицахъ способность ясно, точно и правильно излагать свои мысли, какъ письменно, такъ и въ особенности, изустно на своемъ родномъ языкѣ. Съ исторіей и географіей ученицы будутъ знакомиться только посредствомъ чтенія книгъ, по выбору учителей, и отъ нихъ будутъ требоваться за урокомъ русскаго языка отчетливая, ясная, изустная передача всего прочитаннаго. Знакомство съ исторіей начнется въ старшемъ возрастѣ, географія такимъ же образомъ можетъ преподаваться и въ младшемъ. Часы для занятій будутъ распределены такъ, чтобы ученицы имѣли достаточно времени и для прогулки, и для ежедневной гимнастики, и для полного умственного отдыха между уроками, такъ какъ развитіе физическихъ силъ столь же необходимо для ученицъ, какъ и развитіе ихъ умственныхъ способностей. Дѣти будутъ приниматься отъ 10 до 11 лѣтъ, и весь курсъ будетъ продолжаться отъ шести до семи лѣтъ. Цѣль же предполагаемой школы будетъ достигнута только тогда, если дѣвочки, при окончаніи такъ называемаго гимназическаго курса, будутъ ясно сознавать, что для ихъ будущаго образованія положенъ прочный и здоровый фундаментъ, и что школа въ нихъ развила необходимыя силы для продолженія пути, ведущаго къ полному и широкому образованію. Къ этимъ свѣдѣніямъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* присоединяютъ слухъ, что многія дамы высшаго общества сочувственно отнеслись къ предположеніямъ княгини А. А. Оболенской.

— О состояніи существующихъ среднихъ и низшихъ женскихъ училищъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

Изъ отчета о состояніи *Ярославскаго* женскаго училища 1-го разряда за 1864/65 учебный, помѣщеннаго въ мѣстныхъ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 3), видно, что училище это основано въ 1861 году по желанію Ярославскаго общества, и содержится на его средства. Учащихся въ немъ въ теченіе отчетнаго года было 98, изъ нихъ дочерей дворянъ и чиновниковъ 53, духовнаго званія 4, купцовъ и мѣщанъ 33, прочихъ сословій 7 и 1 иностранка. Обучались однимъ обязательнымъ предметамъ 17, французскому языку 77, нѣмецкому 52, музыкѣ 39 и танцованію 53. Послѣ годичныхъ испытаній, переведены въ слѣдующіе классы 73, получали награды за отличные успѣхи и поведеніе 30. Вообще, по успѣхамъ, воспитанницы дѣлились такъ: отличныхъ 20, хорошихъ 10, достаточныхъ 44, средственныхъ 16; по поведенію: отличнаго 79 и хорошаго 9. Эти данныя даютъ, по словамъ отчета, право

одна из весьма выгодное замечание о состоянии учебной части училища, и постоянно увеличивающееся число воспитанниц несомненно свидетельствует как о необходимости их. Приславъ законоу же не сваяго училища, такъ и о доверять ему обществу. Основной капиталъ училища составляетъ 10.200 руб.; въ приходъ съ остальныхъ, отъ предыдущаго учебнаго года было 7.621 руб., въ расходъ 6.704 руб., отъ оставшихъ 917 рублей.

Присоединяемъ къ этимъ свѣдѣнiямъ сообщаемое корреспондентомъ *С.-Петербургскихъ Ведомостей* (№ 30) извѣстiе по проекту устройства при Ярославскомъ женскомъ училищѣ 1-го разряда педагогическаго курса, для сравненiя гимназiи въ правахъ отъ востановленiя 69-го столѣтнiи подъ покровительствомъ Государини Императрицы. По одобрѣнiю корреспондента, мѣстное земство сочувствовало проекту, и ходатайствовало у губернскаго начальства въ составленiе на устройство педагогическаго класса 1.000 руб., каждою годною, съ условiемъ содержать на эту сумму двадцать свѣтъ стипендиатовъ, предвѣчаемыхъ изъ школьныхъ учителейницъ. При разсмотрѣнiи вопроса объ устройствѣ педагогическаго класса, ходатайство изъ земства губернскаго земскаго собранiя доказывать, сослалась на нѣкоторые школы (въ Молодоскомъ уездѣ), гдѣ учителяницы вообще жалованья учителей, и данъ имъ отъносится къ дѣтямъ съ большою жалостiю и думаютъ привлекать ихъ въ грамотности.

Подобное же распоряженiе подало *Самарское* губернское земское собранiе. Въ послѣднюю сессию сорока собранiя, какъ обобщаютъ въ *Московскихъ Ведомостяхъ* (№ 8), постановило увеличить на 1.000 руб. пособiе Самарскому женскому училищу 1-го разряда, увеличивающееся такимъ образомъ на 1869 годъ до 3.000 руб., при чемъ предложено просить училищное начальство открыть для учителей педагогическiе классы для подготовленiя учительницъ изъ женскихъ народныхъ школъ, и для учащихся изъ сельскихъ школъ.

По поводу отчета *Восточнаго* (Шереметевскаго) губернскаго женскаго училища 1-го разряда, помещеннаго въ ноябрь мѣсяцъ тридцатаго 1868 года въ *Иркутскихъ Губернскихъ Ведомостяхъ*, корреспондентъ *Голоса* (№ 19) хвалитъ инициативу заведенiя, изъ которыхъ мы извлечемъ въ слѣдующи оданнiя. Училище это открыто въ 1859 году, въ мѣсяцъ бывшаго главаро начальнича Уральскихъ горныхъ заводонъ, генерала Фелинера. Екатеринбургское купеческое общество сочувственно отнеслось къ этой мысли и положило отпустить для него ежегодно болѣе 2000 руб., которые отпускаются и понынѣ, время того

сдѣлано было единовременное пожертвованіе 5.000 руб. владѣльцемъ Верхне - Исетскаго завода И. А. Яковлевимъ. Такимъ образомъ, въ матеріальномъ отношеніи Екатеринбургское училище весьма скоро приобрѣло себѣ довольно прочное положеніе; но въ настоящее время средства училища оказываются недостаточными. Что касается до учебной части, то до учрежденія въ Екатеринбургѣ мужской гимназіи въ 1861 году, училище довольствовалось учителями уѣзднаго училища, а съ этого времени преподаваніемъ наукъ въ женскомъ училищѣ начали заниматься учителя гимназіи. Не смотря на то изъ отчета можно вывести заключеніе, что дѣло преподаванія въ Екатеринбургскомъ женскомъ училищѣ идетъ не совсѣмъ успѣшно, такъ какъ въ отчетѣ прямо говорится, что дѣло это пошло бы гораздо успѣшнѣе, если бы вознагражденіе за труды всѣмъ служащимъ было удвоено. Изъ денежнаго отчета видно, что основной капиталъ училища равняется 8.150 руб.; обыкновенный годовоі приходъ состоитъ изъ 4.287 руб., а расходъ изъ 4.720 руб.; такимъ образомъ расходовъ больше, нежели доходовъ, ежегодно слѣшкомъ на 400 руб. Корреспондентъ совѣтуетъ сократить расходы по нѣкоторымъ статьямъ для того, чтобъ имѣть возможность поддержать училище. Учащихся въ 18⁶⁷/₆₈ годахъ было 139.

— По отчету *Опочецкаго* (Псковской губ.) женскаго училища 2-го разряда, нанечатанному въ *Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 5), въ училищѣ этомъ, существующемъ съ 1861 года, въ 1867 году было 85, а въ 1868 году 40 ученицъ. Изъ нихъ дочерей дворянъ и чиновниковъ 12, духовнаго званія 4, купцовъ 8, мѣщанъ 12, крестьянъ 2, разnochинцевъ 2. По испытаніи воспитанницъ при окончаніи 18⁶⁷/₆₈ учебнаго года, 2 выпущены изъ училища съ аттестатами, 19 переведены въ слѣдующіе классы, а прочія оставлены въ тѣхъ же классахъ. Приходъ училища въ 1868 году составлялъ 1.660 руб., расходъ 1.364 руб. 89 коп., остатокъ 295 руб. 54 коп. Въ фундаментальной библіотекѣ училища книгъ и учебныхъ пособій было 179 названій: въ 272 томахъ, на суммѣ 430 руб. 54 коп.

Изъ отчета женскаго училища 3-го разряда, находящагося въ гор. *Покровѣ* (Владимірской губ.; см. *Владимірскія Губернскія Вѣдомости* № 5), видно, что училище это содержится на суммы, жертвуемыя членами попечительнаго при немъ совѣта. Преподавателей въ училищѣ два: начальница училища и законоучитель. Начальница, О. И. Лихачева, обучаетъ дѣтей чтенію, чистописанію, арифметикѣ, шитью, вязанью, вышиванью и другимъ рукодѣльямъ, за что получаетъ жалованья 240 руб. и пользуется кватирой съ отопленіемъ и освѣщеніемъ;

законоучитель, священникъ В. П. Александровскій, получаетъ вознагражденія 50 руб. По предложенію смотрителя училищъ А. Н. Шемякина, въ ноябрѣ 1868 г. введено въ училищѣ обученіе дѣвочекъ чтенію и разумнѣю церковно-славянскихъ книгъ, а въ началѣ 1869 г. предложено было ввести обученіе церковному пѣнію главныхъ богослужебныхъ молитвъ. Всѣ ученицы принимаются въ училище бесплатно, и нѣкоторыя изъ нихъ пользуются учебными пособиями также бесплатно. Приемъ ихъ допущенъ во всякое время. Изъ оставшихся въ 1868 году 38 ученицъ, въ теченіе года выбыло 12, вновь поступило 13, затѣмъ въ 1869 году осталось 39, которыя по сословіямъ распредѣляются такъ: дочерей чиновниковъ 3, купцовъ 9, мѣщанъ 24 и солдатъ 3. Движеніе суммъ по училищу представляется въ слѣдующемъ видѣ: отъ 1867 года оставалось деньгами 16 коп., билетами 500 руб., доходъ училища составлялъ 720 руб. 92 коп.; израсходовано 511 руб. 25 коп.; затѣмъ въ 1869 году въ остаткѣ училищнаго капитала деньгами 409 руб. 83 коп., билетами 300 руб.

Въ *Русскія Вѣдомости* (№ 29) пишутъ изъ *Кашина* (Тверской губ.), что мѣстное уѣздное земское собраніе, бывшее въ концѣ прошлаго года, въ виду успѣшности дѣйствующихъ въ уѣздѣ народныхъ школъ, которыхъ считается 26 съ 583 учащимися, постановило учредить въ Кашинѣ Александровское женское училище при женскомъ Срѣтенскомъ монастырѣ для 19 стипендіатокъ отъ волостей уѣзда и 1 отъ гор. Кашина. На этотъ предметъ ассигновано по смѣтѣ на 1869 годъ 1.400 руб., кромѣ денегъ, израсходованныхъ земствомъ въ прежнее время на устройство зданія Александровскаго училища. Такое учрежденіе, при близкомъ вліяніи монастыря на училище, имѣло въ виду, кромѣ обученія грамотности, еще и нравственную сторону образованія. Въ училищѣ будетъ преподаваться теорія сельскаго хозяйства, а чрезъ частое посѣщеніе ученицами церкви онѣ приобрѣтутъ знаніе церковной службы и пониманіе церковнаго чтенія и пѣнія. Училище предназначается исключительно для сиротъ изъ крестьянскаго и городскаго населенія. Курсы въ училищѣ предположены трехлѣтній. Кромѣ этого, управа передала въ училищный совѣтъ 500 руб. изъ сверхсмѣтныхъ суммъ для учебныхъ пособій обучающимся въ народныхъ школахъ.

Въ той же газетѣ (№ 9) извѣщаютъ объ открытіи женскаго училища въ гор. *Камышинѣ* (Саратовской губерніи). Всѣхъ дѣвочекъ разнаго сословія, заявившихъ желаніе поступить въ это заведеніе, 15. На устройство училища отдѣлено изъ городскаго общественнаго ка-

часть СХІ, отд. 4.

дптала 700 руб., изъ которыхъ 410 руб. идетъ на жалованье служащимъ при училищѣ, а остатокъ на квартиру, мебель и другія необходимыя вещи для училища.

Г-жа Марія Богаевская сообщаетъ въ *Харьковскія Губернскія Вѣдомости* (№ 9) нѣсколько свѣдѣній о женскомъ училищѣ, открытомъ въ прошломъ году въ гор. *Ромнахъ* (Полтавской губ.). Мысль объ устройствѣ этого училища принадлежитъ Роменскому уѣздному предводителю дворянства и членамъ мѣстнаго земства. Недостатокъ первоначальнаго фонда не давалъ новому училищу средствъ пригласить, въ помощь начальницъ этого заведенія, наставницъ, и потому на первыхъ парахъ многія изъ дамъ и дѣвицъ Ромненскаго общества, увлекаемыя и поддерживаемыя примѣромъ попечительницы новаго училища, жены предводителя г-жи Лукьяновичъ, давали бесплатныя уроки музыки и другихъ предметовъ. Все это дѣло велось дружно, единодушно, безъ громкихъ фразъ и единственно изъ желанія принести какъ можно больше пользы новому учрежденію. Начальница г-жа Сосновская и двѣ ея помощницы, приглашенныя въ послѣдствіи при расширеніи средствъ училища, взялись за дѣло съ такою любовью, энергіей и неутомимою дѣятельностью, что короткій срокъ существованія вѣреннаго имъ заведенія не помѣшалъ привести его къ самымъ добрымъ результатамъ. Директоръ Полтавской гимназій былъ пріятно удивленъ какъ быстрыми успѣхами дѣтей, такъ и цвѣтущимъ состояніемъ всего состава училища и обѣщалъ къ тремъ существующимъ классамъ прибавить еще три, что значительно возвыситъ средства заведенія и дастъ возможность воспитывающимся въ немъ получить болѣе обширное образованіе.

— Въ *Новороссійскомъ Телеграфѣ* находятся подробно женской специальной руководѣльной школы, учрежденной въ *Одессѣ*, въ декабрѣ 1868 года, г-жею Туловскою, при участіи ея мужа. Вслѣдствіе семейнаго несчастія г. и г-жа Туловскіе дали обѣтъ принести посильную пользу обществу и пришли къ заключенію, что слѣдуетъ возвысить значеніе женскаго труда, давъ ему твердую основу. Задуманная ими школа разрѣшена къ открытію, и они приступили теперь къ осуществленію своего плана. Школа ихъ имѣетъ цѣлю: 1) Обучить ученицъ руководѣльямъ и ремесламъ, сообразно ихъ физической силѣ, переплетному и токарному. 2) Дать ученицамъ элементарное образованіе, съ каковою цѣлю преподаются здѣсь русскій языкъ, ариметика и законъ Божій, два раза въ недѣлю по два часа. 3) Удовлетворить одной изъ насущныхъ потребностей общества и преимущественно низ-

шаго класса, именно потребности въ бѣльѣ, для чего открыть при школѣ магазинъ, который будетъ доставлять бѣлье за сравнительно дешевую цѣну и прекрасной домашней работы. 4) Обеспечить матеріальное благосостояніе ученицъ въ будущемъ, съ кадовою цѣлью, по окончаніи полного курса, ученицы, оказавшія успѣхи, награждаются или значительною денежною преміей, или же машиной, соответствующею ихъ специальности. Отъ поступающей ученицы не требуется никакихъ документовъ, никакихъ формальностей. Срокъ учения опредѣляется въ большинствѣ случаевъ возрастомъ вступающей. Бѣдныя ученицы, безъ различія вѣроисповѣданія, принимаются бесплатно; сверхъ того, круглымъ сиротамъ школа даетъ платье, обувь и все необходимое.

— Мы имѣли случай упоминать о дѣвичьемъ училищѣ, существующемъ въ гор. *Острогъ* (Волынской губ.) при Кирилло-Меодіевскомъ братствѣ и основанномъ въ память графа Дмитрія Николаевича Блудова. Въ училищѣ этомъ преподается большая часть наукъ, введенныхъ въ программу высшихъ женскихъ училищъ. Обученіе музыки входитъ какъ обязательный предметъ для всѣхъ ученицъ, оказавшихъ музыкальныя способности, такъ какъ знаніе музыки обыкновенно доставляетъ лучшее жалованье гувернанткамъ въ семействахъ и слѣдовательно даетъ средства къ честному труду и обезпеченіе для дѣвушекъ безъ состоянія. Изъ отчета о состояніи этого училища, напечатаннаго въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* (№ 144 за истекшій годъ), видно, что въ училищѣ воспитывается въ настоящее время 28 пансіонерокъ и 16 приходящихъ ученицъ. Кроме того, въ пансіонѣ г-жи Гиревской, находящемся подъ надзоромъ Кирилло-Меодіевского братства, живутъ 16 пансіонерокъ, которыя ходятъ на уроки въ братское училище. Въ школѣ грамотности, существующей при училищѣ и служащей приготовительнымъ къ нему классомъ, числятся 4 ученицы.

Краткій историческій очеркъ устройства Острожскаго женскаго училища свидѣтельствуетъ, что оно, до приведенія въ исполненіе мысли о его устройствѣ и въ первое время своего существованія, встрѣчало сильное противодѣйствіе со стороны польской интриги; но всѣ препятствія были, къ счастью, устранены. Средства училища, состоявшія на первое время изъ сборнаго капитала въ 2.000 руб., расширились. На перестройку церкви, училища и лѣчебницы для приходящихъ Всемилостивѣйше было отпущено 19.000 руб.; затѣмъ пожалована братству казенная ферма въ Острожскомъ уѣздѣ, Миклаши; наконецъ,

частныя пожертвованія возрасли до суммы 4000 руб.; многія лица записались въ братство.

— При *Бѣльско́й* (Смоленской губ.) Рождество-Богородицкой женской общинѣ, учрежденной г-жею Гаузенъ, существуетъ училище, въ которомъ обучаются какъ мальчики, такъ и дѣвочки, принадлежащія къ разнымъ сословіямъ. Учредительница общины, по словамъ *Епархіальнаго Вѣдомостей* (№ 1), донесла въ ноябрѣ мѣсяцѣ истекшаго года мѣстному епархіальному архіерею, что крестьяне весьма неохотно отдають въ училище дѣвочекъ по тому ложному предубѣжденію, что грамотная дѣвица не можетъ выйти за мужъ, да и самыя мальчики ходять въ классъ не постоянно, а только въ Великій и Филипповъ посты, отчего успѣховъ по училищу весьма мало, а между тѣмъ безпокойства для сестеръ общины отъ обращенія съ мальчиками много. По этимъ причинамъ, г-жа Гаузенъ проситъ разрѣшить ей преобразовать училище на слѣдующихъ основаніяхъ: а) сдѣлать училище исключительно заведеніемъ женскимъ; б) штатъ ученицъ ограничить 10-ю воспитанницами, которыя бы и жили въ особо-устроенномъ для нихъ помѣщеніи; в) въ число воспитанницъ принимать дѣвочекъ духовнаго званія и круглыхъ сиротъ крестьянскаго сословія, и г) кругъ предметовъ ограничить программю, въ которую входили бы чтеніе по церковной и гражданской печати, письмо по русски, краткій катихизисъ и исторія ветхаго и новаго завѣта, изъ ариметики первыя четыре дѣйствія, изъ русской грамматики первая часть, разныя рукодѣлья, иконописаніе, церковное пѣніе. Эти предположенія утверждены 27-го ноября 1868 года.

— Въ гор. *Олонцѣ* (Олонецкой губ.) существуетъ съ сентября 1864 года начальное женское училище. Оно не имѣетъ никакого штата, и на содержаніе его не отпускалось никакихъ опредѣленныхъ суммъ. Существованіемъ своимъ оно единственно обязано присылкѣ денегъ изъ бывшей Петрозаводской воскресной школы, пожертвованіямъ почетной попечительницы училища С. Д. Арсеньевой, безмезднымъ занятіямъ учителей Олонецкихъ уѣзнаго и приходскаго училищъ и пожертвованіямъ разныхъ лицъ. Къ 1-му ноября 1868 года женское училище имѣло въ кассѣ своей 100 руб. въ билетѣ и 1 руб. 25 коп. наличными деньгами. О такомъ положеніи училища мѣстною дирекціею было доведено до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, которое выдало училищу въ истекшемъ году одновременно 50 руб.; а съ 1869 года предположило отпускать на ежегодное содержаніе училища по 300 руб. Мѣстныя *Губернскія Вѣдомости* (№ 3)

говорять, что такое пособіе отъ правительства, дающее возможность опредѣлить особую наставницу, и готовое помѣщеніе, предоставленное училищу отъ Олонецкаго земства, даютъ надежду, что Олонецкое женское училище будетъ упрочено въ своемъ существованіи.

— Корреспондентъ *Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* (№ 46 пр. г.) сообщаетъ объ открытіи женскаго училища въ гор. Мологѣ. При училищѣ устроенъ ремесленный классъ, въ которомъ 24 дѣвочки-мѣщанки учатся шить башмаки; нѣкоторыя уже выучились, и одна изъ нихъ, дѣвочка 13-ти лѣтъ, не только зарабатываетъ на свое содержаніе и одежду, но еще помогаетъ бѣдной матери. Ремесленный классъ содержится работою ученицъ. Общія отзывы объ училищѣ весьма удовлетворительны.

— *Виленскій Вѣстникъ* (№ 143) свидѣтельствуетъ объ обилии въ Виленскомъ учебномъ округѣ средствъ для женскаго образованія. Кромѣ Бѣлостовскаго института, шести женскихъ гимназій и частныхъ пансіоновъ, постепенно открываются ннѣ, по мѣрѣ пріисканія благонадежныхъ содержательницъ, частныя женскія училища. Они должны быть двухклассныя въ 15-ти и одноклассныя въ 16-ти городахъ шести сѣверо-западныхъ губерній, съ ежегодными денежными пособіями первымъ по 700 руб., а вторымъ по 385 руб. Къ сожалѣнію, приводимыя *Виленскимъ Вѣстникомъ* цифры о количествѣ учащихся по вѣроисповѣданіямъ въ женскихъ гимназіяхъ Виленской, Гродненской и Ковенской губерній и нѣкоторые факты, заявленные официально, приводятъ къ мало утѣшительнымъ заключеніямъ. Въ началѣ настоящаго учебнаго года численность учащихся дѣвицъ по вѣроисповѣданіямъ представлялась въ слѣдующемъ видѣ. Въ Виленской гимназіи изъ числа 159 учащихся дѣвицъ было: православнаго исповѣданія 90, римско-католическаго 31, лютеранскаго 7 и еврейскаго 31, а такъ какъ въ Вильнѣ, по статистическимъ свѣдѣніямъ Памятной Книги генераль-губернаторства, на 2.987 православныхъ женщинъ приходится 18.669 римско-католическѣ, 16.945 Евреекѣ и 812 лютеранокѣ, то выходитъ, что русскихъ дѣвушекъ учится 3% всего женскаго населенія, Полекъ менѣе 1/6%, то-есть, въ 17 разъ менѣе, соотвѣтственно числу женскаго населенія, лютеранокъ около 1% и Евреекѣ около 1/6%. Впрочемъ въ Вильнѣ есть 4 отдѣльныхъ пансіона исключительно для Евреекѣ, съ весьма значительнымъ числомъ учащихся, и 3 женскихъ пансіона, содержимыхъ христіанами, съ малымъ числомъ учащихся. Въ Гродненской гимназіи изъ числа 104 учащихся дѣвицъ было православнаго исповѣданія 52, римско-католическаго 12, лютеранскаго 2 и ев-

рейскаго 38, или принимая во соображеніе 1.117 православныхъ женщинъ на 3.710 римско-католическѣхъ, 78 лютерановъ и 6.300 Евреекъ, выйдетъ въ результатъ, что русскихъ дѣвушекъ учится болѣе $4\frac{1}{2}\%$, Польшѣ $\frac{1}{3}\%$, то-есть, въ $13\frac{1}{2}$ разъ менѣе, соотвѣтственно числу женскаго населенія, лютерановъ болѣе $2\frac{1}{2}\%$ и Евреекъ болѣе $\frac{3}{5}\%$. Наконецъ, въ Ковенской гимназій, въ городѣ, гдѣ на горсть русскаго населенія приходится нѣсколько тысячъ римско-католическаго, въ числѣ 91 учится 37 православныхъ дѣвушекъ на 20 только Польшѣ, 9 лютерановъ и 29 Евреекъ. Что касается до остальной части учащагося женскаго населенія въ означенныхъ губерніяхъ, большинство котораго принадлежитъ къ дворянскому сословію, то на основаніи отзывовъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу женскаго образованія, *Виленскій Вѣстникъ* приходитъ къ заключенію, что остальная масса дѣвушекъ-католическѣхъ дворянскаго сословія учится въ польскихъ пансіонахъ Привислянскаго края, въ нѣмецкихъ Остзейскаго, за границей, дома подъ руководствомъ иностранныхъ учительницъ, и наконецъ, въ тайныхъ, не дозволенныхъ учебнымъ начальствомъ школахъ на мѣстѣ. Начальство округа обратило самое серіозное вниманіе на упомянутыя тайныя школы. Оказалось, что самое обнаруженіе такого рода школъ было соединено съ большими затрудненіями, такъ какъ лица, занимающія здѣсь обученіемъ, принимали всѣ мѣры къ сокрытію ихъ и предъ училищнымъ начальствомъ, и предъ полиціею. Стремленіе къ такому сокрытію доходить, по словамъ офиціальнаго сообщенія учебнаго округа, до такой степени, что даже дѣтямъ, посѣщающимъ училища, на вопросы: куда или откуда они идутъ, заранѣе внушались уклончивыя отвѣты, что или они были у родныхъ, или идутъ къ роднымъ, въ то время, когда они идутъ изъ училища или въ училище, что чрезвычайно губительно дѣйствуетъ на нравственность дѣтей. Вслѣдствіе этого, начальство округа сдѣлало распоряженіе о немедленномъ закрытіи обнаруженныхъ розысканіемъ школъ, о взысканіи съ виновныхъ установленнаго штрафа и о воспрещеніи имъ заниматься дальнѣйшимъ обученіемъ дѣтей въ частныхъ домахъ безъ надлежащаго дозволенія училищнаго начальства. вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано общее распоряженіе по Виленскому учебному округу, дабы начальники училищныхъ дирекцій, которымъ ввѣренъ по закону ближайшій и непосредственный надзоръ за частнымъ обученіемъ, употребили всѣ способы къ устраненію отъ частнаго обученія лицъ, которыхъ нравственныя качества и педагогическія способности неизвѣстны или не удостовѣрены законнымъ образомъ.

Вильянский Вѣстникъ присовокупляетъ къ вышеприведеннымъ свѣдѣнiямъ, что въ Вильнѣ и нѣкоторыхъ центральныхъ пунктахъ вѣра имѣютъ быть устроены образцовыя женскiя пансіоны на тѣхъ же разумныхъ и чисто русскихъ воспитательныхъ началахъ, которыя положены въ основу воспитанiя въ мужскихъ учебныхъ заведенiяхъ. Начальство округа съ особенною любовію относится къ дѣлу правильнаго устройства женскаго воспитанiя и употребляетъ всѣ усилiя къ тому, чтобы и вновь открываемыя съ казенными субсидiями пансіоны сдѣлать, по возможности, вполне безукоризненными въ воспитательномъ и учебномъ отношенiяхъ. Два такіе пансіона, оба двухклассные, открыты въ ноябрѣ мѣсяцѣ истекшаго года въ гор. Динабургѣ и Россіенкахъ. Первый открытъ — г-жею Цвѣтковою, съ пособіемъ отъ правительства въ 700 руб.; второй г-жею Грумбковою. Въ послѣдній, при самомъ открытiи, поступило 12 ученицъ, распредѣляющихся по вѣроисповѣданiямъ такъ: римско-католичекъ 3, лютеранокъ 2 и Евреекъ 7. Всѣ онѣ, въ особенности Еврейки, оказались весьма слабо подготовленными къ слушанiю курса. Преподаютъ въ этомъ пансіонѣ учителя уѣзднаго училища.

— Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 339) сообщаются свѣдѣнiя о русскомъ женскомъ училищѣ, существующемъ въ Дерптѣ. Въ 1837 году, согласно ходатайству Дерптскаго русскаго общества, Высочайше повелѣно открыть для дѣтей обоего пола начальное училище съ отпускомъ изъ государственнаго казначейства на его содержаніе 1000 руб. асс. Но дѣвочки не поступали въ училище, „вслѣдствіе неудобства мальчикамъ, какъ сказано въ одномъ изъ отчетовъ училища, обучаться вмѣстѣ съ дѣвочками“. Попытки устроить для дѣвочекъ особое училище оставались, по неимѣнiю средствъ, до 1853 года безъ успѣха. Наконецъ, старанiями протоіерея П. П. Алексѣева, состоящаго профессоромъ университета, нѣкоторыя лица, въ томъ числѣ семейство кн. Дондукова-Корсакова и русскіе студенты Дерптскаго университета, изъявили согласіе жертвовать ежегодно или одновременно на устройство женскаго училища известную сумму, и такимъ образомъ собрана была достаточная сумма для того, чтобы положить начало нравственному и умственному развитiю недостаточныхъ русскихъ дѣвочекъ. Составившееся попечительство о бѣдныхъ открыло 1-го мая 1853 года при мѣстной церкви женское училище, въ которомъ дѣвочки должны были обучаться закону Божію, письму и чтенiю по русски, по церковно-славянски и по нѣмецкп, вязанью, шитью и другимъ простымъ рукодѣльямъ; двѣнадцать же изъ нихъ, наиболѣе ну-

ждающіяся, могли пользоваться содержаніемъ, то-есть, пищею и одеждою. Святѣйшій синодъ, одобривъ устройство училища, назначилъ на наемъ помѣщенія по 120 руб. въ годъ. Число ученицъ скоро возрасло до 42. Съ теченіемъ времени, княжна М. М. Дондукова-Корсакова, горячо отдававшая дѣлу устройства училища, успѣла изъ добровольныхъ пожертвованій русскихъ жителей Дерпта, составить такую сумму, что явилась возможность, хотя на время, пріютить нѣсколько бѣдныхъ дѣвочекъ, обезпечивъ ихъ помѣщеніемъ, столомъ и одеждою. Въ 1859 году купленъ для училища каменный домъ. Въ настоящее время училище поддерживается приношеніями и временнымъ сборомъ. Ея Величество Государыня Императрица Марія Александровна и Августѣйшія дѣти Ея Всемилостивѣйше жертвуютъ по 225 рублей въ годъ. Нѣкоторые частныя лица равнымъ образомъ ежегодно вносятъ въ пользу училища опредѣленную сумму. Въ 1866 году сумма такихъ пожертвованій простиралась до 377 руб. Въ 1868 году денежный оборотъ училища простирался до 1.200 руб. На эти деньги содержались 11 воспитанницъ, получавшихъ помѣщеніе, пищу и одежду, и до 30 приходящихъ дѣвочекъ. Къ сожалѣнію, матеріальныхъ средствъ училища недостаточно, что отзывается между прочимъ и на недостаткѣ учебныхъ пособій. Дѣвочки, принадлежащія къ низшему, бѣднѣйшему классу населенія, не получили даже ни малѣйшаго нравственнаго и умственнаго развитія, многія изъ нихъ къ тому же не знаютъ русскаго языка, не смотря на то, что онѣ Русскія по происхожденію. Все это значительно увеличиваетъ трудности воспитанія для учительницы, получающей самое незначительное вознагражденіе. При всемъ томъ ея сдѣлано все, что можно было сдѣлать: ученицы читаютъ и пишутъ по русски вполне удовлетворительно. Въ заключеніе корреспондентъ обращается къ частной благотворительности, прося присылать пожертвованія на имя завѣдывающаго школой протоіерея Павла Петровича Алексѣева.

Н И З Ш І Я У Ч И Л И Щ А.

Архангельская губернія: Состояніе Ломоносовскаго училища; ремесленное училище въ Соломбалѣ; школа при дѣтскомъ пріютѣ св. Петра въ Архангельскѣ; воскресная школа при духовной семинаріи.—*Вологодская губернія:* Постановление собранія священно-служителей въ Вологодскомъ уѣздѣ.—*Пермская губернія:* Нищенскій дѣтскій пріютъ въ Перми.—*Костромская губернія:* Приходскія училища Александровское и Константиновское въ Костромѣ; двухклассное училище въ посадѣ Большія-Соли; ремесленный классъ при Бологривскомъ уѣздномъ училищѣ; двухклассное приходское училище въ Ня-

колошпирской волости, Кологривскаго уѣзда; народный учитель А. В. Голубевъ. — *Ярославская* губернія: Общее состояніе народной грамотности въ губерніи; народныя училища въ Рыбинскомъ уѣздѣ; дѣятельность Воскресенскаго приходскаго попечительства въ Мышкинскомъ уѣздѣ; единовѣрческая школа въ Романо-Борисоглѣбскѣ. — *Тверская* губернія: Отношеніе Тверскаго земства къ вопросу о народномъ образованіи; постановленіе Осташиковского земскаго собранія. — *Владимірская* губернія: Проектъ преобразованія Шуйскаго уѣзднаго училища; открытіе двухкласснаго училища въ слободѣ Холуѣ и общее состояніе народнаго образованія въ Вязниковскомъ уѣздѣ; преобразование приходскаго училища въ селѣ Васильковскомъ, Шуйскаго уѣзда, въ двухклассное; тюремныя школы во Владимірѣ и въ Судогдѣ. — *Московская* губернія: Дѣятельность Московскаго комитета грамотности; открытіе училища для дѣтей придворно-служительской команды въ Москвѣ. — *Смоленская* губернія: Школа въ Царевѣ-Займищѣ, Вяземскаго уѣзда. — *Калужская* губернія: Постановленіе Тарусскаго земскаго собранія и свѣдѣнія о нѣкоторыхъ училищахъ въ Тарусскомъ уѣздѣ; приходское училище въ Боровскѣ. — *Тульская* губернія: Постановленія губернскаго училищнаго совѣта; обзоръ дѣйствій Новосильскаго уѣзднаго училищнаго совѣта; дѣятельность Воскресенскаго приходскаго попечительства въ Бѣлевѣ. — *Рязанская* губернія: Мнѣніе гласнаго Скопинскаго земскаго собранія Рыкова объ обязательности обученія; постановленія Касимовскаго земскаго собранія. — *Тамбовская* губернія: Начальныя училища въ Усмани и Усманскомъ уѣздѣ. — *Саратовская* губернія: Училище для приготовленія сельскихъ наставницъ при Саратовскомъ братствѣ св. Креста; постановленія Саратовскаго городскаго общества; школа при Саратовскомъ острогѣ. — *Симбирская* губернія: Школа при Симбирскомъ тюремномъ замкѣ; замѣчательный ученикъ Чувашенпнъ; постановленія Бунинскаго и Сызранскаго земскихъ собраній.

Лѣтопись народнаго образованія за послѣднее время обогатилась многими, болѣе или менѣе важными, фактами. Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ собраній, постепенно появляющіеся въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, подтверждаютъ тотъ фактъ, что всѣ почти земства, въ послѣднихъ собраніяхъ своихъ, обратили весьма серіозное вниманіе на важный вопросъ о распространеніи образованія въ народныхъ массахъ. Но кромѣ земствъ, и многія отдѣльныя общества, учрежденія и лица съ участіемъ отнесли къ этому дѣлу, и различные органы нашей печати полны самыми разнообразными и болѣею частію вполне отрадными по сему предмету сообщеніями. Желая представить по возможности полную картину современнаго движенія въ пользу народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ, мы приведемъ въ настоящемъ нашемъ обзорѣ наибольшее количество накопившихся за послѣднее время фактовъ, распредѣливъ ихъ по губерніямъ, и откладывая отчетъ о дѣятельности большинства земскихъ собраній въ пользу образованія народа

до слѣдующихъ книжекъ, тѣмъ болѣе, что отчеты о засѣданіяхъ многихъ земскихъ собраній, происходившихъ въ послѣдней трети истекшаго 1868 года, еще не окончены печатаніемъ въ ту минуту, когда мы занимаемся составленіемъ настоящей нашей лѣтописи.

Начнемъ съ *Архангельской* губерніи.

Мы упоминали объ открытіи въ Куростровѣ Ломоносовскаго училища. Изъ корреспонденціи, помѣщенной въ мѣстныхъ *Вѣдомостяхъ* (№ 103 прошлаго года), видно, что въ этомъ училищѣ къ концу декабря было около 55 человекъ. Ученики и ученицы раздѣлены на два отдѣленія: старшее и младшее; послѣднее подраздѣлено въ свою очередь на два разряда. Корреспондентъ весьма благопріятно отзывается какъ о преподаваніи, такъ и объ успѣхахъ учениковъ, и свидѣтельствуешь, что не только Куростровцы, но и жители окрестныхъ деревень охотно отдають дѣтей въ училище, тогда какъ прежде стоило большихъ трудовъ убѣдить ихъ къ этому. Корреспондентъ приписываетъ такой результатъ прекрасному обученію. Есть три-четыре мальчика, которые ходятъ за 8 и болѣе верстъ; нѣкоторымъ ученикамъ, человекъ до 10, дозволяется почевать въ училищѣ. Къ сожалѣнію, помѣщеніе училища весьма неудовлетворительно, и вообще есть много неудобствъ, препятствующихъ дѣлу обученія грамотѣ.

Въ той же газетѣ (№ 100 прошлаго года) сообщается нѣсколько свѣдѣній о ремесленномъ училищѣ, существующемъ въ Соломбалѣ (пригородная слобода въ Архангельскѣ). Оно существуетъ не болѣе двухъ лѣтъ и имѣетъ 21 ученика, изъ которыхъ 16 обучаются столярному, а остальные 5 токарному ремеслу. Мальчики занимаются съ большимъ усердіемъ своимъ дѣломъ, при постороннихъ держатъ себя свободно, что зависитъ отъ хорошаго обращенія съ ними дядьки-учителя, съ которымъ дѣти съ своей стороны ласковы и внимательны. Вообще школа производитъ пріятное впечатлѣніе, и нельзя не пожалѣть только объ одномъ, что воспитанниковъ, рядомъ съ обученіемъ ремесламъ, не обучаютъ грамотѣ. Авторъ статьи обращался къ нѣсколькимъ мальчикамъ съ вопросомъ: грамотенъ ли? и на половину получалъ одинъ и тотъ же грустный отрицательный отвѣтъ, между тѣмъ какъ была бы полная возможность достигнуть обученія этихъ дѣтей грамотности путемъ воскресныхъ школъ или посѣщеніемъ мѣстнаго приходскаго училища въ извѣстные дни недѣли.

По свидѣтельству той же газеты (№ 2), начальствомъ учебнаго округа сдѣлано распоряженіе отъ открытіи двухъкласснаго приходскаго училища въ селѣ Ижмѣ, Мезенскаго уѣзда. Училище это должно имѣть

характеръ подвижной школы, переходящей чрезъ каждые три года изъ одного селенія въ другое, на примѣръ, изъ Ижмы въ Мохчу, изъ Мохчи въ Сизябскъ. Эти три селенія находятся въ незначительномъ другъ отъ друга разстоянн и имѣютъ все, необходимое для помѣщенія школы. Преподавателей и преподавательницу во вновь открываемую школу предположено назначить изъ лицъ, знакомыхъ съ Зырянскимъ языкомъ, и одинъ изъ нихъ, природный Зырянинъ, уже готовится къ этой должности въ Соломбальскомъ приходскомъ училищѣ. Населеніе тѣхъ деревень, гдѣ имѣетъ быть школа, довольно значительно—одна Мохченская волость имѣетъ около 6,000 душъ—и на столько зажиточно, что оно, какъ можно надѣяться, при своей расположенности къ грамотности, охотно будетъ отдавать дѣтей своихъ въ училище.

Въ *Современномъ Листкѣ* (№ 5) напечатанъ офиціальныи отчетъ о школѣ при дѣтскомъ приютѣ св. Петра, состоящей въ завѣдыванн Архангельской духовной семинаріи за 18^{66/67} и 18^{67/68} годы. Изъ него мы узнаемъ, что означенная школа состоитъ съ 1863 года по учебной части подъ наблюденіемъ ректора семинаріи, архимандрита Доната, и обученіемъ дѣтей въ ней ежедневно занимаются воспитанники семинаріи высшаго и средняго отдѣленій. До 1868 года, то-есть, до введенія педагогики въ число наукъ семинарскаго курса, занималось обученіемъ дѣтей, по добровольному желанію, до 30 учениковъ семинаріи, а съ этого времени занятія обученіемъ дѣтей въ приютѣ сдѣлались обязательными въ видахъ практическаго примѣненія теоретическихъ уроковъ по педагогикѣ и въ видахъ приобрѣтенія надлежащей опытности въ обученн дѣтей всѣмъ учебнымъ предметамъ, означеннымъ въ программѣ педагогики, данной для семинаріи свѣтѣйшимъ синодомъ. Ученики семинаріи наблюдаютъ между собою очередь въ занятіяхъ по школѣ, сами составляя росписаніе уроковъ и дѣлая первоначальный выборъ предметовъ преподаванія. По приобрѣтенн достаточнаго умѣнья въ преподаванн избраннаго предмета, ученики избираютъ новый предметъ сами или по назначенію ректора семинаріи. Для ближайшаго наблюденія за ходомъ ученія, для руководства менѣе опытныхъ учителей и для приобрѣтенія надлежащей опытности въ веденн порядка въ школѣ, назначался ежедневно очередной воспитанникъ высшаго отдѣленія семинаріи, который, отмѣчая въ книгѣ все, что происходило во время занятій, отдавалъ затѣмъ обо всемъ подробный отчетъ ректору. Такимъ образомъ, каждый воспитанникъ, какъ наблюдатель, имѣлъ до 8 очередей въ годъ, а какъ учитель *titulum* 36 очередныхъ уроковъ и *maximum* до 175 уро-

ковъ (2 учителя), или среднимъ числомъ до 51 урока, считая 35 учебныхъ недѣль въ году.

Учащихся въ пріютѣ состояло въ 186⁶/₇ г. 44, изъ нихъ мальчиковъ 15; въ 18⁶⁷/₆₈ г. 65, изъ нихъ мальчиковъ 19. Сообразно со степенью развитія, дѣти распредѣлены были въ 18⁶⁶/₆₇ году на 5 отдѣленій и подраздѣлялись на группы. Для каждаго отдѣленія и для каждой группы назначался особый учитель, исключая уроковъ по пѣнію и наглядному обученію. Предназначеннымъ къ выпуску старшимъ дѣвочкамъ давались особые практическіе уроки по обученію дѣтей: чтенію по методѣ Ушинскаго и Главинскаго, счисленію, объясненію молитвъ, священной и русской гражданской исторіи, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы нѣкоторыя изъ дѣвочекъ, оставаясь при пріютѣ, могли обучать дѣтей въ пріютской школѣ и тѣмъ обезпечивали бы навсегда учебную часть въ пріютѣ отъ всякихъ случайностей. Впрочемъ, по случаю введенія въ пріютъ обученія нѣкоторымъ ремесламъ и по случаю порученія окончившимъ ученье пяти дѣвочкамъ ухода за меньшими дѣтьми, имъ не оказалось возможнымъ поручить даже репетицій уроковъ съ дѣтьми, преподаваемыхъ имъ въ классѣ. Для обезпеченія возможно лучшихъ успѣховъ по учебной части въ пріютской школѣ, методы преподаванія всѣхъ уроковъ были строго соображаемы съ развитіемъ, восприимчивостью дѣтей и дидактическими требованіями. Отчетъ указываетъ на слѣдующіе болѣе общіе приемы ученія въ пріютской школѣ: кромѣ обученія чтенію и русскому языку, всѣ остальные предметы преподавались изустно и дѣтямъ не давалось въ руководство ни учебниковъ, ни записокъ. Послѣ разваза, каждый урокъ учитель тогда же повторялъ посредствомъ катехизаціи и доводилъ дѣтей до того, что болѣшая часть ихъ могли пересказать урокъ въ порядкѣ; на слѣдующій классъ прежній урокъ повторялся и задавался новый урокъ прежнимъ порядкомъ, такъ что дѣти выходили изъ класса съ полнымъ знаніемъ урока. При объясненіи молитвъ, символа вѣры, заповѣдей и понятій религіозныхъ, несовнательно усвоенныхъ дѣтьми отъ родителей, и событій св. исторіи, все, передаваемое памяти дѣтей, предварялось или сопровождалось поясненіями, приближалось къ дѣтскому смыслу сравненіями и примѣрами изъ предметовъ окружающихъ, а истинами вѣры учителя старались освящать весь порядокъ дѣтской жизни. При такихъ приѣмахъ, дѣти за уроками были внимательны, оживлены и усвоили уроки съ такою отчетливостью, что передавали ихъ своими словами съ полною свободою, давали отвѣты прямые и скорые, какъ бы хорошо усвоенные по учебнику.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости (№ 102 прошлаго года), въ которыхъ также сообщаются свѣдѣнія о приютѣ св. Петра, свидѣтельствуя съ своей стороны, что принятыя преподавателями лучшія современныя методы обученія грамотѣ, ариметикѣ, чтенію и письму и подробное наставленіе въ вѣрѣ, облегчая трудъ учащихся и дѣйствуя благотворно на сердце и образованіе характера, возбудили въ учащихся любознательность и развили ихъ до того уровня, на какомъ находятся дѣти этого возраста въ низшихъ и даже среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въмѣстѣ съ обученіемъ грамотѣ, въ приютѣ введено обученіе дѣтей ремесламъ швейному, башмачному, прачечному и хозяйству, заключающемуся въ уходѣ за домашнимъ скотомъ, въ изготовленіи пици и проч.

Сущестующая при Архангельской духовной семинаріи воскресная школа, какъ видно изъ отчета о ней, напечатаннаго въ № 11 *Современнаго Листка*, подобно школѣ при приютѣ св. Петра, находилась подъ руководствомъ ректора семинаріи архимандрита Доната. Порядокъ занятія учителей по школѣ обозначенъ опредѣленными правилами, по которымъ, между прочимъ, во избѣжаніе утомленія учениковъ однообразными занятіями въ теченіе часа и болѣе, каждый урокъ продолжался отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ часа и въ каждый учебный день принято занимать учениковъ уроками: 1) по св. исторіи; 2) по объясненію религіозныхъ понятій, вынесенныхъ дѣтьми изъ дома родителей безъ должнаго пониманія, и молитвъ; 3) чтеніемъ и письмомъ; 4) счисленіемъ и 5) пѣніемъ духовныхъ пѣсней. Пѣніе, для оживленія вниманія воспитанниковъ, положено послѣ первыхъ двухъ и послѣдняго уроковъ. Впрочемъ, когда содержаніе урока требовало болѣе получасоваго времени, то одинъ изъ уроковъ отмѣнялся. Число учащихся въ воскресной школѣ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ было 74, въ томъ числѣ 14 дѣвочекъ.

Метода преподаванія въ воскресной школѣ опредѣлилась самыми условіями, при которыхъ существуетъ школа, и требованіями дидактики. Составляясь изъ учениковъ различныхъ возрастовъ и неодинаковаго развитія, посѣщающихъ школу случайно и непостоянно, и въ значительномъ числѣ состоя изъ нищенствующихъ дѣтей и большею частію имѣя уроки одинъ разъ въ недѣлю, если на недѣлѣ нѣтъ праздниковъ, такая школа требовала отъ учителей настойчивой заботливости о развитіи въ дѣтяхъ вниманія, самодѣятельности и смысла, и сообщенія свѣдѣній отчетливыхъ, но краткихъ, которыя сохранились бы въ головѣ дѣтей до другаго урока, въ теченіе недѣли. По

наглядному обученію не было отдѣльных уроковъ въ школѣ, вслѣдствіе недостатка времени, и потому, для возможнаго достиженія хотя нѣкоторыхъ результатовъ въ развитіи дѣтей, доставляемыхъ нагляднымъ обученіемъ, приходилось довольствоваться сообщеніемъ наглядности урокамъ по св. исторіи, отчасти по объясненію религіозныхъ понятій и по счету.

Изложенныя выше трудности преподаванія посѣщающимъ воскресную школу дѣтямъ отразились на успѣхахъ учениковъ. Успѣхи эти отчетъ не находитъ возможнымъ назвать вполнѣ удовлетворительными. Недостатокъ времени и развитія въ дѣтяхъ былъ причиною, что они не могли быть приучены связно разказывать прочитанное или выслушанное, хотя и понятное. Труднѣе и медленнѣе всего даются успѣхи по обученію чтенію, и потому надежною и самостоятельною школою грамотности воскресная школа, по мнѣнію отчета, едва-ли можетъ считаться. Лучше усвоятся дѣтьми разказы по св. исторіи и уроки по счисленію; но развитіе смысла въ дѣтяхъ замѣтно въ значительной степени. Поэтому воскресную школу отчетъ считаетъ лишь приготовительною къ переходу дѣтей въ ежедневныя школы. Что касается до успѣховъ учителей въ педагогической практикѣ, то воскресная школа, доставивъ имъ случай быть очередными учителями до 24-хъ разъ въ два года, могла только разнообразить ихъ учительскіе опыты, приобрѣтенные въ ежедневной приютской школѣ, и выяснять имъ учительскіе приемы для достиженія возможныхъ плодовъ въ ихъ будущей сельской школѣ, гдѣ составъ учениковъ почти также разнообразенъ и посѣщенія ими школы также случайны и непостоянны, какъ и въ воскресной школѣ. Единственнымъ способомъ къ устраненію медленныхъ и недостаточныхъ успѣховъ по обученію чтенію отчетъ признаетъ выдачу на домъ дѣтямъ книгъ для чтенія; неудобство этой мѣры оказывалось на опытѣ лишь въ томъ, что дѣти затеривали книги, или, получивъ книгу, не являлись болѣе въ школу.

— Въ *Вологодской* губерніи продолжаютъ періодическія собранія священнослужителей, на которыхъ, между другими предметами, обсуждается и вопросъ о средствахъ къ распространенію образованія въ народѣ. На одномъ изъ такихъ собраній, происходившихъ въ Вологодскомъ уѣздѣ въ ноябрѣ прошедшаго года (см. *Вологод. Епарх. Вѣст.* № 1), между всѣми членами причтовъ распределено время занятій въ училищахъ по ровну, то-есть, если причтъ состоитъ напримѣръ изъ 3-хъ лицъ, то каждый изъ нихъ долженъ заниматься тамъ по двѣ

дня и т. д. Тутъ же заявлено о крайнемъ несочувствіи къ приходскимъ школамъ сельскихъ властей.

— Въ *Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 49 пр. года) сообщается нѣсколько свѣдѣній о мѣстномъ такъ-называемомъ нищенскомъ дѣтскомъ пріютѣ. Этотъ пріютъ обязанъ своимъ существованіемъ дамскому попечительному комитету о бѣдныхъ гор. Перми и предназначенъ для дѣтей обоого пола, которыхъ находится въ немъ болѣе 100 человекъ, возрастомъ отъ 1 до 13 и 14 лѣтъ, изъ всѣхъ сословій. Дѣти учатся, кромѣ обыкновенныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ школахъ, мальчики ремесламъ, дѣвочки рукодѣлю и хозяйству. Законъ Божій преподается такъ: дѣтямъ, достигшимъ 7-лѣтняго возраста, вмѣняется въ обязанность выучить молитвы, которыя имъ, на сколько возможно, разъясняютъ законоучители; затѣмъ имъ предлагаются разказы изъ св. исторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ они обучаются правильному изображенію на себѣ крестнаго знаменія. Кромѣ того законоучителемъ читается Евангеліе на славянскомъ языкѣ, при чемъ дѣти слѣдятъ по книгамъ на рускомъ языкѣ, и такимъ образомъ, усвоивъ содержаніе прочитаннаго съ краткими объясненіями со стороны законоучителя, дѣти въ то же время легко пріучаются къ славянскимъ оборотамъ рѣчи и къ пониманію славянскаго языка. Прочитанное изъ Евангелія дѣти въ слѣдующіе классы повторяютъ подъ руководствомъ законоучителя. Предъ главными праздниками законоучитель разказываетъ дѣтямъ исторію праздника и заставляетъ ихъ выучить на память предварительно разъясненный имъ тропарь праздника. Затѣмъ дѣти обучаются чтенію по церковной и гражданской печати, чистописанію, четыремъ ариметическимъ дѣйствіямъ на письмѣ и на счетахъ — мальчики подъ руководствомъ надзирателя, дѣвочки подъ руководствомъ надзирательницы и особой учительницы. Старшіе по возрасту мальчики занимаются башмачнымъ, сапожнымъ и столярнымъ ремеслами, старшія изъ дѣвочекъ — рукодѣлемъ и кухоннымъ хозяйствомъ по пріюту. По воскреснымъ днямъ въ лѣтнее время, при благоприятной погодѣ, старшіе изъ пріютскихъ мальчиковъ ходятъ, подъ присмотромъ надзирателя, въ существующую при духовной семинаріи воскресную школу, гдѣ, вмѣстѣ съ другими дѣтьми, по выслушаніи общихъ бесѣдъ по св. исторіи и катихизису, съ ними занимаются воспитанники семинаріи по разнымъ предметамъ элементарнаго образованія. Пріютъ существуетъ три года.

— Изъ *Костромской* губерніи имѣются слѣдующія свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія въ разныхъ мѣстностяхъ, сообщае-

мнѣ мѣстными *Губернскими Вѣдомостями* (см. №№ 38—40, 44, 47, 48 и 51 прошлаго года и № 3 нынѣшняго).

Въ самой Костромѣ находятся два приходскія училища: Александровское и Константиновское. Въ обоихъ законѣ Божій занимаетъ первое мѣсто въ образовательномъ значеніи. При томъ разумномъ методѣ, который принятъ законоучителями, цѣль преподаванія закона Божія состояла въ правильномъ, постепенномъ раскрытіи способностей учениковъ и въ стремленіи возбудить и расположить ихъ къ христіанскому образу жизни. Преподаваніе закона Божія было наглядное; оно начиналось съ предметовъ, въ кругу которыхъ дѣтя больше обращается и которые чаще могло видѣть, съ предметовъ болѣе легкихъ, съ постепеннымъ переходомъ къ болѣе труднымъ; знаніе усваивалось самодѣтельно, слѣдственно не было поверхностнымъ и ненадежнымъ. Законоучители имѣли прежде по 5 уроковъ въ недѣлю, и изъ числа ихъ 2 урока отдѣлялось на славянское чтеніе; съ нынѣшняго же учебнаго года преподаваніе славянскаго чтенія возложено на учителей, а для закона Божія назначены 4 урока въ недѣлю.

Въ Александровскомъ приходскомъ училищѣ, въ теченіе 18⁶⁷/₆₈ учебнаго года, ученики 1-го отдѣленія читали и разказывали статьи изъ „Книги для чтенія“ Паульсона. Въ прочитанной статьѣ учитель слѣдилъ, чтобъ ученики могли объяснить встрѣчающіяся слова и выраженія; затѣмъ учитель требовалъ письменнаго изложія разказанной и поясненной статьи. Кромѣ разказа статей, ученики занимались разборомъ басень, которыя заучивались ими наизусть; особые часы посвящались диктанту. Ученики 2-го отдѣленія читали и разказывали болѣе легкія статьи по выбору учителя, и недавно поступившіе учились чатать по звуковому методу. По ариметикѣ предлагались всему классу рѣшаемыя умственно задачи, съ цѣлю заставить каждаго мальчика вникнуть въ приемы рѣшенія.

Въ Константиновскомъ училищѣ ученики читали и разказывали статьи изъ хрестоматіи „Дѣтскій міръ“. При чтеніи обращалось главное вниманіе на правильное произношеніе словъ, остановку въ знакахъ, и слѣдовательно, на каждую отдѣльную мысль, выраженную словами, а затѣмъ уже на содержаніе цѣлой статьи. При чтеніи басень учитель самъ объяснялъ содержаніе ихъ и тѣ нравственные выводы, которые въ нихъ заключались; затѣмъ басни заучивались наизусть. Заученныя басни ученики разказывали вдвоемъ, втроемъ и т. д., смотря по тому, сколько дѣйствующихъ лицъ или предметовъ входило въ составъ басни; слѣдовательно, интересъ басни занималъ цѣлый классъ, об-

щее вниманіе было возбуждено. Въ младшемъ отдѣленіи преимущественно обращалось вниманіе на объясненіе словъ и на просодическое чтеніе. Объясненіе ариметическихъ правилъ учитель дѣлалъ на простѣйшихъ изустныхъ задачахъ наглядно, взятыхъ изъ окружающихъ предметовъ, такъ что ученики сами выводили правила и составляли о нихъ ясное понятіе. Познакомивъ учениковъ съ различными дѣйствіями надъ числами изустно, учитель переходилъ къ письменному рѣшенію задачъ на доскѣ, и отъ доски къ счетамъ, требуя по возможности и при письменномъ рѣшеніи задачъ изустнаго счисленія при сочетаніяхъ небольшихъ чиселъ. Методъ обученія письму былъ введенъ рекомендуемый министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Штатный смотритель училищъ, г. Щепетильниковъ, представившій вышеприведенныя свѣдѣнія, находитъ, что Костромскія приходскія училища, при усердіи преподавателей и при ихъ педагогическомъ тактѣ, при учебныхъ пособіяхъ и руководствахъ, вводимыхъ въ нихъ и установленныхъ современною педагогикою, могутъ дать полное элементарное образованіе дѣтямъ. Къ сожалѣнію, не вся городская масса можетъ ими пользоваться, и на этомъ основаніи г. Щепетильниковъ считаетъ совершенно необходимымъ открыть другое приходское училище въ Константиновской части города и установить при этомъ правильный пріемъ въ приходскія училища безъ всякой домашней подготовки, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи процесса чтенія и письма.

Двухклассное училище, основанное въ посадѣ Большія Соли (Костромскаго уѣзда), обязано своимъ существованіемъ, какъ мы сообщили объ этомъ въ свое время, Московскому 1-й гильдіи купцу и коммерціи совѣтнику Константину Абрамовичу Попову, который пожертвовалъ въ пользу училища каменный двухэтажный домъ и землю къ нему съ садомъ, что вмѣстѣ съ движимымъ имуществомъ стоитъ 27.050 руб. Кромѣ того имъ же пожертвованы въ пользу училища сначала капиталъ въ 16.000 руб., а въ послѣдствіи другой капиталъ въ 23.000 руб. 8-го сентября 1868 года въ Большесольскомъ училищѣ происходилъ годовой актъ, на которомъ штатный смотритель г. А. Щепетильниковъ прочиталъ историческій очеркъ училища и заявилъ о педагогической дѣятельности училища въ теченіе истекшаго учебнаго года.

Извлекаемъ изъ очерка этой дѣятельности нѣсколько свѣдѣній о педагогическихъ пріемахъ учителей, при преподаваніи закона Божія и при обученіи чтенію.

По закону Божію законоучитель прежде всего старался усвоить дѣтямъ начальныя необходимыя молитвы съ голоса и при этомъ объяснялъ кратко и доступно дѣтскому пониманію самое значеніе и содержаніе молитвъ, давалъ понятіе о крестномъ знаменіи, о св. иконахъ, о возженіи свѣчъ предъ иконами и проч. Когда уже дѣти были ознакомлены съ чтеніемъ, тогда имъ предлагались болѣе обширныя молитвы, которыя предварительно объяснялись и переводились на русскій языкъ. Затѣмъ законоучитель переходилъ къ изученію символа вѣры и къ разказамъ изъ св. исторіи сначала ветхаго завѣта, а послѣ новаго; разказъ объ историческихъ событіяхъ ветхо-завѣтной церкви, равно какъ и ново-завѣтной, веденъ былъ параллельно съ объясненіемъ катихизическаго ученія. Окончивъ св. исторію, законоучитель приступалъ къ объясненію литургіи, и здѣсь предварительно давалъ понятіе о храмѣ, о мѣстахъ и св. вещахъ въ храмѣ. При объясненіи литургіи снова повторялась вся исторія новаго завѣта. Наконецъ, предъ воскресными и праздничными днями законоучитель объяснялъ слѣдующее къ чтенію евангеліе и разказывалъ исторію праздника. Были также дѣланы опыты нагляднаго обученія въ храмѣ. При такомъ методѣ преподаванія ученики и ученицы сознательно усваивали истины вѣры, и преподаваніе вело къ разумному развитію учащихся. Законоучитель, священникъ Арсеній Виноградовъ, преподаетъ законъ Божій въ Большесольскомъ училищѣ съ октября 1865 года.

Методъ обученія чтенію заключался въ слѣдующемъ: прежде нежели дѣти познакомятся съ буквами, учитель давалъ имъ наглядное понятіе о звукѣ и объяснялъ, какимъ образомъ звукъ происходитъ; послѣ того по подвижному букварю знакомилъ ихъ съ гласными буквами, а затѣмъ и съ согласными, называя первыя голосными, а послѣднія безгласными. Учитель старался сообщать дѣтямъ звукъ каждой согласной буквы отдѣльно. Это дѣлалось такъ: согласная буква ставилась на азбучной доскѣ близъ какой-либо гласной буквы и произносилась каждая порознь, сперва рѣдко, потомъ чаще и чаще, и наконецъ, когда уже дѣти произносили ихъ такъ скоро, что слышенъ былъ цѣлый слогъ, то учитель соединялъ буквы вмѣстѣ и всѣхъ, отъ перваго до послѣдняго ученика, заставлялъ произносить этотъ слогъ. Теперь для учениковъ было понятно, почему буквы называются согласными. При изученіи согласныхъ буквъ, мягкія обыкновенно сопоставлялись съ жесткими, напримѣръ, б-н, д-т, з-с и проч., и дѣлились при этомъ на нѣсколько уроковъ. По усвоеніи дѣтями cadaго урока,

учитель писалъ мѣломъ на класной доскѣ печатнымъ шрифтомъ нѣсколько словъ съ заученными слогами, и дѣти, усвоивъ хорошо урокъ, сами уже могли прочитывать слова, что для нихъ составляло не малый интересъ. Когда дѣти хорошо усвоятъ произношеніе согласныхъ буквъ съ каждою гласною, учитель обращалъ ихъ вниманіе на то, гдѣ начинается слогъ и гдѣ онъ оканчивается, гдѣ находится въ слогѣ гласная буква и гдѣ согласная, которая стоитъ напередѣ и которая назади, послѣ онъ называлъ такія сочетанія буквъ прямыми слогами и объяснялъ причину, почему они такъ называются. Приступая къ изученію обратныхъ слоговъ, учитель заставлялъ каждого ученика указанный на доскѣ прямой слогъ прочитать назадь, и тогда дѣти, произнося гласную букву, нерѣдко сами догадывались, какъ нужно произнести цѣлый слогъ назадь. Разнообразя слоги, а иногда и цѣлыя слова, учитель заставлялъ каждого изъ учениковъ прочитывать ихъ наоборотъ и называлъ такія сочетанія буквъ слогами обратными; причина такого названія для дѣтей была понятна. Далѣе учитель переходилъ къ среднему слогу, то-есть, къ такому сочетанію буквъ, гдѣ между двумя согласными буквами находится гласная, и здѣсь онъ употреблялъ тѣ же приемы, какъ и при изученіи прямыхъ слоговъ. Изученіе срединныхъ слоговъ впрочемъ для дѣтей не составляло особаго труда, когда уже ими хорошо были усвоены прямые и обратные слоги. Наконецъ, учитель переходилъ къ упражненіямъ въ употребленіи буквъ *э*, *ъ* и *й*; но такъ какъ дѣти хорошо усвоивали произношеніе средняго слога и могли читать цѣлыя слова, то замѣтить употребленіе буквъ *э* и *ъ* для нихъ не составляло особаго труда. Точно также и при употребленіи буквы *й*, когда ставились впереди *й* гласныя буквы одна подлѣ другой и произносились, стоило только произнести первый слогъ, какъ уже ученики при первыхъ гласныхъ сами догадывались, какъ произносить слоги, оканчивающіеся буквою *й*. Затѣмъ дѣти читали фразы, состоящія изъ словъ съ короткими слогами; здѣсь имъ каждое слово объяснялось, или лучше сказать, учитель велъ бесѣду съ дѣтьми о каждомъ встрѣтившемся предметѣ посредствомъ катихизации, вслѣдствіе чего дѣти начинали мало по малу понимать прочитанное. Познакомивши дѣтей съ чтеніемъ, учитель проходилъ съ ними по урокамъ христоматію „Дѣтскій міръ“. Прежде всего урокъ читывался самимъ учителемъ, при чемъ показывались и объяснялись знаки, требующіе особаго повышенія или пониженія голоса; по прочтеніи перваго урока, учитель заставлялъ котораго-нибудь ученика снова про-

читать то же самое съ полнымъ подражаніемъ ему; затѣмъ объяснялись непонятныя слова, и наконецъ, посредствомъ катехизаціи прочитанная статья доводилась до полнаго сознанія учениковъ. Такимъ образомъ, въ теченіе одного года, при изложенной методѣ обученія чтенію, дѣти выучивались скоро читать; въ нихъ развивалась любознательность и проявлялась охота къ чтенію вообще, разумѣется, къ чтенію дѣтскихъ журналовъ и разныхъ дѣтскихъ общепользныхъ книгъ. Г. штатный смотритель, находя этотъ методъ преподаванія рациональнымъ, считаетъ только болѣе соотвѣтственнымъ цѣли переходъ послѣ азбучныхъ таблицъ не къ хрестоматіи „Дѣтскій Міръ“, а къ „Родному Слову“ г. Ушинскаго, гдѣ дѣти должно познаться наглядно съ окружающими предметами и явленіями, и тогда только перейти къ хрестоматіи „Дѣтскій Міръ“, статьи котораго доступны лишь для учениковъ 2-го класса. Учитель г. Снегиревъ занимается преподаваніемъ съ 1861 года, то-есть, со дня основанія училища.

Въ заключеніе своего очерка, г. смотритель сообщаетъ, что учредитель Большесольскаго училища намѣренъ открыть при немъ классъ рѣзбы, иконописи и столярнаго производства. Съ этою цѣлью былъ учрежденъ имъ классъ черченія, а для обученія живописи воспитывается въ Московскомъ художественномъ классѣ одинъ изъ учениковъ Большесольскаго училища.

При уѣздномъ училищѣ гор. Кологрива (той же губ.), съ октября мѣсяца 1868 года, открытъ ремесленный классъ, въ которомъ дѣти обучаются ремесламъ столярному, рѣзному и товарному. Основаніемъ своимъ этотъ классъ обязанъ почетному смотрителю Кологривскихъ училищъ А. И. Попову, который выстроилъ для ремесленнаго класса на свой счетъ деревянный флигель, нанялъ мастеровъ и купилъ инструменты. Учитель уѣзднаго училища г. Перфильевъ также весьма сочувственно отнесся къ этому дѣлу и снабдилъ учащихся на время всѣми нужными инструментами. По открытіи ремесленнаго класса были сдѣланы пожертвованія и другими лицами. Починъ г. Попова въ устройствѣ ремесленнаго класса при уѣздномъ училищѣ тѣмъ болѣе заслуживаетъ признательности, что мѣстное общество, на предложеніе объ учрежденіи ремесленнаго заведенія въ 1867 году, отозвалось, что по малочисленности и бѣдности гражданъ, оно находитъ для себя обременительнымъ подобное учрежденіе. Г. Поповъ вообще сдѣлалъ не мало для учебнаго вѣдомства въ теченіе своей 11-лѣтней службы въ должности почетнаго смотрителя. Онъ исправидь зданіе уѣзднаго училища, устроилъ въ городѣ публичную бібліотеку, въ

продолженіе трехъ лѣтъ содержалъ на свой счетъ 10 бѣднѣйшихъ учениковъ и теперь изъявилъ готовность сдѣлать пожертвованіе на устройство церкви при Костромской гимназіи.

Въ Кологривскомъ уѣздѣ, въ Ниволоширской волости, открыто осенью прошлаго года двухклассное приходское училище. Изъ 28-ми мальчиковъ, поступившихъ въ училище, оказалось умѣющихъ кое-какъ читать и знающихъ нѣкоторыя важнѣйшія молитвы только 5 человекъ, а остальные всѣ безграмотны, и что всего прискорбнѣе, дѣти, достигшія 9 и 10-лѣтняго возраста, не знаютъ самыхъ важныхъ молитвъ. Число учащихся, по предварительно собраннымъ свѣдѣніямъ, будетъ простираться въ первое время до 50-ти человекъ. Для дѣтей отдаленныхъ деревень имѣется особое помѣщеніе при училищѣ, гдѣ они будутъ постоянно жить; пища будетъ приготовляться имъ изъ ихъ провіанса. Училище помѣщается въ домѣ волостнаго правленія. Починъ въ дѣлѣ учрежденія училища и всѣ хлопоты по его устройству принадлежатъ мѣстному мировому посреднику М. Я. Жохову. Ремесла предполагено ввести рѣзное и столярное.

Считаемъ справедливымъ занести въ нашу лѣтопись имя одного изъ замѣчательнѣйшихъ народныхъ учителей Костромской губерніи, трудившагося на пользу нравственнаго воспитанія народа еще въ 50-хъ годахъ, но только въ концѣ прошлаго года сдѣлавшагося извѣстнымъ. Это А. В. Голубевъ, сынъ сельскаго священника Макарьевского уѣзда, воспитывавшійся въ Костромской семинаріи. Онъ занималъ должность сельскаго наставника въ Вохомской волости, Ветлужскаго уѣзда. Его кроткое обращеніе съ дѣтьми приобрѣло ему нѣжную привязанность его учениковъ, а педагогическій талантъ увѣнчался значительными ихъ успѣхами. Каждый воскресный и праздничный день онъ говорилъ въ церкви краткія поученія. Крестьяне цѣлыми толпами обращались къ нему въ своихъ нуждахъ, кто за совѣтомъ и наставленіемъ, а кто и за вещественнымъ пособіемъ. Съ народомъ онъ занимался пѣніемъ церковныхъ пѣсней и объясненіемъ ихъ, а также объясненіемъ церковныхъ обрядовъ богослуженія. Вліяніе его было громадно. Продолжительная, благоговѣйная молитва утромъ и вечеромъ вошла во всеобщій у крестьянъ обычай. Пьянство и другіе пороки ослабѣли и изъ общихъ пороковъ перешли въ частныя. Голубевъ умеръ 23-хъ лѣтъ, и смерть его была тяжелою потерей для мѣстныхъ жителей. Народъ рыдалъ о своемъ незабвенномъ сельскомъ учителѣ.

— Заимствуемъ изъ *Ярославскихъ Губернскихъ* (№№ 41, 46 и 48

и *Епархіальныхъ* (№ 40 пр. г.) *Вѣдомостей* нижеслѣдующія свѣдѣнія о ходѣ народнаго образованія въ *Ярославской* губерніи, основанныя по преимуществу на официальныхъ данныхъ.

Въ *Ярославской* губерніи, къ концу 1867 года, число начальныхъ ежедневныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ, равно содержащихся обществами и частными лицами, простиралось до 171; изъ нихъ было мужскихъ 35, женскихъ 8 и смѣшанныхъ 128. Вновь открыто въ теченіе 1867 года 18 училищъ, закрыто 6, изъ нихъ 3 въ *Романо-Борисоглебскомъ* уѣздѣ, „вслѣдствіе отказа крестьянъ въ отпускъ денегъ на содержаніе этихъ школъ“. Посѣщеніе училищъ дѣтьми большею частію шло исправно только въ хорошую погоду; въ дурную же, а равно въ базарные дни, училища посѣщались неисправно. Учителей во всѣхъ школахъ, включая сюда и законоучителей, было 194, помощниковъ 11, учительницъ 15 и отдѣльныхъ учительницъ руководѣля 3; изъ нихъ 12 учителей и 1 учительница признаны достойнѣйшими по умственному развитію, педагогическимъ приемамъ и усердію. Относительно методовъ преподаванія, особенно въ обученіи чтенію, замѣчено большое разнообразіе. Нѣкоторые изъ молодыхъ преподавателей старались держаться звуковаго метода; но родители учащихся, привыкшіе къ *азамъ* и сами такъ учившіеся, постоянно являлись къ такимъ преподавателямъ съ просьбами учить дѣтей по старому, не портить ихъ нововведеніями, не отучать отъ человѣческаго голоса и не приучать къ „мычанью“, какъ они называютъ звуковое обученіе. Оттого каждый изъ учителей училъ, какъ находилъ удобнѣе для себя. Вообще же методы преподаванія нѣтъ, да, какъ полагаетъ мѣстная газета, и быть не можетъ у наличныхъ учителей, такъ какъ они слишкомъ отдалены отъ педагогическаго міра, не имѣютъ около себя ни опытныхъ руководителей, ни достаточнаго запаса необходимыхъ для современнаго педагога свѣдѣній (есть преподаватели изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ), ни самихъ средствъ познакомиться съ требованіями педагогическаго искусства. Классныя принадлежности удовлетворительны, но въ учебныхъ пособіяхъ вездѣ почти замѣчается недостатокъ. Учащіеся не имѣютъ у себя ни букварей, ни прописей, ни доступныхъ для дѣтскаго возраста книгъ для чтенія. Въ особенности вредно разнообразіе книгъ: у одного мальчика часословъ, у другаго псалтырь, и т. д. Въ нѣкоторыхъ школахъ почти каждый ребенокъ имѣетъ *свою* книгу, чѣмъ отнимается у учителя всякая возможность быть полезнымъ вдругъ цѣлому классу, или отдѣленію. Для устраненія этого неудобства, два училищные совѣта, *Ростовскій* и *Любимскій*, вошли въ сно-

шенія съ книгопродавцами, и устраиваютъ у себя склады, для разсылки затѣмъ по училищамъ нужныхъ для нихъ книгъ. Пособія училищамъ выданы только въ двухъ уѣздахъ, Рыбинскомъ и Любимскомъ. Школы осматривались членами уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, кромѣ одного Ярославскаго уѣзда, и оказалось, что весьма удовлетворительные успѣхи сдѣланы только въ Александровскомъ училищѣ села Ивановскаго; съ удовлетворительными успѣхами найдено 5 училищъ, съ достаточными 2, съ посредственными тоже два, и съ слабыми 1. Наибольше удовлетворительные успѣхи замѣчены по всей губерніи въ законѣ Божіемъ, въ церковномъ и гражданскомъ чтеніи и въ письмѣ; преподаваніе же ариѳметики почти вездѣ оказалось очень слабымъ. Источники содержанія училищъ весьма разнообразны: одни содержатся на земскія суммы, другія на суммы волостныхъ правленій, третьи на средства сельскихъ обществъ; по мѣстамъ дѣлается сборъ съ учащихся; наконецъ, есть училища, содержимыя на частныя суммы. Жалованье преподавателей зависитъ преимущественно отъ числа учащихся и отъ достоинства учащихся: въ многолюдныхъ школахъ получаютъ отъ 260 до 150 руб., въ малонаселенныхъ отъ 125 до 40 р. въ годъ, и даже менѣе. Число учащихся въ губерніи 6.136, въ томъ числѣ 4.996 мальчиковъ и 1.140 дѣвочекъ.

Въ частности въ *Рыбинскомъ* уѣздѣ грамотность сдѣлала большіе успѣхи. Общими усиліями училищнаго совѣта, земства, волостныхъ правленій, а главное, сочувствіемъ къ этому дѣлу крестьянъ и избранныхъ отъ нихъ попечителей, сдѣлано то, что на 30.000 жителей муж. пола имѣется, не считая 4 городскихъ, 17 народныхъ училищъ, въ которыхъ учится болѣе 1.000 человекъ. Земское собраніе назначило на этотъ предметъ 5.000 руб., и кромѣ того членъ управы Н. Д. Живущевъ и непремѣнный членъ мирового съѣзда князь А. Н. Ухтомскій пожертвовали на тотъ же предметъ свое годовое содержаніе до 1.000 руб., что дало собранію возможность сдѣлать предположеніе о содержаніи на будущее время существующихъ училищъ и поощрять къ открытію новыхъ, на весьма выгодныхъ, какъ для наставниковъ, такъ и для завѣдывающихъ училищами, основаніяхъ. Земское собраніе постановило открывать училища съ участіемъ земства только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на то послѣдуетъ согласіе крестьянъ и гдѣ общества примутъ на себя расходы по устройству квартиры, отопленію, освѣщенію и найму прислуги; остальные же расходы, какъ то: содержаніе учителей, законоучителей, снабженіе книгами и другими учебными принадлежностями, все отъ земства.

На такихъ условіяхъ въ 1-му январѣ настоящаго года предполагалось открыть въ Рыбинскомъ уѣздѣ до 20-ти училищъ.

Существующее въ селѣ Воскресенскомъ, Мышкинскаго уѣзда, приходское попечительство имѣетъ въ своемъ завѣдываніи мѣстную школу и другую, находящуюся въ деревнѣ Игнатовѣ, Мологскаго уѣзда. Ни то, ни другое училище не имѣли опредѣленныхъ средствъ содержанія, а приходъ не могъ обезпечить ихъ. Поэтому общимъ собраніемъ прихожанъ, бывшимъ въ сентябрѣ 1867 года, опредѣлено было войти въ Мышкинское и Мологское земскія собранія съ представленіемъ о назначеніи опредѣленнаго содержанія училищамъ изъ суммъ земства, собираемыхъ на народное образованіе. Но Мышкинское собраніе, равно какъ и Мышкинская земская управа, въ которую также было представлено ходатайство по упомянутому предмету, оставили это ходатайство безъ послѣдствій, почему Воскресенское училище должно было содержаться на небогатыхъ средствахъ попечительства; училищный совѣтъ прислалъ впрочемъ ему нѣсколько бумажеръ и другихъ книгъ для чтенія. Мологское же земское собраніе оказало денежное пособіе Игнатовскому училищу, а училищный совѣтъ выслалъ ему учебныя книги. Учениковъ въ 18^{67/68} учебномъ году было въ Воскресенскомъ училищѣ 52, въ Игнатовскомъ 42. Многіе изъ нихъ посѣщали классы несправно, что зависѣло отъ испытываемаго дѣтьми крайняго недостатка въ обуви и одеждѣ.

По поводу извѣстія, сообщеннаго между прочимъ и нами въ прошлой книжкѣ, о желаніи старообрядцевъ Рогожскаго кладбища открыть для своихъ дѣтей особую школу, корреспондентъ *Современныхъ Извѣстій* (№ 347 пр. г.) сообщаетъ о существованіи при единовѣрческой церкви въ гор. Романо-Борисоглѣбскѣ школы, содержимой на счетъ мѣстной думы. Учителемъ въ ней состоитъ діаконъ этой церкви. Въ первой половинѣ 1868 года въ школѣ обучалось 20 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ.

— Тверской корреспондентъ *С. - Петербургскихъ Вѣдомостей* (№ 349 пр. г.) говоритъ, что *Тверское* земство едва коснулось вопроса о народномъ образованіи, главнымъ образомъ потому, что для этой цѣли потребовались бы новыя налоги, а устанавливать ихъ оказывается невозможнымъ при истощеніи платежныхъ силъ народа, вслѣдствіе чего сборъ земскихъ повинностей не только съ крестьянъ, но и съ помѣщиковъ затруднителенъ.

Въ Осташковскомъ земскомъ собраніи, какъ сообщаетъ корреспондентъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* (№ 384 пр. г.), члены назначенной

собраниемъ комиссіи по народному образованію, принадлежащія къ помѣщичьему и чиновному классамъ, предлагали, по неимѣнію у земства средствъ, или совсѣмъ закрыть существующія въ Осташковскомъ уѣздѣ училища, или оставить на весь уѣздъ не болѣе шести училищъ изъ 10 на 27 волостей. Но одинъ членъ изъ крестьянъ объявилъ, что „образованіе для крестьянъ самое насущное дѣло, необходимѣе чѣмъ дороги, доктора и увеличеніе жалованья членамъ управы, и что гораздо лучше земству пожертвовать на открытіе училищъ для крестьянъ. Я уполномоченъ отъ пяти тысячъ человекъ, добавилъ онъ: знайте, если мы это сдѣлаемъ, устроимъ училища, то крестьянѣ будутъ довольны; если же нѣтъ, то въ обидѣ. На образованіе ничего не пожалѣемъ, только чтобы дѣти наши были обучены грамотѣ“. Оба мнѣнія были представлены земскому собранію, и земство обѣщало дать на каждое училище по 100 руб., да крестьяне отъ себя собственно по 100 руб.; итого на 18 училищъ въ уѣздѣ 36.000 руб.

— Изъ *Владимірской* губерніи имѣются слѣдующія свѣдѣнія о состояніи низшихъ училищъ.

Шуйское городское общество, какъ было сообщено въ *Русскомъ Ижеалидѣ* (№ 313 за прошлый годъ), положило отпускать ежегодно изъ городского дохода 1.000 руб. на содержаніе предполагаемыхъ къ открытію при уѣздномъ училищѣ трехъ классовъ химіи, технологіи и бухгалтеріи. При обсужденіи этого вопроса въ собраніи гражданъ гор. Шуи, 30-го октября прошлаго года, предѣдатель мѣстной земской управы, П. П. Волковъ, высказалъ собранію, что для города Шуи съ его уѣздомъ, какъ края по преимуществу промышленнаго, дѣльное и основательное образованіе дѣтей является существенною необходимостью, а потому онъ предлагалъ не только прибавить къ существующему училищу новыя три класса, но и самое училище преобразовать въ шесть классовъ; необходимыя же для этого средства совѣтовалъ удѣлять отъ Шуйскаго общественнаго городского банка, а также пригласить и земство къ участию въ этомъ дѣлѣ. На это предложеніе граждане гор. Шуи заявили г. Волкову полное свое сочувствіе; но результатъ предположенныхъ мѣръ остается пока неизвѣстнымъ.

Во *Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 1), въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 6) и въ *Сынѣ Отечества* (№ 5) сообщаются свѣдѣнія объ открытіи въ слободѣ Холуфъ, Вязниковскаго уѣзда, двухкласснаго училища, устроеннаго по мысли министерства народнаго просвѣщенія и при содѣйствіи директора училищъ Владимірской гу-

берніи. Осуществленіе этой мысли принадлежитъ главнымъ образомъ мѣстному волостному старшинѣ И. А. Ручкину, который, выслушавъ предложеніе г. директора, собралъ волостной сходъ и согласилъ крестьянъ на усиленные пожертвованія въ пользу училища. Зажиточные крестьяне сочувственно отнеслись къ мысли объ открытіи училища; сходъ уступилъ десятину земли подъ зданіе училища. Министерство пожертвовало на постройку зданія 1.000 руб., уѣздный училищный совѣтъ изъ земскихъ суммъ 600 руб. и сами крестьяне 500 р. Кромѣ того, крестьяне обязались ежегодно жертвовать 157 р. 50 к. на ремонтъ, отопленіе, освѣщеніе дома, наемъ сторожа, и приняли на себя застрахованіе училищнаго зданія. Къ этимъ средствамъ министерство ассигновало ежегодно двоимъ учителямъ по 330 руб., законоучителямъ 150 руб., на случай открытія ремесленного класса 60 руб. и на увеличеніе бібліотеки и награды учителямъ 75 руб.. При такихъ обезпечивающихъ средствахъ, дѣло пошло усильно, и училище могло быть открыто 15-го декабря. Въ день открытія явилось желающихъ учиться 112 мальчиковъ и дѣвочекъ (послѣднихъ 20). Крестьяне нѣсколько разъ выражали г. директору училищъ свою благодарность за открытіе училища. Въ наставники приглашены лица, получившія образованіе въ педагогическихъ курсахъ при Владимирской гимназій. Всѣ три корреспондента вышеперечисленныхъ газетъ свидѣтельствуютъ о необходимости открытія при училищѣ класса иконописанія, которое составляетъ основной промыселъ Холуянъ. Слѣбода для училища выбрана весьма удачно: она весьма значительна; въ ней бываетъ въ годъ до 5 ярмарокъ, на которыя собираются купцы изъ Москвы, Ярославля, Шуи и Иванова. Иконописаніемъ здѣсь занимаются весьма многіе; въ теченіе года пишется, по свидѣтельству корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей*, болѣе милліона экземпляровъ иконъ, болшею частію самой недоброкачественной работы, которыя сдаются офенямъ и развозятся по всей Россіи.

Къ извѣстію объ открытіи Холуйскаго училища корреспондентъ *Сына Отечества* добавляетъ нѣсколько свѣдѣній вообще о ходѣ народной грамотности въ Вязниковскомъ уѣздѣ. Дѣло устройства народныхъ школъ подвинулось тамъ въ послѣднее время такъ быстро, что почти въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ селѣ есть школа, и онѣ значительно наполняются учениками. Къ сожалѣнію, онѣ не всегда удовлетворяютъ требованіямъ, которыя неразрывно связаны съ понятіемъ о народной школѣ. Это зависитъ отъ равнодушія крестьянъ къ грамотности, которую они считаютъ менѣе полезною, нежели

работу на фабрикѣ или заводѣ, оплачивающую имъ почти весь годовою оброкъ, отъ крайней необеспеченности школъ, въ особенности церковно-приходскихъ, и наконецъ, отъ недостатка учебныхъ принадлежностей.

Въ *Русскія Вѣдомости* (№ 271) сообщаютъ о преобразованіи существующаго въ селѣ Васильевскомъ, Шуйскаго уѣзда, приходскаго училища въ двухклассное. Починъ этого дѣла принадлежитъ председателю земской управы П. П. Вольвову. При волостномъ правленіи устроено помѣщеніе для приходящихъ мальчиковъ изъ дальнихъ селеній волости, которые будутъ ночевать въ училищѣ, и квартиры для учителей. При училищѣ назначенъ попечительный совѣтъ, для чего приглашены волостной старшина А. А. Козловъ и крестьянинъ И. Е. Кормушенинъ; о принятіи званія почетнаго попечителя училища общество обратилось къ графу Д. Н. Шереметеву. Училище открыто 30-го ноября, при чемъ собрано по подпискѣ въ пользу училища 150 р.

Владимірскія Губернскія Вѣдомости (№ 4) сообщаютъ краткій отчетъ о Владимірской и Судогодской тюремныхъ школахъ. Обѣ онѣ открыты вслѣдствіе рѣшенія губернскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета отъ 21-го января 1867 г. Открытіе первой послѣдовало въ февралѣ того же года, послѣдней — въ апрѣлѣ 1868 года. Постоянное передвиженіе арестантовъ, равно какъ разнообразіе ихъ лѣтъ, званія, положенія и развитія, ставятъ школу тюремнаго замка въ исключительное положеніе. Тюремная школа не можетъ преслѣдовать цѣль систематическаго обученія чтенію, письму, закону Божію и ариметикѣ; ея задача состоитъ только въ томъ, чтобы 1) способствовать возможному уничтоженію между арестантами вредной для нихъ праздности, давая имъ занятіе; 2) дать желающимъ изъ арестантовъ возможность научиться грамотѣ; 3) дѣйствовать на нравственность арестантовъ нравственно-религіозными бесѣдами и чтеніемъ. Недостатокъ средствъ заставилъ комитетъ устроить тюремныя школы въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, предназначивъ только постоянное жалованье учителю Владимірской школы; покрытіе же прочихъ расходовъ комитетъ предоставилъ по возможности частной благотворительности, которая впрочемъ доставила незначительное пособіе школамъ. Нѣкоторыя лица пожертвовали для тюремныхъ школъ учебныя книги, евангелія, книги для чтенія, книги религіознаго и нравственнаго содержанія, историческія и проч.; другія куплены на пожертвованныя деньги. Всѣхъ такихъ книгъ имѣется въ обѣихъ тюрьмахъ 327. Занятія въ тюремныхъ школахъ раздѣляются: 1) на занятія въ школахъ чтеніемъ,

письмомъ, арифметикой и закономъ Божіимъ, и 2) на чтеніе книгъ, выдаваемыхъ изъ школьныхъ библиотекъ по камерамъ. Преподаваніемъ въ школахъ занимаются: во Владимірской діаконъ тюремной церкви Михаилъ Виноградовъ, въ Судогодской — священникъ Александръ Богословскій. Занятія продолжаются обыкновенно отъ 9 до 11 ч. утра и часть или два послѣ обѣда. Кромѣ того, учителя школъ занимаются по камерамъ отдѣльно съ нѣкоторыми изъ арестантовъ, читаютъ имъ поученія и мѣста изъ нравственныхъ книгъ и выдаютъ арестантамъ книги для чтенія. Матеріалы для письма, какъ то: доски, грифеля, бумага, карандаши, выдаются учащимся только въ помѣщеніи школы, и отбираются отъ нихъ до выхода изъ нея, такъ что письменные матеріалы въ камеры не попадаютъ. Арестантамъ, показавшимъ усердіе къ чтенію и богослуженію, и въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые оставляютъ тюремный замовъ, принято раздавать въ собственность евангелія, а нѣкоторымъ желающимъ и учебныя книги; такихъ книгъ роздано 55. Число учащихся распредѣлялось такъ: во Владимірской школѣ отъ 15 до 20 человѣкъ занимались ученіемъ на 35—43 учащихся въ 1867 году и на 50 — 60 учащихся въ 1868 году, остальные занимались чтеніемъ книгъ; число всѣхъ арестантовъ здѣсь доходило до 200 чел. Въ Судогодской школѣ изъ 14 человѣкъ 10 занимались ученіемъ, прочіе чтеніемъ книгъ; всѣхъ же арестантовъ было 40 человѣкъ. Замѣчено, что большая часть книгъ, имѣющихся въ школахъ, была постоянно въ обращеніи между желающими читать арестантами и что это желаніе съ каждымъ мѣсяцемъ усиливалось. Такимъ образомъ, цѣль тюремныхъ школъ въ нѣкоторой степени достигалась, и въ этихъ видахъ начальникъ губерніи предположилъ сохранить и поддержать обѣ школы и на будущее время, для чего уже приняты нѣкоторыя мѣры.

— Въ существующемъ въ *Москвѣ* комитетѣ грамотности происходило 27-го января засѣданіе, въ которомъ, по словамъ *Современныхъ Извѣстій* (№ 31), вслѣдствіе попытокъ въ Старорусскомъ и Рязанскомъ земствахъ содѣйствовать народному образованію въ селахъ учрежденіемъ педагогическихъ курсовъ на лѣтніе мѣсяцы, для подготовки учителей изъ крестьянъ, комитетъ единогласно принялъ на себя посредничество между земствами и лучшими учителями, то-есть присказаніе для такихъ семинарій учителей и одобреніе ихъ. Кромѣ того, по заявленію секретаря комитета, напечатанному въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 36), комитетъ занимался разработкою опредѣленныхъ программъ преподаванія, по всѣмъ предметамъ, входящимъ

въ кругъ обученія въ народныхъ школахъ, и улучшеніемъ способовъ преподаванія. Г. секретарь заявляетъ также, что комитетъ, признавая пользу картинъ при первоначальномъ обученіи и принимая во вниманіе, что выписываемыя для этой цѣли изъ-за границы картины очень дороги и не приурочены къ потребностямъ русскаго народа, предпринялъ собственное изданіе руководствъ по различнымъ предметамъ, съ приложеніемъ къ нимъ картинъ для удобнѣйшаго объясненія. Руководства эти состояются съ двойною цѣлю объясненія картинъ ученикамъ и наставленія учителямъ, каковымъ образомъ они должны пользоваться объясненіями этихъ картинъ для достиженія предположенныхъ комитетомъ извѣстныхъ педагогическихъ цѣлей: сообщать ученикамъ необходимыя познанія, развивать ихъ умственныя способности и укрѣплять въ нихъ съ дѣтства нравственную силу. Нѣсколько такихъ картинъ: „Объясненіе молитвъ“, „Начало Руси“, „Изъ крестьянскаго быта“ и сказки „О рыбахъ и рыбкѣ“ и „Объ Ильѣ Муромцѣ“, уже приготовлены къ изданію. *Современныя Извѣстія* прибавляютъ, что сообразно требованіямъ крестьянскаго вкуса, картины эти исполнены удовлетворительно, и какъ вообще крестьянскія картины нашихъ лубочныхъ литографій, представляютъ на одномъ мѣстѣ нѣсколько отдѣльныхъ изображеній. Преимущество ихъ предъ лубочными издѣліями состоитъ въ замѣтной старательности исполненія и въ осмысленности. Все изданіе предположено продавать какъ можно дешевле.

Русскія Вѣдомости (№ 16) сообщаютъ объ открытіи въ домѣ, принадлежащемъ Московской дворцовой конторѣ, училища для дѣтей придворно-служительской команды. Оно основано стараніями князя Н. И. Трубецкаго и подполковника А. А. Кортошмшева. При училищѣ имѣется библиотека въ 300 томовъ. При открытіи училища, происходившемъ 18-го января, собралось до 50 человѣкъ дѣтей обою пола. Діаконъ Никольской церкви являвилъ желаніе заниматься съ дѣтьми безвозмездно. Г-жа Чепелевская украсила на свой счетъ стѣны училища картинами изъ священной и естественной исторіи и подарила карту Россіи съ обозначеніемъ населяющихъ ее племенъ.

— Въ Царевѣ-Займищѣ, *Смоленской губерніи*, Вяземскаго уѣзда, какъ пишутъ въ той же газетѣ (№ 272 пр. г.), открылась въ ноябрѣ мѣсяцѣ школа, замѣчательная тѣмъ, что въ нее, кромѣ дѣтей, ходятъ и взрослые крестьяне, свободные отъ работъ. Открытію этой школы много способствовали мѣстные волостной старшина и священникъ; книги безвозмездно высланы изъ Вяземскаго уѣзднаго училища

Со временемъ предполагается учредить въ Царевѣ-Займищѣ и воскресныя школы.

— Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 282 пр. г.) сообщаютъ, что въ послѣднюю сессию Тарусскаго земскаго собранія, *Калужской губерніи*, назначено 1.200 руб. на 12 сельскихъ училищъ уѣзда; въ прежніе же годы на народное образованіе земствомъ не ассигновалось никакихъ суммъ. Въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ учениковъ въ настоящее время находится 33, въ приходскомъ 50; женскаго училища совсѣмъ нѣтъ. Въ одномъ изъ селъ Тарусскаго уѣзда, именно въ селѣ Трубецкомъ, временно-обязанные крестьяне устроили, пять лѣтъ тому назадъ, на свой счетъ домъ для училища, въ которомъ обучалось до 40 человекъ, и платятъ на содержаніе его 100 руб. Ученіе въ немъ шло успѣшно; при ревизіи роздано до 30 книгъ ученикамъ въ награду. Между тѣмъ, нынѣ, противъ желанія самихъ крестьянъ, училище въ с. Трубецкомъ волостнымъ правленіемъ закрыто и переведено въ другое мѣсто. Причина такого распоряженія неизвѣстна.

Корреспондентъ той же газеты (№ 242 пр. г.) пишетъ изъ Воровска, *Калужской же губерніи*, что городское приходское училище находится въ неудовлетворительномъ состояніи. Оно содержится на общественныя деньги, отпускаемыя думою въ количествѣ 293 руб. въ годъ. Такая сумма слишкомъ ничтожна для содержанія училища. Въ зимнее время учитель занимается здѣсь одинъ съ 130 — 140 мальчиками совершенно различныхъ познаній. Усиленіе средствъ училища по крайней мѣрѣ еще на 200 руб. дало бы возможность приобрѣсти учителю помощника, необходимаго для успѣха дѣла. Недавно городское общество составило приговоръ объ открытіи въ городѣ женскаго училища.

— По *Тульской губерніи* мы имѣемъ нѣсколько распоряженій мѣстнаго губернскаго училищнаго совѣта, сообщаемыхъ *Тульскими Епархіальными Вѣдомостями* (№№ 1 наст. г. и 24 пр. г.).

Еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1867 года нѣкоторые председатели и члены уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ отъ земства, прибывшіе въ Тулу по случаю губернскаго земскаго собранія, указали председателю губернскаго совѣта на мѣры, которыя, по ихъ мнѣнію, могли бы способствовать успѣхамъ ученія въ начальныхъ школахъ и вообще дѣлу народнаго образованія. Мѣры эти слѣдующія: 1) Чтобъ ученики не забывали лѣтомъ выученнаго ими въ зимніе мѣсяцы, не слѣдуетъ прекращать совершенно ученія лѣтомъ, а собирать учениковъ въ школы въ праздничные или другіе, по предварительному назначенію,

дни, по крайней мѣрѣ одинъ разъ чрезъ двѣ недѣли, для повторенія пройденнаго зимою; для сего обязать учителей не считать лѣтніе мѣсяцы совершенно свободными отъ ученія, а сельскимъ обществамъ и вообще мѣстамъ и лицамъ, производящимъ содержаніе учителямъ, предложить производить оное не за зимніе только мѣсяцы, но за цѣлый годъ. 2) Такъ какъ въ большей части школъ чувствуется недостатокъ въ способныхъ, опытныхъ и благонадежныхъ учителяхъ, и училищные совѣты вынуждены терпѣть на этихъ должностяхъ, за неимѣніемъ лучшихъ, людей малоспособныхъ или не вполне благонадежныхъ, то просить преосвященнаго опредѣлять на вакантныя учительскія должности окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи, или хотя и не окончившихъ, но благонадежныхъ. 3) Въ виду несомнѣнной пользы для дѣла народнаго образованія отъ попечителей надъ школами, уѣздные совѣты обязаны отыскивать лицъ, соединяющихъ въ себѣ всѣ условія для успѣшнаго надзора за школами, и убѣждать ихъ къ принятію на себя такового надзора за одною или нѣсколькими школами. 4) Дать членамъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ возможность непосредственно сноситься между собою, совѣщаться о разныхъ мѣрахъ къ поддержанію училищъ и заявлять объ этомъ губернскому совѣту, а сему послѣднему приглашать членовъ уѣздныхъ совѣтовъ, пользуясь временемъ очередныхъ земскихъ собраній, къ совмѣстному съ нимъ совѣщанію о нуждахъ и пользахъ народныхъ школъ и о мѣрахъ къ ихъ благоустройству. 5) О распоряженіяхъ каждаго уѣзднаго училищнаго совѣта, одобренныхъ губернскимъ совѣтомъ, публиковать во всеобщее свѣдѣніе въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Собравшіеся въ Тулу въ ноябрѣ 1868 года члены уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ одобрили мнѣнія прошлагодняго съѣзда, и кромѣ того, обсуждая ближайшимъ образомъ кругъ дѣятельности совѣтовъ, остались при убѣжденіи, что первымъ и необходимымъ условіемъ успѣха этой дѣятельности составляютъ, конечно, денежныя пособія со стороны земства, и что безъ соблюденія этого условія самое существованіе совѣтовъ должно остаться безплоднымъ, но съ другой стороны самыя обширныя жертвы въ этомъ отношеніи будутъ бесполезны, если члены совѣтовъ не будутъ прилагать личной дѣятельности къ исполненію своей обязанности. Непосредственное наблюденіе членовъ на мѣстахъ за состояніемъ школъ, за правильнымъ посѣщеніемъ ихъ дѣтьми, и въ особенности за самими наставниками, безусловно необходимо для успѣха дѣла; оно вызываетъ большее рвеніе со стороны наставниковъ и учениковъ и довѣріе родителей къ школѣ. Признано полезнымъ, чтобы

члены совѣтовъ пользовались удобными случаями для созыва наставниковъ, нуждающихся въ указаніи имъ лучшихъ способовъ преподаванія и вообще педагогическихъ приемовъ, которыхъ, по недостатку времени или по другимъ причинамъ, нельзя было сообщить при объѣздахъ школъ. Наконецъ, найдено полезнымъ выдавать похвальныя листы ученикамъ, успѣшно окончившимъ курсъ.

Губернскій совѣтъ, находя съ одной стороны, что всѣ эти заявленія не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ, съ другой, что они могутъ способствовать благоустройству народныхъ училищъ и вообще дѣлу народнаго образованія, постановилъ принять ихъ къ соображенію и выполнять по мѣрѣ возможности и по требованію обстоятельствъ; во вмѣстѣ съ тѣмъ просить уѣздные училищныя совѣты: а) чтобъ они, въ тѣхъ случаяхъ, когда будутъ заявлять о необходимости назначенія въ то или другое училище учителя, въ своемъ отношеніи проищывали, какое содержаніе полагается учителю въ томъ или другомъ училищѣ и изъ какихъ именно источниковъ; б) чтобъ приглашенія наставниковъ сельскихъ школъ, для ознакомленія ихъ съ лучшими приемами преподаванія, дѣлаемы были членами совѣтовъ при удобныхъ для первыхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, а священниковъ-учителей не отвлекали бы отъ исполненія другихъ лежащихъ на нихъ обязанностей по церкви и приходу.

Въ одномъ изъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ возбужденъ былъ вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи къ училищному совѣту должны находиться городскія приходскія училища, состоящія въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и содержимыя на счетъ городскихъ суммъ. Губернскій училищный совѣтъ, на разрѣшеніе котораго вопросъ этотъ былъ представленъ, призналъ, что училища эти должны оставаться въ вѣдѣніи министерства; но училищныя совѣты, руководствуясь положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ, имѣютъ право наблюдать за внутреннимъ и вѣшнимъ состояніемъ этихъ училищъ и о результатахъ своихъ наблюденій сообщать губернскому совѣту.

Въ *Современной Литотисе* (№ 45 пр. г.) напечатанъ обзоръ дѣйствій Новосильскаго (той же губерніи) училищнаго совѣта, съ 1-го сентября 1867 по 1-е сентября 1868 года. Изъ этого обзора видно, что ученіе въ значительномъ большинствѣ училищъ шло весьма успѣшно. Голодъ и порожденныя имъ болѣзни, уменьшившія общій итогъ крестьянскаго населенія въ уѣздѣ въ теченіе прошедшей зимы,

были главною причиною неудачнаго хода ученія въ сельскихъ школахъ. Изъ общаго итога учениковъ, числившихся по спискамъ, менѣе половины носѣщали училища, а въ нѣкоторыхъ съ марта мѣсяца ученіе вовсе прекратилось. По произведеннымъ весною экзаменамъ оказалось: школъ 1-го разряда, то-есть, такихъ, гдѣ успѣхи учениковъ превышаютъ требованія программы, 6; школъ 2-го разряда, въ которыхъ успѣхи удовлетворяютъ требованіямъ программы, 12. Въ остальныхъ училищахъ успѣхи оказались неудовлетворительными, что поставлено на видъ учителямъ; тамъ же, гдѣ учителя признаны неспособными, совѣтъ постановилъ озаботиться присваніемъ лучшихъ. Причина упадка нѣкоторыхъ училищъ заключается въ обычаѣ крестьянъ полагать жалованье учителю только за зимніе мѣсяцы, — обычаѣ, заставляющемъ нѣкоторыхъ учителей занимать, для большаго обезпеченія своихъ матеріальныхъ нуждъ, одновременно съ должностію учителя, должностъ волостнаго писаря. На нѣкоторыя же училища вредно повліялъ переходъ ихъ изъ вѣдомства государственныхъ имуществъ въ вѣдѣніе земства, отчего училища эти остались безъ опредѣленной денежной поддержки, и учителя совершенно прекратили обученіе къ веснѣ. Далѣе, по случаю свирѣпствовавшихъ во многихъ приходяхъ болѣзней, священники-учители должны были слишкомъ много времени посвящать на исправленіе своихъ прямыхъ обязанностей, въ ущербъ училищнымъ занятіямъ. Для устраненія этого неудобства, преосвященный Тульскій изъявилъ готовность указать на лучшихъ изъ окончившихъ курсъ семинаристовъ; но совѣтъ не исполнилъ могъ воспользоваться этимъ случаемъ, потому что до очереднаго земскаго собранія не зналъ, каковы на 1869 годъ будутъ денежные средства училищъ и какое учителямъ будетъ положено жалованье. Не могъ также совѣтъ, по примѣру прошлаго года, поощрять денежною наградою учителей, такъ какъ деньги, оставшіяся изъ ассигнованной земствомъ суммы на училища, совѣтъ долженъ былъ употребить на поддержаніе до 1-го января 1869 года училищъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, опасаясь ихъ совершеннаго закрытія. Одною изъ наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ улучшенію педагогической части училищъ совѣтъ призналъ наблюденіе за ними преданныхъ дѣлу народнаго образованія лицъ, въ качествѣ попечителей. По убѣжденію совѣта, нѣкоторыя лица приняли на себя эти обязанности и изъявили желаніе дѣлать пожертвованія въ пользу училищъ и учениковъ. Изъ такихъ лицъ князь Г. Д. Хилковъ обѣщаль давать въ награду луч-

шему ученику изъ оканчивающихъ курсъ на хозяйство телку и двухлѣтнюю кобылку и ежегодно на выпускъ книгъ 10 рублей.

Денежныя средства училищъ Новосильскаго уѣзда (всѣхъ училищъ 52) были въ худшихъ условіяхъ, нежели въ предшедшее время. Еще къ сентябрю 1868 года, 24 училища бывшихъ государственныхъ крестьянъ не имѣли никакихъ источниковъ дохода. Изъ 31 училища временно-обязанныхъ крестьянъ только 4 были обеспечены владѣльцами и крестьянскими обществами; существованіе остальныхъ 27, хотя и обезпечивалось приговорами обществъ, но ассигнуемая приговорами сумма въ большинствѣ училищъ не превышала 5 руб. въ мѣсяцъ на жалованье учителю; къ тому же жалованье это полагалось только на пять зимнихъ мѣсяцевъ. Это положеніе вещей заставило училищный совѣтъ обратиться къ земству съ просьбою о денежномъ пособіи училищамъ. Земское собраніе ассигновало 6.000 руб. Деньгами этими обезпечивается существованіе училищъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и открывается возможность выдавать всѣмъ учителямъ жалованье въ одинаковомъ размѣрѣ, по 100 руб. въ годъ. Остатки отъ ассигнованной суммы должны покрыть расходы на покупку книгъ, награды учителямъ и устройство одного образцоваго училища, согласно состоявшемуся въ 1867 году постановленію земскаго собранія, которое не было исполнено, какъ по случаю бывшихъ народныхъ бѣдствій, такъ и по указанной уже выше необходимости остатки ассигнованныхъ суммъ обратить на поддержаніе училищъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

Въ заключеніе отчетъ касается вопроса о снабженіи всѣхъ училищъ годными учителями. Въ настоящее время единственнымъ источникомъ, откуда земство можетъ брать учителей съ нѣкоторою педагогическою подготовкою, представляется духовная семинарія. Однакожь немногіе изъ нихъ находятъ для себя выгоднымъ принять должность сельскаго учителя съ жалованьемъ во 100 рублей въ годъ. Отчетъ приводитъ къ мысли, что хорошимъ источникомъ для этой цѣли могли бы быть разные слои сельскаго населенія, не обезпеченные земельнымъ надѣломъ, какъ то: дѣти бывшихъ дворовыхъ, церковнослужителей и одинокихъ крестьянъ. Эти люди, хотя имѣли бы меньшее научное развитіе, чѣмъ окончившіе курсъ семинаристы, но все-таки достаточно были бы развиты для желаемой цѣли, а жалованье во 100 руб., часто при готовой квартирѣ, представлялось бы имъ весьма заманчивымъ и выгоднымъ. Вопросомъ этимъ училищный совѣтъ предполагалъ заняться въ настоящемъ году.

Существующее въ гор. *Бллевъ* (той же губерніи) Воскресенское приходское попечительство, озабочиваясь нравственнымъ воспитаніемъ приходскихъ дѣтей, предположило, по словамъ отчета попечительства, помѣщеннаго въ *Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 21 пр. г.), устроить для нихъ бесплатную школу, въ которой дѣти обучались бы чтенію и письму, ариѳметикѣ и счисленію на счетахъ, русской грамматикѣ, краткой географіи, русской исторіи и всего болѣе закону Божію, знакомились бы по возможности и съ нѣкоторыми ремеслами, какъ напримѣръ, переплетнымъ, столярнымъ, швейнымъ и даже живописью, подъ руководствомъ членовъ попечительства, занимающихся этими ремеслами, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ собирались бы въ церковь для собесѣдованія съ ними священника о предметахъ вѣры и благочестія. Но до устройства предположенной школы, попечительство постановило: 1) принять подъ свое попеченіе школу, имѣющуюся въ домѣ причетника Глаголева; 2) дѣтямъ прихожанъ, обучающимся въ уѣздномъ училищѣ, предложить быть пансіонерами попечительства; 3) располагать прихожанъ отдавать дѣтей обучаться грамотѣ или въ училищахъ уѣздномъ и экономическомъ, или по крайней мѣрѣ въ домахъ городскихъ священно-церковнослужителей; 4) за дѣтей бѣдныхъ родителей вносить деньги, сколько потребуется, и 5) снабдить дѣтей нужными книгами. Вслѣдствіе этихъ распоряженій попечительства, обучалось приходскихъ и состоящихъ подъ надзоромъ попечительства въ школѣ дьячка Глаголева чужеприходныхъ дѣтей муж. пола 37, женскаго 16.

— Въ *Современныя Извѣстія* (№ 341 пр. года) сообщаютъ изъ *Разани*, что директоръ Скопинскаго банка и гласный земскаго собранія, г. Рыковъ, подалъ въ собраніе мнѣніе относительно средствъ къ прекращенію пьянства въ народѣ. Однимъ изъ средствъ къ этому г. Рыковъ признаетъ распространеніе грамотности, которая, по его предположенію, должна быть всеобщая и обязательная. Г. Рыковъ формулируетъ свои предположенія такимъ образомъ: 1) Для всего населенія мужскаго и женскаго грамотность обязательна; обязательность эта распространяется на всѣхъ, кто въ день постановленія о ней будетъ имѣть не болѣе 7 лѣтъ отъ роду. 2) Каждый крестьянинъ отдаетъ дѣтей учить, гдѣ знаетъ, но по обученіи представляетъ дитя на испытаніе грамотности въ земскую управу. По удостовѣреніи члена управы въ умѣннѣ представленнаго дитяти читать и писать, выдается на каждое дитя по 2 рубля; при знаніи ариѳметики плата возвышается еще на 1 рубль; за дитя, обученное началамъ закона Божія, возвышается

еще 2-мя рублями. 3) Не знающій грамоты изъ тѣхъ лицъ, на коихъ распространяется обязательность, считается на правахъ несовершеннолѣтняго, подлежащаго попечительству.

Присовокупляемъ къ этому, что Касимовское (той же губерніи) земство обратило весьма серьезное вниманіе на народное образованіе (см. *Моск. Вѣд.* № 257 пр. г.). Когда земство приняло въ свое заведеніе школы, въ уѣздѣ было всего 23 училища. Въ 1868 году ихъ было уже 62, съ числомъ учениковъ до 2.000. На содержаніе этихъ училищъ земство тратитъ ежегодно 4.000 руб., и кромѣ того 500 руб. отпускается на 16 стипендій при уѣздномъ училищѣ.

— Въ *Современномъ Листкѣ* (№ 2) напечатанъ отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ гор. Усмани и его уѣзда (*Тамбовской губ.*), находящихся въ вѣдѣніи Усманскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, за время съ 1-го января по 1-е сентября 1868 года. Изъ отчета этого явствуетъ, что всѣхъ учебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдѣніи совѣта, 29. Изъ нихъ въ городѣ 6 и въ уѣздѣ 23; мужскихъ училищъ 26, смѣшанныхъ 2, собственно женскихъ 1. Въ теченіе отчетнаго періода открыто въ уѣздѣ 7 училищъ; въ ноябрѣ и декабрѣ 1867 года открыто ихъ было 8. Учащихся состояло: въ мужскомъ городскомъ приходскомъ училищѣ 90, въ женскомъ 24; въ четырехъ школахъ, содержимыхъ частными лицами, 52 обоюбого пола; въ находящихся въ уѣздѣ училищахъ 807 муж. пола; всего же учащихся было 966, въ томъ числѣ 918 мальчиковъ и 48 дѣвочекъ. Личный составъ всѣхъ этихъ училищъ слѣдующій: надзирателей или надзирательницъ 7, особыхъ законоучителей 5, учителей 29, ихъ помощниковъ 15, учителей пѣнія 2, всего 58. Содержаніе училищъ, кромѣ 5 частныхъ, обходится въ 4.572 руб. 86 коп. Учащіеся не всѣ посѣщали школы исправно, будучи часто удерживаемы дома родителями, нуждающимися въ нихъ для домашнихъ занятій. Всѣ 29 училищъ были осмотрѣны членами совѣта, а нѣкоторыя самимъ предсѣдателемъ Тамбовскаго губернскаго совѣта, пресвященнымъ Θεодосіемъ. Осмотръ этотъ показалъ, что учащіеся преподаваемое имъ усваиваютъ достаточно, отвѣты ихъ большею частію сознательны, успѣхи удовлетворительны, за исключеніемъ одного училища Богородицкаго, гдѣ учитель за малограмотностью уволенъ и на его мѣсто присланъ уже другой. Недостатокъ классныхъ принадлежностей, замѣченный въ нѣкоторыхъ училищахъ, восполненъ по убѣжденію членовъ совѣта; приобретено также на 137 руб. 37 коп., книгъ учебныхъ и для чтенія, которыя и рассылаются по мѣрѣ надобности въ подвѣдомыя училища. Всѣ учи-

лица, за исключеніемъ 4 городскихъ, содержатся на суммы земства, въ количествѣ 4.691 руб.; суммы эти увеличиваются пособиями отъ нѣкоторыхъ обществъ, которыя однако же, по засвидѣтельствованію отчета, „очень туги на пожертвованія“. Наиболѣе крупное пожертвованіе сдѣлано Воронежскимъ городскимъ головою С. Л. Кряжовымъ, который подарилъ для Усманскаго мужскаго приходскаго училища каменный домъ. На 1869 годъ Усманское уѣздное земское собраніе ассигновало на училища ту же сумму, какая была назначена и на 1868 годъ. Остатки отъ суммъ, идущихъ на народное образованіе, училищный совѣтъ ходатайствуетъ употребить на награды тѣмъ изъ учителей и ихъ помощниковъ, которые выказали особенное усердіе къ дѣлу народнаго образованія. Осмотры училищъ членами училищнаго совѣта предполагено усилить.

— Изъ отчета *Саратовскаго* братства Святаго Креста, напечатаннаго въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 270 прош. г.), видно, что братство это учредило училище для приготовленія сельскихъ наставницъ. На первый разъ училище открыто однокурсное, на 6 кандидатовъ. Въ немъ преподаются законъ Божій, элементарныя учебныя предметы, дидактика и руководѣлье. Къ поступленію въ училище приглашаются изъ сельскихъ жительницъ лица, оставшіяся въ дѣвчествѣ, а равно бездѣтныя вдовы, умѣющія по крайней мѣрѣ читать. Въ настоящее время въ этомъ училищѣ находятся 4 ученицы изъ духовнаго и 2 изъ крестьянскаго сословія. Учащіяся пользуются отъ попечительнаго совѣта помѣщеніемъ, дровами, освѣщеніемъ и учебными принадлежностями, и кромѣ того на прочіе расходы каждая изъ нихъ получаетъ по 5 руб. въ мѣсяцъ. Окончивъ съ успѣхомъ подготовительный курсъ, онѣ или опредѣляются въ сельскія училища, или сами открываютъ школы.

Саратовскій Справочный Листокъ извѣщаетъ, что мѣстное городское общество, кромѣ приговоровъ объ учрежденіи женскихъ училищъ, какъ мы упоминали о томъ въ предыдущей книжкѣ, опредѣлило еще: въ память избавленія Государя Императора отъ угрожавшей Его Величеству опасности 4-го апрѣля и 25-го мая, открыть въ Саратовѣ училище на 40 мальчиковъ, преимущественно дѣтей бѣдныхъ гражданъ, включивъ въ число предметовъ преподаванія ремесла и счетоводство; 2) устроить дѣтскую бібліотеку для городскихъ приходскихъ училищъ; 3) назначить ежегодную сумму на бесплатное снабженіе руководствами и другими учебными пособиями бѣднѣйшихъ учениковъ; 4) въ два болѣе многочисленныя училища назначить помощни-

ковъ учителямъ, и 5) назначить во всѣхъ городскія школы попечителей и попечительницъ, изъ которыхъ образовать комитетъ для улучшения городскихъ училищъ.

Въ той же газетѣ сообщаютъ, что при Саратовскомъ острогѣ существуетъ уже нѣсколько лѣтъ школа, гдѣ многіе изъ арестантовъ, вступившіе въ острогъ неграмотными, употребляли съ пользою для себя свободное время. Въ концѣ истекшаго года, арестантовъ, посѣщавшихъ школу, было 48. Изъ уѣздныхъ городовъ Саратовской губерніи обращаетъ на себя, въ этомъ отношеніи, вниманіе Сердобскій острогъ, гдѣ, благодаря попеченію мѣстнаго тюремнаго начальства, арестанты обучаются въ школѣ и съ особеннымъ удовольствіемъ хвалятся своими успѣхами въ грамотности.

— Въ *Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* встрѣчается нѣсколько свѣдѣній объ арестантской школѣ при Симбирскомъ тюремномъ замкѣ. Школа здѣсь открыта 23-го января прошлаго года и имѣетъ особое помѣщеніе и весьма хорошую библиотеку, устроенную на пожертвованіе бывшимъ начальникомъ губерніи, гр. В. В. Орловымъ-Давыдовымъ, 200 руб. Преподаваніемъ занимается тюремный священникъ Ѡ. П. Пламенецевъ. Арестанты учатся читать, писать, заучиваютъ молитвы, катихизисъ, нѣкоторые учатся даже ариметикѣ, а обучившіеся грамотѣ читаютъ книги духовно-нравственнаго содержанія. Изъ учащихся бываютъ Чуваши и Татары, и даже одинъ Татаринъ обратилъ успѣхами своими вниманіе Великаго Князя Владимира Александровича, Который изволилъ выразить, что встрѣчаетъ еще первую тюрьму по отличному въ ней порядку. Присмотръ за арестантами, когда они находятся въ школѣ, постоянный: самъ смотритель наблюдаетъ, чтобъ арестанты, по неуважительной причинѣ, не уклонялись отъ занятій. Всѣхъ арестантовъ, обучавшихся съ 23-го января по ноябрь прошлаго года, было 40.

Не можемъ не занести въ нашу лѣтопись слѣдующій отрядный фактъ, передаваемый мѣстными *Вѣдомостями*. Въ октябрѣ мѣсяцѣ молодой крестьянинъ Чувашенинъ деревни Кошки - Новогимбаемой, Буинскаго уѣзда, Алексѣй Васильевъ пришелъ пѣшкомъ въ Симбирскъ, чтобы поступить въ какое-либо учебное заведеніе. Васильевъ знаетъ грамоту и довольно хорошо говоритъ по русски. Надо замѣтить при этомъ, что кромѣ священника села, дававшего постоянно Васильеву книги для чтенія, родные этого любознательнаго молодого человѣка вовсе не сочувствовали его занятіямъ и даже угрожали отдать его въ солдаты. Въ Васильевѣ приняли радушное участіе г. директоръ

училищъ и начальство уѣзднаго училища, а одинъ изъ учителей взялъ Васильева къ себѣ, такъ какъ онъ не имѣетъ средствъ къ существованію. Въ настоящее время Васильевъ въ первомъ классѣ уѣзднаго училища.

Буинское земское собраніе, Симбирской губерніи, по докладу управы о распространеніи грамотности, ассигновало 100 руб. на введеніе нотнаго пѣнія при нѣкоторыхъ сельскихъ школахъ и положило имѣть при Буинскомъ уѣздномъ училищѣ пять стипендіатовъ земства изъ крестьянскихъ мальчиковъ, опредѣливъ на содержаніе каждаго изъ нихъ по 40 руб. въ годъ, а на содержаніе земскаго училища въ городѣ ассигновало на 1869 годъ 250 руб. (*Московскія Вѣдомости* № 270 прош. г.).

Въ Сызранскомъ, той же губерніи, земскомъ собраніи постановлено: Такъ какъ причина безотраднaго состоянія школъ заключается въ необезпеченности сельскихъ учителей, то ассигновать въ пособіе учителямъ уѣзда 400 руб.; для устраненія же недостатка въ хорошихъ учителяхъ, давать образованіе на счетъ земскихъ суммъ нѣкоторымъ изъ окончившихъ ученіе въ сельскихъ школахъ мальчикамъ, для чего помѣстить ихъ въ одно изъ заведеній уѣзда (*Тамъ же* № 247).

ОТЧЕТЪ О НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ III-ГО УЧИЛИЩНАГО УЧАСТКА АЛЕКСАНДРОВСКАГО УЪЗДА ЗА 18⁶⁷/₆₈ УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

II.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ III УЧИЛИЩНАГО УЧАСТКА.

Наставники.

Въ прошломъ году я имѣлъ честь докладывать совѣту, что до открытія совѣта преподаваніе въ начальныхъ школахъ было почти исключительно въ рукахъ священниковъ, то-есть, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ священники числились наставниками при школахъ. Со введеніемъ въ дѣйствіе положенія о народныхъ училищахъ, сельскія общества, получивъ право приглашенія преподавателей, во многихъ мѣстностяхъ приглашали на эту должность тѣхъ же лицъ, которыхъ они издавна привыкли считать учителями народа; но почти повсемѣстно священники отказались, хотя имъ предлагали и не ничтожное вознагражденіе. Такое отношеніе духовенства къ учительскому долгу доказываетъ, по моему мнѣнію, что оно поступило въ высшей степени добросовѣстно: сознавая, что обязанности по ихъ сану и хлопоты по хозяйству отнимаютъ у нихъ почти все время священники не пожелали брать отъ сельскихъ обществъ деньги за обученіе дѣтей, такъ какъ не могли посвятить себя этому дѣлу. Чрезвычайно поучительный примѣръ, разъясняющій вопросъ, представляетъ въ этомъ году школа въ Большой-Михайловкѣ: за невозможностію приискать учителя, который посвятилъ бы себя исключительно школѣ, г. попечитель школы А. И. Жебуновъ пригласилъ обоихъ священниковъ села преподавателями, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы каждый изъ нихъ *всцѣло* посвящалъ свою недѣлю, свободную отъ служенія въ церкви и исполненія требъ, исключительно

школѣ. Казалось, что непрерывное преподаваніе въ школѣ было обезпечено и что два священника могли бы замѣнять *одного* учителя, постоянно занимающагося въ школѣ; но и тутъ дѣло не обошлось безъ перерыва обученія, независимо отъ воли наставниковъ: одинъ изъ священниковъ былъ занятъ обязанностями по сану, какъ и слѣдовало по договору, а другаго, который долженъ былъ находиться безотлучно въ школѣ, благочинный командировалъ, для служенія въ церкви, въ сосѣднее село, и на 5 дней было прервано ученіе въ школѣ. Наконецъ, когда по просьбѣ училищнаго совѣта, г. попечитель школы склонилъ почти всѣхъ родителей учащихъ не брать дѣтей изъ школы до косовицы, то почтенные Больше-Михайловскіе наставники, весьма старательно исполнявшіе свои обязанности и тепло относившіеся къ дѣлу, съ прискорбіемъ должны были заявить, что они могутъ обучать только до свѣтлаго праздника; послѣ же этого времени освященіе полей и прочія весеннія требы сдѣлаютъ для нихъ, *какъ священниковъ*, ежедневныя занятія въ школѣ невозможными. Въ настоящее время обучаетъ въ Больше-Михайловѣ свѣтскій учитель. Впрочемъ, я полагаю, что еслибъ и осталось дѣло по прежнему, и два преподавателя продолжали бы чередоваться по недѣлю въ Больше-Михайловской школѣ, такая организація преподаванія не могла бы считаться нормальною, такъ какъ предметы преподаванія не могутъ быть раздѣлены между учителями тамъ, гдѣ неграмотныхъ дѣтей обучаютъ чтенію и письму, а еженедѣльная перемѣна учителя по одному и тому же предмету не можетъ содѣйствовать успѣху учениковъ. Въ истекшую зиму дѣло шло очень удовлетворительно въ Больше-Михайловской школѣ при двухъ священникахъ; но ошибочно было бы выводить правила изъ исключеній. Одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ наставниковъ уѣзда, священникъ о. Симонъ Ивановъ въ Жеребцѣ заявлялъ намъ, и лично, и письменно, о невозможности *для священника* быть безотлучно въ школѣ въ учебные часы. Мы могли бы привести еще не мало *письменныхъ* доказательствъ въ пользу того, что обязанности священника по *сану* лишаютъ его возможности посвятить себя школѣ, и мы слышали отъ священниковъ, что имъ нужно было бы положить 800 руб. жалованья, для того чтобы потребности семьи на столько были удовлетворены, чтобы священникъ могъ не интересоваться доходами отъ прихожанъ. Обыкновенно думаютъ, что желать свѣтскихъ наставниковъ для школы значить недоувѣрять духовенству или отрицать въ немъ необходимые педагогическія способности; но практика говоритъ иное.

Желать *свѣтскаго* наставника — значитъ только желать опредѣленія въ школу такого преподавателя, который бы имѣлъ возможность заняться своимъ дѣломъ; смѣшно приписывать людямъ мыслящимъ, будто бы они могутъ думать, что то или иное званіе дѣлаетъ людей способными или негодными для преподаванія. Я уже обращалъ не разъ вниманіе совѣта на въ высшей степени замѣчательную педагогическую дѣятельность Мангушкаго священника о. Ананія Агапіева; какъ *сверхъштатный* священникъ, онъ имѣетъ время посвятить себя школѣ, а какъ человѣкъ способный и любящій дѣло, онъ можетъ достигать въ ней хорошихъ результатовъ. Кромѣ о. Ананія, и не говоря о священникахъ Большой Михайловки, уже съ 1-го апрѣля выбывшихъ изъ числа учителей, я не могу указать въ этомъ году ни на одного священника, которому было бы поручено преподаваніе въ какой-либо изъ школъ III-го училищнаго участка.

Принимая въ расчетъ школы въ русскихъ и греческихъ селахъ, преподаватели и преподавательницы распредѣляются слѣдующимъ образомъ по сословіямъ: дворянъ 8, семинаристовъ 3, чиновниковъ 9, мѣщанъ 3, крестьянъ 4, иностранный подданный 1. По свѣдѣніямъ своимъ значительное большинство преподавателей III-го участка могутъ быть сравнены съ лицами, окончившими курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, и не болѣе 5 нашлось бы такихъ, уровень знаній которыхъ выше этой нормы. Отдавая полнѣйшую справедливость трудолюбію и добросовѣстности преподавателей, сотрудничествомъ которыхъ я имѣлъ удовольствіе пользоваться въ истекающемъ году, выражаю совершеннѣйшую признательность мою всѣмъ имъ, кромѣ тѣхъ весьма немногихъ исключеній, которыя названы мною въ 1-й главѣ, при описаніи худшихъ школъ участка; я позволяю себѣ надѣяться въ то, что мы этотъ годъ вступили въ столь близкія сношенія, что и на будущее время они не лишатъ меня своего довѣрія. Считаю святымъ долгомъ засвидѣтельствовать предъ совѣтомъ, что почти всѣ преподаватели III-го училищнаго участка отнеслись къ своему дѣлу честно и старались добросовѣстно примѣнять всѣ указанія совѣта, по мѣрѣ силъ. Обязанный однако обрисовать уровень знаній и степень педагогической подготовки учителей вѣреннаго мнѣ участка, я не могу, никого не оскорбляя, умолчать о томъ, что выразительность чтенія, сознательное и быстрое рѣшеніе практическихъ, ариѳметическихъ задачъ и орфографически-правильное письмо только у немногихъ преподавателей III-го участка достигли надлежащей степени. Если я и указываю на это, то имѣю въ виду, что люди, которые съ любовью предалися новому

для нихъ дѣлу, не почтутъ за стыдъ сдѣлать то же, что дѣлаемъ и всѣ мы, то-есть, учиться тому, въ чемъ они чувствуютъ себя слабыми. Развѣ проиграли они въ настоящемъ году отъ того, что приступая къ дѣлу, къ которому совершенно не были подготовлены (я не говорю объ исключеніяхъ, и совѣсть каждаго изъ учителей скажетъ ему, въ правѣ ли онъ причислять себя къ исключеніямъ, или нѣтъ), они довѣрчиво послѣдовали указаніямъ училищнаго совѣта и старались буквально исполнить тѣ изъ совѣтовъ моихъ, которые я имъ предлагалъ, стараясь вмѣстѣ съ ними служить святому дѣлу, ввѣренному совѣту? Я полагаю, что большинство учителей III-го участка, положи руку на сердце, сознаются въ томъ, что еслибъ училищный совѣтъ ограничился въ этомъ году, по отношенію къ нимъ, ролью карающаго ревизора, а не употребилъ всѣхъ усилій къ тому, чтобъ явиться расположеннымъ къ нимъ руководителемъ, то не было бы въ школахъ и десятой доли тѣхъ успѣховъ, которые нынѣ достигнуты, какъ бы они ни были незначительны. Слѣдовательно, собственный опытъ уже успѣлъ доказать большинству преподавателей ввѣреннаго мнѣ участка, что учиться никогда не поздно и учиться никогда не стыдно; дальнѣйшая практика убѣдитъ ихъ въ томъ, что еще много науки впереди и что учитель не можетъ не учиться, если онъ не желаетъ заглохнуть. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что училищный совѣтъ не откажется, по силамъ своимъ, открыть преподавателямъ путь къ самообразованію учрежденіемъ при школахъ возможнаго числа библиотекъ, преимущественно предназначенныхъ для учителей. Въ составленномъ мною по порученію совѣта списокѣ книгъ названы книги, большая часть которыхъ уже приобрѣтены совѣтомъ для трехъ пунктовъ въ уѣздѣ; я добавилъ къ тѣмъ книгамъ, которыя уже извѣстны совѣту, только около 10 названій. Если бы такихъ библиотекъ было въ уѣздѣ не менѣе десяти, то ими могли бы пользоваться не только тѣ наставники, которымъ онѣ выплутся, но и учителя сосѣднихъ школъ. Въ этихъ библиотекахъ учитель найдетъ учебныя пособія и общедоступныя сочиненія почти по всѣмъ отраслямъ знанія; не мало въ этихъ библиотекахъ и такихъ книгъ, которыя предназначаются для чтенія учениковъ; отъ самого преподавателя будетъ зависѣть пользоваться книгами, то-есть, укрѣпляться на избранномъ имъ новомъ поприщѣ, или дожить, не прибѣгая къ библиотечкамъ, до той грустной минуты, когда онъ сознаетъ, что не станетъ у него запаса свѣдѣній, для того чтобъ отвѣчать на пытливые вопросы дѣтей, мыслительныя способности которыхъ быстро развиваются подъ вліяніемъ совѣтскихъ методовъ обученія, добросовѣстно

примѣняемыхъ учителями. Но для того, чтобъ учитель могъ читать, могъ готовиться къ преподаванію, могъ интересоваться своимъ дѣломъ, необходимо, чтобъ онъ не былъ поставленъ въ положеніе учителя нѣмецкой колоніальной школы, съ грустною обстановкою которой а уже познакомилъ своихъ сочленовъ въ 1-й главѣ отчета; необходимо прежде всего, чтобъ учитель былъ обезпеченъ. Обратимся къ положенію этого вопроса въ III-мъ училищномъ участѣ Александровскаго уѣзда.

Въ прошломъ году, до открытія совѣта, были наставники, не получавшіе никакого вознагражденія, а въ настоящемъ году ихъ нѣтъ. Въ прошломъ году среднее жалованье учителя въ 14 школахъ, *вознаграждавшихъ учителя*, составляло около 84 руб. въ годъ; по открытіи совѣта, то-есть, въ 1868 году произошло значительное улучшеніе. Въ 16 русскихъ сельскихъ школахъ среднее жалованье учителя составляетъ 140 руб.; въ 29 русскихъ сельскихъ школахъ, считая русскія колоніальныя школы и школы греческихъ поселенцевъ, среднее учительское жалованье равняется 190 руб.; высчитывая отдѣльно среднее учительское жалованье для школъ греческихъ поселенцевъ, получимъ 227 руб. Сличая, наконецъ, жалованье учителю по одной сравнительной вѣдомости въ 16 школахъ за 1867 и 1868 годы, увидимъ, что съ открытіемъ училищнаго совѣта вознагражденіе учителямъ отъ 1.178 руб. дошло до 2.795 р., то-есть, увеличилось въ 2¹/₂ раза. Кромѣ денежнаго вознагражденія почти вездѣ учитель получаетъ отопленную квартиру и извѣстное количество хлѣба, обезпечивающее годовое существованіе семьи.

Такому улучшенію быта народныхъ учителей не можетъ не порадоваться всякій, сердцу котораго близокъ вопросъ о народной школѣ, хотя и нельзя сказать, чтобы ничего не оставалось болѣе желать; но мы до сихъ поръ приводили лишь средніе выводы, къ сожалѣнію ничего не прибавляющіе къ тѣмъ крайне скуднымъ средствамъ, которыми пользуются учителя до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Наименьшая цифра вознагражденія выпадаетъ въ этомъ году на долю одного изъ лучшихъ учителей III-го училищнаго участка, Л. Я. Роопа въ с. Александровѣ; на 60 руб. нельзя жить, а между тѣмъ сельское общество, вознаграждающее учителя, такъ малочисленно, что обложило себя весьма значительнымъ налогомъ, по 41 коп. отъ ревизской души, для того чтобы скопить и такое скудное вознагражденіе учителю. Какъ тутъ быть? Мнѣ кажется, что тутъ необходима помощь земства. Если невозможно, чтобы земство на свой

счетъ содержало всѣ сельскія училища, хотя онѣ и удовлетворяютъ не сословной, но общей земской потребности, то несомнѣнно найдутся средства пособить тѣмъ сельскимъ обществамъ, которыя не въ силахъ вознаградить хорошаго учителя, то-есть, могутъ лишь приглашеніемъ дешевыхъ наставниковъ толочь воду подѣ именемъ обученія дѣтей въ школѣ. Но какъ въ свою очередь опредѣлить, въ силахъ ли село платить приличное жалованье учителю, или нѣтъ? По моему мнѣнію слѣдуетъ просить земское собраніе постановить, что всякое сельское общество, которое ассигнуетъ на школу, кромѣ квартиры и провизіи, болѣе 40 коп. отъ ревизской души, въ правѣ получить отъ земства такую доплату, чтобы составилось, вмѣстѣ съ ассигновкою общества, жалованье учителю въ 150 руб. Такимъ образомъ земство открыло бы доступъ къ школѣ и малолюднымъ сельскимъ обществамъ, которыя иначе будутъ лишены ихъ на вѣки, поощрило бы расходы сельскихъ обществъ въ пользу школы, и не обременяя плательщиковъ, оказало бы содѣйствіе къ лучшему обезпеченію учителей, то-есть, къ улучшенію школъ. По этому разчету пришлось бы въ III-го училищномъ участкѣ доплатить за истекшій годъ только 10 руб. селу Благодатному и 90 руб. селу Александровкѣ. Обозрѣвая затѣмъ наименьшіе и наибольшіе учительскіе оклады, мы найдемъ, что изъ всѣхъ школъ ввѣреннаго мнѣ участка, не считая нѣмецкихъ, только въ двухъ преподаватель получаетъ менѣе 100 руб.; наибольшій окладъ въ русскихъ селахъ достигаетъ 270 рублей; наибольшій окладъ учителя въ школахъ греческихъ селеній равняется 375 руб., наибольшій окладъ русскаго учителя въ нѣмецкихъ колоніяхъ доходитъ до 800 руб. (онъ получаетъ плату отъ учениковъ). Оклады жалованья, полученные преподавателями ввѣреннаго мнѣ участка въ настоящемъ году, отнюдь нельзя считать послѣдними предѣлами, до которыхъ можетъ возрасти жалованье учителю, безъ увеличенія общественныхъ налоговъ, такъ какъ въ русскихъ селахъ осталось въ этомъ году отъ уплаты учителямъ 570 руб., а въ греческихъ 1.625 руб. училищныхъ денегъ. Принимая во вниманіе, что всѣ училища безвозмездно снабжаются отъ училищнаго совѣта учебными пособиями и что въ очень многихъ мѣстностяхъ, о чемъ я доложу ниже, при посредствѣ гг. попечителей и ихъ помощниковъ, стекаются добровольныя пожертвованія въ пользу школы, нельзя не прійти къ заключенію, что 70% означенныхъ остатковъ могутъ пойти на увеличеніе жалованья учителямъ, если только они оправдаютъ довѣріе обществъ. Въ истекающемъ учебномъ году нерѣдко случалось, что общество, приглашая учителя, сулило

ему прибавку на *будущій* годъ, если только онъ будетъ рачителенъ; случилось и такъ, что совѣтъ рекомендовалъ учителей на меньшее жалованье, чѣмъ назначало общество, такъ какъ въ данную минуту не находилъ человѣка *по деньгамъ*, которыми общество уполномочило совѣтъ располагать; многіе изъ такихъ преподавателей на столько усердно учились сами въ этомъ году, что теперь уже вновь договорились съ обществами за высшіе оклады жалованья.

До сихъ поръ говорили мы только объ учителяхъ въ русскихъ школахъ; заглянемъ опять въ нѣмецкія. Изъ 32 нѣмецкихъ учителей въ колоніяхъ—17 колонистовъ, 1 мѣщанинъ и 14 иностранцевъ. Наименьшій окладъ жалованья 38 руб., наибольшій окладъ 275 руб., при чемъ учитель обязанъ на свой счетъ нанимать помощника; средній окладъ жалованья около 88 руб. въ годъ, то-есть, на 52 руб. *меньше* средняго оклада въ русскихъ селахъ, на 102 руб. *меньше* средняго оклада всѣхъ сельскихъ русскихъ школъ III-го участка и на 139 руб. *меньше* того, что получали въ этомъ году преподаватели въ греческихъ школахъ, отдѣльно взятыхъ. Правда, что кромѣ денегъ, нѣмецкій учитель имѣетъ право пользоваться безвозмездно приблизительно шестью десятинами земли; но за то очень часто онъ не получаетъ провизіи, что составляетъ правило въ русскихъ селахъ, и кромѣ того нельзя не считать пользованія землею вознагражденіемъ не за учительскія, а писарскія обязанности; и въ русскомъ селѣ, чего Боже упаси, еслибъ учитель захотѣлъ быть писаремъ, то ему сейчасъ же заплатили бы сверхъ учительскаго жалованья почти вездѣ 100 руб., а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и гораздо больше. Предоставляю совѣту судить о томъ, на сколько обезпечена педагогическая сторона нѣмецкой школы при среднемъ жалованьи учителя въ 88 руб., въ особенности, если принять во вниманіе, что за эти деньги берутся преподавать въ колоніяхъ, — гдѣ рабочему часто платятъ до 100 руб., — иностранцы, на такое жалованье промѣнявшіе родину!

Но мы видѣли, что и въ русскихъ школахъ личный составъ преподавателей (мы опять не говоримъ объ исключеніяхъ) таковъ, что *будущность* школъ нельзя считать въ педагогическомъ отношеніи вполне обезпеченною; хорошо, если преподаватели III-го участка будутъ продолжать работать надъ собою, какъ они работали до сихъ поръ, — на это мы и надѣемся, — а если нѣтъ? Не мудрено поэтому, что всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о народныхъ училищахъ въ Александровскомъ уѣздѣ, мы съ сердечною скорбію вспоминаемъ о томъ, что уже болѣе *двухъ* лѣтъ тому назадъ наше земство ассигновало 2.000 руб. на от-

крытіе педагогическаго курса при уѣздномъ училищѣ, и до сихъ поръ вопросъ еще не рѣшенъ официальнымъ путемъ. Я увѣренъ, что совѣтъ благосклонно приметъ мою просьбу вновь войти съ ходатайствомъ объ этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что въ прошломъ сентябрѣ 1867 года онъ былъ уполномоченъ земскимъ собраніемъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ самостоятельно, совокупно съ уѣздною земскою управою, не затягивая дѣла выжиданіемъ очередныхъ сессій собранія. Если бы наконецъ это благое дѣло осуществилось, то одною заботой было бы меньше у тѣхъ, кто желаетъ поставить дѣло народнаго образованія на прочныхъ основаніяхъ.

Переходимъ къ обзору тѣхъ препятствій, которыя замедляютъ успѣхи въ нашихъ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Обстоятельства, замедляющія успѣхи начального образованія въ селахъ.

а) *Бѣдность сельскаго населенія.* Мы только отчасти могли коснуться этого вопроса въ статистической части отчета, во введеніи; теперь, кажется намъ, у мѣста отнести къ нему внимательно, такъ какъ онъ служитъ ключемъ въ разрѣшенію многихъ недоумѣній. Для тѣхъ, которые знаютъ, что у насъ нѣтъ и быть не можетъ пролетаріата, и которые изъ того, что каждый крестьянинъ у насъ ходитъ съ желудкомъ, болѣе или менѣе наполненнымъ, выводятъ, что большинство крестьянъ имѣютъ возможность посылать дѣтей въ школу *исправно и во всякое время*, обходясь безъ ихъ работы, — для такихъ лицъ есть у насъ фактъ въ вѣдомости, на который мы покорнѣйше просимъ обратить вниманіе. Въ греческомъ селеніи Комари въ 1867 году было всего 21 учащійся, а въ 1868 году у того же учителя собралось 88 учащихся, то-есть, число учениковъ увеличилось болѣе чѣмъ въ четверо. Правда, что школа значительно улучшилась и потому могла привлекать учащихся; но для такого увеличенія числа учащихся недостаточно одного улучшенія школы. Мѣстные жители разъяснили мнѣ этотъ вопросъ тѣмъ, что въ прошломъ году платили учителю каждый изъ отцовъ особо, а въ этомъ году *общество*, установивъ раскладку, ассигновало ему жалованье, а потому и *бѣдные* могли воспользоваться школою. Итакъ, въ греческомъ селѣ *большинство* крестьянъ небогаты; что же сказать о русскомъ селѣ, жители котораго надѣлены по 4 и по 8 десятинъ земли, а не по 20 десятинъ на душу, подобно Грекамъ, и притомъ платятъ въ 10 и въ 5 разъ болѣе Грековъ различныхъ государственныхъ, земскихъ и част-

ныхъ повинностей? Наконецъ, для того чтобъ и въ такомъ до очевидности ясномъ дѣлѣ не дать отвѣта безъ фактовъ, укажу на списокъ учениковъ Времьевской школы, о которой мнѣ придется упоминать не разъ, такъ какъ она мнѣ извѣстна ближе всѣхъ другихъ, какъ попечителю ея: оказывается, что изъ 32 учениковъ школы 21, то-есть, *два трети* такихъ, у которыхъ есть въ семьѣ не менѣе одного брата, старше ихъ самихъ, который не учится, а *работаетъ* дома. Итакъ, для того, чтобы послать дитя въ школу, крестьянинъ прежде всего спрашивается съ тѣмъ, будетъ ли кому работать дома. А если попадетъ бѣднякъ въ школу, то вотъ что происходитъ: изъ деревни Нескучной 9 мальчиковъ посѣщали чрезвычайно усердно Времьевскую школу за 1½ версты всю осень, въ невылазную грязь; съ наступленіемъ морозовъ, ученики объявили, что лучший ученикъ Мирошниченко не будетъ ходить, потому что у него нѣтъ кожуха, и старшина удостоверялъ меня въ томъ, что отцу не на что шить кожухъ сыну; если бы не смастерили кожуха, то школа лишилась бы *лучшаго* ученика, или онъ ходилъ бы только въ теплые дни, то-есть, изъ лучшаго ученика превратился бы по успѣхамъ въ худшаго. Попечитель Андреевской школы К. Р. Киселевъ передавалъ мнѣ слѣдующій случай. Уговаривая, по просьбѣ совѣта, родителей учащихся не брать дѣтей изъ школы до косовицы, онъ встрѣтилъ энергическія возраженія со стороны одного изъ крестьянъ, который ни подъ какимъ видомъ не рѣшился оставить сына въ школѣ съ наступленіемъ весны. На замѣчаніе попечителя, что сынъ его еще такъ малъ, что въ работу не годится, и что поэтому никто его не найметъ, отецъ отвѣчалъ, что за него денегъ не дадутъ, а кормить хлѣбомъ будутъ — дома кормить нечѣмъ. Наконецъ, приведу еще одинъ примѣръ: въ воскресной Времьевской школѣ, учрежденной мною, былъ въ числѣ учениковъ Сысой Хижаевъ, которому лѣтъ за тридцать; походивъ немного въ школу, онъ ее бросилъ и говорилъ затѣмъ рабочимъ, подобно ему служившимъ на винокуренномъ заводѣ: „Захотѣли учиться, а забыли, что ѣсть нужно; когда я вспомнилъ объ этомъ, тогда и бросилъ“. Краснорѣчивѣе того, какъ говорить сама нужда, сказать трудно. Для меня несомнѣнно, что приведенныхъ немногихъ фактовъ достаточно, для того чтобъ убѣдиться въ томъ, что бѣдность населенія составляетъ главную причину медленнаго распространенія начальнаго образованія въ народѣ; но та же бѣдность препятствуетъ и успѣшному ходу обученія въ школахъ, такъ какъ изъ-за нея неисправно посѣщаются училища.

б) *Неисправность посѣщенія школъ учениками.* Было время, когда

учитель, не радѣя о школѣ, всегда имѣлъ отговорку въ указаніи на то, что учащіеся крайне неисправно посѣщаютъ школу. Со вступленіемъ въ дѣло училищнаго совѣта, этихъ жалобъ почти не слышно въ III участкѣ: времена измѣнились. Во всякой школѣ есть училищный журналъ для ежедневной отмѣтки бывшихъ и не бывшихъ учениковъ; въ III училищномъ участкѣ мнѣ не случилось видѣть ни одного раза, чтобы не было сдѣлано отмѣтки въ журналѣ учителемъ, и вообще журналы велись правильно; но въ Маіорской школѣ произошла такая ошибка въ журналѣ, на которую стоитъ указать, для того чтобы предупредить возможность повторенія ея въ другихъ мѣстностяхъ: дѣти поступали въ эту школу разновременно, какъ и вездѣ, одинъ поступилъ 5-го октября, другой 25-го октября; противъ фамиліи послѣдняго, въ рубрикѣ для мѣсячнаго итога, учитель отмѣтилъ *пропущенными* ученикомъ всѣ учебные дни по 25-е октября, то-есть, по тотъ день, когда ученикъ только-что поступилъ въ школу. Ошибка тутъ очевидна, такъ какъ журналъ долженъ свидѣтельствовать лишь о томъ, сколько дней пропущено ученикомъ *со дня поступления въ школу*; но число учебныхъ дней, которыми пользовался ученикъ, можетъ быть опредѣлено, если изъ общаго числа учебныхъ дней, наступившихъ послѣ опредѣленія дитяти въ школу, вычесть число дней прогульныхъ. Тщательное изслѣдованіе училищныхъ журналовъ на мѣстахъ доказало мнѣ, что, говоря вообще, училища посѣщаются несравненно исправнѣе прежняго; чрезвычайно любопытно рѣшеніе самихъ учителей на педагогической бесѣдѣ о причинахъ неявки учениковъ. На учительской бесѣдѣ рѣшено, что та школа посѣщается исправно, гдѣ дѣтямъ весело и гдѣ дѣти любятъ учителя. Съ своей стороны, вполне присоединяясь къ этому мнѣнію преподавателей, я могу лишь присовокупить, что чѣмъ *лучше* школа, тѣмъ она лучше посѣщается. Не поразителенъ ли, напримѣръ, слѣдующій фактъ: въ Павловской школѣ пропущено учениками въ ноябрѣ мѣсяцѣ, до поступления учителя, рекомендованнаго совѣтомъ, 293 учебныхъ дня; въ январѣ же мѣсяцѣ, не смотря на неблагопріятныя климатическія условія, тѣмъ же числомъ учениковъ пропущено только 125 дней. Если почтенные сочлены мои не забыли того, что я сказалъ о неудачѣ совѣта въ Павловѣ, то приведенныя цифры могутъ удостовѣрить ихъ и въ томъ, на сколько *неудавшаяся* преобразованная школа, по результатамъ, выше того, что мы наслѣдовали. Приведу еще примѣръ: совѣту извѣстно, что въ греческомъ сел. Керменчувъ насъ также постигла неудача, и тамъ же я изъ 60 учениковъ не засталъ на лицо 20, а по

училищному журналу оказалось 7 такихъ учениковъ, изъ которыхъ каждый пропустилъ по 19 дней въ январѣ и столько же учебныхъ дней въ февралѣ. Второго подобнаго примѣра я не знаю въ III училищномъ участкѣ; въ параллель съ Керменчукской школой поставляю одну изъ лучшихъ въ участкѣ, о которой совѣтъ подробно узнаеть отъ члена совѣта Р. И. Гнѣдина, Времьевскую школу: въ ней за 3 мѣсяца на 34 учениковъ пропущенныхъ учебныхъ дней приходится только 90. Но откуда эти пропуски? „Дѣла чинить сапоги, козюхъ чинить, боленъ животомъ, боленъ лихорадкою, батька дѣла оставилъ“, — вотъ что мы слышали постоянно. А что дѣлается во Времьевской школѣ въ эту минуту? Изъ числа 34 учениковъ о 30 дана родителями подписка въ томъ, что дѣти будутъ посѣщать школу, не прерывая занятій на полевую рабочую пору, до косовицы; нужда однако сдѣлала свое, и изъ учениковъ, которые должны бы быть на лицѣ, посѣщаютъ школу только 20, а остальные 10 работаютъ въ полѣ; изъ числа 20, которыхъ мы считаемъ бывающими въ школѣ, многихъ удерживаютъ дома по нѣскольку разъ въ недѣлю. Мы упомянули о лихорадкѣ и о боли желудка, какъ о причинахъ неявки; но извѣстно, что не только болѣзнь, но и смерть находятъ наибольшее число жертвъ среди бѣднаго населенія, а потому неудивительны частые случаи заболѣванія среди дѣтей нашихъ сельскихъ школъ. Подводя итогъ всему сказанному, я прихожу къ слѣдующему заключенію: 1) хорошая школа посѣщается исправно, исправнѣе плохой, и 2) бѣдность еще на долго, быть можетъ, будетъ тормозить успѣхъ обученія въ школѣ, служа часто прямо, или косвенно, причиною неявки учениковъ. Мы уже не говоримъ о краткости періода обученія въ году, зависящей отъ тѣхъ же причинъ; но все-таки съ преобразованиемъ школъ совѣтомъ, училища посѣщаются несравненно исправнѣе прежняго въ III училищномъ участкѣ.

в) *Степень домашней подготовки учащихся.* Извѣстно, что чѣмъ просвѣщеннѣе сфера, окружающая *неучащагося* ребенка до поступленія въ школу, тѣмъ легче достаются ему занятія въ школѣ, и наоборотъ. Надобно стоять столь близко въ народу, какъ то вынадаетъ на долю члена училищнаго совѣта, для того чтобы повѣрить тому, что въ наши сельскія школы поступаютъ ученики, часто не знающіе, какъ ихъ зовутъ *по фамиліи* и никогда не знающіе, который имъ годъ. Кругозоръ ихъ необыкновенно тѣсенъ: мнѣ случилось во Времьевской школѣ спросить, что больше — сажень или аршинъ; и изъ 34-хъ учениковъ, большинство которыхъ старше 10-ти лѣтъ,

только два могли мнѣ отвѣтить на это, да и то не сказали, сколько аршинъ въ сажени. Въ Маіорской школѣ спросилъ я ученика лѣтъ 13-ти, еще не проходившаго упражненій Родного Слова, откуда берется желѣзо; онъ отвѣчалъ мнѣ на это, что оно съ неба падаетъ. Во всѣхъ безъ изыятія учебныхъ заведеніяхъ мужскихъ и женскихъ города Мариуполя ни одинъ ученикъ и ни одна ученица не знали, что такое „рѣпа“; въ среднемъ отдѣленіи Мариупольскаго приходскаго училища никому изъ русскихъ учениковъ не было извѣстно слово „почка“ (древесная). Все, все должна дать ученику школа: даже молитвъ не знаютъ дѣти, поступаая въ школу, и не у кого имъ выучиться, такъ какъ только весьма немногіе изъ взрослыхъ крестьянъ въ состояніи безошибочно, не коверкая, прочесть молитву Господню! Ученикъ поступаеть къ намъ, не обучавшись прежде, но слышавъ кое-что о школѣ; онъ слышалъ, что въ школѣ учать, то-есть, зубрять, и отецъ толкуеть ему, опредѣляя его, чтобъ онъ получше зубрилъ, тогда будетъ умный. Поступая съ такимъ понятіемъ о занятіяхъ въ школѣ, ученикъ въ первое время рѣшительно отказывается думать и силится работать лишь памятью; на бѣду его начинаютъ обучать по нашей звуковой методѣ, основанной на мышленіи и соображеніи — начинается разладъ между сферою, воспитавшею дитя, и школою, которая должна не только обучить, но перевоспитать его съ самаго начала. Вотъ сцена, которой я былъ свидѣтелемъ: на доскѣ было составлено изъ подвижныхъ буквъ слово „курка“ и ученикъ, изъ новичковъ, читалъ его медленно и протяжно; затѣмъ вызвали другаго ученика, но пока онъ успѣлъ подойти къ доскѣ, тамъ составили новое слово „доска“: только-что подошедшій ученикъ, еще не освоившійся съ тѣмъ, что въ школѣ нужно думать, и полагая, что его будутъ „учить“, сталъ водить пальцами по слову „доска“ и читать на распѣвъ, будто бы онъ звуки разбираеть, слово „курка“, вмѣсто „доска“; тогда его похвалили и сказали ему, чтобъ онъ лучше посмотрѣлъ на буквы и читалъ не спѣша: онъ прочелъ „доска“, а товарищи разсмѣялись. Случалось мнѣ и такъ: ученикъ прочитаетъ краткое предложеніе, я прошу его *разказать* мнѣ, что онъ прочелъ; ученикъ, глядя мнѣ въ глаза, произноситъ слово *въ слово* то, что онъ читалъ, но столь же медленно и такимъ тономъ, будто онъ читаетъ по книгѣ. Когда ученики Времьевской школы, въ которой были и вышеописанные случаи, окончили звуковую методу и взялись за книги, то я на слѣдующій день привезъ имъ три различныя книги и давалъ читать имъ изъ всѣхъ трехъ, такъ какъ

они были убѣждены, подобно отцамъ, въ томъ, что они научились пока читать лишь по одной книгѣ. На предложеніе купить Евангеліе взрослые ученики Времьевской воскресной школы отвѣчали, что они не знаютъ, „прочитають ли они въ той книжкѣ, такъ какъ они ее еще не читали“. Приводя столько примѣровъ, для того чтобы доказать, на сколько ученики мало подготовлены жизнью и на сколько они изъ дому начинаютъ убѣжденіемъ, что въ школѣ нужно зубрить, я не боюсь утомить вниманіе совѣта; мнѣ кажется, что слѣдуетъ какъ можно болѣе внушать преподавателямъ, что съ перваго дня поступленія дитяти онъ долженъ бороться съ его *наклонностію къ зубристикѣ* и принимать въ разчетъ, при всѣхъ бесѣдахъ съ учениками, какъ мало они подготовлены. Въ началѣ дѣла всякій ученикъ, ровно ничего не понявшій изъ того, что вы ему рассказывали, скажетъ вамъ, что онъ васъ понялъ; на повѣрку же выйдетъ, что онъ даже и не слушалъ васъ.

Говоря о школахъ III-го училищнаго участка и степени подготовленности поступающихъ въ нихъ дѣтей, нельзя не принять въ разчетъ того, что они говорятъ по малорусски и плохо понимаютъ обыкновенную русскую рѣчь. Если въ великорусскихъ селахъ, которыхъ очень мало въ Александровскомъ уѣздѣ, обучаютъ чтенію, то учатъ одному предмету; у насъ же, обучая грамотѣ, вы преподаете два предмета разомъ: вы знакомите ребенка съ процессомъ чтенія и обучаете его въ то же время обработанному литературой русскому языку; грѣшно было бы, если бы школа позволила себѣ не постараться о томъ, чтобы сельскому населенію сдѣлать доступнымъ языкъ образованныхъ классовъ общества; поэтому на изученіе образованной русской рѣчи въ нашихъ школахъ должно быть, по моему мнѣнію, обращено особенное вниманіе. Особенной похвалы въ этомъ отношеніи заслуживаетъ Покровская школа (учитель Н. Т. Станиславскій), гдѣ малорусскія дѣти, послѣ одной зимы обученія, стали довольно чисто говорить по русски. Для того чтобы показать, что это достигается не легко, я позволяю себѣ привести нѣсколько примѣровъ. Читалъ ученикъ: „вышла баба на поле жать и спрятала за кусты кувшинъ съ молокомъ; подобралась лиса“ и проч.; казалось бы, что трудно представить себѣ что-нибудь легче этой фразы, между тѣмъ всѣ подчеркнутыя нами слова учителю пришлось переводить на малорусское нарѣчіе, потому что дѣти ихъ не понимали. Въ другой разъ читаемъ мы, что „лиса имѣла досаду на журавля“; предполагая, что слова „имѣла досаду“ не могутъ быть поняты, я сталъ объяснять ихъ ученику различными при-

мѣрами и переводомъ и затѣмъ спросилъ его: „ну, чтò же ты читалъ про лису?“ „Пошла лиса до саду“, отвѣчалъ ученикъ. Итакъ, ребенокъ, вступая въ школу, не только не вноситъ въ нее никакихъ, самыхъ элементарныхъ понятій, но онъ не знаетъ того языка, на которомъ его будутъ обучать. Если это справедливо въ отношеніи къ русскимъ школамъ, то чтò же сказать о нѣмецкихъ и греческихъ?... Вы спрашиваете ученика, котораго школа уже научила понимать образованную русскую рѣчь: „хочешь читать?“ Онъ отвѣчаетъ вамъ: „хочешь“.

г) *Разновременное поступленіе учениковъ и чрезмѣрное накопленіе ихъ въ училищѣ.* Не требуетъ доказательствъ то, что пока большинство нашихъ крестьянъ такъ мало способны представить себѣ тѣ условія, которыя могутъ облегчить или увеличить труды дитяти въ школѣ; что они не въ состояніи обдумать, что нѣтъ возможности учителю изъ-за всякаго вновь поступившаго ученика начинать предметъ снова, задерживая всѣхъ. Вслѣдствіе такого положенія вещей, протекающаго отчасти изъ той же нужды, о которой мы говорили, крестьянинъ не думаетъ справляться о томъ, когда начинается курсъ ученія въ школѣ. Крестьянинъ заставляетъ сына работать дома до тѣхъ поръ, пока нужно, и по окончаніи работы вспоминаетъ о томъ, что есть на свѣтѣ школы и что не мѣшало бы сыну поучиться; одинъ крестьянинъ своего сына посылаетъ въ школу въ октябрѣ, другой въ январѣ, третій въ мартѣ.... Короче сказать, почти вездѣ ученики поступаютъ въ школу круглый годъ, и конечно, не на радость несчастному учителю, который долженъ заниматься чуть не съ каждымъ ученикомъ особо. Если учитель мѣсяцъ, или два, послѣ того, какъ состоялось главное поступленіе учениковъ въ школу, зайкнется сказать кому-нибудь изъ запоздавшихъ отцевъ, что ужъ теперь поздно принимать его сына, то крестьянинъ оскорбляется и доказываетъ учителю, что онъ, наравнѣ съ остальными односельцами, участвуетъ въ уплатѣ ему жалованья, а потому учитель *обязанъ* учить его сына. Учитель не споритъ долѣе и сажаетъ мальчика на лавку; но вотъ чтò изъ этого выходитъ. Въ Богатырской школѣ видѣлъ я младшее отдѣленіе, въ составъ котораго входили многіе мальчики, поступившіе послѣ новаго года *и ровно ничему* съ тѣхъ поръ не научившіеся. Въ Николаевкѣ (на Волновахъ), гдѣ обученіе новичковъ шло удовлетворительно, видѣлъ я ученика, который за цѣлый мѣсяцъ нахожденія въ школѣ не узналъ ни одного звука; поступи онъ въ-время, то онъ бы уже умѣлъ читать и писать. Въ Сиртанѣ, гдѣ обученіе шло очень хо-

рошо, видѣлъ я у учителя Мурафу трехъ мальчиковъ, которые поступили 20-го марта (!) и по 17-е апрѣля не узнали ни одной буквы. Родители относятся къ такой беззуспѣшности своихъ дѣтей совершенно равнодушно; они увѣрены, что въ томъ нѣтъ бѣды, если дѣтя просидитъ, скучая и тоскуя мѣсяца три въ школѣ, въ совершенной праздности: „пустъ дѣтя пріучается“, думаютъ они. Но еслибъ они только знали, какой они наносятъ вредъ дѣтяти, пріучая его ровно ничего не дѣлать и *скучать* въ школѣ! Разновременное поступленіе составляетъ такое зло, *противъ* котораго, мнѣ кажется, слѣдуетъ бороться совѣту со всей энергіей: вѣдь нельзя же учителю теперь, какъ бывало прежде, ткнуть всякому изъ учениковъ, когда бы онъ ни поступилъ, книгу въ руки, а самому уйти въ лавку побесѣдовать и угоститься. Преподаватели безсильны предъ сельскими обществами въ подобныхъ случаяхъ; никакія письменныя или печатныя увѣщанія совѣта, обращенныя къ сельскимъ обществамъ, также ни къ чему бы не повели: единственною надежною силой, на которую мы могли бы разчитывать, являются въ этомъ дѣлѣ гг. попечители школъ. Каждый изъ насъ имѣетъ на столько нравственнаго вліянія на сосѣднее сельское общество и начальство его, что при желаніи очень часто можно настоять на томъ, чтобы поступленіе учениковъ совершалось или разомъ, или хотя бы въ два пріема. За недѣлю до начала ученія сельскіе урядники обязаны оповѣстить о днѣ пріема, и затѣмъ въ назначенный день должно начаться ученіе съ тѣми мальчиками, которые явились; во Времьевской школѣ былъ допущенъ второй пріемъ не раньше того дня, когда ученики перваго пріема окончили звуковую методу и взяли за книги, и вообще въ этой школѣ только и было два поступленія учениковъ за всю зиму. Если на первый годъ кое-кто изъ родителей и разсердился бы на попечителя школы за то, что сына его не приняли какъ опоздавшаго, то такое *неудовольствіе* послужило бы лучшимъ доказательствомъ, что школа нужна и что на будущее время будутъ стараться поспѣшить въ нее съ дѣтьми вѣ-время. Только попечители могли бы спасти наши школы отъ разновременнаго поступленія учениковъ, и мнѣ кажется, что совѣтъ послужилъ бы дѣлу, если бы обратилъ ихъ вниманіе на этотъ предметъ. Родители изъ крестьянъ ни съ чѣмъ не справляются, помѣщая дѣтей въ школу! есть ли мѣсто, гдѣ сѣсть; когда началось ученье; который годъ дѣтяти, — имъ все равно. Что касается накопленія учащихся и безпощаднаго опредѣленія въ школу слишкомъ маленькихъ дѣтей, то я видѣлъ не мало примѣровъ, и особенно любопытенъ случай въ

Комарской школѣ. Вхожу въ эту школу и съ удивленію моему тотчасъ же при входѣ вижу ползающихъ дѣтей; всматриваюсь, и что же я вижу: 22 мальчика, за неимѣніемъ мѣста сидятъ на полу и пишутъ на полу мѣломъ подъ дигтовку, а между ними пробирается съ величайшимъ трудомъ, ставя въ опасность головы дѣтей, учитель. Попечитель Комарской школы, Владиславъ Адамовичъ фонъ-Шварцъ, которому школа много обязана своимъ исправленіемъ въ педагогическомъ отношеніи, не разъ убѣждалъ общество взять изъ школы дѣтей, которыхъ дѣвать некуда; но все было тщетно. Примѣры такого необыкновеннаго накопленія учащихся встрѣчаются и въ нѣмецкихъ колоніяхъ; такъ, въ Ней-Ямбургѣ, въ комнатѣ, имѣющей 7 аршинъ ширины и 9 длины, собираются на зиму 96 учащихся, и ими занимается (?) одинъ учитель! Въ Комарской школѣ замѣтилъ я мальчика, который поразилъ меня необыкновенно маленькимъ ростомъ; я подошелъ къ нему и хотѣлъ его обласкать, но учитель остановилъ меня, говоря: „осторожнѣе, онъ царапается, на дняхъ мнѣ не на шутку досталось“. Этому ребенку было всего 5-й годъ, и его послали въ школу не для того, чтобъ онъ учился, но потому что дома за нимъ некому смотрѣть; этого ребенка мнѣ удалось спасти: его исключили изъ школы, по моему требованію, не разъ повторенному.

Въ интересѣ здоровья дѣтей и въ интересѣ педагогическихъ результатовъ отъ школы, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, убѣдительнѣе просить гг. попечителей принять къ сердцу вопросъ о накопленіи учащихся въ школѣ. Еще пагубнѣе въ педагогическомъ отношеніи отзывается на школѣ разновременное поступленіе учениковъ; это обнаружится во всей полнотѣ, если мы теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію одного изъ важнѣйшихъ неудобствъ отъ неодновременнаго опредѣленія учениковъ въ школу, къ разсмотрѣнію раздѣленія нашихъ сельскихъ школъ на классы и отдѣленія.

д) *Раздѣленіе училищъ на множество классовъ, при одномъ учителѣ.* Въ нѣмецкихъ колоніяхъ, гдѣ законъ въ извѣстный день и часъ осенью замыкаетъ въ школу на всю зиму все населеніе колоніи отъ 7-ми до 15-ти лѣтъ, учащіеся правильно раздѣляются на *три* класса, изъ которыхъ 1-й смотритъ въ катихизисъ, 2-й смотритъ въ Евангеліе, а 3-й классъ смотритъ въ Библию. Въ русскихъ и греческихъ селахъ, напротивъ, отъ разновременности поступленія учениковъ происходитъ раздробленіе школы на множество отдѣленій, число которыхъ не остается неизмѣннымъ, но видоизмѣняется сообразно приливу и отливу учениковъ. Чтобы лучше пояснить, въ какое положеніе постав-

день при этомъ учитель, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Комарская школа раздѣлена на четыре отдѣленія: въ I (младшемъ) 54 ученика, прошедшихъ звуковую методу, и еще не бравшихся за книги; во II 8 мальчиковъ, окончившихъ методу и уже читающихъ по книгѣ; въ III—12 учениковъ, обучавшихся прежде по букварямъ и теперь читающихъ гораздо хуже дѣтей 2-го класса; въ IV отдѣленіи 14 учениковъ, уже прошедшихъ 4 дѣйствія ариѳметики и упражненія 1-й части „Роднаго Слова“. Итакъ, въ Комарской школѣ 4 класса, порученныхъ *одному* учителю. Изъ 88 учениковъ только 14 порядочно читающихъ и получившихъ понятіе о счетѣ. Чѣмъ *усерднѣе* учитель и чѣмъ болѣе озабоченъ онъ тѣмъ, чтобы никто изъ учениковъ не терялъ времени, тѣмъ болѣе классовъ въ школѣ; это доказываетъ Темрюкская школа, въ I-мъ, или младшемъ отдѣленіи которой числятся новички, поступившіе неграмотными въ школу въ теченіе этой зимы; въ 28-му апрѣля они всѣ читали и писали, но по успѣхамъ, *зависшимъ отъ времени поступленія въ школу*, раздѣлялись на три класса: 1-й могъ уже разказать читанное, написать маленькое сочиненіе и былъ знакомъ со всѣми упражненіями 1-й части Роднаго Слова; 2-й классъ того же отдѣленія прошелъ значительно меньше уроковъ изъ Роднаго Слова, чѣмъ первый; 3-й классъ того же отдѣленія еще болѣе отсталъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ остальныхъ классахъ градаціи опредѣляются количествомъ пройденнаго изъ ариѳметики: во II отдѣленіи 12 учениковъ, которые раздѣляются на два класса: 3 ученика прошли три дѣйствія, а 9 два дѣйствія ариѳметики; наконецъ, въ старшемъ, то-есть, III отдѣленіи Темрюкской школы опять два класса: въ первомъ 6 учениковъ прошли 3 дѣйствія ариѳметики, а 3 ученика прошли 4 дѣйствія ариѳметики; итакъ, всего въ Темрюкской школѣ семь классовъ, происшедшихъ отъ разновременнаго поступленія учениковъ и порученныхъ *одному* учителю, который достигъ хорошихъ результатовъ въ этомъ году только потому, что по усердію и неутомности могутъ съ нимъ поравняться немногіе, и что на собственный счетъ И. С. Волковъ нанялъ себѣ помощника. Вдумываясь въ составъ Комарской и Темрюкской школъ, легко придти къ заключенію, что при большей педагогической опытности преподавателей возможно было бы слить нѣкоторые классы другъ съ другомъ, и слѣдовательно, образовать меньшее число отдѣленій. Но допустимъ, что у учителя, безъ помощника, будетъ только три класса въ школѣ, правильно организованныхъ; достижимы ли и при такомъ составѣ школы надлежащіе успѣхи? Мы понимаемъ, что учитель не-

жетъ занимать два класса, и объяснимся въ слѣдующемъ пунктѣ параграфа обстоятельно объ этомъ; но что будетъ дѣлать 3-й классъ? Между тѣмъ почти всегда наши школы имѣютъ *не менѣе* трехъ классовъ, и сказать правду, не только вслѣдствіе одновременнаго поступления, но и потому что большинствомъ преподавателей не понято, на сколько количество классовъ вліяетъ на успѣхи учениковъ и на здоровье учителя. Намъ случилось видѣть даже школу новичковъ, *почти въ одно время поступившихъ*, которая къ 1-му февраля уже распалась на три отдѣленія по успѣхамъ учениковъ: я говорю объ Ивановской школѣ (учитель П. М. Михайловскій), гдѣ я засталъ, принимая въ расчетъ время обученія, образцовое старшее отдѣленіе изъ 12-ти учениковъ; но кромѣ того засталъ я въ этой школѣ среднее отдѣленіе изъ 10-ти учениковъ и младшее изъ 7-ми учениковъ; послѣднее было крайне плохо. Если существованіе средняго отдѣленія и находить себѣ нѣкоторое оправданіе въ томъ, что въ школѣ было мало книгъ, то значительная отсталость 7-ми учениковъ объясняется исключительно педагогическою неопытностью наставника, такъ какъ трудно себѣ представить, чтобы почти четвертая часть учащихся были дѣти до того неспособныя, что они должны были далеко отстать отъ своихъ товарищей. Такое заключеніе подтверждается, между прочимъ, сравненіемъ Ивановской школы съ Екатериновскою и Михайловскою. Г. Михайловскій обѣщать слить въ одинъ классъ учениковъ младшаго и средняго отдѣленія. Что это достижимо, доказывается тѣмъ, что по совѣту моему гг. Роопъ и Лобовъ въ Александровкѣ и Времьевкѣ образовали — первый изъ трехклассной двухклассную, а второй — изъ двухклассной одноклассную школы, не смотря на то, что у обоихъ ученики разбились на классы не потому, чтобы преподаватели дали отстать менѣе способнымъ отъ болѣе способныхъ, но только вслѣдствіе одновременности поступления учениковъ. Мнѣ кажется, что было бы крайне необходимо дополнить инструкцію совѣта преподавателямъ начальныхъ народныхъ училищъ указаніемъ на вышензложенныя обстоятельства, и кромѣ того, включить въ это дополненіе къ инструкціи всѣ тѣ полезныя совѣты, которые мы можемъ дать гг. преподавателямъ, на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ нами въ теченіе истекшаго года: нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что учитель, преданный своему дѣлу, со вниманіемъ прочтетъ и отчеты всѣхъ членовъ совѣта, гдѣ онъ встрѣтитъ не мало образцовъ, достойныхъ подражанія, и не мало предостерегающихъ примѣровъ.

е) *Неправильное распределение ежедневныхъ учебныхъ занятій.*

Сколько я ни всматривался въ распределение учебныхъ занятій въ сельскихъ школахъ, но нигдѣ не замѣчалъ я, чтобы учитель принималъ въ разчетъ количество классовъ, на которые раздѣлена школа. Почти нигдѣ не существуетъ росписанія учебныхъ предметовъ; но каждый учитель ежедневно преподаетъ тѣ же предметы и въ тѣ же самые часы, не принимая при этомъ въ разчетъ того, заняты ли *всѣ* отдѣленія школы, или занято только то отдѣленіе, къ которому онъ обращается въ данную минуту. Между тѣмъ, для успѣха дѣла требуется, во первыхъ, чтобы *всѣ учащіеся* въ школѣ были *непрестанно* заняты въ учебные часы и чтобы занятія ихъ *разнообразились*. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ошибочна система распределения занятій, господствовавшая этою зимой въ Мангушской школѣ: тамъ (я говорю о русскомъ отдѣленіи), какъ въ школѣ *одноклассной*, всѣ ученики были заняты; но тамъ же господствовала весьма оригинальная система однообразія занятій, которая только отчасти можетъ быть оправдана тѣмъ, что съ осени дѣти почти ни слова ни понимали по русски. Въ Мангушской школѣ прежде всего занялись обученіемъ письму, затѣмъ упражненіями Роднаго Слова, послѣ чтеніемъ и разказомъ изъ Роднаго Слова, далѣе добивались выразительности чтенія, и наконецъ, 19-го февраля приступили къ ариѳметикѣ: изъ ариѳметики пройдены 4 дѣйствія къ 20-му марта, но во все это время дѣти обучались собственно ариѳметикѣ не менѣе 5 часовъ въ день, точно также, какъ предъ ариѳметикой они по 5-ти часовъ въ день разказывали сказки и т. п.... Доказывать ошибочность такой системы распределения занятій, при которой сначала набьютъ оскомину дитяти одною наукой, а потомъ надоѣдаютъ ему другою, я считаю излишнимъ; по крайней мѣрѣ самъ преподаватель, многоуважаемый о. Ананія, съ первыхъ же словъ разговора нашего объ этомъ предметѣ отсталъ отъ введеннаго имъ распределения учебныхъ занятій. Итакъ, Мангушскій учебный день грѣшилъ тѣмъ противъ педагогики, что не разнообразилъ занятій; учебный день училищъ въ русскихъ селахъ грѣшилъ тѣмъ, что разнообразія занятія, не занималъ *всѣхъ* классовъ *постоянно*. Важный недостатокъ нашихъ учебныхъ заведеній вижу я еще въ томъ, что ежедневно повторялись въ школѣ всѣ изучаемые предметы, между тѣмъ какъ есть такіе учебные предметы, которыми слѣдуетъ заниматься два раза въ день, и есть такіе, которыми достаточно заняться два раза въ недѣлю. Однимъ словомъ, до сихъ поръ распределение занятій было крайне неправильно, и отсутствие роспи-

санія учебныхъ предметовъ,—которое являлось бы руководствомъ для учителя и помогало бы ему никого и ничего не упускать изъ виду, а налегая на одинъ предметъ обученія, не давать испариться другому, — значительно замедляло успѣхъ начальнаго обученія въ школахъ ввѣреннаго мнѣ участка.

Понятно само по себѣ, что одинъ учитель можетъ занимать *одно- временно* всѣ классы школы только при томъ условіи, чтобъ ихъ не было болѣе двухъ; если ихъ будетъ три, то весьма рѣдко придется преподавателю заниматься съ учениками, которые будутъ заняты по большей части сами. Понятно также, что разнообразіе учебныхъ занятій тѣмъ легче осуществить, чѣмъ больше число преподаваемыхъ предметовъ; на этомъ основаніи въ составленныхъ нами 8-ми росписаніяхъ учебныхъ занятій старались мы раздробить каждый предметъ на его доли, вслѣдствіе чего образуется значительное число предметовъ преподаванія. Мы считаемъ необходимымъ представить подробное описаніе составленныхъ нами росписаній, но предварительно желали бы объяснить, что побудило къ составленію ихъ. Кромѣ убѣжденія въ необходимости осуществить только-что указанныя нами педагогическія начала, *насъ просили о томъ многие изъ н. учителей*; это послѣднее обстоятельство мы считаемъ характеристическимъ симптомомъ времени. До открытія училищнаго совѣта *висѣло* росписаніе учебныхъ предметовъ на стѣнѣ каждаго штатнаго училища министерства государственныхъ имуществъ, но этимъ и ограничивалось его назначеніе; часто значились въ немъ предметы, не преподававшіеся въ школѣ, и что бы въ немъ ни значилось, никто съ нимъ не справлялся: росписаніе висѣло само по себѣ, а учитель дѣйствовалъ самъ по себѣ, иногда и ученики сами по себѣ. До открытія совѣта росписаніе учебныхъ предметовъ считалось лишь формальностію и не могло толковаться иначе, такъ какъ начальныя школы столь разнообразятся не только отъ села до села, но часто въ одномъ и томъ же селѣ отъ осени до зимы, что никто, *кромѣ самого преподавателя*, не можетъ составить такого учебнаго росписанія, котораго онъ могъ бы держаться въ данную минуту. Желая пользы дѣлу и сохраненія авторитета учрежденія, стоящаго во главѣ начальнаго образованія въ уѣздѣ, нельзя *навязывать* учителю какое бы то ни было учебное росписаніе. На этомъ основаніи я и предлагаю на выборъ гг. преподавателямъ восемь совершенно различныхъ росписаній, сообразно различнымъ степенямъ уровня знаній учениковъ; хотя я и старался предвидѣть по возможности большее число разнообразнѣй-

нихъ положеній сельской школы, но я отнюдь не думаю того, чтобы мною было исчерпано все разнообразіе случаевъ, встрѣчающееся на практикѣ. Ободряемый тѣмъ, что сами преподаватели сознали, что безъ строго обдуманнаго распредѣленія ежедневныхъ учебныхъ занятій, они затрудняютъ себя и задерживаютъ успѣхи дорогаго имъ дѣла, я позволяю себѣ надѣяться на то, что если бы совѣтъ обратилъ ихъ вниманіе на составленныя мною росписанія, то эти росписанія не остались бы мертвою буквой: при такомъ разнообразіи ихъ, какое предлагается учителямъ, нужно бы предположить въ наставникѣ особенную неспособность или необыкновенную лѣнь, для того чтобы онъ не сумѣлъ выбрать годное для его школы, или вѣдоумѣнить одно изъ предлагаемыхъ росписаній, сообразно тому, какиѣ предметамъ онъ можетъ обучать, приурочиваясь къ степени развитія вѣрренныхъ ему дѣтей. При этомъ обращая особенное вниманіе гг. учителей на то, что по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія учениковъ и неразлучнаго съ этимъ усложненія занятій учителя, преподаватель долженъ переходить отъ такого учебнаго росписанія, которое школа уже переросла, къ новому росписанію, приуроченному къ новому составу учебнаго курса.

Отпуская пока подробное объясненіе составленныхъ мною росписаній, я считаю необходимымъ сказать здѣсь только нѣсколько словъ о тѣхъ техническихъ выраженіяхъ, которыя въ нихъ встрѣчаются; новыя понятія требуютъ часто и *новыхъ* словъ. Такъ, въ росписаніяхъ говорится: 1) Объ „*игрѣ въ буквы*“; эта игра состоитъ въ томъ, что ученики, задумавъ про себя какое-либо слово, подбираютъ, незамѣтнымъ для другихъ образомъ, тѣ буквы, изъ которыхъ задуманное слово составлено; затѣмъ подобранныя буквы перемѣшиваются ученикомъ, который подаетъ кучу буквъ учителю или товарищу, прося его составить то слово, которое онъ задумалъ, и отъ котораго онъ называетъ отгадывающему только начальную букву, то-есть, первую букву того задуманнаго слова, буквы котораго лежатъ въ кучѣ предъ отгадывающимъ. 2) „*Скоротисью*“ мы называемъ всякое письмо, но не съ прописи и не подъ диктовку; подъ это выраженіе подходятъ, слѣдовательно, „сочиненіе словъ“, то-есть, писанье новичками перваго попавшагося слова, которое придетъ въ голову, и затѣмъ всѣ тѣ виды „сочиненій“, какіе только возможны на этой степеніи обученія. 3) „*Упражненіями Роднаго Слова*“ называемъ мы тѣ уроки 1-й части Роднаго Слова Ушинскаго, которые научаютъ ребенка распредѣлять различные предметы по разрядамъ; подробнѣе можно ознакомиться

съ характеромъ этихъ упражненій изъ образцовъ вопросовъ и отвѣтовъ, прилагаемыхъ нами къ отчету. 4) „Наглядное обученіе“ введено было въ русскія школы посредствомъ разговора о предметахъ, изображенныхъ на картинѣ: это будетъ подробно объяснено въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ этой главы. 5) *Выраженіе „звуковая метода“* означаетъ обученіе дѣтей чтенію и письму по звуковой методѣ.

ж) *Мелочныя матеріальныя нужды школы, легко устранимыя.* Въ Андреевской школѣ (учитель Зейдлицъ), удовлетворительные результаты которой заслуживаютъ особенной похвалы, такъ какъ преподаватель не участвовалъ въ педагогической бесѣдѣ, засталъ я новичковъ весьма вѣрно пишущими, но още плохо связывающими буквы съ буквой и ставящими буквы крайне неровно: это произошло исключительно отъ того, что въ школѣ не было бумаги и карандашей. То же самое видѣлъ я въ большой Михайловской школѣ, а въ Александровской не было досокъ для общей, звуковой диктовки. Въ Большомъ-Енисолѣ ученики старшаго класса могли писать не только подъ диктовку, но и сочиненія; но они не упражнялись въ этомъ исключительно изъ-за недостатка въ необходимыхъ для того принадлежностяхъ. Какъ часто почти во всѣхъ школахъ учитель терпитъ недостатокъ въ мѣлѣ, безъ котораго нельзя однако ступить и шагу при звуковомъ обученіи, такъ какъ ученики пишутъ обыкновенно мѣломъ подъ диктовку. Благодаря гг. попечителямъ школъ, всѣ эти мелочныя нужды, которыя имѣютъ однако важность мази на оси, удовлетворяются по первому заявленію о томъ попечителю; но иногда попечителя нѣтъ дома, или наступаетъ зимою такая распутица, что школа на цѣлыя недѣли разобщена съ своимъ попечителемъ, тогда школѣ частенько приходится страдать изъ-за неудовлетворенія ея грошевыхъ потребностей. Благодаря гг. попечителямъ школъ вездѣ есть, въ этомъ году, большая черная классная доска; только въ Новой Каракубѣ (попечитель Лефтори) видѣлъ я учителя, который, за неимѣніемъ классной доски, долженъ былъ прислонить къ печкѣ листъ кровельнаго желѣза.... Во многихъ нѣмецкихъ колоніяхъ еще не завели классной доски; будемъ надѣяться, что и тамъ рѣшатся на такое смѣлое *нововведеніе* — поставить въ школѣ классную доску, вмѣсто того, чтобы совершенно безъ нея обходиться или вѣшать ее надъ каедрой учителя на стѣну, такъ высоко, что ученикъ едва достаетъ ея при упражненіяхъ въ письмѣ или счетѣ.

Намъ казалось необходимымъ, приступая къ общему обзору школъ III-го училищнаго участка, прежде всего взвѣсить главнѣйшія изъ тѣхъ

препятствій, частью еще на долго неотвратимыхъ, которыя встрѣчаютъ усилія совѣта, гг. попечителей и наставниковъ поставить дѣло начальнаго обученія на ноги. Намъ казалось, что только сообразивъ все сказанное выше, возможно дать должную оцѣнку тому, что достигнуто работою совѣта и его сотрудниковъ за первый годъ существованія совѣта. Постараюсь обстоятельно доложить совѣту о положеніи преподаванія каждаго изъ предметовъ нашей программы въ начальныхъ народныхъ училищахъ ввѣреннаго мнѣ участка.

Баронъ Н. Корфъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

И Ч Е Л А,

Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Составилъ Н. Щербина. — С. - Петербургъ. 1869 года.—Изданіе 3-е, значительно дополненное и одобренное Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

[*.* Эта книга заключаетъ въ себѣ болѣе 250 статей съ 47 картинками, напечатанныхъ на 41 листѣ убористой и сжатой печати, въ большую 8-ю долю листа. — Вновь прибавлено 67 статей. — Всѣ экземпляры *въ переплетѣ*].

Цѣна 1 рубль 60 копѣекъ. Цѣна *съ пересылкою* 2 рубля серебромъ.

Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Этотъ сборникъ есть опытъ *антологіи для народнаго чтенія вообще и хрестоматіи для учащихся изъ народа*. Онъ можетъ служить настольною книгою, какъ систематическое собраніе матеріаловъ поучительнаго и занимательнаго чтенія, содѣйствующаго развитію нравственнаго чувства и народнаго самосознанія.

Въ немъ собраны статьи, представляющія, по мѣрѣ возможности, совокупностію своею—историческую, политическую ¹⁾, патриотическую, бытовую и нравственную сторону Русской жизни, образцы Русскаго языка и словесности и знакомство съ отечественными писателями.

---

¹⁾ Смотр., напримѣръ, статьи отъ страницы 280 по 287; отъ страницы 344 по 355; на стран. 361 и 362, 447 и 448; статью «*Замѣтки о Славянахъ*» (452—454) и нѣкоторыя другія, а также *примѣчанія* на стран. 362,—551,—554 и проч.

Въ подборѣ всѣхъ статей, составляющихъ „Пчелу“, проведена одна извѣстная идея, при извѣстномъ строѣ, связи и послѣдовательности въ расположеніи и содержаніи статей, изложенныхъ въ разныхъ, болѣе или менѣе, *непосредственныхъ* формахъ выраженія и заимствованныхъ изъ разныхъ періодовъ Русской литературы, въ строгомъ соображеніи съ назначеніемъ книги. Статьи, здѣсь собранныя и заключающія въ себѣ историческое, нравственно-практическое и духовно-нравственное содержаніе, проникнуты собственно *духомъ Русской народности и историческо-органическаго развитія, при народно-Русской политической идее, при общенародномъ взглядѣ на событія въ отечествѣ и на самый характеръ содержанія, требуемый отъ книги народомъ.*

Вообще же эта книга можетъ быть употребляема, какъ одно изъ учебныхъ пособій и для *учащихся всѣхъ сословій нашего общества*, въ видахъ вкорененія *русскихъ народныхъ началъ* въ воспитаніи и *національности* въ образованіи, а также и для *единенія съ народомъ* въ самомъ ученіи и чтеніи. — Направленіемъ настоящаго времени указывается потребность въ *одной общей* воспитательной книгѣ, на которой *равно* сходились бы какъ интеллигентные классы нашего общества, такъ и самъ народъ въ основномъ, обще-національномъ воспитаніи. Такимъ образомъ „Пчела“ представляетъ собою первоначальный опытъ, какъ *христоматія* для собственно *національнаго воспитанія.*

Точка отправленія въ подбору статей для этой книги была чисто *объективная*, что и слѣдуетъ быть, по мнѣнію составителя, въ подобныхъ случаяхъ, во избѣжаніе переходящихъ воззрѣній, временно-преобладающихъ направлений или увлеченій извѣстныхъ литературныхъ кружковъ въ данное время. Потому-то составитель, по возможности, старался черпать для своей книги изъ болѣе или менѣе *непосредственныхъ* матеріаловъ, которые могутъ предоставить полную свободу читателю въ духовномъ воспріятіи читаемаго, такъ какъ одна изъ главнѣйшихъ задачъ воспитанія состоитъ въ развитіи въ чело­вѣкѣ духовной самодѣтельности вообще и самостоятельности мышленія въ особенности: ибо всякій чело­вѣкъ на столько внутренней чело­вѣкъ, на сколько онъ мыслить самостоятельно.

Такъ какъ въ составленіи „Пчелы“ имѣлась въ виду по-преимуществу *воспитательная* цѣль, то составитель счелъ нужнымъ расширить *историческій* отдѣлъ книги и въ *древнихъ* періодахъ.¹⁾ на-

---

¹⁾ Для большаго же вѣянія духа и обрисовки характера *каждаго историческаго вѣка* Русской жизни, составитель, по возможности, бралъ въ свою книгу

шей жизни, опираясь между прочимъ, на эту мысль Гёте: „*Коль скоро мы всмотримся въ старину, съ твердымъ намъреніемъ изучить ее для собственнаго образованія и развитія, то въ насъ поселяется чувство, что мы только съ этого момента сдѣлались человекомъ*“.

Притомъ же, эта мысль имѣетъ извѣстнымъ образомъ свое оправданіе и въ самомъ коренномъ Русскомъ воззрѣніи, выразившемся въ народной пословицѣ: „*не роняй старь, — она новизну держитъ*“.

Не смотря на кажущуюся отрывочность большей части статей, необходимо обуславливаемую самимъ родомъ книги, всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ (при извѣстнаго свойства соображеніяхъ и приемахъ редакціи) цѣлостное, опредѣлительно-законченное, удовлетворяющее читателя содержаніе, сопровождаемое, гдѣ нужно, *примѣчаніями, замѣтками и изложеніемъ* отъ составителя, вкратцѣ, выпущенныхъ мѣстъ ¹⁾.

Относительно дальнѣйшаго разъясненія мысли, положенной въ основу составленія „Пчелы“, мысли, имѣющей въ виду органическое развитіе исторической жизни нашего отечества, духовныя стремленія нашей народности и ея прирожденныя политическія тяготѣнія и направленія, составитель считаетъ не излишнимъ указать, между прочимъ, на характеризующіе книгу отдѣлы и на нѣкоторыя статьи.

Въ „Русско-историческомъ“ отдѣлѣ:

1) Краткій историческій очеркъ „Русской словесности и нашего просвѣщенія вообще“ помѣщенъ въ тѣхъ видахъ, чтобы извѣстный классъ читателей могъ привести себѣ въ опредѣлительное сознаніе всю совокупность прочитаннаго въ „Пчелѣ.“ Это самая краткая исторія Русской литературы, выраженная общими мѣстами, существенными чертами и окончательно выработанными мнѣніями, необходимая для цѣльности научнаго и воспитательнаго значенія книги.

2) Разныя объяснительныя примѣчанія къ историческимъ статьямъ, имѣющія въ виду свойства и потребности извѣстнаго круга читателей „Пчелы“.

3) Содержаніе историческихъ статей, изображающихъ *всю существенныя мотивы и всѣ главныя или характеристическія событія нашей исторіи.*

4) Статьи историческаго содержанія, вмѣстѣ съ тѣмъ представляющія нравственныя, поучительныя примѣры добродѣтелей и гражданскихъ доблестей.

5) Статьи историческаго содержанія, въ которыхъ обозначаются характеристическія черты собственно Русской народности, съ духовно-нравствен-

наго мѣста или статьи изъ произведеній древней нашей словесности даннаго времени, такъ что въ „Пчелѣ“ каждый вѣкъ говоритъ *своимъ языкомъ.*

¹⁾ Составитель также изъ содержанія статей, заключающихся въ его книгѣ, устранялъ все фантастическое, легендарное или сверхъ-естественное, имѣя въ виду свойства и наклонности большей части своихъ читателей, или вообще среду, для которой назначена „Пчела“.

ной и внѣшней стороны, какъ напримѣръ, статья г. Погодина: „*Какъ умирали въ старину Русскіе люди*“ и тому подобныя.

Составитель „Пчелы“ иногда одно и то же важное историческое событіе представлялъ въ трехъ формахъ словеснаго его выраженія: сказаніемъ *этнописи*, сказаніемъ *народной пѣсни* и *изображеніемъ историка*; а также для большаго уясненія внутренней *идеи* какого-либо факта или для большей воспріимлемости со стороны читателя, образности и занимательности со стороны статьи онъ прибѣгалъ къ *художественнымъ* воспроизведеніямъ факта, какъ, напримѣръ, къ *стихотвореніямъ* и *мѣстамъ* изъ *беллетристическихъ сочиненій* въ прозѣ.

Въ отдѣлѣ: „*Бытовое*“ помѣщены статьи, знакомящія и сближающія читателей *не изъ прстонародья* съ бытомъ прстонародья, его характеромъ, интересами и вообще отношеніями въ сельской жизни и въ народѣ. Для читателей же собственно *изъ прстонародья* статьи этого отдѣла представляютъ практически-поучительное чтеніе — примѣры для подражанія, изъ его же среды взятые, или нормальные взгляды на житейскую нравственность и вообще на надлежащее поведеніе въ общественной и семейной жизни. Здѣсь принято также во вниманіе, кромѣ нравственнаго значенія, и художественное воспроизведеніе этой жизни, а также и побужденіе къ развитію стремленія къ просвѣщенію, какъ, напримѣръ, въ статьѣ: „*Семень Прокофьевичъ Власовъ*“.

Въ отдѣлѣ: „*Общеславянское*“ собраны историческія, бытовыя и нравственныя *народныя* сказанія Славянскихъ племенъ вмѣстѣ съ Великорусскими и Малороссійскими. При этомъ помѣщены статьи, замѣтки и стихотворенія, уясняющія внутренней, существенный смыслъ общеславянской идеи, ея нравственную для насъ обязательность, ея политическую необходимость и практически-жизненную пользу, вкорененіе и распространеніе чего въ массахъ Русскаго народа составляетъ одну изъ задачъ нашего такъ-называемаго, „національнаго воспитанія“. — Систематическая совокупность статей по Славянскому міру, являющаяся въ „Пчелѣ“ еще въ первый разъ у насъ находится въ „книгѣ для народнаго чтенія и обученія.“

Для *охарактеризованія* мысли, которою руководствовался составитель въ наборѣ содержанія этого отдѣла, не излишне упомянуть также о слѣдующихъ статьяхъ, хотя представляющихъ общія мѣста, но тѣмъ не менѣе невѣдомыхъ народу и необходимыхъ для его свѣдѣнія:

1) „*Замѣтки о Славянахъ*“, 2) „*Изъ письма о Славянахъ*“, 3) *Погодина* и 3) „*Изъ чтенія о Славянахъ*“, его же и т. п.

Кромѣ этого, можно упомянуть здѣсь о тропаряхъ изъ молебна Кириллу и Меодію, о Молитвѣ Господней на разныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ и о *народной Русской этикѣ*, выбранной составителемъ „Пчелы“ изъ многочисленныхъ пословицъ и поговорокъ, на основаніи общихъ положеній, выработанныхъ наукою нравственной философіи.

Что касается „*Духовно-нравственнаго*“ отдѣла, то въ немъ составитель собралъ статьи: а) *нравственно-практическія*, представляющія назиданія, авторитетныя поученія, примѣры добра, христіански-нравственный взглядъ на предметы, отношенія и поступки, — словомъ, статьи, способныя развивать такъ-называемое, *чуждое чувство* и б) статьи *православно-религіознаго*

содержанія, проводящія религіозныя правила и принципы въ самыя человѣческія дѣйствія, поступки, въ самую жизнь Христіанскую. При этомъ составитель, въ извѣстныхъ случаяхъ, имѣлъ еще въ виду статьи, направленныя противъ характеристическихъ нравственныхъ недостатковъ, проявляющихся въ особенности въ Русскомъ народѣ. Словомъ, весь этотъ отдѣлъ составленъ: 1) изъ статей практически-нравственнаго содержанія, 2) религіозно-нравственнаго содержанія, 3) священно-географическаго и 4) церковно-историческаго содержанія, при чемъ имѣлись въ виду коренныя основы, стремленія и историческія цѣли *Русской народности*.

Вообще же статьи „Духовно-нравственнаго“ отдѣла „Пчелы“ имѣютъ содержаніемъ своимъ или *практическую нравственность*, основанную на Христіанскомъ ученіи или, такъ-сказать, историческую постановку религіозной идеи.

Судя по количеству, содержанию статей и характеру „отдѣловъ“ „Пчелы“, на эту книгу можно смотрѣть какъ на *цѣлую библіотеку* извѣстнаго рода, заключающуюся въ одномъ томѣ убористой и сжатой печати.

Такъ какъ „Пчела“ назначается главнымъ образомъ для взрослога грамотнаго простонародья, то очевидно, въ этотъ кругъ входятъ и *солдаты*, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время успѣшно дѣйствуютъ учрежденныя въ каждомъ батальонѣ и эскадронѣ школы грамотности.

Для наглядности при чтеніи, въ книгѣ помѣщены *картинки*, изображающія народно-историческія памятники или предметы, близкіе Русскому человѣку, притомъ еще въ одномъ мѣстѣ приложены и *ноты* пѣнія.

Мы внесли въ нашу книгу только извѣстные роды содержанія, въ томъ соображеніи, что уже съ другой стороны и своимъ путемъ изданы и издаются для народа книги въ *учебномъ* изложеніи, какъ православно-догматическаго, такъ чисто-историческаго и реального содержанія, болѣе или менѣе приспособленныя къ внутреннимъ и внѣшнимъ средствамъ народа и его современнымъ потребностямъ.

Эта книга названа „Пчелою“, чтобы сохранить нѣкоторымъ образомъ преданіе и преемство, такъ какъ въ древней, до-Петровской Руси подобнаго рода сборники назывались „Пчелами“.

Н. Щербина.

С.-Петербургъ. 2-го декабря 1868 года.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Извлеченія изъ журнала Ученаго Комитета Мнистра Народнаго Просвѣщенія, 15 апрѣля 1868 года—№ 201.

....Отъ увеличенія объема книги новымъ матеріаломъ, объяснительными указаніями и другими замѣтками нисколько не пострадало

ея внутреннее значеніе. Напротивъ, дополненія и перемѣны, сдѣланныя г. Щербиной, съ большою полнотою и опредѣлительностію выказываютъ какъ идею, лежащую въ основаніи „Пчелы“, такъ и предположенную, сообразно съ основною мыслию, цѣль сборника. Достоинство этой идеи и цѣлесообразность содержанія уже были рассмотрѣны мною ¹⁾ въ декабрьской книжкѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ на 1867 годъ, при разборѣ Русскихъ хрестоматій, (въ отдѣлѣ: „Наша учебная литература“). То же самое, подробнѣе и обстоятельнѣе изъясняется самимъ составителемъ сборника въ „Докладной Запискѣ“, приложенной въ его прошенію въ Ученый Комитетъ.

„Цѣль книги“, говорится въ Докладной Запискѣ, „была, именно, собрать въ стройномъ видѣ и послѣдовательной совокупности, изъ всѣхъ періодовъ развитія Русскаго языка и словесности, матеріалы для чтенія, въ видахъ извѣстнаго политическаго, нравственно-практическаго и духовно-нравственнаго воспитанія въ основномъ духѣ и коренныхъ началахъ Русской народности“.

А при выборѣ такого матеріала для чтенія, который вѣренъ духу и исторически-органическому развитію жизни Русскаго народа, книга, назначаемая для народнаго чтенія вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ для употребленія при народномъ обученіи, можетъ быть съ большою пользою употреблена, „какъ одно изъ учебныхъ пособій и для учащихъ всѣхъ сословій нашего общества, собственно въ видахъ вкорененія Русскихъ народныхъ началъ въ воспитаніи и національности въ образованіи, а также и для возможнаго единенія и сопрягосновенія съ народомъ въ самомъ ученіи и чтеніи“.

Таковъ взглядъ г. Щербины на составленный имъ сборникъ,— взглядъ, оправдываемый, какъ вѣрностію и общепользительною идеи, принятой имъ въ основаніе труда, такъ и достоинствомъ содержанія, цѣлесообразнаго, нигдѣ не отступающаго отъ руководительнаго начала. Книга его, составленная съ цѣлію упроченія Русскихъ народныхъ и историческихъ началъ, выработанныхъ вѣками въ разныхъ сферахъ нашей жизни, дѣйствительно можетъ внушать и распространять эти начала, столько же въ домашнемъ чтеніи, сколько и въ чтеніи классномъ, при разборѣ статей подъ руководствомъ учителя.

Ученый Комитетъ, принимая во вниманіе, съ одной стороны, цѣль сборника г. Щербины, вполне заслуживающую одобренія и поощренія,

¹⁾ Членомъ Ученаго Комитета А. Д. Галаховымъ.

а съ другой — отличное выполненіе идеи, принятой имъ въ основаніе этого труда, полагалъ: 1, одобрить сборникъ г. Щербины „Пчела“ къ употребленію въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, въ видѣ учебнаго пособія, и 2, рекомендовать ее для раздачи въ награду ученикамъ уѣздныхъ и начальныхъ народныхъ училищъ, а также ученицамъ женскихъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

КНИГОПРОДАВЧЕСКІЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.

Въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ № 4-й.
Въ Казани, на Воскресенской улицѣ, въ домѣ Апакова.
Въ Варшавѣ, на Новомъ Свѣтѣ, въ домѣ подѣ № 1245.

ПРОДАЮТСЯ:

Очеркъ практической педагогики. Руководство для педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій. Соч. Д—ра Диттеса, директора учительской семинаріи въ Готѣ. Переводъ подѣ редакцію І. Паульсона. Изд. Д. Е. Кожанчикова. XVI. 348 стр. Спб. 1869 года. Цѣна 1 руб. съ пересылкою. **Содержаніе:** *Общій обзоръ:* Опредѣленіе педагогики, какъ науки; отрасли знанія, входящія въ составъ педагогики. — *Физическое воспитаніе:* Введеніе; питаніе, дыханіе и холя вожи; движеніе и покой, отправленія нервовъ и внѣшнихъ чувствъ; болѣзни. — *Обзоръ духовной жизни.* — *Умственное воспитаніе:* педагогическія соображенія; общая дидактика; общая методика. — *Воспитаніе сердечное и эстетическое.* — *Нравственное воспитаніе:* Введеніе; основаніе нравственнаго міросозерцанія и регулированіе склонностей; руководство волею и поступками. — *Религіозное воспитаніе.* — *Воспитаніе какъ цѣлое.*

Общественное воспитаніе въ Россіи. О. Уманца. Дрезденъ 1867 г. Экземпляры безъ вырѣзокъ и перемѣнъ. Цѣна 1 руб. **Содержаніе:** Лицеи и Университеты. — Задача университетскихъ экзаменовъ. — Церковь и воспитаніе. — Уставъ гимназій и прогимназій 1864 года.

Курсъ общей педагогики, съ приложеніемъ П. Юркевича. Москва 1869 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Первая учебная книжка. Классное пособіе при обученіи письму, чтенію и началамъ роднаго языка; съ рисунками и прописями. Состав. І. Паульсонъ, 170 стр. Спб. 1868 г. Цѣна 20 коп. Содержаніе: Букварь для совмѣстнаго обученія письму и чтенію: Гражданская рукопись и печать; церковная печать. Наглядное изображеніе первыхъ 10 чиселъ. Книжка для чтенія и упражненія въ языкъ (статья въ прозѣ и стихахъ). Между дѣтьми. Между взрослыми. Между животными. Въ природѣ. Молитвы и законоученіе (церковно-славянское чтеніе).

Способъ обученія грамотѣ по первой учебной книжкѣ І. Паульсона. (Объясненіе для преподавателя), 81 стр. Спб. 1868 г. Цѣна 25 коп. При покупкѣ 10 экземпляровъ „Первой учебной книжки“ одинъ экземпляръ этого объясненія выдается даромъ.

Листы буквъ большаго размѣра. Со всѣми употребительными знаками пренинанія. Пособіе класснаго обученія грамотѣ, посредствомъ подвижныхъ буквъ. Изд. І. Паульсона. Цѣна за 5 листовъ, составляющихъ экземпляръ, 30 коп.

Практическое руководство къ изученію русской стенографіи по началамъ Штольце, изложенное въ строго постепенныхъ упражненіяхъ І. Паульсономъ и Мессеромъ; двѣ части съ стенографическими таблицами. Спб. 1868 г. Цѣна 80 коп.

О преподаваніи русской литературы. В. Стоюнина, изд. 2-е. Спб. 1868 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Учебникъ русской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній, часть І-я, русская и церковно-славянская этимологія., сост. Поливановымъ. Изд. 2-е исправленное. Москва 1869 г. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Практическая славянская грамматика, съ примѣрами и упражненіями на правила древне-славянскаго языка, новаго церковнаго и древне-русскаго лѣтописнаго. Сост. В. Водовозовъ. Спб. 1868 г. Цѣна 70 коп.

Высшій курсъ русской грамматики, В. Стоюнина. Изд. 2-е. Спб. 1868 г. Цѣна 55 коп.

Греческая грамматика. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Москва 1868 г. Цѣна 80 коп.

Латинская грамматика, содержащая упражненія на правила этимологіи и синтаксиса, латинскую хрестоматію, латинско-русскій и русско-латинскій словари, составл. по Кюннеру съ дополненіями Кремера.

2 части. Изд. 2-е. Москва 1868 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. Отдѣльно часть I-я 85 коп. и часть II-я 65 коп.

Русскій міръ. Для чтенія и упражненія въ русскомъ языкѣ дома и въ училищѣ. А. Иванова, 2 тома. Москва 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Руководство къ физикѣ. Для гимназій съ 762 политипажамми. Сост. Малининъ и Буренинъ. Москва 1868 г. Цѣна 3 руб.

Учебникъ физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній съ политипажамми и литографированною таблицею. Сост. К. Краевичъ. Изд. 2-е, 2 выпуска. Спб. 1868 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Учебникъ для перевода съ греческаго языка на русскій и съ рускаго на греческій Шенкеля, обработанный для русскихъ гимназій Кремеромъ. М. 1868 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Курсъ сферической тригонометріи. Сост. Гертомъ, для среднихъ учебныхъ заведеній. Москва 1868 г. Цѣна 60 коп.

Учебникъ нѣмецкаго языка Олендорфа съ ключемъ. Перев. съ послѣдняго французскаго изданія съ примѣчаніями Э. Кейзера. Москва 1869 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

У КНИГОПРОДАВЦА Д. О. ФЕДОРОВА.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

Краткій учебный курсъ Географіи Россійской Имперіи, составленный Яковомъ *Кузнецовымъ*. 5-е изданіе, исправленное и дополненное по послѣднимъ свѣдѣніямъ. Спб. 1869 года. Цѣна 30 коп. Книга принята въ руководство въ духовныхъ училищахъ.

Бесѣды о природѣ, книга для чтенія, въ селахъ и деревняхъ, въ которой разсказывается о землѣ, солнцѣ, звѣздахъ, растеніяхъ, и животныхъ, съ рисунками, составилъ Н. *Зобовъ*. Удостоена Комитетомъ грамотности 2-й преміи, Спб. 1868 года. Цѣна 40 коп.

Есть ли гдѣ конецъ свѣту? Чтеніе изъ географіи съ картою земнаго шара, изданіе 4-е съ дополненіями. Спб. 1868 года. 2 части. Цѣна 75 коп.

СОДЕРЖАНІЕ
СТО СОРОКЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшій рескриптъ.

Императорскому С.-Петербургскому университету . . . . . СТРАН.
27

Указы правительствующему сенату.

О назначеніи 1) члена государственнаго совѣта, состоящаго членомъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Павла *Муханова* председателемъ упомянутой комиссіи. и 2) вице-директора департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Гирта* директоромъ сего департамента 28

Высочайшія повелѣнія.

1. 30-го сентября 1868 года. О порядкѣ подчиненія Варшавскихъ мужской и женской русскихъ гимназій 1
2. 4-го декабря. О присвоеніи Саратовскому высшему нѣмецкому училищу наименованія Александро - Маріинскаго. . . . . —
3. 4-го декабря. Объ учрежденіи въ городѣ Скопинѣ, Рязанской губерніи, втораго двухкласснаго приходскаго училища съ наименованіемъ „Николаевскимъ“ 2
4. 10-го и 19-го декабря. О новой формѣ одежды учениковъ гимназій и прогимназій . . . . . —

5. *26-го декабря.* О присвоеніи Одесской женской гимназіи наименованія „Марининской“ 4
6. *26-го декабря.* О наименованіи женскаго второразряднаго въ г. Лугѣ училища „Маринскимъ, учрежденнымъ въ память 13-го сентября 1868 года“ . . . . . —
7. *26-го декабря.* Относительно приѣма въ гимназіи инородцевъ не-христіанъ губерній Европейской Россіи . . . . . —
8. *26-го декабря.* О дозволеніи поставить въ церкви Симбирской гимназіи образъ св. Алексія въ память спасенія жизни Великаго Князя Алексія Александровича 5
9. *26-го декабря.* О дозволеніи поставить въ актовомъ залѣ Керченской гимназіи портреты министра народнаго просвѣщенія и попечителя Одесскаго учебнаго округа . . . . . —
10. *16-го января 1869 года.* Объ упраздненіи уѣздныхъ училищъ въ городахъ Конниѣ и Лишно, и объ открытіи въ городахъ Ломжѣ, Кѣльцахъ и Замостьѣ трехъ четырехклассныхъ женскихъ прогимназій 29
11. *16-го января.* О распространеніи дѣйствія Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1867 года правилъ на русскихъ Галичанъ, принявшихъ русское подданство и служащихъ въ Варшавскомъ учебномъ округѣ 30
12. *17-го января.* Объ учрежденіи С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества . . . . . —
13. *24-го января.* Объ учрежденіи при С.-Петербургскомъ университетѣ ста стипендій, по триста руб. въ годъ каждая, съ присвоеніемъ этимъ стипендіямъ наименованія „Императорскихъ“ . . . . . —
14. *3-го февраля.* Объ учрежденіи при Московскомъ университетѣ преміи, съ наименованіемъ оной „премією перваго президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи Григорія Ефимовича Щуровскаго“ 31
15. *3-го февраля.* Объ учрежденіи при Харьковскомъ университетѣ преміи, съ наименованіемъ оной премією Сергія Заруднаго 32
16. *3-го февраля.* О непримѣненіи п. 4 § 46 Высочайше утвержденаго 18-го іюня 1863 года общаго устава университетовъ къ баллотированію приватъ-доцентовъ . . . . . —
17. *3-го февраля.* О постановкѣ въ актовомъ залѣ Немировской гимназіи портрета бывшаго митрополита Литовскаго и Виленскаго Іосифа 33

18. 3-го февраля. Объ учрежденіи при С.-Петербургскомъ университетѣ преміи съ наименованіемъ оной „Топчибашевскою преміей“	33
19. 6-го февраля. Объ учрежденіи при С.-Петербургскомъ университетѣ стипендіи, съ наименованіемъ оной „Нарышкинскою“	34
18-го февраля. Всеподданнѣйшій адресъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета	35

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

30-го декабря 1868 года № 25	6
3-го февраля 1869 года № 2	36
8-го февраля № 3	36

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

17-го января 1869 года	6
8-го февраля	37

Министерскія распоряженія.

1. 27-го января 1869 года. Уставъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества	38
2. 4-го февраля. Уставъ Филологическаго Общества	43
3. 7-го февраля. Положеніе о Топчибашевской преміи, выдаваемой за сочиненіе по административнымъ наукамъ	46
4. 9-го февраля. О взиманіи въ Бѣлостокской гимназіи платы за ученіе по двадцати рублей съ ученика	47
5. 9-го февраля. Циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія начальствамъ учебныхъ округовъ, по новоду обезпеченія содержаніемъ училищъ въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ	—
6. 9-го февраля. Правила для присужденія преміи перваго президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи Григорія Ефимовича Щуровскаго	50
7. 15-го февраля. Уставъ Общества Естествоиспытателей при университетѣ св. Владимира	52
8. 15-го февраля. Циркулярное предложеніе начальникамъ учебныхъ округовъ о своевременномъ представленіи учебными	

заведеніями денежныя отчетовъ на ревизію мѣстныхъ контрольныхъ палатъ	57
9. 15-го февраля. О взиманіи въ Таганрогской гимназіи платы за ученіе по тридцати рублей съ ученика	58
Приказы министра народнаго просвѣщенія.	
11-го января 1869 года № 1	8
3-го февраля № 2	59
9-го февраля № 3	—
Постановленія совѣта министра народнаго просвѣщенія.	
Засѣданіе 13-го декабря 1868 года	10
Распоряженія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.	
О составленной Н. Зобовымъ книгѣ, для чтенія въ селахъ и деревняхъ: „Бесѣды о природѣ“	23
О нѣкоторыхъ книгахъ, изданныхъ А. Ситенскимъ-Селявинымъ	60
О составленныхъ В. Новаковскимъ „Разказахъ о Ломоносовѣ“ .	61
Объ „Указатель мѣръ предосторожности отъ пожаровъ“ Лукина	—
Объ „Учебномъ атласѣ по русской исторіи“ А. Добрякова .	—
О „Практическомъ руководствѣ къ изученію элементарныхъ правилъ нѣмецкаго языка“, Рага	—
О „Собраніи сочиненій русскихъ писателей (I Соч. Ломоносова)“	—
О „Разказахъ изъ исторіи русской церкви“ гр. М. Толстаго .	—
О „Сборникѣ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры“, составл. Ф. Бычковымъ	62
О 2-й и 3-й частяхъ учебника французскаго языка, Гемиліана	—
О „Подномъ собраніи сочиненій Д. В. Веневитинова“	—
Объ „Энеидѣ Виргилія“, въ переводѣ І. Шершелевича	—
Объ „Учебномъ атласѣ А. Ильина“	—
О соч. свящ. М. Морощкина: „Иезуиты въ Россіи“	—
О „Руководствѣ для преподаванія нѣмецкаго языка въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій“, Ганнемана	—
Официальныя извѣщенія	23 и 63

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

СТРАН.

Александръ Ивановичъ Галичъ, бывшій профессоръ филосо- фiи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. <i>А. В. Никитенко</i>	1
Татарское нашествiе. <i>М. П. Погодина</i>	101
Неперѣшленный вопросъ. <i>И. В. И. Ламанскаго</i>	122
Политическая реформа и социальное движенiе въ древней Греци въ периодъ ея упадка, (IV и V). <i>В. Г. Васильевскаго</i> . 164 и 364	
Война Россiи съ Швецеiей въ 1788 — 1790 годахъ. (I и II). <i>А. Г. Брикнера</i>	291
Воспоминанiе о Степанѣ Петровичѣ Шевыревѣ. <i>М. П. Пого- дина</i>	395

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Наша учебная литература.

О нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ русской грамматики. <i>И. Блжлевскаго</i>	1
По поводу новой грамматики языка русскаго г. Богородиц- каго. <i>А. Некрасова</i>	7
Послѣднее слово г. Богородицкому. <i>Н. Завьялова</i>	31
Греческая грамматика для учениковъ 3-го класса (изд. Лицея Цесаревича Николая). <i>Н. Н. Куликова</i>	52
<i>S. Julii Caesaris Commentarii de bello civili</i> . Изд. <i>П. Н. Р. А. Фохта</i>	66

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФIЯ.

Кириллъ и Меѳодiй во французскомъ сочиненiи Лежера. <i>П. А. Лаэровскаго</i>	203
<i>Die Lehre vom russischen Accent</i> , von Dr. L. Kayssler. <i>Я. К. Грота</i>	233
Историко-филологическiя изслѣдованiя К. Люгебиля. Часть 2. Архонтство и стратигiя въ Аѳинахъ во время Персидскихъ войнъ. <i>В. В. Бауэра</i>	256
Объ ученыхъ трудахъ профессора Д. А. Хвольсона. <i>К. А. Коссовича</i>	259
Исторiя русской словесности, древней и новой. Соч. А. Гала- хова. Т. II. Первая половина. <i>Я. К. Грота</i>	476
Обозрѣнiе русскихъ журналовъ (I. Исторiя)	496

Новости иностранной ученой литературы (I. Лингвистика. II. Классическая филология. III История. IV География)	509
Славянскія матицы и ученые дружба <i>А. Будиловича</i>	459
Извѣстія о дѣятельности русскихъ учебныхъ обществъ и учреждений.	266 и 453
Указатель вновь вышедшихъ книгъ на русскомъ языкѣ	278 и 543

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Интересы народнаго просвѣщенія въ Варшавскомъ учебномъ округѣ.	1
По поводу назначенія отъ министерства нѣкоторыхъ профессоровъ въ университетъ св. Владимира	24
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ, б) гимназій, в) женскихъ училищъ и г) низшихъ училищъ.	27 и 218
Отчетъ о начальныхъ народныхъ училищахъ III-го училищнаго участка Александровскаго уѣзда за 18 ⁸⁷ /88 учебный годъ. (I и II). <i>Барона Н. А. Корфа</i>	101 и 292
Очеркъ народнаго образованія въ Британской Индіи. <i>Е. А. Теохтистова</i>	161

Редакторъ **А. Георгиевскій.**

GENERAL LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA—BERKELEY

RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

4 Mar '55 TF

JUN 22 1956 L

STORAGE
ANNEX

26 AUG '63 DBE

REC'D LD

AUG 13 1963

LD 21-100m-1,'54(1887s16)476

858188

L451
A4
v. 141

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

